ПК
5
К64
Кони А.Ф.
"На
жизненном
пути"
-2-
СПб., 1912.

ПК
S
1
К64

К33
5
107

А. Ѳ. КОНИ.

НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ.

ВЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.
1912

Государств. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
3155.33

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 3155
„17" III 1933 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ГЕЙДЕНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ воспоминаній.

		стр.
I.	Левъ Николаевичъ Толстой	3
II.	По поводу драматическихъ произведеній Толстого	57
III.	Тургеневъ.—Достоевскій.— Некрасовъ.— Апухтинъ.— Писемскій	77
IV.	Александръ Ивановичъ Чупровъ	138
V.	Василій Осиповичъ Ключевскій	170
VI.	«Вѣстникъ Европы»	193
VII.	Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ	234
VIII.	Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ	261
IX.	Памяти Д. А. Дриля	284

Публичныя чтенія.

I.	Пироговъ и школа жизни	293
II.	Памяти Тургенева	315
III.	Великій Князь Константинъ Николаевичъ	354
IV.	Иванъ Александровичъ Гончаровъ	381
V.	Константинъ Карловичъ Гротъ	406
VI.	Два судебныхъ оратора	416
VII.	Памяти Якова Григорьевича Есиповича	430

Въ Верхней Палатѣ.

I.	Старообрядческія общины	443
II.	Переходъ въ другія исповѣданія	467
III.	Снятіе духовнаго сана	491
IV.	Попечительства о народной трезвости	511

стр.
V. Объ упраздненіи тотализатора 553
VI. Народный университетъ Шанявскаго 563
VII. Уравненіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ 582
VIII. Законопроектъ объ авторскомъ правѣ 595
IX. Условное досрочное освобожденіе 619
X. Отмѣна существующаго обряда преданія суду . . . 635
XI. Отмѣна прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ 670
XII. Объясненіе присяжнымъ угрожающаго подсудимому наказанія 676
XIII. Увеличеніе содержанія судебнымъ чинамъ 688
XIV. Мѣстный судъ 695
XV. Землеустройство и кассація 707
XVI. Штаты Министерства Путей Сообщенія 712
XVII. Ассигнованіе на флотъ 719
XVIII. Финляндія и общегосударственные законы 726
XIX. Запросъ о примѣненіи 87 ст. Зак. Основныхъ 739

Дополненія.

I. Совѣщаніе о составленіи Устава о печати 751
II. Памяти И. И. Шамшина 783
III. Къ открытію памятника доктору Гаазу 789

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Напечатано въ 1907 году).

I.

Большинство путешественниковъ, посѣщающихъ Швейцарію, конечно, знаетъ высокую гору на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, съ которой, на высотѣ 6.000 футовъ, открывается удивительный видъ на лежащую внизу равнину, изрѣзанную желѣзными дорогами,—на поэтическій Люцернъ,—на зеленовато-голубыя озера, обрамленныя гордыми скалами, и на цѣпь Альпъ Бернскаго Оберланда. Величественнымъ блистаньемъ ихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ при восходѣ солнца ѣздятъ спеціально любоваться, проводя для этого ночь на вершинѣ Риги, въ гостиницахъ, устроенныхъ на площадкѣ, именуемой Риги-Кульмъ.

Раннее утро и холодный воздухъ большой горной высоты заставляютъ обыкновенно всѣхъ ежиться и кутаться, быть хмурыми и скупиться на слова, покуда внезапно брызнувшіе лучи восходящаго солнца не заблистаютъ на алмазныхъ коронахъ окружающихъ гигантовъ и не вызовутъ выраженій общаго и шумнаго восхищенія. Не разъ наслаждался этой незабываемой

картиной и я, ожидая, среди собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта туристовъ, торжественнаго момента, когда надъ сгустившимся въ долинахъ и ущельяхъ туманомъ и предразсвѣтными тѣнями весело загорятся и заблистаютъ снѣжныя выси. У всѣхъ въ это время на устахъ, да, вѣроятно, и на умѣ, бывало одно и то же, потому что надъ всѣмъ личнымъ господствовала одна общая мысль о томъ, что должно вотъ-вотъ произойти... Но когда я посѣтилъ Риги-Кульмъ въ послѣдній разъ лѣтомъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, произошло нѣчто необычное. Собравшіеся въ очень раннее утро на вершинѣ обмѣнивались оживленными вопросами и замѣчаніями, въ которыхъ сквозила несомнѣнная тревога по поводу чего-то, что должно было неминуемо, къ общей печали, свершиться. Это *что-то* было напечатанное въ вечернихъ газетахъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ Толстой, бывшій въ это время тяжко боленъ, находится въ безнадежномъ состояніи, и что ежечасно надо ожидать его кончины. И люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ странъ,—нѣмцы, англичане, испанцы и, въ особенности, американцы были удручены однимъ и тѣмъ же. Ихъ, предъ восходомъ вѣковѣчнаго свѣтила, тревожила мысль о томъ, что быть можетъ, въ это время уже закатилось духовное свѣтило, лучами котораго столь многіе, чуждые ему по языку и по племени, надѣялись освѣтить запросы неудовлетворенной души и смущеннаго сердца. И послѣ великолѣпнаго зрѣлища,—заставившаго нѣкоторыхъ, безъ сомнѣнія, почувствовать то, что чувствовалъ Кантъ, созерцая звѣздное небо, — за раннимъ завтракомъ продолжались разговоры о Толстомъ, при чемъ, узнавъ, что я русскій (и на этотъ разъ единственный въ отелѣ), многіе обращались ко мнѣ съ вопросами о томъ, знаю ли я его лично, и можно ли вѣрить газетному извѣстію,—и далеко не одно простое любопытство слышалось въ ихъ словахъ.

Судьба, обыкновенно жестоко лишающая нашу родину выдающихся ея сыновъ въ самомъ расцвѣтѣ ихъ силъ, едва они успѣютъ расправить свои крылья во всю мѣру своихъ способностей, на этотъ разъ была необычно милостива и сохранила намъ Толстого еще на нѣсколько лѣтъ. Приближается восьмидесятилѣтіе его жизни, и онъ еще творитъ, какъ бы оправдывая могущій

быть примѣненнымъ къ нему стихъ покойнаго Жемчужникова:

Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Душевныхъ силъ запасъ великъ!

Къ этому дню, отъ предполагавшагося юбилейнаго чествованія котораго онъ отказался по такимъ трогательнымъ, глубокимъ и задушевнымъ основаніямъ, появится множество статей съ оцѣнкой творчества и дѣятельности, личности и значенія «великаго писателя земли русской». Представить вѣрную и подробную его характеристику, какъ писателя и дѣятеля, однако очень трудно. Онъ еще живетъ среди насъ, онъ слишкомъ еще вплетенъ своими твореніями въ нашу ежедневную дѣйствительность, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ объективно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство русскихъ развитыхъ людей—не ослѣпленныхъ безсильной по отношенію къ нему злобой и умышленнымъ непониманіемъ—можетъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «сей старецъ дорогъ намъ, онъ блещетъ средь народа...», и потому трудно говорить о немъ совершенно безпристрастно.

Вотъ почему простыя воспоминанія о встрѣчахъ съ нимъ могутъ оказаться болѣе своевременными, давая посильный матеріалъ для будущаго историка и критика. Этотъ матеріалъ будетъ представлять собою нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ кусочковъ мозаики, самихъ по себѣ не имѣющихъ цѣны, но въ своей совокупности, въ рукахъ искуснаго мастера, дающихъ возможность создать цѣльную, продуманную и гармоническую картину. Желая дать нѣсколько такихъ кусочковъ, я рѣшился записать настоящія свои воспоминанія о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Львомъ Николаевичемъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ нимъ, мнѣ хочется сказать два-три слова о томъ взглядѣ на Толстого, который предшествовалъ нашему личному знакомству, двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, и остался у меня неизмѣннымъ до сихъ поръ.

Соединеніе глубины проницательнаго наблюденія съ высокимъ даромъ художественнаго творчества отражается во всѣхъ произведеніяхъ Толстого и даетъ рядъ незабываемыхъ типическихъ образовъ. Будучи вполнѣ *національнымъ* писателемъ по

мастерскому умѣнію освѣщать бытовыя явленія народной жизни,—давая, какъ никто до него, понимать ихъ внутренній смыслъ и значеніе, онъ въ то же время былъ всегда и прежде всего вдумчивымъ изслѣдователемъ человѣческой души *вообще*, независимо отъ условій мѣста и времени. Его сочиненія—это цѣлыя эпопеи, въ которыхъ индивидуальная жизнь его героевъ сплетается съ жизнью и движеніями массы. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на его «Севастопольскіе разсказы» и на его удивительную по замыслу и исполненію «Войну и миръ», въ которыхъ индивидуальное и общественное начала идутъ рядомъ, взаимно дополняя и освѣщая другъ друга. Глубокая наблюдательность Толстого—которую отнюдь не надо смѣшивать съ острой проникновенностью психологическаго анализа Достоевскаго—даетъ ему возможность въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ жизни и въ дѣйствіяхъ самыхъ разнородныхъ людей подмѣтить и изобразить стороны или черты, ускользающія во вседневной жизни отъ взора читателя. И послѣдній остается пораженнымъ ихъ знаменательною правдивостью, иногда впервые увидавъ воплощеннымъ въ яркихъ художественныхъ образахъ то, что онъ много разъ на своемъ вѣку *видѣлъ*, но никогда сознательно не *замѣчалъ*.

На всѣ человѣческія отношенія отозвался Толстой,—и что бы онъ ни изображалъ,—вездѣ и во всемъ звучитъ голосъ неотразимой житейской правды. Онъ самъ, въ одной изъ первыхъ повѣстей своихъ, развертывая яркую картину одновременнаго проявленія въ группѣ людей, призванныхъ на защиту Севастополя, высокихъ порывовъ человѣческаго духа и низменныхъ сторонъ человѣческой природы, опредѣлилъ задачу и основное свойство своего творчества. «Тяжелое раздумье одолѣваетъ меня,—говоритъ онъ.—Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобъ не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, которое не надо взбалтывать, чтобы не испортить его. Гдѣ въ моей повѣсти выраженіе зла, котораго надо избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно

подражать? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны. Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго стараюсь вопроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — *правда*».

Но не одному *изображенію правды* посвятилъ Толстой свой могучій талантъ. Онъ — даже въ ущербъ интересамъ литературы и объему своего художественнаго творчества—отдался *искапію правды*. Эта вторая сторона его дѣятельности не менѣе значительна, чѣмъ первая. Безтрепетною рукою всегда стремился онъ—въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, сказкахъ, разсказахъ и повѣстяхъ, въ своихъ философскихъ и этико-политическихъ сочиненіяхъ—снять обманчивые и заманчивые покровы съ житейской и общественной лжи, въ чемъ бы эта ложь ни проявлялась—въ теоріяхъ и практикѣ, въ традиціяхъ и учрежденіяхъ, въ обычаяхъ и законахъ, въ условной морали и безусловномъ насиліи. Взывая къ *внутреннему человѣку*, призывая его «совлечь съ себя ветхаго Адама», онъ страстными и убѣжденными страницами стремится доказать, что «царство Божіе» зиждется на вѣчныхъ потребностяхъ и запросахъ человѣческой души, независимо и даже вопреки тѣмъ условіямъ, въ которыя хочетъ ихъ поставить извратившееся въ своихъ стремленіяхъ человѣческое общежитіе. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отдѣльными его положеніями или сильно сомнѣваться въ возможности ихъ цѣлесообразнаго осуществленія на практикѣ, но нельзя не отнестись съ горячимъ уваженіемъ къ писателю, который не удовлетворяется заслуженною славой великаго художника, а стремится всею силою своего таланта служить разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ жизни, во имя и съ цѣлью уменьшенія страданій и господства дѣйствительной, а не формальной только справедливости.

Ко всѣмъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью или возникающимъ въ глубинѣ души, начиная съ вопроса о семьѣ и воспитаніи и кончая отношеніемъ къ смерти, Толстой подходитъ съ глубокой вѣрой въ нравственную отвѣтственность человѣка предъ Пославшимъ его въ міръ, съ убѣжденнымъ словомъ о необходимости духовнаго самоусовершенствованія, независимо отъ поли-

тическихъ формъ, среди которыхъ приходится жить. Онъ будитъ совѣсть, ставя ее — и ее одну — верховнымъ судьей жизни, побужденій и дѣятельности человѣка. Что бы ни писалъ Толстой — онъ обращается къ голосу, живущему въ тайникахъ человѣческой души, и, дѣйствуя страстнымъ словомъ или яркими образами, блещущими правдивостью, заставляетъ этотъ голосъ звучать настойчиво и долго. Этимъ, конечно, объясняется популярность его имени и трудовъ далеко за границами Россіи и то вниманіе, которое возбуждаетъ въ себѣ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ каждое его, даже незначительное по объему произведеніе.

II.

Въ ясное теплое утро 6-го іюня 1887 года я сѣлъ на станціи Ясенки, Московско-Курской желѣзной дороги, въ присланную за мною рессорную телѣжку и направился въ Ясную Поляну. Я ѣхалъ туда по любезному и настойчивому приглашенію Александра Михайловича Кузминскаго, который, будучи женатъ на сестрѣ графини Толстой, Татьянѣ Андреевнѣ Берсъ (авторшѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ разсказовъ изъ народнаго быта), жилъ въ тѣ годы каждое лѣто въ Ясной Полянѣ. Онъ былъ моимъ преемникомъ по званію предсѣдателя петербургскаго окружного суда, и у него въ домѣ я слышалъ удивительное чтеніе А. А. Стаховичемъ-отцомъ «Власти тьмы», чтеніе, всецѣло захватившее присутствовавшихъ и взволновавшее собравшееся свѣтское общество изображеніемъ глубокой драмы въ средѣ, гдѣ предполагалось, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, все простымъ, несложнымъ и грубо-обыденнымъ. Тамъ же пришлось уже мнѣ самому читать «Крейцерову сонату» — и иногда останавливаться отъ внутренняго волненія, сообщавшагося и слушателямъ этого удивительнаго произведенія, съ которымъ слѣдовало бы настоятельно знакомить всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь.

Есть произведенія, оказывающія властное вліяніе на все

міросозерцаніе, когда они своевременно воспринимаются молодою душою. Если вѣрно замѣчаніе, что въ смыслѣ характера «дитя есть отецъ взрослаго», то въ смыслѣ политическихъ и общественныхъ идеаловъ очень часто юноша—отецъ будущаго дѣятеля. Недаромъ великій нѣмецкій поэтъ напоминаетъ юношѣ о необходимости, ставъ взрослымъ мужемъ, относиться съ уваженіемъ къ «снамъ своей молодости», а Гоголь восклицаетъ: «забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!»

Такою книгою въ годы моей ранней молодости было превосходное произведеніе Лабулэ: «Парижъ въ Америкѣ», содержавшее въ себѣ, въ увлекательномъ изложеніи и отчасти въ фантастической формѣ, цѣлый катехизисъ политической, общественной и даже, во многихъ отношеніяхъ, частной жизни. Такимъ можетъ и долженъ являться разсказъ Позднышева, способный установить чистый и облагородить уже установившійся взглядъ на отношенія къ женщинѣ и въ то же время заставить молодого человѣка очень и очень призадуматься предъ бракомъ, заключаемымъ у насъ столь часто съ легкомысленною поспѣшностью при полномъ, подъ вліяніемъ плохо прикрытой чувственности, забвеніи о налагаемыхъ имъ нравственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ создаваемой «на скорую руку» семьѣ.

Чувство смущенія и нѣкоторой досады на себя владѣло мною, покуда я ѣхалъ среди милыхъ картинъ средне-русской природы. Я зналъ, что увижу Льва Толстого,—и не мелькомъ только, какъ было въ 1863 г. въ Москвѣ, въ гимнастическомъ заведеніи на Большой Дмитровкѣ,—проживу подъ одной съ нимъ кровлей два или три дня и узнаю его ближе, — и эта-то именно неизбѣжность короткаго знакомства и вызывала во мнѣ нѣкоторое недовольство на свою поспѣшную готовность откликнуться на приглашеніе въ Ясную Поляну. Я по опыту зналъ, что знаменитыхъ или вообще пользующихся извѣстностью людей лучше знать издали и рисовать себѣ ихъ такими, какими они кажутся по своимъ дѣяніямъ и писаніямъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ не разъ

приходилось убѣдиться, что «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Конечно, каждый разъ въ такомъ случаѣ приходилось легко находить широкія «смягчающія обстоятельства», но я предпочелъ бы не видѣть такихъ сторонъ въ жизни и личныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, которыя шли въ разрѣзъ съ составившимся о нихъ отвлеченнымъ, восторженнымъ или умиленнымъ представленіемъ. Вотъ и теперь, думалось мнѣ, я увижу человѣка, предъ глубиной таланта, предъ искренностью и глубокой наблюдательностью котораго я издавна привыкъ преклоняться, и, быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, увезу съ собою другой образъ съ столь часто встрѣченными мною въ другихъ отталкивающими чертами самолюбованія, недоброжелательнаго отношенія къ товарищамъ по оружію и фанатической нетерпимости къ чужимъ убѣжденіямъ. Особенно въ послѣднемъ отношеніи тревожила меня встрѣча съ Толстымъ. Его мнѣ часто рисовали ярымъ спорщикомъ и человѣкомъ, не допускавшимъ несогласія со своими этическими или религіозными взглядами, а я не люблю спорить, давно уже раздѣливъ убѣжденіе, что мнѣнія людей, создавшіяся самостоятельно, похожи на гвозди: чѣмъ сильнѣе на нихъ давить, тѣмъ глубже они входятъ. Соглашаться же безусловно и быть лишь почтительнымъ слушателемъ мнѣ не хотѣлось.

Проѣхавъ сквозь обветшалую каменную ограду въѣзда въ Ясную Поляну, я остановился у флигеля, въ которомъ жилъ А. М. Кузминскій. Было еще очень рано. Лишь черезъ часъ— пришелъ мой гостепріимный хозяинъ и увелъ меня на длинную прогулку, а затѣмъ, уже въ десятомъ часу, всѣ обитатели Ясной сошлись за чайнымъ столомъ на воздухѣ подъ развѣсистыми липами, и тутъ я познакомился со всѣми членами многочисленныхъ семействъ Толстого и Кузминскаго. Во время общаго разговора кто-то сказалъ: «а вотъ и Левъ Николаевичъ!» Я быстро обернулся. Въ двухъ шагахъ стоялъ одѣтый въ сѣрую холщевую блузу, подпоясанную широкимъ ремнемъ, заложивъ одну руку за поясъ и держа въ другой жестяной чайникъ, Гомеръ русской «Иліады», творецъ «Войны и мира». Двѣ вещи бросились мнѣ прежде всего въ глаза: проницательный и какъ бы колющій

взглядъ строгихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось больше пытливой справедливости, чѣмъ ласкающей доброты, — одновременный взглядъ судьи и мыслителя,—и необыкновенная опрятность и чистота его скромнаго и даже бѣднаго наряда, начиная съ какой-то свѣтло-коричневой «шапоньки» и кончая самодѣльными башмаками, облекавшими бѣлые носки. Толстой чрезвычайно просто привѣтствовалъ меня и, наливая себѣ въ чайникъ кипятокъ изъ самовара, тотчасъ же заговорилъ объ одномъ изъ дѣлъ, по которому я въ концѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдательствовалъ и которое вызвало въ свое время много горячихъ споровъ и ожесточенныхъ толковъ. Его манера держать себя, лишенная всякой аффектаціи, и содержательность всего, что онъ говорилъ, въ связи съ искренностью тона, какъ-то сразу сняли между нами всѣ условныя и невольныя преграды, почти всегда сопровождающія первое знакомство. Мнѣ почувствовалось, какъ будто мы давно уже знакомы и лишь встрѣтились послѣ продолжительной разлуки. Послѣ чаю мы пошли гулять втроемъ, но Толстого постоянно останавливали различныя лица изъ домашнихъ и изъ окрестныхъ жителей, такъ что въ первый день я могъ болѣе ознакомиться съ его обстановкой, чѣмъ съ нимъ самимъ.

Жизнь въ Ясной Полянѣ въ это время отличалась большой регулярностью, и, если можно такъ выразиться, разумнымъ однообразіемъ. Всѣ, и въ томъ числѣ Левъ Николаевичъ, вставали для деревни довольно поздно, около 9 часовъ утра. До 11 продолжалось питье чаю, иногда въ нѣсколько пріемовъ, въ виду того, что въ Ясной одновременно жили дѣти, молодежь, взрослые и старики. Въ 11 часовъ Левъ Николаевичъ шелъ къ себѣ, читалъ почту и газеты и принималъ посѣтителей, которые наѣзжали въ Ясную ежедневно. Одни приносили дѣйствительно измученное сердце, терзаемое какимъ-нибудь роковымъ вопросомъ, отвѣта на который они жадно ждали отъ Толстого; другіе, преимущественно иностранцы, безкорыстное, но подчасъ назойливое любопытство; третьи—тщеславное намѣреніе имѣть основаніе похвастаться разговоромъ съ «великимъ писателемъ земли русской»; четвертые являлись просто просителями денежной помощи, представлявшими изъ себя цѣлую гамму отношеній

къ хозяину Ясной, начиная отъ застѣнчивой скромности и кончая напускною развязностью, иногда граничившею съ вымогательствомъ; пятые — корыстную любознательность репортеровъ и интервьюеровъ, которая сквозила въ «безпокойной ласковости» ихъ взгляда, какъ будто перелагавшаго, въ быстромъ соображеніи, каждую слышанную фразу или предметъ обстановки въ то или другое количество печатныхъ строчекъ. Толстой сносилъ ихъ всѣхъ безъ благодушной и услужливой чувствительности или безразличнаго сочувствія, но терпѣливо и, гдѣ нужно, съ серьезнымъ участіемъ, а жена его, Софья Андреевна, нерѣдко простирала на пріѣзжихъ свое хлѣбосольное гостепріимство. Къ часу всѣ собирались завтракать, и вслѣдъ затѣмъ Левъ Николаевичъ уходилъ къ себѣ, запирался и становился невидимъ для всѣхъ до пяти часовъ, когда онъ выходилъ пройтись по деревнѣ и по парку послѣ усиленнаго труда за письменнымъ столомъ. Въ 6 часовъ всѣ обѣдали сытно и вкусно, при чемъ хозяину подавались блюда растительной пищи. Полчаса послѣ обѣда проводилось на террасѣ, выходящей въ садъ, за питьемъ кофе и куреньемъ. Пріѣзжали знакомые изъ Тулы, приходили деревенскія дѣти, чтобы играть подъ руководствомъ дѣтей Льва Николаевича или бѣгать съ криками нескрываемаго восторга на гигантскихъ шагахъ. Левъ Николаевичъ слушалъ дѣтскій шумъ и хохотъ, обмѣнивался короткими фразами съ окружающими и... курилъ папиросу самодѣльной работы! Тогда онъ еще позволялъ себѣ эту «слабость». Послѣ 7 часовъ все общество поднималось и подъ его предводительствомъ совершало обширную, болѣе чѣмъ двухчасовую прогулку. Въ это время, то отставая отъ всѣхъ, то ихъ опережая, Левъ Николаевичъ велъ оживленную бесѣду съ кѣмъ-либо изъ гостей или разсказывалъ что-либо той манерой, о которой я скажу ниже. Около половины десятаго всѣ возвращались къ самовару, простоквашѣ и легкимъ закускамъ, и начиналась непринужденная общая бесѣда, иногда прерываемая желаніемъ послушать пѣніе молодежи, которая исполняла хоромъ цыганскія пѣсни или знакомила насъ съ мѣстными «частушками», вытѣсняющими, къ несчастію, старую русскую пѣсню. Левъ Николаевичъ весело улыбался, прислу-

шиваясь къ тому, какъ молодые голоса выводили: «Били-били въ барабанъ по всѣмъ городамъ», «Конфета моя леденистая, полюбила меня — молодца раменистаго», «Наше сердце не картошка — его не выбросишь въ окошко», «Дайте ножикъ, дайте вилку — я зарѣжу свово милку», «Стоитъ миленькій дружочекъ — съ выраженіемъ лица» и т. п. Около полуночи всѣ расходились.

Все это происходило въ обширномъ флигелѣ, уцѣлѣвшемъ отъ сгорѣвшаго когда-то большого дома. На всемъ виднѣлись слѣды былого прочнаго довольства и зажиточности. Но все — и обстановка, и стѣны, и двери, и лѣстницы—было сильно тронуто временемъ и, очевидно, давно не знало эстетическаго ремонта. Мебель была старая, хотя и довольно удобная, но въ небольшомъ количествѣ. Нигдѣ не было никакихъ признаковъ роскоши и чего-либо похожаго на разныя bibelots и petits-riens, которыми полны наши гостиныя, а развѣшанные безъ всякой симметріи по стѣнамъ портреты предковъ довольно угрюмо выглядывали изъ старыхъ и мѣстами облѣзлыхъ рамъ.

Когда въ первый вечеръ, простившись, я просилъ показать мнѣ дорогу во флигель, занимаемый Кузминскими, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что я помѣщенъ на жительство въ его рабочей комнатѣ внизу, и пошелъ меня туда проводить. Это была обширная комната подъ сводами, раздѣленная невысокой перегородкой на двѣ неравныя части. Въ первой, большей, съ выходомъ на маленькую террасу и въ садъ, стояли шкафы съ книгами и висѣлъ, сколько мнѣ помнится, портретъ Шопенгауэра. Тутъ же, у стѣны, въ ящикѣ лежали орудія и матеріалы сапожнаго мастерства. Въ меньшей части комнаты находился большой письменный столъ, за которымъ были написаны въ свое время «Анна Каренина» и «Война и миръ». У полокъ съ книгами въ этой части комнаты для меня была поставлена кровать. Здѣсь въ теченіе дня работалъ Левъ Николаевичъ. Приведя меня въ эту комнату, онъ надъ чѣмъ-то копошился въ большей ея части, покуда я раздѣлся и легъ, а затѣмъ вошелъ ко мнѣ проститься. Но тутъ между нами началась одна изъ тѣхъ типическихъ русскихъ бесѣдъ, которыя съ особенной любовью ведут-

ся въ передней при уходѣ или на краешкѣ постели. Такъ поступилъ и Толстой. Сѣлъ на краешекъ, началъ задушевный разговоръ — и обдалъ меня сіяніемъ своей душевной силы.

Съ тѣхъ поръ всѣ дни моего пребыванія въ Ясной проводились и оканчивались описаннымъ образомъ. Иногда, простившись со мною, Толстой уходилъ за перегородку и тамъ что-нибудь разбиралъ, вновь начиная разговоръ, но, затронутый или заинтересованный какимъ-либо моимъ отвѣтомъ, снова входилъ въ мое отдѣленіе, и прерванная бесѣда возобновлялась. Одинъ изъ такихъ случаевъ остался у меня въ памяти. — «А какого вы мнѣнія о Некрасовѣ?» — спросилъ онъ меня изъ-за перегородки, что-то передвигая. Я отвѣчалъ, что ставлю высоко лирическія произведенія Некрасова и считаю, что онъ принесъ огромную пользу русскому молодому поколѣнію, родившемуся и воспитанному въ городахъ, тѣмъ, что, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, научилъ его знать, цѣнить и любить русскую сельскую природу и простого русскаго человѣка, воспѣвъ ихъ въ берущихъ за душу стихахъ; что же касается до его личныхъ свойствъ, то я не вѣрю яростнымъ навѣтамъ на него и во всякомъ случаѣ считаю, что то, что онъ былъ игрокъ, еще не даетъ права ставить на его личности крестъ и называть его дурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ, — продолжалъ я, — одержимъ страстью къ игрѣ, обратившеюся, если угодно, въ порокъ, но *порочный* человѣкъ не всегда *дурной* человѣкъ. Нерѣдко, внѣ узкихъ рамокъ своей пагубной страсти, порочные люди являютъ такія стороны души, которыя многое искупаютъ. Наоборотъ, такъ-называемые *хорошіе люди* подчасъ, при внѣшней безупречности, проявляютъ грубый эгоизмъ и безсердечіе. Жизненный опытъ даетъ частыя подтвержденія этому. Игроки нерѣдко бываютъ смѣлыми и великодушными людьми, чуждыми низменной скупости и черствой расчетливости; пьяницы часто отличаются, въ трезвомъ состояніи, истинною добротой. Недаромъ Достоевскій сказалъ, что въ Россіи добрые люди— почти всегда пьяные люди, и пьяные люди всегда добрые люди. Наконецъ, исторія намъ оставила примѣры «явныхъ прелюбодѣевъ», проникнутыхъ глубокимъ человѣколюбіемъ и внѣ слу-

женія своимъ страстямъ явившихъ образцы гражданской доблести и глубины мысли. Выслушавъ это мнѣніе, Толстой вышелъ изъ-за перегородки со свѣтлымъ выраженіемъ лица и, сѣвъ на «краешекъ», сказалъ мнѣ радостно: «Ну вотъ, вотъ и я это именно всегда думалъ и говорилъ, это различіе необходимо дѣлать!» и между нами снова началась длинная бесѣда на эту тему съ приведеніемъ фактическихъ ссылокъ и доказательствъ въ подтвержденіе нашей общей мысли.

Меня, конечно, очень интересовало отношеніе Толстого къ крестьянамъ, про которое ходило столько разнообразныхъ и оригинальныхъ слуховъ. Какъ нарочно, предъ тѣмъ я свершилъ поѣздку по Россіи и видѣлъ нѣсколько типическихъ отношеній господъ къ мужику. Мнѣ пришлось быть въ имѣніи въ Малороссіи и наблюдать шутливо-ироническіе разговоры между тѣми и другими въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, за которыми однако не чувствовалось не только никакой теплоты и искренности, но, напротивъ, виднѣлось большое взаимное недовѣріе и отчужденіе, близкое къ ненависти. Я провелъ недѣлю въ помѣстьѣ средней руки въ средней Россіи, гдѣ наблюдалъ фамильярно-заискивающее отношеніе помѣщика къ зажиточнымъ крестьянамъ-арендаторамъ и окружающимъ имѣніе однодворцамъ, при чемъ невольно бросалось въ глаза вынужденное установленіе и соблюданіе нѣкотораго равенства не во имя какого-либо общаго начала, а исключительно въ цѣляхъ выгодъ и удобства неотвратимаго сожительства. Я прожилъ нѣсколько дней въ великолѣпномъ громадномъ помѣстьѣ моего стараго сослуживца, въ черноземной полосѣ, и наблюдалъ то снисходительное и холодно-милостивое отношеніе къ крестьянамъ, въ которомъ виднѣлась полная обособленность двухъ міровъ — барскаго и мужичьяго,—напоминавшая тѣ отношенія, которыя, вѣроятно, существовали у медіатизированныхъ нѣмецкихъ принцевъ къ ихъ бывшимъ подданнымъ.

Ничего подобнаго я не нашелъ въ Ясной Полянѣ. Отношенія между семьею графа и сосѣдями были просты и естественны. Обитатели яснополянскаго дома были старыми и добрыми знакомыми, готовыми во всякое время притти на помощь въ

болѣзни, несчастіи и недостачѣ, — лѣчить и совѣтовать, похлопотать и понять чужую скорбь. Все это однако совершалось безъ заигрыванья и заискиванья и безъ холоднаго, брезгливаго исполненія долга по отношенію къ «меньшему брату». Такимъ же характеромъ отличалось и обращеніе крестьянъ со Львомъ Николаевичемъ. Преувеличенные разсказы о кладкѣ печей, паханіи и т. п., дававшіе поводъ къ дешевому иронизированью со стороны высокомѣрныхъ составителей фельетонныхъ очерковъ и статеекъ, сводились въ сущности къ тому, что въ лицѣ Толстого крестьяне могли видѣть не городского верхогляда и не деревенскаго лежебока, а человѣка, которому знакомы, по опыту, тяжелый трудъ и условія ихъ жизни. Въ ихъ глазахъ Толстой былъ не только участливый, но и свѣдущій человѣкъ. Недаромъ мнѣ разсказывали, какъ крестьяне въ своихъ отзывахъ про него говорили: «Это мужикъ умственный, хотя и баринъ». Въ одну изъ нашихъ прогулокъ Толстой, описывая свое путешествіе съ богомольцами къ русскимъ обителямъ, кажется, въ Кіевъ или въ Оптину пустынь, при чемъ спутники считали его за *своего* и поэтому не стѣснялись его присутствіемъ, съ тонкимъ юморомъ разсказывалъ мнѣ про презрительные отзывы о «господишкахъ», которые ему приходилось слышать въ пути и на постоялыхъ дворахъ. Было несомнѣнно, что яснополянскіе крестьяне ни въ какомъ случаѣ не считали его однимъ изъ этихъ «господишекъ», а въ ихъ глазахъ онъ былъ по праву наслѣдованія и по личнымъ своимъ свойствамъ старшій, самый знающій и заслуживающій наибольшаго уваженія человѣкъ, называвшійся бариномъ лишь потому, что жилъ въ своемъ домѣ среди обширнаго помѣстья, а не въ избѣ, и что къ нему съ почтеніемъ относилось начальство и всякаго рода «господишки». Такой взглядъ на него былъ очевиденъ и связывался въ рядѣ внѣшнихъ проявленій, когда онъ, гуляя со мною, вступалъ въ бесѣду съ крестьянами или заходилъ въ ихъ дома. Всюду встрѣчали его уваженіе и довѣріе и ни малѣйшаго слѣда угодливой почтительности и льстивой суетливости. Иногда въ бесѣдѣ крестьянъ съ нимъ звучали и задушевныя нотки.

Эти бесѣды припомнились мнѣ съ особенной яркостью нѣ-

сколько лѣтъ спустя въ Москвѣ, когда мнѣ пришлось присутствовать при небольшомъ спорѣ Толстого по поводу смысла брака, какъ начала семейной жизни. Нахмуривъ брови, слушалъ онъ, какъ при немъ одинъ изъ присутствующихъ говорилъ о рискованномъ бракѣ знакомой дѣвушки, вышедшей замужъ за человѣка «безъ положенія и средствъ».—«Да развѣ *это* нужно для семейнаго счастья?—спросилъ Толстой.—Конечно,—отвѣчалъ стоявшій на своемъ собесѣдникъ:—вы-то, Левъ Николаевичъ, считаете это вздоромъ, а жизнь показываетъ другое. Съ вашей стороны оно и понятно. Вы вѣдь и семейную жизнь готовы отрицать. Стоитъ припомнить вашу «Сонату Крейцера».—Толстой пожалъ плечами и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я понимаю семейное счастье иначе и часто вспоминаю мой разговоръ въ Ясной Полянѣ, много лѣтъ назадъ, съ крестьяниномъ Гордѣемъ Дѣевымъ.—Что ты невеселъ, Гордѣй, о чемъ закручинился?—Горе у меня большое, Левъ Николаевичъ: жена моя померла.—Что жъ, молодая она у тебя была?—Нѣтъ, какой молодая! на много лѣтъ старше: не по своей волѣ женился.—Что жъ, работница была хорошая?—Какое! Хворая была. Лѣтъ десять съ печи не слѣзала. Ничего работать не могла.—Ну, такъ что жъ? тебѣ, пожалуй, теперь легче станетъ.—Эхъ, батюшка, Левъ Николаевичъ, какъ можно легче! Прежде, бывало, приду въ какое ни на есть время въ избу съ работы или такъ просто—она съ печи на меня, бывало, посмотритъ да и спрашиваетъ: «Гордѣй, а Гордѣй! Да ты нынче ѣлъ ли?» А теперь уже этого никто не спроситъ...—Такъ вотъ какое чувство даетъ смыслъ и счастье семьѣ, а не «положеніе»,—заключилъ Толстой.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Ясной Полянѣ, прошли очень быстро, но до сихъ поръ, черезъ двадцать лѣтъ, составляютъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни. Конечно, все это время было для меня наполнено Толстымъ, общеніемъ съ нимъ, разговорами и радостью сознанія, что Богъ привелъ мнѣ не только узнать вблизи возвышеннаго мыслителя и великаго писателя, но и ни на одну минуту не почувствовать, по отношенію къ нему, ни малѣйшаго житейскаго диссонанса, не уловить въ своей душѣ и тѣни какого-либо разочарованія

или недоумѣнія. Все въ немъ было ясно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво тѣмъ внутреннимъ величіемъ, которое сказывается не въ отдѣльныхъ словахъ или поступкахъ, а во всей повадкѣ человѣка. По мѣрѣ знакомства съ нимъ чувствовалось, что и про него можно сказать то же, что было сказано о Пушкинѣ: «это—великое явленіе русской жизни»,—отразившее въ себѣ всѣлучшія стороны исторически сложившагося русскаго быта и русской духовной природы. Даже въ отрицаніи имъ началъ національности и современнаго экономическаго строя сказалась ширина и смѣлость русской натуры и свойственная ей, по выраженію Чичерина, безграничность въ смыслѣ отсутствія предѣловъ, полагаемыхъ опытомъ прошлаго и осторожностью предъ грядущимъ. Даже и пугавшая меня нетерпимость его къ чужимъ мнѣніямъ, о которой такъ много писали, оказалась на дѣлѣ лишь твердымъ высказываніемъ своего взгляда, облеченнымъ, по большей части, даже въ случаѣ серьезнаго разногласія, въ весьма деликатную форму.

Нѣсколько разъ во время нашихъ прогулокъ намъ приходилось говорить «о непротивленіи злу», которое его въ то время сильно занимало. Со свойственной ему красивой простотой, онъ развивалъ свою великодушную и нравственно-заманчивую теорію и приводилъ извѣстный евангельскій текстъ. Я шутливо напоминалъ ему отвѣтъ графа Фалькенштейна (Іосифа II-го) на вопросъ герцогини Роганъ о томъ, какъ нравится ему надвигавшаяся въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи революція: «Madame, mon métier d'être royaliste»—и говорилъ, что mon métier d'être juge лишаетъ меня возможности согласиться на непротивленіе тому, чему я противился и противлюсь двадцать пять лѣтъ моей жизни. Въ отвѣтъ на его ссылку на текстъ, я приводилъ изгнаніе торжниковъ изъ храма и проклятіе смоковницы, а также слова Христа: «больше сія любви нѣсть, аще кто душу свою положитъ за други своя», при чемъ на церковно-славянскомъ языкѣ «положить душу»—значитъ пожертвовать жизнью, что невозможно безъ наличности борьбы, т.-е. противленія. Толстой мягко возражалъ, что въ связи съ призывомъ «не противиться» подразумѣвается слово «насиліемъ». Я приводилъ рѣзкіе примѣры

изъ жизни, гдѣ насиліе неизбѣжно и необходимо, и гдѣ отсутствіе его угрожаетъ послѣдователю непротивленія возможностью сдѣлаться попустителемъ и даже пособникомъ злого дѣла. Толстой не уступалъ и утверждалъ, что въ еврейскомъ текстѣ не говорится о вервіи, взятомъ Христомъ для изгнанія торжниковъ, а лишь о длинной тонкой вѣтви или хворостинѣ, которая была необходима для удаленія скота изъ храма, и что сказаніе о смоковницѣ, лишенное яснаго смысла, попало въ евангеліе по недоразумѣнію, вслѣдствіе какой-либо ошибки переписчика. На мои доводы изъ жизни онъ сказалъ мнѣ, что въ одномъ изъ вопіющихъ случаевъ, мною приводимыхъ, быть можетъ, и онъ прибѣгъ бы къ насилію, по инстинктивному порыву на защиту своихъ ближнихъ, но что это было бы слабостью, которую съ нравственной точки зрѣнія нельзя оправдать. Каждый изъ насъ остался при своемъ, но во все время спора онъ не проявилъ никакого стремленія насиловать мои взгляды и навязать мнѣ свое убѣжденіе. То же было и въ спорѣ о значеніи Пушкина, къ которому тогда онъ относился недружелюбно, хотя и признавалъ его великій талантъ. Онъ находилъ, что послѣдній былъ направленъ противъ народныхъ идеаловъ, и что Тютчевъ и Хомяковъ глубже и содержательнѣе Пушкина. И въ этомъ длинномъ спорѣ Левъ Николаевичъ былъ чрезвычайно объективенъ и, встрѣчая во мнѣ восторженнаго поклонника Пушкина, видимо старался не огорчить меня какимъ-либо рѣзкимъ отзывомъ или суровымъ приговоромъ.

Вообще я не разъ имѣлъ случай убѣдиться и почувствовать, что Левъ Николаевичъ имѣетъ рѣдкій даръ «de faire connaître l'hospitalité de la pensée» (дать почувствовать гостепріимство мысли), какъ выразился Альберъ Сорель въ своей академической рѣчи о Тэнѣ. Только разъ при мнѣ онъ отступилъ отъ своего спокойнаго и примирительнаго тона. Однажды въ саду, за послѣобѣденной бесѣдой, зашелъ разговоръ о томъ, что̀ самое тяжелое въ жизни. Указывали на роль слѣпого случая, который разбиваетъ всѣ планы и такъ часто въ корнѣ подрываетъ цѣлое существованіе. Одинъ изъ пріѣзжихъ случайныхъ гостей, изъ тѣхъ «добрыхъ малыхъ», у которыхъ слово иногда бѣжитъ впереди мысли, а не

сопутствуетъ ей, сталъ утверждать, что всего больше ему было бы тяжело матеріальное измѣненіе его личнаго положенія въ родѣ внезапнаго разоренія или потери службы, сопряженнаго съ непривычными для него лишеніями. Въ это время подошелъ Толстой и спросилъ, въ чемъ дѣло. «Случайность не должна имѣть значенія въ жизни,—сказалъ онъ:—надо жить самому, воспитывать дѣтей и приготовлять окружающую среду такъ, чтобы для случайности оставалось какъ можно менѣе мѣста. Для этого надо направлять всю жизнь къ уничтоженію въ ней понятія о несчастіи. Человѣкъ *обязанъ* быть счастливъ, какъ обязанъ быть чистоплотнымъ. Несчастье же состоитъ прежде всего въ невозможности удовлетворять своимъ потребностямъ. Поэтому, чѣмъ меньше потребностей у человѣка, тѣмъ меньше поводовъ быть несчастнымъ. Только когда человѣкъ сведетъ свои потребности къ минимуму необходимаго, онъ вырветъ жало у несчастія и обезвредитъ послѣднее, и тогда въ самомъ сознаніи, что имъ устранены условія несчастья, онъ почерпнетъ сознаніе счастья». Одинъ изъ собесѣдниковъ пробовалъ возражать, что эта теорія примѣнима лишь къ матеріальнымъ, а не къ духовнымъ потребностямъ, и что нельзя, напримѣръ, свести къ минимуму потребность любви матери къ своему ребенку, отнимаемому у нея безпощадною смертью. На это, вѣроятно, Толстой отвѣтилъ бы мыслями, высказанными имъ въ его чудномъ, вызывающемъ слезы умиленія, разсказѣ «Молитва». Но пріѣзжій, которому очень хотѣлось высказаться, снова овладѣлъ своей темой, настаивательно сказавъ Толстому:—вамъ хорошо это проповѣдывать, когда вы не имѣете никакихъ потребностей, а каково привыкшему къ удобствамъ жизни?—повѣрьте, что спать на рогожѣ, привыкнувъ къ тонкому бѣлью, вовсе не составляетъ счастья.—Не надо пріучать себя къ тонкому бѣлью,—строго посмотрѣвъ, сказалъ Толстой, но собесѣдникъ не слушалъ его и продолжалъ:—вамъ хорошо, вы себя до того довели, что вамъ теперь непонятно, что значитъ, когда человѣку чего-нибудь недостаетъ. Вы себѣ устроили всякія лишенія, и больше вамъ для себя нечего придумать, вотъ вы и на другихъ хотите ихъ распространить.—Мнѣ еще многаго недостаетъ,—сказалъ сурово Толстой.—Вотъ от-

лично! Еще чего-то недостаетъ? Ну, чего же вамъ недостаетъ? Толстой молчалъ.—Ну чего, чего?—продолжалъ приставать «добрый малый». Толстой вдругъ покраснѣлъ, въ глазахъ его вдругъ вспыхнулъ огонекъ, и онъ съ рѣзкою откровенностью объяснилъ, *чего* ему недостаетъ, чтобы достигнуть буддистскаго презрѣнія къ тѣлеснымъ удобствамъ и состраданія даже къ насѣкомымъ... Наступило молчаніе,—онъ овладѣлъ собою и смягченнымъ голосомъ, какъ бы извиняясь за внезапную вспышку, замѣтилъ:—мы слишкомъ заботимся о своей внѣшней чистотѣ и холимъ нашу плоть, а я давно замѣтилъ, что тотъ, кто заботится о *своей* чистотѣ, обыкновенно небрежетъ о *чужой*... И онъ сталъ приводить примѣры изъ своихъ воспоминаній о томъ, какъ распускаютъ себя у насъ люди высшаго общества и ихъ подражатели изъ разныхъ выскочекъ, доводя себя до претензій крайней роскоши, граничащей съ развратомъ.

Мнѣ трудно припомнить всѣ наши разговоры и всѣ узоры той роскошной ткани мыслей, образовъ и чувствъ, которыми было полно все, что говорилъ Толстой. Во время долгихъ послѣобѣденныхъ прогулокъ, онъ обращался часто къ своимъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ, и тутъ мнѣ приходилось сравнивать технику его рѣчи съ техникой другихъ мастеровъ литературнаго слова, которыхъ мнѣ приходилось слышать въ жизни. Я помню Писемскаго. Онъ не говорилъ, а игралъ, изображая людей въ лицахъ,—жестомъ и голосомъ. Его разсказъ не былъ тонкимъ рисункомъ искуснаго мастера, а былъ декораціею, намалеванною твердою рукою и яркими красками. Совсѣмъ другою была рѣчь Тургенева съ его мягкимъ и какимъ-то бабьимъ голосомъ, высокія ноты котораго такъ мало шли къ его крупной фигурѣ. Это былъ искусно распланированный садъ, въ которомъ широкія перспективы и сочныя поляны англійскаго парка перемежались съ французскими замысловатыми стрижеными аллеями,—въ которыхъ каждый поворотъ дороги и даже каждая тропинка являлись результатомъ цѣлесообразно направленной мысли. И опять иное впечатлѣніе производила рѣчь Гончарова, напоминавшая картины Рубенса, написанныя опытною въ своей работѣ рукою, сочными и густыми красками, съ одинаковою тщатель-

ностью изображающею и широкія очертанія цѣлаго и мелкія подробности частностей. Я не стану говорить ни про отрывистую бранчивость Салтыкова, ни про сдержанную страстность Достоевскаго, ни про изысканную, поддѣльную простоту Лѣскова, потому что ни одинъ изъ нихъ не оставлялъ цѣльнаго впечатлѣнія и въ качествѣ разсказчика стоялъ далеко ниже автора написанныхъ имъ страницъ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалось слово Толстого. За нимъ какъ бы чувствовалось біеніе сердца. Оно всегда было просто и поразительно точно по отношенію къ создаваемому имъ изображенію, чуждо всякихъ эффектовъ въ конструкціи и въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей разсказа. Оно было хронологично и въ то же время сразу ставило слушателя на прямую и неуклонную дорогу къ развязкѣ разсказа, въ которой обыкновенно заключались его цѣль и его внутренній смыслъ. Разсказы Толстого почти всегда начинались съ какого-нибудь общаго положенія или афоризма и, отправляясь отъ него, какъ отъ истока, текли спокойною рѣкою, постепенно расширяясь и отражая въ своихъ прозрачныхъ струяхъ и высокое небо и глубокое дно...

Вспоминая общее впечатлѣніе отъ того, что говорилъ въ 1887 г. Левъ Николаевичъ, я могу возстановить въ памяти нѣкоторыя его мысли по тѣмъ замѣткамъ, которыя сохранились въ моемъ дневникѣ и подтверждаются во многомъ послѣдующими его письмами. Многое изъ этого, въ переработанномъ видѣ, вошло, конечно, въ его позднѣйшія произведенія, но мнѣ хочется привести кое-что изъ этого въ томъ именно видѣ, въ которомъ оно первоначально выливалось изъ устъ Льва Николаевича. «Въ каждомъ литературномъ произведеніи—говорилъ онъ—надо отличать три элемента. Самый главный—это содержаніе, затѣмъ любовь автора къ своему предмету и, наконецъ, техника. Только гармонія содержанія и любви даетъ полноту произведенію, и тогда обыкновенно третій элементъ—техника—достигаетъ извѣстнаго совершенства самъ собою. У Тургенева въ сущности немного содержанія въ произведеніяхъ, но большая любовь къ своему предмету и великолѣпная техника. Наоборотъ, у Достоевскаго огромное содержаніе, но никакой техники, а у Некрасова есть

содержаніе и техника, но нѣтъ элемента дѣйствительной любви.

. . . . . .

У современной критики (конецъ восьмидесятыхъ годовъ) писателю нечему научиться, такъ какъ она почти вовсе не касается содержанія, а оцѣниваетъ технику, тогда какъ задача критики— найти и показать въ произведеніи лучъ свѣта, безъ котораго оно ничто. Надо писать pour le gros du public. Судъ такихъ читателей и любовь ихъ есть настоящая награда писателю, и вкусъ большой публики никогда не ошибается, несмотря на замалчиваніе того или другого произведенія критикой. Такая публика ищетъ нравственнаго поученія въ произведеніи, какъ бы рискованно ни было его содержаніе, т.-е. какъ бы откровенно ни говорилось въ немъ о томъ, о чемъ вообще принято лицемѣрно умалчивать. Наоборотъ, сатира и иронія не найдутъ себѣ отклика въ массѣ. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить и понять Салтыкова- Щедрина, нужно принадлежать къ особому кругу читателей, печень которыхъ увеличена отъ постояннаго раздраженія, какъ у страсбургскаго гуся.

. . . . . .

Языкъ большей части русскихъ писателей страдаетъ массою лишнихъ словъ или дѣланностью. Встрѣчаются, напримѣръ, такія выраженія, какъ «взошелъ мѣсяцъ, блѣдный и огромный»— что противорѣчитъ дѣйствительности, или—«сжатые зубы виднѣлись сквозь открытыя губы». Это свойство особенно замѣтно у женщинъ-писательницъ. Чѣмъ онѣ бездарнѣй, тѣмъ онѣ болтливѣй. Прочитавъ иногда нѣсколько страницъ такой болтовни, хочется сказать: молчала бы ты лучше, а то вотъ теперь всѣ узнаютъ, какая ты умница! Настоящій учитель литературнаго языка есть Диккенсъ. Онъ умѣлъ всегда ставить себя на мѣсто изображаемыхъ лицъ и ясно представить себѣ, какимъ языкомъ каждое изъ нихъ должно говорить.

. . . . . .

Природа лучше человѣка. Въ ней нѣтъ раздвоенія, она всегда послѣдовательна. Ее слѣдуетъ вездѣ любить, ибо она вездѣ прекрасна, и вездѣ и всегда трудится. Тургеневъ разсказывалъ,

что охотясь, онъ проводилъ иногда на опушкѣ лѣса цѣлую ночь безъ сна, прислушиваясь къ тому, какъ природа работаетъ ночью. И ему казалось, что она тяжело дышитъ и по временамъ въ своемъ творческомъ трудѣ говоритъ: уфъ! уфъ!—Самарскія степи, напримѣръ, днемъ, подъ палящимъ солнцемъ, однообразны и могутъ наскучить. Но какая прелесть ночью, когда земля дышитъ полною грудью, а надъ нею раскинутъ необъятный куполъ неба, и къ нему несутся съ земли нѣжные звуки, издаваемые жабами... Человѣкъ однако все умѣетъ испортить, и Руссо вполнѣ правъ, когда говоритъ, что все, что вышло изъ рукъ Творца—прекрасно, а все, что изъ рукъ человѣка—негодно. Въ человѣкѣ вообще нѣтъ цѣльности. Онъ роковымъ образомъ осужденъ на раздвоеніе: если въ немъ побѣждаетъ скотъ, то это нравственная смерть; если побѣждаетъ человѣчное въ лучшемъ смыслѣ слова, то эта побѣда часто сопровождается такимъ презрѣніемъ къ самому себѣ и отчаяніемъ за другихъ, что почти неизбѣжна смерть, и при томъ очень часто отъ собственной руки. Но бояться смерти не надо. Надо о ней думать, какъ можно чаще: это облагораживаетъ человѣка и часто удерживаетъ его отъ паденія. Но большинство смотритъ не такъ. Обыкновенно, когда человѣкъ подымается надъ плоскостью обыденной жизни, онъ ясно видитъ съ этой высоты вдали бездну смерти. Напуганный этимъ, онъ тотчасъ опускается въ житейскую пошлость,—старается занять такое положеніе, чтобы не видѣть этой бездны, и готовъ сидѣть все время на корточкахъ, только бы забыть о ней. А вѣдь въ сущности труднѣе понять, какъ *можно жить*, чѣмъ какъ *можно умереть*. То, что̀ дается опытомъ жизни, чувствуется, но рѣдко можетъ быть доказано. Поэтому старые люди часто замыкаются въ себѣ и уединяются. Но это не потому, что имъ нечего сказать, а потому, что молодость, которая не имѣетъ чувства опыта, ихъ не понимаетъ.

. . . . . .

У насъ легко раздаютъ титулъ добрыхъ людей и любятъ замалчивать ужасныя общественныя явленія послѣ того, какъ они перестали существовать, какъ будто они не могутъ повториться, только въ другой формѣ. Такъ у насъ началось замалчиванье крѣ-

постного права и его ужасовъ, какъ только крестьяне были освобождены. И люди и отношенія были покрыты забвеніемъ. Я зналъ, напримѣръ, одного вице-губернатора, пользовавшагося всеобщею любовью и считаемаго очень добрымъ. Онъ прекрасно вышивалъ шелками по канвѣ и былъ «душою общества», а между тѣмъ за нимъ считалось нѣсколько засѣченныхъ на смерть крестьянъ. Вообще человѣческая жестокость часто только лишь мѣняетъ формы или внезапно проявляется тамъ, гдѣ ея никакъ нельзя было ожидать. Въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ сановникъ, слывшій когда-то либераломъ и затѣмъ, очевидно, въ этомъ раскаявшійся, пріѣхавъ въ Ясную Поляну, сталъ доказывать желательность возстановленія тѣлесныхъ наказаній потому, что содержаніе подъ стражей слишкомъ дорого стоитъ государству, а такъ какъ нѣкоторые весьма искусно устраиваютъ побѣги, то для предупрежденія послѣднихъ можно было бы арестантовъ, обвиненныхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, лишать какимъ-либо искусственнымъ и безболѣзненнымъ образомъ зрѣнія, что сдѣлало бы ихъ навсегда безвредными. «Я его,—прибавилъ, окончивъ этотъ разсказъ, Толстой,—попросилъ больше меня не посѣщать».

. . . . . .

Среди нашихъ бесѣдъ о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ мнѣ приходилось не разъ обращаться къ моимъ судебнымъ воспоминаніямъ и разсказывать Толстому, какъ нерѣдко я видѣлъ на практикѣ осуществленіе справедливости мнѣнія о томъ, что почти всякое прегрѣшеніе противъ нравственнаго закона наказывается еще въ этой жизни на землѣ. Между этими воспоминаніями находилость одно, которому суждено было оставить нѣкоторый слѣдъ въ творческой дѣятельности Льва Николаевича.

Когда я былъ прокуроромъ петербургскаго окружного суда, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, ко мнѣ въ камеру однажды пришелъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ и безпокойными, горящими глазами, обличавшими внутреннюю тревогу. Его одежда и манеры изобличали человѣка, привыкшаго вращаться въ высшихъ слояхъ общества. Онъ однако съ трудомъ владѣлъ собою и горячо высказалъ мнѣ жалобу

на товарища прокурора, завѣдывавшаго тюремными помѣщеніями и отказавшаго ему въ передачѣ письма арестанткѣ по имени Розаліи, безъ предварительнаго имъ прочтенія. Я объяснилъ ему, что таково требованіе тюремнаго устава, и отступленіе отъ него не представляется возможнымъ, ибо составило бы привилегію однимъ, въ ущербъ другимъ. «Тогда прочтите вы,—сказалъ онъ мнѣ, волнуясь—и прикажите передать письмо Розаліи». Это была чухонка-проститутка, судившаяся съ присяжными за кражу у пьянаго «гостя» ста рублей, спрятанныхъ затѣмъ ея хозяйкой—вдовой маіора, содержавшей домъ терпимости самаго низшаго разбора въ переулкѣ возлѣ Сѣнной, гдѣ сеансъ животной любви оцѣнивался чуть не въ 50 копѣекъ. На судъ предстала молодая еще дѣвушка съ сиплымъ отъ пьянства и другихъ послѣдствій своей жизни голосомъ, съ едва замѣтными слѣдами былой миловидности и съ циническою откровенностью на всѣмъ доступныхъ устахъ. Защитникъ сказалъ банальную рѣчь, называя подсудимую «мотылькомъ, опалившимъ свои крылья на огнѣ порока», но присяжные не вняли ему, и судъ приговорилъ ее на 4 мѣсяца тюремнаго заключенія. «Хорошо,—сказалъ я пришедшему—я даже не буду читать вашего письма. Скажите мнѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, о чемъ вы пишете?—Я прошу ея руки и надѣюсь, что она приметъ мое предложеніе, такъ что мы можемъ скоро и перевѣнчаться.—Нѣтъ, этого не можетъ быть такъ скоро, ибо ей придется высидѣть весь свой срокъ, и браки съ содержащимися въ тюрьмѣ разрѣшаются тюремнымъ начальствомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда одинъ изъ брачущихся долженъ оставить Петербургъ, быть сосланъ или высланъ на родину. Вы вѣдь дворянинъ?—Да,—отвѣтилъ онъ, и на дальнѣйшіе мои разспросы назвалъ мнѣ старую дворянскую фамилію изъ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, объяснивъ, что кончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній и состоитъ при одномъ изъ министерствъ, занимаясь въ то же время частными работами.—Вотъ видите,—сказалъ я:—послѣ вашего бракосочетанія ее пришлось бы перевести въ отдѣленіе привелегированныхъ по правамъ состоянія женщинъ, а что онѣ такое—вы сами можете себѣ представить. Между тѣмъ,

тамъ, гдѣ она находится нынѣ, среди непривилегированныхъ арестантокъ, устроены превосходно организованныя работы и, къ окончанію срока, она будетъ знать какое-либо ремесло, что, при превратностяхъ судьбы, ей можетъ пригодиться. При томъ же переводъ ея въ *господское* отдѣленіе неминуемо произвелъ бы дурное нравственное впечатлѣніе на содержащихся съ нею вмѣстѣ. Поэтому лучше было бы не настаивать на отступленіи въ данномъ случаѣ отъ общаго правила. Если она приметъ ваше предложеніе, я прикажу допустить васъ до свиданій съ нею безъ свидѣтелей и когда хотите. — Онъ передалъ мнѣ письмо и собирался уходить, когда я снова пригласилъ его присѣсть и, испросивъ его разрѣшенія говорить съ нимъ, какъ частный человѣкъ и откровенно, вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ:—«Гдѣ вы познакомились съ Розаліей? — Я видѣлъ ее въ судѣ. — Чѣмъ же она васъ поразила? Наружностью? — Нѣтъ, я близорукъ и дурно ее разсмотрѣлъ. — Что же васъ побуждаетъ на ней жениться? Знаете ли вы ея прошлое? Не хотите ли прочесть дѣло о ней? — Я дѣло знаю: я былъ присяжнымъ засѣдателемъ по нему. — Думаете ли вы, выражаясь словами Некрасова, «извлекши ея падшую душу изъ мрака заблужденья», переродить ее и заставить ее забыть свое прошлое и его тяжелыя нравственныя условія? — Нѣтъ, я буду очень занятъ и, можетъ быть, буду приходить домой только обѣдать и ночевать. — Считаете ли вы возможнымъ познакомить ее съ вашими ближайшими родными и ввести ее въ ихъ кругъ? — Мой собесѣдникъ покачалъ отрицательно головой. — Но въ такомъ случаѣ она будетъ въ полной праздности. Не боитесь вы, что прошлое возьметъ надъ нею силу, на этотъ разъ уже безъ нѣкотораго оправданія въ бѣдности и безпріютности? Что можетъ между вами быть общаго, разъ у васъ нѣтъ даже общихъ воспоминаній? Ваша семейная жизнь можетъ представить для васъ, при различіи вашего развитія и положенія, настоящій адъ, да и для нея не станетъ раемъ! Наконецъ, подумайте, какую мать вы дадите вашимъ дѣтямъ!—Онъ всталъ и началъ ходить въ большомъ волненіи по моему служебному кабинету, дрожащими руками налилъ себѣ стаканъ воды и, немного успокоившись, сказалъ отрывисто:—

Вы совершенно правы, но я все-таки женюсь.—Не лучше ли вамъ, — продолжалъ я — ближе узнать ее, устроить ей по выходѣ изъ тюрьмы благопріятныя условія жизни и возможность честнаго заработка, а затѣмъ уже, увидѣвъ, что она сознала всю грязь своей прежней жизни и искренно вступила на другой путь, связать свою жизнь съ нею навсегда? Какъ бы не пришлось вамъ раскаиваться въ своемъ поспѣшномъ великодушіи и начать жалѣть о сдѣланномъ шагѣ! Вѣдь такое запоздалое сожалѣніе, безъ возможности исправить сдѣланное, составляетъ очень часто корень взаимнаго несчастія и озлобленія. Спасти погибающую въ рядахъ проституціи дѣвушку — дѣло высокое, но мнѣ не думается, чтобы женитьба была въ данномъ случаѣ единственнымъ средствомъ, и я боюсь, что приносимая вами жертва окажется безплодной или далеко превзойдетъ достигнутые ею результаты. Не лучше ли сначала приглядѣться къ той, о комъ мы говоримъ... Мнѣ въ качествѣ прокурора приходилось слышать въ этомъ самомъ кабинетѣ признанія и заявленія о совершающемся или имѣющемъ совершиться преступленіи, движущія побужденія къ которому иногда были вызваны именно жертвами, напрасными съ одной стороны и непонятыми съ другой...» Мой собесѣдникъ очень задумался, молча и крѣпко пожалъ мнѣ руку и ушелъ. На другой день я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ благодарилъ меня за мой съ нимъ разговоръ, говоря, что, несмотря на то, что я, повидимому, немногимъ старше его, ему въ моихъ словахъ слышался голосъ любящаго отца, который совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ. Подтверждая однако свою твердую рѣшимость жениться, онъ просилъ меня, въ видѣ исключенія, все-таки оказать, своимъ вліяніемъ, содѣйствіе къ тому, чтобы тюремное начальство не препятствовало ему немедленно вѣнчаться съ Розаліей. Я не успѣлъ еще отвѣтить на это письмо, какъ поступилъ отвѣтъ Розаліи, переданный смотрителемъ тюрьмы, въ которомъ она безграмотными каракулями заявляла о своемъ согласіи вступить въ бракъ. А чрезъ день послѣ этого я получилъ отъ моего собесѣдника крайне рѣзкое и почти ругательное письмо, въ которомъ онъ критиковалъ мое, какъ онъ выражался, «вмѣшательство въ его лич-

ные планы». Не желая содѣйствовать несчастію, къ которому стремился этотъ нервно возбужденный человѣкъ, я, несмотря на это письмо, все-таки уклонился отъ участія въ осуществленіи его желанія и твердо отклонилъ оказываемое на меня въ этомъ отношеніи давленіе со стороны дамскаго тюремнаго комитета и одной изъ великихъ княгинь, которую, повидимому, разжалобилъ мой собесѣдникъ романтическою стороною своего намѣренія. Между тѣмъ наступилъ постъ, и вопросъ о немедленномъ бракѣ упалъ самъ собою. Мой собесѣдникъ сталъ видѣться довольно часто съ Розаліей, при чемъ въ первое же свиданіе она должна была ему объяснить, что вызвана изъ карцера, гдѣ содержалась за неистовую брань площадными словами, которою она осыпала заключенныхъ съ нею вмѣстѣ. Онъ возилъ ей разные предметы для приданаго: бѣлье, браслеты и матеріи. Она разсматривала это съ восторгомъ, и затѣмъ все принималось на храненіе въ цейхгаузѣ на ея имя. Въ концѣ поста Розалія заболѣла сыпнымъ тифомъ и умерла. Ея женихъ былъ видимо пораженъ извѣстіемъ объ этой смерти, когда явился на свиданіе,—и въ память Розаліи пожертвовалъ подготовленное для нея приданое въ пользу пріюта арестантскихъ дѣтей женскаго пола. Затѣмъ онъ сошелъ съ моего горизонта, и лишь черезъ много лѣтъ его фамилія промелькнула передо мною въ приказѣ о назначеніи вице-губернатора одной изъ внутреннихъ губерній Россіи. Но, быть можетъ, это былъ и не онъ. . . . . .

Мѣсяца черезъ три послѣ этого, почтенная старушка-смотрительница женскаго отдѣленія тюрьмы разсказала мнѣ, что Розалія, будучи очень доброй дѣвушкой, ее полюбила и объяснила ей, почему этотъ господинъ хочетъ на ней жениться. Оказалось, что она была дочерью вдовца, арендатора въ одной изъ финляндскихъ губерній мызы, принадлежавшей богатой дамѣ въ Петербургѣ. Почувствовавъ себя больнымъ, отецъ ея отправился въ Петербургъ и, узнавъ на амбулаторномъ пріемѣ, что у него ракъ желудка и что жить остается недолго, пошелъ просить собственницу мызы не оставить его будущую круглую сироту - дочь. Это было обѣщано, и дѣвочка послѣ его смерти была взята въ домъ. Ее сначала наряжали, баловали и портили

ей желудокъ конфектами, но потомъ настали другія злобы дня, или она попросту надоѣла, и ее сдали въ дѣвичью, гдѣ она среди всякой челяди и воспитывалась до шестнадцатилѣтняго возраста, покуда на нее не обратилъ вниманія только что окончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній молодой человѣкъ — родственникъ хозяйки, впослѣдствіи женихъ тюремной сидѣлицы. Гостя у нея на дачѣ, онъ соблазнилъ несчастную дѣвочку, а когда сказались послѣдствія соблазна, возмущенная дама выгнала съ негодованіемъ вонъ... не родственника, какъ бы слѣдовало, а Розалію. Брошенная затѣмъ своимъ соблазнителемъ, она родила, сунула ребенка въ воспитательный домъ и стала спускаться со ступеньки на ступеньку, покуда, наконецъ, не очутилась въ притонѣ около Сѣнной. А молодой человѣкъ между тѣмъ, побывавъ на родинѣ, въ провинціи, переселился въ Петербургъ и тутъ вступилъ въ общую колею дѣловой и умственной жизни. И вотъ въ одинъ прекрасный день судьба послала ему быть присяжнымъ въ окружномъ судѣ, и въ несчастной проституткѣ, обвиняемой въ кражѣ, онъ узналъ жертву своей молодой и эгоистической страсти. Можно себѣ представить, что пережилъ онъ, прежде чѣмъ рѣшиться пожертвовать ей во искупленіе своего грѣха всѣмъ: свободой, именемъ и, быть-можетъ, какимъ-либо другимъ глубокимъ чувствомъ. Вотъ почему такъ настойчиво требовалъ онъ осуществленія того своего права, которое великій германскій философъ называетъ *правомъ на наказаніе*.

Глубокій и сокровенный смыслъ этого происшествія оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. На мой взглядъ, это было не простымъ случаемъ, а было откровеніемъ нравственнаго закона, было тѣмъ проявленіемъ высшей справедливости, которая выражается въ пословицѣ: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ»... Посмотри! Это—дѣло твоихъ рукъ. Это ты сдѣлалъ! Въ этомъ *ты* виновенъ и суди *ее*, и скажи, что *она* виновна, когда ты знаешь, что это не она, а ты!.. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ тяжкимъ испытаніемъ *ему*, Провидѣніе послало *ей* великую радость безъ всякой примѣси горечи. Она снова обрѣла человѣка, котораго впервые полюбила: онъ тутъ, онъ возлѣ, онъ

будетъ ея мужемъ! Будутъ наряды, украшенія... Начнется жизнь *по-господски!..* И наканунѣ начала взаимныхъ разочарованій и чувства раскаянія, такъ легко могшаго перейти съ его стороны въ ненависть, Господь опустилъ занавѣсь надъ ея житейской драмой и прекратилъ біеніе бѣднаго сердца, только-что пережившаго высокое и послѣднее въ жизни блаженство. И къ нему Онъ былъ милосердъ, не простеревъ до конца свою карающую десницу. Возродивъ его духовно, давъ испытать заснувшей, быть можетъ, душѣ нравственный толчокъ и подъемъ, Онъ не допустилъ ее вновь опустить крылья подъ вліяніемъ житейской прозы и семейныхъ сценъ самаго грубаго характера. Онъ возродилъ, Онъ далъ урокъ, но не покаралъ и не уничтожилъ своимъ отмщеніемъ.

Разсказъ о дѣлѣ Розаліи былъ выслушанъ Толстымъ съ большимъ вниманіемъ, а на другой день утромъ онъ сказалъ мнѣ, что ночью много думалъ по поводу его и находитъ только, что его перипетіи надо бы изложить въ хронологическомъ порядкѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ написать этотъ разсказъ для «Посредника» и писалъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда П. И. Бирюкову: «Сообщите А. Ѳ. К. статью Хилкова о духоборцахъ. Онъ собирается написать разсказъ въ «Посредникъ», отъ котораго я жду многаго, потому что сюжетъ прекрасный...» А мѣсяца черезъ два послѣ моего возвращенія изъ Ясной Поляны, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ спрашиваетъ меня, пишу ли я на этотъ сюжетъ разсказъ? Я отвѣчалъ обращенной къ нему горячею просьбой написать на этотъ сюжетъ произведеніе, которое, конечно, будетъ имѣть глубокое моральное вліяніе. Толстой, какъ я слышалъ, принимался писать нѣсколько разъ, оставлялъ и снова приступалъ. Въ августѣ 1895 года, на мой вопросъ, онъ писалъ мнѣ: «пишу я, правда, тотъ сюжетъ, который вы разсказывали мнѣ, но я такъ никогда не знаю, что выйдетъ изъ того, что я пишу, и куда оно меня заведетъ, что я самъ не знаю, *что* я пишу теперь...» Наконецъ черезъ 11 лѣтъ у него вылилось его удивительное «Воскресеніе», произведшее, какъ мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, сильнѣйшее впечатлѣніе на души многихъ молодыхъ людей и заставившее ихъ произвести по от-

ношенію къ самимъ себѣ и къ житейскимъ отношеніямъ нравственную переоцѣнку цѣнностей.

Изъ перваго пребыванія моего въ Ясной мнѣ съ особенною яркостью вспоминается вечеръ, проведенный съ Толстымъ въ путешествіи къ родственницѣ его супруги, жившей верстахъ въ семи отъ Ясной Поляны и праздновавшей какое-то семейное торжество. Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ итти пѣшкомъ и всю дорогу былъ очаровательно-веселъ и увлекательно-разговорчивъ. Но когда мы пришли въ богатый барскій домъ съ роскошно обставленнымъ чайнымъ столомъ, онъ заскучалъ, нахмурился и внезапно, черезъ полчаса по приходѣ, подсѣвъ ко мнѣ, вполголоса сказалъ: уйдемъ! Мы такъ и сдѣлали, удалившись по англійскому обычаю, не прощаясь. Но когда мы вышли на дорогу, уже освѣщенную луною, я взмолился о невозможности итти назадъ пѣшкомъ, ибо въ этотъ день мы уже утромъ сдѣлали большую полуторачасовую прогулку, при чемъ Толстой, съ удивительной для его лѣтъ гибкостью и легкостью, взбѣгалъ на пригорки и перепрыгивалъ черезъ канавки, быстрыми и рѣшительными движеніями упругихъ ногъ. Мы сѣли въ лѣсу на полянкѣ въ ожиданіи «катковъ» (такъ называется въ той мѣстности экипажъ въ родѣ длинныхъ дрогъ или линейки). Опять потекла бесѣда, и такъ прошло болѣе получаса. Наконецъ, мы заслышали вдалекѣ шумъ приближающихся «катковъ». Я сдѣлалъ движеніе, чтобы выйти на дорогу имъ навстрѣчу, но Толстой настойчиво сказалъ мнѣ: пойдемте, пожалуйста, пѣшкомъ!.. Когда мы были въ полуверстѣ отъ Ясной Поляны и перешли шоссе, въ кустахъ вокругъ насъ замелькали свѣтляки. Совершенно съ дѣтскою радостью, Толстой сталъ ихъ собирать въ свою «шапоньку» и торжествующе понесъ ее домой въ рукахъ, при чемъ исходившій изъ нея сильный зеленоватый фосфорическій свѣтъ озарялъ его оживленное лицо. Онъ и теперь точно стоитъ предо мною подъ теплымъ покровомъ іюньской ночи, какъ бы въ отблескѣ внутренняго сіянія своей возвышенной и чистой души...

Я пробылъ въ Ясной Полянѣ пять или шесть дней. Въ день отъѣзда, рано утромъ, мы вышли со Львомъ Николаевичемъ пѣшкомъ на станцію Козловка-Засѣка и тамъ сердечно про-

стились. Я долго смотрѣлъ изъ окна удалявшагося поѣзда на его милую типическую фигуру съ незабываемымъ русскимъ мужицкимъ лицомъ, стоявшую на платформѣ. Сердце мое было исполнено благодарности судьбѣ, пославшей мнѣ не одно близкое духовное общеніе съ нимъ, но и сознаніе, что я увожу въ моей душѣ его образъ не только не потускнѣвшимъ, но даже выше и краше, чѣмъ тотъ, который рисовался мнѣ, когда между строкъ его великихъ произведеній я старался разглядѣть душу автора. Поѣздъ безъ пересадки примчалъ меня въ Петербургъ, и я вступилъ въ обычную колею своей трудовой жизни, въ которой не было недостатка ни въ серьезныхъ интересахъ, ни въ интересныхъ людяхъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ было душно въ этой жизни первые дни. Все казалось такъ мелко, такъ условно и, главное, такъ... такъ ненужно... Я чувствовалъ себя въ этой обычной нравственной атмосферѣ такъ, какъ долженъ себя чувствовать человѣкъ, быстро спустившійся съ чистыхъ альпійскихъ высотъ въ шумный и пыльный городъ и вошедшій въ душную комнату, гдѣ сильно накурено табакомъ, пахнетъ неконченной трапезой и слышатся раздраженные голоса спорящихъ. Это чувство прошло нескоро, оставивъ во мнѣ послѣ себя ясное сознаніе, что, даже не во всемъ соглашаясь съ Толстымъ, надо считать особымъ даромъ судьбы возможность видѣться съ нимъ и совершить то, что я впослѣдствіи не разъ называлъ *дезинфекціей души*.

III.

Послѣ перваго знакомства съ Л. Н. Толстымъ между нами установились добрыя и сочувственныя личныя отношенія. Съ моей стороны въ этомъ не было ничего удивительнаго. Въ моемъ представленіи къ образу великаго писателя и тонкаго наблюдателя жизни присоединился и возвышенный образъ человѣка, способный оставлять глубокое впечатлѣніе, даже если бы этому человѣку и не предшествовала столь заслуженная слава. Несмотря на узкое и нелѣпое «критиканство» разныхъ зоиловъ и проповѣдниковъ сыска въ частной и домашней жизни, я нашелъ

въ Ясной Полянѣ удовлетвореніе давнишней жажды встрѣтить человѣка, который олицетворялъ бы въ словахъ, стремленіяхъ, побужденіяхъ и поступкахъ неуклонную правду — «la verité sans phrases» — столь рѣдкую среди обычной житейской лжи, лукавства и притворства. Но его отношеніе ко мнѣ я могу объяснить лишь тѣмъ, что онъ не усмотрѣлъ въ моихъ взглядахъ и дѣятельности проявленія того, что вызывало его несочувственный взглядъ на наше судебное дѣло и суровое осужденіе имъ нѣкоторыхъ сторонъ въ дѣятельности служителей послѣднягю. «Воскресеніе» послужило впослѣдствіи выраженіемъ такого его взгляда. Со сдержаннымъ негодованіемъ передавалъ онъ мнѣ эпизоды изъ своего призыва въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ Тулу и свои наблюденія надъ различными эпизодами судоговоренія и надъ отдѣльными лицами изъ судебнаго персонала и адвокатуры. Показная и, если можно такъ выразиться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ спортивная сторона въ работѣ обвинителей и защитниковъ всегда меня отъ себя отталкивала, и, несмотря на неизбѣжныя ошибки въ моей судебной службѣ, я со спокойною совѣстью могу сказать, что въ ней не нарушилъ сознательно одного изъ основныхъ правилъ кантовской этики, т. е. не смотрѣлъ на человѣка, какъ на средство для достиженія какихъ-либо, хотя бы даже и возвышенныхъ цѣлей. Быть можетъ, это почувствовалъ Толстой, и на этомъ построилось его доброе ко мнѣ отношеніе, несмотря на его отрицательный взглядъ на судъ. Напечатавъ «Общія основанія судебной этики», я послалъ ему отдѣльный оттискъ. «Судебную этику я прочелъ, — писалъ онъ мнѣ въ 1904 году: — и хотя думаю, что эти мысли, исходящія отъ такого авторитетнаго человѣка, какъ вы, должны принести пользу судейской молодежи, но все-таки лично не могу, какъ бы ни желалъ, отрѣшиться отъ мысли, что какъ скоро признанъ высшій нравственный религіозный законъ — категорическій императивъ Канта, — такъ уничтожается самый судъ передъ его требованіями. Можетъ-быть, и удастся еще повидаться, и тогда поговоримъ объ этомъ. Дружески жму вашу руку».—А. М. Кузминскій сказалъ мнѣ: «вы знаете, вѣдь Левъ Николаевичъ терпѣть не можетъ «судебныхъ» и, напримѣръ, ни за что не хо-

четъ знать своего дальняго свойственника N.N., а васъ онъ искренно любитъ». Эта пріязнь Толстого выразилась, между прочимъ, и при нашихъ, сравнительно рѣдкихъ, послѣдующихъ свиданіяхъ, и въ многочисленныхъ письмахъ, съ которыми онъ ко мнѣ обращался впослѣдствіи, очевидно, видя во мнѣ не только «судейскаго чиновника». Ниже я разскажу и содержаніе этихъ писемъ, во многомъ рисующихъ Толстого. Теперь же скажу о нашихъ встрѣчахъ и свиданіяхъ.

Послѣ 1887 года, каждый разъ, проѣзжая черезъ Москву, я заходилъ ко Льву Николаевичу и проводилъ вечеръ въ его семействѣ. Онъ былъ — какъ всегда — интересенъ и глубоко содержателенъ, много говорилъ объ искусствѣ, но намъ почти не удавалось быть наединѣ... Только разъ, въ 1892 году, на Пасхѣ, провожая меня, онъ въ передней задержалъ мою руку въ своей и сказалъ мнѣ: «а мнѣ давно хочется васъ спросить: боитесь ли вы смерти?» — и отвѣтилъ теплымъ рукопожатіемъ на мой отрицательный отвѣтъ. Этотъ вопросъ возникалъ потомъ у насъ съ нимъ нѣсколько разъ. Такъ, въ 1895 г., онъ писалъ мнѣ: «Утѣшаю себя мыслью, что доктора всегда врутъ, и что ваше нездоровье не такъ серьезно, какъ они думаютъ. Впрочемъ, отъ всей души желаю вамъ — если у васъ этого нѣтъ — вѣры въ жизнь вѣчную и потому безстрашія передъ смертью, уничтожающаго главное жало всякой болѣзни». Гораздо позднѣе, черезъ одиннадцать лѣтъ, онъ писалъ мнѣ: «О себѣ могу сказать, что чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ мнѣ все лучше и лучше. Желаю вамъ того же. Любящій васъ Л. Т.». Въ томъ же 1892 году, осенью, въ разговорѣ о холерныхъ безпорядкахъ, которыми тогда омрачена была русская жизнь, онъ объяснялъ ихъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда они направлялись на принятыя противъ холеры мѣры— инстинктивнымъ отвращеніемъ народа къ малодушнымъ опасеніямъ въ ожиданіи смертельной болѣзни.

Во время этихъ посѣщеній я заставалъ женскую часть семьи Льва Николаевича обыкновенно въ полномъ сборѣ. Каждая изъ дочерей Льва Николаевича представляла изъ себя особую индивидуальность, оставлявшую впечатлѣніе самостоятельнаго развитія, не стѣсненнаго предвзятыми взглядами свѣтскаго

воспитанія. Въ общемъ — онѣ походили наружностью на отца, но типическія черты послѣдняго и его строгій взглядъ смягчались у нихъ чистой прелестью той кроткой женственности, которая присуща настоящей русской женщинѣ. Постоянная и по временамъ тревожная забота о мужѣ не мѣшала однако проявленіямъ радушія графини Софіи Андреевны. Домъ въ Хамовникахъ былъ полонъ, быть-можетъ, слишкомъ полонъ—домочадцами и посѣтителями, и застать Льва Николаевича одного, кромѣ тѣхъ часовъ, когда онъ запирался для работы, было очень трудно. А въ другое время молодая жизнь нерѣдко мѣшала своимъ бурнымъ потокомъ спокойной бесѣдѣ съ нимъ. Иногда, когда мы сидѣли вдвоемъ или втроемъ съ моимъ старымъ слушателемъ по училищу правовѣдѣнія, М. А. Стаховичемъ, въ сосѣднихъ комнатахъ раздавались взрывы неудержимаго молодого веселья или звуки балалаекъ, и по временамъ черезъ гостиную мчалась, какъ вихрь, толпа юнцовъ и юницъ.

Поэтому мои воспоминанія объ этихъ встрѣчахъ довольно отрывочны, но помнится, что въ одно изъ этихъ посѣщеній мнѣ разсказывали у Толстыхъ о проживавшей на покоѣ въ Ясной Полянѣ престарѣлой горничной бабушки Льва Николаевича. Высокая, сухая и прямая старуха, строптивая, рѣшительная и независимая —эта Агаѳья Михайловна (въ молодости «Гаша») представляла своеобразный и нынѣ исчезнувшій типъ. Вѣрная до самозабвенія своимъ господамъ, она знала только двѣ вѣры и двѣ службы: въ Бога и Богу, въ нихъ и имъ. Чрезъ это преломлялись всѣ ея житейскія отношенія. «Вотъ, батюшка, какое у меня горе, — разсказывала она, — церковь у насъ далеко, и церковныхъ свѣчъ купить негдѣ, такъ что иногда и къ образу поставить нечего. Разъ приходитъ ко мнѣ управляющій, да и говоритъ: «Агаѳья Михайловна! вѣдь какая у насъ бѣда: молодого барина Сергѣя Львовича собаки убѣжали на село. Пожалуй, чью-нибудь овцу разорвутъ, да коли и не разорвутъ, все равно Левъ Николаевичъ прикажетъ заплатить, что съ него эти разбойники ни спросятъ. Одно разореніе! Послали ловить на село, да гдѣ тутъ! Развѣ сами прибѣгутъ». Ушелъ онъ, я и думаю: поставлю свѣчку Николѣ-угоднику! Пошла въ комодъ. Глядь, а свѣч-

ки-то у меня и нѣтъ! Послѣднюю за полчаса поставила ему же, чтобъ барынинъ братъ Берсъ экзаменъ въ Правовѣдѣньи выдержалъ. Какъ тутъ быть?! Я стала предъ образомъ, перекрестилась, да и говорю: Батюшка! батюшка-угодничекъ Божій! Это что за молодого барина поставлена свѣчка — такъ это *потомъ* будетъ, теперь это за то, чтобъ собаки вернулись и крестьянскихъ овецъ не рвали». Она проводила время въ вязаніи носковъ, любила и умѣла бывать сидѣлкой при больныхъ и со страстною нѣжностью относилась къ животнымъ. Въ послѣдніе годы жизни она стала путать время. Тогда Левъ Николаевичъ подарилъ ей простые стѣнные тульскіе часы съ маятникомъ. Она была имъ чрезвычайно рада, но дня черезъ три принесла назадъ: «Нѣтъ, батюшка, возьми ихъ обратно, — сказала она. — Я человѣкъ старый,— какъ лягу, такъ думаю о божественномъ, да о свѣтѣ Господнемъ, а не то, чтобы все о себѣ, да только о себѣ. А они тутъ, проклятые, какъ нарочно надъ головой знай себѣ все одно: «что ты?! кто ты?! что ты?! кто ты?! что ты?! кто ты?!» Ну, ихъ совсѣмъ!»

Мы видѣлись затѣмъ въ 1898 году, при чемъ мнѣ пришлось имѣть споръ съ Львомъ Николаевичемъ по поводу Ѳедора Петровича Гааза, котораго онъ упрекалъ въ томъ, что онъ не отрясъ прахъ ногъ своихъ отъ тюремнаго дѣла, а продолжалъ быть старшимъ тюремнымъ врачемъ. Въ концѣ концовъ однако онъ согласился со мною въ оцѣнкѣ нравственной личности святого доктора. Въ это время онъ писалъ свое сочиненіе объ искусствѣ и ходилъ, между прочимъ, въ театръ присутствовать при репетиціи. Съ непередаваемымъ юморомъ разсказывалъ онъ свои впечатлѣнія и описывалъ, какъ хористы поютъ какую-то чувствительную безсмыслицу, а ближайшій руководитель уже вовсе не сентиментально на нихъ покрикиваетъ. Въ день отъѣзда я заѣхалъ къ нему проститься, но слуга сказалъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ уѣхалъ кататься на велосипедѣ и вернется лишь часа черезъ два. Я не могъ ожидать и думалъ, что въ этотъ разъ его больше не увижу. Но, предъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ гостиницы Континенталь, на Театральной площади, къ крыльцу подскакалъ всадникъ, и это оказался Толстой, которому уже было 70 лѣтъ.

Мы видѣлись, впрочемъ, еще передъ этимъ въ 1897 году въ Петербургѣ, куда Толстой пріѣзжалъ проститься съ Чертковымъ, котораго въ то время постыдной религіозной нетерпимости высылали за границу. Часовъ въ 11 вечера, вернувшись домой изъ какого-то засѣданія, я сѣлъ за работу, развлекаемый долетавшими изъ сосѣдней квартиры, — гдѣ жило семейство, занимавшееся торговлею подъ фирмою «парфюмерія Россъ», — звуками музыки, командными словами танцевъ и топотомъ ногъ. Тамъ справляли нѣчто въ родѣ нашего стариннаго дѣвичника, называемаго у нѣмцевъ «Polterabend». Моя старая прислуга сказала мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то мужикъ. На мой вопросъ, кто онъ такой и что ему надо такъ поздно, она вернулась со справкой, что его зовутъ Левъ Николаевичъ. Съ нѣжнымъ уваженіемъ провелъ я «мужика» въ кабинетъ, и мы пробесѣдовали цѣлый часъ, при чемъ онъ поражалъ меня своимъ возвышеннымъ и всепрощающимъ отношеніемъ къ тому, что было сдѣлано съ Чертковымъ. Ни слова упрека, ни малѣйшаго выраженія негодованія не сорвалось съ его устъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе одного изъ тѣхъ первыхъ христіанъ, которые умѣли смотрѣть безтрепетно въ глаза мучительной смерти и кротостью побѣдили міръ. Я не обратилъ вниманія, что музыка у сосѣдей затихла, но когда Толстой сталъ уходить, и я вышелъ его проводить на лѣстницу, то мы увидѣли, что на ней, въ ожиданіи, столпились гости «парфюмеріи Россъ» — декольтированныя барышни и молодые люди во фракахъ. Толстой нахмурился, надвинулъ на самые глаза шапку и почти бѣгомъ побѣжалъ внизъ. Оказалось, что моя служанка, увидѣвъ радостную почтительность, съ которою я принялъ неизвѣстнаго мужика, усомнилась въ его *подлинности*, стала изъ-за дверей вглядываться въ его фигуру и вдругъ была поражена сходствомъ пришедшаго съ большимъ фотографическимъ портретомъ Толстого, подареннымъ мнѣ Рѣпинымъ. Она догадалась, въ чемъ дѣло, торжественно провозгласила объ этомъ въ кухнѣ, и—«пошла писать губернія»...

Въ этотъ же его пріѣздъ въ Петербургъ одна моя знакомая дѣвушка ѣхала съ даваемаго ею урока на службу по «конкѣ».

Въ вагонъ вошелъ одѣтый по-простонародному старикъ, на котораго она не обратила никакого вниманія, и сѣлъ противъ нея. Она читала дорогой купленную ею книжку о докторѣ Газѣ. — А вы знаете автора этой книги? вдругъ спросилъ ее старикъ, разсмотрѣвъ обложку. И на ея утвердительный отвѣтъ онъ просилъ передать мнѣ свой поклонъ. Только тутъ, вглядѣвшись въ него, она поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. — Мнѣ захотѣлось — разсказывала она — броситься тутъ же въ вагонѣ передъ нимъ на колѣни, и я невольно воскликнула: «вы, вы Левъ Николаевичъ?!» — такъ что всѣ обратили на насъ вниманіе. Толстой утвердительно наклонилъ голову, подалъ ей руку и поспѣшно вышелъ изъ вагона.

Неотложныя занятія, частое нездоровье и нерѣдкія тревоги личной жизни лишали меня, несмотря на горячее желаніе, возможности посѣщать Толстого такъ часто, какъ бы я хотѣлъ. А одинъ разъ въ послѣдніе годы, когда я совсѣмъ собрался ѣхать въ Ясную Поляну, пришло письмо отъ гр. Софьи Андреевны о томъ, что домашній пожаръ долженъ вызвать отсрочку этой поѣздки. Поэтому лишь въ 1904 году, на Пасхѣ, я снова посѣтилъ и, быть можетъ, уже въ послѣдній разъ Ясную Поляну.

Я нашелъ на этотъ разъ Льва Николаевича физически сильно состарѣвшимся, осунувшимся и похудѣвшимъ. Было очевидно, что предшествующіе годы болѣзни оставили на немъ глубокій слѣдъ, но слѣдъ, конечно, физическій, а не духовный. Въ послѣднемъ отношеніи я замѣтилъ въ немъ только одну особенность противъ прежняго. Онъ сталъ еще мягче и снисходительнѣй къ другимъ и строже къ самому себѣ. Рисуя иногда двумя-тремя глубоко-художественными фактическими штрихами чью-либо личность, онъ тщательно воздерживался отъ неблагопріятныхъ выводовъ и однажды, когда слово осужденія вырвалось у него невольно, внезапно нахмурился, покраснѣлъ и съ видимымъ неудовольствіемъ сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ, не нужно злословить, не будемъ осуждать!». Онъ весь былъ противъ пагубной войны, на которую высокомѣрная «волокита» нашей дипломатіи и наша самонадѣянная неподготовленность и презрѣніе къ урокамъ исторіи толкнули Японію съ давно затаеннымъ оскорбленіемъ ея

національнаго чувства. Но его русское сердце сжималось съ тоскою и тревогой по поводу результатовъ предстоящей бойни. При мнѣ пришло извѣстіе о гибели Макарова, чрезвычайно его разстроившее. Онъ интересовался всѣми телеграммами, ѣздилъ за ними самъ въ Тулу верхомъ и постоянно возвращался въ разговорахъ къ случившемуся. Дурная погода и весенній разливъ мѣшали намъ предпринимать прогулки, и онъ проводилъ большую часть дня дома, гдѣ всѣ, кромѣ него, вставали довольно поздно. Мы же сходились утромъ вдвоемъ за чаемъ въ 8 часовъ и подолгу бесѣдовали вечеромъ въ его маленькомъ кабинетѣ, куда онъ зазывалъ меня передъ сномъ и гдѣ опять повторялись старые задушевные разговоры, какъ 17 лѣтъ назадъ, только на этотъ разъ уже я сиживалъ около постели. По вечерамъ онъ иногда читалъ вслухъ съ удивительной простотой и въ то же время выразительностью. Такъ, мнѣ помнится особенно ярко чтеніе имъ разсказа Куприна «Въ казармѣ». Онъ признавалъ большой талантъ за этимъ писателемъ.

Въ эти памятные для меня дни онъ далъ мнѣ прочесть въ рукописи три своихъ произведенія: «Божеское и человѣческое», «Послѣ бала» и «Хаджи Муратъ» и неоконченный трактатъ о Шекспирѣ. Съ послѣднимъ трудно было согласиться, хотя и тамъ были яркія и глубокія мысли. Драма, по мнѣнію Толстого, должна быть непремѣнно религіозной. Такою и была древняя драма, ибо человѣческія страсти, страданія и самая судьба составляли содержаніе античной религіи. Потомъ драма утратила этотъ характеръ, и когда ее пожелали возобновить, то взяли лишь античную форму безъ ея содержанія. Нѣмцы, подъ вліяніемъ Гёте, отвращаясь отъ этого псевдо-классицизма, обратились къ Шекспиру и положили начало особому шекспировскому культу. Но у Шекспира, по мнѣнію Толстого, прежде всего бросается въ глаза отсутствіе искренности, грубое и низменное содержаніе, облеченное въ неудачную форму. Обиліе грубости въустахъ дѣйствующихъ лицъ, одинъ и тотъ же языкъ, которымъ говорятъ всѣ, и полное отсутствіе рѣзко очерченныхъ характеровъ ставятъ даже знаменитыхъ Лира и Отелло ниже ихъ иностранныхъ первообразовъ. Я возражалъ Толстому, какъ умѣлъ, будучи безуслов-

нымъ поклонникомъ Шекспира и находя въ его твореніяхъ не только удивительное изображеніе именно характеровъ, но и разрѣшеніе многихъ важнѣйшихъ проблемъ человѣческаго духа. Но Толстой, приводя исключительные примѣры, стоялъ на своемъ съ внѣшней мягкостью, но съ внутреннимъ упорствомъ, носившимъ на себѣ даже оттѣнокъ нѣкотораго раздраженія. Я думаю, что литературный кружокъ, въ который онъ вошелъ послѣ Севастополя, чрезмѣрно старался—въ лицѣ Дружинина, Тургенева и Анненкова—начинить молодого офицера фетишизмомъ по отношенію къ великому драматургу, и свойственная натурѣ Толстого реакція приняла глубокую и неискоренимую форму. Но зато три остальныхъ вещи заставили меня провести чудныя минуты и — откровенно говоря — не разъ вызывали умиленіе передъ величіемъ таланта автора и его способностью «заражать» читателя своимъ настроеніемъ. Трудно передать всю глубину и всю прелесть простоты этихъ произведеній. Мнѣ невольно приходитъ на память Гансъ Мемлингъ въ Брюгге съ его миніатюрами изъ житія святой Урсулы, гдѣ все такъ жизненно, правдиво и просто, недосягаемо просто! Въ нарисованныхъ Толстымъ въ «Божескомъ и человѣческомъ» образахъ южнаго генералъ-губернатора, матери приговореннаго Анатолія Свѣтлогуба, ея сына, раскольника, ищущаго истинную вѣру, и террориста Меженецкаго нѣтъ ни одной лишней черты. L'élimination du superflu, составляющее необходимое условіе всякаго художественнаго произведенія, доведено до совершенства, и впечатлѣніе получается огромное. Глубокой вѣрой звучитъ этотъ разсказъ съ лаконическимъ описаніемъ казни, гдѣ за физическимъ ужасомъ, за болью и прекращеніемъ ея слѣдуетъ восторгъ новаго рожденія и возвращенія къ Тому, отъ Кого человѣкъ исшелъ и къ Кому шелъ, умирая, — въ связи съ приводимымъ Толстымъ текстомъ отъ Іоанна (22. XI. XII). Отъ разсказа «Послѣ бала» вѣетъ такимъ молодымъ цѣломудреннымъ чувствомъ, что этой вещи нельзя читать безъ невольнаго волненія. Нужно быть не только великимъ художникомъ, но и нравственно высокимъ человѣкомъ, чтобы *такъ* умѣть сохранить въ себѣ, до глубокой старости, несмотря на «охлажденны лѣта»

и затѣмъ изобразить тотъ почти неуловимый строй наивныхъ восторговъ, чистаго восхищенія и таинственно-радостнаго отношенія ко всему и всѣмъ, который называется первою любовью. Эта любовь, возникшая внезапно въ сердцѣ молодого студента, налетѣвшая на него, какъ шквалъ, и заставившая его съ одинаково умиленнымъ чувствомъ относиться и къ красавицѣ-дѣвушкѣ и къ танцующему съ нею на балѣ мазурку отцу ея, воинскому начальнику — не выдерживаетъ столкновенія съ ужасающей дѣйствительностью, когда утромъ, послѣ бала, не могущій заснуть отъ взволнованнаго очарованія студентъ видитъ, совершенно неожиданно, этого отца управляющимъ прогнаніемъ сквозь строй татарина-дезертира и бьющимъ по лицу нанесшаго слабый ударъ молодого солдата со словами: «я тебя научу мазать, будешь мазать!» Этотъ роковой диссонансъ дѣйствуетъ сильнѣе всякой длинной и сложной драмы. Наконецъ, «Хаджи Муратъ» по разнообразію картинъ и положеній, по глубинѣ и яркости изображеній и по эпическому своему характеру можетъ, по моему мнѣнію, стать наравнѣ съ «Войной и миромъ» въ своихъ несравненныхъ переходахъ отъ рубки лѣса къ балу у намѣстника Кавказа, отъ семейной сцены въ отдаленной русской деревнѣ къ кабинету императора Николая Павловича и къ саклѣ горнаго аула, гдѣ мать Хаджи Мурата поетъ народную пѣсню о томъ, какъ она залѣчила тяжелую рану, нанесенную ей въ грудь кинжаломъ, приложивъ къ ней своего маленькаго сына. Особенно сильно было въ этомъ разсказѣ изображеніе Николая Павловича съ его наружностью, взглядомъ, отношеніемъ къ женщинамъ, къ полякамъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ онъ старается найти оправданіе себѣ въ принимаемыхъ противъ нихъ суровыхъ мѣрахъ и съ его мыслями о томъ, «что была бы Россія безъ меня?» Говорю: *было*, потому что Толстой считалъ главу о Николаѣ Павловичѣ неоконченной и даже хотѣлъ вовсе ее уничтожить, опасаясь, что внесъ въ описаніе нелюбимаго имъ монарха слишкомъ много субъективности въ ущербъ спокойному безпристрастію. Можно опасаться, что онъ осуществитъ свой скептическій взглядъ, столь пагубный со временъ Гоголя для русской литературы.

Смѣна родныхъ, пріѣздъ знакомыхъ и разныхъ иностранцевъ мѣшали мнѣ насладиться Львомъ Николаевичемъ «всласть». Но тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ я увезъ изъ Ясной Поляны нѣсколько художественныхъ образовъ, мелькнувшихъ въ разсказахъ Толстого, и теплое воспоминаніе о нашихъ бесѣдахъ. Послѣднія часто касались вопросовъ вѣры. Въ обсужденіе ихъ Левъ Николаевичъ вносилъ особую задушевность. Видно было, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ большинство склонныхъ къ мышленію людей обращается по отношенію къ интересовавшимъ ихъ когда-то нравственнымъ и религіознымъ вопросамъ въ то, что Бисмаркъ называлъ «eine beurlaubte Leiche» (уволенный въ *отпускъ* трупъ) — Толстой живетъ полной жизнью. Его тревожатъ и волнуютъ эти вопросы, и онъ является «взыскующимъ града», пытливо вдумываясь въ ихъ наиболѣе пріемлемое душою объясненіе. Такъ, однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что его интересуетъ вопросъ о томъ, возможно ли и мыслимо ли за гробомъ индивидуальное существованіе души, или же она сольется со всѣмъ остальнымъ міромъ, и существованіе ея будетъ, такъ сказать, космическое. Я разсказалъ ему объ одномъ своемъ пріятелѣ, который твердо и горячо убѣжденъ, что душа сохранитъ или, вѣрнѣе, выразитъ свою земную индивидуальность, воплотившись въ какую-нибудь невѣдомую, но, конечно, болѣе совершенную форму, при чемъ для нея, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, не будетъ двухъ ограничительныхъ въ нашемъ существованіи условій: времени и пространства. Утромъ на другой день Толстой сказалъ мнѣ при первой нашей встрѣчѣ, что много думалъ ночью о нашемъ разговорѣ и согласенъ съ взглядомъ моего пріятеля. «Да! — прибавилъ онъ: — за гробомъ будетъ индивидуальное существованіе, а не Нирвана и не сліяніе съ міровой душою».

«Меня интересуетъ, — сказалъ онъ въ другой разъ, — какъ представляете вы себѣ наши отношенія къ Хозяину и считаете ли, что должно существовать возмездіе въ будущей жизни?» Я высказалъ ему свой взглядъ на вѣру въ Бога, какъ на непреложное убѣжденіе въ существованіи вѣчнаго и неизбѣжнаго Свидѣтеля всѣхъ мыслей, поступковъ и побужденій, благодаря

чему человѣкъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не бываетъ *одинъ*. Это сознаніе вмѣстѣ съ мыслью о смерти и слѣдующей за нею жизнью, въ которой наступитъ отвѣтственность, должно руководить земною жизнью человѣка и связывать его съ Хозяиномъ. Не быть въ этомъ отношеніи «рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ» — нравственная задача человѣка. Отвѣтственность и возмездіе, конечно, не могутъ быть понимаемы въ матеріальномъ смыслѣ или въ образахъ, созданныхъ необходимостью подѣйствовать на воображеніе. Какъ «царство Божіе внутрь насъ есть» — такъ и адъ и рай внутрь насъ... Мнѣ думается, что наша душа, освобожденная отъ бреннаго футляра-тѣла, получитъ возможность великаго, по своему объему и глубинѣ, созерцанія и увидитъ земную жизнь свою сразу во всемъ ея теченіи, какъ рѣку на ландкартѣ, со всѣми ея извивами и развѣтвленіями. Предъ лицомъ вѣчной правды и добра познаетъ она свои умышленныя заблужденія и сознательно причиненное зло, но увидитъ также и добрыя струи, оплодотворившія прибрежную почву. И въ этомъ будетъ ея радость, и въ этомъ будетъ мзда, потому что сознаніе зла, котораго нельзя уже исправить и замѣнить добромъ — есть тяжкое возмездіе. — «Какъ я радъ, — сказалъ Толстой, — что вы *такъ* смотрите, и что мы такъ сходимся во взглядѣ на будущую жизнь. Я всегда такъ радъ, когда встрѣчаю людей, не вѣрящихъ въ смерть, какъ въ уничтоженіе. Мнѣ нравится и это изображеніе рѣки. Да, рѣка! Именно рѣка!» И между нами долго еще продолжалась одна изъ тѣхъ бесѣдъ, послѣ которыхъ жить становится легче и бодрѣе.

И въ это мое посѣщеніе я могъ снова убѣдиться въ той благородной терпимости и деликатности, съ которыми Левъ Николаевичъ относится къ чужимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, даже когда они идутъ въ разрѣзъ съ его взглядомъ, но если только они искренни и не вредоносны сами по себѣ. Извѣстенъ его взглядъ на Христа и на многіе коренные догматы, вытекающіе изъ пророчествъ и изъ твореній евангелистовъ. Строго разграничивая этическое содержаніе евангелія отъ историческаго, и ученіе Іисуса Христа отъ Его жизни и личности,—и ставя Его на первое мѣсто въ ряду великихъ нравственныхъ мыслителей, какъ

завѣщавшаго міру вѣковѣчный и непревзойденный законъ кротости и человѣколюбія, Толстой не можетъ не встрѣчать горячихъ и упорныхъ возраженій со стороны тѣхъ, кто считаетъ, что невозможно выбирать изъ евангелія лишь часть — этическое ученіе — и, восторженно воспринимая её, одновременно отвергать все остальное и тѣмъ вырывать изъ сердца таинственные и плѣнительные образы, дѣлающіе изъ этого ученія предметъ не только сочувствія, но и вѣры. Мнѣ пришлось испытать, какъ мягко въ обмѣнѣ мнѣній объ этомъ относится Левъ Николаевичъ къ тому, что онъ считаетъ «заблужденіемъ», и какъ тщательно избѣгаетъ онъ того, что можетъ оскорбить или уязвить религіозное чувство своего «совопросника». Мнѣ казалось, что, даже считая свою точку зрѣнія непоколебимою, онъ раздѣляетъ прекрасныя слова Герцена о томъ, что есть цѣлая пропасть между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ — и что сердце плачетъ и не можетъ разстаться, когда холодный разсудокъ уже постановилъ свой приговоръ...

Съ такимъ отношеніемъ къ собесѣднику идетъ какъ бы въ разрѣзъ тотъ страстный и безпощадный подчасъ способъ выраженій, употребляемый, особенно въ послѣдніе годы, Львомъ Николаевичемъ въ своихъ произведеніяхъ, касающихся вопросовъ политики или религіи. Но это объясняется тѣмъ, что, имѣя предъ собою безличнаго, собирательнаго читателя, настроеніе и степень воспріимчивости котораго неизвѣстны, и при томъ не споря съ нимъ, а лишь излагая свое мнѣніе, онъ не имѣетъ повода стѣсняться выборомъ выраженій, заботясь лишь о томъ, чтобъ возможно сильнѣй и глубже выразить свою мысль. При томъ онъ постоянно думаетъ о смерти (это сквозитъ, а иногда и прямо выражено во многихъ письмахъ его ко мнѣ), а частыя тяжелыя болѣзни заставляютъ его считать ее близкою. А между тѣмъ душа его не старѣетъ, живетъ, горитъ любовью, волнуется справедливымъ гнѣвомъ на то, что Христосъ имѣетъ множество слугъ и мало послѣдователей, — жаждетъ и ищетъ правды и отвергаетъ всякую условность и житейскіе компромиссы. Мѣра того, что накопляется въ ней, что надо высказать, гораздо больше мѣры «судьбой отсчитанныхъ дней», — прихо-

дится торопиться и страстнымъ словомъ закрѣпить то, что еще хочется и можно успѣть сказать предъ уходомъ... Есть очень выразительная испанская поговорка: «кричать устами своей раны (per la bocca de su herida)». Такъ иногда устами своей раны кричитъ этотъ извѣдавшій, наблюдавшій и душевно выстрадавшій жизнь старецъ...

При мнѣ пришло извѣстіе о кончинѣ графини Александры Андреевны Толстой, приходившейся, несмотря на близкое равенство возраста, теткою Льву Николаевичу. Я былъ лично знакомъ съ этой оригинальной и симпатичной по своему душевному складу женщиной. Грузная, съ тройнымъ подбородкомъ и умными темными глазами, она производила впечатлѣніе родовитой и самостоятельной, — несмотря на свое высокое придворное положеніе (она была воспитательницей великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской) и связанную съ этимъ зависимость, — личности, въ которой лоскъ европейскаго воспитанія не стеръ милыхъ свойствъ коренной русской природы. Одинаково хорошо и сильно владѣя и роднымъ и французскимъ языкомъ, она умѣла выражать на немъ результаты своихъ думъ и выводы своей тонкой наблюдательности. Еще не будучи съ нею знакомъ, я съ великимъ удовольствіемъ прочелъ ея горячія, трогательныя и краснорѣчивыя строки въ отвѣтъ на брошюру нѣкоего господина Лафертэ: «L'empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort», въ которой услужливый писака, рисуя въ восторженныхъ выраженіяхъ особу, сообщившую ему эти интимныя подробности, позволилъ себѣ пренебрежительное отношеніе къ памяти той, которую она замѣстила, не замѣнивъ. «M. Laferté, — писалъ «un russe du grand monde» (таковъ былъ псевдонимъ гр. Толстой) — en cherchant à faire sortir la princesse du rôle de silence et d'obscurité qui incombe à sa position actuelle et qui lui aurait valu la faveur de l'oubli — et faisant ainsi l'apologie d'une existence en dehors des voies régulières, n'a-t-il jamais pensé qu'il pourrait évoquer une ombre sainte qui vit et rayonne encore dans tous les coeurs, entourée d'une auréole de pureté et de vertu lumineuse, devant laquelle la princesse devrait se prosterner, en implorant son pardon, le front courbé

dans la poussière». (Quelques mots sur la brochure de M. Laferté. Paris. 1882).

Бесѣда съ гр. Александрой Андреевной Толстой, всегда перевитая ея интересными воспоминаніями изъ доступной немногимъ области, была интересна и во многомъ поучительна. Здѣсь не мѣсто приводить что-либо изъ этихъ воспоминаній, но для характеристики ихъ можно указать, напримѣръ, на разсказъ ея о томъ, что будущій германскій императоръ, тогда еще только прусскій король Вильгельмъ, былъ въ обыденной жизни довольно скученъ, такъ что Бисмаркъ, приходившій пить чай къ гостившимъ въ Баденъ-Баденѣ двумъ великимъ княгинямъ, сказалъ однажды ей, Толстой: «Croyez-vous, comtesse, qu'il est facile de gouverner avec un vieux comme ça?!»

Я не могу судить о томъ, какъ принялъ въ глубинѣ души Левъ Николаевичъ извѣстіе о ея кончинѣ... Онъ былъ слишкомъ удрученъ общимъ горемъ — войною, и, кромѣ того, при его взглядѣ на смерть и на будущую жизнь, раздѣляемомъ и мною, можно скорбѣть, если къ тому есть поводъ, лишь объ *оставшихся*, а не объ *ушедшихъ*. «Кончена жизнь!» — говорятъ вокругъ Ивана Ильича... «Нѣтъ, *смерть* кончена!» — хочетъ онъ воскликнуть и умираетъ.

Въ началѣ 1903 года гр. А. А. Толстая пожертвовала Академіи Наукъ свои записки объ отношеніяхъ своихъ къ Льву Николаевичу съ тѣмъ, чтобы онѣ были напечатаны съ благотворительною цѣлью. Избранная Академіей комиссія, разсмотрѣвъ эти записки, цѣнныя по біографическимъ даннымъ и письмамъ, въ нихъ приводимымъ, возложила на меня редактированіе изданія и всѣ по этому предмету распоряженія. Объективный тонъ, теплота чувства, искусный подборъ и освѣщеніе подробностей производятъ въ этихъ воспоминаніяхъ гр. А. А. Толстой о далекихъ годахъ ея и Льва Николаевича молодости прекрасное впечатлѣніе. Но оно, для меня по крайней мѣрѣ, не остается такимъ до конца. Дѣло въ томъ, что дружескія, нѣжныя отношенія ея и Льва Николаевича, въ описаніи которыхъ чувствуются слѣды нѣкоторой съ ихъ стороны «amitié amoureuse», встрѣтили съ теченіемъ времени на своемъ пути

строго-ортодоксальныя и не допускающія никакихъ колеба-
ній убѣжденія графини. Левъ Николаевичъ, со свой-
ственной ему страстностью въ исканіи правды, сталъ дѣ-
литься своими «открытіями» съ теткою и разсказывать ей
словесно и письменно о томъ, какъ церковность «спадаетъ вет-
хой чешуей» съ души его, и какъ безпощадно къ себѣ и къ сво-
имъ недавнимъ вѣрованіямъ онъ совлекаетъ съ себя «ветхаго
Адама». Между ними возгорѣлась полемика, въ которой мало-
по-малу они стали говорить на различныхъ языкахъ и въ кото-
рую постепенно проникло взаимное раздраженіе, подготовляв-
шееся долгимъ разладомъ во взглядахъ... Это раздраженіе с
особенною яркостью сказалось въ послѣднихъ страницахъ запи-
сокъ гр. Толстой. Характеризуя въ нихъ друга своей молодости
она, конечно, совершенно искренно и съ душевной болью на-
ходитъ, что, «не успѣвъ уяснить себѣ свои собственныя мысли
онъ отвергъ святыя, неоспоримыя истины», впалъ въ мнимо
христіанское учительство и дошелъ до ужаснаго: — возненави
дѣлъ церковь, плодомъ чего явился «бѣшеный пароксизм
невообразимыхъ взглядовъ на религію и на церковь, съ изда
вательствомъ надо всѣмъ, что намъ дорого и свято». Признавая
что Левъ Николаевичъ «хуже всякаго сектанта», и что послѣ
того, какъ злой духъ, древній змій, вложилъ въ его душу отри
цаніе — за стуломъ его, какъ писателя, «сталъ самъ Люциферъ
воплощеніе гордости» — графиня постановляетъ суровый окон
чательный приговоръ о Львѣ Николаевичѣ.

Незадолго предъ этимъ въ газетахъ появилось извѣстно
постановленіе о признаніи Толстого Св. Синодомъ непринадле
жащимъ къ церкви, и ему еще при жизни стала грозить возмож
ность быть лишеннымъ христіанскаго погребенія. Этимъ был
вызвана цѣлая бомбардировка его ожесточенными и укорител
ными письмами съ проклятіями и угрозами. Около того же вре
мени въ многолюдномъ собраніи Философскаго Общества пр
петербургскомъ университетѣ былъ сдѣланъ докладъ, въ кото
ромъ съ внѣшнимъ блескомъ талантливости и внутреннею одно
сторонностью развивалась мысль, что въ своей частной жизни
и произведеніяхъ Толстой является нигилистомъ и рѣзким

отрицателемъ, идеалы котораго можно, пожалуй, найти въ міросозерцаніи старика Ерошки въ «Казакахъ» или лакея Смердякова въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Обычная непослѣдовательность русской жизни сказалась и тутъ, и одновременно съ объявленіемъ объ отлученіи Толстого отъ церкви на его извѣстномъ портретѣ, сдѣланномъ Рѣпинымъ и привлекавшемъ къ себѣ общее вниманіе на передвижной выставкѣ въ С.-Петербургѣ, появилась надпись о пріобрѣтеніи его для Музея Императора Александра III. Я призадумался надъ исполненіемъ порученія Академіи, находя крайне несвоевременнымъ печатаніе обличительныхъ записокъ такого рода. Академіи Наукъ не слѣдовало содѣйствовать той нетерпимости, предметомъ которой становился Толстой. Такое содѣйствіе, несогласное съ ея авторитетомъ вообще, являлось бы уже совершенно неумѣстнымъ по отношенію къ ея члену-корреспонденту и почетному академику. Это было бы вмѣстѣ съ тѣмъ лишено оправданія и съ точки зрѣнія исторической, такъ какъ оба корреспондента еще находились въ живыхъ, и исторія для нихъ еще не наступила... Соображенія мои были раздѣлены покойнымъ А. Н. Веселевскимъ и А. А. Шахматовымъ, и графиня Александра Андреевна выразила, послѣ объясненія съ послѣднимъ, желаніе, чтобы печатаніе ея записокъ было на нѣкоторое время отложено.

И въ это наше свиданіе въ Ясной Полянѣ я видѣлъ, какъ попрежнему останавливали на себѣ вдумчивое вниманіе Льва Николаевича житейскія картины, таившія въ себѣ внутренній смыслъ или нравственное поученіе, и какъ по-старому же блисталъ непроизвольнымъ юморомъ его разсказъ, когда онъ бывалъ въ духѣ. Такъ, напримѣръ, онъ высказалъ рядъ глубокихъ мыслей о той жадной и близорукой погонѣ за суетнымъ житейскимъ счастьемъ, которое такъ часто, со справедливой безжалостностью, прерывается внезапно налетѣвшею смертью. Это было вызвано разсказомъ моимъ объ одномъ петербургскомъ сановникѣ, человѣкѣ въ душѣ недурномъ и вовсе не зломъ, но который, снѣдаемый честолюбіемъ, всю жизнь хитрилъ, лицедѣйствовалъ, ломалъ свои сердце и совѣсть, напускалъ на себя желательную и угодную, по его мнѣнію, суровость, стараясь выставить себя

«опорою» въ сферѣ своей дѣятельности, имѣвшей дѣло съ живымъ и чувствующимъ матеріаломъ. Человѣкъ бѣдный и семейный, онъ долгое время не могъ собраться со средствами, чтобы «построить» себѣ дорогой, вышитый золотомъ мундиръ, и откладывалъ для этого особыя сбереженія. Наконецъ, мундиръ былъ готовъ, и его оставалось надѣть на придворный балъ или торжественный выходъ, чтобы, въ горделивомъ сознаніи своего офиціальнаго величія, прослѣдовать между второстепенными сановниками и городскими дамами. Но ни бала, ни выхода въ скоромъ времени не предстояло, а между тѣмъ наступало лѣто, и онъ собственноручно, съ величайшей осторожностью, уложилъ свой восьмисотрублевый мундиръ въ ящикъ, посыпавъ его, оберегая отъ моли, нафталиномъ. Осенью, 26 ноября, ко дню Георгіевскаго праздника, онъ вынулъ мундиръ — предметъ столькихъ вожделѣній — и о, ужасъ! все драгоцѣнное золотое шитье оказалось чернымъ отъ нафталина. Черезъ полгода его служебно-акробатическія упражненія прекратились навсегда. За бортомъ гроба, на высокомъ катафалкѣ, виднѣлось восковое бритое лицо покойника, съ длиннымъ заострившимся носомъ и недоумѣвающею складкой тонкихъ губъ. Казалось, что иронія судьбы способна пойти еще дальше и, пожалуй, могла бы надоумить прислугу положить его въ гробъ именно въ мундирѣ съ почернѣвшимъ шитьемъ. «Этотъ образъ, — сказалъ мнѣ Толстой, — говоритъ гораздо больше, чѣмъ длинныя разсужденія, и этой мыслью слѣдовало бы когда-нибудь воспользоваться».

Какъ память о моемъ пребываніи въ Ясной Полянѣ въ 1904 году, у меня остался снятый графиней Софьей Андреевной портретъ Льва Николаевича и мой, на которомъ чрезвычайно удалась прекрасная въ своемъ патріархальномъ величіи фигура Льва Николаевича. Отголоскомъ этого посѣщенія явилось письмо ко мнѣ Софьи Андреевны Толстой отъ 26 іюня 1904 года. Въ немъ она, между прочимъ, писала: «Левъ Николаевичъ подъ гнетомъ собственныхъ и семейныхъ событій (обѣ дочери его разрѣшились мертвыми младенцами, и младшій сынъ ушелъ на войну) какъ будто еще болѣе похудѣлъ, согнулся и сталъ тихъ и часто грустенъ. Но все та же идетъ умственная работа

и все тотъ же правильный ходъ жизни. Очень мы оба радуемся вашему обѣщанію пріѣхать къ намъ въ сентябрѣ. Пожалуйста, будьте здоровы и не раздумайте исполнить ваше намѣреніе. Что-то будетъ въ сентябрѣ? Какъ мрачно стало жить на свѣтѣ и какъ холодно!..»

IV.

Выше я говорилъ о нашей перепискѣ съ Львомъ Николаевичемъ. Почти всѣ его письма ко мнѣ имѣютъ дѣловой характеръ и часто представляютъ собою образчики содержательнаго лаконизма. Переписка у него огромная, и ему, безъ сомнѣнія, некогда влагать свои мысли въ форму условнаго пустословія, которое обыкновенно занимаетъ немалое мѣсто въ письмахъ. Пересматривая тѣ тридцать шесть писемъ, которыя у меня сохранились (къ сожалѣнію, нѣкоторыя письма конца восьмидесятыхъ годовъ выпрошены у меня неотступными собирателями автографовъ), я вижу, что господствующая въ нихъ тема есть постоянное и горячее заступничество за разныхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», «труждающихся и обремененныхъ», во имя справедливости и человѣчности. Большая часть тѣхъ, о комъ хлопочетъ Толстой, прося помощи, совѣта, разъясненія или указанія — суть жертвы той своеобразной *вѣротерпимости*, которая господствовала у насъ до 17 апрѣля 1905 г. и не имѣла ничего общаго со *свободой совѣсти*. Въ силу такой вѣротерпимости — наше законодательство, начальственныя усмотрѣнія и затѣмъ, какъ неотвратимое несчастье, судебные приговоры — ограждали господствующую церковь рядомъ стѣснительныхъ, суровыхъ и подчасъ жестокихъ мѣръ и предписаній, направленныхъ противъ «несогласно мыслящихъ» и къ принудительному удержанію на лонѣ господствующей церкви тѣхъ, кто ей чуждъ сердцемъ и совѣстью. Высочайше утвержденный журналъ комитета министровъ прозвучалъ 17 апрѣля 1905 года надъ русской землей, какъ благовѣстъ признанія святѣйшихъ потребностей и правъ человѣческаго духа, дотолѣ безжалостно и бездушно попираемыхъ.

Но въ тѣ годы, къ которымъ относится большая часть писемъ Льва Николаевича, людей, имѣвшихъ смѣлость, повинуясь голосу совѣсти, не желать укладывать свое религіозное чувство и исповѣданіе вѣры въ установленныя и окаменѣлыя рамки, ждали всякаго рода стѣсненія, обидныя прозвища, домогательства носителей *меча духовнаго* и воздѣйствія *меча свѣтскаго*. И люди эти не были представителями изувѣрнаго сектанства, заблужденія которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ требованіями общежитія и нравственности; это были по большей части люди глубоко вѣрующіе, преданные завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ и выгодно отличавшіеся отъ окружающаго населенія своею трезвостью, любовью къ труду, домоводствомъ и нерѣдко строгою семейною жизнью, нынѣ столь расшатанною... Ихъ страдальческая судьба, испытываемыя ими гоненія и разрушеніе ихъ семейнаго быта, въ видѣ отнятія дѣтей и насильственной отдачи ихъ въ монастыри, возмущали и волновали Льва Николаевича. Онъ писалъ письма къ власть имущимъ, хлопоталъ о составленіи прошеній и обращался со словами трогательнаго заступничества къ тѣмъ, кому предстояло сказать свое слово по этого рода дѣламъ. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ и я.

«Вы, можетъ быть, слышали про возмутительное дѣло, совершенное надъ женою NN, у которой отняли дѣтей и отдали матери ея мужа, — писалъ онъ мнѣ въ 1894 году. — Она хочетъ подать прошеніе, его ей написалъ ея своякъ, но мнѣ оно не нравится. Самъ я не только не сумѣю написать лучше, но считаю и безполезнымъ и нехорошимъ учтиво просить о томъ, чтобы люди не ѣли другихъ людей. Но вы именно тотъ человѣкъ, который, глубоко чувствуя всю возмутительность неправды, можетъ и умѣетъ въ принятыхъ формахъ обличать ее». Такъ, въ 1897 году онъ проситъ принять нѣсколькихъ молоканъ, у которыхъ отняты дѣти, и помочь имъ совѣтомъ. То же повторяется и въ 1899 г. относительно такихъ же молоканъ, при чемъ онъ извѣщаетъ меня, что написалъ одному изъ нихъ прошеніе, какъ умѣлъ. «Передадутъ вамъ это письмо, — пишетъ онъ въ 1900 году, — сектантъ А. А. (полуслѣпой) и его провожатый. Въ сущности онъ мало располагаетъ къ себѣ, но не жалко ли, что его гонятъ

за вѣру? Вѣроятно, вы почувствуете то же, что и я, и если можете — избавите его гонителей отъ грѣха». Такихъ писемъ больше всего. Почти во всѣхъ содержатся трогательныя извиненія за причиняемое безпокойство и просьба не отвѣчать, если некогда или нельзя помочь. «Если вамъ почему-либо нельзя ничего сдѣлать для этого хорошаго молодого человѣка, — пишетъ онъ въ 1894 году, — то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и не трудитесь мнѣ отвѣчать. Я знаю, что вы и безъ моей просьбы помогли бы ему, и думаю, что вы и для меня пожелаете сдѣлать, что можно, поэтому впередъ знаю, что если не сдѣлаете, то только потому, что нельзя».—«Та, о заступничествѣ за которую я васъ прошу, — пишетъ онъ въ 1898 году,—молоденькое и наивное какъ ребенокъ существо, такъ же похожее на заговорщика и такъ же опасное для государства, какъ похожъ я на завоевателя и опасенъ для спокойствія Европы. Вотъ я и снова къ вамъ съ просьбой. Но что же дѣлать? Noblesse (des sentiments) oblige, а кромѣ того мнѣ не къ кому обратиться въ Петербургѣ». Даже тяжкая болѣзнь не умаляетъ его заботъ о другихъ. Такъ, въ ноябрѣ 1901 года въ письмѣ изъ Кореиза въ Крыму онъ говоритъ: «Пишу вамъ не своей рукой, потому что все хвораю и послѣ своей обычной работы такъ устаю, что даже и диктовать трудно. Но дѣло, о которомъ пишу вамъ, такъ важно, что не могу откладывать. Моя знакомая и сотрудница во время голоднаго года, самое безобидное существо, находится въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя описаны въ прилагаемой выпискѣ письма которое переписано слово въ слово. Пожалуйста, remuez ciel et terre, чтобы облегчить участь этой хорошей и несчастной женщины. Вамъ привычно это дѣлать и исполнять мои просьбы. Сдѣлайте это еще разъ, милый Анатолій Ѳедоровичъ».

Въ письмахъ разсыпаны извѣстія о себѣ и о своихъ трудахъ, приглашенія пріѣхать въ Ясную Поляну, милыя сѣтованія на то, что мнѣ не удается этого сдѣлать, и рядъ добрыхъ пожеланій. «Я живъ и здоровъ,—пишетъ онъ въ сентябрѣ 1905 года.—Все одно и то же говорю людямъ, которые не обращаютъ на мои рѣчи никакого вниманія, но я все продолжаю, думая, что я долженъ это дѣлать». — «Очень сожалѣю о томъ, что ваша рѣчь въ Ака-

деміи о русскомъ языкѣ вызвала неосновательныя возраженія. То, что вы сказали, было очень естественно и вполнѣ цѣлесообразно. Надо выучиться не обращать на это вниманія, впрочемъ, вы это знаете лучше меня» (1900 г.). — «...Мнѣ жалко васъ за ваше нездоровье. Дай Богъ вамъ переносить его какъ можно лучше, т.-е. не переставать служить людямъ, что вы и дѣлаете. Это самое лучшее лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней» (1904 г.). «...Желаю вамъ духовнаго спокойствія, а тѣлесное здоровье въ сравненіи съ этимъ благомъ какъ щекотка при здоровомъ тѣлѣ» (1906 г.).. — «...Вчера утромъ, получивъ ваше письмо, я не вспомнилъ сразу по почерку на конвертѣ, чей именно это почеркъ, рѣшилъ однако, что это отъ человѣка, котораго я люблю, и отложилъ, какъ я обыкновенно это дѣлаю, письмо это подъ конецъ; когда же распечаталъ и узналъ, что письмо отъ васъ, порадовался своей догадливости»,—значится въ одномъ изъ его послѣднихъ писемъ ко мнѣ.

V.

Таковы мои воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Въ нихъ не выражено главнаго, трудно поддающагося описанію: его вліянія на душу собесѣдника, того внутренняго огня его, къ которому можно приложить слова Пушкина: «твоимъ огнемъ душа палима — отвергла мракъ мірскихъ суетъ». Тотъ, кто узналъ его ближе, не можетъ не молить судьбу продлить его жизнь. Она дорога для всѣхъ, кому дорого исканіе правды въ жизни и кому свойственно то, что Пушкинъ называлъ «роптаньемъ вѣчнымъ души», а Некрасовъ — «святымъ безпокойствомъ»... Можно далеко не во всемъ съ нимъ соглашаться и находить многое, имъ проповѣдуемое, практически недостижимымъ. Можно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не имѣть силъ или умѣнья *подняться* до него, но важно, но успокоительно знать, что онъ *есть*, что онъ существуетъ, какъ живой выразитель волнующихъ умъ и сердце думъ, какъ нравственный судья движеній человѣческой мысли и совѣсти, относительно котораго почти навѣрное у каждаго, во-

шедшаго съ нимъ въ общеніе, въ минуты колебаній, когда грозитъ кругомъ облѣпить житейская грязь, настойчиво и спасительно встаетъ въ душѣ вопросъ: «а что скажетъ на это Левъ Николаевичъ? а какъ *онъ* къ этому отнесется?»

Со многихъ сторонъ возставали и возстаютъ на него. Ревнители неподвижности сложившихся сторонъ человѣческихъ отношеній упрекаютъ его за смѣлость мысли и за разрушительное вліяніе его слова, ставя ему въ *строку* каждое *лыко* нѣкоторыхъ изъ его неудачныхъ или ограниченныхъ послѣдователей. Ему вмѣняютъ въ вину провозглашеніе имъ, безъ оглядки и колебаній, того, что онъ считаетъ истиной и по отношенію къ чему лишь осуществляетъ мнѣніе, высказанное имъ въ письмѣ къ Страхову: «истину нельзя урѣзывать по дѣйствительности — ужъ пускай дѣйствительность устраивается какъ знаетъ и умѣетъ». Но не сказалъ ли нѣкто, что «истину хотя бы и самую печальную надо стараться увидѣть и необходимо безпрерывно показывать и учиться отъ нея, чтобы не дожить до истины болѣе горькой, уже не учащей, но и наказующей за невниманіе къ ней?» А вѣдь этотъ нѣкто — былъ знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ...

Нѣкоторые изъ людей противоположнаго лагеря относятся къ Толстому свысока, провозглашая его носителемъ «мѣщанскихъ» идеаловъ, въ виду того, что во главу угла всѣхъ дѣлъ человѣческихъ онъ ставитъ нравственныя требованія, столь стѣснительныя для многихъ, которые въ измѣненіи политическихъ формъ, безъ всякаго параллельнаго улучшенія и углубленія морали, видятъ панацею отъ всѣхъ золъ. Вращаясь въ своемъ узкомъ кругозорѣ, они забываютъ при этомъ, что даже наиболѣе радикальная политико-экономическая мѣра, рекомендуемая ими—національзація земли—въ сущности указана и разъяснена у насъ Толстымъ, но съ одной чрезвычайно важною прибавкою, а именно: *безъ насилія*...

Путешественники описываютъ Сахару, какъ знойную пустыню, въ которой замираетъ всякая жизнь. Когда смеркается, къ молчанію смерти присоединяется еще и тьма. И тогда идетъ на водопой левъ и наполняетъ своимъ рыканьемъ пустыню. Ему

отвѣчаютъ жалобный вой звѣрей, крики ночныхъ птицъ и далекое эхо — и пустыня оживаетъ. Такъ бывало и съ этимъ Львомъ. Онъ могъ иногда заблуждаться въ своемъ гнѣвномъ исканіи истины, но онъ заставлялъ работать мысль, нарушалъ самодовольство молчанія, будилъ окружающихъ отъ сна и не давалъ имъ утонуть въ застоѣ болотнаго спокойствія...

II.

По поводу драматическихъ произведеній Толстого.

Новое посмертное произведеніе Л. Н. Толстого, получившее названіе «Живой трупъ», возбуждаетъ самые оживленные толки и страстные споры какъ по поводу своего содержанія, такъ и по отношенію къ тѣмъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ жизни, изъ которыхъ возникло судебное дѣло, послужившее фактическою темой драмы Толстого. Въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ диссонансомъ звучатъ скептическіе звуки. Въ то время, когда одни видятъ въ «Живомъ трупѣ» повтореніе нравственныхъ завѣтовъ великаго писателя, изложенное въ формѣ сценическаго произведенія, другіе находятъ, что симпатіи автора къ Ѳедѣ и теорія «изюминки» не могутъ имѣть добраго вліянія на общество, гдѣ безхарактерность, слабоволіе, сентиментальный эгоизмъ и отсутствіе чувства долга не встрѣчаютъ суроваго и заслуженнаго осужденія. Одни видятъ въ «Живомъ трупѣ» новое слово на новыхъ путяхъ драматическаго искусства, другіе сравниваютъ короткія, быстро смѣняющіяся, драматическія сцены чуть ли не съ лентой кинематографа. Очевидно, что время для спокойной и трезвой критики еще не наступило, но оно, конечно, можетъ считаться наставшимъ для разсказа о томъ судебномъ

дѣлѣ, которому во всякомъ случаѣ принадлежитъ нѣкоторая роль въ происхожденіи «Живого трупа».

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Москвѣ проживало семейство отставного прапорщика Павла С., восемнадцатилѣтняя дочь котораго, Екатерина, вышла въ 1881 году замужъ за дворянина Николая Г. Первые годы жизнь супруговъ текла счастливо, и у нихъ родился сынъ, но въ 1883 году между супругами начались разногласія, вызвавшія собою ихъ разлуку. По показаніямъ сестры Николая Г., его сослуживцевъ и знакомыхъ, онъ былъ человѣкомъ весьма слабохарактернымъ и мало развитымъ. Поселившись послѣ разлуки съ женою у своей матери, онъ сталъ предаваться пьянству и дошелъ до того, что его пришлось уволить отъ службы въ правленіи одной изъ крупныхъ желѣзныхъ дорогъ, находящемся въ Москвѣ. Когда, въ 1893 году, умерла его мать, оказывавшая ему нравственную и матеріальную поддержку, на помощь къ нему пришли другіе его родственники, нанявшіе для него комнату съ полнымъ содержаніемъ и обѣщавшіе найти ему службу, если онъ измѣнитъ своей вредной привычкѣ. «Отдавшись чтенію произведеній отечественной литературы», онъ, по его словамъ, «старался побѣдить свою наклонность къ вину и жить надеждою на полученіе возможности содержать себя личнымъ трудомъ». Но наклонность обратилась въ привычку, привычка въ потребность, а потребность постепенно приняла характеръ порока, подчинившаго себѣ всецѣло Николая Г., постепенно спустившагося до «дна». Онъ самъ призналъ, что страсть къ вину пробудилась въ немъ съ особенной силой и что съ 1894 года онъ предался необузданному пьянству и, лишившись вслѣдствіе этого оказавшагося безплоднымъ участія родныхъ, выбился совершенно изъ жизненной колеи, сдѣлался бродягой, не имѣющимъ ни хлѣба, ни пристанища, кромѣ ночлежныхъ домовъ, и сталъ «погибшимъ человѣкомъ». Между тѣмъ жена его, которую знавшіе ее характеризуютъ, какъ женщину нервную и впечатлительную, научилась акушерству и поступила для осуществленія этой профессіи на фабрику въ Богородскомъ уѣздѣ, гдѣ познакомилась со служившимъ на ней крестьяниномъ Ч. Между ними возникла и упрочилась сердечная

симпатія и, какъ естественный результатъ, явилось желаніе вступить въ бракъ. Этому, однако, препятствовало то, что Екатерина Г. считалась законною женою бездомнаго пропойцы, который, по его словамъ, уже давно потерялъ ее изъ виду. Разыскавъ не безъ труда человѣка, съ которымъ она была связана крѣпкими церковно-юридическими узами въ то время, когда нравственныя и физическія узы давнымъ-давно были порваны, она уговорила своего супруга дать ей разводъ, принявъ вину на себя. Трудно опредѣлить, что побудило его къ согласію на это: была ли то надежда, что жена будетъ продолжать платить за нанятый для него уголъ въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ и выдавать ему ежемѣсячно по пяти рублей впредь до—болѣе, чѣмъ сомнительнаго—полученія имъ службы, или же, какъ онъ самъ выразился, привычка къ мысли, что у него давно уже нѣтъ жены, и сознаніе, что въ дѣйствительности за протекшее время онъ со своей стороны бывалъ виновенъ въ супружеской невѣрности,—но во всякомъ случаѣ въ 1895 году ею было подано въ московскую консисторію прошеніе о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа. Во время производства бракоразводнаго дѣла Николай Г. подтвердилъ жалобу жены со ссылкою на свидѣтелей своего проступка, но въ консисторіи—вѣроятно, по недостаточности тѣхъ осязательныхъ данныхъ, которыми обыкновенно сопровождались домогательства супруговъ о разлученіи—опредѣленіемъ 7 декабря 1895 года Екатеринѣ Г. въ разводѣ съ мужемъ было отказано. Съ этимъ опредѣленіемъ не согласился, однако, московскій митрополитъ, предписавшій консисторіи, резолюціею 20 декабря, допросить неспрошенныхъ ею свидѣтелей. Заинтересованная въ успѣшномъ разрѣшеніи своей просьбы о разводѣ, Екатерина Г., конечно, слѣдила за ходомъ своего дѣла и, узнавъ въ канцеляріи объ отказѣ, была этимъ крайне смущена и разстроена, считая таковой за окончательный и не предвидя будущей резолюціи митрополита. Между тѣмъ желаніе, а, быть можетъ, по различнымъ мѣстнымъ и личнымъ обстоятельствамъ и необходимость бракосочетанія съ любимымъ человѣкомъ побуждали ее не примиряться съ безысходностью своего положенія...

24 декабря 1895 года у проруби на Москвѣ-рѣкѣ противъ Кремлевскаго дворца, въ раіонѣ Якиманской части, найдено было поношенное пальто со свидѣтельствомъ объ освобожденіи Николая Г. отъ исполненія воинской повинности, нѣсколькими письмами на его имя, а также запиской, содержавшей въ себѣ просьбу никого не винить въ смерти владѣльца пальто. На другой день Екатерина Г. получила по городской почтѣ отъ мужа письмо, въ которомъ говорилось, что, доведенный до крайности голодомъ и холодомъ, онъ рѣшилъ лишить себя жизни, утопившись въ Москвѣ-рѣкѣ. Письмо это она представила въ полицію, а 27 декабря та же полиція пригласила ее осмотрѣть трупъ вытащеннаго наканунѣ изъ воды утопленника, въ которомъ предполагали самоубійцу, бросившаго у проруби платье и оставившаго записку. Она признала въ трупѣ своего мужа, а на вопросъ, почему покойный одѣтъ въ мундиръ инженера путей сообщенія, отвѣтила, что мужъ, постоянно пропивая и обмѣнивая свое носильное платье, бродя по Москвѣ и проводя ночи въ ночлежкахъ, могъ оказаться даже и не въ такомъ костюмѣ. Трупъ мужа былъ ей выданъ, она похоронила его 31 декабря на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, 5 января 1896 года получила вдовій видъ, а 21 января въ церкви одного изъ селъ Богородскаго уѣзда обвѣнчалась съ крестьяниномъ Ч...

25 марта 1896 года петербургскій градоначальникъ получилъ прошеніе отъ проживающаго на Охтѣ дворянина Николая Г. о выдачѣ ему новаго паспорта, такъ какъ прежній утерянъ имъ при проѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, и онъ проживаетъ по своему метрическому свидѣтельству, которое полиція затрудняется прописывать. По этому поводу приставу Охтенской части предписано было произвести дознаніе. Вызванный въ участокъ Николай Г. на заявленіе пристава, что разсказъ объ утратѣ паспорта представляется мало вѣроятнымъ, сознался, что паспорта не терялъ, а таковой находится въ дѣлахъ московской духовной консисторіи или, быть можетъ, въ дѣлѣ о его самоубійствѣ, и по этому поводу разсказалъ о томъ, какимъ путемъ добытъ вдовій видъ его женой. Изъ провѣреннаго дознаніемъ и слѣдствіемъ заявленія его оказалось, что Екатерина Г., отчаяв

шись въ полученіи развода, уговорила его дать ей возможность имѣть удостовѣреніе о его смерти, для чего онъ долженъ былъ бросить у проруби на Москвѣ-рѣкѣ часть своей одежды и документовъ, а затѣмъ написать по составленному ею черновику письмо съ увѣдомленіемъ о рѣшимости своей на самоубійство. Съ исполненіемъ этого ея предложенія совпало, какъ онъ выразился, «на ея счастье», извлеченіе изъ рѣки трупа неизвѣстнаго человѣка, при чемъ полиція съ близорукой поспѣшностью не сообразила, что прорубь, въ которую будто бы бросился Николай Г. 24 декабря, находится на шесть верстъ *ниже* по теченію отъ того мѣста, гдѣ былъ вытащенъ 27 декабря неизвѣстный человѣкъ, еще *живой* и умершій черезъ десять минутъ по доставленіи его въ управленіе Прѣсненской части. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Екатерина Г. проводила мужа на Николаевскую желѣзную дорогу, купила для него билетъ до Петербурга и дала ему на дорогу пятнадцать рублей, обѣщая каждый мѣсяцъ высылать денежную помощь, что она и дѣлала, подписывая свои письма вымышленнымъ именемъ. Такимъ образомъ создалось противъ супруговъ Г. обвиненіе—жены въ двоебрачіи и въ необходимомъ пособничествѣ для этого со стороны мужа, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1554 ст. Ул. о наказ.

Эти обстоятельства показываютъ, что упоминаемый въ различныхъ версіяхъ о происхожденіи «Живого трупа» шантажъ со стороны сотоварища Николая Г. по пьяному и бездомному житію и послѣдовавшій затѣмъ отъ него доносъ, повлекшій за собой возбужденіе преслѣдованія противъ Г., лишены фактическаго основанія. Въ послѣдніе годы экспериментальная психологія, установляя опытные пріемы для оцѣнки объективной правдивости свидѣтельскихъ показаній, приходитъ къ выводу, что человѣческая память, по прошествіи нѣкотораго времени отъ событія, въ большинствѣ случаевъ утрачиваетъ конкретную точность и стремится восполнить образующіеся въ ней пробѣлы представленіями, которыя, будучи совершенно добросовѣстными, въ то же время совершенно далеки отъ истины. Въ этихъ случаяхъ, человѣческая мысль незамѣтно для самой себя переходитъ отъ шаткаго: «такъ могло бы быть» къ опредѣленному:

«такъ должно было быть» и къ положительному: «такъ было
Этимъ, конечно, объясняется то, что одинъ изъ участниковъ за
сѣданія по разбиравшемуся въ Москвѣ дѣлу супруговъ Г. назы
ваетъ руководителемъ засѣданія бывшаго предсѣдателя москов
скаго окружного суда Н. В. Давыдова, тогда какъ дѣло разбира
лось въ московской судебной палатѣ съ участіемъ сословных
представителей подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдател
палаты А. Н. Попова. Этимъ же объясняется и утвержденіе одног
изъ сословныхъ представителей, что судъ, постановившій обвини
тельный приговоръ, найдя положеніе осужденной за двоебрач
супруги трагичнымъ, безвыходнымъ и ее самое глубоко несчаст
ной, опредѣлилъ ходатайствовать предъ Высочайшей властью
смягченіи ея участи, каковое ходатайство и было уважено. В
дѣйствительности никакого ходатайства о смягченіи участи с
стороны судебной палаты не послѣдовало, хотя по 775 ст. Ус
Угол. Суд. въ случаяхъ, когда представляются особыя уважени
къ облегченію участи подсудимаго, суду дозволяется ходата
ствовать предъ Императорскимъ Величествомъ не только
смягченіи наказанія, но даже и о помилованіи обвиненнаг
сдѣлавшагося жертвой несчастнаго для него стеченія обстоя
тельствъ. Уменьшивъ мѣру слѣдуемаго Екатеринѣ Г. наказани
на двѣ степени «во вниманіе къ ея легкомыслію», судебная па
лата приговорила обоихъ подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ ос
бенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Ен
сейскую губернію. На этотъ приговоръ оба осужденные принесл
кассаціонныя жалобы въ Сенатъ: Екатерина Г. отрицала сво
виновность, а Николай Г. доказывалъ, что между вступленіем
его жены во второй бракъ и тѣми дѣйствіями, въ которыхъ он
обвиненъ, нѣтъ никакой причинной связи, такъ какъ рѣшающим
обстоятельствомъ для признанія ея вдовою послужило опознан
ею въ неизвѣстномъ человѣкѣ, вытащенномъ изъ воды и вслѣд
затѣмъ умершемъ, своего мужа. Жалобы эти слушались въ з
сѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента 10 марта 189
года и оставлены безъ послѣдствій, а самое дѣло о двоебрачі
по изготовленіи рѣшенія въ окончательной формѣ, подлежа
возвращенію въ палату для обращенія приговора къ исполнені

Участвуя въ этомъ засѣданіи и соглашаясь со строго юридической точки зрѣнія съ правильностью взгляда Сената на полную наличность въ установленныхъ судебною палатою обстоятельствахъ существенныхъ признаковъ преступленія двоебрачія, предусмотрѣннаго 1554 ст. Улож. о наказ., я тѣмъ не менѣе находилъ, что формальное примѣненіе закона къ обоимъ подсудимымъ и въ особенности къ Екатеринѣ Г. представляется до крайности жестокимъ и тяжко поражающимъ существованіе послѣдней и безъ того глубоко несчастной. Это былъ яркій случай противорѣчія между правдой житейской, человѣческой— и правдой формальной и отвлеченной, и въ то время, когда послѣдняя съ безстрастной правильностью совершала свое дѣло— первая громко, какъ мнѣ казалось и слышалось, взывала къ участію и милосердію. Miser res sacra! Поэтому, въ ожиданіи изготовленія рѣшенія сенаторомъ-докладчикомъ, я немедленно обратился къ исполнявшему обязанности товарища прокурора московской судебной палаты покойному Н. М. Коваленскому, поддерживавшему обвиненіе противъ Г., съ просьбой отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Уже 15 марта я получилъ отвѣтъ, въ которомъ значилось, что на судѣ ничѣмъ не было доказано, чтобы поведеніе Екатерины Г. побудило мужа сдѣлаться горькимъ пьяницей, и наоборотъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что послѣдній спился съ круга совершенно независимо отъ своихъ отношеній къ женѣ; крестьянинъ же Ч., очевидно безъ памяти любившій свою жену и рѣшившійся послѣдовать за нею въ Сибирь, произвелъ на всѣхъ въ засѣданіи прекрасное впечатлѣніе. «Разбирайся дѣло съ присяжными засѣдателями,—писалъ Коваленскій,—супруги Г. были бы несомнѣнно оправданы. Ихъ совмѣстная жизнь въ Сибири будетъ, вѣроятно, невозможной. Николай Г. тѣсно сроднился съ жизнью на улицѣ и въ кабакѣ, а его жена—энергичная и трудолюбивая женщина, и, быть можетъ, ей удастся найти себѣ заработокъ и въ ссылкѣ». Къ письму Коваленскій, бывшій талантливымъ художникомъ, прилагалъ и набросанный имъ въ засѣданіи портретъ Николая Г., объясняя, что, по общему признанію, портретъ очень похожъ, но только въ натурѣ носъ оригинала поражаетъ своимъ темно-багровымъ

цвѣтомъ. Этотъ портретъ вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ сдѣланнымъ А. М. Катковымъ, бывшимъ сословнымъ представи телемъ въ особомъ присутствіи палаты. «Какъ сейчасъ помню этого субъекта, который явился въ качествѣ живого трупа пишетъ онъ. Маленькій человѣкъ со страшно длиннымъ вытя нутымъ носомъ, совершенно краснымъ; онъ былъ оборванъ, в какихъ-то опоркахъ и держалъ себя бывшимъ человѣкомъ. Вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ моему старому знако мому еще по первымъ годамъ судебной реформы в Харьковѣ, талантливому ученому и мыслителю, профес сору Л. Е. Владимірову, вступившему въ Москвѣ въ со ставъ присяжныхъ повѣренныхъ, я просилъ его разыскать несчаст ную Екатерину Г. и сообщить мнѣ свое личное о ней впечатлѣніе 23 марта онъ писалъ мнѣ: «сегодня у меня была несчастная Г., и чуть не плакалъ, смотря на нее и слушая ея разсказъ. Во-первыхъ это больная, замученная, растерзанная женщина; во-вторыхъ, нея сынъ пятнадцати лѣтъ, гимназистъ, который прекрасно учится и его приходится оставить одного и безъ средствъ въ Москвѣ Мальчикъ въ настоящее время невыразимо страдаетъ отъ мали чишекъ-товарищей, конечно преслѣдующихъ его намеками н процессъ. Не стану вамъ говорить, что̀ нужно сдѣлать для это бѣдной женщины, тѣмъ болѣе, что вы сами возбуждаете вопрос въ результатѣ котораго можетъ быть значительное смягченіе Но говорю вамъ: стоитъ посмотрѣть на эту тѣнь, которая назы вается Г., чтобы увидѣть, что назначенное ей наказаніе есть не посильное бремя. На конвоира при поѣздкѣ въ Сибирь на сво счетъ у ней нѣтъ никакихъ средствъ; отправиться же въ Сибир по этапу, въ компаніи преступниковъ, ей невозможно: она про сто умретъ. Краше въ гробъ кладутъ! Удивляться нужно, въ чем держится жизнь. Видали ли вы когда-нибудь христіанскую му ченицу Антокольскаго? Вотъ это—Екатерина Г.»... Вооружен ный этими свѣдѣніями, я обратился къ моему глубоко мною ува жаемому преемнику по званію оберъ-прокурора, В. К. Случев скому, и просилъ его ходатайствовать передъ министромъ юсти ціи—по заведенной мною въ бытность мою оберъ-прокурором практикѣ—о помилованіи или значительномъ смягченіи судьб

осужденныхъ. Заручившись его согласіемъ, я отправился къ Н. В. Муравьеву, чтобы личными съ нимъ объясненіями подготовить почву для благопріятнаго направленія будущаго представленія В. К. Случевскаго, что, къ сожалѣнію, бывало не во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а также, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ готовъ онъ допустить смягченіе участи, если полное помилованіе не будетъ признано возможнымъ. Результатомъ этихъ объясненій былъ составленный мною и одобренный въ проектѣ оберъ-прокуроромъ рапортъ его отъ 19 мая, въ которомъ онъ, препровождая подлинное дѣло и копію съ только что подписаннаго рѣшенія Сената, ходатайствовалъ предъ министромъ юстиціи о замѣнѣ для осужденныхъ ссылки съ лишеніемъ правъ—заключеніемъ въ тюрьмѣ на годъ безъ всякихъ ограниченій въ правахъ. 29 іюня по докладу министра юстиціи на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. «Екатерина Г.—писалъ мнѣ 11 сентября профессоръ Владиміровъ—которая была сегодня арестована, просила меня передать вамъ свою душевную благодарность за все, что для нея было сдѣлано. Она будетъ содержаться въ виду ея болѣзненнаго состоянія въ тюремной больницѣ и de facto будетъ исполнять обязанности фельдшерицы»...

Такова фактически сторона дѣла, подавшая Л. Н. Толстому мысль, воплотившуюся въ столь нашумѣвшій нынѣ «Живой трупъ».

Какъ извѣстно, Н. В. Давыдовъ разсказалъ Толстому сущность дѣла супруговъ Г. Со свойственною ему чуткостью и отзывчивостью онъ, безъ сомнѣнія, въ яркихъ чертахъ развернулъ передъ «великимъ писателемъ земли русской» эту драму,—одну изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, съ которыми нерѣдко приходится встрѣчаться судебнымъ дѣятелямъ. На палитрѣ жизни есть краски, и въ жизненной ткани есть узоры, которые подчасъ могутъ казаться крайнимъ проявленіемъ усиленнаго вымысла, если бы ихъ не оправдывали и не подтверждали неопровержимые и несомнѣнные факты. «Въ природѣ, другъ Гораціо,—говоритъ Гамлетъ,—есть много вещей, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ». Онъ могъ бы сказать съ неменьшимъ основаніемъ, что въ жизни бываютъ такія положенія, и завязываются такіе

узлы, которые и не снились служителямъ искусства. По явившимся въ печати свѣдѣніямъ, Толстой такъ заинтересовался тѣмъ, что ему сообщилъ Н. В. Давыдовъ, что тогда же, т. е. въ половинѣ девяностыхъ годовъ, сталъ набрасывать и обдумывать драматическое произведеніе, которое первоначально носило названіе «Трупъ». Еще въ 1900 году, какъ видно изъ отрывковъ его дневника, мысль его часто обращалась къ этому произведенію. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь утверждать, что онъ его никогда не считалъ вполнѣ законченнымъ. Въ планѣ и наброскахъ этого произведенія вводныя лица то появлялись, то исчезали, а отдѣльныя сцены выбрасывались, оставляя тѣ пробѣлы, которые чувствуются при чтеніи «Живого трупа» и возбуждаютъ недоумѣнные вопросы или произвольныя, быть можетъ, совершенно несогласныя съ замысломъ автора, предположенія. Такъ, напримѣръ, г. Буланже указываетъ на то, что въ первомъ дѣйствіи первоначально былъ выведенъ лихачъ-извозчикъ Турецкій, дающій нить къ отысканію Ѳеди, котораго онъ возилъ по Москвѣ. Образъ Турецкаго вообще интересовалъ Льва Николаевича. Въ 1887 году, въ Ясной Полянѣ, во время одной изъ незабвенныхъ для меня прогулокъ вдвоемъ, Толстой со сдержаннымъ и тонкимъ юморомъ разсказывалъ, какъ въ старые «крѣпостные» годы помѣщики изъ медвѣжьихъ угловъ отдаленной провинціи, послѣ долгихъ сборовъ и приготовленій, отправлялись, иногда и съ членами семьи, въ Петербургъ. Но по дорогѣ лежала Москва со всѣми своими тогдашними соблазнами. Остановившись въ ней на нѣсколько дней, такой тяжелый на подъемъ и обросшій, одѣтый старомодно и озадаченный внѣшней жизнью огромнаго города путешественникъ, ѣхалъ обыкновенно въ баню, а на другой день отправлялся къ парикмахеру, который его брилъ, стригъ, завивалъ и опрыскивалъ духами. И съ этого момента пріобщившійся къ «цивилизаціи» помѣщикъ, одичавшій въ своемъ углу, вдругъ начиналъ чувствовать непреодолимую потребность вкусить и остальныхъ благъ цивилизаціи и исчезалъ на нѣсколько дней. Родные и близкіе начинали тревожиться, воображали, что случилось какое-нибудь несчастіе и обращались съ вопросами и запросами къ кому-нибудь изъ высшихъ представителей по

лиціи. Но послѣдній по опыту обыкновенно зналъ, что «es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu». Онъ требовалъ къ себѣ Турецкаго—содержателя лихачей—и тотъ скоро доставлялъ требуемыя и успокоительныя свѣдѣнія, прослѣдивъ или самъ припомнивъ похожденія пропавшаго. Извлеченный изъ нѣдръ цыганскаго табора или изъ гостепріимныхъ стѣнъ какого-либо увеселительнаго заведенія или трактира, «хлебнувшій цивилизаціи» возвращался къ роднымъ сконфуженный, обыгранный, нездоровый отъ кутежей и очень часто съ такимъ опустошеннымъ карманомъ, что вмѣсто поѣздки въ Петербургъ приходилось возвращаться назадъ... Въ 1904 году ранней весной я былъ послѣдній разъ въ Ясной Полянѣ, найдя Льва Николаевича въ нервномъ и удрученномъ состояніи подъ вліяніемъ начавшейся злополучной русско-японской войны. При мнѣ было получено извѣстіе о гибели Макарова и Верещагина, очень его взволновавшее. Въ разговорахъ на литературныя темы и въ чтеніи вслухъ разсказовъ Куприна онъ, казалось, искалъ забвенія отъ тревожныхъ мыслей. Въ этотъ мой пріѣздъ онъ далъ мнѣ возможность прочесть въ рукописи «Хаджи Мурата», «Послѣ бала» и «Божеское и человѣческое». Но когда я, до глубины души захваченный этими произведеніями, попросилъ его дать мнѣ прочесть и «Трупъ», то онъ сказалъ мнѣ: «нѣтъ, это читать не стоитъ: оно не кончено, да и вообще мнѣ не нравится, и я его совсѣмъ бросилъ». Не думаю, чтобы въ послѣдующіе затѣмъ годы Левъ Николаевичъ могъ измѣнить свое отношеніе къ этому произведенію и снова имъ заняться. Бурные дни, пережитые за это время Россіей, обратили его къ трудамъ иного порядка... Вотъ почему мнѣ думается, что нельзя особенно порадоваться оглашенію и постановкѣ «Живого трупа», къ которому не приложена окончательно творческая рука автора. Глубокія мысли о ложныхъ сторонахъ нашей общественной и личной жизни, спорадически мелькающія въ этомъ произведеніи, извѣстны изъ ряда предшествующихъ законченныхъ произведеній Толстого, и ими не искупаются различные промахи относительно дѣйствительнаго положенія вещей, которые, конечно, были бы устранены при окончательной отдѣлкѣ вполнѣ созрѣвшей драмы...

Мнѣ пришлось впервые познакомиться съ «Властью тьмы» и «Плодами просвѣщенія» въ замѣчательномъ чтеніи А. А. Стаховича, во время котораго каждое дѣйствующее лицо оживало предъ слушателями со всѣми своими особенностями. Съ А. А. Стаховичемъ, какъ чтецомъ, я могъ бы сравнить лишь покойнаго А. Ѳ. Писемскаго. И у него чтеніе почти что обращалось въ игру, но нѣсколько болѣе грубую и безъ тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ и художественной дикціи, которыми такъ богато чтеніе А. А. Стаховича. Затѣмъ я видѣлъ «Плоды просвѣщенія» на Александринской сценѣ въ Петербургѣ и въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ и, вопреки ожиданіямъ, свойственнымъ мнѣ, какъ старому москвичу, нашелъ, что исполненіе въ Петербургѣ было значительно тоньше, глубже и богаче бытовыми подробностями, чѣмъ на знаменитой московской сценѣ, гдѣ многое было утрировано и второстепенныя роли были розданы довольно безцвѣтнымъ исполнителямъ, тогда какъ въ Петербургѣ, напримѣръ, роль старшаго изъ мужиковъ, которому «куренка некуда выпустить», удивительно исполнялъ Давыдовъ. «Власть тьмы» мнѣ пришлось видѣть только на сценѣ Суворинскаго театра въ Петербургѣ, гдѣ былъ превосходенъ артистъ исключительныхъ дарованій Красовскій, съ разсказомъ о «дѣтосѣкѣ». Поэтому сравнивать исполненіе этой драмы съ таковымъ же на другихъ русскихъ сценахъ я не могу, но долженъ сознаться, что по силѣ и, такъ сказать, по страстности игры его оставило далеко за собой исполненіе итальянскаго артиста Цаккони съ его итальянскою же труппою. Странное впечатлѣніе, производимое тульскими мужиками, говорящими по итальянски, и горячею южной жестикуляціей женщинъ, проходило очень быстро, и зрителя съ чрезвычайной силой захватывала гармоническая связь содержанія и исполненія, выдержаннаго во всѣхъ подробностяхъ. Самъ Цаккони былъ великолѣпенъ и своей игрой лучше всего доказывалъ, какъ общечеловѣчны въ своемъ ходѣ и развитіи тѣ страсти, которыя изобразилъ Толстой съ такой силой. Въ сценѣ галлюцинацій, когда Никитѣ слышится трескъ костей раздавленнаго ребеночка, онъ далъ совершенно вѣрную клиническую картину слуховыхъ обмановъ, чувствъ чуждую всякихъ преувеличе-

ній, и тѣмъ не менѣе такую, отъ которой морозъ подиралъ по кожѣ.

Говоря о Цаккони, я не могу забыть его игры въ Отелло. Я видѣлъ въ этой роли знаменитаго чернаго трагика Айра Ольдриджа въ его пріѣздъ въ Москву, гдѣ я былъ въ это время студентомъ. Въ его игрѣ сказывался темпераментъ уроженца «знойной Африки», и чудилось, что въ минуты страсти въ его жилахъ течетъ не кровь, а раскаленная лава. Въ сценѣ умерщвленія Дездемоны онъ былъ просто страшенъ. Войдя въ спальню, онъ крался, какъ кошка, и, видимо, торопился совершить свое жестокое дѣло съ назрѣвшею рѣшимостью. Онъ велъ допросъ Дездемоны, сидя на маленькомъ табуретѣ у ея ногъ, задавая вопросы глухимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, согнувшись и нетерпѣливо потирая переднюю часть своихъ бедеръ и похлопывая себя по колѣнкамъ. Видно было, какъ звѣриная жажда мщенія волною заливаетъ въ немъ человѣческія чувства. Задушеніе Дездемоны сопровождалось у него торжествующимъ воплемъ и рыканіемъ, затѣмъ наступало молчаніе, длившееся довольно долго, и онъ отходилъ отъ ложа жены съ видомъ ослабѣвшаго, но успокоеннаго человѣка. Его отчаянные крики: «Дездемона! Дездемона!» когда онъ узнаетъ истину, потрясали весь зрительный залъ и долго, долго звучали въ ушахъ слушателей. Звучатъ они и теперь для меня съ такою же силой, какъ будто я вижу Ольдриджа передъ собою въ великолѣпномъ, своеобразномъ костюмѣ и слышу его англійскую рѣчь. Отелло былъ его коронною ролью, и мнѣ пришлось по поводу ея исполненія присутствовать при интересномъ разговорѣ.

Въ это время въ Москвѣ жилъ, оканчивая свои «судьбой отсчитанные дни», ветеранъ и гордость русской сцены, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Старый другъ моего отца, Щепкинъ, видавшій меня не разъ въ Петербургѣ ребенкомъ, съ сердечнымъ радушіемъ встрѣтилъ меня, когда я переселился въ Москву послѣ закрытія петербургскаго университета въ 1861—62 году. Онъ незадолго передъ этимъ оставилъ сцену, но не могъ примириться съ этой разлукой. «Понимаете ли, — говорилъ онъ мнѣ, — вѣдь я сжился со сценой; мнѣ просто непонятна жизнь внѣ ея, безъ

любимаго дѣла; мнѣ нуженъ запахъ кулисъ, свѣтъ рампы; я не
могу безъ этого жить... я умру...» И дѣйствительно, онъ вскорѣ
умеръ. Несмотря на налетъ грусти, который лежалъ на его умномъ
старческомъ лицѣ, и на его часто затуманивавшихся слезами
глазахъ, онъ былъ неистощимъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ
о своемъ прошломъ, въ особенности о далекомъ прошломъ, мысль
о которомъ переносила его въ родную Украйну. Живо
помню одинъ изъ такихъ разсказовъ. «Мнѣ пришлось, — гово-
рилъ Щепкинъ, — ждать у рѣки парома, чтобы переѣхать на
другой берегъ съ кладью, принадлежавшей моему помѣщику
графу Волкенштейну. На пристани сидѣлъ старикъ—сторожъ и
флегматически курилъ свою люльку. Послѣ нѣсколькихъ минутъ
молчанія онъ такъ же флегматически сказалъ мнѣ, лѣниво кивнувъ
головою по теченію рѣки: «человікъ тоне». — «Гдѣ? гдѣ?» вскри-
чалъ я и увидѣлъ то исчезавшую, то снова показывавшуюся го-
лову и безсильно взмахивавшія руки. Я быстро сбросилъ съ себя
одежду и поплылъ на помощь. Будучи отличнымъ и сильнымъ
пловцомъ, я скоро достигъ утопающаго, но тутъ оказалось, что
онъ былъ не одинъ и что за него хватался другой, тоже тонувшій,
и увлекалъ его съ собой на дно. Я оторвалъ и оттолкнулъ одного
отъ другого и по очереди вытащилъ ихъ на берегъ. Отъ крайняго
напряженія я такъ ослабѣлъ, что, вытащивъ второго на берегъ,
самъ упалъ безъ чувствъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ я при-
шелъ въ себя, то изъ разсказовъ окружавшихъ меня и самихъ
спасенныхъ узналъ, что одинъ изъ послѣднихъ, не умѣя плавать,
оступился на крутомъ обрывѣ дна и сталъ тонуть. Тогда другой
бросился его спасать, забывъ, что и самъ не умѣетъ плавать. Это
послѣднее обстоятельство обиднымъ образомъ умалило во мнѣ
сознаніе совершеннаго мною «подвига», а тутъ еще необдуманный
спаситель снова полѣзъ въ воду. Это меня раздражило. «Куда
ты лѣзешь опять»?—остановилъ я его. «А обмыться» — отвѣчалъ
онъ лаконически, и это ужъ окончательно взорвало меня, такъ
что я съ такой силой далъ ему въ ухо, что онъ упалъ. Я отрезвѣлъ,
устыдился и сконфуженно опустилъ голову. Тогда среди насту-
нившаго общаго молчанія изъ группы окружающихъ выдѣлился
старикъ-сторожъ со своей неизмѣнной люлькой, подошелъ ко

мнѣ и, ласково потрепавъ по плечу, сказалъ: «Эге, Семеновичъ! вытащивъ человіка щобъ убити». Всѣ засмѣялись и пошли своей дорогой». Я помню также, въ какое восхищеніе приводилъ Щепкина Гарибальди и его эпопея. Онъ не могъ говорить о немъ безъ слезъ умиленія и съ великимъ удовольствіемъ цитировалъ ходившій на Украйнѣ въ народѣ слухъ, что популярный герой вовсе не итальянецъ, а потомокъ запорожцевъ — Загребайло, передѣланный на чужбинѣ въ Гарибальди. При мнѣ онъ зазвалъ со двора шарманщика съ дѣвочкой-пѣвичкой и заставилъ ихъ играть и пѣть Гарибальдійскій гимнъ, плача въ три ручья въ то время, когда дѣвочка, имъ тепло обласканная и одаренная, тоненькимъ голоскомъ выводила—«evviva Garibaldi»! Точно такъже заливаясь слезами говорилъ онъ по-малороссійски при мнѣ не разъ любимое стихотвореніе Шевченко «Пустка», начинавшееся словами:

«Заворожи мене волхве,
Друже сивоусый,
Ты вже серце запечатавъ,
А я—ще боюся»...

и продиктовалъ его мнѣ.

Одно изъ сужденій Щепкина, къ которымъ вообще я прислушивался съ большимъ уваженіемъ, поразило меня, однако, до крайности. Я еще находился подъ впечатлѣніемъ «Грозы» Островскаго, которую видѣлъ не разъ на Петербургской сценѣ. Она была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша—Горбунова съ Варварой — Левкѣевой была проведена ими съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей. Но выше всего въ ней былъ Мартыновъ, драматическій талантъ котораго тутъ проявился во всей своей силѣ. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомънибудь нелѣпомъ водевилѣ, въ родѣ «Дона Ранудо де Калибрадосъ,

или что и честь, коли нечего ѣсть» (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый смѣхъ зрительной залы,—выросъ человѣкъ, властно и неотразимо заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей. Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Я еще вижу его, какъ живого, надъ трупомъ несчастной жены съ непередаваемымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ бросающимъ въ лицо старой Кабановой упрекъ: «это вы ее убили, маменька, вы!»

Вмѣстѣ съ многими изъ моихъ сверстниковъ я зачитывался Добролюбовскимъ «Темнымъ Царствомъ» и «Свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ». Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ весьма критическое отношеніе къ «Грозѣ» со стороны ветерана лучшей русской сцены! Въ разговорѣ объ Островскомъ Щепкинъ привелъ мнѣніе Галахова,—считавшагося въ то время нѣкоторыми за авторитетъ въ оцѣнкѣ драматическихъ произведеній — о томъ, что Академіи Наукъ не слѣдовало присуждать Уваровскую премію (Островскій получилъ ее за «Грозу») за произведеніе, на представленіе котораго нельзя итти порядочному семейству и куда, конечно, самъ графъ Уваровъ никогда не повелъ бы свою дочь. Народная драма, сказалъ Щепкинъ, должна быть написана въ выраженіяхъ, свойственныхъ народному воззрѣнію. Поэтому странно, что Островскій выставляетъ, какъ идеалъ, женщину, «рѣшившуюся всенародно объявить себя курвой». Дикòй, по его мнѣнію, неправдоподобенъ и карикатуренъ. Нельзя выставлять, въ условіяхъ современности, самодура дѣйствующимъ безпрепятственно въ такое время, когда никто его самодурству уже не покорится... Такъ сильно вліяли на взгляды замѣчательнаго и глубокаго артиста традиціи условнаго искусства! А между тѣмъ, онъ былъ способенъ смотрѣть на послѣднее съ весьма реальной точки зрѣнія. Я лично былъ свидѣтелемъ этого.

Однажды, когда мы сидѣли въ обширномъ кабинетѣ Щепкина, на Мѣщанской улицѣ, недалеко отъ Сухаревой башни, въ передней раздался звонкій хохотъ и оттуда показалось смѣющееся, жизнерадостное, красное лицо Кетчера съ шапкою лох-

матыхъ сѣдыхъ волосъ, а за нимъ и самъ Айра Ольдриджъ. Другъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, который «переперъ» всего Шекспира на русскій языкъ, Кетчеръ привезъ англійскаго чернаго трагика познакомиться со Щепкинымъ и согласился исполнять при этомъ обязанности толмача. Ольдриджъ началъ бесѣду красиво составленной фразой о томъ, что онъ не могъ бы уѣхать изъ Москвы, не отдавши дань почтенія знаменитому артисту и не услышавъ отъ него критическаго отзыва о своей игрѣ. «Скажи ему, — обратился Щепкинъ къ Кетчеру, — что я его видѣлъ только въ «Отелло» и нахожу, что онъ замѣчательный артистъ и что въ послѣднемъ дѣйствіи онъ меня, старика — человѣка привычнаго — взволновалъ до глубины души». Въ отвѣтъ на это Ольдриджъ, почтительно наклонивъ голову, сказалъ, что такой отзывъ для него — лучшая награда, но все-таки настойчиво попросилъ у Щепкина критическихъ замѣчаній. «Иначе, — прибавилъ къ его словамъ Кетчеръ, — онъ можетъ принять твои слова за простую условную любезность».—«Ну, когда такъ,— заволновался Щепкинъ,—то скажи ему, что мнѣ не нравится вся его сцена съ пріѣзжающей Дездемоной. Когда привозящая ее галера останавливается у берега, и она ступаетъ на землю, Ольдриджъ спокойно и величественно идетъ ей навстрѣчу, подаетъ ей руку и выводитъ на авансцену. Развѣ это возможно?! Онъ забываетъ, что Отелло — мавръ, что въ немъ льется и кипитъ южная горячая кровь, что онъ давно не видѣлъ жены, которую не только любитъ, но въ которую страстно влюбленъ... и вотъ она предъ нимъ — одновременно предметъ обожанія и вожделѣнія... да ему вся кровь должна ударить въ сердце, онъ долженъ броситься къ ней, какъ звѣрь, забывъ все окружающее, схватить ее, смять въ своихъ объятіяхъ, принести на рукахъ на авансцену и только тутъ вспомнить, что онъ военачальникъ и что за нимъ слѣдятъ любопытные взоры. Вотъ тутъ онъ долженъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ его съ самаго начала изображаетъ Ольдриджъ. Да скажи ему, — и Щепкинъ вскочилъ со стула въ порывѣ артистическаго творчества,—что онъ долженъ осыпать ее поцѣлуями, цѣловать ей руки и ноги; да скажи ему, что»... и онъ сдѣлалъ энергическое и весьма образное указаніе, неудобное для

повторенія въ печати. Ольдриджъ, выслушавъ перевод улыбнулся и наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Совсѣмъ другого Отелло игралъ Сальвини. Въ послѣдне дѣйствіи къ нему можно было примѣнить то, что говоритъ Пу кинъ о Петрѣ въ утро Полтавской битвы: «ликъ его прекрасенъ—о ужасенъ». Необыкновенно тонко проводилъ онъ оттѣнокъ д вѣрчивости и дѣтской наивности въ характерѣ Отелло. Ког Яго отравляетъ его душу подозрѣніемъ и онъ вдругъ догадыва ся, что дѣло идетъ о его женѣ, онъ быстро теряетъ самообладан бросается на Яго, сильнымъ ударомъ валитъ его на землю и то четъ ногами. Но порывъ этотъ тотчасъ проходитъ, онъ овлад ваетъ собою и жестомъ, исполненнымъ доброты и великодуш протягиваетъ руки къ Яго и въ возгласѣ его: о! о! звучитъ уко себѣ и мольба о прощеніи. А затѣмъ онъ отходитъ къ стѣнѣ, и ворачивается къ ней лицомъ и, какъ обиженное дитя, горь плачетъ, машинально скребя пальцами эту стѣну. И опять этой сценѣ другого Отелло игралъ Цаккони. Гордый и вла ный мавръ, сидя на авансценѣ почти у самой рампы, лицомъ публикѣ, слушалъ небрежно лукавый шопотъ Яго, и лишь, ког послѣдній началъ ставить точки надъ і, на лицѣ его изобразило скучающее недоумѣніе. Но еще минута—и въ немъ, какъ молн промелькнуло пониманіе смысла слышаннаго. Онъ хватаетъ воротъ Яго, могучимъ движеніемъ ставитъ его передъ собой колѣни, беретъ за уши, приближаетъ его лицо почти вплотну къ своему, его глаза почти выскакиваютъ изъ орбитъ и изъ яр красныхъ устъ, покрытыхъ пѣною ярости, слышатся шипящ прерывистые звуки клокочущаго гнѣва и уязвленнаго въ сам сердце самолюбія. Подобно Ольдриджу въ послѣднемъ раз ворѣ съ Дездемоной, Цаккони былъ страшенъ въ описанной сцен и я не думаю, чтобы актеръ, исполнявшій роль Яго, чувствова себя въ эти минуты пріятно.

Передѣлки «Воскресенія» на русскій языкъ я на сценѣ видѣлъ, хотя по поводу такой передѣлки, сдѣланной артисто Ге, я и былъ вызванъ въ судъ для дачи показанія по дѣлу меж нимъ и артистомъ Арбенинымъ. Они обвиняли другъ друга плагіатѣ, и такъ какъ я присутствовалъ при чтеніи передѣл

Ге у М. Г. Савиной, то предполагалось, что я могу дать важныя разъясненія по вопросу о томъ, кто у кого заимствовалъ сценарій и конструкцію драмы. Публика же, мелкая пресса и стороны, повидимому, интересовались тѣмъ, что показаніе будетъ давать свидѣтель, который разскажетъ кое-что и о происхожденіи «Воскресенія». Но я этого «кое-что», къ общему разочарованію, не разсказалъ. Я не хотѣлъ дѣлать моихъ отношеній къ Льву Николаевичу предметомъ импровизаціи со стороны авторовъ судебныхъ отчетовъ въ поспѣшныхъ, отзывающихся на злобу дня, трудахъ, въ которыхъ иногда трудно отличить, гдѣ кончается Wahrheit и гдѣ начинается Dichtung. Воспоминаніе о происхожденіи повѣсти Толстого, властно всколыхнувшей многія сердца и многихъ удержавшей — какъ мнѣ достовѣрно извѣстно — на самомъ краю покатой плоскости эгоистической потачки своимъ чувственнымъ вожделѣніямъ, было мнѣ слишкомъ дорого, чтобы дѣлиться имъ съ безжалостно-жадною на ощущенія толпою, наполняющею судебныя залы по сенсаціоннымъ процессамъ.

Я присутствовалъ на первомъ представленіи «Auferstehung» въ Deutsches Theater въ Берлинѣ, куда мы отправились съ покойнымъ профессоромъ А. И. Чупровымъ. Превосходная постановка, этнографическая и бытовая вѣрность костюмовъ и вдумчивое отношеніе артистовъ къ своимъ ролямъ произвели на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Передѣлка была не изъ особенно удачныхъ, но главнѣйшія внѣшнія событія, вліяющія на психику Неклюдова, были представлены выпукло и согласно съ замысломъ автора. За исключеніемъ двухъ маленькихъ погрѣшностей (Катюша зажигаетъ папиросу въ тюрьмѣ у *лампадки*; съ пришедшими поздравить въ Свѣтлый праздникъ крестьянами Нехлюдовъ не христосуется, а подаетъ имъ руку), все было изображено совершенно вѣрно. Некрасивая и немного толстая актриса изображала Катюшу съ большимъ чувствомъ и реальностью, а сцена совѣщанія присяжныхъ была поставлена просто превосходно. Хотя совѣщаніе происходило, очевидно, въ нашей городской думѣ, ибо изъ окна виднѣлся куполъ католической церкви на Невскомъ, а присяжные говорили по-нѣмецки, но жизненность исполненія заставляла забывать все это и думать, что находишь-

ся среди нашихъ русскихъ присяжныхъ. Но особенно поразитель-
на по производимому впечатлѣнію была послѣдняя картина,
поставленная нѣсколько мелодраматически и представлявшая
угрюмый и холодный сибирскій пейзажъ, виднѣющійся со двора
отдаленнаго сибирскаго острога. Когда Нехлюдовъ привозитъ
отъ губернатора извѣщеніе, что Катюша помилована и она за-
являетъ ему, что останется, чтобы быть женою Симонсона, онъ
заключаетъ ее въ объятія, и оба плачутъ подъ вліяніемъ сильнаго
душевнаго движенія. Въ это время раздается благовѣстъ па-
схальной заутрени и на сцену входитъ крестный ходъ. Арестанты
выбѣгаютъ изъ низенькихъ домовъ, всѣ — и стража, и конвойные
офицеры, и острожники, и Нехлюдовъ съ Катюшей — становят-
ся на колѣни и склоняютъ головы предъ священникомъ въ об-
лаченіи. Онъ высоко подымаетъ крестъ съ распятіемъ, — далекая
снѣжная пустыня внезапно озаряется свѣтомъ, — и по небу раз-
ливается яркое сѣверное сіяніе.

Повышенное настроеніе публики росло съ каждымъ дѣйстві-
емъ, чему, конечно, способствовало то пониманіе движущаго мо-
тива пьесы, которое чудесно отражалось на игрѣ актеровъ и за-
ражало собою зрителей. Послѣдняя картина разрѣшила этотъ
подъемъ, растрогавъ до слезъ почти всѣхъ присутствующихъ. И
у меня съ Чупровымъ глаза оказались на мокромъ мѣстѣ...

III.

Тургеневъ.—Достоевскій.—Некрасовъ.—Апухтинъ.—Писемскій.

Въ первый разъ я близко встрѣтился съ Тургеневымъ въ 1874 году, въ одинъ изъ его кратковременныхъ пріѣздовъ въ Петербургъ. Его вообще интересовали наши новые суды, а затѣмъ особое его вниманіе остановилъ на себѣ разбиравшійся въ этомъ году при моемъ участіи, въ качествѣ прокурора, громкій, по личности участниковъ, процессъ объ убійствѣ помѣщика одной изъ сѣверныхъ губерній, соблазнившаго довѣрчивую дѣвушку и устроившаго затѣмъ ея бракъ со своимъ хорошимъ знакомымъ, отъ котораго онъ скрылъ свои предшествовавшія отношенія къ невѣстѣ. Я говорилъ подробно объ этомъ дѣлѣ въ первомъ томѣ настоящей книги, въ запискахъ судебнаго дѣятеля (стр. 138—140).

Переписка участниковъ этой драмы, дневникъ жены и личность убійцы, обладавшаго въ частной и общественной жизни многими симпатичными и даже трогательными свойствами, представляли чрезвычайно интересный матеріалъ для глубокаго и тонкаго наблюдателя и изобразителя жизни, какимъ былъ Тургеневъ. Онъ хотѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми подробностями дѣла и со взглядомъ на него человѣка, которому выпало

на долю разбирать эту житейскую драму предъ судомъ. Поко
ный Викторъ Павловичъ Гаевскій привелъ Тургенева ко мн
въ окружной судъ и познакомилъ насъ. Какъ сейчасъ виж
крупную фигуру писателя, сыгравшаго такую вліятельную ро
въ умственномъ и нравственномъ развитіи людей моего покол
нія, познакомившаго ихъ съ несравненной красотой русска
слова и давшаго имъ много незабвенныхъ минутъ душевна
умиленія;—вижу его сѣдины съ прядью, спускавшеюся на лоб
его милое, русское, мужичье, какъ у Л. Н. Толстого, лицо,
которымъ мало гармонировало шелковое кашнэ, обмотанн
по французскому обычаю вокругъ шеи, слышу его мягкій «баб
голосъ, тоже мало соотвѣтствовавшій его большому росту и кру
ному сложенію. Я объяснилъ ему все, что его интересова
въ этомъ дѣлѣ, пренія по которому онъ признавалъ заслужива
шими перевода на французскій языкъ, а затѣмъ, уже не пом
по какому поводу, разговоръ перешелъ на другія темы. Коснул
онъ, между прочимъ, Герцена, о которомъ Тургеневъ говори
съ особой теплотой. Его разсказъ о Герценѣ и Литтре приведе
мною въ первомъ томѣ настоящей книги (стр. 634).

Когда Гаевскій напомнилъ, что Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ
посмотрѣть самое производство суда съ присяжными, я посла
узнать, какія дѣла слушаются въ этотъ день въ обоихъ угол
ныхъ отдѣленіяхъ суда. Оказалось, что тамъ, какъ будто нароч
разбирательство шло при закрытыхъ дверяхъ и что въ одно
разсмотрѣніе дѣла уже кончалось, а въ другомъ еще продолж
лось судебное слѣдствіе. Я повелъ Тургенева въ это послѣдн
отдѣленіе и, оставивъ его на минуту съ Гаевскимъ, вошелъ
залу засѣданія, чтобы попросить товарища предсѣдателя р
рѣшить ему присутствовать при разборѣ дѣла. Но этотъ туп
формалистъ заявилъ мнѣ, что это невозможно, такъ какъ Ту
геневъ не чинъ судебнаго вѣдомства, и что онъ можетъ дозволи
ему присутствовать лишь въ томъ случаѣ, если подсудимый
отставной солдатъ, обвинявшійся въ растлѣніи восьмилѣтн
дѣвочки,—заявитъ, что проситъ его допустить въ залу, ка
своего родственника. Въ надеждѣ, что Тургеневъ, вѣроятн
почетный мировой судья у себя въ Орловской губерніи, я об

тился къ нему съ вопросомъ объ этомъ, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Мнѣ однако трудно было этому повѣрить, и я послалъ въ свой кабинетъ за спискомъ чиновъ министерства юстиціи, въ которомъ, къ великой моей радости и къ неменьшему удивленію самого Тургенева, оказалось, что онъ давно уже почетный мировой судья и даже по двумъ уѣздамъ. Онъ добродушно разсмѣялся, замѣтивъ, что это съ нимъ случается не въ первый разъ и что точно такъ же онъ совершенно случайно узналъ о томъ, что состоитъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Я увидѣлъ въ этомъ нашу обычную халатность: даже желая почтить человѣка, мы обыкновенно не умѣемъ этого додѣлать до конца...

Введенный мною въ «мѣста за судьями» залы засѣданія, Тургеневъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ за всѣми подробностями процесса. Когда былъ объявленъ перерывъ, и судьи ушли въ свою совѣщательную комнату, я привелъ туда Тургенева (Гаевскій уѣхалъ раньше) и познакомилъ его съ товарищемъ предсѣдателя и членами суда. Въ составѣ судей былъ старѣйшій членъ суда, почтенный старикъ-труженикъ, горячо преданный своему дѣлу, но кромѣ этого дѣла ничѣмъ не интересовавшійся. Онъ имѣлъ привычку брюзжать, говорить въ засѣданіяхъ самъ съ собою и обращаться къ свидѣтелямъ и участвующимъ въ дѣлѣ съ вопросами, поражавшими своей неожиданной наивностью, при чемъ вѣчно куда-то торопился, прерывая иногда на полусловѣ свою отрывистую рѣчь. «Позвольте васъ познакомить съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ,—сказалъ я ему и прибавилъ, обращаясь къ нашему гостю:—а это одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего суда NN».—Тургеневъ любезно протянулъ руку, мой «старѣйшій» небрежно подалъ свою и сказалъ, мелькомъ взглянувъ на Тургенева: «Гм! Тургеневъ? Гм! Тургеневъ? Это вы были предсѣдателемъ казенной палаты въ....»—и онъ назвалъ какой-то губернскій городъ—«Нѣтъ, не былъ»,—удивленно отвѣтилъ Тургеневъ.—«Гм! а я слышалъ объ одномъ Тургеневѣ, который былъ предсѣдателемъ казенной палаты».—Это нашъ извѣстный писатель,—сказалъ я вполголоса.—«Гм!

писатель? Не знаю»...—и онъ обратился къ проходившему м
мощнику секретаря съ какимъ-то порученіемъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ Тургенева я встрѣчалъ его у М.
Стасюлевича и не могъ достаточно налюбоваться его манер
разсказывать съ изящной простотой и выпуклостью, при че
онъ иногда чрезвычайно оживлялся.

Я помню его разсказы о впечатлѣніи, произведенно
на него скульптурами, найденными при Пергамскихъ раско
кахъ. Возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ долж
были существовать, когда рука времени и разрушенія и
еще не коснулась, онъ изобразилъ ихъ намъ съ такимъ ув
ченіемъ, что всталъ съ своего мѣста и въ лицахъ представля
каждую фигуру. Было жалко сознавать, что эта блестящ
импровизація пропадетъ безслѣдно. Хотѣлось сказать е
словами одного изъ его «Стихотвореній въ прозѣ»: «Стой!
кимъ я теперь тебя вижу, останься навсегда въ моей памят
Это желаніе, повидимому, ощутилъ сильнѣе всѣхъ самъ хо
инъ и тотчасъ же привелъ его въ исполненіе зависящими о
него способами. Онъ немедленно увелъ разсказчика въ св
кабинетъ и заперъ его тамъ, объявивъ, что не выпуститъ е
покуда тотъ не напишетъ все, что разсказалъ. Такъ произош
статья Тургенева: «О Пергамскихъ раскопкахъ», очень ин
ресная и содержательная, но, къ сожалѣнію, все-таки не мо
щая воспроизвести того огня, которымъ былъ проникнутъ устн
разсказъ. Раза два, придя передъ обѣдомъ, Тургеневъ пос
щалъ небольшой кружокъ въ свои сновидѣнія и предчувств
Это были цѣлыя повѣствованія, проникнутыя по большей час
мрачной поэзіей, за которою невольно слышался, какъ и во всѣ
его послѣднихъ произведеніяхъ, а также въ старыхъ—«Приз
кахъ» и «Довольно»—ужасъ передъ неизбѣжностью надвига
щейся смерти. Въ его разсказахъ о предчувствіяхъ большую ро
какъ и у Пушкина, играли «суевѣрныя примѣты», къ которы
онъ очень былъ склоненъ, несмотря на свои пантеистическ
взгляды.

Зимою 1879 года Тургеневъ былъ проѣздомъ въ Пете
бургѣ и жилъ довольно долго въ меблированныхъ комната

на углу тогдашней Малой Морской и Невскаго. Старыя, односторонніе, предвзятыя и подчасъ продиктованныя личнымъ нерасположеніемъ и завистью, нападки на автора «Отцовъ и Дѣтей», вызвавшія у него крикъ души въ его «Довольно», давно прекратились, и снова симпатіи всего, что было лучшаго въ русскомъ мыслящемъ обществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относилась къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслуженномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на каждомъ шагу, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удовлетворенія говорилъ, что русское общество *его простило*. Въ этотъ свой пріѣздъ онъ очень мучился припадками подагры и однажды просидѣлъ нѣсколько дней безвыходно въ тяжелыхъ страданіяхъ, къ которымъ относился, впрочемъ, съ большимъ юморомъ, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ многихъ весьма развитыхъ людей, которые не могутъ удержаться, чтобы прежде всего не нагрузить своего собесѣдника или посѣтителя цѣлой массой свѣдѣній о своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ, достоинствахъ врачей и качествахъ прописанныхъ медикаментовъ. Придя къ нему вмѣстѣ съ покойнымъ А. И. Урусовымъ, мы встрѣтили у него Салтыкова-Щедрина и присутствовали при поразившей насъ своей дипломатичностью ихъ бесѣдѣ, что такъ мало вязалось съ бранчивой повадкой знаменитаго сатирика. Было очевидно, что есть много литературныхъ, а можетъ быть и житейскихъ вопросовъ, по которымъ они рѣзко расходились во мнѣніяхъ. Но было интересно слышать, какъ они оба тщательно обходили эти вопросы не только сами, но даже и тогда, когда ихъ возбуждалъ Урусовъ.

Въ концѣ января этого года скончался мой отецъ—старый литераторъ 30-хъ и 40-хъ годовъ и редакторъ-издатель журнала «Пантеонъ», главнымъ образомъ посвященнаго искусству и преимущественно театру, вслѣдствіе чего покойный былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими выдающимися артистами того времени. Въ бумагахъ его, среди писемъ Мочалова, Щепкина, Мартынова и Каратыгина, оказался большой дагерротипный портретъ Полины Віардо-Гарсія съ любезною надписью. Она

изображена на немъ въ костюмѣ начала 50-хъ годовъ, въ гла
кой прическѣ съ проборомъ посрединѣ, закрывающей на пол
вину уши, и съ «височками». Крупныя черты ея некрасива
лица, съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ, тѣ
не менѣе привлекательны, благодаря прекраснымъ, большим
темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Среди этихъ
бумагъ я нашелъ стихотвореніе забытаго теперь поэта Мятлев
автора «Сенсацій госпожи Курдюковой данъ летранже», пол
зовавшихся въ свое непритязательное время нѣкоторой славой
представляющихъ скучную, въ концѣ концовъ, смѣсь «францу
скаго съ нижегородскимъ». Въ такомъ же родѣ было и это е
стихотвореніе, помѣченное 1843 годомъ. Вотъ оно:

Что за веръ-до, что за веръ-до,—
Напрасно такъ пѣвицу называютъ!
Неужели не понимаютъ,
Какой небесный въ ней кадо?
Скорѣе слушая сирену,
Шампанскаго игру и пѣну,
Припомнимъ мы, такъ высоко
И самый лучшій вёвъ Клико
Не залетитъ, не унесется,
Какъ пѣснь ея, когда зальется
Соловушкою.—Э, временъ,
Предъ ней водица и Креманъ!
Она въ Сомнамбулѣ, въ Отелло—
Заткнетъ за поясъ Монтебелло,
А про Моетъ и Силлери
То даже и не говори!

По времени оно относилось къ тѣмъ годамъ, когда впервы
появилась на петербургской оперной сценѣ Віардо и когда
нею познакомился Тургеневъ, сразу подпавшій подъ обаян
ея чуднаго голоса и всей ея властной личности. Восторгъ, е
возбуждаемый въ слушателяхъ, нашелъ себѣ выраженіе въ пр
веденныхъ стихахъ Мятлева, но для массы слушателей Віард
онъ былъ, конечно, преходящимъ, тогда какъ въ душу Тургене
этотъ восторгъ вошелъ до самой сокровенной ея глубины и оста
ся тамъ навсегда, повліявъ на всю личную жизнь этого «одн

люба» и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исказивъ то, чѣмъ эта жизнь могла бы быть. Несомнѣнно, что описаніе Тургеневымъ внезапно налетѣвшей на нѣкоторыхъ изъ его героевъ любви, вырвавшей подобно бурѣ изъ сердца ихъ слабые ростки другихъ чувствъ, — и тѣ скорбныя, меланхолическія ноты, которыя звучатъ въ описаніяхъ душевнаго состоянія этихъ героевъ въ «Вешнихъ Водахъ», «Дымѣ» и «Перепискѣ», имѣютъ автобіографическій источникъ. Недаромъ онъ писалъ, въ 1873 г., г-жѣ Комманвиль: «Votre jugement sur les Eaux du Printemps est parfaitement juste; quant à la seconde partie, qui n'est ni bien motivée, ni bien nécessaire, je me suis laissé entraîner par des souvenirs». Замѣчательно, что болѣе чѣмъ черезъ 35 лѣтъ послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо, — въ сентябрѣ 1879 года — Тургеневъ началъ одно изъ своихъ чудныхъ «стихотвореній въ прозѣ» словами: «гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча; я сижу, забившись въ уголъ, а въ головѣ все звенитъ да звенитъ: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». — Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *гдѣ-то* и *когда-то* стихотвореніе принадлежало Мятлеву и было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ «Розы». Вотъ начальная строфа этого произведенія, звучавшая чрезъ три съ половиной десятилѣтія своимъ первымъ стихомъ въ памяти незабвеннаго художника, вмѣстѣ съ Мятлевымъ восхищавшагося Віардо-Гарсіей:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!»

Въ этотъ свой пріѣздъ Тургеневъ снова часто бывалъ у М. М. Стасюлевича и много разсказывалъ съ большимъ оживленіемъ и жизненной бодростью въ голосѣ и взорѣ. Выше всѣхъ и краше всего для него былъ Пушкинъ. Онъ способенъ былъ говорить о немъ цѣлые часы съ восторгомъ и умиле-

ніемъ, приводя обширныя цитаты и комментируя ихъ съ ос
бой глубиной и оригинальностью. Въ этомъ сходился онъ
Гончаровымъ, который также благоговѣлъ передъ Пушкины
и зналъ наизусть не только множество его стиховъ, но и выда
щіяся мѣста его прозы. На почвѣ преклоненія передъ Пушк
нымъ произошелъ у Тургенева незабвенный для всѣхъ слушател
горячій споръ съ Кавелинымъ, который ставилъ Лермонто
выше. Романтической натурѣ Кавелина роптущій, негодующ
и страдающій Лермонтовъ былъ ближе, чѣмъ величавый
своемъ созерцаніи Пушкинъ. Но Тургеневъ съ такимъ взглядо
примириться не могъ, и объективность Пушкина плѣняла е
гораздо больше субъективности Лермонтова. Онъ съ любов
останавливался на указаніяхъ Пушкина на источники и услов
поэтическаго творчества, поражался ихъ вѣрностью и глубин
и съ восторгомъ цитировалъ изображеніе Пушкинымъ прили
вдохновенія, благодаря которому душа поэта становится пол
«смятенія и звуковъ». Въ словахъ его съ очевидностью звучал
что и онъ въ своемъ творчествѣ не разъ испыталъ такое смятен

Почти всегда въ бодромъ настроеніи духа, онъ бывалъ въ э
время неистощимъ въ разсказахъ изъ своей жизни и своихъ н
блюденій. Такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ намъ, какъ однажд
идя по улицѣ уѣзднаго города—кажется, Обояни или Мценска
вмѣстѣ съ извѣстнымъ по «Запискамъ Охотника» Ермолаем
онъ встрѣтилъ одного изъ мѣстныхъ мѣщанъ, которому Ермол
поклонился, какъ знакомому. «Что это — спросилъ Тургенев
когда тотъ прошелъ мимо — лицо-то у него какъ расцарапан
даже кровь сочится!»—И впрямь! — отвѣтилъ Ермолай — спр
сить надо. Эй! Семенычъ, подожди малость!—И когда они об
подошли къ остановившемуся, то Ермолай сказалъ ему: «что э
у тебя ликъ-то какой: весь въ царапинахъ?» — Мѣщанинъ пр
велъ рукой по лицу, посмотрѣлъ на слѣды крови на ладон
вздохнулъ, вытеръ руку объ изнанку полы своей чуйки и, мрач
посмотрѣвъ на Тургенева, вразумительнымъ тономъ сказал
«Жена встрѣтила!» Въ другой разъ, описывая свое студенческ
житье въ Петербургѣ, Тургеневъ, съ удивительной живость
подражая голосу своей квартирной хозяйки-нѣмки, передавал

какъ она, слушая его ропотъ на судьбу, не баловавшую его полученіемъ денегъ изъ отчаго дома, говаривала ему: «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, не надо быть грустный, man soll nicht traurig sein; жисть это какъ мухъ: пренепріятный наксѣкомъ! Что дэлайтъ! Тэрпэйтъ надо!»

Когда насталъ день отъѣзда Тургенева, то, желая доставить ему удовольствіе и въ то же время избавить его отъ какихъ-либо личныхъ объясненій, я послалъ ему портретъ Віардо, принадлежавшій моему отцу. Но онъ успѣлъ мнѣ отвѣтить. — «Любезнѣйшій Анатолій Ѳедоровичъ! — писалъ онъ мнѣ 18-го марта 1879 года — я не хочу уѣхать изъ Россіи, не поблагодаривъ васъ за вашъ для меня весьма драгоцѣнный подарокъ. Дагерротипъ моей старинной пріятельницы, перенося меня за тридцать лѣтъ назадъ, оживляетъ для меня то *незабвенное* время. Примите еще разъ мое искреннее спасибо. Позвольте дружески пожать вашу руку и увѣрить васъ въ чувствахъ неизмѣннаго уваженія преданнаго вамъ Ив. Тургенева».

Лѣтомъ того же года мнѣ пришлось быть въ Парижѣ одновременно съ М. М. Стасюлевичемъ и его супругой. Тургеневъ жилъ въ это время тамъ (Rue de Douet, № 4), и Стасюлевичъ пригласилъ насъ обоихъ завтракать къ Вуазену, гдѣ готовили какихъ-то особенныхъ куропатокъ, очень расхваливаемыхъ Иваномъ Сергѣевичемъ. Было условлено, что я заѣду за Тургеневымъ, и мы вмѣстѣ въ назначенный часъ пріѣдемъ къ Вуазену. На мой звонокъ мнѣ отворилъ весьма непривѣтливый concierge и, узнавъ мою фамилію, указалъ мнѣ на верхній этажъ, куда вела лѣстница темнаго дерева съ широкимъ пролетомъ въ серединѣ, и отрывисто сказалъ мнѣ: «Vous êtes admis». Проходя мимо дверей того этажа, который у насъ называется бель-этажемъ, я услышалъ за ними чей-то довольно рѣзкій голосъ, выдѣлывавшій вокальныя упражненія, прерываемыя по временамъ чьими-то замѣчаніями. Наверху меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ «оброшенность» непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой

слой пыли. Штора стариннаго прямого образца однимъ изъ св
ихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой бы
прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчас
свѣтъ, очевидно уже давно, такъ какъ и на ея складкахъ зам
чался такой же слой пыли. Расхаживая, во время разговора
хозяиномъ, по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что въ сосѣдн
небольшой спальной все было въ безпорядкѣ и не убрано,
смотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вс
мнился стихъ Некрасова: «Но тотъ, кто любящей рукой не охр
ненъ, не обезпеченъ»... Видя, что оживленная бесѣда съ Ту
геневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣлъ
родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что на
ждутъ. — «Да, да, — заторопился онъ, — сейчасъ я одѣнусь!»
и черезъ минуту вошелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-
матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говори
онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы,
торой уже давно на этомъ мѣстѣ не было. — Вы напрасно ищ
пуговицы, — замѣтилъ я, смѣясь, — ея нѣтъ!— «Ахъ! — воскл
нулъ онъ: — и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на д
гую», — и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соотв
ствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которы
тянулась выступившая наружу подкладка. Онъ добродуш
улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто, п
должая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы ста
приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались зву
сильнаго контральто, тоже, какъ казалось, передававшіе как
то вокальное упражненіе. Тургеневъ вдругъ замолкъ, шепну
мнѣ: «Ш-ш-!» и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью
затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взя
меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черны
волосами рукою и сказалъ мнѣ, показывая глазами на две
«Какой голосъ! До сихъ поръ!» Я не могу забыть ни выраже
его лица, ни звука его голоса въ эту минуту: такой восторг
умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались
нихъ... За завтракомъ онъ былъ очень веселъ, много разс
зывалъ о Зола и о Додэ и ядовито подсмѣивался надъ первы

изъ нихъ, когда я обратилъ его вниманіе на то, что одна изъ послѣднихъ корреспонденцій Зола въ «Вѣстникѣ Европы» о наводненіяхъ въ долинѣ Луары есть въ сущности повтореніе того, что разсказано авторомъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній, въ «Contes á Ninon», подъ названіемъ Histoire du grand Médéric. — «Да, да, — сказалъ онъ, — Зола не прочь быть именинникомъ и на Онуфрія и на Антона!» Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шутливо просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: «Да, да, женитесь, непремѣнно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда поневолѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ себѣ, какъ милостыню, и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!» Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись. Тургеневъ это замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, повидимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: «Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздилъ къ доктору или сходилъ въ аптеку». И, запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ. Впослѣдствіи, просматривая его письма къ Флоберу и прочитавъ письмо отъ 17 августа 1877 года, гдѣ говорится: «Caen? pourquoi Caen? direz-vous, mon cher vieux. Que diable veut dire Caen! Ah, voilà! Les dames de la famille Viardot doivent passer quinze jours au bord de la mer, soit à Luc, soit à St.-Aubin, et l'on m'a envoyé en avant pour trouver quelque chose», — я вспомнилъ слова Тургенева за нашимъ завтракомъ.

Лѣтъ девять тому назадъ я передалъ свои впечатлѣнія отъ этой встрѣчи съ Тургеневымъ покойному Борису Николаевичу Чичерину, и онъ вспомнилъ, что однажды при немъ и при Тур-

геневѣ, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, зашелъ разговоръ о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній, оправдывая тѣмъ изреченіе Александра Дюма-сына: «on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans». — «Вы думаете?! — съ грустной ироніей воскликнулъ Тургеневъ — изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!»...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 года, на открытіи памятника Пушкина. Это открытіе было однимъ изъ незабвенныхъ событій русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Тотъ, кто въ немъ участвовалъ, конечно, навсегда сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и не вполнѣ опредѣленныя, но во всякомъ случаѣ болѣе свободныя формы. Въ затхлой атмосферѣ застоя, гдѣ все начало покрываться ржавчиной отсталости, вдругъ пронеслись свѣжія струи чистаго воздуха — и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ. Мнѣ пришлось въ немъ участвовать въ качествѣ представителя петербургскаго юридическаго общества и начать испытывать прекрасныя впечатлѣнія, имъ вызванныя, съ самаго момента выѣзда въ Москву. Дѣло въ томъ, что открытіе памятника было первоначально назначено на 26-ое мая, но смерть императрицы Маріи Александровны заставила отнести это открытіе на 2-ое іюня, а какое-то недоразумѣніе при вторичномъ докладѣ о томъ предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, вызвало новую отсрочку до 6-го іюня. Между тѣмъ, управленіе николаевской желѣзной дороги объявило объ устройствѣ экстреннаго удешевленнаго поѣзда въ Москву и обратно для желающихъ присутствовать при открытіи памятника. Къ 24-му мая на поѣздъ записалась масса народу. Когда послѣдовала отсрочка, большинство тѣхъ, кого поѣздка интересовала исключительно своею дешевизной, а въ Москву привлекали личныя дѣла, отказалось отъ взятія

записанныхъ на себя билетовъ, хотя все-таки осталось довольно много желавшихъ ѣхать. Но послѣ второй отсрочки, записавшимися на поѣздъ оказались исключительно ѣхавшіе для участія въ открытіи памятника. Поэтому поѣздъ, отправившійся изъ Петербурга 4-го іюня въ четыре часа, носилъ совершенно своеобразный характеръ. Въ его вагонахъ сошлись очень многіе видные представители литературы и искусства, и депутаты отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Общность цѣли скоро сблизила всѣхъ въ одномъ радостномъ ощущеніи того, что впослѣдствіи А. Н. Островскій назвалъ въ своей рѣчи «праздникомъ на нашей улицѣ». Хорошему настроенію соотвѣтствовалъ прекрасный лѣтній день, смѣнившійся теплымъ и яснымъ луннымъ вечеромъ. Въ поѣздѣ оказался нѣкто Мюнстеръ, знавшій наизусть почти всѣ стихотворенія Пушкина и прекрасно ихъ декламировавшій. Когда смерклось, онъ согласился прочесть нѣкоторыя изъ нихъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла поѣздъ, и вскорѣ въ длинномъ вагонѣ перваго класса на откинутыхъ креслахъ и на полу размѣстились чуть не всѣ ѣхавшіе. Короткая лѣтняя ночь прошла въ благоговѣйномъ слушаніи «Фауста», «Скупого рыцаря», отрывковъ изъ «Мѣднаго всадника», писемъ и объясненій Онѣгина и Татьяны, «Египетскихъ ночей», діалога между Моцартомъ и Сальери. Мюнстеръ такъ приподнялъ общее настроеніе, что, когда онъ окончилъ, на середину вагона выступилъ Яковъ Петровичъ Полонскій и прочелъ свое прелестное стихотвореніе, предназначенное для будущихъ празднествъ и начинавшееся словами: «Пушкинъ—это старой няни сказка». За нимъ послѣдовалъ Плещеевъ, тоже со стихотвореніемъ ad hoc, — и всѣ мы встрѣтили, послѣ этого поэтическаго всенощного бдѣнія, восходящее солнце растроганные и умиленные.

Въ день пріѣзда въ Москву послѣдовалъ торжественный пріемъ депутацій въ залѣ Городской Думы и чтеніе адресовъ и привѣтствій, при чемъ вслѣдствіе того, что юридическія общества прислали представителей, не озаботясь снабдить ихъ адресами, я прочелъ петербургскій адресъ, какъ привѣтствіе отъ *всѣхъ* русскихъ юридическихъ обществъ, въ группѣ представителей которыхъ общее вниманіе привлекала докторъ правъ лейпциг-

скаго университета Анна Михайловна Евреинова. На другой день, съ утра, Москва приняла праздничный видъ, и у памятника закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи с вѣнками и хоругвями трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и синяго — для правительственныхъ учрежденій, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій. Ко времени окончанія литургіи въ Страстномъ монастырѣ яркіе лучи солнца прорѣзали облачное небо, и когда изъ монастырскихъ воротъ показалась офиціальная процессія, колокольный звонъ слился съ звуками оркестровъ, исполнявшихъ коронаціонный маршъ Мендельсона. На эстраду взошелъ принцъ Ольденбургскій со свиткомъ акта о передачѣ памятника городу. Наступила минута торжественнаго молчанія; городской голова махнулъ свиткомъ, пелена развернулась и упала, и подъ восторженные крики «ура» и пѣніе хоровъ, запѣвшихъ «Славься» Глинки, предстала фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головой. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину передъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблистали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь передъ памятникомъ, и у подножья его стала быстро расти гора вѣнковъ.

Черезъ часъ, въ обширной актовой залѣ университета, наполненной такъ, что яблоку было негдѣ упасть, состоялось торжественное засѣданіе. На каѳедру взошелъ ректоръ университета, Н. С. Тихонравовъ, и съ обычнымъ легкимъ косноязычіемъ объявилъ, что университетъ, по случаю великаго праздника русскаго просвѣщенія, избралъ въ свои почетные члены предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, академика Якова Карловича Грота и Павла Васильевича Анненкова, такъ много содѣйствовавшаго распространенію и критической разработкѣ твореній Пушкина. Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали эти заявленія. «Затѣмъ — сказалъ Тихонравовъ — университетъ счелъ своимъ долгомъ просить принять это почетное званіе нашего знаме...», но ему не дали договорить. Точно электрическая искра пробѣжала по залѣ, возбудивъ во всѣхъ одно и то же представленіе и заставивъ въ сердцѣ каждаго прозвучать

одно и то же имя. Неописуемый взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ внезапно возникъ въ обширномъ залѣ и бурными волнами сталъ носиться по ней. Тургеневъ всталъ, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою сѣдую голову съ падающею на лобъ прядью волосъ. Къ нему тѣснились, жали ему руки, кричали ему ласковыя слова, и когда до него, наконецъ, добрался министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ и обнялъ его, утихавшій было шумъ поднялся съ новой силой. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, русское мыслящее общество какъ бы вѣнчало въ немъ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Лишь появившійся на каѳедрѣ Ключевскій, начавшій свою замѣчательную рѣчь о герояхъ произведеній Пушкина, заставилъ утихнуть общее восторженное волненіе.

Въ тотъ же день на обѣдѣ, данномъ городомъ членамъ депутацій, произошелъ эпизодъ, вызвавшій въ то время много толковъ. На обѣдѣ, послѣ неизбѣжныхъ тостовъ, должны были говорить Аксаковъ и Катковъ. Между представителями петербургскихъ литературныхъ круговъ стала пропагандироваться мысль о демонстративномъ выходѣ изъ залы, какъ только начнетъ говорить редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ это время уже рѣзко порвавшій съ упованіями и традиціями передовой части русскаго общества и начавшій свою пагубную проповѣдь исключительнаго культа голой власти, какъ самодовлѣющей цѣли, какъ власти an und für sich. Но когда, послѣ красивой рѣчи Аксакова, всталъ Катковъ и началъ своимъ тихимъ, но яснымъ и подкупающимъ голосомъ тонкую и умную рѣчь, законченную словами Пушкина: «да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!»— никто не только не ушелъ, но большинство — временно примиренное — двинулось къ нему съ бокалами. Чокаясь направо и налѣво съ окружавшими, Катковъ протянулъ черезъ столъ свой бокалъ Тургеневу, котораго, передъ тѣмъ, онъ допустилъ жестоко «изобличать» и язвить на страницахъ своей газеты за денежную помощь, оказанную имъ бѣдствовавшему Бакунину. Тургеневъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, но своего бокала не протянулъ. Окончивъ чоканье, Катковъ сѣлъ и во

второй разъ протянулъ бокалъ Тургеневу. Но тотъ холодно по
смотрѣлъ на него и покрылъ свой бокалъ ладонью руки. Посл
обѣда я подошелъ къ Тургеневу одновременно съ поэтомъ Май
ковымъ. «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, — сказалъ послѣдній съ мя
кимъ упрекомъ—ну, зачѣмъ вы не отвѣтили на примирительно
движеніе Каткова? Зачѣмъ не чокнулись съ нимъ? Въ такой ден
можно все забыть!»—«Ну, нѣтъ,—живо отвѣчалъ Иванъ Сергѣе
вичъ,—я старый воробей, меня на шампанскомъ не обманешь

Вечеромъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ первый из
трехъ устроенныхъ въ память Пушкина концертовъ, съ пѣніем
и чтеніемъ поэтическихъ произведеній. На устроенной въ зал
сценѣ стоялъ среди тропическихъ растеній большой бюстъ Пуш
кина, и на нее поочердно выходили представители громких
литературныхъ именъ, и каждый читалъ что-либо изъ Пушкин
или о Пушкинѣ. Островскій, Полонскій, Плещеевъ, Чаевъ, в
перемежку съ артистами и пѣвцами, прошли предъ горячо настро
енной публикой. Появился и грузный, съ типическимъ лицом
и выговоромъ костромского крестьянина, всклокоченный и с
большими глазами на выкатѣ Писемскій. Вышелъ, наконец
и Тургеневъ. Привѣтствуемый особенно шумно, онъ подошел
къ рампѣ и сталъ декламировать напамять, и нельзя сказать
чтобы особенно искусно, «Послѣднюю тучку разсѣянной бури»
но на третьемъ стихѣ запнулся, очевидно его позабывъ, и, бес
помощно разведя руками, остановился. Тогда изъ публики, с
разныхъ концовъ, ему стали подсказывать все громче и громче
Онъ улыбнулся и сказалъ конецъ стихотворенія вмѣстѣ со всей
залой. Этотъ милый эпизодъ еще болѣе подогрѣлъ общее чувств
къ нему, и когда, въ концѣ вечера, подъ звуки музыки всѣ участ
ники вышли на сцену съ нимъ во главѣ, и онъ возложилъ н
голову бюста лавровый вѣнокъ, а Писемскій затѣмъ, снявъ этот
вѣнокъ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его на голову Тургенева,—
весь залъ огласился нескончаемыми рукоплесканіями и гром
кими криками «браво». На слѣдующій день, въ торжественном
засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности въ том
же Дворянскомъ Собраніи, Иванъ Сергѣевичъ читалъ свое слов
о Пушкинѣ съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, и заклю

чительныя слова его о томъ, что должно настать время, когда на вопросъ, кому поставленъ только-что открытый наканунѣ памятникъ, простой русскій человѣкъ отвѣтитъ: «учителю!»—снова вызвали бурную овацію.

Три дня продолжались празднества и растроганное настроеніе такъ или иначе причастныхъ къ нимъ, при чемъ главнымъ живымъ героемъ этихъ торжествъ являлся, по общему признанію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную рѣчь въ этотъ день, конечно, съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать человѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь. Еще наканунѣ, слушая его на вечерѣ превосходно читающимъ «Какъ весенней раннею порою» и декламирующимъ Пушкинскаго «Пророка», нельзя было предвидѣть того полнаго преображенія, которое съ нимъ произошло во время его рѣчи, хотя стихи были сказаны имъ прекрасно и производили сильное впечатлѣніе, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вытянувъ передъ собою руку и какъ бы держа въ ней что-то, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «И сердце трепетное вынулъ!» —Рѣчь Достоевскаго въ чтеніи не производитъ и десятой доли того впечатлѣнія, которое она вызвала при произнесеніи. Содержаніе ея, въ свое время, дало поводъ къ ряду не лишенныхъ основанія возраженій. Но тогда, въ Пушкинскіе дни, съ эстрады Дворянскаго Собранія, предъ нервно-настроенной и воспріимчивой публикой она была совсѣмъ иною. Участники этихъ дней не только особенно горячо любили въ это время Пушкина, но многіе простаивали подолгу передъ его памятникомъ, какъ бы не въ силахъ будучи наглядѣться на бронзовое воплощеніе «властителя думъ» и виновника общаго захватывающаго одушевленія. Въ мысляхъ о судьбѣ и творчествѣ безвременно погибшаго поэта сливались скорбь и восторгъ, гнѣвъ и гордость истинною, непререкаемою

славой русскаго народнаго генія. Эти чувства, безъ сомнѣні
глубоко вліяли и на Достоевскаго, которому лишь въ концѣ е
«судьбой отсчитанныхъ дней» пришлось испытать общее пр
знаніе послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, матеріальн
нужды, упорнаго труда и вольнаго и невольнаго непониман
со стороны литературныхъ судей. На эстрадѣ онъ выросъ, гор
поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ забл
стали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ ста
энергическимъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи меж
нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренн
духовная связь, сознаніе и ощущеніе которой всегда заставляю
оратора почувствовать и расправить свои крылья. Въ залѣ нач
лось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Ѳедо
Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а з
тѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслыханный и невида
ный мною въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стукъ стул
ми сливались воедино и, какъ говорится, потрясли стѣны зал
Многіе плакали, обращались къ незнакомымъ сосѣдямъ съ во
гласами и привѣтствіями; многіе бросились къ эстрадѣ и како
то молодой человѣкъ лишился чувствъ отъ охватившаго его во
ненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что, казалось, пош
бы за ораторомъ по первому его призыву куда угодно! Такъ, в
роятно, въ далекое время, умѣлъ подѣйствовать на собравшую
толпу Савонарола. Послѣ Достоевскаго долженъ былъ говорит
Аксаковъ, но онъ вышелъ предъ продолжавшею волноваться п
бликой и, назвавъ только-что слышанную рѣчь «событіемъ», з
явилъ, что не въ состояніи говорить послѣ Ѳедора Михайлович
Засѣданіе было возобновлено лишь черезъ полчаса. Рѣчь Д
стоевскаго поразила даже и иностранцевъ, которые, однако, н
могли чувствовать таинственныхъ нитей, связывающихъ нѣк
торыя ея мѣста и выраженія съ сердцемъ русскихъ людей въ е
сокровенной глубинѣ. Профессоръ русской литературы въ п
рижскомъ университетѣ, Луи Лежэ, пріѣхавшій спеціально
Пушкинскія празднества, говорилъ мнѣ вечеромъ въ тотъ з
день, что совершенно подавленъ блескомъ и силой этой рѣч
весь находится подъ ея обаяніемъ и желалъ бы передать свои в

чатлѣнія во всемъ ихъ объемѣ «au Maître», т. е. Виктору Гюго, въ талантѣ котораго, по его мнѣнію, такъ много общаго съ Достоевскимъ.

Съ этихъ поръ я больше не видѣлъ Тургенева, но получалъ отъ него изъ Парижа поклоны черезъ М. М. Стасюлевича. Онъ разрѣшилъ послѣднему показать мнѣ осенью 1882 года въ рукописи «Стихотворенія въ прозѣ». Среди нихъ были напечатанный тогда «Порогъ» (разговоръ Судьбы съ русской дѣвушкой) и полная добродушнаго юмора вещица, кончавшаяся словами: «но не спорь съ Владиміромъ Стасовымъ», шумнымъ и яростнымъ спорщикомъ, приводившимъ Тургенева въ отчаяніе своими нападками на Пушкина. Она, сколько мнѣ извѣстно, не была никогда напечатана, а «Порогъ» Тургеневъ самъ просилъ Стасюлевича выкинуть, говоря въ своемъ письмѣ: «чрезъ этотъ «Порогъ» вы можете споткнуться... особенно если его пропустятъ, а потому лучше подождать». Рукопись дана была мнѣ поздно вечеромъ, и я провелъ всю ночь, читая и нѣсколько разъ перечитывая эти чудныя вещи, въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться—могучей ли прелести русскаго языка, или яркости картинъ и трогательной нѣжности образовъ. Я высказалъ все это въ письмѣ къ Стасюлевичу, выразивъ лишь сомнѣніе, правильно ли въ «Концѣ свѣта» употреблено слово «*кручъ*» вмѣсто «круча», а онъ, какъ оказалось, послалъ мое письмо въ подлинникѣ Тургеневу. «Спасибо за сообщенное мнѣ письмо К. — писалъ ему 25 сентября 1882 г. Иванъ Сергѣевичъ.—Очень оно меня тронуло и я буду хранить его, какъ документъ. И «кручъ»—и «круча» существуютъ; но круча, я думаю, грамматически правильнѣе».

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ, Иванъ Сергѣевичъ опочилъ, послѣ тяжкихъ страданій, а 27-го сентября 1883 года грандіозная похоронная процессія съ вѣнками и эмблемами съ трогательными, благодарственными надписями проводила его дорогой прахъ на Волково кладбище и опустила въ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ два года упокоился и Кавелинъ. «Они встрѣтились—писалъ я послѣ смерти Кавелина—за одною могильною оградой въ сѣромъ, сыромъ, унылomъ Пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Рядомъ съ глубокимъ и тонкимъ художникомъ, всю

жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успокоился
устанный ученый боецъ, до конца не сложившій оружія жи
слова и науки. Оба они много послужили своей родинѣ, оба
рячо вѣрили въ свѣтлое, счастливое будущее русскаго нар
Хочется надѣяться, что настанетъ время, когда люди будущ
поколѣній, придя къ ихъ могиламъ, будутъ имѣть право сказ
ваша вѣра не обманула васъ!».

II.

Въ январѣ 1866 года я зашелъ къ А. Н. Майкову, съ котор
познакомился еще въ Москвѣ, во время моего студенчества, к
онъ посѣщалъ небольшой кружокъ студентовъ петербургск
университета, перешедшихъ въ Москву послѣ закрытія посл
няго—и группировавшихся вокругъ филолога Н. Н. Куликов
милаго, добраго и разносторонняго человѣка. Занятые лекці
и даваніемъ уроковъ, мы собирались обыкновенно по суббот
и засиживались до поздней ночи въ оживленной бесѣдѣ о всяк
«злобахъ дня». Никого изъ девяти членовъ этого кружка, к
мѣ меня, нѣтъ уже въ живыхъ. Бывая въ Москвѣ, Майковъ люб
заходить пить скромный студенческій чай на наши суб
нія сборища и охотно читалъ намъ свои новыя, еще не на
чатанныя произведенія. Такъ, между прочимъ, намъ пришл
слышать въ его мастерскомъ и одушевленномъ чтеніи «Сме
Люція», въ первоначальной редакціи, которая оставляетъ дал
за собою позднѣйшую.—Майковъ встрѣтилъ меня подъ впечат
ніемъ прочитанной имъ въ только-что вышедшей книжкѣ «Р
скаго Вѣстника» первой части «Преступленія и наказанія». «
слушайте—сказалъ онъ мнѣ—что я вамъ прочту. Это нѣчто у
вительное!» и заперевъ дверь кабинета, чтобы никто не помѣша
онъ прочелъ мнѣ знаменитый разсказъ Мармеладова въ пи
номъ заведеніи, а затѣмъ отдалъ мнѣ на нѣсколько дней и сам
книжку. До сихъ поръ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, при в
поминаніи о первомъ знакомствѣ съ этимъ произведеніе
оживаетъ во мнѣ испытанное тогда и ничѣмъ не затемненно

неизмѣненное чувство восторженнаго умиленія, вынесеннаго изъ знакомства съ этой трогательной эпопеей. Великій художникъ съ первыхъ словъ захватываетъ въ ней своего читателя, затѣмъ ведетъ его по ступенямъ всякаго рода паденій и, заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, миритъ его въ концѣ концовъ съ падшими, въ которыхъ сквозь преходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка сквозятъ, нарисованныя съ любовью и горячей вѣрой, вѣчныя черты несчастнаго *брата*. Созданные Достоевскимъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, не только по художественной силѣ изображенія, но и какъ примѣръ удивительнаго умѣнія находить «душу живу» подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой—и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ показывать въ ней то тихо тлѣющую, то распространяющую яркій, примиряющій свѣтъ искру Божію.

Критика того времени, однако, не благоволила къ Достоевскому. Его роману не было посвящено, сколько мнѣ помнится, ни одного серьезнаго разбора, въ то время, какъ произведеніямъ «идейныхъ беллетристовъ», имена которыхъ нынѣ «Ты, Господи, вѣси», оказывалось милостивое вниманіе. Въ нѣкоторыхъ пренебрежительныхъ отзывахъ о романѣ даже указывалось, что это «клевета на молодое поколѣніе», которое, будто бы, воплощено въ Раскольниковѣ, представляющемъ изъ себя простого убійцу для грабежа. Находились даже люди, съ развязностью утверждавшіе, что Достоевскій написалъ «доносъ на молодежь».— Но «il tempo e un galantuomo»—говорятъ итальянцы—и оно поспѣшило дѣйствительными событіями жизни подтвердить творческій вымыселъ автора «Мертваго Дома» и «Униженныхъ и Оскорбленныхъ». 12-го января 1866 года, когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла въ свѣтъ («Русскій Вѣстникъ» всегда выходилъ со значительнымъ опозданіемъ)—въ Москвѣ студентъ Даниловъ зарѣзалъ ростовщика и его служанку,—а чрезъ тринадцать лѣтъ то же самое по отношенію къ своему кредитору и его прислугѣ совершилъ молодой и блестящій гвардейскій офицеръ Ландсбергъ. Это умышленное и злостное непониманіе глубокаго смысла «Преступленія и наказанія», которому лишь въ восьмидесятыхъ годахъ пришлось,

наконецъ, быть оцѣненнымъ по достоинству не только у нас но въ западно-европейской литературѣ,—въ то время чрезв чайно волновало мою молодую и еще не приглядѣвшуюся къ ж тейской несправедливости душу и было даже однажды прич ною рѣзкаго спора съ однимъ изъ грубыхъ и невѣжественны порицателей «доносчика», спора, едва не окончившагося у б рьера.

Чрезъ много лѣтъ, въ бытность мою прокуроромъ окружно суда въ Петербургѣ, сестра моего друга Куликова, лично зн комая съ Достоевскимъ, написала мнѣ, что Ѳедоръ Михайл вичъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи. О былъ въ это время редакторомъ «Гражданина»—имѣвшаго др гой характеръ, чѣмъ нынѣшняя газета того же имени, и доп стилъ напечатаніе въ немъ свѣдѣнія о путешествіи Государ не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія министр двора, какъ то требуется цензурными правилами, вслѣдств чего суду пришлось приговорить его къ аресту на нѣсколь дней на гауптвахтѣ. Приговоръ, войдя въ законную силу, бы обращенъ къ исполненію. Между тѣмъ, предпринятое Достое скимъ лѣченіе и разныя другія обстоятельства личнаго характе дѣлали для него это кратковременное лишеніе свободы до кра ности неудобнымъ именно въ то время, когда приговоръ подл жалъ осуществленію. Отвѣчая Куликовой, я просилъ ее переда Ѳедору Михайловичу, что приговоръ будетъ обращенъ къ испо ненію лишь тогда, когда онъ самъ найдетъ это по своимъ сообр женіямъ удобнымъ. За любезнымъ письмомъ Достоевскаго, выраженіемъ благодарности, послѣдовало его посѣщеніе, отв чая на которое, я убѣдился воочію, въ какой скромной и даж бѣдной обстановкѣ жилъ, мыслилъ и творилъ одинъ изъ вел чайшихъ русскихъ писателей.

15 октября 1876 года въ петербургскомъ окружномъ су слушалось дѣло крестьянки Екатерины Корниловой, котора будучи беременной на четвертомъ мѣсяцѣ, раздраженная упр ками своего мужа и замѣчаніями, что первая его жена бы лучшею «хозяйкой», выбросила, на зло ему, изъ окна четверта этажа свою шестилѣтнюю падчерицу, какимъ-то чудомъ оста

шуюся живою. Дѣло это чрезвычайно заинтересовало Достоевскаго. Въ удивительныхъ по глубинѣ психологическаго анализа, по знанію природы русскаго человѣка и по возвышенному и вмѣстѣ трезвому взгляду на задачи суда строкахъ своего «Дневника Писателя» онъ выразилъ сомнѣніе во вмѣняемости Корниловой въ виду частыхъ ненормальностей въ душевныхъ движеніяхъ и порывахъ беременныхъ. Рисуя, со свойственнымъ ему знаніемъ народнаго быта, сцену предстоящаго разставанія мужа, уцѣлѣвшей дѣвочки и приговоренной на каторгу жены съ новорожденнымъ младенцемъ на рукахъ, онъ спрашивалъ: «а неужели нельзя теперь смягчить какъ-нибудь этотъ приговоръ? Неужели никакъ нельзя? Право, тутъ могла быть ошибка»...— Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ горячо хлопотать о такомъ смягченіи и бывать для этого въ министерствѣ юстиціи. Тутъ намъ снова пришлось встрѣтиться... и ему было обѣщано всевозможное содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Но давать ходъ вопросу о смягченіи Корниловой наказанія не пришлось. Рѣшеніе присяжныхъ было кассировано сенатомъ, и при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, съ вызовомъ компетентныхъ врачей-экспертовъ она была оправдана.

Вскорѣ Достоевскій снова появился въ стѣнахъ министерства юстиціи. Онъ въ это время уже пріобрѣлъ обширное вліяніе на молодежь и на всякаго рода «униженныхъ и оскорбленныхъ», безъ малодушной лести первой и безъ сентиментальной потачки тому дурному, что иногда встрѣчалось во вторыхъ. Къ нему шли за совѣтомъ, утѣшеніемъ, нравственною помощью,— ему повѣряли свои сомнѣнія и терзанія, ему открывали омраченную или смущенную душу... Госпожа А. Бергеманъ—добрая и отзывчивая на людское горе женщина—обратилась къ нему въ декабрѣ 1876 года, прося его содѣйствія и совѣта въ дѣлѣ спасенія одиннадцатилѣтней дѣвочки, брошенной матерью на попеченіе развратнаго и пьянаго отставного солдата, съ которымъ ей самой жить «стало не въ моготу». Старикъ посылалъ дѣвочку собирать милостыню, самъ поджидая жатвы въ ближайшемъ кабакѣ и нещадно колотя голоднаго и иззябшаго ребенка, если принесеннаго оказывалось мало. Дальнѣйшая судьба, ожидавшая

дѣвочку, была ясна и несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что мать, работа
шая на бумагопрядильной фабрикѣ, разысканная г-жою Берг
манъ, разсказала ей, что мужъ уже обезчестилъ ея старшу
внѣбрачную дочь и хвастался, что сдѣлаетъ то же и съ бѣдн
Марѳушей (такъ звали дѣвочку), когда она «поспѣетъ»... Д
стоевскій и за это дѣло принялся горячо и съ сосредоточенно
настойчивостью, доставляя необходимыя справки и присыла
полученныя имъ свѣдѣнія. Помочь ему и г-жѣ Бергеманъ въ их
благородномъ безпокойствѣ за дѣвочку было довольно трудн
такъ какъ въ то время ничего подобнаго «Обществу защиты д
тей отъ жестокаго обращенія» не существовало. Послѣ сношен
съ прокуроромъ и съ градоначальникомъ, дѣло кончилось одна
тѣмъ, что дѣвочка была освобождена отъ своего мучителя и ра
вратителя. Попеченіемъ г-жи Бергеманъ она была помѣще
сначала въ Елисаветинскую дѣтскую больницу, а послѣ тог
какъ немного укрѣпилась, въ дѣтскій пріютъ.

Достоевскаго очень интересовала колонія для малолѣтних
преступниковъ на Охтѣ, за пороховыми заводами, и по его ж
ланію я свезъ его туда въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 год

Въ первоначальномъ устройствѣ колоніи, открытой въ кон
1871 года, было не мало недостатковъ. Она раздѣлялась на со
ственно колонію (земледѣльческую) и на ремесленный пріют
Первое время каждое изъ этихъ учрежденій было ввѣрено особо
лицу въ качествѣ совершенно самостоятельнаго руководител
Связующаго и объединяющаго звена между ними не было,
каждый изъ двухъ весьма извѣстныхъ педагоговъ, поставле
ныхъ во главѣ пріюта и колоніи, расходясь другъ съ другом
во взглядахъ, проводилъ въ жизнь *свою* теорію воспитанія. Вслѣ
ствіе этого образовались двѣ пограничныя области, раздѣле
ныя, кажется, лишь небольшимъ ручьемъ или канавкой, рѣзк
различныя по своему устройству и порядку управленія. В
одной малолѣтніе почти не чувствовали надъ собою твердой вл
сти и, образуя нѣчто въ родѣ маленькаго, своеобразнаго су
присяжныхъ, сами опредѣляли, въ случаѣ проступковъ товар
щей, ихъ виновность (и, надо сказать, почти всегда справедливо
всегда строго);—въ *другой* существовала осязательная дисц

плина, и наказанія налагались руководителемъ. Въ одной уборка комнатъ, топка печей и всѣ хозяйственныя работы исполнялись питомцами, старшимъ изъ которыхъ разрѣшалось куреніе,—въ другой эти работы исполнялись наемными слугами, и куреніе было воспрещено безусловно. Въ одной господствовали—руководительство и наставленіе, въ другой—указаніе и приказаніе. Можно себѣ представить, какую неустойчивость представляло при этомъ воспитаніе питомцевъ, постоянно входившихъ и даже вводимыхъ въ общеніе между собою. И тѣмъ не менѣе, по идеѣ своей, колонія была прекраснымъ учрежденіемъ, и открытіе ея составляло одинъ изъ первыхъ шаговъ благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію и постановкѣ на путь честнаго труда тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, вслѣдствіе темныхъ условій ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе. Въ созданіе колоніи вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви извѣстный юристъ-практикъ и одинъ изъ составителей Судебныхъ Уставовъ, сенаторъ Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ горестяхъ и радостяхъ ея пестраго населенія. Библіотека, мастерскія, отдѣльные домики и красивая въ своей простотѣ церковь—все это устроено первоначально подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ всѣ его знали и любили, относясь къ нему довѣрчиво и просто, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и его любимымъ дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ и обсуждалъ разныя хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою питомцевъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-нибудь пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить... Ковалевскій самъ сознавалъ недостатки въ устройствѣ колоніи и непригодность двойственности послѣдняго, но съ одной стороны онъ не хотѣлъ обидѣть твердой критикой ни одного изъ двухъ педагоговъ, руководившихъ дѣломъ, къ которому они относились

съ любовью и увлеченіемъ,—а съ другой онъ находилъ, ч
торопливость реформы можетъ не дать проявиться поучите
нымъ плодамъ вполнѣ выясненнаго опыта. Впослѣдст
двоевластіе въ колоніи выразилось въ такихъ крайнихъ раз
гласіяхъ между «соправителями», что на мѣсто ихъ пришл
призвать новое лицо—на началахъ единовластія. Оно исп
воль стало водворять новые порядки, но при посѣщеніи колон
Достоевскимъ старый строй былъ, во многихъ отношеніях
еще въ силѣ.

Достоевскій внимательно приглядывался и прислушивал
ко всему, задавая вопросы и разспрашивая о мельчайшихъ
дробностяхъ быта питомцевъ. Въ одной изъ большихъ комна
онъ собралъ вокругъ себя всю молодежь и сталъ бесѣдова
съ нею. Онъ давалъ ей отвѣты то на пытливые, то наивн
вопросы, но мало-по-малу эта бесѣда обратилась въ поуче
съ его стороны, глубокое и вмѣстѣ вполнѣ доступное по свое
содержанію, проникнутое настоящею любовью къ дѣтямъ,
торая такъ свѣтитъ со всѣхъ страницъ его сочиненій, говор
щихъ о «малыхъ сихъ»... Его иногда прерывали и вступали
нимъ въ споръ, но слушали, конечно, даже и не подозрѣвая,
онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, давъ раза два подзатыл
никъ одному изъ шаловливыхъ и нетерпѣливыхъ слушателе
Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ собравшихся
кругъ него,—лица многихъ, уже хлебнувшихъ отравы больш
города, стали серьезными и утратили напускное выраже
насмѣшки и молодечества, которому «на все наплевать»;—гла
нѣкоторыхъ затуманились. Когда мы вышли, чтобы пойти осм
трѣть церковь, всѣ пошли гурьбою съ нами, тѣсно окружи
Достоевскаго и наперерывъ сообщая ему о своихъ житейски
приключеніяхъ и о продѣлкахъ и взглядахъ на порядки колон
своихъ товарищей. Чувствовалось, что между авторомъ скор
ныхъ сказаній о жизни и ея юными безсознательными жертва
установилась душевная связь и что они почуяли въ немъ
любопытствующаго только, но и скорбящаго *друга*.

Церковь, довольно обширная, съ простыми деревянны
ничѣмъ не обдѣланными стѣнами внутри, была обильно сна

жена иконами. Ковалевскій выпросилъ для нея всѣ образа, похищенные или почему-либо отобранные, хранившіеся много лѣтъ безъ востребованія, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ кладовыхъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Съ иконъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, смотрѣли коричневые лики и тощія условныя фигуры стараго письма, въ одеждахъ «празелень» и съ бородами «до чреслъ», окруженныя неправдоподобными горами, среди которыхъ ютились не менѣе странные города и обители. Но иконостасъ былъ новый, расписанный красивыми традиціонными изображеніями во вкусѣ итальянской школы.

Когда мы поѣхали назадъ въ городъ, Ѳедоръ Михайловичъ долго и сосредоточенно молчалъ, а затѣмъ мягко сказалъ мнѣ: «Не нравится мнѣ эта церковь. Это музей какой-то! Къ чему это обиліе образовъ? Для того, чтобы подѣйствовать на душу входящаго, нужно лишь нѣсколько изображеній, но строгихъ, даже суровыхъ, какъ строга должна быть вѣра и суровъ долгъ христіанина. Да и напоминать они должны мальчику, попавшему въ столичный омутъ и успѣвшему въ немъ загрязниться, далекую деревню, гдѣ онъ былъ въ свое время чистъ. А тамъ въ иконостасѣ обыкновенно образа неискуснаго, но вѣрнаго преданіямъ письма. А тутъ въ немъ все какая-то расфранченная итальянщина. Нѣтъ, не нравится мнѣ церковь... Да и еще не нравится—прибавилъ онъ—эта искусственная и непонятная дѣтямъ изъ народа манера говорить имъ *вы*,—оно, быть можетъ, по-нашему, по-господскому, и вѣжливѣй,—но холоднѣе, гораздо холоднѣе. Вотъ я имъ говорилъ всѣмъ *ты*, а вѣдь проводили они насъ тепло и искренно. Чего имъ притворяться? да и непритворны они еще пока—ни въ добромъ, ни въ зломъ»... И дѣйствительно «колонисты» провожали его шумно и довѣрчиво, окруживъ извозчика, на котораго мы садились, и крича Достоевскому: «Пріѣзжайте опять! непремѣнно пріѣзжайте! мы васъ очень будемъ ждать»...

Я уже говорилъ объ участіи Достоевскаго въ Пушкинскихъ дняхъ въ Москвѣ. Послѣ нихъ популярность его достигла своего апогея, и каждое его появленіе на эстрадѣ въ благотворитель-

ныхъ концертахъ и чтеніяхъ сопровождалось горячими и безко
нечными овaціями. Онъ завоевалъ, какъ, думается мнѣ, никт
изъ пишущей братіи до него, симпатіи всѣхъ слоевъ общества

30-го января 1881 года былъ назначенъ въ залѣ дома Ко
нонова вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда и въ памят
Пушкина. На немъ долженъ былъ читать и Ѳедоръ Михайло
вичъ.

Придя въ этотъ день въ окружной судъ, гдѣ я былъ пред
сѣдателемъ, я пригласилъ одного изъ моихъ секретарей, моло
дого правовѣда Лоренца, сына главнаго врача психіатриче
ской больницы «Всѣхъ Скорбящихъ» на девятой верстѣ петер
гофскаго шоссе, начать докладъ вновь поступившихъ бумагъ
сталъ писать на нихъ свои резолюціи. Вскорѣ Лоренц
сталъ запинаться, голосъ его дрогнулъ, и онъ внезапно замолчал
на полусловѣ. Я поднялъ голову и вопросительно взглянулъ н
него. Глаза его были полны слезъ, и ротъ кривила судорог
сдерживаемаго плача.—Что съ вами? вы больны?!—воскликнул
я...—Достоевскій, Достоевскій умеръ!—почти закричалъ он
поражая меня этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, и залился сл
зами. И таково было въ большей или меньшей степени впечатл
ніе и настроеніе всей обширной судебной семьи, работавшей в
этотъ день въ судѣ,—и преимущественно младшихъ ея членов
Мысль о томъ, что мы *обязаны* принять участіе въ отданіи послѣд
няго долга усопшему, зародилась сразу у всѣхъ и не допускал
ни колебаній, ни возраженій. Въ этотъ и въ ближайшіе затѣм
дни Достоевскій былъ въ полномъ смыслѣ «властителемъ дум
почти всего общества, какъ, впрочемъ, былъ имъ и въ два послѣд
ніе года своей жизни, особенно послѣ появленія «Братьев
Карамазовыхъ».

Я поѣхалъ поклониться его праху. На полутемной, непри
вѣтливой лѣстницѣ дома на углу Ямской и Кузнечнаго пере
улка, гдѣ въ четвертомъ этажѣ проживалъ покойный, было уж
довольно много направлявшихся къ двери, обитой обтрепанно
клеенкой. За нею темная передняя и комнаты съ тою же скуд
ной и неприхотливой обстановкой, которую я уже видѣлъ од
нажды. Ѳедоръ Михайловичъ лежалъ на невысокомъ катафалкѣ

такъ что лицо его было всѣмъ видно. Какое лицо! Его нельзя забыть... На немъ не было ни того какъ бы удивленнаго, ни того окаменѣло-спокойнаго выраженія, которое бываетъ у мертвыхъ, окончившихъ жизнь не отъ своей или чужой руки. Оно говорило—это лицо, оно казалось одухотвореннымъ и прекраснымъ. Хотѣлось сказать окружающимъ: «nolite flere, non est mortuus, sed dormit». Тлѣніе еще не успѣло коснуться его, и не печать смерти виднѣлась на немъ, а заря иной лучшей жизни какъ будто бросала на него свой отблескъ... Я долго не могъ оторваться отъ созерцанія этого лица, которое всѣмъ своимъ выраженіемъ, казалось, говорило: «Ну да! это такъ—я всегда говорилъ, что это должно быть такъ, а теперь я *знаю*»...

Вблизи гроба стояла дѣвочка, дочь покойнаго, и раздавала цвѣты и листья со все прибывавшихъ вѣнковъ, и это чрезвычайно трогало приходившихъ проститься съ прахомъ человѣка, умѣвшаго такъ тонко и съ такой «проникновенной» любовью изображать дѣтскую душу.

Достоевскій скончался въ одинъ день съ Пушкинымъ и Карлейлемъ—29 января. Вечеръ въ память Пушкина состоялся, но вмѣсто Достоевскаго вышелъ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ и сказалъ теплое слово, а затѣмъ на эстраду вынесли и поставили сдѣланный углемъ, поразительный по сходству, набросокъ Рѣпина съ умершаго. Въ антрактѣ портретъ хотѣли унести, но присутствующіе запротестовали—и онъ остался.. Весь антрактъ стояла предъ нимъ, въ благоговѣйномъ молчаніи, масса народу, охваченная однимъ чувствомъ. Такъ память о Пушкинѣ, которому поклонялся Достоевскій,—слилась, въ этотъ вечеръ, съ полной благодарнаго волненія памятью о немъ самомъ.

Вѣсть о его смерти быстро облетѣла весь Петербургъ, и на его квартиру началось настоящее паломничество. У его гроба сошлись, позабывъ различіе направленій и всякія злобы дня,—всѣ, кто не могъ не чтить въ усопшемъ не только высоко талантливаго творца «Униженныхъ и оскорбленныхъ», но и горячаго ихъ заступника, друга и—нерѣдко утѣшителя. Его праху поклонились всѣ, кто испыталъ на себѣ хоть однажды то чувство безконечной жалости къ несчастію, то чувство всепрощающей и

всепонимающей любви къ падшему, къ преступному, къ ско
бящему и болѣзненно-возбужденному, которымъ были проп
нуты лучшія изъ сочиненій замолкнувшаго на вѣкъ худо
ника-мыслителя. Онъ умеръ среди разгара противоположны
мнѣній, имъ вызванныхъ—умеръ, готовясь напосить и пол
чать полемическіе удары отъ лицъ, несогласныхъ съ его пол
тическими идеалами. Но въ эти скорбныя и торжественныя м
нуты никто не могъ думать и говорить объ этихъ спорахъ.
они, и матеріалъ, ихъ вызвавшій, были еще слишкомъ близк
слишкомъ еще мало было по отношенію къ нимъ спокойствія
безпристрастія, создаваемаго временемъ, которое одно, разве
нувъ туманное будущее, могло показать, насколько вѣрно см
трѣлъ на призваніе и свойства своей родины, несомнѣнно, гл
боко и горячо любившій ее покойный. Живучесть его полит
ческихъ идеаловъ была еще въ будущемъ, въ немъ—ихъ сил
или слабость, но образы, имъ созданные,—уже жили полно
жизнью, вылившись изъ «жаждавшей и алкавшей правд
души своеобразнаго и несравненнаго мастера. Эти образы, н
видимо, но понятно для окружающихъ, возникали вокругъ е
гроба и указывали на тяжесть и значеніе понесенной утрат
Они двигались вереницею въ умѣ каждаго, подходившаго к
нему, и напоминали ту негодующую скорбь и тѣ слезы дрогну
шаго сердца, которыми для многихъ сопровождалась умстве
ная встрѣча съ ними. Ими переполнены были страницы его п
изведеній. Было ясно, что и Макаръ Дѣвушкинъ, со своею об
рвавшеюся пуговкою вицъ-мундира,—и «блѣдненькая, худе
кая, со слабенькимъ голоскомъ» Соня Мармеладова, и са
Мармеладовъ «образа звѣринаго и печати его»,—и истерз
шійся Раскольниковъ, и его мать, и Карамазовскій штабсъ-к
питанъ съ «мочалкою»,—и «вѣчный мужъ», и всѣ эти изстрад
шіеся, опустившіеся, нервные и мрачные люди, которыхъ та
умѣлъ описывать Достоевскій—не умрутъ въ русской литер
турѣ, пока въ ней будетъ жить желаніе найти въ сам
омраченной, въ самой озлобленной душѣ искру примиряющ
свѣта. И для всѣхъ искателей этой искры—Достоевскій образ
и великій учитель. У него надо изучать и пріемы тончайша

проникающаго въ самую глубину, анализа душевныхъ движеній натуръ усталыхъ, ослабѣвшихъ, надломленныхъ въ житейской борьбѣ,—и изумительнаго изображенія психическихъ состояній, свойственныхъ людямъ, находящимся на границахъ дѣйствительности и цѣлаго міра грезъ и лихорадочной игры фантазіи. Со страницъ его сочиненій всегда будетъ звучать призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его—общая съ великимъ англійскимъ романистомъ Диккенсомъ—всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Умѣть такъ просто, правдиво и задушевно описать волненія и страсти «маленькаго героя», и порывы негодованія ребенка при видѣ истязуемой лошади,—умѣть создать «Илюшечку» и написать его сцену съ оскорбленнымъ и поруганнымъ отцомъ—могъ только художникъ, носившій въ груди нѣжно-любящее и отзывчивое сердце.

Если бы нужно было охарактеризовать однимъ словомъ общее чувство всѣхъ безчисленныхъ посѣтителей, приходившихъ ко праху Достоевскаго, я сказалъ бы, что это была «осиротѣлость», ѣдкая почти до боли и тѣмъ болѣе тяжелая, чѣмъ неожиданнѣй она налетѣла. Андреевскій совершенно вѣрно выразилъ это чувство, сказавъ въ своемъ стихотвореніи «У гроба Достоевскаго»—«кто повторитъ слова любви—несчастнымъ, падшимъ, маловѣрнымъ?—кто имъ, въ пылу нелицемѣрномъ—подыметъ взоры отъ земли?!..»

Похороны Достоевскаго—настоящее общественное событіе—были чѣмъ-то дотолѣ невиданнымъ. Полное отсутствіе полицейскихъ «мѣропріятій»—и полный порядокъ непрерывнаго громаднаго шествія, поддерживаемый цѣпью изъ учащихся,—трогательное пѣніе многочисленныхъ импровизированныхъ хоровъ,—воспитанники и воспитанницы средне-учебныхъ заведеній, стоящіе шпалерами на пути,—безконечные вѣнки съ трогательными надписями, несомые особыми депутаціями,—и свободно вылившаяся изъ души торжественность настроенія у участниковъ и зрителей—придавали процессіи величественный видъ и незабвенный характеръ. Тутъ сказывались—единство

идеи и общность потери, сплотившія самыхъ разнообразныхъ
своимъ взглядамъ, положенію и дѣятельности людей. Въ то врем
когда гробъ выносили изъ квартиры Достоевскаго, первая груп
депутатовъ съ вѣнками была уже на Знаменской площади,
пути къ Александро-Невской лаврѣ. Шествіе длинной и широк
лентой растянулось по Владимірской и Невскому—и грустн
гармонія всего происходившаго ничѣмъ не была нарушен
Предъ выносомъ, между участниками депутацій раздавал
листокъ съ воспроизведеннымъ на немъ автографомъ покойна
а первыми, взявшимися за ручки гроба, который всю доро
затѣмъ несли, окруженные широкою гирляндою цвѣтовъ, укр
пленныхъ на шестахъ, постоянно смѣнявшіеся желающіе,
были Пальмъ и Плещеевъ, за тридцать два года передъ тѣм
вмѣстѣ съ усопшимъ возведенные на эшафотъ на Семеновско
плацу для выслушанія приговора по дѣлу Петрашевскаго.
день похоронъ вышелъ первый № «Дневника Писателя» за 1881
начинавшійся словами: «Господи! неужели и я, послѣ тре
лѣтъ молчанія, выступлю въ возобновленномъ Дневникѣ моемъ»
Этотъ № былъ послѣднимъ словомъ Достоевскаго русско
обществу.

III.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда ни о какомъ знакомст
моемъ съ поэзіей Некрасова не могло быть и рѣчи, да она
не успѣла еще развернуться во всю свою ширь, я уже инт
ресовался имъ по разсказамъ моего отца, издателя-редакто
«Литературной Газеты» въ 1840 и 1841 гг. и «Пантеона» и «Р
пертуара» съ 1843 г. почти вплоть до 1851 г., когда послѣдн
журналъ былъ переименованъ въ «Пантеонъ» и очень расшири
свою литературно-художественную программу. Время издан
«Литературной Газеты» совпало съ годами тяжелыхъ испытаній
лишеній въ жизни Некрасова. Ему приходилось очень бѣдствова
и на себѣ испытать ту нищету и неувѣренность въ завтра
немъ кускѣ хлѣба, которыя отразились на содержаніи многи
его стихотвореній. Онъ, очевидно, зналъ по личному опыт

что такое проживаніе въ петербургскихъ *углахъ*, описанныхъ имъ въ одномъ изъ изданныхъ имъ сборниковъ. Существовать приходилось изо дня въ день составленіемъ книжекъ для мелкихъ издателей-торгашей и торопливымъ писаніемъ на заказанныя темы, о чемъ придется и какъ придется. Въ этотъ періодъ его жизни съ нимъ познакомился редакторъ «Литературной Газеты» и предложилъ ему въ своемъ изданіи хорошій по тогдашнимъ временамъ заработокъ, цѣня молодого писателя, давая ему иногда по цѣлымъ недѣлямъ пріютъ у себя и оберегая его отъ возвращенія къ привычкамъ бродячей и бездомной жизни.

Въ письмѣ изъ Ярославля отъ 16 августа 1841 года, по поводу какого-то недоразумѣнія, вызваннаго сплетнями одного изъ «добрыхъ пріятелей» Некрасова, онъ писалъ моему отцу: «Неужели вы почитаете меня способнымъ такъ скоро забыть недавнее прошлое?.. Я помню, *что* былъ я назадъ два года, какъ я жилъ. Я понимаю теперь, могъ ли бы я выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ вамъ, иначе бы я не написалъ вамъ этихъ строкъ, которыя навсегда могли бы остаться для меня уликой». Большая часть работъ Некрасова въ «Литературной Газетѣ» была подписана псевдонимомъ «Перепельскій». Себя и редактора онъ изобразилъ въ «Водевильныхъ сценахъ изъ журнальной жизни», подъ именемъ Пельскаго и Сѣмечко и вложилъ въ уста послѣдняго такое profession de foi по поводу пріемовъ тогдашней газетной травли, руководимой знаменитымъ въ своемъ родѣ Булгаринымъ: «я литераторъ, а не торговецъ съ рынка и не хочу пятнать страницъ моей газеты той ржавчиной литературы, которую желалъ бы смыть кровью и слезами». Когда Некрасовъ вышелъ на широкую литературную дорогу, его добрыя отношенія съ моимъ отцомъ продолжались, хотя видались они довольно рѣдко.

Въ первый разъ мнѣ пришлось его увидать въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на Невскомъ, при встрѣчѣ его съ моимъ отцомъ. Я жадно всматривался въ его желтоватое лицо и усталые глаза и вслушивался въ его глухой голосъ: въ это время имя его говорило мнѣ уже очень многое. Въ короткой бесѣдѣ разговоръ—почему

уже не помню—коснулся историческихъ изслѣдованій объ Ива Грозномъ и о его царствованіи, какъ благодарномъ драма ческомъ матеріалѣ. «Эхъ, отецъ!—сказалъ Некрасовъ (онъ билъ употреблять это слово въ обращеніи къ собесѣдникам —ну, чего искать такъ далеко, да и чего это всѣмъ дался эт Иванъ Грозный! Еще и былъ ли Иванъ-то Грозный?..»—с залъ онъ смѣясь.

Осенью 1861 года я былъ на литературномъ вечерѣ въ мять только-что схороненнаго Добролюбова. Некрасовъ чита трогательныя стихотворенія покойнаго, еще не появившіяся печати. Его глухой голосъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствов скорбному тону того, что онъ выбралъ для чтенія: «пускай ум печали мало;—не то страшитъ мой умъ больной,—но чтоб смерть не разыграла—обидной шутки надо мной»,—чита онъ, и казалось, что это—замогильный голосъ самого Добро бова. Впечатлѣніе было очень сильное. Мнѣ пришлось опя слышать чтеніе Некрасова десять лѣтъ спустя, на вечерѣ, устро номъ М. Е. Ковалевскимъ у себя, въ пользу колоніи для ма лѣтнихъ преступниковъ. Тогда готовились къ печати «Русс женщины», и этимъ произведеніемъ, отдѣльныя мѣста котора глубоко трогательны, подѣлился со слушателями Некрасо Аудиторія была изысканная въ смыслѣ умственнаго развитія мнѣ показалось, что онъ, всегда спокойный и сдержанный, во новался, читая. Другіе подтвердили мое замѣчаніе. Очевид было, что онъ—котораго такъ часто упрекали въ неискрен сти—прочувствовалъ и пережилъ душевно за княгиню Во конскую и въ особенности за Трубецкую—тѣ нравственн страданія ихъ, которыя были имъ воспѣты съ такой силой и вм стѣ простотой.

Съ начала 1872 года я сталъ довольно часто встрѣчать Н красова въ домѣ его большого пріятеля, Александра Никола вича Еракова (ему посвящено Некрасовымъ большое стих твореніе «Недавнее время»), воспитаніемъ дочерей котораго р ководила сестра Некрасова, Анна Алексѣевна Буткевичъ. Ер ковъ былъ живой, образованный, чрезвычайно добрый и ув кающійся человѣкъ, обладавшій тонкимъ художественны

вкусомъ. Въ его гостепріимномъ домѣ любимыми посѣтителями были: Салтыковъ, Алексѣй Михайловичъ Унковскій, Плещеевъ и Некрасовъ. Послѣдній часто навѣщалъ сестру и приносилъ ей свои только-что написанныя стихотворенія. Благодаря этому и моему близкому знакомству съ семействомъ Ераковыхъ, я читалъ почти всѣ произведенія Некрасова, появившіяся послѣ 1871 года, еще въ рукописи и иногда въ первоначальномъ ихъ видѣ. Некрасовъ любилъ сестру и относился къ ней съ большимъ вниманіемъ и участіемъ. Въ ея строгомъ лицѣ, со слѣдами замѣчательной красоты, были черты сходства съ братомъ. Она не прошла однако, подобно ему, годовъ лишеній и нравственныхъ уколовъ, испытываемыхъ человѣкомъ, стоящимъ на границѣ, за которою начинается уже несомнѣнная и неотвратимая нищета. Поэтому «борьба за существованіе» меньше отразилась на ней, на ея статной и изящной фигурѣ, на цвѣтѣ ея лица. Некрасовъ пріѣзжалъ къ Ераковымъ въ каретѣ или коляскѣ, въ дорогой шубѣ, и подчасъ широко, какъ бы не считая, тратилъ деньги, но въ его глазахъ, на его нездороваго цвѣта лицѣ, во всей его походкѣ виднѣлось не временно преходящее утомленіе, а застарѣлая жизненная усталость и, если можно такъ выразиться, *надорванность* его молодости. Не даромъ говорилъ онъ про себя: «праздникъ жизни—молодости годы—я убилъ подъ тяжестью труда»...

Мы возвращались какъ-то, лѣтомъ 1873 года, вдвоемъ изъ Ораніенбаума, гдѣ обѣдали на дачѣ у Ракова. На мой вопросъ, отчего онъ не продолжаетъ «Кому на Руси жить хорошо», онъ сказалъ мнѣ, что, по плану своего произведенія, дошелъ до того мѣста, гдѣ хотѣлъ бы помѣстить наиболѣе яркія картины изъ временъ крѣпостного права, но что ему нуженъ фактическій матеріалъ, который собирать некогда, да и трудно, такъ какъ у насъ даже недавнимъ прошлымъ никто не интересуется.—«Постоянно будить надо,—безъ этого русскій человѣкъ способенъ позабыть и то, какъ его зовутъ»,—прибавилъ онъ. «Такъ бы вы и разбудили, кликнувъ кличъ между знакомыми о доставленіи вамъ такихъ матеріаловъ,—сказалъ я,—вотъ, напримѣръ, и я,—хотя мало знакомъ съ жизнью народа при крѣ-

постныхъ отношеніяхъ, а, думается мнѣ, могъ бы разска
вамъ случай, о которомъ слышалъ отъ достовѣрныхъ люде

— «А какъ вы познакомились съ русской деревней и что з
ете о крѣпостномъ правѣ?» —спросилъ меня Некрасовъ. Я р
сказалъ ему, что въ отрочествѣ мнѣ пришлось провести два л
вмѣстѣ съ моими родителями въ Звенигородскомъ уѣздѣ
сковской губ. и въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской. Въ послѣдн
видѣлъ нѣсколько безобразныхъ проявленій крѣпостного пр
со стороны семьи одного помѣщика, не чуждаго, въ свое вре
литературѣ. Гораздо ближе познакомился я съ русскимъ се
скимъ бытомъ, когда, будучи московскимъ студентомъ, жи
лѣтомъ 1863 года «на кондиціяхъ» въ Пронскомъ уѣздѣ, Ряз
ской губерніи, въ усадьбѣ Панькино, въ семействѣ бывшаго п
фессора А. Н. Драшусова, младшаго сына котораго готовилъ
поступленію въ гимназію и дочери котораго давалъ впослѣдст
въ Москвѣ уроки. Почти все время, свободное отъ уроковъ и
бесѣды съ хозяйкой дома—умной и очень образованной ж
щиной, бывшей въ перепискѣ со многими выдающимися люд
Западной Европы—я проводилъ на селѣ, живо интересуясь то
ко-что совершившимся переломомъ въ крестьянскомъ быту п
вліяніемъ великой реформы 19-го февраля, и внимательно п
слушиваясь къ постепенно умолкавшимъ отголоскамъ недавн
крѣпостныхъ отношеній. Съ чувствомъ теплаго уваженія вс
минаю я прекрасную личность мирового посредника перв
призыва, отставного маіра Федюкина, одного изъ тѣхъ благор
нѣйшихъ дѣятелей, которые внезапно появились въ Россіи п
благовѣстъ освобожденія и нерѣдко безпощадно къ себѣ и б
корыстно положили всю душу свою въ новое дѣло. И, какъ к
трастъ ему, рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ мѣстная моло
титулованная помѣщица, вѣчно воевавшая съ ненавистнымъ
Федюкинымъ, со злобной настойчивостью преслѣдовавшая
ихъ крѣпостныхъ за каждую охапку хвороста, собранную въ
лѣсу, и за каждый, какъ выражался мировой посредникъ, ф
мекъ на потраву». Она привозила по временамъ въ Паньк
откуда-то добываемый ею «Колоколъ» и съ ликованіемъ чит
въ немъ рѣзкія и язвительныя выходки противъ императора А

ксандра II. Когда однажды я замѣтилъ ей крайнее несоотвѣтствіе ея домашняго образа дѣйствія и негодованія на Федюкина, часто становившагося на сторону крестьянъ,—и восхищенія передъ выходками Герцена, она пожала плечами съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія о моемъ умственномъ неразвитіи и рѣшительно отрѣзала мнѣ:—«никакого несоотвѣтствія нѣтъ и удивляться нечему! Мнѣ нравится, когда *его* ругаютъ, подѣломъ *ему*! Зачѣмъ онъ освободилъ крестьянъ и позволилъ разнымъ Федюкинымъ насъ грабить!..»

Я бывалъ въ засѣданіяхъ волостного суда и на сельскихъ сходахъ, бродилъ подолгу съ крестьяниномъ-охотникомъ Даниломъ и просиживалъ съ нимъ до разсвѣта въ лѣсу, «подвывая» волковъ, на что онъ былъ большой мастеръ—и велъ долгія бесѣды со сторожемъ волостного правленія, прозвища котораго, къ сожалѣнію, теперь не помню. Его звали Николай Васильевичъ. Это былъ высокій старикъ съ шапкою сѣдыхъ волосъ и подслѣповатыми глазами, ѣздившій въ Москвѣ въ извозчикахъ еще до того, какъ туда «приходилъ французъ». Большой любитель моихъ папиросъ, словоохотливый старикъ подолгу разсказывалъ мнѣ о прошломъ, вплетая въ свои разсказы, безъ всякой предвзятой мысли, яркія картины изъ крѣпостной эпохи. Онъ не видѣлъ во мнѣ «барина» и относился поэтому ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, которое поколебалось лишь однажды. — «Тебѣ какое жъ, родимый, положеніе идетъ за то, что ты учишь барчука?—полюбопытствовалъ онъ узнать.—Двадцать рублей.—Въ годъ?—Нѣтъ, въ мѣсяцъ.—Ой-ли?! Да за что же это такъ много?—Какъ за что? Занимаюсь съ нимъ, готовлю въ гимназію. Вотъ скоро ему будетъ въ Москвѣ экзаменъ.—Ну, а ѣшь-то ты что? То же, что господа?—Конечно! Что же мнѣ другое ѣсть, когда я съ ними и обѣдаю и ужинаю.—Съ ними?!—сказалъ онъ недовѣрчиво и потомъ рѣшительно прибавилъ:—Врешь ты, родимый!..» Изъ его словъ я увидѣлъ, какъ иногда въ прежнее время—но, конечно, не въ семьѣ Драшусовыхъ—смотрѣли на учителя...

— «А гдѣ жъ ты тамъ, парень, живешь?—спросилъ онъ меня въ другой разъ:—въ господскомъ домѣ?—Нѣтъ, я живу отдѣльно, на дворѣ, въ комнатѣ при старой банѣ. Мнѣ тамъ очень хорошо:

тихо, просторно и никто не мѣшаетъ. Я тамъ и уроки даю.—В банѣ?—задумчиво сказалъ старикъ—и тебѣ не боязно? *Она-м* по ночамъ не ходитъ? Не пужаетъ тебя?—Кто она? Какая она? Да, вѣдь, тутъ у насъ въ старые годы, давно ужъ тому, помѣщи была, лихая такая: дѣвкамъ дворовымъ отъ нея житья не был Очень ужъ она на одну серчала. Косу ей обрѣзать велѣла и друг разное такое—совсѣмъ со свѣту сживала. Та, возьми, да съ гор и удавись. Судъ пріѣхалъ. Въ банѣ ее и «коронили»—значи потрошили. А къ чему это—неизвѣстно. А потомъ схоронили оградой, потому что руки на себя наложила. Послѣ ея сунд чокъ съ вещами остался, а она была сирота. Такъ сундучокъ- поставили на чердакъ въ банѣ. Вотъ у насъ на селѣ и баютъ, ч она по ночамъ ходитъ сундукъ свой смотрѣть. Ну, какъ ж не боязно?!..» Выслушавъ это, я понялъ, почему прислуга, ког я вечеромъ желалъ остаться у себя (я готовился къ отложенном на осень экзамену у Бабста изъ политической экономіи и ст тистики и внимательно изучалъ Рошера), принося мнѣ чай и молоко, ставила ихъ на крылечкѣ и, постучавъ въ окно, быст удалялась. Вернувшись къ себѣ, я пошелъ на чердакъ и въ уг его дѣйствительно увидѣлъ покрытый пылью старый небольш сундучокъ, перевязанный веревкой и запечатанный печать пронскаго земскаго суда. Нужно ли говорить, что въ первую ж затѣмъ ночь мое нервно настроенное воображеніе заставило ме услышать чьи-то шаги на чердакѣ? Но затѣмъ молодость взя свое, и несчастная самоубійца уже не тревожила мой крѣпк сонъ.

Въ другой разъ тотъ же старикъ разсказалъ мнѣ съ большим подробностями исторію другого мѣстнаго помѣщика, которы звѣрски обращался со своими крѣпостными, находя усердна исполнителя своихъ велѣній въ своемъ любимомъ кучерѣ—ч ловѣкѣ жестокомъ и безпощадномъ. У помѣщика, ведшаго весь разгульную жизнь, отнялись ноги, и силачъ-кучеръ на рука вносилъ его въ коляску и вынималъ изъ нея. У сельскаго Малют Скуратова былъ, однако, сынъ, на которомъ отецъ сосредоточил всю нѣжность и состраданіе, ненаходимыя имъ въ себѣ для других Этотъ сынъ задумалъ жениться и пришелъ вмѣстѣ съ предпол

гаемой невѣстой просить разрѣшенія на бракъ. Но послѣдняя, къ несчастью, такъ приглянулась помѣщику, что тотъ согласія не далъ. Молодой парень затосковалъ и однажды, встрѣтивъ помѣщика, упалъ ему въ ноги съ мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги съ угрозами. Тогда онъ былъ сданъ не въ зачетъ въ солдаты, и никакія просьбы отца не помогли. Послѣдній запилъ, но недѣли черезъ двѣ снова оказался на своемъ посту, *прощенный* бариномъ, который слишкомъ нуждался въ его непосредственныхъ услугахъ. Вскорѣ затѣмъ баринъ поѣхалъ куда-то къ сосѣдямъ со своимъ Малютою Скуратовымъ на козлахъ. Почти отъ самаго Панькина начинался глубокій и широкій оврагъ, поросшій по краямъ и на днѣ густымъ лѣсомъ, между которымъ вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, въ оврагъ, называвшійся Чертово Городище, внезапно свернулъ кучеръ, не обратившій никакого вниманія на возраженія и окрики сидѣвшаго въ коляскѣ барина. Проѣхавъ съ полверсты, онъ остановилъ лошадей въ особенно глухомъ мѣстѣ оврага, молча, съ угрюмымъ видомъ,—какъ разсказывалъ въ первыя минуты послѣ пережитаго баринъ,—отпрягъ ихъ и отогналъ ударомъ кнута, а затѣмъ взялъ въ руки возжи. Почуявъ неминуемую расправу, баринъ, въ страхѣ, смѣшивая просьбы съ обѣщаніями, сталъ умолять пощадить ему жизнь.—Нѣтъ!—отвѣчалъ ему кучеръ—не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого грѣха на душу, а только такъ ты намъ солонъ пришелся, такъ тяжко съ тобой жить стало, что вотъ я, старый человѣкъ, а черезъ тебя душу свою погублю...—И возлѣ самой коляски, на глазахъ у безпомощнаго и безплодно кричащаго въ ужасѣ барина, онъ влѣзъ на дерево и повѣсился на возжахъ.

Выслушавъ мой разсказъ, Некрасовъ задумался, и мы доѣхали до Петербурга молча. Онъ предложилъ мнѣ довезти меня въ своей каретѣ на Фурштадтскую, гдѣ я жилъ, и когда мы разставались, сказалъ мнѣ: «я этимъ разсказомъ воспользуюсь»—а черезъ годъ прислалъ мнѣ корректурный листъ, на которомъ было набрано: «О Яковѣ вѣрномъ—холопѣ примѣрномъ», прося сообщить, «такъ ли»? Я отвѣтилъ ему, что нѣкоторые маленькіе варіанты нисколько не измѣняютъ существа дѣла, и чрезъ мѣсяцъ

получилъ отъ него отдѣльный оттискъ той части «Кому на Рус
жить хорошо», въ которой изображена эта пронская исторія в
потрясающихъ стихахъ.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ посѣтить его въ домѣ Краев
скаго на Литейной и раза два у него обѣдать въ обществѣ сотруд
никовъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ всѣхъ оживлялъ своим
веселыми и образными разсказами покойный «другъ писателей
Михаилъ Александровичъ Языковъ. Юморъ и подвижность ег
были особенно цѣнны въ виду его весьма преклоннаго возраста
а память его просто поражала способностью хранить въ себ
многое изъ давно-давно прошедшаго. Иногда на вопросъ уди
вленнаго собесѣдника: «а сколько вамъ, Михаилъ Александро
вичъ, лѣтъ?»—онъ, съ комической важностью, горделиво отвѣчалъ
пародируя Людовика XIV-го: «L'etat (Лѣта)—c'est moi!» За этим
обѣдами мнѣ пришлось слышать весьма интересные разсказы
хозяина о литературныхъ нравахъ конца сороковыхъ и первой
половины пятидесятыхъ годовъ и о тѣхъ невѣроятныхъ, но вмѣст
съ тѣмъ достовѣрныхъ, издѣвательствахъ цензуры надъ здравым
смысломъ и трудомъ писателя, въ тѣ времена, «когда была жизнь
коротка—для пѣсенъ лиры—отъ типографскаго станка до цен
зорской квартиры», и когда поэтъ отвѣчалъ типографскому раз
сыльному Минаю, приносившему корректуру, испещренную крас
ными крестами и говорившему: «Сойдетъ-де и такъ»:—«Это кров
проливается! Кровь моя, ты дуракъ!»

Иногда Некрасовъ обращался ко мнѣ съ просьбою о совѣт
по тому или другому литературному дѣлу, которое, въ дальнѣй
шемъ своемъ развитіи могло грозить осуществленіемъ въ реаль
ной дѣйствительности того, что съ такимъ юморомъ изобразил
онъ въ своемъ остроумномъ стихотвореніи «Судъ». У меня со
хранилось его письмо отъ 7-го апрѣля 1874 года. «Разрѣшите
пожалуйста, — писалъ онъ,—*должны ли мы* напечатать при
лагаемое объясненіе судьи N. N.? И можетъ ли вытти что-либ
непріятное для редактора, въ случаѣ, если бы мировой судья, н
видя объясненія напечатаннымъ, принесъ жалобу—или нѣтъ
Надо замѣтить, что судья этотъ, должно быть, скотина старых
приказныхъ временъ, ибо наполнилъ свою замѣтку кляузами

бранью, которыя я откинулъ. Отвѣтъ вашъ необходимъ *сегодня*. Очень обяжете искренно вамъ преданнаго Н. Некрасова».

У Некрасова было много враговъ и на его счетъ распространялись самые злорѣчивые слухи, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на его крупныхъ выигрышахъ въ карты. Порожденныя этими слухами легенды живутъ, къ сожалѣнію, и по настоящее время въ обществѣ. «Calomniez, calomniez — il en restera toujours quelque chose!» По этому поводу мнѣ пришлось однажды имѣть большую бесѣду съ самимъ Некрасовымъ.

Въ 1874 году сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ произвело возбужденіе мною дѣла о штабсъ-ротмистрѣ Колеминѣ, содержавшемъ игорный домъ и завлекавшемъ къ себѣ роскошнымъ угощеніемъ обыгрываемую имъ молодежь, при чемъ выигрышу велась правильная бухгалтерская запись. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ подробности этого характераго дѣла, теперь же лишь упомяну, что, въ виду полной изобличенности Колемина, я предложилъ судебному слѣдователю наложить, на основаніи 512 ст. XIV тома, арестъ на деньги Колемина, хранившіяся на текущемъ счету въ Волжско-Камскомъ банкѣ въ суммѣ 49.500 рублей и представлявшія, согласно составленнымъ имъ записямъ, чистый его выигрышъ. Арестъ былъ наложенъ, и судъ утвердилъ эту мѣру. Кто-то, по невѣжеству юридическому, а можетъ быть съ дурнымъ и злорадным умысломъ увѣрилъ Некрасова, будто бы достовѣрно извѣстно, что я намѣренъ возбудить дѣла о всѣхъ лицахъ, выигравшихъ крупныя суммы въ общественныхъ собраніяхъ, и предложить суду отобрать у нихъ эти деньги для обращенія ихъ въ пользу колоніи и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Встревоженный Некрасовъ, сознававшій, что такая мѣра могла бы гибельно отразиться на средствахъ для изданія «Отечественныхъ Записокъ», какъ-то рано утромъ пришелъ ко мнѣ и просилъ откровенно сказать, грозитъ ли и ему такая опасность. Я, конечно, его разувѣрилъ и постарался разсѣять его опасенія, объяснивъ всю нелѣпость дошедшаго до него слуха. При этомъ я подробно разсказалъ ему про поводы къ возбужденію дѣла о Колеминѣ и выяснилъ ему, *что именно* разумѣетъ законъ подъ словами «устройство игорнаго

дома». Некрасовъ успокоился и, долго просидѣвъ у меня, п
дробно разсказалъ мнѣ, какъ образовались его значительны
средства, возбуждавшія въ столь многихъ ожесточенную завист
Въ своемъ повѣствованіи, довольно безпощадномъ къ само
себѣ, онъ раскрылъ предо мною болѣзненную психологію чел
вѣка, одержимаго страстью къ игрѣ, непреодолимо влекуще
его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытом
увлеченьемъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіем
гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не пріобрѣтеніе, а сво
образное сознаніе своего превосходства и упоеніе побѣды...

Разсказы о «нечистой игрѣ» Некрасова были несомнѣнной кле
ветою,—такою же, какъ стремленіе представить его безсерде
нымъ эгоистомъ и человѣкомъ, двулично драпирующимся в
тогу друга народа и служителя «музы мести и печали», въ т
время, когда до народныхъ скорбей ему въ сущности нѣтъ ника
кого дѣла, и онъ, широко тратя легко достающіяся деньги на се
бя, остается глухъ и слѣпъ къ чужому горю и несчастью. Изъ раз
сказовъ его сестры, женщины правдивой до суровости, мнѣ был
извѣстны нерѣдкіе случаи проявленія имъ доброты и велико
душной незлобивости по отношенію къ чуждымъ ему людямъ
его прекрасныя, внимательныя и участливыя отношенія к
сотрудникамъ и его трогательная нѣжность къ сестрѣ служат
лучшимъ опроверженіемъ шипѣнья злобы, которая и при жизни
и по смерти, прикрывалась услужливымъ словомъ «говорятъ
что...»—«Нѣсть человѣкъ аще поживетъ и не согрѣшитъ, Ты
одинъ кромѣ грѣха»... говорится въ чудномъ ритуалѣ нашей
панихиды. Не «прегрѣшенія» важны въ оцѣнкѣ нравственнаго
образа человѣка, а то, былъ ли онъ способенъ сознавать их
и глубоко въ нихъ каяться. Стоитъ вспомнить вырвавшіеся
изъ глубины души Некрасова, орошенные внутренними слезами
крики, которыми онъ оплакивалъ случаи своего кратковремен
наго паденія или минутнаго малодушія, когда онъ сознавалъ,
что «погрузился въ тину нечистую—мелкихъ помысловъ, низких
страстей» и что «ликуетъ врагъ—молчитъ въ недоумѣньи—
вчерашній другъ, поникнувъ головой...»—стоитъ ихъ вспомнить,
чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкомъ искреннимъ.

Тотъ, кто наблюдалъ жизнь, кому приходилось имѣть дѣло съ живыми людьми, долженъ, мнѣ кажется, признать, что существуетъ большая разница между человѣкомъ дурнымъ и человѣкомъ, впавшимъ въ порочную слабость или увлеченнымъ страстью. Нерѣдко подъ оболочкой почти безупречной «умѣренности и аккуратности», дающей поводъ къ лицемѣрному самолюбованію, таится несомнѣнно дурной человѣкъ, и, наоборотъ, иной игрокъ, пьяница или «явный прелюбодѣй», котораго наши старые судопроизводственные законы не допускали даже до свидѣтельства на судѣ,—внѣ предѣловъ своей порочной склонности бываютъ людьми великодушными, благородными и добрыми, въ особенности добрыми. Недаромъ Достоевскій сказалъ, что у насъ добрые люди обыкновенно пьяные люди, и пьяные люди почти всегда добрые люди... Литературныя и нравственныя заслуги Некрасова предъ русскимъ обществомъ такъ велики, что предъ ними должны совершенно меркнуть его недостатки, даже если бы они и были доказаны. Это прекрасно выразилъ покойный Боровиковскій въ стихахъ «Его судьямъ», въ которыхъ, обращаясь къ «непреклонному моралисту, сующему съ миной величавой *его* ошибокъ скорбный листъ», онъ говоритъ: «ты сосчиталъ на солнцѣ пятна и проглядѣлъ его лучи!»...

Во время долгой и тяжкой предсмертной болѣзни Некрасова я былъ у него нѣсколько разъ, и каждый разъ съ трудомъ скрывалъ свое волненіе при видѣ того безпощаднаго разрушенія, которое совершалъ съ нимъ недугъ. Послѣднее время онъ могъ лежать только ничкомъ, въ очень неудобной позѣ, подъ одной простыней, которая ясно обрисовавала его страшно исхудалое тѣло. Голосъ былъ слабъ, дрожащая рука—холодна, но глаза были живы, и въ нихъ свѣтилось все, что оставалось отъ жизни, истерзанной страданіемъ. Въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, онъ попенялъ мнѣ, что я рѣдко къ нему захожу. Я отчасти заслужилъ этотъ упрекъ, но я зналъ отъ его сестры, что посѣщенія его утомляютъ, и при томъ былъ въ это время очень занятъ, иногда не имѣя возможности дня по три подъ рядъ выйти изъ дому. На мои извиненія онъ отвѣтилъ, говоря съ трудомъ и тяжело переводя дыханіе: «Да что вы, отецъ!—Я вѣдь это такъ говорю,

а вѣдь и самъ знаю, что вы очень заняты,—да и всѣмъ живущ
въ Петербургѣ—всегда бываетъ *некогда*. Да, это здѣсь рок
слово. Я прожилъ въ Петербургѣ почти сорокъ лѣтъ и убѣди
что это слово—одно изъ самыхъ ужасныхъ. Петербургъ—
машина для самой безплодной работы, требующая самыхъ б
шихъ—и тоже безплодныхъ жертвъ. Онъ похожъ на чудови
пожирающее лучшихъ изъ своихъ дѣтей. И мы живемъ въ н
и умираемъ, не живя. Вотъ я умираю—а, оглядываясь наз
нахожу, что намъ *все и всегда было некогда*. Некогда дум
некогда чувствовать, некогда любить, некогда жить душою и
души, некогда думать не только о счастьи, но даже объ отд
и только *умирать есть время*»...

Хотя и давно ожиданная, вслѣдствіе сообщеній газетъ о т
ной операціи, произведенной Бильротомъ, и о тяжкихъ стр
ніяхъ, смерть Некрасова произвела въ Петербургѣ, да и
многихъ мѣстахъ Россіи, сильное впечатлѣніе, заставила вс
пенуться во многихъ чувство любви къ угасшему и вызвала не
дѣльное чувство боли, заставивъ на время смолкнуть нав
недруговъ и злобныя шуточки лицемѣрныхъ друзей. Это
строеніе нашло себѣ яркое выраженіе въ прекрасныхъ стих
того же Боровиковскаго, написанныхъ наканунѣ похор
и начинавшихся словами:

Смолкли поэта уста благородныя...

Самыя похороны были очень многолюдны и, сколько
мнится,—были вторыми неофиціальными похоронами въ Пе
бургѣ, въ которыхъ—послѣ торжественныхъ похоронъ знам
таго артиста Мартынова 13 сентября 1860 года—приняли уча
съ горячимъ порывомъ самые разнообразные круги общес
Обстановка этихъ похоронъ и характеръ участія въ нихъ м
дого поколѣнія указывали, что ими выражается не только
чувствіе къ памяти покойнаго, но и подчеркивается живо
активное воспріятіе основного мотива его поэзіи. Надо, в
чемъ, замѣтить, что по торжественности и внѣшнему, свобо
установленному, порядку эти похороны значительно усту
тому, что пришлось впослѣдствіи видѣть при похоронахъ

стоевскаго и Тургенева. Мнѣ вспоминается вечеръ 30-го декабря 1877-го года — день похоронъ Некрасова — проведенный въ домѣ редактора «Вѣстника Европы». Всѣ были полны однимъ чувствомъ, и Кавелинъ—большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его «за каплю крови, общую съ народомъ»—умѣлъ такъ настроить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ былъ всецѣло посвященъ памяти усопшаго. Въ растроганномъ настроеніи внимали всѣ Кавелину, читавшему слегка дрожащимъ голосомъ и съ влажными глазами «Тишину» и «Несчастныхъ».

Первымъ пунктомъ завѣщанія Некрасова, составленнаго въ январѣ 1877-го года и утвержденнаго петербургскимъ окружнымъ судомъ 20-го января 1878-го года, въ бытность мою предсѣдателемъ этого суда, всѣ авторскія права, рукописи и частныя письма къ нему разныхъ лицъ завѣщаны въ собственность Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, а имѣнье близъ села Чудово при усадьбѣ Лука оставлено въ собственность женѣ съ тѣмъ, чтобы она выдѣлила изъ него половину незастроенной земли брату завѣщателя, Константину. Анна Алексѣевна купила у вдовы брата доставшуюся ей усадьбу съ землею. Въ этой усадьбѣ проводилъ покойный часто подолгу время въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, охотясь и работая; здѣсь, между прочимъ, написалъ онъ значительную часть своей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Анна Алексѣевна относилась съ благоговѣніемъ къ памяти брата и издала его стихотворенія въ 1879-мъ году въ четырехъ томахъ, въ подготовку которыхъ къ печати вложила много любви и личнаго труда. Въ 1881-мъ году она повторила изданіе въ одномъ большомъ и компактномъ томѣ. Она умерла въ 1882-мъ году, и всѣ три года ея жизни, прошедшіе послѣ смерти брата, были сплошнымъ служеніемъ его памяти. Въ эти годы я сильнѣе прежняго сблизился съ ней, въ особенности послѣ того, какъ мнѣ удалось вывести ее изъ довольно затруднительнаго положенія, вызваннаго ея нѣсколько запутанными личными и семейными отношеніями. «Получивъ ваше письмо,—писала она мнѣ въ апрѣлѣ 1879 года,—я хотѣла сейчасъ ѣхать къ вамъ, чтобы лично поблагодарить васъ за спокойствіе, которое вы мнѣ устро-

или, но боязнь отвлечь васъ отъ занятій удержала меня п
демонстраціи моей радости. Вы связали оказанную вами усл
съ воспоминаніемъ о моемъ братѣ... Да! въ этомъ вы замѣн
мнѣ его, и вы не повѣрите, какимъ вы стали дорогимъ для м
человѣкомъ». Она разбирала со мною бумаги и черновые п
броски стихотвореній брата. Въ двадцатыхъ числахъ янва
1882 года она заболѣла тяжелымъ плевритомъ и, пригла
меня къ себѣ, просила быть душеприказчикомъ и позаботит
объ устройствѣ въ Лукѣ училища въ память брата. Слабое пожа
ея горячечной руки было послѣднимъ для меня въ ея жиз
которая угасла 20-го февраля.

Согласно ея завѣщанію, на устройство и содержаніе этого у
лища должны были быть переданы мнѣ деньги, вырученныя кн
нымъ складомъ Стасюлевича отъ продажи изданныхъ ею со
неній брата. Весною 1882 года, я вступилъ въ сношенія съ г
городскимъ земствомъ о передачѣ ему по дарственной зап
усадьбы «Лука» со всею, находящеюся въ ней, движимостью,
условіемъ устроить въ ней школу имени Некрасова, при обѣща
представителей земства сохранить въ неприкосновенномъ в
его кабинетъ съ письменнымъ столомъ, кресломъ и превосх
нымъ портретомъ работы Ге. Земство приняло пожертвова
съ благодарностью и вскорѣ ассигновало на поддержаніе шк
500 рублей ежегодно, но затѣмъ начались разныя затрудне
и проволочки, какъ относительно типа школы и ея назначе
такъ и относительно большаго ея матеріальнаго обезпече
Для увеличенія послѣдняго я принялъ на себя ходатайство пр
министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Островски
объ удовлетвореніи просьбы земства о ежегодной субсидіи э
школѣ, если она будетъ сельско-хозяйственнаго типа. Остр
скому, который въ это время круто сталъ отрѣшать
отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и литературныхъ симпатій,
было симпатично названіе школы, но, послѣ нѣкоторыхъ колеб
ній, онъ согласился, и школѣ со дня ея открытія было назначе
пособіе въ 1000 рублей ежегодно. Затѣмъ, вслѣдствіе новы
заявленій земства о недостаточности средствъ, я вошелъ въ 18
году въ сношеніе съ А. А. Краевскимъ и М. Е. Салтыковымъ

передачѣ новгородскому земству шести тысячъ шестисотъ семидесяти трехъ рублей, собранныхъ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» на устройство школы въ память Некрасова въ мѣстѣ его родины. Я былъ увѣренъ, что эти деньги вмѣстѣ съ арендной платой съ земли при Лукѣ, субсидіями отъ министерства государственныхъ имуществъ и отъ земства и съ 4.500 рублями, вырученными отъ продажи сочиненій Некрасова, могутъ наконецъ обезпечить существованіе Некрасовской школы. Къ сожалѣнію, какой-то рокъ тяготѣлъ надъ открытіемъ этой школы, которая въ проектѣ передѣлывалась изъ сельско-хозяйственной въ ремесленную и наоборотъ, и предназначалась къ открытію то въ Лукѣ, то въ имѣніи одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а въ дѣйствительности не была открыта въ теченіе девяти лѣтъ. Это побудило меня обратиться къ предсѣдателю губернской земской управы съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г.—Вслѣдствіе состоявшагося въ 1882 году между мною, какъ душеприказчикомъ вдовы полковника Анны Алексѣевны Буткевичъ, и представителями новгородскаго губернскаго и уѣзднаго земства соглашенія—и въ виду 4-го п. постановленія губернскаго земскаго собранія отъ 17 декабря 1882 года—мною было передано земству для устройства школы въ память Н. А. Некрасова—завѣщанное г-жею Буткевичъ имѣніе, состоящее изъ дома и 82 десятинъ земли при усадьбѣ Лука, близъ Чудова, препровождены затѣмъ—сначала 4.500 р., вырученные отъ продажи сочиненій Н. А. Некрасова, а потомъ—6.673 р. с., полученные мною на вышеупомянутую школу отъ покойныхъ М. Е. Салтыкова и А. А. Краевскаго. При возникшей, по поводу устройства этой школы, перепискѣ между мною и гг. предсѣдателями губернской и уѣздной земскихъ управъ—я неоднократно высказывалъ, что, въ качествѣ душеприказчика А. А. Буткевичъ, я не имѣю никакихъ возраженій ни противъ типа или характера школы, ни противъ мѣстности, въ которой земству угодно будетъ ее открыть, озабочиваясь лишь скорѣйшимъ выполненіемъ желаній завѣщательницы, хотѣвшей связать память о своемъ братѣ съ посильною пользой народному образованію въ мѣстности, гдѣ послѣдній часто живалъ и создалъ многія изъ своихъ поэтическихъ произ-

веденій. Къ сожалѣнію, однако, школа имени Некрасова до
стоящаго времени не учреждена, а появляющіяся въ повре
ныхъ изданіяхъ извѣстія заставляютъ предполагать, что пр
стоящемъ положеніи вопроса нельзя даже и предвидѣть съ
ностью времени ея открытія, несмотря на то, что, помимо з
и дома, на этотъ предметъ у земства имѣется уже капиталъ,
вышающій 14 тыс. р. с. Не считая себя въ правѣ входить въ
жденіе причинъ и условій такого неблагопріятнаго для ос
ствленія воли г-жи Буткевичъ положенія дѣла, я не могу,
ко, оставлять обязанности, возложенной ею на меня, неиспо
ною и ограничиться однимъ лишь формальнымъ исполне
ея воли путемъ передачи ея имѣнія и завѣщанныхъ ею сре
земству,—тѣмъ болѣе, что 6.673 р. испрошены мною у гг.
тыкова и Краевскаго именно для устройства задуманной г-
Буткевичъ школы. Поэтому и въ виду предстоящаго гу
скаго земскаго собранія, имѣю честь обратиться къ вам
покорнѣйшей просьбой оказать зависящее съ вашей сто
содѣйствіе—*къ безотлагательному и дѣйствительному ре
шенію вопроса о Некрасовской школѣ*—или же, буде новг
ское земство считаетъ принятыя на себя по дарственной за
1883 г. обязательства *невыполнимыми* — къ возбужденію во
са о возвращеніи мнѣ всего предоставленнаго для устро
школы, дабы я могъ передать эти средства министерству на
наго просвѣщенія съ тою же цѣлью».

Наконецъ, въ 1892 году Некрасовская сельско-хозяйс
ная школа была открыта при домѣ поэта въ Лукѣ, при чем
вещей Некрасова, вслѣдствіе плохого надзора, какъ уд
вѣрялъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1902 годъ г. Л
кинъ, остался въ домѣ лишь его портретъ. По послѣдующ
извѣстіямъ, если вѣрить корреспонденціи «С.-Петербургск
Вѣдомостей», въ 1904 году школа находилась въ такомъ не
глядномъ видѣ, что очередное уѣздное земское собраніе пос
вило: признать школу въ настоящемъ ея видѣ нежелатель
и поручить управѣ разработать вопросъ или о реорганиз
ея, или о совершенномъ закрытіи, передавъ портретъ поэт
Музей Императора Александра III и замѣнивъ его копіей

906 году—школа закрыта вовсе, а усадьба Некрасова сдана
ъ аренду подрядчику рабочей артели съ близлежащей плит-
ой ломки....

IV.

Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ Литературный
Фондъ предпринялъ рядъ любительскихъ спектаклей, въ кото-
ыхъ участвовали виднѣйшіе представители русской литерату-
ы, жившіе или временно находившіеся въ Петербургѣ. Спекта-
ли прошли блестящимъ образомъ и усердно посѣщались публи-
ой. Этого, однако, нельзя было приписать только одному ея же-
анію увидѣть своихъ любимцевъ на сценѣ. Оно въ гораздо
ольшей степени удовлетворялось литературными чтеніями,
ывшими тогда новинкой и имѣвшими огромный успѣхъ. На
дномъ изъ нихъ я слышалъ въ первый разъ Ѳедора Михайлови-
а Достоевскаго, читавшаго разсказъ «объ оторвавшейся пугов-
цѣ» изъ письма Макара Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ Людяхъ». Почти
а каждомъ изъ такихъ чтеній выступалъ А. Н. Майковъ со
воимъ стихотвореніемъ «Старое и Новое», отрывкомъ изъ поэмы
Поля», которое онъ декламировалъ превосходно, повторяя его
о нѣсколько разъ по настойчивому требованію публики, наэлек-
ризованной и мастерскимъ исполненіемъ, и соотвѣтствіемъ
сонца стихотворенія тѣмъ радужнымъ надеждамъ на свѣтлое
удущее, которыя жили тогда въ сердцѣ русскаго общества.
Безъ «Полей» не обходилось ни одно литературное чтеніе, и
тоило Майкову появиться на эстрадѣ и прочесть что-либо дру-
ое, какъ изъ публики начинали раздаваться требованія: «Поля!
Поля!»—что подало поводъ одному изъ сатирическихъ журна-
овъ изобразить Майкова предъ многочисленной аудиторіей,
ъ ужасомъ повторяющаго вмѣстѣ съ нею свой стихъ: «А тамъ
оля, опять поля!»

На той же эстрадѣ иногда появлялся и молодой, блѣднoли-
цый и еще не дошедшій до своей чудовищной тучности А. Н.
Апухтинъ. Онъ любилъ читать свое стихотвореніе «Актеры»,

въ которомъ уже слышались звуки затаенной и не преходящ
грусти, проникающей всѣ его прекрасныя стихотворенія. М
го лѣтъ спустя, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться у од
го изъ моихъ сослуживцевъ, гдѣ однажды я разсказалъ о свои
наблюденіяхъ и выводахъ относительно самоубійствъ въ Пет
бургѣ, дѣла о которыхъ проходили черезъ мои руки, какъ п
курора окружного суда. Апухтинъ очень заинтересовался п
веденными мною статистическими данными и содержані
предсмертныхъ писемъ самоубійцъ. Черезъ нѣсколько лѣ
встрѣтясь со мною, онъ вспомнилъ про это, и я послалъ е
набросанное мною изложеніе дѣла объ одномъ самоубійствѣ,
тѣмъ напечатанное мною въ «Недѣлѣ» 1871 года подъ названі
«Пропавшая серьга».

Дѣло шло о бѣдной прибалтійской мѣщанкѣ, брошен
съ двумя дѣтьми молодымъ инженеромъ, который прижи
ихъ съ нею. Уѣхавъ на югъ Россіи, онъ сначала немного по
галъ ей, посылая ничтожныя суммы и рѣдкія письма со «сло
сами лукавствія» и выраженіемъ лживой нѣжности къ дѣтя
Вскорѣ однако, не скрывая, что ведетъ разсѣянную жиз
требующую сравнительно большихъ расходовъ, онъ предложи
матери своихъ дѣтей «дружбу» и прервалъ съ нею всякія сно
нія. Бѣдная женщина билась, какъ рыба объ ледъ, работ
на швейной машинѣ и содержала три меблированныя комна
скудный доходъ съ которыхъ употребляла на подготовку сы
въ реальное училище и на плату за обученіе дочери. Для эт
она отказывала себѣ во всемъ, питаясь подолгу однимъ ча
чаемъ и чернымъ хлѣбомъ. Окружающіе считали ее вдовой
она воспитывала въ дѣтяхъ чувство уваженія къ ихъ будто
умершему отцу. Сравнительно спокойное теченіе ея безрад
ной жизни было, однако, нарушено тремя обстоятельства
женская болѣзнь заставила отказаться отъ заработка шитье
сынъ, несмотря на наемъ учителя для подготовки, не выдерж
вступительнаго экзамена въ реальное училище и, наконецъ,—са
для нея ужасное—на ея пятнадцатилѣтнюю дочь было взве
но одной изъ жилицъ обвиненіе въ кражѣ брилліантовой се
ги. Несмотря на мольбы несчастной матери не дѣлать огла

илица вызвала полицію; былъ составленъ протоколъ, и всѣ, въ томъ числѣ и дѣти, узнали, что она не вдова, а незамужняя вушка съ двумя незаконнорожденными дѣтьми. Этого послѣдняго удара она перенести не могла—и отравилась мѣднымъ упоросомъ, оставивъ трогательное письмо, въ которомъ проситъ рощенія у окружающихъ, и, заявляя, что больше жить не имѣетъ силъ, клянется, что ея дочь неспособна быть воровкой. Жилица тотчасъ выѣхала, а черезъ нѣсколько дней, на допросѣ судебнаго слѣдователя, показала, что, разбирая на новой квартирѣ свои вещи, *она нашла между ними серьгу*, которую считала украденной.

«Многоуважаемый А. Ѳ.,—писалъ мнѣ Апухтинъ,—съ величайшей благодарностью возвращаю вамъ «пропавшую серьгу». Случай, дѣйствительно, драматическій, но главный драматизмъ его заключается въ томъ, что на легкомысленный поступокъ вдовицы Сидоровой (жилицы) можно смотрѣть какъ на благодѣяніе, оказанное несчастной героинѣ этого дѣла. Не случись исторіи съ серьгой, она бы еще долго тянула свою каторжную жизнь, которая много хуже купороса. Самоубійство, по-моему, вовсе не преступленіе и даже не малодушіе, а часто весьма разумный выходъ. По этому поводу мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами поподробнѣе». Когда состоялась наша бесѣда, онъ при разставаніи сказалъ мнѣ, что давно хочетъ заняться этимъ вопросомъ,—«при чемъ коснусь и васъ!»—прибавилъ онъ. Я придалъ послѣднимъ словамъ значеніе простой шутки, но зимой 1885—6 года получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Въ прошломъ году я говорилъ вамъ, что пишу поэму, которая косвенно будетъ касаться васъ. Теперь эта вещь окончена, но я не считаю себя вправѣ пускать ее въ обращеніе, не прочитавъ предварительно вамъ, а потому прошу васъ или заѣхать ко мнѣ (ежедневно отъ часа до четырехъ), или назначить мнѣ день и часъ, когда могу застать васъ дома. Проектированная поэма обратилась въ стихотвореніе не очень большихъ размѣровъ, а потому не бойтесь *продолжительной* скуки». Я предложилъ Алексѣю Николаевичу пріѣхать ко мнѣ, и въ виду приписки къ его первому письму: «высота меня не пугаетъ, если на лѣстницѣ есть

стулья», распорядился поставить на каждой площадкѣ лѣстни до 4-го этажа, въ которомъ я жилъ, стулья. Но когда въ назн ченный часъ швейцаръ далъ звонокъ, и я вышелъ на лѣстни то меня поразила легкость, съ которою Апухтинъ несъ с огромное, грузное тѣло, «беря штурмомъ», какъ онъ выразил каждый рядъ ступеней. Эта живость совершенно не соотвѣтст вала его крайней тучности, которая вызвала его извѣстную ш ку надъ собою: «Жизнь пережить—не поле перейти.—Да, точ жизнь скучна и каждый день скучнѣе.—Но грустно до т сознанія дойти,—что поле перейти мнѣ все-таки труднѣе». О вообще любилъ подшучивать надъ своею фигурой, разсказыв напримѣръ, про маленькую дѣвочку, которая, войдя въ гост ную матери, гдѣ онъ сидѣлъ, спросила, указывая на него па чикомъ: «Мама, это человѣкъ или *нарочно*?»

Онъ даже не запыхался и прямо приступилъ къ чтенію сво обширнаго произведенія «Послѣдняя ночь», названнаго п впослѣдствіи: «Изъ бумагъ прокурора». Въ немъ было два мѣс относительно которыхъ онъ сомнѣвался, находя, что они сли комъ удлиняютъ стихотвореніе. Первое начиналось слова «Въ какую рубрику меня вы помѣстите»—и кончалось слова «Среди тяжелыхъ думъ она (мысль о самоубійствѣ) въ ночн тиши сознательно сложилась и окрѣпла»; а второе начинал словами: «О, посмотрите же кругомъ: не я одинъ ищу спасе въ покоѣ»—и кончалось словами: «Но обвинять ли ихъ, вин ли жизни строй, безсмысленный и злой,—не знающій прощень А за этимъ слѣдовало: «Какъ опытный и свѣдущій юрис всѣ степени вины обсудите вы здраво». Я настаивалъ на введе и этихъ отрывковъ въ текстъ чудеснаго стихотворенія, и Ап тинъ со мной согласился, подаривъ мнѣ на память рукоп въ первоначальномъ видѣ и два къ ней добавленія. Въ эт рукописи есть много варіантовъ, сравнительно съ напечата нымъ. Наибольшій изъ нихъ слѣдующій: «Но съ отрочески лѣтъ я началъ въ жизнь вникать,—въ людскія дѣйствія, п цѣли и причины—и стерлась дѣтской вѣры благодать—ка блѣдной краски слѣдъ съ неконченной картины»—говорит въ напечатанномъ;—въ рукописи же вмѣсто «отроческихъ лѣ

стоитъ «съ дѣтства ранняго», а послѣдніе два стиха читаются такъ: «И клали на душу тяжелую печать коварства, лжи и зла вседневныя картины».

Послѣдній разъ въ жизни я видѣлъ Апухтина за годъ до его смерти, въ жаркій и душный лѣтній день, у него на городской квартирѣ. Онъ сидѣлъ съ поджатыми подъ себя ногами, на обширной тахтѣ, въ легкомъ шелковомъ китайскомъ халатѣ, широко вырѣзанномъ вокругъ пухлой шеи,—сидѣлъ, напоминая собою традиціонную фигуру Будды. Но на лицѣ его не было буддистскаго созерцательнаго спокойствія. Оно было блѣдно и глаза смотрѣли печально. Отъ всей обстановки вѣяло холодомъ одиночества, и казалось, что смерть уже тронула концомъ крыла душу вдумчиваго поэта.

V.

Литературнымъ Фондомъ были поставлены «Ревизоръ» и «Женитьба», при чемъ Хлестакова и Кочкарева игралъ П. И. Вейнбергъ; группу «аршинниковъ, самоварниковъ», являющихся съ жалобой къ ревизору, составляли Тургеневъ, Островскій, Дружининъ и другіе, а городничаго и Подколесина игралъ *Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій*. Онъ былъ превосходенъ въ обѣихъ роляхъ. Чувствовалось, что онъ воспринялъ и воплотилъ безсмертные Гоголевскіе типы не съ книжнымъ лишь пониманіемъ, а на основаніи личныхъ наблюденій и житейскихъ встрѣчъ. Особенно удался ему въ этомъ отношеніи Сквозникъ-Дмухановскій. До сихъ поръ мнѣ съ особенной яркостью вспоминается городничій-Писемскій въ его разговорѣ съ Осипомъ, котораго съ удивительнымъ талантомъ игралъ студентъ Ломагинъ, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущаго несомнѣннаго украшенія.

Личное наше знакомство началось въ Москвѣ, куда Писемскій переселился, уставъ итти «противъ теченія», редактируя «Библіотеку для Чтенія» и возбудивъ противъ себя ожесточенное, но въ значительной степени справедливое, литературное гоненіе

своими фельетонами подъ псевдонимомъ «Никиты Безрыл
съ грубой безпощадностью осмѣивавшими почти всѣ безъ
бора проявленія пробудившейся общественной мысли. Въ Мо
давъ по своимъ противникамъ послѣдній залпъ въ талантли
но весьма тенденціозномъ романѣ «Взбаламученное море
которомъ, по его мнѣнію, «была тщательно собрана вся
нашей русской жизни», онъ успокоился и вошелъ въ свою н
ящую колею художника-бытописателя. Его главными про
деніями были драма «Горькая судьбина», справед
оцѣненная критикой и не утратившая своего художествен
достоинства и до настоящаго времени,—и романъ «Тысяча Ду
Послѣдній былъ мастерскимъ изображеніемъ того, какъ
и какими способами и пріемами управлялась русская пр
ція до эпохи великихъ реформъ. Въ немъ Писемскій явл
суровымъ обличителемъ той, по выраженію Хомякова, «ме
сти и лжи тлетворной», которыми былъ полонъ обществе
укладъ того времени,—обличителемъ не словами гнѣва и
дованія, а правдивыми, животрепещущими образами. Онъ
также и моралистомъ. Вся разбитая жизнь Калиновича, сло
наго сплоченною силою мелкихъ людишекъ, съ которыми
возымѣлъ самоувѣренную смѣлость бороться, служить—
перомъ Писемскаго—яркимъ предостереженіемъ тѣмъ, кто
маетъ—а такихъ бываетъ не мало среди людей далеко не дурны
что общеполезная дѣятельность можетъ искупить своимъ
хомъ грѣхи, учиненные для достиженія ея возможности.
меня «Тысяча Душъ» произвела въ свое время очень сил
впечатлѣніе, да и до сихъ поръ, ознакомясь въ моей служе
жизни въ провинціи съ отголосками многаго, изображен
въ романѣ, я думаю, что послѣдній по праву дол
стоять на первомъ мѣстѣ послѣ «Мертвыхъ Душъ». Поэто
съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться
Писемскимъ.

Въ послѣднемъ все было своеобразно: и манера гово
«по-костромски», съ удареніемъ на «о», и произнесеніемъ
какъ «а» (онъ говорилъ вмѣсто думаетъ, дѣлаетъ, гуляе
думатъ, *дѣлатъ*, *гулятъ*), и огромная голова въ черныхъ вих

съ широкимъ лбомъ, съ большими на выкатѣ темными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Вся его наружность «неладно скроенная, но плотно сшитая», его манера скашивать въ сторону желчный и безпокойный взоръ имѣла въ себѣ что-то отдаленно напоминавшее молодого быка. Во всемъ, что онъ говорилъ, слышался сильный, непосредственный умъ, чудесно воспринимавшій и понимавшій прозаическую сторону жизни,—рѣшительно, хотя и безъ злобы, отодвигавшій и разрушавшій всѣ лживыя декораціи и условныя украшенія, которыми прикрывалась эта проза. Къ этому присоединялось глубокое знаніе народной жизни и безобидный юморъ, огоньки котораго постоянно вспыхивали въ его разсказѣ. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и любилъ собирать у себя молодежь, къ которой умѣлъ относиться безъ всякой рисовки, просто и сердечно. Въ домѣ у него было тепло и уютно, чему въ особенности способствовала его жена, уравновѣшенному и возвышенному душевному строю которой соотвѣтствовала прекрасная наружность красивой и здоровой русской женщины. Несомнѣнно, что въ жизни увлекающагося, невоздержаннаго и слабаго характеромъ Писемскаго жена его Екатерина Павловна (дочь писателя Свиньина) имѣла благотворное вліяніе. Изобразивъ ее въ Евпраксіи «Взабаламученнаго моря», онъ самъ призналъ это и отдалъ дань искренняго уваженія ея нравственнымъ качествамъ, хотя и назвалъ ее «ледешкомъ». Съ такимъ же чувствомъ относились къ ней и всѣ, кто ее зналъ и кто понималъ, что ея жизненная задача была не изъ легкихъ и что на душѣ привѣтливой, умной и съ виду спокойной хозяйки не разъ бывало очень и очень тяжело. Немалую заботу должны были доставлять ей и странности мужа: его крайняя мнительность по отношенію къ людямъ и къ своему здоровью, а также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, комическая боязливость. Такъ, напримѣръ, онъ страшно боялся собакъ. Ему стоило увидѣть на своемъ пути хотя бы самаго смиреннаго и скромнаго по размѣрамъ пса, чтобы съ испугомъ повернуть назадъ, несмотря ни на какую необходимость итти въ избранномъ направленіи.

Покойный Горбуновъ, очень любившій Писемскаго и цѣнив-

шій въ немъ большое знаніе народа, разсказывалъ мнѣ о с
поѣздкѣ съ нимъ, лѣтомъ 1855 года, во время крымской во
на корабль генералъ-адмирала, стоявшій на кронштадтск
рейдѣ въ виду непріятельской эскадры. Писемскій былъ
отличномъ расположеніи духа и отъ любезнаго пріема велик
княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и отъ общества м
ковъ, и отъ трапезы, которую онъ оцѣнилъ, какъ знатокъ. По
му онъ съ особымъ удовольствіемъ сталъ читать собравш
подъ тентомъ на палубѣ отрывки изъ ненапечатаннаго еще св
романа «Тысяча Душъ». Вдругъ съ моря послышались зв
отдаленныхъ выстрѣловъ. Писемскій поблѣднѣлъ, останов
ся, съ испугомъ поднялъ брови и дрожащимъ голосомъ, въ к
ромъ звучало отчаяніе, спросилъ великаго князя: «Началось
Хотя его старались успокоить, объясняя, что это лишь сал
англо-французской эскадры идущему съ запада кораблю, но
отвѣчалъ на это недовѣрчивымъ и угрюмымъ взглядомъ,
какъ дочиталъ до перваго мѣста, на которомъ можно было
рвать чтеніе, и сталъ торопить Горбунова отъѣздомъ, гов
что у него въ Петербургѣ неотложное дѣло. Онъ успоко
только поздно вечеромъ, по прибытіи въ Петербургъ, со
на берегъ съ парохода, въ буфетѣ котораго старался при
себѣ мужества искусственными средствами. Около этого вр
ни появились въ «Современникѣ» «Севастопольскіе разск
Л. Н. Т., по поводу которыхъ Тургеневъ, спрашивая Некр
ва о томъ, кто такой авторъ, писалъ: «Это—талантъ надежн
Отрывки изъ этихъ разсказовъ пришлось прослушать гд
и Писемскому, окончившему въ это время такую замѣчат
ную вещь, какъ «Тысяча Душъ». По словамъ Горбунова,
мрачно поглядѣлъ на него и сказалъ: «Этотъ офицеришка вс
насъ заклюетъ! Хоть бросай перо!»

Въ Москвѣ у Писемскаго, во время моего студенчества,
приходилось бывать обыкновенно разъ въ двѣ недѣли, на
манной и на Прѣснѣ, вмѣстѣ съ моими покойными товари
Куликовымъ и Кирпичниковымъ (впослѣдствіи извѣстн
профессоромъ московскаго университета). Вечеръ тянулся ч
довольно скучно, такъ какъ большинство играло въ карты,

рано подававшійся ужинъ вознаграждалъ за эту скуку, и мы жадно внимали интереснѣйшимъ разсказамъ и воспоминаніямъ хозяина и его обычныхъ посѣтителей—А. Н. Островскаго и скульптора Рамазанова—и поучительнымъ спорамъ между ними. Послѣдніе часто касались Шекспира, значеніе и смыслъ произведеній котораго выяснялись при этомъ всесторонне. Эти пиршества мысли оканчивались поздно, и мы расходились съ сожалѣніемъ. Иногда Писемскій совѣтовалъ намъ и въ особенности Кирпичникову, жившему на краю города, остаться ночевать, въ виду того, что въ это время въ Москвѣ по ночамъ «пошаливали». Мы, однако, отъ этого уклонялись...—«Неужели вы не боитесь?!—однажды спросилъ Писемскій Кирпичникова—высокаго и сутулаго силача.—А чего бояться?—отвѣтилъ Кирпичниковъ.— Да, вѣдь, васъ ограбятъ!—Нѣтъ, я этого не боюсь! Я боюсь другого: я боюсь, какъ бы я кого не ограбилъ!—смѣясь сказалъ Кирпичниковъ.

Особенно яркое воспоминаніе оставила во мнѣ поѣздка къ Писемскому вмѣстѣ съ Куликовымъ въ августѣ 1865 года. Онъ жилъ тогда въ одной изъ дачныхъ окрестностей Москвы, кажется, въ Давыдковѣ, на небольшой дачѣ съ мезониномъ стариннаго образца, полукруглое окно котораго выходило на церковь и бывшій предъ нею большой лугъ. Въ мезонинѣ, куда намъ пришлось подняться по крутой деревянной лѣстницѣ, насъ встрѣтилъ очень привѣтливо хозяинъ, прямо спросившій насъ:—вы чего хотите: пойти погулять или послушать мою новую драму «Бывые Соколы»?—Конечно, мы избрали второе, тѣмъ болѣе, что достаточно утомились отъ путешествія по пыльной дорогѣ на старинныхъ московскихъ дрожкахъ, называвшихся «калибромъ» или «гитарой» и представлявшихъ изъ себя, при длинномъ пути, орудіе добровольной пытки.

Писемскій былъ въ халатѣ, широко распахнутомъ на груди надъ разстегнутой на верхнія пуговицы рубашкой. Его могучая выя, всклокоченная голова и все его неприхотливое одѣяніе придавали ему нѣсколько дикій характеръ. Онъ началъ немедленно читать, щурясь по временамъ отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, заглядывавшихъ въ окно. Читалъ онъ, какъ всегда, прево-

сходно, все болѣе и болѣе увлекаясь стремленіемъ дать въ го
сѣ и интонаціяхъ живое изображеніе дѣйствующихъ лицъ.
концу перваго дѣйствія онъ сталъ декламировать на памя
лишь изрѣдка заглядывая въ рукопись и, такъ сказать, *иг*
свое произведеніе. Въ промежутки между дѣйствіями онъ сидѣ
молча, съ задумчивымъ и подчасъ мрачнымъ видомъ, понур
голову и видимо торопясь отдохнуть. Мы тоже сидѣли мол
какъ зачарованные, чувствуя, что всякіе вопросы и разгово
обыденнаго содержанія были бы неумѣстны и шли бы въ разр
съ настроеніемъ автора, которое постепенно заражало и охва
вало насъ. А солнце все спускалось, лучи его заиграли на потол
—наконецъ, оно ушло за лѣсъ, и стали быстро наступать авгус
скія сумерки. Тьма сгущалась, а Писемскій продолжалъ
тать или, вѣрнѣе, играть свою драму. Одинъ изъ насъ сдѣла
движеніе, чтобы зажечь свѣчи, но Писемскій сердито взг
нулъ и сдѣлалъ повелительный жестъ рукой, какъ бы говор
шій: «сиди и слушай!» Онъ кончилъ, когда уже было почти совс
темно. Лишь постепенно привыкавшіе къ этой темнотѣ глаза на
могли различать его крупную фигуру... Онъ уже не сидѣ
а стоялъ у стола и говорилъ послѣдній монологъ пьяницы ак
ра въ одной изъ трущобъ московской «Грачевки», начинавш
ся и кончавшійся словами: «Люди вы бѣдные,—люди вы сквер
Мы не рѣшались прервать молчаніе и тогда, когда онъ кончи
только выразительно пожали его похолодѣвшую руку, не на
дя словъ, чтобы выразить то глубокое впечатлѣніе, кото
произвело на насъ его произведеніе въ связи съ его мастерс
передачей.

Я никогда впослѣдствіи не читалъ и не слышалъ ничего,
бы производило такое потрясающее впечатлѣніе трагизмомъ с
его сюжета и яркими, до грубости реальными, красками.
этой драмѣ былъ соединенъ и, такъ сказать, скованъ воеди
тяжкій и неизбѣжный рокъ античной трагедіи съ мрачными п
явленіями русской жизни, выросшей на почвѣ крѣпостного пра
Жестокость и чувственность, — сильные характеры и едва м
цающія, условныя понятія о добрѣ и злѣ, — насиліе и вост
женное самозабвеніе—были переплетены между собой въ груб

ткань, въ одно и то же время привлекая и отталкивая зрителя, волнуя его и умиляя. Откровенность нѣкоторыхъ сценъ, совершенно необычная въ то время, напоминала по своей манерѣ иныя мѣста въ Шекспировскихъ хроникахъ. Я помню сцену, гдѣ жена и мать, заподозрѣвъ связь своего мужа съ дочерью, беретъ послѣднюю за руку и въ присутствіи мужа, окинувъ ее внимательнымъ взоромъ, говоритъ ей тономъ, не допускающимъ возраженій: «Ты беременна!» Дочь выноситъ пристальный взглядъ матери и отвѣчаетъ рѣшительно: «Да!» — «Отъ него?» спрашиваетъ мать, показывая дочери на ея отца. «Отъ него», отвѣчаетъ спокойно дочь. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сценѣ, но и въ печати. И дѣйствительно, когда черезъ много лѣтъ я прочелъ въ печати «Бывыхъ Соколовъ», я не нашелъ въ нихъ даже отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что мы слышали отъ Писемскаго въ памятный августовскій вечеръ. То, что онъ намъ читалъ тогда, было словно положено въ щелокъ, который выѣлъ всѣ краски и на все наложилъ одинъ сѣренькій колоритъ. Самый сюжетъ былъ измѣненъ, смягченъ и всѣ его острые углы обточены неохотною и потерявшею къ своему произведенію любовь рукою. Контуры типическихъ, властныхъ и суровыхъ лицъ оказались очерченными слабѣе и далеко не производили прежняго впечатлѣнія. Исчезъ и монологъ актера. Едва ли сохранилась первоначальная рукопись «Бывыхъ Соколовъ» при томъ разгромѣ семьи Писемскаго, который произвела судьба. И объ этомъ нельзя не пожалѣть: теперь эта вещь могла бы быть напечатана цѣликомъ и показать, что моднымъ въ наше время рѣзкимъ откровенностямъ сюжета можетъ соотвѣтствовать рѣдкая въ наше время глубина житейской правды...

— Ну, теперь идите пить чай къ женѣ,—сказалъ намъ Писемскій,—а я приду немного спустя.—Внизу, у чайнаго стола съ кипящимъ самоваромъ и закусками, насъ встрѣтила Екатерина Павловна и стала разспрашивать о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ, но затѣмъ, заслышавъ шаги спускавшагося внизъ мужа, прервала насъ, сказавъ:—Пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить: онъ слишкомъ много надъ этимъ задумывается...

Писемскій вошелъ въ просторномъ лѣтнемъ платьѣ, но
галстука. Разспрашивая Куликова о его семейныхъ дѣлахъ,
отстранилъ рукой налитый ему стаканъ чаю и, наливъ боль
рюмку водки, выпилъ ее залпомъ, ничѣмъ не закусивъ. Чер
нѣсколько минутъ онъ повторилъ то же самое и угрюмо зам
чалъ, неохотно отвѣчая на вопросы. Черезъ десять минутъ
выпилъ третью рюмку. Я взглянулъ вопросительно на бѣдн
Екатерину Павловну. Она съ печальной улыбкой въ отвѣтъ
пожала плечами и съ затаеннымъ страданіемъ посмотрѣла
мужа.

— Алексѣй Феофилактовичъ,—сказалъ я,—зачѣмъ вы
дѣлаете? Вѣдь это вамъ вредно.

Онъ тяжело посмотрѣлъ на меня и снова протянулъ руку
графину.

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ?—присоединился ко мнѣ К
ликовъ. Вспомните, какъ вы бывали больны въ Петербур

Писемскій молчаливо налилъ четвертую рюмку, «опро
нулъ» ее, взялъ маленькій кусочекъ хлѣба и, помолчавъ, вдру
оживленнымъ и вмѣстѣ жалобнымъ голосомъ, съ очевидны
волненіемъ, сказалъ, обращаясь къ моему пріятелю: — Пон
машь ты, я безъ этого не засну! не могу я спать безъ этого. Они
вотъ тѣ, о комъ я вамъ читалъ, не даютъ мнѣ спать. Стоятъ в
кругъ меня и предо мной всю ночь и смотрятъ на меня,—и ж
вутъ и не даютъ мнѣ заснуть! И не могу я безъ этого, — пон
машь?—Онъ тряхнулъ косматой головой, какъ бы стараясь осв
бодиться отъ созданныхъ его творчествомъ образовъ... и пот
нулся къ пятой рюмкѣ...

Послѣдніе годы жизни Писемскаго въ Москвѣ были омр
чены серьезной болѣзнью жены и тяжкой неотступностью мыс
о загадочномъ самоубійствѣ младшаго сына, лишившаго себ
жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ начиналъ службу, и оставившаг
вмѣсто всякаго объясненія, тщательно составленный список
своихъ вещей и маленькихъ, почти грошевыхъ, долговъ. Пр
ѣздомъ черезъ Москву въ 1880 году я посѣтилъ Алексѣя Фе
филактовича. Онъ очень «подался», былъ одѣтъ болѣе чѣмъ н
брежно, и нервныя слезы постоянно навертывались на его глаз

котя онъ и старался казаться спокойнымъ. Предъ нимъ стояло, несмотря на ранній часъ, красное вино, а сквозь разстегнутый воротъ рубашки виднѣлся шнурокъ, на которомъ обыкновенно носятъ натѣльный крестъ или образокъ. Послѣднее до того шло въ разрѣзъ съ его «вольнодумнымъ» отношеніемъ къ религіозным обрядамъ и обычаямъ, что я на его сѣтованія о томъ, какъ все измѣнилось и въ насъ, и вокругъ насъ, невольно сказалъ ему, показывая глазами на этотъ шнурокъ:—«вотъ, вѣдь, и это у васъ новое!—Онъ грустно улыбнулся и, обращаясь къ старшему сыну, сидѣвшему тутъ же, молчаливому и болѣзненно-апатичному, сказалъ ему:—«Понимашь! Онъ думатъ, что это ладонка. А это...—и онъ полѣзъ рукой за пазуху—это... мундштукъ для папиросъ. Я сталъ старъ и забывчивъ, все ихъ теряю или не помню, гдѣ положилъ, приходится искать. Вотъ я привязалъ на шнурокъ, да и ношу на шеѣ. Такъ оно удобнѣй!»

Онъ скончался за недѣлю до Достоевскаго, въ 1881 году.

IV.

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

Подъ какимъ бы угломъ зрѣнія ни смотрѣть на нашу совр
менную русскую жизнь, нельзя отрицать въ ней одного гру
наго явленія. Постоянно увеличивающимся и усложняющим
задачамъ этой жизни вовсе не соотвѣтствуетъ количество безк
рыстныхъ сѣятелей и дѣятелей. Число людей, горячо преданны
своему долгу не на словахъ, а на дѣлѣ, — не въ рѣдкія минут
общаго подъема, а въ обстановкѣ прозаической ежедневност
работающихъ ohne Hast, ohne Rast, — гораздо менѣе, чѣм
хочется и можно было бы ожидать. Поэтому, когда изъ «завистл
вой дали» недавняго прошлаго выдѣляется образъ такого дѣят
теля, его хочется оживить въ своей памяти съ радостнымъ чу
ствомъ, почерпая въ благодарномъ сознаніи значенія слов
«б ы л и» надежду на то, что и «б у д у т ъ». Такой образъ во
никаетъ въ моей памяти, когда я думаю, что скоро минетъ четыр
года со дня неожиданной и отозвавшейся неподдѣльною скорбь
въ разныхъ уголкахъ Россіи кончины Александра Иванович
Чупрова.

Въ лицѣ Чупрова ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногих
оставшихся въ живыхъ «шестидесятниковъ», — изъ тѣхъ людей
которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія ре

формы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное время, когда невѣжественная самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ «духъ живъ». Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всѣмъ доступную форму,—результатъ его глубокихъ и многосторонникъ знаній,—Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія портретъ Тимоѳея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго: число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей по условіямъ времени было несравненно многочисленнѣе, его печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и предсѣдателемъ Статистическаго Отдѣленія московскаго юридическаго Общества, дѣятельнымъ членомъ московскаго Общества сельскаго хозяйства и комиссіи для организаціи домашнихъ чтеній при техническомъ Обществѣ, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ, возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ,—какъ, напримѣръ, въ вопросахъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ и объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи или при переписи московскаго населенія, — его приходилось призывать на плодотворную работу; постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе или являлась неотложная нужда въ средствахъ для просвѣщенія, — онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и б
cheville ouvrière, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и отдавая «
зательство» его другимъ, онъ это дѣлалъ со скромностью,
свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ въ нѣкотор
отношеніяхъ напоминалъ и другого выдающагося московск
профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Т
же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ препода
мые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ
дожника устанавливать между слушателями и собой духов
связь, изъ которой быстро вырастало благодарное съ ихъ ст
ны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и р
ясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для к
тическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности, такъ и
провъ, несмотря на строго-ученое изложеніе своего предмета, ум
отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе воп
сы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности су
наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода
единеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-истори
скихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, котор
дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ
фровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ въ рук
новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо назва
шекспировской комедіи: «Какъ кому угодно». И это все дѣлал
имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія по
лярности, которая тѣмъ не менѣе все росла въ кругу чут
молодежи. Въ эпоху поверхностнаго хватанія верховъ онъ
у ч и л ъ у ч и т ь с я; въ періоды явнаго эготизма и пл
прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ универ
тета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности передъ ро
ной за тѣ свѣдѣнія, которыя она о б я з а н а вынести изъ выс
школы, и за умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу. То же
свое время, своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ, дѣла
и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе-дол
годы по оставленіи ихъ слушателями своей alma mater свѣти
имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера, «fur die Trau

seiner Jugend Achtung zu haben». При введеніи судебной реформы въ провинціи мнѣ приходилось ревизовать судебныхъ слѣдователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ преображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что, уѣзжая въ захолустье, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ, старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: «Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! Да вѣдь я былъ его слушателемъ!» И онъ заходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно, всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ ней, сказалъ взволнованно: «Я сдѣлаю для васъ все, что могу».

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: «Не мнѣ судить, многому ли я научилъ васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченныя лохмотья, въ которыя часто облекается общество, умѣть видѣть въ жизни не то, что кажется, а что есть

въ дѣйствительности,—ставить на первое мѣсто долгъ, удовольствіе,—а въ наукѣ и искусствѣ любить простот не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя на вое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался нять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ диціямъ».

Чупрова часто упрекали въ безполезной тратѣ силъ и мени, указывая на утомительные для него и часто разорит ные матеріально пріемы посѣтителей. Въ опредѣленные и часы недѣли къ нему могъ притти всякій имѣвшій до нужду: магистрантъ—за указаніями, студентъ—за совѣт труждающійся и обремененный—за матеріальной и нравст ной помощью, соскочившій съ житейскихъ рельсовъ челов и даже нищій—за милостыней, и вообще всякій, кому казал что Александръ Ивановичъ непремѣнно сумѣетъ ему посо въ бѣдѣ, горѣ, недоумѣніи или недостаткѣ. Со всѣми ра привѣтливый, несмотря на усталость, внимательный и уч ливый, несмотря на массу собственной работы, терпѣли въ отвѣтѣ на назойливость и благодушный передъ наивн вымогательствами, онъ отдавалъ себя въ распоряженіе п шедшихъ самымъ широкимъ и великодушнымъ образомъ съ не мѣнной доброй улыбкой на прекрасномъ свѣтломъ чисто-р скомъ лицѣ. Сохранились разсказы, какъ во дни его пріем на дворѣ у крыльца его скромной квартиры его поджид «бывшіе люди» и никогда не уходили отъ него съ пустыми ками. Особенно сказывалась его доброта въ нѣжномъ отноше его къ дѣтямъ вообще. «Гдѣ же искать душевнаго покоя,—пис онъ мнѣ въ 1903 г.,—какъ не въ Италіи, гдѣ все ласкаетъ гл впечатлительнаго человѣка—отъ свѣтлыхъ милыхъ ангельски дѣтскихъ лицъ на улицахъ до ангельчиковъ у ногъ Рафаэл скихъ мадоннъ!»

Я не помню Александра Ивановича студентомъ университе такъ какъ окончилъ курсъ въ 1865 году, гораздо ранѣе, чѣ онъ. Въ первый разъ мы встрѣтились въ концѣ восьмидес тыхъ годовъ у его товарища по профессурѣ И. И. Янжу

и я посѣщалъ его съ тѣхъ поръ каждый мой пріѣздъ въМоскву,—довольно частый, такъ какъ въ ней жила и впослѣдствіи скончалась моя мать. Ея преданнымъ другомъ былъ извѣстный въ Москвѣ протоіерей Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ, одинъ изъ лучшихъ людей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Близкимъ родственникомъ ему приходился А. И. Чупровъ, и долгое время живымъ связывающимъ между мною и Чупровымъ звеномъ былъ именно о. Валентинъ. Его сердечное участіе къ намъ обоимъ скрѣпляло нашу взаимную симпатію, покоившуюся на единствѣ взглядовъ на многое въ общественной жизни Россіи и на одинаковой оцѣнкѣ ея внутренняго положенія въ періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. «Я остался бы за границею и еще долѣе,—писалъ мнѣ Чупровъ въ 1900 году,—но сильно начиналъ тосковать, не видя долго Валентина Николаевича. Мнѣ отрадно, что вы не упускаете случая его повидать и доставить старику эту радость.» Упомянувъ объ Амфитеатровѣ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что въ очень трудныя минуты моей жизни я нашелъ у него то глубокое пониманіе душевной скорби и умѣніе отнестись къ ней съ бережнымъ врачеваніемъ, которыя, къ несчастью, рѣдко встрѣчаются у людей, облеченныхъ одинаковымъ съ нимъ саномъ, замѣняясь у нѣкоторыхъ банальными утѣшеніями богословскаго характера, за которыми слышится пресыщенное равнодушіе или умышленная узкость взгляда и видится то, что Мопассанъ охарактеризовалъ словами: «la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant». Все, что такъ украшало наше общественное самосознаніе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нашло себѣ отраженіе въ пылкомъ сердцѣ и восторженной душѣ Амфитеатрова. Онъ раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе объ этихъ годахъ Чупрова, сказавшаго въ 1888 году въ рѣчи въ московскомъ юридическомъ Обществѣ: «Все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ оттуда, изъ шестидесятыхъ годовъ». Онъ съ умиленіемъ вспоминалъ ту благородную борьбу, которую велъ въ качествѣ калужскаго губернатора съ нехотѣвшимъ сдаваться крѣпостнымъ

правомъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, за всѣми перипет
ми которой онъ—въ то время молодой священникъ въ К
лугѣ—слѣдилъ съ неослабѣвающимъ сочувствіемъ и вѣр
въ будущность Россіи. Изъ этого времени вынесъ онъ отзы
чивость на нужды народа, скорбь о невѣжествѣ, въ которо
послѣдній неповиненъ, и чуткую радость по поводу кажда
явленія, такъ или иначе связаннаго съ общественнымъ бл
гомъ. Въ своей дѣятельности въ качествѣ духовнаго п
сателя, на котораго подозрительнымъ окомъ глядѣла д
ховная цензура,—въ качествѣ пастыря и проповѣдника о
стремился осуществить прекрасныя слова пастора Тальмедж
привезшаго въ 1893 году хлѣбъ, пожертвованный американца
нашимъ голодающимъ, и сказавшаго въ рѣчи, обращенной въ Л
бавѣ къ морякамъ русской эскадры: «Религія, которая не п
чется о благосостояніи народа в ъ с е м ъ м і р ѣ наравнѣ
его благомъ в ъ б у д у щ е й ж и з н и, недостойна называть
религіей». Высокій ростомъ, съ добрыми, горящими темны
глазами, съ прерывистой при волненіи рѣчью, онъ былъ п
стоящимъ служителемъ дѣятельной любви по отношенію къ бли
нимъ и дальнимъ, къ алчущимъ духовно и нищимъ матеріал
но. Глядя на него, зная его, можно было усомниться хоть
время въ печальной справедливости мнѣнія, утверждающа
что у Христа много с л у г ъ, но мало п о с л ѣ д о в а т е л е
Общее уваженіе окружало его въ Москвѣ, и слушать его п
ученія, приходить къ нему для покаянія было потребност
весьма многихъ. Такого человѣка слѣдовало церкви цѣни
и беречь, но, къ несчастью, наше свободное собраніе вѣрующи
давно обратилось въ офиціальное в ѣ д о м с т в о, въ кот
ромъ культъ формы и подчиненности искажаетъ, а иног
и совсѣмъ убиваетъ живой духъ христіанской любви и ед
ненія.

Когда въ Москву былъ назначенъ митрополитомъ стяжа
шій себѣ незавидную извѣстность гоненіемъ уніатовъ варша
скій архіепископъ Леонтій, начались преслѣдованія проти
отца Валентина, и размѣры прежней благотворной дѣятельн
сти его должны были сократиться. «Со мной поступили,

исалъ онъ мнѣ 30 сентября 1892 года,—какъ если бы посту-
или съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его,
истилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ
семнадцатилѣтнихъ заботъ,—и вдругъ у этого работника
яли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью же-
окой въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами.
ь отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ
мѣ было сказано: «Безповоротно! Если отказываешься, отчи-
ю! Мнѣ недосугъ много говорить». Окружающіе насмѣшливо
отрѣли на меня и были довольны, что неожиданно пріобрѣли
екдотъ, а на оскорблявшаго меня устремили свои глаза по-
бострастно, льстиво, и, можетъ быть, даже благоговѣйно.
о сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ
лосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи
уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило
ня противъ огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода
ерже и спокойнѣе, но несомнѣнно, что ближайшей дверью бу-
ть вѣчность». Дверь послѣ многихъ испытаній нашлась въ сре-
придворнаго духовенства,—и въ Архангельскомъ соборѣ
сковскаго Кремля отецъ Валентинъ могъ продолжать дѣло сво-
жизни. Однако, пережитое оставило на немъ слѣдъ, его силы
дломились, и для нихъ пришлось искать отдыха, который
гъ бы быть дополненъ кабинетнымъ трудомъ... Но судьба за-
авила его претерпѣть до конца и мало-по-малу отняла у него
ѣніе. «Я очень тронутъ былъ привѣтомъ, который передалъ мнѣ
ь Вашего имени Валентинъ Николаевичъ,—писалъ мнѣ Чу-
овъ изъ Италіи въ 1902 г.—Какъ хорошо, что Вы помните и
сѣщаете больного старца, доставляя тѣмъ ему великое утѣше-
е. У меня слезы навертываются при мысли о тяжкихъ недугахъ,
торые приходится переносить ему. Всего болѣе достойна жа-
сти потеря зрѣнія. Чтеніе, и во всю жизнь, и особенно въ
слѣдніе скорбные годы, составляло единственную его радость.
вдругъ лишиться этого рессурса! Послѣднее письмо, получен-
е мною отъ него, уже написано не имъ самимъ, а его дочерью,
дъ его диктовку, и какимъ горемъ проникнуто оно! Невыра-
мо тяжко, что я лишенъ пока возможности попасть въ Москву,

чтобы повидаться съ этимъ лучшимъ другомъ моимъ и наста
комъ отъ юныхъ дней». Чѣмъ былъ для Александра Ивано
отецъ Валентинъ, видно изъ письма перваго къ нему въ том
1902 году. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, характеризую
обоихъ: «Хоть и не часто приходится мнѣ писать тебѣ, но пов
мысль моя постоянно съ тобою. Вотъ и теперь, съ тѣхъ п
какъ я поселился въ Дрезденѣ, ты не выходишь у меня изъ гол
Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ первые мѣсяцы моей команди
ки, я жилъ въ Лейпцигѣ, въ двухъ часахъ отъ Дрездена, и
сейчасъ помню—первое письмо, написанное по моемъ при
въ нѣмецкій городъ, было адресовано къ тебѣ. Вспомина
съ какимъ живымъ интересомъ и даже восторгомъ описы
я тебѣ первыя впечатлѣнія русскаго человѣка, попавша
границу, и первыя волненія, испытанныя на университетс
лекціяхъ. То было время, полное свѣтлыхъ надеждъ, и
же мнѣ было повѣрить ихъ, какъ не тебѣ, взлелѣявшему во
съ самыхъ юныхъ лѣтъ эти надежды. Я дѣлился съ тобой луч
душевными движеніями, хорошо зная, что никто иной не с
бенъ въ такой степени оцѣнить и раздѣлить ихъ, какъ ты. И
кими же милыми, живыми письмами отвѣчалъ ты на мои д
ные запросы. Сколько дружескаго участія, возбуждающаго
ренія заключалось въ твоихъ бисерныхъ строкахъ. А оно
такъ нужно мнѣ при тогдашнемъ положеніи! Едва прошелъ
перваго увлеченія новой жизнью, какъ оказалось, что ж
эта далеко не легка. Средства были ничтожныя: нужно
экономить на всемъ, даже на книгѣ. Въ особенности же т
было въ отношеніи времени. Министерство обязало насъ ка
три мѣсяца представлять отчеты, предупредивъ, что, есл
получится отчета, не будетъ прислано и содержанія. От
требовали многихъ усилій, въ частности, первый, Лейпциг
отнялъ у меня массу труда. А въ то же время нужно было из
предметъ и думать о диссертаціи. Я никогда въ жизни не
мастеромъ насчетъ распредѣленія своего времени, а въ моло
этого умѣнья было еще меньше, чѣмъ впослѣдствіи. От
порой находило отчаяніе, которое я, помню, и изливалъ въ
махъ къ тебѣ. Ты же своимъ задушевнымъ, ободряющимъ сло

всегда умѣлъ поднять энергію и успокоить сомнѣнія. Вспомнилась мнѣ эта наша переписка, и мнѣ снова со всею яркостью предстaвилось, какъ много значилъ ты въ исторіи духовнаго развитія, какими неизгладимыми чертами сказалось на мнѣ твое вліяніе».

«Давно уже,—писалъ Чупровъ мнѣ изъ Дрездена въ 1903 году,—къ моимъ чувствамъ примѣшанъ элементъ глубочайшей скорби о судьбѣ несчастнаго Валентина Николаевича. Онъ окончательно лишился зрѣнія. Мнѣ страшно будетъ увидѣть его! Письма его—сплошной вопль скорби...» Но и слѣпой, чутко и жадно прислушивался Амфитеатровъ къ шуму житейскаго прилива и отлива, и въ тревожные годы, пережитые нами, его благородное сердце,—о чемъ мнѣ не разъ писалъ и говорилъ Чупровъ, и какъ я самъ видѣлъ изъ его писемъ, лишь подписанныхъ дрожащимъ почеркомъ слѣпца,—билось въ согласіи съ сердцами людей, желавшихъ многострадальной родинѣ мирнаго и коренного обновленія. Лѣтомъ 1908 года оно перестало биться... навсегда....

Личныя свиданія мои съ Александромъ Ивановичемъ были, къ сожалѣнію моему, не часты, но съ половины девяностыхъ годовъ между нами возникла довольно оживленная переписка. Въ любовно хранимой мною пачкѣ писемъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни сказываются всѣ милыя черты его личности: сердечное отношеніе къ людямъ, свойственное ему «въ человѣцѣхъ благоволеніе», стремленіе ободрить и украсить теплымъ словомъ чужой трудъ и дѣятельность; сказываются его любовь къ искусству и его неустанная работа,—звучитъ то чувство гражданина, которымъ была проникнута и эта работа, и отношеніе его къ родинѣ. Конечно, на первомъ планѣ у него стоитъ молодое учащееся поколѣніе и родной университетъ.

Первое его письмо ко мнѣ отъ 10-го ноября 1896 года начинается съ просьбы прочесть въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу Общества вспомоществованія московскимъ студентамъ, «чтобы доставить нашей молодежи нравственный подъемъ и матеріальную поддержку».—«Искренно благодарю за новости,—пишетъ онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ,—мало въ нихъ утѣшительнаго. О нашей жизни нечего сказать: идетъ тихимъ хо-

домъ. Одно нѣсколько радуетъ: наша молодежь въ нынѣшн
году по какой-то причинѣ больше одушевлена рвеніемъ
наукамъ. Я не запомню года, когда аудиторіи были бы такъ по
и когда находилось бы такъ много охотниковъ работать на се
наріяхъ. У меня не хватаетъ времени выслушать рефераты и р
смотрѣть работы, заявленныя слушателями. Какъ-то отра
на старости лѣтъ видѣть такое одушевленіе». Уже больной и с
бый, до крайности утомляемый каждою двухчасовою лекц
онъ сообщаетъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Дрезде
чтобы исполнить свое обѣщаніе прочесть нѣсколько лек
въ Парижской Русской Школѣ общественныхъ наукъ. «Цѣл
мѣсяцъ,—пишетъ онъ,—передъ отъѣздомъ я былъ занятъ выб
кой изъ моихъ матеріаловъ того, что подходитъ къ курсу, и п
веденіемъ выбраннаго въ удобный для лекціи видъ. Къ сож
лѣнію, не успѣлъ кончить на мѣстѣ всей подготовки и пото
вынужденъ здѣсь въ Парижѣ напряженно работать въ про
жуткахъ лекцій. Я уже прочелъ четыре лекціи на тему «Мел
земледѣліе и его основныя нужды» и разсчитываю еще на вос
лекцій. Аудиторія, повидимому, интеллигентная и интерес
щаяся курсомъ, но, можетъ быть, мой спокойный и объектив
научный тонъ и не вполнѣ придется въ концѣ-концовъ ей по в
су. Вижу, къ сожалѣнію, что для меня прошло время говор
передъ публикой».

Когда съ началомъ лекцій осенью 1905 года московскій у
верситетъ сдѣлался театромъ печальнѣйшихъ безпорядко
онъ писалъ мнѣ 26-го сентября: «Съ глубокой скорбью и бол
слѣжу я за роковой драмой, разыгрывающейся въ моей родн
Москвѣ и близкомъ сердцу насъ обоихъ московскомъ универс
тетѣ. Невыразимо жаль мнѣ новаго ректора и его помощни
рѣшившихся принять на себя тяжкое бремя отвѣтственнос
въ такую смутную пору. Что-то будетъ изъ нашихъ разсадник
просвѣщенія послѣ тѣхъ тяжкихъ испытаній, какія выпали
ихъ долю?»

Убѣдившись въ безплодности и непосильности противодѣ
ствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на в
шей судебной по существу и на кассаціонной дѣятельност

искажая роль Сената, какъ хранителя «нелицемѣрнаго правосудія», я оставилъ въ 1900 году уголовный кассаціонный департаментъ, въ составѣ котораго пробылъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ обера-прокурора и сенатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ намѣреніе, пользуясь званіемъ доктора уголовнаго права, начать читать курсъ судебной этики.

Буква закона, опредѣляя положительныя обязанности судьи и устанавливая рядъ правилъ для техники уголовнаго изслѣдованія, касается только въ исключительныхъ случаяхъ нравственнаго долга судьи и тѣхъ общихъ началъ, безъ соблюденія которыхъ техническая дѣятельность органовъ уголовнаго правосудія можетъ притти въ противорѣчіе съ коренными началами нравственности. Поэтому изученіе этихъ началъ и случаевъ примѣненія ихъ при различныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ имѣетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что личные интересы и разныя «злобы дня» обладаютъ свойствомъ заслонять въ глазахъ практическихъ дѣятелей тѣ путеводныя указанія, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой совѣсти и должны имѣть въ виду примиреніе общественнаго блага съ правами и достоинствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Этическія начала судопроизводства даютъ возможность опредѣлить духъ закона и указываютъ необходимыя условія дѣятельности органовъ правосудія. Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія поведенія судьи, ибо исполненіе судьею своего служебнаго долга—охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость—не исчерпываютъ еще всей полноты его задачи. Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь «номеромъ дѣла». Онъ всталъ изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы, стиравшей его личныя краски, и предсталъ предъ судьею вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступ-

никами—свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судебной дѣятельности—поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онъ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени,—это есть систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами—это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онъ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онъ намѣчаетъ с л у ж е б н ы я обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго, а изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи на ряду съ вопросомъ, ч т о слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, к а к ъ это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и на ряду съ предписаніями положительнаго закона руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Изъ нихъ вытекаетъ справеливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и воз-

держаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ или своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости, въ связи съ дѣятельною любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго какъ самого себя. Вотъ почему на ряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего человѣкъ. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона.

Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувства страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и внѣшнюю, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ «tat twam asi»—«это тоже ты»,—ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти! Такимъ образомъ складывается рядъ этическихъ правилъ, образующихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближайшихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и судебную этику, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности.

Я написалъ обо всемъ этомъ Чупрову, и онъ отвѣчалъ мнѣ

изъ Женевы въ ноябрѣ 1900 года: «Не могу вмѣстѣ со вс
русскими людьми не пожалѣть, что Вы оставляете с у д е б н
поприще, гдѣ такъ ярко горѣлъ Вашъ свѣтильникъ. Но
тивы вашего рѣшенія настолько законны и серьезны, что
у кого не можетъ явиться мысль возражать имъ. Нужно тол
благодарить судьбу и Васъ, что Вы такъ долго оставались
этой сферѣ. Нѣтъ худа безъ добра: если бы Ваше время и с
были попрежнему поглощены текущимъ дѣломъ, нашей моло
жи совсѣмъ не дождаться бы Вашего курса. Дай Богъ В
совсѣмъ укрѣпиться на новое благое дѣло, которое Вы затѣя
Я отъ всей души привѣтствую Ваше намѣреніе осуществ
давно жданный и давно желанный курсъ судебной этики. К
же и говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ, какъ не Ва
посвященному въ сокровенныя тайны судебнаго міра и вмѣ
съ тѣмъ сумѣвшему при всѣхъ жизненныхъ перипетіяхъ все
неуклонно держаться на высотѣ нравственнаго идеала. Я у
ренъ, что Ваши лекціи не только будутъ представлять велич
шій интересъ, но что еще важнѣе, окажутъ благотворное в
ніе на молодежь. Мнѣ горько, что пребываніе въ далекой стр
лишитъ меня возможности попасть хотя бы на нѣсколько
шихъ лекцій. Уповаю только на то, что Вы, быть можетъ, собе
тесь издать ихъ. Горячо желаю, чтобы никакая случайно
не помѣшала Вамъ исполнить благородную миссію, котор
Вы рѣшились принять на себя».

Это доброе желаніе осуществилось, однако, лишь отчас
чему помѣшала одна изъ тѣхъ почти невѣроятныхъ случ
ностей, которыми такъ богата наша общественная жизнь.
1901 году я занялъ каѳедру уголовнаго судопроизводства
Александровскомъ Лицеѣ въ Петербургѣ, заступивъ мѣ
профессора Фойницкаго. Весь свой курсъ я построилъ
разработкѣ началъ судебной этики, подробный обзоръ ко
рыхъ изложилъ въ моей вступительной лекціи. Эта лек
была напечатана въ возобновленномъ по почину минис
юстиціи Н. В. Муравьева «Журналѣ Министерства Юс
ціи». Черезъ годъ затѣмъ я рѣшилъ существенныя ча
читаемаго въ Лицеѣ курса изложить, въ видѣ двѣнадцати л

щій, публично, въ пользу разнородныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, представители которыхъ часто обращались ко мнѣ объ оказаніи помощи именно въ этой формѣ. Мною руководило двоякое желаніе. Съ одной стороны, въ это время завершились засѣданія Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. При этомъ пересмотрѣ многія возвышенныя начала второй изъ великихъ реформъ Царя-Освободителя—реформы судебной—были услужливо обезцвѣчены, искажены или вовсе упразднены. Участковые судьи съ обширной подсудностью, которыми предполагалось замѣнить не только мировыхъ судей, но и въ значительной степени окружные суды, сохранивъ на ряду съ ними земскихъ начальниковъ, облеченныхъ судебною властью, были лишены судейской несмѣняемости и отданы почти въ полное распоряженіе министра юстиціи; судъ присяжныхъ засѣдателей едва не былъ упраздненъ; единство кассаціонной дѣятельности уничтожено; слѣдственная часть отдавалась въ руки рядовой полиціи, и судьи насильственно втискивались въ узкія общія рамки Устава о службѣ гражданской, безъ обращенія вниманія на особыя свойства ихъ высокой и вмѣстѣ тяжелой дѣятельности, и т. д.

Подъ вліяніемъ «особыхъ соображеній» предсѣдателя комиссіи Муравьева и въ обществѣ поддерживался неустойчивый взглядъ на коренныя учрежденія новаго судоустройства. Передавая обсужденіе вопроса о положеніи въ Россіи суда присяжныхъ съѣзду старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, который, подъ моимъ предсѣдательствомъ, высказался за безусловное преимущество этой формы суда,—что привело въ восторгъ Чупрова,—Н. В. Муравьевъ въ то же время открылъ страницы своего оффиціальнаго журнала для ожесточенныхъ нападокъ на этотъ самый судъ и для недостойныхъ инсинуацій противъ его защитниковъ,—нападокъ, вызвавшихъ, наконецъ, суровый и справедливый протестъ со стороны Джаншіева въ его брошюрѣ «Судъ надъ судомъ присяжныхъ». Все это создавало необходимость возстановить предъ многочисленными, какъ я имѣлъ основаніе надѣяться, слушателями истинный смыслъ и нравственное содер-

жаніе тѣхъ правилъ и условій, которыми составители Судеб
ныхъ Уставовъ обставили положеніе и дѣятельность служите
лей правосудія.

Съ другой стороны, судебной молодежи—кандидатамъ н
судебныя должности и молодымъ адвокатамъ—было, казалос
мнѣ, полезно послушать стараго судебнаго дѣятеля, повѣствую
щаго имъ по личному опыту о тѣхъ ошибкахъ, увлеченіяхъ
злоупотребленіяхъ, въ которыя—особенно въ послѣднее время
впадаютъ судебные дѣятели, когда они забываютъ о нравстве
ныхъ началахъ, вложенныхъ въ ихъ дѣло, и, увлекаясь само
любованіемъ, исканіемъ отличій или популярности, пренебре
гаютъ великимъ завѣтомъ Гоголя: обращаться со словомъ честно

По установленному порядку я обратился къ петербургскому
градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ этихъ лекцій
представивъ при этомъ въ видѣ программы оттискъ изъ «Жур
нала Министерства Юстиціи», содержащій мою вступитель
ную лекцію въ Лицеѣ. Носимыя мною званія сенатора,
члена Академіи Наукъ, моя ученая докторская степень, трид
цатипятилѣтняя служба по судебному вѣдомству, преподава
тельская дѣятельность въ Лицеѣ и, наконецъ, самое содер
жаніе предположенныхъ лекцій не допускали никакого сомнѣ
нія въ томъ, что разрѣшеніе послѣдуетъ немедленно, по
добно тому, какъ оно получалось безъ всякаго замедленія
начиная съ 1892 года, на цѣлый рядъ неоднократныхъ
лекцій съ благотворительною цѣлью — о докторѣ Гаазѣ
князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ, о задачахъ Общества защиты женщинъ
о В. С. Соловьевѣ и объ И. Ѳ. Горбуновѣ, при чемъ послѣдня
лекція была мною въ 1898 году прочитана и въ залѣ министер
юстиціи, по его просьбѣ, въ пользу благотворительнаго Общества
судебнаго вѣдомства.

Но еще старикъ Кюнеръ учитъ насъ, что spes est incerta
dubia. Разрѣшеніе градоначальника не послѣдовало, а чрез
мѣсяцъ послѣ моего ходатайства я получилъ слѣдующее письмо
министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13-го іюня 1902 года: «М. Г.
Анатолій Ѳедоровичъ. Ваше Превосходительство обратились
къ петербургскому градоначальнику съ просьбою о разрѣшеніи

на прочтеніе въ С.-Петербургѣ въ теченіе 1902 и 1903 годовъ двѣнадцати публичныхъ лекцій «О нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ». Имѣя въ виду, что намѣченный Вами предметъ чтеній ближе всего касается дѣятельности министерства юстиціи и разрабатываетыхъ имъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ просило по этому дѣлу заключенія министра юстиціи. Нынѣ стастъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ меня, что въ виду носимаго Вами званія сенатора испрашиваемое Вами разрѣшеніе могло бы послѣдовать лишь по его всеподданнѣйшему докладу, представленіемъ котораго онъ однако затруднился бы, находя предположенное чтеніе публичныхъ лекцій на упомянутую тему едва ли, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, прошу Васъ принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.—В. Плеве».

Когда я разсказалъ при ближайшемъ свиданіи Александру Ивановичу о такой, конечно, непредвидѣнной имъ «случайности», онъ былъ глубоко возмущенъ и, вопреки своему обычному внѣшнему спокойствію, очень взволнованъ, такъ что въ теченіе цѣлаго вечера часто возвращался къ этому «поразительному проявленію произвола». Въ немъ вызывало чувство негодованія развязное и вмѣстѣ лукавое ограниченіе Муравьевымъ такихъ правъ сенатора, которыя имѣетъ всякій неопороченный обыватель, предпринятое ad hoc, съ цѣлью зажать ротъ «несогласно мыслящему» и при томъ въ самой беззастѣнчивой формѣ,—его удивляло, что министръ внутреннихъ дѣлъ такъ охотно и необычно сдѣлался для этого послушнымъ орудіемъ,—въ немъ возбуждало глубокую грусть сознаніе, что, по признанію двухъ министровъ, въ Россіи наступили такія времена, когда говорить предъ молодымъ поколѣніемъ о нравственныхъ началахъ едва ли удобно! Послѣднее выраженіе онъ не разъ повторялъ со смѣхомъ, находя, что отказъ, такъ мотивированный, проникнутъ столь узкимъ скудоуміемъ, что даже оскорбить не можетъ. Онъ радостно привѣтствовалъ меня, когда послѣ настойчиваго домогательства моего о возстановленіи моихъ правъ на

чтеніе публичныхъ лекцій и на возможность такимъ путемъ ок
зывать посильную помощь нуждающимся, Н. В. Муравьевъ ув
дѣлъ себя вынужденнымъ 13-го мая 1903 г. увѣдомить меня
послѣдовавшемъ по его докладу Высочайшемъ разрѣшеніи
чтеніе такихъ лекцій въ общеустановленномъ порядкѣ. Но о
нако тѣмъ временемъ прошелъ годъ, здоровье мое было силь
подорвано сердечными припадками, особенно усилившимис
лѣтомъ и осенью 1903 года, и чтеніе двѣнадцати публи
ныхъ лекцій мнѣ стало не подъ силу, да и наступивша
японская война и послѣдующія событія, безъ сомнѣнія, осл
били бы къ нимъ интересъ и онѣ не достигли бы своей цѣли. Э
признавалъ и самъ Чупровъ, писавшій мнѣ изъ Дрездена в
мартѣ 1904 года: «Послѣ того состоянія здоровья, въ которо
мнѣ случилось видѣть Васъ прошлымъ лѣтомъ въ Берлинѣ, Ва
слѣдовало бы запереться въ кабинетѣ и ограничить свои внѣшн
сношенія лишь предѣлами крайней неободимости, а Вы себѣ пр
бавили еще новую, невыразимо тяжелую, требующую больш
нервнаго напряженія обязанность—участіе въ засѣданіяхъ
родской Думы»...

Нужно ли говорить, что мысль о родинѣ вѣчно сопутств
вала ему и въ его странствованіяхъ, и въ его вынужденно
вслѣдствіе болѣзни, пребываніи за границей.

«Я до сихъ поръ живу съ ближайшей семьей въ Дрезденѣ,
нишетъ онъ мнѣ въ мартѣ 1904 года.—Жизнь шла тихо, од
образно, въ постоянной кабинетной работѣ; но въ послѣдніе д
мѣсяца это мирное житіе совершенно нарушено войной. Ка
неожиданно подкралось къ Россіи это бѣдствіе и какъ много го
грозитъ оно навлечь на нашу злополучную страну! Много боль
ненныхъ впечатлѣній приходится испытывать вамъ, петербур
скимъ жителямъ, благодаря постояннымъ встрѣчамъ съ людьм
такъ или иначе прикосновенными къ войнѣ, но, пожалуй, е
тяжелѣе положеніе нашего брата, отрѣзаннаго отъ міра. На
приходится довольствоваться по части войны газетнымъ враньем
которое для наболѣвшей души становится по временамъ
выносимымъ. Человѣку чужой націи, для котораго война—ли
интересное зрѣлище, отъ этого вздора горя мало, а у наше

брата сердце кровью обливается и, какъ сплошь и рядомъ оказывается, совершенно понапрасну».

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ наболѣвшему вопросу.

«Эта война—точно крупное несчастье въ семьѣ: стараешься чѣмъ-нибудь отвлечь мысль, заглушить воспоминаніе о происшедшемъ; но не тутъ-то было: оно господствуетъ надъ всѣмъ твоимъ настроеніемъ и не даетъ думать ни о чемъ другомъ. Какъ-то пропадаетъ охота работать надъ внутренними вопросами, которыми вчера еще такъ живо увлекалась мысль. Полнѣйшее уединеніе, на которое я обрекъ себя въ интересахъ работы, составляетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ истинное благополучіе. Отъ людей, бывающихъ здѣсь въ обществѣ, я не разъ слышалъ въ послѣднее время жалобы на трудность сношеній съ иностранцами, которые не могутъ взять въ толкъ, какъ болѣзненъ для русскаго человѣка безучастный или высокомѣрный тонъ разговоровъ о войнѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается какъ-будто нѣкоторая перемѣна въ настроеніи относительно Россіи».

Его мучила мысль о необходимости и для здоровья, и для окончанія предпринятыхъ трудовъ жить вдали отъ родины, вѣсти съ которой такъ часто терзали его любящее сердце.

«Ко мнѣ опять пришла прежняя болѣзнь (грудная жаба),—пишетъ онъ изъ Мюнхена подъ новый 1907 годъ,—изъ-за которой я въ свое время уѣхалъ изъ Россіи. Въ послѣднее время мнѣ пришлось пробыть два мѣсяца въ санаторіи подъ Мюнхеномъ. Около мѣсяца тому назадъ я вышелъ оттуда, но до сихъ поръ еще не совсѣмъ поправился, не выхожу изъ дому и вынужденъ соблюдать всяческую осторожность въ движеніяхъ, въ разговорахъ, въ занятіяхъ. Существованіе было бы совсѣмъ унылымъ, если бы за мною не было оставлено право читать и писать, чѣмъ я усердно и пользуюсь въ своемъ вынужденномъ уединеніи. Главнымъ источникомъ нервнаго разстройства служатъ наши русскія дѣла. Сколько пережито съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Берлинѣ, и сколько еще придется пережить, прежде нежели наше отечество дождется свободы и хоть сколько-нибудь сноснаго существованія! Кажется, нигдѣ

еще трагедія всемірной исторіи не была такъ печальна, как
насъ. И все-таки, думается мнѣ, каждому, кто за завтрашн
днемъ умѣетъ видѣть послѣзавтрашній, не слѣдуетъ терять
лову: среди великихъ мукъ, лучшія времена въ концѣ-конц
наступятъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: «Особенно удруча
меня мысль о голодѣ. Шутка сказать, третій годъ четверть Р
сіи собираетъ меньше десятка пудовъ на десятину. У насъ,
нечно, все валятъ на стихіи; но отчего же въ томъ же Самарско
уѣздѣ, гдѣ мужики собрали по 3 пуда съ десятины, мѣстн
агрономъ Жуковъ на опытномъ полѣ въ оба года получалъ боль
100 пудовъ съ десятины? Ясно, что наши пріемы хозяйства изжи
свой вѣкъ и должны быть замѣнены новыми. Такіе пріемы у
выработаны и провѣрены; нужно только распространить и
А кто же будетъ распространять, когда агрономовъ отовсю
гонятъ въ шею частью администрація, частью же черносотенн
элементы въ земствахъ. На ряду съ организаціей продовольстве
ной помощи слѣдовало бы подумать объ организаціи распрост
ненія общихъ сельскохозяйственныхъ знаній въ голодно
краѣ».

Вся жизнь Александра Ивановича была наполнена трудом
Онъ и о здоровьи своемъ заботился главнымъ образомъ д
исполненія своего трудового долга предъ родиной. Въ каждо
письмѣ своемъ, на ряду съ глубоко трогавшею меня просьбо
поберечь мое здоровье и не растрачивать силы въ работѣ, онъ с
общалъ о своихъ непрерывныхъ, усидчивыхъ и постоянно выст
пающихъ изъ первоначально намѣченныхъ рамокъ научны
трудахъ. Въ апрѣлѣ 1903 года онъ пишетъ: «Я провожу Пасху
Дрезденѣ, гдѣ, вѣроятно, останусь до наступленія жаркаго вр
мени. Всю зиму я работалъ усердно, но, къ сожалѣнію, ниче
не привелъ пока къ концу. Постоянно забываешь изреченіе
которое попалось мнѣ на-дняхъ въ только-что вышедшей кни
Зомбарта: «Wer ängstlich abwägt sagt gar nichts». Все хочет
захватить новые матеріалы, но въ отдѣлѣ, которымъ я занима
юсь, каждый день даетъ такъ много, что ограниченная сила ду
подавляется этимъ неустаннымъ творчествомъ жизни. Какъ б

то ни было, теперь я сказалъ себѣ: «довольно», стараюсь быть слѣпъ и глухъ къ тому, что совершается въ великомъ Божьемъ мірѣ, и забочусь только о томъ, чтобы свести концы съ концами ранѣе «тризны, уже недалекой». Удастся ли это, нельзя сказать, можетъ быть, столь же неожиданно придется прослѣдовать «туда далече», какъ отошли Корелинъ, Джаншіевъ и еще на-дняхъ Духовской, словомъ, цѣлый сонмъ знакомыхъ и друзей».

При этомъ, кромѣ печальныхъ личныхъ предчувствій, къ несчастію, вполнѣ осуществившихся, его смущала по временамъ мысль о несоотвѣтствіи его трудовъ «злобѣ дня». Онъ пишетъ въ іюлѣ 1905 г.: «Я живу въ нынѣшнемъ году совсѣмъ по-стариковски,—хотя много работалъ въ мюнхенскихъ библіотекахъ, но печаталъ я мало. Мнѣ чувствуется, что тѣ темы, которыми я съ особой любовью занимался въ послѣдніе годы, совсѣмъ не по времени въ настоящую пору. Кому охота читать объ интенсификаціи земледѣлія, о сельскохозяйственныхъ кооперацiяхъ, о мелкомъ кредитѣ и т. п., когда всѣ умы заняты пересмотромъ основъ нашего государственнаго существованія?..»—Мысль о работѣ сопровождала его и во время отдыха и переплеталась съ восхищеніемъ природой и изученіемъ искусства. Онъ былъ великій поклонникъ Италіи. «Не соберетесь ли для возстановленія душевнаго равновѣсія за границу и въ частности въ Италію?—пишетъ онъ весною 1901 года.—Ничто такъ не бодритъ человѣка, какъ созерцаніе этихъ дивныхъ памятниковъ вѣчной красоты, остающихся во всей неприкосновенности на развалинахъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ созданій. Погибла Флорентинская синьорія, заказавшая Гиберти его знаменитыя двери, исчезли цехи, украшавшіе церковь Орсанмикеле, сошли съ лица земли Медичисы, для которыхъ работалъ Микель-Анджело, и, однакожъ, бронзовыя «райскія врата» Баптистерія, Георгій Побѣдоносецъ Донателло и скульптуры Медицейской капеллы вызываютъ и до сихъ поръ такое восхищеніе и благоговѣніе, какое возбуждали они въ сердцахъ современниковъ. Только трудъ, направленный на возвышеніе человѣческой культуры, трудъ Галилеевъ, Данте, Рафаэлей переживаетъ вѣка,—вся же эта шумиха внѣшней и внутренней политики, такъ погло-

щающая вниманіе, проходитъ, какъ дымъ. Я благодаренъ судьбѣ, что она занесла меня еще разъ во Флоренцію. Здѣсь столько поучительнаго и интереснаго, что не пересмотришь въ цѣлые года. При томъ же мнѣ приходится дѣлить время между осмотрами и собственными работами, которыя подвигаются медленнѣе, нежели я надѣялся. Немало уходитъ времени и на чтеніе по исторіи эпохи Возрожденія и особенно по тогдашней исторіи искусства. Величайшее удовольствіе доставляетъ изученіе этой исторіи въ виду тѣхъ самыхъ памятниковъ, которыхъ она касается».—«Самою интересною частью моихъ странствованій въ 1900 году,—пишетъ онъ въ другой разъ,—была поѣздка въ маѣ по сѣверной Италіи, которою я воспользовался для изученія сельскаго кредита, сельскохозяйственныхъ ассоціацій и тамошнихъ пріемовъ распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній: я никакъ не ожидалъ, что встрѣчу такъ много любопытнаго и получу столько живыхъ впечатлѣній. Въ лицѣ профессоровъ такъ называемыхъ «странствующихъ каѳедръ земледѣлія» я встрѣтилъ въ Падуѣ, въ Пармѣ, въ Веронѣ истинныхъ подвижниковъ, святыхъ людей, которые всѣхъ себя цѣликомъ отдали на служеніе народу. Это—нѣчто въ родѣ нашихъ земскихъ агрономовъ, но только съ гораздо болѣе широкой и болѣе активной ролью. Ихъ цѣль—распространить въ небольшомъ районѣ, гдѣ они дѣйствуютъ, между мелкими земледѣльцами раціональные сельскохозяйственные пріемы, и они достигаютъ этого съ такимъ успѣхомъ, что, несмотря на недавнее начало ихъ дѣятельности, ихъ районовъ узнать нельзя. Но чего это стоитъ? Эти люди не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Все ихъ время занято лекціями въ деревняхъ, курсами въ городахъ, веденіемъ популярнаго журнала, а главное—безчисленными совѣтами, устными и письменными, за которыми обращается къ нимъ вся округа. Мнѣ сколько разъ пришлось видѣть, что творится у нихъ въ рыночные дни. Это—картина, которая напоминаетъ пріемъ у любимаго народомъ земскаго врача. Несмотря на недосугъ, почтенные профессоры были рады показать иностранцу все, что есть интереснаго въ ихъ мѣстности и въ ихъ дѣятельности. Меня возили по деревнямъ и дали возможность

познакомиться со всякаго рода ассоціаціями, земледѣльческими школами, съ имѣніями разныхъ размѣровъ и разныхъ культуръ, со всякими слоями населенія. Въ одинъ мѣсяцъ мнѣ пришлось пересмотрѣть столько, сколько я одинъ, безъ посторонней помощи, не увидѣлъ бы и въ полгода. Я вывезъ изъ этой поѣздки нѣсколько ящиковъ матеріаловъ, писанныхъ и печатныхъ. Теперь я занимаюсь ихъ обработкой для статей въ «Русскія Вѣдомости», а потомъ для отдѣльной книги. Когда кончу этотъ трудъ, еще самъ не знаю, потому что мудрено справиться съ массой фактовъ. Очень хочется привести къ концу эту работу и кое-что подготовить для другихъ, безъ исполненія которыхъ не хочется сойти въ могилу, вѣроятно, уже недалекую».

Любовь къ Италіи однако не ослѣпляла его и не мѣшала справедливо отнестись къ Германіи. «Она, конечно, кажется какъ-то блѣдновата послѣ долгаго пребыванія въ Италіи,—пишетъ онъ,—и небо ея сѣрѣе, и люди скучнѣе, угловатѣе, грубѣе, и всѣ ихъ продукты не имѣютъ того изящества, но есть въ этой жизни что-то покойное, удобное, сильное. Попавъ въ тѣ же мѣста послѣ семнадцати лѣтъ, я вижу прогрессъ удивительный и не показный только, а вошедшій въ бытъ, такъ сказать, переваренный народомъ. Что это такъ, въ томъ убѣждаетъ уже одно замѣчательное, до роскоши доходящее изобиліе средствъ къ образованію,—эти дивныя библіотеки, въ родѣ, напримѣръ, дрезденской Гештифтунгъ, гдѣ выложено 350 журналовъ по однѣмъ общественнымъ наукамъ, эти дворцы-читальни, въ родѣ только что открытыхъ Дрезденской и Іенской, гдѣ къ услугамъ публики до 1,000 періодическихъ изданій по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, всевозможныя справочныя пособія и снабженныя всяческимъ комфортомъ комнаты для отдыха и бесѣды. Германія не умомъ только, а сердцемъ поняла, что все ея богатство основано на знаніи, и не щадитъ ничего для накопленія и распространенія этого знанія. Я недавно живу въ Германіи, а могъ бы привести десятокъ фактовъ въ подтвержденіе этого изъ моихъ личныхъ наблюденій». Но въ послѣднемъ своемъ письмѣ, уже незадолго до смерти, онъ снова возвращается къ своей милой Италіи и пишетъ: «Поѣздка въ Италію дала мнѣ

массу пріятныхъ впечатлѣній и точно помолодила меня. Я оче
люблю эту страну и живо интересуюсь ея судьбами. Въ Рим
кромѣ осмотра галлерей, музеевъ и церквей, я употребля
время на ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами Италіи по част
земледѣлія и аграрнаго законодательства въ спеціальныхъ б
бліотекахъ, которыя любезно были для меня открыты, и путем
бесѣдъ со свѣдущими лицами. Привезъ я съ собою изъ Ри
цѣлыхъ три пуда разнообразныхъ матеріаловъ и даже не зна
смогу ли я воспользоваться всѣми этими благами. Очень мн
гому можно было бы поучиться и нашимъ законодателямъ у эт
страны съ ея богатымъ историческимъ прошлымъ. Самъ Ри
въ осенніе дни прекрасенъ, а особенно симпатичны въ эту пор
его окрестности. Помните у Тургенева въ его «Литературны
воспоминаніяхъ» поѣздку съ Ивановымъ въ Альбано и Фр
скати? Такіе точно «удивительные дни, недоступные перу, н
кисти, «съ праздничнымъ осеннимъ блескомъ» выпали и м
мою долю. Съ Яникульскаго холма, съ Via Appia, съ Via Nomen
па приходилось любоваться закатами, какихъ я не запом
въ своей жизни. Сама улица римская въ это время года пол
живыхъ разнообразныхъ красокъ: не насмотришься на эти ст
рыя развалины, на эти дворцы, на эту пеструю, живую наро
ную толпу. Къ сожалѣнію, мнѣ было запрещено ходить пѣшко
по Риму съ его семью холмами, и я долженъ былъ пользовать
удовольствіемъ прогулокъ и осмотровъ лишь съ большой ост
рожностью, но я и за то благодаренъ судьбѣ, что удалось п
видать».

Безупречный, кристально-чистый человѣкъ, преданный в
укѣ и родинѣ, Чупровъ имѣлъ безусловное право надѣять
на правильную оцѣнку своей личности и побужденій. Но ем
пришлось именно съ этой стороны пережить тяжелыя испыт
нія. «Сейчасъ посылаю Вамъ,—писалъ онъ мнѣ въ 1897 г.,
только что полученные оттиски моихъ статей въ вышедше
недавно изданіи департамента торговли и мануфактуръ «Вл
ніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русска
народнаго хозяйства». Это изданіе исполнено по програм
выработанной при моемъ непосредственномъ участіи, и все сплош

проредактировано мною. Я знаю, что на него послѣдуютъ самыя рѣзкія нападки, особенно со стороны аграріевъ, но при оцѣнкѣ ихъ я прошу вѣрить одному: изданіе предпринято участниками единственно съ цѣлью посильно разъяснить истину въ сложномъ и важномъ вопросѣ; авторы не щадили труда и переработали массу матеріаловъ».—Ожиданія его сбылись, и недостойныя, почерпнутыя нѣкоторыми со дна собственной низменной души, нападки,—и при томъ со стороны не однихъ «аграріевъ»,—посыпались на него, «пустивъ шипъ по-змѣиному», какъ говорилось въ старину.—Все это, къ счастью, скоро позабылось, и тщетныя попытки поколебать уваженіе къ Чупрову, представивъ его податливымъ ученымъ, пишущимъ «на заказъ» свои сомнительныя изслѣдованія, обратились въ ничто,—но на него все это подѣйствовало очень сильно, хотя по внѣшности, и мало замѣтно, подъ вліяніемъ законной гордости внутренняго сознанія по отношенію къ чужимъ, подъ вліяніемъ нѣжнаго и бережливаго участія къ своимъ.—Оно и понятно. Легче сказать общественному дѣятелю: «не обращайте вниманія!» чѣмъ ему это выполнить въ тайникѣ души. «N'est-ce rien pour un noble coeur, pour un esprit élevé, de se sentir hai, tandis qu'il a le droit d'être aimé comme il sent qu'il le mérite,—сказалъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей, приведенной въ «Revue Britannique», знаменитый Брайтъ,—d'entendre autour de lui les sifflements aigus de la calomnie, qui rampe dans l'ombre comme un serpent, sans qu'on puisse la saisir?!»—Чрезъ полгода послѣ появленія «Вліяніе урожаевъ и т. д.», во время моего пріѣзда въ Москву, для чтенія публичной лекціи объ Одоевскомъ съ цѣлью увеличенія средствъ на изданіе «Вѣстника Философіи и Психологіи», мы проходили и просидѣли съ Чупровымъ болѣе двухъ часовъ на Пречистенскомъ бульварѣ въ бесѣдѣ объ этихъ нападкахъ, и я видѣлъ, какъ волновали онѣ его и какіе болѣзненные рубцы оставили онѣ на его нѣжной и воспріимчивой душѣ.. Увы! Судьба—плохой хирургъ и не слѣдуетъ нѣмецкому правилу: «Man soll Wunden heilen ohne die Narben zu lassen».

Всегда строгій къ себѣ и снисходительный къ людямъ, свыше мѣры цѣнившій ихъ, если дѣятельность ихъ казалась ему напра-

вленною на общую пользу и если они, въ его глазахъ, не п
няли себѣ и своимъ убѣжденіямъ съ приближеніемъ старост
что, по его мнѣнію, было такъ же постыдно, какъ красить въ
клонные годы въ другой цвѣтъ свои волосы,—онъ былъ опт
стомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Но этотъ оптимизмъ и шир
снисходительность простирались, несмотря на всѣ житей
разочарованія, лишь на людей. Къ условіямъ жизни, къ ск
общественныхъ отношеній, къ соотвѣтствію учрежденій вло
ной въ нихъ идеѣ—онъ относился гораздо строже и признав
что въ этомъ отношеніи благодушный оптимизмъ и примири
ная приспособляемость часто граничатъ съ попустительств
Съ теплымъ чувствомъ умѣлъ онъ вспоминать встрѣчен
имъ въ жизни людей, которымъ судьба дала оставить по
болѣе или менѣе яркій слѣдъ. Въ этомъ отношеніи у него бы
столь рѣдкій у насъ, забывчивыхъ и неблагодарныхъ,—ку
«вчерашняго дня» въ томъ смыслѣ, что всѣ, кто скраш
этотъ день, кто дѣлалъ его болѣе сноснымъ для людей мы
щихъ и страдающихъ, кто старался соединить его закатъ съ бо
вѣрой въ лучшій завтрашній день, были ему дороги и душ
близки. Въ его письмахъ ко мнѣ, въ его горячихъ отзыва
тѣхъ характеристикахъ, которыя я посвящалъ, въ рядѣ очерк
свѣтлымъ «людямъ вчерашняго дня», постоянно встрѣча
теплые и прочувствованные отзывы о многихъ изъ послѣдн
которыхъ онъ зналъ лично. Такъ, онъ сообщилъ мнѣ ве
цѣнныя данныя о художественныхъ наклонностяхъ извѣст
адвоката князя А. И. Урусова и въ сердечныхъ словахъ помя
К. К. Грота и В. С. Соловьева, «котораго глубоко уважа
очень любилъ со всѣми особенностями его тѣлеснаго и д
наго облика, передать сущность котораго въ одухотворен
изображеніи не удалось ни одному изъ русскихъ живопис
бравшихся за его фигуру».

Съ искренней благодарностью, со справедливой гордо
вспоминаю я доброе дружеское отношеніе Чупрова ко м
его тревогу о моемъ очень пошатнувшемся въ послѣднее дес
лѣтіе здоровьи, его настойчивые, идущіе изъ сердца со
«щадить себя» и пожить подольше въ Италіи или въ хоро

тонкѣ Германіи, его лестные, проникнутые теплымъ сочувствіемъ отзывы о каждомъ моемъ трудѣ, появлявшемся въ печати. Особенно нравилась ему, старому москвичу, книга о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, «являющаяся,—какъ писалъ онъ мнѣ,—самою сильною проповѣдью дѣятельной любви къ ближнему изъ всего, съ чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться въ теченіе долгой моей жизни»; затѣмъ ему очень пришелся по сердцу очеркъ жизни и произведеній И. Ѳ. Горбунова. Онъ писалъ мнѣ, что перечитывалъ его нѣсколько разъ, такъ же какъ и рѣчь о Н. И. Стояновскомъ, которая «даетъ характеристику не только замѣчательной личности, но и эпохи, и при томъ такой эпохи, которой не скоро дождется въ другой разъ наша страна».

Еще за мѣсяцъ до кончины онъ писалъ мнѣ: «Съ великимъ удовольствіемъ прочелъ я Ваши «воспоминанія и замѣтки судьи». Какой глубокій интересъ въ этихъ отрывкахъ житейской драмы, какая живость изложенія! Какъ будто самъ переживаешь съ Вами это дерганье двери слѣдователемъ, это ожиданіе въ подвалѣ анатомическаго театра, этотъ арестъ Овсянникова! А мѣста объ офицерѣ, взявшемъ назадъ жалобу на отца, о котятахъ и писарѣ Нечаевѣ,—мѣста, свидѣтельствующія, что у самыхъ жестокихъ натуръ остается что-то мягкое и человѣческое,—они перевернули мнѣ душу, какъ въ давно прошедшее время разсказъ Бретъ-Гарта о вліяніи подкинутаго младенца на шумный лагерь бездомныхъ бродягъ. Я самъ не знаю, отчего подобныя черты такъ сильно захватываютъ насъ».

И въ трудные дни моей служебной жизни онъ поддерживалъ меня своимъ словомъ привѣта и одобренія. Давая въ Сенатѣ заключенія по дѣламъ, связаннымъ съ вопросомъ о свободѣ совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, мнѣ приходилось работать среди довольно неблагопріятныхъ условій и обстановки. Объ этомъ подробно разсказано мною въ I томѣ, въ запискахъ судебнаго дѣятеля, относящихся до дѣлъ объ уніатахъ, штундистахъ и старообрядцахъ. Когда, путемъ печати или устно, о посильной защитѣ мною священныхъ правъ человѣческаго духа доходило до Александра Ивановича, я немедленно получалъ отъ него

письмо съ выраженіемъ цѣннаго въ нравственномъ отношеніи сочувствія. То же было и по дѣлу о нарушеніи тайны исповѣди, очень его встревожившему, въ виду довольно сильнаго стремленія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ принести въ жертву преходящимъ интересамъ уголовнаго правосудія вѣковѣчные идеальные интересы безбоязненнаго и свободнаго покаянія. Онъ горячо привѣтствовалъ защиту мною неприкосновенности тайны исповѣди, какъ «охрану святыни нравственныхъ побужденій человѣка». Такъ же отнесся онъ и къ разработкѣ мною вопроса о врачебной тайнѣ на Пироговскомъ съѣздѣ и въ лекціи земскимъ врачамъ въ клиническомъ Еленинскомъ Институтѣ. Въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ онъ писалъ: «Мнѣ было отрадно прочесть Вашу рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу попечительствъ (о народной трезвости). Вы отстаивали правое дѣло и совершенную истину, и сила аргументовъ Вашихъ лишь увеличилась отъ формы, въ которую они были облечены. Зачѣм какой реторикой и фальшью звучатъ нѣкоторыя возраженія Вамъ и между прочимъ елейныя слова о церковномъ пѣніи, возворяемомъ на счетъ пьянства народнаго»...

Зная правдивость и душевный складъ Чупрова, я не могу сомнѣваться въ искренности его одобренія, и тѣмъ дороже и цѣлительнѣе бывало оно для меня. По понятнымъ соображеніямъ я не считаю возможнымъ привести здѣсь длиннаго письма изъ Берлина отъ 26-го сентября 1905 г., присланнаго имъ мнѣ по случаю сорокалѣтія моей служебной дѣятельности. Скажу одно—оно было одною изъ лучшихъ нравственныхъ наградъ за эти сорокъ лѣтъ и своими возвышенными строками заставляло забыть о камняхъ и терніяхъ жизненнаго пути за эти годы.

Послѣднее свиданіе наше произошло въ сентябрѣ 1903 года въ Берлинѣ, куда онъ нарочно пріѣхалъ изъ Дрездена, чтобы провести со мною день. Къ сожалѣнію, наша встрѣча была для меня отравлена сильнѣйшимъ сердечнымъ припадкомъ, хотя и обезсилившимъ меня на много часовъ, но давшимъ въ то же время мнѣ испытать на себѣ участливую заботу Александра Ивановича. Онъ остался, въ виду моего нездоровья, и на слѣдующій день, который мы провели неразлучно вмѣстѣ, а вечеромъ отпра

вились въ Deutsches Theater на первое представленіе «Воскресенія» (Auferstehung) Толстого, передѣланнаго довольно талантливо и умѣло для сцены. Тщательное изображеніе русской обстановки, почти полное отсутствіе неточностей въ бытовомъ отношеніи, правдивая и горячая игра артистовъ заставили насъ почти позабыть, что мы видимъ русскую драму на нѣмецкомъ языкѣ, исполняемую иностранцами, а захватывающая возвышенность содержанія сильно на насъ подѣйствовала. Въ концѣ пьесы, когда Неклюдовъ привозитъ въ Сибири, въ пасхальную ночь, помилованіе Катюшѣ, и она великодушно отказывается слѣдовать за нимъ, когда происходитъ трогательная сцена ихъ прощанія подъ звуки пасхальнаго звона, а на небѣ широко загорается сѣверное сіяніе, весь театръ былъ взволнованъ, и многіе не могли удержать слезъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы и разстались. Въ бесѣдѣ въ маленькомъ скверѣ передъ зданіемъ театра Чупровъ высказывалъ горячее желаніе поскорѣе вернуться въ Россію. Онъ предчувствовалъ, что въ ея внутреннемъ строѣ наступаетъ своего рода Auferstehung, но, конечно, не могъ предвидѣть, путемъ какихъ тяжкихъ испытаній нашей родины она придетъ къ этому... Но прежде всего его удерживала за границей начатая работа. «Дивныя дѣла совершаются въ Россіи,—писалъ онъ мнѣ уже въ январѣ 1905 года,—невыразимо тяжело оставаться въ такую пору внѣ родины, но меня удерживаетъ сознаніе нравственной обязанности кончить работу, на которую я уже потратилъ столько силъ. Я выбралъ для зимняго житья Мюнхенъ съ его старыми достопочтенными библіотеками, съ его славнымъ университетомъ. Здѣсь интересный кругъ профессоровъ, бойкая научная жизнь, масса художественныхъ сокровищъ, отличная опера, изобиліе всякой музыки, хотя мнѣ мало и приходится пользоваться всѣми этими источниками развлеченія, потому что вѣчно приходится сидѣть за книгой и за письменнымъ столомъ. Но уже одна мысль о возможности отдохнуть на симфоніи Гайдна или на драмѣ Шекспира ободряетъ духъ. Климатъ мюнхенскій, вопреки своей репутаціи, пока по мягкости не оставляетъ ничего желать, оттого и здоровье мое пока держится въ удовлетвори-

тельномъ состояніи. Работалъ я въ нынѣшнемъ году много и часть своихъ писаній подготовилъ къ печати, а въ послѣдніе мѣсяцы даже нѣсколько отвлекся отъ прямого дѣла ради газетныхъ статей: захотѣлось тряхнуть стариной, пользуясь фактически водворившейся на нѣкоторое время свободой слова».

Къ несчастью, удовлетворительное состояніе здоровья Александра Ивановича было призрачнымъ и представляло лишь краткій отдыхъ со стороны неуклонно надвигавшагося съ 1898 года тяжелаго недуга. Еще тогда писалъ онъ мнѣ: «Ваши теплыя строки были для меня какъ бы лучомъ свѣта въ окружающую меня въ послѣднее время тьму. Вы представить себѣ не можете, какъ худо жилось мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Возвратившись изъ превосходнаго четырехнедѣльнаго путешествія въ Закавказьѣ въ послѣднихъ числахъ сентября, я засталъ моего брата въ непоправимо плохомъ состояніи. Отчасти печаль, отчасти безсонныя ночи при больномъ вызвали у меня черезъ недѣлю по пріѣздѣ тяжелую болѣзнь сердца, о которой я раньше не имѣлъ никакого представленія. Мучительный припадокъ длился у меня около двадцати часовъ сряду и такъ истомилъ меня, что мнѣ потребовалось около двухъ недѣль лежать въ постели, а потомъ столько же времени оправляться, не выходя изъ комнаты. Едва я оправился и началъ выходить, какъ снова погрузился въ заботы объ умирающемъ братѣ, но, несмотря на всѣ усилія, онъ въ въ концѣ ноября скончался. Вы хорошо понимаете, какъ тяжело въ наши годы терять близкихъ людей, но лишиться человѣка, который былъ спутникомъ всей моей жизни, былъ товарищемъ всѣхъ дѣлъ и помышленій съ первыхъ проблесковъ сознательнаго существованія,—это испытаніе превыше силъ! Я едва начинаю нѣсколько отходить въ послѣдніе дни и то, главнымъ образомъ, благодаря непрерывнымъ текущимъ дѣламъ. Простите, что я такъ распространился о своемъ горѣ, но, къ сожалѣнію, оно составляетъ пока такую мою принадлежность, отъ которой никакъ не могу отрѣшиться».

Чрезъ десять лѣтъ недугъ, упоминаемый въ этомъ письмѣ, сломилъ свою жертву внезапно и неожиданно для близкихъ. Чупровъ чувствовалъ себя къ концу февраля (стараго стиля),

1908 года нѣсколько слабымъ, но раціональный образъ жизни, предписанный врачами и строго имъ соблюдаемый, казалось, устранялъ всякую непосредственную опасность. 23-го февраля вечеромъ онъ былъ въ концертѣ и наслаждался возможностью слышать хорошую музыку,—не въ мысляхъ только, но и въ дѣйствительности,—а на другой день по чудной погодѣ пошелъ къ своему другу, профессору Лотцу. Здѣсь во время бесѣды его сразила смерть. Благородное сердце сразу перестало биться... За пятнадцать лѣтъ предъ этимъ онъ написалъ въ альбомъ своей дочери стихотвореніе, въ которомъ указываетъ ей, что въ жизни «къ счастью прочному открыты три дороги: любить природы красоту,—трудъ имѣть любимый—и умѣть любить людей и въ радости, и въ горѣ,—съ участіемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлить,—въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ иль въ братскомъ разговорѣ умѣть всегда себя съ другой душою слить»... Тотъ, кто лично былъ знакомъ съ нимъ, кто слышалъ и читалъ его, тотъ знаетъ, что всю жизнь онъ шелъ этими тремя путями, не зарывая въ землю даровъ своего ума и сердца... И судьба лично къ нему была милостива: когда онъ много и благотворно прошелъ этими путями, не сходя въ сторону, она дала ему—любителю природы и поклоннику искусства—въ предсмертные дни полюбоваться первою, въ предсмертные часы насладиться вторымъ—и сразу пресѣкла его чистую, любвеобильную жизнь.

V.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

Я не былъ близко знакомъ съ жизнью Василія Осиповича Ключевскаго и съ его профессорской дѣятельностью въ университетѣ и духовной академіи. Поэтому я могу говорить лишь о встрѣчахъ съ нимъ въ его студенческіе годы и затѣмъ въ то время, когда его «судьбой отсчитанные дни» уже приближались къ концу. Утѣшаю себя, вспоминая слова Гейне, который говоритъ, что для того, чтобы понять и оцѣнить человѣка и его дѣятельность, нужно видѣть ихъ не въ зенитѣ, а на восходѣ и закатѣ.

Въ 1862 году, вслѣдствіе студенческихъ волненій, петербургскій университетъ былъ закрытъ на два года. Группа петербургскихъ студентовъ, къ которой принадлежалъ и я, переселилась въ Москву и образовала тѣсный дружескій кружокъ, быстро освоившійся съ Москвой и полюбившій ея бытовыя особенности. Кружокъ состоялъ преимущественно изъ слушателей словеснаго факультета,—бывшихъ воспитанниковъ единственной тогда въ Петербургѣ классической третьей гимназіи. Юристовъ въ немъ было всего двое: я и покойный Антонъ Германовичъ Гизетти. Между этими словесниками особенно выдѣлялись—Н. Н. Куликовъ, живой, остроумный и сердечный человѣкъ, представлявшій центральную фигуру нашего кружка, и М. А. Кавосъ, оставившій во всѣхъ, кто

его зналъ, память о себѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкаго, даже въ то время, и при томъ самаго разносторонняго образованія. Намъ всѣмъ приходилось много работать на недѣлѣ, давая уроки и *записывая* лекціи въ университетѣ, но по субботамъ вечеромъ мы собирались у Куликова и двухъ его товарищей, жившихъ вмѣстѣ, въ переулкѣ у Николы Явленнаго, близъ Арбата. Мы приносили каждый свою долю участія въ общей трапезѣ, слушали игру Куликова на купленномъ въ складчину старенькомъ фортепіано и бесѣдовали до глубокой ночи о всевозможныхъ вопросахъ, волновавшихъ наши молодые умы. Вскорѣ къ этому кружку примкнулъ уже коренной москвичъ, Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, будущій извѣстный ученый и профессоръ харьковскаго и московскаго университетовъ. Тогда это былъ высокій, сутуловатый, очень худой и блѣдный, нѣсколько угрюмый человѣкъ, вносившій въ наши бесѣды много интереса къ исторіи и теоріи искусства и вызывавшій одного изъ насъ (Травинскаго), фанатическаго поклонника Шопенгауэра, своими ироническими замѣчаніями на горячіе споры, длившіеся чуть не до утра. Теперь никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ... Остался я одинъ и, обращаясь къ этому незабвенному времени, невольно повторяю стихи Некрасова: «а станешь стариться—нарви—цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,—и ими сердце оживи».

Уже по прошествіи трехъ мѣсяцевъ наши словесники стали все чаще и чаще упоминать имя своего товарища Ключевскаго, относясь къ нему съ все возрастающимъ интересомъ и уваженіемъ. Наконецъ, однажды, сколько мнѣ помнится, осенью 1863 года, онъ посѣтилъ наше субботнее собраніе и не разъ затѣмъ въ немъ появлялся. Его невзрачная, скромная фигура, тихій голосъ и сдержанная молчаливость вначалѣ невольно возбуждали у тѣхъ, кто не былъ на томъ же курсѣ одного съ нимъ факультета, вопросъ: «да что же такого особеннаго въ этомъ Ключевскомъ? Почему сотоварищи,—склонные вообще къ критическому отношенію и зоркіе на недостатки, добродушно осмѣиваемые,—относятся къ нему съ такимъ почтеніемъ, какъ бы по молчаливому соглашенію признавая его авторитетомъ въ своей средѣ»? Но стоило ему живо заинтересоваться предметомъ разговора, особливо если онъ

касался исторіи или искусства, какъ на эти вопросы получался самый вразумительный отвѣтъ. Ключевскій оживлялся, вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и—обыкновенно стоя—начиналъ говорить, немедленно овладѣвая общимъ вниманіемъ. Его рѣчь на чудесномъ русскомъ языкѣ, тайной котораго онъ владѣлъ въ совершенствѣ, лилась неторопливо; по временамъ онъ останавливался и на минуту задумывался, а затѣмъ снова плѣнялъ и удивлялъ выпуклостью образовъ, остротою и глубокимъ содержаніемъ эпитетовъ и богатствомъ свѣдѣній, приводимыхъ въ новомъ и подчасъ неожиданномъ освѣщеніи, за которымъ чувствовалась упорная работа самостоятельной мысли. Уже тогда въ томъ, что онъ говорилъ, намѣчались—его взглядъ на исторію, какъ на соціальный процессъ по преимуществу, и его любовь къ изученію историческихъ явленій и періодовъ со стороны проявленія въ нихъ природы страны, человѣческой личности и людского общества. Для большинства изъ насъ, ходившихъ въ Петербургѣ слушать блестящія лекціи Костомарова, то, что высказывалъ Ключевскій, было въ значительной степени новостью. Талантливый художникъ преобладалъ въ Костомаровѣ надъ спокойнымъ созерцателемъ, и чувствовалось, что создаваемые имъ образы вліяютъ на самый характеръ его изслѣдованій и на свойство его выводовъ. Онъ (я говорю преимущественно о его лекціяхъ объ Иванахъ III и IV, читанныхъ въ 1861—62 годахъ) ярко и увлекательно рисовалъ картины тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, заботливо отдѣлывая бытовыя условія и обстановку, среди которыхъ они проявились. Наоборотъ, Ключевскій обращалъ главное вниманіе на причины этихъ явленій, глубоко вдумываясь въ нихъ и какъ бы слѣдуя извѣстной формулѣ: «vires unite agunt», Костомаровъ набрасывалъ искусною рукою изображеніе сложнаго зданія,—Ключевскій расчищалъ и изслѣдовалъ почву для закладки фундамента. Многихъ изъ насъ интересовалъ расколъ не только какъ религіозное и бытовое, но и какъ историческое явленіе, при чемъ не всѣхъ удовлетворяла Щаповская теорія происхожденія старообрядчества. Въ этомъ отношеніи указанія Ключевскаго и бесѣды съ нимъ были для насъ и желанны, и поучительны. Я не

разъ вспоминалъ ихъ въ позднѣйшіе годы, когда встрѣчался съ этимъ глубокой важности явленіемъ нашей жизни въ моей судебной, преподавательской и законодательной дѣятельности. Однажды, уже на послѣднемъ курсѣ, великимъ постомъ, онъ направилъ насъ утромъ въ воскресенье въ Кремль—потолкаться между народомъ передъ соборами и послушать въ отдѣльныхъ группахъ обычныя тогда пренія раскольниковъ съ православными, происходившія свободно и чуждыя казенно-полицейскаго участія нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ миссіонеровъ. Мы повторили эти утренніе походы нѣсколько разъ уже безъ него, вынеся изъ нихъ живыя представленія о многомъ, чего не могла бы намъ дать тогдашняя скудная въ этомъ отношеніи литература.

Послѣ смерти Ключевскаго мнѣ пришлось получить письмо бывшаго ученика покойнаго, молодого талантливаго историка, который говоритъ: «Ключевскій былъ историкомъ Московской, а не какой иной Руси; онъ самъ представляется ея памятникомъ, настоящимъ московскимъ человѣкомъ. Онъ не былъ ни гражданиномъ правового государства—будущей Россіи, ни дѣятелемъ подернутой западной культурой Руси Петровской, ни кіевскимъ богатыремъ, ни вольнымъ сыномъ Новгорода. Онъ былъ всецѣло слугой и богомольцемъ московскихъ государей, современникомъ Тишайшаго царя, а можетъ быть и царя Ивана. Эту эпоху онъ всего лучше зналъ, ее онъ всего красочнѣе рисовалъ, съ нею всего тѣснѣе сжился. Онъ былъ то же для Руси Московской, что былъ Забѣлинъ для самой Москвы. Старая Московія говорила его устами, и онъ думалъ ея мозгомъ и чувствовалъ ея сердцемъ. Въ этомъ была и сильная и слабая его сторона. Этимъ онъ подкупалъ историка, но этимъ же и отпугивалъ отъ себя политика...» Я не могу однако раздѣлить этого взгляда на Ключевскаго за тѣ періоды его дѣятельности, о которыхъ я говорилъ выше и когда я лично могъ присмотрѣться къ нему. Въ наши студенческіе годы онъ не былъ поклонникомъ старой Москвы, а къ славянофильству относился несомнѣнно скептически. Но онъ уже тогда изучилъ и зналъ Москву съ большой подробностью. Въ его бесѣдахъ ея исторія рисовалась слушателю, какъ цѣльная, опредѣленная и законченная картина, а не какъ отдѣльные фрагменты послѣдней.

Любя русскаго человѣка, Ключевскій «проникновенно» вглядывался въ создавшіяся исторически свойства его, выработанныя условіями, среди которыхъ этотъ человѣкъ жилъ и съ которыми ему постоянно приходилось бороться. Стоитъ припомнить тонкую характеристику русскаго человѣка, сдѣланную въ его лекціяхъ: наклонность дразнить счастье и играть въ удачу, откуда явилось знаменитое «авось»,—его удивительную способность къ напряженному кратковременному труду и его непривычку къ труду размѣренному и постоянному,—легкость одолѣнія имъ препятствій и опасностей и частое неумѣніе выдержать съ тактомъ и достоинствомъ успѣхъ,—способность подводить *итоги*, на счетъ искусства составлять *смѣты*. Но цѣня лучшія свойства русской души и сливаясь съ ними, Ключевскій не идеализировалъ прошлаго и съ безпристрастіемъ историка и скорбью родного и близкаго человѣка указывалъ на слабое развитіе и рабскую приниженность личности, на подавленность и случайность проявленія общественныхъ силъ, на грубость нравовъ и восточную хитрость пріемовъ въ этой самой Москвѣ Грознаго и Тишайшаго, отводя среди причинъ всего этого справедливое мѣсто печальной и скудной природѣ, такъ мало дававшей опоры для свободнаго развитія общежитія.

Доказательствомъ является его кандидатское разсужденіе «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», напечатанное впервые въ приложеніяхъ къ московскимъ университетскимъ извѣстіямъ, только что начавшимъ выходить въ 1865—66 годахъ, рядомъ съ разсужденіями товарищей Ключевскаго по выпуску изъ университета—Шайкевича «О преступленіяхъ противъ чести», Никольскаго «О внѣшнихъ таможенныхъ пошлинахъ» и моимъ «О правѣ необходимой обороны». Уже въ этомъ первомъ печатномъ обширномъ трудѣ Ключевскаго, представляющемъ результатъ огромной подготовительной работы, совершенно необычной для кандидатскихъ сочиненій, слышатся основные звуки его будущихъ блистательныхъ лекцій. Двѣнадцать главъ рисуютъ намъ Московское государство со всѣхъ сторонъ и съ точекъ зрѣнія различныхъ наблюдателей. Опредѣляя историческую стоимость источниковъ своего «разсужденія», Клю-

чевскій совершенно справедливо находилъ, что правильно оцѣнивать и объяснять многія явленія русской жизни иностранецъ, чуждый русскимъ понятіямъ и привычкамъ, не могъ, но *описывать* ихъ, выставлять ихъ выдающіяся черты, высказывать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, къ нимъ приглядѣвшіеся и притерпѣвшіеся... Поэтому домашняя жизнь и нравственный бытъ общества ускользали отъ наблюденій иностранцевъ, но зато внѣшнія явленія и наружный порядокъ общественной жизни, а также ея матеріальная сторона съ особой вѣрностью и полнотою укладывались въ эти наблюденія. И картина, изображаемая нашимъ историкомъ на основаніи такихъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ 35 иностранныхъ источниковъ,—отличается яркостью и полнотою именно въ отношеніи внѣшнихъ проявленій русской жизни съ XV по XVII вѣкъ. Какъ живо, напримѣръ, описаніе пріема иностранныхъ пословъ въ Москвѣ,—передача впечатлѣній послѣднихъ отъ царскаго двора и самого царя, считающаго себя несравненно выше западныхъ христіанскихъ монарховъ, презрительно говорящаго Поссевину: «что это за государи?!» и моющаго послѣ пріема пословъ руки въ нарочито поставленной при аудіенціи золоченой лохани съ кувшиномъ и полотенцемъ;—какъ характерны отзывы иностранцевъ о твердости, съ которою русскій ратникъ исполняетъ тяжелыя предпріятія и, равнодушный къ своему помѣщенію и пищѣ, переноситъ нужду и трудъ;—въ какихъ живыхъ краскахъ представляется русская городская жизнь въ XVI и XVII столѣтіяхъ! При томъ въ этой картинѣ постоянно чувствуется строгая разборчивость автора въ матеріалѣ, которымъ онъ пользуется, стараясь провести ясную грань между внѣшнею и внутреннею жизнью народа, между той областью, гдѣ слѣдуетъ искать Wahrheit, и тою, гдѣ неминуемо приходится встрѣчаться съ Dichtung со стороны «чужихъ»...

Въ этомъ отношеніи трудъ Ключевскаго очень выгодно отличался отъ составленнаго Костомаровымъ «Очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», вышедшаго на шесть лѣтъ раньше и преисполненнаго

безусловнымъ довѣріемъ къ сказаніямъ иностранцевъ (въ ос
бенности къ запискамъ Горсея), именно о той сторонѣ русск
жизни, которая имъ была наименѣе доступна и понятна. Въ п
мяти у насъ, товарищей Ключевскаго, слушавшихъ вмѣстѣ
нимъ исторію словесности у Буслаева (для юристовъ это бы
предметъ необязательный, но многіе посѣщали эти лекціи, пр
влекаемые глубокимъ интересомъ ихъ и оригинальностью), е
были свѣжи указанія Ѳедора Ивановича на поспѣшность выводо
и погрѣшность утвержденій Костомарова. Такъ, напримѣр
оказывалось, что, говоря объ образѣ Одигитріи-Пятниц
Костомаровъ смѣшалъ съ Богоматерью св. Параскеву-Пятниц
при чемъ въ источникѣ, которымъ онъ пользовался, говорит
вовсе не о Пятницѣ, а о Пядницѣ, т. е. о небольшомъ образк
величиною *въ пядь*, откуда и самое слово пядница. Точно такъ
невѣрнымъ оказалось и предположеніе его о томъ, что на нар
ныхъ игрищахъ существовалъ обычай увѣнчивать удалых
ловкихъ побѣдителей, какъ это будто бы явствуетъ изъ погово
ки: «безъ борца—нѣтъ вѣнца», тогда какъ это вовсе не народн
поговорка XVI или XVII столѣтія, а *духоборческій* «стих
конца XVIII столѣтія, обѣщающій *вѣнецъ* въ будущей жиз
для *борцовъ* духомъ съ грѣхами, соблазнами и прелестью здѣ
няго міра.

Въ началѣ іюня 1865 года мы окончили курсъ и разошл
по разнымъ дорогамъ. Снова увидѣть Ключевскаго мнѣ пришло
лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, въ іюнѣ 1880 года, на торжест
открытія въ Москвѣ памятника Пушкину. Я уже говорилъ вы
что это открытіе было однимъ изъ самыхъ выдающихся собы
въ русской общественной жизни послѣдней четверти прошл
столѣтія. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и поли
ческомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дыша
и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и
вполнѣ опредѣленныя, но, во всякомъ случаѣ, болѣе свободн
формы, и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявл
ніемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ
Москвѣ. Наканунѣ открытія памятника былъ торжественн
пріемъ депутацій въ залѣ городской думы (на Воздвиженк

чтеніе адресовъ и привѣтствій; на другой день съ утра Москва приняла праздничный видъ—у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи правительственныхъ, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій съ вѣнками и хоругвями. Послѣ обряда передачи памятника городу—пелена развернулась и упала—и подъ крики «ура» и пѣніе хорами «Славься» Глинки предстала бронзовая фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головою. Черезъ часъ въ обширной актовой залѣ университета, переполненной такъ, что яблоку негдѣ было упасть, состоялось торжественное засѣданіе. Послѣ провозглашенія именъ избранныхъ въ почетные члены университета Я. К. Грота, П. В. Анненкова и Тургенева—при чемъ послѣднее было встрѣчено взрывомъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, бурными волнами носившимися въ обширной залѣ—на каѳедру взошелъ Ключевскій. Несмотря на слабый голосъ, онъ быстро овладѣлъ присутствующими. Въ его манерѣ говорить я почувствовалъ особое умѣнье насторожить и обострить вниманіе слушателей. Простое, безъ всякихъ выгуръ слово его было такъ полновѣсно и съ такимъ искусствомъ соединяло въ себѣ отвлеченныя опредѣленія, широкія обобщенія и жизненные образы, что слушающій очень скоро чувствовалъ себя вполнѣ во власти лектора. Въ сжатое и точное его изложеніе по временамъ и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, въ которыхъ одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроуміе. Всѣ тѣ умственныя свойства и особенности, которыми онъ выдѣлялся среди насъ, еще будучи студентомъ, широко развились въ немъ и окрѣпли. Въ немъ слышался уже не только настойчивый искатель истины въ любимомъ дѣлѣ, но и хозяинъ въ немъ, ею уже въ значительной мѣрѣ овладѣвшій. Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-историкъ предстали въ рѣчи Ключевскаго передъ слушателями въ своемъ взаимоотношеніи, освѣщенномъ ново и оригинально. Пушкинъ оказался всего менѣе историкомъ въ своихъ историческихъ сюжетахъ—въ «Полтавѣ», «Борисѣ Годуновѣ» и др. и далъ цѣнный матеріалъ для историка въ повѣсти, написанной между дѣломъ и безъ претензій на историческую достовѣрность. «Капитанская дочка», по мнѣнію Клю-

чевскаго, представляла такое правдивое воспроизведеніе эпохи, такую выхваченную изъ подлинной жизни того времени картину, что спеціальное изслѣдованіе Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта» можетъ быть разсматриваемо только, какъ подробное примѣчаніе къ «Капитанской дочкѣ». А затѣмъ Ключевскій представилъ послѣдовательное развитіе главнѣйшихъ типовъ XVIII и начала XIX столѣтій, закрѣпленныхъ Пушкинымъ въ различныхъ его произведеніяхъ. Указывая на генетическую связь между ними, онъ въ особенности остановился на одномъ, зародившемся слишкомъ двѣсти лѣтъ назадъ, въ лицѣ выдающагося историческаго дѣльца—Ордина-Нащокина, и выраженномъ во времена Пушкина скучающимъ отъ бездѣлья Евгеніемъ Онѣгинымъ. «Это русскій человѣкъ,—говорилъ Ключевскій,—который выросъ въ убѣжденіи, что, хотя онъ и не родился европейцемъ, но *обязанъ* стать имъ. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя, а подчасъ и политическія движенія». Въ рядѣ почерпнутыхъ у Пушкина, опредѣленно и рельефно описанныхъ образовъ прошли передъ нами разнообразные виды этого типа, зависѣвшіе отъ различныхъ способовъ рѣшенія рокового вопроса о томъ, какъ сдѣлаться европейцемъ, родившись русскимъ, и рѣшивъ, что русскій—не европеецъ. Тутъ были и тѣ, которые находили, что русское надо дѣлать по-западно-европейски, и тѣ, которые стремились передѣлать русское въ западно-европейское, и тѣ, которые думали стать европейцами, оставаясь русскими, и, наконецъ, тѣ, которые находили, что необходимо перестать быть русскими. Между ними оказывались желающіе заимствовать съ Запада свѣтъ знанія, но безъ огня, и желающіе взять его цѣликомъ съ тѣмъ, чтобы не подносить однако близко къ глазамъ. Каждый изъ этихъ видовъ—арапъ Ибрагимъ, капитанъ Мироновъ, поручикъ Гриневъ, Дубровскій и Троекуровъ—все это типы, драгоцѣнные для историка. Сами по себѣ будучи продуктомъ поэтическаго вымысла, они, однако, составляютъ существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ. Галлерея заключалась историческимъ недоро-

слемъ—не карикатурой, а простымъ и вседневнымъ явленіемъ, не лишеннымъ довольно почтенныхъ качествъ. Это былъ самый обыкновенный русскій дворянинъ средней руки, учившійся понемногу, сквозь слезы, при Петрѣ, со скукой при Екатеринѣ II, но сдѣлавшій нашу военную исторію и протоптавшій славный путь подъ руководствомъ Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Къ этой послѣдней разновидности Пушкинъ относился съ сочувствіемъ, заставивъ капитанскую дочку предпочесть добродушнаго армейца Гринева блестящему гвардейцу Швабрину. «Историку восемнадцатаго столѣтія,—заявилъ Ключевскій,—остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ капитанской дочки». Свое чтеніе Ключевскій закончилъ характеристикой Евгенія Онѣгина и его ближайшихъ потомковъ—Чацкаго и Печорина и указаніемъ, что заслуга Пушкина для исторіи въ томъ, что онъ далъ связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ слишкомъ за цѣлое столѣтіе и какъ художникъ сталъ между составителемъ мемуаровъ и историкомъ, къ великой радости послѣдняго.

Рѣчь Ключевскаго, освѣтивъ творчество Пушкина съ новой стороны, произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала во многихъ мѣстахъ шопотъ сочувствія, которое еще до конца ея выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ.

Снова прошло много лѣтъ, что мы не видались, хотя довольно часто справлялись другъ о другѣ. Я зналъ отъ бывшихъ слушателей его, какъ окончательно сложился въ немъ глубокій ученый и мыслитель, перешедшій отъ «Исторіи *Государства* Россійскаго» и «Исторія *Россіи*» къ исторіи образованія личности *русскаго народа*,—и какъ развился замѣчательный художникъ, властитель гибкаго и покорнаго слова, умѣвшій не только возсоздавать историческіе образы, но и любить ихъ, воплощая ихъ въ условіяхъ ихъ времени и дѣятельности, а не трактуя ихъ горделиво съ высоты современныхъ взглядовъ. Старая, былая дѣйствительность оживала у него поэтому съ особой ясностью, не окрашенная предвзятостью. Въ его изслѣдованіяхъ и изложеніи исторія, употребляя выраженіе Цицерона, была не только vita memoriae et testis temporum, но и lux veritatis, исключавшій роль судьи тамъ, гдѣ гораздо болѣе мѣста мыслителю. Эти разсказы

и отзывы подтвердились мѣрою полною, когда позднѣе я сталъ получать отъ него его превосходный курсъ исторіи съ дорогими для меня надписями на заглавной страницѣ. Я читалъ ихъ, не отрываясь, поучаясь и наслаждаясь одновременно и по нѣскольку разъ возвращаясь къ однѣмъ и тѣмъ же страницамъ. Въ моей памяти еще жилъ благородный обликъ Сергѣя Михайловича Соловьева, задушевность его тона и широкій захватъ въ его лекціяхъ «исторіи Россіи въ эпоху преобразованія». Какъ сейчасъ вижу его, какъ бы углубленнаго въ свои размышленія и наблюденія, съ полузакрытыми глазами, начинающимъ эти свои лекціи въ слегка приподнятомъ тонѣ разсказомъ о томъ, какъ «въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, подвергался страшной опасности, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды ихъ новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали»... Программа, начертанная въ этихъ словахъ, была выполнена Соловьевымъ съ чрезвычайной подробностью и удивительнымъ богатствомъ данныхъ, добытыхъ упорнымъ и неустаннымъ трудомъ. Но синтезъ всей этой сложной работы былъ сдѣланъ его ученикомъ съ неподражаемой ясностью и краткостью. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести это мѣсто изъ лекцій Ключевскаго, столь характеризующее его самого, какъ историка-мыслителя. «Петръ I, —говорилъ онъ,—своими понятіями и стремленіями близко подошелъ къ идеѣ правового государства: онъ видѣлъ цѣль государства въ добрѣ общемъ, въ народномъ благѣ, не въ династическомъ интересѣ, а средство для ея достиженія въ законности, въ крѣпкомъ храненіи «правъ гражданскихъ и политическихъ»; свою власть онъ считалъ не своей наслѣдственной собственностью, а должностью царя, свою дѣятельность—служеніемъ государству. Но обстоятельства и привычки помѣшали ему привести свое дѣло въ полное согласіе съ собственными понятіями и намѣреніями. Обстоятельства вынуждали его работать больше въ об-

ласти политики, чѣмъ права, а отъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ два вредные политическіе предразсудка—вѣру въ творческую мощь власти и увѣренность въ неистощимости народныхъ силъ и народнаго терпѣнія. Онъ не останавливался ни предъ чьимъ правомъ, ни передъ какой народной жертвой. Ставъ преобразователемъ въ европейскомъ духѣ, онъ сберегъ въ себѣ слишкомъ много московскаго допетровскаго царя, не считался ни съ правосознаніемъ народа, ни съ народной психологіей и надѣялся искоренить вѣковой обычай, водворить новое понятіе такъ же легко, какъ измѣнялъ покрой платья или ширину фабричнаго сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодѣятельность вызывая принужденіемъ, онъ строилъ правомѣрный порядокъ на общемъ безправіи, и потому въ его правомѣрномъ государствѣ рядомъ съ властью и закономъ не оказалось всеоживляющаго элемента, свободнаго лица, гражданина».

«Я взялъ съ собою за границу,—писалъ мнѣ въ 1908 году изъ Швейцаріи старый московскій студентъ, извѣстный адвокатъ Пассоверъ, человѣкъ большого ума, съ преобладаніемъ въ немъ скептическаго и строго критическаго склада,—я взялъ съ собою курсъ русской исторіи Ключевскаго... Послушайте! вѣдь это просто геніально! этотъ трудъ такъ меня захватилъ и своей формой и своимъ содержаніемъ, что мнѣ хочется упрекнуть васъ: зачѣмъ вы не указали мнѣ на эти книги раньше, если ихъ уже читали, а если не читали, то что можете вы представить въ свое оправданіе?! Благодаря имъ я соединяю поправленіе отъ физической болѣзни съ отдыхомъ для мысли, уставшей отъ той фальсификаціи науки, которою насъ въ послѣдніе годы потчуютъ подъ разноцвѣтными ярлыками». Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, будучи два раза въ Москвѣ, я посѣтилъ Василія Осиповича въ его домѣ на Житной улицѣ и провелъ съ нимъ вечеръ у Н. В. Давыдова. Близорукое и бездушное преслѣдованіе «инако вѣрующихъ» въ области религіозной, пагубно для правосудія отражавшееся на дѣятельности судебныхъ органовъ, и слѣпое, по отношенію къ будущему, подавленіе всякихъ проявленій правосознанія и самодѣятельности въ обществѣ, связанное съ суровымъ отношеніемъ къ «инако мыслящимъ», были пред-

метами нашихъ бесѣдъ, во время которыхъ въ голосѣ и выраженіяхъ Ключевскаго звучала негодующая скорбь. Помнится, что его, какъ и встрѣченнаго мною за границей А. И. Чупрова, возмущало, но «не удивляло» противодѣйствіе, оказанное В. К. Плеве по почину статсъ-секретаря Муравьева чтенію мною публичныхъ лекцій «О нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ». Въ это же время его смущала наша дальневосточная политика, восхваляемая нѣкоторыми органами печати, самонадѣянно и болѣе, чѣмъ преждевременно, присвоившими Сѣверной Манчжуріи названіе «Желтороссіи».

Затѣмъ наступила тяжелая година 1904 года и состоялись извѣстныя засѣданія Комитета министровъ, въ которыхъ откровенно было признано болѣзненное состояніе нашего внутренняго государственнаго организма и намѣчены нѣкоторые способы и средства лѣченія. Къ послѣднимъ относился восьмой пунктъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, въ которомъ было повелѣно «устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи». Вслѣдствіе этого 21 января 1905 года образовано было особое совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства и для составленія новаго проекта устава о печати. Въ составъ этого совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Кобеко вошли и мы съ Ключевскимъ. Исторія занятій этого совѣщанія очень поучительна, какъ примѣръ благихъ намѣреній и горячей законодательной работы, заѣденныхъ медлительностью канцелярской рутины и отсутствіемъ твердости въ столкновеніи съ мимолетной «злобой дня». Здѣсь не мѣсто касаться ее въ подробности. Достаточно лишь сказать, что въ тридцати слишкомъ ея засѣданіяхъ, начатыхъ съ единодушнымъ желаніемъ огромнаго большинства членовъ поставить печать въ нормальныя условія и освободить ее отъ обширнаго наслоенія мѣръ и распоряженій, основанныхъ на

усмотрѣніи и произволѣ, былъ выработанъ проектъ устава о совершенной отмѣнѣ предварительной цензуры и о замѣнѣ ея по отношенію къ преступленіямъ печати такъ называемымъ «Objectivverfahren», при которомъ судебная кара падаетъ на сочиненіе, но не на личность автора. Грозныя событія опередили, однако, внесеніе этого Устава на законодательное разсмотрѣніе, и, задержанный на своемъ пути въ теченіе пяти мѣсяцевъ бюрократическимъ квіетизмомъ, онъ былъ неожиданно для членовъ комиссіи замѣненъ прямо противоположными «временными правилами», дѣйствующими и донынѣ тамъ, гдѣ и они въ свою очередь не замѣняются усмотрѣніемъ и случайными взглядами высшаго мѣстнаго административнаго начальства. Ключевскій принялъ близко къ сердцу задачу этого совѣщанія, пріѣзжалъ на важнѣйшія засѣданія изъ Москвы или періодически проживалъ для нихъ въ Петербургѣ, прося меня во время его отсутствія держать его въ курсѣ нашихъ работъ и вызывать его въ случаяхъ неотложной надобности въ его участіи или голосѣ. Онъ останавливался въ гостиницѣ Palais Royal, на Пушкинской улицѣ, передъ засѣданіемъ заходилъ обыкновенно ко мнѣ, и мы вмѣстѣ ѣхали въ Маріинскій дворецъ. Раза два мы совершали то же послѣ обѣда у М. М. Стасюлевича, въ кругу главнѣйшихъ участниковъ «Вѣстника Европы», гдѣ Ключевскій былъ всегда желаннымъ гостемъ, несмотря на свою сдержанность стараго москвича, несвободнаго отъ нѣкотораго скептицизма по отношенію къ принятію «въ серьезъ» петербургскихъ взглядовъ и рѣчей.

Въ засѣданіяхъ онъ, привыкшій къ совмѣстной работѣ съ людьми болѣе или менѣе однородныхъ пріемовъ мышленія и способовъ выражаться, не безъ любопытства вглядывался въ духовную и нравственную «смѣсь одеждъ и лицъ», которая свойственна нашимъ междувѣдомственнымъ совѣщаніямъ и комиссіямъ. Тутъ были журналисты и публицисты (Стасюлевичъ, Суворинъ, Арсеньевъ, Пихно и князь Мещерскій), поэты (Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Цертелевъ), представители разныхъ вѣдомствъ, бывшіе и настоящіе начальники главнаго управленія по дѣламъ печати, сенаторы, духовныя лица (епископъ Антонинъ и др.) и, наконецъ, добровольцы, въ родѣ кіевскаго «обывателя», покой-

наго Б. М. Юзефовича, постоянно остававшагося при особомъ мнѣніи и послѣ нѣсколькихъ горячихъ, но неуспѣшныхъ выступленій отряшаго прахъ ногъ своихъ и покинувшаго совѣщаніе. Но лично Ключевскій выступалъ рѣдко, и тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивались всѣ къ его словамъ, въ которыхъ онъ являлся не только историкомъ, но и политикомъ. Такъ, онъ подробно высказался по вопросу о переходѣ отъ концессіонной системы разрѣшенія повременныхъ изданій къ системѣ явочной. Доказывая, что надо держаться практической почвы и критиковать дѣйствующій порядокъ съ точки зрѣнія права, пользы и цѣлесообразности, онъ возражалъ на заявленія противниковъ явочной системы о томъ, что она вызоветъ появленіе изданій, измѣняющихъ къ худшему самый тонъ печати, переполненіе рынка недоброкачественными газетами и ущербъ для кармана подписчиковъ. «Все это,—говорилъ онъ,—вполнѣ возможно и при концессіонной системѣ, все это у насъ уже бывало и, что всего важнѣе, миновало безъ вреда для государственнаго порядка и общественной нравственности. Десять лѣтъ тому назадъ 78 литераторовъ въ запискѣ, поданной на Высочайшее имя, засвидѣтельствовали единогласно, что концессіонный порядокъ былъ именно одною изъ причинъ вторженія промышленниковъ и спекулянтовъ въ нашу печать. Защитники дѣйствующаго у насъ порядка ищутъ опоры въ аналогіяхъ: сравниваютъ литератора съ инженеромъ, докторомъ, аптекаремъ и т. д., но аналогія сама по себѣ не разрѣшаетъ вопроса; она должна опираться на принципъ, а съ принципіальной точки зрѣнія большая разница между профессіональными правами и тѣмъ правомъ слова, одна изъ формъ котораго—право печати. Профессіональныя права пріобрѣтаются—право слова есть право личное, принадлежащее каждому полноправному гражданину, оно можетъ быть ограничено или потеряно лишь по суду или по соображеніямъ государственнымъ. Признано, правда, что право слова, какъ и право союзовъ и собраній, имѣетъ политическое значеніе, что это одна изъ формъ общественной дѣятельности; но изъ этого вытекаетъ лишь обязанность подчиняться въ своей дѣятельности извѣстнымъ условіямъ, ограниченіе же самаго приступа къ пользованію печатнымъ словомъ не

можетъ быть оправдано никакими политическими соображеніями: можно ли лишать человѣка права издавать газету въ виду возможныхъ, но еще не случившихся съ его стороны злоупотребленій? Это значитъ—наказывать за счетъ несодѣянныхъ преступленій. Всякій полноправный и безупречный гражданинъ въ правѣ обращаться къ той или къ другой формѣ печатнаго слова, не испрашивая этого права, а только подчиняясь условіямъ, какими законъ обставилъ его осуществленіе. Концессіонный порядокъ свелъ эти условія къ уничтоженію самаго права, между тѣмъ Уложеніе о наказаніяхъ предоставляетъ суду не только пріостанавливать повременное изданіе или даже прекращать его совершенно, но и лишать виновныхъ издателей и редакторовъ права на эти званія въ теченіе продолжительнаго срока, и потому судъ можетъ давать достаточную гарантію противъ злоупотребленій. Говорятъ, что переходъ отъ дѣйствующей концессіонной системы къ системѣ явочной слишкомъ крутъ. Съ этимъ трудно согласиться,—крутъ былъ бы, наоборотъ, переходъ отъ явочной системы къ концессіонной. Затѣмъ, для избѣжанія перелома предлагаютъ улучшить дѣйствующую концессіонную систему изъятіемъ выдачи разрѣшеній на повременныя изданія изъ рукъ министра внутреннихъ дѣлъ и ея сосредоточеніемъ въ особомъ внѣвѣдомственномъ учрежденіи изъ высшихъ судебныхъ и административныхъ чиновъ, самое положеніе которыхъ гарантировало бы правильную, послѣдовательную и безпристрастную оцѣнку всѣхъ происходящихъ въ области печатнаго слова явленій. Предполагалось даже ввести въ составъ такого учрежденія членовъ Академіи Наукъ. На первый взглядъ, такое соединеніе въ единой коллегіи представителей права, политики и науки очень привлекательно, только трудно догадаться, какъ будетъ дѣйствовать совмѣстно такая смѣшанная коллегія. Особенное недоумѣніе вызываетъ вопросъ, что дѣлать въ ней членамъ Академіи Наукъ. У науки одинъ критерій—критика научная и художественная, а тутъ академикамъ придется разрѣшать вопросы чисто полицейскіе. На какихъ, наконецъ, данныхъ будетъ подобная коллегія основывать свои рѣшенія? Безъ собственныхъ развѣдочныхъ органовъ она принуждена будетъ обращаться за справками

во всѣ вѣдомства. Такимъ образомъ, изъ *внѣвѣдомственной* она должна будетъ превратиться во *всевѣдомственную* и отъ всѣхъ вѣдомствъ зависимую; единоличное усмотрѣніе замѣнится усмотрѣніемъ коллегіальнымъ, что едва ли будетъ улучшеніемъ...».

При обсужденіи ст. 140 цензурнаго устава, предоставлявшей министру внутреннихъ дѣлъ право, по соображеніямъ высшаго правительства, налагать печать молчанія на уста періодическихъ изданій по тому или другому вопросу государственной важности, статьи, выродившейся на практикѣ въ ничѣмъ не оправдываемыя запрещенія говорить о тотализаторѣ и о допингѣ, о болѣзняхъ и перемѣщеніяхъ должностныхъ лицъ, о «поповкахъ» черноморскаго флота и т. п.,—Ключевскій высказалъ, что статья эта представляется ему занесенною изъ какого-то другого документа и носитъ на себѣ слѣды болѣе литературной, чѣмъ законодательной обработки, судя по выраженіямъ, съ трудомъ поддающимся юридическому анализу («высшее правительство», «вопросы государственной важности»). Одна изъ главныхъ цѣлей этой статьи—предупредить разглашеніе тайнъ того или другого вѣдомства. Но эта цѣль касается больше скромности подвѣдомственныхъ канцелярій, чѣмъ самой печати. Это въ значительной мѣрѣ вопросъ служебной дисциплины, а не свободы печатнаго слова. Въ примѣненіи своемъ, эта статья иногда какъ будто стыдилась самой себя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—говорилъ намъ Ключевскій,—министръ народнаго просвѣщенія, во время студенческихъ волненій, посѣщалъ въ Москвѣ высшія учебныя заведенія, говорилъ съ профессорами, успокоительно бесѣдовалъ со студентами. Но періодическая печать, удрученная циркулярами о безусловномъ запрещеніи печатать какія-либо извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, молчала объ этихъ бесѣдахъ. Тогда по редакціямъ разосланъ былъ циркуляръ отъ 17 февраля 1902 года, разрѣшавшій или даже предписывавшій «болѣе свободно» печатать о министрѣ народнаго просвѣщенія. Лучше совсѣмъ отмѣнить спорную статью, чѣмъ улучшать ее какими-либо ограниченіями, которыя на практикѣ превратятся въ излишнія стѣсненія для печати. Предметы, печатное обсужденіе которыхъ *въ извѣстный моментъ* будетъ неудобнымъ,

должны быть указаны въ общемъ законодательствѣ, а не въ спеціальномъ уставѣ о печати, и самое примѣненіе этихъ указаній нужно урегулировать какимъ-либо законодательнымъ способомъ, съ наименьшимъ участіемъ административнаго усмотрѣнія...

Особенно горячо выступалъ онъ нѣсколько разъ противъ сохраненія обособленной духовной цензуры. Онъ указывалъ, что надо *въ дѣйствительности* освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій. Однимъ изъ нихъ несомнѣнно является духовная цензура. Отдѣлъ Устава объ этой цензурѣ, составленный въ 1828 году, на практикѣ привелъ къ чрезвычайному произволу, заставляющему не понимать, какъ могла еще существовать при немъ духовная литература. Нельзя разсматривать духовную цензуру, какъ спеціальную, въ родѣ медицинской или драматической. Цензурный уставъ дѣло полицейское, а церковь должна умѣть сама защищать себя.—Въ подтвержденіе своего взгляда на шаткость основаній, которыми руководится духовная цензура, онъ разсказалъ намъ, что разъ покойный Борисъ Николаевичъ Чичеринъ принесъ ему большую кипу листовъ, прося провести это чрезъ духовную цензуру. Онъ далъ рукопись на просмотръ цензору, профессору московской духовной академіи, и чрезъ недѣлю тотъ сказалъ ему: «если вы формально представите намъ это сочиненіе, мы запретимъ, а если напечатаете, какъ свѣтское, мы придираться не будемъ». Такъ появилась замѣчательная книга Чичерина «Наука и религія». Въ своихъ возраженіяхъ защитникамъ этой цензуры Ключевскій очертилъ ея своеобразную исторію. «Практика сначала пыталась создать цензуру *мнѣній*,—говорилъ онъ,—но это не удалось, и явилась цензура *корректуръ*. Цензоръ поправлялъ корректуру, выбрасывалъ одно, вставлялъ отъ себя другое, измѣнялъ третье, и такъ появилась цѣлая литература поддѣльныхъ книгъ, въ которыхъ подъ именемъ автора печатался цензоръ. Къ шестидесятымъ годамъ развитіе литературы пошло такъ широко, что духовная цензура не могла его удержать, и потому гражданскою литературою перестала интересоваться, а остановилась на произведеніяхъ людей своего вѣдомства, сдѣлалась цензурою писателей изъ духовнаго вѣдомства. Я удивляюсь, какъ еще сохранилась

у молодежи энергія работать. Изъ корректурной обратясь въ сословную, цензура стала преслѣдовать авторовъ изъ своего вѣдомства и стала сливаться съ критикою. Тутъ и не разберешь, гдѣ кончается разборъ чужого мнѣнія и гдѣ начинается полемика съ чужимъ мнѣніемъ. Полный произволъ: цензоръ, не уполномоченный церковью и не обладающій авторитетомъ церкви, говоритъ автору, что сочиненіе не годится, и писатель долженъ подчиниться»... Особенно горячо возсталъ онъ противъ предложенія епископа Антонина о необходимости включить въ Уставъ о печати постановленіе о правѣ церковной власти провѣрять содержаніе духовныхъ книгъ и высказывать по нему свой судъ и осужденіе. «Никогда съ этимъ не соглашусь!—воскликнулъ Ключевскій.—Уставъ—полицейское дѣло! У Церкви есть право обличенія, вразумленія, поученія, все это права чисто нравственнаго свойства, этого и довольно. Но избави Богъ, если будетъ включено въ Уставъ о печати право Церкви высказываться о содержаніи печатныхъ произведеній и произносить по нимъ свой судъ! Какъ примирить институтъ духовной цензуры съ тѣмъ общимъ положеніемъ, что единственный критерій вѣры—Евангеліе и что единственный судья его толкованія—Вселенскій Соборъ? Ни право Церкви высказывать свое сужденіе, ни право писателя получать одобреніе Св. Синода—не дѣло Устава о цензурѣ. У Церкви есть одинъ только авторитетъ—Священное Писаніе. Ужели имѣется въ виду создать и въ Россіи index librorum prohibitorum, какъ на Западѣ? Тамъ этотъ индексъ представляетъ изъ себя книгу въ 900 страницъ, съ очень любопытными отзывами. Были попытки въ древней Руси составить списки «отреченныхъ» книгъ, но, слава Богу, эти попытки не удались нашимъ предкамъ; не привилось у насъ это шпіонство религіозныхъ убѣжденій, и къ концу XVI вѣка списки запретныхъ книгъ исчезли изъ употребленія. У Церкви нѣтъ власти, а только нравственный авторитетъ. Всякая власть есть, *по необходимости*, насиліе, а Церковь должна быть чужда насилія».

Въ концѣ мая 1905 года Ключевскій вернулся въ Москву. Но событія смѣнялись такъ быстро и неожиданно, вліяя на взгляды и настроенія, что въ концѣ іюля онъ вновь прибылъ въ Петер-

бургъ для принятія участія въ другомъ совѣщаніи, имѣвшемъ гораздо болѣе важную задачу, окончательно выразившуюся въ указѣ Сенату 6 августа 1905 года объ учрежденіи законосовѣщательной Государственной Думы. Намъ не удалось увидѣться, такъ какъ я проводилъ лѣто въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, откуда выѣзжалъ рѣдко, но я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что Ключевскому пришлось отстаивать сохраненіе за Думой права законодательнаго почина и безсословность выборовъ въ нее, ссылаясь на то, что его—историка и знатока народной души и міросозерцанія—пугаютъ послѣдствія возникновенія въ народномъ воображеніи представленія о сословномъ Царѣ, блюдущемъ интересы лишь одного какого-либо класса своего государства. Осенью 1905 года онъ писалъ мнѣ: «Вмѣстѣ со всѣми, кому дороги успѣхи русскаго общественнаго правосознанія и русскаго свободнаго слова, привѣтствую васъ глубокимъ товарищескимъ поклономъ въ день исполнившагося сорокалѣтія вашей службы. Тревожныя дѣла въ университетѣ, къ прискорбію моему, не позволяютъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ и лично поздравить васъ. Лѣтомъ я много жалѣлъ, что уже не засталъ васъ въ Петербургѣ, а суета и тревоги, среди которыхъ проходили мои петербургскіе дни, помѣшали мнѣ навѣстить васъ въ Сестрорѣцкѣ: мнѣ очень недоставало вашего общества и совѣта о текущихъ событіяхъ». Мы видѣлись въ послѣдній разъ—на очень короткое время,—когда онъ пріѣзжалъ на выборы въ Государственный Совѣтъ отъ Академіи и университетовъ. Хотя и уклонившись отъ принятія званія члена Государственнаго Совѣта и всецѣло отдавшись своей ученой жизни, а затѣмъ тяжко потрясенный семейной утратой, онъ, тѣмъ не менѣе, судя по одному изъ писемъ ко мнѣ, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми «муками рожденія» нашего обновляемаго государственнаго строя. Онъ высоко ставилъ самый фактъ существованія Государственной Думы и не раздѣлялъ тѣхъ порицаній и опасеній, которыя вызвали роспускъ Думы перваго призыва, очень его взволновавшій. «Присматриваясь къ дѣятельности этой Думы,—писалъ онъ мнѣ 21 іюля 1906 года,—я былъ вынужденъ признать два факта, которыхъ не ожидалъ: это—быстрота, съ какою сложился

въ народѣ взглядъ на нее, какъ на самый надежный органъ законодательной власти, и потомъ безспорная умѣренность господствующаго настроенія, ею проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго въ народѣ учрежденія неизмѣримо умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинаетъ насъ заливать, и существованіе Думы—это самое меньшее, цѣною чего можетъ быть достигнуто безкровное успокоеніе страны». Гораздо суровѣе относился онъ къ Верхней Палатѣ того времени, упрекая ее въ дилетантизмѣ и склонности къ застою...

Членъ-корреспондентъ въ 1889 году и вслѣдъ затѣмъ съ 1900 года ординарный академикъ историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, Ключевскій по непререкаемому праву вошелъ въ среду высшаго ученаго учрежденія Россіи. Но въ составѣ Академіи съ 1899 года былъ образованъ Разрядъ изящной словесности, а Ключевскій, независимо отъ своихъ ученыхъ заслугъ, былъ выдающійся художникъ, мастеръ русскаго слова и стилистъ. Члены Разряда могли сказать про него, повторяя извѣстное изреченіе: «rien ne manque á sa gloire—il manque á la nôtre», и въ ноябрѣ 1908 года онъ по моему предложенію былъ единогласно избранъ въ почетные академики даже безъ баллотировки. На извѣщеніе мое объ этомъ онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 13 ноября, которое позволяю себѣ привести цѣликомъ, въ виду высказанныхъ въ немъ взглядовъ на значеніе писателей, какъ общественныхъ типовъ. «Пребольшое вамъ спасибо,—пишетъ онъ,—за ваше участіе въ моемъ избраніи. Оно смутило меня; читая извѣстительную телеграмму, я спросилъ себя; за что? Но въ подписяхъ я прочиталъ имена, которыя привыкъ произносить съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, и они меня успокоили. Вы спрашиваете, какъ мнѣ живется. И такъ и сякъ. Лѣто закончилъ воспаленіемъ горла, поправился въ Крыму, а теперь опять расклеиваюсь, простужаюсь то и дѣло. Эти передряги и мѣшали мнѣ быть исправнымъ вашимъ корреспондентомъ. Но не вините меня за то строго: я умѣю цѣнить Ваши письма и только не умѣю своевременно отвѣчать на нихъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за присланную вами статью о гр. Л. Н. Толстомъ и за «Отрывки

изъ воспоминаній». Не буду разборчивъ въ выраженіяхъ, напишу первыми попавшимися словами. Во-первыхъ, «Отрывки» заставили меня пережить чуть не половину моей жизни, 60-ые, 70-ые и 80-ые гг. минувшаго столѣтія, и это вторичное переживанье пополнило мои личныя воспоминанія и во многомъ ихъ исправило. А потомъ вы прямо-таки открыли мнѣ Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Писемскаго, превратили литературные силуэты, какими они мнѣ представлялись, въ живые, яркіе образы. И знаете, за что я вамъ особенно благодаренъ? Изъ вашихъ разсказовъ, столь для меня новыхъ, я не вынесъ разочарованій, напротивъ, обогатилъ только запасъ своихъ сочувствій: въ ежедневной дѣйствительности, какъ вы изобразили этихъ мастеровъ, въ конкретнѣйшихъ, иногда мелкихъ случаяхъ ихъ жизни, вами разсказанныхъ, они не менѣе привлекательны, даже нерѣдко привлекательнѣе, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Сколько въ нихъ, думалось мнѣ при чтеніи вашихъ воспоминаній,—сколько въ нихъ историческаго и вмѣстѣ сколько трагическаго! Не каждый изъ нихъ носилъ на шейномъ шнуркѣ мундштукъ вмѣсто креста подобно Писемскому; но на плечахъ каждаго, не исключая и Писемскаго, тяготѣлъ крестъ русской жизни. Желалъ бы я видѣть смѣльчака, историка *той*, т.-е. нашей, эпохи, который рѣшился бы обойтись безъ Тургенева, Достоевскаго и т. д. не въ главѣ о литературѣ, а въ отдѣлѣ объ общественныхъ типахъ, и вамъ въ этомъ отдѣлѣ волей-неволей придется занять въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мѣсто пушкинскаго Пимена.—Только что прочиталъ продолженіе вашихъ судебныхъ воспоминаній въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины». Это—изнанка той же эпохи, и можно только позавидовать безгрѣшной завистью, съ какихъ разнообразныхъ сторонъ пришлось вамъ взглянуть на жизнь своего времени. Новые разсказы поразили меня не менѣе прежнихъ. Семья чиновника NN останется въ моей памяти такимъ же *глубокимъ рубцомъ*, какъ и игуменія Митрофанія. Не сердитесь на меня, дорогой Анатолій Ѳедоровичъ, за мои признанія: я знаю, они вамъ не нужны; но вы вѣдь въ нихъ виноваты. Вы спрашиваете, прислать ли ваши рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ объ университетѣ Шанявскаго и по другимъ вопросамъ?—

Я прошу васъ объ этомъ. Мало того: я надѣюсь, пріѣхавъ в
Петербургъ (чего на свѣтѣ не бываетъ!), услышать вашъ разсказ
объ одномъ дѣлѣ, вами мнѣ обѣщанный. Видите, какъ я иногд
памятливъ. Я былъ очень огорченъ извѣстіемъ о прекращен
«Вѣстника Европы»: безъ «Вѣстника Европы» я не понимаю рус
ской журналистики, какъ не понимаю очковъ безъ стеколъ
Но слава Богу: очки останутся со стеклами. Хотѣлось бы узнат
что-нибудь о М. М. Стасюлевичѣ. Хорошо помню его «день суб
ботній». До свиданія. Не обходите меня ни письмами, ни лите
ратурными произведеніями: тѣ и другія для меня лѣкарств
отъ моихъ недуговъ. Душевно Вамъ преданный В. Ключевскій.

Согласно его желанію, я посылалъ ему стенографическ
отчеты засѣданій Верхней Палаты по вопросамъ особой важност
и обѣщалъ прислать таковой и по обсужденію законопроекта
свободѣ совѣсти, вопросъ о которой онъ въ нашихъ бесѣдах
считалъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и неотложныхъ. Но этог
сдѣлать не пришлось. Засѣданія по законопроекту произошл
уже чрезъ полгода послѣ того, какъ навсегда смежились глаз
моего стараго университетскаго товарища. Можетъ быть, это дл
него и къ лучшему... Едва ли въ памяти покойнаго не «остался
бы рубцомъ»,—самая возможность—послѣ великодушныхъ воз
вѣщеній указа 23 апрѣля 1905 года—беззастѣнчиваго предло
женія лишать переходящихъ изъ православія въ другія хр
стіанскія исповѣданія права поступать на государственну
службу, а уже находящихся на ней исключать изъ нея, или пр
нятіе большинствомъ поправки объ обращеніи въ православну
вѣру малолѣтнихъ иновѣрцевъ, съ разрѣшенія Святѣйшаг
Синода, безъ согласія ихъ родителей.

Съ горестью пришлось узнать о кончинѣ Василія Осиповича.
Онъ такъ много еще могъ бы дать русской наукѣ и русском
обществу, владѣя тайной художественнаго внушенія и имѣя дар
внушенія нравственнаго,—вліяя на читателя и слушателя одно
временно и красотою и совѣстью своего таланта... Но тотъ ж
цитированный мною вначалѣ поэтъ сказалъ: «всякое пламя прино
ситъ себя въ жертву: чѣмъ ярче оно пылаетъ, тѣмъ ближе он
къ гибели...».

VI.

«Вѣстникъ Европы».

(Февраль 1911 г.).

Въ старомъ редакціонномъ кабинетѣ «Вѣстника Европы», съ окнами, выходящими на узкій дворъ многоэтажнаго дома, надъ которымъ тяжело нависло унылое петербургское небо,— пусто... Все въ немъ потемнѣло и многое потерпѣло отъ времени, но каждая вещь, каждый портретъ связаны съ дорогими воспоминаніями о тѣхъ, кто былъ близокъ къ хозяину. А большинство близкихъ были люди, выдающіеся своими талантами и общественными заслугами. Въ кабинетѣ этомъ въ теченіе сорока лѣтъ чувствовалось біеніе пульса передовой части русскаго общества, съ ея разумными требованіями и жизненными потребностями, съ ея надеждами, разочарованіями и скорбями. По обмѣну мыслей, здѣсь происходившему въ дружеской и довѣрчивой бесѣдѣ, можно было судить о состояніи этого пульса,— рѣдко полнаго, часто «нитевиднаго», въ послѣдніе годы лихорадочнаго — и ставить приблизительный діагнозъ для всего организма. Здѣсь, за рабочимъ столомъ, забаррикадированный громоздкими изданіями Ровинскаго, многіе годы засѣдалъ Пыпинъ, «мудрый, какъ змій, и чистый, какъ голубь». Здѣсь бывалъ Костомаровъ, умѣвшій переплетать глубокое знаніе прошед-

шаго со своеобразнымъ юморомъ по отношенію къ настоящему. Сюда вторгался кипучій, полный жизни и новыхъ оригинальныхъ взглядовъ Владиміръ Стасовъ. Здѣсь раздавалась неуклюжая и порывистая, но полная глубокаго содержанія и ума рѣчь Спасовича. Здѣсь появлялись благородные, нелицемѣрные слуги и проводители въ жизнь великихъ реформъ Александра II—К. К. Гротъ и «человѣколюбивый стражъ закона» В. А. Арцимовичъ; блисталъ знаніемъ Россіи и вѣрой въ нее, и загорался въ спорахъ Кавелинъ, и сиживалъ въ глубокой задумчивости, поглощенный внутренней работой духа, или острилъ и заливался дѣтскимъ незлобивымъ смѣхомъ Владиміръ Соловьевъ. Здѣсь, наконецъ, часто появлялись Тургеневъ и Гончаровъ, Алексѣй Жемчужниковъ, Сѣченовъ и Ключевскій. Ихъ всѣхъ, несмотря на разнообразіе ихъ темпераментовъ и частичныхъ взглядовъ, соединялъ и объединялъ хозяинъ своимъ спокойнымъ радушіемъ и участливымъ пониманіемъ, чуждымъ фамильярности, но проникнутымъ тою внимательностью, за которою чувствуется стыдливое во внѣшнихъ проявленіяхъ, но чуткое сердце. Кажется, что сейчасъ въ свой опустѣвшій кабинетъ войдетъ и онъ самъ и усядется за свой рабочій столъ, за которымъ проводилъ онъ долгіе часы невидной, упорной и трудной редакторской работы, смѣнявшейся собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ по городскому общественному управленію и составленіемъ отчетовъ и докладовъ по народному образованію. Онъ войдетъ, какъ всегда, бодрый и привѣтливый, тщательно одѣтый, со старческимъ румянцемъ на оживленномъ лицѣ, обрамленномъ сѣдою бородою, и вдумчиво отзовется—часто облекая свою мысль въ форму остроумной шутки—на то, что волнуетъ или занимаетъ пришедшаго...

Но онъ не войдетъ... На стѣнкѣ кабинета, на которой онъ укрѣплялъ, подавляя невольный вздохъ, портреты умершихъ «сотрудниковъ жизни», можетъ отнынѣ по праву прибавиться и его изображеніе. Да! и онъ былъ «сотрудникомъ жизни» не только окружавшихъ, не только занявшихъ мѣсто на этой стѣнкѣ, но и сотрудникомъ общественной жизни своей родины, никогда не терявшимъ бодрости, не опускавшимъ рукъ «въ нѣмомъ

бездѣйствіи печали» и не терявшимъ вѣры въ право и способность своего народа на лучшее будущее. На своей профессорской кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ и въ своихъ ученыхъ работахъ онъ умѣлъ одновременно быть, слѣдуя выраженію Бэкона, и муравьемъ, собирающимъ матеріалъ, и пчелою, распредѣляющею его; умѣлъ вносить въ преподаваніе исторіи философію исторіи, присматриваясь къ событіямъ прошлаго, какъ къ одновременному пророчеству, приговору и откровенію общечеловѣческихъ идей. Но когда онъ почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ оставить эту кафедру, онъ сдѣлалъ это безъ малодушныхъ колебаній и отдался кабинетному труду редактора ученаго сборника. Этотъ сборникъ — «Вѣстникъ Европы» — силою назрѣвшей общественной потребности обратился въ литературно-политическій журналъ, и Стасюлевичу пришлось сразу стать на боевой постъ. Это было время крутого перелома въ офиціальныхъ взглядахъ на задачи и характеръ средней школы. Вмѣсто гуманизма, лучшимъ представителемъ котораго былъ Пироговъ съ его «Вопросами жизни», сталъ насаждаться Толстовскій псевдо-классицизмъ, заимствовавшій изъ античнаго міра одни убивающія «душу живу» грамматическія упражненія и — быть можетъ сознательно — проглядѣвшій античный духъ и его безсмертные образы. Рекомендованная великимъ врачомъ-педагогомъ цѣль средней школы — «воспитать *человѣка*», который сумѣетъ «быть, *а не казаться*», — была извращена ради политической задачи: втиснуть живую впечатлительность отрочества въ узкія рамки мертвящей схоластики. Въ своемъ журналѣ Стасюлевичъ бросилъ вызовъ этой системѣ и во всеоружіи знанія, опыта и дѣятельной любви къ подрастающему поколѣнію, настойчиво, «ohne Hast, ohne Rast», пошелъ по преисполненному терній и огорченій пути печатной борьбы съ тѣми, кого онъ—заимствуя это выраженіе у Гюго, изъ «L'homme qui rit» — называлъ «компрачикосами».

Долгіе годы упорствовалъ онъ въ этой борьбѣ, постоянно расширяя ея поле, по мѣрѣ того, какъ подвергались суженію и разнообразному членовредительству реформы Александра II. Руководимый имъ «Вѣстникъ Европы» въ сдержанныхъ по

формѣ, но сильныхъ и глубокихъ по содержанію статьяхъ, поста
янно и неуклонно проводилъ мысль, прекрасно выраженну
Ламартиномъ, сказавшимъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ На
ціональномъ Собраніи: «Il y a quelque chose de plus cruel que l
cruauté personnelle — c'est la cruauté froide d'un système faux»
Все, что въ политикѣ нашего внутренняго управленія обличал
временно торжествующее, но тщетное и утопическое желані
остановить ходъ исторіи, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ из
представителей этого направленія въ жизни и печати, должн
была начинаться *съ нихъ*, — встрѣчало отпоръ разносторонней
и правдивой критики на страницахъ «Вѣстника Европы». Редак
торъ изъ года въ годъ усидчиво, неустанно и твердо правил
рулемъ того «большóго корабля» въ нашей журналистикѣ, кото
рый былъ имъ построенъ, зорко наблюдая, чтобы кораблъ этот
совершалъ свой путь, по Петровскому выраженію, «не рабству
лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняяся страстями»
Это было нелегко... Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, пред
шествовавшія 1904 — 1905 гг., фарватеръ для плаванія очен
сузился и сталъ изобиловать мелями и подводными камнями
Въ отечествѣ нашемъ, *богатомъ* возможностями и *бѣдномъ* дѣй
ствительностью, съ начала этого времени стали раздаваться
въ тонѣ торжествующей неотразимости, забытыя послѣ реформ
шестидесятыхъ годовъ слова и проводиться давно отвергнуты
взгляды, всплывавшіе на поверхность подобно тѣламъ утоплен
никовъ. Характеризуя это время, Стасюлевичъ писалъ одном
изъ своихъ сотрудниковъ: «не помню, кто именно сказалъ, чт
есть архитекторы, которые думаютъ, что надо заложить камнями
трубы, чтобы печи перестали дымить, а когда дымъ идетъ назад
они сердятся и неспособны догадаться, что всему виною их
невѣжество. Это невѣжество ползетъ теперь со всѣхъ сторонъ
«Вѣстнику Европы» приходилось изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оправ
дывать тѣ начала, которыя считались почти непререкаемыми
во время его основанія, — упорствовать въ защитѣ учрежденій
которымъ подъ видомъ *перестроенія* грозило *разрушеніе*, и итт
своей дорогой подъ ядовитые упреки въ «прямолинейномъ ли
берализмѣ». И это надо было дѣлать среди разныхъ препятствій

съ тревожнымъ ожиданіемъ выпуска книжки изъ цензурнаго «чистилища», съ призывами редактора «для объясненій», съ перенесеніемъ недомоганья «переверстки» и тяжелыхъ операцій вырѣзыванія статей, подъ Дамокловымъ мечомъ двухъ предостереженій, для которыхъ не существовало давности, — дѣлать, сохраняя наружное спокойствіе, серьезное приличіе тона и отнюдь не вступая въ бранчивую полемику, однимъ словомъ слѣдовало осуществлять старый латинскій завѣтъ: Certa viriliter sustine patienter! Въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся къ 1890-му году, описывая свои цензурныя «злоключенія», онъ цитировалъ стихи — кажется Щербины:

«У насъ чужая голова,
«А убѣжденья сердца хрупки,
«Мы—*европейскія* слова
«И—*азіатскіе* поступки».

Одна критика и отмѣтка печальныхъ явленій дѣйствительности лишь со слабой надеждой на пробужденіе когда-нибудь творческихъ силъ въ другомъ направленіи, на возвращеніе законадательной жизни въ покинутое русло прерванныхъ преобразованій — не могли удовлетворять запросовъ созидательнаго ума Стасюлевича. Ему нуженъ былъ выходъ—и онъ нашелся въ видѣ дѣятельнаго, свыше тридцатилѣтняго, участія въ общественномъ самоуправленіи Петербурга. Усердно работая по всѣмъ общимъ вопросамъ этого самоуправленія, участвуя «прилежно» въ засѣданіяхъ городской думы и тѣхъ ея комиссій, въ которыхъ онъ бывалъ членомъ и предсѣдателемъ, Стасюлевичъ въ особенности облюбовалъ себѣ одну отрасль работы на пользу городского населенія: народное образованіе. Этому дѣлу онъ отдался всей душой. Помыслы и заботы о немъ неразрывно сплелись съ его существованіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Предсѣдатель комиссій по водоснабженію и по народному образованію, почетный мировой судья, историкъ дѣятельности думы по осуществленію Городового Положенія, не искаженнаго послѣдующею реформою 1892-го года,—почти постоянный делегатъ города въ земствѣ, онъ заработалъ себѣ завидное право сказать, что послужилъ и городу Петербургу и народному образованію всѣми

силами души. Но надо было видѣть его на освященіяхъ новыхъ обширныхъ училищныхъ зданій, на актахъ и школьныхъ праздничествахъ, среди толпы собранныхъ имъ дѣтей, надо было посѣтить вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько городскихъ училищъ, чтобы понять, сколько любящаго сердца и дѣятельной воли вкладывалъ онъ именно въ школьное дѣло... Недаромъ, принявъ въ свое завѣдываніе 262 городскихъ училища и восемь воскресныхъ школъ, онъ черезъ десять лѣтъ оставилъ 344 училища, съ 22-мя тысячами учащихся, и 22 воскресныхъ школы. Пережившій на два года золотую свадьбу своей безмятежной семейной жизни, онъ не имѣлъ потомства — и сердце его широко открылось для чужихъ дѣтей, раскрывъ въ своей глубинѣ сокровища чувства и пониманія, скрытыя для невнимательнаго взгляда его внѣшнимъ «сухимъ», по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, обличіемъ. «Ахъ! — писалъ онъ мнѣ за границу въ 1888-мъ году — какъ жаль, что вы не могли вмѣстѣ со мною быть на годовомъ актѣ городскихъ училищъ въ большомъ залѣ Думы, взглянуть на эти ангельскія личики, слышать ихъ сладкое пѣніе и видѣть ихъ радость! Я не могъ съ ними разстаться и все удерживался, чтобы не прослезиться. А если мы пройдемъ чрезъ Кавдинское ущелье въ образѣ разныхъ препятствій и возраженій, у насъ чрезъ годъ будетъ еще нѣсколько училищъ»... Но не въ одномъ дѣлѣ народнаго образованія послужилъ онъ Петербургу. Его настойчивости и энергіи обязана столица устройствомъ водопроводныхъ фильтровъ въ 1889-мъ году. Теперь они—безъ разныхъ техническихъ усовершенствованій и переустройства — не удовлетворяютъ нуждѣ въ совершенно чистой водѣ, но въ свое время составили огромный шагъ впередъ въ санитарномъ отношеніи.

Эти двѣ дѣятельности — городская и редакторская — поглощали все время Стасюлевича, давно уже заставивъ его отказаться отъ какихъ-либо развлеченій или свѣтскихъ общественныхъ собраній. Но въ предѣлахъ ихъ трудовая жизнь его текла, несмотря на переживаемыя имъ внутреннія тревоги, размѣренно и съ спокойствіемъ строгой точности. Лишь однажды эта уравновѣшенность въ дѣятельности Стасюлевича подверглась опасности поколебаться. Я живо помню ночь на 1-ое января 1881-го

года, когда всѣ обычные собесѣдники за «круглымъ столомъ», собравшись встрѣчать Новый годъ у Стасюлевичей, терпѣливо ждали до 2-хъ часовъ появленія совсѣмъ еще сырого перваго номера «Порядка» и пили за процвѣтаніе и долголѣтіе послѣдняго. Это было осуществленіемъ давнишней мысли Стасюлевича о необходимости изданія большой политической газеты одного направленія съ «Вѣстникомъ Европы». Казалось, что многое слагалось благопріятно для успѣха такого предпріятія. Со вступленіемъ графа Лорисъ-Меликова въ управленіе внутренними дѣлами повѣяло свѣжимъ воздухомъ, съ печати фактически были сняты наиболѣе тяжелыя путы, а рядъ сенаторскихъ ревизій и предположенный созывъ свѣдущихъ людей для обсужденія того, что будетъ этими ревизіями открыто, знаменовали собою хотя и довольно робкіе, но все-таки несомнѣнные шаги по пути къ дальнѣйшему политическому развитію общества... Стасюлевичъ со свойственною ему систематичностью взялся за мысль о новомъ изданіи, дававшемъ возможность ежедневно бесѣдовать съ читателями о «злобѣ дня» не въ прошломъ, а въ животрепещущемъ настоящемъ. Такъ возникъ «Правовой Порядокъ», при чемъ первая часть этого названія подверглась цензурному усѣкновенію. Какъ выраженіе настроенія присутствующихъ, былъ произнесенъ шутливый тостъ, во вкусѣ хозяина, тогда же записанный имъ «на память» и подписанный всѣми. «Я желаю—было сказано предложившимъ тостъ,—чтобъ новорожденный, вопреки законамъ природы и природѣ вещей, *пошелъ* съ перваго же дня; чтобы всѣ почувствовали, что у него сразу прорѣзались *всѣ зубы*; чтобы никакая административная няня не налагала на него *пеленокъ* и свивальниковъ; чтобы, вопреки своему имени, всѣхъ своихъ супротивниковъ онъ приводилъ въ *безпорядокъ;* чтобы онъ учился говорить медленно и долго, такъ что многіе, многіе годы отъ него слышали бы постоянно *новое слово;* чтобы заботливые родители охраняли его отъ *водяной*, и если ему суждено болѣть, то чтобы его постигла лишь *англійская болѣзнь* и чтобы—болѣе чѣмъ странное желаніе! — онъ съ перваго же дня началъ плодиться и размножаться». И дѣйствительно, съ первыхъ же своихъ номеровъ «Порядокъ» занялъ

видное и достойное мѣсто во вседневной печати, неуклонно раз
бирая общественные вопросы съ точки зрѣнія права и нравствен
наго долга и давая читателямъ, между прочимъ, такія чудны
вещи, какъ Тургеневскіе «Отрывки изъ воспоминаній своих
и чужихъ». Но роковое и ужасное событіе 1-го марта 1881-г
года, печальнымъ образомъ отозвавшееся на разныхъ сторонах
общественной жизни, не прошло безъ послѣдствій и для новой
газеты. Подкошенный воспрещеніемъ розничной продажи и за
тѣмъ пріостановкой на шесть недѣль, «Порядокъ» просущество
валъ лишь одинъ годъ, принеся издателю-редактору немало
матеріальнаго ущерба и моральныхъ тревогъ и огорченій. Между
послѣдними на первомъ планѣ, конечно, стояли административ
ныя кары и объясненія съ цензурнымъ вѣдомствомъ. «Читаете
ли вы «Порядокъ»? — писалъ Стасюлевичъ мнѣ за границу в
августѣ 1881-го года. — «По нему вы можете судить, что мы
строго выдерживаемъ щедринскую программу: «тихо, благород
но — и при томъ свободно»... и переливаемъ изъ пустого въ по
рожнее, но все-таки находятъ, — была опять *бесѣда*, — что мы
и это невинное занятіе выполняемъ съ какою-то продерзостью;
исторія съ «Голосомъ» — лучшая иллюстрація нашего времени».
Но независимо отъ этого и между вліятельными сотрудниками
произошли большія разногласія по вопросамъ крестьянскаго
землевладѣнія, а поставщики фельетоновъ и литературныхъ
обозрѣній оказались болѣе аккуратными въ истребованіи «аван
совъ», чѣмъ въ доставленіи своей работы. Тяжелые часы и дни
переживалъ въ это время Стасюлевичъ. Независимо отъ весьма
чувствительныхъ матеріальныхъ жертвъ, «Порядокъ» требовалъ
отъ редактора изнурительнаго и лихорадочнаго труда. Послѣд
нему приходилось иногда, при содѣйствіи кого-либо одного изъ
не только «вѣрныхъ», но и «достовѣрныхъ» сотрудниковъ, рабо
тать, не разгибая спины, до поздней ночи, исправляя, составляя
и сопоставляя передовыя статьи, замѣтки по «злобамъ дня»,
фельетоны и некрологи. Каторжный трудъ одновременнаго ре
дактированія двухъ изданій, при щепетильно добросовѣстномъ
отношеніи Стасюлевича къ своимъ обязанностямъ, огорчитель
ныя мелочи и тревожныя для печати крупныя явленія жизни

не могли не вліять на его здоровье и душевное спокойствіе. Онъ проводилъ остатокъ своей ночи безъ подкрѣпляющаго сна, въ полудремотѣ, прерываемой нервными пробужденіями. Въ письмахъ его проскальзывали невольные вздохи измученной души, которые онъ тщетно старался заглушить игрою словъ, какою-нибудь шуткой, латинскимъ изреченіемъ или цитатой изъ «Козьмы Пруткова». Но по внѣшности онъ постоянно умѣлъ казаться ровнымъ и спокойнымъ.

Его наружная сдержанность, въ связи съ рѣдкою, столь необычною въ наше время вѣжливостью, создала ему, среди незнавшихъ его близко, репутацію душевной сухости. А между тѣмъ этотъ «холодно корректный» и «застегнутый на всѣ пуговицы» человѣкъ, строго аккуратный и вѣчно занятый, никогда не имѣвшій времени на «пустопорожніе» разговоры — преображался весь и становился отзывчивымъ, когда передъ нимъ возникала дѣйствительная потребность въ помощи, сочувствіи, добромъ словѣ, а нерѣдко и добромъ дѣлѣ, которое онъ умѣлъ дѣлать такъ, что оно было слышно и видно лишь для того, кого оно касалось. Но желавшій поговорить просто для того, чтобы «убить (ужасное по своему—именно у насъ—значенію выраженіе) время» — встрѣчалъ въ немъ холодный отпоръ скучающаго молчанія. Онъ, подобно многимъ, поставленнымъ въ такое положеніе, по своему, глубоко сочувствовалъ словамъ Чехова въ «Домѣ съ мезониномъ»: «сотни верстъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей степи не могутъ нагнать такого унынія, какъ одинъ человѣкъ, когда онъ сидитъ, безцѣльно говоритъ и неизвѣстно, когда онъ уйдетъ»...

Онъ весь былъ поглощенъ своимъ дѣломъ и, входя во всѣ мелочи, любилъ все дѣлать самъ. Ни одна строчка, ни одинъ знакъ препинанія не проходили въ «Вѣстникѣ Европы» безъ его тщательной провѣрки. То же самое примѣнялъ онъ и къ разнымъ изданіямъ, проходившимъ чрезъ его строгія и требовательныя въ смыслѣ точности руки. Я не могу безъ внутренней улыбки вспомнить, какъ лѣтомъ 1878 года, въ Бретонскомъ городкѣ Динарѣ, онъ жаловался мнѣ, показывая на лежавшую предъ нимъ корректуру стереотипнаго изданія «Записокъ охотника», на свое

нездоровье, мѣшающее ему исправить ее къ предназначенному имъ сроку. «Да дайте ее мнѣ, — сказалъ я,—я исправлю ее за васъ». Стасюлевичъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ тревожнымъ выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ на тихаго сумасшедшаго, могущаго, однако, впасть въ опасное буйство, и, не отвѣчая мнѣ, свернулъ корректуру и поспѣшно заперъ въ ящикъ стола, очевидно, предоставляя мнѣ самому понять всю чудовищную неосновательность сдѣланнаго *ему* предложенія...

Держась правила царя Алексѣя Михайловича: «дѣлу время—потѣхѣ часъ» и понимая подъ этой потѣхой обмѣнъ мыслей съ друзьями за своей гостепріимной еженедѣльной трапезой, онъ умѣлъ не расточать своего времени попусту и не придавалъ никакой цѣны такъ называемымъ «добрымъ малымъ». На мой отзывъ о комъ-то, съ прибавкой такого эпитета, онъ сказалъ мнѣ однажды: «знаете ли—я убѣдился въ жизни, что эти *добрые малые* на практикѣ обыкновенно оказываются *мало добрыми*»... Поэтому онъ вступалъ въ интимность далеко не съ каждымъ, зная по опыту, что у насъ привыкли считать однимъ изъ достоинствъ человѣка готовность имѣть «душу на-распашку» и предоставлять каждому безъ разбора залѣзать въ нее, заглядывая съ безцеремоннымъ и бездушнымъ любопытствомъ въ ея сокровенное уголки и, нерѣдко наплевавъ кругомъ, уходить, оставивъ открытыми двери, покуда прозрѣвшій, наконецъ, хозяинъ души не запретъ ихъ на замокъ, впуская только избранныхъ... Мнѣніе о черствости Стасюлевича было такъ же неосновательно, какъ представленіе о немъ, какъ о крайнемъ радикалѣ и «красномъ». Послѣдній эпитетъ, одно время щедро раздававшійся по отношенію ко всѣмъ, кто рѣшался «смѣть свое сужденіе имѣть» въ средѣ, гдѣ даже сложилось удивительное, хотя и общеупотребительное выраженіе: «*позволяю* себѣ *думать*» — былъ, впрочемъ, въ одномъ отношеніи справедливъ: Стасюлевичъ до конца своихъ дней сохранилъ способность краснѣть... за другихъ. Любившій родину настоящей любовью, желавшій ей спокойнаго, органическаго развитія, чуждаго судорожныхъ скачковъ и малодушныхъ отступленій, онъ никогда не держался крайнихъ взглядовъ и не сочувствовалъ вытекающимъ изъ

нихъ практическимъ мѣрамъ, съ какой бы изъ противоположныхъ сторонъ онѣ ни рекомендовались. Его самоотверженная, любвеобильная дѣятельность по народному образованію была совершенно свободна отъ всякихъ предвзятыхъ, одностороннихъ пріемовъ; все, имъ дѣлаемое въ этой области, вытекало лишь изъ *объективнаго* существа дѣла, не прошедшаго ни чрезъ какую *субъективную* призму. А его «Вѣстникъ Европы» былъ старымъ, привычнымъ, надежнымъ и вѣрнымъ своему слову другомъ читателя, приходившимъ въ своей красной обложкѣ въ началѣ каждаго мѣсяца, чтобы бесѣдовать въ разныхъ формахъ, начиная съ художественной и научной и кончая критической, о пестрыхъ явленіяхъ общественной жизни, — чтобы удерживать отъ погруженія въ тину эгоизма и апатіи и, среди ослѣпленныхъ озлобленій, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человѣческую личность, быть широко терпимымъ къ священнымъ вопросамъ человѣческаго духа и служить законной свободѣ, во всѣхъ ея видахъ. Стасюлевичъ, со своимъ яснымъ, предусмотрительнымъ умомъ, любовью къ порядку и труду, со своими организаторскими способностями, былъ созданъ изъ матеріи «dont on fait les ministres», какъ говорятъ французы, — и лишь близорукая предвзятость могла считать этого явнаго слугу и поборника законной гражданской свободы тайнымъ врагомъ общественнаго порядка. А между тѣмъ именно эта предвзятость повліяла въ свое время на неутвержденіе его товарищемъ городского головы по выбору Петербургской Думы,—и я помню недоумѣвающее и почти обиженное выраженіе лица будущаго министра внутреннихъ дѣлъ, которому во время ежегоднаго обѣда московскихъ студентовъ, въ 1900-мъ году, на его предостерегающій «товарищескій» упрекъ по поводу моего сотрудничества «у Стасюлевича», я отвѣтилъ искреннимъ сожалѣніемъ, что наше многострадальное министерство народнаго просвѣщенія не ввѣрено именно этому самому Стасюлевичу.

Болѣе пятидесяти лѣтъ моей жизни переплетаются съ воспоминаніями о Михаилѣ Матвѣевичѣ. Я, какъ сейчасъ, вижу его на кафедрѣ, въ большой аудиторіи петербургскаго универси-

тета, переполненной студентами и публикой, тогда довольно свободно имѣвшей доступъ на лекціи популярныхъ профессоровъ. Молодой, полный силъ и энергіи, недавно женившійся и вернувшійся изъ заграничной ученой командировки, онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ во Франціи при Людовикѣ XIV. Въ стѣнахъ, гдѣ обычно раздавалось повѣствованіе о жизни *государствъ*, онъ съ простотою и изяществомъ истиннаго знанія развертывалъ передъ слушателями поучительныя страницы изъ жизни *народовъ*. Черезъ десять лѣтъ, въ Франценсбадѣ, сидѣвшій рядомъ со мною на скамейкѣ парка баварецъ указалъ мнѣ на мимоидущаго, сказавъ: «вотъ это тотъ русскій, который недавно у насъ, въ Киссингенѣ, увидя утопавшаго человѣка, бросился въ воду и спасъ его». Это былъ Михаилъ Матвѣевичъ, живой и подвижный, съ неначавшею еще сѣдѣть бородою. Лично познакомились мы позже—въ началѣ семидесятыхъ годовъ — и постепенно сошлись до тѣсныхъ дружескихъ отношеній, скрѣпленныхъ многолѣтнимъ сотрудничествомъ моимъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Порядкѣ» и переплетавшихся нитями взаимнаго довѣрія, участія и нравственной поддержки въ переживаемыя каждымъ изъ насъ трудныя, тревожныя и радостныя минуты жизни. Многіе годы мы проводили по нѣскольку недѣль или встрѣчались за границей въ какомъ-нибудь лѣчебномъ мѣстечкѣ или въ Берлинѣ, при чемъ онъ всегда живо интересовался постановкою на мѣстѣ вопросовъ городского хозяйства и школы,— а два послѣднихъ лѣта провели въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, гдѣ подолгу, въ задушевной бесѣдѣ, просиживали по утрамъ на берегу моря, которое онъ очень любилъ. Во время взаимныхъ отъѣздовъ изъ Петербурга мы вели оживленную переписку (на послѣднемъ письмѣ его ко мнѣ стоитъ № 184), а въ городѣ зимою онъ посылалъ мнѣ шутливыя посланія, очень часто въ стихахъ. Узнавъ ближе этого человѣка, со всѣми милыми и оригинальными свойствами его характера, съ его добрымъ юморомъ и непреклонностью его чистыхъ и свѣтлыхъ побужденій, я полюбилъ его всею душою.

Въ самые послѣдніе годы силы замѣтно оставляли его: слабѣло зрѣніе, притуплялся слухъ, измѣняла память, но до кон-

ца его плодотворной жизни душевный строй его оставался неизмѣннымъ. Онъ былъ попрежнему отзывчивъ на всѣ вопросы общественнаго значенія и не допускалъ въ своихъ взглядахъ на жизнь и на людей тѣхъ слабовольныхъ уступокъ, за которыми чувствуется нравственная небрезгливость. Дожившій до весьма преклоннаго возраста, «насытясь—по библейскому выраженію — днями», онъ не впалъ, однако, въ преждевременную старость, первыми печальными предшественниками которой являются довольство всѣмъ тѣмъ, что есть, безъ потребности въ томъ, безъ чего не для чего жить, и легкое примиреніе съ окружающею дѣйствительностью, какова бы она ни была. Вотъ почему его личность до конца его дней вызывала неподдѣльное къ себѣ уваженіе даже и со стороны людей, далеко не во всемъ съ нимъ согласныхъ. До послѣдняго своего дыханія это былъ человѣкъ живой, а не eine beurlaubte Leiche,—уволенный въ отпускъ трупъ,— какъ называлъ Бисмаркъ пережившихъ себя стариковъ.

Теперь, послѣ кратковременнаго, но тяжкаго недуга, его отслуживший свои долгіе годы прахъ нашелъ вѣчный покой на любимомъ имъ Васильевскомъ Островѣ, въ красивомъ и стильномъ придѣлѣ церки «Утоли моя печали», при входѣ на Смоленское кладбище. Другія могилы не окружаютъ его, «какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ». Свѣтъ вливается черезъ широкое окно въ тихую и уютную церковь, — и надъ историкомъ *среднихъ вѣковъ* стройно поднимается *готическій* сводъ. Такъ было и при жизни Михаила Матвѣевича... И ему приходилось нерѣдко стоять почти одиноко на своемъ трудномъ посту,—и онъ всѣми силами пользовался возможностью дать проникнуть въ народъ свѣту образованія—и его можно назвать «ключемъ свода», смыкавшимъ и объединявшимъ окружающихъ. По понедѣльникамъ (а съ девяностыхъ годовъ по субботамъ) къ трапезѣ собирался, подъ предсѣдательствомъ гостепріимной хозяйки, небольшой и довольно замкнутый кружокъ людей, связанныхъ съ редакторомъ «Вѣстника Европы» не только сотрудничествомъ большинства изъ нихъ, но и личными дружескими отношеніями. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Кавелинъ назвалъ хозяина и застольныхъ собесѣдниковъ въ

шутку «*Артуромъ и рыцарями круглаго стола*». Это шутливое прозвище повторялось, затѣмъ, не разъ, и его стану я употреблять для обозначенія группы друзей М. М. Стасюлевича, собиравшихся долгіе, долгіе годы обмѣняться мыслями, а иногда и горячо поспорить... Сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ! И какъ живо воспоминаніе о нихъ, — какъ хочется, думая о нихъ, повторить могильную надпись, видѣнную мною въ Швейцаріи: «nicht verloren nur vorangegangen»...

Долгіе годы центральными фигурами между рыцарями «круглаго стола» были *Кавелинъ*, *Гончаровъ* и значительно пережившій ихъ *Спасовичъ*. По темпераменту своему, манерамъ и рѣчи первые двое были совершенной противоположностью одинъ другому.—Гончаровъ, спокойный и уравновѣшенный, съ нѣсколько флегматическимъ видомъ, напоминалъ собою мудреца, давно познавшаго жизнь и усталымъ взоромъ слѣдящаго со стороны за ея шумнымъ и подчасъ бурнымъ потокомъ. Не возвышая голоса и не волнуясь, велъ онъ бесѣду, отчетливо рисуя въ художественныхъ образахъ то и тѣхъ, о чемъ и о комъ онъ говорилъ. Облокотившись на столъ и поднявъ сложенныя вмѣстѣ красивыя кисти рукъ, онъ увлекательно передавалъ не нашедшія себѣ мѣста въ печати воспоминанія о своихъ странствіяхъ или излагалъ свои взгляды на искусство и на разнородныхъ его представителей. Благосклонное отношеніе къ большинству встрѣченныхъ на жизненномъ пути людей и, быть можетъ, нѣсколько презрительное снисхожденіе къ недостаткамъ и слабостямъ ихъ ярко выступали въ его бесѣдѣ, полной утонченной вѣжливости и любезности.

Авторъ «Задачъ этики» и «Задачъ психологіи», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», сослуживецъ по петербургскому университету и другъ М. М. Стасюлевича, *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ*, несмотря на свой уже почтенный возрастъ, весь горѣлъ и пламенѣлъ огнемъ живого, воспріимчиваго и отзывчиваго ума и уже никакъ не могъ казаться постороннимъ наблюдателемъ жизни. Онъ осуществлялъ завѣтъ Гёте, погружая свою пытливую мысль въ самую суть русской общественной и духовной жизни и, подобно Тютчеву, страстно вѣровалъ въ русскій народъ, въ его

скрытыя, но неисчерпаемыя силы, въ его съ трудомъ достижимое, но великое будущее. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. «Да, я оптимистъ,—говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ,—я вѣрю, что какія бы уродливыя и болѣзненныя явленія ни представляло русское общество—простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатыя духовныя силы и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію». Онъ не отрицалъ темныхъ и грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія,—но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. «Эти недостатки—недостатки молодости, неперебродившаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плѣсень», говаривалъ онъ... «Сердцевина здорова, и ея живительные соки залѣчатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учрежденій и не заключая его въ бюрократическіе тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить—безъ этого жить нельзя!» «Западникъ» по вкусамъ, пріемамъ и уваженію къ разумнымъ условіямъ свободнаго развитія личности, онъ въ душѣ сходился съ славянофилами старой школы въ ихъ горделивой и въ то же время нѣжной любви къ русскому человѣку. За желаніе помочь этому человѣку въ его тяжеломъ нравственномъ или экономическомъ положеніи онъ готовъ былъ простить и невѣрные политическіе шаги и даже нарушеніе нѣкоторыхъ изъ основныхъ догматовъ европейской культуры. Это особенно рѣзко сказывалось въ его радужныхъ мечтаніяхъ о ближайшемъ будущемъ въ судьбахъ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ и въ спорахъ, которые возникали по этому поводу. Быть свидѣтелемъ его споровъ вообще было очень пріятно. Предъ зрителемъ и слушателемъ былъ высоко образованный человѣкъ съ глубокимъ знаніемъ русской жизни и ея исторіи, живой представитель самаго блестящаго времени московскаго университета, съ яркимъ и образнымъ словомъ и съ уваженіемъ къ мнѣнію своего противника, котораго онъ никогда не старался, да по изяществу своей натуры вѣроятно и не умѣлъ, ни оскорбить, ни уязвить. И въ то же время это не былъ обычный русскій интел-

лигентный любитель спора для спора, одинъ изъ тѣхъ безплод
ныхъ гимнастовъ ума, которыми такъ богата наша безплодная
жизнь. Все, что онъ говорилъ, дышало глубокой искренностью
и восторженною любовью къ правдѣ, какъ онъ ее понималъ. Лицо
его одушевлялось, прекрасные глаза горѣли, и въ голосѣ слыша-
лись задушевныя ноты. Лишь изрѣдка приходилъ онъ въ раз-
драженіе, когда кто-либо пытался найти извиняющія или смяг-
чающія соображенія по отношенію къ явленію, которое претило
его чуткой совѣсти. Тогда онъ внезапно краснѣлъ, вспыхивалъ
какъ порохъ, начиналъ волноваться и рѣзко сказавъ: «извините,
извините меня!» давалъ жгучую характеристику человѣка или
поступка, которую потомъ было трудно забыть. Онъ былъ страст-
ный поклонникъ Петра Великаго и говорилъ о немъ съ радостнымъ
умиленіемъ. Поэтому, когда споръ начиналъ волновать его чрез-
мѣрно и графинъ наливаемой имъ себѣ воды слишкомъ сильно
начиналъ дрожать въ его рукѣ, достаточно было напомнить ему
какое-либо изреченіе «вѣчнаго работника на тронѣ», или, под-
ражая Петровскому языку, сказать: «а, вѣдь, Петръ по этому
поводу вотъ что написалъ бы», чтобы лицо Кавелина прояснилось.
Примирительно улыбнувшись, онъ, если цитата была подлинная,
обыкновенно радостно восклицалъ: «А?! Каковъ мой Петруханъ?!»
«Какъ я вамъ благодаренъ—писалъ онъ мнѣ 21 апрѣля 1884 года—
за рѣдкій портретъ Piter'a. На-дняхъ вставлю его въ рамку и
буду передъ нимъ идолопоклонствовать, какъ передъ великo-
русскимъ полубогомъ. Не можетъ загибнуть страна, выставив-
шая такого генія, непохожаго ни на какого другого!»—«Когда
на меня тяжело дѣйствуетъ какое-нибудь безотрадное явле-
ніе въ русской жизни, когда на сердцѣ становится горько и
грозитъ уныніе,—писалъ онъ въ другой разъ,—я вспоминаю Петра
и ободряюсь, или читаю о Христѣ—и мнѣ становится легче и
спокойствіе сходитъ въ мою душу»...

Были, впрочемъ, люди, относительно которыхъ онъ былъ
безусловно нетерпимъ, и ничто не смягчало его ожесточеннаго—
не за себя, а за родину—сердца. Такимъ былъ—между немногими
впрочемъ — бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ.
Кавелинъ никакъ не могъ простить ему той его дѣятельности по

крестьянскому вопросу, которая въ силу ложной системы, тормозила широкое и цѣлесообразное осуществленіе реформы 19 февраля 1861 года, въ основу которой было положено освобожденіе крестьянъ съ землей, проповѣдь о чемъ Кавелина, какъ извѣстно, стоила ему положенія преподавателя при Наслѣдникѣ престола. Его раздраженіе на Валуева проявлялось иногда даже въ довольно комическихъ выходкахъ. Печальная исторія съ башкирскими землями, раскрытая сенаторской ревизіей 1880 года, вынудила Валуева оставить постъ предсѣдателя Комитета Министровъ и создала вокругъ него атмосферу офиціальной отчужденности, хотя лично онъ въ этой вакханаліи расхищенія никакого участія не принималъ. Стѣсненный въ средствахъ, извѣдавшій превратности судьбы, одинокій и забытый тѣми, кто еще недавно предъ нимъ пресмыкался,—разочарованный въ томъ, чему онъ служилъ, будущій посмертный сотрудникъ «Вѣстника Европы» жилъ въ скромной квартирѣ на одной лѣстницѣ со Стасюлевичемъ и иногда днемъ заходилъ побесѣдовать съ редакторомъ журнала, къ которому въ свое властное время относился недоброжелательно. Обыкновенно, послѣ обычнаго обѣда, Кавелинъ, въ благодушномъ настроеніи, усаживался въ дамскомъ уголкѣ обширнаго *не* редакціоннаго кабинета раскладывать свой любимый пасьянсъ. Однажды, когда онъ углубился въ это занятіе, разсѣянно отвѣчая на вопросы супруги М. М. Стасюлевича, она сказала ему: «а знаете ли, Константинъ Дмитріевичъ, кто сидѣлъ на этомъ креслѣ сегодня предъ вами? Вы никакъ не отгадаете!»—«А кто?» добродушно спросилъ Кавелинъ, не отрывая глазъ отъ картъ.—«Валуевъ!»—«Не можетъ быть?!»—«Увѣряю васъ. Онъ былъ у насъ съ визитомъ». Кавелинъ густо покраснѣлъ, нервнымъ жестомъ смѣшалъ карты и, быстро пересѣвъ на другое кресло, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «вы должны были меня объ этомъ предупредить: я даже и кресла не желаю раздѣлять съ этимъ господиномъ». Но тѣхъ, кого Кавелинъ любилъ и тоже не за личное къ себѣ отношеніе, а за ту общественную пользу, которую они, по его мнѣнію, приносили,—тѣхъ онъ любилъ горячо. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Некрасовъ, къ которому Константинъ Дмитріевичъ относился съ боль-

шой симпатіей «за каплю крови, общую съ народомъ». Мучительная болѣзнь и смерть поэта глубоко его огорчили, и я помню, какъ въ день похоронъ Некрасова онъ цѣлый вечеръ растроганно и со слезами въ голосѣ читалъ у Стасюлевича «Тишину» и «Несчастныхъ». Смерть Кавелина причинила большую скорбь и невознаградимый пробѣлъ кружку «круглаго стола». Мы всѣ какъ бы осиротѣли и лишились близкаго, родного человѣка.

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ—товарищъ М. М. Стасюлевича по петербургскому университету, вышедшій вмѣстѣ съ нимъ въ отставку послѣ столкновенія профессоровъ съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Путятинымъ—былъ свидѣтелемъ зарожденія «Вѣстника Европы» и немногимъ не дожилъ до кончины журнала подъ старой редакціей. Онъ состарѣлся за «круглымъ столомъ». Живой, подвижный, энергичный, съ полными жизни глазами, порывистыми движеніями и мѣткимъ, образнымъ, выпуклымъ въ своей неправильности и интонаціи русскимъ словомъ—сѣлъ онъ за этотъ столъ. Посѣдѣвшимъ, усталымъ, больнымъ, дремотнымъ, съ потускнѣвшимъ взоромъ и меланхолическими нотами рѣчи, появился онъ за нимъ въ послѣдній свой пріѣздъ изъ Варшавы, года четыре назадъ... Между романтикомъ-идеалистомъ Кавелинымъ и художникомъ-реалистомъ Гончаровымъ онъ представлялъ собою типъ практическаго бойца, умѣвшаго съ одинаковымъ искусствомъ и блескомъ строить синтезъ самыхъ разнородныхъ явленій жизни и вторгаться въ нее съ тонкимъ и острымъ оружіемъ анализа. Вдумчивый литературный критикъ съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній не только изъ области humaniora, но и изъ области естествознанія, и со строгимъ научнымъ методомъ—глубоко образованный юристъ и несравненный по своеобразной силѣ и оригинальности дарованія адвокатъ—онъ шелъ всегда и во всемъ самостоятельнымъ путемъ, имѣя смѣлость и гордость не подчиняться никакимъ исключительнымъ, заранѣе предустановленнымъ взглядамъ. Онъ не только могъ сказать: «mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre», но имѣлъ основаніе съ полнымъ правомъ измѣнить эту фразу въ «mon verre est grand et je bois dans mon verre». Оттого и бесѣда его, всегда чрезвычайно одушевленная, была очень

поучительна и привлекательна. Задѣтый за живое какимъ-либо мнѣніемъ, онъ въ жару спора—въ безсознательномъ воспоминаніи о своей адвокатской трибунѣ или ученой кафедрѣ, которую былъ вынужденъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оставить безвременно и съ большимъ ущербомъ для науки—быстро вставалъ и, поставивъ передъ собою стулъ, сильно жестикулируя, горячо защищалъ свой взглядъ. Въ этомъ взглядѣ, какъ и въ его извѣстномъ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу незадолго до смерти, сказывался строгій государственникъ, крѣпко держащійся за систему органическаго развитія общественно-политическихъ формъ. Въ своихъ спорахъ, такъ же, какъ и въ судебныхъ рѣчахъ онъ поражалъ богатымъ историко-бытовымъ анализомъ выдающихся явленій жизни и, не отрицая неизбѣжности постепенной демократизаціи общества, иронически относился къ взглядамъ, построеннымъ не на любви къ задачамъ, указаннымъ историческимъ прошлымъ, а на радикальномъ разрывѣ съ прошлымъ и съ настоящимъ въ утопической надеждѣ на золотой вѣкъ будущаго. Недаромъ въ 1871 году въ своей знаменитой рѣчи по Нечаевскому процессу,—за которую Катковъ наклеилъ на него несправедливый, но эффектный ярлыкъ *чужого*—противопоставлялъ онъ польскаго юношу, «предъ глазами котораго возникаетъ въ пурпурѣ и златѣ и въ дивномъ величіи богатое прошлое, отъ котораго до сихъ поръ бьется сердце у современниковъ и въ которое этотъ юноша бросается, чтобы осуществить свои демократическія мечтанія», юношѣ русскому,—«размашистый радикализмъ котораго происходитъ отъ отсутствія культуры, оттого, что прошлое его весьма небогато, а настоящее сухо, бѣдно, голо, какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться, не на что опереться». Спасовичъ, считая себя полякомъ, не скрывалъ своихъ симпатій и прямодушно заявлялъ объ этомъ при всякомъ подходящемъ случаѣ, не прячась за псевдонимы и не говоря уклончивымъ «эзоповскимъ» языкомъ. Не раздѣляя, конечно, систему и пріемы нашего управленія въ Польшѣ и рѣзко, зачастую, съ убѣдительными данными въ рукахъ, критикуя ихъ, онъ не только никогда не обнаруживалъ враждебнаго отношенія къ русскимъ людямъ, но искренно

и съ сердечной теплотой привѣтствовалъ все выдающееся въ культурномъ смыслѣ среди русскихъ людей и русской жизни. На моей памяти лишь однажды онъ, въ тѣсномъ собраніи Шекспировскаго кружка, отнесся съ суровымъ осужденіемъ къ Петру Великому, противопоставляя ему Марка-Аврелія, и превознесъ Мицкевича надъ Пушкинымъ, но и тутъ, уступая моимъ возраженіямъ, значительно смягчилъ свои отзывы въ статьѣ, появившейся на страницахъ «Вѣстника Европы». Онъ стремился къ реальному примиренію поляковъ съ русскими на почвѣ взаимной справедливости и широкой терпимости и спокойно, съ сознаніемъ исполненнаго нравственнаго долга, несъ нелегкій крестъ недовѣрія *съ обѣихъ сторонъ*. Его настойчивымъ хлопотамъ мы были обязаны тѣмъ, что польская колонія въ Петербургѣ чествовала 23 мая 1899 года столѣтній юбилей Пушкина торжественнымъ обѣдомъ съ участіемъ приглашенныхъ русскихъ людей изъ міра литературы, науки и общественной дѣятельности. Конечно, Спасовичъ привлекъ къ участію въ этомъ чествованіи и весь наличный кружокъ собесѣдниковъ по круглому столу и съ теплой благодарностью посѣтилъ на другой день меня, который выразилъ, по его мнѣнію, его задушевныя мечты, сказавъ на обѣдѣ: «въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи Мицкевичъ изображаетъ себя и Пушкина въ видѣ двухъ юношей, укрытыхъ подъ однимъ плащемъ и соединенныхъ сердцами, уподобляя ихъ двумъ скаламъ, склоненнымъ вершинами другъ къ другу, между тѣмъ какъ внизу — ихъ навѣки раздѣлилъ широкій и глубокій потокъ. Было время, когда казалось, что оно такъ и есть, но послѣдовательныя торжества въ честь двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ доказываютъ, что снѣгъ вершинъ, подобно альпійскимъ ледникамъ, спускается внизъ, и не только отдѣльные люди, но и цѣлые слои населенія охватываются имъ на почвѣ просвѣщенія и безпристрастной взаимной оцѣнки. Пускай же идетъ впередъ это мирное сближеніе, и пусть къ двухсотлѣтней годовщинѣ рожденія Пушкина станетъ яснымъ, что въ великолѣпной картинѣ польскаго поэта одно было ошибочно: потокъ высохъ и обѣ скалы соединились, сохранивъ всѣ свойства своей природы, но связанныя прочнымъ кварцемъ

взаимнаго уваженія и золотой рудой любви къ ближнему!»

Будучи добрымъ человѣкомъ, онъ умѣлъ осуществлять дѣятельную любовь къ людямъ, приходя на помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ, не разбирая національности. Такъ, щедро помогъ онъ, напримѣръ, оригинальному русскому мыслителю Стронину. Всѣ дары своихъ знаній, энергическаго труда и способностей—расточалъ онъ широкою рукою среди русскаго общества на русскомъ языкѣ. Основатель юридическаго общества и Шекспировскаго кружка, онъ вливалъ въ нихъ жизнь своими докладами, заботою и настойчивостью. Онъ былъ, наконецъ, въ застольныхъ бесѣдахъ яркимъ лѣтописцемъ и безбоязненнымъ, чуждымъ страха передъ тѣмъ, «что скажутъ», остроумнымъ критикомъ каждаго явленія современности—въ области правовъ, политики, права, религіи и самыхъ разнообразныхъ видовъ искусства. Въ этомъ отношеніи его споры съ Кавелинымъ, который въ шутку называлъ его «ярымъ консерваторомъ», бывали очень интересны. Спасовичъ очень дорожилъ обмѣномъ мыслей за «круглымъ столомъ». Говоря о своихъ отношеніяхъ къ Кавелину въ одномъ изъ предисловій къ сочиненіямъ послѣдняго, онъ пишетъ: «въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ мы сходились съ нимъ во всѣ времена года, кромѣ лѣтняго, на еженедѣльныхъ редакторскихъ обѣдахъ «Вѣстника Европы», въ которыхъ участвовали Пыпинъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Арцимовичъ, Кони и Арсеньевъ;—въ нашей общей съ Кавелинымъ умственной жизни мы многимъ обязаны общенію, которое происходило въ этомъ маленькомъ дружескомъ кружкѣ»...

Былъ, однако, въ 1884 году короткій промежутокъ, когда Спасовичъ не появлялся на своемъ обычномъ мѣстѣ за «круглымъ столомъ»—и это очень чувствовалось всѣми. Причиною этого необычнаго явленія было *судебное состязаніе* съ... М. М. Стасюлевичемъ!—Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ «для доставленія—какъ значилось въ § 1 его устава—жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время года свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго *гидротехническаго* устройства». Такимъ устройствомъ являлся фильтръ для просачиванія невской воды, давно

уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ такъ называемомъ «Ковшѣ» около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ Дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшого фильтра въ 1863 году, оказавшагося при томъ неудачнымъ для пропуска воды, вслѣдствіе своего замерзанія, — и устройствомъ затѣмъ цистернъ для пропѣживанія воды, — оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ цѣляхъ гигіеническихъ и не для *пропуска* и *процѣживанія* невской воды съ вредными примѣсями, а для ея *просачиванія* и *очищенія*. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, Дума рѣшилась, вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него спеціальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, наросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности Думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникать искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія. Такой взглядъ имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ Думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны Общества. Къ нему присоединился, какъ юрисконсультъ общества, Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно, однако, затронутымъ именно въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, у Стасюлевича рядомъ съ Потѣхинымъ неожиданно выросъ чрезвычайно опытный и очень сильный противникъ. Онъ вынужденъ былъ призвать себѣ на помощь К. К. Арсеньева—

и «грянулъ бой!»—Проигравъ дѣло въ Окружномъ Судѣ,—Общество перенесло споръ въ Судебную Палату, гдѣ оно поступило осенью 1884 года въ тотъ ея департаментъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ я. Благодаря этому обстоятельству кругъ собесѣдниковъ «круглаго стола» нѣсколько сократился: я былъ крайне занятъ изученіемъ этого сложнаго дѣла, Спасовичъ затруднялся бывать у человѣка, противъ котораго собирался энергически выступать. Засѣданіе Палаты при переполненной залѣ заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою подробнѣйшій разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ;—Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общественнаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ Палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ «qu'il y a des juges à Berlin».—Судебная Палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ... Черезъ полтора года Кассаціоннымъ Сенатомъ, послѣ двухдневнаго засѣданія, жалоба общества вопроводовъ на это рѣшеніе была оставлена безъ послѣдствій. Узнавъ объ этомъ и зная, что докладчикъ по этому дѣлу въ Палатѣ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ за свои строго-судейскія свойства, покойный А. В. Гуляевъ очень интересовался судьбою своей кропотливой, трудной и обширной работы,—я, уже не предсѣдатель, написалъ ему сочувственное письмо: «очень благодаренъ Вамъ—отвѣчалъ онъ мнѣ 22 марта 1886 года — за память обо мнѣ по поводу рѣшенія Сенатомъ дѣла о С.-Петербургскихъ водопроводахъ. Мнѣ, впрочемъ, думается, что если бы въ этомъ дѣлѣ не заключался громаднѣйшій общественный интересъ

столицы и оно не находилось бы въ рукахъ столь блестящихъ защитниковъ, какъ г. г. Арсеньевъ и Стасюлевичъ, то въ какую опредѣленную юридическую форму ни было бы облечено рѣшеніе Палаты, оно могло бы рухнуть, и по множеству сложныхъ вопросовъ, предстоявшихъ къ разрѣшенію Сената вслѣдствіе кассаціонной жалобы Общества водопроводовъ, и по разнообразію взглядовъ, которые нерѣдко появляются у судей при обсужденіи такихъ вопросовъ. Но я въ особенности радъ за г. Стасюлевича, которому не могу не отдать высокой чести за поднятіе этого дѣла и за тѣ стойкость и энергію, съ которыми онъ велъ его до послѣдней минуты въ теченіе столь продолжительной битвы съ обществомъ водопроводовъ. Побѣда, увѣнчавшая труды и усилія успѣхомъ въ столь жизненномъ дѣлѣ для столичнаго городского общества, должна составлять для него истинное душевное удовольствіе, лучшую награду за исполненный долгъ». Окончательное рѣшеніе многолѣтняго спора въ пользу города вызвало единодушное одобреніе серьезной печати и восторженную овацію Стасюлевичу въ Думѣ. Черезъ три года онъ пожалъ и плоды своей побѣды въ пользу города. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ необычномъ для него лирическомъ тонѣ 18-го іюля 1889 года въ Гисбахъ: «Вчера въ первый разъ городскія трубы увидѣли фильтрованную воду. Какое было великолѣпное зрѣлище, когда открыли два колоссальныхъ крана, и первая фильтрованная вода ринулась двумя каскадами въ главный бассейнъ, ударилась въ постаменты гранитныхъ колоннъ и серебромъ разсыпались по цементному полу, а потомъ побѣжала змѣйками между колоннъ! Этой картины я не промѣняю на вашъ настоящій водопадъ Гисбахъ. Самое же дѣло совершилось совсѣмъ въ моемъ вкусѣ: не только не было никакого торжества или фестиваля, но насъ, свидѣтелей появленія въ массѣ первой фильтрованной воды, было всего трое: два техника, Алтуховъ и Ермолинъ, изображали собою общество, а я былъ одинъ со стороны города. Мы молча пожали другъ другу руки, и я поздравилъ ихъ, какъ строителей. Тѣмъ и окончилось все торжество, а вечеромъ я снова заѣхалъ полюбоваться новорожденнымъ, который, оказалось, велъ себя такъ, какъ

будто онъ работалъ много лѣтъ. Вода, несмотря на кратковремен
ность обмывки фильтра, была совершенно прозрачна, и я, наполнивъ стеклянную бутылку новою водою, свезъ ее въ Управу и самъ поставилъ на столъ присутствія съ надписью на ярлыкѣ: «Вмѣсто доклада объ открытіи дѣйствія центральнаго фильтра». Сегодня управа, вѣроятно, не мало посмѣялась надъ такимъ оригинальнымъ докладомъ».—Водопроводная размолвка не могла, однако, продолжаться долго. Чрезъ мѣсяцъ послѣ рѣшенія Палаты, въ дверяхъ кабинета Стасюлевича неожиданно появился Спасовичъ—и, протянувъ ему обѣ руки, произнесъ растроганнымъ голосомъ: «Михаилъ Матвѣевичъ!!» Этимъ все было сказано... Въ ближайшій понедѣльникъ, остановившись на порогѣ столовой, онъ обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ: «Можетъ ли побѣжденный сѣсть съ побѣдителями?»—«Здѣсь нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, а только старые друзья»,—отвѣчала та,—и давнія отношенія возобновились съ еще большею прочностью. Такъ—говорятъ—разбитая и склеенная скрипка звучитъ еще лучше...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ постояннымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы» сдѣлался *Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ*. Здѣсь, повидимому, закончилось то «скитаніе мыслей», которое заставляло его, не отказываясь отъ чистыхъ и благородныхъ убѣжденій, измѣнять, однако, свои взгляды и вкусы, оставаясь, впрочемъ, вѣрнымъ личнымъ симпатіямъ, невзирая на лагерь, въ которомъ онѣ были пріобрѣтены и отъ котораго онъ самъ отрясъ прахъ ногъ своихъ. Какъ всѣ богато одаренные люди, Соловьевъ не укладывался сразу и навсегда въ опредѣленныя рамки: способность быстро становиться законченнымъ цѣлымъ есть въ сущности удѣлъ заурядныхъ натуръ. Многочисленными статьями въ «Вѣстникѣ Европы», перечислять которыя нѣтъ надобности, знаменовалась нравственно-политическая эволюція Владиміра Сергѣевича, и онъ сразу сталъ въ этомъ журналѣ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сотрудниковъ, а въ средѣ послѣднихъ любимымъ товарищемъ и тѣмъ, что М. М. Стасюлевичъ въ письмѣ ко мнѣ по поводу его смерти назвалъ «сотрудникомъ жизни». И дѣйствительно, онъ былъ настоящимъ сотрудникомъ жизни, т.-е. человѣкомъ, общеніе съ которымъ украшало

и облегчало существованіе, стирая съ него краски житейской прозы и вознося мысль и чувства въ область вѣковѣчныхъ во просовъ. Непреклонная и ничѣмъ не смущаемая вѣра въ окон чательное торжество добра и правды постоянно одушевляла Соловьева. У насъ любятъ употреблять выраженіе: «будить мысль» но разбудить ее, не указавъ ей путей и цѣлей, идеаловъ и прин циповъ—значитъ обречь ее на безплодное и часто мучительное исканіе. Это глубоко понималъ Соловьевъ, говорившій, что все лучшее въ непосредственной практической жизни имѣетъ цѣну лишь тогда, когда за нимъ таится безусловное содержаніе, а надъ нимъ стоитъ безусловная цѣль. Поэтому во всѣхъ своихъ фило софскихъ и религіозныхъ сочиненіяхъ и въ особенности въ сво емъ великолѣпномъ «Оправданіи добра» онъ не только задушев нымъ словомъ, горячею убѣжденностью и поэтическими образами будилъ мысль читателя, но и настойчиво направлялъ ее. Онъ на ходилъ, что убѣжденія и воззрѣнія высшаго порядка должны разрѣшать въ жизни существенные вопросы ума объ истинномъ смыслѣ всего существующаго, о значеніи и разумѣ явленій,— и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять и высшимъ требованіямъ воли ставя для нея безусловную цѣль и опредѣляя высшую норму ея дѣятельности. Таковъ же онъ былъ и въ серьезныхъ бесѣдахъ невольно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неотразимо заставляя собесѣдни ковъ имѣть «sursum corda!» и хоть на время освобождаться отъ тины и грязи житейскаго болота и забывать о нихъ. Я говорю о *серьезныхъ* бесѣдахъ, такъ какъ на ряду съ ними Соловьевъ былъ очень склоненъ къ шуткамъ. Я не подмѣчалъ въ немъ злой ироніи,—онъ оставлялъ ее, слѣдуя совѣту Некрасова, «отжив шимъ и неживши мъ»,—но рѣчь его блистала и пестрѣла тонкимъ юморомъ, оригинальными сравненіями, неожиданной игрой словъ. Въ ту область, куда легко и удобно можетъ вторгнуться педан тическая отвлеченность и самодовольная неудобопонимаемость, однимъ словомъ, въ область, про которую Вольтеръ сказалъ: «quand celui qui écoute ne comprend pas et celui qui parle ne se comprend plus—c'est de la metaphysique»—Соловьевъ вносилъ не только ясность и простоту, результатъ глубокаго убѣжденія, но и освѣжающія свойства шутки и бодрящаго смѣха. Онъ самъ

любилъ смѣхъ и предавался ему какъ ребенокъ, захлебываясь и радостно взвизгивая.

И личная жизнь и наружность его были въ высшей степени своеобразны. Надъ худымъ и, казалось, хрупкимъ тѣломъ его, одѣтымъ бѣдно, скудно и часто не по сезону, выступала производившая неотразимое впечатлѣніе голова, съ густыми прядями сѣдѣющихъ волосъ надъ высокимъ благороднымъ лбомъ и удивительно красивыми темно-голубыми глазами, въ которыхъ отражались и глубина его души и постоянная работа пытливой мысли. Нижняя часть лица его не имѣла одухотвореннаго вида, свойственнаго верхней, но она была скрыта подъ густыми усами и бородой. Онъ велъ жизнь, лишенную всякихъ, даже самыхъ скромныхъ, удобствъ и какой-либо матеріальной обезпеченности. Физически слабый, впечатлительный и болѣзненно-воспріимчивый, не имѣя «ни кола, ни двора», онъ вынужденъ бывалъ грѣться, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, у чужого очага, часто нуждаясь въ самомъ необходимомъ вслѣдствіе своей безграничной доброты, довѣрчивости и отношенію къ окружающей жизни съ той голубиной кротостью, при которой его не могла бы оградить даже и змѣиная мудрость. Въ послѣдніе годы онъ усиленно работалъ, не имѣя необходимаго спокойствія и отдыха при полномъ отсутствіи разумной заботы о своемъ здоровьѣ, растрачивая свои слабыя силы, не думая о завтрашнемъ днѣ и не щадя себя. Яркій и согрѣвающій свѣтъ своего ума онъ искупалъ безпощаднымъ принесеніемъ себя въ жертву. Но все-таки никто не ожидалъ, что онъ погаснетъ такъ скоро, такъ преждевременно, какъ разъ передъ наступленіемъ той годины, когда его вліятельный и вѣщій голосъ могъ бы зазвучать съ особой силой и пользой, «какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой—во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ». До самой своей смерти, въ дружескихъ бесѣдахъ за «круглымъ столомъ» онъ умѣлъ съ особой живостью отзываться на всѣ возникавшіе общественные вопросы, иногда въ необычной формѣ. Въ концѣ девяностыхъ годовъ при министерствѣ юстиціи была Высочайше учреждена комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева. Въ ней, между про-

чимъ, безъ всякой видимой необходимости, былъ возбужден принципіальный вопросъ о самомъ существованіи суда присяж ныхъ, и на гостепріимно открытыхъ страницахъ Журнала Ми нистерства Юстиціи появились статьи противъ этой формы суда и о желательности замѣны присяжныхъ коронными судьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ разныхъ другихъ органахъ печати начал ся походъ противъ присяжныхъ, при чемъ объявились добро вольцы, замѣнившіе старую кличку, данную присяжнымъ еще Катковымъ, «судъ улицы», болѣе выразительной и рѣзкой «стадо барановъ». Все это не могло не служить предметомъ грустнаго обмѣна мыслей за «круглымъ столомъ». Однажды, во время раз говора объ этомъ напрасномъ и легкомысленномъ колебаніи во шедшаго въ народное сознаніе судебнаго института, Соловьевъ что-то писалъ на клочкѣ бумаги и затѣмъ со смѣхомъ передалъ этотъ клочекъ мнѣ. На немъ стояло:

«Вы—«стадо барановъ»—печально!
«Но вотъ что гораздо больнѣй:
«На «стадо барановъ» нахально
«Набросилось стадо с . . . . .»

Какъ живой стоитъ онъ предо мною въ день открытія въ Мра морномъ дворцѣ такъ-называемой Пушкинской Академіи, т. е. Разряда изящной словесности, образованнаго при Академіи На укъ въ память великаго поэта. Будучи избранъ однимъ изъ де вяти первыхъ почетныхъ академиковъ, онъ произвелъ весьма своеобразное впечатлѣніе въ своемъ старомъ, повидимому, взятомъ на подержаніе фракѣ и манишкѣ, напоминавшей моды начала пятидесятыхъ годовъ, но тотчасъ же приковалъ къ себѣ общее вниманіе, заявивъ, что намѣренъ внести въ Разрядъ пред ложеніе о дѣятельныхъ шагахъ Академіи въ огражденіе свободы и правъ русской мысли въ области вѣры и науки. И въ слѣдую щемъ засѣданіи онъ сдѣлалъ обстоятельный по этому предмету докладъ, на основаніи котораго, уже послѣ его кончины, вслѣд ствіе подробнаго письменнаго предложенія К. К. Арсеньева, была образована подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссія, въ составъ которой вошли Арсеньевъ, Шахматовъ и Кондаковъ и труды которой,—къ сожалѣнію, безплодные непосредственно,—

влились, какъ маленькая рѣчка, въ цѣлое море матеріаловъ, ставшихъ въ 1905 году предметомъ обсужденія извѣстной комиссіи Кобеко для выработки устава о печати.

Таинственное и мистическое часто находило себѣ мѣсто въ трудахъ Соловьева и еще больше въ его разсказахъ. Достаточно вспомнить переводъ имъ книги Подмора о телепатіи и его предисловіе къ ней. Иногда, среди оживленнаго разговора о злобахъ дня, онъ вдругъ замолкалъ, вперялъ передъ собою во что-то невидимое неподвижный взоръ и становился глухъ ко всему окружающему. Его блѣдное лицо блѣднѣло еще болѣе, затѣмъ взоръ затуманивался, и онъ какъ бы выходилъ изъ-подъ власти какого-то видѣнія, доступнаго ему одному и приковавшаго къ себѣ его напряженное вниманіе. Вѣроятно, въ одну изъ такихъ минутъ онъ написалъ, за десять лѣтъ до русско-японской войны, свое горестно-зловѣщее стихотвореніе «Панмонголизмъ», предсказывая, въ пророческомъ предвидѣніи, своей родинѣ то время, когда будутъ «желтымъ дѣтямъ на забаву даны клочки ея знаменъ».

Однажды, зимою 1899 года, я нашелъ его за обѣдомъ у Стасюлевича въ особенно оживленномъ и веселомъ настроеніи. Послѣ обѣда онъ предложилъ подвезти меня ко мнѣ, на Невскій, такъ какъ ѣхалъ самъ на Пески. Передъ отъѣздомъ я разсказалъ ему въ «конспиративной комнатѣ» (такъ называлась въ квартирѣ Стасюлевича комната, куда удалялись поговорить наединѣ) слышанный мною наканунѣ довольно правдоподобный анекдотъ о комическомъ недоразумѣніи между свѣтской дамой, пріѣхавшей на богомолье въ бѣдный, но съ весьма строгимъ «житіемъ» братіи монастырь—и отцомъ экономомъ изъ крестьянъ, котораго она разспрашиваетъ о составѣ монастырской трапезы и о томъ, какой же у нихъ «дессертъ», и который понимаетъ это слово совершенно своеобразно и для слуха свѣтской дамы весьма неожиданно. Соловьевъ заливался смѣхомъ до слезъ, до боли и продолжалъ покатываться со смѣху и сѣвъ на извозчика, такъ что тотъ нѣсколько разъ оглядывался на него. Когда мы подъѣхали къ моей квартирѣ, онъ сказалъ мнѣ, что охотно зашелъ бы ко мнѣ и выпилъ бы стаканъ краснаго вина. Оставивъ его на

минуту, чтобы распорядиться о винѣ, я едва узналъ, вернувшись въ свой кабинетъ, въ поблѣднѣвшемъ человѣкѣ съ тревожнымъ и блуждающимъ взоромъ—недавняго радостнаго и шутливаго Соловьева. «Что съ вами, Владиміръ Сергѣевичъ? вы больны?» Онъ отрицательно покачалъ головой и закрылъ глаза рукой. Принесли вино, но онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ налитый стаканъ и, помолчавъ, вдругъ спросилъ меня, вѣрю ли я въ реальное существованіе дьявола, и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ: «а для меня это существованіе несомнѣнно: я его видѣлъ, какъ вижу васъ...—Когда и гдѣ?—Да здѣсь, сейчасъ, и прежде нѣсколько разъ... Онъ говорилъ со мною...—У васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, разстроены нервы:—это просто галлюцинаціи.—Повѣрьте, что я умѣю отличать обманъ чувствъ отъ дѣйствительности. Сейчасъ это было мимолетно, но нѣсколько времени назадъ я видѣлъ его совсѣмъ близко и говорилъ съ нимъ. Возвращаясь изъ Гангѣ на пароходѣ и вставъ рано утромъ, я сидѣлъ въ своей каютѣ на постели, медлительно, задумываясь по временамъ, одѣвался и вдругъ, почувствовавъ, что кто-то находится возлѣ меня, оглянулся. На смятыхъ подушкахъ, поджавъ ноги, сидѣло сѣрое лохматое существо и смотрѣло на меня желтыми *колючими* глазами. Я тотчасъ понялъ, *кто это*, и тоже сталъ смотрѣть на него въ упоръ. «А ты знаешь, сказалъ я ему, что Христосъ воскресъ?!» — «Христосъ-то воскресъ,—отвѣчалъ онъ,—но тебя-то я осѣдлаю!» и, вскочивъ мнѣ на спину, сжалъ мою шею и придавилъ меня къ полу. Задыхаясь въ его объятіяхъ и подъ нимъ, я сталъ творить заклинаніе Петра Могилы, и онъ сталъ слабѣть, становиться легче, наконецъ руки его разжались, и онъ свалился съ меня... Въ ужасномъ состояніи я выбѣжалъ на палубу и упалъ въ обморокъ... А теперь прощайте: поѣду на Пески». Но обычное суевѣріе было ему чуждо. Мнѣ вспоминается обѣдъ 13 мая 1900 года. Я нѣсколько опоздалъ и засталъ всѣхъ собравшихся, на этотъ разъ въ необычномъ числѣ, а также хозяевъ—въ нѣкоторомъ смущеніи. Оказалось, что престарѣлый поэтъ *Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ*, довольно рѣдкій гость въ Петербургѣ и стародавній сотрудникъ «Вѣстника Европы», пріѣхавшій обѣдать, ни за что не хотѣлъ остаться, такъ какъ за столъ должно

было сѣсть тринадцать. Наконецъ, его удалось уговорить и побѣдить тѣмъ, что былъ поставленъ четырнадцатый приборъ, и на него шутя положена послѣдняя книжка «Вѣстника Европы» въ качествѣ четырнадцатаго гостя. «Вамъ хорошо, господа, сказалъ, усаживаясь наконецъ, Жемчужниковъ: вы всѣ моложе меня, а мнѣ вѣдь скоро восемьдесятъ лѣтъ, и я все-таки люблю жизнь—и въ особенности природу—и не хочу умирать. Тутъ поневолѣ станешь суевѣренъ».—«Да вѣдь,—перебилъ его, весело смѣясь, Соловьевъ,—обыкновенно умираетъ самый младшій, а младшій-то здѣсь я, такъ что вы не безпокойтесь; если тринадцать такое роковое число, то я отбуду повинность за васъ». И дѣйствительно, черезъ два съ половиной мѣсяца онъ неожиданно для всѣхъ отбылъ эту повинность въ подмосковномъ имѣніи князя Трубецкого... Весною предшествующаго года одна талантливая петербургская художница писала въ своей мастерской его портретъ. Все время сеансовъ онъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, заливался своимъ дѣтскимъ смѣхомъ и говорилъ, что, вѣруя въ ученіе о сорокадневномъ пребываніи души умершаго на землѣ, думаетъ, что на это время она облекается формой не человѣка, а какого-либо другого живого существа, напримѣръ, птицы. «Я буду, конечно, филиномъ,—говорилъ онъ,—и стану своимъ видомъ и крикомъ пугать людей, а вамъ обѣщаюсь, если моя душа вселится въ птицу, прилетѣть объ этомъ сказать». Онъ отказался немедленно взять подаренный ему художницей оконченный портретъ, прося оставить его покуда въ мастерской. Въ дни, слѣдовавшіе за его кончиной, художница пріѣхала на нѣсколько времени съ дачи въ Петербургъ и, ночуя въ комнатѣ, сосѣдней съ мастерской, услышала въ послѣдней ночью какой-то странный шумъ, а когда поутру вошла туда, то увидѣла, что порывомъ вѣтра раскрыто итальянское окно, и передъ портретомъ Соловьева лежитъ, распростерши крылья, какая-то довольно крупная птица, влетѣвшая ночью и убившяся, ударившись съ разлета о раму портрета Соловьева.

Разойдясь съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и не имѣя возможности, по личнымъ отношеніямъ къ Некрасову, сойтись съ «Отечественными записками», *Тургеневъ* сдѣлался постояннымъ сотрудни-

комъ «Вѣстника Европы», на страницахъ котораго появились всѣ произведенія послѣдняго періода его литературной дѣятельности. Излишне перечислять ихъ: достаточно сказать, что все, написанное послѣ «Дыма», было напечатано въ журналѣ Стасюлевича. Въ противоположность Гончарову, Тургеневъ не исправлялъ въ корректурѣ то, что содержалось въ тщательно имъ самимъ переписанной красивымъ четкимъ почеркомъ рукописи, лишь иногда предостерегая редактора отъ напечатанія того или другого мѣста послѣдней. Такъ, я уже говорилъ, что онъ просилъ повременить печатаніемъ одного изъ своихъ «Стихотвореній въ прозѣ» подъ названіемъ «Порогъ», въ которомъ въ видѣ діалога между судьбой и молодой дѣвушкой была изображена готовность послѣдней смѣло переступить, во имя увлекающей ее идеи, роковой порогъ, за которымъ для нея прекращались не только личное счастье, но и самая жизнь. «Черезъ этотъ порогъ, — писалъ онъ редактору, вы можете споткнуться... особенно, если его пропустятъ, а потому лучше подождать». Мнѣ удалось прочитать еще въ корректурѣ «Пѣснь торжествующей любви», «Стихотворенія въ прозѣ» и «Клару Миличъ» и такъ сказать предвосхитить для себя то наслажденіе, которое ожидало читателей «Вѣстника Европы» отъ чтенія этихъ перловъ Тургеневскаго творчества, между которыми я лично ставлю выше всего по удивительному, точно высѣченному въ мраморѣ, языку «Пѣснь торжествующей любви».

Тургеневъ въ свои пріѣзды въ Петербургъ всегда былъ желаннымъ и дорогимъ гостемъ за «круглымъ столомъ», за которымъ дольше, чѣмъ въ обыкновенные дни, приходилось засиживаться, слушая неисчерпаемые въ своемъ разнообразіи и прекрасные по своей конструкціи разсказы великаго писателя. Я уже разсказалъ о нашей общей встрѣчѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Парижѣ и о бесѣдѣ съ Тургеневымъ, внезапно раскрывшей затаенную въ душѣ его рану. Въ 1883 году Иванъ Сергѣевичъ тяжко заболѣлъ. «Все утро провелъ я сегодня въ Буживалѣ у постели Тургенева,—писалъ мнѣ 1 іюля этого года Стасюлевичъ,—къ которой онъ несомнѣнно приковалъ надолго конечно, я нравственно удовлетворенъ, что успѣлъ все-таки уви

дѣть его послѣ всѣхъ тревожныхъ извѣстій, но только тяжко видѣть его распростертымъ, совсѣмъ безъ движенія;—онъ болѣе шепчетъ, чѣмъ говоритъ,—лицо желтое, исхудалое и такія же руки, а самъ—попрежнему—колоссъ! Сравненіе съ Прометеемъ напрашивается само собою, а роль коршуна выполняетъ подагра, которая, очевидно, пала на желудокъ; онъ не можетъ ничего съѣсть, чтобы не испытать жестокой боли, и каждый вечеръ надо дѣлать ему вспрыскиванія морфія, чтобы дать возможность заснуть. Онъ былъ очень тронутъ моимъ появленіемъ, но я не давалъ ему говорить, а самъ болталъ безъ умолку; завтра опять поѣду къ нему съ утра»...—«При моемъ нервномъ настроеніи—писалъ онъ мнѣ 19 августа того же года,—я съ ужасомъ помышляю о моментѣ моей встрѣчи съ гробомъ Ивана Сергѣевича въ Эйдкуненѣ, куда ѣду за нимъ послѣ завтра,—это будетъ невыносимо тяжело!»—

В.В. Стасовъ, снабдившій «Вѣстникъ Европы» рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи искусства въ Россіи и обширными, чрезвычайно оригинальными статьями о русско-индѣйскомъ эпосѣ,—появлялся за «круглымъ столомъ» изрѣдка и вовсе не производилъ, по крайней мѣрѣ на меня, впечатлѣнія сварливаго и неугомоннаго спорщика, какимъ его рисовали литературные противники, давая ему шутливыя прозвища. Я видѣлъ въ немъ всегда высоко и разносторонне образованнаго человѣка съ деликатностью чувства и добрыми порывами горячаго сердца. Его неугомонный до самой глубокой старости умъ работалъ непрерывно и приходилъ къ самостоятельнымъ выводамъ, которыми Стасовъ не хотѣлъ и не умѣлъ поступаться изъ желанія не огорчить или быть пріятнымъ. Inde iгae! Подъ его наружностью патріарха билось юношески-отзывчивое сердце, чуткое ко всему даровитому и самобытному. Увлекающійся и подчасъ односторонній, онъ не умѣлъ скрывать своихъ мнѣній, а мнѣнія эти постоянно были чужды уклончивой неопредѣленности. Это всегда былъ или восторгъ или порицаніе, выраженное весьма неприкрашеннымъ языкомъ. Я сохранилъ о немъ доброе воспоминаніе и скорблю, что при жизни онъ не былъ, повидимому, достаточно оцѣненъ. Во всякомъ случаѣ, если въ дѣлѣ развитія русскаго

искусства нѣкоторые и пробовали умалять значеніе его заслуг
въ смыслѣ побѣдъ надъ застоемъ и рутиной, то едва ли кто-ни
будь рѣшится утверждать, что онъ не былъ несомнѣнно—упо
требляя выраженіе Бэкона—«трубой, зовущей на бой», а эт
такъ необходимо при нашемъ національномъ и общественном
квіетизмѣ.

У Стасова съ Тургеневымъ бывали частые литературные споры
очень характерные для нихъ обоихъ. Я не присутствовалъ пр
томъ изъ этихъ споровъ, на который любилъ ссылаться Турге
невъ, разсказывая, что однажды, когда въ спорѣ о великом
поэтѣ съ шумливымъ и горячимъ Стасовымъ, относившимся одн
время къ Пушкину отрицательно, онъ, истощивъ всѣ аргументы
наконецъ, замолчалъ, видя безплодность преній,—то Стасов
торжествующе воскликнулъ: «А—а! замолчалъ! сдаешься! со
гласился со мной?»—«Я вскочилъ,—разсказывалъ Тургеневъ,—
сталъ быстро и судорожно стараться открыть форточку въ окнѣ
а на вопросъ, что я дѣлаю, воскликнулъ: я хочу высунуться и
крикнуть на улицу: «идите сюда, берите меня, вяжите: я сошел
съ ума, я согласился съ Владиміромъ Стасовымъ!» Очевидно
что въ связи съ разсказомъ Тургенева объ этомъ спорѣ находи
лось и напечатанное впослѣдствіи самимъ Стасовымъ «стихотво
реніе въ прозѣ» Тургенева, на которое Владиміръ Васильевич
нерѣдко благодушно ссылался и сущность котораго сводилась
сколько мнѣ помнится, къ слѣдующему совѣту: спорь съ чело
вѣкомъ, который глупѣе тебя: можешь его чему-нибудь научить
спорь съ человѣкомъ умнѣе тебя: можешь отъ него научиться
но не спорь съ Владиміромъ Стасовымъ.—

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, постояннымъ членом
«круглаго стола» и дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вѣстника
Европы» сдѣлался *К. К. Арсеньевъ*. Ему я посвящаю особы
воспоминанія, отдѣльно отъ настоящихъ.

За «круглымъ столомъ» бывали и люди, не принадлежавшіе
къ сотрудникамъ журнала, но близкіе ему по симпатіямъ и по
дѣятельности своей, въ которой находили себѣ выраженіе и при
мѣненіе тѣ же нравственно-политическія начала, которыя про
водились на страницахъ «Вѣстника Европы». Между ними первое

и незамѣнимое мѣсто занималъ покойный *Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ*,—одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей по осуществленію въ русской жизни отмѣны крѣпостного права, — человѣкъ, умѣвшій соединять глубокое уваженіе къ закону съ широкими взглядами на права и потребности народной жизни. Величавый въ своей наружности, непреклонный въ защитѣ своихъ убѣжденій, умѣвшій нѣжно проявлять доброту своего сердца и въ то же время чуждый показной и иногда въ существѣ своемъ жестокой сентиментальности,—со свободною и твердою рѣчью, въ которой по временамъ вспыхивали то безобидный юморъ, то горькая иронія, онъ былъ всегда желаннымъ и всѣми чтимымъ собесѣдникомъ, и слово его, проникнутое глубокимъ житейскимъ опытомъ и знаніемъ людей, ярко освѣщало многіе острые вопросы нашей исторической и бытовой жизни. Сюда, въ этотъ кружокъ, приходилъ онъ отдыхать отъ лицезрѣнія всякихъ условностей и компромиссовъ служебной жизни, на одной изъ верхнихъ ступеней которой ему, въ качествѣ старшаго сенатора перваго департамента Сената, приходилось стоять. Съ горькой шутливостью дѣлилъ онъ встрѣчныхъ на жизненномъ пути на «людей» и «людишекъ». Часто сталкиваясь съ послѣдними, ропща, негодуя и до конца своихъ многотрудныхъ дней воюя съ ними,—близоруко запертый въ узкую область конкретныхъ фактовъ, когда душа жаждала рѣшенія общихъ вопросовъ,—уязвляемый и обходимый по службѣ,—здѣсь находилъ онъ только тѣхъ, кого считалъ «людьми», и съ кѣмъ, какъ съ Кавелинымъ и мною, его связывала личная дружба.

Къ послѣднимъ принадлежалъ и *Константинъ Карловичъ Гротъ*, тоже иногда бывавшій за обѣдами у Стасюлевича. Близкій въ своемъ внутреннемъ мірѣ къ Арцимовичу, во внѣшней своей повадкѣ и наружности онъ ни въ чемъ не былъ похожъ на пылкаго, крупнаго, громогласнаго Арцимовича. Очень худощавый, сдержанный, съ размѣренной рѣчью и тщательно взвѣшенными словами, Гротъ тѣмъ не менѣе вносилъ въ бесѣду тотъ же житейскій опытъ, тѣ же богатыя воспоминанія свѣтлаго прошлаго и затаенную скорбь по поводу крушенія идеаловъ, во имя

которыхъ онъ страдалъ и сражался въ шестидесятыхъ годахъ. Оба они относились другъ къ другу, какъ въ яркомъ изображеніи Пушкина, пѣхота къ конницѣ: «волнуясь, конница летитъ,— пѣхота движется за нею—и тяжкой твердостью своею—ея стремленіе крѣпитъ». Взволнованное описаніе Арцимовичемъ какого-нибудь злоупотребленія властью или мрачной по своему источнику мѣры Гротъ умѣлъ подкрѣплять спокойными юридико-политическими соображеніями, которыя съ особой силой показывали, сколько правды и справедливаго гнѣва заключается въ «увлеченіи стараго тѣломъ, но молодого душою «человѣколюбиваго стража закона», какъ былъ названъ въ надписи на сенаторскомъ надгробномъ вѣнкѣ Арцимовичъ.

Нѣсколько разъ среди обѣдающихъ появлялась привлекательная фигура моложавой старушки съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ по модѣ сороковыхъ годовъ длинными кудрями съ сильной просѣдью. Воплощенное физическое и нравственное изящество—вдова учителя и сослуживца хозяина дома *Александра Васильевна Плетнева* была живымъ напоминаніемъ о старомъ ректорѣ петербургскаго университета и другѣ Пушкина, послѣдніе страдальческіе годы котораго она озарила нѣжною любовью и самоотверженнымъ уходомъ. Подобно Кавелину, она была русскимъ человѣкомъ съ головы до ногъ, и сквозь оболочку тонкаго европейскаго воспитанія это ясно выступало въ ея словѣ и дѣлѣ, въ ея глубоко прочувствованныхъ письмахъ и въ ея отношеніяхъ къ людямъ.

При воспоминаніи объ обѣденныхъ собраніяхъ въ «Вѣстникѣ Европы» проходятъ передъ умственнымъ взоромъ еще нѣкоторые изъ покойныхъ постоянныхъ участниковъ застольныхъ бесѣдъ: сосредоточенный, съ вѣскимъ словомъ *А. Н. Пыпинъ*, многолѣтній «столпъ» журнала; — увлекающійся, живой, начитанный и страстный спорщикъ—*Е. И. Утинъ*;—блестящій, свѣтскій любезный, тонкій цѣнитель произведеній литературы и искусства, разносторонній князь *А. И. Урусовъ*—и, наконецъ, глубокій и самобытный историкъ-художникъ, мой современникъ и товарищъ по университету *В. О. Ключевскій*.

Между иностранными гостями у «круглаго стола» особенно

памятными мнѣ остались *Шпильгагенъ* и *Меккензи Уоллесъ*. Я не былъ никогда поклонникомъ произведеній перваго изъ нихъ съ ихъ дѣланностью, отсутствіемъ житейской правды и переплетеніемъ книжнаго радикализма съ весьма прозаическими идеалами. Но авторъ былъ человѣкъ очень интересный. Его разсказы блистали остроуміемъ и тонкой наблюдательностью, совсѣмъ не напоминающими напыщенную и вязкую прозу его романовъ. Мнѣ помнится, что онъ еще въ 1879 г. съ точностью предсказывалъ теперешнее усиленіе соціалъ-демократіи въ Германіи и опредѣлительно указывалъ главные ея избирательные и боевые центры. Очень интересны были также его наблюденія надъ составомъ унтеръ-офицеровъ германской арміи, въ которомъ строжайшая дисциплина, доходящая до черстваго бездушія, была, по его словамъ, неразрывно связана съ соціалъ-демократическими тенденціями крайнаго характера. Иное впечатлѣніе, чѣмъ словоохотливый и пылкій Шпильгагенъ, производилъ сдержанный Меккензи Уоллесъ, больше слушавшій, чѣмъ говорившій, всегда спокойный, осторожный и вдумчивый въ выводахъ. Несмотря на то, что онъ уже проявилъ въ своей замѣчательной книгѣ глубокое знаніе Россіи и развернулъ передъ многими изъ своихъ русскихъ читателей такія стороны жизни ихъ родины, о которыхъ они имѣли самое смутное, а иногда и превратное понятіе,—онъ продолжалъ учиться, вслушиваться, вдумываться и набирать въ себя различныя данныя, какъ губка воду. Этому способствовало прекрасное знаніе и пониманіе имъ русскаго языка, которымъ онъ самъ владѣлъ совершенно свободно. Однажды, когда передъ началомъ восточной войны, за обѣдомъ зашла рѣчь о тянувшемся уже нѣсколько лѣтъ такъ называемомъ — по имени прокурора Саратовской судебной палаты—Жихаревскомъ дѣлѣ о политической пропагандѣ въ тридцати пяти губерніяхъ, Уоллесъ не удовлетворился общими замѣчаніями присутствовавшихъ, а пожелалъ проводить меня до дому, чтобы подробно познакомиться со всѣми сторонами этого, какъ онъ выразился, микрокосма внутренней политической жизни Россіи. Бесѣда наша, веденная дорогой, кончилась тѣмъ, что я пригласилъ его къ себѣ, и мы просидѣли до двухъ часовъ ночи

въ обмѣнѣ мнѣній и взглядовъ по поводу той пагубной близорукости, съ которой въ теченіе четырехъ лѣтъ велось и раздувалось это дѣло, по которому впослѣдствіи изъ девятисотъ девяноста шести привлеченныхъ къ слѣдствію предъ Сенатомъ предстало только сто девяносто три. Появленіе Меккензи Уоллеса за «круглымъ столомъ» было связано съ однимъ довольно комическимъ эпизодомъ. Однажды въ числѣ случайныхъ гостей былъ одинъ провинціальный писатель, повидимому, нѣсколько поспѣшный въ своихъ сужденіяхъ. При разговорѣ о долголѣтіи англійскихъ авторовъ сравнительно съ безвременной кончиной русскихъ, онъ высказалъ удивленіе предъ тѣмъ, что Тэккерей не только началъ писать въ очень поздніе годы жизни, но и обратился къ писательству безъ всякой подготовки, непосредственно вслѣдъ за занятіемъ фотографіей. «Тэккерей фотографомъ никогда не былъ», скромно замѣтилъ Меккензи Уоллесъ..

— «Нѣтъ, извините, былъ!» рѣшительно возразилъ пріѣзжій, повторивъ настойчиво то же утвержденіе въ отвѣтъ и на мое замѣчаніе, что первый романъ Тэккерея «Ярмарка тщеславія» появился за нѣсколько лѣтъ до изобрѣтенія фотографіи, когда свѣтопись ограничивалась лишь такъ называемымъ дагерротипомъ. «Тэккерей,—заявилъ еще кто-то изъ присутствующихъ—былъ секретаремъ вице-короля Индіи, но фотографомъ никогда не былъ и быть имъ не могъ».—«Ну вотъ,—рѣшительно воскликнулъ спорщикъ,—какъ можно это говорить, когда я самъ читалъ объ этомъ статью въ «Deutsche Rundschau», гдѣ именно это сказано, т. е. не то, чтобы читалъ, а видѣлъ ея заглавіе. Вѣдь тамъ прямо такъ и напечатано: «Tackeray als Photograph»! Вѣжливый англичанинъ стыдливо потупился, а между всѣми остальными «тихій ангелъ пролетѣлъ»...

Пора однако окончить эту вереницу воспоминаній, хотя и длинныхъ, но далеко не полныхъ. Ставъ съ 1876 года однимъ изъ засѣдателей «круглаго стола», я сдѣлался съ 1880 года сотрудникомъ «Вѣстника Европы», помѣстивъ въ немъ «Спорный вопросъ судоустройства» и увидѣвъ, затѣмъ, на его страницахъ мои изслѣдованія о докторѣ Гаазѣ, о Д . А. Ровинскомъ и И. Ѳ. Гор-

буновѣ, рѣчь о нравственномъ обликѣ Пушкина, произнесенную въ юбилейномъ засѣданіи Академіи Наукъ, статьи о Владимірѣ Соловьевѣ и о князѣ Черкасскомъ,—рядъ критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ (объ «Этикѣ» Спинозы, о книгѣ кіевскаго профессора Гилярова «Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи» и др.) и опытъ программы борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Пришлось оживленно поработать въ свое время и въ «Порядкѣ», помѣстивъ въ намъ много мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ (между прочимъ «У гроба Ѳ. М. Достоевскаго»), юридическихъ обозрѣній («Судебные Уставы на страницахъ Свода законовъ», «Судебная реформа и практика» и др.) и двѣ передовыхъ статьи по поводу кончины и погребенія Царя-Освободителя. Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю я, какъ тепло отнеслись семь лѣтъ назадъ мои «совопросники» и собесѣдники по «круглому столу» къ исполнившемуся сорокалѣтію моей служебной дѣятельности, когда мнѣ неожиданно пришлось почувствовать себя по отношенію къ нимъ въ положеніи подсудимаго, признающаго свою вину и лишь мечтающаго о снисхожденіи со стороны присяжныхъ и которому послѣдніе, къ немалому для него конфузу, выносятъ оправдательный приговоръ. Воспоминаніе о моей судебной службѣ — какъ это ни странно—тѣсно связано съ дружескимъ кругомъ, который въ былые годы сходился за «круглымъ столомъ». Эта служба шла, выражаясь словами Пушкина, «горестно и трудно», и тотъ ея періодъ, когда я, вопреки нѣкоторымъ неосновательнымъ надеждамъ, дѣйствовалъ въ твердомъ сознаніи, что русскій судья, призванный примѣнять Судебные Уставы по ихъ точному смыслу, обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугою, но не прислужникомъ правосудія, бросалъ свою тѣнь на всѣ послѣдующіе долгіе годы, ставя меня въ положеніе лишь терпимаго,но отчужденнаго судебнаго дѣятеля, которому рѣшались предлагать сложить съ себя судейское званіе и котораго подвергали разнымъ видамъ служебныхъ аварій—нравственныхъ и даже матеріальныхъ—до лишенія преподавательской кафедры и назначенія членомъ комиссіи для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ включительно. Нынѣ я этому могу только радоваться, имѣя возможность огля-

нуться назадъ, не краснѣя и не стыдясь моего прошлаго. Но бы
вали тяжелые дни и часы, когда въ отмежеванной мнѣ област
дѣятельности я чувствовалъ себя одинокимъ, окруженнымъ тор
жествующимъ противодѣйствіемъ, явнымъ недоброжелатель
ствомъ и тайнымъ злорѣчіемъ. Но и тогда , въ теченіе почти три
дцати лѣтъ, садясь за гостепріимный «круглый столъ», я чув
ствовалъ себя въ области идей и началъ другого, высшаго порядка
мнѣ дышалось легче и свободнѣй, и бодрость снова развертыв
вала свои крылья въ моей душѣ. И теперь, когда передъ моим
мысленнымъ взоромъ проходятъ образы людей, встрѣчавшихс
за этимъ столомъ, я не могу не быть признательнымъ имъ за т
«ambiente», за ту нравственную атмосферу, въ которой провел
я съ ними и благодаря имъ многіе часы.—Сколько изъ нихъ уж
ушло въ «Элизіумъ тѣней»! Я вижу благородныя сѣдины Арцы
мовича и изъ устъ его слышу завѣты истинной государственно
мудрости; я слышу заразительный смѣхъ и страстное слово Ка
велина; предо мной встаетъ Спасовичъ съ непокорнымъ, ярким
словомъ, въ которое облечено глубокое содержаніе; я не мог
забыть разсказовъ Тургенева; мнѣ кажется, что еще и тепер
сидитъ противъ меня мой старый добрый другъ Иванъ Алексан
дровичъ Гончаровъ, и что, вперивъ проникновенный взоръ куда
то вдаль, задумался Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Моя при
знательность идетъ дальше. Въ теченіе довольно долгихъ и труд
ныхъ лѣтъ приходилось работать на своемъ поприщѣ среди вра
ждебнаго настроенія, не чувствуя и не видя около себя почти
никакой поддержки. Какъ часто тутъ наступаютъ минуты
усталости и смертнаго грѣха унынія, и подкрадывается
къ человѣку услужливый *компромиссъ* со своими обманчиво-
успокоительными нашептываніями объ уступкахъ! Как
легко ему поддаться и незамѣтно для себя пойти по
наклонной плоскости до той поры, когда придется услы
шать роковое: «да воспляшетъ Исакій съ нами!» Въ та-
кія минуты я искалъ опоры не только въ императивѣ соб-
ственнаго сознанія, но нерѣдко и въ представленіи о кружкѣ
сидящихъ за «круглымъ столомъ». Вокругъ него до послѣднихъ
лѣтъ все больше и больше сгущалась тьма; когда-то кусокъ не-

большого, но цѣльнаго материка, онъ становился островкомъ, затерянным среди безбрежнаго моря пошлости, лицемѣрія и самохвальства. Однако, вступить на этотъ островокъ, причалить къ нему было хотя и отрадно, но не легко. Это надо было заслужить. И для меня, столь часто чувствовавшаго себя *чужимъ* въ области своей прямой дѣятельности и *своимъ* въ этомъ кружкѣ, онъ былъ своего рода нравственнымъ ареопагомъ. Мысль о немъ не могла не убивать соблазновъ компромисса. «А что скажетъ на это Кавелинъ? Какъ пожму я его честную и неуступчивую руку? Какая грусть промелькнетъ въ глубокихъ глазахъ Арцимовича, и какая улыбка сдержаннаго сожалѣнія встрѣтитъ меня на лицѣ Михаила Матвѣевича!» Вотъ за эту нравственную поддержку, столь важную для того, «чтобъ человѣкъ не баловался», какъ сказалъ Некрасовъ,—я на седьмомъ десяткѣ своей жизни не могу не сказать спасибо...

VII.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

(По поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Жизнь прожить—не поле перейти,—говоритъ старая рус
ская пословица. И дѣйствительно, какъ бы заурядна ни была
жизнь человѣка, но если онъ можетъ оглянуться на полвѣка
своего сознательнаго существованія въ качествѣ взрослаго,
то и въ немъ найдутся годы, періоды, дни и часы, которые все
таки заслуживаютъ нѣкотораго воспоминанія. Къ сожалѣнію,
всеразрушающая рука времени не щадитъ не только физиче
ской оболочки, но и душевныхъ свойствъ большинства людей,
изъ которыхъ, по выраженію Талейрана «года обыкновенно не
дѣлаютъ мудрецовъ, а лишь старцевъ». При этомъ нерѣдко
старѣющіеся люди не безъ умиленія привѣтствуютъ въ себѣ
тотъ мимолетный подъемъ жизненной энергіи, который принято
называть «второю молодостью», и никогда не обращаютъ нуж
наго вниманія на явные и печальные признаки того, что справед
ливо назвать «вторымъ дѣтствомъ», ко всему относящимся съ
эгоистическимъ благодушіемъ и стремленіемъ къ спокойствію
во что бы то ни стало. Недаромъ Бѣлинскій, считая трудъ зада-

й всей жизни до гробовой доски, совѣтовалъ бояться преждеременной старости, первыми страшными предшественниками оторой считалъ «довольство тѣмъ, что есть, безъ потребности томъ, чего нѣтъ, но безъ чего, однако, не для чего жить»— «примиреніе съ окружающею дѣйствительностью и терпимость къ посредственности». Цѣльность нравственнаго образа послѣдовательность въ словѣ и въ дѣлѣ не составляютъ, какъ звѣстно, частаго явленія въ нашей жизни. Подъ вліяніемъ сторико-бытовыхъ условій и при полномъ отсутствіи воспианія личности, мы были всегда богаты людьми, мѣтко характеризуемыми въ русскихъ грамотахъ XVI столѣтія, какъ «духомъ ерегибательные». Рѣдкій изъ нихъ могъ бы, безъ краски заоздалаго стыда, вспомнить завѣтъ великаго поэта: «fur die Traume seiner Jugend Achtung tragen wenn er Mann wird!». Тами людьми бываютъ не только лишенные всякихъ убѣжденій, тодливые искатели тѣхъ мѣстъ и положеній, гдѣ въ данное ремя и лишь на данное время, согласно поговоркѣ,—«глубже лучше», но и убѣжденные отрицатели своего прошлаго, «сокигающіе то, чему поклонялись», и безъ оглядки, рѣшительно ереходящіе изъ *Савловъ* въ *Павлы* или, къ сожалѣнію чаще сего, наоборотъ. Отсутствіе цѣльности и послѣдовательности, днако, сказывается нерѣдко и на людяхъ, за которыми есть олгіе годы сознательной дѣятельности въ строго выдержанномъ направленіи—и которые вдругъ, «sans crier gare!» въ приступѣ малодушія, подъ вліяніемъ скоропреходящихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ или изъ суетнаго опасенія житейскихъ неудобствъ, кладутъ, иногда въ виду уже близкой могилы, крестъ на свое прошлое и идутъ туда, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ радостью, но принимаютъ безъ уваженія, восклицая имъ внутренно: «да воспляшетъ Исакій съ нами!»

Чѣмъ печальнѣе послѣднее явленіе, тѣмъ цѣннѣе возможность отмѣтить существованіе въ нашей общественной средѣ дѣятеля, оставшагося неизмѣнно и несмотря ни на что вѣрнымъ себѣ во всѣхъ фазисахъ своей жизни, отданной неуклонному служенію идеаламъ личной и общественной нравственности. Такимъ дѣятелемъ представляется К. К. Арсеньевъ. Родив-

шійся 24 января 1837 г., онъ былъ младшимъ сыномъ извѣс
наго статистика и историка Константина Ивановича Арсень
ва (1789—1865 г.)—и если справедливо изреченіе, что «дитя
отецъ взрослаго», то нѣкоторыя черты дѣятельности Арсенье
должны были быть посѣяны еще въ его дѣтствѣ. Оте
его былъ жертвою извѣстнаго разгрома петербургскаго ун
верситета, произведеннаго въ 1819 году Руничемъ, уск
трѣвшимъ «обдуманную систему невѣрія и правилъ зловре
ныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственност
образу мыслей и духу учащихся» въ томъ, что молодой пр
фессоръ, въ своихъ «Начертаніяхъ статистики» находилъ з
млю, воздѣланную вольными крестьянами, дающею обил
нѣйшіе плоды противъ обработанной крѣпостными, — ст
талъ гражданскую личную свободу истиннымъ источнико
величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности и у
зывалъ на запутываніе въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законо
невинныхъ и неопытныхъ людей «знающими», руководящими
не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ. Осужденіе крѣпостны
отношеній, безсудія и безправія, подмѣченное Руничемъ во ми
ніяхъ Арсеньева, безъ сомнѣнія, нашло себѣ мѣсто въ урока
даваемыхъ послѣднимъ наслѣднику престола, будущему Ал
ксандру II, отразившись и на его великихъ реформахъ. Эти
же осужденіемъ проникнуты были и руководящія начала дѣ
тельности К. К. Арсеньева. Училище Правовѣдѣнія, в
стѣнахъ котораго пробылъ молодой Арсеньевъ съ 1849 г
1855 годъ, не оставило въ немъ особенно теплыхъ вос
миманій. Черезъ тридцать лѣтъ по окончаніи курса («Ру
ская Старина», 1886 г.), на общемъ тускломъ фонѣ рути
наго преподаванія и формалистической дисциплины ему вспо
миналисъ лишь два профессора, обладавшіе способность
оживлять свой предметъ, и выдѣлялся, возбуждая бл
годарное чувство, образъ П. Д. Калмыкова, всегда серьезнаг
почти мрачнаго, но изысканно-вѣжливаго и деликатнаго, и
ражавшаго сдержанно-страстнымъ отношеніемъ къ своему пре
мету (уголовному праву), выражавшимся во всемъ—въ голос
гонѣ, образной рѣчи и паѳосѣ, съ которымъ онъ говорилъ о

лагаемыхъ имъ ученіяхъ или возставалъ противъ смертной
зни, тѣлесныхъ наказаній и наложенія клеймъ, что было,
о тогдашнимъ временамъ, не совсѣмъ безопасно для профес-
ора.—Весной 1855 г. молодой Арсеньевъ окончилъ курсъ и всту-
пилъ въ общественную жизнь, подъ отдаленный гулъ Севастополь-
кой канонады, въ которой уже слышался погребальный салютъ
роникнутому удушливой и сгущенной тьмой крѣпостному
рою государства. Хотя Иванъ Аксаковъ еще писалъ въ это
ремя своему отцу, что «каждый мыслящій русскій имѣетъ
раво на мученическій вѣнецъ», и спрашивалъ его: «чего можно
жидать отъ страны, создавшей и выносящей такое обществен-
ое устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду,—
адо поступить беззаконно, чтобъ поступить справедливо,—
адо пройти всю процедуру обмановъ и мерзости, чтобы добиться
еобходимаго законнаго?»—но заря новой жизни въ другихъ
уловіяхъ уже чувствовалась. Первые годы дѣятельности
рошли для Арсеньева въ службѣ по центральному управленію
инистерства юстиціи,—въ участіи въ редактированіи основан-
наго въ это время журнала этого министерства и въ мечтахъ о ка-
федрѣ всеобщей исторіи въ университетѣ, для чего онъ го-
товился къ экзамену на кандидата историко-филологическаго
факультета и слушалъ лекціи въ Боннѣ. Мечта эта, однако, не
осуществилась, хотя Арсеньевъ къ ней возвращался не разъ. Не-
возможность остаться за границею необходимое время и журналь-
ная работа, затягивавшая его по мѣрѣ расширенія горизонтовъ,
задачъ и фактическихъ правъ печати,—заставили его отказаться
отъ мысли о кафедрѣ. Результатомъ этого періода жизни его
остался рядъ этюдовъ по политической экономіи и государствен-
ному праву, множество статей въ отдѣлѣ иностранной поли-
тики въ «Спб. Вѣдомостяхъ» Корша и переводъ «Исторіи фран-
цузской революціи» Минье, съ предисловіемъ къ нему.

Всѣ эти труды отразили на себѣ громадную эрудицію, ко-
торою обладалъ авторъ, и ту точность и, такъ сказать, изяще-
ство анализа общественныхъ ученій и явленій, которыми за-
тѣмъ неизмѣнно отличались его работы, написанныя всегда
тѣмъ простымъ и убѣдительнымъ языкомъ, который свидѣтель-

ствуетъ прежде всего о глубокой вдумчивости автора. Эти стат
особенно были цѣнны для выраженія того общественнаго в
строенія и той жажды обновленія, которыми была проникну
русская жизнь въ годы реформаторской дѣятельности Ал
ксандра II, направленной къ рѣзкому измѣненію «устройств
съ такою горькою правдою обрисованнаго Ив. Аксаковы
Въ основѣ этихъ настроеній и этой жажды лежалъ идеалъ б
лѣе разумной и достойной личной и общественной жизни, сре
ствами для достиженія котораго являлись—политическая св
бода, вѣротерпимость въ истинномъ ея значеніи, отсутствіе сѣ
нительнаго произвола надъ полетомъ и выраженіемъ мысли
искреннее уваженіе къ человѣческой личности внѣ всяки
племенныхъ или религіозныхъ «межевыхъ знаковъ»... *Идеа*
раздѣляли многіе, *средства* съ полною ясностью сознавали
всѣ, но вѣрность служенію первымъ, по мѣрѣ замедленія пр
образовательной дѣятельности правительства и замѣны ея з
стоемъ, а потомъ и рѣшительнымъ попятнымъ движеніемъ, с
хранили очень немногіе. Но для Арсеньева все это составило и
разрывное «principium movens» его духовнаго міра и его практ
ческаго дѣйствованія. Изъ каждой страницы его многочисленны
произведеній звучитъ призывъ къ тѣмъ началамъ, безъ которы
жизнь общественнаго организма представляется ему медленны
разложеніемъ, ведущимъ къ смерти. Это отражается и на е
публицистической аргументаціи: для него просвѣтительныя
общечеловѣческія основы общежитія не только не подлежа
сомнѣнію, но и непоколебимы никакими внѣшними обстоятел
ствами. Все, что ихъ извращаетъ или затуманиваетъ правильну
ихъ оцѣнку и пониманіе,—пройдетъ, *должно* пройти! Поэтом
вся его публицистическая дѣятельность, несмотря на его всегд
уравновѣшенный тонъ и умѣренный языкъ, есть, въ сущност
восторженное исповѣданіе непреложныхъ началъ добра, спр
ведливости и нравственной красоты. Если бы пришлось выб
рать девизы для ея символической характеристики, то, конечн
«e pur se muove» и «Carthago delenda est» были бы самыми по
ходящими. Съ этой точки зрѣнія Арсеньевъ представляется опт
мистомъ, при томъ весьма упорнымъ. Онъ былъ имъ, ког

волна общественнаго настроенія несла его съ собою, — онъ оставался имъ въ эпоху малодушныхъ сомнѣній и колебаній;—онъ пребылъ твердъ въ своей вѣрѣ и тогда, когда кругъ людей, вѣрныхъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, сталъ дѣлаться маленькимъ. Брезгливо уклоняясь отъ задора полемическихъ споровъ, Арсеньевъ не избѣгъ, однако, разнообразныхъ и всегда безпочвенныхъ нападеній въ печати. Между ними было, однако, одно, повторявшееся съ торжествомъ и съ «покиваніемъ главъ», которое было вполнѣ вѣрнымъ и имѣло значеніе, неожиданное для бросавшихъ его съ укоромъ. Да! Арсеньевъ всегда оставался *«прямолинейнымъ либераломъ»*. Въ проведеніи своихъ взглядовъ на основы гражданской свободы и на условія ея осуществленія онъ не допускалъ компромиссовъ и приспособленій, не признавая—ни чтобы цѣль могла оправдывать средства, ни чтобы желанный и свѣтлый исходъ могъ быть достигнутъ нечистыми способами. Нравственный компасъ въ его статьяхъ, рѣчахъ и другихъ работахъ постоянно и неуклонно показывалъ на сѣверъ въ то время, когда всѣ румбы смѣшались въ глазахъ у большинства и почти всѣ вопросы сводились къ тому,—какъ бы не выйти случайно изъ гавани, въ стоячей водѣ которой приходилось такъ уютно и безмятежно гнить, или какъ бы поскорѣе въ нее вернуться, если мимолетный вѣтеръ изъ нея вынесъ.

Основныя и руководящія начала каждаго научнаго и политическаго міровоззрѣнія—просты и несложны,—и благо тому обществу, въ которомъ есть люди, умѣющіе указывать тѣмъ, кто постоянно вращается среди житейской путаницы понятій, противорѣчивыхъ настроеній и низменныхъ инстинктовъ, на ясный и прочный символъ своей вѣры въ лучшее будущее, неустанно отражая нападенія прозаической повседневности на то, что, по ихъ мнѣнію, должно быть общественнымъ идеаломъ. «Въ своей писательской дѣятельности—говорилъ Гёте Эккерману—я никогда не спрашивалъ—чего хочетъ обширная масса и какъ я удовлетворю ее: я всегда думалъ только о томъ, чтобы стать по возможности болѣе проницательнымъ и выражать то, что я самъ призналъ за доброе и справедливое». Такъ посту-

палъ и «прямолинейный либералъ» Арсеньевъ, никогда не стараясь примѣняться къ господствующимъ вкусамъ и теченіямъ. Это его свойство нисколько не оправдывало и другого упрека, подчасъ дѣлаемаго ему даже людьми, далекими отъ отрицанія чистоты и возвышенности тѣхъ началъ, отъ которыхъ онъ отправлялся въ каждомъ своемъ трудѣ,—упрека въ *отрѣшеніи от жизни* и въ нѣкоторой утопичности своихъ взглядовъ, не желающихъ считаться съ могущественными, будто бы, факторами дѣйствительности. Глубокое знаніе исторіи, во всѣхъ ея видахъ, привело его къ признанію, что послѣдніе факторы очень часто лишь кажутся прочными и неустранимыми. Предъ холоднымъ взоромъ исторіи постоянно повторяется стихъ Виргилія: «multa renascentur quae jam cecidere—cadentque quae sunt in honore...» и то, что сегодня считалось чуждымъ и навязываемымъ жизни, завтра оказывается ею—то именно и порожденнымъ, и властно требуемымъ. При поступательномъ движеніи человѣчества впередъ, несмотря на отдѣльные періоды остановокъ и даже обращенія къ уже пройденнымъ этапамъ, тѣ, которые презрительно обзываютъ носителей пытливо смотрящей въ будущее мысли утопистами, похожи на людей, смотрящихъ назадъ съ задней площадки послѣдняго вагона въ поѣздѣ, не замѣчая, что и они мчатся впередъ, но только задомъ. Разбирая всегда съ чрезвычайной подробностью и обстоятельностью каждый представляющійся ему общественный вопросъ, Арсеньевъ, обладая удивительною памятью, снабжалъ свои выводы вѣскими доказательствами, почерпнутыми изъ исторіи и провѣреннаго житейскаго опыта, и всегда старался опровергнуть заранѣе всѣ возможныя возраженія или столь излюбленныя у насъ искаженія и подтасовку того, о чемъ идетъ рѣчь, какъ бы соглашаясь съ Кондильякомъ, что «quand on travaille sur les questions et connaissances humaines, on a plus d'erreurs à détruire que de vérités à établir». Вообще надо замѣтить, что трудно рѣшить—не являются ли «отрѣшенными отъ жизни» не тѣ, кто упорно стремится къ нравственному и политическому преобразованію человѣческаго быта, а тѣ, которые, въ своей духовной близорукости, считаютъ возможнымъ остановить ходъ исторіи

и властно сказать ей—«до сихъ поръ!» Будущее, рано или поздно, покажетъ — насколько жизненно и жизнеспособно бываетъ то, что писатель рисуетъ, какъ достижимый идеалъ. Важно лишь, чтобы онъ былъ правдивъ съ самимъ собою и со своими читателями,—чтобы онъ искренно считалъ за истину то, что онъ рисуетъ, какъ таковую. «Истину нельзя урѣзывать по дѣйствительности,—писалъ графъ Л. Н. Толстой Страхову,—ужъ пускай дѣйствительность устраивается по отношенію къ ней, какъ знаетъ и умѣетъ...»

Въ разнообразномъ примѣненіи своихъ духовныхъ силъ, Арсеньевъ является—*публицистомъ*, *критикомъ*, *юристомъ* и *общественнымъ дѣятелемъ*.

Когда было начато осуществленіе судебной реформы въ 1866 г., онъ поступилъ въ присяжные повѣренные округа Петербургской судебной палаты и пробылъ въ этомъ званіи восемь лѣтъ, почти постоянно занимая мѣсто предсѣдателя Совѣта. Первые годы существованія у насъ адвокатуры ставили предъ лучшими представителями этого сословія обширную, трудную и нравственно отвѣтственную задачу. Имъ приходилось сразу стать между соблазномъ быстраго обогащенія и легко возбуждаемымъ недовѣріемъ непривычнаго къ новому учрежденію общества,—предъ необходимостью вырабатывать одновременно и пріемы адвокатской техники, и правила адвокатской этики. Между людьми, понявшими эту задачу и разрѣшившими ее такъ, «чтобы другимъ на то глядучи повадно было такъ дѣлать», безспорно первое мѣсто принадлежитъ Арсеньеву—и не только въ практической его дѣятельности,—какъ защитнику въ дѣлахъ уголовныхъ и повѣренному на судѣ гражданскомъ,—но и въ теоретическихъ ея основоположеніяхъ, какъ руководителю занятій Совѣта и автору «*Замѣтокъ о русской адвокатурѣ* (Спб., 1875 г.)». Въ свою *личную* адвокатскую дѣятельность онъ внесъ глубокое благородство и чистоту пріемовъ и такое безусловное стремленіе къ отысканію и разъясненію, прежде всего, истины въ дѣлѣ, что свѣтлое воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ не изгладилось у тѣхъ, кто имѣлъ случай или обязанность состязаться съ нимъ въ судебныхъ преніяхъ или быть ихъ свидѣтелемъ. Полное спо-

койнаго достоинства отношеніе къ суду, къ свидѣтелямъ и экспертамъ во время судебнаго засѣданія смѣнялось у него сдержаннымъ одушевленіемъ во время судебныхъ преній, при чемъ быстро льющаяся рѣчь (по отзывамъ стенографовъ) онъ говорилъ скорѣе всѣхъ другихъ судебныхъ ораторовъ; его чужда была всякихъ эффектовъ, но производила всегда сильное впечатлѣніе. Глубокія юридическія познанія его, изящная простота его пріемовъ и поучительная чистота въ исполненіи имъ своихъ адвокатскихъ обязанностей обращали судебныя засѣданія съ его участіемъ въ своего рода нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ часто богатое по научной разработкѣ юридическое поученіе. Недаромъ ему всегда приходилось, по старой французской поговоркѣ,—«avoir l'oreille du tribunal». Изустное слово всегда плодотворнѣе писаннаго: оно живитъ слушающаго и еще болѣе—говорящаго. Личный темпераментъ настойчиво и властно выражается въ способѣ говорить. «Parler—по вѣрному замѣчанію Анатоля Франса,—c'est se donner, —bien parler, c'est se donner généreusement et tout entier». И Арсеньевъ отдавался своимъ блестящимъ словомъ вполнѣ и нераздѣльно тому высокому по назначенію своему дѣлу, которому онъ служилъ. Прилагая къ исполненію своихъ обязанностей соединенную силу трудолюбія и самой строгой добросовѣстности, онъ далъ возможность *гласному* суду въ Петербургѣ, въ первые годы его существованія, явить примѣръ и вполнѣ *устнаго* суда и при томъ по самымъ сложнымъ дѣламъ. Его участіе въ большихъ уголовныхъ процессахъ, разбиравшихся съ присяжными, дало впервые прокурорамъ, дорожившимъ, въ тѣ незабвенные для судебнаго вѣдомства годы, дѣйствительнымъ осуществленіемъ началъ устности и непосредственности въ изученіи и разработкѣ доказательствъ,—возможность почти совершенно упразднить утомительное и безцвѣтное чтеніе протоколовъ осмотровъ, показаній отсутствующихъ свидѣтелей, различныхъ документовъ, писемъ и т. п. и замѣнить это живымъ изложеніемъ лишь того изъ нихъ, что прямо относилось къ дѣлу. Память и вниманіе его въ связи съ его отношеніемъ къ обязанностямъ защитника, обезпечивали вполнѣ вѣрность такого изложенія и имъ, и его про-

тивникомъ по судебному состязанію. Быстрота въ производствѣ дѣла, исключавшая излишнюю утомляемость присяжныхъ, и взаимное уваженіе сторонъ—отъ этого только выигрывали, а существо дѣла становилось ярче и нагляднѣе.

Подъ его предсѣдательствомъ Совѣтъ стремился создать изъ адвокатуры общественную силу, достойную быть дополненіемъ и опорою магистратуры, — предъявилъ рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ исполненіи требованій Судебныхъ Уставовъ относительно организаціи *сословія* присяжныхъ повѣренныхъ,—боролся, какъ могъ, противъ введенія вреднаго и понижающаго правильное понятіе объ адвокатурѣ учрежденія *частныхъ повѣренныхъ* и выработалъ цѣлый рядъ постановленій, устанавливающихъ этическія требованія, тѣсно связанныя съ существомъ дѣятельности адвокатуры, какъ представительницы общественнаго служенія. Въ связи съ этимъ Совѣтъ, при дѣятельномъ участіи и трудѣ Арсеньева, опредѣлилъ свои судебныя и административныя функціи, объемъ своей подсудности и характеръ тѣхъ отдѣльныхъ поступковъ и цѣлаго поведенія, которые исключаютъ возможность пребыванія въ составѣ организованной адвокатуры лицъ, не соотвѣтствующихъ ея задачамъ или нравственному строю. За время пребыванія его въ составѣ Совѣта—по нравственнымъ соображеніямъ было отказано въ пріемѣ въ присяжные повѣренные 24 лицамъ:—но и по отношенію къ уже принятымъ въ сословіе Совѣтъ высказалъ, что самый фактъ принятія кого-либо въ присяжные повѣренные еще не накладываетъ на всѣ его предшествовавшія дѣянія «покровъ забвенія»—и если впослѣдствіи откроется что-либо, бывшее неизвѣстнымъ Совѣту и возбуждающее основательное сомнѣніе въ добросовѣстности принятаго и въ правильномъ пониманіи имъ обязанностей своего званія, то на Совѣтѣ лежитъ долгъ удалить такое лицо изъ среды, съ которою онъ нравственно не можетъ имѣть ничего общаго. «Замѣтки о русской адвокатурѣ»—не утратили своего значенія и цѣнности и до настоящаго времени. Онѣ содержатъ въ себѣ прочно мотивированныя указанія на такія реформы въ адвокатурѣ, которыя осуществлены лишь очень недавно (напримѣръ, повсемѣстное открытіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ)

или еще вовсе не осуществлены (напримѣръ, упраздненіе частной адвокатуры, уменьшеніе срока занятій для права быть присяжнымъ повѣреннымъ, безусловное требованіе отъ адвоката высшаго юридическаго образованія). Въ нихъ выставлены и развиты необходимые *устои* дѣятельности русскаго адвоката, съ богатыми справками изъ судебной жизни и организаціи адвокатуры въ Западной Европѣ и съ ссылками на взгляды выдающихся иностранныхъ юристовъ-практиковъ. Ратуя за корпоративное устройство адвокатуры, доказывая, что *сословіе* присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ такое же преимущество предъ *совокупностью* частныхъ ходатаевъ, какъ органическое цѣлое предъ отдѣльными частицами, ничѣмъ не соединенными между собою, авторъ даетъ вѣрную и справедливую оцѣнку всѣмъ нападкамъ на «софистовъ XIX вѣка» и сатирическому надъ ними глумленію, предпринятымъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ въ забвеніи той постоянной и безкорыстной работы, которую нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ приходилось и приходится нести русской адвокатурѣ, защищая подсудимыхъ по назначенію отъ суда въ огромномъ числѣ дѣлъ, между которыми политическіе процессы не могли не отражаться сильнѣйшимъ образомъ даже на нервахъ защитниковъ. Блестящею аргументаціею опровергаетъ онъ всѣ нареканія на яко бы узурпаторскую власть, а въ сущности лишь самодѣятельность Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (стоитъ указать въ этомъ отношеніи на мастерскую защиту права Совѣта подвергать ищущихъ званія практическому экзамену, противъ чего заявлялось, что такія испытанія незаконны, излишни, неприличны, унизительны и вредны), твердо устанавливаетъ, какъ принципъ отвѣтственности адвоката предъ корпораціею, не потерю довѣрія въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ, а потерю *права на довѣріе*,—разбираетъ множество сложныхъ вопросовъ адвокатской этики (между прочимъ, жгучій въ половинѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ о дозволительности адвокату, подъ видомъ акціонера, выступать въ качествѣ оратора за большинство или меньшинство въ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ), указывая условія, при которыхъ изъ адвокатовъ могутъ выработаться общественные

дѣятели въ лучшемъ смыслѣ слова, а не риторы, софисты и говоруны, роняющіе авторитетъ судебнаго слова, — и наконецъ, преподаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ,—нынѣ, быть можетъ, еще болѣе необходимыхъ, чѣмъ во время появленія въ свѣтъ «Замѣтокъ», правилъ о способахъ и пріемахъ веденія судебнаго состязанія. Проникнутыя возвышеннымъ взглядомъ на условія отправленія правосудія и преобладаніемъ нравственныхъ началъ,—опирающіяся на примѣры, взятые изъ вдумчиваго опыта восьмилѣтней дѣятельности, эти правила служатъ не только руководящимъ напутствіемъ лицамъ, посвящающимъ себя адвокатурѣ, но и практическимъ комментаріемъ къ Судебнымъ Уставамъ для всѣхъ, идущихъ на служеніе послѣднимъ. Приложенный къ «Замѣткамъ» обзоръ дѣятельности петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за восемь лѣтъ его существованія, послужившій драгоцѣннымъ матеріаломъ для трудовъ Васьковскаго, Макалинскаго и др. по изученію основъ дѣятельности русской адвокатуры, наглядно показываетъ—какая тѣсная связь существовала между взглядами Арсеньева—юриста-мыслителя и комментатора — и предсѣдателя центральнаго корпоративнаго органа.

Любя адвокатуру и стремясь упрочить въ сознаніи читателей взглядъ на нее, какъ на общественное служеніе, въ рядѣ статей Арсеньевъ указывалъ на достоинства и недостатки иностранныхъ адвокатуръ («О современномъ состояніи французской адвокатуры», «Преобразованіе германской адвокатуры», «Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны»). Но и уголовный процессъ вообще привлекалъ его особое вниманіе. Его книги «*Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла*» (1870 г.) и «*Судебное слѣдствіе*» (1871 г.), подъ скромнымъ названіемъ «практическихъ замѣтокъ», представляютъ собою первое по времени и чрезвычайно полезное до сихъ поръ—по ясности, послѣдовательности и твердости проводимыхъ въ немъ началъ истиннаго правосудія—руководство для всякаго судебнаго дѣятеля, которому покажется недостаточнымъ замкнуться въ тѣсный кругъ статей Устава уголовнаго судопр., разъясняемыхъ краткими тезисами изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Да и послѣднія рѣшенія встрѣтили въ немъ

чуткаго и отзывчиваго толкователя. Внутренняя хроника «Вѣстника Европы» за послѣднюю четверть вѣка содержитъ множество отзывовъ и замѣчаній его по всѣмъ выдающимся вопросамъ уголовнаго процесса, возникавшимъ въ практикѣ нашего кассаціоннаго суда. И въ нихъ, и въ книгахъ своихъ Арсеньевъ не является ортодоксомъ Судебныхъ Уставовъ, ослѣпленно держащимся за каждую ихъ букву, за всякую въ нихъ «опечатку», нарушающую проникающій ихъ духъ или идущую въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями жизни. Поэтому онъ зачастую, какъ и въ спеціальной области адвокатуры, предлагаетъ такія необходимыя улучшенія въ уголовномъ процессѣ, до которыхъ наше тяжкодумное законодательство не додумалось до сихъ поръ или которыя оно осуществило гораздо позднѣе и односторонне, и горячо вооружается противъ мертвящаго примѣненія узкаго смысла статей Устава, въ забвеніи животворящаго ихъ духа уваженія къ человѣческому достоинству и милосердія. Заботой объ огражденіи обвиняемаго отъ ненужныхъ страданій, отъ праздная и вмѣстѣ властнаго любопытства судебныхъ органовъ, дающаго пищу больной и злорадной любознательности толпы,—желаніемъ широкаго предоставленія ему защиты и средствъ оправданія,—убѣжденнымъ отстаиваніемъ дѣйствительной и ненарушимой, по произвольнымъ распоряженіямъ, публичности отправленія правосудія—проникнуты проводимые Арсеньевымъ, настойчиво и неизмѣнно, взгляды. Ни одно изъ явленій судебной жизни, затрагивающее въ какомъ-либо отношеніи общественный интересъ, не пройдено имъ молчаніемъ, не будучи разобрано подробно и отмѣчено въ своей «девіаціи» отъ закона и нравственныхъ требованій. И пріемамъ народившагося въ 1866 г. русскаго судебнаго краснорѣчія посвящено имъ въ 1888 г. критическое изслѣдованіе, весьма цѣнное особливо въ наше время, когда трудъ и ораторское саморазвитіе стали у насъ нерѣдко замѣняться развязнымъ усердіемъ и самолюбованіемъ, и когда забывается, что нравственный долгъ судебнаго оратора состоитъ прежде всего въ осторожномъ и умѣренномъ обращеніи со словомъ, дѣлая послѣднее слугою лишь глубокаго убѣжденія, а не красивой формы. Оставивъ адвокатуру въ 1874 году и

сдѣлавшись товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента, Арсеньевъ, принявъ дѣятельное участіе въ 1880 году въ ревизіи сенаторомъ Шамшинымъ Саратовской и Самарской губерній, въ 1884 году вновь вступилъ на самый краткій срокъ въ ея ряды, чтобы поддерживать искъ города Петербурга къ обществу водопроводовъ, уклонявшемуся отъ устройства фильтра. Дѣло касалось существенныхъ интересовъ населенія и возбуждало оживленные споры въ общественныхъ и юридическихъ кружкахъ. Одержавъ, вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ, побѣду, Арсеньевъ навсегда сошелъ съ арены практической судебной дѣятельности. Но ему пришлось еще послужить судебному дѣлу въ неоднократныхъ докладахъ своихъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, гдѣ онъ долгое время былъ товарищемъ предсѣдателя, а также въ качествѣ члена комиссіи о пересмотрѣ законоположеній по судебной части, созванной статсъ-секретаремъ Муравьевымъ и очень быстро, вопреки первоначальному плану, обратившейся въ послушное орудіе для перестройки Судебныхъ Уставовъ, въ смыслѣ искаженія ихъ *основныхъ началъ* съ внѣшнимъ улучшеніемъ нѣкоторыхъ *частичныхъ подробностей*. Въ этой комиссіи Арсеньевъ присоединилъ свой голосъ къ немногимъ сторонникамъ старыхъ Судебныхъ Уставовъ и, гдѣ могъ, поддержалъ ихъ своею эрудиціей и убѣдительнымъ словомъ въ защитѣ одного изъ благороднѣйшихъ пріобрѣтеній русской гражданственности, — перенеся затѣмъ эту поддержку на страницы «Внутренняго обозрѣнія» Вѣстника Европы. Здѣсь помѣстилъ онъ, между прочимъ, въ 1896 году горячую защиту суда присяжныхъ противъ развязныхъ и раздутыхъ нападеній на него, шедшихъ отъ лицъ судебнаго вѣдомства, гг. Дейтриха и сенатора Закревскаго, вдругъ ставшаго противникомъ этого суда въ забвеніи своего прежняго служенія ему перомъ и словомъ. Вѣское слово Арсеньева, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на рѣшеніе комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, состоявшееся въ пользу суда присяжныхъ.

Съ марта 1880 года Арсеньевъ дѣйствовалъ, неизмѣнно и неустанно, въ качествѣ *публициста* въ самомъ широкомъ смыслѣ

слова, раздѣляя тревоги, упованія и «упрямство» редакціи «Вѣстника Европы», которая столько лѣтъ, каждый мѣсяцъ, клала свою темно-красную книжку, какъ маленькій кирпичъ, въ медленно и трудно воздвигаемое зданіе общественныхъ правъ и самосознанія. Ему главнымъ образомъ пришлось составлять «Внутреннее обозрѣніе» и значительную часть «Общественной хроники» въ тѣ годы, когда въ руководящихъ общественныхъ сферахъ и во вліятельныхъ органахъ печати великія реформы Александра II были провозглашены заблужденіемъ съ его стороны, и когда цѣлью всѣхъ мѣропріятій и законодательныхъ актовъ рекомендовалось поставить усиленіе власти, какъ таковой, безъ всякихъ соображеній о ея источникѣ и назначеніи. Въ эти именно времена началось у многихъ поспѣшное отреченіе отъ вынесенныхъ изъ шестидесятыхъ годовъ взглядовъ, сопровождаемое ироническимъ къ нимъ отношеніемъ и услужливымъ проведеніемъ въ жизнь учрежденій, заимствовавшихъ изъ времени реформъ лишь названіе или скорлупу, наполненную совершенно инымъ содержаніемъ. Можно было, конечно, въ виду крушенія того, что было дорого, отдаться спеціальнымъ изслѣдованіямъ, уйдя въ область искусства, критики или въ «даль временъ» и довольствуясь сознаніемъ, что не участвуешь въ походѣ противъ недавняго прошлаго и въ торжествахъ по поводу совершаемыхъ надъ нимъ «побѣдъ и одолѣній». Но Арсеньевъ всею своею работою въ «Вѣстникѣ Европы» показалъ, что стихъ поэта—«не иди въ станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть»—для него не пустое слово. Не было общественнаго явленія или новаго закона, не было проекта или статьи, отражавшихъ на себѣ вѣяніе времени, которые не встрѣтили бы спокойной по тону и глубоко содержательной по смыслу критики и отповѣди со стороны его. Какъ опытный хирургъ, не волнуясь и вѣруя въ вѣрность своего діагноза, разсѣкалъ онъ здоровыя по виду оболочки того, въ чемъ хотѣли видѣть salus rei publicae, и блестящій, острый ножъ его анализа обнаруживалъ подъ ними гнилыя мѣста и язвы своекорыстныхъ и грубыхъ побужденій или лицемѣрныхъ вожделѣній. Нѣтъ возможности перечислить въ краткомъ очеркѣ, хотя бы и въ общихъ чертахъ

ѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касался въ теченіе двадцати
яти лѣтъ,—но можно съ полною увѣренностью сказать,
то за это время многочисленные читатели «Вѣстника Евро-
ы» привыкли встрѣчать каждый мѣсяцъ въ его лицѣ
спытаннаго друга, который разъяснитъ имъ многое въ пестрой
обманчивой дѣйствительности, удержитъ ихъ отъ той распро-
траненной у насъ *лъни ума*, которая зоветъ къ примиренію со
многимъ въ этой дѣйствительности по неохотѣ или непривычкѣ
къ напряженному анализу,—поддержитъ, своими неизмѣнными
напоминаніями о вѣчныхъ требованіяхъ человѣческаго духа
и справедливости, sursum corda въ ихъ душѣ—по отношенію
къ вопросамъ свободы совѣсти и слова, земскаго и городского
самоуправленія, правъ и потребностей иноплеменниковъ, на-
роднаго хозяйства, просвѣщенія и законодательства. Обширныя
его знанія, воспоминанія, вынесенныя изъ судебной дѣя-
тельности, и данныя, собранныя при ревизіи, нашли здѣсь
особенно плодотворное примѣненіе. Сознавая, что одно утвер-
жденіе, хотя бы и весьма краснорѣчивое, не есть еще доказатель-
ство,—онъ все, что утверждалъ, всегда подкрѣплялъ рядомъ до-
казательствъ, въ которыхъ исторія, статистика и политическія
науки подаютъ другъ другу руку на защиту лучшихъ помысловъ
и пріобрѣтеній человѣчества въ практическомъ ихъ примѣненіи
къ Россіи. Нѣкоторыя «Внутреннія обозрѣнія» и отдѣльно напеча-
танныя въ «Вѣстникѣ Европы» статьи Арсеньева, бывшія вмѣстѣ
съ тѣмъ предметомъ докладовъ въ Юридическомъ обществѣ
(напр., «Вопросъ о сліяніи властей на низшей ступени государ-
ственнаго управленія»—въ 1886 и 1887 гг., «Сословное начало
въ мѣстномъ самоуправленіи»—въ 1887 г.), представляютъ, по-
мимо жизненнаго содержанія, своего рода историческія изслѣ-
дованія, изъ которыхъ слышится не только справедливый голосъ
судьи, но и вѣщій голосъ вдумывающагося въ будущее своей
родины гражданина. Съ научными и историческими данными
въ рукахъ выступалъ онъ противъ тѣхъ невѣжественныхъ и
близорукихъ политиковъ, которые съ настойчивой самоувѣрен-
ностью думаютъ, что исторія начинается съ ними, и забываютъ
прекрасное изреченіе Бисмарка о томъ, что политическіе пе-

перевороты, глубоко потрясающіе общественный бытъ, почерпают свою силу не въ отвергнутыхъ крайнихъ требованіяхъ меньшин ства, а въ неудовлетворенныхъ справедливыхъ желаніяхъ боль шинства.

Всестороннія изслѣдованія Арсеньева по отношенію къ свобод печати (между прочимъ и обширная статья—«Русскіе законы печати», въ 1869 г.) и настойчивые призывы къ замѣнѣ *истин ною* вѣротерпимостью *формальной*, умышленно подставляемо на мѣсто свободы совѣсти, вошли въ составъ двухъ изданныхъ имъ въ послѣдніе годы сборниковъ: «Законодательство о печати (1904 г.) и «Свобода совѣсти и вѣротерпимость» (1905 г.). Первы изъ нихъ—систематическій обзоръ положенія печати, мѣръ к ея «обузданію» и законовъ о ней за сорокъ восемь лѣтъ, счита съ 1855 г., снабженный богатыми справками о томъ, какъ, по вы раженію Горація, «vexat censura columbas—dat veniam corvis» Онъ проникнутъ одною руководящею идеею, которую—до по явленія сборника—авторъ стремился осуществить въ безплод ныхъ, къ сожалѣнію, трудахъ избранной Академіей Наукъ ко миссіи по разработкѣ вопроса объ облегченіи научной печати отъ цензурныхъ стѣсненій,—и уже послѣ появленія сборника въ трудахъ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ члена госу дарственнаго совѣта Кобеко, образованнаго вслѣдствіе извѣст наго постановленія комитета министровъ 12 декабря 1904 г., признавшаго положеніе русской печати во многихъ отноше ніяхъ совершенно ненормальнымъ. Эта идея нашла себѣ вы раженіе въ слѣдующемъ послѣсловіи къ сборнику: «Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность: вот три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь съ одной стороны уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой—сознаніе солидарности между гражданами. Свобода печати играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ—въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, от дѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, она является

незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякаго права, всякой другой свободы. Мы видѣли только случайные, мимолетные, не полные ея проблески: хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта».—Второй сборникъ есть рядъ соединенныхъ общимъ направленіемъ статей по одному изъ самыхъ больныхъ вопросовъ русскаго государственнаго быта. Совокупность нашихъ законовъ и «ограждающихъ вѣру» постановленій, полицейскихъ распоряженій и даже судебныхъ приговоровъ, въ связи съ готовностью поставленнаго надъ церковью вѣдомства охотно и поспѣшно обращаться къ «мечу свѣтскому», оставляя «мечъ духовный» ржавѣть и порываться паутиной формализма и рутины—еще недавно, до 17 апрѣля 1905 г., представляла собою и подчасъ представляетъ и теперь тяжелое иго надъ святѣйшими потребностями человѣческой души. Раскрѣпощеніе совѣсти подданныхъ русской державы столь же необходимо, какъ за 45 лѣтъ назадъ было необходимо раскрѣпощеніе человѣческой личности. Но глашатаями этой необходимости были у насъ, по разнымъ и иногда прямо противоположнымъ побужденіямъ, немногіе. Рѣдко проникавшіе въ печать случаи насилія надъ совѣстью въ дѣлахъ вѣры, почти всегда лишенные настоящей оцѣнки, не у всѣхъ читателей вызывали краску жгучаго и вполнѣ заслуженнаго стыда. Однимъ изъ такихъ видныхъ и стойкихъ глашатаевъ являлся въ теченіе многихъ лѣтъ Арсеньевъ. Зорко слѣдя за всѣми явленіями въ «вѣдомствѣ» церкви, установляя правильные и широкіе взгляды на вѣротерпимость и свободу совѣсти—и разоблачая софистическое лукавство «ревнителей», утверждающихъ, что допущеніе существованія инославныхъ храмовъ на улицахъ столицы государства, пріобщившагося къ европейскому международному общенію, служитъ будто бы доказательствомъ широкой вѣротерпимости его законодательства,—онъ шагъ за шагомъ разбиралъ оффиціальные отчеты объ успѣхахъ въ борьбѣ съ иновѣріемъ и инославіемъ, призрачность коихъ была затѣмъ установлена комитетомъ министровъ. Указывая, съ фактами въ рукахъ, на ложность запятнаннаго несправедливостью и проявленіемъ насилія пути, на который

давно вступила и съ котораго упорно не желала сходить наш внутренняя политика по отношенію къ расколу и сектантству онъ подвергалъ суровой критикѣ наши карательные за коны, дававшіе опору бездушному судейскому формализм и заставлявшіе страдать душевно людей, которымъ формул «dura lex, sed lex»! не приноситъ ни утѣшенія, ни успокоенія Горячее сочувствіе къ тѣснимымъ за свои религіозныя убѣжде нія сквозитъ во всѣхъ статьяхъ его о насажденіи и огра жденіи вѣры административнымъ воздѣйствіемъ. Въ нихъ он даже нѣсколько измѣняетъ себѣ, и въ спокойный тонъ его поле мики врываются подчасъ ноты возмущенія и негодованія. В своей защитѣ свободы совѣсти онъ—убѣжденный и «неиспра вимый» западникъ—явился союзникомъ старыхъ славянофиловъ лучшіе изъ которыхъ находили, что «истинная церковь гнушается принужденнаго единства или вынужденнаго послушанія, ибо въ дѣлѣ вѣры такое единство есть ложь, а такое послушаніе— есть смерть» (Хомяковъ),—что «церковь немыслима внѣ свобод ной совѣсти, свободно воспріявшей свѣтъ любви и свободно приведенной въ свободный плѣнъ истины и любви» (Константинъ Аксаковъ,—и утверждали, что «костеръ мученика—торжество вѣры; крестовый походъ—ея могила» (Хомяковъ). Но голоса корифеевъ славянофильства не проникалъ въ широкіе круги общества и звучалъ лишь для немногихъ,—статьи же «Внутрен няго обозрѣнія», изъ которыхъ составился сборникъ Ареньева, постоянно обращали вниманіе именно этихъ круговъ на постыдную язву въ нашемъ внутреннемъ организмѣ... Одна эта сторона дѣятельности его, даже если бы послѣдняя не заключала въ себѣ никакихъ другихъ видовъ служенія нравственному развитію общества, заслуживала бы особаго признанія и уваженія.

Несмотря на объективный характеръ и вполнѣ спокойный тонъ статей Арсеньева и тщательное направленіе имъ неизбѣжной въ нѣкоторыхъ случаяхъ полемики на *взгляды*, а не на *личности*,— и быть можетъ, именно вслѣдствіе этого,—статьи эти вызывали нерѣдко ожесточенныя нападенія представителей ретроактив ной политики. Извѣстно, что одно время, ссылаясь на «Вну треннее обозрѣніе», одна московская газета даже требовала

приведенія редактора «Вѣстника Европы» къ вторичной при-
сягѣ на вѣрноподданство... Но это не смущало составителя
«Внутренней хроники». Онъ неизмѣнно, безъ малѣйшихъ от-
ступленій и сдѣлокъ съ «независящими обстоятельствами», въ
теченіе четверти вѣка продолжалъ свою проповѣдь обозрѣвателя
общественной жизни родины. Онъ не смущался тѣмъ, что по
временамъ его «прямолинейность» не нравилась большинству,
зная изъ уроковъ исторіи, что пагубныя для народнаго блага
болѣзни—не всегда тѣ, на которыя слышатся громкія жалобы,
а часто тѣ, привычка къ которымъ даже устраняетъ желаніе
исцѣленія. Поэтому онъ продолжалъ вѣрить, что настойчивыя,
изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, обращенія къ лучшимъ чувствамъ въ
людяхъ не могутъ, не должны пройти безслѣдно. Вдумываясь
во всю эту многолѣтнюю и трудную работу, вспоминая пре-
красныя слова Чаннинга о томъ, что бываютъ времена, когда
лучшая услуга обществу состоитъ въ защитѣ великихъ прин-
циповъ и спокойномъ провозглашеніи ихъ въ духѣ искренней
любви къ людямъ и къ справедливости, нельзя не признать,
что именно *такую* услугу оказалъ нашему обществу Арсеньевъ.
Къ нему, въ значительной степени, примѣнимо то, что онъ ска-
залъ о Салтыковѣ: «И ему приходилось констатировать всеобщій
упадокъ, указать надвигающіяся тучи, освѣтить неприглядность
настоящаго, чтобы спастись отъ еще болѣе неприглядnаго бу-
дущаго—и, однажды занявъ сторожевой постъ, уже не сходить
съ него въ самый разгаръ бури, сигнализируя не только близкую
опасность, но и отдаленные подводные камни, къ которымъ нес-
лось господствующее теченіе».

Довольно поздно въ своей литературной дѣятельности сталъ
Арсеньевъ *критикомъ*. Быть можетъ, вслѣдствіе этого онъ свобо-
денъ въ своихъ критическихъ работахъ отъ тѣхъ крайностей,
въ которыя, за небольшими исключеніями, впадало большинство
нашихъ критиковъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія.
Его работы по русской литературѣ, появлявшіяся въ «Вѣстникѣ
Европы» съ 1883 г. и вошедшія, въ значительной своей части,
въ изданные въ 1888 г. два тома «*Критическихъ этюдовъ*», не
представляютъ ни односторонникъ и намѣренно тенденціозныхъ

упражненій *по поводу* разбираемыхъ произведеній, ни подробна
изложенія ихъ «своими словами», съ коротенькими «приговорам
болѣе богатыми восклицаніями и вопросительными знака
чѣмъ мотивами,—ни высокомѣрнаго «обрыванія» автора и г
мленія надъ выхваченными безъ связи со всѣмъ его произв
деніемъ мѣстами, приводимыми въ освѣщеніи, не отличающем
добросовѣстностью. Привычка автора къ судебной дѣятельнос
сказалась и въ его критической оцѣнкѣ писателей, въ ея по
нотѣ, обдуманной опредѣленности и доказательности, въ
внимательномъ изученіи мотивовъ творчества писателей и ст
мленіи точно выяснить идею и тенденцію ихъ произведеній,
ществующія рядомъ и отнюдь не исключающія одна друг
Наибольшіе по размѣрамъ и по богатству содержанія очер
посвящены имъ — Салтыкову («Русская общественная жиз
въ сатирѣ Салтыкова») и Некрасову. *Первый* изъ ни
отличается множествомъ интересныхъ изслѣдованій по
щимъ вопросамъ словесности: о задачахъ и пріемахъ сатир
объ отличіи ея отъ фельетона и каррикатуры, о психологич
скомъ въ ней элементѣ, о смѣшеніи утрировки съ прозорливост
дающею возможность истинному таланту подмѣтить «тѣн
отбрасываемую грядущимъ»; *второй*—теплотою чувства, съ к
торымъ авторъ становится на защиту «печальника горя нар
наго» противъ близорукихъ обвиненій въ неискренности и фал
ши, горячо доказывая, что «спеціальный чуланчикъ», въ кот
ромъ, по увѣренію противниковъ поэта, будто бы была замкну
его мысль—былъ «безграничной областью вѣры въ русскій н
родъ и любви къ нему». Стремленіе ободрить начинающихъ п
сателей, столь у насъ рѣдкое,—желаніе подвязать имъ крылья
идетъ у автора наряду со строгимъ отношеніемъ къ тому у
требленію, которое писатели съ упроченными именами сдѣла
изъ своихъ дарованій, размѣнявъ ихъ на мелкую монету, со
вѣтствующую «злобѣ дня», или отдавъ ихъ на служеніе визан
тизму и движенію вспять. Находя, что проповѣдь истинна
снисхожденія и любви не имѣетъ ничего общаго съ прекрасно
душіемъ и безразличіемъ, онъ признаетъ, что формула всепр
щенія, т. е. заглушенія въ себѣ чувства негодованія, которому

днако, столь многимъ обязана, между прочимъ, и поэзія,—не-
игодна для дѣйствительной жизни, и съ этой точки зрѣнія
тносится къ разбираемымъ произведеніямъ (напр., въ статьяхъ:
Поэтъ и тенденціозный писатель», «Романъ, какъ орудіе ре-
ресса»), какъ бы примѣняя къ нимъ средневѣковую поговорку:
quid proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit quam
roficit». Иностраннымъ писателямъ онъ посвятилъ тоже
ногія свои работы (Давидъ Штраусъ, Ренанъ, Фрейтагъ, Шпиль-
агенъ, Ауэрбахъ, Флоберъ, Гонкуръ, Доде, Зола, Мишле, Со-
рель и др.), сопровождая ихъ изслѣдованіями о психологіи
творчества, объ опытахъ построенія научной критики и о теоріи
экспериментальнаго романа. Эти литературные труды были
оцѣнены Академіей Наукъ, избравшей Арсеньева, въ 1901 году,
ъ почетные академики. Какъ опытный литературный дѣятель,
онъ принялъ на себя въ 1893 г. огромный и отвѣтственный трудъ
главнаго редактированія Энциклопедическаго словаря Брок-
гауза-Ефрона, нынѣ законченнаго. Какъ членъ семьи писателей,
онъ состоялъ неоднократно членомъ комитета и предсѣдате-
лемъ Литературнаго фонда.

Жадная къ познаніямъ, воспріимчивая къ впечатлѣніямъ
и неустанная въ проявленіи своей удивительной, не трогаемой
временемъ, работоспособности—натура Арсеньевъ не могла удо-
влетвориться кабинетнымъ трудомъ мыслителя и публициста.
Ей нужно было приложить къ живому дѣлу то, что выросло и
наболѣло въ многолѣтней работѣ души. Отсюда жажда *обще-
ственной дѣятельности* и приступъ къ ней при первой воз-
можности, съ начала 80-хъ годовъ, въ качествѣ гласнаго Луж-
скаго земскаго собранія, гласнаго Петербургскаго губернскаго
земства, почетнаго мирового судьи и предсѣдателя мѣстнаго
училищнаго совѣта. Земской службѣ онъ отдался съ увле-
ченіемъ, не жертвуя ею никакимъ другимъ многосложнымъ
занятіямъ, изучая и разработывая мелкіе и дробные вопросы
мѣстнаго самоуправленія и хозяйства съ тѣмъ же вниманіемъ,
какое подмѣчается въ его отношеніи къ самымъ серьезнымъ
судебнымъ процессамъ и къ обширнымъ и многозначительнымъ
вопросамъ права, морали или политики. Какъ для юриста въ

истинномъ смыслѣ слова, для него, конечно, не существуетъ
всѣхъ сферахъ его дѣятельности дѣлъ важныхъ и неважныхъ
обязанностей серьезныхъ и несерьезныхъ, а есть лишь трудны
и легкія, выполняемыя съ совершенно одинаковою добросовѣс
ностью и точностью. Глубокій интересъ къ земской дѣятельнос
и живое участіе къ ней Арсеньева оставили свой ясный слѣдъ
замѣчательной статьѣ его «По поводу реформы земскихъ учр
жденій», напечатанной въ 1888 г., когда, къ сожалѣнію, назрѣ
ло, осуществленное впослѣдствіи преобразованіе ихъ въ бюр
кратическомъ смыслѣ. Картина дѣятельности и заслугъ русски
земскихъ установленій, нарисованная любящею рукою на фо
точныхъ данныхъ и заставляющая автора признать Положен
1 января 1864 г. однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ царствован
Александра II, смѣняется въ ней безпристрастной оцѣнкою н
паденій на эти учрежденія, провозглашаемыя въ печальну
эпоху «реформы реформъ» ошибкою этого царствованія. Нап
денія эти, однако, сдѣлали свое дѣло, и безсословное земств
въ которомъ *сознаніе права* на свободную отъ административн
опеки дѣятельность вызывало *чувство обязанности* и служи
стимуломъ для плодотворной работы, обращено было въ сосло
ное безвластное юридическое лицо, не причастное къ госуда
ственной жизни, подчиненное іерархической лѣстницѣ начальств
облеченное, въ лицѣ представителей своихъ исполнительны
функцій, въ вицъ-мундиръ, согрѣваемое лучами изъ капиту
орденовъ и угрожаемое знаменитымъ третьимъ пунктомъ
Страницы, посвященныя борьбѣ противъ *такого* перерожден
земства, принадлежатъ къ лучшимъ публицистическимъ раб
тамъ Арсеньева. Оставшись вѣренъ службѣ земскому дѣлу да
и при тяжелыхъ условіяхъ его существованія, онъ принес
свой испытанный навыкъ къ общественному самоуправлени
въ открывшуюся предъ нимъ дѣятельность гласнаго преобра
зованной въ 1903 г. Петербургской городской думы, въ работах
которой принялъ самое живое и всестороннее участіе.

Эта разнообразная дѣятельность не помѣшала ему устраивать
въ нѣдрахъ своей семьи, для друзей и знакомыхъ, литературны
вечера, на которыхъ разработывались вопросы искусства, литера

турной критики, религіи и нравственной философіи, при чемъ доклады и возраженія обыкновенно оканчивались полнымъ глубокаго и всесторонняго содержанія заключеніемъ самого хозяина дома. Гостямъ приходилось слышать доклады Спасовича, Владиміра Соловьева, переводчика и знатока Шекспира Соколовскаго, Бобарыкина, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Набокова, Неплюева, П. Н. Тарновской, пишущаго эти строки и другихъ— и не разъ уходить съ освѣжающими и ободряющими впечатлѣніями.

Когда среди неустанной работы наступилъ для Арсеньева день пятидесятилѣтія его общественно-литературной дѣятельности, почитатели его, вопреки и въ нарушеніе его всегдашней скромности, рѣшили почтить его особымъ торжествомъ, на призывъ къ которому откликнулись, забывая раздѣляющіе ихъ оттѣнки политическихъ убѣжденій и взглядовъ, весьма и весьма многіе. Предъ юбиляромъ, душевная бодрость котораго осталась нетронутой, несмотря на сѣдину и слѣды усталости на блѣдномъ лицѣ, предстали со своими привѣтствіями представители Академіи Наукъ и Разряда изящной словесности, Петербургскаго и Московскаго университетовъ, Губернскаго и Лужскаго уѣзднаго земствъ, Петербургской городской думы, юридическаго и вольно-экономическаго обществъ, столичнаго мирового съѣзда и совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, литературнаго фонда и ряда просвѣтительно-благотворительныхъ обществъ, а также различныхъ журналовъ и изданій. Петербургскій университетъ возвелъ его въ степень доктора государственнаго права honoris causa, Московскій выбралъ своимъ почетнымъ членомъ, а Лужское уѣздное земство постановило открыть два училища имени юбиляра въ ознаменованіе его плодотворной дѣятельности въ своей средѣ. Во всѣхъ привѣтствіяхъ и адресахъ звучала одна безусловная нота уваженія къ личности и трудамъ Арсеньева и благодарное воспоминаніе о послѣднихъ.

Въ словѣ своемъ на обѣдѣ присяжный повѣренный А. С. Зарудный, сынъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ создателей Судебныхъ Уставовъ, незабвеннаго Сергѣя Ивановича Заруднаго, высказалъ Арсеньеву «по праву представленія» сердечное привѣт-

ствіе отъ своего давно умершаго отца, въ остроумной форм
изобразивъ, что и какъ сказалъ бы послѣдній—если бы мог
участвовать въ торжествѣ—по поводу плодотворной дѣятель
ности юбиляра на почвѣ, созданной Судебными Уставами 186
года. Ораторъ вспомнилъ, что на вечеръ, данный его отцом
въ день десятилѣтія этихъ Уставовъ, были приглашены одн
участники этой великой законодательной работы и, въ вид
исключенія, лишь двое изъ сравнительно молодыхъ судебных
дѣятелей, въ которыхъ благородный участникъ судебной ре
формы видѣлъ товарищей по духу и практическихъ продолжа
телей своего дѣла. Это были Арсеньевъ и пишущій эти строки,—
тогда молодой прокуроръ Петербургскаго окружного суда
Въ виду этого ораторъ заявилъ настойчивое желаніе присут
ствующихъ услышать, между прочими, и мое привѣтствіе юби
ляру. Пришлось подчиниться и сказать слѣдующее:

«А. С. Зарудный поступилъ довольно жестоко, заявивъ совер
шенно неожиданное мною требованіе услышать, между прочим
и слово стараго гостя своего знаменитаго отца въ памятны
день десятилѣтія Судебныхъ Уставовъ. Повинуюсь, хотя и нахо
жусь въ большомъ недоумѣніи. Что могу сказать я? Съ какой
новой точки зрѣнія освѣтить личность и дѣятельность юбиляра?
Все это уже сдѣлано такъ полно и всестороннее, что, кажется,
прибавить нечего. Произведенъ не только синтезъ, но и подробный
анализъ того, что представляетъ собою имя «К. К. Арсеньевъ».
Онъ весь разобранъ, какъ здѣсь говорили, по косточкамъ. Оста
валось бы повторять то, что говорили съ такой теплотой и
блескомъ предшествующіе ораторы, лишь добавляя кое-что изъ
области личныхъ воспоминаній и, являясь, такъ сказать, сви
дѣтелемъ прошлаго. Такъ—къ словамъ говорившаго о первых
годахъ адвокатской дѣятельности юбиляра, я могъ бы присое
динить мои воспоминанія о томъ времени, когда мнѣ приходилось
бывать не разъ противникомъ и вмѣстѣ ученикомъ его въ давно
забытыхъ судебныхъ бояхъ, изъ которыхъ я всегда выходилъ
съ глубокимъ уваженіемъ къ моему побѣдителю. Я могъ бы
вспомнить ту безукоризненность пріемовъ и то высокое дарова
ніе, которое онъ вносилъ въ веденіе судебнаго дѣла, когда его

рѣчь лилась, какъ многоводная рѣка, неотразимо, но безъ шума размывая и сокрушая преграды на своемъ пути, и когда въ ея чистыхъ струяхъ безчисленными яркими огоньками отражался свѣтъ искренняго убѣжденія. Потомъ эта рѣка разлилась широко, освѣжая далекія нивы и ободряя смущенныя подчасъ сердца! Къ словамъ тѣхъ, кто говорилъ о трудахъ его для укрѣпленія и вѣрнаго пониманія Судебныхъ Уставовъ, я могъ бы добавить, что Уставы эти явились, какъ то, что въ римскомъ правѣ называется insula in flumine nata. На этомъ островѣ былъ зажженъ впервые, какъ маякъ, огонь настоящаго правосудія. Но вскорѣ наступили трудныя времена: волны вражды и вольнаго или невольнаго невѣжества стали заливать берега этого острова, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ. И съ самаго острова началось бѣгство на болѣе спокойный, удобный и выгодный материкъ, а число тѣхъ, кто со старой вѣрой, но съ колебающейся надеждой поддерживалъ огонь и проливаемый имъ свѣтъ, загораживая его собою отъ вѣтра, становилось все меньше и меньше. Для этого меньшинства, вслѣдствіе пагубнаго для него незнанія миѳологіи, Ѳемида была, какъ выразился Спасовичъ, «Афродитой, вышедшей изъ пѣны морской». Но несмотря на то, что враги и ложные друзья исказили ея чарующій образъ, и что ея станъ согнулся, волосы порѣдѣли, зубы выпали, чистое чело покрылось морщинами и здоровый цвѣтъ лица смѣнился чахоточнымъ румянцемъ,—это меньшинство оставалось ей вѣрно, потому что и въ частной и въ общественной жизни первая любовь, вошедшая въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти. Я напомнилъ бы, какую поддержку и ободреніе находили себѣ въ трудахъ юбиляра тѣ, кому были дороги Судебные Уставы. Я напомнилъ бы и о позднѣйшемъ времени... Тогда руки, вскормленныя этими Уставами, дерзновенно поднялись на нихъ, и подъ предлогомъ *ремонта*, предприняли ихъ разрушеніе, отдавая слѣдствіе въ руки полиціи, оставляя ближайшій къ народу судъ въ распоряженіи земскихъ начальниковъ, уничтожая единство кассаціоннаго суда, не допуская несмѣняемости мѣстныхъ судей, колебля безъ всякой нужды представленіе объ устойчивости суда присяжныхъ и низводя судью въ служебное положеніе обыкно-

веннаго чиновника. Юбиляръ былъ призываемъ украсить своимъ *именемъ* комиссію, въ которой разработывалась эта почтенная задача, но онъ принесъ въ нее однако не только свое имя, но и твердое исповѣданіе вѣры стараго судебнаго дѣятеля и тѣмъ облегчилъ и укрѣпилъ омраченную душу тѣхъ, къ сожалѣнію, немногихъ, которые оставались, безъ надежды на успѣхъ, вѣрны старому чувству ясныхъ дней первыхъ годовъ судебной реформы. Я присоединился бы и къ привѣтствію, произнесенному отъ имени давно покойнаго, такъ много сдѣлавшаго и такъ страдавшаго на границѣ обѣтованной земли, С. И. Заруднаго. Нашъ юбиляръ, конечно, не разъ въ своей жизни чувствовалъ необходимость пожатія дружеской руки. Принявъ на себя то, что въ гражданскомъ правѣ называется *представительствомъ безъ полномочія*, я напомнилъ бы ему о двухъ дорогихъ ему усопшихъ: о Владимірѣ Даниловичѣ Спасовичѣ и Валеріанѣ Александровичѣ Половцовѣ. Будь они живы—первый изъ нихъ, вспомнивъ тѣ битвы, «гдѣ вмѣстѣ рубились они», горячо протянулъ бы ему руки и своимъ живымъ и памятнымъ намъ всѣмъ языкомъ, воскликнулъ бы: «Константинъ Константиновичъ! какой счастливый день! вѣдь вашъ юбилей *диво-дивное*, о которомъ мы и мечтать не могли!» А другой—одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ судебнаго вѣдомства,—въ молчаливомъ сердечномъ порывѣ, крѣпко сжалъ бы его руку въ своей честной, безтрепетной рукѣ.

VIII.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Будучи студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета въ первой половинѣ шестидсятыхъ годовъ, я много занимался уголовнымъ правомъ и написалъ кандидатскую диссертацію «О правѣ необходимой обороны», напечатанную по постановленію Совѣта университета въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Эта диссертація послужила поводомъ къ предложенію мнѣ остаться при университетѣ по кафедрѣ уголовнаго права. Несмотря на всю заманчивость возможности сдѣлаться профессоромъ старѣйшаго русскаго университета, гдѣ еще недавно читалъ Грановскій и гдѣ еще не смолкло вѣщее и глубокое слово С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина и блестящая талантливая импровизація Н. И. Крылова, я не могъ принять условіе, съ которымъ было связано это предложеніе. Оно состояло въ обязательствѣ почти немедленно послѣ окончанія курса начать читать лекціи по уголовному праву. Московскій университетъ воспитывалъ въ насъ не только живой интересъ къ наукѣ, но и уваженіе къ ней, и мнѣ казалось непозволительнымъ скомпилировать свои лекціи изъ разныхъ книжекъ, не разрѣшивъ для себя путемъ самостоятельнаго труда нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ моего предмета. Не могъ я и jurare in verba ma-

gistri, потому что этотъ magister былъ человѣкъ научно отсталый, своеобразныхъ взглядовъ котораго я не раздѣляло. Поэтому я былъ лишь рекомендованъ министерству Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ моими товарищами Морошкинымъ и Хлѣбниковымъ для внесенія въ списокъ отправляемыхъ за границу для занятій подъ руководствомъ Н. И. Пирогова. Въ ожиданіи этой отправки, которая могла состояться не ранѣе какъ черезъ годъ (а затѣмъ и не состоялась вовсе вслѣдствіе внезапнаго отозванія Пирогова въ 1866 г. изъ Лейпцига и прекращенія на нѣкоторое время этихъ учебныхъ командировокъ), пришлось поступить на службу. Кратковременное пребываніе мое въ Государственномъ Контролѣ, обновляемомъ и преобразовываемомъ Татариновымъ, было прервано предложеніемъ поступить въ Военное министерство для юридическихъ занятій, послѣдовавшимъ на основаніи рекомендаціи университета на запросъ Военнаго министра Милютина. Здѣсь пришлось мнѣ его видѣть въ первый разъ и испытать дѣловую привѣтливость, съ которою онъ умѣлъ отнестись къ недавнему студенту, еще чуждому служебныхъ обычаевъ. Причисленный къ Военному министерству, я былъ откомандированъ въ распоряженіе дежурнаго генерала (такъ называлась тогда позднѣйшая должность начальника Главнаго Штаба), графа Ѳедора Логгиновича Гейдена, человѣка въ высшей степени симпатичнаго и трудолюбиваго. Онъ разрѣшилъ мнѣ не носить форменнаго платья и представлять мои работы ему непосредственно, минуя разныя канцелярія инстанціи.

Подъ его высшимъ управленіемъ находились два совершенно разныхъ по составу и характеру дѣятельности и даже по внѣшнему виду служащихъ учрежденія: Инспекторскій Департаментъ и Генеральный Штабъ. Въ первомъ сидѣли гражданскіе чиновники Военнаго министерства, «дьяки, въ приказахъ посѣдѣлые», угрюмо замкнувшіеся въ свои служебные интересы, и за небольшими исключеніями люди рутины, съ явнымъ недоброжелательствомъ относившіеся къ «учёному», поставленному внѣ условій іерархическаго чиноначалія и субординаціи. Большія стеклянныя двери отдѣляли это чернильное царство отъ комнатъ, занимаемыхъ Генеральнымъ Штабомъ. Тамъ дышалось легче, вѣяло

образованіемъ и широкими взглядами, и тамъ меня всегда привѣтливо и съ полной готовностью помогать въ работѣ встрѣчали, безъ различія ранговъ, просвѣщенные и живые люди, о многихъ изъ которыхъ я сохранилъ доброе воспоминаніе. Мнѣ поручались графомъ Гейденомъ спеціальныя историко-юридическія работы, необходимыя для разныхъ преобразованій, назрѣвшихъ въ Военномъ министерствѣ. Приходилось посѣщать архивъ и читать иностранные источники по вопросамъ военной администраціи и юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено состоять въ распоряженіи генералъ-аудитора В. Д. Философова и по его указаніямъ участвовать въ различныхъ работахъ по выработкѣ военно-судебныхъ уставовъ. Послѣднія работы были мнѣ особенно по душѣ, по представляемому ими интересу и по возможности ближе ознакомиться съ благородною личностью Философова, подъ суровой наружностью котораго билось доброе и правдивое сердце. Раза два мнѣ пришлось представлять, по порученію Гейдена, различныя справки и выписки изъ моихъ работъ и Военному министру и удивляться его способности быстро и точно оріентироваться въ вопросахъ юридическаго характера. При мнѣ же совершилось и сліяніе Инспекторскаго Департамента съ Генеральнымъ Штабомъ въ одно общее учрежденіе, подъ названіемъ Главнаго Штаба, при чемъ начальникомъ его былъ назначенъ графъ Гейденъ. Передъ этимъ однако мои «дьяки» попытались подвести «пришлеца» подъ общее иго канцелярскихъ порядковъ. Собравшись, съ разрѣшенія графъ Гейдена, ѣхать на Пасху въ Москву для свиданія съ моей матерью, я получилъ отъ экзекутора Инспекторскаго Департамента повѣстку о назначеніи меня дежурнымъ въ пасхальную ночь по пріему пакетовъ. Нужно было негодующее распоряженіе графа Гейдена, чтобы объяснить кому слѣдуетъ, что въ занятія, для которыхъ я состою при министерствѣ, не входитъ ночное бдѣніе на протертомъ клеенчатомъ диванѣ передъ грязнымъ столомъ, закапаннымъ сюргучомъ и стеариномъ, въ обществѣ кого-либо изъ опальныхъ курьеровъ. Вскорѣ послѣ этого, 17 апрѣля 1866 года, должны были открыться въ Петербургѣ новыя судебныя учрежденія. Меня тянуло въ нихъ неудержимо, и на запросъ старшаго предсѣдателя

Петербургской Судебной Палаты—нѣтъ ли препятствій къ перемѣщенію меня на должность помощника секретаря (которая была гораздо ниже занимаемаго мною въ Военномъ министерствѣ положенія, дававшаго возможность разсчитывать на дальнѣйшую службу по военно-судебному вѣдомству), послѣдовалъ отвѣтъ: «Желалъ бы удержать, но не считаю себя въ правѣ».

Прошло двѣнадцать лѣтъ моей дѣятельной службы на судебномъ поприщѣ. Въ 1878 году мнѣ пришлось предсѣдательствовать въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ по громкому дѣлу, взволновавшему самые разнообразные круги Петербурга. Оправдательный приговоръ присяжныхъ, встрѣченный одними съ шумнымъ восторгомъ, а другими съ гнѣвнымъ изумленіемъ, далъ поводъ къ серьезной вдумчивости въ общественное настроеніе и къ признанію, что тамъ, гдѣ оказывается безсильной судебная терапія, необходимо видѣть недостатокъ общественной гигіены. Приговоръ присяжныхъ былъ извѣстнаго рода показателемъ, а не единичнымъ, не имѣющимъ органической связи со всѣмъ окружающимъ, случаемъ. Но съ этой точки зрѣнія на него не хотѣли взглянуть, и вмѣсто выясненія причинъ, вызвавшихъ самый процессъ и его исходъ, стали искать виновника послѣдняго. Присяжные, почерпнутые ковшомъ изъ моря обыденной жизни, опять ушли въ нее и были въ качествѣ виновныхъ неуловимы. Прокурорскій надзоръ, представленный малодушнымъ и бездарнымъ обвинителемъ, находилъ себѣ въ іерархическомъ порядкѣ защитниковъ не желавшихъ признавать собственныхъ ошибокъ, и виновнымъ оказался предсѣдатель, строго исполнявшій предписанія Судебныхъ Уставовъ и желавшій въ области правосудія служить, но не оказывать услуги. На него и посыпались различныя обвиненія, въ которыхъ полное незнакомство съ правилами уголовнаго процесса смѣшивалось съ сознательнымъ закрываніемъ глазъ на дѣйствительныя причины состоявшагося оправданія. Всѣ члены одного высокаго совѣщанія, собраннаго по поводу этого дѣла, сошлись на томъ, что единственная причина зла—это предсѣдатель. И раздался лишь одинъ голосъ, который вступился за судью, исполнявшаго свой долгъ. Этотъ голосъ принадлежалъ Дмитрію Алексѣевичу Милютину.

Съ душевной отрадой узнавъ объ этомъ заступничествѣ, я
ылъ вскорѣ обрадованъ представившеюся мнѣ возможностью
ичнаго, уже не служебнаго знакомства съ Милютинымъ. Часы,
роведенные въ его миломъ семействѣ, никогда не изгладятся изъ
оей памяти: такъ все было тамъ просто, естественно и проник-
уто доброжелательнымъ взглядомъ на людей. Я имѣлъ случай
ично убѣдиться въ справедливости слѣдующаго отзыва Бориса
иколаевича Чичерина, сдѣланнаго имъ въ своихъ запискахъ,
оторыя, къ сожалѣнію, еще не скоро увидятъ свѣтъ: «Милютинъ
чаровалъ меня съ перваго раза. Необыкновенная сдержанность
скромность, соединенная съ мягкостью формъ, тихая рѣчь, всег-
ашняя дружелюбная обходительность, при отсутствіи малѣй-
ихъ претензій, все въ немъ возбуждало сочувствіе. Когда же я
знался его поближе, я не могъ не испытать глубокаго уваженія
ъ благородству его души и къ высокому нравственному строю
го характера, который, среди величайшихъ почестей и соблаз-
овъ власти, сохранился всегда чистъ и независимъ». По вече-
амъ, когда всѣ собирались за чаемъ, приходилъ усталый отъ
невной работы Дмитрій Алексѣевичъ и отдыхалъ за разгово-
омъ объ искусствѣ и литературѣ, при чемъ въ его мнѣніяхъ и
амѣчаніяхъ сквозили самостоятельность и тонкая наблюдатель-
ость въ областяхъ, чуждыхъ его обычнымъ громаднымъ заня-
іямъ. Мнѣ помнится между прочимъ довольно длинный разговоръ
Салтыковѣ-Щедринѣ. Дмитрій Алексѣевичъ былъ большимъ
очитателемъ Салтыкова и, отдавая справедливость тому искус-
тву, съ которымъ знаменитый сатирикъ, путемъ яркихъ иноска-
аній умѣлъ освѣщать и придавать рельефъ больнымъ мѣстамъ
овременности, съ удивленіемъ отмѣчалъ полное непониманіе въ
ысшихъ правительственныхъ кругахъ смысла сатиры Щедрина,
которой видѣли одинъ лишь увеселительный и забавный юморъ.
Видѣть Милютина въ его житейской обстановкѣ, чуждой холод-
ой свѣтской условности, сознавая, что онъ въ то же время одинъ
изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей,—было и
отрадно и поучительно. Я всегда въ жизни мысленно ставилъ себя
на мѣсто слушателей французскаго мыслителя Виктора Кузена,
который, обращаясь къ нимъ въ своей прощальной лекціи на

College de France, сказалъ:—entretenez en vous le noble se ment du respect—sachez adamirer!

«Непріятель найдетъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя валины»,—гласила депеша князя Горчакова о взятіи союзни многострадальнаго города въ августѣ 1855 г.;—но Россія на въ этихъ развалинахъ зерно обновленія. Севастопольскій пог блистательно подтвердивъ прекрасныя свойства русскаго ч вѣка, выражавшіяся между прочимъ въ его умѣніи *умир* доказалъ совершенную непригодность общественнаго быта и в но-бюрократическаго строя для *жизни* этого человѣка. Иванъ Аксаковъ въ одномъ изъ писемъ къ своему отцу указыв что этотъ бытъ и строй представляютъ лишь *фасадъ* зданія о ственнаго благополучія и государственной мощи, за котор нѣтъ ничего или очень часто есть лишь мерзость запустѣнія. виду того, что фасадъ этотъ сталъ разрушаться и трескаться имѣя сзади себя никакой опоры, необходимо было расчис мѣсто и начать постройку вновь со свѣжими силами и съ нов матеріаломъ. Въ правящихъ кругахъ военнаго вѣдомства, с нуждавшагося въ обновленіи, такихъ дѣятелей налицо не б Завѣты великаго Петра и направленіе, данное имъ военному д въ Россіи, ко времени Крымской войны были забыты такъ же, и самобытные, исполненныя пониманія души русскаго сол пріемы Суворова. На армію смотрѣли, какъ на бездушный м низмъ, и центръ тяжести военной службы былъ перемѣщен парады и смотры. Чѣмъ больше походилъ солдатъ на авто тѣмъ выше цѣнились служебныя достоинства его начальс Недаромъ одному изъ очень высокопоставленныхъ мирныхъ роевъ военнаго дѣла приписывались слова, что война крайне желательна лишь потому, что *портитъ солдатъ*, *пачкаетъ* *диры и разрушаетъ строй*, а другой объявлялъ въ приказѣ мѣчаніе командиру за то, что нижніе чины ввѣреннаго ему по шли не въ ногу... изображая римскихъ воиновъ въ оперѣ «Нор Условія службы были крайне тяжелы: она продолжалась 25 вырывая молодого человѣка изъ семьи и трудовой среды и вращая его въ нее чуждымъ и измученнымъ старикомъ, нен нымъ и запоздалымъ гостемъ. Побои и всякаго рода «муштра»

провождали обученіе строю и вытягиванію носка; тяжкія тѣлесныя наказанія являлись результатомъ дисциплинарныхъ нарушеній, а прогнаніе сквозь строй, или такъ называемые шпицрутены, мрачно оттѣняли собою военно-бытовую картину. Достаточно прочесть описаніе «зеленой улицы» у Ровинскаго или въ разсказѣ «Послѣ бала» Толстого, чтобы содрогнуться и за жертву, и за исполнителей, и за свидѣтелей. Ни пребываніе въ этой тяжкой школѣ, ни оставленіе ея не были обставлены мало-мальски сносными условіями. Солдатъ плохо одѣвали и скудно питали, потому что въ хозяйственномъ отношеніи непосредственное командованіе войсковыми частями, напоминая наше допетровское «кормленіе», являлось зачастую средствомъ беззастѣнчивой наживы. Слова Петра «понеже корень всему злу есть сребролюбіе, того для всякъ командующій долженъ блюсти себя отъ неправаго прибытка и не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольнымъ быти опредѣленнымъ, а такой командиръ, который лакомство великое имѣетъ, не много лучше измѣнника почтенъ быти можетъ», звучали — если случайно и вспоминались — какъ анахронизмъ. Изъ записокъ и воспоминаній Пирогова видно, въ какомъ возмущавшемъ его благородное сердце положеніи находилось лѣченіе больныхъ солдатъ, при которомъ правильному врачеванію и уходу отводилось самое послѣднее мѣсто среди проявленій грубости пріемовъ, своекорыстія и всякаго рода хищеній со стороны «дубовыхъ—по выраженію Петра—сердецъ». А обезпеченіе на старость послѣ поглотившей лучшіе, трудоспособные годы службы было анекдотически ничтожно, да и доставалось только прошедшимъ черезъ цѣлый рядъ формальныхъ мытарствъ. Недаромъ у Некрасова отставной солдатъ говоритъ, что ему «пенсіи выдать не велѣно: сердце насквозь не прострѣлено». Нужно ли говорить, на какой низкой ступени стояли мѣры къ нравственному и умственному развитію «автоматовъ». Въ этомъ отношеніи приводимое Герценомъ въ извѣстномъ разсказѣ о витіеватомъ отвѣтѣ солдата съ двумя Георгіями восклицаніе генерала: «Въ гробъ заколочу Демосѳена!» представляется очень характернымъ.

Очевидно, что коренная реформа была неизбѣжна. Наравн
со всѣми реформами шестидесятыхъ годовъ, она вытекала
только изъ сознанія необходимости, но и изъ довѣрія къ д
ховнымъ силамъ народа. Какъ нѣкогда Петръ Великій с
вершенно обновилъ весь строй и организацію арміи, такъ
тутъ было неизбѣжно, послѣдовательно и настойчиво, пер
создать оказавшееся гнилымъ устройство, такъ тяжко отра
зившееся не только на всей народной жизни, но и на д
стоинствѣ и силѣ Россіи. Но для этой задачи въ правя
щихъ кругахъ Петербурга не было однако *одного* необ
ходимаго элемента—реформатора. Ближайшіе военные мини
стры предшествовавшаго времени были представителями рутины
Заботами князя Чернышева была подготовлена та армія, кото
рой приходилось умирать въ Крыму и на Дунаѣ, съ плохимъ
устарѣлымъ оружіемъ, съ недостаткомъ пороха и снарядовъ
Она, конечно, не могла, несмотря на весь свой героизмъ
умѣньемъ маршировать и строиться подъ предводительством
бездарныхъ и самонадѣянныхъ фронтовиковъ замѣнить, пред
лицомъ, непріятеля необходимую боевую подготовку. Замѣнив
шій Чернышева князь Долгорукій сосредоточилъ свое вниманіе
на переобмундированіи войска, а престарѣлый генералъ Сухо
занетъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ свойствахъ, (при немъ
уничтожены, между прочимъ, школы военныхъ кантонистовъ
былъ до того не отвѣтственъ въ смыслѣ современной науки
что нѣкоторыя его резолюціи не забыты до сихъ поръ, какъ
напримѣръ, приписываемая ему: «Сумлеваюсь штопъ Прискорбі
(Брискорнъ) могъ оболванить ефто дело кюлю (къ іюлю)».

Такимъ реформаторомъ явился Милютинъ. «Кабинетный
ученый, теоретикъ», говорили про него его противники.—Да
ученый—это вѣрно и притомъ, подобно Пирогову, съ самой
юности. Питомецъ «благороднаго пансіона» при московскомъ
университетѣ, онъ написалъ и издалъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду,
«Руководство къ съемкѣ плановъ». Затѣмъ сотрудникъ энцикло-
педическихъ изданій, авторъ многихъ изслѣдованій по военной
статистикѣ и географіи, статьи «Суворовъ, какъ полководецъ»,
послужившей своего рода увертюрой къ громадному классиче-

кому по основательности, изложенію и настоящему патріотизму труду «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей», увѣнчанному Академіей Наукъ, и наконецъ профессоръ военной академіи... *Кабинетный*—тоже да! если кабинетъ противополагать передней, почтительнымъ пребываніемъ въ которой нерѣдко дѣлается карьера. Но можно ли назвать теоретикомъ человѣка, прослужившаго до профессорской кафедры пять лѣтъ на Кавказѣ, на тогдашнемъ, боевомъ Кавказѣ, раненаго тамъ и занявшаго затѣмъ дѣятельный и сопряженный съ личнымъ участіемъ въ окончательной побѣдѣ надъ Шамилемъ постъ начальника штаба кавказской арміи? Едва ли можно было найти для преобразованія военной части лицо, къ которому съ большимъ правомъ можно было примѣнить англійскую поговорку о «настоящемъ человѣкѣ на настоящемъ мѣстѣ». Призванный осенью 1861 года стать во главѣ военнаго вѣдомства онъ совершилъ громадную работу перестройки на новыхъ началахъ русской военной силы, ея хозяйства, ея суда. «Онъ одинъ въ Россіи,—говоритъ о немъ Чичеринъ—могъ совершить великое дѣло, которое тогда предстояло: преобразовать русскую армію изъ крѣпостной въ свободную, приноровить ее къ отношеніямъ и потребностямъ обновленнаго общества, при радикально-измѣнившихся условіяхъ жизни, не лишая ея однако тѣхъ высокихъ качествъ, которыя отмѣчали ее при прежнемъ устройствѣ. Онъ сдѣлалъ это, работая неутомимо, вникая во всѣ подробности, постоянно преслѣдуя одну высокую цѣль, которой онъ отдалъ всю свою душу». Сокращеніе имъ тягостнаго и несправедливаго бремени рекрутчины почти наполовину было лишь первымъ шагомъ къ введенію общей краткосрочной воинской повинности. Уставъ о ней, послѣ долгой подготовительной работы, стоилъ ему въ Государственномъ Совѣтѣ упорной борьбы съ самыми разнообразными по источнику противодѣйствіями. Чтобы преодолѣть ихъ, нужно было, подобно Шарнгорсту послѣ Тильзита, имѣть горячую и неугасимую вѣру въ свой народъ, нужно было также умѣть оградить самую идею общей повинности отъ искаженія, которому она, напримръ, уже однажды подверглась у насъ, переродившись, подъ вліяніемъ Аракчеева, въ военныя поселенія. Неустаннымъ трудомъ

своимъ и умѣлымъ выборомъ предсѣдателя и членовъ комисс
по введенію общей воинской повинности Милютинъ обрати
дѣло защиты родины изъ суровой тяготы для многихъ въ вы
кій долгъ для всѣхъ и изъ единичнаго несчастія въ общую об
занность. Восточная война 1877 года вызвала зловѣщія пре
сказанія, что дисциплина, не поддерживаемая, благодаря «лю
рализму» Милютина, тѣлесными наказаніями, а подчасъ и кула
ною расправою, не выдержитъ требованій и соблазновъ боев
жизни, и что вся новая организація военнаго дѣла окажет
несостоятельною. Но предсказанія эти не оправдались, и русск
войско, которому въ свое время Милютинъ далъ облагорож
ныя правила «дисциплинарнаго устава», съ честью, стойко и д
блестно выдержало всѣ выпавшія на его долю тяжкія и кровав
испытанія. Когда малодушіе и растерянность стали овладѣва
большинствомъ вождей послѣ троекратнаго пораженія по
Плевной, и они считали неизбѣжнымъ подать голоса за отступ
ніе, которое превратило бы неудачу въ настоящее бѣдствіе, М
лютинъ энергично и вліятельно поддержалъ тѣхъ, кто бы
противъ «ретирады», вмѣняющей въ ничто и принесенны
жертвы и пролитую подъ стѣнами Плевны кровь. «Кабинетны
ученый» оказался дальновиднѣй многихъ «практиковъ», котор
«сумлевались штопъ»... «Когда такъ,—раздраженно сказа
ему главнокомандующій по словамъ одного изъ біографо
Милютина—то примите на себя и командованіе арміей!». «Ес
государю будетъ угодно, я и приму»,—спокойно отвѣчалъ М
лютинъ.

Уставъ объ общей воинской повинности содержалъ въ се
могучій и жизненный стимулъ для развитія народнаго обра
ванія. Въ отношеніи послѣдняго военный министръ Мил
тинъ сдѣлалъ и упрочилъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы
сдѣлать при всемъ желаніи министръ Народнаго Просвѣщ
нія, понимающій свои задачи. Поднимая нравственный урове
арміи, учреждая и развивая на широкихъ основанія
учебныя заведенія, онъ стойко боролся, въ свое время, проти
надвигавшагося тумана такъ называемаго классицизма, стре
шагося обратить обученіе въ ущербъ его настоящему назначен
въ политическое орудіе. «Онъ питалъ—пишетъ о немъ въ свои

ишскахъ Чичеринъ—глубокое уваженіе къ образованію; вся-ое проявленіе мысли возбуждало въ немъ сочувствіе и уваже-ие и, наоборотъ, онъ презиралъ людей, высокое положеніе кото-рыхъ прикрывало внутреннюю пустоту и невѣжество». Участвуя во всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ работахъ своего вре-мени онъ вносилъ въ нихъ со своей стороны неколебимое созна-ніе, что «духъ животворитъ,—буква мертвитъ». Первый допу-стивъ въ учрежденіяхъ своего вѣдомства устройство женскихъ медицинскихъ курсовъ, онъ открылъ русской дѣвушкѣ возмож-ность вооружиться не одной жалостью къ страждущимъ, но и серь-езнымъ знаніемъ. Участникъ благороднаго кружка, собиравша-гося вокругъ свѣтлой личности великой княгини Елены Па-вловны,—другъ К. Д. Кавелина и братъ не только по плоти, но и по духу своего брата Николая Алексѣевича — онъ оста-вался вѣренъ себѣ во всѣхъ своихъ мѣрахъ и начинаніяхъ, не поступаясь ничѣмъ изъ своей нравственной природы въ угоду злобѣ дня или во имя ея.

Кончина Александра II остановила выполненіе преобразо-вательной программы графа Лорисъ-Меликова, направленной на систематическое ознакомленіе съ упованіями и потребностями страны, путемъ обращенія къ ея общественнымъ силамъ. Этому введенію въ мертвый бюрократическій механизмъ біенія пульса живого народнаго организма, вполнѣ сочувствовалъ Дмитрій Алексѣевичъ. Онъ находилъ, что всѣ преобразованія «эпохи ве-ликихъ реформъ», за исключеніемъ упраздненія крѣпостного права, осуществлялись съ недовѣріемъ къ ихъ пользѣ, съ приня-тіемъ мѣръ, нерѣдко противорѣчащихъ ихъ существу. Не до-стигая своей цѣли или встрѣчая на пути къ ней ненужныя пре-пятствія, онѣ не могли удовлетворять общество, и въ немъ стало развиваться глухое недовольство. Необходимо было идти впередъ и сдѣлать въ этомъ смыслѣ первые шаги, намѣченные графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Противъ мнѣнія Милютина о необходи-мости продолженія и развитія реформъ на почвѣ непосредствен-ной освѣдомленности о нуждахъ страны—людьми иныхъ взгля-довъ, близорукость которыхъ сказалась чрезъ четверть вѣка, было выдвинуто указаніе на необходимость «реформы реформъ»,

и послѣднее мнѣніе восторжествовало. Эта «исправленіе» рефор
грозила всему, что за двадцать лѣтъ своего служенія родинѣ вы
боталъ Дмитрій Алексѣевичъ. Подача въ отставку отъ дол
ности Военнаго министра была вполнѣ естественнымъ и даже
избѣжнымъ шагомъ для такого человѣка, какъ онъ. Какъ бы
было лично хорошо къ нему отношеніе монарха, онъ не могъ
сознавать, что вокругъ него со всѣхъ сторонъ наступаетъ прил
желаній и понятій, которыя кореннымъ образомъ противорѣча
всему, что онъ выработалъ долгимъ служебнымъ и житейски
опытомъ. Первыя волны этого прилива уже давали себя чу
ствовать, а за ними виднѣлся рядъ новыхъ, и въ шумѣ этого пр
боя слышалось не обѣщавшее ничего добраго осужденіе поч
всего, что было создано эпохой великихъ реформъ. Осуществ
ніе послѣднихъ было признано глубокой политической ошибко
результатомъ поспѣшной довѣрчивости монарха и коварны
внушеній злонамѣренныхъ людей, стремившихся, изъ затае
ныхъ побужденій, расшатать и подпилить давно и прочно слож
шійся укладъ общественной и государственной жизни. Конеч
при нѣкоторой *приспособляемости* дѣятель лучшихъ временъ ца
ствованія Александра II могъ найти modus vivendi съ надвига
шимся порядкомъ идей и вещей, и при внѣшней ему подчине
ности, оказывать ему внутреннее противодѣйствіе, обращая, г
возможно, его видимый успѣхъ въ призрачный. Но это не соотв
ствовало бы прямотѣ характера Милютина, къ которому мож
было приложить прекрасныя слова изъ «Соборянъ» Лѣскова
сказавъ, что онъ «во всѣхъ борьбахъ ковался, какъ нѣкій кр
кій и ковкій металлъ, а не плющился, какъ низменная глина, с
храняющая отпечатокъ послѣдней ноги, которая на нее наст
пила»... Конечно, можно было и не приспособляться, а, пол
зуясь относительною высотою своего общественнаго положен
удовлетворять свое самолюбіе фрондированіемъ въ границахъ сл
жебной безопасности. Примѣры этому бывали... Но и это шло бы
разрѣзъ съ привычками и свойствами Милютина. Онъ предпоче
оставить Петербургъ навсегда и, поселившись въ Симеизѣ, н
южномъ берегу Крыма, замкнуться въ молчаніи, чуждомъ горды
и исполненномъ достоинства. Своимъ яснымъ умомъ онъ поня

что назначенная ему судьбою роль окончена, и что дальнѣйшее его пребываніе въ Петербургѣ могло создать для него въ разныхъ случаяхъ фальшивое положеніе, безъ всякой пользы для родины. Недаромъ, французы говорятъ: on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans. Его иногда упрекали и за этотъ уходъ, и за это молчаніе, не понимая, насколько послѣднее было краснорѣчивѣе празднаго и безплоднаго слова. Упрекавшіе забывали, что человѣкъ, остававшійся всю дѣятельную жизнь вѣрнымъ себѣ, *обязанъ* сохранить цѣльнымъ свой нравственный образъ и для этого иногда умѣть уйти во-время, въ сознаніи того, что все, что можно было ему сдѣлать, было имъ сдѣлано. И это сознаніе не могло не жить въ душѣ Милютина. Wer für die Besten seiner Zeit gelebt, der hat gelebt für alle Zeiten, а Милютинъ вложилъ свою душу во все лучшее, чѣмъ ознаменовалось царствованіе Александра II.

Несмотря на то, что оставленіе имъ должности Военнаго министра вызвало нескрываемую радость въ его многочисленныхъ врагахъ, радость эта однако была неполная: многимъ изъ нихъ хотѣлось бы видѣть его безъ власти и вліянія, лицомъ къ лицу съ постепеннымъ разрушеніемъ его дѣла, пригвожденнымъ къ петербургскому болоту, гдѣ «иглы тайныя сурово—язвили бъ славное чело». Мнѣ случайно пришлось быть свидѣтелемъ, какого рода могли быть эти иглы. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Дмитрій Алексѣевичъ почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ, чтобы проститься, но не засталъ меня дома. Поспѣшивъ на другой день быть у него и тоже не заставъ его дома, я прошелъ къ его супругѣ и нашелъ ее, всегда тихую и привѣтливую, въ несвойственномъ ей состояніи плохо скрываемаго гнѣва. Передъ нею сидѣлъ, съ безцвѣтнымъ и ничего не выражающимъ лицомъ, какой то генералъ и нервно перебиралъ на свей каскѣ султанъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ. Увидя меня, графиня встала и, обращаясь къ нему, сказала: «Мнѣ вамъ больше нечего сказать, и вы можете передать тѣмъ, кого интересуетъ результатъ вашего посѣщенія, что графъ Милютинъ ни одного казеннаго стула изъ этого казеннаго дома не увезетъ», и, кивнувъ ему головой, обратилась ко мнѣ. Генералъ сконфуженно поклонился ей и удалился, обронивъ по дорогѣ одно изъ перьевъ своей каски. Я, кажется, помѣшалъ вашей бесѣдѣ»?

—Нисколько! Но представьте, какая дерзость: этотъ господинъ явился ко мнѣ требовать подробной описи всей находящейся у насъ казенной мебели для фактической этого провѣрки!—Успокойтесь, графиня, вы видите, какъ подѣйствовалъ вашъ отвѣтъ: этотъ господинъ едва переступивъ вашъ порогъ, уже сталъ линять»,—сказалъ я, указывая на валявшееся на полу перо.

Уединеніе и молчаніе Милютина были еднако далеки отъ безразличія и себялюбивой замкнутости въ самомъ себѣ. При моихъ посѣщеніяхъ его въ Симеизѣ я имѣлъ неоднократно возможность убѣдиться, какъ зорко и чутко слѣдилъ онъ за всѣмъ, что дѣлалось на Руси, какъ горячо одобрялъ то, что казалось ему полезнымъ, и съ какою скорбью отмѣчалъ то, что считалъ вреднымъ. Его мысль постоянно съ любовью и тревогой обращалась къ родинѣ. Казалось, особливо въ первые годы, что подъ внѣшнимъ спокойствіемъ въ душѣ его болѣзненно живетъ горькое сознаніе невозможности быть активно полезнымъ, не поступаясь завѣтами прошлаго. Нелегко ему было, конечно, слышать о той официальной опалѣ, которая распространялась даже на память о лучшихъ дѣяніяхъ того, чьимъ ближайшимъ сподвижникомъ былъ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Можно себѣ представить, съ какою болью вонзилось въ сердце брата «кузнеца-гражданина» извѣстіе о воспрещеніи, на основаніи 140 ст. Устава Цензурнаго, статей и замѣтокъ о празднованіи двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ, на которое «не дано правительствомъ разрѣшенія»—и о несостоявшемся въ 1889 году празднованіи двадцатипятилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ. Чрезъ два года послѣ оставленія имъ Петербурга я провелъ съ нимъ цѣлый день въ Симеизѣ въ средѣ его милой, радушной семьи. Изъ оконъ кабинета виднѣлось широко разстилавшееся море, воздухъ была напоенъ ароматомъ растеній, вокругъ неторопливо совершалась ежедневная работа разумнаго хозяйничанья, со стѣнъ смотрѣла богатая библіотека, а на столѣ лежала неоконченная рукопись съ четкимъ и красивымъ почеркомъ хозяина. «Дмитрій Алексѣевичъ,—сказалъ я подъ вліяніемъ этого — чудная природа, спокойный творческій трудъ, любимая и любящая семья и свѣтлыя воспоминанія, вѣдь на этомъ можно помириться!» По проникнутому мыслью и умомъ лицу Милютина, по-

добно змѣйкѣ, скользнуло болѣзненное выраженіе и, помолчавъ немного, онъ сказалъ: «Да,—если быть эгоистомъ!» По мѣрѣ того, какъ онъ обживался въ Крыму, онъ все болѣе и болѣе обращался мыслью къ прошлому и, отдаваясь своимъ богатымъ воспоминаніямъ, заносилъ ихъ на страницы своихъ мемуаровъ, разспросовъ о которыхъ однако тщательно избѣгалъ. Надо думать, что, когда они сдѣлаются общимъ достояніемъ, въ нихъ окажется богатѣйшій источникъ не только для исторіи, но и для оцѣнки чистой личности составителя, несмотря на его скромность и объективность. Во все время своего пребыванія въ Симеизѣ до самой смерти онъ, сколько мнѣ извѣстно, всего два раза покидалъ свое уединеніе: для поѣздки за границу въ 1889 году и въ Москву на открытіе памятника Александру II въ 1898 году. За границей, въ Люцернѣ, въ читальной комнатѣ отеля, старикъ-англичанинъ въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, углубившійся въ газеты, до такой степени напомнилъ мнѣ Дмитрія Алексѣевича, что я пошелъ справиться съ доской пріѣзжихъ и, къ великой своей радости и удивленію, узналъ, что это онъ самый и есть, такъ что могъ смѣло оторвать предполагаемаго англичанина отъ чтенія. Къ сожалѣнію, онъ уѣзжалъ на другой день рано утромъ, но все послѣобѣденное время и вечеръ мы провели вмѣстѣ, бродя по милому городку. Милютинъ, несмотря, на то, что показался мнѣ очень измѣнившимся и постарѣвшимъ, былъ бодръ физически и неутомимъ, хотя уже побывалъ въ Египтѣ, Палестинѣ и проѣхалъ всю Италію. Но печать тихой грусти лежала почти на всемъ, что онъ говорилъ. Воспоминанія молодости связывали его съ Швейцаріей, которую въ 1840 г. онъ исходилъ пѣшкомъ, и онъ, конечно, сознавалъ, что видитъ эту страну въ послѣдній разъ. Все въ томъ же настроеніи посѣтилъ онъ меня чрезъ недѣлю въ Гисбахѣ. Мнѣ помнится, что въ этотъ разъ—уже забылъ, по какому поводу—Дмитрій Алексѣевичъ вспоминалъ о своей поѣздкѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Парижъ и о свиданіи тамъ съ Наполеономъ III, котораго онъ считалъ человѣкомъ умнымъ, но неудачникомъ вслѣдствіе политической близорукости, вызванной постояннымъ подпаденіемъ подъ вліяніе окружающей камарильи. Не безъ юмора разсказывалъ онъ, какъ добрый и благородный принцъ Петръ Георгіевичъ Оль-

денбурскій просилъ его при свиданіи съ императоромъ фра
цузовъ вызвать въ томъ интересъ къ горячо лелѣемому при
цемъ проекту всеобщаго мира и разоруженія, побудивъ тѣ
Наполеона устроить спеціальное свиданіе для обсужденія это
плана. Человѣколюбивый принцъ, такъ много сѣявшій вокру
себя добра, увлекался мыслью повліять на человѣка, значе
котораго въ Европѣ покоилось на успѣхѣ веденныхъ имъ вой
и въ самомъ имени котораго слышалось бряцанье оружія и от
лосокъ неувядаемой военной славы его дяди! Это свиданіе и с
стоялось, но, конечно, какъ и надо было ожидать, безъ всяка
результата, не поколебавъ однако возвышенныхъ взглядовъ при
ца Петра Георгіевича. Что сказалъ бы онъ, если бы дожилъ
настоящаго времени и узналъ, что своею проповѣдью мира он
рискуетъ зачислить себя въ зловредное, по мнѣнію нѣкоторы
общественныхъ круговъ, тайное общество масоновъ?...

Въ Симеизѣ Милютинъ велъ самую скромную жизнь, ч
ждаясь всякихъ официальныхъ оказательствъ. Это была жиз
Цинцината, procul negotiis, при чемъ всѣ нити домашняго хозя
ства находились въ рукахъ внимательной и заботливой супру
По этому поводу Дмитрій Алексѣевичъ въ одно изъ моихъ кры
скихъ посѣщеній разсказалъ мнѣ, что покойный государь Але
ксандръ III, который, къ слову сказать, сохранилъ къ бывше
Военному министру искреннее уваженіе, неожиданно посѣтилъе
въ Симеизѣ и въ бесѣдѣ съ нимъ выразилъ желаніе выпить чаю. Хо
зяинъ сдѣлалъ немедленное распоряженіе, но чай не являлся
На повторное распоряженіе слуга отвѣтилъ, что ключи отъ ча
у графини, а сама она ушла куда-то далеко, на виноградник
Государь просилъ не безпокоиться, и бесѣда продолжалась даж
безъ этого обычнаго русскаго угощенія. Б. Н. Чичеринъ пишет
о жизни Милютина въ своихъ запискахъ: «онъ живетъ здѣсь вда
отъ всякихъ дрязгъ, ни одной минуты не жалѣя о прежней дѣя
тельности или почестяхъ, наслаждаясь свободою, дѣлая съемк
какъ въ молодости, бодрый и спокойный, какъ мудрецъ, постиг
шій всю жизненную суету и находящій высшую прелесть въ том
чтобы жить отъ нихъ въ отдаленіи... Иногда мы вмѣстѣ совершаем
прогулки по Крымскимъ горамъ и долинамъ, любуясь моремъ и ве

иколѣпными видами. Онъ водитъ меня по своему небольшому по-
ѣстью, гдѣ жена его съ успѣхомъ занимается винодѣліемъ. Одна-
ды, когда послѣ прогулки, въ очаровательный майскій вечеръ,
ы сидѣли на скамейкѣ и глядѣли на ароматную, разстилавшуюся
нашихъ ногъ долину Лимены, онъ воскликнулъ: «И подумать,
то есть люди, которые всему этому предпочитаютъ Петербургъ!»...

Въ 1890 году я былъ свидѣтелемъ оригинальнаго недоразу-
нія, вызваннаго скромнымъ видомъ и манерами Дмитрія Але-
ѣевича. Прогостивъ у него два дня, я собрался пройти пѣшкомъ
о Алупки, чтобы сѣсть въ омнибусъ, отправлявшійся въ Ялту.
Дмитрій Алексѣевичъ захотѣлъ меня проводить. Но въ Алупкѣ
оказалось, что омнибусы въ этотъ день не ходятъ: какой-то ку-
цъ, празднуя свои именины, откупилъ всѣ омнибусы для своихъ
остей. Пришлось итти въ Мисхоръ, чтобы взять перекладную. И
этотъ путь Милютинъ свершилъ бодро и легко. Въ Мисхорѣ сво-
бодною оказалась одна лишь перекладная телѣжка, и смотритель
станціи предложилъ мнѣ раздѣлить ее съ другимъ лицомъ, ожи-
давшимъ очереди. Таковымъ оказался еще раньше встрѣченный
мною на пути въ Гурзуфъ саратовскій помѣщикъ, чрезвычайно
говорливо рѣшавшій всѣ вопросы съ провинціальнымъ самодо-
вольствомъ и всезнайствомъ. Когда мы усѣлись, Дмитрій Але-
ѣевичъ, одѣтый въ старенькій китель, съ тростью въ рукахъ
и въ высокихъ сапогахъ, дружески простившись со мною и при-
вѣтливо поклонясь моему спутнику, пошелъ назадъ, не страшась
вторично продѣлать долгій путь.—«Кто сей старче?» небрежнымъ
тономъ спросилъ меня саратовскій помѣщикъ, кивнувъ головою
въ сторону удалявшагося Милютина.—«А какъ вы думаете?—Да
такъ, неважная фигура!—Не *важная*—это точно, но значитель-
ная и весьма!» И я объяснилъ ему, кто этотъ скромный «старче»...
«Какъ? гдѣ? да не можетъ быть», и онъ такъ засуетился на пере-
кладной, что чуть не свалился на землю, вертясь во всѣ стороны
и силясь разглядѣть мелькавшую вдали на извивахъ дороги «не-
важную фигуру».

Б. Н. Чичеринъ приводитъ въ своихъ запискахъ характерные
факты, рисующіе отношеніе Милютина къ житейскимъ отличіямъ,
столь соблазнительнымъ для многихъ. Когда на Пасхѣ 1855 года

Кавелинъ выразилъ ему свою радость, что Д. А. назначенъ в свиту и Чичеринъ упомянулъ о томъ въ разговорѣ Николаю Алексѣевичу Милютину, послѣдній сказалъ:—«не можетъ быть!— только-что получилъ записку отъ брата, и онъ ни слова объ этом не говоритъ. Впрочемъ, это отъ него станется...»—Много лѣт спустя, Милютинъ былъ возведенъ въ графское достоинство Встрѣтивъ его, Чичеринъ спросилъ:—«Что же?—поздравит васъ?—Какъ вамъ не стыдно!?—пускай другіе поздравляютъ, вы, старый пріятель, знаете меня столько лѣтъ и считаете нуж нымъ поздравлять...»—отвѣчалъ Военный министръ.

Открытіе памятника Царю-Освободителю въ Москвѣ был отпраздновано съ большой торжественностью, хотя въ ряд расшитыхъ золотомъ мундировъ взоръ съ трудомъ отыскивал искреннихъ сподвижниковъ того, кому былъ воздвигнутъ памят никъ. Было, конечно, не мало сановниковъ, начавшихъ и про должавшихъ свою службу въ его царствованіе. Но вѣрныхъ ем реформамъ было между ними мало. Большинство—безразлично по существу и услужливое по формѣ—поплыло по измѣнивше муся теченію, а нѣкоторые и активно приложили руку къ разру шенію и разложенію этихъ реформъ, подъ видомъ якобы вы званной жизнью ихъ необходимой переработки. Между ним были и такіе, которые однако всѣмъ, въ смыслѣ подъем духа и энергіи при вступленіи въ дѣловую жизнь по су дебной, земской, административной или просвѣтительной части, были обязаны благимъ начинаніямъ незабвеннаго Го сударя. Глядя на нихъ, я — старый московскій студентъ— невольно вспоминалъ разсказъ о нашемъ профессорѣ уголов наго права, читавшемъ когда-то о судѣ присяжныхъ, глас ности суда и адвокатурѣ, какъ о «мерзостяхъ французскаго су допроизводства» и круто измѣнившемъ свое мнѣніе послѣ появле нія манифеста 1856 года, возвѣстившаго между прочимъ и бу дущее судебное преобразованіе. Онъ поставилъ единицу экза меновавшемуся студенту, который вздумалъ отвѣчать по старым запискамъ, сказавъ ему при этомъ наставительно:—«нынче так не думаютъ!» Сколькіе, преклонившіе при возглашеніи вѣчной памяти усопшему Государю колѣна, поспѣшили послѣ его кон

чины сказать свое «нынче такъ не думаютъ», и осуществить это въ своей дѣятельности! Тѣмъ отраднѣе было видѣть тѣхъ немногихъ, кто имѣлъ право, безъ внутренней краски стыда, горячо и нелицемѣрно признать эту память и вѣчною, и дорогою. Между ними, конечно, на первомъ мѣстѣ стоялъ престарѣлый Д. А. Милютинъ,—живой обломокъ славнаго царствованія,—про котораго можно было сказать словами поэта:—«сей старецъ дорогъ намъ». Онъ былъ назначенъ дежурнымъ при Государѣ генералъ-адъютантомъ на этотъ день и бодро провелъ торжественно-утомительные часы, предшествовавшіе открытію памятника и сопровождавшіе таковое до поздняго вечера. Въ этотъ же день ему было пожаловано званіе генералъ-фельдмаршала. Онъ принялъ эту исключительную награду со свойственною ему скромностью, и мнѣ было трогательно видѣть эту скромность въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, когда при мнѣ къ нему пріѣхалъ другой фельдмаршалъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, съ «товарищескимъ» поздравленіемъ. Свиданіе въ Москвѣ (онъ посѣтилъ меня передъ отъѣздомъ), было нашей послѣдней встрѣчей въ этой жизни, и я разстался съ нимъ со скорбнымъ чувствомъ, памятуя мнѣніе Вирхова, что каждый день жизни послѣ достиженія возраста шестидесяти лѣтъ, есть ein Trinkgeld von Gottes gnaden. А этого «на чай» у Дмитрія Алексѣевича и тогда накопилось уже много... Съ благодарнымъ чувствомъ къ судьбѣ, пославшей мнѣ на жизненномъ пути встрѣчу съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, мысленно прощался я съ нимъ, стараясь запечатлѣть въ своей памяти «сѣдину и престарѣлость его, кротость же и тихость и свѣтлость честнаго лица его», какъ говорится въ одномъ изъ «Житій». Мнѣ этого хотѣлось еще и потому, что принадлежащій мнѣ превосходный портретъ Милютина, написанный масляными красками по бѣлому фону Дмитріевымъ-Оренбургскимъ, представляетъ его въ болѣе раннюю эпоху его жизни. Судьба однако была милостива ко всѣмъ тѣмъ, кто цѣнилъ и зналъ Дмитрія Алексѣевича, и послала имъ еще почти четырнадцать лѣтъ сознанія, что онъ «есть», что въ далекомъ уголкѣ южнаго берега Крыма кроткимъ и чистымъ свѣтомъ теплится лампада его жизни. За эти годы между нами продолжалась переписка до тѣхъ поръ, покуда зрѣ-

ніе ему не измѣнило. Почти въ каждомъ письмѣ онъ звалъ меня въ Симеизъ. «Рѣдко удается намъ встрѣчаться,—писалъ онъ мнѣ еще въ 1896 году—но тѣ рѣдкія и случайныя встрѣчи, которыя бывали, остались глубоко запечатлѣнными въ моихъ старческихъ воспоминаніяхъ. Надежда увидѣться съ Вами эту осень не осуществилась, но очень желательно по крайней мѣрѣ знать, какъ Вамъ живется, и гдѣ проводите Вы лѣто. Неужели остаетесь безвыѣздно въ Сѣверной Пальмирѣ? Въ такомъ случаѣ глубоко сострадаю Вамъ. Будьте увѣрены въ томъ, что всюду Васъ сопровождаютъ мои самыя лучшія, сердечныя пожеланія, и что и заочно Вы постоянно присутствуете въ памяти истинно Вамъ преданнаго Д. М.»

Различныя обстоятельства приковывали меня лѣтомъ къ Сѣверной Пальмирѣ и ея окрестностямъ или вынуждали уѣзжать, съ лѣчебною цѣлью, за границу, и лишь въ 1901 году мнѣ удалось пріѣхать на южный берегъ Крыма, да и то неудачно: Дмитрій Алексѣевичъ былъ тяжко боленъ и видѣться съ нимъ было невозможно, а новая поѣздка моя въ Крымъ въ 1903 году не могла состояться изъ-за сильнаго нездоровья. Неоднократно совѣтуя мнѣ «вырваться изъ душной петербургской атмосферы», онъ не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, благодарилъ за присылку моихъ книгъ и отдѣльныхъ статей въ «Главныхъ дѣятеляхъ освобожденія крестьянъ» (о Великой кн. Еленѣ Павловнѣ и о князѣ Черкасскомъ) и въ «Главныхъ дѣятеляхъ судебной реформы» (о Буцковскомъ, Зарудномъ, Замятнинѣ и Стояновскомъ). «Не въ первый разъ приходитъ мнѣ мысль,—писалъ онъ въ 1903 году,—какъ было бы желательно, чтобы Ваши занятія и здоровье позволили Вамъ найти время, чтобы приняться за составленіе *настоящей* біографіи незабвенной великой княгини Елены Павловны. По моему мнѣнію, никто не могъ бы лучше Васъ справиться съ такимъ трудомъ и вложить въ него столько искренняго чувства къ личности и дѣятельности этой замѣчательной и симпатичной женщины». Къ этой же мысли онъ вернулся черезъ годъ и выразилъ радость, что я приступилъ къ собиранію матеріаловъ для этого труда, продолжать который мнѣ помѣшали затѣмъ неотложныя служебныя занятія. Въ томъ же году онъ писалъ мнѣ, въ отвѣтъ на письмо изъ Караула, имѣнія моего покойнаго профессора

Н. Чичерина: «Какъ мнѣ было бы отрадно узнать, что Вы, быть жетъ, примете на себя составленіе біографіи Чичерина... Съ внихъ лѣтъ я глубоко уважалъ Бориса Николаевича и любилъ о, несмотря на то, что мы расходились съ нимъ въ нѣкоторыхъ стныхъ вопросахъ. Для такого новаго труда Вы нашли бы дра-цѣнный матеріалъ въ личныхъ бесѣдахъ въ Караулѣ. Изъ тныхъ показаній, безъ сомнѣнія, можно почерпнуть многое, го не могутъ дать біографу никакіе письменные матеріалы, ни же собственныя личныя воспоминанія. Въ мемуарахъ же са-го Чичерина должны находится цѣнныя черты и для биогра-и великой княгини»—Увы! и по отношенію къ этому желанію митрія Алексѣевича я долженъ былъ съ грустью повторить ова: in magnis voluisse sat est.

Русско-японская война и одновременныя внутреннія событія евожили и смущали Дмитрія Алексѣевича, въ лицѣ котораго рмонично сливался историкъ и государственный человѣкъ. Странное время переживаемъ мы,—писалъ онъ мнѣ въ декабрѣ 904 г.—Въ провинціальномъ захолустьѣ мы совсѣмъ сбиты съ олку противорѣчивыми слухами, ежедневно ждемъ съ нетерпѣ-немъ газетъ, читаемъ... и не вѣрится собственнымъ глазамъ. олное недоумѣніе!»—На письмо мое, въ которомъ я рисовалъ му петербургскія общественныя настроенія и сообщалъ о рабо-ахъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко, для начер-анія новаго устава о печати, онъ отвѣчалъ мнѣ 25 февраля 1905 ода: «Приношу Вамъ сердечную благодарность за присланный мнѣ нумеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Съ истиннымъ удо-вольствіемъ прочелъ я Вашу статью о П. О. Бобровскомъ. Это былъ человѣкъ, вполнѣ достойный высказанныхъ Вами теплыхъ словъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы отвѣтить Вамъ и поблагодарить Васъ за Ваше послѣднее, интересное въ выс-шей степени, письмо, въ которомъ высказанъ Вашъ взглядъ на современное положеніе Россіи. Скажу откровенно, что вычи-тываемые въ газетахъ толки по поводу внутреннихъ нашихъ дѣлъ, рядомъ съ печальными извѣстіями съ театра войны на-водятъ на меня такое удрученное настроеніе духа, что до крайности тяжело даже обдумывать то, что мы переживаемъ

Къ тому же мнѣ пришлось бы только повторять отъ слова до слова высказанные Вами взгляды. Признаюсь Вамъ со своей стороны, что весьма мало надеждъ внушаютъ мнѣ колоссальныя работы, предпринятыя разомъ для передѣлки всего строя нашей государственной жизни. И на Вашу долю выпала одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которая мнѣ представляется чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. До сихъ поръ не могли рѣшить эту задачу вполнѣ удовлетворительно даже въ самыхъ передовыхъ государствахъ Европы. При нашемъ же культурномъ уровнѣ есть ли возможность удовлетворить какъ требованіе полной свободы печати, такъ и необходимое охраненіе государственныхъ интересовъ отъ почти неминуемаго злоупотребленія этой свободой. Тѣмъ не менѣе желаю отъ всей души, чтобы ваша комиссія нашла способъ хотя бы только примирить, насколько можно, оба противоположныя требованія. Хотѣлось бы еще о многомъ подѣлиться съ Вами мыслями, но боюсь отнять у Васъ дорогое время своимъ неразборчивымъ писаніемъ. Глаза мои съ каждымъ днемъ становятся слабѣе...» Мой отвѣтъ на это письмо пришелъ къ Дмитрію Алексѣевичу одновременно съ вѣстью о Цусимѣ, глубоко ранившей сердце стараго слуги родины. Это выразилось въ его письмѣ ко мнѣ въ началѣ іюня. Оно было полно скорби за настоящее и тревоги передъ грознымъ будущимъ. Однако бодрость духа и вѣра въ духовныя силы русскаго народа взяли въ душѣ Милютина свое, и въ августѣ 1905 года онъ писалъ мнѣ:—«Роковое извѣстіе о страшномъ разгромѣ нашего флота въ Корейскомъ проливѣ произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе, и это, конечно, отразилось на моемъ письмѣ Вамъ въ смыслѣ сильнаго пессимизма. Но 14 августа вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ почта принесла намъ радостную вѣсть объ удачномъ завершеніи переговоровъ въ Портсмутѣ. Называю это извѣстіе радостнымъ потому, что я давно уже былъ на сторонѣ тѣхъ, которые признавали миръ необходимымъ, хотя бы даже на тяжелыхъ условіяхъ. Намъ посчастливилось достигнуть нашей цѣли даже безъ такихъ уступокъ, которыя были бы дѣйствительно тягостны и унизительны для чести и достоинства первоклассной державы... Слава Богу! на душѣ стало легче. Теперь нашему

правительству открывается просторъ для сосредоточенія своей дѣятельности и вниманія на внутреннихъ дѣлахъ. Выдержанная же нами несчастная война, отходящая теперь въ сферу исторіи, должна послужить намъ назидательнымъ урокомъ, какъ по вѣдомству военному и морскому, такъ и для нашей дипломатіи». Приготовляя къ печати сборникъ моихъ статей и рѣчей подъ названіемъ «Очерки и воспоминанія» (Спб., 1906 г.), я просилъ у Дмитрія Алексѣевича разрѣшенія посвятить ему эту книгу, которую затѣмъ, по выходѣ въ свѣтъ, послалъ ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ глубоко тронувшимъ меня письмомъ, которое закончилъ слѣдующими словами: «Хотя нѣкоторыя изъ заключающихся въ сборникѣ статей мною читаны въ свое время, но, несмотря на это, я съ одинаковымъ удовольствіемъ прочту весь сборникъ или, вѣрнѣе, прослушаю чтеніе моими дочерьми, такъ какъ самъ не могу уже читать даже самую крупную печать. Пишу съ трудомъ, почти не видя написаннаго мною. Это до крайности грустно и невыносимо при желаніи обмѣна мыслей касательно переживаемаго нами тяжкаго времени». Еще ранѣе, въ 1903 году, онъ уже жаловался на ослабленіе своего зрѣнія и писалъ, что глаза его стали такъ плохи, что чтеніе, оставшееся единственнымъ для него занятіемъ, сдѣлалось крайне затруднительнымъ. «Я даже пишу— прибавлялъ онъ—не иначе, какъ держа въ лѣвой рукѣ передъ глазами большое увеличительное стекло».

Съ этихъ поръ на мои письма и на привѣтствія общества вспомоществованія бывшимъ московскимъ студентамъ, почетнымъ членомъ котораго Милютинъ былъ избранъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ отвѣчалъ лишь телеграммами въ живыхъ и теплыхъ выраженіяхъ. Въ самые послѣдніе годы стали приходить слухи о томъ, что физическія силы старца падаютъ, и наконецъ въ концѣ настоящаго января пришло извѣстіе о кончинѣ графини Наталіи Михайловны, а вслѣдъ за нею и Дмитрія Алексѣевича. Долгая совмѣстная жизнь, исполненная взаимнаго участія и нѣжной любви, связывала ихъ и, по милосердію судьбы, они догорѣли и потухли, какъ двѣ вѣнчальныя свѣчи, одновременно и трогательно...

IX.

Памяти Д. А. Дриля.

Дѣятельность Димитрія Андреевича Дриля была такъ полно и всесторонне освѣщена и обрисована въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи психо-неврологическаго института, посвященномъ его памяти, что прибавлять къ этому нечего. Вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленные печатные труды его, въ которыхъ по строкамъ строго научнаго изложенія бѣжитъ согрѣвающая и животворящая ихъ струя дѣятельной любви къ людямъ, достаточно ярко даютъ понятіе объ авторѣ, какъ мыслителѣ и ученомъ изслѣдователѣ. Но хочется припомнить запавшія въ душу впечатлѣнія отъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ оригинальнымъ — начиная съ наружности и повадки и кончая его убѣжденіями — человѣкомъ.

Его добрый, немного исподлобья, взглядъ и мягкій голосъ невольно при первой встрѣчѣ располагали въ его пользу. Все, о чемъ бы онъ ни говорилъ, было полно самостоятельности мысли, твердой и ясной, какъ въ положительномъ утвержденіи, такъ и въ критикѣ,—мысли, всегда направленной къ новымъ горизонтамъ. Деже послѣ краткой бесѣды съ нимъ становилось очевиднымъ, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, идущимъ своею дорогой и выработавшимъ свое мнѣніе серьезной внутренней работой,

вполнѣ чуждымъ тщеславнаго самомнѣнія и въ то же время свободнымъ отъ слѣпого поклоненія авторитетамъ. Даже не соглашаясь съ нимъ, отъ него многому можно было научиться, а это было такъ отрадно въ нашемъ современномъ обществѣ, столь богатомъ безцвѣтными людьми, чьи взятыя напрокатъ громкія фразы плохо прикрываютъ ничтожество содержанія, оклееннаго однообразной бандеролью «общеустановленнаго образца», — людьми, похожими на плоскій сосудъ, въ которомъ, послѣ перваго изъ него глотка обнаруживается мелкое дно.

При первыхъ же встрѣчахъ съ нимъ я понялъ, что живой умъ и жаждущее правды сердце Дриля не могутъ, конечно, удовлетвориться и успокоиться въ своихъ научныхъ исканіяхъ на томъ, что принято называть классической школой уголовнаго права. Коренному и излюбленному вопросу послѣдователей этой школы: «на какомъ о с н о в а н і и наказывать нарушителя закона?» онъ противупоставлялъ вопросъ о томъ, кто именно этотъ наказываемый. Отложивъ въ сторону многочисленныя теоріи наказанія, въ которыхъ «quot capita—tot sensus», онъ стремился вмѣсто схематическаго преступника вывести на свѣтъ Божій живого человѣка. Какъ легко было въ этой задачѣ подчиниться авторитету блестящаго итальянскаго ученаго и, пойдя по его слѣдамъ, размѣнять себя на разработку подробностей его ученія. Однако, Дриль не поддался этому искушенію. Онъ понялъ, что при всей заманчивой широтѣ ученія Ломброзо, въ послѣднемъ есть большія крайности въ обобщеніяхъ и ошибки въ рѣшительныхъ выводахъ, поспѣшно провозглашенныхъ «urbi et orbi», какъ послѣднее и непререкаемое научное открытіе. Ему, быть можетъ, припомнились слова Леонардо да Винчи: «Dove si grida non è vera scientia». А шумѣть знаменитый «Чезаре» и его прямолинейные послѣдователи въ Италіи и Россіи умѣли...

Съ особой энергіей предпринята была ими переоцѣнка карательной дѣятельности государства и ея основаній. Всѣ труды по уголовному праву объявлены были въ рядѣ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ ученыхъ изслѣдованій по «пенологіи» и «криминологіи» и въ засѣданіяхъ конгрессовъ по уголовной антропологіи—без-

плоднымъ собраніемъ черствыхъ вымысловъ, не имѣющихъ никакой жизненной подкладки. Предложено было бросить всѣ устарѣлыя схемы, лживыя и безполезныя, и, вмѣсто преступнаго дѣйствія, обратить главное вниманіе на преступное состояніе, изучая притомъ признаки преступнаго типа. Для оцѣнки виновности существъ, выражающихъ собою этотъ типъ съ его морелевскими ушами, гэтчинсоновскими зубами, сѣдлообразнымъ небомъ, маленькой головой, особой нервной возбудимостью и нечувствительностью къ внѣшнимъ страданіямъ, съ привычкою грызть ногти и наклонностью къ татуировкѣ, съ оригинальнымъ почеркомъ и ослабленными подошвенными рефлексами и т. д.—нужна переоцѣнка понятія о вмѣненіи и представленія объ уголовномъ процессѣ. Очевидно, что суду юристовъ съ его теоретическими хитросплетеніями и операціями «in anima vili», да и суду присяжныхъ, ничего не понимающихъ ни въ антропологіи, ни въ явленіяхъ атавизма, наслѣдственности и вырожденія, уже нѣтъ мѣста въ дѣлѣ общественной самозищиты. Ихъ долженъ замѣнить судъ врачей-спеціалистовъ, для котораго, по самому его существу, не нужны гласность, защита, обжалованіе и кассаціонное разбирательство. Къ чему пафосъ адвоката, критика общественнаго мнѣнія, пересмотръ рѣшенія и даже помилованіе человѣка, приговоръ о которомъ разъ навсегда постановленъ природой, никого не милующей. Для научнаго суда преступленіе есть лишь поводъ заняться опредѣленіемъ опасности нарушителя закона для общества. Выяснивъ достовѣрную, антропологически-доказанную, возможность совершенія имъ въ будущемъ дѣяній изъ категоріи тѣхъ, за которыя онъ судится, судъ, если не признаетъ его случайнымъ преступникомъ, назначитъ ему срочное или пожизненное заключеніе или, въ случаяхъ особой вредоносности, вовсе «устранитъ» его изъ жизни. Вторгаться въ изслѣдованіе внутренняго міра и душевнаго склада такихъ подсудимыхъ совершенно излишне. Съ представителями преступнаго типа слѣдуетъ бороться, какъ съ хищными звѣрями, пресѣкая въ ихъ лицѣ опасную прогенетуру и тѣмъ, по выраженію нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ криминологовъ, «очищая по-

роду, облагораживая сердца и воздавая справедливость заслу-
гамъ эшафота». Такъ, начавши съ заботы о живомъ человѣка,
заключенномъ въ безжизненныя уголовныя формулы, эти кри-
минологи, путемъ далеко не провѣренныхъ положеній, обре-
кающихъ человѣка на проклятіе вырожденія и наслѣдственности,
дошли до низведенія карательной дѣятельности государства
въ охотѣ на человѣка-звѣря съ примѣненіемъ научныхъ пріемовъ
антропометріи и дактилоскопіи.

Зная, что ложная сторона большей части ученій заклю-
чается не въ томъ, что они утверждаютъ, а въ томъ, что они отри-
цаютъ, Дриль выступилъ на защиту того отрицаемаго, которое
заслуживаетъ сохраненія и даже развитія. Сюда относилось,
прежде всего, **воспитаніе**, которому уголовные антропо-
логи, находясь въ апогеѣ своего вліянія, не придавали почти
никакого значенія, считая его безполезной тратой силъ и вре-
мени для всѣхъ **неслучайныхъ** преступниковъ. Глубоко
продуманными мыслями о значеніи воспитанія, какъ искусства
сообщать сознаніе своего долга и умѣніе ограничивать свою сво-
боду, были проникнуты его бесѣды, доклады и многія мѣста
въ его печатныхъ трудахъ и въ особенности въ «Малолѣтнихъ
преступникахъ».

Отыскивая объясненіе преступнаго дѣла въ психическомъ
складѣ виновнаго и въ отраженіи на послѣднемъ общественной
среды, Дриль давалъ богатый матеріалъ изъ собственныхъ наблю-
деній надъ характеристическими чертами духовной природы рус-
скаго человѣка. Обращая на эти черты особое вниманіе, онъ не
разъ высказывалъ мысль, что судьбами народа гораздо болѣе
управляетъ его характеръ, чѣмъ его учрежденія. Отсюда его скеп-
тическій взглядъ на возможность улучшенія общественныхъ
условій безъ улучшенія нравственной природы человѣка. Въ
этомъ онъ сходился съ Л. Н. Толстымъ. Его пугала, въ виду
западныхъ примѣровъ, на которое ссылался, между про-
чимъ, и В. С. Соловьевъ, возможность вырожденія совре-
менныхъ формъ демократіи въ плутократію, причемъ огромное
большинство неимущаго народа можетъ обратиться въ по-
рабощенный классъ тружениковъ, которымъ нечѣмъ помя-

нуть вчерашній день и у которыхъ нѣтъ увѣренности
днѣ завтрешнемъ, а есть лишь равенство нищеты и свобо
умереть съ голоду.

Онъ не являлся, однако, сторонникомъ «status quo». В
каго рода злоупотребленія въ существующихъ учрежденія
встрѣчали въ немъ горячаго и неустаннаго, словомъ и дѣлом
противника. Въ своей практической служебной дѣятельнос
онъ былъ горячимъ обличителемъ того забвенія человѣческа
достоинства, которое такъ часто выростаетъ у насъ на поч
рутины, равнодушія и того нашего пагубнаго свойства, котор
князь Одоевскій называлъ «рукавоспустіемъ». Стойкій проти
никъ тюремной системы, которая, по остроумному выражен
одного публициста, лишаетъ нашу тюрьму не только воспитате
наго, но и карательнаго значенія, создавая изъ нея «питате
ный бульонъ для микробовъ преступности», Дриль собралъ п
своихъ ревизіонныхъ поѣздкахъ богатѣйшій матеріалъ д
обрисовки темныхъ сторонъ и несостоятельности этой систе
въ ея практическомъ примѣненіи.

Тяжелый жизненный путь прошелъ Димитрій Андреевич
Безкорыстный служитель знанія, чутко отзывчивый на общ
ственныя нужды, глубокій въ изслѣдованіи, спокойный въ стро
обдуманныхъ выводахъ, умѣвшій вкладывать въ трудъ всѣ св
силы и «душу живу», онъ всю жизнь встрѣчалъ недовѣріе
препятствія и не могъ развернуть своихъ крыльевъ во всю и
ширь. Но онъ не складывалъ оружія и не падалъ духомъ, ка
бы руководствуясь словами знаменитаго Филарета о томъ, ч
«истину, хотя и печальную, надобно видѣть и показывать
учиться отъ нея, чтобы не дожить до истины болѣе горькой, уже
учащей, но и наказующей за невниманіе къ ней». Подавленны
всевозможной работой,—«движущая сила» ряда благотворите
ныхъ начинаній въ пользу обездоленныхъ,—радостный союзни
всякаго работающаго въ той же области,—умышленно не зам
чавшій своей усталости и не знавшій отдыха, онъ совсѣм
не жилъ для себя. Къ его душѣ были примѣнимы слова граф
Алексѣя Толстого:

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
И скорбь ничья тебя не проходила мимо
Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна!

Такимъ и застала его смерть въ 1911 году. Она была къ нему лостивѣе жизни, и ея ледяная рука сразу, безъ мучитель-ва, остановила біеніе его горячаго сердца...

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ.

I.

Пироговъ и школа жизни.

(Рѣчь въ залѣ Городской Думы по случаю столѣтія со дня рожденія Н. И. Пирогова).

Призванный сказать въ настоящемъ собраніи слово въ память Николая Ивановича Пирогова, я стѣсненъ содержаніемъ этого слова. О Пироговѣ, какъ знаменитомъ врачѣ и представителѣ медицинской науки, будутъ говорить болѣе свѣдущія, чѣмъ я, лица;—о его общественныхъ заслугахъ, какъ педагога, мы тоже услышимъ не одинъ компетентный докладъ. Такимъ образомъ, взгляды Пирогова во многихъ отношеніяхъ будутъ освѣщены, и мнѣ поэтому остается обратиться лишь къ ознакомленію съ его характеромъ. Характеръ, какъ бы его ни опредѣлять, выражается въ сущности въ переходѣ мысли, явившейся результатомъ внѣшнихъ впечатлѣній и вызываемыхъ ими ощущеній, и внутренней работы сознанія—въ волю, т. е. въ осуществленіе этой мысли въ томъ или другомъ дѣйствіи, рѣшеніи, поступкѣ. Чѣмъ тѣснѣе, непосредственнѣе и неразрывнѣе связь мысли съ ея осуществленіемъ, тѣмъ сильнѣе характеръ; чѣмъ больше между ними уклоненій, колебаній и непослѣдовательности, тѣмъ слабѣе характеръ. Въ душевной жизни человѣка играетъ большую роль способность его *хотѣть* или *желать*. Въ твер-

домъ и ясномъ «хочу» сказывается сильный характеръ; въ ра
плывчатомъ и туманномъ «желаю» выражается характеръ сл
бый. Но жизнь часто мѣняетъ характеръ. Въ ея суровой шко
онъ переработывается и измѣняется и у рѣдкихъ сохраняе
свои первоначальныя свойства. Борьба для многихъ становит
непосильною,—острые углы характера стираются, шерохов
тость твердаго убѣжденія смѣняется гладкою поверхност
услужливыхъ уступокъ, и мѣсто сильнаго х о ч у замѣняетъ ро
кое ж е л а л ъ б ы. Но есть однако характеры, до конца оста
щіеся вѣрными себѣ,—умѣющіе отдавать себя всецѣло и бе
поворотно служенію излюбленной идеѣ, обладающіе закало
для борьбы за нее и способностью проводить ее въ жизнь. Л
дямъ, владѣющимъ такимъ характеромъ, свойственно то, ч
французы называютъ esprit de combativité. Они на своемъ жите
скомъ пути осуществляютъ завѣтъ Сенеки: «vivere est militare
Такимъ именно характеромъ обладалъ Пироговъ. Онъ самъ в
«Вопросахъ жизни» говоритъ: «безъ вдохновенія—нѣтъ воли
безъ воли—нѣтъ борьбы, а безъ борьбы—ничтожество и проп
волъ».

Твердость характера, умѣющаго неуклонно и настойчи
служить сокровенному голосу души, не надо однако смѣшивать
съ близорукостью фанатическаго упорства или съ самолюбіем
безцѣльнаго упрямства. Людямъ сильнаго характера, прежд
принятія окончательнаго рѣшенія, могутъ быть свойственн
сомнѣнія и скорби, въ особенности когда за полнымъ отриц
ніемъ должно послѣдовать практическое отреченіе, нерѣдк
сопровождаемое душевною болью. И тѣмъ выше, чище и дорож
намъ образъ тѣхъ, кто изъ этихъ испытаній выходитъ все-так
побѣдителемъ. Не говоря уже о святомъ примѣрѣ Геѳсима
ской ночи, достаточно припомнить Галилея съ его «e pur se mu
ve!». Такія минуты скорби бывали и у Пирогова. Затѣмъ нѣко
торыми мыслителями совершенно вѣрно отмѣчено еще одно свой
ство характера. Это т и п и ч е с к о е п е р е ж и в а н і е одно
родныхъ, хотя и разновидныхъ событій жизни, т. е. одинаково
отношеніе къ разнообразнымъ по внѣшности, но одинаковым
по существу условіямъ, въ которыя ставитъ человѣка его соб

ственная природа или житейскія явленія. И здѣсь, несмотря на видимое различіе обстановки, времени, мѣста—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, совсѣмъ, казалось бы, непохожемъ на предшествующій—esprit de combativité сильнаго характера выражается одинаково. То же было и съ Пироговымъ.

На порогѣ жизни, еще въ отрочествѣ, Пирогова встрѣтила *бѣдность* со всѣми ея тяжелыми сторонами—отсутствіемъ средствъ, зависимостью отъ посторонней помощи и всякаго рода лишеніями. Вслѣдствіе разоренія родителей, исчезла возможность спокойнаго и систематическаго пріобрѣтенія познаній. Пришлось какъ можно скорѣй приняться за то ученіе, которое могло дать кусокъ хлѣба и облегчить неизбѣжныя жертвы родителей. Четырнадцати лѣтъ Пироговъ уже вступаетъ въ университетъ, семнадцати лѣтъ онъ уже лѣкарь, двадцати одного года—докторъ медицины, а въ двадцать два—профессоръ хирургіи. Все это досталось ему тяжкимъ, неусыпнымъ трудомъ, въ условіяхъ самой скудной обстановки. Уже въ Дерптѣ, готовясь къ профессурѣ, онъ былъ до такой степени стѣсненъ въ матеріальныхъ средствахъ, значительную часть которыхъ приходилось тратить на опыты и научныя изслѣдованія, что, по его собственному признанію, ему по цѣлымъ недѣлямъ приходилось питаться главнымъ образомъ чаемъ и хлѣбомъ, при чемъ обыкновенный чай былъ ему не по средствамъ и былъ замѣняемъ ромашкою или шалфеемъ. Но это закалило его по отношенію къ матеріальной сторонѣ жизни и разорвало навсегда ту связь, которая существуетъ—и съ такимъ нравственнымъ вредомъ—между привязанностью къ удобствамъ жизни и тѣмъ, что французы называютъ ligne de conduite. Отодвигая на послѣдній планъ заботу о матеріальной обстановкѣ жизни и «роскошествуя лишеніями», какъ говорится въ одномъ изъ Житій святыхъ, Пироговъ какъ бы осуществлялъ мнѣніе Сенеки о томъ, что не тотъ бѣденъ, у кого мало, а тотъ, кто хочетъ большаго. Пройдя эту школу бѣдности, Пироговъ усвоилъ себѣ ту внутреннюю свободу, которая позволила ему потомъ не разъ оставлять обезпеченное положеніе, не цѣпляясь за него ради спокойствія обезпеченнаго существованія. Суровая школа оказалось полезной наставницей и

подтвердила мнѣніе, что бѣдность то же самое, что протыкані ушей у дѣвушки: необходимо причинить боль, чтобы потом на зажившемъ мѣстѣ могли появиться украшенія; въ бѣдност крѣпнетъ дарованіе и—кто знаетъ—сколько таланта и поэзі погребено подъ грудами золота!..

Наука въ томъ видѣ и объемѣ, въ которыхъ она пред стала предъ юнымъ студентомъ, не могла удовлетворить ни ег ума, ни совѣсти. Изреченіе о томъ, что наука для однихъ—богиня а для другихъ—дойная корова, оправдывалось въ то время про фессорами-медиками въ Московскомъ университетѣ съ той оче видностью, о которой съ добродушной иронією вспоминалъ че резъ пятьдесятъ лѣтъ въ своемъ дневникѣ Пироговъ. Опытъ, из слѣдованіе и настойчивость въ раскрытіи пелены надъ тайнам природы почти отсутствовали въ преподаваніи, которое часто ограничивалось свѣдѣніями изъ учебниковъ, вышедшихъ семь десятъ пять лѣтъ назадъ. Теоретическому и устарѣлому отно шенію къ опредѣленію и распознаванію болѣзней соотвѣтство валъ и узкій кругъ лѣчебныхъ мѣръ: «сначала—вспоминает Пироговъ—прописывали валеріанъ, затѣмъ арнику, потом камфору, наконецъ—мускусъ и въ заключеніе давали совѣтъ упо вать на милость Господню». Были, конечно, и исключенія, до вольно рѣдкія. Между профессорами особенно выдвигался зна менитый Лодеръ, начинавшій свои латинскія лекціи анатоміи словами «videtis quam magna est sapientia Dei», и, быть можетъ, охранившій тѣмъ въ сердцѣ своего юнаго слушателя то рели гіозное чувство, которое такъ часто проявлялось въ его дальнѣй шей жизни. Зато другой талантливый профессоръ—терапевтъ Мудровъ смотрѣлъ на дѣятельность врача съ чисто-практической точки зрѣнія, отводившей наукѣ второстепенное — чтобы не сказать сильнѣе —мѣсто. Мой отецъ, изучавшій медицину одно временно съ Пироговымъ и свято чтившій своего товарища, вспо миналъ практическіе совѣты, даваемые популярнымъ въ Мо сквѣ и имѣвшимъ обширную практику Мудровымъ на его послѣд ней лекціи оканчивающимъ курсъ слушателямъ. Онъ вызывалъ кого-либо изъ нихъ—облеченнаго, согласно тогдашней формѣ, въ синій фракъ съ малиновымъ воротникомъ и обшлагами—и

прашивалъ его о томъ, какъ будетъ онъ лѣчить замоскворѣцкаго купца, и на отвѣтъ: «постараюсь поставить діагнозъ и прибѣгну къ cura interna et externa», замѣчалъ: «ты, братецъ, прежде всего пошли нанять карету, хоть заложи что-нибудь, коли денегъ нѣтъ, а карета чтобъ была. Да какъ пріѣдешь къ больному и войдешь въ домъ, прежде всего поищи глазами образъ, да помолись на него, а потомъ и спроси: «гдѣ болящій?» Ну, какая можетъ быть болѣзнь у него?—скорѣй всего объѣлся... ты и пропиши ему oleum ricini въ надлежащемъ количествѣ, а на разспросы окружающихъ скажи: «ничего еще не могу сказать: приложу все разумѣніе, а впрочемъ, на все воля Господня». Ну облегчитъ его и станутъ тебя считать хорошимъ докторомъ, невѣсту богатую посватаютъ»...—«Ну, а тебя, обращался онъ къ другому вызванному, позовутъ барыню-помѣщицу лѣчить: что ты предпримешь?» Но едва тотъ успѣвалъ сказать: «пошлю нанять карету», Мудровъ перебивалъ его и говорилъ: «никакой кареты не надо: поѣзжай на гитарѣ (такъ назывались особыя дрожки, именуемыя также калибером, на которыхъ можно было сидѣть верхомъ), а какъ останешься съ больной одинъ и услышишь, что она на нервы жалуется, то скажи ей: «сударыня, mens sana in corpore sano и наоборотъ: можетъ у васъ по условіямъ свѣтской жизни какія-нибудь надобности или потребности есть, а супругъ этого не понимаетъ или считаетъ капризомъ»... Она расплачется, да и разболтаетъ тебѣ, а ты пропиши ей aqua fontana cum saccharo albi. MDS. черезъ два часа по столовой ложкѣ, а мужу, который тебя спроситъ, скажи: «сильнѣйшее потрясеніе всего организма; если у ней какія-нибудь глупыя желанія или капризы есть, ужъ вы не перечьте—всякое огорченіе ей вредно». Вотъ онъ ей шаль или шляпку или что тамъ другое и купитъ, она повеселѣетъ и выздоровѣетъ. А о тебѣ скажутъ: вотъ искусный докторъ! Такъ-то!»..

Пытливый умъ Пирогова не могъ удовлетвориться ни такой наукой, ни циническою наивностью подобныхъ совѣтовъ;—онъ долженъ былъ самъ пролагать себѣ пути и въ упорномъ напряженіи труда итти своей дорогой опыта и открытій. Съ этой жаждой знанія и умѣніемъ претворять пріобрѣтенное въ ступень къ

новому, не останавливаясь въ своемъ движеніи впередъ къ боль-
шему и большему совершенству, Пироговъ прошелъ всю жизнь,
служа своимъ интересомъ къ наукѣ интересамъ науки, постоянно
расширяя и углубляя область ея примѣненія къ жизни. Разно-
образныя и случайныя проявленія послѣдней онъ умѣлъ обра-
тить на пользу знанія—силою своего вдумчиваго творчества.
Такъ, видъ замороженныхъ и разрѣзанныхъ свиныхъ тушъ на
Сѣнной передъ праздниками—навелъ его на мысль о замора-
живаніи и распиливаніи труповъ, для точнаго опредѣленія рас-
положенія внутреннихъ органовъ, не подвергшихся посмерт-
ному смѣщенію и разложенію. Составленный имъ атласъ этихъ
распиловъ представляетъ драгоцѣнный и не превзойденный
вкладъ въ хирургическую анатомію. Составленію его и разра-
боткѣ матеріаловъ Пироговъ посвятилъ много тяжелаго и уси-
чиваго труда, отрывая для него время отъ заслуженнаго и необ-
ходимаго отдыха. Предоставляя другимъ указать и перечислить
всѣ его многочисленныя работы въ области хирургіи, я упомяну
лишь о томъ, что цѣлый рядъ лѣтъ, ознаменованныхъ чрезвы-
чайными и самостоятельными успѣхами на Руси теоретической
и практической хирургіи, получилъ названіе Пироговскаго пе-
ріода.

Но проведеніе въ жизнь строго научныхъ и возвышенныхъ
въ смыслѣ человѣчности взглядовъ и требованій Пирогова встрѣ-
тило—какъ и слѣдовало ожидать—сопротивленіе со стороны
представителей медицинской рутины. Пирогову пришлось испы-
тать на себѣ, что въ работахъ на пути усовершенствованія чело-
вѣческихъ знаній приходится гораздо больше заниматься раз-
рушеніемъ отжившаго, чѣмъ творчествомъ новаго. Чтобъ по-
строить новое зданіе, нужно очистить отъ грязи и мусора то мѣсто,
гдѣ оно воздвигается. Положеніе, въ которомъ онъ засталъ Ме-
дико-Хирургическую Академію и связанные съ нею госпитали,
способно было навести ужасъ на воспріимчивую душу. Анато-
мическія занятія, требующія для своего успѣха воздуха и свѣта,
происходили въ старомъ, невзрачномъ деревянномъ баракѣ;
вскрытія труповъ производились—до двадцати въ день—въ от-
вратительныхъ до невозможности старыхъ баняхъ госпиталя;

«Сердце надрывалось—пишетъ Пироговъ—видомъ молодыхъ здоровыхъ гвардейцевъ съ гангреной, разрушающей всю брюшную стѣнку. Палаты госпиталя были переполнены больными съ рожистыми воспаленіями, острогнойными отеками и гнойнымъ зараженіемъ крови. Для операціонныхъ не было ни одного, хотя бы плохого, помѣщенія. Лѣкарства, отпускавшіяся изъ госпитальной аптеки, были похожи на что угодно, только не на лѣкарства. Вмѣсто хинина сплошь да рядомъ бычачья желчь; вмѣсто рыбьяго жира какое-то иноземное масло. Хлѣбъ, провизія ниже всякой критики. Воровство дневное:—смотритель и коммисары проигрывали сотни въ карты; мясной подрядчикъ на виду у всѣхъ развозилъ мясо по домамъ членамъ госпитальной конторы; аптекарь продавалъ запасы уксуса, травъ» и т. д. Противъ такого состоянія научно-врачебныхъ (?) учрежденій вооружился всѣми силами своего слова и пера новый профессоръ хирургіи и повелъ энергическій походъ противъ вопіющихъ безпорядковъ, не стѣсняясь въ выраженіи своего негодованія и справедливо полагая, что въ дѣлахъ общей пользы излишне просить, когда нравственный долгъ повелѣваетъ требовать. Стоячее и загнившее болото, въ которомъ все обстояло благополучно для начальствующихъ и неблагополучно лишь для больныхъ и страждующихъ, взволновалось. Въ Пироговѣ, который требовалъ новыхъ началъ гигіены, новыхъ пріемовъ ухода за больными, широкій профилактики и ряда мѣръ, въ которыхъ таились зародыши будущей септики и асептики, увидѣли личнаго врага. Это было, впрочемъ, неизбѣжно. Талантъ подобенъ солнцу: оно проливаетъ свѣтъ и тепло, но оно же родитъ и ядовитыхъ мухъ. Пылкая душа Пирогова и его безтрепетный умъ не только должны были вызвать вражду, но, оставаясь вѣрными себѣ, не могли обойтись безъ нея, потому что и для ненависти и для любви нужно имѣть положительное содержаніе, и только тотъ можетъ зажечь огонь этихъ чувствъ въ сердцахъ людей, чье сердце способно само пылать такимъ огнемъ. Но Пирогова не могла не удручать неразборчивость въ выборѣ средствъ для борьбы съ нимъ. И явная вражда и тайные подкопы, грязныя сплетни и шипящая во тьмѣ, ползущая какъ змѣя, клевета—все было пущено въ ходъ,

чтобы избавиться отъ безпокойнаго нарушителя «тиши да глади» и подорвать его авторитетъ. Когда все это не достигло цѣли, разбившись о стойкую любовь къ дѣлу Пирогова, обратились къ послѣднему средству: былъ возбужденъ вопросъ о помраченіи его умственныхъ способностей. Однако, когда и этотъ тонкій ядъ неподѣйствовалъ, тогда началась анти-Пироговская пропаганда въ средѣ тогдашняго общества, предпринятая презрѣннымъ и продажнымъ редакторомъ «Сѣверной пчелы» Булгаринымъ. Натравливая подозрительность правительства на все выдающееся въ духовномъ отношеніи, не пощадивъ своимъ злорѣчіемъ Пушкина, Булгаринъ не могъ, конечно, отказать въ дружеской услугѣ врагамъ Пирогова и объявилъ въ своей весьма популярной «Сѣверной Пчелѣ», что Пироговъ, котораго онъ называлъ «проворнымъ рѣзакой», не что иное, какъ плагіаторъ, выдающій за свои—труды, похищенные у иностранныхъ ученыхъ. И это говорилось о Пироговѣ, который, явившись къ знаменитому французскому хирургу профессору Вельпо съ заявленіемъ что пришелъ у него учиться, услышалъ въ отвѣтъ: «Не вамъ у меня, а мнѣ у васъ слѣдовало бы учиться»!

Обращаясь мыслью отъ этого міра низменной зависти и интригъ къ тѣмъ, кто долженъ былъ стоять выше и могъ объективно и безпристрастно оцѣнить Пирогова и отдать ему справедливость, мы и тутъ встрѣчаемъ много характерно-поучительнаго, но очень мало утѣшительнаго. Въ 1847 г. Пироговъ былъ командированъ на Кавказъ для указанія мѣръ по устройству военно-полевой медицины, для помощи раненымъ и для примѣненія новыхъ хирургическихъ способовъ въ широкомъ масштабѣ. Онъ отдался этой задачѣ съ обычнымъ холоднымъ отношеніемъ къ себѣ и своимъ удобствамъ и съ горячей любовью къ своему дѣлу. Девять мѣсяцевъ, проведенныхъ въ самыхъ трудныхъ условіяхъ, среди лишеній и опасностей, въ непрерывномъ трудѣ, дали ему, вмѣстѣ съ крайнею физическою усталостью (при осадѣ и взятіи аула Салты ему приходилось по нѣсколько часовъ проводить, для производства операцій, стоя на колѣняхъ предъ раненными) дали ему богатый опытъ въ дѣлѣ обезболиванія посредствомъ эфира, первые примѣненномъ имъ, въ замѣнѣ обезображивающихъ ам-

путацій резекціями и т. д. Но когда, въ справедливомъ сознаніи своихъ заслугъ, онъ вернулся въ Петербургъ и явился къ военному министру князю Чернышеву—его встрѣтилъ совершенно неожиданный для него, но совершенно въ духѣ времени пріемъ. Этотъ «духъ» требовалъ доведенія равненія фронта и шагистики до предѣловъ почти невѣроятнаго обращенія человѣка въ машину, на которой наживалось и которую истязало начальство. Лучшимъ выраженіемъ этого духа былъ знаменательный приказъ по гвардейскому корпусу, коимъ командиру одного изъ полковъ ставилось на видъ, что ввѣренные ему нижніе чины позволили себѣ идти не въ ногу... изображая римскихъ воиновъ въ «Нормѣ». Въ отсутствіе Пирогова произошла какая-то перемѣна въ «выпушкахъ и петличкахъ», и сіятельный Скалозубъ началъ съ того, что грубо указалъ ему на несоблюденіе формы и кончилъ тѣмъ, что приказалъ ему отправиться въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ его ожидало объявленіе строгаго выговора, въ самой рѣзкой формѣ, сдѣланное по приказанію министра. Чаша его терпѣнія переполнилась... Сознаніе неуваженія къ самоотверженному служенію наукѣ отразилось на натянутыхъ за всю кавказскую работу нервахъ, они не выдержали, и съ Пироговымъ сдѣлался истерическій припадокъ. Обливаясь слезами и рыдая, онъ рѣшилъ выдти въ отставку и уѣхать навсегда на чужбину, гдѣ его конечно лучше оцѣнили бы, какъ это много лѣтъ спустя случилось съ другимъ извѣстнымъ хирургомъ. Русской землѣ грозила опасность потерять человѣка, который уже тогда составлялъ ея славу,—непререкаемую и растущую съ каждымъ днемъ. Но судьба, на этотъ разъ, была милостива къ нашей родинѣ. Среди тогдашняго благоденствія, которое, по словамъ Шевченки, выражалось въ гробовомъ молчаніи,—на сквозномъ вѣтру ледяного равнодушія къ участи и достоинству человѣка—не погасалъ, но грѣлъ и ободрялъ яркій огонекъ въ лицѣ Великой Княгини Елены Павловны. Чужестранка, умѣвшая стать русскою гораздо болѣе «чѣмъ многіе по крови намъ родные», искавшая и защищавшая своимъ благороднымъ сердцемъ выдающихся людей, — умиротворяющій элементъ въ николаевское время и нимфа Эгерія первой половины царствованія Царя Освобо-

дителя, она заслуживаетъ самой благодарной, а въ виду ея настойчивой дѣятельности для отмѣны крѣпостного права — даже умиленной памяти. Духовно приближая къ себѣ талантливыхъ трудолюбцевъ на всѣхъ поприщахъ знаній или искусства, она, не щадя усилій, а иногда и матеріальныхъ жертвъ, умѣла, по выраженію одного изъ современниковъ, «подвязывать имъ крылья», когда у послѣднихъ не хватало силъ развернуться во всю ширь, или когда они безсильно опускались въ минуты невольнаго отчаянія.

Слухъ о томъ, какъ Чернышевъ «приструнилъ» Пирогова, пошелъ по Петербургу, злорадно разносимый недругами «проворнаго рѣзаки». Дошелъ онъ и до Елены Павловны, которая не знала Пирогова лично. Она поручила своей ближайшей помощницѣ въ дѣлѣ распространенія вокругъ себя свѣта и тепла, баронессѣ Раденъ пригласить его къ себѣ и съ молчаливымъ краснорѣчіемъ нѣжнаго участія протянула ему руки. Пироговъ, по словамъ Раденъ, былъ снова доведенъ до слезъ, но эти слезы уже не жгли его, а облегчали. «Великая княгиня возвратила мнѣ бодрость духа—писалъ онъ впослѣдствіи—она совершенно успокоила меня и выразила своей любознательностью уваженіе къ знанію, входила въ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась результатами анестизацій на полѣ сраженія. Ея обращеніе со мною заставило меня устыдиться моей минутной слабости и посмотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своевольную грубость лакеевъ».

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Еленѣ Павловнѣ пришлось явиться уже не утѣшительницею, а вдохновительницею и сотрудницею Пирогова въ одномъ изъ благороднѣйшихъ начинаній прошлаго столѣтія. Въ 1854 году надъ Россіей разразилась *травматическая эпидемія*, какъ называлъ Пироговъ войну. На югѣ, въ Севастополѣ происходилъ почти непрерывный, тяжелый и кровавый бой между явившимися на поле битвы въ всеоружіи новѣйшихъ военныхъ усовершенствованій англо-турецко-сардинско-французскою арміей и флотомъ — и русскимъ солдатамъ, проявлявшимъ, по словамъ Л. Н. Толстого «молчаливое, безсознательное величіе, твердость духа и стыдливость предъ собственнымъ до-

стоинствомъ». Но нашъ сѣрый герой, вымуштрованный на парадахъ и смотрахъ, и не подготовленный къ настоящему сраженію, былъ вооруженъ плохо и отстало. Въ сущности, ему было труднѣе жить, чѣмъ умирать. Но онъ умѣлъ встрѣчать смерть съ трогательнымъ простодушіемъ. Заслуженный генералъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ послѣднихъ дней жестокой бомбардировки многострадальнаго Севастополя, когда въ день выбывало изъ строя ранеными и убитыми до трехъ тысячъ человѣкъ: начальникъ, котораго разсказчикъ, будучи еще молодымъ поручикомъ, сопровождалъ ночью на позиціи, не могъ удержаться отъ горестнаго восклицанія при постоянной встрѣчѣ съ носилками, на которыхъ несли умирающихъ. Изъ темной массы живого «прикрытія», лежавшаго на землѣ, поднялась чья-то голова, и ободряющій голосъ произнесъ: «Ваше превосходительство—не извольте безпокоиться:—насъ еще дня на три хватитъ!».

Туда, въ эту citta dolente стремился Пироговъ, прося о разрѣшеніи отправиться,—и прошеніе его тонуло въ разныхъ канцелярскихъ болотахъ почти четыре мѣсяца, оставаясь безъ отвѣта. Онъ потерялъ терпѣніе и рѣшился написать Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и она немедленно пригласила его къ себѣ. «Она мнѣ тотчасъ объявила—писалъ онъ баронессѣ Раденъ,—что взяла на свою отвѣтственность разрѣшеніе моей просьбы—и тутъ же объяснила свой гигантскій планъ основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, предложивъ мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всего дѣла. Никогда не видалъ я Великую Княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту памятную для меня аудіенцію. Со слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ она нѣсколько разъ вскакивала со своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ: «и зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ, давно бы ваше желаніе было исполнено и мой планъ тогда тоже давно бы состоялся... какъ можно скорѣе приготовьтесь къ отъѣзду... времени терять не слѣдуетъ... на-дняхъ, быть можетъ, опять произодейтъ большая

битва. Прощайте... или нѣтъ... подождите... я еще что-то хочу вамъ сказать на счетъ организаціи моей общины... или нѣтъ, зайдите-ка лучше ко мнѣ завтра въ этотъ же часъ. До свиданья»! Я вышелъ, запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери аудіенціонной комнаты, и увидѣлъ Великую Княгиню. Она стояла въ глубокихъ думахъ или начинала съ волненіемъ прохаживаться по комнатѣ. Къ вечеру того же дня она извѣстила меня, что просьба моя принята, а на другой день я съ большимъ вниманіемъ выслушалъ отъ нея, какъ она желала устроить женскую службу—перевязочными пунктами и подвижными лазаретами».

Идея необходимости дѣятельной частной помощи на войнѣ была достойна Елены Павловны и Пирогова. Тамъ, гдѣ «травматическая эпидемія» неизбѣжна, умъ и сердце мыслящаго и чувствующаго человѣка неизбѣжно должны вступать во вражду. Человѣческій умъ, въ этихъ случаяхъ, напрягаетъ всѣ усилія на истребленіе , на избраніе способовъ вызвать возбужденіе слѣпой храбрости,—человѣческое сердце взываетъ къ пощадѣ, къ милосердію; оно мимолетному опьяненію безумной отваги противуставляетъ постоянный подвигъ, вырываетъ изъ рукъ смерти губительную косу и замѣняетъ ее, по прекрасному выраженію Баратынскаго, оливой мира, и въ виду *враговъ* напоминаетъ о страждующихъ *братьяхъ*. Hostes vulnerati—fratres!

Кто могъ осуществить эту высокую задачу, требующую терпѣнія и нѣжности, самозабвенія въ упорномъ трудѣ и неослабной внимательности къ насущнымъ мелочамъ? *Женщина*,—рѣшила Елена Павловна, понимавшая, что высшее и лучшее призваніе женщины въ жизни—иногда исцѣлять, часто помогать и всегда облегчать. *Женщина*—подтвердилъ и Пироговъ, вѣроятно вспомнившій при этомъ свою дѣятельную и глубоко-свѣдущую берлинскую помощницу въ изготовленіи препаратовъ изъ области хирургической анатоміи—дѣвицу Фогельзангъ. По опыту жизни она знала, что равноправіе женщины съ мужчиной должно осуществиться не на почвѣ одинаковой свободы въ служеніи страстямъ, но на почвѣ труда, доступъ къ которому долженъ быть ей открытъ до предѣла ограниченій, указываемыхъ исключительно

ея физической природой, въ осуществленіе словъ книги Бытія: «мужа и жену создалъ ихъ, человѣка создалъ ихъ». Тайныя и грязныя насмѣшки сопровождали оглашеніе плана Великой Княгини и Пирогова,—явное противодѣйствіе встрѣтило его со стороны высшаго военнаго начальства, боявшагося нарушенія военной дисциплины внѣдреніемъ въ военную администрацію особо управляемой общины. Но Елена Павловна успѣла успокоить въ этомъ отношеніи императора Наколая и умѣла стать выше насмѣшекъ, зная, что у иныхъ людей низменныя побужденія и пошлое отношеніе къ жизни накопляютъ столько грязи на днѣ того, что они называютъ своею душою, что, дѣлаясь подобными скульптору, они лѣпятъ изображенія и другихъ людей все изъ той же своей собственной грязи... Октября 25-го 1854 года былъ утвержденъ уставъ Крестовоздвиженской общины, 5 ноября послѣ обѣдни растроганная Великая Княгиня сама надѣла каждой изъ первыхъ 35-ти сестеръ крестъ на голубой лентѣ, а 6-го онѣ уже уѣхали. За первымъ отрядомъ послѣдовалъ рядъ другихъ, и такъ возникла первая въ мірѣ военная община сестеръ милосердія. Въ этомъ дѣлѣ Россія имѣетъ полное право гордиться своимъ починомъ. Тутъ не было обычнаго заимствованія «послѣдняго слова» съ Запада,—наоборотъ, Англія первая стала подражать намъ, прославъ подъ Севастополь недавно умершую миссъ Найтингель со своимъ отрядомъ, при чемъ отрядъ этотъ имѣлъ частный характеръ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ непрестанномъ и глубоко человѣчномъ подвигѣ, который совершили сестры Крестовоздвиженской общины въ Крымскую войну. Въ страницы ея исторіи вписано не только самоотверженное, доходившее до геройства и личной гибели, облегченіе страданій раненымъ и умирающимъ, но и свѣтлое нравственное утѣшеніе, которое сестры вносили въ угасавшую жизнь безвѣстныхъ защитниковъ Севастополя. Обращеніе умирающаго солдата къ сестрѣ Бакуниной со словами: «сестрица, пройдите еще разъ мимо», служитъ лучшимъ указаніемъ на ту возвышенную роль, которая выпала на долю созданію Елены Павловны и Пирогова, созданію, послужившему прототипомъ для великаго начинанія недавно смежившаго очи Анри Дюнана, основателя общества

Краснаго Креста. Послѣ перваго опыта, учрежденіе сестеръ Краснаго Креста, преобразуясь и расширяясь, изъ годинъ мрачныхъ воспоминаній вышло на мирную борьбу съ эпидеміями и голодомъ. И нынѣ, кромѣ Крестовоздвиженской общины, Россія насчитываетъ еще восьмьдесятъ общинъ съ двумя тысячами двумя стами сестеръ.

Въ Севастополѣ сестеръ ожидалъ Пироговъ, которому, кромѣ борьбы со всевозможными мѣстными условіями, съ явнымъ недостаткомъ перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ и наглымъ расхищеніемъ ихъ,—доходившимъ до продажи во французскіе госпитали нащипанной во всей Россіи корпіи,—приходилось испытывать канцелярскія придирки ближайшаго начальства и недоброжелательство главнокомандующаго. Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, необычайно храбрый въ защитѣ крѣпостного права при освобожденіи крестьянъ и «застѣнчивый» съ непріятелемъ, обложившимъ Севастополь, встрѣтилъ Пирогова вопросомъ: не придется ли съ прибытіемъ сестеръ открыть отдѣленіе для лѣченія венерическихъ болѣзней. Послѣдній запечатлѣлъ его образъ въ своихъ письмахъ къ женѣ. «Онъ сидѣлъ у себя—писалъ Пироговъ—скрытный, молчаливый, таинственный, какъ могила, наблюдая погоду и ища спасенія для русской арміи только въ стихіяхъ; холодный и немилосердный къ страждущимъ, онъ только насмѣшливо улыбался, когда ему жаловались на ихъ нужды и лишенія, и отвѣчалъ, что и хуже бываетъ».—Можно себѣ представить, что долженъ былъ переживать Пироговъ въ сношеніяхъ съ этимъ—по счастливому выраженію одной изъ біографій Николая Ивановича—нерадивцемъ человѣческаго рода. Но онъ не унывалъ и весь отдался святому дѣлу, на которое терпя всякія лишенія, пріѣхалъ. Во время и послѣ трехдневной бомбардировки Севастополя черезъ его руки прошло до пяти тысячъ раненыхъ, а за все время осады онъ сдѣлалъ до десяти тысячъ операцій. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Севастополѣ Николай Бергъ рисуетъ тяжелую картину главнаго перевязочнаго пункта въ залахъ морского собранія: вездѣ стоны, крики, безсознательная брань оперируемыхъ подъ наркозомъ, полъ, залитый кровью, и въ углахъ кадки, изъ которыхъ торчатъ отр

занныя руки и ноги. И среди всего этого задумчивый и молчаливый Пироговъ, въ сѣрой солдатской шинели на распашку и въ картузѣ, изъ-подъ котораго выбиваются на вискахъ сѣдые волосы,— все видящій и слышащій, берущій въ усталую руку хирургическій ножъ и дѣлающій вдохновенные, единственные въ своемъ родѣ разрѣзы.

«Травматическая эпидемія» вновь и съ особой силой раскрыла передъ Пироговымъ ту нравственную гангрену, которая разъѣдала современную ему Россію, и показала всѣмъ, имѣющимъ очи, что за блестящимъ фасадомъ государственнаго устройства гнѣздились убожество, всяческая нищета и безсиліе—и копошились болѣзнетворныя начала своекорыстія, насилія и продажности. Надо было лѣчить одновременно учрежденія и людей, законы и нравы. Однимъ изъ поприщъ для такого лѣченія являлось воспитаніе молодого поколѣнія, и Пироговъ охотно принялъ предложенное ему, не безъ вліянія Великой Княгини, мѣсто попечителя учебнаго округа сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Онъ не ставилъ себя въ положеніе начальника учебнаго сословія и университетской ученой коллегіи, какъ это дѣлалось впослѣдствіи нерѣдко людьми, не имѣвшими и десятой доли его научнаго авторитета и заслугъ. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на умудреннаго опытомъ жизни старшаго товарища своихъ подчиненныхъ и совѣтника въ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія, которому онъ придавалъ гораздо большее качественное значеніе, чѣмъ стремленію количественно наполнить юныя головы пестрымъ знаніемъ. Вдумчивый наблюдатель жизни, самъ проходившій ея суровую школу, онъ зналъ, что цѣнность цивилизаціи опредѣляется стоимостью человѣка, стоящаго въ ея центрѣ, его нравственнымъ достоинствомъ и направленіемъ его дѣятельности. Поэтому на нравственное развитіе юношества обращалъ онъ особое вниманіе и въ душѣ молодежи и тѣхъ, кто былъ призванъ ею руководить, онъ стремился возбудить жажду правды и отвращеніе къ житейской условности и лжи. *Быть,— а не казаться*—было нравственнымъ завѣтомъ, проходившимъ красною нитью чрезъ всѣ его труды, какъ попечителя и педагога. Рядъ своихъ замѣчательныхъ статей, посвященныхъ «Во-

просамъ жизни», онъ началъ эпиграфомъ, въ которомъ на вопросъ—чѣмъ вы готовите быть вашего сына?—содержался краткій, но многозначительный отвѣтъ: «человѣкомъ». Этому человѣку онъ настойчиво предлагалъ пристально вглядываться въ своей внутренній міръ, строго провѣрять свои ощущенія и упорно бороться съ притаившимися на днѣ души низменными вожделѣніями и нечистыми помыслами. Рисуя путь нравственнаго самоусовершенствованія, онъ ставилъ въ концѣ его, какъ повелительный идеалъ, любовь къ людямъ, какъ бы говоря своимъ читателямъ и слушателямъ словами великаго польскаго поэта: «имѣйте сердце и глядите въ сердце». Являясь настоящимъ учителемъ жизни въ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и распоряженіяхъ, онъ постоянно поучалъ, что надо не только призывать молодежь знать, гдѣ пути правды, но и научить ее ходить по нимъ, указывая не только на пользу служенія нравственному долгу, но и на красоту послѣдняго. Въ свое время ему приходилось слышать нареканія за широкое отношеніе къ чужеродцамъ и иновѣрцамъ. Доживи онъ до нашихъ дней—вѣроятно, эти нареканія обратились бы въ ожесточенные упреки, но они по отношенію къ Пирогову были бы лишены всякаго основанія. Въ его любви къ Россіи, въ желаніи ей блага, въ его пониманіи русскаго человѣка и горячемъ служеніи его интересамъ, нуждамъ и недугамъ—невозможно сомнѣваться. Вся его дѣятельность являла собою не только нравоучительный примѣръ заботы, но и «святого безпокойства» о судьбѣ русскаго человѣка. Послѣднія страницы его дневника служатъ яркимъ выраженіемъ скорбей, тревогъ и упованій истиннаго патріота. Но онъ былъ чуждъ узкой нетерпимости, которая не хочетъ видѣть и признавать чьихъ-либо достоинствъ и правъ внѣ своего племени и вся ощетинивается при словѣ «чужой». Ясному уму и широкому сердцу Пирогова былъ несвойственъ тотъ взглядъ, который наглядно выраженъ въ одномъ изъ старыхъ русскихъ изображеній страшнаго суда, гдѣ, по бокамъ извивающагося змія, ангелы ведутъ праведниковъ въ рай, бѣсы же тащатъ свою добычу въ геенну, а внизу изображены въ отдѣльныхъ клѣточкахъ терзающіеся въ пламени грѣшники, при чемъ надъ каждой клѣткой надписанъ и грѣхъ, повлекшій

за собою вѣчную кару: «прелюбодѣй» надписано надъ одной, «клеветникъ»—надъ другой, «чревоугодникъ» и такъ далѣе до послѣдней, надъ которой надписано «нѣмецъ».

Отсутствіе рутины во взглядахъ Пирогова и слишкомъ рѣзкое отступленіе его отъ обычнаго типа попечителей вызвало трепія, разногласія и столкновенія—и Пироговъ былъ представленъ, какъ безпокойный и несоотвѣтствующій той въ высшей степени неопредѣленной вещи, которую было принято называть «видами правительства». Ему было предложено быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, т. е. однимъ изъ членовъ безвластной коллегіи. Но позолоченныя пилюли не входили въ число медикаментовъ, допускаемыхъ Пироговымъ, сказавшимъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, что виляніе, нерѣшительность и неоткровенность непремѣнно приводятъ человѣка къ пагубному разладу съ самимъ собою, къ несогласію дѣйствій съ убѣжденіями, къ упрекамъ совѣсти и къ нравственному самоубійству. Онъ рѣшилъ остаться на своемъ посту и ждать своего увольненія въ отставку. Вотъ что писалъ онъ баронессѣ Раденъ 26 ноября 1860 г. въ письмѣ, еще нигдѣ не напечатанномъ: «Глубокоуважаемый другъ мой! Наконецъ, осуществилось то, что я предчувствовалъ въ теченіе пяти лѣтъ. Министръ народнаго просвѣщенія далъ мнѣ знать, что сильная интрига очернила меня и что онъ не увѣренъ въ томъ, что ему удастся защитить меня и мой образъ дѣйствій... Мнѣ совѣтуютъ принять другое предлагаемое мнѣ назначеніе и немедленно редактировать въ этомъ смыслѣ мое прошеніе объ отставкѣ, чего я, конечно, не сдѣлаю. Зачѣмъ я стану упорствовать въ моихъ попыткахъ быть полезнымъ отечеству моею службою. Развѣ онѣ не убѣдили меня въ томъ, что во мнѣ не хватаетъ чего-то, чѣмъ необходимо обладать, чтобы *быть* пріятнымъ и *казаться* полезнымъ. Правда, средства мои не блестящи, тѣмъ не менѣе я настолько довѣряю своимъ силамъ и уповаю на милость Бога, что надѣюсь не умереть съ голоду и довести воспитаніе своихъ дѣтей до конца. Чего намъ, людямъ, еще нужно? Стремленіе къ высшимъ цѣлямъ и душевный покой, а слѣдовательно счастье—въ насъ, а не внѣ насъ, а съ этимъ можно прожить недурно. Итакъ, я рѣшилъ

спокойно ждать отставки, благодаря Бога и за то, что онъ сохранилъ мнѣ чистую совѣсть и незапятнанную честь. Я могу сказать, положа руку на сердце, что, вступивъ на скользкій путь попечителя округа, я старался всѣми силами и со всею, свойственною моей душѣ энергіей оправдать предъ своимъ отечествомъ высокое довѣріе, мнѣ оказанное. Завершая свою служебную карьеру, прошу Васъ передать Великой Княгинѣ, что я высоко цѣнилъ ея поддержку въ трудныя минуты моей пятилѣтней службы и не совершилъ ни одного поступка, котораго не могъ бы оправдать передъ судомъ своей совѣсти. Больше этого я не могъ сдѣлать, но сдѣлать это было для меня священнымъ долгомъ. Я знаю, что мнѣ придется выслушать массу непріятностей, что въ то время, когда я, объявленный неспособнымъ къ труду, буду въ качествѣ земледѣльца зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба,—на меня посыпятся разнообразныя обвиненія. Да будетъ такъ! Такъ созданъ свѣтъ и таково теченіе жизни, на которое надо смотрѣть со стоическимъ равнодушіемъ. Слава Богу, что моя надежда на Провидѣніе рисуетъ мнѣ предстоящую новую жизнь такою же привлекательною, какъ и тогда, когда я, по возвращеніи изъ Севастополя, хотѣлъ удалиться въ деревню. Самолюбіе мое тоже удовлетворено. Друзья мои, среди которыхъ было мало глупцовъ, меня любили, а враги, среди которыхъ было немало слабоумныхъ, меня не понимали! Такими результатами жизни еще можно довольствоваться. Новое поприще, на которое рѣшаешься вступить, будучи пятидесяти лѣтъ отъ роду, конечно, не отличается устойчивостью, но если человѣкъ здоровъ, то можно добиться результатовъ и на этомъ шаткомъ пути. Лучше начать слишкомъ поздно, чѣмъ слишкомъ поздно кончить...»

Прощаясь со студентами въ Кіевѣ, Пироговъ высказалъ свое profession de foi о томъ, что законность и порядокъ, вызываемые довѣріемъ и примѣромъ, должны упрочить нравственную свободу университетской жизни, а послѣдняя должна развить самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которыя оградятъ университетъ отъ постороннихъ его цѣлямъ стремленій. «Мои труды и работы—сказалъ онъ — были награждены вашимъ до-

вѣріемъ, и если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это всего болѣе докажутъ тѣ изъ васъ, которые оправдаютъ своею жизнью мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. Разставаясь съ вами, я буду счастливъ тѣмъ, что оставался вѣрнымъ своимъ началамъ и если не довелъ ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то по крайней мѣрѣ не сдѣлалъ никого по моей волѣ несчастнымъ. Итакъ, прощайте! Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарившись, вы могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость».

Удалившись въ частную жизнь, Пироговъ не опустилъ рукъ и осуществилъ высказанную имъ однажды мысль: «кто умѣетъ во-время привыкнуть и отвыкнуть, тотъ постигъ жизнь». Для него постигнутая имъ жизнь была непрестаннымъ трудомъ въ саду и полѣ, въ кабинетѣ и библіотекѣ. Когда раздался благовѣстъ освобожденія крестьянъ, онъ возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться мировымъ посредникомъ и сталъ изучать Положеніе 19 февраля. Но ему предстояло другое. Къ нему можно было обратить слова поэта: «Иныя ждутъ тебя страданья, другихъ восторговъ глубина». Когда изъ-за стѣны условностей, формальностей и чиноначалія, преграждавшей ему путь, его звалъ властный голосъ жизни, онъ твердо отвѣчалъ: «я здѣсь!», и безкорыстно шелъ на службу человѣчеству. Такъ откликнулся онъ на призывъ министра народнаго просвѣщенія Головнина, благороднаго друга и сподвижника Великаго Князя Константина Николаевича въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ—и, переселившись въ Лейпцигъ, сталъ руководителемъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, оставляемыхъ при университетахъ и отправляемыхъ въ заграничныя командировки для усовершенствованія. Въ этой высокой и нравственно плодотворной роли онъ пробылъ до половины 1866 года.

Провидѣніе охранило жизнь Царя-Освободителя отъ преступнаго выстрѣла Каракозова, и каждый переживший это время, конечно помнитъ тотъ искренній и единодушный восторгъ, которымъ была встрѣчена вѣсть о его спасеніи. Эта радость, объединившая народъ и широкіе круги общества въ одномъ чувствѣ, не помѣшала однако, къ сожалѣнію, близорукимъ лю-

дямъ, стоявшимъ въ сферѣ власти, положить на одну чашу политическихъ вѣсовъ ярко выраженныя чувства всего народа, а на другую маленькую группу людей, желавшихъ, въ самонадѣянномъ ослѣпленіи, повернуть ходъ исторіи по своему. Давши перевѣсъ второй чашѣ, какъ показателю новаго необходимаго направленія внутренней политики, они остановили органическое развитіе реформъ Государя и стремились вызвать въ его душѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ осуществлялъ съ такимъ великодушнымъ довѣріемъ къ своему народу. Имъ удалось замѣнить Головнина новымъ министромъ, дѣятельность котораго наложила отпечатокъ своей узкой односторонности на многіе годы русскаго просвѣщенія. Одной изъ первой жертвъ новаго курса былъ Пироговъ. Эра лишеннаго внутренняго содержанія, формальнаго и механическаго классицизма, безплодно обращеннаго въ политическое орудіе, началась, между прочимъ, съ признанія руководительныхъ трудовъ Пирогова совершенно ненужными. Ему было объявлено безъ всякихъ мотивовъ, что онъ освобожденъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Отставленный отъ русскаго просвѣщенія и оскорбленный въ душѣ, Пироговъ съ достоинствомъ внѣшняго спокойствія удалился въ деревню. Мы знаемъ нѣсколько его портретовъ. На высокомъ открытомъ челѣ его не замѣчается продольныхъ морщинъ—слѣдовъ, по мнѣнію физіономистовъ, страстей и волненій, но уже въ ранніе годы лежитъ надъ переносьемъ поперечная морщина—признакъ глубокихъ думъ и душевныхъ страданій. Послѣ 1866 года она становится замѣтно глубже и обличаетъ, какая скорбь была пережита. Съ этихъ поръ дѣятельность Пирогова утрачиваетъ свой, такъ сказать, хроническій характеръ, но каждая «травматическая эпидемія» вновь возбуждаетъ и обостряетъ ее, давая Пирогову возможность послужить человѣчеству своими знаніями и изъ страданій этого человѣчества почерпнуть новый матеріалъ для опытнаго знанія, обогащая его разработкою вопросовъ эвакуаціи раненыхъ и новыхъ пріемовъ военно-полевой хирургіи. Такъ продолжаетъ онъ работать, подобно старому воину, который, услышавъ бранный призывъ, спѣшитъ надѣть боевые доспѣхи,— и въ франко-германскую и въ восточную войны, пока, среди

юбилейныхъ торжествъ и общаго признанія, ему не приходится услышать въ 1881 году призывный голосъ смерти и безтрепетно перейти въ ея объятія. Оставляя жизнь, онъ могъ сказать то же, что сказалъ Пастеръ на своемъ юбилеѣ, незадолго до смерти: «Я непоколебимо вѣрю, что наука и миръ восторжествуютъ надъ невѣжествомъ и войной, что народы сойдутся другъ съ другомъ не для разрушенія, а для созиданія и что будущее принадлежитъ тѣмъ, кто сдѣлаетъ болѣе для страждущаго человѣчества».

Оставленный Пироговымъ «дневникъ стараго врача» даетъ возможность заглянуть въ его душу не какъ общественнаго дѣятеля и знаменитаго ученаго: онъ даетъ возможность услышать голосъ сердца человѣка, того человѣка, котораго Пироговъ хотѣлъ воспитать въ каждомъ юношѣ. Это сердце преисполнено глубокой и трогательной вѣры въ высшій Промыселъ и умиленія передъ завѣтами Христа. Жизнь учитъ, что Христосъ имѣетъ много слугъ, но мало дѣйствительныхъ послѣдователей. Однимъ изъ послѣднихъ былъ Пироговъ. Наблюденіе надъ жизнью, къ великому сожалѣнію, показываетъ, что цѣпь злыхъ дѣлъ въ нашемъ печальномъ существованіи почти непрерывна и трудно расторжима. Но звонъ и лязгъ, и ложный блескъ этой цѣпи не заглушаетъ и не скрываетъ звеньевъ цѣпи добра. Въ сороковыхъ годахъ трогательный московскій человѣколюбецъ докторъ Гаазъ писалъ своему воспитаннику Норшину: «самый вѣрный путь къ счастью не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, т. е. внимать ихъ нуждамъ, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ; словомъ—любить ихъ». А вотъ какъ опредѣлялъ Пироговъ много лѣтъ спустя въ своихъ стихахъ—ибо и онъ писалъ стихи—въ чемъ состоитъ счастье жизни: «быть счастливымъ счастьемъ другихъ... участьемъ согрѣть холодное сердце, любовью коснуться изсохшей души». Поэтому онъ считалъ зломъ всякое насиліе надъ чужимъ и своимъ чувствомъ и на склонѣ лѣтъ горячо упрекалъ себя за страданія, причиненныя животнымъ при вивисекціи, и за грубое слово, сказанное сорокъ лѣтъ назадъ больному при операціи камнедробленія. Вотъ почему со многихъ страницъ дневника звучитъ нѣжное состраданіе къ чело-

вѣческимъ скорбямъ и теплое, любовное отношеніе ко всем окружающему, за которое онъ старается мыслить и чувствовать, подобно древнему брамину, взирающему на окружающій міръ и говорящему себѣ:—это тоже ты!

Нашъ извѣстный историкъ Соловьевъ говоритъ, что народы любятъ ставить памятники своимъ выдающимся людямъ, но эти люди своей дѣятельностью сами ставятъ памятникъ своему народу. Такой памятникъ поставилъ и Пироговъ, прославивъ русское имя далеко за предѣлами своей родины. Во дни сомнѣній и тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины Тургеневъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы могучій, правдивый русскій языкъ не былъ данъ великому народу. Но не то ли же самое можно сказать и о лучшихъ представителяхъ этого народа? И когда, среди тумана печальныхъ явленій и свойствъ нашей повседневной дѣйствительности, вспомнишь, что нашъ народъ имѣлъ Петра и Ломоносова, Пушкина и Толстаго, чья недавняя кончина сжала наши сердца великой скорбью, что онъ далъ, наконецъ, Пирогова, то нельзя не вѣрить, что этотъ народъ не только может, но и о б я з а н ъ имѣть свѣтлое будущее.

II.

Памяти Тургенева.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 1 марта 1909 г.).

Когда, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со смерти и девятидесятилѣтія со дня рожденія Ивана Сергѣевича Тургенева, Академіи Наукъ возложила на меня обязанность сказать слово въ память покойнаго писателя, я былъ въ немаломъ затрудненіи. Что можно сказать новаго о художникѣ слова, который былъ не только глубокимъ выразителемъ думъ, чувствъ и надеждъ русскаго человѣка, но и обаятельнымъ изобразителемъ его быта, его душевныхъ свойствъ и той сѣрой, но милой сердцу природы, среди которой ему приходится жить?! Не все ли по этому поводу уже сказано въ отдѣльныхъ очеркахъ, цѣлыхъ лекціяхъ, курсахъ и критическихъ статьяхъ? И можно ли вообще что-либо прибавить къ оцѣнкѣ, сдѣланной на одрѣ болѣзни знаменитымъ Тэномъ, который, въ виду уже близкой смерти, находилъ наслажденіе въ слушаніи повѣстей Тургенева и опредѣлялъ его, какъ художника наиболѣе совершеннаго между тѣми, кто писалъ послѣ грековъ, — съ которымъ никто не можетъ сравниться въ строгомъ выборѣ матеріала, въ правильности и скульптурной красотѣ формъ, при чемъ каждая

изъ его маленькихъ повѣстей напоминаетъ безупречную античную камею? Можно бы, пожалуй, разработать вопросы объ отношеніи Тургенева къ нашей текущей жизни и о томъ, въ чемъ состоятъ и чѣмъ являются для насъ его нравственные завѣты. Но эта задача выпала на долю моего товарища по Академіи Н. А. Котляревскаго, и мы только-что слышали, какъ тонко и вдумчиво онъ ее осуществилъ. Одно обстоятельство выводитъ меня однако изъ затрудненія. Перелистывая письма Тургенева къ Некрасову, я нахожу между ними, въ относящихся къ первой половинѣ 50-хъ годовъ, письмо съ вопросомъ Тургенева редактору «Современника» о томъ, кто такой авторъ «Дѣтства и Отрочества» и что за человѣкъ тотъ Л. Н. Т., къ которому слѣдуетъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ, потому что это — «талантъ надежный». А въ 1874 году Гоголь пишетъ Анненкову: «Изобразите мнѣ портретъ Тургенева, чтобы я получилъ о немъ понятіе, какъ о *человѣкѣ;* какъ писателя, я уже отчасти его знаю, сколько могу судить по тому, что прочелъ, талантъ въ немъ замѣчательный и обѣщаетъ большую дѣятельность въ будущемъ». Вотъ — и выходъ изъ моего раздумья. Можно попробовать установить представленіе о Тургеневѣ, какъ о личности, заглянуть въ его душевный міръ и въ его отраженіе на окружающей общественной средѣ, т. е. взглянуть на Тургенева, какъ на человѣка въ частной жизни и въ работѣ на пользу родинѣ.

Для этого въ нашемъ распоряженіи довольно много матеріала: прежде всего, автобіографическія данныя, содержащіяся въ сочиненіяхъ Тургенева, — затѣмъ различныя воспоминанія о немъ, — его письма, болтливые разсказы *друзей* и отзывы *враговъ*. Послѣднихъ у Тургенева было немало, что и понятно относительно человѣка съ такимъ дарованіемъ, которое не могло не возбуждать зависти и злорѣчія. Притомъ — какъ сказалъ князю Вяземскому Киселевъ — «человѣкъ вѣдь не червонецъ, чтобы его *всѣ любили*». Еще Пушкинъ вѣрно замѣтилъ, что «умъ, любя просторъ — тѣснитъ; и пылкихъ душъ неосторожность—самолюбивую ничтожность иль оскорбляетъ иль смѣшитъ». Это дѣйствіе ума и пылкой души простирается иногда не на одну ничтожность, такъ какъ узкое и мелкое само

любіе, къ несчастію, бываетъ свойственно и очень крупнымъ людямъ. Мягкій и довѣрчивый по характеру и образу дѣйствій, Тургеневъ однако не поступался своими искренними убѣжденіями и серьезно выработанными взглядами и не склонялъ свою выю безъ критики передъ тѣми, кто претендовалъ на общее признаніе. Онъ не былъ никогда «жрецомъ минутнаго, поклонникомъ успѣха». Недаромъ его очень часто изображаютъ въ воспоминаніяхъ — оживленно спорящимъ, и нерѣдко въ ироническомъ тонѣ. Логическ я и нравственныя уродливости въ людяхъ, встрѣчаемыхъ имъ на жизненномъ пути, воспринятыя его впечатлительнымъ умомъ, выливались у него въ форму насмѣшливыхъ прозвищъ, эпиграммъ и крылатыхъ словечекъ, которыя затѣмъ съ поспѣшнымъ злорадствомъ разносились разными дружественными вѣстовщиками по адресу. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ могъ сказать про себя словами русской поговорки: «языкъ мой — врагъ мой» — и не въ томъ смыслѣ, какъ это говорилъ про себя одинъ чиновникъ, блестящая карьера котораго была испорчена вслѣдствіе опалы, постигшей его принципала. «Уста мои — враги мои!» — восклицалъ онъ въ горести, а на недоумѣвающій вопросъ вразумительно отвѣчалъ: «тридцать лѣтъ *не ту* руку лобызали». Отъ мстительной оцѣнки и необоснованныхъ укоровъ со стороны враговъ теперь почти ничего и не осталось, кромѣ воспоминаній объ упорной подозрительности Гончарова, развившейся на почвѣ его болѣзненнаго настроенія и нѣсколькихъ страницъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, имѣющихъ видъ злобнаго памфлета, не дѣлающаго чести его великому автору.

Но зато *друзья* вполнѣ осуществляли по отношенію къ Тургеневу испанскую поговорку: «избави меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь». Ему мало приходилось отъ нихъ слышать словъ одобренія и ободренія въ трудныя минуты жизни, когда такъ нужно бываетъ найти дружескую опору. Изящное опредѣленіе дружбы, сдѣланное Шиллеромъ: «o Du!—Du die alle Wunden heilest, der Freundschaft zarte, liebe Hand», далеко не вполнѣ было примѣнимо къ Тургеневу. Его *заграничные* друзья были скорѣе пріятелями, не имѣя съ нимъ ни общаго прошлаго, ни языка, ни пережитаго, а его *русскіе* друзья...

ихъ рука подчасъ бывала совсѣмъ не нѣжной и не только не за-
лѣчивала душевныхъ ранъ, но съ холоднымъ любопытствомъ
копалась въ нихъ и «къ первѣе наложеннымъ» прилагала новыя
раны, съ торопливымъ участіемъ и словами безплоднаго него-
дованія сообщая о всемъ томъ, что способно было больно уязвить
душу писателя. Конечно, были исключенія, но даже лучшіе
изъ друзей «разъясняли» ему менторскимъ тономъ недостатки
и промахи въ его произведеніяхъ, наводя этимъ его на напрас-
ныя сомнѣнія въ себѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ тотъ изъ
лучшихъ его друзей, который находилъ, что удивительная по
отдѣлкѣ, цѣльности и жизненности глава о «Фимушкѣ и Фомуш-
кѣ» въ «Нови», заставляетъ чувствовать напряженіе, излишекъ
головной работы, даже робость и должна быть признана неумѣст-
ной, съ чѣмъ смиренно соглашался обезкураженный Турге-
невъ. Экспансивный и довѣрчивый по натурѣ, Тургеневъ легко
и, повидимому поспѣшно завязывалъ отношенія близкой друж-
бы съ людьми, которые не всегда этого стоили, очевидно забывая,
что слишкомъ тѣсная дружба съ тѣми, съ кѣмъ не съѣде-
но пуда соли, бываетъ похожа на тонкую и хорошую гравюру,
которую слишкомъ часто держишь въ рукахъ, захватывая ея
борты пальцами и незамѣтно портя ея первоначальную красоту.
Въ приливахъ незаслуженной откровенности Тургеневъ не ща-
дилъ себя, и даже любилъ изображать себя въ смѣшномъ видѣ
или затруднительномъ положеніи. Онъ забывалъ совѣтъ Талей-
рана: «никогда не говори о себѣ дурно: друзья и безъ того доста-
точно о тебѣ наговорятъ». Вслѣдствіе этого «друзья» зачастую
судили его не по возвышеннымъ минутамъ проявленія его ду-
ховной природы, а по мелочамъ, промахамъ и настроеніямъ
ежедневности. Не только Головачева-Панаева, сводившая съ
нимъ, въ недостовѣрныхъ по самой своей формѣ воспоминаніяхъ,
счеты уязвленнаго и озлобленнаго самолюбія, но и Анненковъ,
и даже Фетъ, мемуары котораго представляютъ удивительное
смѣшеніе идеаловъ Скалозуба съ истинной поэзіей — и тихой
грусти крѣпостника о невозвратномъ съ философскими афо-
ризмами,—не щадятъ его. Когда сопоставляешь такія воспоми-
нанія съ полными трогательной откровенности письмами Тур-

генева къ ихъ авторамъ, то невольно приходитъ на умъ тотъ умудренный жизнью человѣкъ, который подписывалъ свои письма словами «*преданный Вам...*» объясняя опущеніе твердаго знака тѣмъ, что до поры до времени онъ обыкновенно не знаетъ, преданъ ли онъ тому, *кому* пишетъ, или преданъ *тѣмъ*, кому пишетъ.

Драгоцѣнный матеріалъ для сужденія о Тургеневѣ даютъ его письма. Въ нихъ не только сказывается великій русскій писатель со своими печалями и страданіями, съ отношеніемъ къ родинѣ, къ жизни и смерти, къ искусству и творчеству и, наконецъ, къ самому себѣ и друзьямъ, но и блеститъ его юморъ и тихо свѣтится задушевная грусть, сопровождавшая его, повидимому, всю жизнь. Тутъ нѣтъ ничего сочиненнаго или придуманнаго, нѣтъ присущаго пишущимъ для публики самолюбованія и желанія выразиться поумнѣй и покрасивѣй. Это совершенно интимныя письма, набросанныя наскоро и переполненныя множествомъ подробностей, не имѣющихъ никакого общаго интереса или значенія. Въ нихъ Тургеневъ, говоря о томъ или другомъ, незамѣтно для себя *свидѣтельствуетъ* о самомъ себѣ.

Говоря объ общественной дѣятельности или, вѣрнѣе, объ общественныхъ заслугахъ Тургенева, невольно приходится остановиться на его дѣтствѣ и ранней молодости. Они были очень тяжелы, безъ теплаго привѣта, безъ ласки и внимательнаго отношенія къ воспріимчивой душѣ ребенка и къ впечатлительному сердцу отрока. Онъ имѣлъ полное право сказать словами Некрасова: «ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ — и никому не благодаренъ!» Въ карамазовской до извѣстной степени обстановкѣ помѣщичьей усадьбы въ Спасскомъ-Лутовиновѣ царила жестоко и всевластно мать Тургенева, невольное воспоминаніе о которой сквозитъ въ его словахъ о помѣщицѣ въ «Муму:» — «День ея нерадостный и ненастный давно прошелъ, но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи». Отецъ писателя «красавецъ-мужчина», поправившій свои дѣла женитьбой на богатой некрасивой дѣвушкѣ, былъ человѣкъ равнодушный ко всему и въ томъ числѣ къ дѣтямъ. Ограничась относительно ихъ ролью чистокровнаго производителя, онъ покорно склонилъ свою выю подъ иго жены. Его совершенно обезличила и обезволила эта женщи-

на — образованная, мстительная, виртуозная по части жестокихъ оскорбленій подвластнымъ — будутъ ли это дѣти или дворовые — и сводившая на измученной и подавленной душѣ и на спинѣ своихъ крѣпостныхъ свои счеты съ судьбою, послав шей ей угрюмую и тяжелую молодость. Безхитростныя воспоминанія Житковой содержатъ рядъ картинъ, рисующихъ то утонченное сладострастіе мучительства окружающихъ, которымъ она вознаграждала себя за отсутствіе любви и ласки въ молодости. Крѣпостное право отражалось не на однихъ крестьянахъ: оно наносило удары и вверхъ и въ стороны, принижая однихъ, растлѣвая другихъ, оскорбляя третьихъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Тургеневъ. Ежедневныя мелкія и крупныя злоупотребленія помѣщичьей властью оставляли въ его душѣ незаживавшіе нравственные рубцы и наконецъ переполнили его сердце праведнымъ гнѣвомъ. Этотъ гнѣвъ нашелъ себѣ могучаго союзника въ великомъ талантѣ писателя и помѣшалъ ему, подобно многимъ изъ его современниковъ, искать утѣшенія въ философской формулѣ, что «все существующее разумно», или отдаться безмятежному служенію «чистому искусству». Сквозь «шопотъ, робкое дыханіе» ему слышались заглушенныя рыданія и стоны людей, обращенныхъ въ вещи, которыми можно торговать и уплачивать карточные долги. Поэтому, когда онъ сталъ «смятенія и звуковъ полнъ» это смятеніе вызывалось въ немъ не «трелями соловья и серебромъ и колыханіемъ соннаго ручья», а созерцаніемъ рабскаго ига, которымъ, по выраженію Хомяковъ, была клеймена Россія, а звуки эти были голосомъ сильнѣйшаго негодованія. Объясняя свое раннее (въ 1847 г.) *бѣгство* за границу, Тургеневъ самъ говоритъ: «я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца — съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва».

Но вопросъ о готовности на эту борьбу писателя тѣми чудными средствами, которыя были даны ему судьбою, влекъ за собою другой: «*какъ* бороться?» Крѣпостное право, несмотря на свое безобразіе, было не только однимъ изъ «устоевъ» современнаго ему общественнаго устройства, имѣвшимъ по своему значенію право войти въ качествѣ четвертаго члена въ пресловутую трехчленную формулу Уварова, но представлялось глубокимъ бытовымъ и органическимъ явленіемъ. Оно было сильно не только само по себѣ, но и помощью неожиданныхъ союзниковъ извнѣ. Если нельзя считать серьезными и искренними предположенія объ его уничтоженіи со стороны Александра I въ тѣ минуты, когда «сфинксъ, неразгаданный до гроба», начиналъ сентиментально любить человѣчество и послѣ того, какъ заступившись за *черныхъ* невольниковъ на лондонскомъ конгрессѣ, вспомнилъ, что и у него въ Россіи существуютъ *бѣлые* невольники, — то совсѣмъ нельзя того же сказать про императора Николая I. Послѣдній искренно желалъ освободить Россію отъ позора, который, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, носилъ названіе *права*. «Я не понимаю, — говорилъ онъ: — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ!» Онъ ясно сознавалъ тотъ вредъ матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда; раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно,—наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми съ смѣлостью своекорыстія — и наконецъ, въ особенности, тревожныя впечатлѣнія, вызванныя неожиданнымъ внѣшнимъ союзникомъ крѣпостного права—западно-европейскими событіями 1848 и 1849 гг. парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ, всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, не только избѣгалъ рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и не высказывался вполнѣ опредѣленно объ *упраздне-*

нiи крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованiи*. Несомнѣнно, что онъ *желал* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостоно ига, но *захотѣт* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю — не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею «келейностью», и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несомѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Поэтому нападать на крѣпостное право, рисуя обратную сторону, т. е. глубокое безправіе массы и широкое поле для возможности злоупотребленій, было безполезно; обращаться къ уму читателей и къ тому, что составляетъ fundamentum regnorum, къ необходимости справедливости въ отношеніяхъ между членами государства т. е. дѣйствовать логическими доводами или взывать къ совѣсти — не стоило: зло слишкомъ глубоко въѣлось и стало большинству казаться естественнымъ и, какъ законы природы, непреложнымъ явленіемъ. Для воспріятія логическихъ доводовъ нуженъ воспріимчивый и непредубѣжденный умъ, а совѣсть... какъ часто и въ отдѣльныхъ лицахъ и въ цѣлыхъ общественныхъ слояхъ она спитъ или, въ лучшемъ случаѣ, дремлетъ!—Оставалось *дѣйствовать на чувство*. И такъ какъ большинство мыслитъ образами, то въ этой области и надо было почерпнуть оружіе для своего воинствующаго творчества. Недаромъ Гоголь совѣтовалъ: «заговори съ обществомъ на мѣстo жаркихъ разсужденій живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей, и двери сердецъ раскроются сами къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть капли почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла». Поэтому и воевать слѣдовало *художественными образами*, почерпнутыми изъ крѣпостного быта и нравовъ.

Чѣмъ же связать, проникнуть и одухотворить эти образы

Ненавистью?.. Но для того, чтобы проповѣдь ненависти нашла себѣ благопріятную въ обществѣ почву, необходимо, чтобы самая ненависть была уже въ зачаткахъ посѣяна въ массѣ лицъ и во всякомъ случаѣ подготовлена предшествующимъ презрѣніемъ къ тому или другому явленію, потому что «le mépris c'est la haine en repos». Только въ этомъ случаѣ задача художника или публициста собрать разсѣянную ненависть воедино и дать ей кристаллизоваться вокругъ одного представленія — можетъ быть успѣшна... Или призвать «музу пламенной сатиры»?.. Но если часто «difficile est satiram non scribere», то у насъ въ то время, когда Тургеневъ выступилъ противъ крѣпостоного права, было гораздо чаще «difficile satiram scribere», потому что цензура того времени была подозрительна и труслива, тупа и невѣжественна. Оставалось чувство, противоположное ненависти: *любовь*, которою такъ много можно взять тамъ, гдѣ безсильны или недопустимы проклятія негодованія. Вооруженный этою любовью, какъ бы слѣдуя будущимъ словамъ Некрасова: «иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ и будь имъ другъ!», выступилъ Тургеневъ на обличеніе крѣпостного права. Эта любовь къ крѣпостному человѣку, — къ крестьянину и дворовому, — ничѣмъ не задуваемая, яркая и согрѣвающая, свѣтится на всѣхъ страницахъ «Записокъ охотника». Она вливается въ душу читателя и несомнѣнно заставила многихъ добрыхъ и порядочныхъ, но близорукихъ или ослѣпленныхъ людей прозрѣть и, почувствовавъ въ каждомъ изъ незамѣтныхъ героевъ «Записокъ охотника» брата, почуять въ крѣпостномъ складѣ жизни своего нравственнаго врага. Такой смыслъ имѣли эти и близкіе къ нимъ по содержанію, незабвенные разсказы и для вдумчивыхъ людей со стороны. Достаточно сказать, что Карлейль называлъ «Муму» самою трогательною повѣстью въ свѣтѣ. Вліяніе «Записокъ охотника» и этой повѣсти было равносильно ихъ значенію. Есть слова, вырывающіяся изъ сердца и заставляющія безсильно опустить руки; есть другія, вливающія въ него благотворное чувство обновленія. Къ первымъ относятся роковыя — *поздно* и *тщетно;* ко вторымъ — *жалко* и *стыдно*. «Записки охотника» вонзились, какъ стрѣла, въ сердце читателей: послѣднимъ

сдѣлалось жалко, имъ стало стыдно... Но, къ счастію, еще не было поздно. Есть несомнѣнное свидѣтельство, что наслѣдникъ престола читалъ «Записки охотника» и правильно оцѣнилъ вложенную въ нихъ мысль. Онъ самъ объ этомъ впослѣдствіи приказалъ передать Тургеневу. Конечно, не одно это чтеніе подвигло Александра II на великое дѣло освобожденія крестьянъ, но Тургеневъ имѣлъ полное основаніе сказать про великодушное рѣшеніе государя, принятое вопреки всевозможнымъ противодѣйствіямъ, настойчиво и рѣшительно — «и моего тутъ меду капля есть» — и капля большая. «Теперь крѣпостное право, писалъ въ 1862 году Салтыковъ-Щедринъ — какой-то тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ давящій и давимый были равно ужасны, — кошмаръ, отъ котораго избавило великое, прекрасное слово Царя-Освободителя... Да, оно одно!» Я радуюсь привести эти слова нашего сатирика теперь, сегодня, въ скорбный день, когда многострадальный образъ Александра II съ особой яркостью возникаетъ предъ всѣми, кто знаетъ, кто самъ видѣлъ то, что онъ сдѣлалъ для Россіи и чѣмъ она ему обязана. Но и заслуга Тургенева какъ идейнаго подготовителя великаго дѣла — не можетъ и не должна быть забыта. Онъ имѣлъ полное право плакать умиленными слезами душевнаго удовлетворенія на молебнѣ, заказанномъ имъ въ Парижѣ по поводу 19 февраля 1861 года, вмѣстѣ со старикомъ-декабристомъ княземъ Волконскимъ. — «Для твоего памятника — сказалъ, провожая прахъ Тургенева въ Россію Эдмондъ Абу — достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошеннаго на могильную плиту; твое честное самолюбіе было бы удовлетворено такимъ мавзолеемъ, и этотъ символъ громко говорилъ бы о томъ, что ты сдѣлалъ для своей родины».

Эта общественная заслуга нашего писателя имѣла и другую сторону. Подрастающее молодое поколѣніе въ большихъ русскихъ городахъ и въ особенности въ Петербургѣ — дѣти чиновниковъ, купцовъ, людей свободныхъ профессій и т. д. — получали очень смутное, (а подчасъ и никакого) представленіе о народѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Рѣдкое соприкосновеніе съ извощиками и людьми отхожихъ промысловъ не могло дать имъ яснаго

редставленін о русскомъ крестьянинѣ и безправныхъ усло-
іяхъ его быта. Имъ разсказывались анекдоты про «мужика»
вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось, что огромная крестьянская масса
ожетъ и должна быть довольна своимъ внутреннимъ благоден-
твіемъ и попечительной о немъ заботой, а для внѣшнихъ враговъ
редставляетъ исполинскаго богатыря, страшная мощь кото-
аго заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ «побѣдъ и
долѣнія». На сценѣ и въ текущей литературѣ, за исключені-
мъ Григоровича и отчасти Даля, крестьянинъ игралъ лишь
изодическую и не заставлявшую задумываться роль, а псевдо-
ародный языкъ, которымъ говорили изрѣдка выводимые въ
азсказахъ и повѣстяхъ «простолюдины», напоминалъ дѣлан-
ый языкъ прокламацій графа Растопчина, которыми онъ думалъ
успокоить московскихъ жителей при надвинувшейся на Москву
пасности, наканунѣ вступленія въ нее Наполеона. А въ теат-
альныхъ афишахъ была даже, послѣ перечисленія дѣйствующихъ
ицъ, особая рубрика, носившая названіе «гости и пейзане».
Благодаря этому умышленному, а подчасъ и безсознательному
закрыванію глазъ на дѣйствительность, городская молодежь,
не принадлежавшая къ помѣщичьюму классу, въ сущности не
была знакома съ крестьяниномъ и не вѣдала ничего о его страда-
ніяхъ. А между тѣмъ эта молодежь въ огромномъ большинствѣ
шла на службу и, наполняя столичные департаменты и канцеля-
ріи, въ своей совокупности представляла того «столоначальни-
ка», который, по горестному сознанію императора Николая I,
«управлялъ Россіей». Правда, изъ этой молодежи вышелъ и Ни-
колай Милютинъ, тотъ, по выраженію Некрасова, «кузнецъ-
гражданинъ», который такъ много поработалъ въ дѣлѣ уничто-
женія крѣпостного права. Но онъ воспитывался въ исключитель-
нвхъ условіяхъ и самъ былъ исключительнымъ человѣкомъ.
Тургеневъ, а вслѣдъ за нимъ и Некрасовъ познакомили эту
молодежь съ «сѣятелемъ и хранителемъ» русской земли, дали
возможность заглянуть въ его душу, оцѣнить тотъ тихій свѣтъ,
который въ ней горитъ, несмотря на кору невѣжества, понять
его скорби и полюбить его!

Когда надъ русской землей прозвучалъ благовѣстъ освобожде-

нія крестьянъ, Тургеневъ могъ бы сказать себѣ: «нынѣ отпущаеши»... Но онъ зналъ, что говорить это еще рано, что крѣпостное право пустило слишкомъ глубокіе, развращающіе всѣ слои общества, корни, и что мы im Grossen und Ganzen сдѣланы изъ плохой глины: нагрѣваемся очень скоро, но жаръ хранить умѣемъ недолго. Онъ понималъ, что измѣненіе нравовъ и впитанныхъ рядомъ поколѣній взглядовъ почти всегда — и притомъ значительно — отстаетъ отъ законодательныхъ преобразованій, и въ перестроенномъ наскоро зданіи остаются старые, лишь на время притихшіе жильцы. Горькій опытъ учитъ, что между самыми благодѣтельными мѣрами и не только бюрократической, но и общественной средою, существуетъ глухой разладъ, трудно уловимый въ частностяхъ, но больно ощутимый въ цѣломъ. Иногда такая мѣра, такой необходимый починъ не встрѣчаютъ, повидимому, никакого противодѣйствія: предъ ними все разступается, и, разсѣкая смѣлымъ ударомъ то или другое явленіе, они доходятъ до самаго его дна, казалось бы безповоротно покончивъ съ его существованіемъ. Но это лишь кажется: посмотришь а сверху уже снова все слилось въ липкую и вязкую какъ кисель массу, и отъ разрыва не осталось и слѣда. Недаромъ Салтыковъ тревожно спрашивалъ, гдѣ гарантія въ нашемъ быту тому, что крѣпостное право не продолжало бы существовать: «Въ нравахъ, что ли? — спрашивалъ онъ. — Но развѣ неивѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ что ли? Но развѣ неизвѣстно, что такія слезы капаютъ внутрь, на сердце и все накипаютъ, пока не перекипятъ совершенно?» И Тургеневъ не успокоился, а съ зоркимъ перомъ въ рукѣ принялся слѣдить за вибріономъ крѣпостничества, указывая на него русскому читателю. Рисуя въ «Дымѣ» и «Нови» злобное шипѣніе и готовность на тайныя козни противъ великихъ реформъ Александра II, онъ влагалъ въ уста нѣкоторымъ изъ своихъ героевъ такія рѣчи: «Надо передѣлать все сдѣланное... и 19 февраля — насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas, и когда омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, должно предостерегать, должно говорить съ почтительной твердостью: воротитесь, воротитесь назадъ»!... Рисуя рядомъ

съ этимъ въ той же «Нови» хожденіе въ народъ, онъ скорбѣлъ о безплодной растратѣ силъ частью нашей молодежи для достиженія неясныхъ въ способѣ своего осуществленія цѣлей, среди равнодушія однихъ, злорадства другихъ и непониманія третьихъ, но онъ не отрицалъ въ этой части искренняго желанія помочь народу и, изображая болѣзненное проявленіе общественной потребности, не находившей себѣ нормальнаго исхода, умѣлъ отнестись къ жертвамъ такого положенія не съ бездушнымъ осужденіемъ, а съ пониманіемъ и состраданіемъ вдумчиваго художника. Убѣжденный поклонникъ постепеннаго общественнаго развитія, безъ судорожныхъ прыжковъ впередъ и боязливыхъ отступленій назадъ, мягкій по складу своей души, Тургеневъ никогда не впадалъ въ рабскую лесть ни предъ толпой, ни предъ отдѣльными группами или лицами. Въ его сочиненіяхъ, затрогивающихъ иногда очень острые вопросы современности, господствуетъ, если можно такъ выразиться, *художественное правосудіе*. И онъ, съ одинаково-глубокимъ безпристрастіемъ, наряду съ Кукшиной, Степанчиковой и Губаревымъ изображалъ покрытую внѣшнимъ лакомъ цивилизаціи группу подъ дубомъ Баденъ-Бадена и Калломейцева изъ «Нови». Напротивъ, своими твореніями онъ со всею силою своего таланта предостерегалъ противъ лукаваго льстеца, который, по словамъ Пушкина, «на царя бѣду накличетъ и изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничитъ». Друзья Тургенева не безъ ехидства указывали на женскія свойства его натуры. Да,—это было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вѣрно; онъ былъ похожъ на простую русскую женщину, имъ такъ чудесно описанную, которая нерѣдко на вопросъ, любитъ ли она,—отвѣчаетъ: «извѣстно, жалѣю». Онъ умѣлъ ставить себя на мѣсто каждаго, сливаясь со всѣмъ сущимъ въ чувствѣ общей солидарности. Достаточно припомнить его обезьянку на кораблѣ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». Но если разумъ его умѣлъ все *понимать*, его любящее женское сердце умѣло *жалѣть*.

Однако, любовь Тургенева къ русскому человѣку и къ русской землѣ такъ нѣжно и красиво выраженная, напримѣръ, въ «Деревнѣ» его «Стихотвореній въ прозѣ», не была слѣпою, способною видѣть однѣ лишь достоинства и упорно закрывать глаза на не-

достатки. Этимъ онъ выгодно отличался отъ современныхъ ему славянофиловъ, нападавшихъ на его «западничество». Онъ самъ шутя называлъ себя нѣмцемъ и вооружался противъ мистическихъ представленій объ исключительномъ призваніи русскаго человѣка, отыскивая въ его жизни и свойствахъ трезвую правду и не утѣшая себя восторженнымъ представленіемъ о немъ «im Werden». Человѣкъ всею душою русскій, онъ былъ чуждъ слѣпого культа «своего», который часто переходитъ въ пагубный шовинизмъ. Любить отечество не значитъ страдать патріотической близорукостью. Устами своего Потугина въ «Дымѣ», Тургеневъ говоритъ: «страстно люблю и страстно ненавижу странную, милую, скверную, дорогую родину». Когда, однажды, за товарищескимъ обѣдомъ въ Парижѣ, французскіе писатели стали разсуждать объ отличительныхъ коренныхъ свойствахъ европейскихъ расъ, Тургеневъ рѣзко противупоставилъ холодному культу *права* у человѣка латинскаго племени—*человѣчность* русскихъ людей. Въ своемъ «Гамлетѣ» и «Донъ-Кихотѣ» онъ безусловно становится на сторону послѣдняго, на сторону Alonzo el bueno, привѣтствуя въ немъ это названіе, какъ символъ его неустанной борьбы со зломъ. Но его смущаетъ безволіе русскаго человѣка и затрата имъ большихъ природныхъ силъ на пустяки,—отсутствіе настойчивости и выдержки—и практическое оправданіе имъ въ жизни горестнаго изреченія о томъ, что «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Онъ съ горечью отмѣчаетъ, что жизнь русскаго развитого человѣка наполняетъ не творческая дѣятельность, не жажда созиданія, не esprit de combativité, а разлагающій анализъ, «ковырянье» въ собственной душѣ и удовлетвореніе одними «безкрылыми желаніями». Онъ рисуетъ рядъ лицъ, махнувшихъ на все рукой:—Каратаева, лишняго человѣка Чулкатурина, Гамлета Щигровскаго уѣзда, Рудина, Лаврецкаго съ его «догорающею безполезною жизнью», Берсеньева, пишущаго тяжелымъ, съ обиліемъ иностранныхъ словъ, языкомъ «о нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» въ то время, какъ Россія «въ судахъ полна неправды черной». Имъ онъ противуполагаетъ людей, умѣющихъ не только желать, но и хотѣть, будетъ

ли то бѣдный восторженный служитель искусства Леммъ или энергическій, одушевленный ясной и высокой цѣлью Инсаровъ... Его любимый герой былъ Базаровъ—фигура, по его словамъ, сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная и честная. Онъ горячо желалъ внушить читателю любовь къ нему, несмотря на всю его грубость, сухость и рѣзкость, ибо создавалъ его съ любовью и чуткостью необыкновенной и до того сроднился съ нимъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ велъ дневникъ своего героя, гдѣ старался выяснить самому себѣ то, какъ отнесся бы такой человѣкъ къ различнымъ крупнымъ и мелкимъ обстоятельствамъ жизни. А когда онъ писалъ страницы о смерти Базарова, онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Но если Тургеневъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головой, взирая на слагавшіеся у него въ душѣ образы русскихъ мужчинъ, то къ русской женщинѣ онъ относился съ гораздо большимъ довѣріемъ и возлагалъ на ея душевныя силы великое упованіе. Можно безъ преувеличенія сказать, что ему принадлежитъ первое мѣсто среди изобразителей русской женщины и толкователей ея душевнаго строя. Впервые русскую женщину намъ показалъ Пушкинъ. Бѣдная Лиза Карамзина, «прекрасная тѣломъ и душою, нѣжная и чувствительная поселянка», утопившаяся послѣ того, «какъ мракъ вечера питалъ желанія Эраста, богатаго дворянина съ изрядnымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, и никакой лучъ не могъ освѣтить его заблужденія»,—кромѣ имени и внѣшней обстановки, ничего не имѣла въ себѣ національнаго и типическаго. Не создалъ русской женщины и Гоголь, несмотря на обѣщаніе показать ее во всемъ блескѣ душевной красоты. Его Уленька второй части «Мертвыхъ душъ»—не живое лицо. Чудесна Татьяна, вся озаренная лучами ума и сердца великаго поэта, но она, по условіямъ жизни и воспитанію, принадлежитъ къ одному лишь слою общества. Она—олицетвореніе долга, которому приносится безхитростно и вмѣстѣ величаво въ жертву личное счастье. «Но,—говоритъ она Онѣгину—я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Общество шло однако впередъ, личность завоевывала себѣ новыя права, и быть «отданной»—изъ общаго правила становилось исключеніемъ: на мѣсто покорнаго принятія своего

«жребія» явился свободный выборъ по влеченію сердца. И Лиза Калитина въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» тоже приноситъ себя въ жертву долгу, но понимаетъ его уже гораздо шире, чѣмъ Татьяна. Но и на этомъ «чистѣйшей прелести чистѣйшемъ образцѣ» нельзя было остановиться. Измѣнявшійся складъ общества, подмѣчаемый и часто предчувствуемый Тургеневымъ, звалъ женщину за предѣлы ея прежнихъ, прекрасныхъ самихъ по себѣ, задачъ:—иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать. Открывалась область не одной пассивной и сострадательной любви, но область любви дѣятельной, когда приходится стать по отношенію къ избраннику сердца товарищемъ, другомъ и опорою въ житейской борьбѣ—стать тѣмъ, что въ старину образно называлось «потрудилицей и сослужебницей». И Тургеневъ рисуетъ цѣлый рядъ очаровательныхъ женскихъ образовъ, исполненныхъ этой дѣятельной любви. Стоитъ вспомнить его Елену, Маріанну, героинь «Живыхъ мощей» и многихъ другихъ его разсказовъ. Андреевскій въ своемъ стихотвореніи «На смерть Тургенева» совершенно справедливо говоритъ, что «онъ далъ впервые проводницу—сынамъ проснувшейся страны,—на смѣлый трудъ изъ тишины онъ вызвалъ русскую дѣвицу и былъ онъ другъ ея мечты, души глубокій познаватель,—ея стыдливой красоты неподражаемый ваятель». Тургеневъ показалъ въ русской женщинѣ всѣ задатки духовнаго равноправія съ мужчиной, признавъ которые и давъ имъ свободное развитіе, слѣдуетъ открыть ей широкій путь къ гражданскому равноправію въ общественномъ быту и къ праву на всякій трудъ, который не противорѣчитъ ея физической природѣ.

Но не одинмъ *содержаніемъ* богато наслѣдіе, оставленное Тургеневымъ: въ немъ заключаются и драгоцѣнные уроки литературнаго творчества и оцѣнка его орудій. «Къ живописи,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—примѣняется то же, что къ литературѣ и ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ—пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія черты; въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ». Въ его совѣтахъ начинающимъ писателямъ и мнѣніяхъ его, приводимыхъ Гонкуромъ, всегда звучитъ про-

повѣдь устраненія всего излишняго, l'élimination du superflu, а его собственныя произведенія являются образцомъ сжатости и силы. «Нельзя поэзію намазывать толстымъ слоемъ, какъ масло,—говоритъ онъ въ письмахъ къ нѣмецкому критику Пичу—нѣмцы дѣлаютъ двѣ огромныя ошибки въ своихъ разсказахъ: первая—несносное мотивированіе, а вторая—проклятая идеализація дѣйствительности. Описывайте правду просто и поэтично: идеальное проявится само собою». — Негодуя на мораль, придѣланную французскимъ переводчикомъ къ его «Первой любви», онъ восклицаетъ: «Такія рефлективныя пережевыванія мыслей совсѣмъ не въ моей натурѣ: они напоминаютъ мнѣ кудахтаніе курицы послѣ того, какъ она снесла яйцо. Это въ высшей степени безполезно и только запутываетъ дѣло». Такимъ образомъ, всегда раздѣляя взглядъ Гоголя, что со словомъ надо обращаться *честно*, онъ находилъ, что со словомъ надо обращаться и *скупо*. Каждый читавшій его произведенія, конечно, согласится, что онъ владѣлъ не только тайной художественнаго внушенія, но и имѣлъ даръ внушенія нравственнаго. Это умѣнье волновать сердце не одною крастотою, но и совѣстью своего таланта, составляетъ его великую заслугу. Съ нѣкоторыхъ поръ искусство вступило на скользкій путь. Прежде оно изображало страсти, теперь оно стремится изображать пороки. Такимъ образомъ, естественное проявленіе человѣческой природы замѣняется ея извращеніями. Невольно приходится вспомнить то, что сказалъ Гете про величайшаго изобразителя человѣческихъ страстей—Шекспира, который «предлагаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ; чаши-то, пожалуй, и остались, но наполняютъ ихъ нынѣ картофелемъ».—Тургеневъ не шелъ по этому пути и отсюда—цѣломудріе его изображеній, въ которыхъ онъ какъ бы слѣдовалъ итальянскому правилу: «da dir poco e far pensar assai». Стоитъ припомнить ночную сцену между Лаврецкимъ и Лизой въ саду, или приходъ Елены къ Инсарову, и представить себѣ, что бы сдѣлалъ изъ этого какой-нибудь развязный современный порнографъ.

Тургеневъ считалъ своимъ учителемъ Пушкина и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво

ограждая его отъ сопоставленія съ кѣмъ-либо. Мнѣ помнится его восхищеніе тѣмъ, какъ Пушкинъ въ нѣсколькихъ словахъ умѣлъ изобразить душевное настроеніе поэта, когда имъ овладѣваетъ вдохновеніе и, оставивъ дѣтей ничтожныхъ міра, онъ бѣжитъ въ широкошумныя дубравы—«смятенія и звуковъ полнъ». «Тотъ, кто испыталъ на себѣ приливъ такого вдохновенія,—говорилъ Тургеневъ—тотъ знаетъ, что ярче и сильнѣе нельзя изобразить вызываемое имъ состояніе души, какъ то сдѣлалъ великій русскій поэтъ. *Смятеніе*, именно *смятеніе*»!! Онъ не могъ хладнокровно читать вслухъ вещей Пушкина. Одинъ изъ слышавшихъ его на публичномъ чтеніи въ Парижѣ, разсказываетъ, что при чтеніи «Цыганъ» въ голосѣ Тургенева послышалось волненіе; фигура его сгорбилась, лицо поблѣднѣло; увлеченный и растроганный, онъ, казалось, забылъ и о публикѣ и обо всемъ на свѣтѣ...Послѣднюю сцену онъ прочелъ почти шопотомъ. Когда онъ кончилъ и сошелъ со сцены, руки его дрожали, и онъ, кажется, плакалъ...

И *русскому языку* сослужилъ онъ великую службу. Языкъ каждаго народа—его лучшее достояніе, его святыня. «Когда народы, распри позабывъ, въ одну семью соединятся», когда статуя Марса станетъ оставленнымъ символомъ, а двери храма Януса закроются навсегда, тогда, конечно, земнымъ божествомъ народа станетъ его языкъ. Такое именно боготворящее преклоненіе предъ русскимъ языкомъ обнаруживалъ Тургеневъ, говоря: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ». И какъ владѣлъ онъ этимъ языкомъ! Нельзя, напримѣръ, не придти въ восхищеніе отъ удивительнаго, точно высѣченнаго во мраморѣ языка «Пѣсни торжествующей любви». Мнѣ думается, что ни въ одномъ изъ чьихъ-либо произведеній на русскомъ языкѣ не доведено до такого совершенства соотвѣтствіе словъ и выраженій смыслу содержанія и не связаны такъ тѣсно мысль и осуществленіе ея въ живомъ словѣ. Спокойный, сжатый, почти лѣтописный языкъ начала разсказа смѣняется, какъ только появляется загадочная фигура Муція, языкомъ, въ которомъ слышится тревога, и слова слѣдуютъ одно за другимъ, какъ удары горячечнаго пульса...

Но сходитъ со сцены на время Муцій, и снова въ языкѣ наступаетъ успокоеніе, окончательно смѣняемое со вторичнымъ появленіемъ Муція удивительной образностью, силой и мрачной красотой слова, чтобы завершиться примирительными аккордами, въ самомъ концѣ которыхъ, однако, снова звучитъ тревожная нота. «Берегите нашъ русскій языкъ, завѣщанный Пушкинымъ,— восклицаетъ Тургеневъ—не обращайте могучаго рычага въ подпорки». Этотъ завѣтъ его слѣдуетъ особенно помнить теперь, когда къ русскому языку проявляется подчасъ отношеніе, какъ къ несчастной жертвѣ «общественнаго темперамента», при чемъ его вынуждаютъ, подобно ей, переносить неуважительное обращеніе ремесленниковъ пера и служить растлѣнной фантазіи психопатовъ искусства.

Тургеневъ не былъ жрецомъ чистаго искусства, витающаго въ области фантазіи, далеко отъ тревожныхъ и загадочныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ нерѣдко подходитъ *къ научнымъ* вопросамъ изъ области психологіи и даже психіатріи, къ болѣзненнымъ общественнымъ явленіямъ, надъ которыми задумывается соціологъ. Во всеоружіи своего поэтическаго творчества онъ затрогиваетъ въ своемъ художественномъ вымыслѣ научные вопросы, выходящіе за предѣлы поэтическаго вдохновенія. Его интересуетъ то, что въ современной психіатріи называется *навязчивыми идеями*, властно, неотвязно и пагубно овладѣвающими потерявшею свое равновѣсіе душою. Таковъ «Разсказъ отца Алексѣя», представляющій удивительную по своей вѣрности, почти клиническую картину возникновенія и развитія подобныхъ идей. Болѣзненные сны, предчувствія и галлюцинаціи находятъ себѣ тонкое изображеніе въ «Кларѣ Миличъ» и «Собакѣ»; внушеніе и гипнозъ нарисованы удивительными чертами въ «Пѣсни торжествующей любви», и, наконецъ, печальная и грозная болѣзнь нашего времени, съ роковою силой развернувшая свое черное крыло надъ людскимъ несчастіемъ, безнадежностью, отчаяніемъ и слабой волею, одинаково поражающая и людей усталыхъ отъ жизни и ее еще не познавшихъ—*самоубійство*—не разъ выступаетъ на страницахъ его произведеній.

Переходя отъ общественной и литературной дѣятельности Тургенева къ его *личности и жизни*, я живо представляю его себѣ—высокаго ростомъ, съ крупными чертами «мужицкаго», какъ и у Льва Толстого, лица, съ нависшею на лобъ прядью сѣдыхъ волосъ. Вся его повадка имѣла характеръ силы и достоинства. М. М. Ковалевскій, видѣвшій его впервые въ 1872 году, былъ пораженъ его внѣшностью, напоминавшею престарѣлаго и усталаго льва. Особенно привлекали его глаза: столько въ нихъ было мягкости, доброты, сочувствія и жалости къ людямъ! По словамъ Писемскаго, они напоминали глаза умирающей газели. Описывая его въ своемъ дневникѣ, Гонкуръ говоритъ: «Это очаровательный колоссъ, ласковый сѣдой гигантъ, имѣющій видъ добраго горнаго или лѣсного духа. Онъ прекрасенъ, величаво и чрезвычайно прекрасенъ, съ небесной голубизною въ глазахъ»: (c'est un colosse charmant, un doux geant aux cheveux blancs, qui a l'air d'un bienveillant génie d'une montagne ou d'une forêt. Il est beau, grandement beau, énormement beau, avec du bleu du ciel dans les yeux). Но голосъ его, высокій и мягкій, съ легкимъ пришепетываніемъ, похожій на женскій или, по замѣчанію Гонкура, —дѣтскій—la parole enfantine, мало вязался съ его могучей фигурой. Конечно, этотъ недостатокъ скоро забывался подъ вліяніемъ очарованія его устныхъ разсказовъ, въ которыхъ слышалось творчество удивительнаго художника, переживавшаго все, что онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что нерѣдко онъ вскакивалъ съ мѣста и въ лицахъ представлялъ каждую фигуру.

Мягкій и довѣрчивый въ отношеніяхъ къ людямъ, уступчивый до слабости и чрезмѣрной снисходительности, онъ страшился возможности *огорчить* и потому никогда не рѣшался *отказать*. Это ставило его не разъ въ неловкія и тягостныя положенія и давало поводъ его друзьямъ повторять отзывъ одного изъ нихъ: «а вѣдь Иванъ Сергѣевичъ—бабье порядочное». Но преобладающимъ свойствомъ его была доброта. Она была написана на его лицѣ, а вѣдь лица похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри холодно и темно. Свѣтомъ и теплomъ вѣяло отъ милаго лица Тургенева, обрамленнаго густою раннею сѣдиною. Это преобла-

дающее свойство его сказывалось въ разныхъ проявленіяхъ его личности. Такъ, прежде всего, ему было чуждо чувство зависти къ чужому таланту или успѣхамъ, столь часто встрѣчающееся даже у выдающихся писателей, имѣющихъ свой собственный вѣсъ и значеніе. Въ письмахъ его разсыпано искреннее восхищеніе предъ важнѣйшими произведеніями Островскаго, Достоевскаго, Григоровича, Гончарова и Льва Толстого. Онъ восторженно отзывался, несмотря на лично холодныя отношенія съ Толстымъ, о «Войнѣ и мірѣ». «Мое сужденіе,—писалъ онъ Пичу—объ этомъ романѣ непоколебимо: это величайшій современный эпосъ». А между тѣмъ онъ предъявлялъ къ литературнымъ произведеніямъ большія требованія. Достаточно просмотрѣть его критическія замѣчанія на стихи Полонскаго, котораго онъ признавалъ однако истиннымъ поэтомъ,—вспомнить суровый отзывъ о стихотвореніяхъ Некрасова или заявленіе, что стихи гр. А. К. Толстого ему въ ротъ не лѣзутъ: до того въ нихъ все безжизненно-величаво, правильно и невѣрно. Расходясь во вкусахъ и идеалахъ съ Чернышевскимъ, съ какимъ уваженіемъ къ личному характеру и уму этого публициста относился онъ въ своихъ письмахъ! Рядомъ съ этимъ выливалось у него и чувство прощенія причиненныхъ ему горькихъ разочарованій и холодно-обдуманныхъ, безпричинныхъ обидъ. Старый другъ Некрасовъ, поддавшись злобѣ дня, вынудилъ его печатать «Отцовъ и дѣтей» не въ старомъ гостепріимномъ «Современникѣ», а у Каткова, и помѣстилъ у себя ругательную критическую статью противъ автора «Отцовъ и дѣтей», къ которой по справедливости примѣнима эпиграмма Пушкина объ «усыпительномъ зоилѣ». А между тѣмъ, какимъ примирительнымъ и глубоко трогательнымъ аккордомъ звучитъ «Послѣднее свиданіе» въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ», свиданіе съ умирающимъ Некрасовымъ, и съ какимъ участіемъ и сочувствіемъ отзывается Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому объ авторѣ злобнаго памфлета на Кармазинова, читающаго свою повѣсть «mercі» (т. е. «Довольно») въ «Бѣсахъ».

Слѣдуетъ прощать и можно забывать, но это очень часто приводитъ къ повторенію того, что было забыто. Да и поспѣшное забвеніе не соотвѣтствуетъ серьезному отношенію къ людямъ,

поступки которыхъ рѣдко являются чуждою ихъ натурѣ случай
ностью, а почти всегда бываютъ результатомъ основно
черты характера. Поэтому надо *прощать* въ жизни многое, н
не забывать ничего. Такъ поступалъ и Тургеневъ, доброт
котораго не была слѣпой и безоглядной. Онъ это доказал
своимъ отношеніемъ къ клеветавшему на него въ своей газет
Каткову, проявленнымъ во время торжественнаго обѣда в
день открытія памятника Пушкину въ Москвѣ.

Едва ли нужно говорить о томъ, какъ широко, великодушн
и деликатно приходилъ онъ на помощь множеству всякаго род
нуждающихся, неудачниковъ и горемыкъ, растрачивая на эт
помощь средства, въ которыхъ часто нуждался самъ, испытыва
при этомъ очень часто на себѣ справедливость скептическаг
афоризма одного изъ своихъ пріятелей о томъ, что «ни одно доб
рое дѣло не остается безъ наказанія». Сообщая въ 1874 г. Пич
о невозможности пріобрѣсти рекомендуемую ему картину бѣднаг
художника, онъ пишетъ: «У меня теперь въ рукахъ было больш
денегъ, чѣмъ обыкновенно, но я, разумѣется, не замедлил
ихъ выбросить въ окошко». Но не только его деньги иногда очен
безцеремонно у него занимались или путемъ прозрачныхъ на
мековъ выпрашивались всякимъ, стучавшимъ въ его окошко—
его время, его драгоцѣнное для родного слова время, безжало
стно расхищалось разными бездарными или самомнящими исте
ричками , требовавшими его отзывовъ о своихъ «твореніяхъ
и затѣмъ изливавшими на него свои жалкія обвиненія въ «непо
ниманіи» и «лукавствѣ». Можно бы привесть массу примѣров
того, какъ онъ щадилъ самолюбіе тѣхъ, кому помогалъ, стараясь
остаться въ тѣни или даже вовсе безвѣстнымъ. Достаточно указать
на его хлопоты о томъ, чтобы бѣдная и больная учащаяся дѣвуш
ка пользовалась совѣтами знаменитаго парижскаго врача, для
чего онъ ѣздилъ къ алчному французу и внесъ ему значительный
гонораръ за нѣсколько пріемовъ впередъ, увѣривъ въ то же время
больную, что у этого врача можно ограничиться платой въ нѣ-
сколько франковъ. Такъ же воспріимчивъ былъ онъ и къ обществен-
нымъ бѣдствіямъ. Стонъ боли и негодованія вырывается у него,
когда онъ читаетъ о кукуевской катастрофѣ и о погибшихъ при

ней. Онъ посылаетъ въ 1874 г. въ сборникъ «Складчина», изданный въ пользу голодающихъ Самарской губерніи, не страницу, не отрывокъ, а цѣлую повѣсть «Живыя мощи», вспоминая при этомъ про огромный тульскій голодъ 1841 года и про изумленный отвѣтъ старика-крестьянина на вопросъ, были ли тогда безпорядки и грабежи: «Какіе, батюшка, безпорядки! ты и такъ Богомъ наказанъ, а тутъ ты еще грѣшить станешь!»

Изъ этихъ же свойствъ его характера вытекало и настойчивое желаніе не быть въ тягость окружающимъ и, поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе, вселять его и въ другихъ. Въ этомъ отношеніи къ нему могли быть примѣнены слова князя Одоевскаго: «Жизнь добраго человѣка есть доброе дѣло въ жизни другихъ людей». Письма къ Полонскому, впадавшему въ уныніе отъ житейскихъ невзгодъ, полны ободреній. «Это не умно,—пишетъ онъ по поводу жалобъ своего друга на судьбу,—надо всячески держаться на поверхности, особенно въ наши годы, а то глупая житейская волна сейчасъ затопитъ. Бодрись, братъ!» Однажды, не совладавъ съ собою и приподнявъ предъ Полонскимъ завѣсу надъ своими душевными скорбями, онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ горячо упрекалъ себя, что посягнулъ такимъ образомъ на его спокойствіе. «Не слѣдуетъ даже другу показывать свои тайныя раны; нужно было помнить, что я писалъ человѣку, у котораго собственнаго дѣйствительнаго горя и страданій довольно». Онъ примирился съ жизнью и не дѣлалъ себѣ по отношенію къ ней никакихъ иллюзій. Для него ея смыслъ былъ не въ личномъ счастіи, а въ исполненіи своего долга. Онъ самъ говоритъ: «Жизнь только того не обманываетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, спокойно принимаетъ ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Надо идти впередъ пока можно, а подкосятся ноги—сѣсть близъ дороги и глядѣть на проходящихъ безъ зависти и досады: и они далеко не уйдутъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ тайный смыслъ и разгадка жизни. Не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были, исполненіе долга — вотъ задача человѣка: не наложивъ на себя желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща». Ему

представлялось поэтому—и эта мысль сквозитъ во многихъ его произведеніяхъ,—что если человѣкъ и не можетъ быть, какъ это часто говорятъ, названъ кузнецомъ своего счастья, то, во всякомъ случаѣ, онъ часто самъ куетъ свое несчастіе. По его мнѣнію правъ былъ тотъ крестьянинъ, который ему однажды сказалъ: «Ахъ, батюшка, не истребляй себя человѣкъ самъ, кто его истребить можетъ!» Поэтому вотъ его совѣты и правила жизни: не истребляй себя, будь терпѣливъ, не падай духомъ и люби людей, не взирая ни на что. Онъ любилъ вспоминать, какъ ему—тогда еще студенту петербургскаго университета—говаривала квартирная хозяйка-нѣмка, слыша его ропотъ на судьбу, не баловавшую его присылкой денегъ изъ отчаго дома: «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, не надо быть грустный, man soll nicht traurig sein; жисть—это есть какъ мухъ,—пренепріятный наксѣкомъ. Что дэлайтъ! терпэйтъ надо!» Въ проникнутые мрачной поэзіей словесные разсказы его въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ о своихъ снахъ и предчувствіяхъ довольно явственно вплеталось чувство ужаса передъ неизбѣжностью смерти, то чувство, которое такъ сильно звучитъ въ «Призракахъ» и нѣкоторыхъ послѣднихъ его произведеніяхъ, напр., въ «Старухѣ». Но и съ этимъ чувствомъ онъ боролся, стараясь его побѣдить и восклицая: «И пусть надо мною вьется *мой* ястребъ: мы еще повоюемъ, чортъ возьми!»

Почти всѣ письма, на которыя мнѣ приходится ссылаться, написаны изъ-за границы, гдѣ Тургеневъ провелъ значительную часть своей жизни,—и здѣсь мы встрѣчаемся съ упрекомъ, который такъ часто дѣлали нашему писателю, видя въ его отсутствіи съ родины—отсутствіе любви къ Россіи и «тоски по родинѣ». Но прежде всего—отсутствіе не значитъ разрывъ и отчужденіе, и дай Богъ, чтобы всѣ упрекающіе его, взятые вмѣстѣ, такъ служили духовнымъ интересамъ своего отечества, какъ это дѣлалъ Тургеневъ. Тоска по родинѣ! Какъ злоупотребляютъ этими словами! Какъ забываютъ про цѣлые періоды, когда съ полнымъ основаніемъ человѣкъ развитой можетъ и даже долженъ чувствовать тоску *по* родинѣ *на* родинѣ! Да и что могла ему дать жизнь въ отечествѣ въ то время, когда, послѣ ареста и ссылки въ деревню за некрологъ Гоголя, онъ получилъ возможность надолго уѣхать

въ Германію, съ которою былъ связанъ дорогими воспоминаніями о годахъ своего философскаго образованія? Онъ не могъ не видѣть, подобно Ивану Аксакову, за блестящей «фасадностью» Россіи гражданской «мерзости запустѣнія» и духовной нищеты, которыя ставили передъ ней не въ первый и не въ послѣдній разъ роковую альтернативу возрожденія или гибели. Мы знаемъ, что сдѣлалъ онъ для ея возрожденія и насколько удобнѣе ему было для этого, подобно Гоголю, взглянуть на Россію изъ своего «прекраснаго далека». Не поступать же ему было на службу подъ начальство какихъ-нибудь выслужившихся канцеляристовъ, не скрывавшихъ своего презрѣнія къ «ученымъ»! Не дѣлаться же болтливымъ членомъ кружка, «ein кружокъ in der Stadt Moskau»,— не жить же въ деревнѣ, задыхаясь въ атмосферѣ окружающаго крѣпостничества, или наконецъ, примиривъ литературу съ табелью о рангахъ, найти тихое пристанище въ тогдашнемъ цензурномъ вѣдомствѣ. Со справедливой гордостью онъ могъ сказать словами Некрасова: «Напрасно ропотъ укоризны за мною по пятамъ бѣжалъ: не небесамъ чужой отчизны — я пѣсни родинѣ слагалъ».

Но зачѣмъ не вернулся онъ, когда въ Россіи просвѣтлѣло и дышать стало легче, когда зажурчала мертвая дотолѣ жизнь общества, и передъ нимъ стали открываться широкіе горизонты и возникать благородныя задачи? Здѣсь мы подходимъ къ тому, что можетъ быть по справедливости названо драмой его жизни. Не праздное любопытство влечетъ заглянуть въ нее, не желаніе насильственно раскрывать двери частной жизни. Нѣтъ! Любовь къ незабвенному писателю, желаніе понять его отсутствіе съ обновлявшейся родины побуждаютъ къ этому, а напечатанныя письма и недостойная окраска его личности, допущенная близкими къ нему людьми, почти обязываютъ къ этому. Наука о человѣческой душѣ знаетъ навязчивыя идеи, о которыхъ я уже упоминалъ, и навязчивыя состоянія, подробно описанныя нашимъ психіатромъ Бехтеревымъ. Внимательное изученіе выдающихся писателей указываетъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ бывали представленія, очевидно коренившіяся въ какомъ-нибудь сильномъ и глубокомъ впечатлѣніи ихъ жизни. Такія пред-

ставленія, властно возникая въ душѣ, часто и настойчиво вплетались въ ихъ произведенія. Можно бы привести къ тому множество примѣровъ. Достаточно указать на частое и однообразное, хотя и прекрасное повтореніе картины лунной ночи у Пушкина, или на одну и ту же картину у Достоевскаго, картину уединенной пыльной дороги, надвигающихся сумерокъ, налетающаго вихремъ вѣтерка, такъ часто предшествующую у него какому-нибудь потрясающему эпизоду, въ которомъ участвуютъ отецъ и маленькій сынъ, будетъ ли то сонъ Раскольникова или слезы Илюшечки надъ поруганнымъ отцомъ, — или у того же писателя — нарастаніе шума безсвязныхъ голосовъ надвигающейся толпы, которая вотъ-вотъ войдетъ. Подобное навязчивое представленіе можно уловить и у Тургенева. Припомнимъ «Переписку», «Вешнія воды» и «Дымъ». Въ нихъ въ сущности одинъ и тотъ же сюжетъ: предъ человѣкомъ добрымъ и благороднымъ, но слабымъ и впечатлительнымъ открывается спокойная семейная жизнь съ любимой искренно и нѣжно дѣвушкой—и вдругъ въ лицѣ чарующей женщины, уже извѣдавшей жизнь и ея соблазны, въ его существованіе вторгается всепобѣждающая страсть и становится на порогѣ новой жизни, все въ ней разрушая и подчиняя самого человѣка себѣ до униженія, до потери собственнаго достоинства, почти до полнаго безличія... Такъ налетѣвшій ураганъ среди казавшагося безоблачнымъ неба сразу разрушаетъ почти доконченную постройку и, разметавъ сложенный въ ней очагъ, въ своемъ бурномъ вихрѣ увлекаетъ и самого строителя. «Какъ собака, я не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила, — я оторвался ото всего дорогого, отъ родины», говоритъ у Тургенева одинъ изъ такихъ захваченныхъ ураганомъ людей. Вспомните Санина, героя «Вешнихъ водъ», и его отъѣздъ изъ Висбадена, — на узенькой скамеечкѣ коляски, въ ногахъ у господина Полозова и его хищной супруги, — и все, что онъ испытываетъ, когда пылающій гнѣвомъ Панталеоне грозитъ ему и кричитъ: codardo! infame traditore! а пудель Тарталья лаетъ, «и самый лай честнаго пса звучитъ невыносимымъ оскорбленіемъ». И затѣмъ долгіе годы въ Парижѣ и всѣ униженія и муки раба, которому не позволяютъ ни ревновать, ни жаловаться.

Что Тургеневъ вложилъ въ изображеніе этихъ положеній и душевныхъ мукъ частицу пережитаго, видно не только изъ глубины того чувства и той надрывающей душу скорби, которыя слишкомъ сильно звучатъ въ нихъ, чтобы быть проявленіемъ исключительно объективнаго творчества, но и изъ его письма Флоберу, въ которомъ онъ говоритъ по поводу «Вешнихъ водъ»: «Je me suis entraîné par des souvenirs». Вотъ почему его общій выводъ о томъ, что въ сущности представляетъ собою любовь, есть не только результатъ его «ума холодныхъ наблюденій», но и «сердца горестныхъ замѣтъ». — «Любовь, — по его опредѣленію, — вовсе не чувство. Это болѣзнь души и тѣла. Она не развивается постепенно, — въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить. Въ ней нѣтъ равенства и такъ называемаго свободнаго единенія душъ. Въ ней одно лицо—рабъ, а другое властелинъ—и сама она цѣпь, и цѣпь тяжелая».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ на петербургской оперной сценѣ выступила знаменитая пѣвица Полина Віардо-Гарсіа, о чарующемъ голосѣ и удивительномъ искусствѣ пѣнія которой съ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники. На дагерротипномъ портретѣ, снятомъ съ нея нѣсколько лѣтъ спустя, она изображена въ гладкой прическѣ, закрывающей наполовину уши, съ проборомъ посрединѣ и съ «височками». Крупныя черты ея некрасиваго лица съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ тѣмъ не менѣе привлекательны благодаря ея прекраснымъ большимъ темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Подъ обаяніе ея чуднаго голоса и всей ея властной личности подпалъ въ 1843 г. Тургеневъ — и на всю жизнь. «Эта привязанность, — писалъ онъ Авдѣеву — срослась съ моей жизнью, и безъ нея я былъ бы какъ безъ воздуха». Всякое извѣстіе объ успѣхахъ Віардо было для него настоящимъ праздникомъ. «Когда слышишь ее,—говоритъ онъ Пичу — то по спинѣ проходитъ холодная дрожь и плачешь слезами восторга». Вотъ какъ описываетъ очевидецъ музыкальное утро, устроенное ею уже въ самые послѣдніе годы жизни Тургенева: «Голосъ ея, далеко не свѣжій и немного грубоватый, не очень понравился публикѣ, она хлопала только изъ вѣжливости, но Иванъ Сергѣевичъ,

бывшій когда-то свидѣтелемъ тріумфовъ великой артистки, былъ и теперь еще, вѣроятно, подъ обаяніемъ этихъ воспоминаній. Онъ пришелъ въ самый искренній восторгъ. Его лицо раскраснѣлось, глаза горѣли, пряди волосъ падали въ безпорядкѣ на его лобъ. Онъ хлопалъ дольше и громче всѣхъ и, обернувшись къ публикѣ, повторялъ: «какова старушка, какова!» Черезъ тридцать пять лѣтъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо, въ сентябрѣ 1879 г. Тургеневъ началъ одно изъ своихъ «Стихотвореній въ прозѣ» словами: «Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ теплой комнатѣ горитъ свѣча; я сижу, забившись въ уголъ, а въ головѣ все звенитъ да звенитъ: «какъ хороши, какъ свѣжи были розы»... Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *гдѣ-то и когда-то* стихотвореніе принадлежало поэту Мятлеву, автору «Сенсацій госпожи Курдюковой данъ летранже», раздѣлявшему общее восхищеніе пѣніемъ Віардо. Оно было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ «Розы». Начальная строфа этого стихотворенія, звучавшая черезъ три съ половиной десятилѣтія въ памяти Тургенева, слѣдующая: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы — въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой, — какъ я молилъ весенніе морозы — не трогать ихъ холодною рукой!» Тургеневъ, по его собственному выраженію, былъ *однолюбъ*, и любовь, роковой характеръ которой онъ такъ кратко и сильно опредѣлилъ, захватила и связала его волю, сконцентрировала его чувство и ввела его въ заколдованный кругъ неотразимаго вліянія властной и выдающейся женщины. Онъ отдалъ себя — свое время и сердце — всецѣло семьѣ г-жи Віардо. Его дружескія письма къ нѣмецкому критику Пичу, котораго онъ шутя называлъ ботаническимъ именемъ Pietschius amabilis grandiflorus semper vireos, переполнены теплыми отзывами о дочеряхъ г-жи Віардо и даже о ея сынѣ, скрипачѣ Полѣ, несмотря на то, что онъ «ужасно неотесанъ и подчасъ невыносимъ», нѣжными заботами объ ихъ удобствахъ и удовольствіяхъ, — постоянными тревогами о малѣйшемъ нездоровьи г-жи Віардо

и восторженными сообщеніями о вокальныхъ успѣхахъ «этой чудной женщины». Жалуясь на свое скверное настроеніе, «сѣрое съ желтоватыми пятнышками», на жестокіе приступы подагры и на разныя житейскія непріятности, Тургеневъ не забывалъ никогда прибавить, что, къ счастью, вся семья Віардо благополучна или все въ ней идетъ хорошо, а это въ концѣ концовъ самое главное...

— Ну, и что же?—могутъ намъ сказать—вѣдь онъ былъ счастливъ въ этомъ заколдованномъ кругу!—Едва ли можно отвѣтить на это: да, былъ!—Къ сожалѣнію, онъ самъ, трогательно избѣгая личныхъ упрековъ и до гроба оставаясь вѣрнымъ владычицѣ сердца, давалъ однако поводы думать, что этотъ заколдованный кругъ далъ ему очень немногое и, быть-можетъ, лишилъ его многаго, необходимаго его нѣжной душѣ. Его письма къ друзьямъ представляютъ въ этомъ отношеніи весьма важный матеріалъ. Печаль по отсутствію своей собственной семьи начинаетъ сквозить въ нихъ довольно рано. Уже въ концѣ 1856 года онъ жалуется на то, что осужденъ на одинокую *цыганскую* жизнь; — что ему не свить своего гнѣзда, а между тѣмъ онъ слишкомъ старъ, чтобы не имѣть такого; — что онъ словно *вывихнутый* изъ жизни и въ чужомъ воздухѣ разлагается, какъ мерзлая рыба при оттепели. Въ 1857 г. онъ пишетъ Некрасову изъ Парижа: «Ты видишь, что я здѣсь, т. е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты меня предостерегалъ... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя! Полно сидѣть на краешкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ — ну и не надо никакого. Боже мой! Какъ мнѣ хочется поскорѣй въ Россію! Довольно, довольно, полно!» — А въ 1858 г. онъ пишетъ: «До скораго свиданія. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ. Прочтя слово Парижъ, ты, пожалуй, подумаешь: «вретъ, онъ тамъ и останется». На это скажу тебѣ одно: одной особы тогда въ Парижѣ *не* будетъ... Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ, я въ концѣ мая въ Петербургѣ; *никакія* силы не удержатъ меня здѣсь болѣе. Полно — перестань, ты заплатилъ безумству дань!» — Въ 1861

году онъ пишетъ Колбасину, въ письмѣ котораго усмотрѣлъ намеки на намѣреніе его жениться: «Я вижу, что тутъ замѣшана женщина — и *хорошо* замѣшана». И гораздо позже, въ 1878 году, онъ пишетъ Л. Н. Толстому: «Радуюсь вашему семейному благополучію. Точно: тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія; — но именно теперь-то и совѣстно жить на чужбинѣ — это чувство во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе — я поѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда сюда вернусь, да и не желая скоро вернуться». И рядомъ съ этимъ приходится видѣть, какими прочными цѣпями и какъ подчасъ безжалостно онъ окованъ. Его «не отпускаютъ» въ 1861 г. въ Россію, гдѣ только-что совершилось освобожденіе крестьянъ и куда его страстно влечетъ, такъ что «лихорадка колотитъ и досада душитъ». Въ 1868 году его настоятельно призываютъ въ Баденъ-Баденъ изъ Парижа отъ одра умирающаго друга — Герцена и запрещаютъ вернуться назадъ. И въ томъ же 1868 году, тамъ же, въ Баденъ-Баденѣ, онъ, находившій, что «человѣкъ, который считаетъ себя писателемъ и пишетъ больше, чѣмъ на одномъ своемъ родномъ языкѣ, — несчастный, жалкій и бездарный субъектъ», сочиняетъ три французскихъ либретто къ опереткамъ госпожи Віардо и двѣнадцать разъ выступаетъ въ качествѣ Людоѣда, въ рыжемъ парикѣ на почтенныхъ сѣдинахъ, въ домашнихъ спектакляхъ въ ея домѣ передъ—какъ онъ выражается—*чрезвычайными* особами. Что это давалось ему не легко, видно изъ его письма къ Пичу, въ которомъ онъ говоритъ: «Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли моей лежалъ на полу и замѣтилъ легкую усмѣшку традиціоннаго презрѣнія на неподвижныхъ губахъ надменной прусской кронпринцессы. Несмотря на то, что я здѣсь *вообще не избалованъ почтительнымъ ко мнѣ отношеніемъ*, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что это ужъ слишкомъ». Въ письмахъ къ Борисову въ 1871 г. изъ Парижа онъ говоритъ: «Я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться, какъ слегъ, а Віардо на нѣсколько дней уѣхали погостить къ друзьямъ на берегъ моря, и такимъ образомъ я очутился вдругъ одинъ въ этомъ страшнѣйшемъ городищѣ! Но мнѣ было недурно, я отдохнулъ. Только ночи были скверныя. Ну, да все ничего!» А въ 1878 г. онъ —

шестидесятилѣтній старикъ—пишетъ Флоберу, что дамы семейства Віардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря и послали его разыскивать для нихъ что-нибудь подходящее. Если къ этимъ ссылкамъ добавить разсказъ одного изъ друзей писателя, пріѣхавшаго послѣ долгой разлуки повидать monsieur Tourdeneuf (такъ звала его прислуга Віардо) въ St. Germain—о его сконфуженномъ видѣ, когда на его повторную просьбу прислать что-либо, чтобы угостить пріѣзжаго, ему отвѣчали черезъ лакея рѣшительнымъ отказомъ, такъ что пришлось ограничиться предложеніемъ стакана воды съ оказавшимся подъ рукою сахаромъ,—или разсказъ другого посѣтителя, изумленнаго раздавшимся вслѣдъ Тургеневу изъ окна дома Віардо рѣзкимъ повелительнымъ и не стѣсненнымъ ничѣмъ окрикомъ «Jean!»—то станетъ особенно понятною переданная покойнымъ Борисомъ Николаевичемъ Чичеринымъ одна изъ бесѣдъ его съ Тургеневымъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Чичеринъ заговорилъ какъ-то о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній въ жизни, т. е. о томъ, что такъ кратко выразилъ Александръ Дюма-сынъ, сказавшій: «on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans». — «Вы думаете?! — съ грустной иронією воскликнулъ Тургеневъ: — изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!»

Заканчивая съ этой полосой въ личной жизни Тургенева, я невольно обращаюсь къ воспоминанію о встрѣчахъ съ нимъ въ Парижѣ осенью 1879 года. Я вижу предъ собою его двѣ небольшія комнатки въ верхнемъ этажѣ дома на Rue de Douet, не прибранныя, заброшенныя, неуютныя,—его лѣтнее пальто съ оторвавшимися и не пришитыми пуговицами, я слышу его торопливое заявленіе въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ о томъ, что онъ долженъ ихъ оставить, такъ какъ вслѣдствіе болѣзни дочери г-жи Віардо ему можетъ быть придется сходить въ аптеку или съѣздить за докторомъ...

Таковы были условія личной жизни дорогого намъ писателя. Едва ли кто-нибудь признаетъ ихъ завидными... Но по смерти его ждало нѣчто еще менѣе завидное. У госпожи Віардо есть дочь Луиза, по мужу Герритъ, и на нее, конечно, тоже распростра-

нялись заботы Тургенева. Онъ чуть не поссорился съ Пичемъ за промедленіе въ доставленіи перевода съ либретто къ ея операѣ которая должна была быть поставлена на придворномъ театрѣ въ Веймарѣ; онъ пережилъ много волненій и заботъ вслѣдствіе ея тяжелыхъ родовъ и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ, самъ перебравшись въ двѣ маленькія комнатки. И вотъ эта-то самая го спожа Герритъ-Віардо весною 1907 года напечатала въ одной изъ вліятельныхъ и весьма распространенныхъ газетъ—«Frankfurter Zeitung»,—всегда отличавшейся, какъ, впрочемъ, и вс нѣмецкая пресса, большимъ уваженіемъ къ творчеству и памят Тургенева, поразительное письмо. Въ немъ говорится, что Турге невъ, проживъ тридцать лѣтъ въ домѣ Віардо съ полнымъ ком фортомъ, за все это время не платилъ и даже не пытался пла тить хозяевамъ, хотя послѣдніе были бы весьма не прочь отъ этого Тургеневъ, — пишетъ г-жа Герритъ — умеръ послѣ полу торагодичной болѣзни; ему и въ голову не пришло поблагодарит *насъ* за въ высшей степени тяжелый, утомительный и дорого уходъ за нимъ, завѣщавъ намъ хотя бы часть своего крупнаг состоянія. Его милліоны (!!!) унаслѣдовала старая кузина, ко торой онъ никогда не зналъ, и у которой безъ того были сво милліоны»... Оставляя въ сторонѣ фантастическіе милліоны измышленные г-жей Герритъ подъ вліяніемъ расходившагося денежнаго аппетита, дозволительно сдѣлать нѣсколько фактиче скихъ поправокъ къ ея письму. Такъ, по удостовѣренію вдовы Я. П. Полонскаго—близкаго друга Тургенева,—послѣдній при выходѣ замужъ другой дочери Віардо—Маріанны—про далъ часть своего имѣнія и вырученную сумму далъ ей въ прида ное. Семейству Віардо онъ оставилъ всю, очень крупную, сумму полученную при покупкѣ у него права литературной собствен ности на его произведенія. Этой же семьѣ, по свидѣтельству М. М. Стасюлевича, было предназначено все, что будетъ выру чено отъ продажи остальной части *родового* имущества, и лиш смерть Тургенева помѣшала русскому консулу засвидѣтель ствовать подпись умирающаго на данной съ этой цѣлью довѣрен ности. Въ 1870 году Тургеневъ пишетъ Маслову: «Въ человѣ ческой жизни Богъ воленъ; если бы я внезапно окачурился

ты долженъ знать, что оставленныя у тебя на сохраненіе кціи мною куплены для моей милой Клавдіи Віардо и потому олжны быть—въ случаѣ какой-нибудь катастрофы—доставлены жѣ Віардо въ гор. Баденъ-Баденъ. Я совершенно здоровъ, о осторожность никогда не мѣшаетъ».—«Милый другъ Иванъ льичъ,—пишетъ онъ Маслову черезъ два года—изъ тридцати ысячъ рублей, оставшихся на твоихъ рукахъ послѣ покупки кцій, купи еще на пять тысячъ акцій, попрежнему на имя г-жи іардо». Въ 1874 г. онъ проситъ Маслова прислать денегъ, продавъ упоны отъ его, Тургенева, бумагъ, такъ какъ курсъ хорошій, а му, по случаю свадьбы дочери г-жи Віардо, Клавдіи, прихоится порядкомъ расходоваться.

Нужно ли говорить, что и помимо всего этого нравственный бликъ Тургенева является отрицаніемъ самой возможности ого, что вышло изъ-подъ злорѣчиваго пера третьей дочери жи Віардо. Можно лишь удивляться, что эта дама, повидимому, знобимая,—по прекрасному выраженію Пушкина—стяжанья ихорадкой», ждала почти четверть вѣка, чтобы заявить о свомъ недугѣ и начать предъ нѣмецкой публикой оплакивать оруганные русскимъ прихлебателемъ интересы своей семьи. Но есть нѣчто, внушающее еще большее удивленіе. Молчаніе—накъ согласія, а сама г-жа Полина Віардо, столь чувствительно исьменно благодарившая послѣ смерти Тургенева «дорогихъ й русскихъ, истинныхъ друзей ея дорогого и незабвеннаго ургенева»,—молчитъ! Она, тогда же писавшая Людвигу Пичу: ахъ, дорогой другъ, это слишкомъ, слишкомъ много горя для дного сердца! Не понимаю, какъ мое еще не разорвалось!.. Боже ой, какое страданіе!»—молчитъ... Такимъ образомъ, заключительнымъ аккордомъ грустной повѣсти о личной жизни Тургеева является попытка почтеннаго семейства, отнявшаго у него одину и близость друзей, отнять и доброе имя и изъ человѣкальтруиста въ словѣ и дѣлѣ сдѣлать жалкаго приживальщика, аплатившаго за оказанныя ему благодѣянія лишь рыжимъ арикомъ на забаву чрезвычайныхъ гостей и побѣгушками для сполненія порученій...

Но не одна личная жизнь Тургенева заключала въ себѣ эле-

менты драмы. Они нашлись и въ его жизни общественной. П
явленіе его лучшаго по законченности, глубинѣ и неподражаем
красотѣ романа «Отцы и дѣти» было встрѣчено вліятельно
критикой начала 60-хъ годовъ со слѣпой враждебностью. Ея бл
зорукимъ представителямъ показалось, что Тургеневъ недост
точно низко клонить свою голову предъ тогдашними кумира
Пошлое обвиненіе въ «клеветѣ на молодое поколѣніе» было п
щено въ ходъ, а самъ авторъ приравненъ къ «мракобѣсному» изд
телю «Домашней бесѣды» Аскоченскому и названъ «Асмодее
нашего времени». Лишь въ чуткой душѣ Писарева яркій обра
Базарова нашелъ себѣ правильную оцѣнку, да Достоевскій,
словамъ самого Тургенева, прозрѣлъ правдивость и значител
ность новаго произведенія. Большой художникъ, Тургенев
несмотря на внѣшнюю выдержку и кажущееся равнодуш
не могъ развить въ себѣ олимпійскаго спокойствія своего вел
каго учителя Пушкина и сказать себѣ: «ты имъ доволенъ ли, вз
скательный художникъ? Доволенъ? Такъ пускай толпа его бр
нитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ, и въ дѣтско
рѣзвости колеблетъ твой треножникъ». Онъ несомнѣнно страда
и какъ художникъ, и какъ человѣкъ, которому, по благоро
ному почину нѣкоторыхъ критиковъ, толпа злорадныхъ н
вѣждъ, живущихъ чужимъ умомъ, приписывала самыя низменны
побужденія. «Можетъ ли оставаться спокойнымъ,—говори
Брайтъ въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей,—человѣкъ, д
стойный любви и уваженія, когда онъ сознаетъ возбуждаему
противъ него ненависть и слышитъ острое шипѣніе клевет
которую нельзя поймать и раздавить, какъ змѣю, ползущу
во тьмѣ». Тургеневъ самъ писалъ Пичу уже въ 1869 году: «Ру
ской молодежи внушили, что типъ Базарова—обидная карр
катура и памфлетъ. Изъ-за Базарова меня забросали и забрас
ваютъ грязью, оскорбленіями, ругательствами». Въ 1879 го
онъ говорилъ Полонскому по поводу «Нови»: «Если ме
за «Отцовъ и дѣтей» били палками, за «Новь», конечно, будут
лупить бревнами, и точно такъ же съ обѣихъ сторонъ». Глубо
опечаленнный, онъ даже рѣшился навсегда оставить писател
ство, простившись съ читателями въ своемъ глубоко поэтич

омъ «Довольно». Но выполнить до конца свою рѣшимость онъ
могъ. Творческая натура слишкомъ властно предъявляла
ои требованія, а явленія общественной жизни настойчиво при-
вали его подать голосъ. Такъ появились «Дымъ» и въ 1876 г.
овь». За весь этотъ періодъ, начиная съ 1862 года, Турге-
въ, жадно читаемый за границей, испытывалъ на родинѣ спра-
дливость евангельскаго изреченія о томъ, что «нѣсть пророка
отечествѣ своемъ», и стоялъ какъ бы въ тѣни, подвергаясь,
собственному выраженію, снисходительному презрѣнію го-
одъ рецензентовъ.

Желаніе бросить литературную дѣятельность жило въ немъ
е это время. Послѣ первой части «Нови», встрѣченной въ пе-
ти и публикѣ холодно, онъ просилъ Полонскаго пріостано-
ить свое окончательное сужденіе до появленія второй части и
являлъ, что «во всякомъ случаѣ и какое бы ни сложилось
бщительное мнѣніе публики, это уже, конечно, моя послѣдняя
абота. Довольно, довольно». Онъ въ 1877 г. извѣщалъ Поля Лин-
у, что отложилъ перо съ намѣреніемъ никогда больше не брать
го въ руки, и это рѣшеніе непоколебимо. Но къ концѣ семиде-
тыхъ годовъ устарѣлыя, одностороннія, предвзятыя нападки
а автора «Отцовъ и дѣтей» совершенно прекратились, и снова
мпатіи всего, что было лучшаго въ русскимъ мыслящемъ
ществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относи-
ись къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслу-
енномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на ка-
домъ шагу, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удо-
летворенія говорилъ, что русское общество его *простило*. Эти
ниманіе и отношеніе достигли своего апогея въ 1880 г. во время
ушкинскихъ празднествъ въ Москвѣ, когда каждое выступле-
е его сопровождалось восторженными овaціями. Не только
браніе его въ почетные члены московскаго университета и
ключительныя слова его рѣчи въ Обществѣ любителей россій-
ой словесности о томъ, что настанетъ время, когда на вопросъ,
му поставленъ только-что открытый памятникъ, простой рус-
ій человѣкъ сознательно отвѣтитъ: «учителю»,—вызвали бур-
ый взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, но то

же самое повторялось въ особой силой и тогда, когда на литер
турномъ вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи Писемскій снял
съ бюста Пушкина лавровый вѣнокъ и сдѣлалъ видъ, что во
лагаетъ его на голову Тургенева. Въ средѣ своихъ лучших
представителей русское общество какъ бы вѣнчало въ Москв
въ его лицѣ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемников
Пушкина. Все это оживило Тургенева и вернуло ему прежню
бодрость, несмотря на то, что онъ уже за нѣсколько лѣтъ раны
сранивалъ себя и Полонскаго съ двумя черепками давно разби
таго сосуда. Уже въ началѣ 1881 года онъ пишетъ: «Я тепер
снова намѣренъ работать. Сначала кончу «Отрывки изъ воспом
наній своихъ и чужихъ», а затѣмъ примусь за другую небольшу
но по содержанію драматическую вещь, которая вертится у мен
въ головѣ. Литературная жилка во мнѣ зашевилилась. Неужел
изъ стараго засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даж
вѣтви?»—Эти листья и вѣтви были: «Отчаянный», «Стихотворен
въ прозѣ» (Senilia) и «Клара Миличъ»—названные имъ въ письм
къ Пичу «послѣдними вздохами старика».

Писательская судьба Тургенева и Достоевскаго была н
многомъ сходная. Оба они имѣли общепризнанный успѣх
послѣ первыхъ своихъ произведеній, а затѣмъ величайш
изъ романовъ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» был
встрѣченъ поверхностными отзывами, злобнымъ шипѣніемъ
даже безсмысленными утвержденіями, что будто бы многостра
дальный авторъ «Мертваго дома» написалъ «доносъ на молодежь
И ему, подобно Тургеневу, пришлось долго ждать оцѣнки своих
позднѣйшихъ произведеній и общаго восторженнаго признанія
съ необыкновенной силой проявившагося во время тѣхъ ж
Пушкинскихъ празднествъ въ 1880 г. Но затѣмъ судьба бы
болѣе жестока къ Тургеневу. Достоевскій умеръ почти сраз
страдая очень недолго, а къ Тургеневу подступилъ медленны
мучительный недугъ, въ теченіе трехъ лѣтъ ежедневно все бо
лѣе и болѣе явственно напоминая о близости могилы и дава
осязательное основаніе тому страху смерти, который издави
мучилъ Тургенева. Еще въ 1872 году онъ писалъ Пичу: «Со мно
идетъ все подъ гору, подъ гору, и вотъ она уже стоитъ—блѣ

ая, нѣмая, холодная, всепожирающая, вѣчная ночь». Та яма, ятно, могила, о которой онъ такъ потрясающе говоритъ въ «Ста-ухѣ»—съ 1881 года «сама шла, ползла на него», неотвратимо и езъ остановки...

Страданія его особенно обострились съ начала 1882 года. Уже въ маѣ онъ пишетъ Полонскимъ: «Когда вы будете въ Спас-комъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, одинѣ поклонитесь, которую я, вѣроятно, уже никогда не вижу»; въ іюнѣ, называя себя «человѣкомъ похереннымъ» и моллюскомъ, ведущимъ жизнь устрицы», онъ проситъ утѣшить го присылкою сиреневаго цвѣтка изъ родного Спасскаго, а въ екабрѣ съ безнадежнымъ отчаяніемъ восклицаетъ: «Меня не олько тянетъ, меня рветъ въ Россію». Съ этого времени письма го, среди трогательныхъ воспоминаній о родинѣ и теплыхъ за-оть о гостившихъ въ далекомъ Спасскомъ друзьяхъ, содер-кать въ себѣ описанія жестокихъ мученій, причиняемыхъ ему едугомъ. Тутъ цѣлый арсеналъ пытокъ: и безсонница отъ боли, реодолѣваемая лишь вспрыскиваніемъ морфія, и невозможность е только ходить, но и стоять болѣе нѣсколькихъ минутъ безъ омощи какой-то машинки, и разныя невыносимыя страданія ь груди, сердцѣ и печени. Болѣзнь, какъ коршунъ Прометея, се глубже и глубже вонзаетъ свой клювъ въ изможденное тѣло традальца. И письма становятся все короче, отрывистѣе. Они ишутся уже не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, вмѣсто снаго и твердаго, карандашомъ или даже постороннею рукою. все заканчивается письмомъ отъ 12 мая 1883 г. Вотъ оно: «Давно не писалъ къ вамъ, любезные друзья мои, да и о чемъ было пи-ать! Болѣзнь не только не ослабѣваетъ, она усиливается. Стра-анія постоянныя, невыносимыя, надежды никакой! Жажда мерти все растетъ, и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы со воей стороны пожелали осуществленія желанія вашего друга. бнимаю васъ всѣхъ». Но еще около трехъ мѣсяцевъ продол-ала играть смерть со своей жертвой, какъ кошка съ мышью.

Если однако личная жизнь для Тургенева перестала существо-ать и обратилась въ сплошное страданіе, то мысли его остава-ись вѣрны тому высокому дѣлу творчества, которое было его при-

званіемъ. Римляне говорили: Caesarem licet stantem mori! Но и литература имѣетъ своихъ цезарей, и однимъ изъ нихъ был умиравшій Тургеневъ. Онъ выпрямился предъ кончиной во весь свой духовный ростъ и, уже отрѣшившись отъ всего личнаго земного, обратилъ свою мысль на судьбы родного, дорогого ему слова. Собравъ послѣднія силы, дрожащею рукою, каран дашомъ написалъ онъ *послѣднее* свое письмо—письмо къ Льву Николаевичу Толстому: «Я былъ и есмь на смертномъ одрѣ пишу собственно, чтобы сказать, какъ я былъ радъ быть вашим современникомъ, и выразить вамъ свою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности Вѣдь этотъ вашъ даръ оттуда, откуда все другое. Какъ былъ бы я счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ! Я же человѣкъ конченный. Другъ мой! великій писатель земли русской—внемлите моей просьбѣ! Не могу больше, усталъ!»

22 августа онъ скончался въ Буживалѣ, потерявъ сознаніе за два дня до этого. Его лицо, по свидѣтельству очевидцевъ приняло величавое спокойствіе смерти. Сдвинутыя брови прида вали ему строгій видъ. Но вскорѣ къ нему вернулось его доброе кроткое выраженіе лица. Мы не знаемъ, были ли связаны его по слѣднія сознательныя минуты съ нѣжнымъ и искреннимъ, а не показнымъ вниманіемъ, но грустно думать, что около него не было родной души, не было близкаго русскаго человѣка, кото рый на его: «не могу больше, усталъ!» отвѣтилъ бы утѣшитель ными словами лучшаго изъ его преемниковъ, тоже умершаго вдали отъ родины: «дядя Ваня, мы отдохнемъ!.. Мы отдохнемъ»..

Кончая и благодарно преклоняясь передъ памятью Турге нева за все, что онъ оставилъ намъ,—за всѣ высокія и чистыя чувства, которыя онъ умѣлъ возбуждать,—за то неоцѣнимое художественное наслажденіе, которое онъ далъ намъ вкусить въ своихъ незабвенныхъ твореніяхъ, я невольно обращаюсь съ мыслью и къ другому великому русскому писателю. Твореніе Достоевскаго представляются мнѣ глубокой шахтой прорытой въ самыя нѣдра человѣческой души, со сложными подземными ходами, въ концѣ которыхъ таится золото сердец

ъ движеній и слезы умиленія и сочувствія людскому не-
тью. А Тургеневъ въ своихъ твореніяхъ напоминаетъ мнѣ
ческій храмъ, глубоко заложенныя въ землю стѣны кото-
стремятся вверхъ, чаруя взоръ своими цвѣтными лучи-
ш окнами, изящными пролетами и кружевной рѣзьбой, и,
ходя въ стройныя башни, смѣло поднимаются въ ясное
, въ небо возвышенныхъ стремленій, благородства мысли и
тва, въ небо нравственнаго идеала.

III.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

(Публичныя чтенія въ 1911 году по случаю пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ).

Собираясь вести «процессъ противъ рабства», императ
Николай Первый чувствовалъ себя въ этомъ «важномъ вопро
совершенно одинокимъ. Тѣ, на чью нравственную поддерж
или практическое содѣйствіе онъ могъ опереться, совершен
не раздѣляли его взглядовъ. Министры, по его словамъ, не
тѣли понять его «идей и чувствъ», и даже самая мысль о необ
димости преобразованія крѣпостного права ихъ пугала, а въ б
тьяхъ своихъ онъ встрѣчалъ въ этомъ отношеніи прямое про
водѣйствіе. Въ не менѣе тяжеломъ положеніи могъ оказаться
его сынъ—императоръ Александръ Второй,—тѣмъ болѣе,
въ смыслѣ твердости характера, непреклонной настойчивост
увѣренности въ себѣ, онъ значительно уступалъ отцу. Но,
счастью для Россіи, о судьбѣ ея крестьянскаго населенія за
тилось, по выраженію великой княгини Елены Павловны, «с
ціальное Провидѣніе», пославшее молодому государю въ и
рахъ его семьи нравственную поддержку и практическую опо
которыхъ такъ недоставало Николаю Первому,—въ лицѣ ве
кой княгини Елены Павловны и его родного брата Констант

Николаевича. Въ наиболѣе рѣшительныя минуты, предшествовавшія окончательному упраздненію крѣпостного права, послѣдній являлся твердымъ, сознательнымъ и всегда хорошо освѣдомленнымъ сторонникомъ отмѣны рабства, игомъ котораго, по выраженію Хомякова, «была клеймена Россія».

Такое положеніе, занятое великимъ княземъ въ одномъ изъ самыхъ жизненныхъ и вмѣстѣ роковыхъ вопросовъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія родины, обусловливалось, главнымъ образомъ, личными его свойствами. Второй сынъ императора Николая, родившійся 9 сентября 1827 года, Константинъ Николаевичъ съ юныхъ лѣтъ былъ предназначенъ своимъ родителемъ къ морской службѣ. Въ воспоминаніяхъ мануфактуръ-совѣтника Рыбникова описывается обѣдъ, данный государемъ—при участіи и, вѣроятно, по совѣту Канкрина—группѣ московскихъ купцовъ въ Зимнемъ дворцѣ 13 мая 1833 года. Выведя къ гостямъ маленькаго сына своего Константина и взявъ его «за головушку», императоръ Николай сказалъ ему: «Кланяйся, кланяйся ниже! Ну, а теперь—ты вѣдь адмиралъ—полѣзай на мачту!»—и маленькій адмиралъ полѣзъ на высокаго и стройнаго отца и усѣлся у него на плечѣ.—«Ну, видите!—сказалъ государь собравшимся:—адмиралъ у меня исправный!»

Воспитаніе «адмирала» было ввѣрено Федору Петровичу Литке, моряку съ головы до ногъ, которому было поручено пріохотить ребенка къ морской службѣ и ввести его нервную, пылкую и впечатлительную натуру въ узкія рамки строгой дисциплины. Эту задачу Литке осуществлялъ съ большою настойчивостью и прямолинейностью, стараясь сосредоточить выдающуюся любознательность своего воспитанника на гидрографіи, физикѣ и всѣхъ подробностяхъ морского дѣла въ теоріи и практикѣ, благодаря чему послѣдній восьмилѣтнимъ мальчикомъ уже считался командиромъ военнаго брига. Этой узкой—для поставленнаго въ особо выгодныя условія воспитанія великаго князя—спеціализаціи тѣмъ легче было достигнуть, что преподаваніе остальныхъ наукъ было самимъ государемъ опредѣленнымъ образомъ отодвинуто на задній планъ. Даже такому испытанному представителю «умѣренности и аккуратности»,

какъ барону Модесту Андреевичу Корфу, призванному преподавать великому князю статистику и законовѣдѣніе, было внушено не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, памятуя, что «лучшая теорія права есть добрая нравственность, живущая въ сердцѣ независимо отъ отвлеченностей» и имѣющая въ своемъ основаніи религію. Все это вмѣстѣ взятое могло выработать изъ Константина Николаевича спеціалиста съ тѣснымъ кругозоромъ, умѣлаго въ своемъ техническомъ дѣлѣ и совершенно чуждаго общимъ вопросамъ управленія. Въ той высокой средѣ, къ которой онъ принадлежалъ, подобные примѣры были, причемъ люди, воспитанные на началѣ cedant toga armae, опредѣляемые затѣмъ къ «штатскимъ дѣламъ», становились зачастую безсознательнымъ игралищемъ вліятельныхъ честолюбцевъ, несмотря на свои добрыя, но безпомощныя намѣренія и «безкрылыя желанія».

Ясный и прозорливый умъ великаго князя, жажда знанія и наклонность до всего доходить самому оберегли его отъ этой опасности. Онъ не былъ способенъ къ роли равнодушнаго созерцателя, и его живая воспріимчивость, подчасъ даже переходившая въ нервную впечатлительность, заставила его раньше многихъ понять потребности времени и ближайшія задачи Россіи послѣ Севастопольскаго погрома. Онъ не только душою отдался преобразовательнымъ стремленіямъ своего царствующаго брата, но, за исключеніемъ краткаго періода усталости и упадка духа, словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и личнымъ участіемъ содѣйствовалъ успѣшному переходу великодушныхъ п р е д п о л о ж е н і й въ практическое о с у щ е с т в л е н і е. Въ его государственной дѣятельности бывали не разъ положенія, когда, казалось, онъ дѣйствовалъ въ духѣ мудраго изреченія НаполеонаIII: «Si vous allez contre le courant—il vous brise; si vous allez avec—il vous emporte, devancez le—il vous suivra!» Способность быстро схватывать существенное въ каждомъ новомъ явленіи, дѣлѣ или вопросѣ и ясно представлять себѣ его объемъ и значеніе очень помогла ему при этомъ. «Comme il a l'esprit ouvert», сказалъ послѣ бесѣды съ нимъ Тьеръ, и такое же мнѣніе высказалъ Лесепсъ по поводу удовольствія, испытаннаго имъ при развитіи

передъ своимъ высокимъ гостемъ величаваго плана прорытія Суэцкаго перешейка. Къ этому присоединялось свободное владѣніе сильнымъ словомъ, переходившее по временамъ въ истинное краснорѣчіе. «Проектъ банковой реформы,—писала въ 1859 г. баронесса Эдита Федоровна Раденъ,—прошелъ въ комиссіи благодаря краснорѣчію великаго князя: Милютинъ былъ въ восторгѣ отъ такта и живости, съ которыми онъ отвѣчалъ на возраженія противниковъ проекта»...

Эти его свойства создали и укрѣпили его близость съ великой княгиней Еленой Павловной въ духовномъ и волевомъ отношеніяхъ, и ими же пользовался выдающійся человѣкъ среди его приближенныхъ, постаравшійся послѣ Литке съ 1850 года, расширить умственный горизонтъ воспитанника послѣдняго и дать его силамъ болѣе разностороннее примѣненіе. Это былъ А. В. Головнинъ. Въ качествѣ секретаря великаго князя, онъ имѣлъ на него и во многихъ случаяхъ на его дѣятельность самое благотворное вліяніе. Человѣкъ широко образованный, умѣвшій соединять исполненіе глубоко сознаваемаго долга съ утонченными формами общежитія, Головнинъ, какъ видно изъ ненапечатанныхъ писемъ его къ фрейлинѣ Раденъ, вложилъ всю душу въ задачу неустанно поддерживать въ великомъ князѣ сознаніе своихъ обязанностей передъ родиной и направлять его способности на общественное служеніе. И это служеніе великаго князя началось еще при императорѣ Николаѣ и при томъ въ той области, которая пользовалась особымъ нерасположеніемъ лицъ власть имущихъ—въ области печатнаго слова. Послѣ смерти Гоголя сочиненія его обратили на себя суровое вниманіе правительства. Второй части «Мертвыхъ душъ» и «Авторской исповѣди» грозило безусловное запрещеніе, а изданіе уже напечатанныхъ сочиненій великаго писателя было обставлено чрезвычайными затрудненіями. Цензурное вѣдомство даже запретило упоминать объ имени Гоголя въ печати, разрѣшивъ въ случаяхъ крайней необходимости лишь именовать его «однимъ извѣстнымъ писателемъ», а Тургеневъ за некрологъ, посвященный памяти Гоголя, былъ посаженъ въ полицейскую кутузку и затѣмъ высланъ въ свою деревню подъ надзоръ полиціи. Великій князь принялся

горячо хлопотать о снятіи этой безсмысленной опалы, писал шефу жандармовъ князю Орлову и добился того, что сочиненi были разрѣшены къ выпуску, но лишь пройдя сквозь благона мѣренный фильтръ двухъ московскихъ цензоровъ, которые—в чемъ могли—подвергли ихъ кастраціи, вытравляя Гоголевскі юморъ и силу выраженія. Узнавъ объ этомъ, великій князь пред принялъ вторичный походъ на защиту драгоцѣннаго достоянi русской литературы. Его письменное заступничество подѣйство вало на начальника Третьяго отдѣленія Дубельта, и сочиненi Гоголя увидѣли свѣтъ, не искаженныя усердіемъ духомъ хлад ныхъ скопцовъ. Точно такъ же впослѣдствіи благодаря его на стояніямъ былъ разрѣшенъ выпускъ въ свѣтъ богословскихъ со чиненій Хомякова. Когда началась такъ называемая Крымска война, скудная повременная печать того времени, поддѣлываяс подъ настроеніе офиціальнаго патріотизма, стала пѣть хвалебны гимны будущимъ блистательнымъ успѣхамъ нашего флота и ег августѣйшаго начальника. Но этотъ льстивый хоръ *въ кредит* внезапно долженъ былъ умолкнуть, вслѣдствіе циркуляра ми нистра народнаго просвѣщенія по цензурному вѣдомству о томъ что въ виду желанія великаго князя Константина Николае вича должны быть впредь отклоняемы похвалы будущимъ, т. е еще не состоявшимся, дѣйствіямъ нашего флота и намѣреніям генералъ-адмирала.—Вообще въ морскомъ вѣдомствѣ, уже в время этой войны, начала пробуждаться не совсѣмъ обычная въ то время жизнь. Утѣшительно читать,—пишетъ въ своем дневникѣ Вѣра Сергѣевна Аксакова 25 Ноября 1854 года,— распоряженія великаго князя Константина Николаевича на счетъ морскихъ раненыхъ, его попеченія о нихъ и т. д. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ правленія начинается реакція. Кон стантинъ Николаевичъ призываетъ всѣхъ къ дѣятельности, даетъ мѣсто мысли, знанію, возбуждаетъ общее участіе къ общему дѣлу, сообщаетъ все, что можетъ, во всеуслышанье всѣмъ, для общаго содѣйствія и т. д.».

Когда повѣяло тепломъ новаго царствованія, ледяной по кровъ безмолвія и ложнаго благоденствія сталъ быстро таять и всюду зажурчали ручейки пробуждающейся общественной

жизни. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ, живыхъ и стремительныхъ изъ нихъ оказался въ вѣдомствѣ, подчиненномъ великому князю. «Морскому Сборнику» принадлежитъ незабвенная честь широкаго почина гласности въ нашей печати. Покровительствуемый и оберегаемый Константиномъ Николаевичемъ, этотъ журналъ открылъ свои страницы для смѣлаго изобличенія всѣхъ язвъ, недостатковъ и злоупотребленій, которыми была полна жизнь страны, лежавшей «безглагольно, недвижимо» у ногъ ограниченной и своекорыстной военной и гражданской бюрократіи. Для характеристики взглядовъ великаго князя на задачи управленія можетъ служить циркуляръ его въ ноябрѣ 1855 года. «Многочисленность формъ, — говорится въ немъ—подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь. Если отдѣлить сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды и полуправды, то всюду окажется сверху блескъ—внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Прошу повторить мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, что я требую въ нихъ не похвалы, а истины и въ особенности откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ въ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что отчеты, въ которыхъ нужно будетъ читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью». Къ этому же времени относится и поразившее многихъ приглашеніе чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія произвести ревизію морскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ взглядомъ на необходимые пріемы с в о е й дѣятельности обусловливалось и воззрѣніе великаго князя на общія потребности Россіи. «Важные жизненные вопросы,—писалъ онъ кавказскому намѣстнику князю Барятинскому въ 1857 году,—внутренней администраціи нашей требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судъ и полицію наши такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣ-

лей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ. Мы слабѣе и бѣ
нѣе первостепенныхъ державъ и при томъ не только бѣднѣе м
теріальными способами, но и силами умственными, особен
въ дѣлѣ управленія».

Сомнительный и преходящій блескъ бранной славы не пл
нялъ великаго князя. Онъ, въ юныхъ годахъ написавшій запис
о взятіи Царьграда съ моря и получившій въ 1849 году изъ ру
фельдмаршала Паскевича Георгіевскій крестъ за боевыя отлич
въ Венгерскую кампанію, рано созналъ всѣ мрачныя сторон
войны и ея роковыхъ послѣдствій. Вотъ почему онъ еще
1854 году вмѣстѣ съ великой княгиней Еленой Павловной горя
принялся за организацію помощи больнымъ и раненымъ воинам
которая легла впослѣдствіи въ основу Россійскаго общест
Краснаго Креста. Вотъ почему также, тотчасъ по окончан
Крымской войны по его почину было создано Русское общест
пароходства и торговли, призванное и умѣвшее въ значител
ной степени залѣчить раны, нанесенныя намъ въ Черномъ мо
Парижскимъ трактатомъ. И въ своемъ собственномъ морском
вѣдомствѣ великій князь, ставъ его главою, предпринялъ ря
мѣръ, въ которыхъ практичсски осуществлялось то, что теор
тически разрабатывалось на страницахъ «Морского Сборника
Такъ, было ускорено морское судопроизводство, страдавш
крайнею медленностью; ограничено безконтрольное лишен
свободы обвиняемыхъ; въ обращеніе съ привлеченными къ слѣ
ствію внесены начала «справедливости и человѣколюбія»,
наконецъ, введена въ производство военно-морского суда п
вѣстная гласность, такъ какъ по распоряженію великаго кня
свѣдѣнія о важнѣйшихъ дѣлахъ стали помѣщаться въ Морском
Сборникѣ». Впослѣдствіи эти отчеты дали богатый матеріал
для извѣстнаго сборника русскихъ уголовныхъ процессовъ Ли
бавскаго.

Взгляды и распоряженія Константина Николаевича и об
щественное вниманіе, возбуждаемое статьями «Морского Сбо
ника», въ которомъ, между прочимъ, были помѣщены «Вопрос
жизни» и педагогическія статьи Н. И. Пирогова, нравились далек
не всѣмъ. Общественные круги и отдѣльныя личности, доведши

Россію до тяжкихъ пораженій въ Крымскую войну, видѣли въ дѣятельности великаго князя чреватыя непріятными для себя послѣдствіями новшества. Не рѣшаясь открыто порицать преобразовательныя намѣренія государя и надѣясь, со временемъ, парализовать ихъ, они сосредоточили на его братѣ—смѣломъ поборникѣ этихъ преобразованій, — свою затаенную вражду и явную подозрительность, пуская въ обращеніе разные клеветническіе вымыслы, помятуя, что отъ клеветы, какъ бы она ни была нелѣпа, всегда что-нибудь да останется. Надо при этомъ замѣтить, что пылкій характеръ великаго князя въ связи съ его законнымъ самолюбіемъ, заставлявшимъ его невольно чувствовать свое умственное превосходство надъ большинствомъ окружавшихъ его въ дѣловомъ и придворномъ мірѣ лицъ, выражался иногда въ рѣзкихъ выходкахъ и колючихъ выраженіяхъ. Сдержанность въ словахъ, которую онъ, забывая изреченіе «врачу, исцѣлися самъ», рекомендовалъ въ 1861 г. Милютину, далеко не всегда была ему присуща, и въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ императора Александра Второго, про котораго онъ самъ писалъ Головнину въ 1882 году: «У покойнаго брата внимательность ко всѣмъ была развита въ сильнѣйшей степени съ самой ранней его молодости. Никто въ мірѣ не обладалъ въ такой степени, какъ онъ, тѣмъ, что называется «les attentions du coeur», такою тонкою, милою любезною благовоспитанностью — и потому-то онъ былъ всѣми такъ любимъ. Съ самаго ранняго дѣтства мнѣ его ставили въ примѣръ». Но и Константинъ Николаевичъ былъ способенъ на утонченное вниманіе и обходительность съ людьми, внутреннюю сущность которыхъ онъ не могъ не цѣнить. Онъ умѣлъ обласкать старика Погодина, посѣщалъ больного историка Соловьева въ «Нескучномъ» и вызвалъ у Никитенки такую характеристику: «Великій князь очень привѣтливъ, обнаруживая много ума и прекрасное направленіе. Онъ понимаетъ, сколько у насъ фальши и властолюбія, жаждетъ правды и доказываетъ это на дѣлѣ; онъ не только хорошо говоритъ, но и краснорѣчиво». Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ 1857 году Головнинъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ, что великому князю необходимо заставить себя

быть любезнымъ и вѣжливымъ со всѣми, иначе онъ будетъ нелюбимъ «à cause de sa manière d'être et de ses formes qui blessent et froissent beaucoup de monde». Разгадку этой двойственности даетъ одно мѣсто изъ письма Головнину близкаго сотрудника великаго князя въ морскомъ дѣлѣ, Н. А. Шестакова, изъ Нью-Іорка въ 1859 году: «Странно, что Его Высочество, пріятный въ обращеніи съ людьми, которые не имѣютъ права ему противорѣчить, охотно допускаетъ въ нихъ полную независимость мнѣній, а въ столкновеніяхъ съ лицами, имѣющими по своему положенію право на противорѣчіе, становится жесткимъ и нетерпѣливымъ». Изъ этихъ свойствъ характера великаго князя, мягкаго по отношенію къ слабымъ и зависимымъ и исполненнаго боевой страстности по отношенію къ сильнымъ противникамъ, и вытекало то, что одновременно одни, какъ Никитинко, признавали въ немъ «представителя прогресса, защитника и главу партіи всѣхъ русскихъ мыслящихъ людей», а другіе, затаивъ уколы своему самолюбію, пускали про него, выражаясь словами нашихъ былинъ, «шипъ по-змѣиному». Надо, впрочемъ, замѣтить, что и, впадая въ рѣзкій и страстный тонъ среди преній, Константинъ Николаевичъ, остывъ, нерѣдко сознавалъ свою ошибку и не отдавался чувству ложнаго самолюбія. Такъ, напримѣръ, рѣзко прервавъ въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта соображенія К. К. Грота по вопросу о Ліонскомъ Кредитѣ, онъ разыскалъ въ Парижѣ уѣхавшаго туда оскорбленнаго Грота и, прямодушно признавъ свою вину, просилъ его забыть происшедшее.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ давно жила въ душѣ великаго князя и несомнѣнно была одной изъ крѣпко связующихъ нитей между нимъ и Еленой Павловной. Уже весною 1855 года онъ говорилъ о желательности этой реформы, а въ предѣлахъ своего управленія сталъ ее и осуществлять. Такъ, ознакомясь въ 1856 году съ тяжкимъ положеніемъ казенныхъ поселянъ, водворенныхъ около Петербурга на Охтѣ и отданныхъ въ крѣпостную зависимость начальству Петербургскаго адмиралтейства, великій князь настоялъ на разработкѣ мѣръ объ отпускѣ ихъ на волю, и когда черезъ два года этотъ отпускъ сталъ совер-

шившимся фактомъ, то тѣ же самыя мѣры были приняты и относительно крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости отъ адмиралтейскаго начальства въ Черномъ морѣ.

Не даромъ Н. А. Милютинъ, зная настроеніе и способность къ борьбѣ великаго князя, считалъ его годнымъ стать твердой нравственнной опорой назрѣвшему великому дѣлу и указывалъ на него Еленѣ Павловнѣ въ октябрѣ 1856 года, какъ на человѣка, который обладаетъ необходимымъ авторитетомъ и независимостью, чтобы быть выразителемъ ея великодушныхъ намѣреній и поддерживать ихъ въ государѣ въ неизбѣжныя минуты колебанія. Великій князь оправдалъ надежды, возлагаемыя на него «кузнецомъ-гражданиномъ», и, будучи назначенъ членомъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, ярко и энергично, безъ уступокъ и недомолвокъ, сталъ проводить свой взглядъ, опираясь на Ланского и Ростовцева и возбуждая худо скрываемое озлобленіе въ тѣхъ членахъ комитета, которые мечтали погубить начатое дѣло канцелярскимъ изморомъ. Онъ шелъ, однако, къ цѣли безъ колебаній и сомнѣній его старшаго брата, по отношенію къ которому въ защиту крѣпостного права было, къ несчастію, употреблено испытанное прежде и впослѣдствіи презрѣнное, но вѣрное средство воздѣйствія: «il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger — открылся Валуеву М. Н. Муравьевъ, горячій защитникъ крѣпостного строя:—il ne faut pas dire que ce danger vient de la democratie; il faut simplement parler du danger». Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій комитета большинство, вооружившись «осторожностью и постепенностью», нашло, что для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ достаточно предоставить дворянамъ право отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями. Это мнѣніе большинства удостоилось Высочайшаго утвержденія. Освобожденіе, казалось, было такимъ образомъ отложено на продолжительное время. Но «спеціальное Провидѣніе», о которомъ писала Елена Павлова, позаботилось, въ лицѣ сѣверо-западнаго генералъ-губернатора, о быстромъ сокращеніи этого срока. Внушенный имъ адресъ дворянства литовскихъ губерній, переданный въ секретный комитетъ для немедленнаго обсужденія, вызвалъ выработку знаменитаго

отвѣта Назимову 20 ноября 1857 года. Съ этого началось образованіе комиссій для составленія проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, что въ сущности обозначало освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости. Повсемѣстное образованіе такихъ комиссій было проведено великимъ княземъ съ большимъ искусствомъ и прозорливостью. Рескриптъ предписывалъ въ сущности мѣстную мѣру, которая могла ничѣмъ не отразиться на общемъ положеніи вещей и въ особенности не вызвать общаго движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Поэтому Константинъ Николаевичъ сталъ настаивать на разсылкѣ рескрипта и сопровождавшаго его подробнаго разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ Ланского ко всѣмъ губернаторамъ, вѣрно разсчитавъ, что послѣдніе примутъ эту разсылку, какъ выраженное свыше желаніе и приглашеніе возбудить и у себя вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. По отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, большинство комитета, вообще враждебно настроенное противъ великаго князя, не оцѣнило значенія его предложенія и любезно дало свое согласіе. Ланской и Милютинъ приняли всѣ мѣры, чтобы рескриптъ и приложеніе къ нему были немедленно отпечатаны въ ближайшую ночь разосланы по принадлежности. На другой день тяжкодумы большинства поняли, какой роковой для себя шагъ они одобрили, и рѣшили испросить Высочайшее повелѣніе на пріостановку разсылки, но было поздно и почта уже разносила во всѣ концы первый благовѣстъ начинавшейся отмѣны крѣпостного ига...

Положеніе великаго князя не только, какъ брата государя, но и какъ главы морского вѣдомства, имѣвшаго свои доклады, давало ему возможность поддерживать государя въ его намѣреніяхъ на почвѣ дѣловыхъ объясненій, въ то время, когда его благородная союзница охраняла настроеніе государя всѣми способами, которые диктовало ей сердце и указывалъ исполненный такта умъ. Благодаря этому, Константину Николаевичу удалось провести оглашеніе въ печати главныхъ началъ предположенной реформы, а также опубликованіе рескриптовъ и министерскихъ циркуляровъ. Но это было достигнуто путемъ напряженной борьбы съ большинствомъ, которое,

по остроумному замѣчанію Тютчева, готово было думать, что и страшный судъ долженъ будетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ. Во время этой борьбы страстность выраженій Константина Николаевича не разъ давала поводъ его противникамъ злорадно разносить вѣсти о его враждебномъ отношеніи къ одной изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ упраздненія крѣпостного права. Если припомнить, что медленность дворянства нѣкоторыхъ губерній въ ходатайствѣ объ учрежденіи комитетовъ парализовала дальнѣйшее движеніе работъ и вызывала замедленіе въ дѣлѣ, гдѣ нужно было «ковать по горячему», то вспышки раздраженія великаго князя въ виду сплоченнаго большинства противниковъ представляются вполнѣ понятными. Кто ничего не любитъ, того ничто и не приводитъ въ негодованіе. Люди, понимавшіе тяжелую и важную задачу, которую принялъ на себя великій князь, могли пожалѣть лишь о формѣ, въ которой выражался его гнѣвъ, но не могли не сочувствовать праведности самого гнѣва.

Въ началѣ 1858 года секретный комитетъ былъ переименованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и вскорѣ началъ обсуждать предположенія и проекты положенія губернскихъ комитетовъ, вырабатывая основныя начала освобожденія крестьянъ при дѣятельномъ участіи великаго князя. Послѣднее выразилось не только въ проведеніи широкихъ взглядовъ на предстоящую реформу въ смыслѣ ея безповоротности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ переписка Елены Павловны съ Милютинымъ, но и въ роли примирителя разногласій и разнорѣчій въ средѣ искреннихъ сторонниковъ этихъ широкихъ началъ. Старая славянская привычка итти вразбродъ, несмотря на общность цѣли, проявилась и въ Главномъ Комитетѣ въ формѣ важныхъ разногласій между такими видными дѣятелями, какъ Ростовцевъ и Ланской. Константину Николаевичу личными бесѣдами, уговорами и согласительными предложеніями удалось сгладить эти разногласія, которыя могли оказаться роковыми для успѣха всего дѣла. Такъ создалось, наконецъ, Основное Положеніе, послужившее фундаментомъ для работъ редакціонной комиссіи.

Съ учрежденіемъ послѣдней занятія Главнаго Комитета сами собою пріостановились на неопредѣленный, но во всякомъ случаѣ на долгій срокъ, и великій князь могъ уѣхать въ продолжительное путешествіе по Европѣ и ко святымъ мѣстамъ. Повидимому, онъ былъ душевно утомленъ перенесенной борьбою и, вѣроятно, не былъ въ силахъ совершенно равнодушно относиться къ злобѣ и клеветѣ, дыханіе которыхъ онъ, несмотря на свое высокое положеніе, не могъ не ощущать вокругъ себя. Къ этому присоединился и чувствительный ударъ, нанесенный его любимому дѣтищу «Морскому Сборнику» подчиненіемъ его общей цензурѣ съ ея боязливой оглядкой во всѣ стороны. Протестъ представителя Военнаго Министерства противъ напечатанія въ «Морскомъ Сборникѣ» статьи о возмутительныхъ порядкахъ въ военныхъ госпиталяхъ въ Николаевѣ во время Крымской войны вызвалъ распоряженіе великаго князя о передачѣ статьи на благоусмотрѣніе военнаго министра при заявленіи, что «если бы злоупотребленія, такъ ярко выставленныя въ этой статьѣ, относились къ морскому вѣдомству, то горькая истина не встрѣтила бы препятствій къ помѣщенію въ «Морскомъ Сборникѣ», но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ лица, по справедливости подлежащія карѣ общественнаго мнѣнія, состояли на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, то... и т. д.» Можно себѣ представить, какъ тяжело было великому князю видѣть подведеніе «Морского Сборника», какъ органа для вызова «справедливой кары общественнаго мнѣнія», подъ общій уровень спеціальныхъ журналовъ, интересующихъ только свое вѣдомство. Не даромъ онъ горячо ратовалъ впослѣдствіи (въ 1865 году) за отмѣну предварительной цензуры при выработкѣ закона о печати,—въ 1869 году возражалъ противъ внесенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предложеній о новыхъ стѣснительныхъ мѣрахъ противъ печати и, по удостовѣренію Никитенки, выражалъ Тимашеву свое негодованіе по поводу временнаго запрещенія въ 1872 году газеты «Голосъ».

Близкихъ къ великому князю людей обезпокоивало то настроеніе, въ которомъ онъ отправился въ заграничное путешествіе, высказывая, какъ видно изъ писемъ Головнина къ баронессѣ Раденъ, несомнѣнно предназначанныхъ для прочтенія Еленѣ

Павловнѣ, и изъ писемъ Шестакова къ Головнину, нежеланіе впредь заниматься общественными дѣлами, замкнувшись въ занятіе исключительно морскимъ дѣломъ. «Я настаиваю,—писалъ Головнинъ изъ Палермо, гдѣ жилъ съ великимъ княземъ,—чтобы все свободное время онъ посвящалъ изученію финансовъ, политической экономіи и исторіи правительственныхъ учрежденій различныхъ странъ и вносилъ въ свои занятія какъ можно болѣе вниманія и умственнаго труда, возвращаясь не разъ къ одному и тому же вопросу для того, чтобы обдумать его со всѣхъ сторонъ. Для этого мы взяли съ собою избранную библіотеку». «Мнѣ хочется отвлечь его,—писалъ Головнинъ въ другомъ письмѣ,—и отъ увлеченій мелочными вопросами управленія морскимъ вѣдомствомъ и направить его трудолюбіе въ другую сторону. Я боюсь, что проводя цѣлые дни въ мастерскихъ Кронштадта и вникая во всѣ мелочныя подробности, какъ простой капитанъ корабля, онъ можетъ размѣняться на мелочь и потерять вліяніе въ дѣлахъ общегосударственной важности. Скажите великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ), что мнѣ страстно хочется получить увѣренность, что въ лицѣ великаго князя отечество пріобрѣло государственнаго мужа, а не рядового капитана корабля». Въ этомъ стремленіи поддерживалъ Головнина и Н. А. Шестаковъ. Въ замѣчательномъ письмѣ изъ Нью-Іорка въ мартѣ 1859 года, которое еще ждетъ своего времени для напечатанія, Шестаковъ, негодуя на запрещеніе Аксаковскаго «Паруса», пишетъ: «Никакія административныя улучшенія не укоренятся безъ будящей силы гласности, и въ этомъ случаѣ великому князю должно употребить все свое вліяніе, ибо въ его положеніи нужно дѣлать не только д о л ж н о е, но и все в о з м о ж н о е, чтобы не приходилось доискиваться, разбирая его дѣйствія, не того, что онъ совершилъ, а того, что онъ могъ бы совершить, да не захотѣлъ». Говоря затѣмъ о необходимости вліянія великаго князя на государственные вопросы, Шестаковъ замѣчаетъ: «Апатія къ дѣламъ общественнымъ имѣла у насъ долгій періодъ; вопреки вѣковымъ урокамъ и влеченіямъ человѣческой натуры къ общественной жизни, мы долго упорствовали и думали, что общественныя дѣла, касаются только правительства. Горькій финалъ достойно нака-

залъ насъ за равнодушіе, и русская мысль пробудилась послѣ Парижскаго мира. Нейтралитетъ въ такихъ обстоятельствахъ однозначащъ самоубійству. Кому больше дано, отъ того больше и требуется, и поднявши флагъ прогресса въ своемъ вѣдомствѣ, адмиралъ нашъ по силѣ вещей долженъ водружать его вездѣ, гдѣ представится возможность... Я понимаю, что положеніе Его Высочества затруднительно, и дряхлые враги все-таки будутъ врагами. Но сильный умъ видитъ отраду въ борьбѣ, а не въ бездѣйствіи или безмолвномъ согласіи. Отъ человѣка въ положеніи великаго князя требуется гражданская смѣлость точно такъ же, какъ отъ меня—личная храбрость. Недостатокъ той и другой обоимъ неизвинителенъ». Рисуя затѣмъ свѣтлое будущее Россіи подъ вліяніемъ намѣченныхъ государемъ преобразованій, Шестаковъ пишетъ: «Когда исчезнутъ приверженцы хаоса, то возможно ли великому князю остаться между канувшимъ безвозвратно прошедшимъ и настоящимъ, которому онъ не содѣйствовалъ, въ горькомъ уединеніи, тѣмъ болѣе несносномъ, что внутренній голосъ будетъ постоянно твердить о сдѣланной ошибкѣ». Высказываемые Шестаковымъ и Головнинымъ взгляды находили себѣ подтвержденіе и въ перепискѣ, которую вела съ великимъ княземъ Елена Павловна, очень интересуясь его планами и настроеніемъ. По свидѣтельству князя Д. А. Оболенскаго, она тотчасъ по кончинѣ императора Николая Павловича принимала мѣры, чтобы убѣдить великаго князя не устранять себя отъ близкаго участія въ дѣлахъ общаго правленія и не ограничиваться въ разговорахъ съ братомъ одними спеціальными интересами Морского Министерства. Она припоминала, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ систематически устранялъ себя въ началѣ царствованія своего брата отъ всякаго участія въ дѣлахъ невоенныхъ и какъ самъ впослѣдствіи скорбѣлъ объ этомъ. Со своей стороны Н. А. Милютинъ снабжалъ Головнина для доклада великому князю копіями съ различныхъ записокъ и съ журналовъ важнѣйшихъ засѣданій по крестьянскому дѣлу. Наконецъ и самъ государь сказалъ Еленѣ Павловнѣ про него: «Constantin est las des affaires, mais il pourra étre utile».

Отдыхъ и новыя впечатлѣнія оживили Константина Николае-

вича и пробудили въ его душѣ прежнюю энергію. Онъ вернулся въ Петербургъ осенью 1859 года съ горячимъ желаніемъ видѣть совершенными сначала у себя въ вѣдомствѣ, гдѣ онъ былъ менѣе всего связанъ, важныя реформы и при томъ такія, которыя по свойству своему и неизбѣжной необходимости должны были разрастись до общегосударственнаго объема. Такова была реформа военно-морского суда, проектъ которой, напечатанный въ «Морскомъ Сборникѣ», послужилъ во многомъ образцомъ для будущихъ работъ по этой части и обратилъ особое вниманіе общества, печати и ученыхъ круговъ на основы, условія и способы осуществленія преобразованія общихъ судовъ имперіи. Такова была могущественная поддержка, оказанная имъ благородному почину нашего посланника въ Бельгіи, князя Н. А. Орлова, по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ своемъ заключеніи о цѣлесообразности и своевременности уничтоженія «наказаній на тѣлѣ» генералъ-адмиралъ указывалъ на разрушительное дѣйствіе ихъ на народную нравственность и на ошибочность взгляда, что ихъ жестокостью можетъ быть поддержана дисциплина, и горячо присоединялся къ князю Орлову въ требованіи отмѣны прикровенной смертной казни подъ названіемъ плетей и шпицрутеновъ. Онъ такъ страстно желалъ увидѣть отмѣну этихъ наказаній въ области военнаго дѣла, что въ особой запискѣ предлагалъ н е м е д л е н н о осуществить это по военному и морскому вѣдомствамъ, не ожидая, пока подобная же мѣра пройдетъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Судьба готовила ему по возвращеніи въ Россію новыя испытанія, но и новое широкое поле для благотворной дѣятельности. Въ октябрѣ 1859 года предъ самымъ поступленіемъ работъ редакціонной комиссіи въ Главный Комитетъ, предсѣдатель послѣдняго—князь Орловъ тяжко заболѣлъ, и Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ на его мѣсто. «Я прошу его,—писалъ Головнинъ 4 октября 1860 года баронессѣ Раденъ,—перечесть мѣста, отмѣченныя мною въ проектѣ Положенія, выработанномъ редакціонной комиссіей, вызвать къ себѣ Милютина, князя Черкасскаго и Самарина и просить ихъ устныхъ разъясненій и опроверженій мнѣній графа Панина и вообще отдать все свое

время дѣлу «эмансипаціи», по крайней мѣрѣ на шесть недѣль передавъ адмиралу Краббе всѣ мелочи управленія Морскимъ Министерствомъ», а 6 октября онъ извѣщалъ Раденъ о томъ, что великій князь рѣшилъ поступить согласно его совѣту. Приступивъ прежде всего, къ изученію проекта Положенія, онъ приготовился выслушать Милютина и его друзей, уже вооруженный подробнымъ знакомствомъ съ ихъ трудомъ. Когда великая княгиня Елена Павловна сказала ему, что скромность мѣшаетъ Милютину самому явиться безъ приглашенія, онъ отвѣчалъ ей, что онъ не только хочетъ, но долженъ видѣться съ Милютинымъ, но не могъ этого сдѣлать лишь потому, что не успѣлъ еще познакомиться съ Положеніемъ и изучить памятникъ, который навѣки составитъ великую честь редакціонной комиссіи. 10 октября великій князь впервые предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ, предварительно усердно помолившись въ Петропавловскомъ Соборѣ у могилы своего родителя. Въ засѣданіи онъ доказывалъ, что надо «безвозвратно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать крестьянъ собственниками). Свиданіе, о которомъ хлопотала Елена Павловна, состоялось въ двадцатыхъ числахъ октября, и хотя Милютинъ, Самаринъ и князь Черкасскій не могли быть введены въ составъ Главнаго Комитета, но великій князь пригласилъ Милютина для постоянныхъ совѣщаній и кромѣ того часто обращался за разъясненіями и совѣтами къ двумъ названнымъ друзьямъ, сотрудникамъ и единомышленникамъ послѣдняго. Они же составляли для великаго князя рядъ записокъ по отдѣльнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ или грозившимъ возбудить въ Главномъ Комитетѣ особенно острыя пренія и разногласія. Одного умѣнія выбирать людей для истиннаго государственнаго человѣка еще мало. Надо умѣть довѣрять имъ и, отложивъ въ сторону личное самолюбіе, прислушиваться къ нимъ и опираться на ихъ опытъ, знаніе и совѣсть. Это умѣніе существовало у главнѣйшихъ дѣятелей «эпохи реформъ». Обладалъ имъ въ высшей степени и великій князь. Съ первыхъ же засѣданій Главнаго Комитета подъ его предсѣдательствомъ онъ показалъ себя хозяиномъ своего дѣла и врагомъ всякихъ оттяжекъ и искусственно создаваемыхъ проме-

дленій. Онъ сразу двинулъ вопросъ о переустройствѣ земской полиціи, безъ котораго, т. е. главнымъ образомъ безъ замѣны выборныхъ дворянствомъ исправниковъ назначаемыми правительствомъ, практическое осуществленіе Положеній могло встрѣтить разныя препятствія. Въ сорока слишкомъ засѣданіяхъ комитета, посвященныхъ разсмотрѣнію Положенія, продолжавшихся зачастую болѣе семи часовъ подъ рядъ, онъ показалъ себя безпристрастнымъ, какъ председатель, и свѣдущимъ, настойчивымъ и неустаннымъ труженикомъ, какъ участникъ въ общей работѣ. Его не останавливало утомленіе, и, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, онъ читалъ и изучалъ до глубокой ночи дѣла, назначенныя къ докладу, и затѣмъ нерѣдко самъ приходилъ на помощь докладчику въ засѣданіяхъ. Изъ дневника его видно, что почти ежедневно утренніе часы онъ посвящалъ изученію вопросовъ, возникавшихъ въ комитетѣ,—съ 12 до семи часовъ предсѣдательствовалъ въ немъ, а съ 9 до полуночи совѣщался съ разными лицами о дальнѣйшемъ ходѣ и содержаніи ихъ работъ.—Предсмертная болѣзнь и затѣмъ кончина матери, Императрицы Александры Ѳеодоровны, не прерывала этихъ его занятій. Онъ не могъ присутствовать даже на первой панихидѣ по усопшей, такъ какъ считалъ необходимымъ быть въ Комитетѣ, гдѣ разсматривался вопросъ объ объявленіи крестьянскихъ усадебъ ихъ собственностью, при чемъ большинство, образовавшееся противъ него и Ланского, настаивало, чтобы, по крайней мѣрѣ, не называть усадьбы *собственностью*, а *неотъемлемымъ владѣніемъ*.

Въ рѣчи, сказанной при закрытіи редакціонной комиссіи, государь упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что въ ея трудѣ, «быть можетъ, многое придется измѣнить». Эти слова были поняты очень односторонне и окрылили надежды людей, желавшихъ видѣть дѣло освобожденія сведеннымъ на нѣтъ и готовыхъ по возможности всемѣрно содѣйствовать этому. Къ числу послѣднихъ принадлежали и члены Главнаго Комитета, составлявшіе большинство. Разбить эти надежды, устранивъ въ душѣ государя сомнѣнія, вызываемыя разногласіемъ по существу реформы и поддерживаемыя съ разныхъ сторонъ,—становилось

одной изъ главныхъ задачъ Константина Николаевича. Онъ выполнилъ ее блистательно.

За проектъ редакціонной комиссіи, кромѣ великаго князя, стояло только три члена комитета: Ланской, Чевкинъ и гр. Блудовъ, вполнѣ сочувствовавшіе дѣлу освобожденія крестьянъ. Большинство шести членовъ отвергало вообще проектъ редакціонной комиссіи и наиболѣе рѣшительно основную его часть—поземельное устройство крестьянъ. Эти шесть членовъ, одинаково стремившіеся урѣзать возможно болѣе земельные надѣлы освобождаемыхъ крестьянъ, не успѣли, однако, притти между собою къ соглашенію и разбились на три мнѣнія: М. Н. Муравьева, князя Гагарина и графа Панина. Горячо и ясно доказывалъ великій князь, какъ сообщаетъ П. П. Семеновъ, что при осуществленіи предположеній этихъ трехъ лицъ крестьяне будутъ надѣлены землею въ размѣрахъ, недостаточныхъ для поддержанія ихъ благосостоянія; что по проекту гр. Панина у крестьянъ отойдетъ одна треть надѣловъ, обезпечивавшихъ ихъ бытъ ранѣе, при крѣпостномъ правѣ; что по проекту Муравьева у нихъ должна быть отобрана большая часть этихъ надѣловъ, а по мысли князя Гагарина—три четверти.

Два мѣсяца тянулось это разногласіе, а между тѣмъ противники освобожденія работали, не покладая рукъ и не давая отдыха своему языку, предвѣщавшему великія бѣдствія Россіи въ случаѣ принятія Положеній. Не говоря уже о томъ, что знаменитый митрополитъ московскій Филаретъ находилъ, что «предпріемлемому обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса, но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія», а въ письмахъ къ своему лаврскому намѣстнику Антонію по поводу болѣзни популярнаго въ Москвѣ «степеннаго боярина» кн. С. М. Голицына, взывалъ: «спаси, Господи, благородное сословіе,—спаси чинъ благородный, яко оскудѣ боярынъ», а самъ Голицынъ, по слухамъ, передаваемымъ Плетневымъ, благодарилъ Бога за близкую смерть свою, посланную въ эпоху наступающаго бѣдствія Россіи, разумѣя «эманципацію крѣпостныхъ». Въ декабрѣ 1860 года въ Петербургѣ появилась и стала ходить

по рукамъ записка графа Дмитрія Андреевича Толстого, прямо направленная противъ редакціонной комиссіи и представленная чрезъ одного изъ приближенныхъ лицъ государю. Въ ней будущій видный и властный министръ двухъ министерствъ и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, набросившій мрачную тѣнь своей «просвѣтительной» дѣятельности на два съ половиной десятилѣтія русской общественной жизни, доказывалъ, извращая проектъ редакціонной комиссіи, что она раздѣляетъ упраздненіе крѣпостного права на три періода—барщинный, оброчный и выкупной, при чемъ барщина будетъ невозможна потому, что крестьяне не будутъ работать,—оброкъ не поступитъ, такъ какъ крестьяне не станутъ платить, а выкупъ невозможенъ, потому что облигаціи ничего не будутъ стоить. Для того, чтобы разъяснить истинную подкладку этой записки, пришлось прибѣгнуть къ контръ-запискѣ Ланского, составленной княземъ Черкасскимъ, и къ содѣйствію Елены Павловны и великаго князя. Отравленное оружіе было отпарировано, и на запискѣ Толстого была положена отмѣтка государя: «Это не мнѣніе, а пасквиль, доказывающій недоброжелательность или незнаніе дѣла».

Поэтому явилась неотложная необходимость добиться въ Главномъ Комитетѣ хотя бы относительнаго большинства голосовъ и, опираясь на него, дать рѣшительное движеніе затормозившейся работѣ, результату которой ежедневно грозили опасныя осложненія и колебанія. Великій князь рѣшился употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить графа Панина, наиболѣе вліятельнаго изъ своихъ противниковъ, присоединиться къ мнѣнію трехъ членовъ, одинаково сочувствовавшихъ проекту редакціонной комиссіи. Константинъ Николаевичъ пригласилъ графа Панина на вечернее совѣщаніе 11 декабря 1860 года въ Мраморный дворецъ и въ помощь себѣ призвалъ бывшаго члена редакціонной комиссіи П. П. Семенова. «Никогда не изгладятся изъ моей памяти,—говоритъ П. П. Семеновъ,—тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ, послѣ двухчасовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось убѣдить графа Панина присоединиться къ мнѣнію меньшинства Комитета, от-

казаться отъ мнѣнія о необходимости предоставить помѣщикамъ вотчинную полицію въ имѣніяхъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній второстепеннаго значенія, хотя Панину и удалось настоять на нѣкоторомъ уменьшеніи надѣловъ отпускаемыхъ на волю крестьянъ, но однако не въ той мѣрѣ, какъ онъ считалъ нужнымъ. Тяжесть труда, подъятаго великимъ княземъ усугублялась еще и тѣмъ, что противъ работъ редакціонной комиссіи кричали люди, къ голосу которыхъ, несмотря на его неосновательность и неосвѣдомленность, прислушивались»... «Утромъ — пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ 14 декабря 1860 г. великій князь—имѣлъ я длинный и весьма непріятный разговоръ съ княземъ Г. про крестьянскій вопросъ. Онъ его не понимаетъ, не знаетъ, что по нему сдѣлано и ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ. Я ни въ чемъ не могъ его переубѣдить...» Такъ относился къ великому вопросу одинъ изъ видныхъ представителей Россіи въ Западной Европѣ, не желавшій понять, что вопросъ этотъ входилъ какъ существеннѣйшая часть, въ знаменитую тогдашнюю формулу: «la Russie ne boude pas—elle se recueille».

Такимъ образомъ, трудъ редакціонной комиссіи былъ въ существенныхъ своихъ частяхъ спасенъ, и Положенія приняты Главнымъ Комитетомъ. Послѣднее соединенное засѣданіе этого Комитета съ Совѣтомъ Министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого государя состоялось 26 января 1861 года. Государь благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ Положеній, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонной комиссіи онъ отозвался, что на нее сильно нападали, но большею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнанію дѣла. Затѣмъ, государь объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15 февраля. «Э т о г о, — сказалъ онъ, — я ж е л а ю, т р е б у ю и э т о п о в е л ѣ в а ю!». 28 января 1861 года принятые Главнымъ Комитетомъ проекты Положеній внесены на обсужденіе общаго собранія Государствен-

наго Совѣта. Засѣданіе это государь открылъ рѣчью, которая, по отзыву Головнина, доказала глубокое пониманіе имъ всей совершаемой реформы и обнаружила при этомъ, по словамъ князя Черкасскаго, такую мудрую твердость воли и такое величавое спокойствіе, что это произвело огромное и всеобщее впечатлѣніе, пришедшееся, быть можетъ, «не всѣмъ по нутру». Эти «не всѣ» въ Государственномъ Совѣтѣ сначала пріуныли, но потомъ стали все-таки готовиться къ борьбѣ путемъ разбитія «Положеній» по мелочамъ. «Противъ насъ,—говорили они,—выстроили цѣлую стѣну, но мы попробуемъ разобрать ее по кирпичикамъ». Этой оппозиціи ожидалъ съ тревогою великій князь. Его даже смущала, какъ видно изъ дневника, «мысль о coup d'Etat, т. е., чтобы государь не пускалъ дѣла въ Совѣтъ, отъ себя объявилъ Положенія и предписалъ къ исполненію». Этого сдѣлать, однако, не пришлось. Сочувствіе государя взглядамъ и направленію своего брата было выражено слишкомъ ясно, и убѣжденное слово послѣдняго одержало окончательную побѣду. Противникамъ освобожденія пришлось ограничиться распусканіемъ слуховъ о предстоящихъ народныхъ волненіяхъ и безпорядкахъ и о гибельныхъ ближайшихъ послѣдствіяхъ реформы. Даже митрополитъ Филаретъ писалъ въ это время: «Говорятъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ было большинство голосовъ въ пользу малаго надѣла земли крестьянамъ, но утверждено мнѣніе меньшинства—въ пользу большого надѣла. Оскудѣніе надолго или не надолго кажется неизбѣжно. Да спасетъ Господь отъ большаго нестроенія», и затѣмъ: «Господи, пощади Царя и спаси насъ! Въ газетѣ «Нордъ» было сказано, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ будутъ употреблены сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ и, между прочимъ, что первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ руцѣ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою!» Все это время дни великаго князя были всецѣло, съ ранняго утра до поздней ночи, посвящены засѣданіямъ Государственнаго Совѣта, совѣщаніямъ съ главнѣйшими авторами положеній и дѣятелями Главнаго Комитета, выработкѣ

первоначальной редакціи Манифеста и объясненіямъ по поводу интригъ противъ благополучнаго окончанія дѣла. — Онъ приглашалъ къ себѣ членовъ царской фамиліи, присутствовавшихъ въ Совѣтѣ, чтобы убѣдить ихъ «быть за одно». Въ его дневникѣ есть слѣдующія знаменательныя отмѣтки: «*31 декабря 1860 года*— въ эту осень, во время крестьянской работы, я особенно ощущалъ на себѣ благодать Божію и въ силахъ тѣлесныхъ, и въ силахъ духовныхъ—и сердце и духъ мой исполнены благодарностью и смиреніемъ предъ этой дивной благодатью». «*28 января 1861 г.*— ради предстоящаго намъ сегодня дѣла, я былъ какъ то особенно молитвенно настроенъ и слезы легко лились и облегчали молитву. Мнѣ пришлось говорить два раза, причемъ я былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидалъ».

Наконецъ, 19 февраля былъ подписанъ приснопамятный манифестъ, и въ обнародованномъ 5 марта особомъ рескриптѣ на имя великаго князя государемъ торжественно и всенародно признано значеніе дѣятельности его въ святомъ дѣлѣ. «Я не забуду, и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Высочество», говорилъ въ рескриптѣ государь, а черезъ девятнадцать лѣтъ, въ день двадцатипятилѣтія своего царствованія, въ рѣчи своей Государственному Совѣту, онъ назвалъ Константина Николаевича «своимъ первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ». «Великій день объявленія освобожденія крестьянъ!—записываетъ въ своемъ дневникѣ Константинъ Николаевичъ *5 марта 1861 г.*, — манифестъ на всѣхъ производитъ чудное впечатлѣніе. Да благословитъ Богъ новое существованіе Россіи, начинающееся съ сегодняшняго дня». Руководство осуществленіемъ великаго преобразованія и надзоръ за нимъ были одновременно съ изданіемъ манифеста возложены на постоянный комитетъ о сельскомъ состояніи и во главѣ его, по праву знанія, труда и заслугъ, поставленъ великій князь. Ему предстояло трудное дѣло охраны вновь созданныхъ отношеній отъ всякаго рода стремленій ослабить и исказить великое дѣло въ его житейскомъ примѣненіи. И онъ бодро и зорко стоялъ на своемъ посту двадцать слѣдующихъ лѣтъ. Участіе въ упраздненіи крѣпостного права составляло въ

радостные дни его жизни отрадное для него воспоминаніе, и
гда исполнилось четверть вѣка со дня этого событія, онъ со-
валъ своихъ старыхъ сотрудниковъ и соратниковъ въ этомъ дѣлѣ
былъ, по словамъ П. П. Семенова, «свѣтелъ и радостенъ, вели-
одушно забывъ все тяжелое и горькое, пережитое имъ въ труд-
ую эпоху его дѣятельности, но ярко возстановляя въ бесѣдѣ
дни свѣтлыя восспоминанія прошлаго».

Когда въ 1862 году императоръ Александръ II хотѣлъ испы-
ать по отношенію къ охватившему Царство Польское революціонному движенію политику значительныхъ уступокъ, придавъ мѣстнымъ учрежденіямъ широкое развитіе и обширныя права, онъ обратился къ своему испытанному сотруднику, и великій князь принялъ званіе намѣстника въ царствѣ. Ему не удалось, однако, среди разгара страстей, бушевавшихъ вокругъ примирительной политики маркиза Велепольскаго, выполнить завѣтъ Жуковскаго и взамѣнъ «стараго спора славянъ» между собою воздвигнуть «радугу мира». Съ огорченіемъ, но со спокойной совѣстью могъ онъ оставить свой тяжкій и отвѣтственный передъ исторіей постъ и занять предложенное ему мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Здѣсь, группируя вокругъ себя выдающихся дѣятелей «эпохи преобразованій», рекомендуя ихъ въ лицѣ Рейтерна, Головнина и другихъ въ ближайшіе сотрудники своему брату, онъ явился просвѣщеннымъ двигателемъ законодательства, перестроивавшаго Россію на новыхъ началахъ справедливости и самоуправленія. При его энергическомъ содѣйствіи, чуткомъ вниманіи и неустанномъ трудѣ осуществилось то, что онъ первоначально намѣчалъ для своего вѣдомства. Это были судебная реформа, отмѣна тѣлесныхъ наказаній по воинскимъ уставамъ и по уложенію о наказаніяхъ. Уже одного этого содѣйствія, вмѣстѣ съ работами по крестьянскому дѣлу, было бы достаточно, чтобы признать право Константина Николаевича на благодарную память потомства. Но и въ другихъ реформахъ Александра II онъ принялъ дѣятельное и вліятельное участіе. Достаточно указать на земское и городовое положеніе и на уставъ объ общей воинской повинности. Защищая начала, вложенныя въ крестьянскую реформу, онъ

настойчиво боролся противъ различныхъ предложеній, исх
дившихъ, между прочимъ, и отъ Валуева, бывшаго въ апоге
своего вліянія, вылившагося впослѣдствіи въ проектѣ о зем
скихъ начальникахъ.

Знатокъ и любитель искусства, живо интересовавшійся всѣм
новымъ въ области науки и современныхъ ему религіозных
движеній, покровитель ученыхъ предпріятій и изслѣдованій
онъ одновременно съ отзывчивымъ на все новое и полезное рук
водствомъ морскими силами Россіи, являлъ собою образъ г
сударственнаго человѣка въ истинномъ и полномъ смыслѣ этог
слова. Его дѣятельность была настоящею службою родинѣ, в
свѣтлое будущее которой онъ глубоко вѣрилъ и ради котора
не стѣснялся возстановлять противъ себя тайныхъ и явных
поклонниковъ отжившаго прошлаго. Эта дѣятельность был
вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленіемъ настоящей любви къ брату
преданности монарху, смерть котораго глубоко и неизлѣчим
поразила его. «Какъ мнѣ странно,—писалъ онъ 2 марта 1882 г
Головнину изъ Парижа,—писать тебѣ не на траурной бумагѣ
Я съ этими черными полосками такъ свыкся въ теченіе года, чт
кажется, что писать на обыкновенной бумагѣ несовмѣстимо с
благоговѣніемъ къ памяти брата. Вчера былъ ровно годъ стра
ному дню—и я убѣдился, что время нисколько не уменьшает
ни тяжести потери, ни боли въ сердцѣ. Я точно во второй раз
пережилъ этотъ ужасный день: весь онъ, часъ за часомъ, про
текалъ въ моемъ воспоминаніи, вызывая ту же боль и то же стра
даніе».

Трагическая кончина Царя-Освободителя лишила великаго
князя не только любимаго брата, но и государственной дѣятель
ности. Зловѣщіе голоса тѣхъ ревнителей отжившаго строя, ко
торые еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ проповѣдывали, что
къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ необходимо поставить точку
слились въ согласный хоръ, приписывавшій осуществленію ве
ликодушныхъ намѣреній усопшаго монарха и его ревностных
помощниковъ развитіе революціоннаго движенія, проявившаго
себя террористическими актами. А такъ какъ реформы эти, раз
виваясь органически и послѣдовательно дополняя одна другую

минуемо должны были завершиться рано или поздно участіемъ законодательствѣ общественныхъ силъ, то великому князю нали ставить въ особую вину то, что онъ не только не скрывалъ своего взгляда на такое значеніе и исходъ реформъ, но въ концѣ шидесятыхъ годовъ даже старался провести его въ особой запискѣ, вшей предметомъ особыхъ совѣщаній, окончившихся безплодно. ри такомъ настроеніи вліятельныхъ сферъ положеніе Константина Николаевича во главѣ законодательства и одной изъ важныхъ отраслей управленія становилось непрочнымъ и грозило ть обреченнымъ на безплодіе, а старое недоброжелательство новь подняло голову и предавалось сладострастію клеветы... ѣтомъ 1881 года великій князь былъ уволенъ отъ всѣхъ воихъ званій и должностей и ему было оставлено лишь предательство въ Русскомъ музыкальномъ обществѣ и въ Комитѣ о раненыхъ. По ироніи судьбы послѣднее имѣло особое наченіе. Онъ самъ былъ раненъ душевно въ своей привычкѣ ъ дѣятельности и къ участію въ судьбахъ родины и обреченъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ того, какъ на дѣлахъ внуренняго управленія сказывалось вліяніе враждебныхъ ему и ужднхъ его взглядамъ людей, и какъ Государственный Совѣтъ остепенно утрачивалъ свое значеніе съ переходомъ многихъ ажныхъ вопросовъ на разрѣшеніе небольшой группы людей, именуемой Комитетомъ Министровъ. Но умственныя силы, не находящія себѣ исхода и заключенныя въ несоотвѣтствующія мъ рамки, дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ не только на уховный, но и на физическій организмъ человѣка. Это случилось и съ Константиномъ Николаевичемъ, и послѣдніе четыре ода его жизни были отравлены тяжелымъ нервнымъ недугомъ, учительно парализовавшимъ его физическія силы и его рѣчь. 3 января 1892 года предъ нимъ предстала смерть, которую онъ огъ бы встрѣтить словами Баратынскаго: «Въ твоей рукѣ олива шра, а не губящая коса».

Пятьдесятъ лѣтъ прошло со времени паденія крѣпостного рава въ Россіи, и образы дѣятелей того времени, освобожденные отъ пристрастнаго и близорукаго суда современниковъ, уже предстали предъ судомъ потомства. Историкъ вели-

чайшаго дѣла во внутренней жизни Россіи за прошлое столѣ
нравственно обязанъ вписать свѣтлое имя великаго кн
Константина Николаевича въ главнѣйшія и лучшія страни
этого дѣла.

IV.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

(Рѣчь въ засѣданіи Академіи Наукъ 15 апрѣля 1912 г.).

Сто лѣтъ назадъ, въ годину грома и молній Отечественной ойны, у насъ родились два человѣка, которымъ суждено было ыграть выдающуюся роль въ родной словесности. Оба горячо каждый по-своему любили Россію. Одинъ, твердый во взгля-ахъ на ея призваніе и нужды и стойкій въ проведеніи въ жизнь воихъ убѣжденій, сыпалъ, какъ кремень, при каждомъ прико-новеніи съ дѣйствительностью искры ума, таланта, любви, не-одованія... Это былъ Герценъ. А другой былъ тотъ, въ чью амять мы собрались здѣсь сегодня и кого хотимъ помянуть. амѣчательно, что въ тотъ же годъ въ Англіи родился Диккенсъ, толь любимый современными ему поколѣніями русскихъ чита-елей и во многомъ сходный съ Гончаровымъ въ пріемахъ и объ-мѣ своего творчества. Только-что говорившій на этой каѳедрѣ кадемикъ Овсянико-Куликовскій уже сказалъ намъ о художни-ѣ великой силы, о бытописателѣ, умѣвшемъ въ яркомъ образѣ тмѣтить такое присущее нашей жизни явленіе, какъ обломов-дина. Но рядомъ и въ неразрывной связи съ творчествомъ писа-еля стоитъ его личность. На ней хочу я преимущественно остано-ится, хотя бы и въ краткомъ очеркѣ. На это даетъ мнѣ право

давнее знакомство съ Гончаровымъ, котораго я видѣлъ и слыша
въ первый разъ еще вскорѣ по возвращеніи его изъ кругосв
наго плаванія. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я снова встрѣти
ся съ нимъ и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизмѣ
нымъ дружескимъ расположеніемъ въ теченіе послѣднихъ пя
надцати лѣтъ его жизни. Въ моемъ жилищѣ хранится толст
пачка его писемъ, полныхъ живого и глубокаго интереса, а
стѣнъ на меня смотрятъ Вѣра съ Маркомъ Волоховымъ и Ма
ринька въ оригинальныхъ рисункахъ Трутовскаго съ посв
щеніемъ ихъ автору «Обрыва», завѣщанные мнѣ послѣдним
Съ мыслью о Гончаровѣ связывается у меня благодарное восп
минаніе о впечатлѣніяхъ юныхъ лѣтъ въ незабвенныя для ру
ской литературы времена, когда, въ концѣ пятидесятыхъ годов
какъ изъ рога изобилія, сыпались чудныя художественны
произведенія,—когда появились «Дворянское гнѣздо» и «Нак
нунѣ», «Тысяча душъ» и «Обломовъ», «Горькая судьбина» и «Гр
за». Не могу, однако, не коснуться свойствъ, условій и содерж
нія его творчества. Обращаясь къ *свойству* послѣдняго, необх
димо отмѣтить его крайній субъективизмъ, т. е. тотъ личный хар
ктеръ, которымъ оно всецѣло проникнуто. Произведенія Гонч
рова прежде всего—изображеніе и отраженіе его житейских
переживаній. Онъ самъ сказалъ: «что не выросло и не созрѣл
во мнѣ самомъ, чѣмъ я самъ не жилъ, то недоступно моему пер
я писалъ свою жизнь и то, что къ ней прирастало». Поэтом
его личность тѣсно связана съ его творчествомъ, и на послѣд
немъ постепенно отражается все, что трогало его душу, как
теплое воспоминаніе, какъ яркая дѣйствительность, или как
захватывающая его мысль и вниманіе картина. Говоря однажд
о Толстомъ, онъ писалъ Валуеву, что Толстой набрасывает
на жизнь широкую сѣть и въ нее захватываетъ разнообразны
явленія и множество лицъ. Но то же самое можно сказать и
немъ самомъ. Зорко приглядываясь и чутко прислушиваяс
къ образамъ и звукамъ «прираставшей» къ нему жизни, он
переживалъ ихъ въ душѣ, и потому въ его произведеніяхъ чув
ствуется не меньше «сердца горестныхъ замѣтъ», чѣмъ «ум
холодныхъ наблюденій»;—потому въ нихъ подъ прозрачно

канью вымысла видятся, какъ и у Толстого, частыя автобіографическія подробности. Вообще, если искать сравненія между крупными русскими писателями, то Гончаровъ ближе другихъ подходитъ къ Толстому, и у него, какъ у Толстого, почти отсутствуетъ юморъ. Изображая жизнь, онъ, конечно, не могъ не отмѣчать вызывающихъ улыбку или смѣхъ людей, встрѣчавшихся ему на жизненномъ пути или перевоплощаемыхъ имъ въ своихъ произведеніяхъ. Обломовскій Захаръ, вѣстовой на «Палладѣ», «слуги», содержатъ въ себѣ черты неподдѣльнаго комизма. Но это лишь плодъ тонкой наблюдательности Гончарова. Тамъ же, гдѣ онъ пытался создавать сложныя комическія положенія, это ему не удавалось. Достаточно припомнить слабый въ художественномъ отношеніи и почти каррикатурный образъ Крицкой въ «Обрывѣ». Написавъ большой юмористическій разсказъ «Иванъ Савичъ Поджабринъ», Гончаровъ потомъ самъ отъ него открещивался и не допустилъ перепечатки его въ полномъ собраніи своихъ сочиненій. У него, какъ и у Толстого (Толстого первой половины его творчества), нѣтъ въ произведеніяхъ политическихъ или общественныхъ вопросовъ, которые ставились бы или разрѣшались авторомъ. И это потому, что Толстого болѣе всего интересовала нравственная природа человѣка вообще, независимо отъ условій, въ которыхъ ей суждено проявляться, а Гончаровъ стремился изобразить національную природу русскаго человѣка, народныя его свойства, независимо отъ того или иного общественнаго положенія. Поэтому, вѣроятно, Гончаровъ менѣе другихъ выдающихся русскихъ писателей былъ понятенъ иностранцамъ, и лишь много лѣтъ спустя послѣ его кончины на него обратилъ вниманіе германской публики талантливый писатель Евгеній Цабель, а уже въ самые послѣдніе годы имъ стала заниматься и восхищаться итальянская критика. Можетъ быть, нѣкоторымъ сходствомъ въ творчествѣ объясняется и то особенно теплое чувство, съ которымъ отзывался при мнѣ Толстой о Гончаровѣ въ 1887 году въ Ясной Полянѣ, прося меня передать ему сердечный привѣтъ и выраженіе особой симпатіи, несмотря на весьма малое съ нимъ личное знакомство.

Другой особенностью, свойственной творчеству Гончарова,

была *выношенность* его произведеній, благодаря которой «Обломовъ» и «Обрывъ»—въ особенности второй—писались долгіе годы и появлялись сначала въ видѣ отдѣльныхъ, имѣвшихъ цѣлостный характеръ, отрывковъ. Такъ, «Обломову» за нѣсколько лѣтъ предшествовалъ «Сонъ Обломова», а «Обрыву» — тоже за много лѣтъ—«Софья Николаевна Бѣловодова». Онъ точно слѣдовалъ рецепту замѣчательнаго художника-живописца Ѳедотова: въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ настояться; художникъ-наблюдатель—то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разлить во-время. Медлительному, но творческому духу Гончарова была несвойственна лихорадочная потребность высказываться по возможности немедленно, и этимъ въ значительной степени объясняется гораздо меньшій успѣхъ «Обрыва» сравнительно съ двумя первыми его романами; русская жизнь опередила медлительную отзывчивость художника. Ему было свойственно страдальчески переживать тяжелыя муки рожденія своихъ произведеній. Онъ часто сомнѣвался въ себѣ, падалъ духомъ, бросалъ написанное и принимался за начатое произведеніе снова, то не довѣряя своимъ силамъ, то пугаясь разгара своей фантазіи. Такъ, онъ писалъ въ 1868 году М. М. Стасюлевичу: «Морально вы осмысливали мой трудъ («Обрывъ»), предсказывая его значеніе, и поселили и во мнѣ вмѣсто прежней недовѣрчивости къ самому себѣ нѣкоторую увѣренность къ написанному и бодрость идти дальше. Теперь я смѣлѣе гляжу впередъ—и плодомъ этого то, что все стоитъ у меня въ головѣ готовое, какъ будто то, что крылось такъ долго гдѣ-то внутри меня, вдругъ высыпало, какъ сыпь, наружу. Ахъ, если бъ совсѣмъ ужъ въ теченіе лѣта нарвало и прорвалось! Какъ это нужно! Тогда бы я оправдался и передъ публикой въ долгомъ молчаніи. Теперь вся перспектива открылась предо мною до самой будущей могилы Райскаго съ желѣзнымъ крестомъ, обвитымъ терніемъ». Въ томъ же году онъ писалъ тому же: «У меня мечты, желанія, молитвы Райскаго кончаются, какъ въ музыкѣ, торжественнымъ аккордомъ, апоѳеозомъ родины, Россіи, Божества и любви. Я просто боюсь этого небывалаго у меня притока фантазіи, боюсь, что маленькое перо мое не выдержитъ, не поднимет-

я на высоту моихъ идеаловъ». Но онъ, однако, зналъ цѣну этихъ
ук творчества. Когда въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ
очетный академикъ К. Р. сообщилъ ему, что трудится надъ
ольшой поэмой, которая стоитъ ему неимовѣрныхъ усилій,
радостныхъ мгновеній, то минутъ отчаянія, онъ отвѣчалъ: «Вотъ
ти-то минуты отчаянія и суть залоги творчества! Это глубоко
адуетъ меня... Если бъ ихъ не было, а было одно только доброе
прекрасное, тогда хоть перо клади».

Къ *условіямъ* творчества Гончарова, кромѣ его медлительно-
ти, относилась и тяжесть самого труда, какъ орудія творчества.
Сомнѣнія автора касались не только существа его произведеній,
но и самой формы въ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Это дока-
зываютъ его авторскія корректуры, которыя составляли, подоб-
но корректурамъ Толстого, истинную муку редакторовъ. Въ
нихъ вставлялись и исключались обширныя мѣста, по нѣскольку
ку разъ передѣлывалось какое-либо выраженіе, переставлялись
слова, и уже подписанная къ печати корректура внезапно тре-
бовалась обратно для новой переработки. Поэтому рабочая
сторона творчества доставалась ему тяжело. «Я служу искусству,
какъ запряженный волъ»,—писалъ онъ Тургеневу. Вспоминая
свою литературную дѣятельность, онъ сказалъ мнѣ въ 1880
году: «Помните, что говоритъ у Пушкина старый цыганъ Алеко:
«ты любишь горестно и трудно, а сердце женское шутя», вотъ
такъ и я пишу—горестно и трудно, а другимъ оно дается шутя».
Эта «горестная и трудная» работа для успѣха своего нуждалась
и въ особой обстановкѣ. Съ одной стороны, онъ—русскій чело-
вѣкъ до мозга костей—не былъ способенъ къ размѣренному,
распредѣленному на порціи труду—по столько-то страницъ
въ день, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Золя, а съ другой стороны,
когда внѣшнія обстоятельства и личное настроеніе складывались
гармонически, онъ былъ способенъ работать запоемъ. Изъ
письма его къ С. А. Никитенко въ 1868 году изъ Киссингена
оказывается, что онъ, засѣвъ за «Обрывъ» послѣ разныхъ коле-
баній, написалъ въ двѣ недѣли своимъ убористымъ и мелкимъ
почеркомъ 62 листа кругомъ, что должно составить отъ 12 до 14
печатныхъ листовъ. При этомъ, однако, онъ нуждался въ абсолют-

ной тишинѣ. «Въ моей работѣ,—писалъ онъ Стасюлевичу и
Маріенбада—мнѣ нужна простая комната, съ голыми стѣнам
чтобы ничто даже глазъ не развлекало, а главное—чтобы ту
не проникалъ ни одинъ внѣшній звукъ, чтобы вокругъ бы
могильная тишина, и чтобы я могъ вглядываться и вслушива
ся въ то, что происходитъ во мнѣ, и записывать. Да—тиши
безусловная и только». А затѣмъ онъ извѣщалъ Стасюлевич
что противъ него поселилась какая-то «чортова кукла» и пове
гла его въ полное бездѣйствіе почти непрерывной въ течев
дня игрой на фортепіано.

Къ условіямъ творчества Гончарова надо отнести отсутств
полной свободы для литературныхъ занятій. Онъ не былъ обе
печенъ матеріально, какъ Толстой и Тургеневъ, а этого обезп
ченія литературный трудъ, даже въ самомъ разгарѣ писател
ства Гончарова, давать не могъ даже для скромной жизни. Д
статочно сказать, что за уступку авторскаго права на всѣ сво
сочиненія въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ получил
всего 16.000 рублей. Современные гонорары писателямъ, далек
не имѣющимъ значенія Гончарова, показались бы въ то врем
совершенно баснословными. Поэтому ему приходилось служит
и слѣдовательно отдавать значительную часть своего времен
государственной службѣ. Ему пришлось занимать мѣсто цензо
ра, быть редакторомъ офиціальной «Сѣверной почты» и окончит
службу по выслугѣ скромной пенсіи въ званіи члена Главнаг
Управленія по дѣламъ печати. Къ своимъ служебнымъ обязан
ностямъ онъ относился, какъ человѣкъ строгаго долга, глубок
добросовѣстно въ смыслѣ труда и съ благородной самостоятель
ностью мнѣній, всегда направленныхъ на защиту мысли, даро
ваній и правды. Это было не легко и требовало усиленной пись
менной работы. Въ дневникѣ Никитенко содержатся неодно
кратныя указанія на его дѣятельность въ этомъ именно смыслѣ.
Обнародованные въ послѣднее время доклады его въ Главномъ
Управленіи показываютъ, съ какой настойчивой убѣдительностью
и искусствомъ приходилось ему оберегать литературную ниву
отъ того, чтобы она не обратилась въ «поле, усѣянное мертвыми
костями». А между тѣмъ его думу и душу тянуло къ писатель-

тву. Онъ самъ говоритъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ на томъ поприщѣ: «Чтеніе и писаніе (лично для себя) выработало мнѣ перо и сообщило, безсознательно, писательскіе пріемы и практику. Чтеніе было моей школой, литературные кружки того времени сообщали мнѣ практику, т. е. я присматривался ко взглядамъ, направленіямъ и т. д. Тутъ я только, а не въ одиночномъ чтеніи и не на студенческой скамьѣ, увидѣлъ—не безъ грусти—какое безпредѣльное и глубокое море литература, со страхомъ понялъ, что литератору, если онъ претендуетъ не на дилетантизмъ въ ней, а на серьезное значеніе, надо положить въ это дѣло путь не всего себя и не всю жизнь».

Наконецъ, на творчество его вліяли и физическіе недуги. Нервная воспріимчивость, сидячая по необходимости жизнь и сильная склонность къ простудѣ отражались на его настроеніи иногда въ чрезвычайно сильной степени. До чего это доходило—видно изъ письма его къ Стасюлевичу въ 1868 году изъ Киссингена: «Подулъ холодъ,—пишетъ онъ—нашли тучи, и все это легло мнѣ на душу, и опять наверхъ всплыли мутные подонки, и опять я бросилъ перо, повѣсилъ голову и сталъ видѣть скверные, преслѣдующіе меня, сны; опять дружескія лица стали обращаться во враговъ и кивать мнѣ изъ-за угловъ. Мнѣ опять стало душно, захотѣлось и въ воду и въ огонь, и въ новый свѣтъ бѣжать и даже уйти совсѣмъ на тотъ свѣтъ. Стоитъ ли писать дальше?»

Переходя къ *содержанію* творчества, мы видимъ въ немъ полное подтвержденіе заявленія Гончарова о томъ, что онъ писалъ только то, что переживалъ, что чувствовалъ, что самъ близко видѣлъ и зналъ. Поэтому главнѣйшія его произведенія не имѣютъ въ себѣ ничего условнаго, отвлеченнаго или фантастическаго и вообще ничего или почти ничего сочиненнаго. Это все художественные отклики на жизнь, почерпнутые изъ реальной дѣйствительности. Сначала въ нихъ содержится личное переживаніе, «Обыкновенная исторія», затѣмъ рисуется типическое явленіе русской жизни—«Обломовщина»,—наконецъ въ «Обрывѣ» развертывается обширная бытовая картина съ выхваченными изъ жизни лицами, группирующимися вокругъ «бабушки», за которою автору видится другая великая бабушка—

Россія. Содержаніе «Обыкновенной исторіи» несложно: недаром она обыкновенная. Маменькинъ сынокъ, идеалистъ и романтикъ явившись въ Петербургъ къ прозаическому и положительному дядѣ, горячо—болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ—воюетъ з жизнь, какою онъ ее себѣ представлялъ, противъ жизни, кака ему является въ дѣйствительности, и подъ конецъ не только признаетъ себя побѣжденнымъ, но и смѣется вмѣстѣ съ дяде надъ своими заблужденіями. Споръ съ дядей переходитъ довольн быстро въ согласный дуэтъ, гармонію котораго нарушаетъ лиш скорбный образъ дядиной жены, вянущей и угасающей в атмосферѣ роскоши и бездушнаго довольства призрачны благами жизни. Но не представляетъ ли этотъ романъ — осо бенно въ первой его части —личныя переживанія Гончарова нѣчто *приросшее* къ нимъ? Вѣдь и онъ родился въ мирномъ угол кѣ, гдѣ жизнь текла лѣниво и почти неслышно.

...«Самая наружность родного города—пишетъ онъ въ сво ихъ воспоминаніяхъ — не представляла ничего другого, кром картины сна и застоя. Тѣ же, большею частью деревянны посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, с садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густ заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы; тѣ ж деревянные тротуары, съ недостающими досками, та же пусто та и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли Вся улица слышитъ, когда за версту ѣдетъ телѣга или стучит сапогами по мостовой прохожій. Такъ и хочется заснуть самому глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными шторам и жалюзи, на сонныя физіономіи сидящихъ по домамъ или попа дающіяся на улицѣ лица. «Намъ нечего дѣлать!—зѣвая, думаетъ кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ.—Мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ!» Тѣ ж воспоминанія говорятъ намъ, какъ пошли затѣмъ годы ученія въ Москвѣ—тоже спокойно, безъ сучка и задоринки... Все было патріархально и просто, ходили въ университетъ какъ къ источ нику за водой, запасались ученіемъ, кто какъ могъ и, кончив свои годы, расходились. Московскіе уголки и затишье, отдален ные отъ шума и суетъ, были удобны тѣмъ, что студенты жил

каждый своей особой жизнью, не отвлекаясь отъ занятій ничѣмъ постороннимъ, а затѣмъ наступилъ возвратъ въ родную Обломовку. «Меня охватило,—разсказываетъ Гончаровъ — какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей, конечно, испытывали сладость возвращенія, послѣ долгой разлуки, къ роднымъ, и поймутъ, что я на первыхъ порахъ весь отдался самой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе мѣшаютъ пожелать чего-нибудь: все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда—и всѣ не наглядятся на меня».

Тамъ, въ этой обстановкѣ, среди неприхотливаго dolce far niente, забывая немногое, чему научился теоретически, и лѣниво предаваясь маниловскимъ мечтамъ, Гончаровъ могъ бы войти въ обычную колею обломовщины... Но натура его, богато одаренная и возвышенная, энергическая и живая, съ этимъ примириться не могла. Онъ жаждалъ новизны и чувствовалъ, что «даль зоветъ». Этой далью на первое время былъ Петербургъ, городъ, гдѣ, по мнѣнію нѣмецкаго писателя, «улицы всегда мокры, а сердца всегда сухи», городъ, уподобляемый громадной кузницѣ, въ которой почти неизбѣжно или обожжешься или замараешься. Здѣсь Гончарову пришлось позабыть привольное житье въ родныхъ палестинахъ. Оказалось нужнымъ начать учиться вновь и переучиваться, и пробиваться среди новыхъ встрѣчъ и отношеній. Въ письмахъ и воспоминаніяхъ его объ этомъ времени подчасъ слышится, что для него столица сыграла роль Адуева-старшаго. Вотъ почему, когда представился случай уѣхать вокругъ свѣта, онъ, уже обжившійся въ Петербургѣ, уже занявшій видное мѣсто въ литературѣ, съ радостью ухватился за возможность его покинуть и освѣжить свои впечатлѣнія.

«Обыкновенная исторія» была своего рода эпопеей личности, приходящей въ столкновеніе съ прозой жизни. Но русская жизнь, пробуждаясь отъ многолѣтняго сна и застоя, являла не одну

прозу. Изъ ея нѣдръ слышался призывъ къ развитію этой личн
сти, къ дѣятельности, къ борьбѣ съ косностью. На этотъ зов
жизни Гончаровъ отозвался другой эпопеей, но въ болѣе шир
кихъ рамкахъ распространеннаго явленія природы русскаг
человѣка. И это былъ—Обломовъ. Но жизнь шла впередъ. Въ не
происходила борьба стараго съ новымъ, чувствовался переломъ
и было очевидно, что старый бытъ уходитъ. Гончаровъ никогд
не отрицалъ темныхъ сторонъ этого быта, но онъ умѣлъ цѣнить
любить его добрыя патріархальныя стороны, и совершавшійс
на его глазахъ переломъ не могъ не вызвать въ немъ любящаг
прощальнаго взгляда на то доброе, что уходило изъ русско
жизни безвозвратно. Да и «сѣть» не могла оставаться праздной,
онъ рѣшился закинуть ее въ знакомомъ ему уголкѣ родины. Он
самъ говоритъ объ Обрывѣ: «На многихъ пигмеяхъ, въ крошечном
озерѣ, отразилось состояніе броженія, въ которомъ находилас
Россія, и происходившая борьба стараго съ новымъ. Я слѣдилъ з
отраженіемъ этой борьбы на знакомомъ мнѣ уголкѣ, на знакомых
лицахъ». Настоящей героиней романа, конечно, является Вѣра,
около нея, въ лучахъ ея образа блѣднѣетъ центральная фигур
всего повѣствованія—Райскій. Въ изображеніи Вѣры слышатс
житейскія переживанія самого Гончарова. Между петербургско
свѣтской дѣвицей тѣхъ годовъ, когда Гончаровъ пріѣхалъ въ сто
лицу и сталъ наблюдать, и Вѣрой шестидесятыхъ годовъ—цѣлая
пропасть. Одна—Наденька изъ «Обыкновенной исторіи», кисей
ная барышня и красивая «букашка», безвольно подчиняющаяс
окружающему укладу и указкѣ старшихъ; другая—по объясне
нію самого автора, «жертва въ борьбѣ старой жизни съ новой,
знающая, что отжило въ старой, и тоскующая по свѣжей, осмы
сленной жизни, по новой правдѣ». Одна — вся въ рутинѣ про
шлаго, другая—на порогѣ неизвѣстнаго, но манящаго будущаго,
и между ними въ лицѣ Ольги изъ «Обломова» — чистое и гордое
существо съ ея безплодной жертвой и торжественнымъ «никогда!»
разбивающимся о нравственную дряблость Ильи Ильича. Въ
возвышенномъ образѣ Вѣры, готовой на жертву безусловно, со
всею полнотою любви, и горячо отвергающей условную любовь
«на срокъ», Гончаровъ изобразилъ свой идеалъ русской женщины.

Онъ явился глубокимъ и горячимъ защитникомъ равноправія въ любви и въ оцѣнкѣ того, что принято называть «паденіемъ женщины». Въ своихъ малоизвѣстныхъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1895 года, Гончаровъ подробно разъясняетъ эту сторону своего «Обрыва»: «Меня давно, смолоду, занималъ одинъ изъ важныхъ, вопіющихъ по своей несправедливости вопросовъ, это вопросъ о такъ называемомъ *паденіи* женщинъ. Меня всегда поражали: во-первыхъ, грубость въ понятіи, которымъ опредѣлялось это паденіе, а во-вторыхъ, несправедливость и жестокость, обрушиваемыя на женщину за всякое паденіе, какими бы обстоятельствами оно ни сопровождалось,—тогда какъ о паденіи мужчины вовсе не существуетъ вопроса. Паденіе женщинъ опредѣляютъ обыкновенно извѣстнымъ фактомъ, не справляясь съ предшествующими обстоятельствами: ни съ лѣтами, ни съ воспитаніемъ, ни съ обстановкой, ни вообще съ судьбой виновной дѣвушки. Ранняя молодость, сиротство или отсутствіе руководства, экзальтація нервической натуры—ничто не не извиняетъ жертву,—и она теряетъ всѣ женскія права на всю жизнь и нерѣдко, въ безнадежности и отчаяніи, скользитъ дальше по тому же пути. Между тѣмъ общество биткомъ набито такими женщинами, которыхъ рѣшетка тюрьмы, то есть страхъ, строгость узды, а иногда и еще хуже—расчетъ на выгоды—уберегли *отъ факта*, но которыя тысячу разъ падали и до замужества и въ замужествѣ, тратя всѣ женскія чувства на всякаго встрѣчнаго въ раздражительной игрѣ кокетства, легкомыслія, празднаго тасканія, притворныхъ нѣжностей, взглядовъ и т. п., куда уходитъ все, что есть умнаго, тонкаго, честнаго и правдиваго въ женщинѣ. Мужчины тоже съ своей стороны поддерживаютъ это и топятъ молодость въ чаду разгула страстей и всякой нетрезвости, а потомъ гордо являются къ брачному вѣнцу, съ болѣзненнымъ или изношеннымъ организмомъ, послѣдствіями котораго награждаютъ свою дѣвственную подругу и свое потомство, какъ будто для насъ, неслабаго пола, чистота нравовъ вовсе необязательна». Такимъ образомъ еще въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ о добрачномъ цѣломудріи мужчинъ, разработанный скандинавскими писателями и въ особенности Бьернстіерне-Бьернсономъ въ его

«Перчаткѣ», былъ поставленъ въ русской литературѣ слишком сорокъ лѣтъ назадъ Гончаровымъ.

На ряду съ такими драгоцѣнными вкладами въ нашу словесность, какъ «Обыкновенная исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ», въ литературныя произведенія Гончарова вкраплены необыкновенно живыя воспоминанія, полныя яркихъ красокъ и живой наблюдательности. Таковы, напримѣръ, «Слуги» и въ особенности «Фрегатъ Паллада». Сюда же надо отнести блестящій критическій анализъ «Горя отъ ума», «Милліонъ терзаній», содержащій въ себѣ никѣмъ до сихъ поръ не превзойденную по тонкости и глубинѣ оцѣнку Чацкаго, который «сломленъ *количествомъ* старой силы, нанеся ей смертельный ударъ *качествомъ* силы свѣжей». Но если бы Гончаровъ написалъ лишь одного «Обломова», то и этого было бы достаточно, чтобы признать за нимъ непререкаемое право на одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ первомъ ряду русскихъ писателей. Его Обломовъ такъ же безсмертенъ, какъ Чичиковъ, и такъ же, какъ онъ, мѣняетъ обличье и обстановку, оставаясь однимъ и тѣмъ же въ существѣ. Современный Чичиковъ, конечно, давно уже продалъ и, вѣроятно, весьма выгодно, свою бричку и разстался съ Селифаномъ. Онъ ѣздитъ въ купэ перваго класса скорыхъ поѣздовъ, состоитъ членомъ какой-нибудь торговой компаніи или кредитнаго товарищества и промышляетъ не мертвыми душами, а искусственно вздутыми акціями для составленія фиктивнаго складочнаго капитала «общества прикосновенія къ чужой собственности», какъ выражался покойный Горбуновъ. И Обломовъ уже не лежитъ на диванѣ и не пререкается съ Захаромъ. Онъ возсѣдаетъ въ законадательныхъ или бюрократическихъ креслахъ и своей апатіей, боязнью всякаго почина и лѣнивымъ непротивленіемъ злу сводитъ *на нѣтъ* вопіющіе запросы жизни и потребности страны,—или же усѣлся на безплодно и безцѣльно накопленномъ богатствѣ, не чувствуя никакого побужденія притти на помощь развитію производительныхъ силъ родины, постепенно отдаваемой въ эксплоатацію иностранцамъ.

Нужно ли говорить о прекрасномъ языкѣ Гончарова, богатомъ

красками, сильномъ и сочномъ? Если сравнивать писателя съ художникомъ-живописцемъ, то широкая кисть Гончарова скорѣе всего напоминаетъ Рубенса, какъ нѣжные и плѣнительные контуры Тургенева напоминаютъ письмо Рафаэля, а яркіе образы Толстого—«свѣтотѣнь» Рембрандта.

Оцѣнка литературной дѣятельности Гончарова была не всегда одинакова. Онъ испыталъ и общее, почти восторженное признаніе, и холодность невниманія, и тупость непониманія, и то, что называется succès d'estime. Привѣтствуемый, хотя и не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, Бѣлинскимъ, авторъ «Обыкновенной исторіи», «Обломова» и «Фрегата Паллады» сдѣлался любимцемъ читателей и за свои произведенія и за тотъ внутренній смыслъ Обломова, который былъ указанъ и разъясненъ Добролюбовымъ. Но «Софья Николаевна Бѣловодова» была принята холодно, а къ «Обрыву» критика отнеслась во многихъ случаяхъ съ суровостью совершенно незаслуженнаго разочарованія. Нашлись рецензенты, силившіеся дать почувствовать «маститому» автору, что Тарпейская скала находится недалеко отъ Капитолія. Ему не пришлось, подобно Тургеневу за «Отцовъ и дѣтей» и Достоевскому за «Преступленіе и наказаніе», выслушать тупые и злобные упреки въ оклеветаніи молодого поколѣнія,—это было бы въ концѣ шестидесятыхъ годовъ уже устарѣлымъ пріемомъ,—но пришлось узнать, что онъ пѣвецъ крѣпостного права, что онъ не понимаетъ и совершенно не знаетъ русскаго человѣка и русской жизни и на ряду съ этимъ выслушать упрекъ въ томъ, что, рисуя образъ своей «бабушки», онъ дошелъ до того, что «даже не пощадилъ ея святыхъ сѣдинъ».

Къ этимъ внѣшнимъ терніямъ, язвившимъ его впечатлительную душу («съ такой натурой, какъ моя, — писалъ онъ Стасюлевичу — нужна не кропива смѣха и не грубые удары всевозможныхъ бичей»), присоединялись и другіе, внутренніе, коренившіеся въ болѣзненномъ настроеніи этой души. Среди нихъ первое мѣсто занимало жившее въ ней чувство къ Тургеневу, если и не прямо враждебное, то во всякомъ случаѣ полное крайняго недовѣрія, смѣшаннаго съ какою-то смутною боязнью. О причинахъ разлада двухъ видныхъ русскихъ художни-

ковъ существуетъ много легендъ, но ни одна изъ нихъ не уясня
етъ основного источника этого разлада. О зависти здѣсь не могло
быть и рѣчи: каждый изъ нихъ представлялъ большую само
довлѣющую величину, и Гончаровъ не отрицалъ крупнаго
таланта Тургенева. Нѣкоторые предполагали, что разладъ
начался послѣ того, какъ въ Базаровѣ Гончаровъ усмотрѣлъ
предвосхищеніе созрѣвавшаго у него образа Марка Волохова,
съ которымъ онъ познакомилъ Тургенева въ концѣ пятидесятыхъ
годовъ, когда они еще встрѣчались за границей. Съ этого, будто
бы, времени начались жалобы Гончарова на то, что Тургеневъ—
непосредственно и черезъ знакомыхъ—выпытываетъ у него
сюжеты задуманныхъ произведеній и пользуется ими для себя и
для своихъ иностранныхъ литературныхъ друзей. Такая болѣе
чѣмъ странная причина разлада во всякомъ случаѣ должна
была возникнуть гораздо ранѣе появленія «Отцовъ и дѣтей»,
такъ какъ еще въ 1860 году въ «Искрѣ» (№ 19 отъ 20 мая) напеча-
тано было стихотвореніе *Обличительнаго поэта* (Д. Минаева)
«Парнасскій приговоръ», въ которомъ русскій писатель ,«вялый и
лѣнивый, неподвижный, какъ Обломовъ, вставъ безмолвно и
угрюмо, окруженный тучей гномовъ», приноситъ богамъ жалобу
на собрата и говоритъ: «Онъ, какъ я, писатель старый, издалъ
онъ романъ недавно, гдѣ сюжетъ и планъ разсказа у меня укралъ
безславно... у меня герой въ чахоткѣ; у него портретъ того же;
у меня Елена имя; у него—Елена тоже. У него всѣ лица такъ же,
какъ въ моемъ романѣ, ходятъ, пьютъ, болтаютъ, спятъ и лю-
бятъ»... Парнасскій судъ рѣшаетъ обречь виновнаго играть нѣ-
мую роль купца въ «Ревизорѣ» (зимою 1859 - 60 года въ спек-
такляхъ, устроенныхъ литературнымъ фондомъ въ Пассажѣ, Тур-
геневъ, дѣйствительно, появился въ группѣ купцовъ, которымъ
городничій—Писемскій—говоритъ: «жаловаться, аршинники, са-
моварники?!»), а жалобщика обрекаетъ поѣхать путешествовать
вокругъ свѣта для написанія въ дорогѣ новаго творенія. Отсюда
видно, что о жалобахъ Гончарова на Тургенева было извѣстно
уже въ началѣ 1860 года. Быть можетъ, это ревнивое отношеніе
къ произведеніямъ Тургенева явилось у Гончарова и раньше,
такъ какъ въ одномъ изъ писемъ къ Никитенко онъ намекаетъ,

что бабушка Татьяна Марковна въ «Обрывѣ» была задумана гораздо раньше, чѣмъ тетушка Лизы, Марфа Тимофеевна, въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 28 марта 1859 года онъ писалъ: «Сценѣ бабушки и внучки вы дружески и великодушно пожертвовали довольно слабой сценой вашей повѣсти». Такимъ образомъ, повидимому, ревнивый разладъ съ Тургеневымъ начался давно и при томъ безъ всякаго основанія, такъ какъ однородныя явленія жизни, воспринимаемыя самостоятельными художниками, могли создавать въ ихъ душѣ сходные въ существѣ, различные во внѣшнихъ проявленіяхъ образы. А въ виду глубины ихъ таланта и творческой силы, ни одинъ изъ нихъ не нуждался въ какихъ-либо заимствованіяхъ. Извѣстно, что Тургеневъ, въ силу какихъ-то неуловимыхъ особенностей и мягкости своего характера, вызывалъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе въ своей искренности и этими своими свойствами возбуждалъ противъ себя. Достаточно припомнить злобный памфлетъ Достоевскаго въ «Бѣсахъ», ссору Тургенева съ Толстымъ, отзывъ о немъ Додэ въ «Trente ans de Paris». Чѣмъ-нибудь изъ этихъ своихъ свойствъ онъ, вѣроятно, безсознательно уязвилъ и Гончарова, и на этой почвѣ у послѣдняго выросла такъ называемая навязчивая идея, подобная той, которой, какъ нынѣ оказывается, страдалъ драматургъ Стриндбергъ. Такая идея, какъ извѣстно, сначала является лишь временами, отгоняемая разсудкомъ, но затѣмъ разсудокъ перестаетъ съ нею бороться, и она овладѣваетъ вполнѣ сознаніемъ своей жертвы и образуетъ своего рода безумный кругъ представленій, въ которомъ уже все ей подчиняется и ею внушается... Такъ было и съ Гончаровымъ, который вообще отличался мнительностью. Это состояніе его, какъ видно изъ писемъ къ С. А. Никитенко, дошло до своего апогея въ 1868 году, когда, подъ вліяніемъ встрѣчъ за границей съ какими-то русскими дамами, которыя, догадываясь о его больномъ мѣстѣ, бередили своими намеками его душевную рану и «для потѣхи возбуждали чуть затаившійся пожаръ», онъ даже хотѣлъ прекратить печатаніе «Обрыва», содержаніе котораго будто бы уже передано Ауэрбаху и будетъ использовано послѣднимъ въ его новомъ романѣ. Подъ вліяніемъ этого состоянія онъ написалъ въ 1868

году Стасюлевичу: «Вы знаете, чего я хотѣлъ въ своемъ сочиненіи, какія честныя мысли, добрыя намѣренія руководили мной, и какъ много теплой любви къ людямъ и къ своей странѣ разлито въ этомъ моемъ фантастическомъ уголкѣ Россіи, въ его людяхъ и т. д.—И вдругъ—не только безучастіе, а какой-то злой смѣхъ, глупая вражда вмѣсто ласки и участія—еще до появленія труда привѣтствуютъ меня. Хочется мнѣ поскорѣй кончить и отдать вамъ, чтобы поскорѣе покраснѣли хоть немного тѣ, которые, ничего во мнѣ не понимая и не допуская никакой исключительности въ натурѣ, ничего не нашли другого, кромѣ злого и грубаго смѣха, да еще предали меня заживо въ чужія руки на глумленіе и на съѣденіе». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Мнѣ хочется сказать въ Райскомъ все, что я говорилъ вамъ о себѣ лично. Вы знаете, какой я дикій, какой сумасшедшій...—а я больной, загнанный, затравленный, непонятый никѣмъ и нещадно оскорбляемый самыми близкими мнѣ людьми,—даже женщинами, всего болѣе ими, кому я посвятилъ такъ много жизни и пера... Жду утѣшенія только отъ своего труда: если кончу его — этимъ и успокоюсь и тогда уйду, спрячусь куда-нибудь въ уголъ и буду тамъ умирать. Къ несчастью, судьба не дала мнѣ своего угла, хоть небольшого; нѣтъ никакого гнѣзда, ни дворянскаго, ни птичьяго, и я самъ не знаю, куда я дѣнусь»... Послѣдній отголосокъ этого состоянія видѣлъ и я, когда лѣтомъ 1880 года въ Дуббельнѣ, ссылаясь на трудность пріобрѣтенія и дороговизну ставшаго рѣдкостью «Обломова», я уговаривалъ его издать полное собраніе своихъ сочиненій. «Такой совѣтъ мнѣ могъ бы дать,—сказалъ мнѣ, мрачно потупясь, Гончаровъ — лишь недругъ: развѣ вы хотите, чтобы меня стали обвинять въ томъ, что я обокралъ Тургенева?!» Мнѣ стало ясно, что навязчивая идея завершила свой кругъ... Послѣ смерти Тургенева эта болѣзненная мнительность прошла. Гончаровъ пересталъ иносказательно говорить о Тургеневѣ и въ отзывахъ сталъ отдавать ему справедливость. Такъ, уже черезъ годъ послѣ кончины послѣдняго, онъ писалъ почетному академику К. Р.: «Тургеневъ воспѣлъ и описалъ въ «Запискахъ охотника» русскую природу и деревенскій бытъ, какъ никто», а въ

1887 году, говоря о «безбрежномъ, неисчерпаемомъ океанѣ поэзіи», писалъ, что «въ него надо чутко всматриваться и вслушиваться съ замирающимъ сердцемъ и заключать точныя примѣты поэзіи въ стихъ или прозу—это все равно: стоитъ вспомнить Тургеневскія стихотворенія въ прозѣ».

Тѣ, кто встрѣчалъ лишь изрѣдка Гончарова или предполагалъ найти въ немъ живое воплощеніе одного изъ его наиболѣе яркихъ образовъ, охотно отождествляли его съ Обломовымъ, тѣмъ болѣе, что его грузная фигура, медлительная походка и спокойный, слегка апатичный взоръ красивыхъ сѣро-голубыхъ глазъ давали къ этому нѣкоторый поводъ. Но въ дѣйствительности это было не такъ. Подъ спокойнымъ обличьемъ Гончарова укрывалась отъ нескромныхъ или назойливо-любопытныхъ глазъ тревожная душа. Главныхъ свойствъ Обломова—задумчивой лѣни и лѣниваго бездѣлья—въ Иванѣ Александровичѣ не было и слѣда. Весь зрѣлый періодъ своей жизни онъ былъ большимъ труженикомъ. Его переписка могла бы составить цѣлые томы, такъ какъ онъ поддерживалъ корреспонденцію съ близкими знакомыми часто и аккуратно, при чемъ письма его представляютъ прекрасные образцы того эпистолярнаго рода, который былъ привыченъ людямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Это была неторопливая бесѣда человѣка, который не только хочетъ подробно и искренно подѣлиться своими мыслями и чувствами и разсказать о томъ, что съ нимъ происходитъ, но и вызвать своего собесѣдника рядомъ вопросовъ участливаго вниманія и мирныхъ шутокъ на такое же повѣствованіе. Современный человѣкъ почти уже не знаетъ подобныхъ писемъ. Все свелось къ дѣловой краткости и телефонному или, вѣрнѣе, телеграфному стилю для того, что называется «констатированіемъ фактовъ». Среди дѣловой суеты и нервно-мятущейся жизни всѣмъ стало некогда, и старый «обмѣнъ мыслей» замѣнился лаконичностью открытаго письма. Одинъ мой знакомый, большой поклонникъ того, что называется въ искусствѣ l'élimination du superflu, даже проектировалъ шутя писаніе на открыткахъ, отправляемыхъ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ не по дѣловымъ поводамъ, одного лишь своего уменьшительнаго имени. Онъ разсуждалъ такъ: когда и откуда писано

письмо — видно изъ штемпеля; что писавшій думалъ объ адресатѣ, — ясно изъ того, что онъ къ нему пишетъ; изъ этого же видно, что онъ дѣлалъ, когда изготовлялъ письмо; изъ того же видно, что онъ здоровъ, ибо только извѣстіе о серьезной болѣзни можетъ тревожить близкихъ людей, и, наконецъ, уменьшительное имя, привычное для нихъ, должно указывать на неизмѣнность и теплоту добрыхъ отношеній. Не таковы были письма Гончарова. Написанныя мелкимъ почеркомъ, съ массой приписокъ, они, въ своей совокупности, рисовали Гончарова во всѣхъ проявленіяхъ его сложной духовной природы и, конечно, стоили ему немалыхъ труда и времени. Не говоря уже объ обычномъ тяжеломъ и скучномъ трудѣ цензора, который онъ выполнялъ со свойственной ему щепетильной добросовѣстностью, онъ много и внимательно читалъ, и отзывы его въ бесѣдахъ о выдающихся произведеніяхъ изящной, а иногда и научной литературы указывали на ту глубокую вдумчивость, съ которой онъ не разъ подвергалъ внутренней провѣркѣ прочитанное, прежде чѣмъ высказать о немъ свое обоснованное мнѣніе. Нужно ли затѣмъ говорить о его сочиненіяхъ, изъ которыхъ главныя написаны въ двадцатилѣтній періодъ, съ 1847 по 1867 годъ, и составляютъ восемь неоднократно переработанныхъ съ начала до конца толстыхъ томовъ?

Точно такъ же невѣрно представленіе о квіетизмѣ Гончарова. Внѣшнее спокойствіе, любовь къ уединенію шли у него рядомъ съ глубокою внутреннею отзывчивостью на различныя явленія общественной и частной жизни. Разборчивый въ друзьяхъ и не очень податливый на поспѣшное сближеніе, онъ не торопился слѣдовать нашей мало похвальной и приводящей къ горькимъ разочарованіямъ привычкѣ открывать чуть не каждому встрѣчному свой внутренній міръ. Онъ зналъ, что въ храмъ своей души слѣдуетъ пускать посѣтителей съ большою осмотрительностью, изъ боязни, чтобы, войдя туда съ холоднымъ любопытствомъ, они не оставили тамъ грязныхъ слѣдовъ и не набросали папиросныхъ окурковъ. Не разъ въ послѣдніе годы своей жизни, сторонясь отъ новыхъ и случайныхъ знакомствъ, онъ многозначительно цитировалъ слова Пушкина: «А старость ходитъ осторожно и

одозрительно глядитъ». Но къ скорбямъ и радостямъ тѣхъ, ъ дружбу кого онъ увѣровалъ, онъ умѣлъ относиться съ жи-ымъ сочувствіемъ, со словомъ горячаго и настойчиваго ободре-нія, съ деликатнымъ участіемъ оцѣнивая и освѣщая ихъ душев-ныя переживанія. Въ интимной дружеской бесѣдѣ онъ оживлялся преображался. Молчаливый и скупой на слова въ большомъ бществѣ, онъ становился разговорчивъ вдвоемъ, и его живое лово, образное и изящное, лилось свободно и широко. Но все лумное, назойливое, все имѣвшее плохо прикрытый характеръ опроса, его и раздражало и пугало, заставляя быстро уходить ъ свою скорлупу и поспѣшно отдѣлываться отъ собесѣдника бщими мѣстами. Активное участіе въ какихъ-либо торжествахъ всегда его страшило, и онъ отбивался отъ него всѣми способами.

Такъ уклонился онъ отъ участія въ московскихъ и петербург-скихъ празднествахъ, связанныхъ съ открытіемъ въ 1880 году памятника Пушкину въ Москвѣ, несмотря на то, что не менѣе Тургенева преклонялся передъ великимъ поэтомъ и благоговѣлъ передъ его памятью. Я не могу забыть одного изъ его воспомина-ній, разсказанныхъ имъ мнѣ въ томъ же 1880 году, во время одной изъ долгихъ вечернихъ прогулокъ по рижскому взморью. «Пушкина я увидалъ впервые,—говорилъ онъ—въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только-что начиналъ вчи-тываться въ него и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Пе-тербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ гово-рилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его, матовое, суженное внизу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ, врѣзалось въ мою память и доказало мнѣ впо-слѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все; всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гар-моническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній,—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, «переводчикомъ» при таможенномъ департаментѣ. Работы было немного, и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ,

изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всѣмъ господствовалъ *онъ*. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строчка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ въ коридоръ и горько-горько, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнкѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ... Тоска ножомъ рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣни, лежалъ бездыханенъ. И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины. Нѣтъ, это невѣрно—о смерти матери. Да! матери... Черезъ три дня появился потретъ Пушкина съ надписью: «Погасъ огонь на алтарѣ», но цензура и полиція поспѣшили его запретить и уничтожить...»

Въ томъ же 1880 году, лѣтомъ, члены рижскаго русскаго пѣвческаго и литературнаго общества «Баянъ» совершали свой обычный ежегодный праздничный выѣздъ въ Дуббельнъ и, пользуясь пребываніемъ въ послѣднемъ Гончарова, П. Д. Боборыкина и меня, пригласили насъ на свой праздничный обѣдъ съ музыкой и рѣчами. Иванъ Александровичъ былъ этимъ приглашеніемъ совершенно выбитъ изъ колеи, написалъ старшинамъ письмо, умоляя «пощадить и простить» его, утромъ въ день выѣзда «Баяна» изъ Риги телеграфировалъ о томъ же, боясь, что заказное письмо могло не дойти, а когда на рѣкѣ Аа показался украшенный флагами пароходъ съ участниками «выѣзда», то, опасаясь, что его могутъ притти уговаривать, онъ поспѣшно ушелъ на берегъ моря и проскитался тамъ одинъ, пока пускавшіяся съ отходившаго обратно парохода ракеты не указали ему, что опасное для него торжество окончилось.

Когда возникла мысль о его литературномъ юбилеѣ, Гончаровъ пришелъ въ болѣзненное волненіе, убѣдительно и настойчиво отговаривая всѣхъ, кто могъ быть прикосновененъ къ организаціи этого празднованія, оставить всякую мысль объ этомъ,

утрожая, въ нарушеніе своего сложившагося житейскаго обихода, покинуть среди зимы Петербургъ и уѣхать, «куда глаза глядятъ», оставивъ юбилейное чествованіе безъ виновника торжества. Только послѣ неоднократныхъ попытокъ и съ большимъ трудомъ удалось уговорить его принять самый тѣсный кружокъ его друзей по «Вѣстнику Европы», поднесшихъ ему мраморные столовые часы съ бронзовымъ изображеніемъ Марѳиньки изъ «Обрыва» и воздержавшихся, щадя старика, отъ всякихъ привѣтственныхъ рѣчей. И этотъ же, какъ онъ самъ себя называлъ, «угрюмый нелюдимъ» бывалъ живъ, остроуменъ и даже веселъ, когда оставался вдвоемъ или въ самомъ небольшомъ кружкѣ. Такимъ я помню его во время долгихъ прогулокъ по берегу моря на рижскомъ штрандѣ и въ Усть-Наровѣ, когда прелесть его яркихъ воспоминаній и разсказовъ заставляла его спутника забывать свою усталость. Между этими воспоминаніями было много такихъ, которыя не вошли во «Фрегатъ Палладу». Живая наблюдательность искрилась въ нихъ; нѣжная любовь къ русскому человѣку и глубокое пониманіе его милыхъ и оригинальныхъ свойствъ проникали ихъ. Особенно помнится мнѣ его разсказъ о нашихъ матросикахъ, которые покатывались со смѣху, указывая пальцами на голыя колѣна двухъ неподвижно стоявшихъ у одного изъ дворцовъ часовыхъ въ шотландскомъ костюмѣ, красныхъ отъ гнѣва, но покорныхъ дисциплинѣ. «Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ ихъ Гончаровъ — чему смѣетесь?»—«Да ты посмотри, ваше благородіе, королева-то имъ штановъ не дала!» Или другой разсказъ о томъ, какъ въ окрестностяхъ Капштадта, подойдя къ кучкѣ матросовъ, что-то любопытно разглядывавшихъ, онъ увидѣлъ на ладони одного изъ нихъ огромнаго скорпіона, тщетно силившагося пробить ядовитымъ хвостомъ толстый сплошной мозоль на ладони руки, привыкшей лазить по вантамъ. «Что ты? брось! брось! — воскликнулъ Гончаровъ— онъ тебя до смерти укуситъ!» — «Укуситъ? — недовѣрчиво спросилъ матросъ, презрительно скосивъ глаза на скорпіона:— этакая-то сволочь?! тьфу!»—и онъ бросилъ скорпіона на землю и раздавилъ его необутой для прохлады ногой. — Былъ между этими разсказами одинъ, который, кажется, не оставилъ слѣда

въ исторіи Крымской войны по скромности и сдержанности участниковъ. Когда въ далекомъ Японскомъ морѣ адмираломъ Путятинымъ было получено на «Палладѣ» извѣстіе объ объявленной Россіи Франціей и Англіей войнѣ, онъ созвалъ къ себѣ въ каюту Посьета и, сколько мнѣ помнится, Лессовскаго и въ присутствіи Гончарова, связавъ ихъ обязательствомъ хранить тайну, объявилъ имъ, что, зная невозможность для паруснаго фрегата успѣшно сразиться съ винтовыми желѣзными кораблями непріятеля или уйти отъ него, онъ рѣшилъ сцѣпиться съ нимъ вплотную и взорваться...

Не менѣе милымъ собесѣдникомъ бывалъ Гончаровъ за своими многолѣтними обѣдами вдвоемъ въ «Hôtel de France», у Полицейскаго моста, и въ кружкѣ сотрудниковъ «Вѣстника Европы» за еженедѣльными обѣдами у покойнаго Стасюлевича. Здѣсь, ничѣмъ не стѣсняемый и согрѣваемый атмосферой искренней пріязни, онъ иногда подолгу вызывалъ особое вниманіе слушателей своими экскурсіями въ область литературы или искусства. Скрестивъ передъ собою пальцы красивыхъ рукъ, привѣтливо смотря на окружающихъ, онъ оживлялся, и въ глазахъ его появлялся давно уже, казалось, потухшій блескъ. Такъ продолжалось многіе-многіе годы, но не безъ перерывовъ. Эти перерывы совпадали съ пріѣздами въ Петербургъ Тургенева, во время которыхъ Гончаровъ избѣгалъ бывать на обѣдахъ у Стасюлевича. Однажды, во время такого перерыва, на мой вопросъ—когда же мы увидимся въ Галерной?—онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ: «Да вотъ все никакъ не могу собраться: все что-нибудь да помѣшаетъ» и, очевидно, сознавая, что такое объясненіе идетъ въ разрѣзъ съ его регулярной и размѣренной жизнью, прибавилъ, помолчавъ: «Чеченецъ ходитъ за рѣкой!»

Гончаровъ не любилъ вспоминать о своей внутренней жизни въ прошломъ, но изъ того, что онъ всегда описывалъ свою жизнь и то, что къ ней прирастало, можно заключить, что онъ въ полной мѣрѣ испыталъ то чувство, которое возбуждали его Ольга и Вѣра, эти превосходныя олицетворенія того, что Гете называлъ das ewig Weibliche. Едва ли онъ былъ мученикомъ своей любви, какъ Тургеневъ, или пережилъ какую-либо тяжелую въ этомъ

отношеніи драму... Онъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, что въ словахъ Пушкинскаго Мефистофеля, упрекающаго Фауста за то, что «хитро такъ въ дѣвѣ простодушной онъ грезы сердца возбуждалъ», содержится поучительный завѣтъ всякому честному человѣку. Но бури въ этой жизни, безъ сомнѣнія, были. Онъ называлъ не разъ жизнь тяжелымъ испытаніемъ и часто цитировалъ по этому поводу слова Пушкина о «мучительныхъ снахъ», повторяя: «и всюду страсти роковыя, и отъ судебъ спасенья нѣтъ».—«Послѣ страстей, писалъ онъ, остается дымъ, смрадъ, а счастья нѣтъ! Воспоминанія—одинъ стыдъ и рванье волосъ. Страсть несчастіе. Ее надо ограничить, задушить и утопить въ женитьбѣ,—но она необходима въ будничной, сѣрой жизни, какъ гроза въ природѣ. Это — другая жизнь среди жизни». Во всякомъ случаѣ, когда я узналъ его ближе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, его сердечная жизнь была въ застоѣ. Но сердце у него было нѣжное и любящее. Это былъ капиталъ, который не могъ оставаться безъ употребленія и долженъ былъ быть пущенъ въ оборотъ. Человѣку бываетъ нужно, необходимо уйти отъ тоски одиночества, отъ края мрачной пропасти глубокаго разочарованія въ людяхъ и въ самомъ себѣ въ какую-либо привязанность. Такъ случилось и съ Гончаровымъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ у него служилъ камердинеромъ и завѣдывалъ его домашнимъ хозяйствомъ честный и усердный курляндскій уроженецъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ умеръ скоропостижно, и Иванъ Александровичъ, соболѣзнуя положенію его вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, оставилъ ее служить у себя, предоставивъ ей маленькое помѣщеніе черезъ площадку лѣстницы своей квартиры, и замѣнилъ ею умершаго ея мужа въ домашнемъ услуженіи при своемъ маленькомъ хозяйствѣ стараго холостяка. Съ годами, когда стали подрастать дѣти, сердце Ивана Александровича откликнулось на ихъ чистую ласку, и онъ привязался къ нимъ, и особенно къ старшей дѣвочкѣ, глубоко и трогательно. Его заботамъ, просьбамъ, матеріальнымъ жертвамъ, ходатайствамъ письменнымъ и словеснымъ, эти дѣти были обязаны своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за которымъ онъ слѣдилъ

съ исключительнымъ вниманіемъ. Возможность дать имъ средства, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и укрѣпить свои силы гдѣ-нибудь на дачѣ или на берегу моря, сердечно радовала старика, которому въ этомъ нерѣдко помогали дочери его стараго друга А. В. Никитенко. И въ этой вполнѣ безкорыстной привязанности Гончаровъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Заботы о дѣтяхъ, ихъ мысли, чувства, привычки, складывавшіяся особенности характера, шутливыя и нѣжныя прозвища, имъ даваемыя, наполняли его жизнь, вплетались въ его бесѣду. Вниманіе къ нимъ, ласка Санѣ (такъ звали старшую изъ нихъ) вызывали горячую благодарность съ его стороны. Мало-по-малу ихъ жизнь пустила въ его существованіе крѣпкіе, неразрывные корни...

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ жизнь Гончарова пошла замѣтно на убыль, въ особенности послѣ того, какъ онъ ослѣпъ на одинъ глазъ вслѣдствіе кровоизліянія, причинившаго ему тяжкія до слезъ страданія. Онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ, почеркъ его сталъ хотя и крупнѣе, но неразборчивѣе, и онъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ своей мало уютной и темноватой квартиры на Моховой, въ которой прожилъ тридцать лѣтъ. На лѣтнее время далекій и любимый Дуббельнъ смѣнился болѣе близкой Усть-Наровой, а затѣмъ и Петергофомъ: угасающаго автора «Фрегата Паллады» продолжало тянуть къ морю. Но съ тѣхъ поръ, какъ смерть, очевидно уже недалекая, простерла надъ нимъ свое черное крыло и своимъ дыханіемъ помрачила его зрѣніе и затѣмъ ослабила его слухъ, онъ просвѣтлѣлъ духомъ и проникся ко всѣмъ примиреніемъ и прощеніемъ, словно не желая унести въ недалекій гробъ свой какія-либо тяжелыя чувства. Онъ сталъ трогателенъ въ своемъ несчастіи и, выражаясь словами его любимаго поэта, «простъ и добръ душой незлобной». Въ этомъ уединеніи, принимая только немногихъ близкихъ знакомыхъ, весь отдавшись заботамъ о будущемъ приголубленной имъ семьи, онъ ждалъ кончины со спокойствіемъ усталаго отъ жизни и вѣрующаго человѣка. «Я съ умиленіемъ смотрю,— писалъ онъ мнѣ въ 1887 году — на тѣхъ сокрушенныхъ духомъ и раздавленныхъ жизнью старичковъ и старушекъ, которые, гнѣздясь по стѣнкамъ въ церквахъ или въ своихъ каморкахъ передъ

лампадкой, тихо и безропотно несутъ свое иго, видятъ въ жизни и надъ жизнью только крестъ и Евангеліе, одному этому вѣрятъ и на одно надѣются. «Это глупые и блаженные», говорятъ мудрецы-мыслители! Нѣтъ—это тѣ, которымъ открыто то, что скрыто отъ умныхъ и разумныхъ».—Въ 1889 году съ нимъ произошелъ легкій ударъ, отъ котораго однако онъ оправлялся съ трудомъ, а въ ночь на 15 сентября 1891 года онъ тихо угасъ, не перенеся воспаленія легкихъ. Глубокая вѣра въ иную жизнь сопровождала его до конца. Я посѣтилъ его за два дня до смерти, и, при выраженіи мною надежды, что онъ еще поправится, онъ посмотрѣлъ на меня уцѣлѣвшимъ глазомъ, въ которомъ еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказалъ твердымъ голосомъ: «Нѣтъ! я умру... Сегодня ночью я видѣлъ Христа, и Онъ меня простилъ»...

На новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры течетъ рѣчка, одинъ изъ береговъ которой круто подымается вверхъ. Когда почилъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ, когда съ нимъ произошла всѣмъ намъ неизбѣжная *обыкновенная исторія*, его друзья—Стасюлевичъ и я—выбрали мѣсто на краю этого крутого берега, и тамъ покоится теперь авторъ *Обломова*... на краю *обрыва*... Но сегодня наша мысль переносится отъ этой могилы къ колыбели Гончарова, и мы благодаримъ судьбу, зажегшую на небѣ русскаго слова и русской мысли свѣточъ его великаго дарованія.

V.

Константинъ Карловичъ Гротъ.

(Рѣчь въ торжественномъ собраніи попечительства о слѣпыхъ, въ день открытія памятника К. К. Гроту).

Людское правосудіе выражается въ воздаяніи каждому должнаго по дѣламъ его, Божеское — въ требованіи у каждаго отчета въ томъ, что ему было дано Создателемъ. Эта мысль Руссо, высказанная имъ въ «Савойскомъ викаріи», глубоко вѣрна. Дѣйствительно, цѣнить кого-либо какъ дѣятеля справедливо лишь по тому, что онъ сдѣлалъ. Но судить внутренняго человѣка съ его духовными задатками и побужденіями слѣдуетъ уже не по тому, что онъ сдѣлалъ, а потому, что онъ *могъ и долженъ* былъ сдѣлать. Однако, справедливость послѣдняго суда не свойственна одностороннему и узкому кругозору людскому. Отъ взора людей часто бываетъ скрыто то, въ какой мѣрѣ дѣятель былъ «рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ», насколько и какой «талантъ» зарывалъ онъ въ землю, и въ чемъ состояла та невозможность, у предѣловъ которой смолкаетъ чувство долга.

Сегодня мы присутствовали при актѣ человѣческаго правосудія по отношенію къ почтенному, выдающемуся общественному дѣятелю. Это правосудіе, при жизни человѣка, рѣдко признаетъ его заслуги и почти никогда за нихъ не вознаграждаетъ. Но по

смерти—иногда чрезъ много лѣтъ—оно видитъ, что то, что ему казалось обыденнымъ дѣломъ злободневной жизни, было подвигомъ или труднымъ посѣвомъ добра. Тогда оно признаетъ былыя заслуги и какъ умѣетъ—часто безплодно и запоздало—за нихъ вознаграждаетъ. Если кругъ дѣятельности покойнаго былъ небольшой и спеціальный, тѣсный,—группа оставшихся друзей и послѣдователей проникается любовью къ своему усопшему вождю и учителю и—«на забытую могилу бросаетъ поздніе цвѣты». Но если область дѣятельности была обширная и отзвуки послѣдней все растутъ и расширяются, то благодарныя воспоминанія находятъ себѣ осуществленіе въ металлѣ и камнѣ и возникаетъ памятникъ.

Такое именно правосудіе воздано сегодня общественной дѣятельности Константина Карловича Грота. Русскіе люди должны быть ему благодарны, ибо онъ былъ борцомъ съ общественной и личной слѣпотой и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи многое.

Общественная слѣпота—это то состояніе, при которомъ общество мирится съ условіями существованія, устраняющими свѣтъ, освѣщающій и вызывающій къ жизни лучшее, что есть въ человѣкѣ, какъ въ свободномъ и духовно-нравственномъ существѣ. Это лучшее выражается въ нравственномъ достоинствѣ человѣка и въ способности его къ духовному совершенствованію. Оно можетъ быть подавлено искусственною *тьмою* безправія и невѣжества, когда общественное устройство не даетъ свободно развиваться лучшимъ сторонамъ духовной природы народа, заглушая въ немъ и правосознаніе, и сознаніе собственнаго достоинства. При этомъ, просвѣщеніе народа не льетъ своихъ лучей широкою волной, а лишь скупо пробивается кое-гдѣ чрезъ случайныя щели, но за то своекорыстіе строитъ свое благополучіе на человѣческой слабости и на проявленіяхъ животной природы.

Въ такой общественной слѣпотѣ была Россія въ тѣ годы, когда молодой Гротъ—внукъ протестантскаго пастора, переселившагося въ Россію—вступилъ въ дѣятельную жизнь. На первыхъ же шагахъ ему пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что И. С. Аксаковъ остроумно называлъ *фасадностью*

общественнаго устройства своей родины, скрывавшею за видимою стройностью архитектурныхъ линій глубокое запустѣніе.

Еще въ 1844 году, при ревизіи приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, встрѣчаясь съ реальными Гоголевскими типами и превосходящими самую смѣлую фантазію злоупотребленіями, Гротъ вынесъ убѣжденіе, что мѣстные органы управленія дѣлаютъ не *то, что слѣдуетъ*, а оффиціальная благотворительность ровно *ничего не дѣлаетъ*. Имѣя счастье быть сотрудникомъ незабвеннаго Н. А. Милютина, онъ получилъ возможность заглянуть въ закулисную сторону дѣятельности мѣщанскихъ и ремесленныхъ управъ и участвовалъ въ реформѣ ихъ устройства. Но судьба влекла его на болѣе обширную арену лично-отвѣтственной борьбы, какъ бы говоря ему словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья,—другихъ восторговъ глубина». Она поставила его лицомъ къ лицу—въ качествѣ самарскаго губернатора, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,—съ наиболѣе рѣзкими проявленіями общественной слѣпоты.

Тогдашняя Россія въ своей внутренней жизни стояла на трехъ главныхъ устояхъ: на крѣпостномъ правѣ, откупѣ и рекрутствѣ. Среди нихъ ютился судъ, «полный неправды черной», по выраженію Хомякова, и, какъ рѣдкіе островки въ морѣ тьмы, свѣтились университеты. Съ первыми двумя изъ этихъ устоевъ вступилъ въ борьбу Гротъ, не смущаясь ни враждой, ни клеветою, и вѣрный высказанному имъ однажды правилу: «была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость».

Крѣпостное право, оставившее такой глубокій и трудно искоренимый слѣдъ на всемъ нравственномъ складѣ русскаго общества,—слѣдъ не изглаженный и до сихъ поръ,—встрѣтило молодого самарскаго губернатора во всеоружіи своего владычества «душою». Это владычество, со своимъ правомъ ссылки, тѣлеснаго наказанія и другихъ безконтрольныхъ каръ, тлетворно разрушало душу «души», разрывая ея естественныя связи и оскорбляя чувство привязанности къ избранницѣ сердца, къ родителямъ, къ родному мѣсту. Оно было тою организованною несправедливостью, къ которой такъ примѣнимы слова Тьера:

«l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants et ils sont dignes de leur mère». Противъ отдѣльныхъ и рѣзкихъ проявленій этой несправедливости сталъ бороться Гротъ, со всей доступной ему властью, путемъ разслѣдованій жестокаго обращенія съ крѣпостными и возбужденіемъ вопросовъ о наложеніи опекъ. А когда, въ 1858 году, издалека раздался—вначалѣ слабый и мнотимъ ненавистный—благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Гротъ отозвался на него съ прямодушнымъ восторгомъ. Его рѣчь въ собраніи дворянъ, наэлектризовавшая многихъ, — его дѣятельность по учрежденію губернскаго комитета, — приглашеніе имъ въ члены отъ правительства Юрія Самарина и энергичная поддержка послѣдняго въ трудныя минуты борьбы—составляютъ несомнѣнныя заслуги Грота. Вокругъ него—одинокаго въ своей личной жизни—шипѣла клевета, и жадно читались злобные на него памфлеты. Ему дважды грозилъ вызовъ на поединокъ со стороны видныхъ душевладѣльцевъ. Его другъ и соратникъ—Юрій Самаринъ — чистѣйшій и благороднѣйшій слуга родины, долженъ былъ ходить съ револьверомъ, изъ опасенія дикой съ собой расправы. Но Гротъ не уступалъ ни пяди изъ занятого имъ положенія, и лишь въ особенно тяжелыя минуты, онъ—старый царскосельскій лицеистъ—шелъ къ своему вице-губернатору Аксакову и говорилъ ему: «а не почитать ли намъ Пушкина?»

Вызванный въ Петербургъ «честнымъ кузнецомъ-гражданиномъ» Милютинымъ, Гротъ много потрудился въ комиссіи по устройству крестьянскихъ учрежденій, создавшей мировыхъ посредниковъ и намѣтившей, по мысли Милютина, начало земскаго самоуправленія. Вотъ почему онъ по праву и со справедливой гордостью носилъ золотую медаль «за освобожденіе крестьянъ» и многіе годы былъ участникомъ и распорядителемъ обѣдовъ въ память 19-го февраля, за которыми сходились растроганные старики, приложившіе руку къ святому дѣлу осуществленія лучшихъ идеаловъ ихъ молодости.

Откупъ и крѣпостное право были par nobile fratrum. Въ правилахъ объ откупной продажѣ вина было предусмотрѣно и опредѣлено многое, но забыто одно: хищность и алчность человѣческаго стремленія къ наживѣ. Благодаря этому явилась гро-

мадность доходовъ откупщиковъ, доходившая до 45 милліоновъ рублей съ однѣхъ великороссійскихъ губерній въ три послѣдніе года существованія откупа и вообще до 73% на всю сумму поступавшую въ казну. Чрезмѣрная доходность откупа достигалась во многихъ случаяхъ развращеніемъ чиновниковъ путемъ опредѣленной дани всѣмъ отъ мала до велика,—обирательствомъ народа путемъ разбавленія вина водою и приправленія его дурманомъ и, наконецъ, всякими насиліями подъ флагомъ борьбы съ корчемствомъ. Ко всему этому мѣстныя власти, при помощи дружескаго союза между услужливымъ закономъ и податливымъ судомъ, относились съ благосклоннымъ попустительствомъ и ласковымъ опасеніемъ, что откупщикъ можетъ «не устоять». На этой почвѣ выросталъ и пускалъ корни мѣстный провинціальный питейный меценатъ и покровитель искусствъ, низкопоклонный предъ властями въ Петербургѣ, надменный въ губернскомъ городѣ съ низшими, вкрадчивый съ равными, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированный насильникъ въ защиту своихъ правъ на это.

Съ этой многоголовой гидрой покровителей откупа и съ обладателемъ новаго ящика Пандоры, въ лицѣ откупщика, вступилъ въ борьбу Гротъ. Обновленіе личнаго состава чиновниковъ, запрещеніе откупной дани въ какой бы то ни было формѣ, настойчивое требованіе выставки цѣнъ, утвержденныхъ Сенатомъ, дали почувствовать откупу непреклонность и энергію новаго врага. Полетѣли жалобы, и предъ Гротомъ не разъ вставалъ призракъ отвѣтственности за превышеніе власти. Такъ, желая хоть отчасти возмѣстить своимъ чиновникамъ отсутствіе откупной дани прибавкой къ скудному жалованью, *миролюбивый* Гротъ сталъ дѣйствовать *порохомъ*, т. е. самовольно увеличилъ продажную цѣну казеннаго пороха. Въ Петербургѣ на него хмурились, отмѣняли его распоряженія, но онъ не унывалъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ—человѣкомъ, который, по выраженію Кавелина, «открывалъ дверь въ будущую Россію»,—положилъ основаніе уничтоженію откупа и новой акцизной системѣ. На обычное у насъ опасеніе министра финансовъ Княжевича, что не найдется людей для добросовѣстнаго выполненія

кдизнаго надзора, Гротъ утверждалъ, что люди есть,—надо олько умѣть найти ихъ. Назначенный директоромъ департамента азныхъ податей и сборовъ, онъ осуществилъ эту увѣренность, на кличъ его собрались честные и умѣлые дѣятели, образо-авшіе безупречное вѣдомство, съ которымъ Гротъ остался на-сегда въ тѣсной дружбѣ и нравственномъ единеніи. Стойко пе-ежилъ онъ и послѣднюю борьбу предъ обнародованіемъ отмѣны ткуповъ. Тогда въ него, послѣ неудачныхъ попытокъ подкупа, левета стала бросать уже не камнями, а «цѣлой мостовой», аподозрѣвая политическую благонадежность его помощниковъ и зывая къ генералъ-адъютантской ревизіи. Въ это же время, въ редсмертныхъ судорогахъ, откупъ, въ заманчивыхъ проектахъ остройки на свой счетъ желѣзныхъ дорогъ, предлагалъ «при-ать торговлѣ виномъ увлекательное направленіе въ разсужденіи ивилизаціи»...

Принявъ затѣмъ участіе въ выработкѣ земскаго и городового оложенія въ ихъ первоначальной и широкой постановкѣ, Гротъ внесъ голосъ своего житейскаго и служебнаго опыта во всѣ ерьезные вопросы, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія Государ-твеннаго Совѣта, котораго онъ сдѣлался членомъ.

Когда наступаетъ старость и то, что Пушкинъ назвалъ охлажденьемъ лѣтъ», очень многіе люди замыкаются въ узко-ичную жизнь, полную мелочного тщеславія и эгоистическихъ вожделѣній. Чѣмъ ближе конецъ земного, тѣмъ больше земное, реходящее и находящееся подъ ногами, приковываетъ къ себѣ ихъ взоръ. Но не таковъ былъ Константинъ Карловичъ: онъ умѣлъ подымать голову въ сферы, невѣдомыя ногамъ, и рабо-тать съ энергіей, которая знаетъ, чего она хочетъ, въ противо-оложность упрямству, которое знаетъ, чего не хотятъ другіе. Дѣятельная любовь къ родинѣ и ближнимъ постоянно открывала ему новыя области приложенія своихъ силъ и упорнаго труда. Такъ встрѣтилъ онъ на своемъ пути *новый видъ слѣпоты*.

Бентамъ назвалъ преступника плохимъ счетчикомъ. Еще правильнѣе было бы назвать его слѣпцомъ по своей или чужой винѣ. Не въ одномъ воздаяніи смыслъ наказанія. На немъ давно уже написано слово «исправленіе», и тамъ, гдѣ исправленіе

организовано разумно и съ пониманіемъ индивидуальныхъ свойствъ человѣческой природы, тамъ оно способно вызвать прозрѣніе. Наши старыя мѣста заключенія были совершенно чужды этой задачѣ, и великодушныя усилія отдѣльныхъ человѣколюбцевъ въ родѣ «святого доктора» Гааза—только подчеркивали и оттѣняли черствость и бездушіе общаго устройства. Тюрьма въ грубыхъ и неопытныхъ рукахъ, подъ бездушнымъ бюрократическимъ надзоромъ, была во многихъ отношеніяхъ безчеловѣчна, лишь усугубляя нравственную слѣпоту заключенныхъ. Необходима была реформа не только въ учрежденіяхъ, но и въ людяхъ, и этому дѣлу отдался Гротъ въ своихъ работахъ по тюремному преобразованію, въ своихъ участіяхъ въ тюремныхъ конгрессахъ и въ своемъ завѣдываніи Главнымъ тюремнымъ управленіемъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему безпочвенности его усилій.

И какъ главноуправляющій IV-мъ отдѣленіемъ Государевой канцеляріи, онъ удѣлилъ немало мѣста заботамъ о несчастныхъ, столь близко подходящихъ къ слѣпцамъ — заботамъ о пораженныхъ *звуковою слѣпотою*, т. е. о глухонѣмыхъ. Онъ стремился ввести обученіе этихъ пасынковъ природы по звуковому методу, расширилъ существующее для нихъ учрежденіе и помогъ приволжскимъ колонистамъ основать у себя училище и пріютъ для глухонѣмыхъ.

Нужно ли говорить о дѣлѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни, связывающемъ его имя навсегда съ попечительствомъ о слѣпыхъ, т. е. о его борьбѣ со *слѣпотой* въ прямомъ смыслѣ слова. Подробный отчетъ за первое двадцатипятилѣтіе существованія этого учрежденія указываетъ, въ яркихъ цифрахъ и данныхъ, все, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Гротъ. Достаточно сказать, что уже десять лѣтъ назадъ въ Россійской имперіи было 190.000 слѣпыхъ, что составляетъ около двухъ человѣкъ на тысячу, тогда какъ въ Западной Европѣ ихъ вдвое меньше; что по отчетамъ медицинскаго департамента за 1891 годъ изъ 85.000 человѣкъ, обращавшихся за медицинской помощью по глазнымъ болѣзнямъ амбулаторно, 40.000 находились въ рабочемъ возрастѣ;

что 17% изъ неспособныхъ къ военной службѣ, изъ общаго числа всѣхъ къ ней призываемыхъ, приходилось на больныхъ глазами и что на 1.200.000 больныхъ, перебывавшихъ за годъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, 50.000 были страдающіе глазными болѣзнями. Для помощи этимъ страдальцамъ существовало два-три маленькихъ учрежденія чисто-казеннаго характера...

Ставъ во главѣ попечительства о слѣпыхъ,— исторія возникновенія котораго очень поучительна, — Гротъ былъ старъ и пораженъ душевнымъ горемъ. Уже въ преклонные годы его жизнь украсила собою любимая и заботливая супруга. Онъ могъ, подобно своему великому лицейскому товарищу, сказать, что «на его закатъ печальный блеснула любовь улыбкою прощальной». Этотъ отблескъ счастья продолжался недолго, но, когда послѣднее померкло, Гротъ не отдался всецѣло личной скорби, не опустилъ рукъ «въ нѣмомъ бездѣйствіи печали». Онъ не забылъ, что къ *тому берегу*, уже по времени недалекому, еще приходится плыть по морю человѣческихъ страданій и немощей. Онъ понялъ, что несчастнымъ слѣпцамъ нужна не простая единичная помощь, а *попеченіе.* Для того же, чтобы послѣднее было успѣшнымъ, нужно *объединеніе* помощи и помогающихъ. Для этого слѣпыхъ надо обучать, создавая училища широкою рукою и готовя для нихъ кадры преподавателей и запасы цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій; нужно устраивать мастерскія для взрослыхъ и организовать сбытъ ихъ издѣлій; нужно призрѣвать немощныхъ и старыхъ и посылать летучіе окулистическіе отряды всюду, гдѣ въ нихъ есть нужда. Этому посвятилъ онъ всѣ свои силы, и къ концу его дѣятельности по попечительству на мѣстѣ небольшого и бѣднаго убѣжища, выросло учрежденіе, имѣющее 3 милліона капитала, на 900.000 рублей недвижимой собственности, 21 училище, ремесленныя убѣжища для трудящихся, мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ на 60 человѣкъ, основанныя на личныя средства Грота, 2 убѣжища для престарѣлыхъ слѣпцовъ и 3 глазныхъ лѣчебницы. Такъ, среди моря человѣческаго несчастія, осуществлялось трудами Грота и его сотрудниковъ требованіе умирающаго Гете: «Licht! mehr Licht!» и маленькій островокъ сердечнаго участія къ слѣпымъ воинамъ-

разросся въ прочный и богатый материкъ человѣколюбиваго попеченія о слѣпыхъ вообще. И все это сдѣлалось безъ самохвальныхъ рекламъ, безъ обычныхъ суетныхъ базаровъ и сомнительныхъ лотерей. Эти проявленія акробатической филантропіи были замѣнены, по указаніямъ О. К. Адеркаса и по мысли С. А. Эллисъ, заботливымъ изысканіемъ средствъ для добраго дѣла среди лежавшихъ мертво капиталовъ и привлеченіемъ народной лепты, даваемой въ молитвенномъ настроеніи въ недѣлю о слѣпомъ.

Таковы заслуги Грота, какъ общественнаго дѣятеля, дающія ему право на то, чтобы, по свободному почину, былъ увѣковѣченъ въ бронзѣ его серьезный и вдумчивый ликъ.

Случается, однако, что и людское правосудіе оказывается *слѣпымъ*. Между нимъ и отдаленнымъ потомствомъ стоитъ время, про которое итальянцы говорятъ, что оно — «порядочный человѣкъ». Порядочность предполагаетъ правдивость; эта правдивость заставляетъ иногда всплывать воспоминанія о такихъ чертахъ и поступкахъ, которые вынуждаютъ потомство въ недоумѣніи останавливаться передъ инымъ памятникомъ и мысленно низводить изображеннаго съ пьедестала. Въ этомъ уже слышится голосъ того правосудія, которое, по народной поговоркѣ, «правду видитъ, да не скоро скажетъ». Тутъ наступаетъ — вмѣсто суда надъ итогомъ общественной дѣятельности человѣка — судъ надъ всей его личностью, съ вопросомъ, все ли сдѣлалъ онъ, что онъ не только могъ, но и долженъ былъ сдѣлать.

Этотъ судъ память о Гротѣ выдерживаетъ спокойно. Вѣковая китайская мудрость устами Конфуція вѣщаетъ, что уваженіе къ человѣку должно измѣряться тою степенью любви къ людямъ, на которую онъ способенъ. Всѣ, кто зналъ Грота, кто имѣлъ счастливый случай встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, знаютъ, какъ велика въ немъ была *дѣятельная любовь* къ людямъ, не показная и шумная, а та, при которой, по прекрасному выраженію Анатоля Франса, «le coeur fleurit en dedans». Для близорукихъ людей его сдержанность, размѣренная рѣчь и спокойная манера себя держать были основаніемъ для поспѣшныхъ заключеній о его черствости и холодности. Но истинному и глу-

бокому чувству не слѣдлѣтъ размѣниваться на мелкую монету. Оно должно теплиться, какъ *неугасимая* лампада, предъ образомъ правды и добра, а не кратковременно блистать на базарѣ житейской суеты, какъ шкалики въ праздничный день. Девизъ истинной сердечной доброты, сосредоточенной на дѣлѣ, а не на словахъ: — «Non multa, sed multum». Это чувствовали слѣпыя дѣти и духовнымъ взоромъ прозрѣвали то, чего не усматривалъ поверхностный взоръ случайныхъ наблюдателей. Когда къ нимъ пріѣзжалъ глава попечительства, они съ радостью окружали «дѣдушку Грота» и *видѣли* незрячими очами, *что* живетъ въ его отверстомъ для нихъ сердцѣ. Поэтому открытый сегодня памятникъ проченъ. Онъ будетъ служить нѣмымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ, что покуда существуютъ въ человѣчествѣ скорбь и несчастіе, Богъ избираетъ и посылаетъ благородныхъ и стойкихъ борцовъ съ ними.

Въ день своей смерти Гротъ сказалъ, въ минуту краткаго просвѣтлѣнія сознанія: «*сегодня торжественный день*». Онъ былъ правъ. Для людей его закала смерть не есть уничтоженіе— это лишь день наступленія отчета передъ Пославшимъ въ міръ въ томъ, что сдѣлано для міра. Чѣмъ чище и богаче отчетъ, тѣмъ торжественнѣе и этотъ день.

Сходя въ могилу, Гротъ завѣщалъ созданнымъ имъ учрежденіямъ продолженіе своего дѣла. Вглядываясь въ дѣятельность попечительства послѣ его смерти, мы видимъ, что оно продолжаетъ служить его завѣтамъ. Сегодня и у попечительства торжественный день. Пускай же вокругъ этого памятника все шире и глубже развивается его дѣятельность и пусть съ благодарнымъ чувствомъ приходятъ къ памятнику спасенные отъ слѣпоты или отъ связанныхъ съ нею нищеты и безпомощности. Пусть живетъ среди нихъ свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто, покидая свою многотрудную и многополезную жизнь, могъ сказать словами евангельскаго слѣпца: «Я видѣлъ Христа, и Онъ говорилъ со мною»!

VI.

Два судебныхъ оратора.

(Докладъ въ обществѣ любителей ораторскаго искусства).

Въ первые годы по введеніи судебной реформы въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ,—блестяще опровергая унылыя предсказанія, что для новаго дѣла у насъ не найдется людей,—выдвинулись на первый планъ четыре выдающихся судебныхъ оратора. Это были Спасовичъ и Аресеньевъ въ Петербургѣ, Плевако и Урусовъ въ Москвѣ. Несмотря на отсутствіе предварительной технической подготовки, они проявили на собственномъ примѣрѣ всю даровитость славянской натуры и сразу стали въ уровень съ лучшими представителями западно-европейской адвокатуры. Трое изъ нихъ уже сошли со сцены, а послѣдній—К. К. Арсеньевъ — не выступаетъ болѣе въ судебныхъ засѣданіяхъ, отдавшись всецѣло дѣятельности журналиста и публициста. *Федоръ Никифоровичъ Плевако* замолкъ позднѣе другихъ, и мнѣ — старому судебному дѣятелю, слѣдившему иногда довольно близко за проявленіями его таланта, — хочется въ общихъ чертахъ помянуть его и попутно сопоставить съ нимъ князя *Александра Ивановича Урусова*.

Они не походили другъ на друга ни внѣшностью, ни душевнымъ складомъ, ни характерными особенностями и свойствами сво-

ихъ способностей. Крупное лицо *Урусова* съ ироническою складкою губъ и выраженіемъ нѣсколько высокомѣрной увѣренности въ себѣ не приковывало къ себѣ особаго вниманія. Это было одно изъ «славныхъ русскихъ лицъ», на которомъ, какъ и на всей фигурѣ Урусова, лежалъ отпечатокъ унаслѣдованнаго барства и многолѣтней культуры. Большее впечатлѣніе производилъ его голосъ, пріятный высокій баритонъ, которымъ звучала размѣренная, спокойная рѣчь его съ тонкими модуляціями. Въ его движеніяхъ и жестахъ сквозило, прежде всего, изысканное воспитаніе европейски-образованнаго человѣка. Даже иронія его, иногда жестокая и безпощадная, всегда облекалась въ форму особенной вѣжливости. Въ самомъ разгарѣ судебныхъ преній казалось, что онъ снисходитъ къ своему противнику и съ нѣкоторой брезгливостью разворачиваетъ и освѣщаетъ по-своему скорбныя или отталкивающія страницы дѣла.

Инымъ представлялся *Плевако*. Скуластое угловатое лицо калмыцкаго типа съ широко разставленными глазами, съ непослушными прядями длинныхъ темныхъ волосъ могло бы назваться безобразнымъ, если бы его не освѣщала внутренняя красота, сквозившая то въ общемъ одушевленномъ выраженіи, то въ доброй, львиной улыбкѣ, то въ огнѣ и блескѣ *говорящихъ* прекрасныхъ глазъ. Его движенія были неровны и подчасъ неловки; неладно сидѣлъ на немъ адвокатскій фракъ, а пришепетывающій голосъ шелъ, казалось, въ разрѣзъ съ его призваніемъ оратора. Но въ этомъ голосѣ звучали ноты такой силы и страсти, что онъ захватывалъ слушателя и покорялъ его себѣ. Въ противоположность барину-Урусову, Плевако во всей своей повадкѣ былъ демократъ-разночинецъ, познавшій родную жизнь во всѣхъ слояхъ русскаго общества,—способный, не теряя своего достоинства, подыматься до его верховъ и опускаться до его «дна»,—и тутъ и тамъ все понимая и всѣмъ понятный, всегда отзывчивый и простой. Онъ не «удостоивалъ» дѣло своимъ «просвѣщеннымъ вниманіемъ», подобно Урусову, а вторгался въ него какъ на арену борьбы, расточая удары направо и налѣво, волнуясь, увлекаясь и вкладывая въ него чаянія своей мятежной души. И если въ Урусовѣ чувствовался прежде всего талантливый адвокатъ, точ-

но опредѣлившій и измѣрившій поле судебной битвы, то въ Плевако, сквозь внѣшнее обличье защитника, выступалъ трибунъ, для котораго дѣло было лишь поводомъ и которому мѣшала ограда конкретнаго случая, стѣснявшая взмахъ его крыльевъ со всей присущею имъ силой.

Различно было и проявленіе особенностей ихъ ораторскаго труда. Основнымъ свойствомъ судебныхъ рѣчей Урусова была выдающаяся разсудочность. Отсюда чрезвычайная логичность всѣхъ его построеній, тщательный анализъ даннаго случая съ тонкою провѣркой удѣльнаго вѣса каждой улики или доказательства,—но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе общихъ началъ и отвлеченныхъ положеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дополнялъ свою рѣчь какимъ-нибудь афоризмомъ или цитатой, какъ выводомъ изъ разбора обстоятельствъ дѣла, но почти никогда онъ не отправлялся отъ какихъ-либо теоретическихъ положеній нравственной или соціальной окраски. Его рѣчь даже въ области общихъ выводовъ можно было уподобить великолѣпному ballon captif, крѣпко привязанному къ фактической почвѣ дѣла. Но зато на этой почвѣ онъ былъ искусный мастеръ блестящихъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ и породившей ихъ общественной среды. Достаточно вспомнить чудесную картину гнилой и преступной обстановки, въ которой дѣйствовали въ Петербургѣ разные темные «проводители дѣлъ» въ офиціальныхъ сферахъ, изображенную имъ по дѣлу Гулакъ-Артемовской,—или характеристику дружелюбно-взаимнаго неисполненія долга при ревизіи частнаго акціонернаго общества въ ущербъ довѣрчивымъ акціонерамъ, данную имъ въ дѣлѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита. На ряду съ такими характеристиками блисталъ его живой и подчасъ ядовитый юморъ, благодаря которому предъ слушателями, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, трагическіе и мрачные образы смѣнялись картинками, заставлявшими невольно улыбнуться надъ человѣческою глупостью и непослѣдовательностью. Остроумныя выходки Урусова иногда кололи очень больно, хотя онъ всегда зналъ въ этомъ отношеніи чувство мѣры. Но если рѣчь Урусова плѣняла своей выработанной стройностью, то зато ярко художественныхъ образовъ въ ней было мало:

онъ слишкомъ тщательно анатомировалъ дѣйствующихъ лицъ и самое событіе, подавшее поводъ къ процессу, и заботился о томъ, чтобы точно слѣдовать начертанному имъ заранѣе фарватеру. Изъ этого вытекала нѣкоторая схематичность, проглядывавшая почти во всѣхъ его рѣчахъ и почти не оставлявшая мѣста для яркихъ картинъ, остающихся въ памяти еще долго послѣ того, какъ красивая логическая постройка доводовъ и заключеній уже позабыта.

И совсѣмъ другимъ дышала рѣчь Плевако. Въ ней, какъ и въ рѣчахъ незабвеннаго Спасовича, всегда надъ житейской обстановкой дѣла, съ его уликами и доказательствами, возвышались, какъ маякъ, общія начала, то освѣщая путь, то помогая его отыскивать. Стремленіе указать внутренній смыслъ того или иного явленія или житейскаго положенія заставляло Плевако брать краски изъ существующихъ поэтическихъ образовъ или картинъ или рисовать ихъ самому съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ и, одушевляясь ими, доходить до своеобразнаго лиризма, производившаго не только сильное, но иногда неотразимое впечатлѣніе. Въ его рѣчахъ не было мѣста юмору или ироніи, но часто, въ особенности, гдѣ дѣло шло объ общественномъ явленіи, слышался съ трудомъ сдерживаемый гнѣвъ или страстный призывъ къ негодованію. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ въ рѣчи по дѣлу игуменіи Митрофаніи: «Путникъ, идущій мимо высокихъ стѣнъ Владычнаго монастыря, ввѣреннаго нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмовъ и думаетъ, что идетъ мимо дома Божьяго, а въ этомъ домѣ утренній звонъ подымаетъ настоятельницу и ея слугъ не на молитву, а на темныя дѣла! Вмѣсто храма—биржа, вмѣсто молящагося люда—аферисты и скупщики поддѣльныхъ документовъ, вмѣсто молитвы—упражненіе въ составленіи вексельныхъ текстовъ, вмѣсто подвиговъ добра—приготовленіе къ лживымъ показаніямъ—вотъ что скрывалось за стѣнами. Выше, выше стройте стѣны ввѣренныхъ вамъ общинъ, чтобы міру было не видно дѣлъ, которыя вы творите подъ покровомъ рясы и обители!» Нѣкоторыя изъ его рѣчей блистаютъ не фейерверкомъ остроумія, а трещатъ и пылаютъ, какъ разгорѣвшійся костеръ.

«Подсудимая скажетъ вамъ,—кончается та же рѣчь:—«да, я
многомъ не знала, что оно противозаконно. Я женщина». Вѣ
римъ, что многое, что написано въ книгахъ закона, вамъ невѣ
домо. Но вѣдь въ этомъ же законѣ есть и такія правила, которы
давнымъ-давно приняты человѣчествомъ, какъ основы нравствен
наго и правового порядка. Съ вершины дымящагося Синая ска
зано человѣчеству: «не укради»... вы не могли не знать этого, а
что вы творите?—вы обираете до нищеты прибѣгнувшихъ къ ва
шей помощи. Съ вершины Синая сказано: «не лжесвидѣтель
ствуй»,—а вы посылаете ввѣрившихъ вамъ свое спасеніе ино
кинь говорить неправду и губите ихъ совѣсть и доброе имя. От
туда же запрещено всуе призывать имя Господне, а вы, призы
вая Его благословеніе на ваши подлоги и обманы, дерзаете хо
тѣть обмануть правосудіе и свалить съ себя вину на неповинныхъ.
Нѣтъ, этого вамъ не удастся: наше правосудіе молодо и сильно, и
чутка судейская совѣсть!»

Изъ этихъ свойствъ двухъ выдающихся московскихъ орато
ровъ вытекало и отношеніе ихъ къ изученію дѣла. Урусовъ изу
чалъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, систематически разлагая
его обстоятельства на отдѣльныя группы по ихъ значенію и важ
ности. Онъ любилъ составлять для себя особыя таблицы, на ко
торыхъ въ концентрическихъ кругахъ бывали изображены улики
и доказательства, и тому, кто видѣлъ такія таблицы предъ за
сѣданіемъ, было ясно, при слушаніи рѣчи Урусова, какъ онъ пе
реходитъ въ своемъ анализѣ и опроверженіяхъ постепенно отъ
периферіи къ центру обвиненія, какъ онъ накладываетъ на свое
полотно сначала фонъ, потомъ легкіе контуры и затѣмъ посте
пенно усиливаетъ краски. Наоборотъ, напрасно было бы искать
такой систематичности въ рѣчахъ Плевако. Въ построеніи ихъ
никогда не чувствовалось предварительной подготовки и сораз
мѣрности частей. Видно было, что живой матеріалъ дѣла, раз
вертывавшійся передъ нимъ въ судебномъ засѣданіи, вліялъ на
его впечатлительность и заставлялъ лѣпить рѣчь дрожащими
отъ волненія руками скульптора, которому хочется сразу пере
дать свою мысль, пренебрегая отдѣлкою частей и по нѣсколько
разъ возвращаясь къ тому, что ему кажется самымъ важнымъ

въ его произведеніи. Не разъ приходилось замѣчать, что и въ ознакомленіе съ дѣлами онъ вносилъ ту же неравномѣрность и, отдавшись овладѣвшей имъ идеѣ защиты, недостаточно внимательно изучалъ, а иногда и вовсе не изучалъ подробностей. Его рѣчи по большей части носили на себѣ слѣдъ неподдѣльнаго вдохновенія. Оно овладѣвало имъ, вѣроятно, иногда совершенно неожиданно и для него самого. Въ эти минуты онъ былъ похожъ на тѣхъ русскихъ сектантовъ мистическихъ вѣроученій, которые во время своихъ радѣній вдругъ приходятъ въ экстазъ и объясняютъ это тѣмъ, что на нихъ «духъ накатилъ». Такъ «накатывало» и на Плевако. Мнѣ вспоминается защита имъ въ Сенатѣ бывшаго предсѣдателя одного изъ крупныхъ судовъ, обвиняемаго въ преступномъ попустительствѣ растраты его непосредственнымъ подчиненнымъ денегъ, отпущенныхъ на ремонтъ суда. Несчастный подсудимый, попавшій съ блестящаго судебнаго пути на скамью подсудимыхъ, убитый и опозоренный, постарѣвшій за два года на двадцать лѣтъ, сидѣлъ предъ сенаторами и сословными представителями, низко опустивъ свое исхудалое, пожелтѣвшее лицо. Во время перекрестнаго допроса обнаружилось, что защитникъ почти совсѣмъ не изучилъ дѣла, а, ограничившись однимъ обвинительнымъ актомъ, путалъ свидѣтелей и сбивался самъ. Но вотъ начались судебныя пренія. Обвинитель—товарищъ оберъ-прокурора—сказалъ сильную, обстоятельную рѣчь и закончилъ ее приглашеніемъ судей вспомнить, какъ высоко стоялъ подсудимый на ступеняхъ общественной лѣстницы и какъ низко онъ палъ, и, примѣняя къ нему заслуженную кару, не забыть, что «кому много дано, съ того много и спросится». Фактическая сторона рѣчи Плевако была, какъ и слѣдовало ожидать по перекрестному допросу, довольно слаба, но зато картина нашей родной, благодушной распущенности, благодаря которой легкомысленная довѣрчивость такъ часто переходитъ въ преступное пособничество, была превосходна. Заключая свою защиту, Плевако «нашелъ себя» и, вспомнивъ слова обвинителя, сказалъ голосомъ, идущимъ изъ души и въ душу: «вамъ говорятъ, что онъ высоко стоялъ и низко упалъ, и во имя этого требуютъ строгой кары, потому что съ него должно

«спроситься». Но, господа, вотъ онъ предъ вами, онъ, стоявшій такъ высоко! Посмотрите на него, подумайте о его разбившейся жизни—развѣ съ него уже не достаточно спрошено? Припомните, *что* ему пришлось перестрадать въ неизбѣжномъ ожиданіи этой скамьи и во время пребыванія на ней. Высоко стоялъ... низко упалъ... вѣдь это только начало и конецъ, а *что* было пережито между ними! Господа, будьте милосердны и справедливы и, вспоминая о высотѣ положенія и о томъ, какъ низко онъ упалъ, подумайте о *дугѣ паденія!*» — Въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина говорится о поэтѣ: «Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется — душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ». Но «божественный глаголъ» говоритъ сердцу чуткаго человѣка не одними словами красоты и любви: онъ будитъ въ немъ и чувство прощенія и милости. Такой голосъ очевидно прозвучалъ для Плевако и заставилъ его проснуться и встрепенуться. Надо было слышать его въ эти минуты, видѣть его жестъ, описавшій дугу, чтобы, по выраженію его преобразившагося отъ внутренняго восторга лица, понять, что на него «накатилъ»...

Различно было и отношеніе каждаго изъ нихъ къ великимъ благамъ судебной реформы. Для Урусова — западно-европейца въ душѣ — Судебные Уставы были сколкомъ и проявленіемъ одной изъ сторонъ дорогой его мечтамъ и еще неиспытанной нами западной политической жизни, а судъ присяжныхъ являлся учрежденіемъ, предъ которымъ, за неимѣніемъ лучшаго, можно было проявить свой ораторскій талантъ и блескъ своего общаго образованія. Для Плевако—Судебные Уставы были священными вратами, чрезъ которыя въ общественную жизнь входила пробужденная русская мысль и народное правосознаніе. Для него судъ присяжныхъ являлся не только той «новизной», въ «которой старина наша слышалась», но и исходомъ для народнаго духа, призваннаго проявить себя въ вопросахъ совѣсти и въ защитѣ народнаго міровоззрѣнія на коренныя начала общественнаго уклада. Поэтому онъ гораздо больше, чѣмъ Урусовъ, изучалъ Судебные Уставы, вникая въ нравственное и историческое содержаніе ихъ отдѣльныхъ частей и разсыпая въ своихъ

судебныхъ рѣчахъ и въ кассаціонныхъ аргументахъ глубокія по мысли, прекрасныя по формѣ опредѣленія значенія и внутренняго смысла нашихъ процессуальныхъ институтовъ. Его взгляды и теоріи не всегда можно было раздѣлить: проза буквы закона иногда лишала возможности согласиться съ увлекательностью его положеній и съ его восторженными *надстройками* надъ Судебными Уставами. Не думаю, однако, чтобы ему можно было когда-либо сдѣлать упрекъ, обращенный мною однажды въ шутливой формѣ къ Урусову и который онъ впослѣдствіи добродушно вспоминалъ въ своихъ письмахъ ко мнѣ. «Поменьше бы таблицъ, побольше бы Уставовъ», — сказалъ я ему, предсѣдательствуя въ одномъ большомъ дѣлѣ и разсматривая въ перерывъ засѣданія его излюбленныя таблицы концентрическихъ круговъ. Теоретически ставя судъ присяжныхъ очень высоко, Урусовъ не вѣрилъ ни въ его непогрѣшимость, ни въ свойственный ему здравый смыслъ... Онъ допускалъ это лишь постольку, поскольку былъ согласенъ съ приговоромъ; въ противномъ случаѣ въ рѣчахъ и кассаціонныхъ жалобахъ своихъ онъ неособенно скупился на ироническую критику не всегда удачныхъ по формѣ отвѣтовъ присяжныхъ на поставленные имъ вопросы. Да и въ рѣчахъ его довольно часто и не безъ пользы для дѣла звучало поученіе присяжнымъ, конечно, болѣе талантливое, чѣмъ то, которое давалось обыкновенно въ безцвѣтныхъ «руководящихъ напутствіяхъ» предсѣдателей. Въ его рѣчахъ къ присяжнымъ всегда сквозило широкое образованіе человѣка, знакомаго въ *главныхъ чертахъ* съ правовыми вопросами, который популяризировалъ свой взглядъ на дѣло въ цѣляхъ вліянія на собравшихся предъ нимъ случайныхъ людей, къ низшей степени разнообразнаго развитія которыхъ онъ искусно приноровлялъ изложеніе хода своего мышленія.

Инымъ было отношеніе къ присяжнымъ Плевако—отношеніе, если можно такъ выразиться, проникновенное и подчасъ умиленное. Для него они были указанные судьбою носители народной мудрости и правды. Онъ былъ далекъ отъ поученія ихъ и руководства ими. Не отдѣляя себя отъ нихъ, онъ входилъ своимъ могучимъ словомъ въ ихъ среду и сливался съ ними въ одномъ,

имъ возбужденномъ чувствѣ, а иногда и въ вѣковомъ міросозерцаніи.

Не похоже было у нихъ и начало ихъ судебной карьеры. Плевако сразу пошелъ на адвокатскую дѣятельность и пріобрѣталъ извѣстность понемногу. Урусовъ вначалѣ искалъ службы, готовъ былъ стать судебнымъ слѣдователемъ, и лишь счастливая судьба въ лицѣ прокурора судебной палаты, убоявшагося его молодости и неопытности, не дала заглохнуть его силамъ въ провинціальной глуши и толкнула его въ адвокатуру. Но зато здѣсь его съ первыхъ же шаговъ ждалъ огромный, неслыханный дотолѣ успѣхъ. Войдя въ залу судебнаго засѣданія московскаго окружного суда по дѣлу Мавры Волоховой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, какъ скромный кандитатъ на судебныя должности, назначенный защищать,—онъ вышелъ изъ нея сопровождаемый слезами и восторгомъ слушателей — и сразу повитый славой, которая затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ему ни разу не измѣнила.

Люди разнаго склада, они встрѣтились черезъ нѣсколько лѣтъ въ Рязани на громкомъ процессѣ, гдѣ передъ присяжными предстали принадлежавшіе къ высшему мѣстному обществу полковникъ и его возлюбленная, употребившіе средство, чтобы погасить молодую жизнь, ими данную и обличавшую ихъ близость. Это былъ бой гигантовъ слова: защита одной противорѣчила защитѣ другого, такъ какъ обвиняемые складывали не только тяжесть своего поступка, но и побужденія къ нему другъ на друга. Трудно отдать преимущество въ этомъ состязаніи кому-либо изъ двухъ бойцовъ. Все, что могли дать красота, блескъ и архитектурная гармонія изложенія и даже мало свойственный Урусову паѳосъ для того, чтобы «склонить непокорную выю обвиняемаго подъ желѣзное ярмо уголовнаго закона», — все это было дано Урусовымъ. Все, что можно было взять изъ книги жизненной правды, изъ глубокой вдумчивости въ сложную игру любви и ненависти, страха и мщенія для того, чтобы повернуть съ удивительнымъ искусствомъ и заразительною искренностью возмущенное чувство въ другую сторону, — было взято Плевако. Знакомство съ этимъ процессомъ слѣдовало

бы рекомендовать всѣмъ начинающимъ судебнымъ ораторамъ: изъ рѣчей обоихъ противниковъ они могутъ увидѣть, какъ въ стремленіи къ тому, что кажется правымъ, глубочайшая мысль должна сливаться съ простѣйшимъ словомъ, — какъ на судѣ надо говорить *все*, что нужно, и только то, *что* нужно, и научиться, что лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать ничего.

Двѣ точки зрѣнія существуютъ на уголовную защиту. Она есть *общественное служеніе*, говорятъ одни. Уголовный защитникъ долженъ быть, по словамъ Квинтиліана, «мужъ добрый, опытный въ словѣ», вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, безкорыстный и независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій и солидарный съ товарищами; онъ правозаступникъ, но не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія; онъ другъ, онъ совѣтникъ человѣка, который, по его мнѣнію, не виновенъ *вовсе* или вовсе не такъ и не въ томъ виновенъ, *какъ* и *въ чемъ* его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента, онъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи слуга государства, и эта роль почтенна, такъ какъ нѣтъ такого преступнаго и падшаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому было бы совершенно безполезно выслушать слово снисхожденія. Уголовный защитникъ — говорятъ другіе — есть производитель труда, представляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемаго въ зависимости отъ тяжести работы и способности работника. Какъ для врача въ его практической дѣятельности не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть больные, страданія которыхъ надо облегчить, такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія имѣетъ свои достоинства и спорныя стороны, и преобладаніе въ дѣятельности защитника той или другой оправдывается не только темпераментомъ и личными вкусами, но въ значительной степени задачами су-

дебнаго состязанія. Элементъ общественнаго служенія преоладалъ въ дѣятельности Плевако. Онъ отдавалъ нерѣдко оружіе своего сильнаго слова на защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ», на предстательство за бѣдныхъ, слабыхъ и темныхъ людей, нарушившихъ законъ по заблужденію или потому, что съ ними поступали хотя и легально, но «не по Божьи». Достаточно вспомнить дѣло о расхищеніи капитала кіевскихъ старообрядцевъ или знаменитое дѣло Люторическихъ крестьянъ выступленіе по которому Плевако было, по условіямъ времени своего рода гражданскимъ подвигомъ. Онъ являлся и въ роли обвинителя, когда за спиною отдѣльныхъ личностей виднѣлся такой порядокъ вещей, которому въ интересахъ общественнаго добра надо было наносить, выражаясь словами Петра Великаго «немилостивые побои». Таковы двѣ его рѣчи по дѣлу игумена Митрофаніи и въ особенности вторая, напоминающая широкую и быструю рѣку, уносящую возраженія противника, какъ брошенныя въ нее вѣтви. Урусовъ былъ скорѣе врачъ у постели больного, тотъ врачъ, который иногда, приложивъ все свое искусство къ лѣченію и достигнувъ блестящаго исцѣленія, едва ли особенно желаетъ продолженія отношеній личнаго знакомства съ вырваннымъ имъ изъ когтей болѣзни. Но ни одинъ изъ нихъ не подавалъ повода къ справедливой тревогѣ, которая возникаетъ въ тѣхъ, къ счастію, довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда *защита преступника* обращается въ *оправданіе преступленія*, при чемъ потерпѣвшаго и виновнаго, искусно извращая перспективу дѣла, заставляютъ помѣняться ролями. Оба оратора также совершенно свободны были въ своей дѣятельности отъ упрека въ томъ, что они приносятъ дѣйствительные интересы обвиняемаго въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени и человѣка, а иногда и самый судъ присяжныхъ обращаютъ въ средство для своихъ личныхъ рекламныхъ цѣлей. Не они искали громкихъ и сенсаціонныхъ дѣлъ: ихъ искали эти дѣла...

Свойства дарованія и пріемы работы Урусова были слишкомъ индивидуальны, чтобы создать ему учениковъ. Могли быть только подражатели, да и то, если бы судьба ихъ одарила и физи-

чески такъ же, какъ ихъ образецъ. Но подражать Плевако было, по моему мнѣнію, невозможно, какъ нельзя подражать вдохновенію. Такое подражаніе всегда звучало бы фальшиво и рѣзало бы ухо, не достигая сердца. Но учениковъ онъ создалъ въ смыслѣ умѣнія подниматься отъ частнаго къ общему и итти не только по прямой линіи логическихъ размышленій, но и по всѣмъ радіусамъ бытового и общественнаго явленія во всей его цѣльности.

Такъ шли они — Урусовъ и Плевако, раздѣляемые взглядами, пріемами и симпатіями, сходясь и расходясь, въ теченіе долгихъ лѣтъ съ достоинствомъ неся службу слову, которая привлекла ихъ къ себѣ на яркой зарѣ Судебныхъ Уставовъ и которой они остались вѣрны, когда для этихъ Уставовъ наступили сумерки, предвѣщавшія недалекую тьму. Урусовъ не дожилъ до начала того перерожденія Россіи, которое переживаемъ мы, и былъ лишенъ возможности воскликнуть вмѣстѣ съ Пушкинымъ, котораго онъ — тонкій критикъ — сознательно любилъ и изучалъ: «да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!» Да и вообще, несмотря на блестящій успѣхъ первыхъ шаговъ его дѣятельности, судьба не была милостива къ Урусову, и онъ много выстрадалъ въ жизни. Вынужденное бездѣйствіе вслѣдствіе административной ссылки въ Венденъ въ самомъ разгарѣ блестящей дѣятельности не могло не отразиться на его душевныхъ силахъ. Медленное завоеваніе прежняго положенія—при чемъ онъ долженъ былъ пройти искусъ пребыванія въ прокурорскомъ надзорѣ и сопряженную съ этимъ іерархическую подчиненность—стоило ему много. Когда онъ снова сдѣлался адвокатомъ, у него уже не было бодрыхъ молодыхъ силъ и подкупающаго молодого задора. Житейскій опытъ принесъ много разочарованій и ничего не далъ для дальнѣйшаго развитія таланта. Наставшая затѣмъ жизнь въ Москвѣ въ средѣ друзей и любимыхъ занятій литературой, искусствомъ, коллекціонерствомъ, устройствомъ своего home могла бы дать позабыть грустные года насильственнаго молчанія и исканія исхода въ мелкой журнальной работѣ. Но медленно, безпощадно и неотвратимо подкрался недугъ и подточилъ его силы. Отнявъ устойчивость на ногахъ и слухъ,

онъ сжалъ его въ объятіяхъ жестокихъ мученій, заставлявшихъ этого человѣка, такъ любившаго жизнь, жадно ждать смерти какъ «небытія». Нѣтъ сомнѣнія, что доживи онъ до нашихъ представительныхъ учрежденій, онъ занялъ бы въ нихъ видное мѣсто въ ряду прогрессивныхъ дѣятелей. Въ его рѣчахъ блистали бы умѣстныя и умныя цитаты, хорошо продуманные историческіе примѣры, тонкія и остроумныя сравненія, — стрѣлы его иронiи больно задѣвали бы тѣхъ, на кого онѣ направлялись, и веселили бы единомышленниковъ, — а по національнымъ и религіознымъ вопросамъ онъ, конечно, подымался бы на высоту общечеловѣческихъ началъ и гуманности. Въ его словахъ звучали бы подчасъ протестъ и сарказмъ Вольтера. Но едва ли ему довелось бы проявить большое вліяніе: политическое краснорѣчіе совсѣмъ не то, что краснорѣчіе судебное. Въ основаніи послѣдняго лежитъ необходимость доказывать и убѣждать, то-есть, иными словами, необходимость склонять слушателей присоединиться къ своему мнѣнію. Но политическій ораторъ немногаго достигнетъ, убѣждая и доказывая. У него та же задача, хотя и въ другихъ формахъ, какъ у служителя искусства: онъ долженъ, по выраженію Жоржъ Зандъ, «montrer et e'mouvoir», то-есть освѣщать извѣстное явленіе всею силою своего слова и, умѣя уловить создающееся у большинства отношеніе къ этому явленію, придать ему дѣйствующее на чувство выраженіе. Ему слѣдуетъ связать воедино чувства, возбуждаемыя яркимъ образомъ, и дать имъ воплощеніе въ легкомъ по усвоенію, полновѣсномъ по содержанію словѣ.

Для этой роли былъ созданъ Плевако. Уже больной и слабый, онъ успѣлъ произвести впечатлѣніе своею рѣчью и уловить единодушное настроеніе нижней палаты своимъ предложеніемъ «выйти изъ рубашки ребенка и облечься въ тогу мужа». Политическая рѣчь должна представлять не мозаику, не поражающую тщательнымъ изображеніемъ картину,—не изящную акварель, а рѣзкіе общіе контуры и Рембрандтовскую «свѣтотѣнь». Легкій, но неотлучный скептицизмъ мѣшалъ бы въ этомъ Урусову и, наоборотъ, мнѣ думается, что когда нужно было бы передать слушателямъ свою горячую вѣру и зажечь пламя

въ ихъ душахъ, — однимъ словомъ, когда нужно было бы явиться не вождемъ единомышленныхъ взглядовъ, но вождемъ сердецъ, Плевако былъ бы трудно замѣнимъ. Судьба замкнула его уста при первомъ шагѣ въ обѣтованную землю, открывшуюся передъ нимъ. Но уже и въ томъ, что она открылась его взору, для человѣка его поколѣнія было счастье. Русскій человѣкъ до мозга костей, неуравновѣшенный и размашистый по натурѣ, мало читавшій, но много думавшій, глубоко религіозный, знатокъ и любитель Писанія, онъ былъ типическимъ выразителемъ своей родины и москвичемъ «съ ногъ до головы». И въ то время, когда въ мечтахъ объ отдыхѣ у европейца - Урусова, толкователя и поклонника Флобера, мастерски говорившаго по-французски и съ успѣхомъ выступавшаго предъ Парижскимъ судомъ въ шапкѣ и тогѣ адвоката, вѣроятно, носились весело озаренныя солнцемъ Елисейскія поля Парижа, оживленныя движеніемъ пестрой, изящной толпы, мысли Плевако неслись на Воробьевы горы, витали вокругъ старыхъ стѣнъ и башенъ Дѣвичьяго монастыря и упивались воспоминаніемъ о вечернемъ звонѣ «сорока сороковъ».

Ихъ обоихъ уже нѣтъ. Они ушли, оставивъ по себѣ яркую и живую память въ исторіи русской адвокатуры и въ тѣхъ, кто могъ лично въ нихъ вглядѣться и къ нимъ прислушаться. Мы живемъ въ сѣрое время; сѣрые, лишенные оригинальности люди дѣйствуютъ вокругъ насъ и своею массой затираютъ немногихъ выдающихся людей. Но эта полоса должна пройти! Урусовъ и Плевако были для своихъ современниковъ людьми, показавшими, какія способности и силы можетъ заключать въ себѣ природа русскаго человѣка, когда для нихъ открытъ подходящій путь. Провидѣніе ведетъ нашу родину дорогою тяжелыхъ испытаній, но пути къ проявленію силъ и способностей умножаются и расширяются, — поэтому должны, не могутъ не явиться и новые ихъ носители! Они *были*, и хочется думать, что Тургеневскій Уваръ Ивановичъ, поигравъ перстами и задумчиво поглядѣвъ вдаль, скажетъ еще разъ: «*будутъ!*»

VII.

Памяти Я. Г. Есиповича.

(Рѣчь въ I Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената 8 сентября 1906 г.)

Когда сходитъ съ житейскаго поприща многолѣтній труженикъ въ дѣлѣ служенія государству и обществу, и лица, близко знакомыя съ его дѣятельностью, собравшись его помянуть, рисуютъ въ подробностяхъ пройденный имъ путь, — мысль невольно стремится заглянуть въ тѣ стороны его жизни, которыя существовали независимо и помимо его службы. Не простое любопытство тому причиной. Образъ усопшаго неясенъ и неполонъ, если не знать, *какъ* и *чѣмъ* наполнялъ онъ свой рѣдкій досугъ и дни заслуженнаго отдыха, — если не вѣдать, *что* интересовало его въ прошломъ родины и къ какимъ житейскимъ выводамъ пришелъ онъ въ концѣ жизни, когда въ душѣ всякаго мыслящаго человѣка наступаетъ по отношенію ко многому «переоцѣнка цѣнностей». Нельзя безъ чувства глубокаго уваженія думать о человѣкѣ, не знавшемъ празднаго и суетнаго отдыха и умѣвшемъ дѣлиться съ другими своими знаніями, дѣлая посильный вкладъ въ родную науку,—и раскрывать передъ ними свои думы и чувства по поводу смысла и задачъ земного существованія.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Яковъ Григорьевичъ Еси-

овичъ, оставившій слѣдъ своей духовной дѣятельности въ юри-
ическихъ работахъ и въ трудѣ по психо-біологіи. Еще на сту-
енческой скамьѣ московскаго университета онъ получилъ
ъ 1842 г. золотую медаль за изслѣдованіе объ уголовномъ пра-
ѣ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича. И съ тѣхъ поръ
нъ неоднократно возвращался къ работамъ по этому юриди-
ескому памятнику, который недаромъ обратилъ на себя вни-
аніе такихъ ученыхъ, какъ Кавелинъ и Неволинъ и въ осо-
енности Строевъ и Морошкинъ. Оба послѣдніе были пред-
тавителями двоякаго отношенія къ Уложенію. По мнѣнію
однихъ, во главѣ которыхъ стоялъ Строевъ, оно было вызвано
еобходимостью правового возсозданія Россіи послѣ полнаго
азстройства государственнаго и общественнаго ея организма,
ызваннаго кровавой междоусобицей, бывшей послѣдствіемъ
гоистической политики Годунова и Лжедимитрія, направлен-
ой на утѣсненіе бояръ, и политики Шуйскаго, стремившаго-
я утѣснять народъ, при чемъ развратились и народъ и бояре.
Но составители Уложенія не сумѣли создать изъ него кодексъ,
оно явилось простымъ сводомъ, чуждымъ умозрительныхъ
ачалъ, единства духа и твердо выдержанной системы, явилось
ъ рѣзко выраженнымъ двойственнымъ характеромъ, въ которомъ
на ряду съ истинно евангельской кротостью поставлена была
еумолимая жестокость. Блестящимъ выразителемъ другого
направленія былъ Ѳ. Л. Морошкинъ, замѣчательная рѣчь кото-
раго «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи» проникнута
осторженнымъ отношеніемъ къ этой соборной работѣ, напра-
ленной къ тому, «чтобы Московскаго государства всякихъ чи-
новъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа
была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна», — работѣ, которая не
олько не останавливала развитія судебной юриспруденціи,
но сообщала ей новое движеніе и новую, гораздо болѣе обшир-
ную, чѣмъ прежде, дѣятельность.

Свободный отъ увлеченій въ ту или другую сторону, вдум-
чивый и тщательный изслѣдователь памятниковъ, Есиповичъ
выступилъ въ 1855 году критикомъ взглядовъ Кавелина и Ли-
новскаго, высказанныхъ первымъ изъ нихъ въ «Юридическомъ

сборникѣ» Мейера, а вторымъ—въ «Изслѣдованіи началъ уг
ловнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Ми
хайловича» (1847 г.). Статья его въ «Библіотекѣ для чтенія» пре
ставляетъ строго провѣренную картину уголовнаго судоустрой
ства по Уложенію и анализъ разницы понятій о «спорныхъ дѣ
лахъ» и «истцовыхъ искахъ», доказывающій оспариваемую нѣк
торыми коллегіальность суда положенію. Въ 1859 году в
«Журналѣ Министерства Юстиціи» помѣщена обширная стать
Есиповича «Литературная разработка и общая характеристик
Уложенія 1649 года», представляющая самостоятельную и по
дробную оцѣнку этого памятника и изобилующая многими глу
бокими и вмѣстѣ остроумными выводами и замѣчаніями по повод
взгляда его составителей на улики и доказательства и способ
ихъ добыванія, при чемъ авторъ съ большой убѣдительность
полемизируетъ противъ выводовъ проф. Линовскаго въ его «Исто
рическихъ разысканіяхъ о слѣдственномъ уголовномъ судопро
изводствѣ въ Россіи» (1849 г.). По мнѣнію Есиповича, Уложени
не представляетъ чего-либо цѣльнаго и послѣдовательнаго. Эт
законодательство переходное, не трудъ оконченный, но лиш
подвигъ къ труду, «сочиненіе съ обѣщаніемъ продолженія,—
авторы котораго стремятся побѣдить трудности, созданны
временемъ, и въ то же время не могутъ стать выше своего вре
мени». Но оно въ своей исторической преемственности превы
шаетъ всѣ предшествующіе памятники. Оно дано народной жи
знью и народно по своимъ источникамъ и по началамъ, по
внутреннему содержанію, по обилію здраваго смысла и по язы
ку. Недаромъ русскій народъ принялъ его съ большимъ сочув
ствіемъ, сознавая, что въ свои столбцы оно включило и обычное
право, хотя и не указывая на него прямо, но часто употребля
выраженіе «а того не повелося». Какъ народное законодательство
Уложеніе отражаетъ на себѣ и выдерживаетъ характеръ того
народа, которымъ и для котораго оно создано. Вѣрованія на
рода, его частный и семейный бытъ, его экономическое состо
яніе находятъ себѣ выраженіе и въ опредѣленіяхъ преступныхъ
дѣяній по Уложенію, и въ назначаемыхъ имъ карахъ. За пол
вѣка до дѣятельности Петра Великаго Уложеніе, по справедли

вому замѣчанію Есиповича, почти не знаетъ государства и всю внѣшнюю и внутреннюю его жизнь сводитъ къ особѣ Государя и къ его «великому Государеву дѣлу», внося этотъ взглядъ даже и въ международныя отношенія. «А будетъ» — говоритъ оно — «у Московскаго Государства война начнется или въ которое время Государь кому своему Государеву недругу изволитъ мстить недружбой» и т. д. Не преклоняясь, подобно нѣкоторымъ, предъ этимъ юридическимъ памятникомъ до исканія въ немъ основъ для современнаго ему законодательства, Есиповичъ отдаетъ ему справедливость, цѣнитъ въ немъ жизненную работу, отвѣчающую требованіямъ своего времени и своего народа, отдающимъ послѣднему то, что взято у него, какъ выработанное его нравственностью, его внутреннею самобытностью и его историческою жизнью. «По Уложенію 1649 года», — говоритъ Есиповичъ, — «мы можемъ изучать душу нашихъ предковъ и возсоздать для себя ихъ внутреннюю жизнь; оно передаетъ безпристрастное и вѣрное свидѣтельство о томъ, каковы мы были до вліянія на насъ европейской цивилизаціи; его свидѣтельства нельзя ни заподозрѣть, ни отвести».

Такъ закончилъ молодой помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта юридическую работу, начатую имъ еще студентомъ. Но преклонный его возрастъ ознаменовался другимъ трудомъ. Семидесяти семи лѣтъ отъ роду, въ томъ возрастѣ, когда большинство людей замыкается въ узкую заботу о личныхъ удобствахъ, холодно смотритъ на прошлое и безучастно на будущее, лишь боязливо отгоняя отъ себя мысль о смерти, онъ предпринялъ подведеніе «*Итога жизни*», изданнаго имъ въ 1897 году. Одно перечисленіе главъ этого труда, написаннаго живымъ и красивымъ языкомъ, показываетъ, какіе вѣчные вопросы возникали въ его чуткой душѣ и заставляли его внимательно слѣдить за всѣми новыми взглядами въ ученіи о душевныхъ проявленіяхъ и за новыми теоріями и открытіями въ области естественныхъ наукъ и преимущественно въ біологіи. *Смерть; — что такое человѣкъ;—нормальная человѣческая жизнь;—современныя утопіи;—осуществленіе идей добра, любви и милосердія; верховный законъ существованія*,—таковы предметы его продуман-

ныхъ за долгіе годы изслѣдованій, облеченныхъ въ прочувствованную форму. Было бы неумѣстно говорить подробно о разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ Есиповичемъ, проявлявшимъ при этомъ обширную и самую разностороннюю начитанность. Достаточно сказать, что, отправляясь отъ неизбѣжности смерти, когда «все кончено, порваны всѣ связи съ міромъ, ничего не осталось ни звука голоса, ни свѣта глазъ, ни чувства, ни движенія, когда разбитъ, разрушенъ и погребенъ міръ надеждъ, желаній, ожиданій добра и зла», онъ останавливается на вопросѣ: все ли, однако, разрушено и погребено,—и приходитъ къ необходимости разсмотрѣть, что такое человѣкъ и что такое его призваніе и назначеніе. Подробно разбирая затѣмъ дарвинизмъ и генеалогію предковъ, составленную Геккелемъ, приводя рядъ научныхъ по смыслу и остроумныхъ по изложенію доводовъ противъ прямого происхожденія человѣка отъ обезьяны, онъ находитъ, что формула «cogito ergo sum» не пустая фраза, а начертаніе безусловнаго различія человѣка отъ животныхъ, живущихъ всегда и во всѣ времена подъ вліяніемъ одного и того же неизмѣняющагося закона физическаго матеріальнаго существованія, тогда какъ человѣкъ въ своей дѣятельности является существомъ, заключающимъ въ себѣ духовную субстанцію, способную къ безконечному совершенствованію. Не отрицая значенія знаменитой «борьбы за существованіе», но указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на двойственность духовной и физической природы человѣка, онъ приходитъ къ выводу, что у человѣка эта борьба должна выразиться прежде всего въ борьбѣ съ самимъ собою, т. е. со своими низменными инстинктами, и съ глубокимъ убѣжденіемъ провозглашаетъ свое согласіе съ Луи Фигье въ томъ, что смерть составляетъ только правильное событіе въ нашей судьбѣ, которое не прерываетъ продолжаемости существованія человѣческой личности въ томъ таинственномъ «по ту сторону», которое недоступно человѣческому знанію. Переходя затѣмъ къ нормальной человѣческой жизни и оцѣнивая ея условія не съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ, тщеславнаго удовлетворенія или піетистическаго подавленія голоса природы, но съ точки зрѣнія memento mori, какъ указанія на неизбѣжность загробной жизни

духа, онъ находитъ, что единственное условіе нормальной жизни состоитъ «во всеобщемъ благорасположеніи ко всѣмъ, въ непоколебимой и безграничной добротѣ, въ безконечной и всеобъемлющей любви, доходящей до благотворенія врагамъ и ненавидящимъ насъ, въ любви всепрощающей, которую проповѣдуетъ христіанская вѣра и проповѣдуетъ съ такою ясностью, убѣдительностью и непреложностью и такъ согласно съ человѣческою природой, что ей должно, безспорно, принадлежать названіе божественной, дѣйствительно открывшей человѣку и сущность его природы, и сущность его прямого назначенія».

Вѣруя въ будущность человѣчества при условіи развитія альтруистическихъ свойствъ человѣческой природы, Есиповичъ не закрываетъ глазъ на нашу эпоху, «полную всевозможныхъ неправдъ, хищеній и насилій — частныхъ, общественныхъ и международныхъ,—подъ вліяніемъ безпощаднаго и безсмысленнаго эгоизма, не отступающаго ни передъ чѣмъ и избравшаго своимъ девизомъ: «все и всѣ для меня, для удовлетворенія моихъ прихотей и страстей, моей жадности и тщеславія, моего каприза и произвола, и ничего, ничего для другихъ». Поэтому, считая справедливою борьбу противъ тѣхъ, кого онъ называетъ *ренегатами человѣчности*, онъ горячо вооружается противъ ученія о непротивленіи злу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь восторженнымъ поклонникомъ честнаго и добросовѣстнаго труда, онъ не можетъ согласиться съ осужденіемъ того или другого его вида по наклеенному на немъ ярлыку и считаетъ неправильнымъ огульное осужденіе всякаго умственнаго труда и униженіе его предъ трудомъ ручнымъ, матеріальнымъ. «Предосудителенъ» — восклицаетъ онъ — «лишь только тотъ трудъ, который направленъ къ развращенію, униженію или угнетенію людей или же къ недобросовѣстной, явной и тайной ихъ эксплоатаціи». Начертывая пути распространенія идей любви, добра и милосердія и видя въ осуществленіи ихъ нравственное обязательство человѣчества по правилу «noblesse oblige», онъ примыкаетъ ко взглядамъ «великаго писателя земли русской», съ которымъ не разъ, впрочемъ, полемизируетъ въ своей книгѣ. И онъ также находитъ, что прежде всего въ отдѣльныхъ людяхъ и во всемъ человѣчествѣ

долженъ совершиться духовно-нравственный переворотъ, а затѣмъ уже послѣдуетъ неизбѣжно и соотвѣтствующій переворотъ во внѣшней жизни. Ссылаясь на слова «нравственное обновленіе источникъ всякаго дѣйствительнаго прогресса», онъ признаетъ что простое и безхитростное осуществленіе въ жизни идей добра и милосердія, безъ лицемѣрныхъ поддѣлокъ подъ благотворительность или общественную пользу, возможно для каждаго, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, если онъ дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ желаетъ облегчать и устранять горе, лишенія и страданія всѣхъ тѣхъ, кому онъ можетъ оказать какую-либо помощь. Когда такое сознаніе проникнетъ въ душу большинства людей и будетъ насаждено въ ней воспитаніемъ и пониманіемъ истиннаго назначенія жизни, тогда, наконецъ, человѣчество убѣдится, что «путь, по которому оно шло, есть ложный путь, что съ него могутъ свести не войны, не смуты, не притѣсненія и преслѣдованія однихъ людей другими, а, напротивъ, безграничное и полное доброжелательство и благорасположеніе всѣхъ ко всѣмъ и всестороннее осуществленіе идей добра и милосердія. Тогда осуществленіе ихъ сдѣлается такимъ же простымъ и естественнымъ исполненіемъ того, чего нельзя не исполнить, какъ просто и естественно вдыханіе воздуха или удовлетвореніе голода и жажды,—тогда не будутъ возможны ни войны, ни кровавыя смуты, ни преступленія, ни безпощадный исключительный эгоизмъ, тогда наступитъ для человѣчества возрастъ разумной зрѣлости, дѣйствительнаго человѣческаго счастья». Таковъ, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться и который можетъ и долженъ осуществиться.

Въ главѣ *о верховномъ законѣ* Есиповичъ противопоставляетъ свободу воли «зловредному чаду исключительнаго эгоизма», очень тонко разбираетъ психологическую разницу между «хотѣніемъ» и «желаніемъ» и горячо полемизируетъ какъ съ Шопенгауеромъ — представителемъ односторонняго и зависимаго направленія воли, такъ и съ Фохтомъ—представителемъ детерминизма. Наконецъ, въ послѣднемъ словѣ своего «Итога жизни» авторъ указываетъ на смыслъ его—«на порогѣ будущей жизни, оглядываясь на прошедшую» — и говоря: «прошла земная

человѣческая жизнь, смутная, страстная, тѣсная, исполненная неизвѣстности, тревогъ, сомнѣній, опасеній и борьбы,—борьбы рѣдко разумной, часто безумной: разумной и неизбѣжной тогда, когда ею отстаивалась возможность продолженія человѣческой и *человѣчной* жизни, обязательной для каждаго, — безумной и грѣшной всегда, когда ею достигалось удовлетвореніе личныхъ, произвольныхъ, эгоистическихъ стремленій во вредъ другимъ». Ополчаясь на пессимизмъ и раздѣляя пессимистовъ на людей убѣжденныхъ и диллетантовъ, онъ ставитъ въ примѣръ великаго гуманиста Ульриха фонъ-Гуттена, испытавшаго рядъ несчастій и умершаго въ крайней бѣдности, но до конца не утратившаго ни надежды на счастье, ни вѣры въ свѣтлую будущность для людей. «Залогъ счастья и человѣческаго достоинства—восклицаетъ онъ — въ трудѣ не только для себя, но и для другихъ!» Онъ открытъ для всѣхъ. Слѣдовательно, счастье человѣка въ его собственныхъ рукахъ. Въ моментъ смерти совершается окончательный актъ эволюціи въ земной жизни каждаго человѣка, а именно «отпадаютъ отъ него и его матеріальная оболочка, и весь составъ его земныхъ, внѣшнихъ, временныхъ золъ и благъ, а остается одна духовная личность, только одна его безсмертная душа, съ тѣмъ духовнымъ *нравственнымъ богатствомъ* добра, любви и милосердія или съ тою духовною *нравственною нищетой* зависти, ненависти и злобы, которыя она утвердила за собою во время земной жизни и которыя однѣ только остаются съ нею и въ ней при переходѣ ея изъ этой въ будущую жизнь».

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ теоретическихъ взглядовъ Есиповича или находить желательною большую полноту въ его полемическихъ доводахъ. Но нельзя не удивляться широтѣ и разносторонности его образованія въ области такихъ знаній, которыя имѣютъ весьма мало общаго съ юриспруденціей, нельзя не согрѣваться душой, читая его восторженное исповѣданіе вѣры въ безсмертіе души.

Не только вопросамъ таинственнаго будущаго и отдаленнаго прошедшаго посвятилъ свои разсужденія Есиповичъ. Онъ послужилъ и интересамъ настоящаго въ незабвенные годы незабвеннаго царствованія: онъ участвовалъ въ составленіи Су

дебныхъ Уставовъ. Уже одно это давало бы ему право на благ
дарныя воспоминанія въ наше время, когда еще недавно над
этимъ собраніемъ лучшихъ завѣтовъ правосудія скоплялис
ничѣмъ не вызванныя, давящія и зловѣщія тучи. Еще до сих
поръ не разсмотрѣнъ окончательно обширный проектъ, предст
вившій въ своемъ первоначальномъ видѣ, на ряду съ нѣкоторы
улучшеніями устава гражданскаго судопроизводства, разруш
ніе многихъ коренныхъ началъ, проведенныхъ составителям
Судебныхъ Уставовъ, и услужливое «разрытіе могилъ» давн
отжившаго судебнаго порядка. *Объяснительная записка* къ уст
ву уголовнаго судопроизводства 1864 года содержитъ въ себ
рядъ мнѣній Есиповича по важнѣйшимъ вопросамъ нашем
уголовнаго процесса. Хотя онъ и оставался довольно часто в
меньшинствѣ, но взгляды этого меньшинства были, однако
затѣмъ оправданы самою жизнью. Такъ, между прочимъ, он
стоялъ за ограниченіе подсудности военнымъ судамъ исключи
тельно кругомъ лицъ, находящихся на дѣйствительной военно
службѣ; — доказывалъ безплодность и отяготительность осви
дѣтельствованія слѣдователемъ труповъ всѣхъ скоропостижн
умершихъ, лишившихся жизни по несчастному случаю, ил
такихъ, причина смерти которыхъ ясна и безъ тягостной проце
дуры вскрытія;—онъ настаивалъ также на допущеніи защит
при предварительномъ слѣдствіи лишь съ предоставленіем
слѣдователю права устранять повѣренныхъ, злоупотребляю
щихъ своимъ положеніемъ во вредъ правосудію. Поклонник
обширной мировой подсудности и широкой самодѣятельност
судей, онъ присоединился къ мнѣнію, горячо и убѣдительн
отстаивавшему единство кассаціонныхъ функцій со вруче
ихъ единому и нераздѣльному вѣдѣнію Сената. Вѣрный мысл
великаго основателя Сената и народному воззрѣнію на послѣд
ній, онъ считалъ несовмѣстимымъ ни съ интересами Сената, н
съ достоинствомъ правосудія раздѣленіе кассаціонной власт
между Сенатомъ и судебными палатами, создающему—столь
усердно и неоднократно впослѣдствіи рекомендованную—сѣт
кассаціонныхъ судовъ «числомъ поболѣе — цѣною подешевле
Я лично могу засвидѣтельствовать, что дѣятельность нашег

уголовнаго кассаціоннаго суда всегда живѣйшимъ образомъ его интересовала, и большія оберъ-прокурорскія заключенія, появлявшіяся въ газетахъ, вызывали съ его стороны нерѣдко сочувственныя и всегда вдумчивыя замѣчанія.

Вотъ почему нельзя не помянуть добромъ покойнаго Якова Григорьевича! Вызывая предъ собою его образъ, не только какъ престарѣлаго, но всегда энергичнаго первоприсутствующаго нашего собранія, а и какъ человѣка вообще, невольно хочется сказать языкомъ нашей старины, что онъ прожилъ «душу имѣя честну, старость же свѣтлу»...

ВЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТѢ.

I.

О старообрядческихъ общинахъ.

(Засѣданія 12 и 13 мая 1910 года).

Для подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія принятаго Государственной Думой законопроекта о старообрядческихъ общинахъ и сдѣланныхъ ею измѣненій въ представленіи министерства внутреннихъ дѣлъ, осенью 1909 года была образована въ Государственномъ Совѣтѣ особая Комиссія изъ 20 членовъ Совѣта, которая имѣла свыше 30 засѣданій и существенно измѣнила предположенія Государственной Думы. Измѣненія эти касались слѣдующихъ основныхъ вопросовъ, опредѣляющихъ права старообрядцевъ: а) свободно исповѣдывать и проповѣдывать свою вѣру, б) учреждать всякаго рода просвѣтительныя заведенія, в) пріобрѣтать недвижимыя имущества, г) устраивать періодическіе съѣзды послѣдователей отдѣльныхъ вѣроученій или согласій, д) пользоваться для своихъ духовныхъ лицъ соотвѣтствующими ихъ сану или званію по старообрядчеству наименованіями, е) носить принятыя у нихъ церковныя облаченія какъ при богослуженіи, такъ и при религіозныхъ процессіяхъ и ж) получать виды на жительство на основаніи особыхъ правилъ. Раздѣляя со своей стороны взглядъ Государственной Думы, четыре члена особой комиссіи не согласились съ большинствомъ и остались при особомъ мнѣніи по всѣмъ приведеннымъ пунктамъ.

Являясь говорить предъ вами отъ лица меньшинства Комиссіи и, при томъ, главнымъ образомъ, отъ лица четырехъ ея членовъ, т. е. своего собственнаго и членовъ Государственнаго Совѣта Н. С. Таганцева, А. В. Васильева и М. А. Стаховича,

какъ подписавшихъ мое особое мнѣніе, внесенное въ журналъ Комиссіи по настоящему дѣлу, я не буду, въ настоящій моментъ, касаться отдѣльныхъ вопросовъ, которые подлежатъ нашему обсужденію при постатейномъ разсмотрѣніи проекта. Эти подробности завлекли бы насъ слишкомъ далеко, для чего у насъ теперь нѣтъ ни времени, ни возможности. Но я считаю себя обязаннымъ изложить предъ вами тѣ общія соображенія и начала, которыми руководствовались мы, приходя къ выводамъ, содержащимся въ нашемъ особомъ мнѣніи. Эти выводы касаются, во-первыхъ, значенія того закона, который мы начертываемъ, во-вторыхъ, содержанія этого закона, и, наконецъ, въ-третьихъ, его объема. Обращаясь къ значенію этого закона, надлежитъ, прежде всего, замѣтить, что онъ является развитіемъ указа 17 апрѣля 1905 г. объ *укрѣпленіи началъ вѣротерпимости*. Это укрѣпленіе началъ вѣротерпимости должно, по словамъ Монарха, упрочить дѣло мира и любви въ нашемъ отечествѣ. Этотъ миръ необходимъ нашей родинѣ, необходимъ съ двухъ сторонъ.

Онъ необходимъ, съ одной стороны, потому что не только государственная, но и духовная власть, забывая, что торжество вѣры достигается, по словамъ нашего закона, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами, взялись за мечъ свѣтскій и въ теченіе болѣе 200 лѣтъ дѣйствовали этимъ мечемъ съ энергіей, достойной лучшаго дѣла. Онъ необходимъ затѣмъ потому, что соборъ 1666—1667 г.г., осудивъ непреклоннаго властолюбца патріарха Никона, въ то же время не осудилъ его нововведеній и возложилъ на тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ принять, жестокое проклятіе, сравнивая ихъ съ Христопродавцемъ Іудой и рекомендуя свѣтской власти подвергать ихъ «тѣлесному озлобленію», которое совершалось огнемъ, утопленіемъ и тѣмъ, что наши лѣтописи знаютъ подъ названіемъ «гладной нужи». — (Въ засѣданіяхъ особой Комиссіи я указывалъ на то, что люди, державшіеся старыхъ обрядовъ, хотѣли креститься двумя, а не тремя перстами, служить обѣдню на семи, а не на пяти просфорахъ, читать и пѣть сугубую, а не трегубую аллилуію и т. п., были за это не только при жизни, но и по смерти своей отлучены

отъ церкви. «Желѣзо, камни и древеса да разрушатся»—провозгласили отцы Собора,—«а сіи да не будутъ разрѣшены». Авторитетные судьи по дѣламъ церковнымъ, приглашенные восточные патріархи поддержали мнѣніе о необходимости «тѣлеснаго озлобленія», ссылаясь на то, что въ Византіи «святые и богоносные отцы вкупѣ съ благочестивыми царями повелѣвали злочестивыхъ еретиковъ наказывать многимъ біеніемъ говяжьихъ жилъ и древіемъ суковатымъ и темницами, и овымъ языки отрѣзаша, овымъ руци отсѣкаша, овымъ уши и носы». Вотъ почему въ старообрядческихъ Синодикахъ—въ академическомъ изданіи памятниковъ древней письменности — содержатся такія, напримѣръ, поминанія: «Помяни, Господи, души рабъ своихъ, пострадавшихъ на Москвѣ, и въ Новѣградѣ, и въ Псковѣ, и въ Казани, и въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Пустозерѣ, и на Колмогорахъ, и на Олонцѣ, и въ Каргополѣ, и на Дону, и въ Сибири и во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ и мѣстѣхъ и пустыняхъ нашея русскія земли, за православную вѣру различными смертьми отъ жизни сея истребленныхъ, и другихъ рабъ твоихъ за благочестіе пострадавшихъ, за благочестіе же отъ насилія мучителей во многихъ странахъ, въ различныхъ мѣстѣхъ, огнемъ згорѣвшихъ, и въ водахъ утопшихъ, и въ бѣгствахъ гладомъ и жаждою истаявшихся, и многоразличнѣ и многоскорбнѣ отъ житія сего отшедшихъ». Вотъ почему протопопъ Аввакумъ имѣлъ полное основаніе восклицать: «Чудо! какъ хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? Не знаю! Мой Христосъ не приказалъ такъ нашимъ апостоламъ учить, чтобы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить»).—Лишь XVIII столѣтіе, начиная съ тридцатыхъ годовъ его, нѣсколько смягчая положеніе раскольниковъ, обратило ихъ постепенно изъ *гонимыхъ и истребляемыхъ* въ *угнетаемыхъ*, но никогда нашъ законъ до послѣдняго времени не рѣшался однако высказать ясно и опредѣленно то, что на практикѣ власть считала возможнымъ давать расколу. По отношенію къ нему *милость* никогда не обращалась въ *право*. Наоборотъ, все, что дѣлалось для раскола, дѣлалось обыкновенно не въ видѣ предоставленія послѣдователямъ его какихъ-либо правъ, а въ видѣ милости, которая могла быть отобрана въ каждую

данную минуту, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ, между прочимъ, запечатаніе въ Москвѣ раскольничьихъ молелень уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И здѣсь, въ Государственномъ Совѣтѣ тѣ лица, которыя принадлежали къ составу Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, какъ, напримѣръ, я и Н. С. Таганцевъ, не могутъ не вспомнить, какъ еще недавно, въ девяностыхъ годахъ, имъ приходилось становиться втупикъ передъ карательнымъ закономъ противъ раскольниковъ, односторонняя близорукость котораго усиливалась еще и бездушнымъ его примѣненіемъ—и спрашивать себя съ удивленіемъ по отношенію къ обвиняемымъ: «за что?» И только въ послѣднее время, въ прошлое царствованіе, началось въ законодательствѣ дѣйствительное движеніе въ пользу расширенія правъ старообрядцевъ. Но и оно вначалѣ значительно затруднялось въ своемъ практическомъ примѣненіи на мѣстахъ, вслѣдствіе неправильнаго толкованія указа 1883 г. главарями православнаго вѣдомства и мѣстными администраторами,—и лишь 17 апрѣля 1905 г. раздался съ высоты Престола благовѣстъ, великодушно призывавшій къ упроченію дѣйствительной вѣротерпимости.

Съ другой стороны, и старообрядцы платили власти соотвѣтствующею монетой, и они—столь близкіе русскимъ людямъ по духу, по крови, по народнымъ свойствамъ, столь часто и такъ знаменательно доказывавшіе въ минуту опасности свою любовь къ родинѣ, къ ея историческому укладу,—становились въ области вѣры и общественной жизни далекими большинству русскаго народа. Они замыкались въ своей духовной отчужденности, отвѣчая на оскорбительные эпитеты, которые употреблялись по отношенію къ дорогимъ имъ старымъ обрядамъ и вѣрованіямъ—ученіемъ о пришествіи царства Антихриста.

Необходимо и неизбѣжно прекратить эту рознь и возстановить миръ. Результатомъ сознанія этой необходимости явился внесенный по статьѣ 87 Основныхъ Законовъ министерствомъ проектъ, о которомъ вы здѣсь слышали, и—какъ дальнѣйшее его закономѣрное развитіе—проектъ Государственной Думы, который одинъ и подлежитъ нашему обсужденію въ настоящее

время. Можно ли однако, обращаясь къ его содержанію, смотрѣть на него, какъ на палліативную мѣру, какъ на одно изъ звеньевъ дальнѣйшаго законодательнаго движенія?! Слишкомъ давно существуетъ горестный надрывъ во внутренней русской жизни, слишкомъ долго продолжается эта распря—и законъ долженъ быть рѣшительнымъ шагомъ, твердымъ и прочнымъ, на многіе годы, а не такой временной мѣрой, которую, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ придется видоизмѣнять, вновь возбуждая напрасныя надежды и обостреніе страстей. Недугъ, который въ видѣ старообрядчества, въ видѣ раскола въ русской Церкви, поразилъ внутренній организмъ русскаго общества, длился долго и для излѣченія его нуженъ не пластырь, прикрывающій начавшую понемногу заживать рану, а нуженъ хирургическій ножъ, который безвозвратно отрѣзалъ бы все прошлое съ его тяжелыми воспоминаніями, съ его недоразумѣніями, недомолвками и двусмысліемъ законовъ и распоряженій. Поэтому меньшинство Комиссіи, отъ имени котораго я говорю, привѣтствуетъ проектъ Государственной Думы, какъ расширяющій—согласно съ нуждами времени и съ потребностями дальнѣйшаго прочнаго законодательства—тотъ проектъ, который былъ въ нее внесенъ,—путемъ установленія свободнаго изъясненія и поясненія старообрядческаго вѣроученія и признаніемъ лицъ духовнаго сана въ средѣ старообрядцевъ и, наконецъ, разрѣшеніемъ старообрядцамъ открывать не только начальныя и ремесленныя училища, но и всякаго рода просвѣтительныя учрежденія. Намъ на это могутъ сказать и, судя по одному изъ отдѣльныхъ мнѣній, сопровождающихъ журналъ особой Комиссіи, намъ непремѣнно скажутъ, что надо вернуться къ статьѣ 87, необходимо обратиться къ проекту въ томъ видѣ, въ какомъ онъ внесенъ въ Государственную Думу, и что дальше намъ нечего дѣлать, такъ какъ Дума вышла за предѣлы допустимаго разсмотрѣнія дѣла. Но, господа, это не такъ, потому что проекта по статьѣ 87 уже нѣтъ: онъ исчезъ съ момента рѣшенія этого вопроса въ Государственной Думѣ. Статья 87 имѣетъ въ виду исключительныя мѣры во время чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Законодатель весьма мудро установилъ, что такія чрезвычайныя мѣры, принятыя въ моментъ волне-

нія и страстнаго отношенія къ вопросу, должны быть подвергнуты холодному, спокойному и длительному разсмотрѣнію законодательныхъ учрежденій. Таково и должно быть *содержаніе того законопроекта, о которомъ мы говоримъ*.

Намъ еще возражали и возразятъ, какъ это мы слышали и въ Комиссіи, что установленіе широкихъ правилъ вѣротерпимости относительно старообрядцевъ является невыгоднымъ для Православной Церкви. Мы слишкомъ высокаго мнѣнія объ историческомъ значеніи, высотѣ и достоинствѣ Православной Церкви, чтобы считать возможнымъ возбужденіе вопроса о томъ, что для нея выгодно или невыгодно. Она стоитъ выше, и должна стоять выше такихъ земныхъ расчетовъ. Если же подъ выгодностью для Церкви разумѣется невыгодность закона для старообрядцевъ, то я думаю, что съ точки зрѣнія государственнаго законодательства такого рода тактическія соображенія не выдерживаютъ критики. Намъ было въ Комиссіи сказано, между прочимъ, весьма краснорѣчиво о томъ, что мы высказываемъ, поддерживая проектъ Думы, «обывательскій взглядъ» на такой предметъ закона, который можетъ быть, однако, разрѣшенъ только съ точки зрѣнія каноническихъ постановленій. Но, господа, каноническими постановленіями должно и можетъ руководствоваться спеціальное вѣдомство православнаго исповѣданія. Наши же новыя учрежденія основаны на другомъ принципѣ. Государю Императору 17 Октября 1906 г. угодно было призвать къ законодательству именно «обывателей». Мы всѣ убѣдились горькимъ историческимъ опытомъ въ томъ, какъ безсильно канцелярское законодательство, какъ далеко оно стоитъ отъ жизни и какъ бюрократическій, презрительный взглядъ на обывателя кончается вредомъ не только для обывателя, но и для того, кто такъ презрительно на него смотритъ. И вотъ, въ разгаръ пережитыхъ нами несчастій и всеобщаго внутренняго недовольства, — обыватели были призваны къ законодательству, при чемъ они должны были сказать, въ качествѣ законодателей, о томъ, что ихъ у родины болитъ и какія средства нужны для излѣченія болѣзни. Поэтому мы спокойно принимаемъ упрекъ, что мы смотримъ, какъ обыватели, тѣмъ

болѣе, что если бы мы смотрѣли не какъ обыватели, а смотрѣли бы съ точки зрѣнія, свойственной старому бюрократическому законодательству, то должны были бы признать, что мы не можемъ и даже не имѣемъ права двинуться съ мѣста. Когда у насъ въ Комиссіи обсуждался вопросъ о предоставленіи старообрядческимъ общинамъ извѣстныхъ правъ, то намъ, въ видѣ возраженія, говорилось, что этими правами не пользуются православные приходы. Мы отвѣчали: пускай же вѣдомство православнаго исповѣданія приметъ на себя починъ новаго законодательства, которое измѣнило бы положеніе прихода и поставило бы его на ряду и даже выше того, что предполагается для старообрядческихъ общинъ. На это намъ говорили, что Святѣйшій Синодъ такъ поступить не можетъ, потому что по каноническимъ правиламъ это выходитъ изъ предѣловъ его вѣдѣнія, а можетъ сдѣлать лишь Соборъ, а что касается созыва Собора, то это поставлено въ такія исключительныя условія, которыя не подлежатъ учету времени. Такимъ образомъ, слѣдовательно, вопросъ останавливается на неопредѣленный срокъ, быть можетъ надолго. Неужели же потому, что мы не можемъ въ предѣлахъ Православной Церкви достигнуть извѣстныхъ улучшеній, мы должны и относительно всѣхъ остальныхъ областей, жаждущихъ законодательнаго обновленія, умывать руки и складывать законодательное оружіе? Такимъ путемъ мы пришли бы къ тому, чѣмъ именно страдало наше старое, обветшалое законодательство. Есть болѣзнь, которою физически страдаетъ, вѣроятно, и большинство изъ насъ. Она называется склерозомъ, благодаря которому сосуды и артеріи, по которымъ течетъ животворящая кровь, суживаются, и въ одинъ прекрасный день въ нихъ образуются сгустки крови, что отражается на всемъ организмѣ, и наступаетъ параличъ части тѣла или мозга. Но такая болѣзнь существуетъ и въ нравственномъ отношеніи, и ее можно назвать *законодательнымъ артеріосклерозомъ*. И здѣсь бываютъ зловредныя пробки, которыя все затыкаютъ и благодаря которымъ въ отдѣльныхъ частяхъ государственнаго организма начинаются паралитическія явленія. Эту ли перспективу рекомендуютъ намъ?!

Затѣмъ, намъ говорили, что нельзя допускать новшествъ, невѣдомыхъ существующему закону. Да, но тогда надо обречь все законодательство на окаменѣлость, потому что всякій новый законъ будетъ касаться того, что невѣдомо закону прежнему. Но извѣстно ли вамъ, господа, что существовалъ и даже существуетъ до сихъ поръ, не отмѣненный окончательно, законъ, по которому, согласно статьѣ 4 тома XI Свода Законовъ, инославнымъ воспрещается обращать въ христіанство иновѣрцевъ, т. е. имъ запрещается проповѣдывать иновѣрцамъ истины христіанской религіи и, такимъ образомъ, лицамъ христіанскаго исповѣданія воспрещается, напримѣръ, приводить къ Христу людей, принадлежащихъ къ идолопоклонникамъ. Или извѣстно ли вамъ, что въ 1854 г. издано было постановленіе, воспрещающее идолопоклонникамъ переходить въ магометанство, т. е. постановленіе, запрещающее людямъ, которые допускаютъ многобожіе, увѣровать въ единаго Бога, исповѣдуемаго магометанствомъ? Что же, слѣдуетъ ли, вслѣдствіе этого, остановить наше законодательное движеніе въ этомъ направленіи и остаться при такомъ поразительномъ убожествѣ мысли на томъ основаніи, что измѣненіе такого порядка *невѣдомо существующему закону*? Вотъ почему мы находимъ, что необходимо широко принять тотъ проектъ, который прошелъ черезъ Государственную Думу и взглянуть на него свободнымъ окомъ, а не черезъ канцелярскія очки.

Обратимся къ *объему* этого закона. Намъ говорятъ: «Вы хотите его распространенія на старообрядцевъ, но что такое старообрядцы? Никто этого опредѣлить не можетъ». Это ошибочно. Надо сказать, что дѣйствительно въ нашей литературѣ,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ сочиненій послѣдняго времени, между прочимъ одного, принадлежащаго члену Государственнаго Совѣта Т. И. Буткевичу, гдѣ этотъ вопросъ разработанъ съ подробностью, — въ прежнее время, въ одну кучу сваливали подъ именемъ раскольниковъ—и старообрядцевъ, и сектантовъ, и изувѣровъ, и одичалыхъ въ сво-

ихъ нелѣпыхъ обрядахъ и взглядахъ людей. Достаточно указать на сочиненіе Андреева о русскомъ расколѣ, которое такъ долго было почти единственной книгой, по которой можно было знакомиться съ расколомъ, если не считать трудно доступныхъ сочиненій Кельсіева. Андреевъ въ добросовѣстномъ или ослѣпленномъ заблужденіи приводитъ списокъ свыше ста сектъ и толковъ, которые существуютъ въ Россіи, и въ этотъ списокъ входятъ и старообрядцы, и самыя разнообразныя секты, упоминаемыя при томъ по два раза подъ разными именами. Такъ, странники считаются отдѣльно отъ бѣгуновъ, тогда какъ это одна и та же секта; бѣлые голуби противополагаются скопцамъ, дырники называются въ другомъ мѣстѣ щельниками, тогда какъ это одинъ толкъ, который лишь иначе именуется въ разныхъ мѣстностяхъ. Итакъ, надо отбросить это представленіе о старообрядчествѣ, какъ о чемъ-то такомъ, что смѣшано съ самыми дикими изувѣрными понятіями; старообрядчество опредѣляется тѣми законами, которые уже у насъ существуютъ, а именно, прежде всего Указомъ 17 апрѣля 1905 г., который считаетъ необходимымъ установить въ законѣ внутреннія различія въ вѣроученіи, объединяемомъ нынѣ общимъ именемъ раскола, раздѣливъ его на три группы: старообрядческое согласіе, сектантство и изувѣрныя ученія, самая принадлежность къ которымъ наказывается закономъ, въ лицѣ послѣдователей тѣхъ ученій, о которыхъ говоритъ статья 203 Уложенія о Наказаніяхъ, гласящая о сектѣ, сопровождаемой изувѣрскимъ посягательствомъ на свою или чужую жизнь или противонравственными гнусными дѣйствіями. Старообрядцы опредѣлены далѣе въ пунктѣ 7 того же указа слѣдующимъ образомъ: наименованіе старообрядцевъ, присвоенное имъ взамѣнъ нынѣ употребляемаго имени раскольниковъ, дается всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые пріемлютъ основные догматы вѣры Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и молятся по старопечатнымъ книгамъ. Такимъ образомъ, совершенно точно опредѣлено, что такое старообрядчество, и мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что будто бы не знаемъ, что оно такое. Нѣтъ, мы отлично это знаемъ, и именно въ этомъ

смыслѣ мы присоединились къ статьѣ 2 проекта большинства, говорящей: «дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на именующихъ себя старообрядцами послѣдователей вѣроученій или согласій, противныхъ законамъ, ограждающимъ государственный порядокъ и общественную нравственность». Итакъ, теперь ясно, что старообрядецъ это человѣкъ, который молится по старымъ книгамъ, который отправляетъ богослуженіе по старому обряду, который не признаетъ или не хочетъ признавать ту іерархію, которая, по его мнѣнію, повреждена или неправильно установлена послѣ Никона, но который въ то же время не безнравственный изувѣръ, не опасный фанатикъ, посягающій на свою и чужую жизнь, не узкій, заблудившійся въ непровѣренныхъ вымыслахъ сектантъ и, кромѣ того, человѣкъ, не нарушающій законовъ, которые ограждаютъ общественную нравственность и государственный порядокъ. Поэтому мы считаемъ, что для насъ понятіе о старообрядцѣ совершенно ясно.

Что же такое старообрядцы въ отношеніи своемъ къ государству? Я позволю себѣ сослаться на авторитетъ, который, кажется, будетъ для всѣхъ непререкаемъ и всѣмъ извѣстенъ, на авторитетъ московскаго святителя митрополита Филарета, глубокаго знатока нуждъ и правъ Православія, блюстителя церковныхъ дѣлъ и великаго оратора, въ словахъ котораго всегда свѣтился яркій свѣтъ осенняго солнца, свѣтящаго, но не грѣющаго. И вотъ этотъ умудренный своимъ служеніемъ человѣкъ, довольно черствый въ своихъ взглядахъ на раскольниковъ, говоритъ однако въ томѣ III своихъ отзывовъ и мнѣній, что нельзя допускать представителямъ терпимыхъ церквей принимать къ себѣ людей, принадлежащихъ къ церкви господствующей, а такъ какъ старообрядчество есть *отрасль господствующей вѣры*, хотя и поврежденная, то допускать переходъ старообрядцевъ въ инославіе невозможно. Этотъ взглядъ раздѣлялся также и К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ послѣднемъ его отчетѣ по православному вѣдомству онъ говоритъ категорически, что старообрядцы намъ ближе нежели люди инославныхъ исповѣданій. Поэтому можемъ ли мы сказать, что старообрядцы представляютъ собой нѣчто такое,

что не можетъ имѣть тѣхъ же правъ, какъ и другія инославныя исповѣданія, существующія въ русскомъ разноплеменномъ, разноязычномъ и разновѣрномъ государствѣ? Если инославные имѣютъ свою церковную приходскую организацію, своихъ священнослужителей, имѣютъ право публично отправлять свои обряды, то на какомъ основаніи мы тѣмъ, которыхъ самъ митрополитъ Филаретъ не допускалъ считать *чужими* и которыхъ К. П. Побѣдоносцевъ признавалъ ближе всѣхъ къ намъ стоящими,—въ этомъ откажемъ?—Вы можете это сдѣлать—своя рука владыка!—но не придется ли черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ тяжелыхъ житейскихъ треній, снова пересматривать законъ и не лучше ли теперь же категорически признать это право за старообрядцами. Я знаю, мнѣ на это укажутъ, что старообрядцы противники государственности, противники Царской власти и въ сущности люди, которые идутъ въ разладъ съ общественнымъ устройствомъ Россіи. Но вамъ, господа, конечно, извѣстно имя талантливаго писателя и не менѣе талантливаго изслѣдователя раскола П. И. Мельникова. Авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», въ теченіе многихъ лѣтъ, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій сначала при Нижегородскомъ губернаторѣ, а потомъ при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и его миссія состояла во всестороннемъ изслѣдованіи и, къ сожалѣнію, преслѣдованіи старообрядчества, при чемъ онъ отличался болѣе, чѣмъ энергическими мѣрами и суровыми предложеніями. Въ 1864 г. былъ образованъ Комитетъ по дѣламъ раскола подъ предсѣдательствомъ графа В. Н. Панина, котораго также нельзя заподозрѣть въ особенно мягкомъ отношеніи къ какого-либо рода *несогласно мыслящимъ людямъ*. Въ этомъ Комитетѣ было рѣшено, что по отношенію къ старообрядцамъ необходимо признать, что они имѣютъ право на свою организацію, на самостоятельное существованіе, а Мельниковъ, который былъ вызванъ въ качествѣ члена-эксперта въ этотъ Комитетъ, сказалъ слѣдующее: «безъ малаго сто лѣтъ назадъ, въ одномъ указѣ всѣ раскольники безъ исключенія были названы непрестанно Государю и государству зломыслящими. Не по однѣмъ книгамъ, не по однѣмъ оффиціальнымъ бумагамъ, а лицомъ къ лицу, въ продолженіе 30 лѣтъ, имѣлъ я случай ознако-

миться съ главными отраслями раскола и со многими его подраздѣленіями, но я не зналъ и не знаю ни одного раскола, сколько-нибудь Государству и Государю зломыслящаго, сколько-нибудь непризнающаго Царской власти. Такъ сказать, было бы совершенно несообразно съ духомъ русскаго народа, для котораго Россія безъ Царя немыслима. То же воззрѣніе и у русскаго раскола на Царскую власть. Только недоброхоть къ Россіи, къ ея внутренней тишинѣ и спокойствію можетъ присудить расколу антимонархическія и анархическія стремленія». Таковъ отзывъ компетентнаго лица. Затѣмъ, намъ укажутъ, что между старообрядцами есть безпоповцы, а безпоповцы не признаютъ брака,—этого основанія государственнаго союза. Нужно отличать, однако, бракъ и семью. И вотъ, что мы имѣемъ въ словахъ того же самаго Мельникова: «безпоповцевъ,—говоритъ онъ—которые считаются не признающими брака, нельзя признать таковыми; ибо они не имѣютъ только освященнаго церковнымъ обрядомъ брака, сожительство же ихъ вполнѣ имѣетъ характеръ твердаго, прочнаго и нерасторжимаго гражданскаго союза, не прекращающагося по отношенію къ хозяйству, къ воспитанію дѣтей и взаимной помощи даже и тогда, когда сожители, по общему между собой соглашенію, перестаютъ раздѣлять ложе. Семья тверда и крѣпка, а это только и важно въ гражданской жизни». То же самое говоритъ авторъ весьма интересныхъ статей и изслѣдованій Бердниковъ въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ», въ журналѣ, который едва ли можно заподозрѣть въ какихъ-нибудь антицерковныхъ тенденціяхъ. «Закономъ 3 Мая—говоритъ онъ—признано, что браки, не признаваемые закономъ въ гражданскомъ отношеніи, должны быть терпимы Правительствомъ, такъ какъ имѣютъ характеръ нерасторжимаго сожитія, заключеннаго съ цѣлью основать семью, слѣдовательно, обладающаго внутренними признаками брачнаго сожитія въ гражданскомъ смыслѣ, и должны быть приравнены къ бракамъ иновѣрческимъ, заключаемымъ въ терпимыхъ и признаваемыхъ въ Россіи исповѣданіяхъ». И все заключается постановленіемъ Комитета 1864 г. подъ предсѣдательствомъ того же графа В. Н. Панина, которое признаетъ не подлежащими оспариванію тѣ супружескіе союзы,

которые, хотя и не были освящены Церковнымъ вѣнчаніемъ, но составляютъ не временное, а постоянное сопряженіе. Итакъ, вотъ главныя обвиненія старообрядцевъ: не вѣрятъ въ Церковную власть, отрицаютъ государственный авторитетъ и не признаютъ супружескихъ союзовъ. Вы видите, господа, что фактически это не такъ и что у нихъ существуетъ именно то, что римскіе юристы называютъ: consortium omnis vitae и при томъ прочное и строгое въ смыслѣ принятыхъ на себя нравственныхъ обязанностей. Могутъ ли, однако, тѣ, кто бросаетъ старообрядцамъ обвиненіе въ блудномъ сожитіи, похвалиться строгостью нравовъ въ насомомъ или охраняемомъ ими стадѣ? Вотъ, что говорится въ отчетѣ К. П. Побѣдоносцева за 1903—1904 г.г. по православному вѣдомству: «Являясь великимъ народомъ вообще и особенно въ важныя и тяжелыя минуты государственной жизни, русскій народъ, по свойству своего характера, въ обычной своей жизни предается нерѣдко и немало то лѣни, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздѣльнымъ съ ними—буйству, сквернословію и т. п. Въ ряду другихъ пороковъ необходимо отмѣтить порчу семейныхъ нравовъ. Святость брака часто попирается и нарушеніе супружеской вѣрности явленіе не рѣдкое. Изъ 1240 браковъ, расторгнутыхъ въ 1903 году, на долю по прелюбодѣянію приходится 844, а въ 1904 году изъ 1365 расторгнутыхъ браковъ на долю по прелюбодѣянію приходится 1020.»

Я долженъ прибавить еще одно. Мы нѣсколько разъ повторяемъ въ нашемъ мнѣніи ссылку на *законъ*. Намъ въ этомъ отношеніи сдѣланы и будутъ сдѣланы возраженія, зачѣмъ мы все говоримъ о законѣ, отчего мы не хотимъ предоставить дѣло усмотрѣнію? Вѣдь сейчасъ намъ однимъ изъ ораторовъ былъ указанъ примѣръ того, какъ благосклонно и доброжелательно бывало отношеніе нѣкоторыхъ сановниковъ къ раскольникамъ: имъ даже давали возможность жить и существовать въ трудную минуту. Но вѣдь, господа, отдѣльныя личности для законодателя не имѣютъ значенія, и то, что находилось лицо, стоящее высоко у власти, въ которомъ жили доброжелательная предусмотрительность по отношенію къ старообрядцамъ и пониманіе ихъ положенія, еще

не значитъ, что эти свойства будутъ жить и во всѣхъ остальныхъ примѣнителяхъ закона. Самые Основные Законы говорятъ о томъ, что законы должны толковаться, не допуская «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Ну, а тамъ, гдѣ мы предоставимъ вопросы нравственности, вопросы догматическіе, вопросы содержанія извѣстныхъ вѣроученій, опредѣлять сообразно взглядамъ, существующимъ у носителя мѣстной власти сегодня въ Тверской губерніи, а завтра въ Калужской, а послѣзавтра въ Ковенской губерніи, тамъ мы именно станемъ на почву «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Вотъ почему мы вездѣ говоримъ о законѣ, о нарушеніи закона, ограждающаго государственный порядокъ и общественную нравственность, а не *о взглядѣ* на общественную нравственность, потому что тамъ, гдѣ законъ не становится на ея защиту, нельзя поручать эту защиту отдѣльнымъ лицамъ. Тотъ же митрополитъ Филаретъ, на котораго я ссылался сегодня два раза, говоритъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній: «Не однѣ ли и тѣ же имѣемъ мы заповѣди и правила евангельскія, апостольскія, соборныя и святоотеческія? Узелъ единства, связанный изъ столь многихъ золотыхъ нитей, перестанетъ ли быть крѣпкимъ, если кто-нибудь усмотритъ расходящимися концы нѣкоторыхъ нитей его». Господа, вся исторія старообрядчества показываетъ, что эти расходящіяся нити общей вѣры въ нашего Господа въ теченіе долгаго времени были смочены сначала кровью, потомъ слезами, затѣмъ желчью и, наконецъ, погружены въ потокъ раздраженій и недоразумѣній. Я думаю, что на нашей задачѣ лежитъ осушить эти нити и тѣмъ укрѣпить тотъ узелъ, о которомъ говоритъ Филаретъ!

Проектъ большинства особой Комиссіи говоритъ о свободномъ исповѣдываніи вѣроученія старообрядцами,—Государственная Дума и меньшинство Комиссіи говорятъ то же самое. Такимъ образомъ, мы сходимся всѣ на одномъ и томъ же выраженіи, признавая свободу исповѣдыванія вѣры неотъемлемою принадлежностью старообрядчества. Но далѣе, однако, мы всѣ

существенно расходимся между собою въ дальнѣйшемъ развитіи этого выраженія по отношенію къ «праву свободнаго проповѣдывания старообрядцами своего вѣроученія». Мы находимъ, что общее выраженіе о свободѣ проповѣдыванія безъ всякаго объясненія, при какихъ условіяхъ и при какихъ обстоятельствахъ оно совершается, представляется могущимъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и къ разнаго рода нареканіямъ на законъ. И хотя на нареканія, исходящія отъ людей узкихъ взглядовъ, не несущихъ на себѣ тяжести законодательныхъ работъ, обращать вниманія не слѣдуетъ, и о томъ, что «станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна», можно и не думать, но тѣмъ не менѣе, при искреннемъ желаніи избѣжать всякихъ недоразумѣній, мы полагаемъ, что надо болѣе точно опредѣлить мѣсто и условія свободнаго проповѣдыванія. Но нельзя согласиться и съ большинствомъ, которое совершенно отвергаетъ самое понятіе о проповѣдываніи. Нельзя потому, что когда законодатель говоритъ о *свободномъ исповѣдываніи вѣры*, отдѣляя это свободное исповѣдываніе отъ *исполненія обрядовъ вѣры*, то тогда, конечно, это относится не къ одному внутреннему строю души человѣка, который недоступенъ законодательному опредѣленію, а касается внѣшняго проявленія религіознаго чуства. Поэтому, исповѣдываніе вѣры, разсматриваемое *отдѣльно* отъ исполненія обрядовъ вѣры, должно же въ чемъ-нибудь выражаться. Это есть отчетъ самому себѣ о томъ, во что человѣкъ вѣритъ. Это есть то исповѣдываніе вѣры, которое, въ сущности, каждый изъ насъ совершаетъ, когда въ церкви повторяетъ за іереемъ Символъ Вѣры. Но вѣра, несомнѣнно, вызываетъ желаніе и даже не желаніе, а потребность дѣлиться съ другими своими убѣжденіями, такъ какъ эти убѣжденія указываютъ человѣку—иногда выработанный большими нравственными страданіями—путь спасенія. Это было признано и Комитетомъ Министровъ, который, разсматривая по указу 12 Декабря 1904 г. вѣроисповѣдные вопросы, подъ предсѣдательствомъ гр. С. Ю. Витте, нашелъ, что индиферентизмъ въ дѣлахъ вѣры и религіозныхъ убѣжденій является обыкновенно спутникомъ невѣрія и, наоборотъ, искреннее, глубокое, живое чувство вѣры побуждаетъ человѣка къ стремленію и дру-

гихъ, особливо близкихъ и дорогихъ ему, сдѣлать сопричастниками своей религіозной жизни, своихъ упованій и вѣрованій. Исходя изъ этого взгляда, который, по нашему мнѣнію, правиленъ, мы думаемъ, что когда человѣкъ стоитъ передъ Святымъ Причастіемъ и повторяетъ возвышенныя слова: «Вѣрую Господи и исповѣдую», то онъ совершаетъ два различныхъ дѣйствія— одно есть признаніе внутренняго убѣжденія религіознаго, другое есть исповѣдываніе этого убѣжденія предъ всѣми присутствующими. И дѣйствительно, странно было бы допустить, чтобы человѣкъ не повѣдалъ другимъ о томъ, какъ онъ вѣруетъ въ каждомъ случаѣ. Намъ вчера приводилось филологическое изслѣдованіе о словѣ «господствующій», но такое же филологическое изслѣдованіе приводитъ къ тому, что слово «исповѣдываніе» построено на словѣ «повѣдать». Эта духовная потребность въ человѣкѣ, искренно вѣрующемъ, столь сильна, что, какъ показываетъ исторія, преобороть ее не могли самыя суровыя кары и гоненія. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ іерарховъ Православной Церкви, харьковскій архіепископъ Амвросій, называя христіанскую проповѣдь святою обязанностью, говоритъ, что эту обязанность христіане понимали во всѣ вѣка, когда не были отуманены духомъ міра сего: проповѣдниками Христа были епископы и пресвитеры, иноки и міряне, купцы и воины, ссыльные и плѣнные, рабы и рабыни,—всѣ, кто пламенѣлъ любовью къ Нему и чрезъ Него къ человѣчеству.

Поэтому связь исповѣданія вѣры съ изложеніемъ и изъясненіемъ своего вѣроученія представляется въ значительной степени неразрывною. Отрицаніе ея является отрицаніемъ самаго понятія о свободномъ исповѣданіи. Правда, что изложеніе и объясненіе своего вѣроученія, дѣлаемое не въ частной бесѣдѣ, а совершаемое въ обществѣ другихъ людей, можетъ иногда явиться сопряженнымъ съ нѣкоторыми тревожными сторонами, пріобрѣтая характеръ страстной проповѣди, хотя бы въ замкнутомъ помѣщеніи. Оно можетъ представлять опасность въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является поводомъ къ нарушенію общественнаго порядка или сопряжено съ нравственнымъ или физическимъ принужденіемъ. Но этой опасности въ той ре-

дакціи статьи 1 положенія, которую мы предлагаемъ, не можетъ быть усмотрѣно. Во-первыхъ, здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, не представляетъ ли самое старообрядческое вѣроученіе въ своемъ существѣ нѣкоторой опасности, если оно будетъ излагаемо и объясняемо не въ частной бесѣдѣ? Я уже говорилъ о томъ, какъ опредѣляется старообрядчество. А если вы припомните, что по статьѣ 14 того положенія, которое представляется вашему вниманію, существуетъ опредѣленный порядокъ закрытія старообрядческой общины, если она уклоняется отъ своихъ обязанностей или если она допускаетъ дѣйствія, противныя общественной нравственности или государственному порядку, при чемъ, въ концѣ концовъ, это закрытіе общины подлежитъ контролю Правительствующаго Сената, то вы, можетъ быть, найдете, что существуетъ достаточно гарантій того, что старообрядчество само по себѣ не можетъ представлять опасности для проповѣди въ извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Теперь, обращаясь къ этимъ условіямъ, надо сказать, что еще задолго до 1905—1906 г.г. устраивались старообрядческія собесѣдованія въ церквахъ. Мы знаемъ такія церкви въ С.-Петербургѣ, а каждый москвичъ вамъ скажетъ, что интересовавшіеся религіозною жизнью народа въ теченіе долгаго времени хаживали по воскресеньямъ въ Кремль слушать собесѣдованія старообрядцевъ съ православными, совершенно свободно происходившія на площадкѣ между соборами и около Ивана Великаго. Хотя и въ Кремль и въ церкви приходили и приходятъ православные въ большомъ количествѣ, тѣмъ не менѣе эти собесѣдованія разрѣшались правительствомъ безъ опасенія того, что изложеніе старообрядцами своего вѣроученія совратитъ православное стадо. Да и Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи статьи 90 Уголовнаго Уложенія, высказалъ, что дѣлаемое на собесѣдованіи раскольниковъ съ православными публичное изложеніе раскольниками своего ученія, подкрѣпленіе его тѣми или другими доводами и опроверженіями возраженій противъ раскола, какъ не соотвѣтствующихъ Священному Писанію или преданіямъ, *не составляетъ преступленія*. Вотъ почему я думаю, что на первый вопросъ приходится отвѣтить отрицательно: никакой опасности въ предоставленіи свободнаго

изложенія и поясненія своего вѣроученія старообрядцамъ не представляется. Но можетъ явиться второй вопросъ: это изложеніе, эти доводы не могутъ ли они оскорбить вѣру православную, не могутъ ли они совратить православныхъ, внушивши имъ соблазнъ, если они окажутся почему-либо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ такое изложеніе? Господа, въ этомъ отношеніи уголовный законъ, еще недавно Государственнымъ Совѣтомъ утвержденный, даетъ достаточныя гарантіи. Статья 73 Уголовнаго Уложенія говоритъ о наказаніи—и весьма строгомъ—тому, кто возложитъ хулу на Угодниковъ Божіихъ, на Святой Крестъ, на Святыя Мощи, на Святыя Иконы и другіе предметы, почитаемые священными. Очевидно, что только такого рода хулы можно было бы, въ крайнемъ случаѣ, ожидать въ такихъ собесѣдованіяхъ, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы старообрядцы стали возлагать хулу на Господа нашего Іисуса Христа, на Царицу Небесную или на Господа Бога. Приведенные виды хулы, возникающей въ жару спора, наказываются каторжными работами. Затѣмъ, всякія такого рода выходки, если онѣ учинены просто передъ присутствующими съ цѣлью произвести между ними соблазнъ, не публично и не въ храмѣ или молитвенномъ собраніи, наказываются исправительнымъ домомъ или крѣпостью. Такимъ образомъ, уголовный законъ достаточно ограждаетъ слушателей собесѣдованія отъ возможности допущенія старообрядцами оскорбленія ихъ чувствъ или внушенія имъ соблазна, а статья 83 того же Уложенія охраняетъ слушателей отъ насилія, отъ угрозъ, отъ обольщенія, отъ обмана при изложеніи предъ ними чужого вѣроученія. Правительствующій Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній призналъ, что совращеніе возможно только въ видѣ прямого уговора перейти въ свое вѣроисповѣданіе. Поэтому, если припомнить всѣ эти обезвреживающія предполагаемую опасность карательныя постановленія, то остается ненаказуемымъ лишь то, что нашъ законъ называетъ въ статьѣ 4 тома XI Свода Законовъ «прикосновеніемъ» къ чужой вѣрѣ. Но, господа, рано или поздно придется признать, что всѣ подобныя дѣйствія, называемыя «прикосновеніемъ», не могутъ быть воспрещаемы. Что значитъ прикосновеніе къ чужой вѣрѣ? Зна-

читъ ли это полное молчаніе о томъ, какъ и во что вѣритъ виновный? Да развѣ возможно это хотя бы, напримѣръ, при смѣшанныхъ бракахъ, тамъ, гдѣ живутъ разноплеменныя и разновѣрныя національности? Развѣ можно обойтись безъ этого прикосновенія къ вѣрѣ при бесѣдахъ, имѣющихъ возвышенный характеръ, и развѣ изъ этого прикосновенія не выяснится въ нѣкоторыхъ случаяхъ истина, которая убѣдитъ бесѣдующихъ, что правъ былъ митрополитъ Платонъ, сказавшій, что религіозныя перегородки, раздѣляющія людей, не доходятъ до самаго Неба. При томъ, это прикосновеніе и теперь не имѣетъ уголовной санкціи и поэтому должно войти въ область безвозвратно уходящаго прошлаго. Напримѣръ, по этой же статьѣ воспрещается инославнымъ — лютеранамъ или католикамъ — привлекать въ христіанство нехристіанъ. Неужели, напримѣръ, если лютеранинъ или католикъ будетъ читать публичную лекцію и въ ней станетъ говорить евреямъ, которые соберутся его слушать, положимъ гдѣ-нибудь въ городкѣ Западнаго края, объ удивительной самоотверженной дѣятельности отца Даміана, отдавшаго на борьбу съ проказой свою жизнь и погибшаго въ этой борьбѣ, и станетъ указывать, какъ высока христіанская мораль, которая толкаетъ человѣка на подобное самоотверженіе, неужели это будетъ нарушеніемъ статьи, воспрещающей инославному прикасаться къ вѣрѣ иновѣрцевъ? Неужели лекторъ, быть можетъ даже вашъ покорнѣйшій слуга, если ему придется говорить о жизни святого доктора Гааза среди мусульманъ и указывать на этомъ живомъ примѣрѣ, до какой высоты самоотверженія можетъ довести истинное христіанство,— будетъ прикасаться къ ихъ вѣрѣ и окажется виновнымъ въ нарушеніи закона только потому, что, вопреки статьѣ 71 Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій, не испросилъ на свою проповѣдь разрѣшенія и благословенія мѣстнаго архіерея? Вотъ почему мы четверо считаемъ, что наша поправка будетъ содѣйствовать дѣлу мира, конечно, если этотъ миръ понимать какъ слѣдуетъ, если urbi et orbi не провозглашать, что старообрядцы—враги, и не говорить о нихъ только, какъ о врагахъ. Намъ приводилъ здѣсь вчера уважаемый противникъ нашъ,

архіепископъ Арсеній слова Спасителя: «Я принесъ вамъ не миръ, а мечъ», и указывалъ на то, что вотъ этого мира ожидать нельзя: надо, чтобы огонь возгорѣлся въ сердцахъ. Но, господа, хотя я и рискую подвергнуться обвиненію въ томъ, что вступаю въ область богословія, но все-таки думаю, что вѣдь эти слова Спасителя надо понимать иначе. Они относились до духовнаго меча. Вѣдь все дальнѣйшее, что говоритъ Спаситель, касается семьи: ибо сынъ возстанетъ на отца, братъ не согласится съ братомъ, мужъ оставитъ жену и дѣтей, т. е. то ученіе, которое Спаситель внесъ въ міръ, раздѣлитъ даже самыхъ близкихъ людей, изъ которыхъ одни безоглядно, съ любовью, съ восторгомъ, съ самоотверженіемъ пойдутъ за Нимъ, а другіе останутся коснѣть въ прежнемъ заблужденіи. Вотъ что говорилъ Спаситель, и это такъ и случилось съ его апостолами. Этотъ мечъ, понимаемый матеріально, былъ обращенъ именно противъ послѣдователей и учениковъ Христа, которые возлюбили весь міръ, признавъ, впервые въ античномъ обществѣ, достоинство человѣческой личности и возбудивъ противъ себя негодованіе и мщеніе этого общества. Есть превосходное произведеніе поэта Майкова, гдѣ эта идея христіанства высказана лучше, чѣмъ это можно сказать въ самой длинной рѣчи. Одинъ изъ героевъ его поэмы «смерть Люція» говоритъ, обращаясь къ гордому своимъ господствомъ римлянину: «узнай подобнаго себѣ—въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ—люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь, и ты тогда христіанинъ», а тотъ ему отвѣчаетъ: «Марцеллъ, Марцеллъ, вѣдь Римъ одинъ». «Одинъ—слышитъ онъ въ отвѣтъ—одинъ! его ты этимъ губишь»! — Поэтому говорить объ этомъ мечѣ, какъ объ основаніи, чтобы не мириться,—нельзя.

Затѣмъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ. Господа, когда противъ обезсиленной недавней Севастопольской войной Россіи стала въ 1863 г. собираться и бряцать оружіемъ цѣлая коалиція западныхъ державъ, тогда старообрядцы забыли недавнюю обиду, нанесенную запечатаніемъ ихъ алтарей и, умѣя отдѣлять роль русскаго Монарха отъ узкихъ взглядовъ исполнителей и совѣтниковъ его, заявили Государю въ своемъ адресѣ, что они отдаютъ ему свою жизнь и свое состояніе на

дѣло обороны родины, и сказали: «въ новизнахъ Твоихъ, Г о с у д а р ь, намъ старина наша слышится». А вотъ здѣсь говорятъ противъ самаго закона 17 Октября 1905 г. и будятъ воспоминанія о соборныхъ клятвахъ на старообрядцевъ. Но да не будетъ такъ! Пусть основанія новаго закона останутся незыблемы, пусть миръ именно по руслу этого закона войдетъ въ нашу жизнь и пусть не будетъ дано повода старообрядцамъ, вспоминая 1666 и 1667 г.г. и читая законъ, который выйдетъ отъ васъ въ 1910 г., сказать: «въ новизнѣ вашей, господа, намъ старина *ваша* слышится».

Духовнымъ лицамъ по старообрядчеству, настоятелямъ и наставникамъ, предоставляется право носить принятую у старообрядцевъ церковную одежду при отправленіи духовныхъ требъ, а равно въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, при религіозныхъ процессіяхъ, иноческое же одѣяніе во всякое время. Мы исходили, предлагая такого рода редакцію статьи, изъ того соображенія, что употребленіе церковнаго облаченія несомнѣнно есть одна изъ принадлежностей свободнаго отправленія своего вѣроученія. И такъ какъ первая статья положенія, принятаго Государственнымъ Совѣтомъ, говоритъ о свободномъ отправленіи вѣроученій и исполненіи обрядовъ своего вѣроученія, то несомнѣнно, что, при исполненіи этихъ обрядовъ, т. е. при богослуженіяхъ и отправленіяхъ требъ, ношеніе церковныхъ облаченій представляется для старообрядцевъ неизбѣжнымъ. Иначе это былъ бы не церковный обрядъ и не богослуженіе. Поэтому ношеніе облаченій неразрывно связано съ самой свободой отправленія своего вѣроученія. Но затѣмъ возникалъ вопросъ о томъ, возможно ли, однако, употребленіе облаченій при всякихъ другихъ религіозныхъ обрядахъ, т. е. при религіозныхъ процессіяхъ и молебнахъ, между прочимъ, какъ здѣсь было указано, при молебнахъ по случаю неурожая и т. д. Мы исходили изъ того соображенія, что и религіозныя процессіи составляютъ точно такъ же проявленіе свободы исповѣданія своей вѣры и что поэтому, идя послѣдовательно, необходимо разрѣшить употребленіе цер-

ковнаго облаченія и при этихъ процессіяхъ. Теперь, второй вопросъ о томъ—какихъ *облаченій*? Намъ скажутъ, что это будутъ тѣ же самыя облаченія, которыя носитъ православное духовенство и что, такимъ образомъ, для православнаго населенія будетъ соблазнъ, состоящій въ томъ, что духовныя лица, принадлежащія къ старообрядцамъ, носятъ тѣ же самыя облаченія какъ и духовныя лица православныя. Едва ли это такъ! Во-первыхъ, извѣстно, что подобнаго рода процессіи и отправленіе богослуженія фактически самымъ широкимъ образомъ не только терпимы, но разрѣшены указомъ 17 Апрѣля 1905 г. Всѣ наши иллюстрированные журналы и газеты содержатъ въ себѣ рисунки и фотографіи этого рода процессій за послѣдніе годы, и тамъ мы видимъ, что въ облаченіяхъ есть существенно отличные признаки отъ православныхъ, начиная отъ убора головы и кончая особыми пелеринками, которыя носятъ старообрядческіе епископы. Затѣмъ, *третій вопросъ*: въ какихъ условіяхъ можетъ быть это разрѣшено? Намъ скажутъ, что это можетъ вызвать нарушеніе общественнаго порядка, состоящее въ томъ, что религіозныя процессіи старообрядцевъ могутъ встрѣтиться съ процессіями православными, что между ними могутъ произойти столкновенія, упреки, брань и, можетъ быть, даже драка и что, затѣмъ, одновременное движеніе нѣсколькихъ процессій въ одни и тѣ же праздничные дни можетъ нарушить общественный порядокъ и тишину. Нельзя отрицать возможности всѣхъ подобныхъ явленій, но дѣло въ томъ, что гарантія противъ нихъ содержится въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ мѣстная полицейская власть. Вѣдь столкновеніе двухъ, напримѣръ, крестныхъ ходовъ или двухъ процессій, направляющихся къ мѣсту водоосвященія въ день Крещенія, можетъ быть устранено назначеніемъ ихъ въ разное время и указаніемъ имъ пути по разнымъ улицамъ города. Вѣдь постоянно мы присутствуемъ при томъ, какъ полицейская власть, опираясь на принадлежащія ей полномочія, употребляетъ различныя мѣры для установленія порядка именно въ движеніи по улицамъ и площадямъ. Мы знаемъ, что въ извѣстные дни, когда предполагается большое скопленіе публики и покупателей въ Гостиномъ Дворѣ, на Садо-

вой улицѣ было прекращаемо движеніе конно-желѣзной дороги и теперь движеніе трамвая. Мы знаемъ, что при извѣстныхъ торжественныхъ или историческихъ событіяхъ, полиція предписываетъ запереть для движенія извѣстныя улицы до извѣстнаго часа. Мы знаемъ, что полиція совершенно прекращаетъ движеніе конно-желѣзныхъ дорогъ и трамваевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по улицѣ должна итти какая-нибудь процессія, проѣхать какой-нибудь иностранный монархъ, посѣщающій С.-Петербургъ, или двигаться большія войсковыя массы. То же самое право будетъ имѣть полицейская власть относительно крестныхъ ходовъ и молебствій, которыя будутъ служить старообрядцы, и отъ нея будетъ зависѣть, въ данномъ случаѣ, указать путь, по которому должна слѣдовать процессія, и время, въ какое она должна итти, чтобы не конкурировать, такъ сказать, или не смѣшиваться съ процессіей православной и тѣмъ не возбуждать смущенія. Но принять то, что предлагается намъ здѣсь уже не Комиссіей, а особымъ мнѣніемъ А. С. Стишинскаго, т. е. каждый разъ испрашивать разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, представляется въ высшей степени затруднительнымъ, не говоря о томъ, что будетъ крайне неудобно и для Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшать подобныя мелочи. Министръ можетъ разрѣшать или не разрѣшать извѣстныя процессіи, только имѣя сообщенія съ мѣста, т. е. сносясь съ мѣстными властями, слѣдовательно, всѣ эти вопросы будутъ разрѣшаться въ сущности мѣстною полицейскою властью, а не Министромъ, который будетъ давать лишь санкцію тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ получитъ съ мѣста. Но есть случаи, когда такого рода требованія суть въ сущности уничтоженіе возможности молиться. Я беру тотъ самый примѣръ, который былъ намъ здѣсь приведенъ. Есть чудесная молитва, обращенная къ Господу Богу о томъ, чтобы Онъ далъ землѣ, жаждущей дождя, небесную влагу. Но когда существуетъ засуха, и въ глубокомъ вѣрующемъ порывѣ жители хотятъ отслужить молебенъ, то, если они старообрядцы, они должны обратиться къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбой разрѣшить имъ молиться о ниспосланіи дождя. Это представляется не только страннымъ

и даже смѣшнымъ, но это одно изъ тѣхъ мелочныхъ затрудненій, про которыя нѣмцы прекрасно говорятъ: «Es macht böses Blut», а «böses Blut machen» едва ли представляется полезнымъ... Вотъ соображенія, по которымъ мы ходатайствуемъ передъ Общимъ Собраніемъ, чтобы принята была наша редакціи, такъ какъ она освобождаетъ и отъ напрасной проволочки времени и отъ нерѣшительности, робости и придирчивости мѣстной администраціи, которая постоянно можетъ не разрѣшать совершенно законныхъ желаній мѣстныхъ старообрядцевъ вслѣдствіе того, что будетъ ждать разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

II.

О переходѣ изъ одного исповѣданія вѣры въ другое.

(Засѣданія 4, 9, 11 и 16 ноября 1911 года).

Я не буду долго утомлять ваше вниманіе, господа члены Государственнаго Совѣта, говоря по вопросу объ отклоненіи настоящаго законопроекта, каковое предлагается *съ двухъ сторонъ*. Съ одной—его считаютъ нужнымъ похоронить, какъ декларацію и вывѣску (въ нашей Комиссіи еще упоминалось о декораціи и и декламаціи) «*такъ называемой и какой-то свободы совѣсти*», дѣлаемую безъ всякой надобности. Но выраженіе «свобода совѣсти» употреблено въ Высочайшемъ манифестѣ 17 октября 1905 г., въ силу котораго мы всѣ собраны здѣсь, а то, что называется теперь декларацiей, помѣщено въ этомъ манифестѣ не какъ громкое слово, лишенное внутренняго содержанія, а какъ общее, основное, руководящее положеніе, подробности и выводы изъ котораго еще подлежатъ дальнѣйшей разработкѣ. Въ этомъ именно смыслѣ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, напечатанномъ вмѣстѣ съ манифестомъ, говорилось, что первую задачу правительства должно составить осуществленіе основныхъ элементовъ правового строя и, въ томъ числѣ, свободы совѣсти, при чемъ укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общества имѣетъ послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки.

Передъ этой разработкой мы и стоимъ теперь не безъ всякой надобности, а въ силу необходимости осуществить одно изъ важнѣйшихъ положеній манифеста 17 октября въ точномъ и подробно разработанномъ словѣ закона. Эта необходимость вытекаетъ уже изъ того, что жизнь представляетъ рядъ недоразумѣній и затрудненій именно въ дѣлѣ вѣротерпимости, объ укрѣпленіи которой было возвѣщено въ возвышенныхъ и торжественныхъ словахъ еще 17 апрѣля 1905 года. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объяснилъ намъ здѣсь, что Сенатъ отказывается разрѣшать эти недоразумѣнія за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ законовъ. Такъ дѣйствуетъ первый департаментъ, а кассаціонному уголовному приходится оставлять безъ послѣдствій жалобы на приговоры, состоявшіеся на основаніи соображеній стараго порядка, вслѣдствіе отсутствія новыхъ узаконеній, которыхъ еще приходится ждать отъ нашихъ представительныхъ учрежденій. Этому, конечно, не могутъ помочь ни циркуляры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, представляющіе собою тотъ инструкціонный порядокъ, противъ котораго такъ основательно ополчился здѣсь одинъ изъ нашихъ іерарховъ, ни отдѣльныя разъясненія Министерства Юстиціи предсѣдателямъ окружныхъ судовъ и съѣздовъ о примѣненіи положенія Комитета Министровъ, состоявшагося въ 1905 году. Всѣ эти толкованія изъ области личныхъ взглядовъ и усмотрѣній не могутъ замѣнить собою твердаго и точнаго слова закона, котораго ждетъ населеніе, какъ ждетъ оно исполненія послѣдовавшаго шесть съ половиной лѣтъ назадъ порученія Комитету Министровъ о внесеніи въ законодательныя учрежденія проекта объ актахъ гражданскаго состоянія лицъ, переходящихъ въ другое исповѣданіе, и регистраціи такихъ переходовъ.

Какъ основаніе къ отклоненію проекта, указывается на то, что, воспроизводя, безъ надобности, основное положеніе указа 17 апрѣля 1905 г. о ненаказуемости отпаденія отъ православной вѣры, этотъ проектъ какъ бы призываетъ къ этому отпаденію. Но что значитъ эта рекомендація умолчанія объ основномъ положеніи указа объ упроченіи вѣротерпимости? Къ чему это желаніе, чтобы законъ—и какой важный законъ!—стыдливо

прятался въ тѣни неизвѣстности? Законодатель долженъ дѣйствовать съ открытымъ забраломъ, прямодушно, безъ уклоненій и безъ задней мысли высказывая то, что онъ признаетъ нужнымъ. Ему совѣтуютъ не быть откровеннымъ, ему внушаютъ здѣсь смущенное умалчиваніе о томъ, что ему поручено разработать указаніемъ съ высоты Престола! Такіе вопросы, какъ о свободѣ вѣроисповѣданія, нельзя затушевывать или запихивать куда-нибудь въ далекій уголокъ Свода Законовъ и помѣщать, напримѣръ, въ XIV томъ,—въ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, между уставомъ о ссыльныхъ и законами объ азартныхъ играхъ, пьянствѣ и непотребствѣ. Этихъ вопросовъ, путемъ недоговариванія, нельзя ставить такъ, чтобы недоумѣвающіе обыватели не знали, на что они имѣютъ право, и, для разрѣшенія сомнѣній о предѣлахъ свободы своей совѣсти, должны были обращаться къ подпольнымъ совѣтчикамъ и мелкимъ ходатаямъ по дѣламъ, подвергаясь всякаго рода злоупотребленіямъ и подчиняясь всевозможнымъ лжетолкованіямъ. Возможно ли допустить такое положеніе вещей, при которомъ этого рода руководители явятся истолкователями великодушныхъ намѣреній и обѣщаній манифеста 17 октября и указа 17 апрѣля 1905 года, а мы, Государственный Совѣтъ, умоемъ себѣ руки въ дѣлѣ этого истолкованія? Не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу опасностей, будто бы грозящихъ православной Церкви отъ принятія этого проекта къ разсмотрѣнію. Казалось бы, что, считая Церковь тѣсно и неразрывно, въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ, слитою съ государствомъ, нельзя возражать противъ коренныхъ началъ вѣротерпимости, выраженныхъ въ указанныхъ здѣсь неоднократно манифестѣ и указѣ, которыми признаны новыя начала раскрѣпощенія совѣсти совмѣстимыми съ положеніемъ православной Церкви въ русскомъ государствѣ. Да и что доказываютъ всѣ эти экскурсіи въ область отдаленной исторіи, эти сочувственныя оглядки назадъ, на XV и XVI вѣка съ ихъ нетерпимостью къ инославію, на еще болѣе отдаленныя времена, когда отступники отъ вѣры отцовъ побивались камнями? На этихъ камняхъ ничего построить нельзя, и если говорить о

дѣлѣ мира и любви, которое предстоитъ нашей Церкви, то, прежде всего, надо устранить то чувство страха, которое диктовало картины прошлаго и диктуетъ нынѣ воспоминанія о нихъ. Когда какое-либо великое дѣло основано на любви и дѣйствуетъ орудіями мира—ему нечего бояться за свое существованіе! «Въ дѣлѣ любви,—говоритъ апостолъ и евангелистъ Іоаннъ,—нѣсть страха»! Позвольте привести слова, указывающія на то, что не стѣсненіями свободы совѣсти, а внутреннею самодѣятельностью можетъ быть крѣпка и сильна православная Церковь: «Нужно для вразумленія заблудшихъ, кромѣ церковнаго слова, и церковное дѣло: «сія подобаетъ творити и онѣхъ не оставляти». А, между тѣмъ, именно общаго церковнаго дѣла, общецерковныхъ интересовъ у насъ вовсе и нѣтъ. Нѣтъ ихъ не только среди инородцевъ, но и среди русскихъ: поэтому, у насъ и происходитъ распаденіе церковнаго общества во всѣ стороны». Это говоритъ не поверхностный наблюдатель жизни, а епископъ Андрей, на страницахъ органа братства Св. Гурія. Насильственное удержаніе въ своей оградѣ людей, желающихъ, по велѣніямъ своей совѣсти, перейти въ другое христіанское же исповѣданіе, не напоминаетъ ли организмъ, недугъ котораго внѣшними мѣрами загнанъ внутрь? Разъѣдаемый имъ, упорно и тайно, организмъ едва ли станетъ крѣпче...

Отклоненіе проекта предлагается и съ другой стороны, путемъ предложенія А. С. Стишинскаго, принятіе котораго свело бы весь вопросъ о свободѣ совѣсти на ничто, обративъ его въ вопросъ о принужденіи совѣсти!

Я затруднялся повѣрить своимъ глазамъ и ушамъ, когда услышалъ объ этомъ предложеніи и прочиталъ его. А. С. Стишинскій желаетъ, чтобы отпавшій отъ православія и *принявшій другое христіанское вѣроисповѣданіе* утрачивалъ право поступленія на государственную службу и, если отпаденіе совершилось пока онъ состоялъ на службѣ, то подлежалъ бы увольненію.

Иными словами, онъ желаетъ возвращенія назадъ не только *за* манифестъ 17 октября и указъ 17 апрѣля 1905 года, но и за постановленія свода законовъ 1857 и 1832 годовъ, ко временамъ той нетерпимости, отъ которой отказывались въ Россіи уже въ

XVIII столѣтіи. Конечно, точки зрѣнія бываютъ разныя, но на *эту* стать рѣшительно невозможно, ибо немыслимо пятиться назадъ въ дѣлѣ законодательства, понимающаго свои обязанности предъ назрѣвшими потребностями жизни. Этому препятствуетъ, въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, указъ 17 апрѣля, въ пунктѣ первомъ коего категорически сказано, что отступленіе отъ православія не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою никакихъ невыгодныхъ послѣдствій. А намъ предлагается ввести именно такія невыгодныя послѣдствія и установить увольненіе отъ службы, т. е. именно такое преслѣдованіе... Во-вторыхъ, въ старомъ Уложеніи о наказаніяхъ, въ нынѣ отмѣненномъ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ вѣры и ограждающихъ ее постановленій, была статья 188, въ силу которой отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе увѣщались и вразумлялись по правиламъ Церкви; надъ имѣньями ихъ, населенными православными, учреждалась опека, и имъ воспрещалось имѣть въ нихъ пребываніе, а относительно огражденія малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія принимались мѣры, указанныя въ ст. 39 уст. о пресѣч. преступленій. Съ упраздненіемъ крѣпостного права, когда прекратилась возможность вліять на подвластныхъ въ видахъ совращенія, вторая часть этой статьи, очевидно, осталась безъ примѣненія, а мѣры, упоминаемыя въ ст. 39, опредѣлялись усмотрѣніемъ Монарха по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1903 году статья 188 Уложенія о наказ. отмѣнена, и, какъ слѣдъ ея, осталась лишь статья 89 новаго Уложенія, карающая родителей и опекуновъ, обязанныхъ, по закону, воспитывать малолѣтняго въ правилахъ православной вѣры и виновныхъ въ крещеніи его или приведеніи къ инымъ таинствамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, намъ предлагается за простое отпаденіе, безъ всякаго совращенія, установить кару, далеко превышающую даже и то, о чемъ говорила статья 188, т. е. предлагается послѣдовать словамъ того мрачнаго библейскаго царя, который говорилъ: «отецъ мой наказывалъ васъ ранами, я же накажу васъ скорпіонами!» И затѣмъ—что значитъ утратить право поступленія на государственную службу? Вѣдь, это значитъ—утратить всю свою

рабочую молодость, всѣ права, пріобрѣтенныя годами ученія, всѣ знанія, доставшіяся трудомъ, о примѣненіи которыхъ на пользу государства и на благо общества мечтается всякому, любящему свою родину. Наконецъ, по отношенію къ поступленію въ привилегированныя учебныя заведенія—это значитъ утратить права, пріобрѣтенныя служебными заслугами родителей. И за что? За то, что, по убѣжденію своей совѣсти и раздѣляя возвышенное воззрѣніе, выраженное въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля, молодой человѣкъ, не равнодушный къ вѣрѣ, перемѣстился изъ одной области христіанства въ другую! Потомъ—что значитъ увольненіе отпавшаго отъ службы? По статьѣ 65 Уложенія о наказ., увольненіе отъ службы есть служебное наказаніе и очень сильное. Прежде всего, это—потеря права на пенсію, т. е. нарушеніе договора государства съ поступающимъ на службу лицомъ, которому, въ случаѣ безпорочной службы, обязанности коей изложены въ присягѣ, обезпечивается кусокъ хлѣба на старость, за отданные и потраченные безвозвратно годы и силы... Но гдѣ же въ текстѣ присяги или въ уставѣ о службѣ гражданской сказано, что должностное лицо обязано безвыходно пребывать въ православіи, подъ угрозой потери службы? Развѣ, наконецъ, переходъ въ другое христіанское же исповѣданіе есть переходъ въ такое предосудительное состояніе, пребываніе въ которомъ не можетъ быть терпимо на службѣ, въ родѣ запойнаго пьянства или несостоятельности, грозящей обратиться въ злостную? Мыслимо ли это?

Люди, вѣрующіе по уставамъ православной Церкви, вполнѣ естественно должны считать свой путь къ спасенію души самымъ правильнымъ: они могутъ жалѣть, что не всѣ раздѣляютъ ихъ убѣжденія, могутъ скорбѣть о тѣхъ, кто отпадаетъ отъ того, что они признаютъ истиной и съ чѣмъ у нихъ связаны радостныя ощущенія и свѣтлыя минуты, но желать, чтобы они считали отпадающихъ отверженцами отъ службы родинѣ и вмѣняли въ ничто ихъ опытъ, знаніе и трудъ—значило бы желать невозможнаго ни съ нравственной, ни съ житейской, ни съ исторической точки зрѣнія. Въ какой странѣ и въ какое время выражается это желаніе? Въ Россіи, наканунѣ празднованія столѣтія 1812 года,

столѣтія нашей Отечественной войны, на священныхъ страницахъ лѣтописи которой, на ряду со славными русскими именами, записано, напримѣръ, имя инославнаго Барклая-де-Толли, такъ трогательно воспѣтаго Пушкинымъ;—въ странѣ, гдѣ министрами финансовъ были лютеране Канкринъ, Рейтернъ и Бунге, гдѣ русскую науку озарилъ своими трудами знаменитый Бэръ, гдѣ въ тюремномъ дѣлѣ свѣтитъ человѣколюбецъ католикъ-докторъ Гаазъ, которому Москва только-что поставила памятникъ.

Такъ ли мы богаты людьми, чтобы считать отпаденіе равносильнымъ отставкѣ безъ прошенія? Предложеніе, о которомъ я говорю, дышитъ такой нетерпимостью, установляетъ такой узкій взглядъ, что принятіе его и занесеніе на страницы закона уничтожаетъ въ корнѣ самый проектъ о свободѣ совѣсти и, по своей непріемлемости, въ сущности соотвѣтствуетъ отклоненію этого проекта. Скажу больше: принятіе этого предложенія—чего, твердо надѣюсь, не случится—заставило бы вспомнить одинъ изъ безсмертныхъ образовъ Шекспира. На рукѣ лэди Макбетъ есть несмываемое пятно;—но такія же пятна бываютъ и на законодательствѣ, забывшемъ о своихъ цѣляхъ или превратно ихъ понимающемъ. Такимъ пятномъ, въ глазахъ потомства, явилось бы принятіе предложенія А. С. Стишинскаго...

Вотъ основанія, по которымъ я считаю необходимымъ перейти къ постатейному обсужденію проекта и буду защищать свои поправки.

Господа, вамъ предлагается возвратить это дѣло вновь на разсмотрѣніе Комиссіи. Почему? Потому что есть поправки. Но поправки эти въ большей части касаются вопросовъ, которые уже были на обсужденіи Комиссіи и разсмотрѣны весьма подробно. По нимъ члены Комиссіи не сошлись во взглядахъ, и теперь окончательное слово принадлежитъ вамъ. Если по поправкамъ, которыя сами по себѣ не представляютъ какого-либо отступленія отъ основного принципа, положеннаго въ законопроектъ, его придется передавать въ Комиссію, то, такимъ образомъ, у насъ въ сущности ни одинъ большой проектъ не можетъ быть разсмотрѣнъ сразу, а достаточно будетъ нѣсколькимъ членамъ отнестить къ вопросу живо и представить нѣкоторыя

видоизмѣненія не только взглядовъ, но даже и редакціи, чтобы основываясь на этомъ, потребовать передачи дѣла въ Комиссію Затѣмъ, для чего эта передача? Если для того, чтобы эти поправки были обсуждены вновь, то это совершенно безполезно. Мы, господа, занимались полтора года этимъ вопросомъ, у насъ были частыя засѣданія, мы спорили и состязались весьма много Я позволю себѣ сказать, что мы относились къ этому вопросу въ виду его важности, съ вѣрой въ то, что онъ долженъ быть рѣшенъ по совѣсти, и со страхомъ Божіимъ, понимая, какъ важенъ этотъ вопросъ для всего нашего законодательства и для всего нашего народа. Къ чему же эта передача въ Комиссію приведетъ Мы всѣ останемся при нашемъ мнѣніи. Едва ли кто-нибудь здѣсь послѣ полутора года работы, послѣ того, какъ онъ совершенно категорически высказался, скажетъ: «ну, пожалуй, теперь я отстану отъ своего мнѣнія». Господа, это значитъ быть слишкомъ низменнаго мнѣнія о членахъ нашей Комиссіи. А если вопросъ пойдетъ о томъ, чтобы передать это дѣло въ новую Комиссію, то это обозначало бы погребеніе даже и не по первому разряду. У насъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, мы въ сущности до сихъ поръ ни одного важнаго, касающагося всей народной жизни, вопроса не разрѣшили, кромѣ вопроса объ ограниченіи общиннаго землевладѣнія. Всѣ остальные вопросы касались опредѣленнаго круга лицъ: то мы говорили о попечительствахъ о народной трезвости, то говорили о техническихъ вопросахъ судопроизводства которые касаются спеціальной сферы дѣятельности, то, наконецъ мы говорили объ авторскомъ правѣ, которое, конечно, къ жизни населенія имѣетъ очень мало отношенія. Но этотъ проектъ одинъ изъ коренныхъ, имѣющихъ отношеніе къ *настоящей* народной жизни. Для чего же мы будемъ опять его откладывать, передавая въ Комиссію, которая намъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ ее вернетъ съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ? И тогда мы скажемъ это сказка о бѣломъ бычкѣ и выберемъ новую Комиссію, а новая Комиссія, повторяю, будетъ погребеніемъ настоящаго законопроекта. Не надо забывать, что въ будущемъ году Пасха будетъ 25 марта, что послѣ Пасхи наступятъ выборы въ новую Государственную Думу и въ обновляемый Государственный Совѣтъ,

и тогда будетъ не до проектовъ. Слѣдовательно, если мы не разсмотримъ этого вопроса теперь, если онъ придетъ къ намъ въ декабрѣ или январѣ, то, покуда мы съ нимъ покончимъ, да покуда образуется согласительная Комиссія и пока она рѣшитъ вопросъ о разногласіяхъ, наступитъ такой моментъ, когда наша дѣятельность и дѣятельность Государственной Думы будутъ парализованы. Между тѣмъ, можемъ ли мы такъ относиться къ народнымъ потребностямъ? Намъ здѣсь предлагалось только что раздѣлить совѣсть народную на два вида: одна совѣсть будетъ гражданская, а другая будетъ совѣсть духовная. Сначала рекомендуется развить совѣсть гражданскую, т. е. ждать того времени, когда народонаселеніе будетъ богато, обезпечено, когда никакихъ стихійныхъ несчастій не будетъ, когда потекутъ медовыя рѣки между кисельными берегами, и лишь тогда обратиться къ другому виду совѣсти,—совѣсти духовной. Но такъ нельзя смотрѣть на вопросы совѣсти. Въ старое время, на которое многіе оглядываются съ любовью, сначала разсматривались вопросы духовной совѣсти, и уже изъ нихъ вытекала гражданская совѣсть людей. Говорилось:—это грѣшно, а въ томъ, что грѣшно, лежало и понятіе о томъ, что стыдно, и о томъ, что вредно. Такимъ образомъ, изъ духовной совѣсти все выходило, и никакого раздѣленія совѣстей не было. Теперь говорятъ, что народу будетъ предоставлено опасное право различать между добромъ и зломъ. Да позвольте, развѣ народъ малолѣтній, развѣ талантливая и блестящая его природа, вынесшая на своихъ плечахъ его исторію, до того измельчала, что народъ самъ, по собственному усмотрѣнію, не можетъ различать, гдѣ добро и гдѣ зло? Ужели хотятъ отъ него скрывать то, что статья 188 Уложенія отмѣнена, что уголовнаго преслѣдованія за переходъ изъ Православія болѣе не существуетъ!..

Передать это дѣло въ Комиссію невозможно. Надо рѣшить вопросъ теперь и рѣшить его на основаніи статей этого проекта. Если мы этого не сдѣлаемъ, то законъ этотъ канетъ въ вѣчность, а если онъ канетъ въ вѣчность, я думаю, къ намъ можно будетъ обратить слова Писанія: «горе вамъ, законники, взяли вы ключи разумѣнія, сами вы не вошли и другимъ воспрепятствовали».

Необходимо опредѣлить границы обсуждаемаго вопроса и отвергнуть тѣ ложные пути, на которые насъ увлекаютъ, говоря, что проектъ устанавливаетъ отступленіе отъ Православія не только въ инославныя исповѣданія, перечисленныя въ законѣ, но даже и въ разнаго рода безнравственныя секты, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющія. При этомъ забываютъ, что и Государственная Дума и наша особая Комиссія не имѣли въ виду сектъ, принадлежность къ которымъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ,—что, затѣмъ, Уложеніе караетъ Сибирью принадлежность къ фанатическимъ ученіямъ, сопровождаемымъ противонравственными и гнусными дѣйствіями,—что о законномъ признаніи сектъ внесено въ 1906 г. въ Государственную Думу особое представленіе, и разработанный на основаніи его проектъ до сихъ поръ въ Государственный Совѣтъ не поступилъ. Поэтому всѣ эти экскурсіи въ область скопчества, хлыстовства и борцовъ съ дьяволомъ,—всѣ эти цитаты изъ описаній удушливой области сѣроводорода—излишни. Указомъ 17 апрѣля 1905 г. силою и оружіемъ Православной Церкви были вновь и торжественно признаны: «благодать Господня, поученіе, кротость, добрые примѣры». Этимъ былъ какъ бы осуществленъ поэтическій совѣтъ глубокаго мыслителя и богослова Хомякова: «не налагать на правду Божью гнилую тяжесть латъ земныхъ». Именной Указъ 17 апрѣля 1905 г. исходилъ изъ сердечнаго стремленія Монарха обезпечить каждому изъ его подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ ихъ совѣсти, а Указъ 12 декабря 1904 г. провозглашалъ необходимость внесенія въ законодательство существенныхъ нововведеній въ виду назрѣвшей потребности страны въ терпимости по дѣламъ вѣры. Этими Указами намѣченъ и дальнѣйшій путь нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Оно должно исходить изъ *сердечнаго стремленія*, т. е. руководиться не однимъ холоднымъ сознаніемъ необходимости, полезности или цѣлесообразности, а и голосомъ сердца, несущаго оливу мира и забвенія тягостнаго прошлаго. По отношенію къ вѣрованію, т. е. *къ свободѣ совѣсти*, и къ молитвамъ, т. е. *къ вѣротерпимости*, оно должно обезпечить *свободу*, т. е. создать нѣчто прочное и неизмѣнное, ограждающее отъ времен-

ныхъ и случайныхъ отступленій и колебаній, подъ вліяніемъ преходящей злобы дня. Это должно быть достигнуто путемъ существенныхъ нововведеній, т. е. путемъ дальнѣйшаго *развитія и расширенія* законодательныхъ нормъ, не приспособляясь къ отжившимъ законамъ и не устремляя неподвижнаго взора въ прошлое.

Обращаясь, съ этой точки зрѣнія, къ проектируемымъ постановленіямъ по законопроекту о переходѣ изъ одного исповѣданія вѣры въ другое, я нахожу, что отмѣна преслѣдованій за такой переходъ и связанныхъ съ нимъ различнаго рода правовыхъ ограниченій представляетъ не одно только допущеніе безнаказанности такого перехода и устраненіе необходимости испрашивать на него разрѣшеніе административной власти. Касаясь одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ духовной жизни человѣка—свободы его совѣсти—эта отмѣна знаменуетъ собой не одно лишь законное допущеніе перемѣны одного христіанскаго вѣроисповѣданія на другое, но и установленіе *права* на это. Одного указанія на *возможность* такого перехода, на его фактическое совершеніе недостаточно. То, что допускается, какъ «совершившійся фактъ», всегда носитъ на себѣ временный характеръ и не исключаетъ сомнѣнія въ своей прочности. Въ государственной и общественной жизни есть области, въ коихъ гражданинъ долженъ, становясь дѣеспособнымъ и правоспособнымъ, знать не то, что онъ можетъ сдѣлать, не то, въ чемъ онъ не встрѣтитъ препятствій, и не то, что, вѣроятно, дозволено, потому что прямо не воспрещено,—а то, что принадлежитъ ему какъ право. Поэтому, законныя проявленія свободы совѣсти и трактуются въ западныхъ законодательствахъ какъ *право*, а не какъ *дозволенная возможность*. Сущность этого права состоитъ въ томъ, что, при наличіи точно опредѣленныхъ условій, оно подлежитъ безпрепятственному осуществленію со стороны власти—иными словами, что оно даетъ и обезпечиваетъ свободу перехода въ христіанскія вѣроисповѣданія, а изъ нехристіанскихъ въ таковыя же,—свободу, подвергавшуюся до указа 17 апрѣля 1905 г. различнымъ стѣсненіямъ, граничившимъ съ полнымъ ея отрицаніемъ, доходившимъ даже до запрещенія идолопоклонникамъ переходить въ исламъ, т. е. переходить отъ

многобожія къ единобожію. Поэтому, на ряду съ упоминаніемъ о *правѣ* перехода, представляется необходимымъ указать и на *свободу* его и тѣмъ устранить возможность предположенія, что осуществимость этого права можетъ быть обусловлена какими либо дальнѣйшими ограниченіями, не заключающимися въ самомъ опредѣленіи его содержанія. Въ этомъ смыслѣ слово *свобода* употребляется и въ отатьяхъ 66 и 67 Законовъ Основныхъ.

Условіями осуществленія перехода признаются, въ качествѣ общаго правила: а) достиженіе переходящимъ двадцати одного года отъ роду и б) истеченіе сорокадневнаго срока со времени подачи заявленія о переходѣ, если при томъ будетъ представлено удостовѣреніе о состоявшемся присоединеніи заявителя къ избранному имъ вѣроученію, каковой срокъ не соблюдается въ случаѣ тяжкой, угрожающей жизни, болѣзни переходящаго. Обращаясь къ *возрасту*, я нахожу, что къ установленію его въ видѣ двадцати лѣтъ съ годомъ не представляется достаточныхъ основаній, особливо, если принять во вниманіе, что этимъ возрастомъ регулируются и необходимость согласія родителей на переходъ дѣтей изъ нехристіанства въ христіанство и пребываніе дѣтей въ вѣрѣ одного изъ родителей, не перешедшаго подобно другому въ иное исповѣданіе. Законъ различно относится къ принятію на себя въ молодомъ возрастѣ обязанностей *нравственнаго* свойства и обязательствъ *матеріальнаго* характера, установляя различные сроки для наступленія пользованія правами, соотвѣтствующими этимъ обязанностямъ и обязательствамъ. Согласно статьѣ 221 ч. I т. X Свода Законовъ, право на полное распоряженіе имуществомъ и свобода вступать въ обязательства пріобрѣтаются лишь по достиженіи двадцати лѣтъ съ годомъ. Между тѣмъ въ Европейской Россіи и Сибири, вступленіе въ бракъ разрѣшается — мужчинамъ по достиженіи *восемнадцати*, а женщинамъ — *шестнадцати* лѣтъ отъ роду. Вызывая собою для жены въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣну подданства, стѣсняя свободу избранія ею мѣстожительства, ограничивая степень повиновенія ея власти родителей, вступленіе въ бракъ налагаетъ на мужа обязанность доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности, защищая ее,

звиняя ея недостатки и облегчая ея немощи. Вступившіе ъ бракъ принимаютъ на себя обязательство не только содержать своихъ дѣтей, но и давать имъ доброе и честное воспитаніе, обращая все свое вниманіе на ихъ нравственное развитіе и содѣйствуя видамъ Правительства, согласно требованію статьи 173, 1 ч. т. X.—Поэтому наступленіе брачнаго совершеннолѣтія является такимъ моментомъ въ жизни русскаго гражданина, съ котораго онъ получаетъ право и возможность, «оставивъ отца и матерь свою», основать свою собственную семью, дать существованіе законнымъ дѣтямъ своимъ и стать, по отношенію къ обществу и государству, нравственно отвѣтственнымъ учредителемъ и главою первоначальнаго союза, изъ котораго слагаются, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, эти послѣдніе. Несомнѣнно, что законъ предполагаетъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательный образъ дѣйствій, и что Церковь, благословляющая бракъ, какъ тайну, которая «велика есть», ожидаетъ отъ вступающихъ въ него не плотскаго увлеченія внѣбрачнаго сожитія, а продуманнаго духовнаго союза на всю жизнь. Есть ли, вслѣдствіе этого, основаніе считать людей, получающихъ право вступить въ такой союзъ, неспособными отдать себѣ сознательный отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ, желая перейти изъ одной Церкви въ другую въ предѣлахъ единой христіанской вѣры, или оставить нехристіанство ради возвышенной вѣры въ Искупителя, призывавшаго къ себѣ даже и дѣтей, или, наконецъ, перейти отъ языческаго идолослуженія къ поклоненію Единому Богу магометанъ и евреевъ. Мнѣ могутъ указать и на статью тома X, уменьшающую брачный возрастъ на три года для жителей Закавказья, но надо имѣть въ виду, что статья эта говоритъ *о природныхъ жителяхъ*, у которыхъ зрѣлость мысли и духа, очевидно, наступаетъ ранѣе. Кромѣ того, надо замѣтить, что практика примѣненія статьи 284 Устава Иностранныхъ Исповѣданій еще не такъ давно допускала переходъ между инославными въ возрастѣ 15 лѣтъ.

Относительно сорокадневнаго срока я долженъ замѣтить, что перемѣна религіи, совершаемая изъ чистыхъ побужденій, должна составлять столь важное дѣло въ жизни человѣка, что на обдумываніе его, конечно, должно уйти достаточно времени до по-

дачи заявленія, чтобы нуженъ былъ еще шестинедѣльны
срокъ для новаго взвѣшиванія предпринятаго уже шага, свя
заннаго, при томъ, уже съ фактическимъ присоединеніемъ к
другому исповѣданію. Въ случаяхъ же задуманной перемѣн
религіи изъ нечистыхъ и своекорыстныхъ побужденій, сорока
дневный срокъ, не связанный при томъ ни съ какимъ нрав
ственнымъ воздѣйствіемъ служителей покидаемой церкви ил
вѣроученія, практически совершенно утрачиваетъ свое значе
ніе, являясь лишь однимъ изъ средствъ шантажа по отно
шенію къ тѣмъ близкимъ заявителю лицамъ, для которыхъ до
рого сохранить его для прежняго, завѣщаннаго отцами и дѣ
дами, исповѣданія. Достаточно признать, что желающій пере
мѣнить свое вѣроисповѣданіе считается присоединившимся
къ другому, имъ избранному, если одновременно съ подачею
или вслѣдъ за нею, въ установленномъ порядкѣ заявленія он
представитъ удостовѣреніе о своемъ состоявшемся присоедине
ніи. Если считать возможнымъ сократить сорокадневный срок
въ случаѣ тяжкой, угрожающей жизни болѣзни, то этимъ зна
чительно ослабляется та обдуманность, во имя которой вво
дится сорокадневный срокъ, такъ какъ именно эту обдуман
ность парализуетъ физическое и нравственное разслабленіе
связанное съ тяжкою болѣзнью. Можно предвидѣть рядъ слу
чаевъ, когда такое сокращеніе срока явилось бы не менѣе спра
ведливымъ и желательнымъ, напримѣръ, при господств
грозной повальной болѣзни, при угрожающихъ прекращеніем
нормальной общественной жизни—нашествіи непріятеля ил
народномъ возстаніи, при необходимости безъ замедленія от
правиться въ далекую поѣздку или на войну, при готовящемся
боевомъ столкновеніи и т. п. Поэтому отъ шестинедѣльнаго
срока надо отказаться.

Наконецъ, въ виду важности проектированныхъ правилъ
перемѣнѣ исповѣданія, представляется необходимымъ, чтоб
всѣ они были утверждены и изданы въ законодательномъ, а не
въ инструкціонномъ порядкѣ, такъ какъ послѣдній, съ одной
стороны, завися отъ преходящихъ взглядовъ и усмотрѣній, не
достаточно обезпечиваетъ прочность столь существенныхъ норм

ибо Министры проходятъ, а законы остаются, а съ другой, этотъ порядокъ можетъ установить, при извѣстныхъ условіяхъ, такія практическія требованія, которыя затруднятъ или и вовсе сведутъ «на нѣтъ» самое пользованіе правомъ, торжественно провозглашеннымъ въ Указѣ 17 апрѣля. Поэтому проектируемое постановленіе о томъ, что порядокъ подачи заявленій о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія или вѣроученія въ другое и представленія доказательствъ присоединенія къ указанному въ заявленіи вѣроисповѣданію или вѣроученію опредѣляется правилами, издаваемыми Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, а въ подлежащихъ случаяхъ—также съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода — представляется, по моему мнѣнію, непріемлемымъ и крайне нежелательнымъ, такъ какъ оно вводитъ именно *инструкціонный* порядокъ. Между тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1905 г. Положеніемъ Комитета Министровъ поручено было Министру Юстиціи внести въ Государственный Совѣтъ *законопроектъ* относительно порядка измѣненія актовъ гражданскаго состоянія лицъ, переходящихъ въ другое исповѣданіе, и регистраціи такихъ переходовъ.

Переходя къ обсужденію мѣста, которое надлежитъ всѣмъ этимъ постановленіямъ занять въ Сводѣ Законовъ, я нахожу, что вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ простымъ разнесеніемъ вновь постановляемыхъ статей на мѣсто узаконеній, которыя касались, до изданія Именного Указа 17 апрѣля 1905 г., отпаденія отъ Православія и переходовъ изъ одного исповѣданія въ другое. Единство началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, вложенное въ эти новыя постановленія, и глубокое значеніе въ исторіи русскаго законодательства послѣднихъ, идутъ въ разрѣзъ съ помѣщеніемъ ихъ въ Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій (Св. Зак. т. XIV) и въ Уставъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (т. XI). Когда переходъ въ другое исповѣданіе назывался *отступленіемъ отъ вѣры* и былъ наказуемъ разными тягостными ограниченіями и лишеніями правъ по статьямъ 185, 188, 190 и 192 Уложенія о Наказаніяхъ, соотвѣтствующія статьи Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи

Преступленій занимали принадлежащее имъ по праву мѣсто. В настоящее время, при раскрѣпощеніи совѣсти въ дѣлѣ вѣры, по мѣщеніе статей, возвѣщающихъ этотъ отрадный шагъ законода тельства, между Уставами о Ссыльныхъ, о Паспортахъ и Бѣглыхъ, среди правилъ полицейскаго характера объ увеселеніяхъ, непо требствѣ, пьянствѣ, дракахъ, мотовствѣ, порочномъ поведеніи и т. п., представлялось бы болѣе чѣмъ страннымъ. По существу сво ему новыя постановленія слѣдовало бы помѣстить въ главу VII Законовъ Основныхъ «*О вѣрѣ*». Статьи 66 и 67 Законовъ Основ ныхъ гласятъ объ условіяхъ, въ которыхъ осуществляются въ Россійской Имперіи свобода совѣсти и вѣротерпимость. Новыя постановленія, вызванныя къ жизни Указомъ 17 апрѣля 1905 г., составляютъ дальнѣйшее развитіе этихъ статей, и самое подхо дящее имъ мѣсто именно въ главѣ о вѣрѣ. Указъ 17 апрѣля, облеченный въ особо торжественную форму, провозгласилъ на всю Имперію новыя начала, исполненныя терпимости и уваже нія къ велѣніямъ совѣсти,—разрабатываемый нынѣ законопроектъ призванъ придать этимъ началамъ окончательный правовой ха рактеръ.

По поводу откровеннаго языка этого Указа, лица, подписав шія мнѣніе объ отклоненіи проекта, находятъ, что прямодушное объявленіе свободы совѣсти смутитъ православныя сердца. Соот вѣтствуетъ ли такой взглядъ Именному Указу 12 декабря 1904 г., провозгласившему, что «задача правленія состоитъ въ неусып ной заботливости о назрѣвшихъ потребностяхъ страны», при чемъ, какъ удовлетвореніе одной изъ такихъ потребностей, явился незабвенный Указъ 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣро терпимости? Великодушныя велѣнія этого Указа, по вопросу о свободѣ совѣсти, намъ предлагаютъ обойти смущеннымъ умалчи ваніемъ, разсовавъ ихъ по разнымъ частямъ Свода и придавъ имъ рядовое значеніе. И для чего все это? Для того, чтобы населеніе было вынуждено доискиваться признанія своей свободы въ обла сти религіозныхъ убѣжденій, бродя въ недоумѣніи или напрас ныхъ и ошибочныхъ поискахъ, въ дебряхъ нашихъ законовъ, или прибѣгая къ корыстному руководству и разъясненіямъ вольнопрактикующихъ юрисконсультовъ... Тогда надо уже итти

до конца—и, обезцвѣтивъ и обезвредивъ на будущее время Указъ 17 апрѣля, помѣстить его въ томъ V Свода Законовъ о Пошлинахъ, выразивъ, примѣрно, такъ: «Завленія о переходѣ въ другое исповѣданіе оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежатъ». Тутъ будетъ указана та *возможность*, которою у насъ стараются замѣнить понятіе о *правѣ*, а ужъ мѣстечко будетъ такое укромное, что не только желающіе перемѣнить вѣру, но и огорчаемые такою возможностью не скоро его найдутъ. Господа!—въ дѣлѣ законодательства необходима полная откровенность и прямодушное развитіе основной мысли законодателя, памятуя, что только мысль законодателя, воплотившаяся въ слово закона—есть законъ. Основная мысль, которая должна проникать весь настоящій проектъ, съ яркостью выражена 17 апрѣля 1905 г. Отступать отъ нея ни въ словѣ закона, ни въ толкованіяхъ къ нему не слѣдуетъ. Вотъ почему не только съ выводами большинства Комиссіи, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и съ ихъ мотивами трудно согласиться. Такъ, напримѣръ, основанный на Указѣ 17 апрѣля законъ, изображенный въ статьѣ 39^3 Устава о Пресѣченіи и Предупрежденіи Преступленій, говоритъ, что: «Лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ Православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ». Мысль законодателя ясна, и въ словахъ этого закона содержится и объясненіе основаній, вызвавшихъ его къ жизни. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, находя выраженіе «предки» слишкомъ неопредѣленнымъ и растяжимымъ, ограничило его упоминаніемъ о дѣдѣ или бабкѣ, но въ проектѣ, представленномъ Государственной Думѣ, не коснулось существа самаго закона. Оно предложило сказать: «Христіане, достигшіе 21 года, желающіе быть причисленными къ тому нехристіанскому исповѣданію, къ которому, до принятія христіанства, принадлежали сами они, или ихъ родители, или дѣдъ или бабка, подлежатъ исключенію изъ числа христіанъ». Такимъ образомъ, и по дѣйствующему закону и по проекту, внесенному въ Нижнюю Палату, постановленію статьи 39^3 Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій придается

несомнѣнный характеръ прочнаго, длительнаго и постояннаг
дѣйствія. Съ противоположнымъ толкованіемъ согласиться
нельзя, по основаніямъ, во-первыхъ, кодификаціоннымъ, а во
вторыхъ, и по существу. Кодификаціонное основаніе состоит
въ томъ, что настоящій законъ, если онъ будетъ принятъ Го
сударственнымъ Совѣтомъ, представляетъ собой дальнѣйше
органическое развитіе Указа 1905 г. и долженъ составлять
такимъ образомъ, единое цѣлое, которое не должно быть раз
бросано и разсортировано по отдѣльнымъ статьямъ Свода Зако
новъ. Съ другой стороны, представляется и невозможным
согласиться съ тѣмъ, что статья 39^3 должна остаться въ том
XIV, а не входить въ составъ самого новаго закона, нами раз
сматриваемаго, потому что это есть, будто бы, лишь *временно*
правило, имѣющее такой характеръ, что не нынче—завтра дѣй
ствіе его прекратится. Это не согласно съ происхожденіем
статьи, а также и съ ея содержаніемъ. Статья 39^3, явившаяся
повтореніемъ пункта 2 Указа 17 апрѣля 1905 г., была начертана
вслѣдствіе постановленія Комитета Министровъ, въ 1904 г.,
въ коемъ было признано, что есть цѣлый рядъ иновѣрцевъ,
обращенныхъ въ христіанство и Православіе такими мѣрами
и путями, которые представляются несогласными со спо
койнымъ и достойнымъ распространеніемъ ученія Спаси
теля міра. Напримѣръ, Комитетъ Министровъ указалъ на
то, что цѣлый рядъ мусульманъ на востокѣ Россіи, еще
при Іоаннѣ Грозномъ, былъ обращенъ въ Православіе огнемъ
и мечомъ, что эти люди оставались все время преданными вѣрѣ
предковъ и что поэтому считать ихъ христіанами значитъ или
умышленно закрывать глаза на дѣйствительность или заставлять
ихъ лицемѣрить и притворяться, въ виду опасенія какихъ-нибудь
административныхъ противъ нихъ мѣропріятій. Тутъ имѣлись въ
виду, конечно, и всякаго рода другіе инородцы, а татары были
приведены какъ примѣръ, наиболѣе рѣзкій и дѣйствительный.
На востокѣ Россіи, по берегамъ Волги и Камы давно уже суще
ствуетъ, или, во всякомъ случаѣ, существовало, обращеніе въ
Православіе мусульманъ, при чемъ они снова отпадали, снова
обращались и снова отпадали. И это вызвало цѣлый рядъ, такъ

азываемыхъ, магометанскихъ бунтовъ въ предѣлахъ Казанской уберніи. Нѣкоторые изъ нихъ вызвали даже суровыя мѣро-пріятія противъ высшей административной власти въ губерніи, какъ это сдѣлалъ Правительствующій Сенатъ по Первому Департаменту относительно казанскаго губернатора Скарятина. Точно такъ же мы знаемъ, что еще недавно были предприняты весьма нехристіанскія мѣры противъ черемисовъ и вотяковъ язычниковъ, при чемъ заповѣдныя ихъ рощи рубились, и разные предметы, которые они считали предметами священными, уничтожались самымъ грубымъ образомъ. Поэтому, необходимо статью 2 Указа 1905 г. обратить въ твердо и постоянно дѣйствующія правила. То, что тамъ предлагается есть своего рода «quos ego!» по отношенію къ иновѣрцамъ—и съ очевидностью идетъ въ разрѣзъ съ мыслью законодателя, несомнѣнно имѣвшему въ виду не одинъ исламъ. 17 апрѣля 1905 г. во внутренней исторіи нашего отечества произошло событіе, заставившее съ радостнымъ облегченіемъ вздохнуть всѣхъ тѣхъ, кому были понятны и дороги священныя права человѣческаго духа въ области вѣры. Пускай же ваше рѣшеніе обратитъ этотъ вздохъ въ свободное дыханіе!...

Я долженъ поддерживать ту поправку, которая мною внесена за подписью еще 5 лицъ и которая разослана, какъ развитіе особаго мнѣнія, поданнаго мною, по отношенію къ постановленію нашей особой Комиссіи. Вопросъ, собственно говоря, сводится прежде всего къ тому, какъ говорить о переходѣ въ другія христіанскія исповѣданія: какъ о возможности, какъ объ извѣстномъ попущеніи со стороны государства, или какъ о правѣ, которое должно найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто въ законѣ? Я настаиваю на томъ, что это должно быть признано какъ *право*, а не какъ *фактическая возможность*, уже потому, что всякая фактическая возможность можетъ обратиться всегда, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, злобы дня, или какихъ-нибудь новыхъ воззрѣній, въ *фактическую невозможность*. Кромѣ того, самое происхожденіе постановленія о свободѣ совѣсти указываетъ

на то, что здѣсь имѣлось въ виду упроченіе правового, а не ф
тическаго положенія. Дѣло въ томъ, что Указъ 17 апрѣля 190
сопровождался всеподданѣйшей запиской, въ которой бы
развиты тѣ основанія, по которымъ онъ послѣдовалъ. Эта в
подданѣйшая записка напечатана вмѣстѣ и одновременно
Указомъ 17 апрѣля и, слѣдовательно, въ ней мы должны иска
объясненія тѣхъ соображеній, которыя привели къ вел
кодушнымъ постановленіямъ, содержащимся въ Указѣ 17 а
рѣля. Въ ней говорится, что Указъ этотъ предназ
чается для упроченія правового порядка, разрѣшеніемъ коре
ныхъ вопросовъ—свободы слова, совѣсти и т. д., путемъ уст
новленной законодательной разработки. Итакъ, слѣдователь
законодательная разработка, которой мы въ настоящее вре
занимаемся, направлена къ упроченію правового порядка, а
фактическаго порядка, и съ этой точки зрѣнія мы должны пос
новить о правѣ, а не о возможности. При этомъ позвольте на
мнить то, что приводилъ здѣсь М. М. Ковалевскій третьяго д
въ своей рѣчи. Онъ указывалъ на то, что большинство Запад
Европейскихъ государствъ, и въ томъ числѣ такихъ правосла
ныхъ государствъ какъ Румынія и Грецiя, ставятъ свободу с
вѣсти какъ право. Наконецъ, нельзя не сказать, что разъ въ Ука
17 апрѣля 1905 г. говорилось объ обезпеченіи свободы вѣрован
то эта свобода должна быть обезпечена прежде всего тѣмъ, ч
она охранена отъ усмотрѣнія. Разъ не будетъ права—буде
усмотрѣніе. Сегодня признается возможность въ извѣстныхъ пр
дѣлахъ, завтра она можетъ не признаваться не только въ этих
предѣлахъ, но и вовсе. Комиссіей предполагается, что правила р
гистраціи будутъ установлены соглашеніемъ Министра Внутре
нихъ Дѣлъ съ Министромъ Юстиціи и Оберъ-Прокуроромъ Святѣ
шаго Сунода. Вотъ, въ подобное соглашеніе могутъ войти такія по
становленія, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе сво
боды совѣсти, несмотря на то, что эта возможность въ общих
положеніяхъ указана закономъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ,
убѣжденъ, что надо говорить о правѣ, а не о простой возможност
Кромѣ того, я не могу не возразить, соглашаясь во многомъ с
тѣми возвышенными идеями, которыя проводилъ мой предш

ственникъ по каѳедрѣ, гр. Д. А. Олсуфьевъ, противъ того взгляда на свободу совѣсти, который сравниваетъ совѣсть съ правомъ собственности. Меня даже удивляетъ, что предводитель дворянства,—а, кажется, нашъ почтенный сочленъ занималъ эту должность,—что предводитель дворянства забываетъ, что распоряженіе правомъ собственности прежде всего ограничивается опекой за расточительность. Можно ли говорить о расточительности въ дѣлѣ совѣсти? Затѣмъ, существуетъ цѣлый рядъ ограниченій права собственности, которыя невозможны по отношенію къ совѣсти: припомните ограниченія права собственности въ Западномъ краѣ, припомните ограниченія права собственности относительно маіоратовъ и заповѣдныхъ имуществъ. Слѣдовательно, сравнивать свободу совѣсти съ правомъ собственности и на этомъ основаніи говорить, что государству достаточно допускать извѣстную свободу дѣйствій, не упоминая, что это право, невозможно. Примѣръ архаическаго закона, который говорилъ, что всѣмъ и каждому запрещается пьянство—сюда не относится, потому что за этимъ запрещеніемъ не было никакой уголовной санкціи и, слѣдовательно, тутъ не было и разговора о томъ, что можно отвѣчать за то, что пьешь. Это было нравственное осужденіе,—это было дидактическое постановленіе. Можно ли къ такимъ мимолетнымъ, случайнымъ, анекдотическимъ постановленіямъ приравнивать постановленіе о свободѣ совѣсти! Намъ было сказано, что церковь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допуская свободу совѣсти, тѣмъ не менѣе имѣетъ въ виду и политическія соображенія, которыя могутъ эту совѣсть ограничивать. Господа, я думаю, что это опасная точка зрѣнія: соединеніе политики и вѣры всегда приводило къ дурнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что это—какъ въ дружбѣ: въ дружбѣ никогда не бываетъ одинаково равноправныхъ людей,—всегда одинъ подчиняется, а другой господствуетъ. То же и въ такой дружбѣ между вѣрой и политикой: тамъ, гдѣ церковь подчиняетъ себѣ политику, тамъ мы знаемъ, во что это вырождается: это вырождается въ инквизицію; тамъ гдѣ политика подчиняетъ себѣ церковь,—тамъ церковь обращается въ полицейское учрежденіе и несетъ службу городового въ защиту

вѣры или дѣйствуетъ огнемъ и мечомъ, какъ дѣйствовали калифы, проповѣдовавшіе исламъ. Поэтому намъ необходимо совершенно откинуть соображенія о политикѣ и стоять исключительно на почвѣ правовой. Съ этой точки зрѣнія я не могу раздѣлить возраженій, которыя здѣсь были сдѣланы. Затѣмъ, еще два слова. Намъ здѣсь говорилось и о сорокадневномъ срокѣ. Я уже говорилъ, что сорокадневный срокъ для тѣхъ, кто искренно хочетъ перемѣнить вѣру, не имѣетъ никакого значенія. Разъ человѣкъ послѣ большихъ колебаній и сомнѣній, безсонныхъ, можетъ-быть, ночей, рѣшилъ въ душѣ своей отстать, отступить отъ той вѣры, въ которой онъ родился, то, конечно, сорокадневный срокъ не заставитъ, не убѣдитъ его въ томъ, что онъ ошибался. А для того, кто собирается сдѣлать это изъ какихъ-нибудь житейскихъ видовъ, можетъ-быть, изъ корысти, изъ низменныхъ соображеній, это лишній способъ пугать своихъ близкихъ и вымогать различнаго рода жертвы, говоря: «смотрите! я уйду!» Господа,—существуютъ историческія изслѣдованія о томъ, что въ Москвѣ, въ старые годы, т. е. въ XVI и XVII столѣтіяхъ, существовали священники безъ приходовъ, которые обыкновенно исполняли требы для желающихъ или служили для нихъ молебны. Они иногда держали въ рукѣ калачъ, а нанимающему предлагали совершить требу за извѣстную сумму, а когда онъ не давалъ просимаго, они говорили: смотри! закушу, т. е. уже не буду годиться для твоей надобности. И люди, по житейскому расчету мѣняющіе вѣру, будутъ говорить своимъ близкимъ, вымогая у нихъ согласіе на свои требованія: «смотри, закушу, смотри, съѣмъ калачъ!» По этимъ соображеніямъ я прошу Государственный Совѣтъ согласиться съ моей поправкой о томъ, что сорокадневный срокъ совершенно не нуженъ.

Хотя мнѣ слышится, что мое новое выступленіе здѣсь непріятно господамъ, сидящимъ на правой сторонѣ, но прошу ихъ меня ужъ извинить и все-таки буду говорить: это мое право,—это моя обязанность. Противъ поправки А. С. Стишинскаго можно бы и не возражать: — до такой степени она идетъ въ разрѣзъ съ Указомъ 17 апрѣля 1905 г., возвѣстив-

щимъ, что переходъ въ инославіе не долженъ влечь за собою никакихъ невыгодныхъ для отпадающаго отъ Православія послѣдствій. Принять эту, преисполненную угрозъ отпадающимъ, поправку—значило бы отказаться совершенно отъ того направленія, въ которомъ мы обсуждали до сихъ поръ весь законопроектъ. Но мнѣніе, высказанное здѣсь по поводу этой поправки, заслуживаетъ вниманія. Въ немъ говорилось, что Комиссія устанавливаетъ свободный переходъ въ иновѣріе. Но Комиссія лишь оставила неприкосновенной статью 39³ Устава Предупрежденія и Пресѣченія Преступленій, основанную на Указѣ 17 апрѣля и говорящую, что лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ. Но что такое Указъ 17 апрѣля? говорятъ намъ. Развѣ это такая *святыня*, которая не подлежитъ исправленію и измѣненію? Сколько разъ мы дополняли здѣсь законъ, измѣняя его? Стоитъ припомнить законъ 9 ноября о выходѣ изъ общины, въ который мы внесли новыя начала.—Но, господа, одно дѣло вносить новыя начала въ развитіе того, что лежитъ въ основѣ закона,—и другое дѣло искажать и извращать его основные принципы. Это значитъ отвергать законъ, отказывая ему въ уваженіи. Можетъ-быть, это такъ и слѣдуетъ съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ лицъ, но я, какъ вѣроятно и многіе въ этомъ залѣ, мы искренно считаемъ Указъ 17 апрѣля святыней. Для насъ онъ святыня потому, что многіе изъ насъ жили въ такое время, когда приходилось постоянно слышать: здѣсь преслѣдуютъ уніатовъ и заставляютъ ихъ насиліемъ и обманомъ принимать православіе, тамъ грубо и механически совершается обращеніе магометанъ, что было отмѣчено и Комитетомъ Министровъ въ 1904 г., а въ не очень далекомъ прошломъ было огульное крещеніе дѣтей евреевъ, зачисленныхъ въ кантонисты, и. т. д. Наша душа не могла не болѣть, и, когда съ высоты Престола Государь Императоръ въ своей заботѣ объ истинной вѣротерпимости возвѣстилъ, что такихъ явленій больше не должно быть, мы нашли что Указъ объ этомъ—святыня, и до сихъ поръ продолжаемъ счи-

тать его таковымъ. Затѣмъ, обратимся къ тѣмъ мѣрамъ, которы
предлагаются. Говорятъ: мы никакихъ запретовъ дѣлать не
хотимъ, развѣ мы запрещаемъ?—Переходите въ другое хри-
стіанское исповѣданіе сколько хотите, но только знайте, что
васъ за это выгонятъ со службы! Это какая-то недостойная игра
словъ. Вѣдь это значитъ сказать, что смыслъ Указа 17 апрѣля
обращается въ слѣдующую формулу: «переходъ свободенъ и ни-
чѣмъ не стѣсненъ, а пусть этому кто-нибудь повѣритъ и попро-
буетъ, такъ онъ за это тяжко и навсегда отвѣтитъ». Напрасно
указываютъ на Уложеніе о Наказаніяхъ, восклицаетъ мой про-
тивникъ: тамъ есть лишь исключеніе изъ службы, а не увольне-
ніе отъ службы... Да! это такъ,—но всѣ дальнѣйшія поста-
новленія статьи 65 Уложенія о Наказаніяхъ говорятъ не о *служ-
бѣ*, а о *должности*, и поэтому увольненіе отъ службы ближе всего
подходитъ къ исключенію изъ службы. Во всякомъ случаѣ, увольне-
ніе отъ службы болѣе сильная мѣра, чѣмъ отрѣшеніе отъ долж-
ности, а уже послѣднее, по силѣ статьи 24 Устава о пенсіяхъ и
единовременныхъ пособіяхъ, влечетъ за собою утрату права
на пенсію и не подлежитъ въ этомъ отношеніи даже и Монаршему
милосердію. Или, быть можетъ, увольненіе будетъ происходить
по знаменитому *третьему пункту*, столь дорогому сердцу нѣко-
торыхъ старыхъ администраторовъ?—Наконецъ, намъ говорятъ,
что и прежде были взысканія за отступленіе отъ православія.
Да! были—но еще въ 1903 г. отмѣнены,—да и тогда назначеніе
опеки надъ населеннымъ имѣніемъ не могло итти въ сравненіе
съ извергнутіемъ изъ службы, предлагаемымъ теперь. Даже въ
то время, когда наказанія имѣли жестокій характеръ,—не было
у насъ наказанія за простое отпаденіе. Такъ, нѣтъ его и въ Ула-
женіи Царя Алексѣя Михаиловича. Наконецъ,
намъ рекомендуютъ законъ о вѣротерпимости обратить въ законъ
объ *отвѣтственности ренегатовъ*. Но это равносильно отмѣнѣ
всего того, что высказано въ 1905 г. въ «непрестанной заботѣ
объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости», и составляло бы замѣну
великодушія, вызваннаго назрѣвшими потребностями,—угрозами
и преслѣдованіями.

III.

Объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана.

(Засѣданія 15, 17 и 18 декабря 1910 г.).

Есть вопросы, которые такъ глубоко касаются совѣсти человѣка, призваннаго къ законодательной работѣ, что онъ *долженъ* говорить, хотя бы и приходилось примѣнять къ себѣ латинское правило: etiam si omnes, ego non! Предъ нами одинъ изъ такихъ вопросовъ. Я нахожу, что въ настоящемъ своемъ видѣ проектъ, предлагаемый намъ особой Комиссіей, представляется непослѣдовательнымъ, лишеннымъ твердыхъ основаній и недостаточно доказательнымъ. Онъ представляется непослѣдовательнымъ потому, что относительно коренныхъ вопросовъ, касающихся самыхъ святыхъ сторонъ и проявленій человѣческаго духа, какъ, напримѣръ, свободы совѣсти,—не можетъ быть среднихъ рѣшеній, а должно быть рѣшеніе категорическое въ ту или другую сторону. Дума приняла категорическое рѣшеніе въ сторону отмѣны всѣхъ ограниченій. Я понимаю, что можно смотрѣть иначе и—хотя я этого мнѣнія совершенно не раздѣляю—можно сказать, что надо оставить въ силѣ всѣ ограниченія. Это будутъ твердыя точки зрѣнія съ обѣихъ сторонъ и послѣдовательныя. Но итти на уступки, не трогая въ то же время принципа, признавать принципъ и въ то же

время сводить его къ мелочамъ,—это значитъ ничего тверда
на что можно опереться, не высказать. Такъ можно поступа
въ вопросахъ техническихъ, въ вопросахъ спеціальныхъ, ко
Государственный Совѣтъ измѣняетъ подробности, подверг
ихъ болѣе тщательной отдѣлкѣ или вводя такія, которыя предс
вляются, съ точки зрѣнія законодательнаго опыта Государстве
наго Совѣта, необходимыми въ конструкціи закона,—но не
такомъ коренномъ вопросѣ, какъ настоящій. Психіатры знаю
состояніе, которое называется *равновѣсіемъ уменьшенныхъ си*
т.-е., когда у человѣка сохранился еще разсудокъ, но все
стало меньше: и памяти меньше, и соображенія меньше, и физ
ческихъ силъ меньше,—когда кругъ его способностей сузил
равномѣрно. Бываютъ не только такія состоянія, но и так
законы. Но правильное законодательство должно ихъ отверга

Предлагаемый проектъ есть именно такого рода закон
въ которомъ чувствуется «равновѣсіе уменьшенныхъ сил
всего понемногу, и ничего нѣтъ коренного,—и сроки, и кар
и изъятія сокращены, но основной вопросъ не рѣшенъ ни въ
ни въ другую сторону. Непослѣдовательность сказывается
только въ томъ, что—вмѣсто отмѣны или закрѣпленія огран
ченія правъ, о чемъ только и можно говорить, имѣя въ ви
рѣшеніе Государственной Думы—проектъ вводитъ уменьшен
ограниченія правъ, но оно выражается и въ отдѣльныхъ статьях
Достаточно указать на слѣдующее. Въ теченіе трехъ лѣтъ воспр
щается священнику, который сложитъ съ себя санъ, поступа
на гражданскую службу въ той мѣстности, гдѣ онъ священств
валъ, и въ теченіе одного года въ остальныхъ мѣстахъ. Въ объясн
ніяхъ къ этому постановленію въ проектѣ Комиссіи, очень вооб
скупой на объясненія, значится, что это дѣлается, между пр
чимъ, для того, чтобы не было соблазна для окружающихъ, кот
рые открыли священнику свою тайну на исповѣди. Они буду
думать, что среди нихъ находится въ должности администрати
ной, судебной, фискальной, контрольной и т. п. человѣкъ, кот
рому они покаялись въ грѣхахъ на исповѣди, и это будетъ и
смущать и ставить въ ложное положеніе. Но если это такъ, т
чтобы быть послѣдовательнымъ, надо сказать: «никогда не може

поступить на службу въ той мѣстности, гдѣ священствовалъ», и даже въ губерніи, области и т. д. Какое значеніе имѣютъ три года? Да почему же, если я открылъ свою тайну на исповѣди священнику и боюсь, что онъ, въ качествѣ должностного лица, будетъ пользоваться знаніемъ этой тайны или даже будетъ ее разглашать, — почему я долженъ этого бояться три года, а когда къ этимъ трижды 365 днямъ прибавится одинъ день, я уже этого не буду бояться? Почему черезъ три года и одинъ день оказывается, что опасности разглашенія уже не предстоитъ? Развѣ по отношенію къ разглашенію тайны существуетъ такого рода давность? Затѣмъ, напримѣръ, воспрещается и діакону тамъ же проживать и на такихъ же основаніяхъ. Да развѣ діаконъ кого-нибудь исповѣдуетъ,—почему же и ему воспрещается? Далѣе, во избѣжаніе соблазна воспрещается проживать въ теченіе извѣстнаго срока въ уѣздныхъ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ священникамъ, сложившимъ съ себя санъ, при чемъ объяснено, что это не касается «столичныхъ и губернскихъ городовъ». Но развѣ столицы и губернскіе города такъ уже устроены, что этого соблазна не можетъ быть, такъ что вчерашній священникъ сегодня уже утонетъ въ безличной массѣ населенія? Въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ часто существуютъ достойные, уважаемые всѣми пастыри, къ которымъ со всѣхъ угловъ города тянутся въ скорбныя минуты, для облегченія своей души, люди, которые именно въ суетѣ и нравственномъ смрадѣ большихъ городовъ особенно и нуждаются въ духовномъ утѣшеніи и подкрѣпленіи. Если эти пастыри сложатъ съ себя почему-либо санъ, развѣ для ихъ прихожанъ не будетъ того же самаго соблазна, отъ котораго не застрахованы сельскіе и уѣздные жители? По мнѣнію Комиссіи, этотъ соблазнъ въ Лугѣ будетъ, а въ Петербургѣ не будетъ; онъ будетъ въ Шлиссельбургѣ, и его не будетъ въ Харьковѣ или Кіевѣ, или въ другихъ большихъ городахъ. Таковы примѣры непослѣдовательности, съ которыми помириться трудно.

Во-вторыхъ, я нахожу, что этотъ законъ не представляется построеннымъ на достаточныхъ основаніяхъ. Прежде всего, возникаетъ вопросъ: не есть ли настоящая карательная мѣра

извѣстнаго рода ограниченіе правъ, которое всегда отражается практическими послѣдствіями на жизни человѣка? Если это такъ, то спрашивается—за что же ей подвергается священникъ, сложившій съ себя добровольно свой санъ? Онъ не можетъ сложить съ себя санъ иначе, какъ *съ разрѣшенія начальства*; даже въ самомъ проектѣ сказано: «сложившій съ себя санъ съ разрѣшенія духовной власти». Слѣдовательно, несмотря на то, что духовное начальство разрѣшаетъ, его все-таки подвергаютъ карѣ. Какой карѣ? Духовной?—Нѣтъ, его подвергаютъ карѣ гражданской, ограничивая въ правахъ, принадлежащихъ всѣмъ неопороченнымъ по суду. Гражданская власть говоритъ: «духовная власть тебя отпустила и сказала, что такъ какъ ты не признаешь себя пригоднымъ и призваннымъ, то она не хочетъ насиловать твою совѣсть, а я, все-таки, тебя покараю, все-таки, тебя поприжму, чтобы помнилъ». Намъ указывалось на число лицъ, сложившихъ съ себя санъ добровольно. Ихъ 418 человѣкъ въ теченіе 10 лѣтъ. 136 человѣкъ, или 35 проц., сложившихъ съ себя званіе, съ разрѣшенія духовнаго начальства,—по вдовству. Здѣсь много говорилось о томъ, что священникъ, сложившій съ себя званіе по вдовству, обуревается плотскими страстями и не можетъ или не хочетъ съ ними бороться. Я стану на другую точку зрѣнія. Священники, въ сущности, принадлежатъ къ весьма недостаточному классу нашего населенія, къ людямъ обремененнымъ и труждающимся для полученія, иногда въ буквальномъ смыслѣ, куска хлѣба. Всѣ мы знаемъ положеніе сельскаго священника и то, какъ и чѣмъ вознаграждается исполненіе имъ его обязанностей. Вѣдь это не то шелковое, богатое духовное одѣяніе и ордена, которые ласкаютъ взоръ паствы въ большихъ городахъ и столицахъ. Это скромное, очень скромное подчасъ, при большой семьѣ, почти близкое къ нищетѣ положеніе, ибо наше законодательство, въ заботахъ объ огражденіи формальныхъ и нынѣшнихъ правъ Церкви, очень мало удѣляло времени и средствъ для того, чтобы принять мѣры для созданія достойнаго положенія сельскому пастырю и для обезпеченія нашего сельскаго духовенства, освободивъ его отъ печальной зависимости отъ плательщиковъ за требы. Оно хлопотало о *ризахъ*, забывая о *рясахъ*.

Бѣдному человѣку, иногда со многими дѣтьми, который овдовѣлъ,—нужна хозяйка, домоправительница, ему нужно, чтобы кто-нибудь заботился о его дѣтяхъ, обмывалъ ихъ, обшивалъ, воспитывалъ въ нѣжномъ возрастѣ и т. д. Если онъ будетъ усердно исполнять требы, если онъ будетъ отлучаться хоронить, напутствовать, крестить, ему нужно кого-нибудь оставлять дома и домъ оставлять на кого-нибудь. Ему необходима жена, а это воспрещено. Что же остается дѣлать? И если онъ не склоненъ къ темному разврату, если у него нѣтъ ни охоты, ни средствъ къ недавнимъ ченстоховскимъ похожденіямъ,—то ему представится неизбѣжнымъ сложеніе съ себя сана. Нельзя же предположить, чтобы законъ имѣлъ заднюю мысль обрекать его на то явленіе, которое встрѣчается иногда, къ сожалѣнію, въ домашней жизни нѣкоторыхъ патеровъ безбрачнаго латинскаго духовенства.

У шести процентовъ всего числа причиною сложенія сана служила *болѣзнь*. Но гдѣ же за физическія немощи наказываютъ и ограничиваютъ въ правахъ? Возможно ли на больного, утратившаго необходимыя силы, возлагать бремена неудобоносимыя, грозя, въ случаѣ невозможности ихъ нести, карами и ограниченіями. Господа, въ нашемъ почтенномъ возрастѣ мы всѣ здѣсь страдаемъ какою-нибудь немощью. У кого подагра, у кого болѣзнь сердца и т. п. Однако, никто не грозитъ намъ ограниченіемъ нашихъ правъ, если, въ виду усилившагося недуга, тотъ или другой изъ насъ сочтетъ себя пережившимъ свою способность къ законодательной дѣятельности и уйдетъ въ область болѣе приспособленную къ состоянію его здоровья. Пойдемте дальше: восемь процентовъ суть лица, которыя желали бы получить *высшее свѣтское образованіе*. Ограниченія въ правахъ могутъ ихъ стѣснить въ выборѣ мѣста жительства, необходимаго для полученія высшаго образованія. Но можно ли ставить такія препятствія въ странѣ, которая имѣла Ломоносова? Затѣмъ у девяти процентовъ—*семейныя обстоятельства*, т.-е. цѣлый рядъ такихъ явленій, которыя создаютъ въ обыденной жизни человѣка тревогу, непріятности и безпокойства, которыя не даютъ ему воможности, если онъ іерей, въ смиреніи и спокойствіи духа исполнять свои высокія обязанности. Прелюбодѣяніе жены—единственный поводъ къ разводу для

священника — можетъ такимъ острымъ жаломъ вонзиться в сердце мужа, что ему нельзя оставаться на чредѣ своего слу женія, что ему надо выйти изъ двусмысленнаго и тяжкаго по ложенія, въ которое его могутъ ставить похожденія и приключе нія легкомысленной супруги. Кромѣ того, мало ли всякихъ се мейныхъ раздоровъ, порочнаго поведенія дѣтей и всякихъ житей скихъ драмъ, несовмѣстимыхъ съ саномъ и служеніемъ іерея Затѣмъ, сиротство близкихъ: у священника есть сестры, малень кіе братья; надо о нихъ заботиться, воспитывать, учить, а средств мало, и эти семейныя обстоятельства вынуждаютъ искать какого нибудь другого заработка, большаго, чѣмъ тотъ, который дает служба приходскаго священника. Наконецъ, 36 человѣкъ из 418 ушли по сознанію своего *недостоинства*, а 16 вслѣдстві перемѣны своихъ *убѣжденій*. Человѣкъ, который уходитъ, со знавая свое недостоинство для носимаго званія, заслуживаетъ въ сущности, уваженія, потому что онъ не хочетъ лицемѣрит и путемъ притворства обезпечивать свое существованіе. Нам говорили: какъ же это? — онъ вчера еще былъ священникомъ исповѣдывалъ, напутствовалъ, законоучительствовалъ, а сего ня онъ уже находится на гражданской службѣ? Вѣдь, это вели чайшій соблазнъ! Почему же это, однако, такой чрезвычайны соблазнъ? Думается, что гораздо большій соблазнъ, если этот человѣкъ будетъ сознавать, что онъ напутствуетъ, не вѣря въ за гробную жизнь,—что онъ пріобщаетъ Святыхъ Таинъ, ведя жизнь не соотвѣтствующую цѣломудрію, и мысля развратно, «корче ствуя благодатью», какъ говорится въ одномъ изъ «житій». Дл нѣкоторыхъ—и, при томъ, далеко не худшихъ людей,—внутрен нее противорѣчіе взглядовъ и обязанностей невыносимо и равно сильно духовному самоубійству, которое нерѣдко приводитъ и к самоубійству тѣлесному. Затѣмъ—перемѣна убѣжденій. Да, очень печально, если священникъ перемѣнитъ свои взгляды на нѣко торые религіозные вопросы, не провѣривъ себя заранѣе, не рѣ шивъ ихъ безповоротно, и сознаетъ слишкомъ поздно, что он не можетъ честно и добросовѣстно исполнять свои обязанности Очень жаль и его, и дѣла, которому онъ служитъ, но все же это—возможная вещь, и несомнѣнно, что въ этихъ случаях

го оставлять насильственно при исполненіи его обязанностей емыслимо. Поэтому подобные случаи не создаютъ предубѣжде-ія въ отношеніи нравственной стороны человѣка. Позволю ебѣ привести примѣръ, всѣмъ, знакомымъ съ исторіей Запад-ой Церкви, извѣстный,—это примѣръ знаменитаго оратора и уховнаго писателя, патера Гіацинта Луазона, который, не со-ласившись съ новымъ догматомъ о папской непогрѣшимости, ложилъ свое званіе и перешелъ въ старо-католичество. Никто, днако, не рѣшался его за это обвинять, кромѣ самыхъ узкихъ анатиковъ, которымъ казалось болѣе приличнымъ признавать епогрѣшимость папы, отрицая ее внутри души. Итакъ, ого же хотятъ удержать путемъ этихъ ограничительныхъ мѣръ ъ составѣ духовенства? Лицемѣровъ-священниковъ, которые, е вѣруя, будутъ исполнять обряды и таинства, поучать, не со-чувствуя,—убѣждать, сомнѣваясь... И этимъ путемъ мы станемъ поддерживать Церковь и достоинство ея служителей? Позвольте напомнить вамъ первое посланіе къ коринфянамъ, гдѣ Апостолъ овѣтуетъ избѣгать сообщаться не вообще съ порочными людьми, ибо иначе пришлось бы выйти изъ міра сего, но именно съ тѣми, кто, называясь братомъ, остается порочнымъ, такъ какъ судить слѣдуетъ внутренняго человѣка, а не внѣшняго... Поэтому, съ человѣкомъ, который, сознавая свое недостоинство и неискрен-ность въ исполненіи своихъ обязанностей, не захочетъ ложно именовать себя служителемъ алтаря Христова, да еще и учите-лемъ, слѣдуетъ разстаться, облегчивъ ему разлуку, но съ тѣмъ, который, несмотря на такое сознаніе, все-таки, остается, не надо закрѣплять связующія узы. Наконецъ, возможны и дру-гіе случаи,—они перечислены въ спискѣ сложившихъ санъ: это *несогласіе* или *недовольство распоряженіями епархіаль-наго начальства*. Нельзя отрицать того, что могутъ быть такія положенія, когда личное достоинство пастыря до такой степени затронуто и пренебрежено, что онъ можетъ не считать возмож-нымъ оставаться въ своемъ сословіи. Всякой жертвѣ есть предѣлъ, особенно, если жертва требуется такая, что влечетъ за собою униженіе носимаго сана и вмѣстѣ человѣческаго достоинства унижаемаго.

Здѣсь приводились многіе личные примѣры и воспоминанія. Да будетъ позволено привести и нѣкоторые извѣстные мнѣ при-мѣры. Въ Москвѣ былъ, недавно умершій, въ высшей степени достойный духовный писатель и пастырь, поученія котораго ходили жадно слушать многіе,—отецъ Валентинъ Амфитеатровъ. Въ «Русской Старинѣ», въ нынѣшнемъ году, напечатано его письмо, въ которомъ онъ, въ сентябрѣ 1892 г., говоритъ: «Со мной поступили, какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и начал видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ,—и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокою, въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ, мнѣ было сказано: «Безповоротно! Если отказываешься, отчислю! Мнѣ недосугъ много говорить». До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голо-сомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ улич-ными нарушителями порядка. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣе, но несомнѣнно, что ближай-шею дверью будетъ вѣчность». Многіе изъ петербургскихъ жителей помнятъ, что былъ пастырь Церкви и законоучитель одаренный необыкновеннымъ даромъ слова и проникновенія въ душу слушателей, поднимавшій сердца людей, его слушав-шихъ. Къ нему, въ наше время безвѣрія и мрачнаго уныній толпами шла молодежь и жадно ловила каждое его слово, ища въ немъ упованія и ободренія. Отъ него потребовали, чтобы онъ это слово представлялъ на предварительный просмотръ. Но Г. С. Петровъ былъ настоящій проповѣдникъ, на которо сходило вдохновеніе въ то время, когда онъ говорилъ. Этого вдох-новенія уложить въ рамки программъ для представленія по на-чальству было нельзя; отъ этого начался цѣлый рядъ недоразу-мѣній, неудовольствій и угрозъ, которыя кончились тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ сложить съ себя свой санъ. То, что отъ него требовали, уничтожало его силу, какъ проповѣдника, и низво-дило къ роли почтительнаго ученика. Въ нашей старообрядческой Комиссіи одинъ изъ членовъ ея, носящій высокое духовное званіе,

объяснилъ, что проповѣдь говорится совершенно свободно, и никакихъ указаній и разрѣшеній для этого не слѣдуетъ требовать, а другое лицо—тоже носитель духовнаго званія—оспаривало это и утверждало, что само должно было представлять свои проповѣди, несмотря на свое высокое ученое званіе, на просмотръ и разрѣшеніе мѣстному епископу. Слѣдовательно, нельзя даже сказать, чтобы такое требованіе было безусловно закономѣрно, и, тѣмъ не менѣе, по этому поводу мы лишились человѣка, въ словахъ котораго многіе почерпали себѣ утѣшеніе, опору и укрѣпленіе въ вѣрѣ въ моментъ колебаній или сомнѣній.

Посмотримъ теперь на возраженія, которыя дѣлаются противъ проекта Думы. Намъ говорится, что если его принять, то это внесетъ нездоровую струю въ исторически-сложившійся укладъ общественной и церковной жизни. Я думаю, что къ такимъ словамъ надо относиться нѣсколько осторожнѣе: они болѣе громко звучатъ, чѣмъ имѣютъ внутренняго содержанія, потому что знаніе уклада исторической жизни по настоящему вопросу весьма спорно. Я понимаю, что можно говорить объ укладѣ бытовой жизни—это имѣетъ значеніе. Но тамъ, гдѣ жизнь регулируется начальственными распоряженіями, минующими законодательныя учрежденія, можно ли говорить объ историческомъ укладѣ? Здѣсь уже указывалось, что правила о снятіи сана 1832 г. прошли мимо Государственнаго Совѣта и прямо были утверждены по запискѣ митрополита Филарета. Тамъ, гдѣ *такъ называемая* исторія создается такимъ способомъ, мѣропріятіями нѣсколькихъ лицъ, можно говорить о достоинствахъ и слабой сторонѣ этихъ мѣропріятій, но нельзя говорить объ историческомъ укладѣ. Этотъ укладъ требуетъ существованія извѣстнаго преемства однородныхъ явленій въ жизни государства. Но этихъ явленій въ нашей церковно-общественной жизни почти нѣтъ. Достаточно указать, что такое крупное историческое явленіе, какъ патріаршество, было уничтожено безъ особыхъ церемоній: надоѣлъ Петру Адріанъ своимъ печалованіемъ, и Великій Монархъ приказалъ ему не вмѣшиваться не въ свое дѣло, а затѣмъ по его смерти назначилъ Стефана Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола—и патріаршество сошло на нѣтъ. А что такое законодатель-

ство по настоящему вопросу? Не стану, подобно говорившимъ здѣсь, ссылаться на указъ Царя Алексѣя Михайловича, а тѣмъ болѣе на Византію. Мнѣ кажется, что такая ссылка представляетъ опасность: это своего рода историческое болото, въ которомъ можно увязнуть, потому что если сегодня мы будемъ ссылаться по вопросу о снятіи сана на авторитетный голосъ указа Царя Алексѣя Михайловича о *распопахъ* и *раздьяконахъ*, то почему завтра не ссылаться на гораздо болѣе важный документъ,—на Уложеніе того же Царя при обсужденіи уголовнаго вопроса, напримѣръ, о наказаніи фальшивомонетчиковъ, и почему же не сказать, что слѣдовало бы заливать имъ горло растопленнымъ оловомъ, потому что это есть въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича? Взгляните на законодательство о снятіи сана въ прошломъ вѣкѣ. Департаментъ законовъ предлагалъ въ 1831 г. отмѣнить законъ 1806 г. о томъ, что лишенные сана препровождаются въ распоряженіе губернскаго правленія для отдачи въ военную службу или въ тяжелыя работы, и замѣнить это, по предложенію Сунода, ссылкой въ Сибирь, при чемъ лишеннаго сана изъ дворянъ слѣдовало «написать» въ купцы, изъ купцовъ въ мѣщане, изъ мѣщанъ въ низшія сословія. Однако, Императоръ Николай I мудро и великодушно съ этимъ не согласился и принялъ правила, составленныя Филаретомъ. У насъ все ссылаются на эти правила, но ничего не говорятъ объ ихъ содержаніи. Позвольте указать на нѣкоторыя изъ нихъ. Между прочимъ, Филаретъ предлагалъ оставлять медали за человѣколюбивые поступки у лицъ, лишенныхъ сана, и отмѣнить безусловное воспрещеніе поступленія на государственную службу, запретивъ это вступленіе лишь лицамъ, лишеннымъ сана за пороки, и которыя, при томъ, будучи смѣщены на низшую должность, окажутся тамъ нетерпимыми. Намъ теперь предлагаютъ вернуться назадъ на 75 слишкомъ лѣтъ, т.е. вернуться къ закрѣпощенію духовнаго сословія наканунѣ святого дня 50-тилѣтія освобожденія крестьянъ. Надо еще прибавить, что существовавшая при Сунодѣ Комиссія о православномъ духовенствѣ въ 1860 и 1869 г.г. постановила о необходимости освобожденія слагающихъ съ себя санъ отъ всѣхъ ограниченій. Поэтому, напрасно пугать насъ въ данномъ случаѣ

«нездоровой струей, которая разрушитъ историческій укладъ нашей церковной и общественной жизни». Наоборотъ, если мы, поддавшись мысли объ этой струѣ, не раскрѣпостимъ вдовца, больного, несчастнаго въ семьѣ или сознающаго себя недостойнымъ своего сана—то, вмѣсто *проблематической* нездоровой струи, мы дадимъ частый поводъ для цѣлаго потока *дѣйствительныхъ* слезъ.

Затѣмъ слѣдуетъ второе доказательство невозможности обойтись безъ ограниченій; это — недовѣріе по службѣ, ибо можно ли довѣрять на службѣ государственной и общественной человѣку, который оставилъ свой санъ? Но позвольте, господа, не игра ли это словъ? Вѣдь, между *правомъ* поступить на службу и *обязанностью* быть принятымъ есть большая разница! Лишенному сана предоставляется право поступить на службу, но гражданское и общественное начальство вовсе не обязано принимать того, кому не довѣряетъ. Говоря о такомъ недовѣріи гражданскаго начальства, забываютъ, что такое недовѣріе можетъ существовать и черезъ годъ и черезъ три, когда право на поступленіе на службу уже наступитъ; забываютъ и о правѣ начальства не принимать на службу предосудительныхъ лицъ. Да и къ чему такая забота объ общественныхъ должностяхъ? Вѣдь, избиратели знаютъ, на комъ остановиться. Такимъ образомъ, сложившій санъ лишается права быть гласнымъ городской думы, членомъ Государственной Думы или занимать должность по сословному управленію на томъ лишь основаніи, что избиратели *могутъ ему* не довѣрять. Но позвольте имъ самимъ это рѣшать! Здѣсь говорилось, что, если предоставить свободу оставленія сана безъ всякихъ ограниченій, то въ средѣ духовенства явятся неблагонадежные элементы въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ нынѣ, явятся Гапоны. Позволю себѣ спросить: Гапонъ явился при существованіи новаго закона, проектированнаго Государственною Думою, или раньше, при существованіи нынѣшнихъ крупныхъ ограниченій?

Третій доводъ состоитъ въ указаніи на соблазнъ, заключающійся въ томъ, что тайна исповѣди не будетъ достаточно оберегаема. Господа, вопросомъ о тайнѣ исповѣди я весьма внима-

тельно занимался и въ Правительствующемъ Сенатѣ, какъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, и въ Комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ при Министерствѣ Юстиціи и стоялъ противъ весьма сильныхъ противниковъ за строжайшее и всестороннее охраненіе этой тайны при слѣдствіи и судѣ. Стою я за это охраненіе до сихъ поръ,—но не предлагаемымъ трехлѣтнимъ срокомъ оно достигается. Тайна исповѣди должна ограждаться устраненіемъ прямыхъ и косвенныхъ соблазновъ къ ея нарушенію, опредѣленными, а не эфемерными предписаніями закона, который долженъ точно, а не путемъ случайныхъ судебныхъ рѣшеній, установить, что священникъ, судья, врачъ или иной агентъ власти, явившись обладателемъ извѣстной тайны, ввѣренной ему по званію, обязанъ соблюдать ее, «яко вещь запечатлѣнную», и по оставленіи этого званія. Здѣсь долженъ выступить и карательный законъ, что онъ, впрочемъ, уже и дѣлаетъ. Конечно, не всѣ мы, какъ здѣсь вѣрно замѣчено, юристы, но полезно, все-таки, хоть немного знать законы по вопросу, о которомъ приходится говорить. У насъ есть статья 137 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, которая гласитъ о наказаніи за оглашеніе чужихъ тайнъ, и есть статья 541 Уголовнаго уложенія, которая говоритъ о наказаніи тому, кто будетъ разглашать чужія тайны, ввѣренныя ему по обязанности, при чемъ въ комментаріяхъ составителей Уложенія къ этой статьѣ содержится прямое указаніе, что подъ понятіе *разгласителей* подходятъ и лица духовныя, имѣющія священническій санъ. Поэтому, и нездоровая струя и неизбѣжность оглашенія тайны исповѣди только представляются страшными, не будучи ими на самомъ дѣлѣ. Это та *трагическая личина*, которую запретилъ надѣвать еще вселенскій соборъ...

Наконецъ, послѣднее, что приводится въ защиту оставленія ограниченій,—это указаніе на высокое положеніе духовенства, которое будто бы поколеблется, если будутъ допущены изъ него такіе, ничѣмъ не ограниченные, уходы. Но, однако, съ житейской точки зрѣнія, ограниченіе, существующее въ очень крупномъ размѣрѣ теперь, и которое въ уменьшенномъ размѣрѣ предлагаютъ намъ удержать нынѣ, въ

сущности, состоитъ во временномъ лишеніи человѣка куска хлѣба и возможности немедленнаго и непосредственнаго заработка. Намъ говорятъ здѣсь: пусть сложившій съ себя санъ идетъ работать въ торгово-промышленное заведеніе и, при томъ, не тамъ, гдѣ онъ жилъ, гдѣ его знаютъ, ему довѣряютъ и, можетъ-быть, любятъ, а куда-нибудь въ другую мѣстность, на сторону. Но кто его возьметъ тамъ, гдѣ его никто не знаетъ? Или уже ему итти безъ разбора, лишь бы это была не гражданская служба, а промыселъ, хотя бы, напримѣръ, работа въ главной кассѣ ссудъ?.. А затѣмъ, по прошествіи срока, можно поступить и на службу. Но всегда ли промышленный искусъ будетъ служить рекомендаціей для гражданской и общественной службы? Сомнѣваюсь! Не надо также забывать, что всякое исканіе заработка, когда закрыта государственная и общественная служба, отдаетъ человѣка на корыстное вымогательство вынужденнаго труда, ибо каждый, кто дастъ такому ищущему трудъ, зная, что онъ стѣсненъ въ выборѣ, можетъ всегда сказать: «ты, вѣдь, не сможешь обойтись безъ работы, вѣдь ты съ голоду околѣешь, если я не дамъ ее тебѣ, но зато ужъ я тебѣ и поставлю условія и выжму тебя какъ лимонъ». Будетъ ли такое угнетенное положеніе достойно лица, которое еще недавно было священникомъ? Намъ говорятъ, что эти мѣры ограниченій въ исканіи заработка подымутъ или поддержатъ авторитетъ духовенства. Но, господа, карательная мѣра ничьего авторитета никогда не подымаетъ. Возьмите раздѣлъ Уложенія о наказаніяхъ, говорящій о преступленіяхъ по должности. Развѣ его существованіе поддерживаетъ достоинство служащихъ и уваженіе къ представителямъ власти? Это все поддерживается и укрѣпляется образомъ ихъ дѣйствій во время пребыванія въ должности, а не тѣми карами, которыя постигли ихъ по оставленіи, вольномъ или невольномъ, службы. Намъ было цитировано преосвященнымъ Никономъ то, что говоритъ пріемлющему духовный санъ посвящающій его епископъ. Тутъ упоминается и о томъ истязаніи на Страшномъ Судѣ Господнемъ, которое ждетъ небрегущаго своими обѣтами. Преклоняясь передъ грозною торжественностью этихъ словъ, я все-таки полагаю, что они указываютъ на грядущую загробную кару *души* духовнаго лица, а не на огра-

ниченія въ области закона гражданскаго, на страницахъ Свода Законовъ. Страшную для христіанина подсудность *за грѣхи* едва ли можно обращать въ подсудность гражданской власти за *нарушеніе закона* и къ торжественнымъ словамъ епископскаго напутствія прибавлять: «а кромѣ всего этого, ты не можешь жить тамъ-то, не можешь поступать на службу, поголодай немножко здѣсь на землѣ, въ ожиданіи того, что ждетъ тебя въ иной, неземной жизни».

Почтенный предсѣдатель нашей особой Комиссіи объяснялъ здѣсь, что, если не дѣлать ограниченій и допустить безнаказанное оставленіе сана, то тогда санъ будутъ легко оставлять. Можетъ-быть, но что же изъ этого? Развѣ въ тѣхъ инославныхъ церквахъ, гдѣ свободный входъ и выходъ существуютъ, духовенство отъ этого упало, обезсилѣло отъ потери изъ своей среды недостойныхъ или больныхъ пастырей? Развѣ не существуетъ нѣкоторыхъ званій, высокихъ по своему назначенію, какъ званіе судьи, или, напримѣръ, званіе защитника отечества (недаромъ многіе святые несли на себѣ эти обязанности)—однакожъ, офицеры, которые оставляютъ свою должность, и судьи, выходящіе въ отставку, никакимъ ограниченіямъ не подвергаются. Да и можно ли поддержать авторитетъ какого-либо званія удержаніемъ въ немъ людей опасеніемъ впаденія, и лично и съ семьею, въ нищету? Возможность и даже неизбѣжность такого опасенія, какъ способа удержать въ санѣ, прежде всего, подрываетъ довѣріе къ самому сану, ибо заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ носится по призванію, а не по мелкимъ житейскимъ расчетамъ. Ужели авторитетъ служителей Церкви можно возвысить и поддержать, наполняя ихъ ряды людьми, принудительно въ нихъ остающимися! Я позволю себѣ сказать, что пастыри Церкви, желающіе сложить свой санъ и принуждаемые въ немъ оставаться подъ страхомъ ограниченій, суть, въ смыслѣ искренняго призванія къ живому пастырскому служенію, трупы, гальванизированные страхомъ; животворящій духъ жизни отлетѣлъ отъ нихъ. Кромѣ истинъ вѣры, есть еще и глубокія философскія истины. По мысли великаго мыслителя Канта, одно изъ коренныхъ требованій нравственности состоитъ въ томъ, чтобы человѣка никогда не обращать

въ средство достиженія какой-либо, внѣ его стоящей, цѣли. Дозволительно усомниться, чтобы оставленіе въ силѣ ограниченій соотвѣтствовало этому этическому началу,—возможно спросить себя, гдѣ же то братолюбіе, которымъ долженъ отличаться гражданскій законъ христіанскаго государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда устанавливаемое имъ ограниченіе не настоятельно необходимо для огражденія другихъ лицъ или законныхъ правъ и крайнихъ нуждъ государства. Для того, чтобы оградить фиктивные, въ данномъ случаѣ, интересы Церкви, можно ли забывать святой завѣтъ Спасителя: «милости хощу, а не жертвы»? Вотъ почему я думаю, что слѣдуетъ согласиться съ Государственною Думою въ существѣ проектированныхъ ею постановленій. Можетъ-быть, ихъ слѣдуетъ тщательно пересмотрѣть относительно принятыхъ ограниченій для монашествующихъ, извергаемыхъ по суду за порочное поведеніе, но, по существу, Думскій проектъ представляется вполнѣ правильнымъ. Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ: принципы въ вопросахъ первостепенной важности надо проводить въ цѣльномъ видѣ, безъ внутреннихъ противорѣчій, не разбавляя ихъ и не разжижая компромиссами. Это никогда къ полезнымъ результатамъ не приводитъ. Позвольте напомнить вамъ слова, содержащіяся въ Откровеніи святого Апостола Іоанна по адресу ангела лаодикійской Церкви: «Знаю дѣла твои—ты ни холоденъ, ни горячъ. О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но такъ какъ ты только теплъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ!» Предлагаемый намъ проектъ нашей особой Комиссіи ни холоденъ, ни горячъ,—а только тепелъ.

Въ настоящемъ засѣданіи было указано на совершенно новый курсъ, который должно принять рѣшеніе этого дѣла. Можно было отвергнуть Думскій законопроектъ, какъ неосновательный, или согласиться съ Думой и его принять, раздѣляя его существо, но теперь намъ предлагается третій исходъ, а именно—отвергнуть его по преждевременности, т.-е., не входя въ обсужденіе его существа. Я не буду говорить о сдѣланныхъ здѣсь заявленіяхъ о томъ, что понятіе *о свободѣ совѣсти* есть *продуктъ моды*, не буду

касаться побужденій и заднихъ мыслей, приписываемыхъ лицамъ, которыя говорили въ ту или другую сторону по этому проекту, не буду касаться и намековъ на то, подъ какой маркой или штемпелемъ они говорили, потому что фискальныя соображенія о торговыхъ знакахъ въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, имѣть мѣста не должны. Не буду говорить также и о томъ, какова была предшествующая исторія правительственнаго проекта, ибо для насъ имѣетъ значеніе только проектъ Государственной Думы, а не тѣ темныя и недостовѣрныя сказанія, почему и по какимъ соображеніямъ проектъ брался назадъ и вносился по частямъ, и почему одно и то же правительство сначала защищало его, а потомъ уклонилось отъ защиты. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ присоединяюсь къ указанію на то, что Палаты на Западѣ разсматриваютъ дѣло, даже не ссылаясь одна на рѣшеніе другой, а разрѣшаютъ его вполнѣ самостоятельно. Намъ говорили, что съ правительствомъ всегда считаются. Да, конечно, какъ съ имѣющимъ инициативу внесенія законовъ. Но, чтобы отсутствіе представителей правительства въ какомъ-нибудь засѣданіи имѣло значеніе для оцѣнки законопроекта,—этого я допустить въ смыслѣ парламентской практики не могу, потому что тогда мы зависѣли бы въ нашей работѣ отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ. Послѣ этихъ замѣчаній я обращаюсь къ тому, что мы выслушали отъ гр. С. Ю. Витте. Онъ заявилъ, что, будучи однимъ изъ ординарныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, онъ предлагаетъ свое рѣшеніе этого вопроса. Признаюсь, я съ этимъ согласиться не могу. Я привыкъ статсъ-секретаря гр. С. Ю. Витте считать не ординарнымъ членомъ Государственнаго Совѣта, а государственнымъ человѣкомъ, который связалъ свое имя съ русской исторіей. Но если даже стать въ положеніе ординарнаго члена Государственнаго Совѣта, то я думаю, что мѣры, предлагаемыя таковымъ, и его соображенія совершенно экстра-ординарны. Таково, во-первыхъ, дѣленіе законовъ на законы и законочики. Такого дѣленія мы не должны знать, такъ же, какъ судья не долженъ знать дѣлъ важныхъ и неважныхъ. Для лицъ, которыхъ дѣла и законы касаются, они всегда важны, и пренебрежительно къ нимъ относиться нельзя.

Во-вторыхъ, нельзя считать законы—*закончиками* только потому, что ими совершается несправедливость,—какъ выразился гр. С. Ю. Витте,—по отношенію къ небольшому количеству людей. Я согласенъ съ девизомъ древнерусской государственной жизни, о которомъ здѣсь упоминалъ П. Н. Дурново, гласящимъ, что Монархъ долженъ держать свой стягъ *честно* и *грозно*. Честно,—значитъ, прежде всего, *справедливо*, а справедливость должна быть для всѣхъ одинакова. Три человѣка, страдающихъ отъ органической несправедливости закона, точно такъ же даютъ право на отмѣну этого закона, какъ 77,000 такихъ людей. Намъ говорилось, въ смыслѣ *устойчивости* разбираемаго закона, что на него жалобъ не было. Но кому же жаловаться? На начальство жаловаться нельзя, ибо освобождаются отъ сана съ разрѣшенія начальства, слѣдовательно, оно повода къ жалобамъ не подаетъ. Жаловаться на законъ? Да гдѣ же тѣ пути, по которымъ бы у насъ можно жаловаться на *законъ*? Можно итти не иначе, какъ въ порядкѣ отмѣны законовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, а тамъ никакія экстра-ординарныя соображенія принимаемы во вниманіе быть не должны. Этотъ путь и избранъ: 70 человѣкъ, по вычисленію графа Витте, въ годъ страдали отъ этого закона, 700 человѣкъ за десять лѣтъ. Какая же это кара, говоритъ онъ, которая распространяется на 70 человѣкъ въ годъ, когда есть такіе законы, отъ которыхъ страдали и страдаютъ многіе? Но, вѣдь, эти 700 человѣкъ несли и несутъ кару, и кару весьма серьезную. Они не имѣли и не имѣютъ возможности поступать на гражданскую службу, и имъ рекомендуется графомъ С. Ю. Витте поступать въ торгово-промышленныя предпріятія, подобно и другой части населенія, устраняемой вообще отъ государственной службы. Указаніе на группу населенія, тоже не имѣющую, вообще права на государственную службу, какъ на образецъ того, на что надо обречь и священниковъ, сложившихъ санъ,—представляется весьма страннымъ. Это нѣчто въ родѣ предложенія создать спеціальную и своеобразную черту осѣдлости—для духовенства. Говорилось, что это кара пустая. Нѣтъ, это—кара не пустая потому, что разъ она связана съ невозможностью поступать на службу въ теченіе извѣстнаго времени, она

соотвѣтствуетъ тому наказанію, которое въ Уложеніи о наказаніяхъ называется отрѣшеніемъ отъ должности, ибо отрѣшеніе отъ должности наказывается именно тѣмъ, что въ теченіе извѣстнаго времени отрѣшенный за преступленіе не имѣетъ права поступать на службу вновь. Но,—скажутъ намъ,—вѣдь, здѣсь наказаніе уменьшено, и потому стоитъ ли объ этомъ пустякѣ говорить? Да какъ же не стоитъ говорить, когда наказаніе, все-таки, остается и продолжаетъ дѣйствовать, напоминая намъ того библейскаго царя, который говорилъ: «отецъ мой наказалъ насъ ранами, азъ же накажу васъ скорпіонами»; при чемъ редакція предлагается обратная: «отецъ мой наказалъ васъ скорпіонами, азъ же накажу васъ ранами». Теорія о томъ, что можно оставить въ силѣ несправедливый законъ, если онъ распространяется на небольшое количество лицъ, является совершенно непріемлемой. Она—опасна, она—вредна!.. Она стремится смѣшать *несчастье* съ *несправедливостью*, тогда какъ это—совершенно разныя понятія. Въ жизни встрѣчаются великія бѣдствія—несчастія, катастрофы, бурныя послѣдствія слѣпыхъ физическихъ силъ, отъ которыхъ сразу погибаетъ много людей, и, однако, никогда такое общественное бѣдствіе не вызываетъ такого волненія, не безпокоитъ совѣсть, не взываетъ къ помощи, какъ осужденіе невиннаго. Десятки тысячъ людей осуждаются каждый годъ, и что за бѣда, говорятъ нѣкоторые, если между ними могутъ оказаться нѣсколько невинныхъ?.. Но, однако, процессы Каласа и Лезюрка въ теченіе столѣтія волновали общество, жаждавшее, чтобы они были разрѣшены окончательно признаніемъ невинности осужденныхъ, возстановленіемъ ихъ чести и вознагражденіемъ ихъ потомства! И царица Екатерина, которую часто упрекали сегодня въ либерализмѣ, — Екатерина, которая могла сказать про себя словами поэта: «я больше русская была, чѣмъ многіе — по крови вамъ родные»,—эта Екатерина торжественно признала, что лучше десятерыхъ оправдать виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго казнить. Вотъ все, что я имѣю сказать, не повторяя вновь тѣхъ доводовъ, которые приписывались *софистамъ* Государственнаго Совѣта. Софисты встрѣчаются въ разной окраскѣ. Намъ говорилось,

что если въ Государственной Думѣ нашумитъ какой-нибудь скандалистъ,—его удаляютъ для общей пользы, и онъ самъ виноватъ, что на него накладываютъ эту кару. То же и слагающій санъ священникъ, по мнѣнію одного изъ духовныхъ ораторовъ. Забываютъ, однако, что скандалистъ въ Думѣ не съ разрѣшенія Думы дѣлаетъ скандалъ, а священникъ, который слагаетъ съ себя санъ, дѣлаетъ это, по словамъ закона, съ разрѣшенія начальства. Есть, кажется, маленькая разница между тѣмъ скандалистомъ—кличкой котораго позволяютъ себѣ клеймить священника, который, отягощенный жизнью, оставляетъ свой санъ,—и скандалистомъ, который нарушаетъ приличіе и дѣловой порядокъ въ Государственной Думѣ. Признаюсь, что *софистъ* мнѣ, все-таки, гораздо болѣе симпатиченъ, чѣмъ елейный, проникнутый смиреніемъ, *фарисей*, который уже давнымъ-давно описанъ въ святѣйшей изъ книгъ, какъ говорящій: «благодарю Тебя, Господи, что я не таковъ, какъ они!» А въ заключеніе скажу слѣдующее. Намъ предлагается признать *несвоевременнымъ* этотъ законъ и поэтому отклонить его. Что значитъ несвоевременный?! Гдѣ и въ чемъ условія, какіе элементы для обсужденія своевременности? Несвоевременъ для кого? Въ виду какихъ обстоятельствъ? Этого мы сказать не можемъ, а, слѣдовательно, такое рѣшеніе было бы совершенно произвольнымъ.

Несвоевременность извѣстнаго новаго закона, такъ же какъ и отмѣна по несвоевременности существующаго закона должны опредѣляться дѣйствительными потребностями жизни и требованіями справедливости, а не тѣмъ,—пройдетъ онъ или не пройдетъ въ согласительной Комиссіи. Это совершенно гадательное заглядываніе въ то будущее, которое одинъ изъ ораторовъ назвалъ здѣсь пустой и темной комнатой. Каждый, кто служилъ въ провинціи, знаетъ, что тамъ болѣе или менѣе опредѣленно и ясно, вдали отъ спеціально-бюрократическаго, чиновничьяго міра, по отношенію къ проектируемымъ законамъ говорится: этотъ законъ подходитъ для жизни, а этотъ не подходитъ; этотъ хорошъ, а этотъ дуренъ; этотъ полезенъ, а этотъ вреденъ. Но когда изъ болѣе скромной, но болѣе здоровой въ своихъ взглядахъ, провинціи попадешь въ сферу бюрократи-

ческую, съ ея канцелярскими міровоззрѣніями, тогда прихо-
дится слышать слѣдующія неясныя, но чреватыя законодатель-
ными послѣдствіями слова: своевременно ли? удобно ли? ловк
ли? т.-е. слышать слова, которыя не поддаются никакой объ-
ективной оцѣнкѣ. Что значитъ *ловко*? Почему преждевременно?
Для кого *удобно*? Вотъ основанія, по которымъ я вновь полагаю,
что отклонить этотъ законопроектъ на основаніи того, что онъ
несвоевременъ, невозможно.

IV.

По вопросу объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости въ ихъ настоящемъ видѣ.

(Засѣданіе 5 декабря 1907 года).

Если я рѣшаюсь отнять нѣсколько времени у Государственнаго Совѣта по вопросу объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости въ ихъ настоящемъ видѣ, то это въ виду особой важности законопроекта, возникшаго по почину Государственнаго Совѣта, въ чемъ выражается не только то, что этотъ Совѣтъ есть ревизіонная инстанція, обсуждающая законопроекты Государственной Думы, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельный законодательный органъ, чутко прислушивающійся къ нуждамъ, упованіямъ и недугамъ страны. Поэтому, необходимо тщательно изслѣдовать,— отвѣчаетъ ли законопроектъ насущной надобности и слѣдуетъ ли всецѣло присоединиться къ предлагаемымъ мѣрамъ? Учрежденіемъ попечительствъ о народной трезвости Министерство Финансовъ преслѣдовало высоко-полезныя цѣли и проявило лучшія намѣренія. Никто ему за это не станетъ предъявлять никакого обвиненія, о которомъ здѣсь говорилось Министромъ Финансовъ, но надо признать, что осуществленіе этихъ намѣреній потерпѣло неудачу, коренившуюся въ ихъ источникѣ и выразившуюся въ ихъ выполненіи. Какъ справедливо заявилъ Министръ, этотъ

источникъ, т. е. вѣдомство казенной продажи вина, возбуждалъ и возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе не только въ широкихъ общественныхъ кругахъ, но и въ средѣ высшихъ учрежденій государства,—недовѣріе, которое виситъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, парализуя необходимую увѣренность и бодрость. Было бы тяжело уже и въ томъ случаѣ, если бы это недовѣріе выражалось только различными слоями общества. Но тутъ еще можно бы сказать, что оно есть плодъ поспѣшныхъ заключеній и недостаточной освѣдомленности, и что глубокій законодательный и житейскій опытъ этого недовѣрія раздѣлить не дозволяетъ. Можно бы помириться и съ тѣмъ, что Государственный Совѣтъ стараго устройства обнаруживалъ такое недовѣріе и тормозилъ благія начинанія въ то время, когда общественныя симпатіи всѣ были на сторонѣ попечительствъ, и найти при этомъ, что Государственный Совѣтъ отрѣшился отъ жизни и, замкнувшись въ своей спеціальной дѣятельности, пересталъ сознавать живыя потребности страны, что онъ слышитъ и не слушаетъ, слушаетъ и не слышитъ. Но дѣло обстоитъ гораздо хуже, когда недовѣріе одновременно развивалось и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ общественной средѣ, когда съ двухъ сторонъ двойственность дѣятельности Министерства по казенной продажѣ питей возбуждала, несмотря на его добрыя намѣренія, сомнѣніе и смущеніе. Это показываетъ, что въ самомъ учрежденіи попечительствъ было нѣчто неудачное, колебавшее довѣріе, котораго нельзя получить въ кредитъ,—что было больное мѣсто, которое постоянно давало себя чувствовать и осуществляло старое латинское изреченіе: quod ab initium vitiosum est, tractu tempore convalescere non potest. И дѣйствительно, если обратиться къ попечительствамъ, то надо признать, что ихъ устройство, дѣятельность и нравственное воздѣйствіе далеки отъ цѣлесообразности.

По *устройству* своему, согласно руководящимъ наставленіямъ Министерства Финансовъ отъ 1897 года, попечительства представляютъ *правительственный органъ*, достоинства котораго въ борьбѣ съ болѣзненнымъ проявленіемъ народной жизни сомнительны, а недостатки очевидны, ибо живымъ и многообразнымъ проявленіямъ дѣйствительности въ нихъ противопоставляется

канцелярская рутина. Попечительства состоятъ изъ двухъ слоевъ дѣятелей. Верхній, въ губерніяхъ, изъ высшихъ представителей отдѣльнымъ вѣдомствъ съ *рѣшающимъ* голосомъ. У нихъ своего собственнаго дѣла по горло и они могутъ посвятить попеченію о трезвости лишь обрывки своего досуга, хотя на нихъ и лежитъ важная задача руководства *мѣстными* попечительствами и разсмотрѣніе ихъ ходатайствъ. Этотъ же верхній слой состоитъ въ уѣздахъ изъ главныхъ мѣстныхъ представителей власти, привлеченныхъ по назначенію начальства, а не по влеченію собственнаго, болящаго о народномъ недугѣ, сердца. Второй низшій слой участниковъ—состоитъ изъ *попечителей* и *соревнователей*. Очевидно, что по призванію и по непосредственной дѣятельности послѣдніе суть главные работники въ борьбѣ за трезвость. Но они обладаютъ лишь *совѣщательнымъ* голосомъ, который въ засѣданіяхъ попечительства легко обращается въ холостой выстрѣлъ. Министръ Финансовъ справедливо указалъ, что главными дѣятелями попечительствъ являются не *люди двадцатаго числа*. Таковы именно соревнователи. Но они-то и не имѣютъ рѣшающаго голоса, но лишь совѣщательный. А рѣшающій голосъ принадлежитъ именно людямъ двадцатаго числа или немногимъ исключеніямъ между ними, въ лицѣ людей, которые, на ряду со своими прямыми обязанностями, отдались душою и этому дѣлу. Какую роль играетъ вѣсъ этого голоса видно изъ нѣкоторыхъ ходатайствъ самихъ попечительствъ, которыя просили предоставить право рѣшающаго голоса соренователямъ и допустить въ ихъ число женщинъ, столько разъ доказавшихъ въ русской общественной жизни свою готовность и способность къ безкорыстной помощи и къ труду упорному и непоказному. Конечно, такое предоставленіе нельзя не признать гораздо полезнѣй правила о томъ, что въ уѣздныхъ попечительствахъ при отсутствіи уѣзднаго предводителя или назначеннаго губернаторомъ лица предсѣдательствуетъ старшій въ чинѣ, но не старшій по опыту и любви къ дѣлу. Правда, для соревнователей установлены награды и на нихъ распространилась эпидемія нагрудныхъ знаковъ, но импульсъ труда, вызываемый наградами, нравственно сомнителенъ, а какое малое значеніе придается этому нагрудному знаку—видно уже изъ того,

что лицамъ военнаго званія дозволено таковой принимать, *но не носить*. Если таково значеніе и устройство попечительствъ, то немудрено, что центральное управленіе и къ ихъ ходатайствамъ относится соотвѣтственно. Здѣсь упрекали составителей объяснительной записки къ законопроекту въ томъ, что они бездоказательно предполагаютъ существованіе многихъ случаевъ отказа крестьянскимъ обществамъ въ закрытіи винныхъ лавокъ. Этотъ упрекъ совершенно несправедливъ, такъ какъ изъ объясненій, изложенныхъ въ запискѣ Министерства Финансовъ, видно, что даже ходатайствъ самихъ попечительствъ объ упраздненіи казенныхъ лавокъ удовлетворено не болѣе 30%. По этому можно судить и объ отношеніи къ просьбамъ сельскихъ обществъ. И вотъ результатомъ такой организаціи является ничтожный приливъ живыхъ дѣятельныхъ силъ и ничтожное денежное сочувствіе общества дѣлу попечительствъ. Такъ, въ 1903 году—нарочно беру этотъ годъ, чуждый тревогамъ войны и смутнаго времени и нормальный въ смыслѣ внѣшняго спокойствія—попечительства получили 9 милліоновъ 188 тыс. дохода, считая въ томъ числѣ четыре слишкомъ милліона казенной субсидіи—и въ эту сумму со всей Россіи поступило 53 тысячи пожертвованій и членскихъ взносовъ; при чемъ по Москвѣ 18 тысячъ, а по Петербургу *ни одного рубля*. И такая-то неудачная организація предназначена на борьбу съ пьянствомъ! Какъ бы ни были разнообразны причины послѣдняго,—сдѣланныя здѣсь указанія Владиміра Павловича Череванскаго остаются въ силѣ: на $1^1/_2$% увеличенія народонаселенія, пьянство увеличивается на 13%. Это какой-то своеобразный и роковой законъ Мальтуса, но только въ обратномъ видѣ: тамъ тяжкія послѣдствія грозятъ потому, что средства пропитанія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, а народонаселеніе—въ геометрической. Здѣсь же, наоборотъ, но только водка замѣняетъ пропитаніе, при чемъ предсказанія мрачнаго экономиста могутъ въ этомъ случаѣ оказаться болѣе правдоподобными.

Обратимся къ *дѣятельности* попечительствъ. Когда была введена казенная продажа вина, многіе радовались, что кабакъ, какъ средоточіе спаиванія, заклада и ростовщичества, отжилъ

свое время и, если можно такъ выразиться, распылился на спокойное домашнее употребленіе вина. Но эта иллюзія продолжалась недолго. Кабакъ не умеръ, а проползъ въ семью и во многихъ случаяхъ, по свидѣтельству массы лицъ, внесъ въ нее развращеніе и пріученіе женъ и дѣтей пить водку. Кабакъ сошелъ съ лица земли, но онъ ушелъ подъ землю, въ подполье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ядовитый цвѣтокъ, распустился на улицѣ. Съ уличнымъ безобразіемъ началась борьба. Была призвана на помощь судебная власть, и въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, появились новыя кары. Но кары эти оказались тщетными и непримѣнимыми, такъ какъ наказуемыя ими сборища для публичнаго распитія—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ городахъ и неуловимое въ деревняхъ, а единичное публичное распитіе наказуемо только въ томъ случаѣ, если оно воспрещено обязательными постановленіями городскихъ думъ и земскихъ собраній. Мнѣ неизвѣстно, много ли издано такихъ обязательныхъ постановленій, но жизнь показываетъ, что вокругъ и невдалекѣ отъ казенныхъ лавокъ происходитъ невозбранное одиночное распитіе прямо изъ горлышка, при чемъ посуда немедленно возвращается, а малолѣтніе очень часто служатъ посредниками для взрослыхъ, получая за то право глотнуть изъ бутылочки.

На борьбу съ подпольемъ, т. е. съ тайной продажей водки, призываются попечительства. Въ руководящихъ правилахъ 1897 г. прямо сказано, что эта борьба у членовъ попечительства должна стоять на первомъ планѣ и осуществляться путемъ составленія протоколовъ и сообщеній подлежащей власти и что непосредственно за нею должно слѣдовать наблюденіе за недопущеніемъ къ продажѣ питей людей нравственно опороченныхъ. Но и эти права и обязанности попечительствъ въ лицѣ ихъ главнаго контингента соревнователей—обращаются въ нѣчто безплодное и мертвое. Достаточно припомнить, что протоколъ, составленный по 1129 ст. Уст. угол. судопр., для своей дѣйствительной силы, нуждается въ подписи двухъ понятыхъ. Но гдѣ возьметъ ихъ *совѣщательный соревнователь*? Кто его послушаетъ и придетъ на его призывъ при обычной у насъ боязни суда и когда даже судебная власть часто бываетъ вынуждена штрафовать уклоняющихся понятыхъ?

Какую силу могутъ имѣть сообщенія начальству о злоупотребленіяхъ, когда всегда возможно будетъ воспользоваться временемъ для ихъ сокрытія? И что значатъ сообщенія о *нравственной* опороченности, когда за это можетъ грозить привлеченіе къ суду по обвиненію въ клеветѣ, тѣмъ болѣе, что самое понятіе о нравственной опороченности слишкомъ растяжимо и субъективно. И вотъ, такимъ образомъ, лежащій на попечительствахъ надзоръ за недопущеніемъ тайной торговли обратился почти въ ничто, а вечеръ, проводимый въ кабакѣ, смѣнился утреннимъ заходомъ въ казенную лавку для выпивки натощакъ. Трудно сказать, какое впечатлѣніе тяжелѣе: отъ стараго кабака,—давно осужденнаго нравственнымъ сознаніемъ народа и терпимаго какъ зло,—изъ раскрытыхъ дверей котораго неслись нестройные голоса, или отъ дверей новѣйшей благообразной и горделивой своею чистотою винной лавки, у которыхъ, *въ началѣ рабочаго дня*, нетерпѣливо толпятся съ изможденными лицами поставщики питейнаго дохода. Казенная лавка, съ точки зрѣнія отрезвленія населенія, не исполнила своей главной обязанности:—не упразднила питейнаго дома съ его вредными аттрибутами, съ продажей вина въ долгъ и съ допущеніемъ къ распитію малолѣтнихъ и пьяныхъ, покуда послѣдніе еще могутъ держаться на ногахъ. Такой питейный домъ изъ явнаго сталъ тайнымъ, т.-е. болѣе опаснымъ. Борьба съ нимъ осталась, очевидно, лишь на бумагѣ, благодаря отсутствію практическаго примѣненія 1 п. ст. 4 Устава о попечительствахъ о надзорѣ за правильностью торговли—вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ этой борьбѣ чиновъ питейнаго вѣдомства, частой заинтересованности низшихъ органовъ мѣстной полицейской власти и бытовыхъ неудобствъ, связанныхъ съ обличеніемъ злоупотребленій со стороны частныхъ лицъ и, наконецъ, по отсутствію матеріально-потерпѣвшей стороны, такъ какъ казна при существованіи тайной продажи *никакого ущерба въ питейномъ доходѣ* не испытываетъ. На почвѣ той же борьбы попечительствамъ рекомендовано устройство лѣчебницъ для алкоголиковъ и посредническихъ конторъ для пріисканія работы. И то и другое было бы въ высшей степени полезно, если бы было учреждено въ достаточномъ количествѣ. Охраняя безработнаго отъ празд-

ности и унынія, толкающихъ его къ вину, и оказывая привычному пьяницѣ врачебную помощь, когда онъ впалъ въ несчастную слабость, эти учрежденія могли бы сослужить большую службу, но они—капля въ морѣ. Ихъ на всю Россію—по десяти каждаго рода! Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ слабый человѣкъ можетъ получить повсюду вредно-дѣйствующее вещество въ неограниченномъ количествѣ, руководясь лишь своей страстью и состояніемъ своего кошелька, тамъ противоядіе отпускается ему лишь въ десяти мѣстахъ! Насколько ничтожна дѣятельность лечебницъ и конторъ, видно уже изъ того, что въ объяснительной запискѣ Министерства Финансовъ даже не указана цифра расхода на нихъ. Такова дѣятельность попечительствъ въ активной борьбѣ съ пьянствомъ.

Остается обширная область *нравственнаго воздѣйствія*. Въ ней на первомъ мѣстѣ стоятъ развлеченія для народа. Учрежденіе попечительствъ имѣло въ виду наполнить досугъ народа здоровымъ и трезвымъ содержаніемъ, въ которомъ, конечно, должны были найти себѣ мѣсто и безобидная веселость, и поучительное зрѣлище, и ученіе путемъ бесѣдъ, картинъ, разсказовъ и т. п. Но практика извратила эту цѣль. На мѣсто разумнаго времяпрепровожденія—она поставила исключительно развлеченія. На мѣсто народа—въ значительной степени,—какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь цифръ посѣтителей,—сравнительно состоятельные классы общества. Дозволительно однако спросить, не слишкомъ ли у насъ много заботы о развлеченіяхъ? Наше общество, повидимому, увлечено стремленіемъ развлекаться до крайней степени. Можно подумать, что въ развлеченіяхъ оно ищетъ отдыха отъ тяжелой творческой работы и хочетъ въ нихъ хоть на мгновеніе забыться или освѣжиться. Но, къ удивленію, мы видимъ лишь развлеченія и не видимъ такой работы. Если будущій историкъ черезъ много-много лѣтъ посмотритъ на первую страницу какой-нибудь изъ распространенныхъ современныхъ намъ русскихъ газетъ, онъ увидитъ ее заполненною множествомъ объявленій о всевозможныхъ развлеченіяхъ, очень часто съ заманчивыми обѣщаніями порнографическаго оттѣнка; онъ прочтетъ о балахъ и маскарадахъ съ благотворительною цѣлью и съ раз-

вращающими преміями за красоту, не только женскую, но
мужскую, за роскошный костюмъ и за право именоваться коро
левою брилліантовъ. Если онъ при этомъ припомнитъ, что эт
бѣшеная погоня за развлеченіемъ совершалась въ то время, когд
наше національное достоинство страдало отъ тяжкихъ ран
когда наше внѣшнее вліяніе было потрясено, когда въ суд
бахъ страны игралъ громадную роль внутренній перелом
и вокругъ насъ въ туманѣ кроваваго безумія носились раз
рушительные вихри, когда вся Россія страдала острыми му
ками рожденія обновленнаго строя жизни,—если онъ вспомнит
все это,—ему подумается, что онъ видитъ передъ собою средне
вѣковый «пиръ во время чумы»! Не пріученію ли дѣтей развле
каться, убивающему здоровую мечту и естественную работу мысли
быть можетъ обязаны мы тѣмъ, что эти дѣти, подрастая, так
чуждаются самостоятельнаго труда и видятъ въ немъ стѣсненіе
для своей личности? Сомнительно, чтобы развлеченіемъ, одним
пустымъ развлеченіемъ, было можно отучить людей отъ какой
либо слабости, переходящей въ порочныя привычки! Само Мини
стерство Финансовъ въ своихъ руководящихъ наставленіяхъ на
ходило, что театръ долженъ быть народнымъ, а не общедоступ
нымъ, почему представленія должны даваться преимущественно
въ праздничные дни. Не станемъ вдаваться въ опредѣленіе того,
что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «народъ». По отношенію к
попечительствамъ о народной трезвости это понятіе совершенно
ясное. Это тѣ, о трезвости которыхъ надо имѣть попеченіе, боряс
съ возможностью злоупотребленія ими спиртными напитками.
Это тѣ, кто, по взгляду Министерства Финансовъ, не хозяинъ
своего времени и располагаетъ собою лишь въ праздничные дни,
хотя надо замѣтить, что въ отчетѣ по питейной продажѣ еще за
1904 г. уже отмѣчается о введеніи среди рабочихъ девяти и даже
восьмичасового рабочаго дня, а лѣтомъ, когда особенно усиленно
дѣйствуютъ народныя развлеченія, служащіе въ торговыхъ и
промышленныхъ заведеніяхъ получаютъ обыкновенно еще одинъ
день свободы въ недѣлю, да и самыя эти заведенія закрываются
около семи—восьми часовъ вечера. Поэтому здоровыя театраль
ныя развлеченія могли бы предоставляться и быть доступными

народу гораздо чаще, чѣмъ только по праздникамъ. Не то мы видимъ въ дѣйствительности, взявъ для примѣра хотя бы народные дома петербургскаго попечительства въ Александровскомъ паркѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ къ первоначальному устройству развлеченій была приложена рѣдкая и несомнѣнно благожелательная энергія высшихъ руководителей попечительства. Тамъ, въ будніе дни идутъ спектакли по повышеннымъ почти вчетверо противъ праздниковъ цѣнамъ и съ репертуаромъ, предназначеннымъ для классовъ общества, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ и не нуждающихся въ попеченіи объ ихъ трезвости. Правда, и тамъ существуютъ особыя мѣста, гдѣ можно, не снимая верхняго платья, стоять за гривенникъ, но все остальное для рабочаго человѣка дорого, да и самый репертуаръ далеко не всегда предназначенъ для него. Что общаго, напримѣръ, между народнымъ театромъ и хотя бы афишей отъ 18 іюля нынѣшняго года, извѣщающей о послѣднемъ выступленіи въ Народномъ Домѣ примабалерины Преображенской и кордебалета въ отдѣльныхъ актахъ «Коппеліи», «Конька-Горбунка», «Дочери Фараона» и т. д.? Итакъ, эти театральныя представленія и по содержанію и по цѣнѣ—не для для народа. Но для него,—говорятъ намъ,—есть праздничные спектакли, дешевые и приноровленные къ его потребностямъ,—для него ставятся обстановочныя пьесы изъ русскаго быта и исторіи, рисующія ему блестящія страницы его прошлаго. Охотно вѣрю этому, но, припоминая указанія «объяснительной записки» и заявленіе московскаго гласнаго Урусова, не могу не обратить вниманія на то, что большая часть воскресеній послѣдняго ноября была заполнена въ театрахъ попечительства — «Шерлокомъ Холмсомъ», «Карменъ», «Фаустомъ», «Иваномъ Разбойникомъ» и т п. Правда, народу предоставляются и въ эти дни и въ будни другія развлеченія—кинематографы, представленія клоуновъ, пѣніе куплетовъ на открытой сценѣ. Но кому же неизвѣстно, что въ этихъ забавахъ очень мало облагораживающаго элемента; что куплеты по большей части пошлы по содержанію; что смѣхъ, вызываемый клоунами, построенъ на унижающихъ человѣческое достоинство плевкахъ, пинкахъ и пощечинахъ, и что почти во всѣхъ кинематографахъ главную роль играетъ изображеніе борь

бы съ ловкими преступниками, хотя и кончающейся торжествомъ порядка, но попутно наглядно преподающей методологію и систематику грабежей и убійствъ.

Такимъ образомъ оказывается, что театральными представленіями петербургскаго попечительства пользуются въ значительной мѣрѣ не тѣ, кого въ данномъ случаѣ подразумѣваетъ слово «народъ», а тѣ, кто можетъ найти себѣ развлеченіе и въ частныхъ театральныхъ предпріятіяхъ, не задающихся дальновидно никакими возвышенными цѣлями. Не приходится ли тутъ невольно припомнить возгласъ, раздававшійся въ давно прошедшіе годы при сборищахъ и торжествахъ: «публика, впередъ! народъ, назадъ!»—А между тѣмъ это попечительство получило за шесть лѣтъ съ 1899 года 3.600.000 р. казеннаго пособія, а затѣмъ на слѣдующіе пять лѣтъ назначено ему по 450.000 р. въ годъ, а на слѣдующія потомъ пять лѣтъ по 350.000 р. ежегоднаго воспособленія. Не малую часть этихъ суммъ долженъ поглотить петербургскій Народный Домъ, давшій въ одномъ 1903 г. 250.000 р. дефицита. Невольно поэтому возникаетъ вопросъ, не являются ли такія развлеченія дорого стоющимъ предпріятіемъ для доставленія сравнительно достаточнымъ людямъ пріятнаго препровожденія времени въ значительной степени на средства, получаемыя изъ прошиваемыхъ народомъ денегъ и сопряженнаго съ этимъ народнаго пьянства? Есть же, однако, учрежденія, связанныя съ попечительствомъ о народной трезвости лишь небольшой субсидіей, въ которыхъ дѣло поставлено на болѣе разумную и цѣлесообразную почву. Таковъ, напр., Народный Домъ, учрежденный харьковскимъ обществомъ грамотности, вмѣстившимъ въ себя кружокъ людей, самоотверженно преданныхъ идеѣ поднятія народнаго духовнаго уровня. Получая отъ попечительства лишь 8 тыс. руб. въ годъ, онъ развилъ въ своихъ стѣнахъ широкую и благотворную дѣятельность. Таковъ, по отзывамъ многихъ, Народный Домъ графини Паниной въ С.-Петербургѣ, гдѣ входъ стоитъ не болѣе 75 коп. въ лучшія мѣста. Къ чему скрывать отъ себя, наконецъ и то, что учебное начальство должно было воспретить воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщеніе петербургскаго Народнаго Дома въ праздничные дни и что вокругъ

того дома пріютились, какъ хищныя и жадныя птицы, пособники проституціи, захватившей даже и малолѣтнихъ.

Къ области нравственнаго воздѣйствія попечительствъ относится устройство народныхъ чтеній и библіотекъ-читаленъ. Но первые долго были затруднены разными формальностями, а библіотеки-читальни существуютъ преимущественно при чайныхъ и столовыхъ попечительства. Для успѣха своего,—библіотеки-читальни должны пользоваться одинаковымъ съ послѣдними вниманіемъ. Но въ дѣйствительности это во многихъ случаяхъ не такъ. Интересное изслѣдованіе В. А. Гагена о попечительствахъ въ «Журналѣ Трудовой Помощи» указываетъ рядомъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ на то, что иногда комитеты попечительствъ отдаютъ въ аренду чайныя и столовыя, даютъ имъ инвентарь и умываютъ затѣмъ руки,—и что нерѣдко буфетчиками или, если угодно, завѣдывающими чайными являются мѣстные домохозяева, которымъ очень выгодно не платить за торговые документы и которые, конечно, болѣе заботятся о продажѣ припасовъ, чѣмъ о содѣйствіи насыщенію своихъ посѣтителей духовною пищею. Даже въ петербургскомъ Народномъ Домѣ, по удостовѣренію В. А. Гагена, читальня открыта только днемъ, а вечеромъ и въ праздники вовсе закрывается, потому что столы нужны для буфета, да и посѣщается на 70% подростками, собирающимися, подъ предлогомъ чтенія, послушать и посмотрѣть репетицію оркестра и представленія клоуновъ. Я далекъ отъ мысли отрицать прекрасную организацію спеціальныхъ столовыхъ, учрежденныхъ по почину главы петербургскаго попечительства, но думаю, однако, что здѣсь цѣль борьбы съ пьянствомъ уже не на первомъ мѣстѣ и что та же энергія, приложенная, напримѣръ, къ труду общества охраненія народнаго здравія или земскихъ организацій, столь успѣшно себя заявившихъ въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожаевъ, принесла бы тѣ же плоды.

Въ общемъ выводѣ—попечительства о народной трезвости страдаютъ соединеніемъ въ одно множества разнородныхъ и взаимно другъ друга ослабляющихъ функцій. Съ ними повторяется французская поговорка: qui trop embrasse—mal étreint.—Не упразднять борьбу съ пьянствомъ,—какъ будто бы, по словамъ

моихъ противниковъ, желаетъ авторъ законопроекта,—нужно а надо дать ей новое, болѣе практическое и цѣлесообразное выраженіе. Есть, даже помимо земствъ и городовъ, у которых и своего настоящаго дѣла довольно, — рядъ организацій общественныхъ, въ родѣ комитетовъ грамотности, лиги образованія общества охраненія народнаго здравія, общества Краснаг Креста и др., которыя могли бы разобрать между собою и выполнить отдѣльныя отрасли дѣятельности попечительствъ съ большимъ успѣхомъ. Возникнутъ и новыя идейныя организаціи, если предпринять эту необходимую децентрализацію предметовъ нынѣшней дѣятельности попечительствъ. Но, конечно, это должно составить предметъ особаго, подробнаго и тщательнаго обсужденія. Несомнѣнно также и то, что, отказавшись отъ своего попечительства надъ трезвостью Министерство Финансовъ, которое уже возбуждало вопросъ о передачѣ попечительствъ въ руки Трудовой помощи или Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не откажетъ въ своемъ великодушномъ и широкомъ пособіи дѣлу народнаго отрезвленія, хотя бы и находящемуся въ другихъ рукахъ.

(Засѣданіе 11 марта 1909 г.).

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, въ декабрѣ 1907 г. постановилъ поручить Особой Комиссіи обсудить предложеніе 39 Членовъ, во главѣ съ Членомъ Государственнаго Совѣта Череванскимъ, объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости, въ связи съ бывшими въ Государственномъ Совѣтѣ по этому предмету сужденіями по вопросу о необходимости борьбы съ пьянствомъ. Поэтому Комиссіи, когда она приступила къ своимъ занятіямъ, представился, прежде всего, конечно вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ, т. е. представилось необходимымъ выяснить себѣ, въ чемъ можетъ состоять задача борьбы съ пьянствомъ, и что понимать подъ самымъ понятіемъ *пьянство*. Подъ пьянствомъ слѣдуетъ понимать, по мнѣнію большинства Комисіи, ту привычную нетрезвость, которая постепенно отъ при-

вычки переходитъ въ слабость, изъ слабости обращается въ порокъ, а изъ порока вырождается часто въ преступленіе, а еще чаще въ болѣзнь. Поэтому борьба съ пьянствомъ должна состоять въ борьбѣ съ этого рода порочною привычкою, а не съ потребленіемъ вина вообще. Это должно быть предметомъ и задачею особыхъ обществъ трезвости, проповѣдующихъ полное воздержаніе отъ потребленія крѣпкихъ напитковъ. Если, съ одной стороны, трудно согласиться съ заявленіемъ Министра Финансовъ Государственной Думѣ, что алкоголь составляетъ предметъ одной изъ *первыхъ необходимостей* для населенія, то, во всякомъ случаѣ, вопросъ о потребленіи алкоголя вообще, не можетъ входить въ задачу борьбы съ пьянствомъ. Борьба съ пьянствомъ должна быть направлена на ту порочную привычку постоянной нетрезвости, благодаря которой образуется особый контингентъ пьяницъ, особое не только безполезное, но и вредное наслоеніе среди населенія. Въ этомъ отношеніи ни цифры о валовомъ потребленіи вина, ни цифры о душевомъ его потребленіи не могутъ дать руководящихъ началъ. Съ одной стороны душевое потребленіе опредѣлялось составителями проекта въ 0,75 ведра; съ другой стороны, по мнѣнію Министерства Финансовъ, это потребленіе не превышаетъ 0,5 ведра на человѣка, а Комиссія пришла къ заключенію, выведенному изъ ряда статистическихъ данныхъ, что оно составляетъ 0,61 ведра. Это душевое потребленіе, сравнительно довольно низкое, нисколько однако не разрѣшаетъ вопроса, тѣмъ болѣе, что при этомъ вычисленіи обыкновенно забывалось, что населеніе Россіи имѣетъ въ своемъ составѣ не менѣе 25 милліоновъ инородцевъ-мусульманъ и евреевъ — которые водки не пьютъ или пьютъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Сюда же надо причислить дѣтей, въ значительной степени женщинъ и, наконецъ, лицъ, принадлежащихъ къ огромному числу старообрядцевъ и сектантовъ. По душевому расходу алкоголя на первомъ мѣстѣ стоитъ Данія, а Россія только на 9 мѣстѣ, но въ то же время валовое потребленіе спирта у насъ увеличилось на 133% противъ того, чѣмъ оно было при введеніи монополіи. Если принять во вниманіе, что населеніе увеличилось за это время на 20%, то

такое увеличеніе валового потребленія представляетъ собой цифру огромную. Чтобы окончить съ цифрами нужно замѣтить, что душевое потребленіе въ С.-Петербургѣ уменьшилось за послѣднія 8 лѣтъ съ 2,85 ведра на человѣка до 2,35 ведра на человѣка, но и это ничего не говоритъ, такъ какъ во Франціи, гдѣ алкоголь производитъ совершенное опустошеніе, гдѣ потребленіе абсента составляетъ такое общественное бѣдствіе, что за послѣднія 7 лѣтъ число сумасшедшихъ, страдающихъ алкогольнымъ помѣшательствомъ, увеличилось на 57% — душевое потребленіе составляетъ всего 0,82 ведра на человѣка.

Поэтому не въ цифрахъ потребленія вина можно видѣть опасность, которою грозитъ развитіе пьянства въ Россіи. Эта опасность состоитъ въ способѣ, которымъ опьяняются люди, т. е. въ томъ, что по различнымъ условіямъ народной жизни, по ея обстановкѣ, по совершенно безпрепятственному характеру покупки и продажи водки, русскому человѣку, слабому характеромъ, не ставится достаточныхъ и необходимыхъ препонъ или задержекъ противъ развивающейся у него привычки къ нетрезвости, которая мало-по-малу обращается въ порокъ и болѣзнь. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ чрезвычайно серьезныя, чтобы не сказать страшныя цифры. Достаточно сказать, что за послѣднее десятилѣтіе съ 1890 г. у насъ ежегодно, въ среднемъ числѣ, сгорало 1.000 человѣкъ, лишало себя жизни и отравлялось по неосторожности 3.300 человѣкъ, тонуло 7.300 и *смертельно опивалось 5.000 человѣкъ*, при чемъ, конечно, въ число погибшихъ отъ ожоговъ и утонувшихъ по неосторожности надо отнести большое количество людей, съ которыми это случилось вслѣдствіе крайняго опьянѣнія. Надо замѣтить, что въ этомъ десятилѣтіи число преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ нетрезвомъ видѣ, составляло 42% всѣхъ преступленій, содѣянныхъ въ Россіи, а 93% воинскихъ преступленій были результатомъ чрезмѣрной выпивки, что, вѣроятно, послужило военному вѣдомству основаніемъ къ изданію благодѣтельнаго приказа, въ силу котораго продажа водки изъ потребительныхъ лавокъ для солдатъ и раздача по разнымъ поводамъ винныхъ порцій безусловно прекращены. Наконецъ, нельзя не вспомнить, что

ь апрѣлѣ и ноябрѣ прошлаго года въ С.-Петербургѣ—нарочно беру мѣсяцы, раздѣленные полугодіемъ—зарегистровано самоубійство 117 мужчинъ, при чемъ изъ послѣднихъ 48 прибѣгло къ нему подъ вліяніемъ алкоголя. Поэтому способъ потребленія вина представляетъ у насъ большую и совершенно серьезную опасность. Насколько онъ у насъ встрѣчаетъ меньше противодѣйствія со стороны пьющихъ, чѣмъ на Западѣ, мы видимъ изъ слѣдующихъ печальныхъ цифръ. Существуютъ полицейскія камеры, куда забираютъ для вытрезвленія пьяныхъ. Такія учрежденія есть и въ Германіи. У насъ въ Петербургѣ въ 1902 г. на 1.200.000 жителей—для вытрезвленія было помѣщено въ полицейскіе участки 53.000 человѣка, т. е. 1 на 23 жителя. За то же время въ Берлинѣ, при 2.000.000 населеніи было помѣщено 6.000 человѣкъ, т. е. 1 на 320 жителей. Такимъ образомъ растетъ число горькихъ пьяницъ, растетъ количество потерянныхъ трудовыхъ дней и средствъ, необходимыхъ для человѣческой жизни, а не для животнаго прозябанія отъ одного опьянѣнія до другого.

Но главная бѣда еще не въ этомъ. Бѣда состоитъ въ томъ, что рядомъ съ такимъ развитіемъ пьянства идетъ вырожденіе, при чемъ этому помогаетъ въ значительной степени [redacted], относительно [redacted] попутно я долженъ заявить, что, по отчетамъ медицинскаго департамента, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Россіи числилось, при населеніи около 120.000.000, около 1.000.000 *зарегистрированныхъ* [redacted] и слѣдовательно могущихъ передавать ее другимъ [redacted] путемъ. А сколько еще было не зарегистрировано! Насколько алкоголь вліяетъ на вырожденіе, показываютъ новѣйшія изслѣдованія ряда выдающихся медицинскихъ писателей, въ томъ числѣ изслѣдованіе о «бластофторіи» — Бунге и итальянскаго біолога Буццони, который изслѣдовалъ генеалогію 9.000 идіотовъ въ Швейцаріи, при чемъ оказалось, что у 8.200 изъ этихъ 9.000—родители были несомнѣнные алкоголики. Въ Москвѣ изслѣдованіе, предпринятое въ 1905 г. по городскимъ больницамъ, дало на 1.812 алкоголиковъ 1.680 родителей—привычныхъ пьяницъ. Вотъ съ какимъ крайне опаснымъ явленіемъ приходится считаться. Оно

грозитъ неминуемымъ ослабленіемъ духовной и физической природы русскаго человѣка. Это ослабленіе при критическихъ обстоятельствахъ исторической жизни страны, при остромъ соприкосновеніи съ болѣе здоровыми сосѣдними племенами,—будет ли это на полѣ брани или на экономическомъ поприщѣ,—может лишить нашъ народъ и надлежащей силы воли и надлежащей силы матеріальной! Поэтому, съ этимъ надо бороться самым настойчивымъ образомъ, не останавливаясь ни передъ какими рѣшительными мѣрами. Итакъ, прежде всего Комиссія пришл къ тому, что борьба съ пьянствомъ въ томъ его видѣ, который я имѣлъ печальную задачу вамъ изобразить, необходима и должна вызывать живую дѣятельность законодательныхъ учрежденій. Было бы крайне горестно, если бъ дѣйствительно намъ пришлось повторить слова Митрополита Филарета о томъ, что «глубоко несчастливо то время, когда о злоупотребленіяхъ говорятъ *всѣ*, а побѣдить ихъ *никто* не хочетъ».

При учрежденіи винной монополіи было обращено вниманіе на борьбу съ пьянствомъ; монополія была введена, между прочимъ, для упорядоченія торговли виномъ, для устраненія внѣшнихъ безпорядковъ и безобразій въ этой торговлѣ и для уменьшенія злоупотребленій, связанныхъ съ интересами отдѣльныхъ продавцовъ и кабатчиковъ или вызываемыхъ этими интересами. На ряду съ чисто фискальными мѣрами были учреждены попечительства о народной трезвости. Нельзя отрицать нѣкоторыхъ достоинствъ и заслугъ этихъ попечительствъ. Попечительства нерѣдко дѣлали то, что могли, при условіяхъ мѣста, времени и силъ,—были часто исполнены доброй воли и хорошихъ желаній, а въ С.-Петербургѣ были движимы съ чрезвычайной энергіею и настойчивостью въ осуществленіи своихъ цѣлей. Къ сожалѣнію, эти достоинства оказались слабыми для предпринятаго отрезвленія и не приводятъ къ желанному результату подъ вліяніемъ недостатковъ, которые свойственны этимъ учрежденіямъ. Къ этимъ недостаткамъ, во-первыхъ, прежде всего, относится то, что было указано при обсужденіи этого вопроса впервые въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1907 г., Министромъ Финансовъ, а именно, постоянное общественное недовѣріе, которое сопро-

вождаетъ дѣятельность попечительствъ съ самаго момента ихъ возникновенія. Дѣйствительно, цифры намъ указываютъ, насколько это утвержденіе подтверждается жизнью попечительствъ. При 4.500.000 субсидіи въ 1905—1906 г.г. мы имѣемъ на всю Россію частныхъ пожертвованій и членскихъ взносовъ, т. е. такихъ взносовъ, которые характеризуютъ отношеніе общества къ этимъ учрежденіямъ, въ 1903 г. 54.000 р., въ 1904 г. 34.000 р., въ 1905 г. 24.000 р., и при этомъ Москва изъ 54.000 р. даетъ въ 1903 году 18.000 р., С.-Петербургъ же—ничего, а въ 1904 и 1905 г.г. и Москва и С.-Петербургъ не даютъ ни одной копѣйки. Не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ малаго довѣрія общества къ этимъ учрежденіямъ? И дѣйствительно, у общества, правильно или нѣтъ, складывается взглядъ на попечительства о народной трезвости, какъ на учрежденія, имѣющія какой-то странный, взаимно и внутренне-противорѣчивый характеръ. Они походятъ въ глазахъ общества на торговцевъ, которые стали бы принимать мѣры, чтобы меньше продавать своего товара, или на Военнаго Министра, который сталъ бы принимать дѣятельное участіе въ организаціи и практическомъ осуществленіи задачъ лиги мира. Такая двойственная роль заставляетъ общество сомнѣваться, чтобы обѣ роли исполнялись съ одинаковою ревностью. Я не желалъ бы безусловно раздѣлять такой взглядъ, но не могу не сказать, что существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, который могъ его развить и, благодаря ему, развить и недовѣріе общества. Такъ, напримѣръ, сельскимъ обществамъ предоставлено право ходатайствовать объ уменьшеніи количества и о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ. Такое право принадлежитъ и самимъ попечительствамъ о народной трезвости, т. е. учрежденіямъ, которыя менѣе всего заинтересованы, чтобы слѣпо и предвзято дѣйствовать вопреки интересамъ того вѣдомства, въ которомъ они числятся. Но что же мы видимъ? По 1 января 1906 г. съ открытія попечительствъ состоялось 1.675 приговоровъ сельскихъ обществъ объ упраздненіи на ихъ землѣ казенныхъ винныхъ лавокъ, а изъ нихъ удовлетворено 545, т. е. менѣе одной трети. Сами попечительства о народной трезвости ходатайствовали въ 163 случаяхъ, и изъ этихъ хода-

тайствъ, какъ значится въ официальной справкѣ, получил движеніе (движеніе, а не прямое удовлетвореніе)—только 49 т. е. опять менѣе одной трети. Наконецъ, изъ журналовъ и про токоловъ засѣданій Государственной Думы видно, что еще не давно былъ внесенъ въ нее запросъ о томъ, что въ селѣ Максимовк мѣстное населеніе ходатайствовало объ упраздненіи винной лав ки, и ему было отказано потому, что контрактныя условія съ хо зяиномъ арендуемаго помѣщенія представляютъ разныя затруд ненія, но въ то же время, какъ говорится въ этомъ запросѣ,— я не знаю, разрѣшенъ ли онъ, и чѣмъ онъ законченъ,—послѣ та кого ходатайства, въ которомъ было отказано, въ этой Макси мовкѣ были открыты еще пивная и винный трактиръ.

Затѣмъ, основаніемъ къ тому, что попечительства недо статочно успѣшно содѣйствуютъ борьбѣ съ пьянствомъ, являетс ихъ, какъ принято называть, бюрократическій или, вѣрнѣе, ка зенный личный составъ. Этотъ казенный личный составъ предста вляетъ собой совокупность людей, не заинтересованныхъ горяч и всецѣло дѣломъ борьбы съ пьянствомъ, не сосредоточенных всѣми силами и чувствами въ этой борьбѣ, и при томъ участвую щихъ въ ней исключительно въ силу своего официальнаго служеб наго положенія. Правда, послѣдніе годы послѣдовалъ рядъ из мѣненій;—эти измѣненія въ нѣкоторой степени разрѣдили офи ціальные элементы попечительствъ, но зерно осталось прежним и все-таки, по старому, главные дѣятели попечительствъ суп должностныя лица, участвующія въ нихъ по обязанностям службы. При томъ рядомъ съ этимъ были предприняты мѣры которыя только могли ослабить нравственный элементъ въ сред этихъ учрежденій. По первоначальному уставу попечительств о народной трезвости, въ губернскихъ попечительствахъ засѣ далъ мѣстный епископъ, при чемъ ему была придана первенствую щая роль. Но затѣмъ, въ 1897 г., было признано, что положені епископа, какъ члена попечительства, представляется неудобным и несоотвѣтствующимъ его достоинству, такъ какъ комитетъ по печительства находится подъ предсѣдательствомъ губернатора, который принадлежитъ къ духовной паствѣ архіерея. Такимъ обра зомъ, вслѣдствіе непонятныхъ мнѣ соображеній тогдашняго Оберъ

Прокурора Святѣйшаго Синода, былъ выведенъ изъ попечительства о народной трезвости человѣкъ, который болѣе всѣхъ изъ официальныхъ лицъ по самому смыслу своего званія заинтересованъ въ нравственномъ подъемѣ населенія путемъ борьбы съ злоупотребленіемъ алкоголемъ, при чемъ это устраненіе совершенно не соотвѣтствуетъ исторіи участія духовенства въ подобныхъ учрежденіяхъ. Извѣстно, какое хорошее вліяніе внесло въ свое время духовенство въ тюремные комитеты, и какую выдающуюся роль въ московскомъ тюремномъ комитетѣ игралъ, умѣвшій цѣнить достоинство своего сана, митрополитъ Филаретъ, роль въ высшей степени достойную подражанія и до сихъ поръ. Затѣмъ, въ составъ комитета попечительства входятъ почетные члены. Однако, что такое почетный членъ? Это лицо, оказавшее *особыя* услуги попечительству, а слѣдовательно такихъ членовъ немного. И дѣйствительно, на 780 попечительствъ, которые существуютъ въ Россіи, приходится всего 423 почетныхъ члена, т. е. нѣчто въ родѣ половины члена на каждое попечительство; такъ что это есть величина, не имѣющая серьезнаго значенія. Наконецъ, существуютъ *члены-соревнователи*. Это такія лица, которыя получаютъ право быть членомъ-соревнователемъ, уплачивая 5 р. годового взноса. При свойственномъ людямъ вообще стремленіи къ суетнымъ отличіямъ отъ другихъ, право написать на своей визитной карточкѣ: «членъ-соревнователь такого-то попечительства», а затѣмъ, можетъ-быть, получить и значокъ, который выдается члену попечительства, при чемъ военнымъ запрещается его носить, а предоставляется только принимать,—можетъ быть соблазнительнымъ. Однако, такія лица едва ли представляютъ живую силу для содѣйствія задачамъ обществъ. Тотъ живой элементъ, который, не будучи заинтересованъ служебно, могъ бы съ горячимъ участіемъ оказать пользу этимъ учрежденіямъ, какъ онъ оказывалъ своей родинѣ въ минуты бѣдствій, войнъ, эпидемій и такъ далѣе, т. е. русская женщина, со всѣми возвышенными сторонами своей духовной природы, совершенно исключена изъ состава членовъ попечительствъ. Она можетъ быть только соревнователемъ, но членомъ попечительства быть не можетъ и, слѣдовательно, активнаго

участія принимать въ его дѣятельности не можетъ. Таков коллегія, которой поручено важное дѣло борьбы съ народным пьянствомъ.

Теперь посмотримъ на осуществленіе ею своихъ задачъ. Пре жде всего—*надзоръ за правильностью торговли виномъ и за тайно его продажею*. Надзоръ этотъ дѣйствительно возлагается глав нымъ образомъ на членовъ-соревнователей и участковыхъ попеч телей, если таковые есть, согласно уставу о попечительствахъ. Мы и прежде говорили объ этомъ и теперь вновь приходится признать что эти обязанности имѣютъ въ себѣ такъ много сыскного характера требуютъ такого усердія и хлопотливости относительно созыва понятыхъ, составленія протоколовъ, обращенія къ полиціи, вы слѣживанія злоупотребленій,—что по этой части попечитель ства, какъ признаютъ и сами ихъ защитники и какъ видно из официальныхъ справокъ, совершенно не исполняютъ своей обя занности и никакого надзора надъ тайною торговлею, котора процвѣтаетъ въ огромныхъ размѣрахъ, не осуществляютъ. —За тѣмъ, по своему уставу, попечительства должны распростра нять *здравыя понятія о вредѣ* злоупотребленія спиртными напи ками. Эта антиалкогольная литература, изготовляемая умѣлы руками, можетъ дѣйствительно быть полезна. Но, по свѣдѣніямъ которыя были въ виду Комиссіи, изъ 651 комитета, которые су ществовали въ 1904 г., только *два* занимались изданіемъ такихъ брошюръ. При томъ имѣется рядъ частныхъ предпринимателей которые успѣшно конкуррируютъ въ этомъ отношеніи съ попе чительствами, чѣмъ доказывается, что для такой борьбы не нужны спеціальныя учрежденія съ большой субсидіей отъ казны. До статочно указать на весьма плодовитаго писателя Булгаковскаго который издалъ 33 брошюры противъ пьянства, въ высокой сте пени интересныхъ, живыхъ и поучительныхъ, вмѣстѣ съ цѣлой хрестоматіею для всякаго желающаго бороться съ пьянствомъ.— Дальнѣйшая задача попечительства—*отвлеченіе народа отъ пи тейныхъ домовъ*. Но это задача довольно неясная, потому что въ казенныхъ винныхъ лавкахъ время проводить нельзя. Слѣдо вательно, это есть отвлеченіе народа исключительно отъ трактир ныхъ заведеній путемъ устройства чайныхъ, въ которыхъ водка

не продается. Чайныхъ дѣйствителмно учреждено довольно много, но въ общемъ ихъ приходится по 57 на губернію, и, при томъ, онѣ существуютъ только въ городахъ, а въ сельскихъ мѣстностяхъ ихъ нѣтъ. Еще болѣе отрицательный выводъ получается при оцѣнкѣ результатовъ, достигаемыхъ попечительствами по отвлеченію населенія—путемъ устройства чайныхъ—отъ пребыванія въ питейныхъ трактирныхъ заведеніяхъ. Устройство чайныхъ, какъ оказывается, полезное само по себѣ (въ особенности когда съ нимъ связано и устройство читаленъ) въ смыслѣ доставленія дешеваго напитка, дѣлу отрезвленія не приноситъ пользы, ибо движущія побужденія къ чаю и водкѣ вытекаютъ изъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга источниковъ. Поэтому, усиленное направленіе дѣятельности попечительствъ на устройство чайныхъ приводитъ къ умаленію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ полной невозможности выполненія нѣкоторыхъ другихъ полезныхъ задачъ. Такъ, напримѣръ, открытіе тульскимъ городскимъ комитетомъ, по настоятельному требованію губернскаго комитета, чайныхъ легло тяжелымъ бременемъ на бюджетъ перваго изъ нихъ и подорвало благосостояніе съ любовью созданныхъ просвѣтительныхъ учрежденій,—и въ результатѣ чайныя пришлось закрыть, а библіотеки и читальни перестали пополняться книгами. Допускаемая въ нерѣдкихъ случаяхъ отдача чайныхъ въ арендное содержаніе оставляетъ за попечительствами лишь внѣшній надзоръ, убѣжденіе въ недѣйствительности котораго невольно подкрѣпляется соображеніемъ о бездѣятельности попечительствъ въ надзорѣ за правильностью торговли водкою по пункту 1 статьи 4 устава попечительствъ. Интересное изслѣдованіе В. А. Гагена о попечительствахъ въ «Журналѣ Трудовой Помощи» указываетъ рядомъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ на то, что нерѣдко комитеты попечительствъ отдаютъ въ аренду чайныя и столовыя, даютъ имъ инвентарь и умываютъ затѣмъ руки, и что въ этихъ случаяхъ часто буфетчиками или завѣдывающими чайными являются мѣстные домохозяева, которымъ очень выгодно не платить за торговые документы и которые, конечно, болѣе заботятся о продажѣ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ о содѣйствіи

насыщенію своихъ посѣтителей духовною пищею. Даже въ петербургскомъ Народномъ домѣ, по удостовѣренію В. А. Гагена, читальня открыта только днемъ, а вечеромъ и въ праздники вовсе закрывается, потому что столы нужны для буфета, да и посѣщается она на 70% подростками, собирающимися, подъ предлогомъ чтенія, послушать и посмотрѣть репетицію оркестра и представленія клоуновъ. Остаются лекціи, но надо замѣтить, что лекціи, которыя читаются въ этихъ учрежденіяхъ, хотя ихъ и довольно много, тоже представляютъ собою весьма неясную величину въ смыслѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Такъ, въ 1905 г. въ Москвѣ было прочтено 119 лекцій и на нихъ было 8.000 посѣтителей, но одна только лекція была о вредѣ алкоголизма; большая часть остальныхъ чтеній сопровождались пѣніемъ и музыкой, изъ чего можно заключить, что они представляли собою довольно отдаленное и косвенное орудіе въ борьбѣ съ пьянствомъ.—Наконецъ, сами библіотеки, гдѣ онѣ существуютъ, имѣютъ случайный характеръ. Въ Комиссіи было заявлено со стороны представителя Министерства Финансовъ, что прежде Министерство Народнаго Просвѣщенія разсылало особые списки книгъ для библіотекъ, но въ настоящее время оно это прекратило, и книги могутъ пріобрѣтаться, такъ сказать, случайно. Но пріобрѣтеніе случайныхъ книгъ требуетъ, конечно, все-таки извѣстной системы, разумной обдуманности и педагогическаго опыта, разъ чтеніе этихъ книгъ должно имѣть цѣлительный, а не просто развлекающій характеръ, иначе можетъ случиться, что довѣрчивый къ «печатному» человѣкъ, пришедшій за книгой туда, гдѣ въ большинствѣ случаевъ библіотекой завѣдуетъ буфетчикъ «чайной», получитъ какое-нибудь произведеніе весьма нездоровой и опьяняющей литературы, которая никакого вліянія въ смыслѣ охраненія физическаго здоровья читателя имѣть не будетъ, а для нравственнаго здоровья окажется вредною. Иногда выборъ книгъ можетъ дѣлаться и совершенно добросовѣстно, но крайне необдуманно. Позвольте мнѣ припомнить случай, который былъ со мною лично, когда въ 1871 г. я былъ переведенъ прокуроромъ окружного суда изъ Казани въ С.-Петербургъ. Пожелавъ, по званію директора тюремнаго ко-

митета, познакомиться съ библіотекою петербургскаго тюремнаго замка, я въ каталогѣ ея, между прочими книгами, нашелъ «Les évasions célèbres» par Viardot, т. е. разсказы о знаменитыхъ побѣгахъ преступниковъ изъ тюремъ и о тѣхъ ухищреніяхъ и искусствѣ, которыя ими были употреблены. Мнѣ стоило большого труда убѣдить директрису, завѣдывавшую библіотекою, что во всякомъ случаѣ невеликодушно давать читать эти книги заключеннымъ, которые и безъ того тоскуютъ по свободѣ, и мысль которыхъ только понапрасну дразнятъ подобныя книги.

Потомъ идутъ *развлеченія*. Развлеченія сводятся, главнымъ образомъ, къ театру. Надо замѣтить, что по уставу попечительствъ устройство театровъ вовсе не относится къ обязанностямъ послѣднихъ. О нихъ въ пунктѣ 2 статьи 4 устава ничего не говорится, да и вообще тамъ ничего не говорится о развлеченіяхъ, а говорится о нихъ лишь, какъ о средствѣ полученія дохода, въ статьѣ 5 устава. Здѣсь дѣйствительно упоминается, что средства попечительства составляются: изъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны, изъ пожертвованій, изъ сборовъ, поступающихъ въ пользу попечительствъ отъ устройства чтеній, общественныхъ развлеченій и т. п. Такимъ образомъ, тутъ указывается лишь источникъ дохода и при томъ такой, какой имѣетъ всякое благотворительное общество, которое устраиваетъ, при благосклонномъ участіи частныхъ лицъ, лекціи, маскарады, состязанія и такъ далѣе, для того, чтобы усилить свои средства, при чемъ иногда эти развлеченія идутъ прямо въ разрѣзъ съ этическими цѣлями такихъ обществъ, поощряя пустое тщеславіе и плохо прикрытый развратъ. Между тѣмъ, главная дѣятельность попечительствъ свелась именно къ театральнымъ предпріятіямъ. Театромъ, однако, пользуется одна четвертая часть населенія — городское, потому что сельское населеніе театровъ не имѣетъ, а если тамъ бываютъ представленія, то такъ называемыя «любительскія». Но о томъ, что такое эти театры, и какого рода представленія ими даются, мы уже говорили полтора года назадъ, и я повторять этого не стану. Скажу только одно: могутъ быть двѣ главныя задачи у театральнаго представленія для народа:—или смѣна впечатлѣній или забвеніе.

Смѣна впечатлѣній должна быть для того, чтобы отъ тяжкихъ обыденныхъ, и часто низменныхъ, прозаическихъ впечатлѣній перейти къ успокоительному и ободрительному, нравственно возвышающему зрѣлищу. Но тогда надо сказать, что эти представленія должны быть и чаще, и дешевле, и чище. Чаще потому что нельзя давать такія представленія по уменьшеннымъ цѣнамъ слишкомъ рѣдко, какъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ — разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ и по праздникамъ вечеромъ при чемъ бѣдное рабочее населеніе остается безъ этихъ представленій почти всю недѣлю, такъ какъ они ему недоступны по своимъ цѣнамъ. Слѣдуетъ точно такъ же репертуаръ составлять съ точки зрѣнія поднятія народнаго нравственнаго чувства а не указанія ему на ту печальную обыденность, которая ему и такъ достаточно знакома, при чемъ не всякую апологію — въ родѣ апологіи пьяницы Любима Торцова, зрители всегда поймутъ правильно. Но можно смотрѣть на развлеченіе, какъ на забвеніе тяжкаго положенія, въ которомъ находится бѣдный человѣкъ. Этого забвенія ему не могутъ дать представленія въ театрахъ попечительства, напротивъ, они зачастую рисуютъ предъ бѣднякомъ картину блеска и роскоши и наглядно соблазняютъ его ею и пріучаютъ его къ ней, развивая, рядомъ съ стремленіемъ къ подражательности, чувство естественной зависти. Народъ вовсе не нуждается въ клоунахъ и кинематографахъ, съ ихъ сомнительнымъ репертуаромъ, а нуждается въ наученіи и въ поученіи, и для него простой разсказъ, надлежаще иллюстрированный, о людяхъ, которые трогаютъ своею дѣятельностью душу, о людяхъ, которые представляютъ собою образцы героизма и самопожертвованія, гораздо дороже, чѣмъ фееріи, блестящія обстановки, акробаты, кинематографы и т. п.

Наконецъ, къ послѣдней задачѣ попечительства относится *лѣчебное дѣло*. По смыслу устава, попечительства обязаны имѣть попеченіе объ открытіи и содержаніи лѣчебныхъ пріютовъ для людей, страдающихъ запоемъ. Это, конечно, неправильно, потому что запой есть душевная болѣзнь, и попечительства не въ силахъ содѣйствовать учрежденію или поддержанію больницъ для душевно-больныхъ. Это выходитъ, конечно, за предѣлы ихъ силъ

и ихъ средствъ. Но, съ другой стороны, устройство больницъ вообще для пьяницъ представляется въ высшей степени важною мѣрою для борьбы съ пьянствомъ. Говоря о запоѣ, уставъ попечительствъ упускаетъ изъ виду, что существуетъ цѣлая градація въ жертвахъ алкоголизма,—начиная съ человѣка, слабая воля котораго не можетъ безъ посторонней помощи связать себя умѣренностью въ употребленіи спирта,—переходя къ привычному пьяницѣ, неудержимо стремящемуся къ водкѣ вплоть до бѣлой горячки,—и кончая такъ называемымъ алкогольнымъ меланхоликомъ. Первому надо дать средства и указанія, а также поддержать его нравственно, — второго уединить отъ соблазна въ пріютѣ, — а третьяго лѣчить, какъ душевно-больнаго. Это лѣченіе должно происходить въ спеціальныхъ лѣчебницахъ, и при томъ впредь до дѣйствительнаго, а не кажущагося выздоровленія, что можетъ быть достигнуто лишь принудительнымъ лѣченіемъ, принципы котораго разработаны еще въ 1899 г. особою комиссіею Общества охраненія народнаго здравія. Циркулярнымъ распоряженіемъ Министерства Финансовъ эта первоначально намѣченная роль попечительствъ въ борьбѣ съ пьянствомъ была измѣнена, и имъ было вмѣнено въ обязанность устраивать амбулаторіи для приходящихъ больныхъ, т. е. такія учрежденія, которыя въ большинствѣ случаевъ серьезно больного алкоголика ни исправить, ни удержать, ни излѣчить не могутъ. Между тѣмъ, больницы это могутъ сдѣлать. Заграничная практика показываетъ, что 40% поступившихъ въ такія больницы, выходятъ выздоровѣвшими. А сколько такихъ больныхъ—мы видимъ изъ того, что по отчетамъ московскихъ городскихъ больницъ чрезъ нихъ за одинъ годъ проходитъ стаціонарныхъ больныхъ алкоголиковъ около тысячи человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 800 человѣкъ приходится на долю бѣлой горячки, и что въ С.-Петербургѣ въ 1907 г. отъ одной бѣлой горячки умерло 917 человѣкъ. Для такихъ-то больныхъ необходимо учредить особыя больницы. Цифры, приведенныя Комиссіею, указываютъ, что такихъ больницъ на всю Россію только двѣ, а амбулаторій 15. Но вѣдь это капля въ морѣ, хотя бы уже потому, что изъ ассигнованныхъ въ 1904 г. 4.500.000 р. при общемъ расходѣ

попечительствъ въ 9.500.000 р. на лѣченіе алкоголиковъ бы
удѣлено лишь 28.000 р. Двойственный характеръ одновремен
го учрежденія казенной продажи питей и попечительствъ, а так
внутренняя противоположность ихъ дѣятельности съ особенно
силою сказываются именно въ этомъ вопросѣ: при 700.000.000
питейнаго дохода, на амбулаторіи отдѣляется 28.000 р., т. е
одна двадцать пятая часть одного процента.

Не вспоминается ли здѣсь невольно народная поговорк
«подъ рублевый грѣхъ грошовой свѣчей подкатываться». Дозв
лительно, однако, желать, чтобы тамъ, гдѣ ядовитое веществ
отпускается въ размѣрѣ ограниченномъ—лишь фиктивно—во
растомъ покупателя, противоядіе отпускалось болѣе щедрою
и нравственно отвѣтственною рукою. Развившемуся алкоголизм
отдѣльнаго лица предшествуютъ случаи частаго и безпробудн
го опьянѣнія. Мѣры, принимаемыя по поводу этого состоянія
въ интересахъ общественнаго порядка и личной безопасност
самихъ пьяницъ, должны быть согласованы съ заботою об
удержаніи пьяницы на гибельномъ пути и объ охраненіи в
несчастномъ, склоняющемся къ паденію, чувства человѣческаг
достоинства. Кіевское и ярославское попечительства признал
эту заботу входящею въ кругъ своей дѣятельности и открыл
у себя убѣжища для вытрезвляемыхъ, но въ остальныхъ мѣстн
стяхъ Россіи способъ и пріемы вытрезвленія стоятъ на само
низкой ступени и не могутъ не вызывать справедливаго негод
ванія. Они сводятся къ знаменитому правилу «тащить и н
пущать», и при томъ въ самыхъ грубыхъ и даже безчело
вѣчныхъ формахъ. Примѣромъ можетъ служить С.-Петер
бургъ, камеры для вытрезвленія въ полицейскихъ участ
кахъ котораго, описанныя докторомъ Мендельсономъ въ 1906 г.
достойны занять выдающееся мѣсто въ кругахъ Дантов
ада. Русская жизнь знаетъ и другіе случаи, гдѣ оскор
бленное чувство собственнаго достоинства заставляетъ че
ловѣка махнуть на себя рукой и становиться тѣмъ, что про
стой народъ называетъ «отчаяннымъ», но здѣсь не только полно
презрѣніе къ человѣческому достоинству, не только неуваженіе
къ здоровью, къ опрятности, къ порядку, но тутъ нѣтъ ни воз

духа, ни свѣта, ни малѣйшей свободы движенія; здѣсь какъ трупы сваливаются мертвецки-пьяные люди, и надъ ними производятся своими же товарищами всевозможныя и иногда смертельныя истязанія, которыхъ я даже описать не рѣшаюсь по ихъ гнусной жестокости и жестокой гнусности. Вотъ на что должны бы направить свою дѣятельность попечительства! Это дѣло неотложное, святое и, конечно, гораздо болѣе важное, чѣмъ обстановочныя представленія съ пѣніемъ и балетными танцами.

Все изложенное мною, вмѣстѣ взятое, привело большинство Комиссіи къ убѣжденію, что попечительства не только не осуществляютъ своей задачи, но и не въ силахъ при всемъ желаніи ее осуществить. Они въ своей организаціи связаны по рукамъ и по ногамъ, и ихъ не несетъ на своемъ хребтѣ волна общественнаго довѣрія, безъ котораго въ такомъ дѣлѣ, какъ борьба съ пьянствомъ, ничего сдѣлать нельзя. Вслѣдствіе всего этого, большинство Комиссіи пришло къ заключенію, что было бы полезнѣе передать попечительство въ руки тѣхъ учрежденій, которыя стоятъ ближе къ народу и у которыхъ есть отдѣлы, занимающіеся этимъ дѣломъ, а именно земствамъ и городамъ, съ тѣмъ, чтобы они руководились общими указаніями, примѣромъ и поддержкою большого спеціальнаго общества, устроеннаго въ родѣ Общества Краснаго Креста. Но это должно составлять предметъ особаго законопроекта, который мною и представленъ въ настоящее время на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ предѣлахъ же задачи, которая была дана Комиссіи, она остановилась на выводѣ, что пьянство есть истинное народное бѣдствіе, которое увеличивается съ каждымъ днемъ, а дѣятельность попечительствъ представляетъ собою палліативныя мѣры, недостаточныя для борьбы съ этимъ зломъ. Съ другой стороны, такъ какъ ничего другого въ настоящее время еще нѣтъ, то нельзя упразднить сразу, какъ предполагаетъ это записка 39 Членовъ, существующія учрежденія, оставляя пустое мѣсто. Поэтому, отдавая полную справедливость побужденіямъ трудамъ и взглядамъ представителя и зачинателя мнѣнія 39— В. П. Череванскаго и относясь къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ, большинство все-таки думаетъ, что не настало еще время

для полнаго упраздненія попечительствъ о народной трезвости а слѣдуетъ обсудить вопросъ объ ихъ постепенной передачѣ, в извѣстномъ порядкѣ, безъ рѣзкаго нарушенія существующаг положенія, другимъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ

(Засѣданіе 19 ноября 1909 г.).

Въ концѣ довольно продолжительной рѣчи, которую м выслушали отъ одного изъ предшествующихъ ораторовъ, бы указано, что въ существѣ своемъ вопросъ состоитъ лишь въ том передать ли Министерству Финансовъ или Министерству Вн тренних Дѣлъ дѣло попеченія о народной трезвости. Я д маю, что если вопросъ такъ простъ, то не стоило и тратить н него столько времени, но нахожу, что въ двухъ словахъ онъ н разрѣшается. Однако прежде, чѣмъ представить свои объясне нія по этому вопросу, къ чему считаю себя обязаннымъ, так какъ я имѣлъ смѣлость подписать первымъ проектъ, которы послужилъ къ образованію Комиссіи, обсуждавшей предложе ніе 31 Члена о передачѣ земству и городамъ попеченія о борьб съ пьянствомъ,—я считаю нужнымъ, для расчистки почвы устранить всѣ ложные страхи, которые у насъ обычно являютс при обсужденіи каждаго новаго вопроса. Эти ложные страхи которые психіатръ назвалъ бы иллюзіями или галлюцинаціями существуютъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Такъ, намъ, прежде всего было сказано, что мы предлагаемъ Государственному Совѣту от нять всякія надежды и всякую энергію у тѣхъ дѣятелей, которы въ количествѣ 47.000 человѣкъ занимаются въ настоящее врем дѣломъ попеченія о народной трезвости, вслѣдствіе чего эти лиц почувствуютъ, что ихъ работа ни къ чему не ведетъ, опустят руки, и учрежденія, въ которыхъ они работали, погибнутъ преждевременною смертью. Господа, это страхъ напрасный и неоснова тельный! Если здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ частныхъ дѣятеляхъ которые въ количествѣ 47.000 дѣйствительно, а не на бумагѣ участвуютъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ о народной трезвости

то они, конечно, пришли въ эти учрежденія съ тѣмъ, чтобы приносить осязательную пользу, и для нихъ будетъ совершенно все равно, приносить ли эту пользу въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя будутъ основаны городами и земствами, или приносить эту пользу въ нынѣ существующихъ попечительствахъ о народной трезвости, т. е. въ комитетахъ о народной трезвости. Для нихъ, очевидно, это будетъ все равно, если они дѣйствительно любятъ дѣло, такъ какъ живая сила въ данномъ случаѣ только перемѣстится изъ вѣдомства комитетовъ и попечительствъ народной трезвости въ вѣдѣніе городскихъ, земскихъ и частныхъ учрежденій. Если же это тѣ лица, которыя стремятся считаться членами комитетовъ для того, чтобы носить установленный для этого знакъ и этимъ удовлетворять своему мелочному тщеславію, или тѣ лица, которыя получаютъ этотъ знакъ для того, чтобы поднять себя въ глазахъ окружающей ихъ низменной, по ихъ мнѣнію, среды, то чѣмъ меньше будетъ такихъ людей, такихъ, въ сущности, позволю себѣ сказать, *маргариновыхъ* дѣятелей, тѣмъ лучше для дѣла народной трезвости.

Въ насъ вызываютъ и другой страхъ, пугая крупнымъ паденіемъ ассигнованій. Намъ говорятъ: вотъ какъ падаютъ послѣ возбужденія вопроса о борьбѣ съ пьянствомъ ассигнованія на попечительства народной трезвости—съ 4.500.000 р. они дошли почти до 2.000.000 р. Но, однако, что же значитъ это паденіе? Это паденіе вызвано тѣмъ, что наша Государственная Дума при обсужденіи бюджета не находитъ достаточныхъ основаній поддерживать настоящія попечительства о народной трезвости, т. е. признаетъ весьма компетентно (потому что въ ней участвуютъ настоящіе представители всѣхъ слоевъ и всѣхъ уголковъ русской страны), эти учрежденія недостаточно успѣшными и недостаточно хорошо организованными. Если же говорить объ упадкѣ прилива средствъ со стороны общества, то, конечно, это лишь служитъ явнымъ показателемъ того, какъ относится общество къ дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ прекрасныя цифры: еще въ 1902 г. попечительства о народной трезвости въ Москвѣ и

С.-Петербургѣ, а также и во всей Россіи, получали 54.000 чле
скихъ взносовъ, а уже въ 1907 г. не получали ни одно
рубля. Вотъ какъ относится къ поддержанію попечительст
общество, какъ здѣсь выражаются, «неорганизованное», и во
какъ относится общество «организованное», въ лицѣ Госуда
ственной Думы. Поэтому страхъ, что нашъ проектъ долже
повлечь за собою эту утечку и усышку средствъ, едва ли спр
ведливъ, ибо утечка и усышка вызывается тѣмъ, что тепере
нія, въ значительной степени бюрократическія, учрежденія
внушаютъ къ себѣ довѣрія ни въ законодательныхъ слоя
Нижней Палаты, ни въ общественныхъ кругахъ.

Затѣмъ Государственному Совѣту, въ случаѣ согласія съ н
шимъ проектомъ, грозятъ быть посаженнымъ на мель. Тов
рищемъ Министра Финансовъ намъ сказано весьма рѣш
тельнымъ тономъ, что если Государственный Совѣтъ согл
сится съ предложеніемъ, которое внесено Комиссіей, обс
ждавшей проектъ 31 Члена, то правительство отказывает
отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Я думаю, ч
это сдѣлано нѣсколько поспѣшно, потому что, на основаніи стат
56 Учрежденія Государственнаго Совѣта, такое заявленіе може
быть сдѣлано только послѣ того, какъ соотвѣтствующему М
нистру или Главноуправляющему сообщено постановленіе Г
сударственнаго Совѣта о томъ, что онъ принялъ общія положені
выработанныя Комиссіей. Въ настоящее время этотъ момен
еще не наступилъ, и это заявленіе, по меньшей мѣрѣ, прежд
временно, да и не такъ уже страшно, ибо мы имѣемъ непрекос
мое право и сами составить проектъ закона собственными силам
При томъ, держась строго смысла статьи 56, можно сказат
что самое заявленіе исходитъ, можетъ-быть, отъ не вполн
уполномоченнаго лица, ибо въ этой статьѣ говорится о соо
вѣтствующемъ Министрѣ или Главноуправляющемъ. Наш
проектъ предлагаетъ все дѣло передать въ вѣдѣніе Министер
ства Внутреннихъ Дѣлъ. Слѣдовательно, тотъ Министръ, ко
торому принадлежитъ послѣднее рѣшительное слово отъ имен
всего Правительства, въ настоящемъ случаѣ есть Министр
Внутреннихъ Дѣлъ, мнѣнія котораго мы не слышали и можем

лышать только тогда, когда будетъ принято вами то, что пред-
гаетъ Комиссія.

Наконецъ, насъ хотятъ устрашить, рисуя передъ нами, какъ, забвеніи дѣятельности духовно-просвѣтительныхъ и нравствен-ихъ слугъ страны, мы исключили изъ нашего проекта Церковь, забыли о вліяніи духовенства и той пользѣ, которую оно мо-етъ приносить въ дѣлѣ попеченія о народной трезвости. Я ду-аю, что этотъ упрекъ совершенно неоснователенъ. Во-первыхъ, , что мы обсуждаемъ, есть общее положеніе, а не опредѣленіе сѣхъ отдѣльныхъ частностей; во-вторыхъ, самая передача зем-твамъ и городамъ уже знаменуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ духовен-тва, такъ какъ въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ обществен-ыхъ собраніяхъ участвуютъ представители духовнаго сословія по закону, и слѣдовательно отъ нихъ будетъ зависѣть своимъ предоставленнымъ лицамъ заявить о томъ, какъ назрѣваетъ по-требность борьбы съ пьянствомъ тѣмъ или инымъ путемъ со сто-роны представителей церкви. А въ-третьихъ, наконецъ, я думаю, что въ данномъ случаѣ этотъ упрекъ исходитъ не оттуда, откуда онъ могъ бы исходить, даже если бы былъ справедливъ, потому что едва ли вѣдомство, которое завѣдуетъ питейнымъ дѣломъ, можетъ сказать, что оно всегда, въ историческомъ порядкѣ, отно-силось сочувственно къ участію духовенства въ борьбѣ съ пьян-ствомъ. Мы знаемъ, какимъ образомъ относилось оно къ дѣятель-ности духовенства при возникновеніи, при участіи послѣдняго, обществъ трезвости въ 1859—60 годахъ въ Западномъ, напримѣръ, краѣ. Мы знаемъ также, что изъ губернскихъ комитетовъ по-печительства о народной трезвости въ послѣднее время были удалены мѣстные архіереи, которые тамъ, согласно положенію, должны были засѣдать, ибо почему-то оказалось, что мѣстному епископу, представителю Того, Кто родился въ нищетѣ и ясляхъ, неумѣстно сидѣть въ комитетѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ губер-наторъ. Мы думаемъ, что если вамъ угодно будетъ признать пра-вильнымъ нашъ проектъ, то духовенство въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ само откликнется на дѣло отрезвленія. Ему незачѣмъ указывать его задачу, оно само придетъ на дѣло отрезвленія, какъ теперь пришло въ области частной дѣятельности въ лицѣ

Александро-Невскаго и Сергіевскаго братствъ трезвости, пр
чемъ оба братства привлекли такое количество лицъ, что эт
служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ полезно будетъ тако
объединенное общество, которое мы проектируемъ подъ назва
ніемъ Всероссійскаго Общества Трезвости.

Вотъ, освободивъ себя отъ всѣхъ этихъ страховъ, я позволя
себѣ приступить къ сущности вопроса. Постараюсь быть кра
кимъ. Что такое попечительства о народной трезвости? Есть л
это такія учрежденія, которыя борятся съ *употребленіем*
спиртныхъ напитковъ?—Нѣтъ! онѣ борятся съ *злоупотребл*
ніемъ спиртными напитками. Въ чемъ состоитъ это злоупотр
бленіе? Въ томъ, что человѣкъ сначала привыкаетъ и втягивается
въ употребленіе спиртныхъ напитковъ, потомъ это становится ем
потребностью, затѣмъ обращается въ порочную привычку и, на
конецъ, обращается или въ болѣзнь или приводитъ къ своему
чужому несчастью и даже преступленію. Слѣдовательно, поп
чительства о народной трезвости имѣютъ своей задачей борьбу с
этого рода ступенями. Что же дѣлается въ этой борьбѣ? Преж
всего, конечно, надо обратится къ тому, чтобы привыкающаго к
водкѣ отъ нея по возможности удержать. Для этого, говоря
намъ, существуетъ теперешняя система питейной продажи. Он
закрыла, уничтожила кабакъ и, благодаря этому, сдѣлала первы
шагъ въ этой борьбѣ. Нѣтъ! она этого шага не сдѣлала! Дѣло в
томъ, что, во-первыхъ, уничтоживъ кабакъ, она уничтожила м
сто, гдѣ можно было распивать водку въ извѣстной компаніи
принимая пищу и т. д. Но пьянство этимъ не умалено, такъ как
раздробительная продажа увеличилась до крайности. Дост
точно припомнить слѣдующія цифры: изъ 83.000.000 ведер
водки, потребленной въ 1907 г., 41.000.000 вышито посредство
маленькихъ порцій, такъ называемыхъ «мерзавчиковъ», посре
ствомъ сороковокъ и сотокъ, слѣдовательно, въ маленькомъ видѣ,
и 26.000.000 вышито одной двадцатой частью ведра, слѣдовател
но, почти вся масса водки вливается въ народъ маленькими пор
ціями, т. е. такими, которыя толкаютъ на повтореніе, такими
которыя можно выпивать на ходу, такими, которыя не требуют
пребыванія гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ и выпиваютс

безъ всякаго корректива пищи. Каждый изъ насъ, кто рано выходитъ на улицу, видалъ, конечно, эти печальныя, оборванныя, съ голодными лицами вереницы людей, которые ждутъ-недождутся—когда откроютъ винную лавку для того, чтобы вышибить изъ головки бутылочки пробку, выпить это на голодный желудокъ и отдать назадъ посуду. Такимъ образомъ, замѣнивъ кабакъ питейной лавкой, кабака въ сущности не упразднили, а вмѣсто того ввели крайнее раздробленіе напитковъ. При этомъ чрезвычайно развилась тайная продажа вина. Мнѣ нечего касаться тѣхъ фактовъ, которыми пестрятъ всѣ извѣстія, касающіяся народнаго быта. До чего дошла тайная продажа вина, для этого достаточно напомнить, что на-дняхъ было опубликовано, какъ въ такъ называемой Вяземской лаврѣ въ Петербургѣ былъ произведенъ обыскъ или осмотръ, и тамъ найдено было огромное количество водки, которою торговали всякими способами, которая хранилась въ нарахъ и стѣнахъ, въ скрытыхъ помѣщеніяхъ и въ тюфякахъ, которою торговали даже дворники. Эта тайная продажа вина, конечно, еще болѣе увеличиваетъ ту опасность, которая существуетъ для привыкающихъ къ пьянству, возможностью купить эту водку тотчасъ же отъ соблазнителя лишь съ маленькой приплатой. И вотъ что же мы видимъ? Не будемъ возвращаться къ старому вопросу: мы здѣсь вѣдь уже два раза говорили о положеніи пьянаго человѣка въ русской землѣ. Спросимъ цифры. Какъ растетъ, напримѣръ, преступность? Преступленія, которыя совершаются, именно, въ пьяномъ видѣ: нарушенія порядка и оскорбленія полиціи возросли за шесть лѣтъ въ одномъ лишь (для примѣра) Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, съ 207 на 609. Статистика намъ указываетъ, что 42% общихъ преступленій совершается въ состояніи опьянѣнія, что 93% военныхъ преступленій и нарушеній дисциплины совершаются подъ вліяніемъ нетрезвости. Затѣмъ—и эту цифру печально привести—существуютъ полицейскіе участки для вытрезвленія лицъ безчувственно-пьяныхъ, т. е. именно такихъ, которыя уже не довольствуются одной или двумя рюмками, а которыя катятся по наклонной плоскости; въ С.-Петербургѣ въ такихъ камерахъ для безчувственно-пьяныхъ содержат-

ся 1 на 23 человѣка населенія, въ Берлинѣ—1 на 320. Наконецъ мы знаемъ, какъ у насъ развилось самоубійство въ послѣднее время. Оно свои черныя крылья распростерло надъ молодостью и надъ старостью и никого не щадитъ. Статистика показываетъ (взятая въ разные мѣсяцы), что между взрослыми мужчинами-самоубійцами *одна треть* дѣйствовала подъ вліяніемъ послѣдствій чрезмѣрнаго пьянства. Что же дѣлается для того, чтобы привыкающаго къ водкѣ отъ нея отвлечь? Его, говорятъ намъ, просвѣщаютъ попечительства о народной трезвости, у коихъ было 8.323.000 посѣщеній читаленъ и библіотекъ. Но господа, мнѣ эта цифра ничего опредѣленнаго не говоритъ. Вѣдь дѣло въ томъ, что тотъ, кто начинаетъ ходить въ читальни почитать газеты или книжки, можетъ ходить каждый день. Если бы эта цифра касалась числа каждаго изъ лицъ, бывавшихъ въ читальняхъ, она была бы внушительна, но такъ какъ это—цифра *посѣщеній*, то ее можно весьма сократить. Этихъ посѣщеній можетъ быть на одного человѣка очень много. Если даже онъ ходитъ читать только по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, то вотъ уже около 70 посѣщеній въ году. Я и не думаю отрицать пользы и значенія библіотекъ и читаленъ, но я полагаю, что гораздо лучше это дѣло сосредоточить въ тѣхъ рукахъ, которымъ по закону принадлежитъ забота о народномъ просвѣщеніи, а она на мѣстахъ принадлежитъ земствамъ и городамъ, подъ надзоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Во-вторыхъ, этого «привыкающаго» стараются отвлечь посредствомъ развлеченій. Но, въ данномъ случаѣ, надо остановиться не только на вопросѣ—кого отвлекаютъ, но и на томъ—какъ отвлекаютъ. Я не спорю, что въ починъ устройства театровъ и увеселительныхъ представленій попечительствъ о народной трезвости вложены самыя возвышенныя намѣренія, но на практикѣ эти затѣи выработались въ другую сторону, и этого скрывать отъ себя нельзя потому, что объ этомъ говорятъ всѣ, кто такъ или иначе посѣщалъ эти учрежденія. Прежде всего, возникаетъ вопросъ, *кого отвлекаютъ*? Уже говорилось здѣсь еще два года назадъ и приходится повторить, что отвлеченіе

направлено, въ сущности, на такую публику, которую нечего и отвлекать, т. е. на чиновника, писца, средняго обывателя, иными словами, обывателя, который обыкновенно и такъ не пьянствуетъ и который идетъ развлечься, не особенно стѣсняясь входною платою. Но народъ отвлекается только по праздничнымъ днямъ и при томъ въ весьма неудобныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Такова область отвлеченія. Посмотримъ на ея *содержаніе*, на то, что предлагается, напримѣръ, народу хотя бы въ ближайшихъ къ намъ московскихъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ учрежденіяхъ? Ему даются развлеченія нездоровыя, или непонятныя, или понимаемыя превратно, въ родѣ балетовъ, или предлагаются развлеченія, недоступныя по своей цѣнѣ, и, наконецъ, такія, которыя нельзя не признать вредными. Предлагаются представленія кинематографа, изображающія нерѣдко методологію и систематику разнаго рода кровавыхъ преступленій, мучительствъ, экспропріацій,—происходятъ упражненія и выходы акробатовъ и клоуновъ, зачастую являющіеся увеселительнымъ оскорбленіемъ человѣческаго достоинства,—наконецъ, поются куплеты, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны соотвѣтствующими цѣлямъ отрезвленія. Извѣстный писатель Щегловъ, много занимавшійся народнымъ театромъ, помѣстилъ въ «Словѣ» написанную въ маѣ сего года статью, которая называется «Народный театръ въ Москвѣ». Онъ живописуетъ въ ней, что довелось ему слышать и лицезрѣть въ Москвѣ въ двухъ театрахъ попечительства о народной трезвости. Въ одномъ—показавшимся ему плохимъ кафе-шантаномъ—онъ подоспѣлъ къ дивертиссементу. Какой-то «физіономистъ» строилъ скверныя рожи, изображая московскіе типы—хулигана, бабу, велосипедиста, еврея, армянина,—затѣмъ развязно плясала набѣленная сомнительная дѣвица въ гусарскомъ костюмѣ со шпорами, потомъ явился куплетистъ, одѣтый хулиганомъ, весь въ заплаткахъ и прохрипѣлъ свои хулиганскіе куплеты. Г. Щегловъ былъ и въ кинематографѣ, гдѣ видѣлъ изображенія звѣрскаго убійства какой-то кокотки и празднованіе юбилея великаго человѣка, которому открывается памятникъ, но скульпторъ, прокутившій деньги, ставитъ на пьедесталъ, вмѣсто статуи, своего прія-

теля, который, чувствуя жажду, добываетъ бутылку пива, сходит внизъ, шатается пьяный по улицѣ, врывается въ залу для юби лейнаго банкета и производитъ въ пьяномъ видѣ скандалъ.—В другомъ Народномъ Домѣ г. Щегловъ нашелъ дуэтистовъ: хули гана съ сороковкой въ рукахъ и его подругу съ синякомъ под глазомъ, и слышалъ хоръ лапотниковъ, носящій названіе «Рус ская деревня». Они пѣли, между прочимъ, такіе куплеты: «Лиш пріѣхалъ изъ деревни—два рубля спустилъ въ харчевнѣ,—празд никъ, ежли енъ безъ водки—что корова безъ хвоста!» при чем хоръ подхватывалъ: «что корова безъ хвоста». Желательно было бы знать, въ чемъ здѣсь отвлеченіе отъ пьянства? Вѣдь это, в сущности, какой-то апофеозъ пьянства и при томъ въ самыхъ от вратительныхъ его проявленіяхъ. Недостаточно громкаго титула «попечительство о трезвости»,—нужно подымать духовный строй народа, а не принижать его еще болѣе, поднося ему загрязняю щія или отравляющія воображеніе картины. Громкій титулъ, указывающій на область и задачу дѣятельности, самъ по себѣ еще ничего не говоритъ. Важно, въ чемъ выражается эта дѣя тельность. Мы всѣ признаемъ, что литература, печать, журна листика призваны служить цѣлямъ просвѣщенія, развитію, обо гащенію знаніемъ—и бороться съ тьмою и зломъ, гнѣздящимся въ человѣческой природѣ. А между тѣмъ—и да простится мнѣ этотъ крикъ наболѣвшей души!—посмотрите, какъ наводняетъ нашу печать самая безстыдная порнографія, разсчитанная на воз бужденіе чувственныхъ инстинктовъ словомъ и изображеніемъ и заливающая грязною волною молодое воображеніе. На то могутъ быть разсчитаны объявленія о такихъ изданіяхъ, какъ, на примѣръ, «единственный по оригинальности журналъ для взрос лыхъ—*Декольтэ*, съ 300 рисунками и преміей за 1 р. 50 к. въ годъ, или иллюстрированный журналъ для любителей красоты подъ названіемъ «Натурщица»—высылаемый подписчикамъ въ закрытыхъ конвертахъ? Намъ все указываютъ на читальни и библіотеки попечительствъ, но намъ было заявлено, еще при пер вомъ обсужденіи вопроса, что каталоги Министерства Народ наго Просвѣщенія къ попечительствамъ отношенія не имѣютъ. Значитъ, выборъ свободенъ и зависитъ отъ усмотрѣнія выбира-

шаго. Но если возможно давать народу то, что видѣлъ Щегловъ, то гдѣ же ручательство, что въ нѣкоторыхъ читальняхъ не появятся на столѣ «оригинальныя» произведенія, обѣщаемыя «Натурщицами» и «Декольтэ»?

Затѣмъ, въ качествѣ средства борьбы, выдвигается дешевое питаніе въ видѣ чайныхъ. Но чай мало дѣйствуетъ на человѣка, который начинаетъ привыкать къ водкѣ, да и дѣло въ томъ, что питаніе не есть спеціальная область заботъ попечительства о народной трезвости. Это дѣло народнаго продовольствія—дѣло частныхъ обществъ и разныхъ организацій, спеціально завѣдывающихъ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что чайныя попечительства, какъ это разъяснено первой Комиссіей, сдаются отдѣльнымъ арендаторамъ, которые, конечно, имѣютъ въ виду собственную выгоду, а не задаются вопросомъ о томъ, что имъ приходится бороться съ пьянствомъ народа. Затѣмъ, «привыкающіе», которыхъ эти средства не могутъ удержать, превращаются въ привычныхъ, которыхъ уже нужно не отвлекать, а лѣчить. Что же сдѣлано въ этомъ отношеніи со стороны попечительствъ? На всю Россію существуютъ 15 амбулаторій и 2 лѣчебницы, содержаніе которыхъ стоило 28.000 р. въ то время, когда было ассигнуемо на попечительства до 4.500.000 р., такъ что на это лѣченіе шла $^{1}/_{25}{}^{0}/_{0}$ всей суммы. Но, можетъ-быть, несмотря на это, народъ чувствуетъ, что о немъ заботятся? Можно очень въ этомъ усомниться. Изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ значительной мѣрѣ изъ представленій Министерства Финансовъ, видно, что ходатайства сельскихъ обществъ о закрытіи винныхъ лавокъ и такія же ходатайства попечительствъ о народной трезвости были удовлетворены всего въ одной третьей части , и это, повидимому, продолжается до сихъ поръ. Такъ недавно, въ журналѣ «Прямой Путь», въ статьѣ, озаглавленной «къ свѣдѣнію Министра Финансовъ», сообщалось, что крестьяне села Конскихъ-Раздоръ, Александровскаго уѣзда, единогласнымъ приговоромъ просили о закрытіи у нихъ винныхъ лавокъ и дали круговое ручательство, что не допустятъ у себя тайной продажи водки. Приговоръ утвержденъ земскимъ начальникомъ и посланъ съ ходатайствомъ о поддержкѣ губернатору, но акцизное вѣдомство объявило, что приговоръ

этотъ можетъ получить дальнѣйшій ходъ лишь, если крестьян возьмутъ на себя уплату заштатнаго пособія продавцамъ вин ныхъ лавокъ и заплатятъ домовладѣльцамъ помѣщеній для ла вокъ за весь наемный срокъ до конца трехлѣтія, всего окол 1.000 р. Но вѣдь это равносильно отказу! Пусть не говорятъ нам что ссылки на печать не провѣрены, что нужно личное удосто вѣреніе, что надо руководиться свѣдѣніями Главнаго Управле нія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей и отчетам попечительствъ, т. е. перейти къ старой системѣ официальныхъ освѣдомленій, по которымъ всегда и все обстояло благополучно Авторы корреспонденцій и статей,—опытные и заслуженные пи сатели, какъ Щегловъ—знаютъ, конечно, о своей отвѣтствен ности за ложныя свѣдѣнія въ печати, и для меня статья автор съ поднятымъ забраломъ во всякомъ случаѣ болѣе убѣдитель на, чѣмъ безличныя страницы отчета. Вчера въ Государственно Думѣ было высказано, что фонарь Государственной Думы бу детъ освѣщать всѣ темные закоулки. Однимъ изъ лучей свѣта исходящихъ изъ этого фонаря,—является печать. Будемъ же мы, сосредоточенные здѣсь за нашими занятіями, присматривать ся къ тому, что освѣщаютъ эти лучи, безъ излишняго и вреднаг недовѣрія, когда для него нѣтъ основаній.

Говорятъ о дѣятельности членовъ комитетовъ попечи тельствъ. Но стоитъ посмотрѣть на статью 10 Положенія о попечительствахъ, чтобы видѣть, какъ обреченъ составъ ко митета на бездѣйствіе. Исправникъ, инспекторъ училищъ благочинный, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управле нія, товарищъ прокурора, участковый судья, городской судья, уѣздный членъ суда и т. д.—всѣ эти люди буквально за валены по горло работой. Если они будутъ заниматься въ этихъ комитетахъ такъ , какъ слѣдуетъ, т. е. класть въ нихъ душу свою, то, извините меня за игру словъ, имъ придется, положив душу въ это дѣло, положить зубы на полку, въ смыслѣ увольне нія отъ должности за неисполненіе обязанностей по своей пря мой должности, и, слѣдовательно, имъ остается одно изъ двухъ— или исполнять то, за что платитъ казна, или заниматься борьбой съ народнымъ пьянствомъ. Несомнѣнно, что они вынуждены

самою жизнью предпочесть первое. Вотъ почему я нахожу, что надо отдать это дѣло въ руки людей, которые посвятятъ себя ему спеціально, что возможно тогда, когда въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ будетъ особо организовано попеченіе о трезвости и явятся, быть можетъ, для этого особыя исполнительныя комиссіи, какъ явились въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ городскія училищныя комиссіи. Намъ говорятъ, что нельзя возлагать обязанности на земства и города безъ ихъ согласія, такъ сказать, одностороннимъ образомъ. Но, господа, законодательная дѣятельность не есть даръ, не есть и двухсторонній договоръ. Законодательная дѣятельность состоитъ въ томъ, что извѣстному учрежденію вмѣняется въ обязанность то, что необходимо для пользъ и нуждъ государства. Не даромъ даже въ статьѣ 1 Городового Положенія сказано, что вѣдѣнію городского общественнаго управленія подлежатъ пользы и нужды мѣстнаго населенія. Говорятъ, что это не будетъ соотвѣтствовать организаціи земствъ и городовъ. Но развѣ эта организація что-нибудь окаменѣлое, чего законодатель не имѣетъ возможности тронуть? Развѣ онъ обязанъ вѣчно стоять въ туманѣ и въ заколдованномъ кругѣ существующихъ законовъ? Забываютъ, что законодатель—не толкователь *существующаго*, подобно судьѣ, но творецъ *будущаго*. Да и какъ спросить согласіе земствъ и городовъ? Устроить плебисцитъ, созвать общій съѣздъ земскихъ и городскихъ учрежденій, чего, однако, у насъ не разрѣшается до сихъ поръ? Для этого существуютъ законодательныя учрежденія страны. Ихъ обязанность—принимать къ сердцу пользы и нужды народа, ихъ право — начертывать законы, утверждаемые Верховною Властью. Мы не можемъ вернуться къ тому времени, когда починъ закона исходилъ отъ директоровъ департаментовъ. Намъ говорятъ, что въ предметахъ вѣдомства городовъ и земствъ не существуетъ обязанности заботиться о народной трезвости. Да, покуда ея нѣтъ въ точномъ опредѣленіи, но она входитъ по смыслу своему въ цѣлый рядъ другихъ обязанностей, которыя уже лежатъ на нихъ. Напримѣръ, по Городовому Положенію 1892 г. городское общественное управленіе завѣдуетъ мѣстными пользами и нуждами; оно, на основаніи ряда пунктовъ статьи 2, охраняетъ народ-

ное здравіе, развиваетъ средства врачебной помощи, изыскива
етъ способы улучшенія мѣстныхъ санитарныхъ условій, уча
ствуетъ въ народномъ образованіи, устраиваетъ лѣчебныя заве
денія, заводитъ библіотеки, музеи и театры, и, наконецъ, на нег
возложено попеченіе объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью укрѣ
пленіе религіознаго чувства и нравственности народа. Въ этот
отдѣлъ входитъ, безъ сомнѣнія, и забота о народной трезвост
въ тѣхъ ея развѣтвленіяхъ, которыя указаны въ Положеніи
попечительствахъ. Насъ пугаютъ словомъ «городскому обще
ственному управленію предоставляется», но «предоставить» н
значитъ бросить на произволъ, а въ особенности если это предо
ставленіе будетъ сдѣлано съ ассигнованіемъ на предметъ ег
извѣстныхъ средствъ изъ государственнаго казначейства. Когд
нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Министерство Финансовъ остано
вилось на мысли передать попечительства земствамъ и городам
въ случаѣ ихъ согласія, оно не говорило о томъ, что дастъ им
средства для этого, но нашъ проектъ предлагаетъ тѣ средства
которыя теперь ассигнуются на попечительства о народной тре
вости, раздать извѣстнымъ путемъ, при участіи мѣстныхъ пред
ставителей, чрезъ посредство губернскихъ комитетовъ. Наконец
въ нашемъ законодательствѣ, въ нашей практикѣ, есть цѣлы
рядъ случаевъ, гдѣ на Думы и на Земства были возложены пра
вительствомъ прямыя обязанности по удовлетворенію мѣстны
нуждъ. Позволю себѣ указать на нѣкоторые: о народномъ про
довольствіи (т. XII ст. 111—129), о призрѣніи нищихъ (въ 1893 г.)
о мѣрахъ противъ эпидемій (согласно опредѣленію Перваго Де
партамента Сената), о собраніи справочныхъ цѣнъ (Высочайше
повелѣніе 1871 г.), объ устройствѣ городскихъ богадѣленъ (Вы
сочайшее повелѣніе 1884 г.), о принятіи въ вѣдѣніе города город
скихъ кладбищъ Преображенскаго и Успенскаго (по Высочай
шему повелѣнію 1871 г.), о принятіи больницъ изъ Приказа Об
щественнаго Призрѣнія, объ учрежденіи Училищнаго Совѣта
при городскихъ Думахъ и земствахъ (Высочайше утвержден
ное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1876 г.). Наконецъ, поз
вольте упомянуть о весьма отрадномъ явленіи въ Москвѣ.
Тамъ мы встрѣчаемъ учрежденіе, возникшее по горячему по

чину и вслѣдствіе неустанныхъ трудовъ нашего почтеннаго сочлена В. И. Герье. Это суть участковыя попечительства о бѣдныхъ, которыя успѣшно и благотворно дѣйствуютъ, при чемъ они и возникли, несмотря на то, что не входятъ въ списокъ всѣхъ предметовъ вѣдѣнія Думы, кои содержатся въ статьѣ второй Городового Положенія. Засимъ, намъ говорятъ: зачѣмъ передавать все это дѣло въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а не оставить въ прежнемъ объединеніи съ казенной винной монополіей? Отвѣчаю: затѣмъ, что оно должно по нашему проекту перейти къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, а послѣднія состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Статьи 101 и 83—85 Городового Положенія установляютъ порядокъ надзора и взаимнаго обжалованія постановленій и распоряженій городского управленія и администраціи, сосредоточивая въ Первомъ Департаментѣ Сената окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ, поступающихъ при томъ не на усмотрѣніе начальства, а на воззрѣніе «нелицемѣрнаго Сената правосудія», какъ выражается нашъ законъ.—Въ нашемъ проектѣ мы очертили кругъ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ области попеченія о трезвости. Онъ тѣсно связанъ съ городскими и земскими дѣлами и съ драгоцѣннымъ ихъ правомъ издавать обязательныя постановленія, чего Министерству Финансовъ не предоставлено. Наконецъ, говорятъ, что Всероссійское Общество Трезвости, которое мы предлагаемъ, представляется совершенно частнымъ учрежденіемъ, которое незачѣмъ и вводить въ законъ. Это учрежденіе не можетъ быть совершено частнымъ и починъ его долженъ принадлежать Правительству, какъ онъ принадлежалъ Правительству относительно общества Краснаго Креста. Позвольте напомнить тѣ убѣдительныя и почерпнутыя изъ знанія жизни объясненія, которыя представилъ при второмъ обсужденіи настоящаго вопроса нашъ сочленъ, бывшій петербургскій губернаторъ, гр. С. А. Толь, который видѣлъ воочію, какъ мало вліяютъ и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, плохо вліяютъ попечительства на мѣстное народонаселеніе. Образецъ общества Краснаго Креста нуженъ еще и потому, что неумѣренное пьянство, развивающееся въ народѣ неудержимо, не менѣе опас-

но, чѣмъ бѣдствія, причиняемыя войною, и, если для уменьшенія и уврачеванія послѣднихъ, по великодушной мысли Дюнана, образовалось Общество Краснаго Креста, то противъ бѣдствій, причиняемыхъ пьянствомъ, слѣдуетъ образовать такое же общество, основанное по почину и при участіи правительства,— общество, объединяющее всѣ частныя организаціи для того, чтобы члены ихъ не дѣйствовали въ разбродъ, чтобы они знали, на кого опереться, у кого получить совѣтъ, указанія, помощь, поддержку и—въ нужныхъ случаяхъ—защиту. Такое общество необходимо уже потому, что если война приноситъ народу громадный ущербъ, заставляя погибать его сыновъ, то имя, по крайней мѣрѣ, управляетъ чувство патріотизма, дающее извѣстный духовный подъемъ самоотверженія, а пьянство убиваетъ душу народа, оставляя за собою лишь низость и паденіе. Вотъ почему я думаю, что мы, внося нашъ проектъ, исполнили нашу обязанность передъ русскимъ народомъ и можемъ смѣло сказать, что какова бы ни была его судьба, наша совѣсть можетъ быть спокойна...

Объ упраздненіи тотализатора.

(Засѣданіе Государственнаго Совѣта 2 марта 1909 года).

Финансовая Комиссія Государственнаго Совѣта, разсматривая смѣту Государственнаго Коннозаводства на 1909 годъ, выразила *пожеланіе*, «чтобы правительство вновь обсудило вопросъ о возможности упраздненія проктикуемой нынѣ на конскихъ состязаніяхъ игры на тотализаторѣ». Послѣ оживленныхъ преній, въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 2 и 4 марта, пожеланіе это *отклонено*.

Маленькій, повидимому, вопросъ о тотализаторѣ есть, въ сущности, чрезвычайно важный вопросъ о томъ, насколько соображенія практической желательности и технической полезности могутъ имѣть преобладаніе надъ соображеніями общественной нравственности и долга государства по отношенію къ народу.

Въ 1889 г. на докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о тотализаторѣ Императоръ Александръ III написалъ: «это огромное зло, безобразіе и развращеніе не только публики, но и администраціи скакового общества». Казалось бы, что этими ясными, твердыми и опредѣленными словами разъ навсегда рѣшена судьба тотализатора въ Россіи. Однако, онъ существуетъ до сихъ поръ въ благосклонныхъ условіяхъ жизнеспособности, обѣщающей

долгіе годы безпечальнаго житія. Поэтому невольно приходится попробовать провѣрить вѣрность взгляда покойнаго Государя, разобравъ эту резолюцію по частямъ, и признать, что или тотализаторъ былъ оцѣненъ ошибочно, что, конечно, возможно даже и на той высотѣ, на которой стоялъ могущественный авторъ резолюціи—errare humanum est—или же, что тотализаторъ съ тѣхъ поръ радикально измѣнилъ свои свойства. Итакъ, *во-первыхъ*, тотализаторъ есть *зло*. Прямодушное сердце Монарха,—который самъ былъ ревностнымъ труженикомъ,—провидѣло сквозь туманъ успокоительныхъ удостовѣреній, что тотализаторъ не имѣетъ ничего общаго съ производительнымъ трудомъ; что источникомъ обширныхъ денежныхъ оборотовъ его является не трудъ, а страсть, а плодомъ—нажива отъ эксплоатаціи этой страсти, при чемъ часть этой наживы, въ качествѣ подачки за право существованія, дается казнѣ. Достаточно вспомнить, что въ 1901 г. въ одной Москвѣ оборотъ тотализатора составилъ 19.600.000 р., что чистый доходъ съ него въ пользу спортивныхъ обществъ дошелъ почти до 2.000.000 р. и что теперь этотъ доходъ достигаетъ уже 2.500.000 р. въ годъ, чѣмъ знаменуется оборотъ въ 24.000.000 р., т. е. почти столько же, сколько представляетъ оборотъ всѣхъ скаковыхъ обществъ цѣлой Франціи за 1895 г. «Это зло существуетъ, однако, за границей», скажутъ намъ. Но, прежде всего,—не вездѣ: въ Англіи тотализатора нѣтъ, затѣмъ во Франціи онъ установился послѣ многихъ колебаній, отмѣнъ и запрещеній, и, наконецъ, зачѣмъ же намъ слѣдовать примѣру Западной Европы въ томъ, что въ ней есть дурного? Почему намъ не пойти своимъ путемъ, а не прививать къ молодому русскому народу, который еще весь въ будущемъ, тѣхъ печальныхъ обычаевъ роскоши и страстной погони за наживой, которыми характеризуется то, что называется «la décadence latine». Мы такъ долго и упорно стремились не *подражать* другимъ заграничнымъ образцамъ, признаннымъ, однако, впослѣдствіи полезными, что весьма желательно приложить это упорство и къ культурѣ на русской почвѣ тотализатора. Не пересаживать же къ намъ тѣ спортивныя общества, которымъ, по сочувственнымъ къ нимъ словамъ одного изъ ораторовъ, присвоена не только

законодательная, но и уголовная власть?—Это было бы несчастіемъ для Россіи. Стоитъ только представить себѣ законодательство господъ конькобѣжцевъ или уголовныя кары, налагаемыя, согласно своему уставу, членами общества псовой охоты, съ преміями за рѣзвость и злобность.

Во-вторыхъ, тотализаторъ названъ *безобразіемъ* и совершенно справедливо. Это есть привлеченіе разныхъ слоевъ населенія къ публичной азартной игрѣ, при чемъ азартъ не запираетъ крѣпко дверей своихъ притоновъ, какъ игорный домъ, страшась быть накрытымъ полиціею,—и не какъ орлянка, притаившаяся за заборомъ изъ страха передъ городовымъ, который разгонитъ играющихъ. Тутъ нѣтъ сознанія недозволенности или нравственной предосудительности, а все происходитъ открыто, при любезномъ и предупредительномъ посредствѣ для всякаго, кто «знобимъ стяжанья лихорадкой» и, уплативъ входный рубль, въ состояніи поставить на ставку въ одиночку, или въ составѣ компаніи 10 р. При тайной игрѣ всегда существуетъ рискъ сдѣлаться предметомъ обмана или незамѣтной ловкой продѣлки. Трудно говорить о гарантіяхъ безопасности въ этомъ отношеніи тамъ, гдѣ дѣло происходитъ втихомолку и съ боязливой оглядкой и гдѣ нельзя жаловаться, потому что самъ потерпѣвшій участникъ незаконнаго дѣла. Но здѣсь, при тотализаторѣ, все «честно-благородно», на всемъ лежитъ печать дозволеннаго и даже поощряемаго, а противъ грубыхъ обмановъ гарантія полная. Но именно эта-то гарантія и вредна, ибо она уничтожаетъ страхъ сдѣлаться жертвой обмана, а иногда и насилія, и не ставитъ, такимъ образомъ, препоны азартному предпріятію, облеченному въ сомнительныя фсрмы расчета. Здѣсь именно—внѣшняя безупречность обстановки,—легкая и безопасная возможность попытать счастья,—узаконенность толпы, называемой публикой,—и та взаимная внушаемость, которая составляетъ психику всякой толпы.—Все это должно обладать особою заразительною привлекательностью. Да и кромѣ внѣшней опасности, существуетъ и опасность внутренняя, грозящая не отъ чужого грабителя, а отъ самого себя, отъ собственной слабости. Съ этой точки зрѣнія я нахожу, что именно открытость тотализа-

тора есть зло, а не добро. Тамъ, гдѣ человѣкъ, можетъ-быть, нѣ
сколько разъ задумается прежде, чѣмъ рѣшиться пойти въ какой
то невѣдомый домъ, къ какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, куда
могутъ нагрянуть прокуроръ, полиція и переписать, или аресто
вать даже,—или направиться въ трактиръ, въ заднюю комнату,
гдѣ Богъ знаетъ, какая ютится компанія и гдѣ, быть можетъ, бу
дутъ играть крапленными картами, а жаловаться на это будетъ
нельзя, потому что это запрещенная игра въ игорномъ домѣ и
т. д.—тамъ есть извѣстная задержка. Но этой задержки нѣтъ въ
тотализаторѣ: въ его ограду можно войти подъ открытымъ небомъ
съ гордымъ челомъ и купить билетъ въ кассѣ на глазахъ всей поли
ціи. Какой это вредъ приноситъ, мы имѣемъ прекрасное, хотя и
загробное свидѣтельство покойнаго городского головы Алексѣе
ва, интересовавшагося скаковымъ дѣломъ и заявившаго въ
московской городской Думѣ, что когда тотализаторъ вступилъ
во всѣ свои права и пустилъ свои ростки и корни повсюду, подоб
но тому, какъ развивается злокачественная опухоль на тѣлѣ,
тогда онъ, Алексѣевъ, самъ пошелъ въ среду тѣхъ, которые игра
ютъ на тотализаторѣ, и въ теченіе 10 дней сидѣлъ у кассы тотали
затора на землѣ съ рабочими, мастеровыми, мелкими торговцами,
прислугой и т. п. Онъ убѣдился, что по всѣмъ фабрикамъ и заво
дамъ, по разнымъ торговымъ учрежденіямъ рыщутъ особые
факторы. Они вербуются отовсюду, изъ разныхъ отбросовъ обще
ства, изъ хулигановъ и т. д., и эти-то посредники бѣдному чело
вѣку, у котораго праздничный день—единственный день отды
ха, говорятъ: поди сыграй на «Fine mouche» или на« Гладіатора»,
это очень выгодно,—и дѣйствительно вскорѣ оказывается вы
игрышъ, но затѣмъ, когда расходившаяся страсть побуждаетъ
продолжать играть, то наступаетъ почти неизбѣжный проигрышъ,
и вдали уже виднѣется скамья подсудимыхъ и тюрьма. Предъ
московской городской думой былъ оглашенъ обширный списокъ
уголовныхъ дѣлъ, въ возникновеніи которыхъ игралъ роль
тотализаторъ. Предъ ея мысленными очами прошли: приказчики,
совершающіе растраты, прислуга, обкрадывавшая хозяевъ,
рабочіе, закладывающіе одежду, пускающіе по міру семью, во
рующіе инструменты и т. д. Они погибли—эти сбившіеся съ пути

люди, и даже, вѣроятно, не услышали посмертнаго добраго слова въ Верхней Палатѣ, какъ тотъ застрѣлившійся начальникъ конюшни—съ которымъ, по словамъ представителя вѣдомства, произошло *несчастіе*—прекрасный человѣкъ, у котораго, согласно его отзыву начальства, слышанному нами, *все* оказалось въ порядкѣ, кромѣ 15.000 р. растраченныхъ суммъ и массы неоплаченныхъ счетовъ.—Поэтому пусть не говорятъ о томъ, что это такая же допустимая игра, какъ игра на биржѣ или лотерея! Игра на биржѣ, не касаясь ея нравственной стороны, есть сдѣлка по куплѣ и продажѣ, есть спекулятивная торговля бумажными цѣнностями. Доходомъ съ выгодъ, получаемыхъ посредниками отъ игры на разность, казна не пользуется. Къ лотереямъ же государство относится крайне строго и недовѣрчиво, и власть даетъ на нихъ разрѣшеніе въ столь рѣдкихъ случаяхъ, что разные титулованные акробаты благотворительности бываютъ вынуждены осуществлять свою сомнительную любовь къ ближнему устройствомъ публичныхъ, усиленно рекламируемыхъ развлеченій, разсчитанныхъ на низменные вкусы и животныя вожделѣнія толпы. Да и можно ли серьезно говорить о приличномъ формулярѣ тотализатора, если ему по правиламъ 1889 г. воспрещается дѣйствовать въ двунадесятые праздники, когда дозволены многія другія зрѣлища; если къ игрѣ въ него не допускаются воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній безъ различія возраста; если рекомендуются особыя мѣры въ предвидѣніи возможности возникновенія при такой игрѣ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, и если, наконецъ, прикрываясь фиговымъ листкомъ лицемѣрной стыдливости, тотализаторъ не смѣетъ публиковать о результатахъ и оборотахъ своей дѣятельности! Вотъ почему безполезно противопоставлять тотализатору тайную игру или злоупотребленіе букмекерствомъ. Для борьбы съ послѣдними должны существовать карательные законы, а для примѣненія послѣднихъ должна быть бдительная власть. Нельзя же оставлять то, что было признано безобразіемъ, процвѣтать лишь потому, что законъ постыдно безмолствуетъ, а власть невозмутимо бездѣйствуетъ!

«Ну, да—скажутъ намъ—это игра, но не запрещенная».

Какъ мнѣ, такъ, вѣроятно, и многимъ изъ здѣсь присутствующихъ съ любезною предупредительностью доставлена книжка: «*Бѣговыя испытанія, какъ основа коннозаводства Россіи*». Въ ней *старшій спеціалистъ по животноводству* указываетъ, что въ нашемъ уголовномъ «судопроизводствѣ» статьею 214 тома XIV Свода Законовъ азартными играми признаются единственно основанныя на слѣпомъ случаѣ, а не игры, построенныя на извѣстномъ напряженіи памяти и мысли играющаго, каковыя закономъ вовсе не запрещены. Я такого закона не знаю, а знаю лишь статью 260 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій тома XIV Свода Законовъ, которая запрещаетъ *всякія* азартныя игры, а равно и *способствованіе* имъ, и позволяю себѣ предпочесть цитатѣ спеціалиста по животноводству изъ «изданія Царскосельскаго скакового общества» цитату изъ закона 1782 г.— Императрица Екатерина воспретила «открывать свой домъ или нанятый для игроковъ, а также быть при этомъ маклерамъ или инымъ лицамъ при игрѣ и въ той записывать или счетъ держать, или замѣчать чѣмъ или способствовать игрѣ». Не находите ли вы, господа, что великая монархиня почти за 130 лѣтъ назадъ не только предусмотрѣла, но и запретила тотализаторъ? А между тѣмъ, тотализаторъ въ настоящее время снабженъ и прочными окопами, и энергическимъ гарнизономъ. Всѣ походы на него до нынѣшняго были безплодными;—боюсь, что и онъ окажется такимъ же! Исторія этихъ походовъ очень поучительна. Первое ходатайство московской Думы объ ограниченіи тотализатора и приведеніи его въ норму было предъявлено въ 1886 г. Тогда рублевыя ставки были замѣнены десятирублевыми, и положено основаніе вредной складчинѣ въ дѣлѣ скаковой игры. Въ 1889 г. послѣ энергической рѣчи городского головы Алексѣева,—котораго уже никакъ нельзя счесть идеологомъ и непрактическимъ дѣятелемъ—московская Дума настойчиво и убѣдительно ходатайствовала о запрещеніи тотализатора. Этотъ вопль Думы остался безъ отвѣта. Прошло восемь лѣтъ. Дума завела по всей Москвѣ попечительства о бѣдныхъ и, очевидно, уже потерявъ надежду освободиться отъ тотализатора, хотѣла привлечь его хоть къ помощи бѣдствующему населенію, — быть

ожетъ, бѣдствующему не всегда безъ его участія,— и, вѣро-
тно, руководясь народной пословицей: «съ больной овцы—
оть шерсти клокъ», просила обязать тотализаторъ выдавать
% своего дохода на попечительства. Но черезъ годъ вредное
вліяніе тотализатора сказалось съ такою силою, что Дума
нова возбудила ходатайство передъ московскимъ генералъ-гу-
бернаторомъ о повергнутіи ея усиленной просьбы къ стопамъ
Государя Императора. Однако и эта просьба была пріостано-
влена, въ виду разработки какихъ-то новыхъ правилъ. Но пра-
вилъ этихъ нѣтъ до сихъ поръ, а вмѣсто нихъ чрезъ три года по-
слѣдовалъ двоякій отвѣтъ на испрошеніе 5% сбора въ пользу
попечительствъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ соглашался, а
Главноуправляющій Коннозаводствомъ обусловливалъ свое согла-
сіе отказомъ городской Думы отъ иска къ скаковому обществу о за-
хватѣ имъ двѣнадцати Десятинъ городской земли на Ходынскомъ
полѣ. Такимъ образомъ, ходатайство московской Думы объ ограж-
деніи общественной нравственности упраздненіемъ тотализатора
или хоть о какомъ-нибудь воспособленіи бѣднотѣ—свелось къ
требованію объ отказѣ Думы отъ своей обязанности защищать
матеріальные интересы города. И вотъ въ 1901 г., въ отвѣтъ
на это предложеніе, Дума, сознавъ свое временное малодушіе,
съ благородною гордостью отказалась отъ 5% подачки и снова
повторила свое заявленіе о необходимости упразднить тотализа-
торъ. На такую же необходимость указали въ 1903 г. московское
дворянство и московское губернское земское собраніе. Опять
прошло пять лѣтъ, и въ 1908 г. вновь повторяетъ свое ходатай-
ство Дума, и ее поддерживаетъ нынѣшній московскій генералъ-
губернаторъ. Можно ли не слышать въ этомъ голоса «сердца
Россіи», къ которому такъ долго оставались глухи? А между
тѣмъ, въ немъ слились голоса представителей всѣхъ сословій,
голоса обывателей губерніи и города и, наконецъ, высшаго мѣст-
наго представителя власти. Отнесемся ли мы къ нему снова без-
различно и равнодушно? И Дума, и земство, и дворянское собраніе
суть выборныя учрежденія. Ужели теперь, послѣ 17 октября
1905 г., можно вмѣнять ни во что настойчивый голосъ этихъ мѣст

ныхъ представителей въ странѣ, гдѣ представительство положен
въ основу законодательства?

Въ-третьихъ, резолюція Императора Александра II упоминаетъ и *о развращеніи*. Едва ли нужно доказывать справед ливость этого. Игра на тотализаторѣ привлекаетъ къ себѣ, по мимо разнаго рода промышленниковъ азартомъ, людей верхняг слоя низшихъ классовъ населенія: прислугу, мелкихъ приказ чиковъ и торговцевъ и т. п., однимъ словомъ, тѣхъ, кто уже стре мится пользоваться плодами цивилизаціи, но еще не умѣет отличать между ними ядовитые и гнилые отъ здоровыхъ. На то сколько изъ нихъ погибаетъ, вкусивъ отъ этихъ плодовъ, красно рѣчиво указываютъ и Дума, и генералъ-губернаторъ Гершель манъ, и представители мировыхъ учрежденій, мнѣніе которых было спрошено. А въ 1903 г., на Дворянскомъ собраніи пред сѣдатель московскаго окружного суда Н. В. Давыдовъ сказал слѣдующее: «Предъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ уго ловныхъ дѣлъ, и я не ошибусь, если скажу, что изъ ка ждыхъ десяти такихъ дѣлъ четыре состояли въ преступленіяхъ совершенныхъ въ увлеченіи азартною игрою на тотализаторѣ преступленія эти—растрата, мошенничество, кражи и даж два случая убійствъ». Нельзя не призадуматься съ горечь надъ этими словами... Лишенные нравственнаго руководитель ства, одурманиваемые порнографическими брошюрами, картин ками и дѣйствующими на похоть зрѣлищами, жертвы азарт пошли по пути заимствованія «господскихъ» пороковъ и встрѣ тили на немъ игру на тотализаторѣ, которая представляет заманчивый видъ равенства предъ игрою случая. «Все это,— говорятъ намъ здѣсь—ничто передъ успѣхами коннозаводства и улучшеніемъ конской породы!». Но, господа, возможно ли допускать улучшеніе *конской* породы ухудшеніемъ и раз вращеніемъ *людской* породы? Представитель коннозаводства говорилъ здѣсь постоянно *о культурныхъ жеребцахъ*. Пусть такъ! Но желательны и культурные люди, а культура создается обузданіемъ своихъ страстей, которыхъ не слѣ дуетъ искушать попустительствуемыми правительствомъ учре жденіями. «Въ тотализаторѣ,—горделиво вѣщаетъ намъ книжка

о «Бѣговыхъ испытаніяхъ»,—не допускается кредита и, слѣдовательно, каждый уже у себя дома знаетъ высшій размѣръ своего расхода въ тотализаторъ». Прекрасно! Но только есть ли ограниченіе въ способахъ добыванія этого высшаго размѣра? Намъ говорятъ, что тотализаторъ даетъ возможность обратить тайное зло въ явное и потому долженъ пользоваться не только терпимостью, но и покровительствомъ со стороны государства. Но задача государства состоитъ вовсе не въ этомъ: не выводить тайное зло на торжища должно оно, а вести съ нимъ борьбу. Его задача обезпечивать безопасность частной жизни въ отдѣльности и во всей совокупности. И если частная жизнь нуждается въ нравственныхъ началахъ, чтобы не обратиться въ звѣриное сожительство, то эти же начала должны господствовать и въ заботливой дѣятельности государства. Поэтому, оно никогда не должно прибѣгать къ развращающимъ средствамъ, какія бы спеціальныя задачи оно себѣ ни ставило. Оно существуетъ для общества, а не само для себя и не можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ, посягая на нравственность народа и осуществляя знаменитое изреченіе: «ptopter vitam vivendi perdere causas». Иначе по этому пути можно дойти до самыхъ мрачныхъ выводовъ. Извлекая изъ тайны въ *официальное признаніе* то зло, которое необходимо *отрицать* и съ которымъ нужно бороться, можно добраться до законодательнаго покровительства такимъ учрежденіямъ, которыя обслуживаютъ самыя низкія стороны человѣческой природы. Бываютъ случаи, когда государство должно приносить свои интересы въ жертву своимъ нравственнымъ обязанностямъ. Успѣхъ уголовнаго правосудія зависитъ отъ широкаго использованія доказательствъ, а, тѣмъ не менѣе, государство воспрещаетъ допрашивать священника о признаніи, сдѣланномъ на исповѣди, и жертвуетъ драгоцѣннѣйшимъ свидѣтелемъ во имя нравственныхъ началъ. Внутренніе займы съ выигрышами представляютъ большую приманку для населенія, и, тѣмъ не менѣе, наше правительство, несмотря на тяжкія финансовыя затрудненія, переживаемыя Россіею въ послѣдніе годы, не прибѣгаетъ къ нимъ, несомнѣнно избѣгая ихъ лотерейнаго характера.

Высочайшая резолюція отнесла развращеніе и *къ админи-*

страціи обществъ. И здѣсь повѣствованія газетъ о всевозможныхъ публичныхъ и домашнихъ скандалахъ, совершаемыхъ внутри и въ периметрѣ дѣятельности этихъ обществъ, лучше всего доказываютъ, что ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ съ высоты Престола тотализатору и его вдохновителямъ сдѣлана была суровая оцѣнка, по отношенію къ которой, до сихъ поръ примѣняется русская пословица: «жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь»— но примѣняется, къ стыду и несчастію, *наоборотъ*. Я предчувствую, что мнѣ, быть можетъ, укажутъ не непримѣнимость моихъ соображеній къ вопросамъ государственнаго хозяйства и упрекнутъ меня въ томъ, что въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта я говорю не какъ государственный человѣкъ. Не стану оправдываться... Но, начавъ со словъ почившаго Государя, позволю себѣ кончить словами несомнѣнно государственнаго человѣка трехъ царствованій. Вотъ что написалъ за нѣсколько дней передъ своей кончиной въ своихъ замѣткахъ графъ П. А. Валуевъ, дважды Министръ и предсѣдатель Комитета Министровъ: «Призваніе человѣка и призваніе такъ называемыхъ государственныхъ людей часто расходятся въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Но должны ли эти призванія расходиться? Можетъ ли взглядъ на государственнаго человѣка отрѣшиться отъ взгляда на него же какъ просто на человѣка и при томъ христіанина? И онъ въ предсмертные часы своей земной жизни можетъ ли при обратномъ взглядѣ на пройденный имъ путь отдѣлить дѣла своего государственнаго званія отъ долга и дѣлъ человѣка? Какъ мѣняется въ его собственныхъ глазахъ значеніе тѣхъ и другихъ! Какъ иначе взвѣшивается то, что называлось и признавалось государственною потребностью! Какъ смогутъ тогда въ памяти его всплыть слезы, пролитыя, и несчастья, причиненныя во имя этой потребности!»—

VI.

Народный университетъ Шанявскаго.

(Засѣданіе 16 іюня 1908 г.)

Я хочу начать мое слово въ защиту проекта, утвержденнаго Думою, съ просьбы, съ которой слѣдовало бы кончить, а именно съ просьбы не передавать этого проекта въ Комиссію для того, чтобы не задержать его окончательнаго утвержденія и не лишить это доброе дѣло приведенія къ тому концу, который желателенъ всѣмъ, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ учрежденіи университета Шанявскаго прошелъ цѣлый рядъ инстанцій, слѣдуя, начиная съ городской Думы, чрезъ Генералъ-Губернатора, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, затѣмъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и, наконецъ, въ Государственную Думу, гдѣ онъ уже былъ готовъ къ слушанію, когда былъ взятъ назадъ, и снова поступилъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и, наконецъ, въ окончательной формѣ является на наше разсмотрѣніе только теперь. Но надъ этимъ проектомъ виситъ Дамокловъ мечъ: согласно волѣ покойнаго, университетъ въ Москвѣ его имени долженъ быть открытъ 3 октября нынѣшняго года. Если до этого срока или къ этому сроку университетъ не начнетъ дѣйствовать, то всѣ распоряженія, касающіяся этого учрежденія, уничтожаются, а особенно падаетъ то распоряженіе, которое ка-

сается имущества, завѣщаннаго университету сверхъ того, кото
рое уже было принесено въ даръ городской Думѣ. Правда
если университетъ не будетъ открытъ, то имущество, ему за
вѣщанное, послѣ смерти г-жи Шанявской поступитъ въ пользу
Женскаго Медицинскаго Института въ Петербургѣ. Но, во
первыхъ, этотъ институтъ при самомъ своемъ основаніи, тольк
при первоначальномъ посѣвѣ своего зерна, которое по
томъ дало широкіе ростки, былъ учрежденъ въ значительной
степени на средства г-жи Родственной, нынѣ по мужу Шаняв
ской. Такимъ образомъ, этотъ институтъ уже воспользовался в
значительной степени ея сочувствіемъ и добрымъ желаніемъ
между тѣмъ, согласно завѣщанію ея мужа, передача этому инсти
туту значительнаго имущества должна послѣдовать тольк
послѣ ея смерти. Отсюда возникаютъ или могутъ возникнут
слѣдующія затрудненія: прежде всего, этотъ институтъ, который
какъ извѣстно, нѣсколько разъ мѣнялъ свои и форму, и содержа
ніе, свой объемъ и предоставляемыя ему права, этотъ институт
можетъ снова видоизмѣниться и войти въ составъ какого-нибуд
другого учрежденія, или получить иное названіе или же полу
чить иныя права и обязанности, и тогда у наслѣдниковъ Шаняв
скаго, по закону, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, что завѣ
щанное имущество уже не можетъ принадлежать этому новому
учрежденію, ставшему уже не тѣмъ, которое существовало в
моментъ составленія завѣщанія. Во-вторыхъ, эта возможность из
мѣненія осуществленія воли жертвователя вмѣстѣ съ тѣмъ свя
зана и съ воспоминаніемъ о самомъ жертвователѣ, такъ какъ пред
полагается открыть народный университетъ именно имени Шаняв
скаго. Въ этомъ отношеніи нельзя не припомнить, что въ тѣхъ
случаяхъ, когда приносятся большія матеріальныя жертвы для
какого-либо учрежденія, весьма естественно и законно желаніе
жертвователя, чтобы его имя было съ этимъ учрежденіемъ свя
зано. Я могу привести примѣръ изъ далекаго прошлаго
въ высшей степени характерный: когда одна изъ благо
роднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ представительницъ нашей
Царской фамиліи, Великая Княгиня Елена Павловна оста
вила по завѣщанію большую сумму на учрежденіе кур

овъ, на которыхъ могли бы продолжать свое дальнѣйшее азвитіе и образованіе врачи, ей предлагали предназначить эту умму на созданіе новыхъ, высшихъ курсовъ при медицинской кадеміи, но она пожелала создать свой собственный институтъ, оторый, естественно, сталъ носить ея незабвенное имя и, такъ казать, увѣковѣчилъ его. Такимъ образомъ образовался клиическій Еленинскій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Съ другой тороны, при неосуществленіи воли завѣщателя объ учрежденіи ароднаго университета является одно обстоятельство, которое носитъ, такъ сказать, нѣкоторый диссонансъ въ гармоническое ѣло пожертвованія. Разъ завѣщанная сумма имѣетъ поступить ъ пользу женскаго медицинскаго института только по смерти оспожи Шанявской, то является такое положеніе, что всѣ заинересованные процвѣтаніемъ этого института и увеличеніемъ го средствъ будутъ невольно ждать смерти той, которая такъ ного сдѣлала для возникновенія этого института, и очутятся ъ настроеніи, похожемъ на положеніе Онѣгина, думая подобно му: «когда жъ Господь возьметъ тебя?!» Удобно ли создавать акое положеніе?

Поэтому надо рѣшить дѣло здѣсь, теперь и, по моему мнѣнію, езотлагательно. Для этого есть рядъ основаній. Прежде всего— оля умершаго. Она выражена главнымъ образомъ въ завѣщаніи; авѣщаніе, а не даръ, который оставленъ Московскому универитету, играетъ главную роль въ настоящемъ вопросѣ и по времени, потому что даръ былъ внесенъ 15 сентября 1905 года, а авѣщаніе составлено 7 ноября. Завѣщаніе было составлено ослѣ нотаріальнаго договора съ городомъ, а въ нотаріальномъ оговорѣ съ городомъ есть одно мѣсто, которое указываетъ, въ акомъ состояніи находился жертвователь. Онъ пишетъ: «уполномочиваю свою жену составить этотъ договоръ по моему нездоровью и слабости», и черезъ нѣкоторое время послѣ этого онъ скончался. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло и въ этомъ дарѣ, и, въ томъ завѣщаніи съ настоящей посмертной волей покойнаго. ом, принесенный имъ въ даръ Московскому городскому управленію, стоитъ 490.000 р., въ виду долга, который на немъ лежитъ, дохоту чистаго съ него получается 23.000 р. Несомнѣнно, что

въ такомъ домѣ можно открыть чтенія и устроить аудиторі
но чтобы на 23.000 р. можно было содержать университетъ съ ц
лымъ рядомъ систематическихъ курсовъ, съ вознагражденіе
преподавателей—въ этомъ дозволительно сомнѣваться. Слѣдов
тельно, нужны еще другія средства, и вотъ завѣщаніе Шаня
скаго приноситъ народному университету эти средства въ вид
всего его имущества, оставленнаго въ пожизненное пользован
его супруги. Священная обязанность государства, между пр
чимъ, состоитъ въ охраненіи воли умершаго и не только потом
что завѣщательныя распоряженія продолжаютъ имущественну
личность завѣщателя за предѣлами земнаго существовані
но и потому, что главная нравственная задача государства—ес
защита слабаго, защита беззащитнаго, а умершій и есть таково
Его воля выражается съ полнымъ довѣріемъ государству въ том
что оно ее оградитъ, и государство ограждаетъ — свидѣтелям
душеприказчиками и—прокуроромъ во всѣхъ тѣхъ случаях
когда оставляется что-либо въ пользу общественныхъ или бла
творительныхъучрежденій. Въ настоящемъ случаѣ мы все э
имѣемъ. Какъ возможно сдѣлать что-либо, что помѣшало
осуществленію этой воли, или установить нѣчто такое, о че
завѣщатель думалъ лишь косвенно и что не составляло пре
мета его предсмертныхъ мечтаній?

Но, быть можетъ, скажутъ, что то, что онъ затѣялъ—нар
ный университетъ — есть ненужное и нежелательное уч
жденіе. Отсюда вытекаетъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли уч
жденіе, проектированное въ память генерала Шанявскаго, сущ
ствующей потребности? Я думаю, что Министръ Народнаго Пр
свѣщенія лучше всего намъ отвѣчаетъ на это въ своемъ предст
вленіи въ Государственную Думу, гдѣ онъ говоритъ объ «уд
влетвореніи назрѣвшей потребности въ высшемъ образован
въ народныхъ массахъ»... Это имѣлъ въ виду и покойный Шаня
скій, принося свой даръ. Итакъ, потребность существуетъ, даж
по удостовѣренію компетентнаго лица, *назрѣвшая*. Надо
говорить вамъ, господа, которые призваны вскрывать и вра
вать наши долголѣтнія общественныя раны, что одно изъ главны
несчастій нашей родины есть темнота народа, есть невѣжество о

щества. Эта темнота и невѣжество опасны не только потому, что ими оставляются безъ развитія, безъ широкаго полета удивительныя дарованія русскаго народа, его способность понимать все, отрѣшаться отъ мелочей жизни, жаждать правды и стремиться къ ней, но и потому, что, благодаря имъ, увядаютъ качества, которыми отличается незлобивая, чуткая и нѣжная душа русскаго человѣка, оставаясь втуне и не имѣя надлежащаго примѣненія. А рядомъ съ этимъ темнота и невѣжество отличаются двумя свойствами: отсутствіемъ способности сомнѣваться и вслѣдствіе этого самонадѣянностью. Мы всѣ знаемъ, какъ въ горькіе годы нашей исторической жизни вредили намъ это отсутствіе способности сомнѣваться и наша самонадѣянность. Развѣ мы не видимъ и теперь вокругъ себя, въ минуты переживаемыхъ испытаній, что даже среди русскаго, такъ называемаго, образованнаго общества, распространено удивительное незнаніе по части элементарныхъ свѣдѣній объ устройствѣ государства и его функціяхъ, объ отдѣльныхъ проявленіяхъ государственной жизни, о задачахъ ея, о завѣтахъ и урокахъ своей собственной исторіи? Все это спутано, сумбурно, воспитывается какими-то случайными брошюрами и разговорами въ гостиныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной изъ всемірныхъ выставокъ, была представлена пирамида, и на этой пирамидѣ мы занимали самое возвышенное мѣсто. Ноэто была та высота, за которую можно было краснѣть: пирамида представляла народное образованіе въ разныхъ странахъ, и самый маленькій кусочекъ, остроконечную вершину пирамиды пришлось отдать народному образованію въ Россіи! Система воспитательно-образовательныхъ учрежденій представляетъ собой извѣстнаго рода лѣстницу. Что же представляетъ собой наша лѣстница? Посмотримъ на ея ступени сверху внизъ, памятуя поговорку, что лѣстницу метутъ сверху. Мы имѣемъ — я беру цифры 1901 г., когда жизнь слагалась еще однообразно и спокойно,—одинъ университетъ на 12.500.000 жителей, одно среднее училище на 340.000 жителей, а въ низшихъ школахъ 2% всего населенія,тогда какъ въ Англіи ихъ 20%, въ Швеціи 16% и въ Норвегіи—17%. Достаточно припомнить, что при призывѣ новобранцевъ въ 1901 г. оказалось 60% совершенно неграмотныхъ новобранцевъ. Оче-

видно, что тамъ, гдѣ существуютъ подобныя цифры, тамъ надо предположить, что долженъ существовать извѣстный, быть можетъ, безсознательный, духовный голодъ, который надо удовлетворить, хотя бы даже вопреки желаніямъ голодающихъ. Поэтому возможно ли говорить: «то, что намъ въ этомъ отношеніи предлагается, не дурно, но зачѣмъ не соблюденъ опредѣленный типъ, зачѣмъ это предлагается не подъ бандеролью, не подъ извѣстною установленною печатью». А если бандероли нѣтъ, то ничего и не нужно? Вѣдь это могло бы походить на то, что если человѣкъ голоденъ, то нужно его накормить калачомъ непремѣнно изъ булочной Филиппова, а если такого нѣтъ, то и ничего не давать, ибо въ другихъ булочныхъ хлѣбъ можетъ быть хуже. Не стану спорить,—можетъ быть, будетъ и хуже, но все-таки это хлѣбъ, все-таки это духовная пища и лишать безъ самыхъ вѣскихъ основаній русскій народъ этой пищи нельзя!.. Намъ скажутъ: «у насъ есть казенные университеты». Но казенный университетъ, прежде всего, очень дорогое учрежденіе. Онъ дорогъ для большинства слушателей, жадно ищущихъ уроковъ, чтобы не умереть съ голоду, а затѣмъ очень много стоитъ казнѣ. Позволю себѣ привести свѣдѣнія 1902 г., почерпнутыя мною въ журналѣ «Русскій врачъ», гдѣ были приведены слѣдующія данныя: Томскій университетъ въ 1901 г. истратилъ на себя 500.000 р., а было въ немъ 540 студентовъ, т. е. каждый стоилъ 930 р. Выпускъ этого года далъ 55 врачей и 43 юриста, такъ что каждый изъ нихъ стоилъ вообще въ годъ 5.000 р., а въ 4 года каждый юристъ 20.000 р. и каждый медикъ 30.000 р.! Государство однако не должно останавливаться даже и передъ такими расходами на высшее образованіе и, сохраняя свѣтлыя традиціи Императрицы Елисаветы и Шувалова, должно распространять университетское обученіе. Но это университетское образованіе дорого, оно настолько дорого и такъ много требуетъ жертвъ отъ народа, что, когда является человѣкъ, который говоритъ: «я вамъ помогу безвозмездно, я вамъ дамъ то же самое или приблизительно то же самое, лишь разрѣшите мнѣ», мы не имѣемъ никакого нравственнаго основанія говорить ему: «у насъ есть свои университеты». Кромѣ того, университетовъ мало, они переполнены до такой степени, что на-

сколько въ нихъ выигрывается въ количествѣ слушателей, настолько теряется въ воспріятіи научныхъ свѣдѣній. Научныя знанія трудно получать въ аудиторіяхъ, которыя переполнены доверху, въ которыхъ трудно дышать и нельзя слѣдить за тѣмъ, что предполагаетъ наглядность, какъ, напримѣръ, математика и медицина. Кромѣ того, входъ въ университетъ узокъ, онъ пропускаетъ только лицъ, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости. Затѣмъ обязателенъ курсъ въ 4 года, а на медицинскомъ факультетѣ въ 5 лѣтъ. Выходъ изъ университета обставленъ полученіемъ диплома и права на чинъ. Но человѣкъ можетъ жаждать знанія, какъ знанія, можетъ желать поучиться и научиться безъ всякой посторонней цѣли, безъ мысли о поступленіи на казенные раціоны, безъ мысли о какой-нибудь дальнѣйшей карьерѣ. Этого желанія отрицать нельзя. Страна, которая имѣла Ломоносова, не имѣетъ права сомнѣваться, что въ ней можетъ и не разъ проявиться такое безкорыстіе знанія! Въ виду преній въ Государственной Думѣ, гдѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія разбирался взглядъ Сократа на альтруистическую природу знанія,—позвольте напомнить слова Платона, о томъ, что «любящій знаніе стоитъ на серединѣ между ученымъ и невѣждой». Господа, невѣждъ у насъ много, ученыхъ мало, устройте же середину, дайте случай и способъ человѣку, просто и безъ какихъ-либо каррьерныхъ плановъ, любящему знаніе черпать его, гдѣ возможно!

Затѣмъ, какой же контингентъ слушателей можетъ быть въ народномъ университетѣ? Прежде всего, люди служащіе, занятые, пригвожденные къ дѣлу, взрослые. Есть масса людей, которые давно уже вошли въ жизнь, инженеровъ, купцовъ, чиновниковъ, техниковъ или просто людей, живущихъ своими средствами, которые желаютъ или освѣжить свои свѣдѣнія, или интересуются тою или иною отраслью знанія. Эти люди не могутъ поступать въ студенты. Имъ мѣшаетъ служба, мѣшаетъ возрастъ. Для нихъ такой свободный университетъ безъ диплома въ концѣ и свидѣтельства о зрѣлости въ началѣ, дастъ возможность учиться свободно и по выбору. Трудно сказать, какихъ именно свѣдѣній будутъ преимущественно искать такіе любители знанія или жаждущіе знанія: одни пожелаютъ ознакомиться съ исторіей, въ

широкомъ объемѣ, превышающемъ учебники,—съ исторіей и по книгамъ, а въ извѣстномъ систематическомъ изложеніи такъ какъ ученье по книгамъ не всегда возможно, за отсутствіем указаній, и не всегда доступно, ибо книги дороги. Могутъ быть предметы иного рода, а именно тѣ вопросы житейскіе, которы требуютъ нравственнаго, научнаго или философскаго освѣщенія которые иногда необхндимо разъяснить себѣ человѣку, затерявшемуся въ житейскомъ морѣ и нуждающемуся въ нравственномъ компасѣ. Въ послѣднее время мнѣ думается, что одинъ изъ главныхъ предметовъ, который долженъ читаться въ университетѣ, я бы даже сказалъ—въ старшемъ глассѣ гимназіи и въ особенности въ народномъ университетѣ, это *прикладная этика*, т. е. ученіе о нравственности въ приложеніи къ извѣстнымъ опредѣленнымъ областямъ дѣятельности или знанія, каковы, напр., медицинская, юридическая, экономическая и т. д. С.-Петербургскій Клиническій Институтъ Великой Княгини Елены Павловны открылъ у себя уже много лѣтъ тому назадъ воскресныя лекціи для земскихъ врачей. Это люди уже по большей части пожилые и жизнью испытанные, пріѣзжающіе въ Петербургъ поучиться новымъ открытіямъ и новымъ методамъ въ медицинѣ. На эти воскресныя лекціи, которыя были посвящены, главнымъ образомъ, вопросамъ врачебной этики, преимущественно вопросамъ врачебной тайны, явки къ больному, отношеній между врачами, затѣмъ исторіи судебной медицины разработкѣ вопросовъ объ экспертизѣ, уставу судебной медицины и т. д.,—на эти лекціи, въ чтеніи которыхъ и я имѣлъ честь неоднократно участвовать, собирались всѣ врачи, несмотря на то, что у нихъ былъ одинъ свободный день въ недѣлю—воскресенье... Безъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія не могу вспомнить этой аудиторіи, такъ жадно, съ такою любовью къ новымъ вопросамъ, съ настойчивымъ вниманіемъ слушавшей лектора, который старался имъ повѣствовать о тѣхъ нравственныхъ вопросахъ, которые часто возникали въ душѣ ихъ, среди провинціальной глуши, и не находили себѣ отвѣта въ повседневнойб есѣдѣ о мелкихъ злобахъ дня. Затѣмъ второй элементъ слушателей будетъ молодежь. Вѣдь, господа, между молодежью есть множество такихъ,

которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ, чтобы пойти въ университетъ. Невозможность матеріальная, семейное обремененіе, разныя случайныя тягостныя обстоятельства—все это вмѣстѣ вліяетъ на цѣлую массу молодыхъ людей, которые или ограничиваются гимназіей, или даже не кончаютъ курса гимназіи. Это все люди лѣтъ шестнадцати-семнадцати, которымъ жизнь сурово говоритъ: «довольно вамъ учиться; высшее обученіе требуетъ 4 лѣтъ и на это нѣтъ у васъ средствъ; вы должны позаботиться о больной матери, содержать сестру. Поступайте въ приказчики, наборщики, телеграфисты, корректоры и т. д. Храмъ науки закрытъ для васъ!» Такихъ *немало*. Господа, у насъ часто говорятъ о *не учащейся молодежи*. Да, къ сожалѣнію, такой у насъ довольно много, но надо быть справедливымъ и сказать слово и въ пользу *неучимой молодежи*, въ пользу тѣхъ, которые не получаютъ знаній, хотя бы и хотѣли этого. И потомъ, какой же возрастъ этой неучимой молодежи? Это именно тѣ годы, когда душа такъ воспріимчива для новыхъ впечатлѣній, для новыхъ познаній,—когда каждый день открываются новые горизонты для пытливаго ума. Ужели для этого возраста мы не дадимъ создаться учрежденію, гдѣ могутъ быть получены жадно искомыя знанія? Что можно сказать тогда на душевные запросы такихъ юношей? «Вы можете заниматься въ одиночку, сами, и въ литературѣ найти отвѣты на свои вопросы!» Но вѣдь вопросы эти касаются коренныхъ и иногда роковыхъ явленій жизни, касаются анатоміи, физіологіи, отношеній половъ, касаются смысла жизни, цѣлей ея... Отвергнутые нами, они станутъ искать отвѣтовъ въ нездоровыхъ произведеніяхъ беллетристики, въ которыхъ многое изображается въ извращенномъ видѣ, или пойдутъ въ спеціальныя книжныя лавки, гдѣ подъ опозореннымъ флагомъ науки продаются якобы антропологическія и медицинскія изслѣдованія, которыя въ сущности представляютъ изъ себя не что иное, какъ цѣлую систематику и методологію разврата, отравляющія воображеніе и оскверняющія умъ.

Мы читаемъ, какъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ было въ Думѣ упомянуто имя мистера Стокса, «какого-то американца Стокса». Господа! этотъ *какой-то* американецъ—человѣкъ

замѣчательный по широтѣ своихъ замысловъ, по благородному полету своей заботы о просвѣщеніи. Во всѣхъ большихъ городахъ Европы создалъ онъ учрежденія для молодыхъ людей, не могущихъ получить высшаго образованія, которые безъ нравственной поддержки, въ осиротѣлости, являются жертвами житейской борьбы. Надо ихъ соединить, надо создать для нихъ нѣчто въ родѣ доступнаго по средствамъ клуба съ лекціями. Эта мысль легла въ основаніе «Маяка», который свѣтитъ въ разныхъ столицахъ Европы и въ томъ числѣ и у насъ. Среди насъ находится и недавній предсѣдатель правленія нашего «Маяка», и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что въ трудное время, которое мы пережили, любовь къ знанію и желаніе его получить привлекала молодыхъ людей въ «Маякъ» и объединяла ихъ въ присущей ему области порядка и удовлетворенія здоровой любознательности. И этимъ молодымъ людямъ я читалъ, по приглашенію «Маяка», разнообразныя лекціи—о докторѣ Гаазѣ, о борьбѣ съ проституціей, о Пироговѣ, о первыхъ сестрахъ милосердія, о психологіи, о религіозныхъ идеяхъ Соловьева и т. п., и не разъ имѣлъ счастіе видѣть, съ какою жадностью слушали они, пришедшіе съ разныхъ концовъ города и отъ разныхъ профессій, и съ какимъ трогательнымъ вниманіемъ вникали они въ то новое, что имъ приходилось слышать. Идея, заложенная въ «Маякѣ», есть идея народнаго университета, который долженъ быть открытъ въ Москвѣ въ память и во имя Шанявскаго.

Наконецъ, есть вопросъ, который встаетъ передъ каждымъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ вступаетъ въ самостоятельную жизнь: чѣмъ ему быть? Къ какому дѣлу себя опредѣлить? Въ Германіи существуютъ книги подъ общимъ названіемъ «Was soll ich werden?» гдѣ подробно и образно разсказывается, что такое юристъ, что такое механикъ, морякъ, агрономъ и т. д. У насъ ничего подобнаго покуда нѣтъ. Прекрасная попытка профессора Карѣева, издавшаго книгу «О выборѣ факультета», касается лишь университета. Читать такія лекціи придутъ не профессіональные ученые, не доктора права или философіи, а придетъ много пережившій инженеръ, судья, морякъ, путешественникъ и разскажутъ слушателямъ, что такое ихъ профессія,

какія въ ней испытанія, скорби, тревоги, въ чемъ ея опасности и темныя стороны, что есть въ ней свѣтлаго, удачнаго и дающаго нравственное удовлетвореніе. Такія лекціи лучше, чѣмъ десятки книгъ, своимъ живымъ, и быть можетъ, выстраданнымъ словомъ подѣйствуютъ на слушателей, и иной изъ нихъ сознательно пойдетъ на ту дѣятельность, на которую теперь идетъ почти безсознательно, толкаемый случайными обстоятельствами!

Второй вопросъ: желателенъ ли народный университетъ? По проекту устава, при устройствѣ университета Шанявскаго, обращено надлежащее вниманіе на необходимость единства дѣйствій отдѣльныхъ органовъ управленія, на правильность педагогическихъ функцій, и установленъ нѣкоторый спеціальный надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія путемъ разсмотрѣнія программъ систематическихъ курсовъ и утвержденія главныхъ должностныхъ лицъ. Предсѣдателя попечительнаго совѣта утверждаетъ Министръ Народнаго Просвѣщенія по представленію, конечно, попечителя учебнаго округа. Предсѣдателя правленія утверждаетъ попечитель округа. Эти два учрежденія, вмѣстѣ съ академическимъ совѣтомъ, постоянно переплетаются между собою, и то одинъ, то другой предсѣдатель, замѣняя другъ друга—стоятъ въ ихъ главѣ. Рядомъ съ правленіемъ, попечительнымъ и академическимъ совѣтами стоитъ комитетъ совершенствованія; этотъ комитетъ состоитъ изъ людей свободновыбранныхъ, изъ людей, отличающихся извѣстностью въ области науки, литературы, искусства или общественной дѣятельности и носящихъ громкія имена. Это своего рода коллективный экспертъ, потому что онъ не имѣетъ власти вмѣшиваться въ жизнь учрежденія, но имѣетъ, однако, право не менѣе одного раза въ годъ являться представителемъ, по отношенію къ народному университету, живыхъ потребностей и запросовъ жизни. Это своего рода существующій нынѣ при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ родительскій совѣтъ, но отборнаго состава и съ болѣе широкими, менѣе личными, задачами. Намъ скажутъ, что пестрая толпа полуобразованныхъ и совершенно необразованныхъ людей, лишенныхъ всякой подготовки, наполнитъ этотъ университетъ и пожалуй, при удобномъ случаѣ, цитируя стихъ Пушкина, намек-

нутъ, что они собрались —«... изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ», и что такое скопище можетъ внушать тревогу и быть чревато послѣдствіями, вредными для общественнаго порядка. Но, во-первыхъ, по смыслу договора съ городомъ отъ преподавателей будетъ зависѣть самимъ опредѣлять, имѣютъ ли желающіе слушать достаточную для этого подготовку. Кому же охота говорить предъ неспособной понять аудиторіей и быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ необходимыхъ знаній для воспріятія читаемаго? И если говорить объ опасности для порядка отъ сборища людей, жертвующихъ временемъ и деньгами, не пріобрѣтая никакихъ правъ, и знающихъ, что въ случаѣ серьезныхъ безпорядковъ лекціи могутъ прекратиться, то вѣдь не меньшую опасность представляетъ собою патентованное студенчество, связанное солидарностью, внутреннимъ самоуправленіемъ и сознаніемъ, что государство, желающее занимать мѣсто среди культурныхъ странъ—*обязано* имѣть университеты. Народный университетъ открывается для дѣйствія въ области спокойной общественной жизни; жажду знаній, а не жажду шумныхъ тревогъ хотѣлъ, по мѣрѣ силъ, утолить покойный Шанявскій, когда говорилъ въ своемъ обращеніи къ городу о тяжелыхъ дняхъ нашей общественной жизни, о ея обновленіи и оздоровленіи и о привлеченіи симпатій народа къ источникамъ добра и силы—къ наукѣ и къ знанію.

Господа! умственная жизнь пробуждающейся народной души похожа на пары въ паровомъ котлѣ. Дайте имъ выходъ, регулируя ихъ, но не стѣсняя. Иначе эти пары найдутъ себѣ какую-нибудь щель и изъ нея будутъ со свистомъ и злобнымъ шипѣніемъ вырываться, напрасно утрачивая свою полезную двигательную силу и нарушая окружающее спокойствіе,—безплодно для себя, тревожно для другихъ! Развѣ мы не испытали это много разъ, видя, какъ искажалась дѣятельность разныхъ учрежденій потому, что для свободнаго и полезнаго дѣйствія развиваемыхъ этой дѣятельностью паровъ тщательно замазывался выходъ? Потребность въ знаніи, въ самопознаніи, которому помогаетъ наука—такая же потребность, какъ въ свободѣ совѣсти, какъ въ свѣтѣ. Ихъ не слѣдуетъ стѣснять узкими

мками—иначе вы можете получить мрачное сектантство или
зпомощность и слѣпоту невѣжества. Припомните слова Пуш-
кна: «На поприщѣ ума—нельзя намъ отступать»! И когда я
итаю негодующіе окрики на стремленіе русскаго общества къ
асширенію и пріобрѣтенію знаній и слышу вздохи о благопо-
учномъ невѣдѣніи прошлыхъ временъ, мнѣ думается, что ими не
тановить общаго просвѣтительнаго движенія. Есть люди,
оторые, сидя на задней площадкѣ послѣдняго вагона въ длин-
омъ поѣздѣ, съ жаднымъ вниманіемъ и любовью всматриваются
ъ уходящую даль, не замѣчая, что и они сами все-таки двигаются
ередъ, но только не лицомъ, а задомъ. Когда уходитъ изъ
изни человѣкъ—мы поемъ ему, вмѣстѣ съ Церковью, вѣчную
амять. Но эта вѣчная память, — это духовное продолженіе
изни на землѣ состоитъ не въ воспоминаніи о физическомъ
бликѣ человѣка, о томъ, какъ онъ одѣвался и какія привычки
мѣлъ, а въ сердечномъ уваженіи къ тому, чѣмъ онъ былъ, какъ
ичность, чѣмъ свѣтилъ онъ окружающимъ и грѣлъ ихъ. Иначе
а вѣчная память очень непродолжительна. Генералъ Шанявс-
кій выразилъ свой душевный складъ въ своемъ дарѣ городу Мо-
квѣ и на порогѣ могилы сказалъ, въ чемъ его предсмертныя—
лагородныя и великодушныя—желанія. Въ ихъ исполненіи—
вѣчная ему память. Пускай же Государственный Совѣтъ своимъ
ластнымъ словомъ закрѣпитъ эту память на долгіе годы!..

Перехожу къ отдѣльнымъ статьямъ устава и обхожу незна-
ительныя разногласія Государственной Думы съ Министромъ
Народнаго Просвѣщенія. Серьезно лишь разногласіе по статьѣ
естой о томъ, что программы не только систематическихъ курсовъ,
о и отдѣльныхъ чтеній должны представляться на утвержденіе
опечителя учебнаго округа. Я раздѣляю взглядъ Государствен-
ой Думы, высказавшейся противъ такого представленія. Осу-
ествленіе такого правила никакихъ результатовъ не дастъ и
ать не можетъ, а поэтому «всуе законы писать, если ихъ не
сполнять». Прежде всего, это крайне обременительно для лекто-
а. Обыкновенно это—человѣкъ, очень занятый своими прямыми
бязанностями, иногда живущій въ другомъ городѣ,—и читаетъ
нъ очень часто безвозмездно, желая лишь послужить просвѣ-

щенію. При этомъ онъ жертвуетъ многимъ. Скажу вамъ по личн
му опыту, что не столько публичное чтеніе тяжело, сколько т
что слѣдуетъ за связаннымъ съ нимъ напряженіемъ нервов
пребываніемъ въ душной атмосферѣ, послѣдующей безсонниц
и чувствомъ крайней усталости, сказывающейся не сразу. Тяжел
наконецъ, то напряженіе вниманія и памяти, ума и чувств
которыми достигается та духовная связь лектора со слушателям
которая одна только и вознаграждаетъ за понесенный труд
Какъ требовать въ добавленіе къ этой жертвѣ еще составлен
программы, ожиданія ея утвержденія помимо академическа
совѣта и потери времени, котораго иногда очень мало? И съ к
кой точки зрѣнія нуженъ такой просмотръ и утвержденіе? (
научной? Но, прежде всего, это недовѣріе къ попечительном
и академическому совѣтамъ, а затѣмъ, гдѣ же гарантія тог
что самая программа будетъ разсмотрѣна научно? При всем
уваженіи къ званію попечителя округа нельзя не замѣтить, ч
эту должность у насъ иногда занимаютъ люди, неособенно бли
кіе къ наукѣ, что объяснимо, вѣроятно, тѣмъ, что по смыслу з
кона на особо-избранныхъ лицъ первоначально было возлож
но лишь попеченіе надъ университетомъ; они были куратора
а не начальниками надъ наукой. Мы, московскіе студенты, здѣ
присутствующіе, помнимъ легенду о военномъ попечителѣ, кот
рый былъ впослѣдствіи очень виднымъ администраторомъ, но кот
рый на отвѣтъ студента профессору Рулье, что китъ не может
проглотить человѣка и что это гипербола, многозначительно з
мѣтилъ: «да! гипербола-то проглотитъ, гипербола можетъ пр
глотить»... Да и есть ли время у попечителя просматривать пр
граммы, когда у него цѣлый округъ на рукахъ? Не придется л
поручить это канцеляріи или кому-либо, стоящему за попечит
лемъ, въ качествѣ негласнаго совѣтника? О научности можетъ су
дить лишь ученая коллегія. Ей скорѣй доступны новые горизонт
науки, она меньше можетъ держаться рутины или предвзятых
взглядовъ. Вспомните, какой взрывъ возраженій встрѣтил
ученіе Дарвина, которое называли близорукимъ и ненаучнымъ,
вспомните недовѣріе къ великимъ открытіямъ Пастера, считавши
ся ненаучною ересью—вспомните судьбу благодѣтеля челов

чества—Зиммельвейса, еще въ 40-хъ годахъ, задолго до Листера, проповѣдывавшаго безгнилостное акушерство—лишеннаго кафедры и практики и умершаго сорока шести лѣтъ въ нищетѣ и сумашествіи.—Исторія Галилея повторяется и до нашихъ дней, а канцелярская оцѣнка научности можетъ иногда напомнить другую легенду про того московскаго своеобразнаго представителя науки, который много лѣтъ яростно нападалъ на мерзости французскаго судопроизводства въ видѣ присяжныхъ и адвокатуры, а когда, въ половинѣ 50-хъ годовъ, повѣяло новымъ духомъ, вдругъ въ печати перемѣнилъ фронтъ и студенту, отвѣчавшему безъ запинки по старымъ запискамъ о мерзостяхъ, отвѣтилъ, вздохнувъ: «нынче такъ не думаютъ»—и поставилъ единицу. Гдѣ и въ чемъ ручательство, что канцелярія, разсмотрѣвъ программу какой-нибудь лекціи, задуманной широко и самостоятельно, не отвѣтитъ: «нынче такъ не думаютъ»?

Но, можетъ—быть, тутъ есть другая точка зрѣнія—надзора за содержаніемъ помимо его научности? Онъ, однако, совершенно неосуществимъ. Всякій, читавшій и внимательно слушавшій лекціи, знаетъ, что при самой невинной программѣ можно проводить весьма острыя вещи. Если Лапласу или Ньютону пришлось бы въ своей лекціи по утвержденной программѣ коснуться идеи о Богѣ, то первый, вѣроятно, повторилъ бы свой извѣстный афоризмъ, а второй, быть можетъ, сослался бы на Апокалипсисъ. Вѣдь, при желаніи, въ сухую лекцію о наслѣдственныхъ пошлинахъ можно помѣстить самыя радикальныя соціалъ-демократическія разсужденія, а статистическія данныя о движеніи населенія связать съ закономъ Мальтуса и отрицательнымъ отношеніемъ къ брачному союзу. Поэтому утвержденіе программы никакого въ сущности значенія, съ точки зрѣнія надзора, не имѣетъ, а составляетъ лишь напрасную «волокиту», только безплодно раздражающую лектора и у нѣкоторыхъ вызывающую лишь желаніе прикрыть утвержденнымъ флагомъ не надлежащій грузъ. Зачѣмъ устанавливать правило, лишенное реальной силы и дѣйствительнаго примѣненія? Позвольте разсказать вамъ случай, касающійся одного изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей стараго Государственнаго Совѣта, Н. И. Стояновскаго. Были

грустные годы, когда великія реформы Александра II считались ошибкой и вреднымъ для русскаго народа дѣломъ. О нихъ счи-лось неумѣстнымъ говорить и писать съ сочувствіемъ. Но бранить ихъ и бросать въ ихъ созидателей и выполнителей грязью можно было съ торжествомъ и злорадствомъ. Поэтому молчали-во прошло тридцатилѣтіе освобожденія крестьянъ,—поэтому втихомолку немногими было отпраздновано двадцатипятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ. Но это было тяжело, и Стояновскій, какъ предсѣдатель Юридическаго общества, былъ въ трудномъ положе-ніи. Ему, участвовавшему въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, казалось необходимымъ помянуть свѣтлую эпоху ихъ возникно-венія. Но, съ другой стороны, онъ имѣлъ основаніе опасаться, что для такихъ поминокъ встрѣтятся серьезныя препятствія. Тогда ему однимъ изъ членовъ было предложено устроить до-кладъ объ исторіи зданій судебныхъ установленій на Западѣ и у насъ, объ исторіи «Palais de Justice», петербургскаго литей-наго арсенала и московской сенатской ротонды. Но, говоря объ исторіи этихъ зданій, неизбѣжно пришлось говорить о людяхъ, которые въ нихъ дѣйствовали прежде и дѣйствуютъ теперь, а затѣмъ разсказать, какое дѣло имъ было поручено и какъ, и кѣмъ влито новое вино въ эти старые мѣха... Въ концѣ чтенія передъ растроганнымъ взоромъ слушателей, помнившихъ и пережив-шихъ судебную реформу, всталъ незабвенный образъ ея творца—Царя-Освободителя.

Мы мыслимъ и дѣйствуемъ не одними логическими и, такъ сказать, математическими разсужденіями, посылками и заключеніями. Большинство изъ насъ мыслитъ образами, а нѣкоторые имѣютъ счастливый даръ дѣйствовать ими на слушателей. Но эти образы не умѣщаются ни въ какія программы. Они возникаютъ въ душѣ лектора иногда внезапно, такъ сказать, по вдохновенію, и властно направляютъ его мысль, давая ей живыя и яркія очертанія. Въ нихъ сказывается порывъ души, который бываетъ и для самого лектора неожиданнымъ, возникнувъ, какъ вихрь, изъ воспоминаній о прошломъ, изъ обстановки настоящаго, изъ упованій на будущее. Какъ изло-жить это въ программѣ? Невольно вспомнишь слова Лермонтов-

ского Мцыри: «а душу можно-ль разсказать?» Такъ какъ же втиснуть ее въ программу и обнажить предъ чуждымъ и равнодушнымъ взоромъ? Я говорилъ объ избраніи профессій. Но у искренняго лектора, на котораго при чтеніи нахлынутъ воспоминанія о пережитомъ—въ качествѣ ли судьи, какъ борца со зломъ, или инженера и моряка, какъ борца съ силами природы, могутъ вырваться такія задушевныя признанія, о возможности которыхъ онъ самъ прежде не думалъ. А вѣдь это будетъ нарушеніемъ программы. Прошу прощенія, что я снова вспомню Московскій университетъ—это слабость старыхъ студентовъ, которымъ онъ святъ и дорогъ. У насъ, юристовъ, былъ профессоръ, несомнѣнно отставшій отъ науки, дѣлавшій явныя ошибки и промахи въ цитатахъ и связывавшій иногда слишкомъ смѣло факты русской жизни съ явленіями античной культуры. Противъ него былъ предпринятъ цѣлый ученый походъ. Его прогнали научнымъ образомъ сквозь строй, сурово и безжалостно, думая, что его авторитетъ и вліяніе подорваны навсегда. И что же? Всѣ мы, старые юристы Московскаго университета, съ нѣжной и благодарной любовью, сами ставъ стариками, вспоминаемъ нашего Никиту Ивановича Крылова. Онъ говорилъ намъ образами, онъ умѣлъ запечатлѣть ихъ въ нашемъ умѣ, онъ — не строго научный профессоръ римскаго права—умѣлъ установить между собой и нами неразрывную душевную связь. Она сказывалась потомъ и въ просвѣтленныхъ слезахъ какого-нибудь бывшаго студента, опустившагося и погрязшаго въ мелочахъ пошлой жизни глухого и заброшеннаго уголка, когда при немъ вспоминалось имя Крылова,—и въ томъ чувствѣ радости, которое испытывалъ криминалистъ, вынужденный заняться гражданскимъ правомъ и вдругъ, сквозь туманъ этой новой для него области, узрѣвшій альпійскія вершины римскаго права, образно начертанныя незабвеннымъ учителемъ. Такъ развѣ такія воспоминанія и такія чувства зависятъ отъ программы, утвержденной попечителемъ? Не такая программа, а личная честность лектора, солидарность съ товарищами, возможность ихъ нравственнаго осужденія и память о словахъ Спасителя: «аще кто изъ васъ соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ» — вотъ

что вмѣстѣ съ дѣятельностью попечительнаго и академическаго совѣта должно служить единственно—возможной гарантіей содержанія чтеній, соотвѣтствующихъ задачамъ народнаго университета.

Для устраненія нарушеній порядка, утвержденія программъ не нужно и съ точки зрѣнія высшаго представителя административной власти. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ, препровождая по должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ Министру Народнаго Просвѣщенія фонъ-Кауфману проектъ народнаго университета Шанявскаго съ замѣчаніями Генералъ-Губернатора, отнесся отрицательно къ требованію такого утвержденія, находя, что при существованіи явочнаго порядка заявленій о публичныхъ чтеніяхъ такое требованіе представляется излишнимъ. Слѣдуетъ ли послѣ этого подчиняться какому-то неопредѣленному общему страху, какой-то панофобіи, и давать просторъ пугливому воображенію, которое не хочетъ видѣть, что будетъ дѣлаться въ народномъ университетѣ, согласно съ его назначеніемъ, а упорно рисуетъ себѣ лишь то, что могло бы случиться несогласнаго съ его назначеніемъ. Такая панофобія едва ли сослужитъ полезную службу русскому обществу. Мы знаемъ, что одной изъ главныхъ причинъ нашего тяжкаго и горестнаго пораженія въ войнѣ съ Японіей была наша неподготовленность, основанная на отсутствіи правильныхъ и всестороннихъ свѣдѣній о будущемъ противникѣ, къ которому мы относились съ безпечною презрительностью. И что же? Когда войны еще не было, но въ атмосферѣ уже чувствовалась напряженность, профессоръ Харьковскаго университета Красновъ, извѣстный своими поучительными трудами по этнографіи и географіи, встрѣтилъ крайнее затрудненіе въ прочтеніи лекціи объ Японіи, и даже отдаленный громъ надвигавшейся, какъ Божья кара, грозы не помѣшалъ старанію заглушить предостерегающій и примирительный голосъ правды. Мнѣ лично пришлось испытать это, когда я, носившій высокое судебное званіе и имѣющій честь принадлежать къ составу Академіи Наукъ, желая прочесть съ благотворительной цѣлью нѣсколько публичныхъ лекцій о нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ и представившій въ качествѣ программы вступитель-

ную лекцію, прочитанную въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній и напечатанную въ офиціальномъ журналѣ судебнаго вѣдомства, встрѣтилъ категорическое препятствіе со стороны Министра Юстиціи Муравьева, откуда всего меньше можно было этого ожидать, на томъ основаніи, что чтеніе лекцій на упомянутую тему,—какъ сказано было въ офиціальномъ сообщеніи его Министру Внутреннихъ Дѣлъ,— не представляется, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ. Это было въ 1902 г. и, конечно, представляетъ цѣнный фактъ для будущаго историка нашей общественной жизни, который, вѣроятно, будетъ не мало изумленъ, узнавъ, что на святой Руси было время, когда говорить публично о *нравственныхъ началахъ* считалось неудобнымъ, вѣроятно, въ предположеніи, что они такъ уже крѣпки, что не нуждаются въ напоминаніи.

Поэтому я ходатайствую передъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ виду возвышенности цѣлей покойнаго Шанявскаго и цѣнности вклада, сдѣланнаго имъ на пользу русскаго просвѣщенія, объ утвержденіи проекта Думы цѣликомъ, безъ сомнѣній и колебаній, не ставя препонъ хорошему дѣлу и отнесясь къ русскому человѣку съ тѣмъ же довѣріемъ, съ которымъ отнесся къ нему Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій. Позвольте въ заключеніе привести слова кн. Петра Андреевича Вяземскаго, котораго никто не заподозритъ въ отсутствіи дружбы къ порядку. Къ тому же онъ былъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Вяземскій сказалъ: «Власть должна быть сильна, но не досадлива». Пускай же наше рѣшеніе устранитъ въ данномъ случаѣ эту досадливость!

VII.

Уравненіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ.

(8 и 11 февраля 1912 г.)

Подавая свой голосъ всецѣло за принятіе проекта Государственной Думы, я нахожу, что основныя возраженія противъ его принятія сводятся въ сущности къ тремъ слѣдующимъ положеніямъ: уравненіе женщинъ въ правахъ наслѣдованія будетъ противорѣчить правосознанію народной массы и сложившимся въ ней бытовымъ воззрѣніямъ; это уравненіе, вопреки законамъ природы и историческимъ устоямъ, поставитъ женщину на непринадлежащее ей мѣсто и затѣмъ, оно, подорвавъ вѣковое начало родовыхъ имуществъ, повергнетъ, въ концѣ концовъ, нашу родину въ пучину сельско-хозяйственнаго и всякаго иного нестроенія. Обращаясь къ первому изъ этихъ возраженій, я долженъ замѣтить, что у насъ въ обществѣ и печати слишкомъ часто злоупотребляютъ такими громкими словами, какъ «народное правосознаніе», «глубина народнаго духа», «незыблемыя начала быта» и т. п., при чемъ нерѣдко бываетъ, что этими пышными словами прикрываются мѣры, чуждыя и праву и духу, и обрекающія народъ, во имя и отъ имени котораго это говорится, на насильственный застой. Поэтому, отъ этихъ общихъ пышныхъ и пустотѣлыхъ выраженій желательно обратиться, въ интересахъ истины, къ положительнымъ и фактическимъ источникамъ, а таковыми являются труды комиссіи Сенатора Любощинскаго по изслѣдованію о волостныхъ судахъ, въ 6 томахъ; «Обычное гражданское право»

Пахмана; сочиненія Оршанскаго о наслѣдованіи у крестьянъ и обширные, драгоцѣнные въ научномъ отношеніи, труды Александры Ефименко, той Ефименко, которую Харьковскій университетъ, въ грубомъ забвеніи законовъ природы и историческихъ устоевъ русской жизни, осмѣлился сравнять съ мужчинами и возвести въ степень доктора гражданскаго права. Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій оказывается, что устраненіе дочерей отъ равнаго съ сыновьями наслѣдованія вовсе не является общимъ правиломъ въ крестьянскомъ быту, и что, на ряду съ нимъ, въ основаніе обычнаго наслѣдованія кладется *трудовое начало*. Поэтому, о единомъ народномъ правосознаніи не можетъ быть и рѣчи, и наслѣдованіе у народа представляетъ самую пеструю картину. Въ однихъ мѣстахъ солдатъ совершенно устраняется отъ наслѣдованія послѣ отца, въ другихъ онъ наслѣдуетъ большую долю противъ братьевъ. Такую же долю наслѣдуетъ сынъ, похоронившій отца на свой счетъ. Есть мѣстности, гдѣ наравнѣ съ сыновьями наслѣдуетъ внѣбрачная сожительница вдоваго отца, даже не имѣющая дѣтей. Наконецъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ про дочерей говорится, что «онѣ, какъ женскаго пола,—не имѣютъ правъ, а могутъ надѣяться только на милость», въ другихъ онѣ наслѣдуютъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части всего имущества; а въ третьихъ получаютъ равныя части съ братьями. Таковы, по указаніямъ Пахмана, почерпнутымъ въ матеріалахъ Любощинскаго, нѣкоторые уѣзды Харьковской, Витебской, Нижегородской и Тамбовской губерній. Можно ли поэтому выводить изъ этой пестроты возраженія противъ измѣненія статей части I тома X Законовъ Гражданскихъ о наслѣдованіи, особенно принимая во вниманіе, что эти статьи не распространяются на крестьянъ, которымъ предоставлено руководиться своими мѣстными обычаями?

Перехожу ко второму возраженію и, оставляя въ сторонѣ законы природы, которые давно уже разъяснены законами науки, признавшей, что въ духовной сферѣ нѣтъ существенной разницы между мужчиной и женщиной, напомню лишь взглядъ такого глубокаго знатока человѣческой природы и консервативнаго мыслителя, какъ Достоевскій. Указывая на ошибочность разсмотрѣнія мужчины и женщины, какъ противоположныхъ другъ

другу существъ, ни въ чемъ не равныхъ между собою, тогда какъ въ дѣйствительности они составляютъ единый «цѣлокупный» организмъ, онъ приводилъ слова книги Бытія: «и сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему: мужчиною и женщиною сотворилъ его». И въ этомъ отношеніи намъ даже не зачѣмъ ссылаться на примѣръ культуры Западной Европы. Наша исторія съ этой стороны опередила европейскую, и въ то время, когда въ Западной Европѣ еще пережевывали праздный вопросъ о доступности для женщины высшаго образованія, тактичнымъ и разумнымъ президентомъ Академіи Наукъ въ Россіи была княгиня Дашкова. Если намъ говорятъ, что неоднократныя попытки уравненія женщинъ въ наслѣдственныхъ правахъ въ теченіе прошлаго столѣтія не увѣнчивались успѣхомъ, то, во-первыхъ, успѣхъ далеко не всегда и не сразу увѣнчиваетъ справедливость и дѣйствительныя общественныя нужды, а, во-вторыхъ, самое неоднократное возникновеніе вопроса объ этомъ уже показываетъ, что въ обществѣ жила незаглушаемая неудачами потребность освободиться отъ того искусственнаго, обветшалаго и потерявшаго основы въ современной жизни наслѣдства, которое завѣщано нашему гражданскому праву помѣстными порядками старинныхъ служилыхъ людей. При томъ не надо забывать, что послѣднее ходатайство о такомъ уравненіи со стороны смоленскаго дворянства было передано для разработки во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ и застряло навѣкъ, несмотря на сочувственный отзывъ Министра Юстиціи, раздѣливъ участь цѣлаго ряда насущныхъ проектовъ о назрѣвшихъ потребностяхъ страны, погребенныхъ при содѣйствіи или, вѣрнѣе, при бездѣйствіи этого бюрократическаго учрежденія, забывшаго завѣты Сперанскаго. Вотъ почему ссылки на историческіе устои мнѣ кажутся неубѣдительными. Нашъ общественный строй давно уже перестраивается на началахъ личнаго труда, не только доступнаго, но и экономически неизбѣжнаго и для женщинъ. Коснусь лишь одной стороны этого вопроса. Для женскаго труда нужна подготовка въ видѣ общаго образованія и пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, а для подготовки нужны матеріальныя средства, и простая логика требуетъ

уравненія въ отношеніи этихъ средствъ братьевъ и сестеръ. Отрицая это, надо послѣдовательно притти къ сокращенію области образованія для женщинъ, какъ предмета роскоши, а не необходимости. Но вотъ что сказалъ одинъ выдающійся публицистъ: «Наука и искусство должны быть открыты для женщинъ въ такой же мѣрѣ, какъ и для мужчинъ, ибо женщинѣ не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна остаться для нея недоступной. Черезъ нее свѣтъ науки можетъ проникать въ сферы, менѣе доступныя для мужчинъ, и давать ей возможность способствовать общему народному развитію и человѣческому прогрессу. Но, предоставляя женщинѣ равный съ мужчинами удѣлъ, мы должны поставить ее въ равныя съ нимъ условія». Угодно вамъ знать, кто это сказалъ? Смѣю увѣрить тѣхъ, кто возстаетъ противъ проекта уравненія, что они не откажутся признать автора *своимъ*. Это слова М. Н. Каткова...

Обращаясь, наконецъ, къ вопросу о родовыхъ имуществахъ, я нахожу, что то же начало справедливости и по приведеннымъ мною соображеніямъ вызываетъ равномѣрное съ сыновьями наслѣдованіе дочерей въ этихъ имуществахъ. На указаніе о разрушеніи этимъ понятія о цѣлости родового имущества нельзя прежде всего не указать, что этотъ институтъ не сохранился въ своей стародавней неприкосновенности. Разъ закономъ допущено отчужденіе родового имущества возмездными способами,—установлена выдача женѣ указной части или оставленіе ее пожизненною владѣлицею—и опредѣлено, что и дочери допускаются къ наслѣдованію въ соотвѣтствующихъ доляхъ—всегда возможенъ переходъ родового имущества въ чужой родъ. Осталось въ прежней силѣ лишь запрещеніе завѣщать имущество родичамъ по выбору завѣщателя. Но именно это-то запрещеніе и ведетъ за собою распыленіе, раздробленіе, сведеніе «на нѣтъ» родового имущества, дробя его на мелкія части, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ попадать въ недостойныя, неумѣлыя и безвольныя руки. У насъ, къ сожалѣнію, мало уваженія къ созидательному труду прошлаго, къ работѣ и къ занятіямъ предковъ. Стоитъ просмотрѣть хотя бы замѣчательные томы журнала «Старые годы», чтобы видѣть, какъ небрежно, легкомысленно и чуть не враждебно отно-

сятся у насъ къ матеріальному наслѣдію прошлаго. Не даромъ описатели и изслѣдователи нашего землевладѣльческаго оскудѣнія восклицаютъ: « у насъ нѣтъ вчерашняго дня», и указываютъ, что очень часто дѣти родового владѣльца стремятся совсѣмъ къ другой, чѣмъ онъ, дѣятельности, отворачиваясь, какъ въ помѣстной, такъ и въ торгово-промышленной сферѣ, отъ занятія отцовъ. У насъ не существуетъ такого, напримѣръ, явленія, какъ французская noblesse de robe, въ силу которой одна фамилія Моду дала, въ теченіе трехъ столѣтій, свыше трехсотъ членовъ судебнаго сословія. И вотъ, нерѣдко, родовой собственникъ сознаетъ, что его ближайшіе нисходящіе наслѣдники не сберегутъ оставляемаго имъ достоянія,—что одинъ ввѣритъ его чужимъ, своекорыстнымъ или недобросовѣстнымъ рукамъ,—другой увлечется рискованными предпріятіями,—третій посвятитъ себя моторному спорту и поддержкѣ высоконравственнаго учрежденія, называемаго тотализаторомъ, — четвертый, въ неудержимомъ стремленіи въ Монте-Карло, поспѣшитъ отчудить свою долю возмезднымъ способомъ—и лишь пятый родичъ, даже менѣе близкій, будетъ способенъ сберечь родное имущество и вложенные въ него трудъ, мысль и заботу. И такимъ лицомъ можетъ оказаться именно женщина, хозяйка. Вотъ почему я привѣтствую предложеніе о предоставленіи собственнику родового имущества завѣщать его по своему усмотрѣнію, въ предѣлахъ рода. Наше законодательство шло всегда, въ отношеніи имущественныхъ правъ женщинъ, впереди западнаго. Не слѣдуетъ его останавливать на этомъ пути, которымъ мы можемъ гордиться.

Я думаю, что безполезно предполагать, что какая-либо рѣчь можетъ измѣнить въ настоящее время уже сложившееся убѣжденіе присутствующихъ въ ту или другую сторону или заставить ихъ отказаться отъ полученныхъ ими директивъ. Но вопросъ слишкомъ важный: онъ касается очень большихъ интересовъ общества и глубоко затрагиваетъ правовыя нормы. Наша нравственная обязанность такъ велика въ этомъ отношеніи, что я не считаю себя въ правѣ не представить вамъ еще нѣкоторыя объ-

ясненія. Намъ предлагается здѣсь совсѣмъ отклонить этотъ законопроектъ, отклонить, прежде всего, потому, что онъ, помимо своего существа, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не заслуживаетъ уваженія, является какой-то ракетой, которая вылетѣла изъ приготовленнаго заранѣе, но еще не поставленнаго, фейерверка и портитъ весь спектакль. Намъ нужно подождать, когда пройдетъ у насъ Гражданское Уложеніе. Когда предстанетъ предъ нами этотъ органическій законъ, содержащій и правила о наслѣдованіи лицъ женскаго пола, тогда, обсуждая его, мы можемъ рѣшить и тотъ вопросъ, который подлежитъ теперь, такъ преждевременно, нашему разсмотрѣнію. Но дѣло въ томъ, что Гражданское Уложеніе составлялось 23 года—съ 1881 г., и до сихъ поръ я, по крайней мѣрѣ, не знаю, находится ли оно въ разсмотрѣніи Государственной Думы. Это трудъ огромный и сложный, который составлялся годами, и несомнѣнно, что и на его разсмотрѣніе потребуется много лѣтъ. Если вы припомните, что проектъ о мѣстномъ судѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ разсматривается, и мы все еще не видимъ этому конца, а только лишь приступаемъ къ его началу на будущей недѣлѣ, то можно себѣ представить, сколько времени займетъ разсмотрѣніе Гражданскаго Уложенія. Поэтому, отказъ въ разрѣшеніи настоящаго вопроса, впредь до внесенія Гражданскаго Уложенія, есть въ сущности похороны этого вопроса, есть умываніе рукъ въ такомъ дѣлѣ, которое одинаково важно и для противниковъ и для защитниковъ этого законопроекта. При томъ, намъ говорятъ, что это часть цѣлаго, слѣдовательно, безъ цѣлаго нельзя разсматривать и этой части. Но позвольте вамъ сказать, что тогда мы не можетъ разсматривать и проекта о мѣстномъ судѣ, потому что онъ, въ сущности, есть лишь часть большой органической работы по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, произведенной подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Муравьева съ 1895 по 1901 г.г. Слѣдовательно, подождемъ, когда эти Уставы къ намъ придутъ цѣликомъ и тогда будемъ разсматривать и вопросъ о мѣстномъ судѣ. Но вѣдь этотъ пріемъ можно примѣнить къ цѣлой массѣ другихъ вопросовъ, которые будутъ у насъ разсматриваться. Такимъ образомъ мы обрекли бы наше законодательство на совершенный застой и отстали

бы въ нашей практикѣ значительно отъ нашего покойнаго предшественника, Государственнаго Совѣта стараго устройства, который признавалъ возможнымъ изъ сложныхъ проектовъ вынимать отдѣльныя части, обработанныя цѣликомъ, и имъ давать направленіе. Въ нашемъ составѣ есть инженеры путей сообщенія и они, вѣроятно, знаютъ, что комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова, составившая Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ дорогъ, внеся его въ Государственный Совѣтъ, встрѣтила тамъ большія возраженія. Государственный Совѣтъ сказалъ: у васъ въ проектѣ Устава есть пораіонные комитеты, есть совѣты по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, есть особые съѣзды, это все можетъ быть и нужно, все это на мѣстѣ въ общей системѣ проекта, но это очень сложно и спорно и съ этимъ можно подождать; дайте намъ отдѣльные вопросы о желѣзнодорожной полиціи, о давности, о страхованіи грузовъ, о предъявленіи исковъ и т. д. Каждый изъ этихъ вопросовъ былъ разрѣшенъ отдѣльно, и это рѣшеніе, войдя въ законъ, въ настоящее время примѣняется. Насъ спрашиваютъ, что же содержитъ этотъ проектъ и есть ли въ немъ то, что будетъ въ Гражданскомъ Уложеніи? То, что будетъ въ этомъ Уложеніи, раздѣляется на догматическую и историческую части. Историческая часть здѣсь достаточно выяснена подробнымъ докладомъ нашего сочлена профессора Д. И. Багалѣя и вчерашними объясненіями Товарища Министра Юстиціи. Едва ли большаго можно желать и ждать, едва ли кто-нибудь изъ насъ могъ бы пойти болѣе глубоко въ изслѣдованіи этого вопроса. А что касается догматической части, то догматическая часть по этому вопросу совершенно такая же, какова она въ проектѣ большинства нашей Комиссіи, ибо въ докладѣ ея прямо говорится, что комиссія по Гражданскому Уложенію пришла къ совершенно такимъ же выводамъ относительно наслѣдственнаго права дочерей. Если мы, такимъ образомъ, откажемся отъ разсмотрѣнія этого проекта, то мы только затормозимъ этотъ вопросъ на неопредѣленное время, и заслужимъ тотъ упрекъ, который нашъ извѣстный цивилистъ Кавелинъ дѣлалъ нашему гражданскому законодательству, указывая на то, что оно страдаетъ *лѣнью ума*.

Затѣмъ, обращаясь къ существу вопроса, который подлежитъ

нашему разсмотрѣнію, я вспоминаю, что здѣсь было указано однимъ изъ ораторовъ, что вопросъ этотъ разрѣшается большинствомъ Комиссіи на основаніи чувства или даже на основаніи чутья, тогда какъ надо этотъ вопросъ разрѣшать логическимъ путемъ, на основаніи бытовыхъ фактическихъ данныхъ. Да, дѣйствительно, большинство Комиссіи и тѣ, кто сочувствуетъ ему, рѣшаютъ этотъ вопросъ на основаніи чувства, чутья, но вѣдь чувство, которое направлено къ уравненію правъ, есть въ сущности чутье о томъ, что испытываютъ тѣ, у кого этихъ правъ нѣтъ. Это чутье ихъ страданій! Вамъ вчера подробно было выяснено Членами Государственнаго Совѣта В. Ѳ. Дейтрихомъ и А. С. Ермоловымъ то, въ какомъ положеніи находятся обездоленныя дочери. Поэтому чувство, которое подсказываетъ заботу о нихъ, которое здѣсь угодно называть чутьемъ, мы называемъ иначе, называемъ совѣстью, которая заставляетъ насъ быть справедливыми. Гр. Д. А. Олсуфьевъ заявилъ здѣсь, что равенство есть въ сущности такого рода понятіе или такого рода стремленіе, которое подсказывается *чувствомъ зависти*. Признаюсь, я никакъ не могу раздѣлить такого взгляда. Я—старый судебный дѣятель—вспоминаю одинъ изъ величайшихъ памятниковъ царствованія императора Александра II—Судебные Уставы. Когда они издавались, въ Манифестѣ было сказано, что Государь желаетъ дать Россіи «судъ скорый, правый и равный для всѣхъ». Я желалъ бы знать, какою и къ чему завистью подсказывалось здѣсь стремленіе къ такому равенству? Намъ сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что мы заботимся объ уравненіи правъ дѣвушекъ, оставшихся сиротами, лишь для того, чтобы предоставить имъ высшее образованіе. Очень жаль, что мои слова были такъ поняты, хотѣлось бы думать, что я, вѣроятно, неясно выразился, хотя мысль моя была ясна. Я находилъ, что при теперешнемъ измѣненіи нашего общественнаго строя, женщина вынуждена экономическимъ своимъ положеніемъ добывать себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ и если это не будетъ трудъ чернорабочій, трудъ прислуги или компаньонки, если этотъ трудъ долженъ обезпечивать нѣкоторую самостоятельность, то для этого надо имѣть техническія или спеціальныя свѣдѣнія, для нихъ же необходимо получить соотвѣт-

ствующее образованіе, и если дѣвушка осиротѣетъ, то ей надо обезпечить средства для полученія этого образованія. Вотъ въ какомъ смыслѣ связывается образованіе съ наслѣдственною долею дѣвушки. Затѣмъ указывалось на то, что я, неизвѣстно по какимъ основаніямъ, сталъ говорить, что въ Комиссіи было меньшинствомъ заявлено о противорѣчіи съ законами природы того, что предполагалось сдѣлать для женщинъ. Каюсь: я вѣроятно страдалъ галлюцинаціями, когда читалъ на страницѣ 12 доклада, что «различіе между мужчиною и женщиною, закрѣпленное природой, признано и освящено вѣковыми устоями общественнаго строя». Но различіе, на которое ссылается меньшинство, есть различіе только физической природы, а природа духовная обоихъ половъ, какъ показываютъ научныя изслѣдованія, въ главныхъ своихъ свойствахъ сходна между собою, и тѣмъ и другимъ одинаково доступенъ путь для проявленія своихъ духовныхъ силъ. Я думаю, такія же возраженія дѣлались Петру Великому, когда онъ открывалъ терема; тогда по его адресу тоже говорилось, что женщина настолько отлична отъ мужчины, что ни въ какихъ отношеніяхъ и ни въ какомъ смыслѣ съ мужчиной ее сравнять нельзя. Быть можетъ, и тогда говорили то, что мы слышали здѣсь отъ одного изъ ораторовъ: «какъ можно равнять мужчину съ женщиной, когда одному слѣдуетъ ходить въ походъ, а другой няньчить дѣтей?» Но я говорилъ о духовныхъ свойствахъ женщины и въ первый разъ слышу, что къ духовнымъ свойствамъ человѣка вообще относится участіе въ учебномъ сборѣ или въ качаніи люльки. Я имѣлъ въ виду тѣ духовныя свойства женщины, которыя даютъ возможность, несмотря на разныя стѣснительныя правовыя и бытовыя условія, несмотря на медлительную уступчивость общественной жизни, выступать женщинѣ въ тѣхъ же дѣловыхъ и научныхъ сферахъ, какъ и мужчинѣ,—имѣлъ въ виду тѣ свойства, благодаря которымъ явились — въ антропологіи труды Тарновской, въ бактеріологіи труды Зиберъ-Шумовой, въ математикѣ труды Ковалевской,—явились почтенныя имена женщинъ врачей и педагоговъ и возможность суду постановлять о вызовѣ женщины-врача въ качествѣ эксперта въ засѣданія по уголовному дѣлу.

Вотъ, собственно, все, что я хотѣлъ сказать по существу нашихъ преній, но я долженъ, однако, вернуться къ одному вопросу: Членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій сдѣлалъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я дѣлаю невѣрные или неправильные выводы изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, на которыхъ я ссылался. Позвольте возстановить то, что я сказалъ, въ двухъ словахъ. Перечисливъ главнѣйшихъ авторовъ, писавшихъ въ Россіи объ обычномъ правѣ и мною изученныхъ довольно внимательно, я указалъ, что эти авторы не сходятся между собою и что при всемъ обиліи того матеріала, которымъ они располагали, они расходятся въ существенномъ вопросѣ, а именно, одни, какъ Пахманъ, утверждаютъ, что родовое начало безусловно существуетъ въ русскомъ наслѣдованіи крестьянскомъ, а другіе утверждаютъ, что нѣтъ, что рядомъ съ этимъ существуетъ и начало трудовое. Я подтверждалъ это рядомъ примѣровъ, которые указываютъ, что трудовое начало, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто въ крестьянскомъ быту, и затѣмъ указывалъ на выводы того же Пахмана, признанные и Членомъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскимъ о томъ, что женщина наслѣдуетъ у насъ отъ $^1/_{14}$ до $^1/_3$ доли и даже наравнѣ съ братомъ. Вслѣдствіе этого, я находилъ, что наше наслѣдственное право представляетъ большую нестроту, а разъ есть нестрота, то нѣтъ единства, а разъ нѣтъ единства, то авторитетно указывать на народное правосознаніе невозможно, ибо правосознаній нѣсколькихъ быть не можетъ. Мнѣ на это было указано, что профессоръ Пахманъ ничего подобнаго не говоритъ, или, лучше сказать, говоритъ совершенно противоположное. Однако на страницѣ 210 его книги напечатано: «выводу о томъ, что родовое начало существуетъ, противорѣчитъ то явленіе, что имущество въ крестьянской семьѣ накопляется трудомъ ея членовъ и потому, какъ видно изъ нѣкоторыхъ заявленій крестьянъ, право наслѣдованія признается только за тѣми членами семьи, которые участвовали въ пріобрѣтеніи имущества. Согласно съ этимъ, и по мнѣнію многихъ изслѣдователей нашего народнаго обычнаго права, личный трудъ признается въ быту крестьянъ единственнымъ основаніемъ права наслѣдованія». При этомъ Пахманъ ссылается на труды—Оршанскаго, который говоритъ: «все зданіе

наслѣдственнаго права построено у крестьянъ изъ одного элемента и этотъ элементъ есть личный трудъ»—и на Ефименко, которая говоритъ: «крестьяне выработали систему наслѣдованія главнымъ образомъ на трудовомъ началѣ». При этомъ Пахманъ даже приводитъ ссылку Ефименко на обычай въ Архангельской губерніи, по которому въ крестьянскомъ быту наслѣдуетъ послѣ умершаго внѣбрачная его сожительница, даже когда нѣтъ у нея дѣтей, если только она нѣсколько лѣтъ участвовала въ хозяйствѣ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ, Членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій скажетъ, что и Пахманъ невѣрно цитируетъ. Думаю, однако, что почтенное имя извѣстнаго цивилиста служитъ гарантіей того, что онъ эти цитаты дѣлаетъ правильно. Тотъ же Пахманъ, на страницѣ 214 говоритъ: «въ смыслѣ общаго начала слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ линіяхъ и степеняхъ лица мужскаго пола пользуются преимуществомъ передъ лицами женскаго пола, хотя это правило далеко не безусловно»—а что оно не безусловно, онъ подтверждаетъ далѣе ссылкой на то, что во многихъ мѣстностяхъ изъ этого правила существуютъ изъятія, и приводитъ такихъ изъятій девять. На три изъ нихъ я указывалъ въ прошлый разъ, напримѣръ на то, что тотъ, который не посылаетъ своего заработка въ семью, устраняется отъ наслѣдованія,—на то, что солдаты наслѣдуютъ совершенно различно: въ однихъ мѣстностяхъ солдаты вовсе не наслѣдуютъ, въ другихъ мѣстностяхъ они наслѣдуютъ въ неравной долѣ, въ третьихъ мѣстностяхъ они наслѣдуютъ гораздо больше, чѣмъ остальные, а въ четвертыхъ, по заявленію Пахмана, крестьяне рѣшаютъ вопросъ о наслѣдованіи смотря по тому, каковъ человѣкъ и стоитъ ли онъ того, чтобы дать ему часть имущества отца. Я приводилъ ссылку Пахмана на то, что сынъ, который похоронилъ своего отца, получаетъ вдвое большую долю противъ остальныхъ за участіе въ заботахъ о покойникѣ. Если мнѣ послѣ этого скажутъ, что въ наслѣдованіи въ крестьянскомъ быту не существуетъ нестроты, то я, въ справедливомъ недоумѣніи, спрошу, въ чемъ же состоитъ понятіе о его *единствѣ* при такихъ исключеніяхъ? Что касается до дочерей, то Пахманъ говоритъ на страницѣ 228: «какъ общее правило, въ имуществѣ

отца дочери при сыновьяхъ не наслѣдницы». Я не только на это указывалъ, но приводилъ даже отмѣтку изъ Пахмана о томъ, что крестьяне говорятъ: «дочь, такъ какъ она есть женщина, то никакихъ правъ имѣть не можетъ и должна ждать милости». Но рядомъ съ этимъ, тотъ же Пахманъ на страницѣ 230 говоритъ: «правило объ устраненіи дочерей не всегда имѣетъ безусловную силу. Уклоненія отъ этого общаго правила встрѣчаются и въ смыслѣ права, такъ что часть оставшагося имущества выдѣляется сестрѣ, независимо отъ желанія или нежеланія ея братьевъ. Крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей прямо заявляли, что дочери при сыновьяхъ также наслѣдницы послѣ отца»—и наконецъ, на страницѣ 232 Пахманъ говоритъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дочери наслѣдуютъ даже равную съ братьями часть»,—и при этомъ дѣлаетъ ссылку на 10 губерній съ различными уѣздами, въ которыхъ это существуетъ, при чемъ эта ссылка основана именно на матеріалахъ, полученныхъ изъ комиссіи Любощинскаго. При этомъ онъ прибавляетъ, что у магометанъ дочери всегда получаютъ опредѣленную часть послѣ отца,—доля ихъ вдвое меньше сыновней. Времени у насъ мало и я не буду входить въ надлежащую оцѣнку той поспѣшности, съ которой было предъявлено заявленіе Члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго. Позволяю себѣ лишь коснуться еще двухъ вопросовъ: одинъ изъ нихъ касается мнѣнія, что этотъ проектъ есть улавливаніе къ составленію завѣщаній, есть средство посредствомъ котораго хотятъ заставить составлять завѣщанія. Можетъ быть—по непонятнымъ мнѣ соображеніямъ—побужденіе къ составленію завѣщаній очень дурное дѣло, но я лично думаю, что это было бы полезно. Чѣмъ больше начало завѣщеванія распространяется въ обществѣ, тѣмъ больше послѣднее представляется развитымъ въ гражданскомъ отношеніи и свободнымъ отъ суевѣрныхъ предразсудковъ. Я вспоминаю по этому поводу слова нашего извѣстнаго юриста Спасовича, который сказалъ по поводу одного гражданскаго процесса: «я понимаю, что можно *умереть* безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно *жить* безъ завѣщанія». Второй вопросъ касается мнѣнія меньшинства, что, увеличивъ долю дочери съ $^1/_{14}$ на $^1/_7$ часть, оно уже дѣлаетъ большой шагъ

впередъ и облегчаетъ тѣмъ возможность принятія своего предложенія. Я думаю, что это не такъ: мы знаемъ изъ практики нашего законодательства, къ чему обыкновенно приводятъ полумѣры, къ чему приводятъ тѣ мѣры, которыя ни рыба, ни мясо,—ни два, ни полтора, которыя не удовлетворяютъ однихъ и раздражаютъ другихъ. Господа, по моему мнѣнію, гомеопатія въ дѣлахъ законодательныхъ, есть плохое лѣкарство!

VIII.

По законопроекту объ авторскомъ правѣ.

(Засѣданія 27 октября, 3 и 5 ноября 1910 г.).

Я выступаю, чтобы поддерживать особое мнѣніе свое и четырехъ членовъ особой Комиссіи о сокращеніи посмертнаго срока съ 50 лѣтъ на 30 лѣтъ. Мнѣніе это встрѣтило возраженія и въ докладѣ Комиссіи и въ печати, послужившія отголоскомъ взглядовъ, которыхъ, однако, нельзя признать основательными. Указывалось, что желаніе сократить срокъ посмертнаго авторскаго права есть стремленіе къ осуществленію соціалистическаго или даже коммунистическаго идеала и вмѣстѣ умаленіе правъ, уже пріобрѣтенныхъ умершими писателями, нѣчто въ родѣ того, что въ уголовномъ законѣ именуется «ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ». Не входя въ оцѣнку нравственной стоимости перваго изъ этихъ обвиненій, достаточно сказать, что вѣдь и установленіе 50-лѣтняго срока, за который теперь такъ крѣпко держатся, было посягательствомъ на посмертное безсрочное право собственности и что по отношенію къ тѣмъ, кто нынѣ пользуется посмертнымъ 50-лѣтнимъ срокомъ, онъ таковымъ и останется, ибо законъ обратной силы не имѣетъ, разъ онъ относится къ матеріальному, а не къ процессуальному праву. Обращаясь къ возраженіямъ, помѣщеннымъ въ докладѣ Комиссіи, считаю необходимымъ замѣтить, что указанія на Берлинскую конференцію по пересмотру

Бернской конвенціи и на Майнцскій конгрессъ журналистовъ, выразившихъ пожеланіе, чтобы въ законодательства былъ повсюду введенъ 50-лѣтній посмертный срокъ—для меня не представляются убѣдительными. Это пожеланіе офиціальныхъ или прямо заинтересованныхъ лицъ. Важно знать не то, какъ смотритъ Association artistique et littéraire internationale, а какъ смотритъ законодательство на посмертный срокъ.

Этотъ срокъ весьма различенъ въ разныхъ странахъ. Въ Германіи, Австріи и Швейцаріи исключительное авторское право признается за правопреемниками автора въ продолженіе *тридцати* лѣтъ со дня его смерти. Во Франціи, Бельгіи, Венгріи и Португаліи—въ теченіе *пятидесяти* лѣтъ. Наконецъ, посмертное исключительное право ограничено въ Румыніи и Швеціи *десятью* годами, а въ Испаніи и Колумбіи—продолжено до *восьмидесяти* лѣтъ. Такимъ образомъ, наиболѣе длинный срокъ и даже безсрочность даны произведеніямъ довольно скудной современной литературы на испанскомъ языкѣ, что «klingt etwas spanisch», какъ шутя говорятъ нѣмцы. Другого начала держатся Италія и Америка и держалась до 1899 г. Англія. Тамъ отправной точкой теченія срока является *первое изданіе* сочиненія, при чемъ итальянскій срокъ опредѣленъ въ 40 лѣтъ, а американскій былъ до 1 іюля н.с. нынѣшняго года въ 42 года, а нынѣ представляетъ лишь 28 лѣтъ. У насъ до 1859 г. существовалъ 25-лѣтній посмертный срокъ. При его дѣйствіи создавали свои неувядающія творенія Лермонтовъ и Гоголь и писалъ свои ученыя изслѣдованія Грановскій. Но въ 1859 г., по ходатайству генеральши Ланской, по первому мужу Пушкиной,—этотъ срокъ, въ нравственный ущербъ и Пушкину и русскому обществу, былъ увеличенъ вдвое.

Какой же срокъ слѣдовало бы принять теперь, при начертаніи самостоятельнаго и систематическаго закона объ авторскомъ правѣ? «Оставить старый», говорятъ намъ, потому что этотъ срокъ установленъ у насъ сравнительно не такъ давно и представляется не только вполнѣ справедливымъ, въ виду усиливающейся конкуренціи между литературными работниками, матеріальное положеніе даже лучшихъ изъ которыхъ значительно хуже поло-

женія ихъ заграничныхъ собратій,—но и практически полезнымъ, ибо сознаніе возможности обезпечить плодами своего умственнаго труда и себя, и семью является могущественною движущею силою для творчества авторовъ и ихъ продуктивности. Трудно раздѣлить эти соображенія, такъ какъ законъ, опровергаемый требованіями жизни, не есть нѣчто окаменѣлое, какая-то res sacrosancta, не подлежащая измѣненію, хотя бы, какъ и въ данномъ случаѣ, появленію такого закона предшествовало частное, заинтересованное ходатайство съ одной стороны, и личная милость усмотрѣнія — съ другой. Литературное творчество, качественно и количественно возбуждаемое денежными соображеніями, есть творчество низшаго порядка, приближающееся къ болѣе или менѣе искусному ремеслу. Кромѣ того, достаточно указать на журнальную работу, на передовыя статьи и фельетоны, которые обречены на скорое забвеніе, несмотря иногда на свою талантливую форму и содержаніе. Едва ли черезъ 30 лѣтъ отъ нашихъ дней будутъ имѣть распространеніе политическія разсужденія даже такого страстнаго, властнаго и вліятельнаго публициста, какъ Катковъ. Кто вспомнитъ теперь о живыхъ и остроумныхъ фельетонахъ сотрудника «Голоса» Панютина (Нилъ Адмирари), умершаго лѣтъ тридцать назадъ? «Довлѣетъ дневи злоба его»!—При томъ и матеріальное положеніе русскихъ авторовъ, труды которыхъ содержатъ въ себѣ залогъ успѣха или общественнаго вниманія, едва ли хуже положенія авторовъ западно-европейскихъ. Стоитъ вспомнить о распространенности сочиненій Горькаго, Андреева, Куприна и о томъ, какъ большинство современныхъ талантливыхъ писателей эмансипировалось, несмотря на высокую полистную плату, отъ большихъ журналовъ и стало участвовать въ самостоятельныхъ сборникахъ.

Защитники длиннаго посмертнаго срока смотрятъ почти исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ автора, его семьи и его наслѣдниковъ. Но есть другая, болѣе широкая точка зрѣнія, отводящая справедливое мѣсто правамъ народа и общества на произведенія ихъ духовныхъ представителей. По опредѣленію Министра Юстиціи, авторъ есть прежде

всего, общественный дѣятель, произведенія котораго являются въ сущности лишь отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды, и имѣютъ главною цѣлью возможно широкое распространеніе въ обществѣ идей автора. Все это, конечно, указываетъ на связь авторской дѣятельности съ общественнымъ интересомъ, хотя отдѣльныя положенія этого опредѣленія представляются спорными и эту связь надлежитъ искать въ другомъ. Называть автора всегда и во всякомъ случаѣ *общественнымъ дѣятелемъ*—значитъ слишкомъ широко толковать понятіе этой дѣятельности. Авторъ можетъ употреблять силу своего таланта на возбужденіе низменныхъ страстей, на загрязненіе воображенія своихъ читателей и на растлѣніе вкусовъ и фантазіи подрастающихъ поколѣній. Онъ можетъ быть порнографомъ, во вкусѣ маркиза де-Сада и Казановы или въ родѣ нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ и—къ стыду нашему и несчастію—русскихъ писателей, лицемѣрно наклеивающихъ на тонкій нравственный ядъ своихъ произведеній ярлыкъ сомнительной художественной правды. Авторъ также можетъ возбуждать, въ близорукомъ ослѣпленіи, племенную и религіозную ненависть и сѣять вѣтеръ, который, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ обратиться въ бурю и отодвинуть назадъ общественное развитіе. Какой же въ этомъ случаѣ онъ *общественный дѣятель*? Тамъ, гдѣ трудно установить точную границу между работой на служеніе общественнымъ задачамъ и безнравственностью и даже преступностью, которыя лишь по особымъ условіямъ общественной жизни не подходятъ подъ суровое ярмо уголовнаго закона, можно весьма усомниться въ томъ, чтобы право называться общественнымъ дѣятелемъ принадлежало *каждому* автору. Едва ли также твореніе писателя является *лишь* отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды. Общественная среда, по большей части, упорна въ своихъ взглядахъ и привычкахъ. Про постепенное прогрессивное ея развитіе можно сказать словами Пушкина, что она въ своемъ движеніи впередъ—«ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Поэтому зачастую идеалы писателя далеко опережаютъ собою идеалы этой среды. Не говоря уже о теоретикахъ общественнаго переустройства, достаточно назвать Жоржъ Зандъ, Чернышевскаго

(«Что дѣлать»), гр. Л. Н. Толстого и Беллами. Наконецъ, не всегда и главная цѣль писателя есть широкое распространеніе въ обществѣ его идей. Это—опасный путь, легко приводящій къ исканію дешевой популярности, недостойный истиннаго творчества. Есть писатели, которые не только не торопятся широко распространять свои произведенія, но упорно сторонятся отъ выпуска ихъ на книжный рынокъ, находя себѣ удовлетвореніе не въ общемъ признаніи, а въ своемъ собственномъ сознаніи. «Ты—царь; живи одинъ!» восклицалъ Пушкинъ. «Ты самъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?», спрашивалъ онъ и говорилъ: «доволенъ—такъ пускай толпа тебя бранитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ». Недавній примѣръ такой скупости къ оглашенію своихъ произведеній представилъ покойный Апухтинъ, медленно и неохотно уступавшій просьбамъ друзей, настаивавшихъ на печатаніи его превосходныхъ, глубокопрочувствованныхъ произведеній. Американецъ Эмерсонъ вѣрнѣе опредѣлилъ писателя, сказавъ: «Le littérateur est un délégué intellectuel du peuple».

Темы литературныхъ произведеній, имѣющихъ не мимолетное значеніе отзывовъ на злобу дня и на изображеніе послѣдней, въ сущности всегда однѣ и тѣ же и притомъ вѣчныя: любовь и ненависть, личность и характеръ, общественное устройство и бытовой укладъ. Вся разница въ формѣ и силѣ выраженія и изображенія, въ умѣніи освѣщать ту или другую сторону, въ анализѣ душевныхъ движеній, въ языкѣ, въ стилѣ, въ краскахъ. Клостерманъ («geistliches Eigentum») справедливо указываетъ, что авторское право дается за искусство, съ которымъ извѣстные идеи или факты приводятся къ свѣту. Поэтому работа автора является продуктомъ народнаго генія, выразившаго себя въ рядѣ поколѣній. Тургеневъ и Гончаровъ были бы немыслимы, не будь до нихъ проникновеннаго созерцанія Гоголя и чуднаго языка Пушкина, а переходъ къ послѣднему прямо отъ Державина едва ли былъ бы возможенъ безъ точной и изящной прозы Карамзина. Являясь наслѣдникомъ творческаго духа, воплотившагося въ «умственныхъ делегатахъ» предшествующихъ поколѣній, писатель оставляетъ послѣдующимъ поколѣніямъ свой трудъ,

какъ продуктъ этого духа, въ иной формѣ, вкладывая въ созданіе ея свои знанія, наблюдательность, воображеніе и фантазію, скованныя воедино матеріальною работою. За это онъ получаетъ вознагражденіе, связанное съ авторскимъ правомъ.

Но полученію этого вознагражденія долженъ быть положенъ извѣстный предѣлъ. Народу должно быть возвращено то, что получено отъ народнаго генія и возвращено при томъ такъ, чтобы пользованіе произведеніемъ было доступно массамъ и въ такое время, когда произведеніе еще не утратило своего просвѣтительнаго значенія и не устарѣло по своей формѣ. Съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, всего справедливѣе было бы принять американскую систему исчисленія срока авторскаго права со времени перваго изданія произведенія, быть можетъ, увеличивъ новый 28-лѣтній срокъ до 30 лѣтъ. Въ условіяхъ современной культурной жизни и 30 лѣтъ представляютъ достаточное время для признанія и оцѣнки выдающихся сочиненій и для полученія ихъ авторомъ крупнаго заработка. Стоитъ указать на сочиненія Zola и Daudet, значительная часть которыхъ и до сихъ поръ несла бы крупную дань авторскому праву, несмотря даже на то, что признанію Zola Франціею предшествовало, по его собственному заявленію, признаніе его Россіею,—на тѣхъ же Горькаго и Андреева и на цѣлый рядъ выдающихся русскихъ писателей. Благодаря такому сроку, произведенія русскихъ классиковъ не были бы монополизированы въ рукахъ нѣсколькихъ издателей или наслѣдниковъ, а вкладывались бы въ общедоступную народную сокровищницу, не подвергнувшись своего рода художественной «усышкѣ и утечкѣ». А, между тѣмъ, это весьма возможно при существующемъ у насъ срокѣ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Гончарова, которыми теперь такъ восхищается итальянская критика, ставя въ нихъ выше всего «Обыкновенную исторію», стоятъ нынѣ, въ своей совокупности, около 20 р. и, слѣдовательно, доступны лишь людямъ очень достаточнымъ, а сдѣлаются они общимъ народнымъ достояніемъ лишь въ 1941 г., такъ какъ авторъ скончался въ 1891 г., т. е. «Обыкновенная исторія» и «Сонъ Обломова», вышедшіе въ 1847 и 1848 годахъ, появятся по общедоступной цѣнѣ лишь черезъ 93 года послѣ того, какъ въ этихъ сочиненіяхъ

впервые проявились поучительные художественные пріемы знаменитаго автора. Такъ, сочиненія одного изъ глубочайшихъ русскихъ беллетристовъ-мыслителей, гуманиста и научнаго популяризатора кн. В. Ѳ. Одоевскаго, вышедшія въ свѣтъ въ 1844 г. вслѣдствіе отсутствія нѣкоторыхъ документовъ, опредѣляющихъ переходъ къ его наслѣдникамъ авторскаго права, до сихъ поръ не изданы и сдѣлаются общедоступными лишь въ 1919 г., когда истечетъ 50 лѣтъ со дня смерти автора и 75 лѣтъ со дня появленія ихъ въ свѣтъ. А, между тѣмъ, было бы весьма полезнымъ ознакомить русское общество съ этимъ замѣчательнымъ писателемъ, умѣвшимъ за 50 лѣтъ до Л. Н. Толстого затрагивать одинаковые съ нимъ сюжеты, являться восторженнымъ поклонникомъ и защитникомъ свободы совѣсти и слова; съ писателемъ, впервые ознакомившимъ въ беллетристической формѣ русскую публику съ ученіемъ Шопенгауэра о волѣ, въ то время, когда книга «Die Welt als Wille und Vorstellung», проданная въ количествѣ 12 экземпляровъ, гнила на складѣ у книгопродавца, покуда въ 1857 г., наконецъ, не были открыты глаза нѣмецкому обществу на его геніальнаго мыслителя. Но если бы у кого-либо и явилось желаніе ознакомиться съ Одоевскимъ въ подлинникѣ, то это желаніе оказалось бы безплоднымъ, такъ какъ достать полное собраніе его сочиненій въ настоящее время почти нѣтъ возможности. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того обстоятельства, что благодаря 50-лѣтнему посмертному сроку П. И. Чайковскій, по собственному признанію, въ 1877 г., едва и съ большимъ трудомъ, нашелъ необходимый ему экземпляръ сочиненій Пушкина для писанія оперы «Евгеній Онѣгинъ», ибо наслѣдники великаго поэта, испросивъ себѣ удлиненіе посмертнаго срока, продали авторское право Исакову за 10.000 р., а Исаковъ не торопился съ новыми изданіями, лишая русское общество возможности пользоваться однимъ изъ лучшихъ своихъ достояній. Точно такія же затрудненія приходится испытывать теперь каждому, кто хотѣлъ бы воспользоваться сочиненіями великаго Пирогова.

Есть, затѣмъ, случаи, когда позднее знакомство широкихъ общественныхъ и народныхъ круговъ съ тѣмъ или другимъ со-

чиненіемъ можетъ вызвать одни лишь безплодныя и горькія сожалѣнія. Въ 1857 г. вышелъ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, гдѣ съ тонкою наблюдательностью были изображены коренныя свойства японцевъ, хотя иногда и въ комическомъ ихъ проявленіи, изображены ихъ стойкость и настойчивость, ихъ вѣра въ себя и страстная любовь къ родинѣ, ихъ упорная работоспособность въ преслѣдованіи твердо поставленной цѣли, ихъ презрѣніе къ жизни и тонкое искусство въ защитѣ своего права. Какъ было бы полезно своевременное знакомство русскаго народа съ этими свойствами «вождей восточныхъ острововъ», вмѣсто близорукой похвальбы и пошлаго издѣвательства надъ «япошками» и «макаками». А, между тѣмъ, эту столь нужную и столь запоздалую характеристику широкіе общественные круги почерпнутъ изъ «Фрегата Паллады» лишь въ 1941 г., т. е. черезъ 37 лѣтъ *послѣ* объявленія японской войны. Наконецъ, произведенія писателя могутъ не появляться въ свѣтъ въ теченіе очень долгаго времени не только по небрежности или апатіи наслѣдниковъ, не только по ихъ неразвитости или невѣжеству, но вслѣдствіе тенденціознаго отношенія ихъ къ дѣятельности того, чьи авторскія права они унаслѣдовали. Исторія литературы знаетъ случаи, когда, подъ вліяніемъ измѣнившихся религіозныхъ и политическихъ взглядовъ или суетныхъ удобствъ своего наслѣдственнаго положенія, наслѣдники, носители того же имени, упорно не желали появленія въ свѣтъ произведеній человѣка, отличнаго отъ нихъ по духу и убѣжденіямъ. Здѣсь, сокращеніе посмертнаго срока помогло бы устранить такое, очень часто противорѣчащее общественнымъ интересамъ, явленіе.

Есть, однако, одно существенное возраженіе противъ введенія по примѣру Америки сокращеннаго *прижизненнаго* срока авторскаго права, т. е. такого, который можетъ истекать еще при жизни автора. Далеко не всѣ писатели начинаютъ свою дѣятельность на склонѣ лѣтъ, подобно Теккерею или нашему С. Т. Аксакову; сравнительно немногіе труды требуютъ продолжительной, предварительной подготовки, на которую уходятъ многіе годы, прежде чѣмъ сочиненіе появится въ свѣтъ. Большинство писателей выступаетъ на литературную арену въ молодости и достигаетъ апогея своего таланта и сопряженной съ этимъ извѣстности

въ средній возрастъ жизни. Потеря авторскаго права при жизни была бы для нихъ тягостна, лишая семью ихъ всякаго обезпеченія на будущее время. Если считать продолжительный *посмертный* срокъ несправедливостью по отношенію къ обществу, изъ нѣдръ котораго вышелъ писатель, то лишеніе послѣдняго, въ большинствѣ случаевъ, утѣшительнаго сознанія, что въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока семья, имъ оставляемая, будетъ пользоваться плодами его трудовъ, было бы тоже несправедливостью, такъ сказать, въ обратную сторону.

Поэтому, правильнѣе всего остановиться на сокращенномъ, противъ существующаго у насъ, посмертномъ срокѣ авторскаго права, опредѣливъ его въ *двадцать пять*, какъ то было до 1859 г., или, въ крайнемъ случаѣ, въ *тридцать* лѣтъ.

Но даже и такое, сравнительно небольшое, сокращеніе посмертнаго срока вызываетъ рядъ возраженій. Прежде всего указывается на *научные труды*, требующіе долгихъ и усердныхъ работъ по собиранію матеріаловъ, такъ что сочиненіе, поздно появившееся въ свѣтъ, именно вслѣдствіе своихъ серьезныхъ достоинствъ, будетъ давать позднюю извѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности сокращать срокъ пользованія авторскимъ правомъ самимъ ученымъ труженикомъ и его близкими. Однако, приходится признать, что именно научные-то труды и не выдерживаютъ длиннаго срока авторскаго права. Новыя теченія и переработка тѣхъ же самыхъ фактовъ и явленій съ новыхъ точекъ зрѣнія въ большинствѣ случаевъ уничтожаютъ такой спросъ на старое произведеніе, который не только окупалъ бы издержки изданія, но и приносилъ бы чистый доходъ. Напримѣръ, многотомная и въ высшей степени цѣнная «Исторія Россіи» нашего знаменитаго историка Соловьева едва ли можетъ разсчитывать на частыя изданія въ теченіе тѣхъ 30 лѣтъ, которыя еще остаются для пользованія наслѣдниками его авторскимъ правомъ. Важное и необходимое пособіе для ученыхъ, разрабатывающихъ отечественную исторію, этотъ трудъ, въ смыслѣ новизны взглядовъ и богатства новыхъ матеріаловъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ уже заслоненъ работами Ключевскаго, Платонова, Милюкова и др., подобно тому, какъ онъ въ свою очередь и въ свое время засло-

нилъ исторіографическіе труды Карамзина и Полевого. То же самое надо сказать объ учебникахъ, если только для распространенія ихъ не призвано на помощь нѣкоторое офиціальное давленіе. Не меньшее вліяніе, чѣмъ время, оказываетъ въ этомъ отношеніи и измѣняющаяся внутренняя политика. Еще недавно біографіи Екатерины Великой—Брикнера и исторія Александра I—Шильдера были почти единственно-доступными на русскомъ языкѣ, почтенными и исчерпывавшими «все, что можно», сочиненіями объ этихъ представителяхъ верховной власти, но послѣ 1905 г. на русскомъ языкѣ появились мемуары Екатерины и мемуары Дашковой, монографіи Валишевскаго и сталъ доступенъ второй томъ Бильбасова— и несомнѣнно, что многое недоговоренное Шильдеромъ (хотя бы, напримѣръ, относительно Павла I) и Брикнеромъ явилось въ новомъ фактическомъ и критическомъ освѣщеніи. То же самое можно сказать и о книгахъ изъ области политической экономіи, государственнаго, уголовнаго и гражданскаго права.

Такія открытія, какъ иксъ-лучи и радій, не дѣлаютъ ли устарѣлыми прежніе учебники физики и химіи безъ ихъ основательной переработки? Во что, напримѣръ, обращается обширное и весьма въ свое время распространенное сочиненіе по тераніи и патологіи Нимейера въ виду современныхъ изслѣдованій о заразномъ происхожденіи большинства болѣзней,—о фагоцитахъ и лейкоцитахъ и вообще о роли микроорганизмовъ и новыхъ средствахъ борьбы съ болѣзнями, какъ, напримѣръ, «606» Гата-Эрлиха?

Писатель, говорятъ затѣмъ, есть такой же производитель цѣнности, какъ и *всякій другой работникъ*,—напримѣръ, ремесленникъ. Почему же послѣдній пользуется плодомъ своего труда постоянно, а первый срочно, да и то подъ угрозою дальнѣйшихъ ограниченій срока такого пользованія? Не говоря уже о томъ, что здѣсь является смѣшеніе понятій о правѣ собственности съ понятіемъ о привилегіи или монополіи, нельзя не замѣтить, что ремесленное созданіе продуктовъ изъ сырыхъ матеріаловъ не имѣетъ ничего общаго съ художественнымъ творчествомъ; если же оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, является подспорьемъ

или орудіемъ такого творчества, то вытекающее изъ послѣдняго право на произведеніе регулируется постановленіями объ авторскомъ правѣ на художественныя произведенія, конструкція котораго иная, чѣмъ права на движимую вещь, являющуюся результатомъ ремесленнаго труда.

Ремесленникъ, продавъ свое издѣліе или передавъ заказчику, теряетъ на него право собственности, тогда какъ между продажею сочиненія и потерею авторскаго на него права существуетъ, на что уже было указано выше, большая разница. При томъ всякое ремесло и каждая профессіональная дѣятельность, приносящія заработокъ, кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ, требуютъ постояннаго трудового напряженія. Наоборотъ, никакого напряженія труда дальнѣйшее пользованіе авторскимъ правомъ по отношенію къ однажды уже напечатанному сочиненію не требуется, такъ что длинный посмертный срокъ, въ сущности, есть установленіе чрезмѣрно продолжительной ренты, получаемой отъ недопущенія въ массу доступныхъ ей по матеріальнымъ средствамъ произведеній ума и таланта.

Если,—говорятъ далѣе защитники *долгаго* срока,—для авторскаго права не предоставить автору увѣренности, что его трудъ обезпечиваетъ на много лѣтъ его и семью, то онъ будетъ искать себѣ побочныхъ заработковъ, уйдетъ на службу, займется адвокатурою и т. п. Но думать, что авторы, за исключеніемъ небольшой группы, считаютъ себя обезпеченными длинными сроками авторскаго права—значитъ тѣшить себя иллюзіями. Автору нужно имѣть очень высокое и горделивое мнѣніе о своихъ талантахъ и о важности своихъ произведеній, чтобы думать, что онъ воздвигаетъ себѣ «памятникъ нерукотворный», и прозрѣваетъ успѣхъ своихъ писаній, проходящихъ сквозь «вѣковъ завистливую даль». Поэтому, за исключеніемъ людей, имѣющихъ «наслѣдственное» или пользующихся несомнѣннымъ успѣхомъ въ настоящемъ, дающемъ безотлагательную возможность обезпечить себѣ безбѣдную жизнь въ будущемъ, многіе и многіе изъ писателей весьма крупнаго калибра искали служебнаго заработка. Гончаровъ, Тютчевъ, Полонскій, Майковъ, С. Т. Аксаковъ, Лажечниковъ, служили въ цензурѣ, Загоскинъ—въ дворцовомъ вѣдомствѣ;

объ ученыхъ писателяхъ и говорить нечего: почти всѣ они были на службѣ. И это не мѣшало имъ оставаться писателями. Человѣкъ съ талантомъ найдетъ выходъ своимъ литературнымъ дарованіямъ и при другихъ дѣловыхъ обязанностяхъ: талантъ требуетъ себѣ внѣшняго выраженія властно и несмотря на разныя житейскія и матеріальныя неблагопріятныя условія! Но тотъ, кто, вступая на сознательный житейскій путь, ставитъ себѣ вопросъ: «пойти ли мнѣ на службу или въ адвокатуру? или же начать заниматься литературою?»—тотъ смотритъ на послѣднюю, какъ на своего рода *вѣдомство* и въ этомъ вѣдомствѣ едва ли будетъ когда-либо играть видную роль. Человѣкъ съ истиннымъ призваніемъ къ перу,—не ремесленникъ печатнаго слова, а писатель въ настоящемъ смыслѣ,—никогда себѣ такого вопроса не поставитъ, а скажетъ себѣ: на какое бы занятіе меня насущная необходимость ни поставила, я найду возможность и время работать и на томъ поприщѣ, куда меня влечетъ «голосъ сокровенный». Наиболѣе близки къ литературной дѣятельности—преподаваніе и судебная служба въ качествѣ прокурора или адвоката. Но и здѣсь надо отличать практическаго дѣятеля, исполняющаго свои профессіональныя обязанности, отъ автора учебника, собранія лекцій или сборника судебныхъ рѣчей, которому все-таки предстоитъ подчиниться дѣйствію постановленій, ограничивающихъ срокъ пользованія авторскимъ правомъ. Поэтому указаніе на то, что сокращеніе этого срока заставитъ уйти талантливыхъ писателей изъ литературы въ область практической, не только болѣе обезпечивающей, но и гораздо щедрѣе оплачиваемой дѣятельности—лишено серьезнаго основанія. Гейне говоритъ про науку, что для однихъ она—богиня, для другихъ—дойная корова. То же можно сказать и про литературу. Тому, кто смотритъ на нее не какъ на поприще служенія искусству и обществу, а какъ на дойную корову, и завистливо поглядываетъ по сторонамъ, ища взорами другихъ болѣе тучныхъ и доходныхъ коровъ,—тому можно со спокойнымъ сердцемъ сказать: «скатертью дорога!» Богиня отъ ухода такихъ слугъ ничего не потеряетъ и на нихъ не обидится...

Писатель, создавшій не мимолетныя, поверхностныя по со-

держанію произведенія, а такія, прочность и глубина которыхъ выдерживаетъ въ общемъ признаніи долгіе годы, является не только «un délégué intellectuel» своего народа. Онъ другъ и утѣшитель образованнаго человѣка,—онъ учитель и руководитель идущаго по пути самообразованія. Поэтому не только желательно, но и необходимо, чтобы возможно большее число русскихъ людей, обладающихъ скромными средствами и желающихъ расширить свой умственный и нравственный кругозоръ въ свободный часъ своей трудовой жизни, могли протянуть руку къ полочкѣ, на которой тѣсными рядами, на ряду съ дешевыми изданіями Пушкина и Гоголя, стояли бы старые испытанные друзья: Гончаровъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Григоровичъ, Островскій, Некрасовъ, Чеховъ и другіе. Но мы знаемъ, что благодаря длиннымъ срокамъ авторскаго права—Тургеневъ стоилъ 15 р., Толстой—въ двухъ изданіяхъ стоилъ 25 и 14 р. и т. д., т. е. знаемъ, что они недоступны ни сельскому учителю, ни развитому рабочему, ни санитару, ни сестрѣ милосердія, ни мелкому торговцу, ни большинству студентовъ и гимназистовъ, ни множеству лицъ, стоящихъ въ одинаковыхъ съ ними матеріальныхъ условіяхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что сочиненія многихъ изъ нашихъ классическихъ писателей даны въ приложеніяхъ къ «Нивѣ», но большая часть изъ нихъ давалась въ теченіе двухъ лѣтъ, а подписка на «Ниву» съ пересылкою за два года составляетъ 16 р., да и нынѣ изданныя «Нивой» сочиненія писателей все-таки недоступны людямъ недостаточнымъ: Лѣсковъ стоитъ 15 р., Глѣбъ Успенскій—10 р., Щедринъ—18 р., Мельниковъ-Печерскій—14 р., Чеховъ—16 р., Луговой—24 р., Потапенко—18 р.

Поэтому уменьшеніе срока авторскаго посмертнаго права—конечно безъ обратнаго дѣйствія такого постановленія—является вполнѣ справедливымъ. Это сокращеніе будетъ, вѣроятно, названо палліативомъ, но не надо забывать, что все-таки такой палліативъ приблизитъ на будущее время на 20 лѣтъ возможность пользованія всѣми слоями общества тѣмъ духовнымъ свѣтомъ и теплomъ, которые, по нынѣ дѣйствующему закону, доступны лишь сравнительно немногимъ.

Понятіе объ авторскомъ правѣ не можетъ быть примѣнимо, всецѣло, *къ письмамъ*. Находящееся въ рукахъ адресата письмо, если смотрѣть на него исключительно съ точки зрѣнія права собственности, о которомъ такъ много говорилось въ прошлое засѣданіе, есть движимое имущество, которымъ, конечно, тотъ, въ чьемъ владѣніи и распоряженіи оно находится, можетъ поступить по своему усмотрѣнію. Если оно исходитъ отъ выдающагося лица, оно имѣетъ иногда очень большую цѣну, прямо пропорціональную протекшему времени и исторической роли писавшаго. Но, однако, стать на эту точку зрѣнія было бы весьма неправильно, хотя ее и защищалъ такой ученый какъ Блюнчли. Можно себѣ представить, какое поприще для шантажа открылось бы съ предоставленіемъ адресату исключительнаго права печатать полученныя имъ письма. Въ нашей жизни, вообще, мало искренности, а сознаніе пишущаго письмо, что его откровенныя мнѣнія и выраженіе чувствъ и взглядовъ, вызываемыхъ людьми и событіями, могутъ быть вынесены на «базаръ житейской суеты», не только помимо его желанія, но даже вопреки ему, по усмотрѣнію адресата или его наслѣдниковъ, способно убить всякую искренность въ перепискѣ между людьми, не связанными узами самой близкой дружбы или тѣснаго родства, гарантирующихъ полное довѣріе.

При томъ же, не одно опасеніе нескромности можетъ здѣсь играть роль, но и опасеніе мщенія. Жизнь представляетъ случаи, когда, напримѣръ, съ цѣлью отомстить за прерванную связь, оставленная возлюбленная съ низкой мстительностью пользовалась письмами, написанными ей тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣятелемъ въ ослѣпленіи чувственной страсти, разрушая его семейное счастіе или выдавая его головою его политическимъ врагамъ. Наконецъ, въ виду разныхъ обстоятельствъ жизни, возможна торговля такими письмами. Жертвою такого шантажа рисковалъ, напримѣръ, сдѣлаться Гамбетта. Съ другой стороны признать, что авторское право на письма, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые французскіе юристы, принадлежитъ исключительно *писавшему*—тоже невозможно. Письма вовсе не литературныя произведенія, такъ такъ, подходя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

къ таковымъ по формѣ, они не подходятъ къ нимъ ни по цѣли, ни по источнику. Въ основѣ литературнаго произведенія лежитъ *сочиненіе*; недаромъ и нынѣ дѣйствующій законъ автора называетъ *сочинителемъ*. Въ это сочиненіе вкладывается авторомъ совокупная работа воображенія и творческаго вдохновенія, умѣніе пользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями, знаніе родного языка и т. д.—все это облекается въ наиболѣе подходящую, по мнѣнію автора, и наиболѣе дѣйствующую на читателя или слушателя форму—и въ такомъ видѣ отдается на судъ публики. Нельзя, конечно, отрицать, что и въ письмахъ могутъ быть лирическія мѣста, что и въ нихъ находитъ себѣ мѣсто смѣлый полетъ фантазіи,—но все это встрѣчается, какъ исключеніе, и имѣетъ, такъ сказать, совершенно интимный характеръ. Главное содержаніе писемъ: событія личной жизни и данныя, почерпнутыя изъ текущей дѣйствительности и при томъ, по большей части, интересныя лишь для самого пишущаго или его *корреспондента*. Если въ нихъ и встрѣчается вымыселъ, то это не поэтическое творчество, а просто фактическая ложь или болѣзненный самообманъ, который психологи называютъ «мечтательною ложью». Если авторъ *сочиненія* невольно и неизбѣжно представляетъ себѣ многихъ будущихъ читателей своего произведенія, то авторъ *письма* думаетъ объ одномъ читателѣ и много-много — о кружкѣ лицъ, если только письмо его не представляетъ политическаго, полемическаго или публицистическаго трактата, лишь облеченнаго въ форму письма.

Отсюда интимный характеръ писемъ или чисто дѣловое ихъ содержаніе, отсюда описаніе семейныхъ радостей и горестей и всякихъ мелочей домашней жизни, отсюда, наконецъ, соображенія и вычисленія матеріальнаго или хозяйственнаго свойства.

Поэтому слѣдуетъ согласиться съ положеніемъ статьи 26 одобреннаго Государственной Думой проекта, въ силу котораго частныя письма могутъ быть изданы въ свѣтъ лишь съ обоюднаго согласія писавшаго и получателя. Правило объ обоюдномъ согласіи, въ данномъ случаѣ, подкрѣпляется практически приговорами по тремъ громкимъ процессамъ, приводимымъ извѣст-

нымъ ученымъ Клостерманомъ, состоявшимися въ 50-хъ годахъ во Франціи, Англіи и Германіи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ судъ призналъ лицъ, къ которымъ дошли отъ адресатовъ письма Гете къ Шарлоттѣ Кестнеръ, Бенжаменъ Констана къ госпожѣ Рекамье и лорда Честерфильда къ своему сыну — не имѣвшими права печатать эти письма безъ согласія писавшихъ или ихъ правопреемниковъ.

Черезъ 30 и даже 50 лѣтъ не только могутъ существовать внучата, но и дѣти и вдовые супруги переписывавшихся. Послѣдніе могутъ быть заинтересованы въ неоглашеніи переписки, касающейся сокровенныхъ подробностей жизни ихъ отца или покойнаго супруга. Письма жениха къ невѣстѣ, ставшей затѣмъ его женою, матери къ дочери, сына къ отцу—очень часто содержатъ въ себѣ своего рода исповѣдь, раскрытіе тайны которой можно допустить лишь тогда, когда это уже не можетъ задѣть, уязвить или возмутить ничьихъ личныхъ чувствъ.

Вотъ почему наша особая Комиссія предлагаетъ дополнить проектъ статьи 26 въ редакціи Государственной Думы указаніемъ на необходимость согласія на опубликованіе чьихъ-либо писемъ, во всякомъ случаѣ, пережившаго супруга и дѣтей обоихъ лицъ, находившихся въ перепискѣ. Оставшійся супругъ или дѣти могутъ не быть наслѣдниками,—все движимое имущество,—а въ томъ числѣ письма,—можетъ быть передано по завѣщанію другимъ лицамъ. Но такое распоряженіе можетъ быть сдѣлано и при жизни и не должно ставить ближайшихъ по законамъ природы къ умершему лицъ въ беззащитное положеніе относительно обнародованія интимныхъ подробностей, заключающихся въ письмахъ, писанныхъ или полученныхъ тѣмъ, кто состоялъ съ нимъ въ тѣсныхъ семейныхъ узахъ и чье имя они носятъ.

Если умѣстно говорить о наслѣдованіи по закону относительно писемъ и мемуаровъ, то, по моему мнѣнію, это непримѣнимо къ *дневникамъ*. Мемуары, представляющіе очень часто дѣйствительно цѣнный историческій матеріалъ, по самому свойству своего происхожденія, являются не чѣмъ инымъ, какъ *литературнымъ произведеніемъ*, къ которому должны быть примѣнены всѣ общія правила объ авторскомъ правѣ и о его законныхъ огра-

ниченіяхъ. Но иначе обстоитъ дѣло съ дневниками. Дневникъ, *не предназначенный для напечатанія*, является документомъ, страдающимъ внутреннею, такъ сказать, психологическою недостовѣрностью. Онъ рѣдко ведется въ зрѣломъ или преклонномъ возрастѣ, какъ, напримѣръ, дневникъ Аміеля, очевидно при томъ предназначенный для напечатанія. На веденіе дневниковъ чрезвычайно падки молодые люди. Новизна внѣшнихъ впечатлѣній, возникновеніе неиспытанныхъ дотолѣ чувствъ, смятеніе души передъ волнующими ее вопросами, для спокойнаго разрѣшенія которыхъ нѣтъ ни времени, ни надлежащаго житейскаго опыта—все это въ быстрыхъ строкахъ и горячихъ словахъ повѣряется молодежью дневнику. При этомъ обыкновенно является безсознательное извращеніе житейской перспективы: мимолетное и преходящее кажется вѣчнымъ и незыблемымъ, коренное—случайнымъ, поверхностное—глубокимъ, а глубокое—лишеннымъ основанія. Все принимаетъ несоотвѣтствующіе дѣйствительности размѣры, и вмѣсто трезвой правды фактовъ рисуется марево преувеличенныхъ надеждъ и преждевременныхъ разочарованій. Дневникъ ведется въ томъ, по преимуществу, возрастѣ, когда человѣку, вступившему или вступающему въ сознательную или самостоятельную жизнь, особенно свойственно скитаніе мысли и то, что Достоевскій называлъ «бунтомъ души». Любовь и ненависть, радость жизни и сладкое мечтаніе о смерти, за которымъ, по вѣрному замѣчанію Гёте, чувствуется любовь къ существованію,—унылость по пустымъ поводамъ и восторженная увѣренность въ своихъ силахъ—смѣняютъ другъ друга какъ въ калейдоскопѣ. Всякій, кому, какъ, напримѣръ, судьѣ приходилось близко знакомиться съ дневниками, знаетъ, какъ быстро и несоотвѣтственно силѣ толчка реагируютъ ихъ авторы на горести, прозу и шероховатости практической жизни,—какъ легко незначущая встрѣча, улыбка, показавшаяся презрительной, безсодержательная, но кудрявая фраза, косой взглядъ, мягкій упрекъ, настойчивый совѣтъ и т. п. вызываютъ въ дневникахъ цѣлыя страницы изліяній, ропота на судьбу, негодованія на людей и презрѣнія къ нимъ, отчаянія за свое будущее, гнѣва на деспотизмъ окружающихъ, мечтаній о необходимости покончить съ собой и попы-

токъ радикальнаго разрѣшенія всѣхъ міровыхъ вопросовъ, начиная съ Богаи кончая семьей. Проходятъ годы, устанавливается опредѣленное міровоззрѣніе, въ душѣ на ряду съ негодованіемъ начинаетъ возникать пониманіе и говорить связанное съ послѣднимъ чувство прощенія, и авторъ подобнаго дневника по большей части съ грустной улыбкой снисхожденія «für die Träume seiner Jugend» перелистываетъ пожелтѣлыя страницы давно оставленной тетрадки. Эти дневники рѣдко уничтожаются писавшими. На нихъ не поднимается его рука, и оттого-то они и попадаютъ такъ часто въ чужія, безцеремонныя руки... Вотъ почему дневникъ не можетъ, напримѣръ, считаться серьезнымъ судебнымъ доказательствомъ, и честный судебный дѣятель не станетъ имъ пользоваться всецѣло, а будетъ выбирать изъ него лишь фактическія данныя мѣста и времени, оставляя втуне всѣ разсужденія, какъ обладающія психологическою недостовѣрностью.

Поэтому, если не было категорическаго распоряженія писавшаго о томъ, чтобы дневникъ его былъ оглашенъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ это, напримѣръ, сдѣлано недавно одною умершею талантливою писательницею, то таковой вовсе не долженъ подлежать печатанію со стороны наслѣдниковъ, иногда совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ по духу лицу, писавшему дневникъ. Злоупотребленія печатаніемъ дневниковъ слишкомъ явны, чтобы не оградить память писавшаго и чувства тѣхъ, кто его любилъ и уважалъ, отъ выставленія его на публичную арену. Трудно отрѣшиться отъ тяжелаго чувства при чтеніи, напримѣръ, недавно переизданнаго неизвѣстно для чьего назиданія дневника Добролюбова, повѣствующаго о своихъ посѣщеніяхъ дома терпимости. Въ душѣ и въ жизни каждаго человѣка бываютъ темные закоулки, въ которыхъ находили себѣ пріютъ низменныя чувства или животныя побужденія, но человѣка, по справедливости, слѣдуетъ судить по высшимъ и стойкимъ проявленіямъ его поведенія и взглядовъ на жизнь, а не по мимолетнымъ и иногда безсознательнымъ минутамъ паденія и слабости воли. Извѣстно, съ какою жадностью читаются мемуары и дневники выдающихся людей съ цѣлью найти въ нихъ щекотливыя признанія и разо-

блаченія. Это стремленіе найти у высокаго и сильнаго слабости, свойственныя ничтожнымъ и безцвѣтнымъ людямъ, поражало еще Маколея и отмѣчено имъ въ статьѣ о Байронѣ; то же сдѣлалъ и Пушкинъ, восклицая: «врете вы—онъ малъ и мерзокъ,—но не такъ какъ вы—иначе!».

Вотъ почему я имѣю честь предложить поправку къ статьѣ 29 предлагаемаго особой Комиссіей исправленнаго проекта въ томъ смыслѣ, что до истеченія 50-лѣтняго срока по смерти автора дневника издавать его могутъ только его наслѣдники по *духовному завѣщанію*, т. е. лица, которымъ, оставляя свое движимое имущество и въ томъ числѣ дневникъ, завѣщатель довѣрялъ и которые были близки ему не въ силу мертваго закона, а въ силу живой, сердечной связи. Если же нѣтъ завѣщанія или особаго категорическаго распоряженія о разрѣшеніи печатать дневникъ, то до истеченія 50 лѣтъ онъ вовсе печатанію не подлежитъ. Скажутъ:—что же мѣшаетъ составить духовное завѣщаніе или особое распоряженіе? А не составилъ—такъ значитъ предоставилъ печатаніе дневника всякому наслѣднику по закону, будь то совершенно неизвѣстный ему человѣкъ, какая-нибудь «десятая вода на киселѣ». Но, господа, завѣщаніе можетъ не быть составлено по множеству причинъ, случайныхъ, непредвидѣнныхъ, тяжкихъ—вслѣдствіе внезапной болѣзни, несчастнаго случая и т. д.—нельзя же отягощать памяти автора дневника только потому, что онъ не успѣлъ, по несчастію, составить завѣщанія! Можно привести рядъ примѣровъ злоупотребленія дневникомъ, иногда не только со стороны *дальнихъ*, но даже и со стороны *близкихъ*. Достаточно указать на напечатанный въ «Русской Старинѣ» дневникъ академика и сенатора Безобразова. Но я ограничиваюсь сказаннымъ, боясь утомить ваше вниманіе. Мнѣніе мое, конечно, встрѣтитъ возраженія и даже быть можетъ, въ формѣ развязно-увеселительной критики, образецъ которой мы слышали по вопросу о сокращеніи срока авторскаго права, но я напомню вамъ, что если письма замѣняютъ собою личную бесѣду двухъ лицъ, то дневникъ есть бесѣда человѣка съ самимъ собою и, при томъ, очень часто о самыхъ сокровенныхъ вещахъ. Надо же хоть въ

этомъ отношеніи пощадить душу человѣка и преградить доступъ въ нее нерѣдко праздному, всегда холодному, а подчасъ злорадному любопытству!

Я считаю необходимымъ возражать противъ поправки къ статьѣ 6, которая одновременно, при существованіи родителей и пережившаго супруга, предоставляетъ родителямъ право пожизненнаго пользованія, а супругу право собственности. *Во-первыхъ*, изъ природы самого авторскаго права вытекаетъ и его особенное положеніе въ общей системѣ правъ. Это право не можетъ быть названо ни просто имущественнымъ, ни вообще правомъ вещнымъ, которое основывается на господствѣ надъ извѣстной вещью: вещь можетъ исчезнуть, авторское право не исчезаетъ. Съ вещью не связано никакихъ нравственныхъ или иныхъ духовныхъ началъ, а, между тѣмъ, съ авторскимъ правомъ связаны большія нравственныя обязанности, такъ какъ авторъ, пользующійся своимъ правомъ, принимаетъ предъ обществомъ извѣстнаго рода нравственную отвѣтственность по отношенію къ тому, что онъ этому обществу предлагаетъ; наконецъ авторское право срочно, оно существуетъ только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Вещь безсрочна, т. е. право на нее существуетъ безсрочно, пока она сама существуетъ. Поэтому авторское право не можетъ считаться чисто имущественнымъ правомъ. Это есть своего рода привилегія или, вѣрнѣе сказать, монополія, которою пользуется производитель умственнаго труда въ теченіе извѣстнаго времени въ видѣ награды за этотъ умственный трудъ. Поэтому, это право должно сопровождаться цѣлымъ рядомъ изъятій изъ общихъ правилъ гражданскихъ законовъ. Что эти изъятія необходимы, это явствуетъ даже изъ самой поправки, гдѣ говорится: «въ порядкѣ наслѣдованія по закону на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ установляются слѣдующія *изъятія* для авторскаго права:..» и затѣмъ идутъ три пункта этихъ изъятій. Это лучше всего доказываетъ, что къ этому праву не могутъ быть примѣняемы общія нормы наслѣдственнаго права. *Во-вторыхъ*, нужно опредѣлить, какое же имуще

щество представляетъ авторское право. Есть ли это имущество недвижимое? Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Есть ли это имущество движимое? Да, авторское право въ нѣкоторомъ отношеніи къ этому имуществу подходитъ, потому что въ гражданскихъ законахъ говорится, между прочимъ, что къ послѣднему относятся рукописи, слѣдовательно, не напечатанныя произведенія, авторское право на которыя принадлежитъ наслѣдникамъ. Но, однако, по отношенію къ движимому имуществу, въ статьяхъ 513 и 514 т. X ч. 1 существуетъ правило, по которому отдѣльныя уступки права пользованія допускаются только по договору, акту или дарственной записи. Иначе это право не можетъ быть отдѣлено. Между тѣмъ, намъ предлагаютъ отдѣлить это право *по закону*: не супругъ будетъ отдѣлять въ пользу родителей извѣстную часть своихъ правъ, не родители будутъ отдѣлять въ пользу супруга извѣстную ихъ часть, а самъ законъ обяжетъ ихъ раздѣлить свои права. *Въ-третьихъ*, спрашивается, какъ же это раздѣленіе будетъ происходить практически? Оно почти неосуществимо. Представьте себѣ случай, что является издатель (о которомъ сегодня такъ много говорили и слишкомъ много заботились, забывая объ авторѣ) къ лицамъ, которыя унаслѣдовали послѣ умершаго автора; онъ идетъ къ супругу, оставшемуся въ живыхъ, и супругъ ему говоритъ: я съ вами ни въ какой договоръ вступить не могу, у меня голое право собственности, но это право я осуществлять не могу и вамъ не могу предоставить его осуществить. Онъ идетъ къ родителямъ, родители говорятъ: мы можемъ вамъ позволить осуществить авторское право, оно принадлежитъ намъ, но на очень короткій срокъ, потому что оно пожизненно. Не оставитъ ли тогда издатель свое намѣреніе безъ исполненія, потому что ни съ однимъ, ни съ другимъ наслѣдникомъ онъ не можетъ добиться гарантіи, безъ которой нельзя предпринимать изданія? Здѣсь намъ говорятъ, что всегда возможно соглашеніе между родителями и супругомъ. Но если указывается на необходимость соглашенія, то этимъ самымъ указывается на ненормальный порядокъ вещей, въ силу котораго каждый, находящійся въ своемъ правѣ, долженъ для его осуществленія еще вступать въ соглашеніе съ другимъ лицомъ. Да

кромѣ того надо же знать житейскія условія семейной жизни. Если, къ несчастью, въ семейной жизни не всегда бываютъ лады между супругами, то еще чаще бываютъ болѣе или менѣе острые нелады и отчужденія между невѣсткой и родителями, между свекровью и снохой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ соглашеніе затруднительно и очень часто ни къ чему не приведетъ. Здѣсь представляется даже возможность иногда, извините мнѣ это выраженіе, напакостить тому, кого не любишь. «Вотъ ты хочешь продать свое право собственности, тебѣ ѣсть нечего, ты объ этомъ хлопочешь, а я тебѣ не позволю, потому что я тебя не люблю, потому что ты вышла замужъ безъ моего согласія, вопреки моему вкусу, потому что не была достаточно почтительна!» Какую обширную почву для всякаго рода несогласій, затрудненій, споровъ и т. д. мы внесемъ такимъ закономъ въ тѣ отношенія, которыя и безъ этого часто бываютъ натянуты! Поэтому необходимо отдать предпочтеніе одному изъ этихъ лицъ—или родителямъ, т. е. тому, кто остался въ живыхъ изъ родителей, или оставшемуся въ живыхъ супругу, при чемъ въ области авторства въ 90% это будетъ жена, а не мужъ. Ей надо отдать преимущество и предоставить все право, о которомъ говорится въ статьѣ шестой. Говоря о такомъ предпочтеніи жены родителямъ, я позволю себѣ сослаться на практику жизни и на исторію нашей литературы. Жены, можетъ—быть, не всегда бывали хорошими помощницами своимъ писателямъ—мужьямъ, иногда суетно увлекаясь свѣтскими удовольствіями,—не во всѣхъ бракахъ составляли духовную опору своимъ мужьямъ, но, въ большинствѣ случаевъ, жена дѣлитъ съ мужемъ и радости и горести, и надежды и разочарованія. Гораздо чаще разность интересовъ и взглядовъ бываетъ съ родителями, отъ которыхъ сынъ-писатель большею частью давнымъ-давно отдѣлился по правилу: «да оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ женѣ своей». Посмотрите на выдающихся русскихъ писателей: Тургенева и Салтыкова. Мы знаемъ, что ихъ семейная обстановка дала матеріалъ одному для «Муму» и для «Записокъ охотника», а другому для «Пошехонской старины». Ихъ семейная печальная обстановка, гнетъ, мелочныя при-

дирки возмущали обоихъ и оба въ концѣ концовъ высказались по этому поводу въ своихъ сочиненіяхъ. Вспомните Кольцова и Никитина,—Кольцова, котораго отецъ принуждалъ быть прасоломъ, посылалъ его за скотомъ въ степь, когда онъ былъ полонъ дарованій и поэтическаго жара,—или Никитина, который страдалъ отъ побоевъ и попрековъ своего пьянаго отца за то, что онъ пишетъ стихи. Позвольте, наконецъ, указать изъ области критики на Добролюбова и Бѣлинскаго. Ни одинъ изъ нихъ ничего добраго не сказалъ о своемъ домашнемъ прошломъ, и въ біографіяхъ ихъ говорится, что кромѣ тягостнаго воспоминанія о родительскомъ домѣ у нихъ ничего не осталось. Затѣмъ, изъ области поэзіи—вспомнимъ слова Некрасова: «Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ и никому не благодаренъ» или «Я росъ средь буйныхъ дикарей»... Наконецъ, мы знаемъ, что Пушкину приходилось чрезвычайно тягостно именно отъ своего отца. Онъ писалъ Жуковскому: «Спаси меня хотя бы Соловецкимъ и крѣпостью отъ постоянныхъ притѣсненій, отъ постоянныхъ обвиненій со стороны моего отца. Отецъ обвиняетъ меня въ томъ, что я его хотѣлъ убить». А потомъ, когда дѣло стало разъясняться, Сергѣй Львовичъ шутилъ, отпускалъ каламбуры и говорилъ, что сынъ меня хотѣлъ убить своими стихами». А, между тѣмъ, онъ жаловался на сына губернатору, принималъ на себя обязанности домашняго надзора за своимъ высланнымъ въ деревню сыномъ и донесенія о томъ, что говоритъ, дѣлаетъ и даже думаетъ его сынъ—уже авторъ «Евгенія Онѣгина»; онъ распечатывалъ его письма. Гдѣ же здѣсь покровительство таланту и участіе? А если все это такъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что родители во многихъ случаяхъ будутъ довольно чужды творчеству своего сына, если не прямо враждебны ему. Слѣдовательно, они не будутъ въ этихъ случаяхъ пользоваться своимъ правомъ и другимъ не позволятъ имъ пользоваться, пока они живы. Вотъ почему я думаю, что нужно оставить это право супругѣ. *Въ-четвертыхъ*—позвольте сдѣлать еще одно замѣчаніе. Намъ говорятъ, что это будетъ частичное улучшеніе наслѣдственнаго права, можетъ быть, и желательное, но невозможное въ настоящее время. Подождемъ того времени, когда придетъ на наше разсмотрѣніе Гражданское Уложеніе (которое гото-

вится уже въ теченіе 30 лѣтъ, но не дошло до сихъ поръ до законодательныхъ учрежденій), подождемъ того времени, когда оно наконецъ, медленнымъ, черепашьимъ шагомъ придетъ, тогда можно будетъ и этотъ вопросъ возбудить. Но, господа, невозможно въ живомъ дѣлѣ такимъ образомъ все перекладывать на то что вотъ придетъ тотъ или другой обширный и громадный законопроектъ. Я напомню вамъ слова Некрасова: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ». Но когда-то онъ пріѣдетъ? Гражданское Уложеніе работа такая серьезная, что она потребуетъ, конечно, нѣсколькихъ лѣтъ разсмотрѣнія. Если мы на авторское право должны были полтора года употребить, и вопросъ еще не разрѣшенъ, что же будетъ съ цѣлымъ Гражданскимъ Уложеніемъ? Вотъ почему нельзя отказываться отъ частичныхъ улучшеній, когда они вызываются требованіями жизни, въ ожиданіи того, что впослѣдствіи все это можетъ быть въ законѣ будетъ предусмотрѣно. Припомните наше несуществующее положеніе объ ипотекѣ, проектъ котораго былъ составленъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Припомните также Паспортный Уставъ. Въ 1873 г. было рѣшено паспорта отмѣнить, замѣнить ихъ свидѣтельствами о личности, однако «возъ и нынѣ тамъ», и паспорты, все-таки, существуютъ и затрудняютъ и гражданскую жизнь и торговые обороты. Поэтому я полагаю, что надо поправку изложить такъ: «когда остались супругъ и кто-либо изъ родителей, но нѣтъ другихъ наслѣдниковъ въ отношеніи авторскаго права, то къ наслѣдованію супруга примѣняется постановленіе пункта 1». А въ пунктѣ 1 сказано: «къ супругу, оказывающемуся единственнымъ наслѣдникомъ въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ указанной долѣ, а въ полномъ объемѣ».

IX.

Объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

(Засѣданія 4 и 9 февраля 1909 г.).

Поставивъ себѣ задачею защищать утвержденный Думой законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, считаю нужнымъ, прежде всего, коснуться двухъ общихъ вопросовъ, затронутыхъ предшествующими ораторами, предлагающими рѣшительно и безусловно отклонить этотъ законопроектъ. «Всуе законы писать, если ихъ не исполнять!» сказалъ одинъ изъ нихъ, приведя слова великаго законодателя. Да! это золотыя слова, неопровержимыя и глубоко справедливыя. Но надо, однако, вдуматься въ то, что разумѣлъ Великій Петръ подъ словомъ законъ. Имѣлъ ли онъ въ виду, что законъ долженъ удовлетворять взглядамъ и вкусамъ средняго человѣка, идя въ уровень съ его воззрѣніями и выражая ихъ повелительнымъ образомъ? Или же Петръ принималъ въ соображеніе глубокія потребности родины во всемъ ихъ объемѣ, хотѣлъ двигать ее впередъ и побуждать отъ скуднаго настоящаго переходить на путь къ лучшему будущему, ставя для этого идеалы и облекая ихъ въ мудрое и возвышенное слово закона? Если бы онъ хотѣлъ въ своемъ законодательствѣ удовлетворять одни лишь вкусы и желанія средняго русскаго человѣка, вкусы и желанія котораго рекомендовались здѣсь, какъ регуляторъ законодательной дѣятельности, то можно себѣ

представить, въ какія формы вылилась бы русская жизнь при немъ, да, вѣроятно, и послѣ него! Вѣдь этотъ средній человѣкъ во времена Петра слѣпо и жадно стоялъ за старое, отворачивался отъ всякаго новшества, считая его выдумкою и порожденіемъ антихриста, которымъ признавалъ и самого смѣлаго кормчаго русской земли. Но Петръ, по вѣрному выраженію поэта, «не презиралъ страны родной, а зналъ ея предназначенье». Поэтому онъ велъ ее бодро впередъ по пути государственнаго творчества, не обращая вниманія на ропотъ *средняго* русскаго человѣка и имѣя въ виду *лучшаго* русскаго человѣка со всѣми богатыми задатками его духовной природы. Вотъ почему средній человѣкъ не можетъ служить мѣриломъ и оцѣнкой для новаго закона. Такой человѣкъ вообще, а въ Россіи въ особенности, желаетъ, прежде всего, чтобы законъ оставилъ его въ покоѣ, не трогая и ни къ чему не обязывая. И удовлетворять его побужденіямъ, когда онъ выведенъ изъ этого состоянія спокойствія, возбужденъ или раздраженъ—значитъ становиться на опасную дорогу. Съ этой точки зрѣнія, ощущенія и впечатлѣнія *потерпѣвшаго отъ преступленія* , недовольнаго слабостью уголовной репрессіи, никогда, несмотря на приведенные здѣсь личные примѣры, не могутъ и не должны служить директивой для законодателя. Позвольте и мнѣ привести примѣръ. Въ Январѣ нынѣшняго года въ Авиньонѣ казнили убійцу, и, когда гильотина отрубила ему голову, стоявшіе близъ эшафота два брата его жертвъ воскликнули: «браво!» и «бисъ!» Въ этомъ восклицаніи потерпѣвшій въ своихъ чувствахъ средній человѣкъ выразилъ свою жажду отмщенія. Что же? Должно ли французское законодательство, слѣдуя этому голосу, установить квалифицированную смертную казнь, введя четвертованіе, колесованіе?

Другой общій вопросъ о первоначальномъ источникѣ условнаго досрочнаго освобожденія. Намъ говорятъ, что таковымъ должна быть административная, а не судебная власть и что такая мѣра, какъ введеніе освобожденія арестантовъ до срока, если даже признать ее цѣлесообразною, должна быть принимаема въ порядкѣ управленія, т. е. слѣдовательно, по почину Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, котораго, очевидно, и слѣдуетъ

ожидать нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ. Не стану спорить, ибо для меня безразлично, по чьему почину былъ бы внесенъ такой законъ, но замѣчу, что, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ десять назадъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ охотно сложилъ съ себя, а Министръ Юстиціи Муравьевъ еще съ большею охотою возложилъ на плечи себѣ и своимъ преемникамъ тяжкій грузъ тюремнаго дѣла со всею громадною нравственною, матеріальною и общественною отвѣтственностью за него предъ государствомъ и предъ личностью человѣка, тюремные законопроекты должны исходить отъ Министра Юстиціи. У насъ нѣтъ никакихъ указаній или основаній ожидать, чтобы тюремное дѣло осложняющее самымъ печальнымъ и ненормальнымъ образомъ дѣятельность Министерства Юстиціи, было возвращено въ его прежнее состояніе. Поэтому, мы обязаны разсматривать представленіе именно Министра Юстиціи, легшее въ основу законопроекта Государственной Думы.

Приступая же къ разсмотрѣнію законопроекта, я, прежде всего, встрѣчаю возраженія противъ условнаго освобожденія, разсыпанныя въ остроумной, какъ всегда, и крайне интересной рѣчи И. О. Корвинъ-Милевскаго. Въ Западной Европѣ, говорилъ онъ, досрочное освобожденіе было введено въ тюрьмахъ не тотчасъ послѣ того, какъ прекратились въ нихъ варварскія наказанія и истязанія. И тамъ былъ долгій періодъ до тѣхъ поръ, пока пенитенціарная политика не придумала условнаго освобожденія. Къ чему же спѣшить и намъ, тѣмъ болѣе, что наши карательные законы, по сравненію съ западно-европейскими, страдаютъ опасною для общественнаго спокойствія мягкостью, которая увеличивается еще и крайнею снисходительностью присяжныхъ засѣдателей и вообще суда? Къ чему усугублять эту слабость репрессіи условнымъ освобожденіемъ, которое перенесетъ разлагающее начало равнодушія къ преступленію и въ область исполненія приговора? Не могу со всѣмъ этимъ согласиться. Переходъ отъ варварскаго содержанія, которое засталъ еще въ половинѣ XVIII вѣка знаменитый Говардъ, при которомъ въ наказаніе арестанта запирали съ гніющими трупами и подвергали жестокимъ истязаніямъ, прямо къ досрочному освобожденію было бы

немыслимымъ прыжкомъ: нужна была постепенность въ мѣрахъ улучшенія. Эволюція тюремнаго дѣла совершалась годами, и то же самое было и у насъ. Между современной тюрьмой, допускающей условное освобожденіе, и той, которую нашли въ Россіи въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія квакеры и докторъ Гаазъ,—цѣлый рядъ ступеней улучшенія. И по вопросу о слабой репрессіи мнѣ приходится скрестить шпаги съ уважаемымъ И. О. Корвинъ-Милевскимъ. Нынѣ оставлена мысль, что уголовную кару можно примѣнять на одну общую мѣрку, считая, что преступное дѣяніе есть результатъ преступной воли отдѣльнаго человѣка, развившаго ее въ себѣ, совершенно независимо отъ всего, съ чѣмъ онъ соприкасается въ жизни и чѣмъ эта жизнь вліяетъ на него. Такъ уединенно отъ жизни и отвлеченно его брать нельзя, не рискуя совершить великую несправедливость. Преступленіе есть проявленіе того, что представители уголовной политики называютъ преступнымъ состояніемъ. Оно создается множествомъ обстоятельствъ и обстановкой, окружающими человѣка. Къ послѣднему, стоящему въ центрѣ этого круга, радіусами тянутся тѣ условія, находясь въ которыхъ онъ совершилъ нарушеніе закона. Сюда входятъ и обстановка обыденной жизни, и степень развитія и образованности, и религіозное чувство, и экономическое положеніе, и физическіе недостатки, наслѣдственность и болѣзни, и состояніе общественной нравственности, и примѣры, и многое другое. Только взятый въ совокупности со всѣмъ этимъ, человѣкъ можетъ правосудно подвергнуться наказанію, не какъ теоретическое лицо, не какъ homunculus, придуманный и принесенный судебному Фаусту законодательнымъ Вагнеромъ, а какъ живая личность, у которой масса корней и развѣтвленій во всей окружающей его средѣ и жизни. Съ такимъ человѣкомъ долженъ имѣть дѣло уголовный законодатель. Не будемъ во всемъ подражать слѣпо Западу и, гдѣ можно , пойдемъ своимъ лучшимъ путемъ. На немъ стоитъ въ извѣстной степени нашъ карательный законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе преступное состояніе и, повидимому, разсуждаетъ такъ: я долженъ опредѣлить родъ и мѣру наказанія для русскаго человѣка,—но что такое этотъ русскій человѣкъ, независимо отъ большихъ способностей и великихъ возможно-

стей, заложенныхъ въ его душѣ? Это тотъ простой человѣкъ,— дающій наибольшій количественный составъ наказуемыхъ,— для образованія и нравственнаго развитія котораго почти ничего не сдѣлано; религіозное чувство котораго не воспитывается, а оставляется во тьмѣ и пренебреженіи, вслѣдствіе формальнаго отношенія къ нему тѣхъ, кому ввѣрена забота о его душѣ, безсознательно таящей въ себѣ любовь, завѣщанную Христомъ. Это тотъ, который живетъ въ нищетѣ и матеріальномъ одичаніи, безъ потребности въ лучшемъ и безъ надежды на него , въ томъ жалкомъ состояніи, которое въ такихъ яркихъ краскахъ изобразилъ только что П. Н. Дурново, противопоставляя послѣднее роскоши нашего острога, гдѣ полагается—по закону, но вовсе не въ дѣйствительности—ложе не на полу и необходимое количество свѣжаго воздуха. Поэтому законодатель, установляя размѣры уголовной кары, не можетъ не говорить самому себѣ: человѣкъ, къ которому она будетъ прилагаться, не доѣдаетъ, живетъ въ душевномъ отношеніи, въ лучшемъ случаѣ, въ какихъ-то сумеркахъ, пьетъ подъ вліяніемъ соблазна и неискоренимой привычки, не слышитъ живого слова о страхѣ Божьемъ, обнищалъ и вслѣдствіе дурныхъ гигіеническихъ условій сталъ слабъ и болѣзненъ; его нельзя наказывать такъ строго, какъ западнаго европейца, который живетъ въ большинствѣ случаевъ въ гораздо лучшей обстановкѣ и крѣпко посаженъ въ сѣдло для борьбы съ соблазномъ и съ природою, которая и щедрѣе и милостивѣе нашей; этотъ бѣдный слабый русскій человѣкъ, это нашъ родной братъ, его не слѣдуетъ карать безусловно и прямолинейно, а наполовину нужно и пожалѣть. И законодатель правильно назначаетъ для него менѣе высокій предѣлъ наказанія, чѣмъ западный законодатель для своего. При томъ наказанія эти не такъ уже слабы, какъ здѣсь нѣсколько поспѣшно указывалось. Уже мировой судья и земскій начальникъ имѣютъ право назначить за кражу безъ особо увеличивающихъ обстоятельствъ $1^1/_2$ года, а не 6 мѣсяцевъ тюрьмы, а за подлогъ векселя слѣдуетъ не два, а четыре года арестантскихъ отдѣленій и, даже при переводѣ въ разрядъ исправляющихся, все-таки, три года и восемь мѣсяцевъ.

Затѣмъ идутъ нападки на судъ. Присяжныхъ засѣдателей об-

виняютъ въ слабости. И дѣйствительно, иногда нѣкоторые мягкіе приговоры вызываютъ недоумѣніе въ тѣхъ, кто не былъ самъ при разборѣ дѣла и предъ кѣмъ не прошли тѣ, подчасъ почти неуловимыя, обстоятельства и оттѣнки, которыми вызвано снисходительное отношеніе къ подсудимому, разсматривамому въ связи со всѣмъ окружавшимъ его и съ тѣми обстоятельствами дѣла между которыми главнымъ является онъ самъ со всѣми своими индивидуальными свойствами. А потомъ не надо забывать, что въ преступленіи, подлежащемъ разсмотрѣнію суда, заключается и статика и динамика. Статика—это совершенное дѣяніе и назначенное за него наказаніе, а динамика—это примѣненіе и воздѣйствіе наказанія. Но о какомъ воздѣйствіи наказанія можно говорить при настоящемъ культурномъ уровнѣ общества? Воздѣйствіе *возмездія*? Однако, возмездіе повсюду отвергается по отсутствію нравственныхъ основъ для него. Воздѣйствіе *устрашенія*? Но оно существуетъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и вынуждено прятаться отъ взоровъ устрашаемыхъ. Остается воздѣйствіе *исправленія*, для котораго въ области динамики нуженъ рядъ активныхъ мѣръ. Къ нимъ совершенно справедливо Министръ Юстиціи относитъ условное досрочное освобожденіе, которое является сильнымъ рычагомъ для исправленія. Внутреннія побужденія и сокровенныя чувства отбывающаго наказаніе намъ недоступны. Но если трудомъ и бодрымъ соблюденіемъ порядка онъ знаменуетъ свое пребываніе въ тюрьмѣ, то мы можемъ сказать, что онъ сталъ на путь исправленія, на которомъ привычка всегда играетъ большую роль. Преступленіе есть, прежде всего, нападеніе на общественный порядокъ, поэтому—исправленіе выражается въ рѣшимости подчиниться этому порядку и приспособиться къ нему въ области практической дѣятельности. Но для этого одного желанія мало. Необходимы возможность его осуществленія и самое осуществленіе въ жизни. Но какъ достичь этого срочному арестанту, сознающему, что какъ бы онъ себя ни велъ, онъ не сократитъ срока своего содержанія, а, выйдя на свободу, встрѣтится лицомъ къ лицу съ отчужденіемъ и недовѣріемъ къ тюремному сидѣльцу? Такъ развивается въ немъ пассивность и замираетъ самодѣятельность. Надобно возбудить

въ немъ активность, сдѣлать его въ нѣкоторомъ отношеніи хозяиномъ своего положенія, внушивъ ему, что *отъ него* зависитъ сокращеніе срока его содержанія и возможность попеченія о немъ на ту $^1/_4$ часть его срока, въ теченіе которой онъ будетъ пользоваться свободой и можетъ постепенно завоевать себѣ довѣріе окружающихъ. Въ этой возможности стать нѣкоторымъ хозяиномъ своего положенія заключается и существенная гарантія соблюденія дисциплины, основанная не на карательныхъ мѣрахъ, а на сознаніи собственной пользы. Въ смыслѣ мотивовъ и цѣлей, условное освобожденіе даже не составляетъ чего-либо новаго въ нашемъ законодательствѣ. Достаточно припомнить, что по статьямъ 299, 310, 317 и 321 Устава о содержащихся подъ стражею и нынѣ существуетъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ отрядъ исправляющихся, которымъ десять мѣсяцевъ пребыванія считаются за годъ, при чемъ начальству вмѣняется въ обязанность вести особый списокъ съ ежемѣсячной отмѣткой о послушаніи и прилежаніи къ труду каждаго арестанта, возбуждая въ нихъ надежду, что наказаніе будетъ постепенно облегчаемо по мѣрѣ нравственнаго ихъ исправленія. Ошибочно также думать, что проектъ условнаго освобожденія обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно желанію нынѣшняго Министра Юстиціи. Опредѣленная мысль о желательности его введенія высказана еще шесть лѣтъ назадъ, въ 1903 г., Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи заключеній Особаго Присутствія по проекту Уголовнаго Уложенія. Съ тѣхъ поръ у насъ уже четвертый Министръ Юстиціи, который, принявъ на себя, какъ я уже говорилъ, тяжелый грузъ тюремнаго дѣла, находитъ, во исполненіе порученія Государственнаго Совѣта и несмотря на нарисованное имъ печальное положеніе тюремъ, возможнымъ ввести освобожденіе. Надо признать, что въ этомъ онъ болѣе компетентенъ, чѣмъ кто-либо изъ насъ, такъ какъ внутренняя жизнь тюрьмы и ея погрѣшности, личный составъ служащихъ и тѣ рессурсы, которыми можно располагать, ему всего виднѣе. И если онъ говоритъ, что наступило время сдѣлать то, что всюду признано необходимымъ въ дѣлѣ уголовной политики, и этотъ его взглядъ раздѣленъ Государственною Думою послѣ всесто-

ронняго обсужденія, то, по-моему, мы не найдемъ достаточнаго и убѣдительнаго объясненія своему рѣшенію, если скажемъ: «нѣтъ, не надо!

«Зачѣмъ Вамъ условное освобожденіе? говорятъ намъ—вмѣсто него можетъ быть помилованіе».—Но, господа, условное освобожденіе и помилованіе суть понятія, стоящія на разныхъ плоскостяхъ и ихъ смѣшивать невозможно. Условное освобожденіе есть своего рода *право арестанта*, добываемое такимъ поведеніемъ, которое даетъ увѣренность въ будущемъ добропорядочномъ образѣ его жизни. Оно требуетъ взаимодѣйствія и арестанта и тѣхъ лицъ или учрежденій, которыя прикосновенны къ тюремному дѣлу и которымъ принадлежитъ починъ въ вопросѣ о досрочномъ освобожденіи. Оно есть осуществленіе разъ установленнаго нормальнаго, а не чрезвычайнаго порядка вещей. Совсѣмъ не то помилованіе. Это актъ великаго милосердія обыкновенно гораздо болѣе широкій, источникомъ котораго является не поведеніе арестанта, а милость, о которой предстательствуетъ голосъ сердца. Это прощеніе, давая которое въ исключительныхъ случаяхъ Монархъ проявляетъ радостную побѣду великодушія надъ горькою судьбою нарушителя закона. Не даромъ Пушкинъ, рисуя ликованіе Петра, говоритъ про него: «и прощеніе торжествуетъ, какъ побѣду надъ врагомъ». А для прощенія нуженъ починъ молящаго о прощеніи, или его близкихъ, или, наконецъ, суда, и все это изъ закона объ условномъ освобожденіи устраняется.

Есть, однако, и другой важный вопросъ—о примѣненіи условнаго освобожденія на практикѣ. Наша тюрьма, говорятъ намъ, исключаетъ всякую возможность наблюденія за арестантами и оцѣнки ихъ поведенія; это адскій котелъ, въ которомъ кипятъ всѣ безъ разбора въ общей порчѣ, насиліи и развратѣ. У насъ, говорятъ намъ далѣе, арестанты сидятъ въ тюрьмѣ, какъ сельди въ боченкѣ, при чемъ о достоинствахъ *каждой* селедки можно судить, лишь вытащивъ ее изъ боченка, а не довѣряя тому, въ рукахъ котораго находится весь боченокъ. При такихъ условіяхъ все сведется къ аттестаціи со стороны надзирателя, а это откроетъ широкое поприще къ аттестаціи за деньги и внесетъ новую

язву въ тюремную жизнь. Нѣтъ ли, однако, во всемъ этомъ большого преувеличенія? Проектъ закона разсчитанъ не на одну настоящую минуту, а на долгіе годы дальнѣйшаго развитія. Не спорю, что въ послѣдніе годы были большіе безпорядки въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Смута и обоюдныя насилія вторглись и за тюремную ограду, причинили не мало поврежденій и вызвали много человѣческихъ жертвъ въ вихрѣ мрачнаго ожесточенія. Но это было далеко не вездѣ, и буря повидимому уже промчалась. При томъ же, такія явленія бываютъ и на Западѣ въ совершенно спокойное время. Не далѣе, какъ полтора года назадъ, въ обширной одиночной тюрьмѣ, недалеко отъ Милана, произошло возстаніе съ убійствами и овладѣніемъ тюрьмою, для осады которой пришлось посылать цѣлую бригаду. Подобный же случай былъ нѣсколько лѣтъ назадъ на югѣ Франціи въ окрестностяхъ Марселя. Отдѣльные случаи въ смутное время не могутъ служить характеристикой русской тюрьмы, и относиться къ ней съ безнадежнымъ скептицизмомъ нѣтъ основаній. Не надо забывать, что въ Россіи 36 арестантскихъ исправительныхъ отдѣленій и 715 тюремныхъ замковъ. Уже по этому одному, говоря о русской тюрьмѣ, необходимо имѣть въ виду именно цѣльную бочку съ сельдями, а не вытаскивать случайно испорченныхъ сельдей для того, чтобы забраковать всю бочку. Не смущаетъ меня и аттестація надзирателя. По проекту не съ нея начинается возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи. Оно исходитъ отъ лицъ высшаго тюремнаго персонала и членовъ патроната и отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, и если аттестація надзирателя и найдетъ себѣ мѣсто, что будетъ весьма естественно, то она всегда и во всякомъ случаѣ будетъ подлежать тщательной провѣркѣ цѣлаго совѣщанія и затѣмъ судебнаго учрежденія. Не слишкомъ ли многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ будутъ находиться судьи, священникъ, врачъ и учитель, придется, по выраженію одного изъ ораторовъ, *подмазать* арестанту? Не слишкомъ ли дорого это обойдется ему за одну четверть неотбытаго срока въ заключеніи? Нѣтъ! предположенія о роли подкупа въ этомъ дѣлѣ надо отвергнуть, какъ плодъ пугливаго воображенія. Напротивъ, слѣдуетъ съ упова-

ніемъ взглянуть впередъ и при томъ на основаніи минувшаго опыта. Дѣйствительно патронатовъ у насъ мало, а отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества значатся лишь на бумагѣ, и это весьма понятно, такъ какъ вся дѣятельность ихъ свелась къ роли передаточной инстанціи матеріальныхъ средствъ для содержанія арестантовъ. Когда я, будучи товарищемъ прокурора въ Харьковѣ, настоялъ у одного исправника на собраніи комитета, и онъ это съ видимою неохотою исполнилъ, то все-таки засѣданіе не состоялось, такъ какъ въ него явились только онъ, да я. Правительство уже сознало узкость задачъ отдѣленій и, преобразовавъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ тюремные комитеты въ тюремно-благотворительныя общества, указало имъ, какъ одну изъ главныхъ цѣлей — на попеченіе объ освобождаемыхъ изъ-подъ стражи, т. е. на задачу патроната. На этомъ пути не надо останавливаться, и расширеніе задачъ отдѣленій, а также настойчивое требованіе активной дѣятельности со стороны ихъ оффиціальныхъ членовъ должно составить обязанность правительства, которое, внося чрезъ Министра Юстиціи проектъ условнаго досрочнаго освобожденія, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя выработку и мѣръ къ его дѣйствительному осуществленію въ жизни. Надо съ довѣріемъ относиться къ общественнымъ силамъ и ставить имъ живыя цѣли. Тогда оживится и ихъ дѣятельность. Наше общество склонно впадать въ апатію и разочарованіе, но это по большей части бываетъ связано съ тѣми моментами, когда ясныя цѣли затемняются, и по дорогѣ къ нимъ воздвигается недовѣріе, и стелется туманъ равнодушія. Но когда эти цѣли указаны ясно, и призывъ стремиться къ нимъ сдѣланъ искренно, то общество сумѣетъ на нихъ отвѣтить съ пользою для дѣла. Когда Александръ II совершилъ незабвенное дѣло освобожденія крестьянъ, по его призыву, какъ предъ сказочнымъ русскимъ героемъ, «какъ листъ передъ травой», изъ безплодной, повидимому, почвы выросли мировые посредники перваго призыва. То же случилось съ появленіемъ мировыхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ. Явились ясныя цѣли, и вдругъ сразу проявились и дарованія и горячая любовь къ своему дѣлу, задачи котораго ярко блистали на горизонтѣ. То же въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ можетъ произойти и здѣсь.

Утвердивъ проектъ Думы, создайте цѣль и возможность реальнаго осуществленія душевной потребности поддержать на распутьѣ предъ тюремными воротами тѣхъ, кого нашъ народъ привыкъ называть «несчастными»! Люди для этого найдутся, какъ они нашлись въ свое время для судебной, городской и земской реформы. Позвольте мнѣ закончить примѣромъ, заимствованнымъ изъ того же источника, откуда его взялъ И. О. Корвинъ-Милевскій, полагающій, что новый законъ откроетъ новое поприще для Сквозника-Дмухановскаго и Держиморды. Припомнимъ обращеніе этого Сквозника-Дмухановкаго съ «аршинниками» и «самоварниками», которые могли быть и членами дореформенной Градской Думы. Я спрошу васъ, возможно ли представить себѣ подобное отношеніе къ гласнымъ Думы по дѣйствующему Городовому положенію? Иныя цѣли, болѣе широкія задачи,—и явились другіе люди. Пускай же этотъ проектъ, ставящій такія задачи въ области уголовной политики, встрѣтитъ ваше сочувствіе, господа!

По отношенію къ условному освобожденію въ томъ видѣ, какъ оно намъ предлагается, *крѣпость* составляетъ какой-то перерывъ, какую-то выпавшую ступень въ лѣстницѣ наказаній. На содержащихся въ ней не распространяется условное освобожденіе, такъ какъ, будто бы, custodia honesta назначается за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего позорнаго, но наказанія за которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускаютъ мысли объ исправленіи виновнаго, а имѣютъ цѣлью лишь его устрашеніе. Прежде всего надо замѣтить, что мнѣніе о безусловномъ отсутствіи позорнаго элемента въ дѣяніяхъ, облагаемыхъ крѣпостью, не вѣрно: по дѣйствующему Уложенію о наказаніяхъ это «почетное заключеніе» назначается за такія непочетныя дѣянія, какъ истязанія и жестокости при отправленіи должности (ст. 345); корыстный подлогъ (ст. 362); неправильное рѣшеніе дѣла и усиленіе наказанія или уменьшеніе его, допущенныя судьями или чинами полиціи, изъ корыстныхъ или личныхъ видовъ, или съ цѣлью мщенія (ст. 366, 367, 368, 458); корыстная выдача подложнаго паспорта (ст. 978,

979); умышленная утайка чиновниками чужихъ писемъ и т. д. Такъ же не вѣрна и мысль о невозможности исправленія заключеннаго въ крѣпость, т. е. о возникновеніи у него желанія подчиниться общественному порядку и охраняющему его закону и съ этою рѣшимостью начать новую жизнь. Какъ боевой доводъ, здѣсь обыкновенно выдвигаютъ дуэль. Дуэлянту не въ чемъ исправляться; если вопросъ о его оскорбленной чести снова возникнетъ, онъ опять, для возстановленія ея, выйдетъ на поединокъ. Но нерѣдко на дуэль выходятъ люди, съ тоскою и отвращеніемъ склоняющіе выю подъ тяжкое ярмо общественнаго предразсудка; выходятъ также и бреттеры, надменно и самоувѣренно желающіе путемъ кровопропролитія доказать, что nemo me impune lacessit. Но, развѣ для тѣхъ и другихъ невозможны раскаяніе или нравственное перерожденіе, когда пройдетъ робость передъ общественнымъ мнѣніемъ, или замолчитъ голосъ мстительнаго чувства или оскорбленнаго самолюбія? Наше новое уголовное Уложеніе назначаетъ, между прочимъ, крѣпость и за убійство подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, вызваннаго противозаконнымъ насиліемъ надъ личностью или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны потерпѣвшаго, а также за убійство при превышеніи необходимой обороны (ст. 458, 459). На возможность раскаянія въ гораздо болѣе рѣзкомъ случаѣ указываетъ даже и наша Комиссія законодательныхъ предположеній, несмотря на то, что она считаетъ недопустимымъ распространеніе условнаго освобожденія на содержащихся въ крѣпости. «Поджогъ—говоритъ она—весьма часто совершаемый изъ побужденій мести и злобы или подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, какъ указываетъ судебная практика, нерѣдко приводитъ осужденныхъ къ чистосердечному раскаянію въ своей винѣ». Какимъ же образомъ возможно отрицать то, что предъ лицомъ, внесшимъ въ противодѣйствіе насилію мстительное и гнѣвное чувство, не предстанетъ въ уединеніи заточенія въ крѣпости высокое начало христіанскаго терпѣнія и душевная боль при мысли о содѣянномъ лишеніи жизни своего ближняго. И еще сильнѣе можетъ это чувство иногда развиться при обыкновенной замѣнѣ крѣпости тюрьмою, когда придется такъ или иначе сталкиваться съ простымъ русскимъ

человѣкомъ. Вспомните ту глубину христіанскаго смиренія, которую вынесъ изъ каторги Достоевскій! Протоіерей Горчаковъ въ теплыхъ словахъ изобразилъ намъ въ послѣднемъ засѣданіи, какъ подъ корой невѣжества и неразумѣнія, приведшаго къ преступленію, теплится въ душѣ простого русскаго человѣка искра Божія, способная, при благопріятныхъ условіяхъ, разгорѣться въ очистительный душевный пожаръ. Къ значительному количеству тюремныхъ сидѣльцевъ примѣнимы слова Montesquieu: le peuple est honnête dans ses goûts sans l'être dans ses moeurs. Сознаніе грѣха и чувство стыда предъ своимъ преступнымъ дѣяніемъ, почти совсѣмъ утраченныя во многихъ изъ нашего полуобразованнаго общества, еще живутъ въ большинствѣ простыхъ русскихъ людей. Съ этой точки зрѣнія возможно ли отрицать, напримѣръ, строгое самоосужденіе приговореннаго въ крѣпость по новому Уложенію (ст. 73) за богохуленіе *съ цѣлью соблазна*, когда въ уединеніи предъ нимъ, изъ того или другого источника, прозвучатъ великія Евангельскія слова: «аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ...», и «нельзя соблазну не придти въ міръ, но горе тому, черезъ кого онъ приходитъ».

Посмотримъ затѣмъ на участіе въ смутѣ и на преступленія противъ порядка управленія, за которое предоставляется суду назначать альтернативно крѣпость или тюрьму и крѣпость или исправительный домъ. Такихъ случаевъ по новому Уложенію восемь и, разсматривая ихъ по сравненію съ тѣми, гдѣ назначается исключительно исправительный домъ и гдѣ, слѣдовательно, примѣняется условное освобожденіе, мы никакъ не придемъ къ пониманію, почему въ одномъ случаѣ оно допустимо, а въ другомъ недопустимо. Напримѣръ, статья 125 Уложенія даетъ право заточить въ крѣпость, и слѣдовательно *лишитъ возможности* условнаго освобожденія, виновнаго въ участіи въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью возбудить къ неповиновенію власти или закону, посѣять вражду между отдѣльными частями или классами населенія или между хозяевами и рабочими и т. д. А между тѣмъ, перешедшій отъ такихъ цѣлей къ ихъ *практическому осуществленію* въ видѣ участія въ скопищѣ, учинившемъ общими силами насиліе надъ личностью, похищеніе или поврежденіе имущества,

съ употребленіемъ оружія изъ религіозной, племенной или сословной вражды или изъ экономическихъ отношеній, согласно статьѣ 122 того же Уложенія, *можетъ быть* условно освобожденъ. Почему, напримѣръ, виновный въ дерзкихъ словахъ о Монархѣ, однако безъ цѣли возбудить неуваженіе къ его Особѣ, т. е., какъ надо думать, читая эту не совсѣмъ понятную статью новаго производства, виновный въ необдуманной и непозволительной болтовнѣ, въ которой, вѣроятно, онъ не разъ раскается, сидя въ крѣпости (ст. 103), научившись управлять своими словами,—*не можетъ* быть условно освобожденъ при увѣренности тюремнаго начальства въ его дальнѣйшемъ добропорядочномъ поведеніи, а виновный (ст. 499) въ лишеніи свободы и заключеніи, опасномъ для жизни и сопровождаемомъ мученіями, кого-либо изъ чиновъ караула, охраняющаго Священную Особу Монарха, *можетъ* воспользоваться условнымъ освобожденіемъ. Наконецъ, позвольте обратить ваше вниманіе на то, что по статьѣ 124 Уголовнаго Уложенія не можетъ воспользоваться условнымъ освобожденіемъ виновный въ сообществѣ, завѣдомо запрещенномъ въ установленномъ порядкѣ. По этой статьѣ состоялось въ послѣднее время много приговоровъ. Но вспомнимъ недавно пережитые нами тяжелые дни, когда и жизнь и законодательство находились въ лихорадочномъ состояніи, когда провозглашеніе «свободъ» не было связано, къ сожалѣнію, съ обнародованіемъ законовъ, опредѣляющихъ условія и способы осуществленія этихъ свободъ; когда въ заразительномъ угарѣ, вихрѣ и туманѣ смуты взаимному гипнозу относительно дозволеннаго и недозволеннаго поддавались люди не только молодые, неопытные и воспріимчивые ко всякимъ вліяніямъ, но и люди болѣе зрѣлаго возраста, иногда и тѣ, которыхъ въ одной изъ своихъ рѣчей Министръ Финансовъ назвалъ «людьми 20-го числа» и которые составляли, такъ сказать, подпору тому самому порядку, противъ котораго въ своемъ увлеченіи дѣйствовали. Но тревожное время красныхъ флаговъ проходитъ или прошло. Въ молодомъ поколѣніи проснулась жажда знанія. Оно, по наблюденіямъ представителей ученаго сословія, горячо относится къ университетскимъ занятіямъ. Среди посаженныхъ въ тюрьмы вмѣсто крѣпости, по статьѣ 124 Уложенія

несомнѣнно могутъ быть юноши, у которыхъ вдали отъ постороннихъ внушеній и въ принудительномъ лишеніи свободы, не можетъ не явиться сознаніе, что для строительства лучшаго будущаго необходимъ трудъ надъ матеріаломъ знанія, а не шумъ и красныя знамена, не развязное и огульное отрицаніе вчерашняго дня и отсутствіе яснаго представленія о завтрашнемъ днѣ. А если къ этому сознанію присоединяется, быть можетъ, мысль, что есть страдающіе мать и отецъ, что есть близкіе, которыхъ надо поддерживать и помогать имъ трудомъ, то должно явиться жадное желаніе наверстать потерянное для ученія время и для этого подчиниться государственному порядку. Но въ досрочномъ освобожденіи имъ отказывается, а между тѣмъ, напримѣръ, лжесвидѣтелямъ всѣхъ видовъ,—похитителямъ дѣтей для нищенства или безнравственныхъ цѣлей,—ворующимъ во время общественныхъ бѣдствій,—членамъ шайки, орудующей ночью съ оружіемъ въ рукахъ для кражи,—растлителямъ маленькихъ дѣтей, или сводникамъ жены и родной дочери дается по новому закону возможность условнаго освобожденія! Я не вижу въ этомъ ни справедливости, ни послѣдовательности, такъ же, какъ не вижу этого и въ отнятіи условнаго освобожденія отъ людей, осужденныхъ по дѣйствующему Уложенію о Наказаніяхъ за разные виды превышенія власти, какъ будто человѣкъ, иногда весьма молодой, въ родѣ напримѣръ, нѣкоторыхъ изъ подлежавшихъ суду земскихъ начальниковъ, облеченный неожиданною и непривычною властью, не можетъ отрезвѣть отъ вина власти, бросившагося ему въ голову, и искренно пожелать дальнѣйшимъ поведеніемъ доказать, что служебное положеніе связано со строгими обязанностями и выдержкой по отношенію къ себѣ и къ окружающимъ. Такое лишеніе права на досрочное освобожденіе противорѣчило бы пункту 10 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія, по которому лицъ, приговоренныхъ къ крѣпости, разрѣшается принимать на государственную службу, а приговоренныхъ къ исправительному дому не разрѣшается, что знаменуетъ собою признаніе государственною властью возможности такого исправленія человѣка, сидѣвшаго въ крѣпости за преступленія противъ государствен-

наго порядка, что его можно призвать на службу этому же самому порядку. Въ заключеніе, я долженъ замѣтить, что мнѣ укажутъ на преступленія, караемыя ссылкой на поселеніе, по которымъ, согласно статьи 53 Уголовнаго Уложенія, существуетъ переходъ къ заточенію въ крѣпости. Что же изъ этого? Заточеніе можетъ быть назначено до 6 лѣтъ и, конечно, въ важныхъ случаяхъ, караемыхъ поселеніемъ, и назначается. Ужели, однако, и въ этихъ случаяхъ $4^1/_2$ года заключенія при удостовѣренной начальствомъ тюрьмы и признанной судомъ готовности заключеннаго вести «добропорядочный образъ жизни» не должны давать возможности примѣнить условное освобожденіе? И вотъ, я думаю, что, отвергая распространеніе условнаго освобожденія на заключеніе въ крѣпости, на практикѣ замѣняемое тюрьмою, мы будемъ держаться внѣшняго признака и ставить разрѣшеніе вопроса, въ зависимости не отъ *дѣянія*, а отъ *зданія*, считая, что исправленіе возможно только въ предѣлахъ острога съ традиціонными башнями, а не за крѣпостной оградой, которая въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, осужденнаго и не окружаетъ. Не будетъ ли это обращеніемъ custodia honesta въ privilegium odiosum? Господа! Знаменитый историкъ и государственный мужъ Франціи Тьеръ говорилъ, что наибольшей ошибкой въ управленіи является непослѣдовательность. Мы бывали свидѣтелями такой непослѣдовательности въ весьма важныхъ мѣропріятіяхъ и видѣли ея горькіе плоды. Но непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ исполнительной власти менѣе вредна, чѣмъ въ дѣйствіяхъ власти законодательной. Первая, очутившись между двумя взаимно противоположными рѣшеніями, можетъ безотлагательно найти равнодѣйствующую. Но вторая «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ» и не должна быть склонна къ поспѣшнымъ перемѣнамъ своего строительства. Вотъ почему было бы желательно, чтобы Государственный Совѣтъ, установляя понятіе объ условномъ досрочномъ освобожденіи, былъ послѣдователенъ, и, признавъ извѣстный принципъ, проводилъ его до конца, не смущаемый временными, преходящими соображеніями.

X.

Объ отмѣнѣ существующаго обряда преданія суду.

(Засѣданія 16 и 19 декабря 1909 года и 25 февраля 1910 г.).

Вопросъ о преданіи суду по важнѣйшимъ преступленіямъ представляется однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ въ судебномъ строѣ государства. Онъ серьезенъ не только по отношенію къ дѣянію, къ которому примѣняется обрядъ преданія суду, но и по отношенію къ тому учрежденію, мѣсту или лицу, которому предоставляется по закону примѣнять свою власть или свое право на преданіе обвиняемаго суду. При составленіи Судебныхъ Уставовъ, составителямъ ихъ представлялось нѣсколько путей, которыми можно было итти для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Первый путь, который представлялся бы и въ настоящее время, состоитъ въ порученіи прокурорскому надзору права самостоятельно, по собственному усмотрѣнію, предавать суду каждое лицо, привлеченное къ отвѣтственности по обвиненію въ томъ или другомъ преступномъ дѣяніи.

Составители Судебныхъ Уставовъ создали прокурорскій надзоръ въ двоякомъ видѣ. Въ смыслѣ дѣятеля въ судебномъ засѣданіи нашъ прокуроръ поставленъ въ такое положеніе, которому можетъ завидовать всякое иностранное законодательство. Нигдѣ съ такою точностью и, я скажу, даже красотою не проведена спокойная безпристрастная роль прокурора, какъ *обвинителя* на судѣ. Въ судебномъ засѣданіи нашъ прокуроръ, по Уставамъ, обязанъ не извлекать изъ дѣла одни обстоятельства,

служащія къ обвиненію и не представлять дѣла въ односторонемъ видѣ. Онъ имѣетъ право отказаться отъ обвиненія, когда признаетъ оправданія подсудимаго заслуживающими уваженія. Такимъ образомъ, нашъ прокуроръ на судѣ является, въ сущности, *говорящимъ судьею*, однако, такимъ, который обязанъ разсказать суду, почему, по внутреннему глубокому убѣжденію, онъ находитъ, быть можетъ даже со скорбью, что подсудимый дѣйствительно виновенъ, совершивъ сознательно то дѣяніе, дерзкое и преступное, которое ему приписывается. Правда, на практикѣ, эта трудная роль иногда искажается нѣкоторыми преувеличеніями, личною страстностью темперамента и нѣкоторымъ самолюбованіемъ, въ особенности со стороны лицъ, одаренныхъ силой слова, но все это тонетъ въ массѣ спокойнаго исполненія прокуратурою своего долга.

Иное положеніе занимаютъ прокуроръ и его товарищи относительно вопросовъ, касающихся предварительнаго слѣдствія. Здѣсь у прокурора совсѣмъ другая роль: достаточно вспомнить, что онъ имѣетъ право самъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, что онъ имѣетъ право и даже обязанность наблюдать за производствомъ слѣдствія, требуя отъ слѣдователя дополнительныхъ дѣйствій по своему указанію, что онъ можетъ предлагать примѣненіе той или другой мѣры пресѣченія обвиняемому способа уклоненія отъ суда и слѣдствія до содержанія подъ стражею включительно и, наконецъ, что прокурору принадлежитъ право назначать дознанія и руководить полиціей при производствѣ ихъ, при чемъ полиція состоитъ въ этомъ отношеніи въ непосредственной отъ него зависимости и получаетъ отъ него предостереженія въ случаѣ неправильныхъ съ ея стороны дѣйствій. Не надо забывать, что такое дѣятельное вмѣшательство въ слѣдствіе со стороны прокурорскаго надзора практикуется не надъ работою несмѣняемаго судьи, какимъ долженъ быть судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ и по французскому судоустройству, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по отношенію къ чиновнику Министерства Юстиціи, командированному къ исполненію должности слѣдователя, При томъ и товарищи прокурора и командированные для произ-

водства слѣдствій зачастую люди молодые, мало еще знакомые съ жизнью, а иногда и съ мѣстными условіями. Они соединяютъ молодую энергію, очень желательную и симпатичную, нерѣдко съ молодою поспѣшностью и съ молодымъ дѣловымъ задоромъ и, слѣдовательно, способны иногда вносить въ сильной степени свои личные взгляды, вкусы и увлеченія въ производство предварительнаго слѣдствія. Если вы, господа, при этомъ припомните, что самое слѣдствіе есть, въ сущности, творческая работа,—что тамъ, гдѣ имѣется трупъ убитаго неизвѣстно кѣмъ, разрушенное помѣщеніе или сгорѣвшее зданіе, на слѣдователѣ и товарищѣ прокурора лежитъ возсоздать все, что неизвѣстно по дѣлу, что надо еще найти, связать, освѣтить и оформить,—то вы должны признать, что работа слѣдователя и товарища прокурора въ значительной степени сознательная. Но творческая работа всегда соединена болѣе или менѣе съ авторскимъ самолюбіемъ, и если къ этому самолюбію присоединяется власть,—а она у слѣдователя и товарища прокурора весьма большая,—то тогда это творчество, въ соединеніи съ властью, представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно опаснымъ, несмотря на добросовѣстность творящаго, потому что здѣсь возможны большія увлеченія предвзятымъ взглядомъ и сложившимся представленіемъ. Есть такіе случаи, которые знаетъ наша практика,—къ счастью, ихъ неособенно много, но все-таки такіе случаи есть,—когда при производствѣ слѣдствія, подъ вліяніемъ односторонняго взгляда, подъ вліяніемъ обманчивой интуиціи, при которой казалось, что вотъ въ чемъ состоитъ преступленіе, вотъ кто виновный,—слѣдствіе шло по неправильному пути, при чемъ вино власти бросалось въ голову людямъ, производившимъ слѣдствіе, а иногда и представителямъ высшаго надъ ними надзора. Такимъ образомъ, едва ли возможно сказать, что можно оставить въ рукахъ прокуратуры, при всѣхъ ея достоинствахъ, которыя я далекъ отъ мысли отрицать, самое преданіе суду. Не слѣдуетъ между возбужденіемъ дѣла и скамьей подсудимыхъ для обвиняемаго ставить *одно* должностное лицо, отъ котораго будетъ зависѣть отъ начала до конца провести все дѣло собственнымъ усмотрѣніемъ и собственною властью. Мы знаемъ, что отъ увле-

ченій на этомъ пути не охраняетъ иногда и высшее образованіе. Достаточно вспомнить, что первое время послѣ введенія земскихъ участковыхъ начальниковъ, получившихъ большую и почти безконтрольную власть, было немало случаевъ нарушенія ими своихъ обязанностей, въ смыслѣ превышенія власти, подъ вліяніемъ увлеченія ею, а между ними бывали люди съ высшимъ образованіемъ и которые ссылались на то, что они кандидаты правъ, такъ что имъ приходилось отвѣтить, что они *кандидаты безправія*, а не кандидаты правъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о прокуратурѣ, какъ органѣ для преданія суду.

Можно ли это дѣло передать суду? Я думаю, что нельзя, ибо судъ слишкомъ обремененъ своими прямыми обязанностями, да и стоитъ непосредственно близко къ тому, что предстоитъ сдѣлать уже по преданіи суду, чего съ послѣднимъ отнюдь не должно смѣшивать, т. е. къ судебному разсмотрѣнію. Кромѣ того судъ иногда, въ глубинѣ провинціи, можетъ не быть свободенъ отъ мѣстныхъ настроеній. Необходимо отдалить вопросъ о преданіи суду на нѣкоторое разстояніе отъ мѣстнаго суда, состоящаго изъ людей, могущихъ иногда быть слишкомъ возмущенными преступленіемъ, взволнованными его обстановкой. Поэтому необходимъ фильтръ между судомъ и прокурорскимъ надзоромъ, т. е. учрежденіе, которое безпристрастно и спокойно стояло бы въ извѣстномъ отдаленіи, на извѣстной высотѣ по своему составу и могло вдали отъ мѣстныхъ впечатлѣній разрѣшать вопросъ о томъ, достаточно ли уликъ и доказательствъ, чтобы предать суду заподозрѣннаго. Вѣдь дѣло въ томъ, что преданіе суду представляетъ не только возможность осужденія, но налагаетъ во многихъ случаяхъ и несмываемый позоръ: пусть человѣка потомъ оправдаютъ, пусть ему скажутъ, что онъ невиновенъ, но съ нимъ будутъ всегда неразлучны страхъ и стыдъ и боль неопредѣленныхъ подозрѣній, намековъ и условій, похожихъ на старинное оставленіе *въ подозрѣніи по суду*. Такой именно фильтръ и былъ признанъ необходимымъ составителями Судебныхъ Уставовъ. Позвольте привести ихъ собственныя слова. Они сказали: «съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на установленіе, облеченное властью преданія суду или освобожденія

отъ онаго, нельзя не признать, что главное его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ обвинителей и необдуманнымъ дѣйствіямъ слѣдователей, и что устройство его должно быть таково, чтобы установленіе это могло дѣйствовать съ надлежащей энергіей и самостоятельно, не подчинясь ни мѣстному, ни начальственному вліянію». Этотъ взглядъ раздѣлила и Комиссія статсъ-секретаря Н. В. Муравьева по пересмотру законоположеній по судебной части. Десять лѣтъ назадъ были закончены ея работы, при чемъ, при обсужденіи вопроса о преданіи суду состоялось мнѣніе большинства 19 членовъ противъ 7, признавшее необходимымъ оставить старый порядокъ преданія суду черезъ Судебныя Палаты, несмотря на то, что собраніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, въ которомъ я имѣлъ честь предсѣдательствовать, и находило въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, что дѣятельность Судебныхъ Палатъ представляется неудовлетворительной. Эта неудовлетворительность была, однако, восемнадцатью лицами, съ большимъ судебнымъ практикомъ Н. В. Муравьевымъ во главѣ, признана ничтожною сравнительно съ принципіальнымъ значеніемъ дѣятельности того учрежденія, которое будетъ предавать суду. Затѣмъ, въ 1901 г., когда была внесена въ Государственный Совѣтъ объяснительная записка къ окончательному разработанному пересмотру Судебныхъ Уставовъ, это мнѣніе 19 членовъ было оставлено втуне, и статсъ-секретарь Муравьевъ неожиданно для членовъ комиссіи высказался за установленіе того порядка преданія суду, который намъ предлагается теперь. Я долженъ сознаться, что, отдавая полную справедливость трудовой энергіи тогдашняго Министра Юстиціи и предполагая, что, при передѣлкѣ Судебныхъ Уставовъ, обратившейся въ значительной своей части въ ихъ упраздненіе, онъ имѣлъ личныя побужденія для того, чтобы круто отказаться отъ принятаго мнѣнія, но все же im Grossen und Ganzen никакъ не могу согласиться съ такимъ канцелярскимъ измѣненіемъ постановленія самой Комиссіи. Мы не знаемъ, на чемъ это измѣненіе было основано. Въ представленіи Совѣту Муравьевымъ было сказано, что это измѣненіе послѣдовало на основаніи заключенія *вѣдомствъ*,

но какія вѣдомства могли столь кореннымъ образомъ измѣнить вопросъ о преданіи суду-мнѣ представляется неяснымъ. Не Министерство же Государственныхъ Имуществъ такъ глубоко оказалось заинтересовано порядкомъ преданія суду, не Управленіе же Государственнаго Коннозаводства или Государственный Контроль нашли нужнымъ, чтобы преданіе суду, не касающееся притомъ должностныхъ лицъ, было организовано именно такъ?!

Теперь намъ предлагается передать преданіе суду прокурорскому надзору съ правомъ обвиняемаго обжаловать Судебной Палатѣ обвинительный актъ прокурора, если съ нимъ обвиняемый несогласенъ. Государственная Дума, соглашаясь съ докладомъ своей Комиссіи, находитъ, что современное построеніе суда этого требуетъ—таково подлинное выраженіе—и что пора покончить съ ревизіоннымъ порядкомъ. Я однако думаю, что первое утвержденіе есть въ сущности общее мѣсто, потому что сказать, что современая конструкція суда непремѣнно требуетъ такого порядка, невозможно уже потому, что порядокъ преданія суду, независимый отъ прокуратуры и суда, существуетъ въ Англіи, гдѣ предаетъ суду большое жюри, существуетъ во Франціи, гдѣ этотъ институтъ весьма разработанъ и проченъ, и, наконецъ, во всѣхъ романскихъ странахъ, гдѣ принятъ французскій кодексъ судопроизводства. Поэтому, сказать, что современный порядокъ этого требуетъ, я бы не рѣшился. Что же касается того, что пора покончить съ *ревизіоннымъ* порядкомъ, то я думаю, что это выраженіе указываетъ на неясное представленіе о ревизіонномъ порядкѣ. О какомъ ревизіонномъ порядкѣ можетъ итти рѣчь при теперешнемъ положеніи преданія суду? Ревизіонный порядокъ въ Россіи введенъ былъ еще Екатериной Великой и принесъ огромную пользу. Въ нашемъ старомъ судопроизводствѣ важнѣйшія дѣла низшей судебной коллегіи восходили на разсмотрѣніе высшей коллегіи въ силу своего удѣльнаго вѣса, независимо отъ жалобъ сторонъ на состоявшійся приговоръ. Но Судебная Палата по обвинительной камерѣ никакого приговора не постановляетъ, и о ревизіи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Приговоръ еще впереди. Судебная Палата лишь разсматриваетъ правильность

производства слѣдствія. Это не ревизія, а контроль, необходимый хотя бы въ виду тѣхъ соображеній, которыя я приводилъ въ началѣ своей рѣчи. Поэтому, обсуждая этотъ проектъ, намъ приходится прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, *желательна ли возможность его осуществленія?*

Господа, я думаю, что меня едва ли можно заподозрѣть въ отсутствіи уваженія къ судебному вѣдомству и любви, даже нѣжной любви, къ порученному ему дѣлу. Пребыванію въ этомъ вѣдомствѣ я обязанъ свѣтлыми минутами въ своей общественной дѣятельности... Я имѣлъ счастье пережить *медовый мѣсяцъ* новой судебной дѣятельности, т. е. введеніе Судебныхъ Уставовъ, такой мѣсяцъ, который никогда въ жизни не забывается. Поэтому я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять обычныя близорукія, часто невѣжественныя огульныя нападенія на судебное вѣдомство и на судебныхъ дѣятелей, и знаю, что большинство этихъ благородныхъ тружениковъ исполняетъ съ достоинствомъ и самоотверженіемъ тѣ тяжелыя обязанности, которыя на нихъ лежатъ. Но я не могу отрицать, что съ теченіемъ времени въ судебное дѣло вкрались нѣкоторыя упущенія, а иногда и большія шероховатости и рѣзкія неправильности, закрывать на которыя глаза значило бы дѣйствовать противъ очевидности. И если я на нихъ укажу, то не для обвиненія судебнаго вѣдомства, а лишь для указанія на то, почему нужна Судебная Палата, какъ обвинительная инстанція. Я въ этомъ отношеніи позволю себѣ привести слова знаменитаго духовнаго оратора, митрополита московскаго Филарета: «язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе вольныхъ лобзаній врага». Итакъ, вотъ эти язвы друга. Я спрашиваю себя и васъ развѣ: судебное сословіе со времени введенія судебной реформы, когда считали необходимымъ учрежденіе обвинительныхъ камеръ въ Судебныхъ Палатахъ, улучшилось? Стали ли суды лучше, стала ли молодежь, которая ведетъ судебное дѣло въ первыхъ стадіяхъ, болѣе сдержанной, болѣе владѣющей собой? Возможность увлеченія односторонностью исчезла ли? Я думаю, нѣтъ! Судебные Уставы нынѣ представляютъ собой нарядъ, на которомъ очень много заплатъ, пришитыхъ часто неумѣлой и не всегда доброжелатель-

ной рукой. Такія же заплаты оказываются и въ дѣятельности судебныхъ чиновъ. Поэтому сказать, что нынѣ можно не опасаться того, чего опасались составители Судебныхъ Уставовъ, не представляется никакихъ основаній. Опасеніе можетъ существовать и нынѣ и несомнѣнно даже большее, чѣмъ въ свѣтлые, радостные годы осуществленія судебной реформы. Намъ говорятъ, что является *необходимостъ* такой реформы. Посмотримъ, существуетъ ли эта необходимость, подкрѣпляемая при томъ основательностью того, что предлагается. Намъ указывается на то, что въ Судебныхъ Палатахъ дѣла разсматриваются чрезвычайно медленно, что арестантскія дѣла лежатъ въ Палатѣ отъ 21 дня до 1 мѣсяца и 24 дней, и что отмѣняется въ среднемъ Палатами только 4% прокурорскихъ актовъ, т. е. около 1.080 изъ 27.000 въ среднемъ, которые восходятъ на ихъ разсмотрѣніе. Но что же изъ этого? Развѣ отмѣна Палатами и замѣна своими опредѣленіями обвинительныхъ актовъ прокурорскаго надзора составляютъ исключительную функцію Судебныхъ Палатъ? А сколько обвинительныхъ актовъ, которые, разсмотрѣвъ и провѣривъ, Судебная Палата признаетъ правильными! Несомнѣнно, что разъ Палаты отмѣняютъ акты по 1.080 дѣламъ въ годъ а замѣняютъ своими опредѣленіями, то уже по самому скромному счету надо признать, что въ три раза больше такихъ дѣлъ, по которымъ онѣ утверждаютъ обвинительные акты сознательно и обдуманно. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній говорить, что Судебная Палата разсматриваетъ внимательно исключительно тѣ дѣла, по которымъ состоялась отмѣна или измѣненіе ею обвинительнаго акта прокурора, а остальныя дѣла она не разсматриваетъ. Вѣдь это была бы какая-то лотерея. Очевидно, она разсматриваетъ и остальныя дѣла, можетъ-быть, не всегда и не всѣ достаточно подробно, но не надо забывать, что до доклада дѣла въ Палатѣ обвинительный актъ уже проходитъ чрезъ контроль прокуратуры Палаты.

Затѣмъ можно ли сказать, что забота объ ускореніи производства должна быть пріурочена именно къ Судебнымъ Палатамъ? Припомните, господа, какъ тянутся у насъ предварительныя слѣдствія—годами и мѣсяцами. Вотъ гдѣ лежитъ первоначаль-

ная и весьма важная причина отсутствія обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей даже при сознаніи обвиняемыхъ. Припомните затѣмъ то, что даже когда преданіе суду будетъ весьма поспѣшнымъ—Судъ по существу, въ большинствѣ случаевъ, въ 80% изъ 100, долженъ будетъ слушать дѣла на выѣздныхъ сессіяхъ въ уѣздахъ, а выѣздныя сессіи въ каждый уѣздъ бываютъ 4 раза въ годъ, самое большее 6 разъ въ годъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ между каждой сессіей проходитъ 2 мѣсяца, въ которые дѣло, поступившее въ Судъ, лежитъ, ибо его можно назначить къ слушанію лишь въ ближайшую сессію. Слѣдовательно, если стремиться устранить медленность, то надо ее устранить въ этомъ отношеніи, т. е. испрошеніемъ новаго кредита на увеличеніе судебнаго состава, на увеличеніе числа судебныхъ слѣдователей. Указаніе на эти мѣры къ сокращенію медленности не расшатываетъ никакого принципа, тогда какъ намъ предлагаютъ затронуть начало отдѣленія возбужденія слѣдствія отъ преданія суду, начало, которое всегда считалось однимъ изъ весьма серьезныхъ. Намъ скажутъ на это: «да, но для этого нужны матеріальныя средства». Что же дѣлать, подождемъ, когда ихъ дадутъ, но только будемъ ждать громогласно и нетерпѣливо, памятуя слова Бентама, что *дешевый* судъ *дорого* обходится народу.

Взглянемъ затѣмъ, на *цѣлесообразность* проектированнаго порядка. Очевидно, что послѣ введенія его будетъ два рода лицъ, для которыхъ будетъ возникать вопросъ о преданіи ихъ суду. Это, *во-первыхъ*, будутъ тѣ, кто не пожелаетъ обжаловать обвинительный актъ и, *во-вторыхъ*, такіе, которые пожелаютъ его обжаловать. Посмотримъ на тѣхъ, которые не пожелаютъ обжаловать обвинительный актъ. Такими могутъ быть, по большей части, тѣ темные люди, до сихъ поръ встрѣчаемые въ нашемъ простомъ народѣ, которые считаютъ, что судъ есть кара Божія, которой надо безропотно подчиниться по пословицѣ: «отъ сумы и тюрьмы не отказывайся», которые говорятъ судьямъ съ поклономъ: «судите по правдѣ, по Божью,—ваша воля!»—вообще тѣ, кому судъ представляется учрежденіемъ, съ которымъ бороться нельзя, одновременно и стыдясь, и страшась пребыванія «въ такомъ мѣ-

стѣ». Какія же гарантіи представляетъ имъ существующій нынѣ законъ? На основаніи статей 531 и 532 Устава Уголовнаго Судопроизводства дѣло въ Палатѣ слушается такъ, что членъ-докладчикъ излагаетъ словесно поводъ, по которому возникло дѣло, и всѣ слѣдственныя дѣйствія, при чемъ обращаетъ вниманіе на соблюденіе существенныхъ обрядовъ и формъ и прочитываетъ въ подлинникѣ протоколы, имѣющіе важное въ дѣлѣ значеніе; затѣмъ прокуроръ Судебной Палаты читаетъ заключеніе мѣстнаго прокурора и объясняетъ свой собственный взглядъ на дѣло, предлагая при этомъ и окончательный свой выводъ. Вѣроятно, по дѣламъ несложнымъ, яснымъ и простымъ, можетъ быть, кое-что изъ этой процедуры не исполняется, но, во всякомъ случаѣ, по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ не только предсѣдатель обвинительной камеры, но и каждый членъ Палаты могутъ потребовать, чтобы этотъ порядокъ былъ исполненъ, для того, чтобы сознательно подать свой голосъ и постановить свое рѣшеніе. При этомъ мы имѣемъ два прокурорскихъ заключенія: мѣстный товарищъ прокурора написалъ обвинительный актъ, его читаетъ прокуроръ Палаты и затѣмъ излагаетъ свое мнѣніе. Итакъ — два лица прокурорскаго надзора, высказывающихъ свои мнѣнія, иногда взаимно противоположныя и освѣщающія дѣло съ разныхъ сторонъ. Этотъ порядокъ замѣняется по проекту тѣмъ, что окружной судъ по обвинительнымъ актамъ, внесеннымъ въ смыслѣ преданія суду, разсматриваетъ, заключаются ли въ дѣяніи, приписываемомъ обвиняемому, признаки преступленія, подсудно ли дѣло суду и направлено ли оно въ надлежащемъ порядкѣ. Спрашивается, гдѣ же *провѣрка формъ и обрядовъ судопроизводства*, гдѣ же контроль надъ тѣмъ, правильно ли произведено самое слѣдствіе, не были ли нарушены существенныя права обвиняемаго, не было ли невольнаго пристрастія, односторонности? Вѣдь можно приписать обвиняемому преступленіе на основаніи не только шаткихъ и непровѣренныхъ данныхъ, но и на основаніи невѣрныхъ выводовъ, несогласныхъ съ истиннымъ смысломъ фактовъ. Судебная хроника всѣхъ странъ богата такими примѣрами. Судъ же теперь будетъ разсматривать лишь обвинительный пунктъ и рѣшать правильно ли подведена въ

немъ статья Уголовнаго Уложенія, а до того, *изъ чего выведенъ* этотъ обвинительный пунктъ—онъ и касаться не долженъ! А, между тѣмъ, это болѣе чѣмъ важно, потому что слѣдствіе можетъ представить большія нарушенія не только правъ обвиняемаго, но и правъ правосудія. Я, изъ моей 12-ти лѣтней практики Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, могъ бы привести не одно такое дѣло, гдѣ Судебная Палата должна была уничтожить извѣстныя слѣдственныя дѣйствія для того, чтобы они никакого слѣда для судебнаго разбирательства не оставили и не могли пустить какихъ-нибудь ростковъ въ судебномъ засѣданіи, откуда ихъ слѣдуетъ вырвать съ корнемъ. Достаточно вспомнить дѣло несчастной дѣвушки, на честь которой было сдѣлано покушеніе однимъ нотаріусомъ въ Москвѣ, при чемъ, по свидѣтельству небрежнаго или преступнаго полицейскаго врача, она была признана давно уже знакомой съ половыми сношеніями и слѣдовательно шантажисткой и чуть не проституткой. Въ отчаяніи она застрѣлилась на паперти храма Спасителя, и, когда ея трупъ вскрыли, то оказалось, что она цѣломудренна и невинна. Когда началось слѣдствіе по этому поводу, оказалось, что эта дѣвушка вступила въ обстановку, гдѣ можно было съ удобствомъ покуситься на ея честь, подъ вліяніемъ нѣкотораго увлеченія и восторга, вызванныхъ ея успѣшнымъ дебютомъ въ спектаклѣ любителей. Слѣдователь вызвалъ трехъ московскихъ артистокъ и въ томъ числѣ знаменитую Ермолову и извѣстную Гламу-Мещерскую для того, чтобы допросить, что онѣ чувствовали при первомъ своемъ дебютѣ и были ли бы послѣ него въ состояніи сопротивляться, оставшись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, обладающимъ предпріимчивостью обвиняемаго. На второй вопросъ онѣ со справедливымъ возмущеніемъ отказались отвѣчать. Судебная Палата уничтожила всѣ эти протоколы нелѣпаго допроса. Вспоминается дѣло дѣвушки, которая застрѣлила студента, съ которымъ находилась въ связи. Здѣсь, увлекаясь желаніемъ разъяснить личность подсудимой всевозможными фактами изъ ея жизни, хотя она не отрицала ни того, что застрѣлила своего возлюбленнаго, ни того, что дѣйствовала сознательно, слѣдователь произвелъ изслѣдованіе о всѣхъ ея связяхъ за 10

лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ для того, чтобы уяснить, была ли она въ корыстной связи съ однимъ негоціантомъ въ Одессѣ, были разсмотрѣны его торговыя книги, которыя составляютъ по закону торговую тайну. Судебная Палата уничтожила всю эту часть производства, какъ совершенно не относящуюся къ составу преступленія и нарушающую положительное предписаніе закона. Такихъ дѣлъ можно указать немало. Бывали случаи, когда, въ увлеченіи тѣмъ творчествомъ, о которомъ я говорилъ, у слѣдователя и у прокурора являлось, сверхъ желанія собирать данныя о преступленіи, желаніе возсоздавать, прежде всего образъ преступника какъ человѣка, вырисовать его во всѣхъ его отношеніяхъ и, такъ сказать, приготовить его, извините за выраженіе, «въ собственномъ соку»—и тогда предпринималось изслѣдованіе всего его прошлаго. У насъ въ Правительствующемъ Сенатѣ было дѣло, гдѣ по обвиненію женщины въ присвоеніи яко бы рожденному ею ребенку непринадлежащихъ ему правъ состоянія, судебный слѣдователь, зная, что протоколы полиціи не могутъ быть прочитаны на судѣ, а читаются только протоколы осмотровъ, обысковъ и выемокъ, произведенные имъ, разсмотрѣлъ въ управленіи сыскной полиціи дѣла и переписки объ этой женщинѣ на протяженіи 20 лѣтъ и составилъ протоколъ о разсмотрѣніи этихъ дѣлъ съ изложеніемъ ихъ содержанія, а затѣмъ на судѣ прокуроръ потребовалъ прочтенія этого протокола, и женщина, которая сама по себѣ, вѣроятно, была виновата въ ясно доказанномъ преступленіи, въ теченіе судебнаго слѣдствія была обливаема грязью изъ такой области своего прошлаго, которая не имѣла ничего общаго съ тѣмъ дѣломъ, по которому она судилась. Такія увлеченія возможны и не надо думать, что они дѣлаются съ дурнымъ намѣреніемъ. Здѣсь является творчество, а такъ какъ на помощь творчеству приходитъ власть, возможность потребовать, возможность привлечь, заставить, принудить, то это становится для правосудія опаснымъ. Что же предлагаетъ новая статья 527? Она контроль обвинительной камеры надъ правильностью дѣйствій судебнаго слѣдователя устраняетъ, и его не будетъ существовать для лицъ, которыя не жалуются, а поэтому эти не жалующіеся

явятся обездоленными и въ правовомъ, и въ житейскомъ смыслѣ. Напомню еще разъ и о томъ, что двойное заключеніе прокуратуры здѣсь тоже исчезаетъ, а между тѣмъ вѣдь это въ высшей степени важно. Надо замѣтить, что обвинительные акты товарища прокурора Окружного Суда разсматриваются товарищами прокурора Палаты, и всякій судебный дѣятель знаетъ, какая масса обвинительныхъ актовъ поступаетъ въ Палату съ обвинительнымъ пунктомъ, измѣненнымъ рукою товарища прокурора Палаты.

Наконецъ, нельзя упускать и *мѣстныхъ условій*. Въ этомъ отношеніи важны мотивы самой Государственной Думы, которая говоритъ слѣдующее: «наконецъ, возложеніе преданія суду на прокурорскій надзоръ встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ нашихъ бытовыхъ условіяхъ. Близость прокурорскаго надзора къ мѣстной жизни, въ особенности въ провинціи, съ присущей ей борьбой партій и страстей можетъ сама по себѣ поставить должностное лицо въ крайне затруднительное, а нерѣдко, въ весьма щекотливое положеніе при осуществленіи важной обязанности преданія суду». Что же можно къ этимъ словамъ добавить еще? Наконецъ, необходимость сознанія товарищами прокурора, что есть начальство, которое провѣритъ ихъ работу, и этого не минуетъ ни одинъ обвинительный актъ, должна дѣйствовать весьма спасительно на правильность ихъ дѣятельности. По этому поводу въ нашей Комиссіи законодательныхъ предположеній было сказано, что отъ Суда всегда зависитъ исправить неправильную квалификацію товарища прокурора. Я не могу съ этимъ согласиться. Вѣдь, по статьѣ 754 Устава Уголовнаго Судопроизводства, Судъ обязанъ поставить главный вопросъ по обвинительному акту и можетъ лишь второй вопросъ поставить измѣненнымъ, но первый вопросъ всегда ставится согласно обвинительному акту. Если мы прибавимъ, что дѣло можетъ слушаться въ средѣ, гдѣ юридическія понятія недостаточно развиты, а руководящее напутствіе предсѣдателя недостаточно вразумительно, то станетъ очевиднымъ, что первый вопросъ можетъ играть огромное значеніе. Что же касается ошибокъ прокуратуры въ квалификаціи, то я опять сошлюсь на свою

практику въ Правительствующемъ Сенатѣ. Тѣ изъ присутствующихъ здѣсь лицъ, съ которыми я имѣлъ честь дѣлить трудность кассаціонной дѣятельности, конечно, припомнятъ дѣло, гдѣ товарищъ прокурора, *поддержившій обвиненіе* и требовавшій наказанія для воронежскаго помѣщика Лутовинова, обвинявшагося въ томъ, что онъ печаталъ свои собственные кредитные билеты и раздавалъ ихъ мѣстнымъ рабочимъ для уплаты въ содержимую имъ потребительную лавку, гдѣ эти билеты принимались съ учетомъ 20%,—когда состоялось обвиненіе, принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ беззастѣнчиво доказывалъ, что въ дѣяніи Лутовинова *нѣтъ признаковъ преступленія*. Поэтому я думаю, что тѣ, которые согласятся не жаловаться на обвинительный актъ, не требовать переноса его въ Судебную Палату, будутъ рисковать многимъ, да и правосудіе будетъ рисковать не малымъ. Говорятъ, что это будутъ сознающіеся въ преступленіи, ибо на Судѣ сознается, какъ извѣстно, одна треть. Но, господа, прежде всего намъ неизвѣстна цифра тѣхъ, которые сознаются *на предварительномъ слѣдствіи*. Слѣдовательно, цифра сознавшихся на *Судѣ* намъ ничего не говоритъ. Кромѣ того сознаніе подсудимаго на Судѣ вовсе не есть признакъ, по которому можно сказать, что нечего предварительно разбирать вопросъ о виновности въ цѣляхъ рѣшенія—предавать ли суду? Я, какъ старый судебный дѣятель, по опыту, скажу, что именно при собственномъ сознаніи и слѣдуетъ искать уликъ и доказательствъ преступленія. Когда я былъ прокуроромъ Окружного Суда,—а былъ я имъ долго,—если мнѣ приходилось обвинять человѣка сознавшагося, я всегда говорилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что не буду касаться этого сознанія и буду доказывать виновность подсудимаго другими доказательствами, независимо отъ его сознанія. Дѣлалъ я это потому, что, зная жизнь, я понималъ, что сознаніе подсудимаго имѣетъ цѣлый рядъ видовъ: человѣкъ можетъ сознаться въ меньшемъ для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности за большее,—напримѣръ, обвиняясь въ умышленномъ убійствѣ, говоритъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ въ убійствѣ, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи;—онъ можетъ сознаться въ преступленіи и для того, чтобы спасти

близкихъ и дорогихъ лицъ, которыя въ дѣйствительности являются виновными; — онъ можетъ сознаться въ преступленіи подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Мы знаемъ цѣлый рядъ случаевъ, когда послѣдователи мрачныхъ сектъ сознавались въ несовершенныхъ ими преступленіяхъ, для того, чтобы «пріять страданіе» и этимъ самымъ получить вѣнецъ мученическій. Припомните громкій процессъ Мироновича, обвиняемаго въ убійствѣ Сарры Беккеръ, въ которомъ Семенова мѣняла четыре раза свое сознаніе, или недавній парижскій процессъ госпожи Стенель, тоже три раза существенно мѣнявшей свои показанія. Наконецъ, нерѣдко сознаніе направлено на то, чтобы толкнуть судебную власть на ложный путь, заставить ее уйти съ вѣрной дороги и потерять нить правильно начатаго изслѣдованія. Указывается на Венгерскій кодексъ и на два случая, когда дѣло безусловно идетъ безъ обряда преданія суду, а именно когда сознаніе согласно съ обстоятельствами дѣла, и когда человѣкъ застигнутъ на мѣстѣ совершенія преступленія. Но, господа, это теоретическія положенія. Во-первыхъ, что значитъ—согласно съ обстоятельствами дѣла? Простите, если я припомню нашего знаменитаго сатирика Щедрина, у котораго человѣкъ, обвиняемый въ кражѣ, услышавъ, что присяжнымъ ставится вопросъ—согласно ли съ обстоятельствами дѣла онъ совершилъ кражу,—восклицаетъ: «Боже мой! да когда же можно украсть *не согласно* съ обстоятельствами дѣла?» А что касается до застигнутаго на мѣстѣ преступленія, то недаромъ надпись въ старомъ венеціанскомъ судѣ гласила Ricordatevi del povero fornaro (вспомните о несчастномъ мельникѣ), вызванная тѣмъ, что на мѣстѣ преступленія былъ найденъ мельникъ, съ окровавленнымъ ножемъ, осужденъ и казненъ, а затѣмъ оказалось, что преступленіе совершилъ не онъ, но что, увидѣвъ умирающаго, онъ выхватилъ изъ раны ножъ, думая помочь, и затѣмъ былъ захваченъ и, невзирая на всѣ свои оправданія, осужденъ. Но намъ не предлагаютъ и того, что есть въ Австрійскомъ кодексѣ. Намъ говорятъ, что пройти чрезъ обрядъ преданія суду будетъ зависѣть совершенно отъ обвиняемаго, т.е. отъ усмотрѣнія обвиняемаго: захочетъ онъ—пойдетъ въ Судебную Палату, не захочетъ—не пойдетъ, на то его добрая воля. Господа,

я думаю, что нельзя объемъ дѣятельности цѣлаго учрежденія регулировать желаніемъ отдѣльной личности, личнымъ усмотрѣніемъ частнаго лица. Къ чему же приведетъ этотъ проектъ при его практическомъ осуществленіи, когда мы не будемъ никогда впередъ знать даже приблизительно, даже по статистическимъ даннымъ, сколько дѣлъ пойдетъ въ Судебную Палату, т. е. сколько обвиняемыхъ захотятъ, чтобы дѣла ихъ разбирались въ обвинительной камерѣ и сколько не захотятъ? Очевидно, что дѣятельность цѣлаго учрежденія, и при томъ такого важнаго, по взгляду Судебныхъ Уставовъ, учрежденія, ставить въ зависимость отъ такого колеблющагося начала, едва ли возможно. Предположимъ, однако, что обвиняемые, сознавшіеся или желающіе сознаться на судѣ, не будутъ возражать, но вѣдь такихъ одна треть. Итого изъ 27.000 дѣлъ разсмотрѣнію Палаты будутъ все-таки подлежать 18.000. Взявъ всю сумму въ 18.000, раздѣливъ все между 9 палатами, гдѣ есть обвинительныя камеры, считая въ каждой пять докладчиковъ, мы возложимъ по 33 дѣла въ мѣсяцъ на каждаго. Но это не такой трудъ, чтобы они не могли внимательно и серьезно разсмотрѣть эти дѣла. Сошлюсь на Уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената. Въ Кассаціонномъ Департаментѣ каждый изъ насъ докладывалъ и теперь, вѣроятно, докладываетъ по 12 дѣлъ въ недѣлю, слѣдовательно 48 дѣлъ въ мѣсяцъ, не считая Департаментскихъ и апелляціонныхъ дѣлъ, и мы, слава Богу, остались живы и не особенно плакались на свою судьбу.

Теперь возьмемъ вторую категорію предаваемыхъ суду—тѣхъ, которые обжалуютъ обвинительные акты. Во-первыхъ, для нихъ срокъ ихъ постановки предъ судомъ увеличивается на одну недѣлю или болѣе. Почему—это, вѣроятно, при постатейномъ обсужденіи скажетъ Н. Н. Шрейберъ, такъ какъ у него этотъ вопросъ подробно разработанъ, и я не буду утруждать имъ вашего вниманія. Тѣ же прокуроры Палатъ и старшіе предсѣдатели, которые собирались въ 1895 г. въ Петербургѣ, чтобы разсуждать о дѣятельности Судебныхъ Палатъ, говорили, что такой порядокъ разовьетъ ябедничество, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народъ привыкъ къ сутяжничеству, какъ, напримѣръ, въ Западномъ

краѣ, гдѣ всякій непремѣнно будетъ жаловаться, такъ что новый законъ будетъ, въ сущности, тщетнымъ и цѣли не достигнетъ. Нельзя не принять во вниманіе этихъ соображеній, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ примѣръ этого: въ Судебныхъ Уставахъ было установлено заявленіе неудовольствія на приговоры мировыхъ судей, заявляемое на словахъ, безъ всякихъ мотивовъ. Въ 1886 г., согласно съ моимъ представленіемъ Министру Юстиціи, Государственный Совѣтъ отмѣнилъ это право заявлять неудовольствіе, и число дѣлъ, поступающихъ въ мировые съѣзды по апелляціи въ значительной степени уменьшилось. Теперь это сводится въ сущности къ тому же: мы опять даемъ право заявлять неудовольствіе только не на приговоръ мирового судьи, а на обвинительный актъ прокурора Окружного Суда. Затѣмъ, если стоять на житейской точкѣ зрѣнія, припомнимъ и слѣдующее. Вѣдь дѣло идетъ, конечно, о подсудимыхъ, содержащихся подъ стражей, потому что для тѣхъ, которые не содержатся подъ стражей, эти яко бы лишніе 22-24 дня, въ сущности, составляютъ неважную вещь. А вотъ содержащійся подъ стражей, въ виду свойства нашихъ мѣстъ заключенія, пребываетъ въ особаго рода академіи, которую можно назвать и академіей наукъ и академіей искусствъ, потому что его здѣсь научатъ и какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы избѣжать кары, и научатъ искусству, съ какимъ нужно дѣйствовать. Опытные преподаватели, сотоварищи по заключенію, конечно, будутъ говорить: «жалуйся на обвинительный актъ, пусть онъ пойдетъ въ Судебную Палату; ты изъ за-этого просидишь самое большее мѣсяцъ и 24 дня, но не забудь, что вѣдь это засчитается въ приговорѣ; слѣдовательно, ты ничего не потеряешь, если тебя осудятъ, а если тебя не осудятъ, то тогда, конечно, это въ значительной степени будетъ зависѣть и отъ указаній твоего защитника; зачѣмъ же изъ-подъ него вынимать такое хорошее сѣдло, такого борзаго коня, какъ возможность ѣздить передъ присяжными засѣдателями на томъ, что вотъ, молъ, этотъ несчастный обвиняемый просидѣлъ напрасно много времени въ предварительномъ заключеніи, значитъ онъ, во всякомъ случаѣ, уже отбылъ наказаніе, отстрадалъ. Такъ что, и такъ и этакъ—тебѣ будетъ выгодно

жаловаться; пусть дѣло идетъ въ Судебную Палату». Вотъ что будетъ практиковаться. Нельзя отрицать того, что едва ли кто-нибудь охотно согласится сказать: «ну, судите меня, я не буду возражать». Вѣдь дѣло въ томъ, что еще нашъ извѣстный криминалистъ Спасовичъ говорилъ, что надежда никогда не покидаетъ обвиняемаго: когда онъ совершилъ преступленіе, онъ надѣется скрыть слѣды; когда слѣды открыты, онъ надѣется, что его не заподозрятъ; когда его заподозрѣли, онъ надѣется, что его не отдадутъ подъ судъ; когда его предадутъ суду, онъ надѣется, что его оправдаютъ; когда его не оправдали, онъ надѣется, что онъ будетъ помилованъ. И одно изъ звеньевъ этой цѣпи надеждъ есть надежда на то, что его не предадутъ суду. При томъ что значитъ, собственно говоря, сознаніе на судѣ? Изъ англійской практики, которая, конечно, для насъ служитъ все же руководящимъ примѣромъ, мы знаемъ, какъ это надо понимать. Знаменитый англійскій судья, баронъ Поллокъ, обращаясь къ подсудимому, спросилъ его: признаете вы себя виновнымъ? Тотъ сказалъ: да, признаю. Тогда этотъ настоящій типичный англійскій юристъ сказалъ ему: постойте, я васъ спрашиваю не о томъ, считаете ли вы себя , въ глубинѣ своей души, виновнымъ, а о томъ, признаете ли вы всѣ собранныя противъ васъ доказательства настолько неопровержимыми, чтобы не имѣть возможности возражать на нихъ? подумайте! Подсудимый подумалъ и сказалъ: нѣтъ, я себя въ такомъ случаѣ виновнымъ не нахожу. Онъ былъ судомъ оправданъ, и тогда судья сказалъ ему: вы оправданы, но совѣтую вамъ въ другой разъ не садиться на эту скамью... Значитъ, улики, доказательства важны, а не собственное признаніе. Палаты будутъ, въ сущности, обременены попрежнему, во всякомъ случаѣ въ нихъ будетъ не менѣе двухъ третей дѣлъ, поступающихъ нынѣ. Поэтому едва ли можно говорить о необходимости измѣненія порядка преданія суду, установленнаго Судебными Уставами, только для того, чтобы облегчить Судебныя Палаты. Что значитъ *обремененіе* Судебныхъ Палатъ? Я позволю себѣ вамъ указать, что Судебныя Палаты находятся наканунѣ реформы и при томъ не принципіальной реформы, а реформы внутренняго судопроизводства, которая весьма желательна и которую надо будетъ привѣт-

ствовать. Въ проектѣ, который представленъ былъ статсъ-секретаремъ Муравьевымъ Государственному Совѣту—вводятся присяжные особаго состава, которые будутъ при Окружныхъ Судахъ обсуждать всѣ тѣ дѣла, которыя разсматриваются теперь въ Судебныхъ Палатахъ съ сословными представителями. Такимъ образомъ отъ Судебныхъ Палатъ отпадетъ сразу огромная масса дѣлъ, и дѣятельность ихъ облегчится. А затѣмъ, будемъ надѣяться, что, наконецъ, мы будемъ имѣть законъ о печати, и этотъ законъ будетъ основанъ на разумныхъ началахъ, на томъ, что нѣмцы называютъ objectiv-verfahren, т. е. будетъ судиться не человѣкъ за идею, которая имъ высказана, а книга, за то, что въ ней высказано, и, слѣдовательно, опять-таки производство упростится до крайности. Поэтому, обремененіе Судебныхъ Палатъ въ будущемъ можетъ измѣниться и помимо той радикальной реформы, о которой мы говоримъ.

Мнѣ остается сказать послѣднее, а именно о допущеніи защиты. Я долженъ сознаться, что принципіально я этому сочувствую и думаю, что защита, допускаемая въ разныхъ стадіяхъ процесса, желательна для самого правосудія. Зачатки ея уже есть у насъ: статья 504 Устава Уголовнаго Судопроизводства говоритъ, что обвиняемый, который недоволенъ дѣйствіями слѣдователя, имѣетъ право на его дѣйствія и постановленія принести жалобу въ Окружной Судъ, и тогда судъ, при разсмотрѣніи его жалобы, обязанъ его вызвать и выслушать его объясненія. Вообще говоря, при разрѣшеніи вопроса о преданіи суду, защита умѣстна. Достаточно указать на то, что лѣтъ 10 тому назадъ въ судебномъ вѣдомствѣ господствовала практика весьма нежелательная. Судебные слѣдователи по серьезнымъ дѣламъ производили дѣло такъ: они привлекали человѣка, какъ *обвиняемаго* только въ самомъ концѣ производства, состоящаго иногда изъ четырехъ-пяти томовъ. Допрашивалась масса свидѣтелей, производились допросы, осмотры, экспертизы, а обвиняемый все не привлекался и, наконецъ, ему сразу предъявлялись цѣлые томы, которые поражали его своимъ содержаніемъ, онъ терялся, не могъ сразу сообразить, что надо представить въ свое оправданіе, а затѣмъ колесо поворачивалось, и дѣло

шло къ прокурору Окружного Суда, который даже и копій съ протоколовъ слѣдствія выдавать не обязанъ. Въ виду этого, весьма желательно, чтобы къ судебному производству были привлечены лица, которыя, спокойно разсмотрѣвъ дѣло, могли бы сказать: вотъ чѣмъ надобно это дѣло дополнить, вотъ какія дѣйствія были произведены безъ обвиняемаго, и онъ ничего не зналъ о нихъ и не могъ представить своевременно своихъ объясненій, своего оправданія. Но если вводить защиту въ Судебную Палату, то надо, во всякомъ случаѣ, разработать проектъ о ней иначе и болѣе обстоятельно, чѣмъ это сдѣлала Государственная Дума, и именно: во-первыхъ, надо его разработать болѣе подробно и—во вторыхъ—болѣе справедливо, потому что, напримѣръ, согласно со второй частью статьи 529 проекта, участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ или ихъ повѣреннымъ посылается объявленіе о днѣ слушанія дѣла въ Судебной Палатѣ по адресу, указанному въ мѣстѣ постояннаго пребыванія Палаты. Господа, вѣдь это привилегія для богатыхъ, очевидная привилегія для тѣхъ, которые могутъ пригласить защитника и послать его въ мѣстопребываніе Палаты. Но масса, но 99% обвиняемыхъ людей не богатыхъ, а часто нищихъ, голодныхъ и холодныхъ, этой возможности не имѣетъ. Очень красиво звучитъ правило о защитѣ въ Судебной Палатѣ, но оно ничего не говоритъ тому обвиняемому, котораго нашъ народъ привыкъ называть «несчастнымъ»: онъ остается несчастнымъ, обездоленнымъ и при красивомъ правилѣ. Затѣмъ мнѣ кажется, что тутъ возникнутъ многіе практически очень трудные вопросы. Что предпринять для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ защитника, а сами пожелаютъ представить свои объясненія въ Палатѣ, и содержатся при томъ подъ стражею?—Представлять ихъ въ Судебную Палату всѣхъ, со всего округа, наполнять и переполнять мѣстные тюремные замки, для того, чтобы эти обвиняемые могли представить свои объясненія въ обвинительной камерѣ? Это большое затрудненіе, это вопросъ очень серьезный, и надо обдумать его серьезно. Я не говорю, что этого совершенно невозможно сдѣлать, но это надо сдѣлать въ особомъ проектѣ, весьма внимательно разработанномъ. И, наконецъ, допущеніе защиты въ Судебной Палатѣ должно быть связано органически съ допущеніемъ защиты и на предваритель-

номъ слѣдствіи, потому что иначе это будетъ, такъ сказать, кусокъ, вырванный изъ процесса, не связанный ни съ чѣмъ другимъ. Это нужно сдѣлать послѣдовательно, т. е., чтобы была защита на предварительномъ слѣдствіи при заключеніи слѣдствія, а затѣмъ тогда естественно можетъ явиться защита и въ Судебной Палатѣ. Въ томъ видѣ, какъ это нынѣ предлагается, мнѣ кажется, оно недостаточно обосновано и не представляетъ собой такихъ твердыхъ началъ, чтобы можно было себѣ ясно представить и этотъ новый порядокъ, вводящій извѣстнаго рода неравномѣрность по отношенію къ большинству населенія. Вотъ, господа, все, что я имѣлъ сказать по этому поводу, извиняясь, что васъ такъ долго задержалъ, но насъ, старыхъ судебныхъ чиновъ, вопросъ о Судебныхъ Уставахъ касается самымъ живымъ образомъ. Судебные Уставы—кусокъ нашей жизни, это—надежды нашей юности, это—утѣшительное воспоминаніе въ наши преклонные годы. Думаю, что проектъ этотъ, несмотря на побужденія, которыя его вызвали, едва ли можетъ быть принятъ; къ нему опять примѣнимы слова митрополита Филарета, сказавшаго, что «не надо обращать перестроеніе въ разрушеніе». Мнѣ кажется, что это именно такое перестроеніе, которое грозитъ разрушеніемъ одному изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ. Поэтому, я предлагаю этотъ проектъ отклонить.

Считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу выслушанной нами защиты законопроекта со стороны Н. С. Таганцева. Наша культура во многомъ, дѣйствительно, отличается отъ западной. Поэтому нашъ порядокъ преданія суду, какъ думается оратору, долженъ быть не тѣмъ, какимъ онъ является на Западѣ. Климатическія, географическія, историческія и политическія условія наши и Западной Европы весьма различны. Да! я съ этимъ совершенно согласенъ, но не надо забывать, что географическія различія съ каждымъ днемъ движенія человѣчества впередъ въ культурномъ смыслѣ уменьшаются; желѣзныя дороги распространяютъ свою сѣть, и средства сообщенія и сношеній становятся болѣе удобными. Что касается до условій бы-

товыхъ и историческихъ, то на Западѣ личность отдѣльнаго че
ловѣка давно привыкла бороться за свои права, и ни одинъ ан
гличанинъ, французъ и даже нѣмецъ не остановится въ нѣмом
безсиліи предъ своимъ преданіемъ суду, если онъ имѣетъ воз
можность обжаловать предположенія обвиненія и защищать
свои права. Совсѣмъ не то у насъ. Въ нашей исторической жизни
сложились извѣстнаго рода безправіе и юридическая безпо
мощность русскаго человѣка, и поэтому уже само государство
должно заботиться о томъ, чтобы приходить къ нему своевремен
но на помощь, обставляя его такими гарантіями, чтобы и помимо
его собственнаго желанія, можно было ограждать его права и
указывать способы для ихъ защиты. Исторія основныхъ положе
ній Судебныхъ Уставовъ по вопросу о преданіи суду дѣйствитель
но представляетъ большинство всего 15 голосовъ противъ 14.
Но дѣло не въ количествѣ, а въ томъ, что именно говорили тѣ
пятнадцать, которые однимъ голосомъ составили большинство.
Они говорили, что въ случаяхъ, *не подлежащихъ сомнѣнію*, дѣло
не должно итти въ обвинительную камеру. Но кто же рѣшаетъ,
возбуждаетъ ли извѣстный случай сомнѣнія или нѣтъ? Очевидно,
это прокурорскій надзоръ, т. е., слѣдовательно, то лицо, которое
начинаетъ преслѣдованіе и ведетъ его подъ своимъ надзоромъ;—
оно же должно рѣшать и вопросъ—возбуждаетъ ли въ немъ то,
въ чемъ оно само участвовало, что оно создавало и разработы
вало, серьезныя сомнѣнія. Уже съ этой точки зрѣнія—установ
влять такой порядокъ было бы непрактично. Затѣмъ, въ Палату,
согласно тому же мнѣнію, не должны были итти дѣла, по которымъ
существуютъ доказательства, документы и собственное сознаніе.
Я уже говорилъ о значеніи собственнаго сознанія. Что значатъ
документы и доказательства? Вѣдь это, такъ сказать, отзвукъ
стараго судопроизводства, которое дѣлило доказательства на
совершенныя и несовершенныя, требовало формальныхъ дока
зательствъ и устраняло безусловно свидѣтельство явныхъ пре
любодѣевъ, людей, портившихъ тайно межевые знаки, и иностран
цевъ, поведеніе которыхъ неизвѣстно. Вотъ съ какими дока
зательствами приходилось имѣть дѣло суду. Во всякомъ случаѣ
существованіе объективныхъ основаній для преданія суду должно

быть признаваемо не однимъ человѣкомъ, а цѣлой коллегіей. Пятнадцать человѣкъ находили, что преданіе суду черезъ обвинительную камеру повлекло бы за собой отягощеніе земствъ, обязанныхъ содержать тюрьмы. Но въ настоящее время это уже отягощеніе казны, а не земствъ. Мнѣ кажется, что это отягощеніе, въ сущности, совершенно фиктивное, ибо, если бы намъ говорили, что уничтоженіе обвинительной камеры уменьшитъ число обвиняемыхъ, которые содержатся подъ стражей, тогда можно было бы говорить, что дѣйствительно отягощеніе казны уменьшается, но такъ какъ число возбуждаемыхъ дѣлъ останется то же самое, независимо отъ упраздненія обвинительныхъ камеръ, то и небольшое количество освободившихся въ довольно отдаленномъ будущемъ камеръ для арестантовъ будетъ столь незначительно, что о немъ не стоитъ и говорить. Были названы, затѣмъ, имена тѣхъ, кто стоялъ за предлагаемый намъ порядокъ. Я чту глубоко нѣкоторыя изъ этихъ именъ, но долженъ сказать, что Буцковскій въ своей практической кассаціонной дѣятельности строго соблюдалъ начало коллегіальнаго преданія суду и посвятилъ этому вопросу даже одно изъ своихъ печатныхъ изслѣдованій; Книрим же былъ выдающимся цивилистомъ, но вопросъ о преданіи суду былъ для него вопросомъ весьма чуждымъ и отдаленнымъ; наконецъ, указанія на Спасовича тоже, по моему мнѣнію, не имѣютъ въ данномъ случаѣ надлежащей силы. Я не менѣе моего уважаемаго предшественника на этой трибунѣ, Н. С. Таганцева, преклоняюсь предъ талантомъ, необыкновеннымъ образованіемъ и своеобразною силою слова Спасовича и отношусь къ нему, какъ къ своему профессору и неоднократному противнику въ судебныхъ битвахъ съ благодарнымъ воспоминаніемъ, но въ вопросахъ судоустройства онъ не былъ для меня авторитетомъ, ибо мнѣнія его отличались значительнымъ оппортунизмомъ. Достаточно припомнить, что онъ возражалъ въ свое время въ публичныхъ лекціяхъ противъ введенія суда присяжныхъ въ Россіи, признавая нашъ народъ недостаточно для этого зрѣлымъ въ своемъ гражданскомъ развитіи, а въ комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, когда послѣднимъ былъ возбужденъ въ высшей степени опасный вопросъ (надѣюсь, что онъ никогда не получитъ осуществленія) о передачѣ

производства слѣдствій въ руки полиціи, почти безъ всякаго участія судебнаго вѣдомства, онъ не возражалъ противъ такого замысла, увлекаемый соблазнительною перспективою скорости. Наконецъ, въ рѣчахъ защитниковъ проекта есть еще указанія на переполненіе тюремныхъ замковъ... Итакъ, задняя мысль этого проекта состоитъ въ установленіи гораздо большей, чѣмъ въ другихъ подобныхъ же проектахъ, возможности освободить тюрьмы отъ сидѣльцевъ. Но такая мѣра, какъ разрѣженіе тюремнаго населенія, есть мѣра, вызываемая временными условіями, и она не можетъ и не должна осуществляться посредствомъ коренныхъ измѣненій судебнаго строя. А намъ предлагается коренное измѣненіе этого строя. Повторю то же, что уже говорилъ по этому поводу, необходимо настойчиво, такъ сказать, громогласно, энергически, неустанно, неотступно вопіять о томъ, чтобы тюремному вѣдомству были даны средства для того, чтобы расширить тюрьмы, привести ихъ въ хорошее состояніе и содержать ихъ въ настоящемъ порядкѣ. Это такъ же необходимо, какъ необходимо радикальными мѣрами вывести судебныхъ чиновъ изъ ихъ печальнаго матеріальнаго положенія и увеличить ихъ составъ сообразно дѣствительной потребности въ рабочихъ силахъ. Вотъ какъ надо исправлять изъяны и печальное настоящее, а не путемъ измѣненія порядка преданія суду. Говорятъ, что Палата только 4% отмѣняетъ изъ обвинительныхъ актовъ, и въ этомъ вся ея дѣятельность. Да, 4% дѣйствительно она отмѣняетъ, т. е. замѣняетъ своими опредѣленіями, но значитъ ли это, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она не разсматриваетъ обвинительныхъ актовъ. Позвольте по этому случаю привести доводъ, относящійся къ нашей дѣятельности: мы не соглашаемся иногда, не безъ сожалѣнія, съ законопроектами Государственной Думы, но неужели кто-нибудь можетъ сказать, что Государственный Совѣтъ въ теченіе своей сессіи разсмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, только тотъ процентъ дѣлъ, по которому онъ не согласился съ проектами Государственной Думы, а по всѣмъ остальнымъ онъ никакой работы не дѣлалъ, а прямо ихъ принялъ, такъ сказать, въ кредитъ? Конечно, нѣтъ! Цѣлую массу дѣлъ, по которымъ мы согласны съ Государственною Думою, мы разсматриваемъ и разрабатываемъ

серьезно и самостоятельно. Я напомню хотя бы только вопросъ объ Амурской дорогѣ. Сколько труда, нравственнаго и физическаго напряженія положено было, чтобы, къ великому моему сожалѣнію, притти къ согласію съ рѣшеніемъ Государственной Думы, чреватомъ, по моему мнѣнію, самыми печальными послѣдствіями! И къ Судебнымъ Палатамъ примѣнимо то же соображеніе. Вѣдь не въ лотерею же идутъ обвинительные акты, не вынимаются же по жребію? Очевидно, они идутъ въ общемъ порядкѣ и, слѣдовательно, разсматривается гораздо большее число дѣлъ, чѣмъ то, на которое указывается. Мнѣ остается сдѣлать послѣднее замѣчаніе по поводу упрека въ томъ, что я ссылался не на опытъ, а на психологію. Да, я ссылался на психологію русскаго человѣка, русскаго арестанта и русскаго обвиняемаго, въ особенности въ глухихъ углахъ Россіи, гдѣ сознаніе своихъ правъ далеко не ясно, а подчасъ и не признано. Я не могу сослаться на опытъ: вѣдь этотъ новый порядокъ еще не введенъ, слѣдовательно, на какой же опытъ можно ссылаться? Я думаю, однако, что на психологію слѣдуетъ ссылаться потому, что тамъ, гдѣ мы разсуждаемъ о какихъ-нибудь вопросахъ финансовыхъ, о вопросахъ таможенныхъ и, вообще, о вопросахъ, касающихся матеріальной стороны жизни, мы можемъ разсуждать на основаніи логики и опыта, но тамъ, гдѣ мы разсуждаемъ о предоставленіи человѣку сказать «хочу» или «не хочу», тамъ мы входимъ въ область психологіи и должны основываться на психологическихъ соображеніяхъ, насколько они намъ доступны изъ знакомства съ народомъ и нашего личнаго или коллективнаго житейскаго опыта. Чтобы закончить, я скажу еще слѣдующее: въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства предусмотрѣнъ рядъ случаевъ, гдѣ подсудимому или обвиняемому слѣдуетъ объяснить его права,—напримѣръ, когда подсудимаго удаляютъ изъ зала засѣданія, вслѣдствіе его буйства или болѣзни, предсѣдатель обязанъ ему по возвращеніи объяснить все, что происходило въ его отсутствіе. Какъ же это дѣлается? Въ большинствѣ случаевъ ему говорятъ: безъ васъ были допрошены свидѣтели такой-то, такой-то и такой-то, прочтены такіе-то протоколы, затѣмъ произведена экспертиза; садитесь! А слѣдуетъ это дѣлать не такъ; надо разсказать ему

существо всего, что было безъ него; — иначе это напрасная трата времени, совершенно безполезная для подсудимаго, которому важно знать не то, *кто* говорилъ въ его отсутствіе, а *что* онъ говорилъ. Теперь, если вы разъясненія относительно обжалованія обвинительнаго акта передадите представителямъ мѣстнаго суда, а гораздо чаще полиціи, то гдѣ у васъ ручательство, что темному обвиняемому въ глухой мѣстности подробно все объяснятъ? Въ практикѣ и условіяхъ русской дѣйствительности я такого ручательства не вижу и остаюсь при предложеніи законопроектъ отклонить въ цѣломъ.

Я уже затруднялъ ваше вниманіе два раза объясненіями по настоящему законопроекту. Позволяю себѣ и въ третій разъ это сдѣлать, во-первыхъ, въ виду того, что онъ въ новомъ видѣ поступаетъ къ намъ, а во-вторыхъ, потому, что я, по совѣсти, считаю этотъ законопроектъ въ высшей степени опаснымъ для русскаго правосудія и такимъ, что въ случаѣ принятія его, мнѣ представляется (можетъ-быть, я слишкомъ большой пессимистъ) неизбѣжнымъ позднее съ нашей стороны раскаяніе, когда его послѣдствія скажутся на дѣйствительномъ отправленіи правосудія. Г. Министръ Юстиціи говорилъ намъ о необходимости различать между метафизикой и реальностью, между метафизическими соображеніями и реальными послѣдствіями. Я совершенно съ этимъ согласенъ, но только думаю, что подъ метафизикой надо разумѣть теоретическія соображенія, а подъ реальностью—соображенія практическія, и нахожу, что этотъ проектъ долженъ быть разсматриваемъ именно съ точки зрѣнія реальной. Теперь у насъ существуетъ обвинительная камера Судебной Палаты, которая разсматриваетъ вопросъ о преданіи суду каждаго изъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или ограниченіе правъ; каждый обвиняемый въ преступленіи, подсудномъ присяжнымъ засѣдателямъ, имѣетъ неотъемлемое право на то, чтобы вопросъ о преданіи его суду разсматривался Судебной Палатой. Нынѣ намъ предлагаютъ допустить это разсмотрѣніе только въ отношеніи къ тѣмъ, которые обжалуютъ обвини-

тельный актъ прокурорскаго надзора. Можно ли сказать, что здѣсь есть что-нибудь метафизическое? Это вопросъ чисто реальный и ясный. Но метафизическимъ мнѣ представляется другое, а именно утвержденіе, высказанное въ Комиссіи,—утвержденіе о томъ, что у насъ проведено строгое различіе судебной и обвинительной власти, вслѣдствіе котораго допущеніе Окружного Суда къ разсмотрѣнію вопроса о преданіи суду и о полнотѣ слѣдствія является смѣшеніемъ функцій обвинительной и судебной власти. Реальныя условія нашей судебной практики говорятъ однако другое. Есть статья 528 Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ которой говорится, что въ томъ случаѣ, когда въ Окружной Судъ поступаетъ со стороны прокурора заключеніе о прекращеніи слѣдствія, а судъ съ этимъ заключеніемъ не согласенъ, то вопросъ восходитъ въ Судебную Палату. Что же это значитъ? Это значитъ, что Окружной Судъ входитъ въ оцѣнку слѣдствія, его полноты и всего его содержанія, сопоставляетъ съ нимъ прокурорское заключеніе и, становясь на почву обвиненія, отвергаетъ заключеніе прокурора, т. е. будучи судомъ, отправляетъ нѣкоторыя обвинительныя дѣйствія. То, что предлагаетъ здѣсь Е. Ѳ. Турау, есть установленіе того порядка по отношенію къ Окружному Суду, который существуетъ относительно Судебныхъ Палатъ, т. е. предоставленіе ему разсматривать предварительное слѣдствіе по существу и опредѣлять, не нарушены ли формы и обряды судопроизводства, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы слѣдствіе было именно слѣдствіемъ, а не собраніемъ разныхъ случайныхъ свѣдѣній, данныхъ Богъ знаетъ кѣмъ и Богъ знаетъ въ какихъ условіяхъ. Намъ на это говорятъ, что такой порядокъ невозможенъ еще и потому, что судъ будетъ страшно и непосильно обремененъ. Совершенно съ этимъ согласенъ, но тогда оставимъ старый порядокъ преданія суду Судебной Палатой. При немъ, какъ я уже докладывалъ вамъ, господа, еще въ декабрѣ прошлаго года, при первомъ обсужденіи этого законопроекта, на каждаго члена девяти Палатъ (при пятичленномъ составѣ обвинительныхъ камеръ) придется 33 дѣла въ мѣсяцъ, что вовсе уже не такъ обременительно, хотя бы въ виду того, что Сенаторы

Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента докладываютъ до 48 дѣлъ въ мѣсяцъ.

Намъ скажутъ: при новомъ порядкѣ каждому обвиняемому будетъ открыта дверь въ Судебную Палату: пусть лишь обжалуетъ обвинительный актъ. Нѣтъ! скажу я, не каждому обвиняемому, далеко не каждому!.. Стоитъ припомнить порядокъ врученія обвинительныхъ актовъ. Развѣ всѣ обвинительные акты вручаются предсѣдателемъ суда, или членомъ суда, или даже городскимъ судьей? Очень часто обвинительные акты вручаются полиціей на мѣстахъ, и не только городской, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельской полиціей. Правительствующій Сенатъ призналъ, что вручепіе полиціей обвинительныхъ актовъ представляется исключительно только тогда нарушеніемъ, когда это совершено въ мѣстѣ пребыванія Суда. Тотъ же Сенатъ призналъ, что вручепіе обвинительныхъ актовъ тюремнымъ начальствомъ, а не Судомъ, тогда только является нарушеніемъ, когда при этомъ обвиняемый лишенъ своего права требовать вызова новыхъ свидѣтелей. Слѣдовательно, Сенатъ и судебная практика открыли широкую возможность врученія обвинительныхъ актовъ несудебнымъ персоналомъ. Думаю, что уровень послѣдняго не таковъ, чтобы можно было думать, что полицейскій чинъ, вручая обвинительный актъ, будетъ одержимъ безпокойствомъ о томъ, знаетъ ли человѣкъ, которому вручается обвинительный актъ, о своихъ правахъ и понимаетъ ли онъ, что ему надо сдѣлать въ огражденіе себя? Я сошлюсь на нашего уважаемаго сочлена А. Н. Куломзина, который составилъ, будучи управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, особый списокъ народовъ и языковъ, населяющихъ Россію. Ихъ тамъ до 140 номеровъ. Дѣйствительно, когда мы говоримъ о врученіи обвинительныхъ актовъ, мы обыкновенно представляемъ себѣ какого-нибудь горожанина, мѣщанина, или купца, или бойкаго ярославскаго мужика и т. д. Но мы составляемъ шестую часть свѣта, какъ вчера здѣсь было сказано, а въ этой части свѣта есть разнообразнѣйшее населеніе—вотяки, черемисы луговые и горные, которые до сихъ поръ язычники, мордва, чуваши и разныя восточныя племена, наконецъ, значительная часть сибирскихъ инородцевъ—и со всѣми

ими надо объясняться на ихъ языкѣ, чтобы быть ими понятымъ вполнѣ. А будетъ ли это тамъ? Возможно ли быть въ томъ увѣреннымъ? Я въ этомъ существеннымъ образомъ сомнѣваюсь и думаю, что пользоваться обжалованіемъ обвинительнаго акта будутъ далеко не всѣ, кому слѣдовало бы этимъ пользоваться для того, чтобы пройти чрезъ обрядъ преданія суду. А затѣмъ, для необжаловавшихъ будетъ ли возможность защиты противъ нарушеній формъ и обрядовъ при производствѣ слѣдствія? Нѣтъ! Они этого лишаются. Какъ ни блестящи страницы исторіи нашего суда по дѣятельности его представителей, по ихъ долготерпѣнію, трудоспособности, наконецъ, по любви къ своему дѣлу, но есть и печальные эпизоды, и состоятъ они въ проявленіи и въ возможности увлеченій, въ возможности, такъ сказать, взаимнаго служебнаго гипноза. Прежде всего, начинающій судебный слѣдователь—молодой человѣкъ, какъ я уже объ этомъ ранѣе говорилъ, товарищъ прокурора — то же самое, а между тѣмъ онъ — это тотъ товарищъ прокурора, которому отдается въ руки преданіе суду. Вѣдь этотъ товарищъ или живетъ на мѣстѣ въ уѣздномъ городѣ и тогда незамѣтно для себя и невольно можетъ втягиваться въ мѣстныя отношенія, партіи и дрязги, на опасность чего указывали еще составители Судебныхъ Уставовъ, или же онъ наѣзжаетъ только въ уѣздный городъ своего участка изъ губернскаго города и тогда весьма легко можетъ дѣлаться жертвой разныхъ трудно поддающихся провѣркѣ слуховъ, а, между тѣмъ, онъ имѣетъ право, *по собственному усмотрѣнію*, возбуждать уголовное преслѣдованіе, согласно пункту 4 статьи 297 Устава Уголовнаго Судопроизводства. Затѣмъ, подъ надзоромъ, нерѣдко подъ руководствомъ, подъ вліяніемъ этого товарища прокурора дѣйствуетъ судебный слѣдователь, человѣкъ, который часто мечтаетъ о мѣстѣ товарища прокурора, какъ о повышеніи, и знаетъ, какую роль для него вообще играетъ аттестація прокурора. Поэтому они взаимно могутъ раздѣлять одностороннее увлеченіе. Министръ Юстиціи ссылался на дѣло Мироновича. Напомню его въ двухъ словахъ. Оно состояло въ томъ, что обнаружено было убійство, совершенное въ квартирѣ ростовщика. Покуда производили первый осмотръ

на мѣстѣ, пока думали и терялись въ дагадкахъ, теряя при этомъ волосы, зажатые въ рукѣ убитой и составлявшіь главную улику, явился будущій Министръ Юстиціи Муравьевъ, занимавшій постъ прокурора Судебной Палаты. Онъ взглянулъ орлинымъ окомъ военачальника. Слѣдователь и товарищъ прокурора подчинились его указаніямъ и привлекли, вопреки многому говорившему противъ, содержателя кассы Мироновича... А затѣмъ, нужно было дважды разбирать это дѣло, чтобы попасть на настоящую обвиняемую, прославленную психопатку Семенову, которая сама сознавалась въ томъ, что совершила это преступленіе. Такимъ образомъ, былъ данъ толчокъ, могущественный, начальственный и авторитетный толчокъ, и дѣло покатилось по неправильнымъ рельсамъ. Вы извините меня, если я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ другихъ увлеченій изъ этой же области. Когда я былъ прокуроромъ Петербургскаго Скружного Суда, изъ Москвы пріѣхалъ судебный слѣдователь, спеціалистъ по производству слѣдствій о скопческой ереси въ Россіи, до того увлеченный своей задачей, что требовалъ отъ меня предложенія о томъ, чтобы въ Ямской улицѣ, въ 3-хъ-этажномъ, подозрительномъ для него, домѣ, освидѣтельствовать всѣхъ женщинъ на предметъ опредѣленія, скопчихи онѣ или нѣтъ. Я долженъ былъ съ нимъ воевать, чтобы его удержать отъ этой дикой мѣры. Затѣмъ такой же случай повторился въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ дѣвушки, населявшія цѣлый поселокъ, были всѣ освидѣтельствованы для того, чтобы опредѣлить, не родила ли какая-нибудь изъ нихъ найденнаго умерщвленнымъ ребенка. Разъ такіе случаи возможны, слѣдуетъ говорить и объ увлеченіяхъ слѣдственной власти. А затѣмъ припомните Тихорѣцкое дѣло. Вѣдь у всѣхъ насъ въ памяти увлеченіе судебнаго слѣдователя въ дѣлѣ несчастной Золотовой. Наконецъ, можно привести даже воспоминаніе о слѣдователѣ,—и чтобы быть точнымъ, я даже назову его фамилію,—о судебномъ слѣдователѣ Родзянко, который, когда ему не дали во-время лошадей на почтовой станціи, призвалъ военную силу и станцію хотѣлъ взять штурмомъ. Разъ возможны такія увлеченія, возможны случаи, когда вино власти бросается въ голову, то законодатель долженъ быть очень осто-

роженъ и ставить преграду увлеченіямъ, говоря: «до сихъ поръ и не дальше, а дальше уже начинаетъ дѣйствовать судебная коллегія». Вновь позвольте разсказать случай изъ моей практики: въ Кронштадтѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, были постоянныя недоразумѣнія между городскимъ головой изъ штурмановъ и военнымъ губернаторомъ изъ моряковъ. Сторону городского головы принималъ городской секретарь, а сторону губернатора принималъ товарищъ прокурора Окружного Суда. И вотъ, когда этотъ городской секретарь вздумалъ баллотироваться въ мировые судьи, то товарищъ прокурора предложилъ исправлявшему должность слѣдователя, кандидату на судебныя должности, начать о немъ слѣдствіе по обвиненію въ оскорбленіи полиціи. Въ день выборовъ городскому секретарю было предъявлено это обвиненіе. Здѣсь сидитъ бывшій предсѣдатель Суда, И. И. Шамшинъ, который, конечно, это дѣло помнитъ, такъ какъ мы его разсматривали въ дисциплинарномъ порядкѣ. Слѣдствіе было начато, была взята копія съ постановленія о привлеченіи къ обвиненію и предъявлена въ избирательномъ собраніи. Городской секретарь утратилъ право баллотироваться въ мировые судьи, а вечеромъ въ тотъ же день состоялось постановленіе о томъ, что, по разъясненію самой полиціи, въ дѣйствіяхъ обвиняемаго нѣтъ состава преступленія, и дѣло было прекращено. Итакъ, необходимо, чтобы мнѣніе прокуратуры кѣмъ-нибудь провѣрялось, чтобы обвинительный актъ подлежалъ критикѣ.

Намъ говорятъ, что члены Палаты ставятъ штемпеля. Это заявленіе о штемпеляхъ мнѣ кажется чрезвычайно щекотливымъ и поражаетъ меня въ устахъ г. Министра Юстиціи. Вѣдь могутъ и о насъ сказать, что, кромѣ тѣхъ дѣлъ, по которымъ мы не соглашаемся съ Государственной Думой, мы на все лишь штемпеля ставимъ безъ всякаго обсужденія, а, между тѣмъ, мы разсматриваемъ ихъ очень добросовѣстно и подолгу. То же самое съ Палатой. Да и развѣ оцѣнка акта Палатой зависитъ исключительно отъ членовъ Палаты? Обвинительный актъ проходитъ черезъ прокурора Палаты и его товарищей. Товарищъ прокурора Палаты можетъ снестись съ товарищемъ прокурора Окружного Суда и сообщить ему, что онъ ошибся, что обвини-

тельный актъ не точенъ, съ пропусками, съ неправильной квалификаціей и предложить его измѣнить. Во всякомъ случаѣ, въ Палатѣ каждое дѣло разсматривается двумя лицами и разсматривается тщательно—товарищемъ прокурора Палаты и членомъ-докладчикомъ. Но, господа, развѣ не то же самое мы имѣемъ въ высшемъ кассаціонномъ судѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ раздѣляется на отдѣленія? Находящійся между нами здѣсь недавній первоприсутствующій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, конечно, можетъ подтвердить мои слова, что большинство дѣлъ разсматривается первоприсутствующимъ и оберъ-прокуроромъ, если они находятъ это желательнымъ и полезнымъ, а затѣмъ дѣло слушается по докладу сенаторомъ резолюціи, состоявшейся по большей части по соглашенію съ товарищемъ оберъ-прокурора, и только въ рѣдкихъ случаяхъ несогласія между ними или между сенаторами дѣло переносится въ Департаментъ. Въ сущности, рѣшаютъ дѣло два человѣка, пользующіеся довѣріемъ коллегіи и другъ другу въ смыслѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла довѣряющіе. То же самое существуетъ и въ Судебныхъ Палатахъ. Но предоставить право преданія суду во всѣхъ случаяхъ необжалованія,—а ихъ будетъ *четыре пятыхъ* всего количества дѣлъ,—одному лицу, не значитъ ли сдѣлать это лицо безотвѣтственнымъ? Теперь существуетъ надзоръ. Прокуроръ Палаты знаетъ, кто у него хорошій товарищъ, кто дурной, кто внимательный, кто невнимательный, и товарищъ прокурора собственною властью не можетъ сажать на скамью подсудимыхъ людей, которымъ грозитъ серьезное наказаніе и потеря правъ. Скажутъ, что прокуроръ Палаты будетъ судить о томъ, правильна ли обвинительная дѣятельность мѣстной прокуратуры по приговорамъ присяжныхъ. Но этимъ путемъ нельзя добиться возможности правильной провѣрки. Мы знаемъ, какъ часты у насъ нареканія на «судъ улицы», на неумѣлость присяжныхъ и т. п.— Такія ссылки будутъ дѣлаться младшими членами прокурорскаго надзора въ свое оправданіе. При оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ будутъ говорить: не обвинительный актъ не хорошъ, присяжные не хороши и не умѣли оцѣнить взглядовъ обвинительной власти. Но каково же положеніе того, кто

будетъ такимъ образомъ преданъ суду, т. е. позору публичности, пыткѣ бездушнаго любопытства праздной толпы и мученію смѣны надеждъ, сомнѣній и страховъ? Господа, у насъ у всѣхъ примѣръ Западной Европы, которая болѣе чувствительна въ этомъ отношеніи, чѣмъ мы, а, между тѣмъ, и тамъ подчасъ совершается судебное мучительство по поводу весьма сомнительныхъ обвиненій. Стоитъ припомнить сенсаціонные процессы художника Грефа или недавній-графа Эйленбурга... А если человѣкъ не виноватъ, то какъ онъ отмоетъ, какъ онъ отскоблитъ отъ себя то обвиненіе, которое къ нему предъявлено и по которому онъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Мы знаемъ психологію человѣчества. Сначала скажутъ: «да, но его оправдали»,—а потомъ будутъ говорить: «онъ за что-то судился»,—а затѣмъ—«у него было какое-то грязное дѣло, за которое онъ былъ подъ судомъ»,—и честное, быть можетъ, имя человѣка будетъ навсегда замарано. Поэтому, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, я думаю, что государство заинтересовано въ томъ, чтобы существовала гарантія противъ поспѣшнаго и легкомысленнаго преданія суду, а она существуетъ только при преданіи суду Судебной Палатой, при разсмотрѣніи ею безъ различія всѣхъ и обжалованныхъ и необжалованныхъ обвинительныхъ актовъ, и, съ этой точки зрѣнія, я при окончательной баллотировкѣ буду голосовать противъ принятія проекта въ цѣломъ, помня латинское изреченіе «etiam si omnes ego non!»

Обращаюсь къ вводимому законопроектомъ состязательному порядку въ разсмотрѣніи дѣлъ Судебной Палатой. Защита, допускаемая по проекту Государственной Думы, названа здѣсь Министромъ Юстиціи декоративной, хотя въ нарисовкѣ этой декораціи участвовалъ самъ г. Министръ Юстиціи: именно онъ внесъ въ Государственную Думу проектъ объ установленіи такого состязательнаго процесса. Разница между думскимъ проектомъ и министерскимъ представленнымъ состоитъ только въ порядкѣ и способѣ увѣдомленія жалобщика на обвинительный актъ о времени слушанія его дѣла въ Палатѣ. Я согласенъ съ г. Министромъ въ томъ, что это декорація, въ родѣ тѣхъ, которыя рисовали, когда Екатерина Великая совершала путешествіе по

Днѣпру, для того, чтобы скрыть отъ ея взора пустынность, незаселенность и бѣдность окрестной страны. Такая же пустыня, въ смыслѣ удовлетворенія правосудія, будетъ, если мы примемъ первую часть законопроекта. Намъ говорятъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, который никогда не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно въ смыслѣ равенства. Предоставить всѣмъ одинаковый достатокъ и одинаковую защиту невозможно. Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ, говорится въ Писаніи. Да, это правда, но тамъ, гдѣ, несмотря на это, *уже существуетъ* такое равенство, не зачѣмъ его истреблять. Это равенство существуетъ по отношенію всѣхъ обвиняемыхъ передъ судомъ присяжныхъ, а намъ предлагаютъ его уничтожить и установить гарантіи въ преданіи суду только относительно тѣхъ, которые обжаловали обвинительный актъ. Что значитъ въ сущности оставленіе своего адреса въ мѣстѣ пребыванія Палаты? Это означаетъ допущеніе защиты для людей богатыхъ или живущихъ въ мѣстѣ пребыванія Палаты. Представьте себѣ человѣка, который живетъ въ Мезени или Холмогорахъ и бѣденъ. Можетъ ли онъ оставить свой московскій адресъ московской Судебной Палатѣ? Нѣтъ. А если онъ содержится подъ стражей—можетъ ли казна принять на себя доставку его въ Москву для объясненій? Нѣтъ, потому что такой порядокъ будетъ для нея разорительнымъ. Слѣдовательно, огромная масса обвиняемыхъ, которые содержится подъ стражей или живутъ внѣ мѣста пребыванія Судебной Палаты, будутъ лишены вновь вводимой защиты, которая станетъ для большинства — фиктивной. Съ этой точки зрѣнія, такая защита, доступная лишь имѣющимъ средства нанять повѣреннаго, не настоящая защита, предоставляемая населенію, а миражъ, обманъ зрѣнія. Я долженъ оговориться, что вовсе не противникъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, и думаю, что она рано или поздно должна быть введена, но для этого долженъ быть выбранъ совсѣмъ другой моментъ процесса. Должна быть введена защита, когда человѣку, о которомъ производится слѣдствіе, предъявляется оконченное слѣдствіе, и его спрашиваютъ, что онъ можетъ еще представить въ свое оправданіе и чѣмъ можетъ

онъ дополнить слѣдствіе? Вотъ здѣсь надо предоставить ему право приглашать повѣреннаго или защитника, могущаго авторитетно просить дослѣдованія или производства слѣдствія въ другомъ направленіи. Изданію Судебныхъ Уставовъ предшествовалъ манифестъ 1856 г. Тамъ было сказано: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ». А въ Указѣ Сенату 1864 г., печатаемомъ при Судебныхъ Уставахъ, этотъ афоризмъ былъ расширенъ чудными словами о рѣшимости дать русскому народу судъ скорый, правый и равный для всѣхъ. Можно ли, послѣ этого, вводить неравномѣрныя гарантіи и, отнимая ихъ у большинства далекихъ отъ Палаты и бѣдныхъ, предоставлять ихъ лишь незначительному меньшинству наличныхъ, близкихъ и достаточныхъ, забывая, что забота, о правосудіи есть не частное дѣло, а дѣло, лежащее на обязанности государственной власти? Отвѣчаю—нѣтъ, нельзя! и подамъ голосъ противъ «декорацій».

Господа, мы находимся наканунѣ юбилея великихъ реформъ Царя-Освободителя. Ближайшая изъ нихъ—снятіе съ русскаго народа крѣпостного ига. Второй изъ такихъ реформъ была реформа судебная. Колебать устои этой реформы, расшатывать колонны и разрушать своды нельзя безъ серьезныхъ основаній и крайней осторожности. При принятіи настоящаго проекта, великодушное желаніе Императора Александра II «дать Россіи судъ скорый, правый и равный для всѣхъ» будетъ искажено: судъ станетъ немного болѣе *скорымъ*, но едва ли будетъ болѣе *правымъ* и, во всякомъ случаѣ, станетъ *не равнымъ* для всѣхъ...

XI.

Объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ.

(Засѣданіе 8 декабря 1910 г.).

По вопросу объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ мы прежде всего встрѣчаемся съ заключеніями прокурорскаго надзора по дѣламъ беззащитныхъ, т. е. не имѣющихъ возможности самимъ защищаться. Это, во-первыхъ, умалишенные и малолѣтніе, надъ которыми учреждена опека, а во-вторыхъ, лица, страдающія тяжкими физическими недостатками. Судебная практика показываетъ, что интересы этихъ лицъ не обезпечиваются тѣми учрежденіями, которыя, однако, призваны къ этому. Всѣ мы знаемъ, что такое дворянская опека и сиротскіе суды. Это учрежденія обветшалыя, устроенныя на старыхъ и фактически почти безконтрольныхъ началахъ,—располагающія въ лицѣ опекуновъ людьми, которые обыкновенно нравственныя обязанности опеки ставятъ на задній планъ и зачастую болѣе чѣмъ невнимательно относятся къ осуществленію своей заботы объ опекаемыхъ. Дѣла о нарушеніи опекунами своихъ обязанностей столь нерѣдки, что вызвали необходимость включенія въ Уложеніе о Наказаніяхъ постановленій о злоупотребленіяхъ опекуновъ и о бездѣйствіи ихъ въ дѣлѣ осуществленія заботы о малолѣтнихъ и состоящихъ подъ опекой. Въ гражданскихъ дѣлахъ признаніе отвѣтчика влечетъ за собою рѣшеніе дѣла въ пользу истца. Возможны и, къ сожалѣнію, бывали случаи, когда между

тцомъ и недобросовѣстнымъ опекуномъ возникали сдѣлки по редварительному соглашенію, въ исполненіе котораго опекунъ ризналъ предъявленный противъ малолѣтнихъ искъ и вслѣд-віе такого признанія искъ присуждался, за отсутствіемъ всякихъ зраженій, полностью, а взысканное дѣлилось пополамъ между тцомъ и безчестнымъ опекуномъ. Возможны и случаи, въ ко-рыхъ малолѣтніе ставятся въ безвыходное положеніе, благо-ря тому, что при несуществованіи у насъ при принятіи наслѣд-ва правилъ принятія имущества sous bénéfice d'inventaire, какъ Франціи, приходится вступать въ наслѣдство, не зная и даже не лѣя возможности узнать, какіе долги съ нимъ сопряжены. Я знаю ъ судебной практики случаи, гдѣ опекуны малолѣтнихъ при-мали наслѣдства, которыя были обременены долгами до такой ленени, что несчастный малолѣтній, достигшій совершеннолѣт-яго возраста, долженъ былъ всю жизнь нести матеріальную от-ѣтственность за недобросовѣстныя и, во всякомъ случаѣ, легко-ысленныя дѣйствія своего опекуна. Вотъ по какимъ соображені-мъ необходимо оставить въ засѣданіи гражданскаго суда про-урора, дающаго заключеніе по гражданскимъ дѣламъ этихъ без-ащитныхъ лицъ. Скажутъ, что прокуроръ представляется лиш-нимъ въ судѣ, который, конечно, знаетъ гражданскую часть го-раздо лучше его и несомнѣнно гораздо опытнѣе его. Это не егда такъ, и я не могу согласиться съ болѣе категорическимъ, ѣмъ основательнымъ заявленіемъ представителя Министерства Юстиціи, что *всегда* товарищи прокурора представляются людьми, е знающими гражданскаго права. Я съ извѣстнаго рода гор-достью могу вспомнить, что, когда я былъ прокуроромъ пе-тербургскаго Окружного Суда,—а я имъ былъ 5 лѣтъ,—моими оварищами для заключеній по гражданскимъ дѣламъ были лександръ Львовичъ Боровиковскій, впослѣдствіи оберъ-про-уроръ и сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, мя котораго, конечно, всякому цивилисту говоритъ очень много, нашъ сочленъ по Государственному Совѣту Степанъ Федоровичъ латоновъ, тоже впослѣдствіи оберъ-прокуроръ межевого депар-амента Сената. Не могу не напомнить тѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ веденія Судебныхъ Уставовъ въ Петербургѣ, что *первымъ* товари-

щемъ прокурора петербургскаго Окружного Суда по граждан
скимъ дѣламъ былъ Иванъ Яковлевичъ Голубевъ, на извѣстност
котораго, какъ выдающагося цивилиста, едва ли нужно указывать
Съ другой стороны важно не то, какой дастъ прокуроръ совѣт
судьямъ, рѣшающимъ дѣло, а важно то, что опекуны или вообщ
представители малолѣтнихъ и беззащитныхъ знаютъ, что въ ка
ждомъ касающемся послѣднихъ дѣлѣ, доходящемъ до суда, он
встрѣтятъ не только судей, которые будутъ обсуждать это дѣло
по формальнымъ соображеніямъ гражданскаго права и по пра
виламъ гражданскаго процесса, но встрѣтятъ человѣка, назы
вавшагося въ старину не безъ основанія «окомъ царевымъ», в
рукахъ котораго находится право возбуждать уголовное преслѣ
дованіе и который можетъ, какъ бы судъ ни рѣшилъ граждан
ское дѣло, усмотрѣть уголовную сторону въ дѣйствіяхъ или
бездѣйствіи опекуновъ и притянуть ихъ къ отвѣтственности. С
этой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія психологической
угрозы, заключенія товарища прокурора по гражданскимъ дѣ
ламъ, касающимся беззащитныхъ, представляются желательными.

Переходя къ заключеніямъ прокурорскаго надзора по дѣламъ
въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, не содержатся ли въ граждан
скихъ отношеніяхъ, подлежащихъ гражданскому суду, призна
ки уголовнаго дѣянія, я нахожу, что здѣсь возникаютъ два во
проса. Первый—полезно ли въ такихъ дѣлахъ участіе прокурора
и второй—не будетъ ли оно стѣснительно или неудобно для успѣш
наго производства дѣла? Обращаясь къ *первому* вопросу, я дол
женъ сказать, что при огромномъ трудѣ, который несутъ русски
судьи, при тяжеломъ нравственномъ и физическомъ ихъ напря
женіи, часто влекущемъ за собою разстройство здоровья, они
обыкновенно всецѣло отдаются какой-нибудь одной спеціаль
ности. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ нашемъ законѣ нѣтъ
французскаго правила о такъ называемомъ roulement, гдѣ судьи
не могутъ оставаться въ одномъ какомъ-нибудь отдѣленіи, завѣ
дывающими гражданскими или уголовными дѣлами, а постоян
но, по прошествіи извѣстнаго времени, переводятся Министромъ
Юстиціи изъ одного отдѣленія въ другое по извѣстной, заранѣе
принятой, системѣ для того, чтобы быть и цивилистами и кри

инналистами. У насъ наоборотъ, судья, засѣвшій въ граждан-
кое отдѣленіе, по большей части въ немъ остается все
ремя пребыванія въ судѣ, пока не перейдетъ въ граждан-
кій департаментъ Судебной Палаты и въ гражданскій
ассаціонный департаментъ Сената. При всемъ уваженіи
ъ русскимъ гражданскимъ судьямъ, къ труду ихъ и знанію
ѣла, нельзя требовать отъ нихъ точнаго и, такъ сказать,
ободневнаго знанія уголовнаго права и уголовныхъ законовъ.
ельзя требовать, во-первыхъ, потому, что для этого нуженъ
ольшой навыкъ и практическое знакомство съ уголовной прак-
икой, а, во-вторыхъ, потому, что наше уголовное законодатель-
во находится въ постоянномъ движеніи и, наконецъ, въ-третьихъ
отому, что уголовный кассаціонный департаментъ Сената,
тотъ, такъ сказать, рулевой судебнаго уголовнаго корабля, мѣ-
яетъ по временамъ свои взгляды, и эти взгляды становятся почти
бязательными и, во всякомъ случаѣ, руководительными для всѣхъ
щъ, занимающихся практически уголовными дѣлами. Поэтому,
ражданскій судья, при своихъ обширныхъ обязанностяхъ, не
ъ силахъ слѣдить за всѣми измѣненіями уголовнаго курса, а
по необходимо за ними слѣдить и быть съ ними знакомымъ—до-
азывается тѣмъ, что значительная часть уголовныхъ дѣлъ по-
слѣдняго времени, доходящихъ до уголовнаго кассаціоннаго
епартамента Сената, въ сущности носитъ гражданскій оттѣнокъ.
былъ 12 лѣтъ оберъ-прокуроромъ этого департамента и могу по
воей практикѣ сказать, что иногда и довольно часто, если бы при-
ести въ его засѣданіе человѣка не знающаго, куда его приводятъ,
сказать ему, что его привели въ кассаціонный департаментъ, то
му пришлось бы, выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, на во-
росъ, въ какомъ онъ департаментѣ? стать втупикъ при отвѣтѣ:
ъ гражданскомъ или уголовномъ. Вопросы уголовнаго права
процесса давно уже разрѣшены болѣе или менѣе точно уго-
овнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, а подлежатъ разрѣшенію
го, главнымъ образомъ, гражданскіе, т. е. преюдиціальные
ли предсудимые вопросы и о признакахъ уголовнаго дѣянія
ъ гражданской сдѣлкѣ, которые теперь имѣютъ такое выдаю-
щееся значеніе въ судебной практикѣ. Поэтому гражданскій

судья нуждается въ указаніяхъ уголовнаго спеціалиста. Достаточно указать на такія дѣла, какъ, напримѣръ, вовлеченіе въ убыточную сдѣлку обманными увѣреніями. Долгое время считалось, что всякій обманъ, при вступленіи въ такую сдѣлку употребленный, уже создаетъ составъ преступленія—вовлеченіе въ убыточную сдѣлку. Однако, потомъ, Сенатъ измѣнилъ свой взглядъ и сталъ признавать, что этимъ преступленіемъ является такой только обманъ, отъ котораго нельзя остеречься принятыми въ общежитіи способами, т. е., если человѣку говорятъ какую-нибудь явную несообразность, а онъ ей слѣпо и безъ разсужденія вѣритъ и, вслѣдствіе этого, вступаетъ въ сдѣлку, то тутъ нѣтъ такого обмана, который можетъ быть уголовно наказуемъ. Для того, чтобы выяснить эту сторону дѣла, долженъ быть призванъ криминалистъ. Можно бы указать цѣлый рядъ гражданскихъ дѣлъ, гдѣ является необходимость въ толкованіи уголовномъ. Для примѣра укажу на вопросъ о шантажѣ, который можетъ возникать и въ гражданскомъ дѣлѣ и который требуетъ непремѣнно уголовной оцѣнки, или хотя бы вопросъ о самоуправствѣ. По нему судебная практика, подъ вліяніемъ кассаціонныхъ рѣшеній, измѣняла самое понятіе о составѣ и необходимыхъ элементахъ самоуправства. Одно время считали, что всякое исполненіе или осуществленіе своего права безъ согласія того лица, которое является пострадавшимъ, есть самоуправство. Затѣмъ стали считать, что самоуправство можно видѣть только въ случаѣ употребленія при осуществленіи своего права насилія, потомъ опять взглядъ измѣнился и т. д. Такихъ случаевъ много. Очевидно, что здѣсь слово криминалиста никакъ не можетъ быть безполезнымъ.

Но если такое слово полезно, то можно ли сказать, что выслушать его неудобно? Я думаю, что нѣтъ! Спрашивается—въ чемъ это неудобство можетъ выразиться? Да въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что товарищъ прокурора можетъ отсутствовать при слушаніи этихъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и въ губернскихъ присутствіяхъ, и, слѣдовательно, дѣло придется откладывать; во-вторыхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе необходимости приглашать товарища прокурора въ засѣданія Окружныхъ

Судовъ, придется и тутъ откладывать дѣла до его явки. Но оба эти соображенія, по моему мнѣнію, недостаточно сильны. Что касается перваго, то мы знаемъ, что и губернскія присутствія, и уѣздныя присутствія, и мировые съѣзды засѣдаютъ всегда въ опредѣленный день, когда назначается извѣстное число гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и для нихъ вызывается товарищъ прокурора. Разъ будетъ признано, что прокурорскому надзору необходимо по дѣламъ малолѣтнихъ, умалишенныхъ и т. д. давать заключеніе, то несомнѣнно, что товарищъ прокурора будетъ присутствовать въ засѣданіи, тѣмъ болѣе, что онъ пріѣзжаетъ обыкновенно на цѣлую сессію и отсутствіе его представляется крайне рѣдкимъ и исключительнымъ. Что касается до Окружного Суда, то если судъ усмотритъ, что въ дѣлѣ есть извѣстное уголовное обстоятельство и что полезно выслушать мнѣніе криминалиста, т. е. товарища прокурора, то таковой долженъ быть приглашенъ въ засѣданіе, такъ какъ засѣданіи гражданскихъ отдѣленій происходятъ въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, а слѣдовательно, и прокурора и большинства его товарищей, почему въ явкѣ одного изъ послѣднихъ никакого затрудненія быть не можетъ. Но предположимъ, что по какому-либо случайному стеченію обстоятельствъ товарища прокурора можетъ не быть на мѣстѣ, и тогда придется отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія. Невыгода этого будетъ вотъ какая. Если судъ рѣшитъ безъ товарища прокурора, то онъ это сдѣлаетъ, выслушавъ стороны, которыя, можетъ-быть, и не подозрѣваютъ, что судъ усматриваетъ уголовныя обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, и дѣло будетъ передано прокурору безъ выслушанія сторонъ объ уголовныхъ обстоятельствахъ. Но если дѣло не будетъ рѣшено, а отложено до приглашенія прокурора въ судебное засѣданіе, стороны будутъ знать, что тутъ возникаетъ уголовный вопросъ и при своихъ объясненіяхъ въ слѣдующемъ засѣданіи могутъ представить по этому поводу свои опроверженія. Такимъ образомъ, заключеніе прокурора, а также и передача дѣлъ по статьѣ 8 Устава Гражданскаго Судопроизводства будутъ гораздо болѣе обоснованными. Вотъ почему я думаю, что, кромѣ дѣлъ о подлогахъ, нужно предоставить суду возможность приглашать про-

курора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ предположеніе, что дѣло заключаетъ въ себѣ уголовныя обстоятельства. Въ подтвержденіе того, что заключенія прокурора могутъ быть весьма полезны и дать дѣлу настоящій, согласный съ правосудіемъ, оборотъ, сошлюсь на дѣло, которое близко извѣстно нашему докладчику законопроекта, Е. Ѳ. Турау, производившему по этому дѣлу слѣдствіе. Въ Екатеринославской губерніи въ серединѣ семидесятыхъ годовъ возникло важное, по своей сложной бытовой и нравственной обстановкѣ, дѣло по спору о завѣщаніи, оставленномъ помѣщикомъ Корбе. Истцы доказывали, что завѣщатель вдался въ спиритизмъ и подъ вліяніемъ недобросовѣстныхъ личностей, которыя пользовались этимъ его увлеченіемъ, составилъ завѣщаніе въ ихъ пользу по указаніямъ, совѣтамъ и приказаніямъ «духа Василія», говорившаго чрезъ медіума. Дѣло разбиралось очень долго; знаменитый Спасовичъ говорилъ два раза длинныя рѣчи, но, въ концѣ концовъ, по выслушаніи прекраснаго и всесторонняго заключенія прокурора, пришлось обратить все дѣло къ уголовому преслѣдованію, которое и поставило все и всѣхъ въ немъ на заслуженное мѣсто.

XII.

Разрѣшеніе объяснять присяжнымъ засѣдателямъ угрожающее подсудимому наказаніе.

(Засѣданіе 25 февраля 1910 г.).

Сущность проекта, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію, сводится къ отмѣнѣ установившагося въ нашихъ судахъ порядка, основаннаго на законѣ, воспрещающемъ защитнику касаться наказанія, которому подлежитъ подсудимый. Изъ этой статьи закона выводится не писанное, но принятое обычаемъ правило, по которому ни предсѣдатель, ни защитникъ, ни прокуроръ не имѣютъ права говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи. Государственная Дума предлагаетъ этотъ порядокъ измѣнить и внести въ законъ правило, по которому сторонамъ, а также и предсѣдателю разрѣшается, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предсѣдателю—когда онъ говоритъ заключительное слово, а стороны искажали предъ тѣмъ въ своихъ рѣчахъ обстоятельства дѣла,—даже вмѣняется въ обязанность говорить о томъ наказаніи, которому подлежитъ обвиняемый. Этому проекту нельзя не сочувствовать: онъ соотвѣтствуетъ пожеланію и опыту огромнаго большинства судебныхъ дѣятелей, имѣвшихъ дѣла на практикѣ съ судомъ присяжныхъ. Но противъ этого проекта могутъ быть сдѣланы возраженія съ разныхъ сторонъ. *Во-первыхъ*, можетъ быть указано (и я уже слышалъ такія указанія), что говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи значитъ искажать самую ихъ роль, ибо присяжные засѣдатели разрѣшаютъ вопросъ

факта, вопросъ же *права* разрѣшаетъ судъ. Между тѣмъ, при разрѣшеніи говорить о наказаніи, когда они будутъ слышать о грозящей подсудимому карѣ и принимать ее въ соображеніе передъ постановкой своего рѣшенія, они явятся судьями по вопросу права. Но однако такое указаніе не вѣрно, потому что присяжныхъ вовсе не спрашиваютъ о фактѣ совершенія преступленія тамъ, гдѣ этотъ фактъ не подлежитъ спору. Ихъ не спрашиваютъ о томъ, совершилось ли событіе убійства, когда оно несомнѣнно, а спрашиваютъ о томъ, было ли убійство, лишь когда является сомнѣніе въ томъ, есть ли это убійство или самоубійство. Поэтому предлагаемый имъ вопросъ касается виновности, а вовсе не одного факта. Такъ дѣйствуетъ все Европейское законодательство. Англія, родина суда присяжныхъ, за послѣднія два столѣтія не отдѣляла вопроса факта отъ вопроса права. Въ Англіи не спрашиваютъ присяжныхъ засѣдателей о фактѣ, а спрашиваютъ ихъ о томъ, годенъ ли обвинительный актъ или нѣтъ; имъ даже не ставится вопросовъ, какъ у насъ, а они прямо отвѣчаютъ «годенъ» или «не годенъ» и такимъ образомъ отвергаютъ или принимаютъ цѣликомъ обвинительный актъ. Правда, въ Англіи существовали, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя злоупотребленія во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда по преступленіямъ печати судьи ставили вопросъ о томъ, совершилъ ли такой-то, свое дѣяніе, т. е., издалъ ли онъ и напечаталъ ли такую то книгу, а сами уже рѣшали, есть ли эта книга преступленіе или нѣтъ, есть ли это «libel» или что-нибудь подобное. Но послѣ билля знаменитаго Фокса этотъ порядокъ былъ уничтоженъ, и съ тѣхъ поръ въ Англіи отвѣчаютъ прямо и просто, годится или не годится обвинительный актъ, т. е. виновенъ подсудимый или невиновенъ въ томъ преступленіи, которое описано въ этомъ актѣ. Въ Шотландіи еще отвѣчаютъ: «не доказано». Во Франціи, какъ извѣстно, согласно статьѣ 357 Code d'instruction criminelle, присяжныхъ засѣдателей спрашиваютъ о виновности, о culpabilité. Въ Германіи по § 293 германскаго устава уголовнаго судопроизводства спрашиваютъ присяжныхъ «ist der Angeklagte schuldig?» т. е. виновенъ ли, слѣдовательно, не только о событіи, не о фактѣ. Наша статья 754 устава уголовнаго

судопроизводства прямо требуетъ постановки вопроса о виновности, если только нѣтъ сомнѣнія въ событіи преступленія или въ умственныхъ способностяхъ подсудимаго. Итакъ, нашъ судъ присяжныхъ разрѣшаетъ не только вопросъ о фактѣ, но и вопросъ о правѣ, иными словами, онъ разрѣшаетъ вопросъ о виновности, а судъ разрѣшаетъ вопросъ о наказаніи. Если это такъ, то есть ли какое-либо основаніе скрывать отъ присяжныхъ засѣдателей то, чего они въ сущности не могутъ не знать или что имъ слѣдуетъ знать?

Что такое судъ присяжныхъ? Собраніе людей изъ разныхъ сословій, призванныхъ судить. Черпаютъ ихъ, такъ сказать, ковшомъ изъ моря общественной жизни, составляютъ изъ нихъ особое присутствіе по жребію и говорятъ имъ: вы представители общества, власть сдѣлала все, что можетъ для того, чтобы раскрыть дѣйствія человѣка, который представляется вреднымъ или опаснымъ; теперь отъ васъ зависитъ опредѣлить, насколько она ошиблась или была права, и дать ей основаніе, если этотъ человѣкъ дѣйствительно вреденъ и опасенъ, приложить къ нему наказаніе. При этомъ нельзя не вспомнить статью 95-ую нашихъ Основныхъ Законовъ. Она говоритъ: «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона». Какимъ же образомъ вводить правило, что присяжнымъ засѣдателямъ вмѣняется въ обязанность не знать законовъ о наказаніи и что запрещается имъ говорить о немъ, т. е. говорить о томъ, что они, какъ граждане, обязаны знать и не имѣютъ права не знать? Затѣмъ, присяжнымъ засѣдателямъ предоставляется признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. Законъ говоритъ, что подсудимый признается заслуживающимъ снисхожденія по обстоятельствамъ дѣла. Но, господа, самое важное обстоятельство въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ есть самъ подсудимый, его личность. Современное уголовное право давно уже отказалось отъ взгляда, что судится только дѣяніе; нѣтъ, судится цѣлая личность преступника. Такъ говорили объ этомъ составители Судебныхъ Уставовъ, такъ говоритъ и современный взглядъ на такъ называемое «преступное состояніе», которое выражается въ томъ, что въ центрѣ обсужденія дѣла находится самъ подсудимый, а отъ него радіусами къ окружности

идутъ его общественное и матеріальное положеніе и тѣ соблазны, которымъ онъ, въ силу этого положенія подвергается, степень его развитія, состояніе его душевнаго и физическаго здоровья, степень пониманія имъ важности совершеннаго дѣянія и т. д. Только обсужденіе всей этой совокупности даетъ дѣйствительно правосудный приговоръ. Если это такъ, если нельзя отрицать за присяжными права познакомиться со всею личностью обвиняемаго для того, чтобы правильно произнести рѣшеніе о томъ, заслуживаетъ ли онъ снисхожденія, то какъ же отрицать за ними право вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться и съ послѣдствіями, которыя будетъ имѣть для него самое наказаніе. Конечно, присяжные должны смотрѣть *назадъ*, на то, что совершилъ подсудимый, но нельзя никакъ заставить ихъ не смотрѣть *впередъ*, т. е. на то, что послѣдуетъ съ тѣмъ подсудимымъ, котораго они судятъ. Мы имѣемъ цѣлую массу приговоровъ, которые ясно на это указываютъ. Достаточно указать на уголовную судебную практику по дѣламъ о *дѣтоубійствѣ*. Дѣла эти обыкновенно сводятся къ приговорамъ о сокрытіи трупа ребенка, рожденнаго отъ незаконной связи. Присяжные засѣдатели, видя передъ собой несчастную женщину, брошенную любовникомъ въ беременномъ состояніи, которая не знала, куда ей дѣваться, обуреваемая страхомъ и стыдомъ,—не имѣютъ мужества признать ее виновной въ дѣтоубійствѣ, такъ какъ знаютъ, что за это ей грозитъ каторга. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно признаютъ ее виновной въ сокрытіи трупа. Можно соглашаться съ такимъ рѣшеніемъ или нѣтъ, но это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что присяжные засѣдатели заглядываютъ впередъ. Затѣмъ мы знаемъ цѣлый рядъ преступленій, по которымъ законодатель былъ вынужденъ прислушаться къ голосу присяжныхъ засѣдателей и измѣнить или отмѣнить свои карательныя опредѣленія. Такимъ образомъ было поступлено съ лицами, совершавшими преступленіе противъ паспортной системы. Когда присяжные засѣдатели видѣли какую-нибудь женщину, которая ушла отъ мужа, вслѣдствіе его жестокаго обращенія съ нею—такое дѣло было однажды въ моей практикѣ,—и получила паспортъ отъ какой-нибудь благодѣтельной старухи и по этому паспорту въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ про-

живала въ качествѣ прислуги, няни, горничной и т. п. и затѣмъ была опознана и ее поставили на судъ,—они не могли сказать, что она виновна, понимая, что они этимъ разобьютъ ея жизнь и что, въ сущности, она не виновата, ибо передъ ними не было непосредственно потерпѣвшаго отъ ея преступленія, который бы плакался передъ ними и говорилъ о своей обидѣ. А когда прокуроръ говорилъ, что это преступленіе противъ паспортной *системы* и что при этомъ нарушены постановленія этой системы, присяжные засѣдатели отвѣчали оправдательнымъ приговоромъ. Въ концѣ концовъ, законодатель долженъ былъ изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, значительно смягчивъ для этого наказаніе. Вотъ первое соображеніе, которое можно привести противъ того, что принятіе этого законопроекта было бы нарушеніемъ принципа раздѣленія задачъ присяжныхъ и суда.

Обратимся ко *второму* возраженію: о нецѣлесообразности такой отмѣны. Я думаю, что она цѣлесообразна вполнѣ. Во-первыхъ, она нужна уже потому, что избавляетъ присяжныхъ засѣдателей отъ боязни, что отъ нихъ что-то скрываютъ, что съ ними играютъ въ прятки, а эта боязнь усиливаетъ ихъ стремленіе къ оправданію въ противовѣсъ не вполнѣ откровенному обвиненію. Поэтому это нужно даже для того, чтобы были правильные приговоры. Говоря о правильныхъ приговорахъ, я имѣю въ виду тѣ частыя нападки на судъ присяжныхъ, которыя существуютъ въ обществѣ и печати, иногда возникая съ особой остротой. Всякій, кто велъ дѣло съ присяжными засѣдателями, знаетъ, что бываютъ иногда приговоры присяжныхъ, съ которыми не всегда можно согласиться, но нѣтъ ни одного, котораго нельзя было бы объяснить разумнымъ образомъ. Для того же, чтобы его объяснить, надо судить не по газетнымъ отчетамъ, по хлесткимъ фельетонамъ и по салоннымъ разговорамъ, а быть самому въ судѣ и видѣть тѣ неуловимыя стороны дѣла, которыя вліяютъ на душу присяжныхъ и заставляютъ ихъ, по совѣсти, притти къ тому или другому рѣшенію. Говорятъ, что присяжные засѣдатели оправдываютъ чрезмѣрно много, что поэтому этотъ видъ суда проявляетъ мало репрессіи. Я сошлюсь на одно весьма авторитетное лицо въ судебномъ мірѣ, на бывшаго Министра

Юстиціи Муравьева, который въ блестящемъ докладѣ, сдѣланномъ въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ, еще когда онъ былъ прокуроромъ Судебной Палаты, доказывалъ, что репрессія присяжныхъ, т. е. ихъ обвинительные приговоры болѣе сильны и часты, чѣмъ обвинительные приговоры суда безъ присяжныхъ или суда съ сословными представителями. Это же подтвердили старшіе предсѣдатели и прокуроры Судебныхъ Палатъ, созванные въ особое совѣщаніе въ 1895 г. Поэтому скрывать отъ присяжныхъ засѣдателей что-либо—значитъ толкать ихъ на неправильный путь, и съ этой точки зрѣнія мы недавно сдѣлали еще шагъ впередъ, чтобы дать имъ возможность не стѣсняться соображеніями о томъ, что ихъ заставляютъ играть въ жмурки, но знать все. Мы приняли проектъ о зачетѣ предварительнаго заключенія. Однако правила этого проекта не будутъ имѣть практическаго значенія, если не разрѣшить предъ присяжными засѣдателями говорить о томъ, что то обстоятельство, что подсудимый просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, ему можетъ быть зачтено или будетъ зачтено. Иначе присяжные засѣдатели, какъ это дѣлается и теперь, будутъ думать: этотъ человѣкъ уже отбылъ свое наказаніе и столько просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, что теперь его напрасно, несправедливо и не стоитъ наказывать. Слѣдовательно, о возможности зачета придется говорить присяжнымъ засѣдателямъ уже для того, чтобы этотъ законъ получилъ практическую силу.

Пойдемте далѣе. Намъ говорятъ, что совершенно правильно запрещается говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи. Но если правильно и разумно запрещается, то нарушеніе этого запрета должно влечь за собою кассацію приговора, постановленнаго при такихъ противозаконныхъ условіяхъ. Однако, этого вовсе нѣтъ. Правительствующій Сенатъ еще въ 1866 г. рѣшилъ, что если предсѣдатель остановилъ сторону, которая говоритъ о наказаніи, и объ этомъ занесено въ протоколъ подробно, то ссылка сторонъ на наказаніе не есть кассаціонный поводъ; въ 1869 Сенатъ г. вновь призналъ, что если въ протоколѣ сказано, что сторона, позволявшая себѣ говорить о наказаніи, своевременно была остановлена, то это

тоже не поводъ для кассаціи. Итакъ, значитъ, въ сущности, это не есть серьезное нарушеніе, а, слѣдовательно, возможность уклоненія отъ запрещенія говорить о наказаніи не влечетъ за собою никакой опасности для тѣхъ, кто уклоняется. На практикѣ, по обыкновеннымъ дѣламъ, присяжные засѣдатели отлично знаютъ, какому наказанію подлежитъ обвиняемый. Они не могутъ не знать, что могутъ быть приглашены судить лишь по дѣлу, которое сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; это всѣмъ имъ съ перваго же дня сессіи извѣстно. Затѣмъ, большею частью дѣла эти касаются кражъ со взломомъ и съ увеличивающими вину обстоятельствами. Когда присяжные засѣдатели произнесутъ по первымъ двумъ дѣламъ свое рѣшеніе и выслушаютъ приговоръ суда, они уже отлично знаютъ, какое наказаніе будетъ назначено за всѣ подобныя преступленія. Что же касается до дѣлъ необычныхъ, то здѣсь происходитъ двоякое. Бываетъ, что присяжные засѣдатели не знаютъ о наказаніи и тогда они начинаютъ бояться, что, напримѣръ, всѣ преступленія, связанныя съ лишеніемъ жизни, влекутъ за собою слишкомъ строгое наказаніе. Есть преступленія, которыя кончаются лишеніемъ жизни, но которыя сами по себѣ, все-таки, не представляютъ такого преступленія, которое заслуживаетъ самаго строгаго по закону наказанія. Таковы, напримѣръ, убійство въ дракѣ, нанесеніе побоевъ безъ умысла на убійство, но вызвавшее смерть, убійство новорожденнаго урода, неимѣющаго человѣческаго образа и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти дѣла подсудны присяжнымъ засѣдателямъ, и у присяжныхъ засѣдателей является мысль: тутъ убійство, смерть, а разъ смерть, конечно, будетъ и самое строгое наказаніе, каторга, а имъ никто не имѣетъ права объяснить, что тутъ каторги нѣтъ и помину, что тутъ наказаніе гораздо болѣе слабое. Посмотрите, какъ совершается на практикѣ это нарушеніе. Защитникъ не имѣетъ права говорить о наказаніи, но онъ говоритъ горячую рѣчь, въ концѣ которой его пафосъ увеличивается и рѣчь кончается обыкновенно словами: «г.г. присяжные засѣдатели, я надѣюсь, что вашъ приговоръ не заставитъ подсудимаго въ дебряхъ Сибири, подъ холоднымъ полярнымъ кругомъ, въ снѣгахъ и стужѣ вспоминать о нынѣшнемъ днѣ». Предсѣдатель восклицаетъ:

«Вы не имѣете права говорить о наказаніи». Защитникъ отвѣчаетъ: «я кончилъ». Слѣдовательно, останавливать—это значитъ только подчеркивать указаніе на наказаніе и при томъ невѣрное. Затѣмъ подсудимый говоритъ послѣднее слово. Какъ вы удержите простого человѣка—а ихъ большинство—отъ того, чтобы онъ не сказалъ: «помилуйте, кормильцы, куда же вы меня теперь, въ Сибирь; у меня жена, дѣти». Этого предотвратить нельзя. Наконецъ, есть случай, когда нравственно невозможно остановить говорящаго. Придетъ мать или жена подсудимаго; она не откажется давать свои показанія, она будетъ, какъ свидѣтельница, говорить о дѣлѣ своего мужа или сына и въ концѣ расплачется и скажетъ: «и вотъ теперь его, родимаго, пошлютъ въ каторжныя работы». На практикѣ это приводитъ къ тому, что предсѣдатель, не имѣя права самъ говорить о наказаніи, можетъ лишь только запоздало останавливать, не имѣя права сказать: «г.г. присяжные засѣдатели, дѣйствительное наказаніе, грозящее подсудимому,—такое-то».

Но есть и другія дѣла, гдѣ этого нарушенія правила объ игрѣ въ прятки нѣтъ, гдѣ стороны не говорятъ о наказаніи и гдѣ дѣло идетъ въ этомъ отношеніи гладко. Тутъ могутъ быть два случая, одинаково печальные для правосудія. *Первый*—въ сторону строгости. Представьте себѣ, что суду присяжныхъ засѣдателей предается человѣкъ, который, согласно указанію статьи 832 Уложенія о Наказаніяхъ, обвиняется въ томъ, что вышелъ за карантинную черту или вышелъ изъ оцѣпленнаго мѣста не въ опредѣленное время для этого. Присяжнымъ и ставится вопросъ объ этомъ. Они находятъ, что это нехорошо, что, вѣроятно, за это будетъ назначена тюрьма или арестъ и что правильно произнести обвинительный приговоръ, и, чтобы не давать повадки, не дать даже и снисхожденія. А судъ выноситъ резолюцію: лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни. Какъ отнесутся къ этому присяжные? Въ большинствѣ случаевъ, этотъ страшный результатъ по неважному, какъ имъ казалось, преступленію приведетъ къ тому, что они во всѣхъ остальныхъ случаяхъ будутъ бояться подобнаго рода западни и будутъ стараться, если воз-

можно, оправдывать только для того, чтобы этого сюрприза съ ними вновь не случилось. Но возможенъ *второй* случай и въ другую сторону, а именно, когда и въ ихъ средѣ, находится какой-нибудь любитель справокъ, который приноситъ въ карманѣ маленькое Уложеніе о Наказаніяхъ и по нему толкуетъ, вкривь и вкось, какому наказанію подвергнется подсудимый, или же когда какой-нибудь самозванный юристъ, служившій гдѣ-нибудь въ уѣздной Управѣ, или въ уѣздномъ Полицейскомъ Управленіи, или въ упраздненномъ Уѣздномъ Судѣ, считая себя знатокомъ уголовныхъ законовъ, станетъ разъяснять присяжнымъ, какое подсудимому предстоитъ наказаніе, въ то время, когда они, уйдя въ комнату совѣщанія, конечно, начнутъ интересоваться послѣдствіями своего рѣшенія. Что такіе вопросы возникаютъ у нихъ—не подлежитъ сомнѣнію, и нерѣдко послѣ разъясненія о наказаніи, сдѣланнаго несвѣдущимъ, невѣжественнымъ человѣкомъ, иногда, можетъ-быть, дѣйствующимъ даже недобросовѣстно, они именно на основаніи такого разъясненія вынесутъ свое рѣшеніе. Можно ли это допускать? Господа, позвольте вамъ разсказать случай изъ моей судейской практики. Сынъ купца-милліонера, извѣстнаго своимъ уголовнымъ процессомъ, былъ въ связи съ одной женщиной и ожидалъ, вслѣдствіе заявленія ея и приглашенной акушерки, вскорѣ сдѣлаться отцомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ приглашенъ къ умирающей родильницѣ, которая подарила ему сына. Уступая ея желанію, тронутый ея судьбой и рожденіемъ сына, который, по словамъ акушерки, былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды, онъ далъ ей шесть тысячъ рублей для того, чтобы успокоить ее въ послѣднія минуты за сына. Черезъ три дня акушерка пришла къ нему и сказала, что съ такой мошенницей дѣла имѣть не желаетъ и ее щадить не хочетъ, потому что она обѣщала ей 3000 р., а дала за труды только 300 р. При этомъ она объяснила, что беременность была притворная, гуттаперчивая, а ребенокъ былъ взять напрокатъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о шантажѣ, но такъ какъ нашъ законъ шантажа не знаетъ до сихъ поръ, то, по аналогіи, приходилось примѣнить постановленія о мошенничествѣ. Подсудимыя сознались,

а извѣстный адвокатъ Александровъ просилъ *только о снисхожденіи*, но присяжные послѣ четверти часа совѣщанія вынесли оправдательный приговоръ. И когда я въ разговорѣ со старшиной присяжныхъ указалъ трудно объяснимый и странный результатъ ихъ совѣщаній, онъ мнѣ сказалъ: «помилуйте, г. предсѣдатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы съ дорогой душой обвинили, а вѣдь за это каторжныя работы». Когда же я ему указалъ, что подсудимымъ слѣдовало наказаніе отъ 1 до 3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, то старшина пришелъ въ крайнее изумленіе, сожалѣя, что они впали въ такую ошибку, вслѣдствіе того, что въ составѣ присяжныхъ былъ отставной чиновникъ, который ихъ увѣрилъ, что за это преступленіе непремѣнно должны быть назначены каторжныя работы. Вотъ результатъ умолчанія передъ присяжными о наказаніи! Позвольте еще указать, что въ 1895 г. былъ съѣздъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, и большинствомъ 19 противъ 1 было признано необходимымъ въ цѣляхъ правосудія допустить оглашеніе передъ присяжными наказанія, которое грозитъ обвиняемому.

Предвижу еще одно возможное возраженіе. Могутъ сказать: зачѣмъ это право предоставлять и предсѣдателю и сторонамъ, зачѣмъ давать послѣднимъ это право? Достаточно постановить, что предсѣдатель, если присяжные засѣдатели пожелаютъ ознакомиться съ наказаніемъ, на ихъ просьбу отвѣчаетъ надлежащимъ разъясненіемъ. Господа, такое требованіе на первый взглядъ какъ будто соблазнительно, но оно нецѣлесообразно и непріемлемо. Если мы будемъ имѣть въ виду С.-Петербургъ и Москву, то къ составу дѣйствующихъ въ нихъ активныхъ присяжныхъ это еще можетъ быть примѣнимо. Но судъ присяжныхъ дѣйствуетъ по всей Россіи среди сельскаго населенія, и есть уѣздные присяжные засѣдатели, которые, въ большинствѣ случаевъ, относятся съ извѣстною робостью къ суду и будутъ стѣсняться возбуждать вопросъ о наказаніи. Имъ покажется, что это неумѣстное любопытство, неумѣстное безпокойство, причиняемое суду. Кромѣ того, при уѣздныхъ сессіяхъ присяжныхъ, зачастую не бываетъ защитниковъ; а прокуроръ о наказаніи говорить не станетъ, да и самъ предсѣдатель,

по собственному побужденію, говорить будетъ далеко не всегда, если въ законѣ такого предписанія не содержится. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ былъ бы въ сущности полумѣрой; а въ законодательномъ дѣлѣ полумѣры никогда ни къ чему хорошему не приводятъ. Тутъ надо рѣшить опредѣленно—да или нѣтъ!

XIII.

Увеличеніе содержанія судебнымъ чинамъ.

(Засѣданіе 27 іюня 1908 г.).

Позвольте просить васъ, господа, выслушать нѣсколько словъ объ увеличеніи содержанія судебнымъ чинамъ, такъ какъ докладъ Комиссіи состоялся не единогласно и противъ проекта закона, повидимому, явятся одностороннія возраженія. Когда на смѣну стараго суда явились, при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, новыя учрежденія, когда Императоръ Александръ II удовлетворилъ насущую потребность и осуществилъ горячія желанія своего народа, надежды котораго могли быть выражены словами Требника «да суды Его немздоимны и нелицепріятны сохранитъ»—судебное сословіе было поставлено высоко. Судьи были,—сравнительно съ ихъ прежнимъ нищенскимъ жалованьемъ,—хорошо обезпечены,—поставлены, въ силу своей несмѣняемости, въ самостоятельное и независимое положеніе и выдѣлены изъ рядовъ обычнаго чиновничества, получивъ свойственныя своему званію и труднымъ обязанностямъ особыя служебныя права, внѣ общихъ заурядныхъ правилъ. Но медовый мѣсяцъ судебнаго преобразованія продолжался недолго. Въ своемъ отвѣтственномъ трудѣ новымъ судамъ пришлось первое время часто итти въ разрѣзъ со старыми привычками личнаго усмотрѣнія и нестѣсняемости общими, равными для всѣхъ, правилами—и мало-по-малу судебные дѣятели изъ возлюбленныхъ дѣтей, подававшихъ блестящія надежды, совершенно незаслуженно и близоруко были обращены

почти что въ пасынковъ. Отсутствіе своевременной заботы о матеріальной сторонѣ ихъ быта, въ виду все увеличивающагося вздорожанія предметовъ первой необходимости, привело ихъ въ состояніе нужды, которую даже и скрыть нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ медленно стала вырастать на ихъ горизонтѣ туча, называемая пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ въ Комиссіи при Министерствѣ Юстиціи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева, съ 1894 по 1899 годъ—грозившая замѣною догмата о независимости судьи—понятіемъ о ней, какъ о терпимомъ злѣ, и обратить рядомъ служебныхъ комбинацій *судебнаго дѣятеля* въ обыкновеннаго *чиновника по судебной части*. Нынѣ обстоятельства, повидимому, измѣнились и будемъ надѣяться, что туча эта, уже теперь весьма растаявшая, пройдетъ мимо судебнаго вѣдомства, окончившись не вреднымъ ливнемъ, а рядомъ благотворныхъ мѣръ по необходимому *ремонту*, но не по *искаженію* судебныхъ уставовъ. Г. Министръ Юстиціи уже отозвался на властныя требованія жизни и раскрылъ передъ вами вопіющую нужду судебнаго сословія. Онъ внялъ голосу мудраго старика Бентама, сказавшаго: «дешевый судъ дорого обходится народу».

Въ высшей степени неправильно было бы сравнивать работу судьи съ работой должностныхъ лицъ другихъ присутственныхъ мѣстъ. Какъ бы ни былъ преданъ своему дѣлу и усерденъ управляющій контрольной или казенной Палатой, онъ имѣетъ право быть занятъ лишь въ присутственные часы; кончились они—и онъ можетъ всецѣло отдаться семьѣ, знакомымъ, развлеченіямъ, книгамъ или какому-нибудь любимому занятію. А судья, понимающій и выполняющій свой долгъ,—когда свободенъ онъ отъ умственной работы, отъ изученія дѣлъ, отъ раздумья о завтрашнемъ рѣшеніи, отъ тревожныхъ воспоминаній и провѣрки себя по поводу вчерашняго приговора? И сколько у него личной, хотя и важной, но черной работы по писанію опредѣленій и всѣхъ этихъ рѣшеній и приговоровъ! Посмотрите затѣмъ на матеріальныя условія и обстановку его службы, на эти частые и продолжительные разъѣзды,—на отсутствіе опредѣленныхъ часовъ для окончанія занятій, размѣръ и длительность которыхъ зависятъ не отъ него, а отъ хода дѣла,—на эти бдѣнія въ судѣ за полночь, и сидѣнье

съ присяжными иногда по цѣлымъ недѣлямъ,—на пребываніе въ случайныхъ, неудобныхъ помѣщеніяхъ, съ ночевкою по избамъ и уѣзднымъ постоялымъ дворамъ, — на случайную, нездоровую пищу, на прикованность къ письменному столу и т. д. Вспомните тяжесть нравственную, одинаковую и для судьи, и для прокурора, если только онъ хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ созда, и его Судебные Уставы, т. е. *говорящимъ судьею*, а не обвинителемъ во что бы то ни стало. Быть можетъ, ни одна служба не даетъ такъ мало не отравленныхъ чѣмъ-нибудь радостей и не сопровождается такими внутренними скорбями и тяжелыми испытаніями, лажащими внѣ ея и въ ней самой. Ни въ одной дѣятельности не приходится такъ часто тревожить свою совѣсть, то призывая ее въ судьи, то требуя отъ нея указаній, то отыскивая въ ней, въ ней одной, поддержки и утѣшенія среди негодованія слѣпой толпы или осязательнаго недовольства представителей власти. При томъ общіе результаты дѣятельности судьи для него неуловимы. Судья не имѣетъ, по большей части, счастья сказать себѣ: «вотъ это—результатъ того, что я сдѣлалъ» или «вотъ этому явленію въ культурной жизни родины и я содѣйствовалъ». Онъ, конечно, вкладывается своимъ трудомъ въ это дѣло, но какъ кусочекъ мозаики, незамѣтно и невѣдомо для себя самого. А какое душевное и физическое утомленіе сопровождаетъ его работу! Покойный извѣстный психіатръ и глубокій психологъ И. П. Мержеевскій, предъ глазами котораго прошелъ легіонъ нервнобольныхъ, переутомленныхъ, неврастениковъ и близящихся къ роковой чертѣ, за которую погасаетъ умъ, иногда очень свѣтлый, но не вынесшій постояннаго напряженія,—говорилъ мнѣ, что къ нему обращается такъ много судебныхъ дѣятелей, что онъ пришелъ къ убѣжденію, что если бы связанные непосредственнымъ нисходящимъ родствомъ три человѣка преемственныхъ поколѣній занимались судебною дѣятельностью, то четвертый въ родѣ несмнѣнно страдалъ бы вырожденіемъ. Вотъ почему намъ нельзя мечтать о той «noblesse de robe», которою такъ гордились французы и среди которой одна фамилія Мопу дала въ теченіе 250 лѣтъ пятьдесятъ судей разныхъ наименованій.

Какое же обезпеченіе получаютъ судебные дѣятели за эту

свою трудную дѣятельность? Министръ Юстиціи представилъ Государственной Думѣ свѣдѣнія объ этомъ. Общій выводъ изъ нихъ тотъ, что обычный типъ русскаго судьи и лица окружной прокуратуры изображаетъ намъ человѣка, который долженъ сводить свои потребности до крайнихъ низшихъ предѣловъ возможнаго и приличнаго,—который жмется при каждомъ неизбѣжномъ расходѣ,—котораго властно тѣснятъ мелочи жизни и грошовые расчеты, не позволяя никакихъ развлеченій, никакого личнаго отдыха,—человѣка, который не можетъ разрѣшить себѣ купить хорошую книгу, выписать большой журналъ,—который не можетъ позволить себѣ роскошь семьи, а если позволилъ, то радость имѣть дѣтей отравлена для него тревогою о томъ, какъ ихъ прокормить, одѣть, воспитать.... Я зналъ такихъ судей, я съ горестью и умиленіемъ вспоминаю старѣйшаго судью столичнаго суда, гдѣ я былъ предсѣдателемъ, бѣгавшаго, чтобы поддержать семью, на старости лѣтъ, по урокамъ, всегда въ одномъ и томъ же пальто—слишкомъ тепломъ для лѣта, слишкомъ легкомъ для зимы. А прибавьте къ этому неожиданныя бѣдствія, семейныя потери, болѣзни! Позвать извѣстнаго въ своей спеціальности врача—не по средствамъ, пойти на амбулаторный пріемъ—некогда! Знаменитый юристъ-романистъ Виндшейдъ сказалъ, что юстиція служанка закона, но служанка въ терновомъ вѣнцѣ. Что сказалъ бы онъ, приглядѣвшись къ житью-бытью бѣднаго русскаго судебнаго слуги закона?! А между тѣмъ, этотъ слуга закона пронесъ незапятнаннымъ ввѣренное ему въ 1866 г. знамя и несетъ его такъ до сихъ поръ, рѣдко спотыкаясь, порою изнемогая, но никогда, никогда не замаравъ корыстью или лихоимствомъ тѣхъ рукъ, которыя держатъ это знамя... Онъ доказалъ, что старая, вызванная бездушіемъ и продажностью стараго суда, печальная поговорка «не суда бойся,—бойся судьи...», съ тѣхъ поръ какъ дѣйствуютъ Судебные Уставы—потеряла свою силу.

Но ему вѣдь помогаетъ Министерство,—скажутъ мнѣ,—вѣдь и теперь въ смѣтѣ послѣдняго есть сумма на пособія въ размѣрѣ 92.000 р. въ годъ. Но, господа, это капля въ морѣ нужды. Этого хватаетъ только на самые экстренные случаи и при томъ въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. Я помню

моего товарища по званію оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента—М. Ф. Губскаго, благороднѣйшаго человѣка, даровитаго и заслуженнаго труженика и тонкаго юриста, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. На предсмертную его поѣздку въ Карлсбадъ ему можно было ассигновать только 150 р., а когда онъ умеръ, оставивъ большую семью и нѣсколько рублей, сумма, выданная на похороны, была столь незначительна, что его отпѣвали вмѣстѣ съ другими покойниками за общей литургіей въ кладбищенской церкви,—и пришли его проводить лишь немногіе, ибо по *шестому разряду* товарищества похоронныхъ процессій полагается лишь одно объявленіе о смерти, да и то на задней страницѣ газеты. Для тѣхъ, кто зналъ его—онъ лежитъ по *первому разряду* на кладбищѣ ихъ сердца,—но предоставляю вамъ судить, какъ ободрительно должны были дѣйствовать на другихъ, подобныхъ ему беззавѣтныхъ работниковъ судебнаго дѣла, такія условія жизни и обстановка отданія послѣдняго долга!

Скудость средствъ на пособія вызвала учрежденіе благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства. Я имѣю честь состоять уже $4^1/_2$ года предсѣдателемъ этого общества. За это время мы выдали лицамъ не ниже судебнаго слѣдователя и ихъ семьямъ около 106.000 р. Распредѣленіе этой суммы дополнитъ намъ уже имѣющіяся свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи чиновъ судебнаго вѣдомства. Нуждающихся въ помощи семействъ усопшихъ судебныхъ дѣятелей оказалось 1.040 человѣкъ на сумму пособій въ 63.000 р.; состоящихъ на службѣ 142—на сумму пособій въ 14.000 р. Но кто эти *состоящіе*, подходящіе подъ уставъ общества только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ? Это люди, которымъ уже заглядываетъ въ лицо смерть, властно указывая на необходимость лѣчиться или лѣчить самыхъ близкихъ и дорогихъ, и которымъ не въ силахъ помочь ни бѣдняки товарищи, ни содержимое въ *оскудѣніи* Министерство Юстиціи. И можно себѣ представить душевное состояніе и все переживаемое иной вдовой члена Палаты или дочерью сенатора, когда онѣ вынуждены неотвратимой нуждою обратиться къ официальной благотворительности... А затѣмъ на окончаніе курса въ университетѣ, на высшихъ женскихъ и медицинскихъ курсахъ и въ гимназіи, а также на воспи-

таніе дѣтей выдано—на первую потребность 83 молодымъ людямъ 4.915 р., а на вторую —263 лицамъ сумма въ 24.000 р. Всѣ первыя выдачи вызваны опасностью исключенія изъ учебныхъ заведеній за невзносъ платы за ученіе, иногда предъ самымъ окончаніемъ курса. Здѣсь приходилось спѣшить на помощь судебнымъ дѣятелямъ, которые иначе были бы поставлены въ горестную необходимость сказать своему сыну или дочери: «проработавъ всю жизнь на службѣ русскому правосудію, я, давшій тебѣ жизнь, не имѣю средствъ дать тебѣ то образованіе, которое получилъ самъ. Прости ты меня, старика!»

Я далекъ отъ мысли, что проектъ, намъ предлагаемый, безупреченъ. Въ немъ много недодѣланнаго... Достаточно указать хотя бы на то, что старшій нотаріусъ, равный по закону судьѣ и считающійся членомъ суда, занимающій важную и отвѣтственную должность, не сравненъ въ окладѣ съ членомъ Окружного Суда, тогда какъ очень желательно, чтобы именно члены суда переходили въ старшіе нотаріусы. Затѣмъ, почему-то лишены пятилѣтней прибавки члены Судебныхъ Палатъ, такъ что, по прослуженіи въ своемъ званіи десяти лѣтъ, ни одинъ членъ Суда не будетъ видѣть ничего привлекательнаго въ званіи члена Палаты и не захочетъ сдвинуться съ насиженнаго мѣста. А между тѣмъ, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, членами Палаты должны назначаться опытнѣйшіе юристы, и ихъ среду необходимо освѣжать житейскимъ опытомъ и большею близостью къ живому матеріалу дѣла, свойственными членамъ Суда. При этомъ нельзя не замѣтить, что нынѣ есть такіе заслуженные члены Палатъ, лишать которыхъ прибавки, ассигнуемой членамъ Суда, несправедливо. Въ Виленской Палатѣ есть членъ, занимающій эту должность 26 лѣтъ, въ Одессѣ одинъ—занимающій 32 года, въ Варшавѣ—трое по 21 году и одинъ 23 года и, наконецъ, въ Тифлисской Судебной Палатѣ есть членъ, носящій это званіе уже 30 лѣтъ. Затѣмъ представляется непослѣдовательнымъ давать старшему предсѣдателю Палаты въ Петербургѣ квартирную прибавку, въ виду дороговизны жизни въ столицѣ и не давать ее кассаціоннымъ сенаторамъ, тѣмъ болѣе, что даже и при назначеніи 9.000 р. въ годъ сенаторы будутъ по-

лучать всего 7.360 р. за вычетами % на пенсію и эмеритуру. Составители Судебныхъ Уставовъ, назначая 44 года назадъ сенатору 7.000 р., вовсе не имѣли въ виду такого огромнаго процента вычета на пенсію, и нынѣшняя прибавка въ 360 р. является своего рода насмѣшкою. Но я не предлагаю ничего мѣнять въ проектѣ. Эти измѣненія могутъ быть произведены отдѣльно, въ будущую сессію, теперь же надо поспѣшить его утвержденіемъ и тѣмъ сказать труженикамъ судебнаго дѣла, что законодательная власть признаетъ и цѣнитъ заслуги представителей власти судебной и участливо относится къ ихъ нуждамъ.

XIV.

Мѣстный судъ.

(17 февраля 1912 года).

Признаю необходимымъ добавить нѣсколько словъ къ тому, что уже было здѣсь сказано по отношенію къ институту земскихъ начальниковъ. Признавая, что въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ этотъ институтъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, могъ иногда оказывать услуги общественному порядку, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что, въ общемъ, это учрежденіе, какъ судебное, по свойствамъ своимъ представляется случайнымъ, не могущимъ войти въ качествѣ составной части въ органическое устройство для отправленія правосудія въ Россіи. Къ этимъ его свойствамъ относится прежде всего совершенно недопустимое и по идеѣ, и по осуществленію *сліяніе воедино административной и судебной власти въ рукахъ одного лица.* Намъ говорилось здѣсь, что понятіе о невозможности этого сліянія есть отвлеченность, а дѣйствительность и практика его допускаютъ. Да! практика, къ сожалѣнію, часто терпитъ многія вещи, которыя недопустимы теоретически, но, въ данномъ случаѣ, требованіе раздѣленія властей не одно отвлеченное, метафизическое начало, а такое, которое коренится и въ мышленіи и въ опытѣ всѣхъ лицъ, которыя приглядывались къ жизни и ея проявленіямъ. Этотъ опытъ говоритъ о необходимости строго разграничивать административный взглядъ, политическія соображенія и начальственныя распоряженія отъ стремленія

къ правосудію и къ работѣ судейской совѣсти, которая предписываетъ сообразоваться не съ тѣмъ, что надо предупреждать *вообще*, а съ тѣмъ, что надо обсудить по *конкретнымъ*, наличнымъ обстоятельствамъ. Необходимость этого разграниченія подсказываетъ намъ не только житейскій опытъ, не только пониманіе коренныхъ основъ общежитія, но и этическое правило, преподанное намъ давно и преподанное съ такой высоты, которая стоитъ внѣ спора. Давно уже—и навѣки неоспоримо было сказано: «никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного возненавидитъ, а другого возлюбитъ, или одному станетъ усердствовать, а другому нерадѣть». И эти слова Спасителя, мнѣ кажется, лучше всего указываютъ на невозможность успѣшнаго и равноцѣннаго служенія двумъ совершенно разнымъ сферамъ дѣятельности. Въ нашей Комиссіи указывалось, что хотя Западъ и выработалъ строгое различіе между административной и судебной областями, но что для славянской природы это различіе не существенно и не приложимо. Сомнѣваюсь, чтобы это было такъ. Вы уже слышали отъ Министра Юстиціи о томъ, какъ въ нашей правовой исторіи сложился раздѣлъ этихъ властей; въ дополненіе я могу сослаться на мнѣніе недавно насъ оставившаго нашего сочлена, покойнаго профессора Н. П. Загоскина, который въ спеціальномъ изслѣдованіи весьма подробно разработалъ, какъ съ 1556 г. въ Россіи раздѣлялась мѣстная судебная власть отъ административной и какая разница существовала между губнымъ производствомъ и губными старостами съ одной стороны, и земскими головами, которые были представителями мѣстнаго самоуправленія, съ другой. Поэтому мнѣ кажется, что указаніе на славянскую природу, побуждающую судью и администратора, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, постоянно заступать за постромки—лишено прочнаго основанія. Мы имѣемъ указанія на то, что вредъ сліянія сказывался не только на правовыхъ интересахъ населенія, но и на дѣятельности самихъ земскихъ начальниковъ. Когда была образована Комиссія статсъ-секретаря Муравьева для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, то въ томѣ X матеріаловъ для ея сужденій были собраны весьма интересныя данныя, служащія для оцѣнки

дѣятельности земскихъ начальниковъ. Между прочимъ, на страницѣ 34 этихъ матеріаловъ приводятся данныя, что даже при всей добросовѣстности и желаніи исполнять свои обязанности у земскихъ начальниковъ все-таки судебная дѣятельность стоитъ на второмъ планѣ, отходитъ назадъ, и это выражается, между прочимъ, въ ихъ поведеніи на уѣздныхъ съѣздахъ, гдѣ они весьма серьезно и внимательно относятся къ засѣданіямъ по административнымъ вопросамъ и гораздо менѣе усердно или даже поверхностно къ засѣданіямъ по вопросамъ судебнымъ.

Во-вторыхъ,—крупнымъ недостаткомъ учрежденія земскихъ начальниковъ является отсутствіе единства дѣйствій и надлежащаго надзора за этимъ. Въ то время, когда судебные дѣятели руководятся точными, опредѣленными законами и затѣмъ разъясненіями Сената, какъ по общимъ собраніямъ, такъ и по кассаціоннымъ департаментамъ, — земскіе начальники получаютъ рядъ бюрократическихъ инструкцій и циркуляровъ, многіе изъ которыхъ касаются даже и чисто техническихъ судебныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, порядка направленія частныхъ жалобъ и ихъ оцѣнки въ смыслѣ дальнѣйшаго ихъ движенія. Достаточно далѣе сослаться на циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1893 г. за № 2799, которымъ устанавливается такой важный и спеціально судебный вопросъ, какъ вопросъ о подсудности. Такимъ образомъ, въ лицѣ земскаго начальника, мы имѣемъ должностное лицо, которое получаетъ указанія для своей судебной дѣятельности отъ вѣдомства, не призваннаго, однако, представлять судебную власть и регулировать судебную дѣятельность, но имѣющаго совсѣмъ другія задачи. Даже и тѣ судебныя должности, которыя связаны съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ поставлены ненормально. Достаточно указать на должность *городского судьи*, котораго избираетъ и назначаетъ Министерство Юстиціи, но приговоры и рѣшенія котораго по тѣмъ же дѣламъ, которыя подсудны въ уѣздѣ земскому начальнику, оцѣниваются и разсматриваются уѣзднымъ съѣздомъ земскихъ начальниковъ. Въ апелляціонномъ порядкѣ дѣятельность земскаго начальника подлежитъ обсужденію уѣзднаго съѣзда, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства.

При всѣхъ возможныхъ на практикѣ бытовыхъ, сословныхъ и такъ сказать, традиціонныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, они такъ обременены множествомъ всякихъ Присутствій, гдѣ имъ надлежитъ предсѣдательствовать, что имъ себя очень часто приходится замѣнять. Циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1890 г. за № 47 разрѣшено имъ замѣнять себя депутатомъ дворянства и, въ порядкѣ постепенности, даже членомъ дворянской опеки. Я думаю, что всякій, кому знакома бѣдность наша въ людяхъ и невозможность избирать на всѣ должности одинаково способныхъ людей, легко себѣ представитъ уѣздный съѣздъ подъ предсѣдательствомъ члена дворянской опеки!

Наконецъ, есть и третій недостатокъ—*многочисленность кассаціонныхъ судовъ*. Основное начало отправленія правосудія состоитъ въ томъ, что долженъ быть единый судъ, который даетъ одинаковыя руководящія начала, имѣющія въ нѣкоторыхъ случаяхъ императивный характеръ, для всѣхъ судебныхъ учрежденій. Мы имѣемъ, однако, въ связи съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ многочисленность такихъ руководящихъ судовъ. Единственная страна, гдѣ существуетъ нѣсколько кассаціонныхъ судовъ,—Италія, но и тамъ ихъ 5—6, да и вызываютъ они постоянныя возраженія, несмотря на то, что составъ этихъ судовъ однороденъ и состоитъ изъ опытныхъ и заслуженыхъ людей, равносильныхъ по своей подготовкѣ къ судебной дѣятельности. У насъ существуетъ огромный рядъ кассаціонныхъ судовъ,—столько же, сколько и губерній, управляемыхъ въ общемъ порядкѣ. Всѣ губернскія присутствія составляютъ въ то же время и кассаціонные суды, и, такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нихъ можетъ быть своеобразная и разнообразная практика. А если принять во вниманіе то, что по отзывамъ лицъ, представившихъ свои заключенія въ Комиссію статсъ-секретаря Муравьева, очень часто разрѣшеніе *кассаціонныхъ* вопросовъ въ этихъ присутствіяхъ дѣлается на почвѣ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла *по существу*, то можно заключить, каковы эти общія руководящія начала. При этой пестротѣ, этомъ quod capita tot sensus, никогда нельзя надѣяться на то, что будетъ одинъ

цѣльный по источнику и твердый взглядъ на законъ и единое его толкованіе.

Не достигаетъ, въ сущности, и своей главной цѣли должность земскаго начальника. Она была учреждена для того, чтобы водворять на мѣстѣ порядокъ и отправлять близкую къ народу юстицію. Но если вглядѣться въ статьи 48 и 49 Положенія о земскихъ начальникахъ и въ статьи 15, 16 и 17 Положенія о волостномъ судѣ, то мы увидимъ, что по подсудности, въ сущности, очень мало крестьянскихъ дѣлъ подлежатъ самому земскому начальнику, а большинство этихъ дѣлъ подлежитъ или волостному суду или городскому судьѣ. И, такимъ образомъ, земскій начальникъ, который учрежденъ для того, чтобы водворять правосудіе именно въ крестьянскомъ быту, не является непосредственнымъ и ближайшимъ судебнымъ органомъ для крестьянъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на условія дѣятельности, въ которыя поставлены земскіе начальники. Я далекъ отъ того, чтобы огуломъ возводить обвиненія на представителей этого учрежденія и думаю, что иные земскіе начальники перваго призыва, въ число которыхъ вошли многіе изъ бывшихъ мировыхъ судей, исполняли весьма усердно и, по мѣрѣ силъ даже успѣшно, свои обязанности. Но уже въ нашей Комиссіи нашъ сочленъ А. Б. Нейгартъ указывалъ на то, что современный земскій начальникъ совсѣмъ не тотъ, который былъ учрежденъ въ началѣ, что цѣлый рядъ условій, лежащихъ и въ самой должности, и, главнымъ образомъ, въ выборѣ людей и въ отсутствіи надлежащаго руководительства со стороны правительства, сдѣлали эту должность совсѣмъ не такой привлекательной, какою она казалась прежде. Въ нее идутъ преимущественно тѣ лица, которыя за неимѣніемъ лучшаго *вынуждены* ее занять, а не лица, избравшія ее по убѣжденію въ ея полезности или по призванію. Въ Положеніи о земскихъ начальникахъ содержится нѣсколько условій, которыя даютъ возможность разыгрываться или проявляться наиболѣе низменнымъ сторонамъ духовной человѣческой природы—властолюбію, произволу, раздраженію. Достаточно указать на статью 58, по которой земскій начальникъ можетъ сажать подъ арестъ волостного судью, безъ формальнаго производства и безъ объясненія основанія сво-

ихъ распоряженій. Онъ можетъ, очевидно, взыскивать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и за дѣйствія, которыя относятся къ отправленію волостнымъ судьею судебныхъ обязанностей. И здѣсь важно то, что волостной судья долженъ сознавать, что въ случаѣ неугодности земскому начальнику того или другого рѣшенія, онъ можетъ быть, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, подвергнутъ личному взысканію. Въ статьѣ 57 говорится, что земскій начальникъ имѣетъ право безъ всякаго формальнаго производства наказывать за неисполненіе его законныхъ требованій. Но такъ какъ нѣтъ надъ этимъ земскимъ правосудіемъ единаго кассаціоннаго суда, то понятіе о законности распоряженій чрезвычайно неуловимо и не поддается ни безпристрастной критикѣ, ни установленію точно опредѣленнаго взгляда, подобно статьямъ 29 и 142 Мирового Устава,—о законности требованій власти и о самоуправствѣ, которыя постоянно толкуются Сенатомъ во множествѣ рѣшеній въ извѣстномъ смыслѣ. Здѣсь же, даже въ случаѣ жалобы, каждое губернское присутствіе можетъ посвоему толковать понятіе о *законности*, при чемъ въ большинствѣ случаевъ обжалованіе будетъ не цѣлесообразно, такъ какъ рѣшеніе по статьѣ 57 приводится немедленно въ исполненіе.

Такимъ образомъ у земскаго начальника въ рукахъ, независимо отъ его административной власти, есть еще другая, почти безконтрольная власть судебная и очень при томъ сильная и непререкаемая. Кому же такая власть дается? Дается ли она людямъ, умудреннымъ опытомъ житейскимъ,—людямъ, которые относятся со спасительнымъ страхомъ къ врученной имъ власти, и осторожны въ ея примѣненіи? Увы! это не такъ... Это не такъ, во-первыхъ, потому, что по статьямъ 6 и 15 Положенія о земскихъ начальникахъ образовательный цензъ отошелъ на задній планъ, и оказалось, что послѣдующими узаконеніями требованіе образованія сведено къ минимуму. А возрастъ? Возрастъ былъ сначала въ 25 лѣтъ, а потомъ онъ былъ тоже сведенъ до 21 года для лицъ, которыя пробыли одинъ годъ кандидатами на должность земскаго начальника. Что же это значитъ—кандидатами? Имѣетъ ли кандидатъ право исполнять обязанности земскаго начальника? Нѣтъ, не имѣетъ. Значитъ

это просто лицо, числящееся въ спискахъ или присутствующее въ качествѣ диллетанта при дѣйствіяхъ земскаго начальника. А, между тѣмъ, такое лицо уже въ 21 годъ получитъ въ свое полное распоряженіе статьи 57 и 58. Человѣкъ почти со школьной скамьи и очень, при томъ, не высокой, если она не замѣняется еще «домашнимъ воспитаніемъ», получаетъ почти безграничную власть. Вино власти ему бросается въ голову, и въ этомъ хмелѣ онъ можетъ совершать самыя разнообразныя нарушенія закона и оскорбленія лицъ, надъ которыми онъ поставленъ начальникомъ. Мы имѣемъ примѣры этому въ извѣстномъ процессѣ харьковскаго земскаго начальника Протопопова, разбиравшемся въ Сенатѣ въ 1893 г. Это было послѣднее дѣло, которому было дозволено дойти до суда. Послѣ этого процесса дѣла по обвиненіямъ земскихъ начальниковъ до суда уже больше не допускались, и не было ни одного случая, когда бы земскій начальникъ былъ преданъ суду въ общеустановленномъ порядкѣ. Этотъ Протопоповъ былъ, быть можетъ, человѣкъ недурной, но горячій, молодой, котораго именно опьянило вино власти. Онъ указывалъ, что его карьера будетъ испорчена, если, будучи осужденъ, онъ будетъ высаженъ со служебнаго корабля на берегъ:—онъ—*кандидатъ правъ!* Но это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *кандидатъ безправія*, по всему тому, что онъ дѣлалъ, за что былъ осужденъ. Когда намъ говорятъ, что, къ сожалѣнію, нареканіямъ на земскихъ начальниковъ не было дано достаточнаго отпора, я имѣю основаніе думать, что этотъ отпоръ былъ данъ, но это былъ отпоръ особаго рода—отпоръ вынужденнаго молчанія, потому что ни въ печати, ни въ судахъ мы послѣ процесса Протопопова больше ничего не слышали о неправильныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ, которые, вопреки дѣйствительности, будто бы представляли «семью *безъ* урода». Надо припомнить статью 140 Устава о Цензурѣ, которая предоставляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ видахъ правительства и въ цѣляхъ высшаго государственнаго порядка, воспрещать печатаніе извѣстныхъ свѣдѣній, и имѣть въ виду то, что нѣкоторые министры пользовались этимъ правомъ такъ широко, что воспрещали печатать о тотализаторѣ, о доппингѣ, о пріѣздѣ харьковскаго губернатора въ

С.-Петербургъ и тому подобныхъ предметахъ высшаго государственнаго порядка. Конечно, редакціи газетъ чувствовали, что онѣ не имѣютъ права печатать ничего о земскихъ начальникахъ, не рискуя испытать на себѣ административныя мѣропріятія. Слѣдовательно, отпоръ былъ данъ: отпоръ молчанія!

Намъ торжественно и настойчиво указывается на заслуги земскихъ начальниковъ. Не отрицаю возможности этихъ заслугъ, готовъ вѣрить на слово, но спрашиваю себя—въ чемъ же заслуги эти выразились?—и слышу въ отвѣтъ, что съ введеніемъ земскихъ начальниковъ прекратились растраты, прекратился произволъ сельскихъ сходовъ; стали образовываться ссудо-сберегательныя товарищества, начало упорядочиваться продовольственное дѣло и т. д. Позволю себѣ, однако, спросить, что же все это имѣетъ общаго съ *судебною* дѣятельностью, о которой только и идетъ рѣчь? Два слова еще. Когда Комиссія статсъ-секретаря Муравьева приступила къ обсужденію вопроса о мѣстномъ судѣ, то возникли вопросы и о разграниченіи административной, судебной властей и объ освобожденіи земскихъ начальниковъ отъ судебной власти. Богато одаренный опытомъ и знаніемъ, представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Комиссіи, покойный Н. А. Неклюдовъ, заявилъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы судебная власть была взята у земскихъ начальниковъ. Это, господа, было въ 1894 г., т. е. при тѣхъ правительственныхъ и общественныхъ условіяхъ, когда критика Положенія о земскихъ начальникахъ представлялась весьма трудной и связанной съ нѣкоторыми опасеніями. Однако, и тогда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ лицѣ Товарища Министра, считало возможнымъ отказываться отъ введенныхъ въ его составъ неожиданныхъ и своеобразныхъ судей, и лишь Министръ Юстиціи съ усердною поспѣшностью устранилъ этотъ вопросъ изъ обсужденія... Насъ пугаютъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ, но это вопросъ спеціальный, который едва ли мы компетентны рѣшить. Разъ правительство не возражаетъ противъ того, чтобы мировыми судьями въ извѣстномъ отношеніи замѣнить земскихъ начальниковъ, значитъ оно считаетъ, что имѣетъ на такую реформу и надлежащія сред-

ства. Опять напомню слова Бентама: «дешевый судъ всегда дорого обходится народу». Поэтому, не будемъ хлопотать о такомъ судѣ, о дешевизнѣ въ отправленіи правосудія. Цѣна такому правосудію будетъ и цѣною дешевою. Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта заявилъ здѣсь, что возраженія противъ земскихъ начальниковъ есть не что иное, какъ вѣдомственная самозащита лицъ, которыя слишкомъ слѣпо возлюбили судебное вѣдомство и т. д. Но это не вѣрно! Я лично упорный противникъ привычныхъ распрей различныхъ вѣдомствъ, дѣлящихъ между собою ризы власти, а теперь даже и не принадлежу къ судебному вѣдомству, хотя съ благодарностью и глубокимъ сочувствіемъ отношусь къ тому времени, которое я въ немъ провелъ. А. Б. Нейдгардтомъ здѣсь было сдѣлано напоминаніе о сказанныхъ мною въ другомъ засѣданіи словахъ, что у насъ *нѣтъ вчерашняго дня*. Да, господа, въ большинствѣ случаевъ, его нѣтъ, но у насъ нѣтъ не только вчерашняго, но и «третьяго дня». Вотъ что особенно печально! Но мы, которые стоимъ за устройство *судебной* организаціи по отношенію къ мѣстному суду, мы помнимъ то, что было *третьяго дня*, когда на туманномъ горизонтѣ дореформенной и безсудной Россіи взошло солнце Судебныхъ Уставовъ. О томъ, что было «третьяго дня» мы не можемъ забыть и всѣ конечно желаемъ возвращенія къ тому времени, когда Судебные Уставы сказали авторитетно и рѣшительно: да будетъ судъ—судомъ, а исполнительное начальство—начальствомъ!

Въ нашей Комиссіи я возражалъ противъ Волостного суда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ. Я заявлялъ, что не будучи сельскимъ жителемъ, я съ практикою Волостныхъ судовъ близко не знакомъ, но знакомъ съ литературою по этому вопросу и имѣю 45-лѣтній судебный опытъ, дающій мнѣ основаніе привѣтствовать предположенія Министерства Юстиціи объ упраздненіи Волостного суда. Работа Комиссіи сенатора Любощинскаго собрала громадный матеріалъ по настоящему вопросу. Оказалось, что уже 12 лѣтъ спустя учрежденія Волостного суда, онъ не удовлетворялъ интересамъ правосудія; врядъ ли онъ много улучшился со времени его преобразованія; есть основанія полагать, что онъ

даже ухудшился. Волостной судъ въ своемъ настоящемъ видѣ нарушаетъ основныя начала правосудія при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. Изъ практики Волостныхъ судовъ можетъ быть приведенъ длинный рядъ вопіющихъ примѣровъ самыхъ нелѣпыхъ, несправедливыхъ и противныхъ законамъ рѣшеній. Съ формальной стороны рѣшенія этихъ судовъ еще менѣе удовлетворительны. Они малограмотны, неясны, даже иногда лукаво искажены рукою волостного писаря, который во многихъ мѣстахъ замѣнилъ собою судъ. Дѣла разрѣшаются и не по закону, и не по примѣненію обычнаго права, а, такъ сказать, глядя по человѣку—съ полнѣйшимъ произволомъ. Сами крестьяне высказываются противъ волостного суда (напримѣръ, въ Харьковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ) и заявляютъ, что примѣняющійся въ немъ обычай мѣняется подъ вліяніемъ на судей водки; они желали бы имѣть апелляціонную инстанцію съ мировымъ судьею. Сохраненіе Волостного суда въ его современномъ видѣ будетъ искусственнымъ поддержаніемъ крестьянской обособленности и станетъ въ противорѣчіе не только съ жизнью, но и съ общимъ направленіемъ законодательства, уничтожающаго сословныя перегородки. Указаніе на недостатокъ людей, могущихъ занять должности мировыхъ судей, не можетъ служить препятствіемъ къ введенію Мирового института, что подтверждается опытомъ судебной реформы 1864 года. Необходимо лишь вводить этотъ институтъ постепенно, по судебнымъ округамъ.

Но, возражая противъ современнаго Волостного суда, я не скрываю отъ себя, что въ виду неожиданнаго отказа правительства поддерживать свое ходатайство предъ Государственною Думой и громаднаго большинства въ нашей Комиссіи, безплодно было-бы ограничиться однимъ отрицаніемъ этого суда, не обсудивъ возможности его улучшенія, предлагаемаго большинствомъ Комиссіи. Волостной судъ можетъ быть улучшенъ, *во-первыхъ*, въ отношеніи къ личному составу, если этотъ составъ будетъ болѣе обезпеченный, а на необезпеченность его и вызываемые имъ недостатки постоянно указывали тѣ лица, которыя сообщали свои свѣдѣнія Комиссіи Н. В.

Муравьева. *Во вторыхъ*, если этотъ судъ войдетъ въ общую схему судебныхъ учрежденій, съ ними соединится и сомкнется посредствомъ учрежденія аппеляціонной инстанціи. *Въ третьихъ*—если у этого суда крайне уменьшится подсудность и онъ дѣйствительно обратится къ мелкимъ дѣламъ самой обыденной жизни, которыя ближе всего касаются мѣстнаго населенія. Поэтому, можетъ быть, въ ожиданіи назрѣвшей реформы волости, нашей будущей всесословной волости, можно лишь на время допустить Волостной судъ въ томъ улучшенномъ видѣ, въ которомъ его проектируетъ наша Комиссія. Въ области мѣстныхъ нравовъ и мѣстныхъ обычаевъ, мѣстные жители, избранные для исполненія судебныхъ обязанностей, своимъ знаніемъ сложившихся сторонъ быта и окружающаго правопониманія — могутъ опредѣлить, по собственному опыту, правильность дѣйствій людей изъ окружающаго ихъ сельскаго населенія и ихъ нравственныя побужденія. Я вспоминаю слова Монтескье: «le peuple est honnête dans ses goûts sans l'être dans ses moeurs». Эти goûts и должны отражаться въ отправленіи правосудія для того, чтобы оно, заслуживая свое названіе, было въ тоже время жизненно. Правда, противъ второй инстанціи, состоящей изъ предсѣдателей Волостныхъ судовъ подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, возражаютъ, говоря, что это лишь повтореніе германскаго суда шеффеновъ, а судъ шеффеновъ не выдерживаетъ критики. Да, судъ шеффеновъ серьезной критики не выдерживаетъ и по адресу саксонскаго министра Шварца, который, приписывая себѣ созданіе этого суда, называлъ себя его *отцомъ*, извѣстный парламентскій боецъ въ Рейхстагѣ, Евгеній Рихтеръ правильно привелъ слова Гейне: «никогда нельзя быть достаточно осторожнымъ въ выборѣ своихъ родителей». Этотъ судъ дѣйствительно неудаченъ и, вѣроятно недаромъ, нѣмцы уже окрестили своихъ шеффеновъ словами: «Jasager und Beischläfer», но аппеляціонный верхній крестьянскій судъ, намъ предлагаемый, будетъ иной. Это не будутъ случайно взятые изъ массы, зачерпнутые изъ городского и сельскаго населенія люди, чуждые судебному дѣлу,— это будутъ люди болѣе или менѣе уже опытные въ немъ и привычные къ работѣ не въ одной, но въ двухъ инстанціяхъ. По

этому съ шеффенами ихъ сравнивать нельзя. Вотъ почему, категорически возражая противъ *нынѣшняго* Волостного суда и сожалѣя, что онъ не упраздняется совершенно, я все-таки утѣшаю себя мыслью, что возстановленіе Мирового института, вышвырнутаго изъ общей схемы нашихъ судовъ,—искупитъ оставленіе на время укороченнаго и улучшеннаго, связаннаго съ нимъ органически Волостного суда.

XV.

Землеустройство и кассація.

(Засѣданіе 2 апрѣля 1911 г.).

Намъ предлагаютъ отвергнуть кассаціонный порядокъ обжалованія Сенату окончательныхъ постановленій губернской землеустроительной коммисіи. Правительствующій Сенатъ признается ненужною и отяготительною инстанціею, замедляющею, безъ всякой пользы для дѣла, живую работу землеустройства. Дѣло идетъ, говорятъ намъ, объ опредѣленіи правъ, а не объ искѣ, о мирномъ разверстаніи, а не о тяжбѣ, не о спорѣ. А гдѣ нѣтъ спора—не нуженъ и судъ съ его сложнымъ аппаратомъ и сроками. Но такъ-ли это? Всегда ли только споръ подлежитъ вѣдѣнію судебныхъ учрежденій? Развѣ не приходится имъ—и довольно часто—постановлять свои рѣшенія не по спору, а въ предупрежденіе спора, опредѣляя и подтверждая тѣ или другія права или обстоятельства для того, чтобы, въ большинствѣ случаевъ, именно спора то и не возникало? Достаточно указать, что въ уставѣ гражданскаго судопроизводства есть цѣлая книга, посвященная судопроизводству охранительному, статьи которой, отъ 1401 до 1460 говорятъ о вызовѣ наслѣдниковъ и охраненіи имущества, о раздѣлѣ наслѣдства, о вводѣ во владѣніе, о выкупѣ родовыхъ имуществъ, объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей и, наконецъ, объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи. Если въ этихъ дѣлахъ судомъ будетъ допущено нарушеніе закона, по неправильному его толкованію или по другимъ причинамъ, а также пре-

вышеніе власти, хотя бы по вопросу о подсудности, то возможна отмѣна опредѣленія суда не только въ частномъ, но и въ кассаціонномъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, въ силу статьи 1446 устава гражд. судопроизводства по дѣламъ о выкупѣ родовыхъ имуществъ. Кромѣ того, статья 63 разбираемаго нынѣ проекта говоритъ именно о *спорахъ*. Едва ли справедливо здѣсь говорить и объ излишкѣ инстанцій. Въ прошедшія времена, когда зачастую понятіе о правѣ замѣнялось понятіемъ о милости—пересмотръ усмотрѣнія не вытекалъ изъ свойствъ послѣдняго, но право должно быть выработано въ горнилѣ пересмотра и по существу, и по способу и пріемамъ его установленія. Съ этой точки зрѣнія вопросъ сводится къ тому, что предпочтительнѣй для правильнаго сужденія о нарушеніяхъ закона и превышеніяхъ власти непосредственныхъ землеустроительныхъ органовъ: губернскія коммисіи или Сенатъ? Мнѣ думается, что въ выборѣ не можетъ быть колебаній. Устраненіе Сената есть прежде всего устраненіе единства въ дѣйствіяхъ землеустроительныхъ учрежденій. Опытъ разсѣянія кассаціонныхъ функцій у насъ уже сдѣланъ въ широкихъ размѣрахъ Положеніемъ объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. По дѣламъ мировой подсудности, подлежащимъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ, мы имѣемъ десятки кассаціонныхъ судовъ—и ни одного настоящаго,—имѣемъ самодѣльное, кустарное производство кассаціи, не представляющаго себѣ равнаго примѣра даже въ Италіи, гдѣ нѣсколько кассаціонныхъ судовъ, но не десятки. Рядъ отзывовъ, поступившихъ въ комиссію покойнаго Статсъ-Секретаря Муравьева о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ, съ горестною ясностью показалъ, какое ничтожное правовое значеніе имѣютъ этого рода рѣшенія, именуемыя подчасъ по какому-то недоразумѣнію кассаціонными,—и какое малое вліяніе оказываютъ на ихъ выработку судебные чины, подсыпанные въ губернское присутствіе.

Десять членовъ, подписавшихъ особое мнѣніе, вводятъ въ губернскую землеустроительную Комиссію — вмѣсто одного— двухъ лицъ, принадлежащихъ къ составу Окружнаго Суда, но пестрота постановленій этихъ Комиссій по кассаціоннымъ дѣламъ отъ этого не уменьшается. Въ защиту этой пестроты

приводится соображеніе, что рѣшенія Сената по второму департаменту не будутъ имѣть обязательной силы для губернскихъ Комиссій, кромѣ той, въ которую поступитъ указъ Сената. Обязательной повсемѣстной силы не имѣютъ и рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, но они имѣютъ силу нравственную, состоящую въ императивномъ указаніи всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, на то, *что именно* Сенатъ признаетъ нарушеніемъ, «дабы, на то глядючи, и другимъ не повадно было то же дѣлать!» Не даромъ кассаціонныя рѣшенія Сената, согласно статьи 933 устава уголовн. судопр. и статьи 815 устава гражд. судопр. печатаются во всеобщее свѣдѣніе «для руководства къ единообразному истолкованію, примѣненію и исполненію законовъ». Это единообразное истолкованіе возможное только для Сената, стоящаго въ отдаленіи отъ мѣстныхъ условій и обстановки и выше ихъ, необходимо ужъ потому, что самое понятіе о превышеніи власти отдѣльными лицами и цѣлыми учрежденіями, есть понятіе тонкое и сложное, требующее въ примѣненіи къ каждому данному случаю тщательной оцѣнки источника, объема и результа дѣйствій власти. Еще болѣе необходимо оно при оцѣнкѣ нарушеній закона. Вы знаете, господа, русскую поговорку, плодъ горькаго житейскаго опыта народа: «законъ, что дышло—куда ни поверни, туда и вышло». Пускай же это поворачиваніе дышла будетъ въ однѣхъ опытныхъ, знающихъ рукахъ, дѣйствующихъ въ непрерывномъ единеніи силъ одного—и при томъ авторитетнаго—учрежденія! Это будетъ одинаково полезно и для направленія дѣятельности мѣстныхъ чиновъ, и для поддержанія довѣрія къ власти въ народѣ. Послѣдній вѣритъ въ Сенатъ и какъ въ послѣднее прибѣжище, и какъ въ послѣднее слово въ своихъ домогательствахъ. Ни одно учрежденіе не было столь чтимо въ народѣ, какъ Сенатъ, ни на одно не глядѣлъ онъ съ такимъ упованіемъ и преклоненіемъ передъ его рѣшеніемъ. И Сенатъ, пройдя двухсотлѣтній путь, былъ достоинъ этой вѣры въ то «нелицемѣрное правосудіе», о которомъ говоритъ его Учрежденіе. Не размѣнивайте же этой вѣры на мелкую монету сомнѣнія въ правильности окончательныхъ рѣшеній мѣстныхъ учрежденій! Не надо забывать, какую роль по крестьянскимъ дѣламъ во многихъ случаяхъ съиграли

сборники И. Л. Горемыкина и сенатора Тимофѣевскаго. Намъ предлагаютъ оставить за Сенатомъ лишь вопросы, возникающіе въ порядкѣ надзора. Но мы знаемъ, какъ рѣдко возникаютъ подобные вопросы въ дѣлахъ губернскихъ присутствій по Положенію о земскихъ начальникахъ. Они, вѣдь, могутъ, въ огромномъ большинствѣ, возникать лишь по дѣламъ и изъ дѣлъ, а таковыя, сами по себѣ, не будутъ доходить до Сената. Если же допустить широкое примѣненіе порядка надзора къ жалобамъ, то не явится-ли та именно перегрузка Сената, которой опасаются авторы особаго мнѣнія? Это будетъ плохой коррективъ, а истинный коррективъ долженъ состоять въ серьезномъ и продуманномъ упрощеніи порядка разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ въ Сенатѣ. Этимъ всему будетъ придана необходимая быстрота производства. На это возражаютъ указаніемъ на то, что отмѣна приведеннаго въ исполненіе постановленія землеустроительной Коммисіи произведетъ смуту во взглядахъ и шаткость въ осуществленіи правъ на мѣстѣ, заставивъ иногда владѣльца отказаться отъ предпринятыхъ работъ и потерять втуне и время, и трудъ. Но при этомъ забываютъ, что статьями 116 и 117 разбираемаго законопроекта допускается пріостановленіе приведенія въ исполненіе обжалованныхъ постановленій губернской Комиссіи по дѣламъ объ образованіи дачъ разверстанія и по цѣлому ряду споровъ, указанныхъ въ пяти пунктахъ статьи 63, и, кромѣ того, дается самой Комиссіи право пріостановить свое постановленіе, если поводы его обжалованія представляются основательными или если приведеніе его въ исполненіе можетъ повлечь за собою существенные неудобства и ущербы для заинтересованныхъ лицъ.

Свѣдѣнія о количествѣ и движеніи дѣлъ во второмъ департаментѣ Сената не убѣждаютъ авторовъ особаго мнѣнія: они указываютъ на опасность накопленія дѣлъ вслѣдствіе массы кассаціонныхъ жалобъ, которыми «безданно, безпошлинно» будутъ засыпать Сенатъ. Но и для этого есть коррективъ: введите залогъ правой жалобы, подобно установленному для жалобъ въ кассаціонные департаменты. Но введите его не сейчасъ, а лишь тогда, когда, какъ это было съ кассаціонными департаментами, обнаружится, что жалобъ въ дѣйствительности непосильно много.

Таковы соображенія, по которымъ я подамъ голосъ за Сенатъ, въ той его роли, которая нынѣ проектируется. Судебная реформа Царя-Освободителя открыла притокъ въ Сенатъ жалобъ по самымъ маловажнымъ дѣламъ,—объ обидахъ, самоуправствѣ, порубкахъ, о вексельныхъ взысканіяхъ и т. п.,—расточитель своего имущества въ окончательномъ обузданіи своей «широкой натуры» зависитъ отъ Сената, — жалобы на постановленія различныхъ Присутствій—городскихъ, воинскихъ и т. п.—подлежатъ его окончательному вѣдѣнію... на какомъ же основаніи мы откажемъ въ его вниманіи и защитѣ нуждамъ тѣхъ, на кого распространяются землеустроительныя дѣйствія? Отказывать въ этомъ исключительно изъ соображеній скорости, въ ущербъ всему остальному,—не значитъ ли забывать элементарный законъ физики: «гдѣ выигрывается во времени, тамъ проигрывается въ силѣ»?

XVI.

Штаты Министерства Путей Сообщенія.

(Засѣданіе 30 октября 1908 г.).

Финансовая Комиссія Государственнаго Совѣта предлагаетъ продлить до 1 января 1911 года дѣйствіе *временныхъ штатовъ* Министерства Путей Сообщенія. Въ этомъ она отступаетъ отъ постановленія Государственной Думы, которая полагала продлить этотъ срокъ до 1 января 1910 г. Такимъ образомъ, изъ предложенія финансовой Коммисіи явствуетъ, что намъ предлагается продолжить то положеніе, выходъ изъ котораго, законный и цѣлесообразный, былъ указанъ еще въ 1865 г., когда состоялось Высочайшее повелѣніе выработать окончательные и опредѣленные штаты Министерства Путей Сообщенія. Не смотря на то, что такъ давно, слишкомъ сорокъ три года назадъ, былъ указанъ этотъ срокъ, Министерство окончательно штатовъ не выработало до сихъ поръ и три Высочайшихъ повелѣнія въ этомъ отношеніи оказались *неисполненными*, а именно въ 1867 г., въ 1870 г. и, наконецъ, въ 1891 г.; только въ 1899 г. были *временно* введены *временные* штаты. Извѣстно, что у насъ обыкновенно самыми прочными учрежденіями являются учрежденія временныя. Такими же прочными штатами оказались и эти временные штаты. Они были введены согласно постановленіямъ Государственнаго Совѣта сначала на $1^1/_2$ а, затѣмъ на $2^1/_2$ года частями и это продолжается до настоящаго времени, и это же предлагается намъ продлить еще на 2 года. Я думаю, что съ этимъ нельзя и не слѣдуетъ согла-

ситься. Дѣло въ томъ, что такой порядокъ вещей, при которомъ временные штаты будутъ существовать еще два года, есть въ сущности продолженіе того, что я назвалъ бы *испытаніемъ законодательнаго долготерпѣнія*, которое опирается на увѣренность въ существованіи на неопредѣленное время того запутаннаго status quo, при которомъ 43 года существуетъ Министерство Путей Сообщенія. Я спрашиваю себя, нужно ли это? Мы читаемъ въ отчетѣ о засѣданіяхъ Государственной Думы по вопросу о штатахъ Министерства Путей Сообщенія авторитетное заявленіе Министра Финансовъ, который призналъ, что центральное учрежденіе Министерства Путей Сообщенія,—столь желанное по своимъ задачамъ,—разсматриваемое какъ зданіе, покосилось, что фундаментъ его вѣроятно ненадеженъ и что нельзя вынимать изъ подъ него подпорокъ, иначе оно совершенно рушится. Финансовая Комиссія Государственнаго Совѣта поступила съ большою осторожностью: она вынула эти подпорки только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ были признаны совершенно ненужными, въ значительной степени по взаимному согласію членовъ объединеннаго министерства и финансовой Комиссіи. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, нужно ли еще оставлять въ извилистой улицѣ нашихъ центральныхъ установленій,—участіе въ выпрямленіи которой возложено Манифестомъ 17 Октября 1905 г. на Государственную Думу и Государственный Совѣтъ,—это покачнувшееся зданіе на ненадежномъ фундаментѣ? Комиссія находитъ, что нужно. Я противъ этого въ настоящую минуту не возражаю, но срокъ, въ теченіе котораго это сохраненіе нужно, для меня представляется весьма сомнительнымъ, такъ какъ трудно понять, почему непремѣнно нужны два года для того, чтобы Министерство могло внести окончательные, серьезно выработанные, штаты всего управленія. Намъ говорятъ, что Дума не успѣетъ,—если въ нее это дѣло поступитъ 1 октября будущаго года,—разсмотрѣть его до 1 января 1910 г.; она обременена разсмотрѣніемъ смѣтъ, у нея есть много другихъ работъ, наконецъ, Государственный Совѣтъ долженъ тоже успѣть разсмотрѣть проектъ штатовъ, уже одобренный Думою. Однако мы знаемъ, что бюджетный трудъ Государственной Думы съ каждымъ годомъ уменьшается, въ смыслѣ большого ознаком-

ленія съ техникой этого разсмотрѣнія, и что въ нынѣшнемъ году разсмотрѣніе проекта государственной росписи занимаетъ гораздо меньше времени, чѣмъ въ прошломъ году. Точно также Дума успѣла въ нынѣшнюю осеннюю сессію разсмотрѣть существенныя части такого коренного закона, какъ земельный законъ 9 Ноября, а также цѣлый рядъ законопроектовъ, которые и мы уже успѣли разсмотрѣть, законопроектовъ сложныхъ, касавшихся различныхъ сторонъ жизни населенія русской земли. Почему же думать, что Дума не успѣетъ, получивши своевременно представленіе о штатахъ Министерства Путей Сообщенія, разсмотрѣть ихъ въ первую голову и представить свои выводы своевременно въ Государственный Совѣтъ для окончательнаго утвержденія?

Во вторыхъ, говорятъ, что есть междувѣдомственная Комиссія, которая должна выработать штаты. Но, господа, эти междувѣдомственныя Коммисіи,—говорю объ этомъ по опыту, ибо много разъ участвовалъ во многихъ изъ нихъ,—имѣютъ одну опасную особенность: цѣпляться за разныя новыя обстоятельства, въ оправданіе своей медлительности и отсутствія энергіи, цѣпляться за такія обстоятельства, которыя задерживаютъ работу, такъ что накопляются цѣлыя горы «трудовъ», выпиваются цѣлые цибики казеннаго чая, а дѣло не двигается впередъ. Такая вещь можетъ случиться и съ этою междувѣдомственною Комиссіею, если надъ нею не будетъ грозно и неотвратимо висѣть срокъ. Теперь учреждена Комиссія для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Какой соблазнительный поводъ остановиться и сказать: пусть намъ выяснятъ всѣ недостатки желѣзнодорожнаго управленія и тогда мы, въ свою очередь, въ свое время, представимъ наши соображенія. Я позволяю себѣ объ этомъ говорить потому, что практика намъ столько разъ показала, какъ медленно работали наши законодательныя Комиссіи, если не было какого нибудь понуждающаго стимула. Вспомнимъ, напримѣръ, Комиссію о реформѣ паспортной системы. Я имѣлъ честь въ ней участвовать 36 лѣтъ тому назадъ. Тридцать шесть лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Комиссія эта постановила паспорты замѣнить свидѣтельствами о личности, не стѣсняющими

передвиженія, не вызывающими напрасныхъ расходовъ и не ставящими русскихъ торговцевъ въ сношеніяхъ съ Западной Европой въ болѣе невыгодное положеніе, чѣмъ иностранныхъ. Это было сдѣлано согласно единодушнымъ заявленіямъ представителей Министерства Финансовъ, С.-Петербургскаго градоначальника Ф. Ф. Трепова и даже начальника сыскной полиціи Путилина, которые всѣ признавали паспорты ненужными и даже вредными. И что же? паспорты, въ существѣ своемъ не отмѣнены и до сихъ поръ, если не считать нѣкоторыхъ облегченій. «А возъ и нынѣ тамъ!»—Сдѣлалось это такъ: когда Комиссія пришла къ своему окончательному рѣшенію, было найдено, что его осуществить невозможно, потому что не отмѣнена подушная подать, а подушную подать нельзя отмѣнить, потому что не отмѣнена круговая порука. Но подушная подать и круговая порука уже давно отмѣнены, а паспортныя затрудненія до сихъ поръ существуютъ. Вотъ почему полагаться на успѣшность работъ нашихъ обычныхъ Коммисій, если не будетъ поставлено опредѣленнаго срока, почти невозможно.

Въ третьихъ, развѣ по существу дѣятельности Министерства Путей Сообщенія такъ трудно составить проектъ штатовъ? Я рѣшаюсь утверждать, что это не трудно. Развѣ это такой проектъ, который касается существенныхъ правъ народнаго духа, какъ школьный проектъ или вѣроисповѣдный,—или народнаго правосознанія, какъ проектъ судебной реформы или наконецъ такой, который проникаетъ въ глубину и толщу народной бытовой жизни, измѣняя ея экономическіе и историческіе пути, какъ напримѣръ законъ 9 Ноября? Или развѣ здѣсь дѣло идетъ о новыхъ, сложныхъ задачахъ, видоизмѣняющихъ устройство цѣлаго вѣдомства, вызываемыхъ тѣми открытіями, тѣми новшествами въ спеціальномъ дѣлѣ, каковы, напримѣръ, въ военной области внезапно развившееся воздухоплаваніе или въ морской области изобрѣтеніе подводныхъ лодокъ, гдѣ нужно по новому приспособить всѣ существующія учрежденія, измѣнить пріемы и способы и создать спеціальныя должности и т. п. Ничего подобнаго въ данномъ случаѣ нѣтъ.—То, что существуетъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія, въ видѣ его обязанностей и задачъ, существуетъ давно. Дѣятель-

ность его органовъ только расширяется, но по существу остается одною и тою же. Про все это можно повторить нѣмецкое выраженіе: es ist schon Alles da gewesen!. Мы слышали здѣсь отъ Министра Финансовъ, что, въ сущности, по вопросу о штатахъ дѣло идетъ только о личномъ составѣ управленія и никакихъ техническихъ и спеціальныхъ вопросовъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія этими штатами невозбуждается. Но если это такъ, то спрашивается, въ чемъ же тогда такія затрудненія, вслѣдствіе которыхъ нельзя составить эти штаты скорѣе? Мнѣ возразятъ, что я говорю, какъ юристъ. Нѣтъ! я говорю какъ знакомый съ постановкою желѣзнодорожнаго и шоссейнаго дѣла. Вмѣстѣ съ докладчикомъ, многоуважаемымъ Н. П. Петровымъ, я занимался изслѣдованіемъ причинъ крушенія между Борками и Тарановкой Императорскаго поѣзда 17 Октября 1888 г.,—былъ однимъ изъ составителей Общаго Устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Комиссіи графа Баранова, а какъ судья и оберъ-прокуроръ близко ознакомился съ процессами объ убыткахъ и ущербахъ, причиняемыхъ желѣзными дорогами, и о злоупотребленіяхъ въ шоссейномъ дѣлѣ. И я скажу, что въ дѣлѣ установленія штатовъ все сводится къ точному опредѣленію, кому принадлежитъ *инициатива дѣятельности* и кому и въ какихъ условіяхъ *надзоръ* за этою дѣятельностью. Но развѣ опытъ 43 лѣтъ, развѣ *международные* желѣзнодорожные съѣзды, развѣ *русскіе* желѣзнодорожные съѣзды, развѣ засѣданія тарифныхъ комитетовъ, развѣ ревизіи, которыя еще недавно производились и вскрыли до самой глубины тѣ недостатки, которые должны быть приняты во вниманіе при переустройствѣ личнаго состава или штатныхъ должностей—не указали въ подробностяхъ на то, что надо сдѣлать? Вотъ почему я утверждаю, что затрудненій къ скорѣйшей выработкѣ штатовъ не существуетъ. У Министерства Путей Сообщенія было достаточно времени съ 1865 г., по горькому опыту опредѣлить, что нужно перемѣнить и какъ нужно составить свои штаты.

Мнѣ укажутъ, можетъ быть, на то, что предстоитъ работа не одного междувѣдомственнаго совѣщанія, а предстоитъ работа въ Совѣтѣ Министровъ, но вѣдь междувѣдомственныя совѣщанія имѣютъ въ себѣ представителей каждаго Министерства и, слѣдо-

вательно, каждый Министръ можетъ быть ознакомленъ съ тѣми выводами и основаніями ихъ, къ которымъ приходятъ эти междувѣдомственныя совѣщанія. Мы знаемъ, по примѣрамъ послѣднихъ лѣтъ, что Совѣтъ Министровъ, примѣняя 87 ст. Законовъ Основныхъ, чрезвычайно быстро разрѣшалъ дѣла о весьма важныхъ мѣрахъ, которыя дѣйствительно требовали бы долгаго изученія. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы откладывать на такой долгій срокъ обязательство представить въ законодательномъ порядкѣ окончательные и опредѣленные штаты, которые положили бы предѣлъ всему этому временному положенію, являющемуся, по моему мнѣнію, извращеніемъ законодательной перспективы. При правильной законодательной перспективѣ безмятежность существованія органовъ того или другаго Министерства должна стоять на послѣднемъ планѣ, уступая законодательнымъ цѣлямъ, имѣющимъ въ виду общее благо. Здѣсь же законодательныя цѣли отодвигаются на задній планъ только для того, чтобы Министерство Путей Сообщенія могло не особенно утруждать себя выработкою своихъ штатовъ, какъ не утруждало себя и въ прошедшіе 43 года. Если припомнить, что разница между тѣмъ, что предлагаетъ наша финансовая Комиссія, и тѣмъ, что установила Дума, составляетъ 338.600 р. въ годъ, и что эта сумма могла бы съ пользой быть употреблена за лишній годъ на какія нибудь другія потребности, хотя бы на народное просвѣщеніе, на которое нашъ огромный бюджетъ даетъ всего 3,5%, то едва ли можно сомнѣваться въ настоятельной нуждѣ, чтобы эти штаты были выработаны скорѣе. Поэтому я стою за то, чтобы Государственный Совѣтъ, посылая представителей своихъ въ согласительную Комиссію съ Государственной Думой, написалъ наверху проекта своего соглашенія: «до 1 Января 1910 г.». Господа! законодательство нерѣдко должно руководиться свойствами старости, о которыхъ нашъ великій поэтъ сказалъ: «а старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Весьма утѣшительно, когда законъ составляется осторожно, съ извѣстною осмотрительностью. Онъ лишь становится отъ этого сильнѣе, крѣпче, лучше и долговѣчнѣе. Но когда въ теченіе 43 лѣтъ эта осторожность обращается въ стояніе

на мѣстѣ, когда въ теченіе 43 лѣтъ эта подозрительность существуетъ главнымъ образомъ, относительно возможности критики со стороны законодательныхъ учрежденій, тогда надо отказаться отъ Пушкинскаго опредѣленія и настойчиво пожелать начало отдѣла I нашего постановленія изложить такъ: «Продлить до 1 Января 1910 г. дѣйствіе... и т. д.».

XVII.

Ассигнованіе на флотъ.

(Засѣданіе согласительной Комиссіи 22 іюня 1908 г.).

Я съ глубокимъ сочувствіемъ слушалъ рѣчь члена Государственной Думы А. И. Звегинцова потому, что въ его словахъ звучитъ то чувство, которое всѣхъ насъ объединяетъ. Это вѣдь старыя раны горятъ, раны, которыя нанесены намъ злосчастною войной и сознаніемъ нашего тяжкаго пораженія! Я думаю, что и въ другомъ мы объединены: мы всѣ согласны, что мнѣніе, будто флотъ необходимъ только для государствъ, которыя имѣютъ свободный выходъ въ Океанъ, едва ли основательно. Въ такомъ случаѣ ни Австрія, ни Турція, ни Италія не имѣли бы надобности во флотѣ, потому что имъ можетъ быть устроена мышеловка посредствомъ укрѣпленій Гибралтара. Но, соединяясь въ одинаковыхъ чувствахъ съ Александромъ Ивановичемъ (Звегинцовымъ), я расхожусь съ нимъ по вопросу о способѣ выраженія чувства недовѣрія, которое продиктовало Думѣ ея резолюцію объ отказѣ въ ассигнованіи суммы на постройку кораблей для Балтійскаго флота. Едва ли отказъ въ ассигнованіи на постройку четырехъ кораблей, необходимыхъ для защиты финскаго побережья, приведетъ къ какой либо цѣли, а въ особенности, къ намѣченной Думою. Преобразованія, могущія устранить недостатки, которыми страдаетъ морское вѣдомство, состоятъ изъ двухъ частей: перемѣны личнаго состава и призванія болѣе энергичныхъ и способныхъ

людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преобразованія самихъ учрежденій. Что касается первой части, то здѣсь указано намъ лицо, которое, будучи призвано къ кораблестроенію, могло бы дать ему новый толчекъ, благопріятный для реальнаго существованія нашего флота и дѣйствительности обороны. Но можно ли строить на отдѣльной личности, какъ бы она способна ни была, какой нибудь прочный планъ? Сегодня она существуетъ, а завтра ея нѣтъ! Если въ будущемъ какія либо обстоятельства лишили бы насъ этого дѣятеля, мы остались бы въ томъ же положеніи, въ какомъ находимся нынѣ. Вообще, въ дѣлѣ коренныхъ преобразованій, на однѣхъ личностяхъ строить что либо опасно и непредусмотрительно. Вопіющіе недостатки, обнаруженные у насъ во время войны съ Японіей, отсутствіе фугасныхъ снарядовъ, перегрузка и т. п., столь ярко разсказанные здѣсь, едва ли могутъ быть приписаны нынѣшнимъ главнымъ дѣятелямъ Морского Министерства, которые работаютъ на своихъ мѣстахъ лишь послѣ войны. Ихъ предшественники должны нести на себѣ нравственную и всякую другую отвѣтственность за это! Конечно, реорганизація необходима и для этого нуженъ вліятельный и сильный голосъ Думы, поддержанный мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Въ Государственномъ Совѣтѣ раздавался цѣлый рядъ голосовъ, обличавшихъ боль сердца говорившихъ, которые указывали на недостатки и неправильности, существующіе въ главномъ управленіи морского вѣдомства. Но, однако, отказъ въ суммѣ для постройки броненосцевъ можетъ ли вызвать непосредственную и быструю реорганизацію морского вѣдомства? Реорганизовать сразу безъ строго выработанной программы цѣлое вѣдомство невозможно—это дѣло долгаго и обдуманнаго труда. Иначе мы будемъ имѣть предъ собою одно изъ тѣхъ поспѣшныхъ и частыхъ въ послѣдніе годы дѣйствій, которыя влекли и влекутъ за собой самые печальные результаты: разочарованія, напрасную трату силъ и средствъ, путаницу, справедливое раздраженіе и т. п. Слѣдовательно, это работа довольно продолжительнаго времени, строгаго вниманія, провѣрки общественнымъ мнѣніемъ, взглядомъ опытныхъ лицъ и т. д. Думаю, что даже А. И. Звегинцевъ, который такъ глубоко чув-

ствуетъ недостатки морской организаціи, не рѣшился бы въ 2—3 недѣли набросать планъ реорганизаціи морского вѣдомства. Онъ десять разъ примѣрилъ бы раньше, чѣмъ отрѣзать... А если такъ, то къ чему же приводитъ этотъ отказъ Государственной Думы? По смѣтѣ 1908 г. отказано, затѣмъ смѣта 1909 г. проходитъ черезъ Государственную Думу чрезъ два мѣсяца: 1 сентября она должна быть внесена, а въ октябрѣ будетъ обсуждаться. Можно ли предположить, что за это время возможно реорганизацію флота и вѣдомства не только создать, но и ввести въ дѣйствіе. Въ этомъ я сомнѣваюсь, а если этого не будетъ, то тогда, при обсужденіи смѣты 1909 г., придется, будучи послѣдовательнымъ, сказать: вы все таки ничего не сдѣлали въ смыслѣ реорганизаціи, хотя и много сидѣли, разсуждали, обсуждали и спрашивали свѣдущихъ людей и т. п., но всетаки фактически еще ничего нѣтъ, а слѣдовательно мы снова денегъ не даемъ, а дадимъ тогда, когда будетъ все фактически окончено, т. е., уже при обсужденіи смѣты на 1910 г., которая начнетъ дѣйствовать съ 1 января 1910 г. Итакъ, въ томъ дѣлѣ, которое и безъ того запущено, въ которомъ и безъ того не проявлено достаточной энергіи, и, такъ сказать, святого безпокойства, въ этомъ дѣлѣ еще будетъ формальная отсрочка на полтора года.

Возможно ли это въ тѣхъ цѣляхъ, которыя здѣсь указывались, въ цѣляхъ защиты нашихъ предѣловъ? Конечно, трудно говорить опредѣленно о той или другой комбинаціи въ будущемъ, но несомнѣнно, что наше сближеніе съ Англіею указываетъ на то, что наше положеніе на Балтійскомъ побережьѣ—для обороны котораго предназначено 4 броненосца и ассигнованіе—становится чрезвычайно серьезнымъ и опаснымъ, болѣе серьезнымъ чѣмъ прежде, въ виду борьбы за міровой рынокъ и за экономическіе интересы между Англіей и Германіей. За экономическое преобладаніе между ними могутъ вспыхнуть, къ общему несчастію, военныя дѣйствія. Гдѣ гарантія, что страна, находящаяся въ союзѣ съ Англіей или ея союзницей Франціей не должна будетъ принять прямое или косвенное участіе въ роковой схваткѣ? Въ виду сосѣдства съ очень сильнымъ сосѣднимъ флотомъ, который энергически увеличивается, не по днямъ, а по часамъ,—

можно ли сказать, что мы можемъ не торопиться что либо дѣлать для обороны нашихъ береговъ? Въ этомъ я сильно и упорно сомнѣваюсь. Мнѣ скажутъ: «но что можно сдѣлать серьезнаго, при нападеніи на насъ, съ этими 4-мя линейными кораблями и съ остальными старыми калошами, какъ называли эскадру Небогатова?» Можетъ быть многаго мы не сдѣлаемъ, но сдѣлаемъ то, что можемъ, т. е. не откажемся малодушно отъ обороны, отъ соблюденія достоинства государства, которое такъ же, какъ и личное достоинство человѣка, требуетъ извѣстнаго отпора противъ всякаго рода насилій, хотя бы и при неравенствѣ силъ. Нападеніе на наши берега финскаго залива ставитъ сразу въ опасность и столицу, а въ случаѣ разгрома столицы, дѣло грозитъ уже милліардами. На это есть историческіе примѣры. Не надо забывать, что уже и теперь нашъ Балтійскій флотъ слабѣе флота, весьма возможнаго въ будущемъ, Скандинавскаго союза. Затѣмъ и практическое осуществленіе *реорганизаціи* при беззащитности береговъ можетъ, при политическихъ осложненіяхъ, замедлиться. Все это такія обстоятельства, которыя, и внѣ техническихъ соображеній должны заставить нѣсколько задуматься надъ тѣмъ, можно ли, хотя бы на полтора года, отсрочить приготовленія къ защитѣ нашихъ береговъ. Скажутъ опять, что такого флота недостаточно и что онъ будетъ ненадежной и плохой защитой. Во время Крымской войны передъ С.-Петербургомъ англо-французскій флотъ безплодно стоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ. У насъ были деревянныя парусныя громады, 120-ти-пушечные суда, противъ которыхъ были винтовыя, желѣзныя суда французовъ и англичанъ. Мы не могли вступить въ открытый бой, ибо въ немъ суда и команда должны были неминуемо погибнуть. И флотъ, командуемый адмираломъ Рикордомъ, заперся въ Кронштадтѣ. И что же? При томъ духѣ, который царилъ тогда въ нашемъ флотѣ и былъ извѣстенъ нашимъ противникамъ, при рѣшимости Рикорда дорого продать свою гибель, эти ничтожные, по сравненію съ англо-французскими, корабли защищали Петербургъ 2 года, стоя на Кронштадтскомъ рейдѣ. Все это приводитъ меня къ заключенію, что едва ли можно откладывать на полтора года и безъ того крайне запоздавшую оборону. Скажутъ,

что все это требуетъ большихъ денегъ, а между тѣмъ все это можетъ оказаться негоднымъ и отсталымъ, въ виду быстрыхъ успѣховъ судостроенія. Но почему же не думать, что хотя бы то самое лицо, на которое съ такой увѣренностью въ немъ указываетъ А. И. Звегинцовъ, не найдетъ въ себѣ достаточной энергіи, чтобы создать что нибудь новое, дѣйствительно полезное—и не призоветъ себѣ помощниковъ, чтобъ общими усиліями сдѣлать то, что радикально нужно для успѣха обороны. Въ русской исторіи были примѣры, когда казалось, что все погибло, а энергія и любовь къ родинѣ все спасали. Вспомните Петра послѣ Нарвы... Много было случаевъ, когда казалось, что мы совсѣмъ уничтожены, и именно тогда то и начиналась, тѣмъ не менѣе, новая живая дѣятельность и новая улучшенная жизнь. Почему думать, что мрачной памяти Цусима не можетъ служить стимуломъ для этой новой жизни во флотѣ. Вспомнимъ Севастополь, гибель котораго была толчкомъ къ преобразованію всего морского вѣдомства. Нужна извѣстная рѣшимость въ ту минуту, когда дѣло идетъ о будущности родины, о международномъ достоинствѣ государства!

Государственная Дума ассигновала огромную сумму на постройку Амурской желѣзной дороги. Я былъ противъ этой постройки, и въ Государственномъ Совѣтѣ подалъ голосъ противъ Амурской дороги, въ томъ видѣ, какъ она принята. Мнѣ было грустно расходиться съ Государственной Думой, которой я желаю всякаго успѣха, но я стоялъ за мнѣніе меньшинства нашей Комиссіи. Мнѣ казалось, что путемъ имъ предлагаемымъ мы достигнемъ достаточныхъ результатовъ, возможныхъ при нашемъ финансовомъ положеніи. Однако, была принята *вся* проектированная постройка. То же самое существуетъ и относительно возобновленія нашего флота: нѣтъ программы, нѣтъ опредѣленнаго плана обороны. Намъ даны только нѣсколько предположеній и притомъ даны вѣдомствомъ, которое на практикѣ показало очень много въ высшей степени неприглядныхъ сторонъ. Достаточно вспомнить о подвижномъ составѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, о ихъ полной близости къ несостоятельности, о страшныхъ хищеніяхъ, которыя были обнаружены

на желѣзныхъ дорогахъ такъ недавно въ Москвѣ, о ревизіи для обнаруженія злоупотребленій на Сибирской дорогѣ, причемъ послѣ первой ревизіи оказалась нужной вторая. Развѣ это не показываетъ, что и тамъ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и строительствѣ многое гнило? Несмотря на это, постройка Амурской желѣзной дороги рѣшена, хотя это уравненіе со многими неизвѣстными касается весьма отдаленной опасности. Подавая свой голосъ за ассигнованіе на флотъ и отдавая полную справедливость высокимъ,—я скажу святымъ—чувствамъ Думы, которыя заставили ее издать крикъ боли при обсужденіи морской смѣты, я говорю себѣ: боль болью, а чѣмъ нибудь лечиться нужно и нужно безотлагательно.

Кромѣ того есть два соображенія, которыхъ нельзя упускать изъ виду. Во первыхъ—это дѣятельность заводовъ и трудъ рабочихъ. Заводы, если ихъ остановить на полтора года, — какъ живой организмъ, задержанный въ своей дѣятельности, по прошествіи извѣстнаго времени, перестанутъ дѣйствовать успѣшно и плодотворно. Они атрофируются. А рабочіе? Вѣдь это будутъ безработные. Тамъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда, отдѣльный рабочій не можетъ ничего сдѣлать. Это очень важно въ производствѣ, но губительно для отдѣльнаго человѣка, для отдѣльнаго рабочаго. Раздѣленіе труда, и притомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на заводахъ существуетъ, а разъ оно существуетъ—куда же дѣваться тогда разсчитаннымъ рабочимъ? А во вторыхъ, нравственный духъ флота въ его личномъ составѣ. Каковы бы ни были отдѣльные техническіе недостатки и недосмотры въ управленіи вѣдомствомъ, нельзя сказать всѣмъ морякамъ, что на время ихъ живая дѣятельность,—эти, такъ сказать, дыханіе и кровообращеніе цѣлаго вѣдомства прекращаются,—что на нѣкоторое время ничто во флотѣ не создается, не изучается, не практикуется; что они доживаютъ въ бездѣйствіи безнадежные дни и перестаютъ творить. Это должно, мнѣ кажется, неминуемо отразиться на личномъ составѣ. Личный составъ флота никогда, думается мнѣ, особенно въ лицѣ молодыхъ своихъ служащихъ, неспособенъ будетъ въ сердцѣ своемъ отдѣлить мысль о *техническомъ* недовѣріи отъ мысли о *нравственномъ* недовѣріи и мах-

нетъ рукой на необходимость самоусовершенствованія. Вотъ почему надо оказать нѣкоторое довѣріе этому вѣдомству, надо имѣть вѣру въ то, что въ немъ могутъ явиться силы, что онѣ возьмутся горячо за задачу такой важности, за такую рѣшительную задачу, какъ оборона нашего Балтійскаго побережья, и что онѣ сумѣютъ ее выполнить. Вѣдь контроль Государственной Думы, въ смыслѣ указаній ея на косность, на рутину,—въ смыслѣ выслушиванія ею людей, которые видятъ нынѣ недостатки управленія морскимъ дѣломъ въ Россіи и будутъ видѣть ихъ впослѣдствіи,—въ смыслѣ горячихъ и убѣжденныхъ рѣчей по поводу всего этого—пребудетъ и при обсужденіи ближайшей смѣты морского вѣдомства и слѣдующей за нею. Слѣдовательно, широкій и прямой путь нравственнаго воздѣйствія останется и можетъ быть проявленъ съ еще большей силой. Намъ говорятъ о томъ, что воля Верховнаго Вождя флота не была исполнена. Да, это та воля, которая выражена въ рескриптѣ 1905 г., гдѣ говорилось о лежащей на вѣдомствѣ «священной обязанности». Ассигнуя деньги не на вѣдомство, а на флотъ, Дума имѣетъ полную возможность въ своемъ *переходѣ къ очереднымъ* дѣламъ указать на неисполненіе до сихъ поръ воли Государя Императора и настойчиво обратиться къ вѣдомству во имя этой воли, требуя, чтобы она была исполнена безотлагательно и этимъ подчеркивая бездѣятельность вѣдомства и пригрозивъ возможностью неутвержденія будущихъ смѣтъ. Нуженъ подъемъ духа и въ изобличаемыхъ и въ тѣхъ, кто честнѣе ихъ несетъ службу родинѣ! Нужно сказать первымъ съ суровой твердостью: флотъ не можетъ не продолжаться, онъ долженъ строиться и если на это въ будущемъ не будетъ дано средствъ, *вы* понесете за это отвѣтственность предъ родиной!..

XVIII.

Общеимперское законодательство для Финляндіи.

(Засѣданіе 10 іюня 1910 г.).

Соглашаясь съ мнѣніемъ тѣхъ, кто признаетъ, что Финляндія не есть самостоятельное государство, находящееся въ реальной уніи или въ союзѣ съ Россіей, я нахожу вмѣстѣ съ тѣмъ, что это вошедшая въ составъ Россійской Имперіи область, вѣковое населеніе которой, названное Императоромъ Александромъ I *націей*, надѣлено широкимъ политическимъ самоуправленіемъ, имѣетъ старое историческое прошлое, создало свой замѣчательный по силѣ эпосъ и выработало самобытныя условія частной и общественной жизни. Поэтому, какъ часть Россійской Имперіи, находящаяся въ ея верховномъ обладаніи, Финляндія должна представлять съ нею единое цѣлое—въ смыслѣ обороны въ широкомъ значеніи слова, въ организаціи и накопленіи морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ международномъ представительствѣ и въ тѣхъ проявленіяхъ дѣятельности Имперіи, въ единствѣ которыхъ выражается ея державное значеніе и достоинство. Въ этомъ именно смыслѣ, и въ виду неразрѣшимыхъ иначе разногласій высшихъ финляндскихъ и русскихъ законодательныхъ учрежденій, что вреднымъ образомъ затягивало бы разрѣшеніе каждаго общеимперскаго вопроса,—изданіе общегосударственныхъ законовъ должно принадлежать представительнымъ учрежденіямъ Имперіи, причемъ, однако, должны быть точно и широко опредѣлены способы и порядокъ, коими эти учрежденія должны

удостовѣряться въ мѣстныхъ условіяхъ для примѣненія закона. Но это законодательство не должно касаться тѣхъ областныхъ и мѣстныхъ постановленій, которыя вытекаютъ изъ принадлежащаго Финляндіи широкаго *самоуправленія*, названнаго А. С. Стишинскимъ «областною конституціей». Между тѣмъ, законопроектъ Государственной Думы, подъ флагомъ законовъ общегосударственнаго значенія, установляетъ вторженіе нашего русскаго закона и примѣняющей его власти въ сферу отношеній, которыя или создались еще ранѣе присоединенія Финляндіи къ Россійской державѣ, или же были подтверждены русскою Верховною властью, которая не только признавала ихъ законное бытіе, но и дала возможность воспитываться въ нихъ, въ теченіе почти столѣтія, финляндскому обществу. Въ виду такой своей всеобъемлемости, могущей стереть разницу между законодательствомъ всеобщимъ и мѣстнымъ, со вредомъ для обоихъ,—проектируемый законъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ быть точнымъ и опредѣленнымъ, покоиться на твердыхъ, непререкаемыхъ основаніяхъ и насущныхъ потребностяхъ и, наконецъ, регулировать *настоящія* отношенія между Россіей и Финляндіей, отнюдь не давая поводовъ смотрѣть на себя, какъ на прикровенную угрозу въ *будущемъ*.

Ни одному изъ этихъ требованій законопроектъ въ томъ *перечнѣ дѣлъ*, который подлежитъ общеимперскому законодательству не удовлетворяетъ. Радикальныя мѣры, предлагаемыя имъ, покоятся на *чувствахъ*, опираются на *необходимость*. Но чувства съ чьей бы стороны ни было, не должны играть роли при опредѣленіи правового положенія своеобразной части общаго государства и правомѣрнаго къ ней отношенія. Не симпатіи или антипатіи, не возмущеніе или негодованіе, не народный темпераментъ или оскорбленное самолюбіе должны диктовать мѣры, опредѣляющія это отношеніе и имѣющія въ виду далекое и прочное будущее, а справедливость quand même и malgré tout. Здѣсь говорилось объ относительномъ характерѣ справедливости, которая поэтому будто бы не поддается опредѣленію. Но юристъ такъ смотрѣть не можетъ. Для него справедивость опредѣлена вполнѣ точно: neminem laedere, suum cuique tribuere... Недаромъ римляне называли ее fundamentum regnorum! Здѣсь было рѣши-

тельно сказано, что въ отношеніяхъ между отдѣльными частями государства немыслимо требовать другъ къ другу любви, а есть право требовать уваженія. Но это уваженіе достигается исключительно осуществленіемъ справедливости, ибо иначе законодательство будетъ постоянно находиться въ состояніи колебанія подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ, временныхъ и мѣстныхъ настроеній. Посмотримъ, однако, соблюдено ли это по отношенію къ программѣ тѣхъ дѣйствій, которыя должны быть предприняты въ случаѣ принятія предлагаемаго намъ законопроекта.. Напримѣръ, въ проектѣ, принятомъ Г. Думой, говорится объ обезпеченіи въ общемъ законодательномъ порядкѣ государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за нимъ, т. е., иными словами, объ установленіи вмѣшательства имперскихъ властей не только въ объемъ школьнаго преподаванія, но и въ способы его, не только въ то, *что* преподается, но и *какъ* преподается. Этимъ, по мнѣнію Комиссіи Государственнаго Совѣта достигнется то, что финляндская школа будетъ поставлена въ возможность вселять юношеству вмѣсто духа вражды—уваженіе къ Имперіи и расположеніе къ русскому народу, такъ какъ будутъ выработаны мѣры, придающія программамъ надлежащую полноту и включающія въ нихъ истинное понятіе о русской исторіи, культурѣ и географіи. Въ преніяхъ, предшествовавшихъ разсмотрѣнію Государственнымъ Совѣтомъ настоящаго законопроекта, было между обвиненіями противъ финляндской школы указано и на то, что преподаваніе русской исторіи слѣдуетъ тамъ по извращенному и вредоносному пути, такъ какъ изъ монарховъ упоминаются только Петръ Великій, Екатерина Великая, Александръ Первый и Царь-Освободитель. Если судить по этому упреку о справедливости другихъ, то цѣна имъ невелика! Для послѣдняго тридцатилѣтія исторія еще не наступила, и даже въ Россіи еще нѣтъ серьезнаго труда по этой части, а относительно болѣе далекихъ временъ дозволительно усомниться—составляетъ-ли ущербъ для знакомства съ истинными судьбами русскаго народа умолчаніе, напримѣръ, о господствѣ Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ или о Петрѣ III и обстоятельствахъ его кончины. Да и какъ установить жела-

тельный проекту надзоръ за оцѣнкой учителями историческихъ личностей и событій, безъ грубаго вторженія въ преподаваніе канцелярской указки и пріемовъ негласнаго дознанія, притомъ фактически безплодныхъ, ибо сжатая въ тискахъ мысль съумѣетъ дать себя понять со всею прелестью запрещеннаго плода. Кромѣ того, упоминаніе въ законопроектѣ о *преподаваніи вообще*, безъ всякихъ ограниченій, даетъ поводъ думать, что «обезпеченіе» предположено распространить и на университетъ въ Гельсингфорсѣ. Но еще при обсужденіи вопроса объ открытіи университета Шанявскаго въ Москвѣ Государственный Совѣтъ нашелъ обязательныя программы преподаванія, составляемыя въ учебномъ округѣ, недостигающими своей цѣли. Наконецъ, не надо забывать, что, какъ видно изъ петиціи финляндскаго сейма 1907 года, всѣ законы, касающіеся устройства учебныхъ заведеній въ Финляндіи, входятъ въ область административнаго законодательства, находящагося всецѣло и единолично въ рукахъ Государя Императора. Зачѣмъ же вносить элементъ раздвоенія и раздраженія въ область финляндской школы, о которой всякій, кто ее видѣлъ въ дѣйствіи и ознакомился съ ея организаціей, не можетъ думать безъ уваженія и даже безъ зависти, какъ о культурномъ показателѣ страны...

Намъ указываютъ на *необходимость*. Но необходимость неразрывно связана съ цѣлесообразностью принимаемыхъ въ силу ея мѣръ. Однако, достигаютъ-ли предлагаемыя мѣры цѣли, объединенія на почвѣ взаимнаго пониманія положенія? О школѣ я уже говорилъ. Печать, союзы и собранія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ политическимъ навыкомъ страны. Степень свободнаго ихъ существованія неразрывна со степенью политическаго развитія населенія. Для огражденія общихъ государственныхъ интересовъ по отношенію къ нимъ достаточно уголовнаго закона и суда—и всякое вмѣшательство внѣ этого въ эти проявленія духовной жизни народа должно быть крайне осторожно и строго обдумано, считаясь съ общимъ строемъ страны и народной психологіей. Можно-ли, думая о центральной регламентаціи печати, союзовъ и собраній въ Финляндіи, забывать, что въ ней существуетъ общее избирательное право, распространенное и

на женщинъ, и что самый демократическій характеръ даннаго странѣ представительства дѣлаетъ неизбѣжнымъ и широкій просторъ въ пользованіи политическими правами, выражающимися въ свободѣ печати и собраній? Относиться къ этимъ правамъ съ точки зрѣнія общихъ мѣропріятій, облекаемыхъ въ форму закона, значило бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ брать мѣриломъ такія соображенія, которыя не свойственны ни психологіи мѣстнаго населенія, ни его политическому навыку и житейскому укладу. Не слѣдуетъ-ли намъ прежде всего подумать о себѣ и вспомнить, что у насъ до сихъ поръ существуютъ лишь *временныя* правила объ обществахъ и собраніяхъ и нѣтъ *закона о* печати, а только лишь весьма сомнительныя временныя правила, замѣняемыя въ мѣстностяхъ, состоящихъ въ исключительномъ положеніи, усмотрѣніемъ мѣстнаго полицейскаго начальства. Вспомните, что мы, желающіе обуздать финляндскую печать, безсильны у себя увидѣть прекращеніе описаній ужасающаго ряда самоубійствъ,—описаній, дѣйствующихъ заразительно и преподающихъ желающимъ разнообразные, простые и сложные способы лишенія себя жизни! Сколь долгое время должны мы съ безсильной горечью смотрѣть на отравленіе нашего юношества и простого народа порнографическими книжками и изображеніями, въ ожиданіи пока бдительное начальство обратитъ, наконецъ, на это вниманіе?

Точно также нарушеніемъ автономіи Финляндіи представляется проектируемое безъ всякихъ границъ установленіе въ государственныхъ интересахъ изъятій изъ финляндскихъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ законовъ. И здѣсь подведеніе мѣстныхъ законовъ подъ общій уровень—идетъ въ разрѣзъ съ бытовыми условіями и нравами народа и способно возбудить въ немъ недовѣріе къ суду. И почему тогда уже не распространить этихъ изъятій и на область гражданскаго права? Финляндскіе законы объ экспропріаціи, о подрядахъ и поставкахъ—совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ, и иногда для насъ стѣснительные. Въ Комиссіи Бунге сами финляндскіе члены предлагали общеимперское законодательство о наслѣдствахъ и опекахъ. Но на пути этихъ исключеній можно зайти весьма далеко и тѣмъ не менѣе, цѣль

не будетъ достигнута. Если имѣется въ виду усиленіе репрессіи по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, то, вѣдь, судъ останется свободнымъ въ оцѣнкѣ доказательствъ и всегда будетъ имѣть возможность на чуждыя народному правосознанію карательныя постановленія отвѣчать непризнаніемъ виновности. Зачѣмъ же вводить его въ такой соблазнъ? Ссылка на германское правовое и процессуальное объединеніе для меня не убѣдительна, ибо для него было выговорено соглашеніе всѣхъ областей, входящихъ въ составъ Имперіи. Когда, еще въ 1880 году, Н. С. Таганцевымъ былъ возбужденъ вопросъ о непріемлемости проекта финляндскаго Уложенія, и оно было передѣлано, то и тогда рѣчь шла лишь объ уголовныхъ законахъ, имѣющихъ международное значеніе или относящихся къ преступленіямъ противъ государства, какова, напримѣръ, измѣна. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что правительство въ Финляндіи не лишено права и даже обязано заботиться о законодательномъ улучшеніи нормъ права и правилъ процесса, и что для этого у него есть правомѣрный путь, указанный въ сеймовомъ уставѣ 1906 г.

Но если проектируемыя мѣры не цѣлесообразны и чреваты многими прискорбными осложненіями, то можно-ли говорить о *необходимости*, причемъ результатомъ ея будетъ превращеніе политическаго самоуправленія, дарованнаго русскими Государями, въ узко-земское, т. е. чисто хозяйственное и мѣстное?

Вотъ что, однако, говорилъ по такому поводу великій основатель германской имперіи, при обсужденіи проектовъ Бенигсена и Твестена, требовавшихъ учрежденія органовъ для единаго имперскаго законодательства: «Такой унитаризмъ былъ бы дѣломъ насилія; даже прикрытый и формально оправданный, онъ образовалъ бы раны, продолжительность заживленія которыхъ никому неизвѣстна и никѣмъ не можетъ быть контролируема. Слѣдуетъ спрашивать себя не о томъ, что для Германіи *можетъ* быть общимъ, а о томъ,—что абсолютно *должно* быть таковымъ, остальное же предоставить мѣстному развитію; этимъ мы послужимъ свободѣ и общественному благосостоянію. Во всякомъ случаѣ—не спѣшите!» Не спѣшите! позволительно повторить и **здѣсь** въ настоящее время...

Финскій народъ прожилъ долгіе, долгіе годы при господствѣ политическаго самоуправленія. Это хотятъ сдѣлать его безвозвратнымъ прошлымъ. Но политическое *прошлое* народа, переставшее быть *настоящимъ*, пріобрѣтаетъ особую обаятельную силу надъ умами и сердцами, ослѣпляя первые своими свѣтлыми сторонами, накопляя въ послѣднихъ горечь скорби и ядъ негодованія.

Если законопроектъ, съ одной стороны, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики по своимъ основаніямъ,—то съ другой стороны, онъ страдаетъ большой неясностью и неопредѣленностью. Таково, напримѣръ, указаніе на участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ и установленіе для сего взносовъ, сборовъ и налоговъ—даже безъ обозначенія какихъ именно расходовъ, и на какія потребности. Между тѣмъ, сеймовый уставъ 1906 года дѣйствуетъ и нынѣ, и сеймъ имѣетъ бюджетную Коммисію, въ которую, на основаніи §§ 26 и 43 устава, передаются предложенія о доставленіи средствъ на расходы, не покрываемые ординарными смѣтными доходами, предложенія о чрезвычайныхъ налогахъ и, вообще, предложенія по финансовымъ вопросамъ; тотъ же сеймъ, на основаніи § 74, гарантируетъ и вѣдаетъ фонды финляндскаго банка. Поэтому, въ неопредѣленной редакціи п. 1. перечня нельзя не видѣть крайняго умаленія правъ сейма и сведенія всей его финансовой дѣятельности «на нѣтъ». Эта утрата имъ принадлежащихъ ему по сеймовому уставу 1906 г. правъ уже никакъ не можетъ быть заполнена, какъ думаетъ Комиссія Государственнаго Совѣта, участіемъ трехъ финляндскихъ членовъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, гдѣ они утонутъ, въ подавляющемъ числѣ русскихъ членовъ, какъ капля въ морѣ.

Здѣсь была сдѣлана экскурсія по всѣмъ томамъ свода законовъ, чтобы показать, въ шутливой формѣ, что и послѣ принятія законопроекта финляндцамъ еще многое останется: какъ, напримѣръ, горное дѣло, тюрьмы и т. п. Спеціально относительно финансовъ было указано, что у нихъ, между прочимъ, не отнимается право помѣщенія денегъ въ иностранные банки и остается законодательство о кассовомъ устройствѣ. Но, господа,

устройство кассы безъ распоряженія тѣмъ, что изъ нея вынимается—звучитъ ироніей! Представимъ себѣ, что случайно изданъ законъ, по которому въ общеимперскомъ порядкѣ устанавливается порядокъ владѣнія недвижимою собственностью въ Финляндіи. Защитники этого закона говорили бы, что за то наемъ квартиръ въ домахъ, меблировка ихъ, заказываніе и выборъ обоевъ—все это производится совершенно свободно, и въ этомъ отношеніи предоставляется полное самоуправленіе. Это показалось бы намъ самимъ насмѣшкой...

Не меньшею неясностью страдаетъ и указаніе на опредѣленіе, въ общеимперскомъ порядкѣ, употребленія въ Финляндіи государственнаго языка. Я вполнѣ понимаю и одобряю опредѣленіе обязанности и условій употребленія государственнаго языка должностными лицами и правительственными учрежденіями въ Финляндіи во всѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ дѣло съ русскими учрежденіями или русскими людьми, которымъ должно принадлежать право понимать и быть понимаемыми, приходя въ соприкосновеніе съ мѣстными учрежденіями — будетъ-ли то судъ, общественное управленіе, или казна и администрація въ ихъ различныхъ функціяхъ. Здѣсь, дѣйствительно, мѣсто для имперскаго законодательства по причинамъ, самимъ по себѣ яснымъ. Но употребленіе общаго, ничего не говорящаго и разрѣшающаго всевозможныя мѣры выраженія о государственномъ языкѣ открываетъ широкій просторъ для случаевъ проявленія усердія не по разуму, близорукая прозорливость котораго о намѣреніяхъ высшаго начальства можетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями политическаго благоразумія и придать законному проявленію правъ государственнаго языка характеръ принудительной руссификаціи. Мы знаемъ по собственному опыту, стоившему большихъ жертвъ и не приведшему ни къ какому сліянію, — и по опыту нашаго западнаго сосѣда, какія обостренныя отношенія вызываются и какая почва для раздраженія создается неточнымъ опредѣленіемъ границъ примѣненія государственнаго языка и какъ это приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которые ожидались. Съ другой стороны, мы знаемъ, что ничто такъ больно не затрогиваетъ людей, какъ

прикосновеніе къ ихъ языку, или обязательство ихъ употреблять не свой родной языкъ. Это чувствуется всегда, какъ извѣстнаго рода обида родному языку, т. е. самому цѣнному достоянію каждой народности.

Позвольте призвать предъ вами свидѣтельство человѣка, котораго, конечно, никто не рѣшится упрекнуть въ недостаточной любви къ родинѣ или нежеланіи охранять ея интересы. Вотъ что говоритъ незабвенный учитель моей молодости, другъ моей старости—Борисъ Николаевичъ Чичеринъ въ своей «Политикѣ»: «послѣ вѣры—самое дорогое для человѣка — родной языкъ; въ немъ выражается душа народа, имъ опредѣляется весь складъ его ума, всѣ оттѣнки его понятій: для массы народа родной языкъ есть духовное достояніе, охватывающее все существо человѣка,—иного способа для выраженія своихъ понятій, чувствъ и желаній она не имѣетъ. Стремленіе непремѣнно всюду ввести употребленіе оффиціальнаго языка есть чистый плодъ бюрократическаго формализма, подводящаго все къ однообразному уровню, безъ всякаго вниманія къ мѣстнымъ особенностямъ. Когда владычествующая народность навязываетъ свой языкъ, какъ знакъ своего преобладанія—это безполезно и глубоко-оскорбительно, какъ униженіе и стѣсненіе того, что особенно дорого»... Къ этимъ словамъ я добавлю, что языкъ великаго народа, разработанный и представляемый такими людьми какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и Гончаровъ всегда завоюетъ къ себѣ вниманіе всякаго культурнаго народа, но обязательнымъ его дѣлать можно только въ безусловно нужныхъ границахъ, которыя должны быть твердо и ясно опредѣлены въ законѣ.

Наконецъ, не пошелъ-ли въ этомъ вопросѣ законопроектъ дальше того, что признавало нужнымъ само правительство? Въ представленіи предсѣдателя Совѣта Министровъ въ Государ. Думу ничего не говорится о государственномъ языкѣ. Этотъ пунктъ вставленъ самой Думой и принятъ затѣмъ нашей особой Комиссіей, безъ ходатайства о томъ внесшихъ проектъ. Уже это одно заставляетъ отнестись къ этому вопросу съ особой осмотрительностью.

Такая же неясность является и относительно путей сообщенія,

воздухоплаванія и телефоновъ, изъ которыхъ первые и послѣдніе доведены въ Финляндіи до высокой степени совершенства. Они отнесены къ имперскому законодательству, даже и безъ той оговорки, которая сдѣлана относительно желѣзныхъ дорогъ, подчиняемыхъ общегосударственному законодательству «въ отношеніи къ оборонѣ государства», что совершенно безспорно.

Эта неясность, обременяя и безъ того обремененный Государственный Совѣтъ мелкими дѣлами, можетъ парализовать культурно-техническій ростъ Финляндіи, достигающій такихъ поразительныхъ и завидныхъ успѣховъ въ послѣднее время. Здѣсь не мѣсто и не время говорить о какихъ-либо редакціонныхъ измѣненіяхъ перечня, но нельзя не замѣтить, что почта уже и такъ на основаніи административнаго законодательства объединена въ Россіи и Финляндіи въ одно вѣдомство, а все остальное, въ исключительномъ значеніи для обороны государства, должно бы быть помѣщено въ одинъ отдѣлъ съ желѣзными дорогами. Затѣмъ, общеимперское законодательство, направленное къ объединенію денежной системы, конечно, представлялось бы рѣзкимъ нарушеніемъ всего экономическаго строя Финляндіи, если бы на послѣднюю была распространена наша монетная единица, представляющая, какъ было вѣрно замѣчено, ненормальное явленіе крупной монетной единицы въ бѣдной странѣ. Быть можетъ, наоборотъ, желательно, чтобы мы ввели у себя монетную единицу, подобную той, какая существуетъ въ Финляндіи, и тѣмъ примкнули къ типу большинства западно-европейскихъ континентальныхъ державъ.

Наконецъ, можно-ли сказать, что статья перечня, говорящая объ измѣненіи въ общемъ порядкѣ *основныхъ* началъ управленія Финляндіей *особыми* установленіями на основаніи *особаго* законодательства—путемъ общеимперскаго закона—не нарушаетъ нашедшихъ одобреніе Монарха благихъ пожеланій и указаній, сдѣланныхъ Комитетомъ Министровъ 12 декабря 1904 г. относительно незыблемой силы закона? Эта статья, а также постановленіе о томъ, что и дополненіе перечня совершается въ томъ же порядкѣ, обрекаютъ правовую жизнь Финляндіи на крайнюю неустойчивость, пагубную для нормальнаго развитія страны. Я

уже не буду говорить о порядкѣ, въ которомъ перечень дополняется. Нѣкоторыя печальныя воспоминанія изъ прежняго финляндскаго законодательства заставляютъ въ интересахъ Россіи не желать этого порядка, а желать, чтобы Монарху Русскому предстояло утверждать или не утверждать постановленія законодательныхъ учрежденій, а не высказывать предварительно своего одобренія тому или другому проекту. Но это вопросъ, о которомъ еще придется говорить. Во всякомъ случаѣ, возможность всегдашняго дополненія устанавливаетъ такую неустойчивость мѣстнаго законодательства, которая, въ дѣйствительности связана съ полной неувѣренностью въ завтрешнемъ днѣ. Сущность этихъ статей слѣдующая: вотъ перечень, неопредѣленный, неясный, чрезвычайно растяжимый,—этотъ перечень можетъ быть во всякое время дополняемъ и, кромѣ того, онъ будетъ касаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣхъ мѣстныхъ установленій, роль которыхъ уже закономъ опредѣлена, т. е., это такой порядокъ, при которомъ установляется законъ *примѣрно*, на время,—пусть моль, покуда дѣйствуетъ, а тамъ будетъ видно, тамъ посмотримъ... Сегодня это можно признать полезнымъ, а завтра сказать—нѣтъ, это не годится, и надо это измѣнить опять на время, а тамъ снова—будетъ видно... Такого рода неустойчивость законодательства лишаетъ его всякаго достоинства и нравственной силы. При отдѣленіи законовъ общеимперскаго значенія отъ законовъ, относящихся къ внутреннимъ дѣламъ Финляндіи, должно поставить между тѣми и другими «повелительныя грани», но поставить ихъ надолго и твердо, а не временно и шатко. Фарватеръ для того и другого законодательства долженъ давать плывущимъ увѣренность, что ихъ не встрѣтятъ подводные камни и мели въ видѣ разныхъ неожиданныхъ вѣяній и настроеній, новыхъ констелляцій политическихъ партій или измѣненія состава Совѣта Министровъ. Нельзя создавать законы, открывающіе неопредѣленныя перспективы и излагать ихъ въ такихъ выраженіяхъ, что на недоумѣвающій вопросъ:—«какъ же это выразится на практикѣ?»—приходится отвѣтить:—«да тамъ ужъ будетъ видно!»

Таковъ коренной недостатокъ перечня, по которому онъ является въ настоящемъ своемъ видѣ непріемлемымъ. Наша Комис-

сія, очевидно, сама чувствуетъ, какую почву для принятія мѣръ поспѣшныхъ, основанныхъ на односторонней или невѣрной освѣдомленности, или на преднамѣренномъ обобщеніи единичныхъ явленій грубости, невниманія или недостаточной благодарности мѣстныхъ жителей создаетъ перечень. Комиссія постоянно колеблется между мало обоснованнымъ оптимизмомъ и довольно опрометчивымъ пессимизмомъ. Она говоритъ, что, безъ сомнѣнія и конечно, мѣстныя особенности Финляндіи при дѣйствіи перечня будутъ приняты во вниманіе. Но гдѣ ручательство въ осуществленіи этихъ надеждъ? Въ чемъ гарантія, что выводы изъ перечня будутъ разработаны въ томъ же духѣ, въ которомъ, по мнѣнію Комиссіи, начертанъ самый перечень? Не зачѣмъ отъ себя скрывать, что, по крайней мѣрѣ на первое время, глубокія умаленія политическаго самоуправленія Финляндіи повлекутъ за собою рядъ треній, замѣшательствъ и неудовольствій. Это признаетъ и наша Комиссія, когдаговоритъ, по поводу новыхъ налоговъ, что ихъ, быть можетъ, придется взимать посредствомъ органовъ русской власти. Однако, въ этомъ «можетъ быть, придется» содержится своего рода угроза, не обѣщающая въ будущемъ мира. А такъ какъ блаженныхъ миротворцевъ и людей, внимающихъ совѣту митрополита Филарета: «будете имѣть миръ, растворяя дѣйствіе власти терпѣніемъ и любовью»—въ человѣческомъ обиходѣ вообще мало, то не придется ли относительно практическаго соглашенія между бытовой и вновь создаваемой правовой жизнью Финляндіи и умиротворенія послѣдней повторить замѣчаніе Тацита: «ubi solitudinem faciunt—pacem apellant!» Вотъ почему я высказываюсь противъ перечня въ его настоящемъ видѣ. Принимая во вниманіе коренное значеніе этого перечня, я нахожу, что необходимо обратить дѣло въ ту же Комиссію или иную, избранную нами вновь для новаго подробнаго и тщательнаго пересмотра законопроекта,—если же это не будетъ признано возможнымъ, то я долженъ буду подать голосъ за отклоненіе послѣдняго цѣликомъ.

Позвольте мнѣ, господа, прежде, чѣмъ окончить, сказать нѣсколько словъ по поводу сдѣланнаго здѣсь заявленія. Ссылаясь на мнѣніе меньшинства Комиссіи о томъ, что принятіе нѣкоторыхъ

изъ частей перечня не принесетъ добра Россіи и послужитъ лишь на пользу ея врагамъ,—намъ здѣсь сказали, что врагами Россіи являются тѣ, кто не приметъ настоящаго законопроекта. Съ грустнымъ чувствомъ встрѣтилъ я такой полемическій пріемъ въ дѣлѣ огромнаго значенія и исторической важности. Когда Державный вождь нашего отечества рѣшилъ передать вопросъ объ общеимперскомъ законодательствѣ для Финляндіи на рѣшеніе созданныхъ имъ представительныхъ учрежденій, онъ, конечно, не имѣлъ въ виду вручать его разрѣшеніе собранію *друзей* и *враговъ* Россіи, а призвалъ къ этому людей, которымъ житейскій и государственный опытъ, голосъ внутренняго убѣжденія и сознаніе принятой присяги, помогутъ, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, сказать свое слово... Поэтому, указаніе на несогласныхъ съ законопроектомъ, какъ на враговъ родины совершенно неумѣстно. Этого рода пріемы надо предоставить тѣмъ областямъ нашей общественной жизни, гдѣ искусственно раздуваютъ злобу дня, гдѣ ею существуютъ и въ ней же черпаютъ свое оружіе. Такіе пріемы должны быть осуждены парламентской практикой, какъ осуждены и исторіей, повѣдавшей намъ на своихъ святѣйшихъ страницахъ о томъ, какъ была совершена величайшая въ мірѣ несправедливость въ угоду ожесточеннымъ людямъ, кричавшимъ рѣшителю дѣла: если не сдѣлаешь по нашему—не другъ еси Кесаря!

XIX.

Запросъ предсѣдателю Совѣта Министровъ о примѣненіи 87 ст. Законовъ Основныхъ.

(24 марта 1911 года).

Подписывая предложеніе о запросѣ предсѣдателю Совѣта Министровъ и обсуждая его основанія, я, прежде всего, остановился на вопросѣ о томъ, что такое *закономѣрность*, о которой говорится въ ст. 57 учр. Гос. Совѣта. Думаю, что подъ закономѣрностью надо разумѣть полное соотвѣтствіе дѣйствій власти съ точнымъ смысломъ закона, дѣйствій, не возбуждающихъ, по характеру своему опасеній въ смыслѣ возможности своего повторенія и принятія ихъ въ государственный обиходъ. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ точному смыслу 87 ст. Законовъ Основныхъ, я нахожу, что ею установляется двоякій порядокъ принятія законодательныхъ мѣропріятій, сводящійся, въ концѣ концовъ, къ Высочайшему утвержденію одобреннаго Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законопроекта. Мѣриломъ для примѣненія того или другого служитъ наличность засѣданій законодательныхъ учрежденій. Есть эти засѣданія—дѣйствуетъ общій порядокъ, въ силу котораго каждый проектъ восходитъ изъ Государственной Думы въ Совѣтъ или, въ случаѣ принятія послѣднимъ почина на себя, направляется изъ Совѣта въ Думу. Нѣтъ этихъ засѣданій, вслѣдствіе перерыва ихъ согласно Высочайшему указу,

и наступаютъ чрезвычайныя обстоятельства, настоятельно вызывающія необходимость мѣры, требующей обсужденія въ порядкѣ законодательномъ,—дѣйствуетъ особый порядокъ, предусмотрѣнный ст. 87 Законовъ Основныхъ, и принимается мѣра, которая должна черезъ два мѣсяца или пасть, или получить возможность обратиться, установленнымъ для общаго порядка путемъ, въ законъ. Третьяго порядка нѣтъ и быть не можетъ, ибо онъ поражалъ бы въ самое существо законопроекты или находящіеся уже въ движеніи въ той или другой Палатѣ и подлежащіе ея законному разсмотрѣнію, или же прошедшіе уже всѣ стадіи такого разсмотрѣнія съ положительнымъ или отрицательнымъ исходомъ. Такой порядокъ, если бы онъ былъ начертанъ въ законѣ, расшатывалъ бы въ корнѣ устойчивость законодательной дѣятельности. Напрасно указывали намъ сейчасъ на 208 и 210 статьи общаго наказа министерствамъ, предоставляющія министрамъ, при наступленіи общей и видимой опасности, принимать рѣшительныя мѣры, не влекущія, по силѣ 340 ст. уложенія, отвѣтственности за превышеніе власти. Статьи эти никакого отношенія къ законодательной работѣ не имѣютъ. Это—мѣры, принимаемыя въ порядкѣ управленія, мѣры не органическія, не длительныя и не находящія себѣ мѣста на страницахъ свода. Такъ смотритъ, очевидно, и Совѣтъ Министровъ, принявшій недавно мѣры по поводу разстройства спокойнаго теченія университетской жизни—не путемъ приспособленія къ 87 ст. Законовъ Основныхъ, а въ порядкѣ управленія. Наконецъ, и наша практика показываетъ, что до сихъ поръ 87 ст. примѣнялась лишь по наступленіи продолжительныхъ перерывовъ въ занятіяхъ представительныхъ учрежденій и при томъ не съ лихорадочной поспѣшностью тотчасъ послѣ перерыва, а въ спокойномъ теченіи возникающихъ потребностей, долженствующихъ, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, облечься въ доспѣхи закона. Такъ, послѣ роспуска первой Государственной Думы, первое по времени примѣненіе 87 статьи послѣдовало лишь 3 августа 1906 года, а послѣ роспуска второй—лишь 26 іюня 1907 г. Вотъ почему смыслъ статьи 87 мнѣ представляется яснымъ, а всякое иное его объясненіе—относящимся къ области того, отъ чего статья 65 нашихъ старыхъ Основныхъ Законовъ предосте-

регала, какъ отъ «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій».

Переходя ко второму условію закономѣрности, надо признать, что возможность примѣненія ст. 87, какъ было въ настоящемъ случаѣ, и внѣдренія такой практики въ нашу законодательную жизнь не можетъ не возбуждать справедливой тревоги. Эта тревога основывается на послѣдствіяхъ такого порядка вещей,—практическихъ и нравственныхъ. Практическія состоятъ вотъ въ чемъ: если Дума будетъ согласна съ правительственнымъ законопроектомъ, но послѣдній встрѣтитъ несогласіе Государственнаго Совѣта, то, по новой практикѣ, можетъ вступить въ силу 87 статья, и рѣшеніе Совѣта обратится въ ничто. То же можетъ случиться и съ рѣшеніемъ Думы, когда она не согласится съ рѣшеніемъ Совѣта по возбужденному имъ, въ порядкѣ почина, вопросу, съ которымъ, однако, согласно правительство. Какъ бы слѣдуя французской шутливой поговоркѣ: «c'est mon opinion et je la partage», правительство скажетъ въ обоихъ случаяхъ: «раздѣляйте и вы мое мнѣніе», или я прибѣгну къ 87 ст., усмотрѣвъ въ вашемъ отказѣ «чрезвычайныя обстоятельства». Но въ чемъ же будутъ, при этомъ, состоять задачи Государственнаго Совѣта? Придется руководящимъ началомъ его дѣятельности признать поддержаніе взглядовъ правительства, т. е. того, что въ прежнее время именовалось туманными и произвольно толкуемыми словами, какъ «виды правительства», ибо и въ случаяхъ согласія Совѣта съ Думой, но несогласія съ этимъ Совѣта Министровъ заманчивое примѣненіе ст. 87 въ ея новомъ пониманіи вовсе не исключается. Такимъ образомъ, неприкосновенною останется лишь область частичныхъ поправокъ и видоизмѣненій со стороны Верхней Палаты въ законопроектахъ Нижней. Но, господа, эти частичныя поправки и видоизмѣненія, по большей части, пройдя чрезъ согласительныя Комиссіи, сводятся къ редакціоннымъ измѣненіямъ—и не обратится ли предоставленная Государственному Совѣту свобода законодательной работы въ свободу грамматическихъ упражненій? Въ дѣйствіе законодательнаго механизма входятъ три фактора работы—Государственная Дума, Государ-

ственный Совѣтъ и правительство. Первая, при всемъ ея важномъ и глубокомъ значеніи въ государственномъ организмѣ, выражая разнообразіе взглядовъ значительной части населенія, является ареною борьбы организованныхъ партій. Можетъ случиться, что, несмотря на уважительность мотивовъ голосованія каждой изъ нихъ, рѣшеніе будетъ постановлено въ разгарѣ добросовѣстнаго увлеченія и явится результатомъ работы, продиктованнымъ страстью. Возможно и другое. Возможно, что правительство, при искреннемъ желаніи послужить родинѣ и государству, все-таки ошибается въ непогрѣшимости своихъ взглядовъ и въ непререкаемости своей критики. Ему приходится тоже спускаться на арену борьбы и имѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственное соприкосновеніе съ пестрыми явленіями злободневной дѣйствительности. При этомъ можетъ страдать правильная перспектива, благодаря чему утрачиваются истинные контуры вещей и событій, и далекое кажется близкимъ, а близкое, наоборотъ,—и подчасъ къ великому сожалѣнію—далекимъ. Правительство силою вещей можетъ быть поставлено въ положеніе человѣка, слишкомъ близко, почти вплотную, подошедшаго къ картинѣ и видящаго одни рѣжущіе глаза блики и краски... Лишь отойдя на нѣкоторое разстояніе, можно во всей полнотѣ увидѣть то, что эти блики и краски изображаютъ, и оцѣнить настоящее значеніе и содержаніе картины. Вотъ почему создается третій факторъ—Верхняя Палата, состоящая изъ умудренныхъ опытомъ жизни и по большей части прошедшихъ школу управленія людей,—не только выборныхъ, но и призванныхъ съ министерскихъ креселъ, съ постовъ генералъ-губернаторовъ и т. п., изъ людей, стоящихъ внѣ острой борьбы партій и въ нѣкоторомъ отдаленіи, помогающемъ обнять взоромъ вопросъ въ его совокупности и соотношеніяхъ. Позвольте мнѣ сослаться въ этомъ случаѣ на государственнаго человѣка, преданность котораго своему монарху и горячая любовь къ родинѣ, которую онъ умѣлъ возвеличить и поставить на недосягаемую дотолѣ высоту, стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія,—на Бисмарка. Вотъ что сказалъ Бисмаркъ въ своей рѣчи въ Рейхстагѣ 28 марта 1867 года: «Берегите Верхнюю Палату, она есть балластъ и регуляторъ корабля, способный задерживать и направлять на кру-

тыхъ спускахъ слишкомъ быстрое движеніе государственной машины». Поэтому, если этотъ регуляторъ на крутомъ спускѣ законодательнаго разсмотрѣнія мѣры, имѣющей огромное значеніе для цѣлаго края, оказываетъ дѣйствіе задерживающее или успокаивающее, можно съ нимъ не соглашаться, но нельзя нарушать правъ этого регулятора, ибо иначе онъ обратится въ ненужное маховое колесо, которое вертится, не производя никакой полезной работы,— обратится въ пустую декорацію.

Посмотримъ, затѣмъ, на сторону нравственную, этическую, разумѣя подъ этикой не проповѣдуемую въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ кружкахъ словоохотливую услужливость, а уваженіе къ своему и чужому человѣческому достоинству и дѣйствія по убѣжденію совѣсти. Членамъ Думы обезпечена свобода мнѣній, и они не обязаны отчетомъ предъ своими избирателями. То же самое указано въ законѣ и относительно выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Статья 5 учрежденія Государственнаго Совѣта говоритъ о томъ, что Верхняя Палата въ дѣлахъ, ей предлагаемыхъ, пользуется всею свободою мнѣній. Можно ли, однако, думать, что эта «вся свобода мнѣній» существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, и что Государственный Совѣтъ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна, пришедшая по волѣ избирателей, ничѣмъ не стѣснена въ высказываніи своихъ взглядовъ и въ подачѣ голосовъ, а другая, изъ лицъ по назначенію, поставлена предъ альтернативой: или присоединиться къ тѣмъ выборнымъ голосамъ, которые поддерживаютъ предложеніе правительства, или же, составивъ съ остальными большинство, рисковать вызвать примѣненіе 87 статьи? Не будетъ ли это раздѣленіемъ членовъ Верхней Палаты на обладающихъ полнотою законодательныхъ правъ и на имѣющихъ ихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ? Взгляните, господа, на висящую предъ вами великолѣпную картину Рѣпина, изображающую старый Государственный Совѣтъ, котораго мы состоимъ наслѣдниками и правопреемниками. Онъ былъ законосовѣщательнымъ собраніемъ; его члены такъ же, какъ и мы, приносили присягу въ томъ, что будутъ исполнять свои обязанности по крайнему разумѣнію, соблюдая вѣрность

своему Монарху и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи; составленный изъ нихъ Совѣтъ пользовался, по 96 статьѣ своего учрежденія, тою же «всею свободою мнѣній», какъ и нынѣшній. Никому не приходило на мысль, что ихъ сужденія могутъ быть стѣснены соображеніями о томъ, что изъ этого выйдетъ; имъ даже рекомендовалось, въ той же 96 статьѣ, «не предаваться влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ». Они могли свободно, какъ вѣрноподданные, но и какъ граждане, «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», какъ работники и слуги своей родины, подавать Верховной Власти свои совѣты о томъ, какъ надлежитъ поступить въ каждомъ переданномъ на ихъ разсужденіе случаѣ. Они раздѣлялись, какъ и мы, на большинство и меньшинство; принималось мнѣніе той или другой группы, но относительно нестѣсняемости свободы этихъ мнѣній не существовало сомнѣнія, и исторія стараго Совѣта богата рядомъ поучительныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Въ 1905 году установленъ обновленный строй. Обновленіе коснулось и Государственнаго Совѣта. Несомнѣнно, что, преобразованный, онъ не можетъ быть по правамъ и кругу своей дѣятельности ниже своего предшественника, тѣмъ болѣе, что прежняя совѣщательная дѣятельность его замѣнена законодательною, и голосъ рѣшительный занялъ мѣсто голоса совѣщательнаго. Можно ли допустить, чтобы въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ свободно подавались совѣты, нынѣ можно было цѣлесообразно подавать свой голосъ только подчиняясь взглядамъ тѣхъ, кто располагаетъ докладами о примѣненіи 87 ст.? Такой взглядъ былъ бы унизителенъ по отношенію къ Государственному Совѣту и уронилъ бы его нравственное достоинство въ глазахъ страны, убѣжденіе которой въ независимости членовъ ея представительныхъ учрежденій составляетъ залогъ прочности и успѣшности дѣйствій послѣднихъ. Къ чему тогда и установленіе равнаго числа выборныхъ и назначенныхъ членовъ? Можно бы ограничиться, вообще, гораздо меньшимъ числомъ, оставивъ назначенныхъ въ качествѣ украшенія или орнамента или для техническихъ совѣтовъ, и, при несогласіи большинства съ законодательными предположеніями Совѣта Министровъ по наиболѣе серьезнымъ дѣламъ, прибѣгать

къ 87 ст. въ ея новомъ освѣщеніи. Недавно праздновался двухсотлѣтній юбилей великаго учрежденія Великаго Петра. Между нами есть немало лицъ, душевно присоединившихся къ этому празднованію и имѣющихъ честь носить званіе сенаторовъ. Вотъ что говорится въ ст. 92, первой части II тома, опредѣляющей права Правительствующаго Сената по обнародованію законовъ, прежде котораго они въ дѣйствіе не приводятся: «законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ Основныхъ Законовъ». Это значитъ, что сенаторы, входящіе въ составъ перваго департамента Сената, имѣютъ право—и даже обязаны—отказать въ своемъ согласіи на обнародованіе постановленій, не прошедшихъ законнаго, точно указаннаго пути. Это огромное право имъ предоставлено, но когда они призываются къ активному законодательству, оставаясь сенаторами, отъ нихъ нѣкоторые ожидаютъ всегдашняго и безусловнаго согласія съ обычными иниціаторами законопроектовъ.

Таковы соображенія, побудившія меня подписать предложеніе о запросѣ. Я считалъ это своимъ долгомъ, въ упованіи, что Государственный Совѣтъ обязанъ заботиться о поддержаніи своего значенія въ духѣ закона и въ смыслѣ своей предшествующей дѣятельности. Но подписалъ я предложеніе не безъ грустнаго чувства: и безъ того въ нашей государственной и общественной жизни много тяжелыхъ осложненій и треній—и было бы отраднѣе, если бы не было повода и основанія для подобнаго запроса. Я говорилъ себѣ: большинство изъ насъ—люди старые, принесшіе сюда усталую отъ жизни душу и пришедшіе съ утомленной отъ многолѣтняго труда головою; частое чествованіе вставаніемъ нашихъ ушедшихъ навѣки товарищей напоминаетъ многимъ изъ насъ о томъ, что «отсчитанныхъ судьбою дней» осталось немного. Призванные къ законодательной дѣятельности, мы употребляемъ эти дни на изученіе разнообразныхъ, сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, напрягая всю силу своего разумѣнія и прислушиваясь къ голосу совѣсти, чтобы притти къ опредѣленному выводу. Больно было бы думать, что вся эта работа производится втуне не потому, что съ ея выводомъ не согласилось

большинство, а потому, что именно большинство съ этимъ согласилось, но не согласились тѣ, кто можетъ употребить въ дѣло, для торжества своего взгляда, 87 статью. Въ ожиданіи такого исхода, въ залъ нашихъ засѣданій приходилось бы входить, не вопрошая себя о томъ, какой голосъ надлежитъ подать, «памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи», а о томъ, какой голосъ будетъ содѣйствовать избѣжанію этого исхода по его ненужности. И не прозвучитъ ли въ душѣ такого входящаго, считающаго себя обязаннымъ быть дѣйствительнымъ законодателемъ, извѣстный стихъ великаго итальянскаго поэта: «Оставь надежду всякъ, сюда вошедшій». Мы должны желать, чтобы, подъ вѣяніемъ обновленія, родина наша сложилась въ прочныя формы государственнаго устройства, а основа этого устройства указана много вѣковъ назадъ величавыми словами «Justitia regnorum fundamentum». Но то, что въ дѣлѣ суда называется справедливостью, то въ упроченіи правильнаго управленія называется законностью, а потому можно сказать, что «legalitas regnorum fundamentum». Этотъ фундаментъ, эти основы мы нравственно должны поддерживать и охранять, и, если онѣ начинаютъ подвергаться колебаніямъ, наша обязанность прямодушно и рѣшительно сказать по этому поводу свое слово...

Примѣчаніе.

Взгляды и предложенія, высказанные въ приведенныхъ выше рѣчахъ, были *раздѣлены* Государственнымъ Совѣтомъ по вопросамъ о попечительствахъ о народной трезвости (IV), о снятіи духовнаго сана (III), о народномъ университетѣ Шанявскаго (VII), объ отмѣнѣ обряда преданія суду (XI), объ объясненіи присяжнымъ засѣдателямъ угрожающаго подсудимому наказанія (XIII), объ увеличеніи содержанія судебнымъ чинамъ (XIV), о кассаціи при землеустройствѣ (XV) и о толкованіи 87 ст. Законовъ Основныхъ (XIX).

Раздѣлены отчасти—по вопросамъ объ уравненіи женщинъ и мужчинъ въ наслѣдственныхъ правахъ (VIII), объ авторскомъ правѣ (IX).

Не раздѣлены—по вопросамъ о старообрядческихъ общинахъ (I), о переходѣ въ другія исповѣданія (II), о тотализаторѣ (V), объ условномъ досрочномъ освобожденіи (X), о прокурорскихъ заключеніяхъ по гражданскимъ дѣламъ (XII), о штатахъ Министерства Путей Сообщенія (XVI) и объ общегосударственныхъ законахъ для Финляндіи (XVIII).

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Совѣщаніе о составленіи Устава о печати.

Высочайшимъ Указомъ 12 декабря 1904 года было повелѣно: «устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи».

При обсужденіи способовъ исполненія этого повелѣнія Комитетъ Министровъ положилъ образовать Особое Совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства и для составленія новаго Устава о печати. Въ 35 засѣданіяхъ этого совѣщанія, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Д. Ф. Кобеко, и въ 7 засѣданіяхъ въ образованной этимъ совѣщаніемъ Подкомиссіи по пересмотру законоположеній о судебной отвѣтственности по дѣламъ печати подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Кони былъ выработанъ къ осени 1905 г. проектъ новаго Устава о печати, который, однако, законодательному разсмотрѣнію не подвергся, такъ какъ въ октябрѣ 1905 года были изданы временныя правила о печати, дѣйствующія понынѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстное административное начальство не пожелаетъ воспользоваться правами, предоставляемыми ему Положеніемъ объ усиленной охранѣ. Въ засѣданіяхъ Совѣщанія принимали, сверхъ Высочайше назначенныхъ членовъ, участіе представители духовенства и различныхъ вѣдомствъ и приглашаемые по отдѣльнымъ вопросамъ, въ качествѣ свѣдущихъ людей, драматическіе писатели и режиссеры, врачи, предсѣдатели Цензурныхъ Комитетовъ, книгопродавцы и владѣльцы типографій и т. д. Здѣсь приводятся соображенія, высказанныя авторомъ настоящей книги по нѣкоторымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ Особомъ Совѣщаніи.

Разница между *явочнымъ* и *концессіоннымъ порядкомъ* возникновенія новыхъ періодическихъ изданій состоитъ въ сущности въ томъ, что при второмъ изъ нихъ издатель и редакторъ-издатель утверждаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ и собраннымъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати. Но есть ли въ такихъ свѣдѣніяхъ гарантія по отношенію къ личности и дѣятельности этихъ лицъ, достаточная для того, чтобы искупалось широкое примѣненіе усмотрѣнія въ разрѣшеніи того или другаго повременнаго изданія? Такое усмотрѣніе, даже въ томъ случаѣ, когда оно не переходитъ въ злоупотребленіе чувствами симпатіи и антипатіи къ лицу или направленію просителя, могло бы основываться лишь на извѣстнаго рода условіяхъ ценза, неудовлетвореніе которымъ лишало бы предпринимателя изданія права получить разрѣшеніе. Какія же могутъ быть условія этого ценза? *Образовательныя*? Но образованіе есть лишь шлифовка и отдѣлка прирожденнаго ума и таланта, а умъ и талантъ суть лишь оружіе, очень важное само по себѣ, но могущее быть направленнымъ на самыя противоположныя цѣли, указанныя не только возвышенными, но и самыми низменными побужденіями. Умъ и талантъ подобны ножу, который одинаково нуженъ и для мирной трапезы и для корыстнаго нападенія. Умный и талантливый человѣкъ есть лишь человѣкъ хорошо вооруженный, и чѣмъ выше его образованіе, тѣмъ острѣе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опаснѣе его оружіе. Поэтому образовательный цензъ самъ по себѣ, независимо отъ душевныхъ свойствъ просителя и чувства нравственнаго долга, особыхъ гарантій не представляетъ. Гарантію же того, что издатель или редакторъ будетъ человѣкомъ нравственнымъ и сознающимъ свой долгъ, найти, въ большинствѣ случаевъ, невозможно. Намъ говорятъ, будто статистика показываетъ, что процентъ преступленій, совершаемыхъ образованными людьми, значительно ниже. Можетъ быть это и дѣйствительно такъ, но зато, если количество совершаемыхъ такъ называемыми образованными людьми преступныхъ дѣяній немного меньше, то качество этихъ дѣяній значительно хуже. Въ низшихъ слояхъ общества мы чаще имѣемъ дѣло съ результатами бѣдности, малой

культурности, отсутствіемъ нравственно-религіознаго руководительства—съ кражами, грабежами и насиліями, въ высшихъ же—съ подлогами, шантажемъ, хитрыми мошенничествами и всякаго рода хищеніями. Именно тутъ-то и сказывается развитое у насъ отсутствіе чувства долга, гоньба за внѣшнимъ блескомъ и за чувственными наслажденіями и, прикрываемое громкими фразами, бездушіе по отношенію къ родинѣ, къ обществу и къ отдѣльнымъ его членамъ. Въ сущности, по результатамъ своихъ дѣйствій, иной шантажистъ не лучше обыкновеннаго грабителя, а директоръ банка или казначей благотворительнаго общества, допировавшійся или доигравшійся до кражи и гибели ввѣренныхъ имъ сбереженій и суммъ, стоятъ сотни воровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Образованіе, и при томъ по большей части поверхностное, безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, особой гарантіи добросовѣстности редактора не представляетъ. Свѣтское общество состоитъ изъ образованныхъ людей, но развѣ въ немъ не летаютъ по всѣмъ направленіямъ крылатыя сплетни и не ползетъ въ тишинѣ ядовитая клевета? Гарантіи надо ждать отъ общаго нравственнаго подъема. Если ограничиться требованіемъ одного высшаго образованія, то придется до крайности ограничить область, изъ которой могутъ выходить издатели и редакторы-издатели. Вообще, окончаніе курса учебнаго заведнія еще ничего не значитъ, ибо мы имѣли критиковъ, какъ Бѣлинскій и Полевой, тонкихъ литературныхъ цѣнителей и многолѣтнихъ редакторовъ, какъ Дружининъ,—такого поэта, какъ Лермонтовъ, и, наконецъ, такое украшеніе міровой литературы, составляющее безспорную гордость и славу Россіи, какъ Левъ Толстой, которые не могли бы представить формальнаго свидѣтельства о своемъ высокомъ образовательномъ цензѣ. Горячее чувство и исканіе правды, вдумчивое изученіе и пониманіе высшихъ потребностей человѣческаго духа—вотъ ихъ образовательный цензъ.

Цензъ нравственный? Но здѣсь мы вступили бы въ область самыхъ произвольныхъ толкованій и въ пользованіе непровѣренными данными. Въ концѣ концовъ отказъ въ разрѣшеніи повременнаго изданія сводился бы къ такъ называемому *вредному направленію*, которое такъ же неопредѣленно

и измѣнчиво въ своей оцѣнкѣ, какъ и тѣ *виды правительства* которыми обыкновенно устраняются въ нашихъ законодательных Комиссіяхъ творческая мысль или защита подвергающихся ломкѣ основныхъ началъ какой-либо дѣятельности или учрежде нія. И понятіе о вредномъ направленіи, и указаніе на виды правительства сводились бы къ личнымъ взглядамъ и вкусам министра и его ближайшихъ совѣтниковъ. Но практика жизни учитъ, что такіе взгляды, обязательные и повелительные *сегодня* круто измѣняются *завтра*, и то, что вчера считалось противным видамъ правительства, вреднымъ направленіемъ, сегодня признается полезнымъ и желательнымъ. Съ такимъ элементом законодательство считаться не можетъ, не рискуя крайне неустойчивостью. Министры проходятъ—законы остаются! При томъ такой выборъ, основанный на предполагаемыхъ въ будущемъ дѣйствіяхъ и направленіи всей дѣятельности, неминуемо создалъ бы привилегированное положеніе однихъ въ ущербъ другимъ и далъ бы поводъ думать, что лица, которымъ разрѣшено въ концессіонномъ порядкѣ повременное изданіе, приступаютъ къ нему подъ эгидою ручательства правительства за ихъ нравственную благонадежность, что, конечно, несовмѣстимо съ лежащими на правительствѣ задачами. Поэтому условіемъ разрѣшенія изданія можетъ быть поставлена лишь нравственная неопороченность издателя и издателя-редактора по суду общему и сословному, подобно тому, какъ она существуетъ относительно судей, и даже съ нѣкоторыми ограниченіями. Конечно, нельзя допустить къ выпусканію повременнаго изданія лицо, не имѣющее гражданской правоспособности и состоящее подъ общею опекою или подъ опекою за расточительность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, напримѣръ, несостоятельный должникъ, объявленный несчастнымъ и неосторожнымъ, не долженъ быть устраняемъ отъ издательской дѣятельности. Основателемъ одного изъ наиболѣе серьезныхъ органовъ повременной печати былъ выдающійся во многихъ отношеніяхъ Н. Ф. Павловъ, не только объявленный несостоятельнымъ должникомъ, но даже заключенный, по требованію жены, за долги въ знаменитую Московскую «яму». *Возрастъ?* Здѣсь, безъ сомнѣнія, необходимо знаніе жизни и ум-

ственная зрѣлость. И возрасть въ 25 лѣтъ представляется минимальнымъ предѣломъ, котораго можно требовать отъ издателя. Этотъ возрасть установленъ въ законѣ для судей и присяжныхъ засѣдателей, и отъ человѣка, желающаго содѣйствовать выраженію общественнаго мнѣнія и настроеній и быть въ своемъ органѣ ихъ судьею и показателемъ,—естественно требовать той же зрѣлости, которая необходима, чтобы судить своихъ сограждан. Поэтому для *личности* издателя достаточно приведенныхъ условій въ качествѣ необходимыхъ гарантій, а онѣ вполнѣ совмѣстимы съ *явочнымъ* порядкомъ.

Но, быть можетъ, опасная безнаказанность найдетъ себѣ мѣсто не въ личности, а въ *дѣятельности* такого лица? Однако, исходя изъ начала, что отвѣтственность за преступленія и проступки по печати въ повременныхъ изданіяхъ можетъ быть предметомъ не административныхъ взысканій, а лишь судебнаго разсмотрѣнія, надо признать, что и дѣйствующій карательный законъ и будущее Уголовное Уложеніе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, устраняютъ серьезную возможность такой опасности. Такъ, постановленіями о нарушеніяхъ общественной нравственности она предотвращена въ полной мѣрѣ. Быть можетъ лишь пришлось бы ввести нѣкоторыя взысканія съ подсудностью низшимъ инстанціямъ, гдѣ слабость наказанія искупалась бы быстротою производства. Государственная безопасность и общественный порядокъ точно такъ же, особенно въ новомъ Уложеніи, находятъ себѣ прочную и разностороннюю защиту, при чемъ послѣднимъ предусмотрѣны и всѣ новѣйшіе способы производства смуты и колебанія общественнаго спокойствія. Если же, независимо отъ печатныхъ дѣяній такого рода, останется непредусмотрѣнною смѣлая и остроумная критическая мысль, не взывающая къ преступленію и къ смутѣ, то отъ этого едва ли произойдетъ какой-либо дѣйствительный вредъ. Стоитъ припомнить, сколько перловъ ума и таланта, сколько художественныхъ образовъ и глубокихъ философскихъ мыслей содержатъ въ себѣ, напримѣръ, сочиненія Герцена, несмотря на примѣсь страстныхъ отголосковъ на злобу дня. Религіозная область ограждена не менѣе нашими карательными постановленіями. Можно

даже сказать, что Уголовное Уложеніе расширило нѣкоторыя изъ существующихъ положеній, придавъ имъ болѣе полное толкованіе. Статьи о богохуленіи, кощунствѣ, надругательствѣ надъ священными предметами и чувствами и т. п. достаточно ограждаютъ вѣру. Если же въ разрѣшенномъ изданіи найдетъ себѣ мѣсто голосъ сомнѣнія въ правильности тѣхъ мѣръ, которыми церковь оберегаетъ и насаждаетъ вѣру или критическій разборъ ея миссіонерской дѣятельности и отношенія къ другимъ исповѣданіямъ, равно славящимъ единаго Бога, или провозглашающимъ ученіе Христа или, наконецъ, пребывающимъ въ слѣпотѣ язычества, прозрѣніе отъ которой достигается словами мира и любви, а не насиліемъ,—то отъ этого свѣтъ, несомый вѣрою, не померкнетъ, а освѣщаемая имъ истина лишь выиграетъ. Слово живого и горячаго отношенія къ величайшимъ правамъ совѣсти опасно лишь для «рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ», а не для сознательныхъ и ревностныхъ служителей церкви. Остаются права личности, которая можетъ быть уязвлена клеветою, смущена диффамаціею и оскорблена бранью и злословіемъ. Но и здѣсь, въ постановленіяхъ Уложенія и ихъ всестороннемъ и послѣдовательномъ развитіи въ кассаціонной практикѣ, содержится полнѣйшее огражденіе личной чести и достоинства отъ посягательства печатнаго слова. Изъ лаконическаго выраженія закона «о клеветѣ въ печати» выросло стройное понятіе о клеветѣ, какъ ложномъ обвиненіи кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Затѣмъ на ряду съ требованіемъ лживости Сенатъ поставилъ равносильное требованіе «незавѣдомой истинности» и установилъ, что тамъ, гдѣ приписываемое дѣяніе по объективнымъ своимъ признакамъ и по общему взгляду является безчестнымъ, доказательства *намѣренія* оскорбить представляются ненужными. Наконецъ, Сенатомъ же признано, что дѣяніе, противное правиламъ чести, не только можетъ быть приписано оклеветанному путемъ прямого указанія или описанія, но и путемъ неизбѣжнаго предположенія. Поэтому Сенатъ нашелъ, что ложное указаніе на поведеніе кого-либо, вызвавшее пощечину, есть клевета, ибо заставляетъ предполагать, что получившій оскорбленіе совершилъ постыдныя дѣй-

ствія, вызвавшія рѣзкое проявленіе негодованія. И переходя отъ отдѣльной личности къ цѣлымъ группамъ и корпораціямъ, Сенатъ разъяснилъ, что если съ одной стороны невозможно оскорбленіе въ печати цѣлыхъ сословій или племенъ, то съ другой стороны опредѣленныя корпораціи, связанныя единствомъ дѣйствій и дисциплины, органическимъ устройствомъ и опредѣленною профессіею—каковы, напримѣръ, военные врачи—могутъ быть предметомъ оскорбленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ же проведено строгое и точное разграниченіе между клеветою и диффамаціею и рѣзко отдѣлено вторженіе въ частную жизнь отъ вторженія въ служебную дѣятельность должностного лица, при чемъ, какъ это высказано по дѣлу Семирѣченскаго губернатора Аристова, при отсутствіи прямыхъ документовъ, оправдывающихъ обвиняемаго въ диффамаціи, достаточно совокупности косвенныхъ указаній на заслуживающую порицанія дѣятельность должностного лица, чтобы признать обвиняемаго редактора исполнившимъ свой долгъ безтрепетнаго служенія общественнымъ интересамъ. Такимъ образомъ и личность оскорбленнаго, и истинныя задачи печати ограждены вполнѣ.

Поэтому нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ явочнаго порядка, тѣмъ болѣе, что отказъ лицу, домогающемуся права на повременное изданіе, при невозможности узнать, огласить и опровергнуть мотивы отказа, является своего рода оскорбленіемъ, которое тѣмъ чувствительнѣе, что даетъ поводъ къ неопредѣленнымъ подозрѣніямъ и злорѣчивымъ слухамъ и, такъ сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лишаетъ человѣка права на общественное уваженіе и довѣріе. Это не можетъ быть исправлено и установленіемъ обжалованія, при которомъ оскорбительность отказа одинаково не можетъ не усугубиться, какъ соблюденіемъ тайны, такъ и гласностью разбора жалобы. Не можетъ явочный порядокъ повредить и интересамъ подписчиковъ въ случаѣ скораго прекращенія эфемерныхъ изданій и присвоенія издателями подписныхъ денегъ, ибо подобные случаи имѣли мѣсто и при концессіонномъ порядкѣ. При томъ правительство, рѣшившись оградить интересы общественной мысли отъ излишнихъ стѣсненій, едва ли должно принимать на себя огражденіе интересовъ

кармана подписчиковъ—людей взрослыхъ и дѣйствующихъ сознательно—и долженствующихъ винить самихъ себя, если они становятся жертвою рекламныхъ обѣщаній безвѣстныхъ лицъ, не доказавшихъ ничѣмъ своего права на общественное довѣріе. Въ этихъ случаяхъ прибѣжищемъ подписчиковъ должны служить не законы о печати, а гражданскій судъ и карательныя статьи о мошенничествѣ.

Здѣсь указываютъ, что концессіонная система существуетъ у насъ для многихъ промысловъ и профессій. Дѣйствительно, выдавая дипломъ врачу, инженеру или архитектору, государство тѣмъ самымъ какъ бы ручается, что таковое лицо обладаетъ техническими знаніями для врачеванія или производства построекъ. Но нельзя проводить аналогію между техническою профессіею и журнальнымъ дѣломъ. При концессіонной системѣ вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы удостовѣрить техническую пригодность даннаго лица для занятія издательскимъ промысломъ, ибо такого критерія не существуетъ, и техника журналиста не поддается опредѣленію. Теперь учреждена въ Москвѣ особая школа для журналистовъ профессора Владимірова; такая школа является у насъ пока еще первымъ опытомъ, но едва ли однако журнальная техника можетъ вообще обособиться въ видѣ отдѣльной отрасли техническихъ знаній. Указываютъ затѣмъ на возможное, при дѣйствіи явочной системы, развитіе различныхъ злоупотребленій, на появленіе въ рядахъ издателей разныхъ аферистовъ и темныхъ рыцарей наживы. Позвольте напомнить по этому поводу, что еще недавно, при господствѣ концессіонной системы, по всей Россіи прогремѣла эпопея одного издателя и при томъ доктора медицины, который выпустилъ самыя широковѣщательныя рекламы о выходѣ въ свѣтъ чуть ли не десятка приложеній къ своему изданію самаго разнообразнаго содержанія, при чемъ заранѣе можно было предвидѣть, что у него не было никакой матеріальной возможности выполнить всѣ его обѣщанія по удовлетворенію подписчиковъ ожидаемыми преміями. Извѣстна также исторія съ другимъ журналомъ, который обѣщалъ своимъ подписчикамъ въ видѣ преміи картину въ роскошной рамѣ, и вмѣсто рамы выдалъ простой

типографскій бордюръ, напечатанный на бумагѣ вокругъ карти-ны. Эти примѣры достаточно убѣдительно показываютъ, что кон-цессіонная система нисколько не охраняетъ подписчиковъ отъ разочарованій.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ полагаю необходи-мымъ замѣнить концессіонный порядокъ явочнымъ съ соблюде-ніемъ указанныхъ мною условій.

Здѣсь высказано предположеніе объ устройствѣ для разрѣше-нія изданій особаго учрежденія изъ высшихъ административныхъ и судебныхъ лицъ, а также и членовъ Академіи Наукъ. Я счи-таю очевидною полную нецѣлесообразность подобнаго учрежде-нія и нахожу, что участіе въ немъ членовъ Академіи предста-вляется совершенно невозможнымъ, противорѣча ихъ призванію и характеру ихъ занятій. Еще въ 1900 году, при открытіи Раз-ряда изящной словесности при Академіи Наукъ предложеніе одного изъ почетныхъ Академиковъ, нынѣ умершаго, объ участіи Академіи, самостоятельно или въ качествѣ эксперта, въ уничто-женіи книгъ, признанныхъ вредными Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, было рѣшительно отвергнуто. Нѣтъ сомнѣ-нія, что взглядъ Академиковъ съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не измѣнился. Составленное же изъ высшихъ адми-нистраторовъ и судебныхъ чиновъ исключительно, такое учрежде-ніе въ рядѣ случаевъ, касающихся печати внѣ С.-Петербурга, вынуждено будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ донесеній мѣст-ныхъ властей и дѣятельность его можетъ оказаться столь же неудовлетворительною, какъ и отмѣченная въ одномъ изъ послѣд-нихъ журналовъ Комитета Министровъ дѣятельность Особаго Совѣщанія объ административной ссылкѣ. Точно такъ же нельзя согласиться и съ мыслью о коллегіальномъ учрежденіи, которое— въ роли особо избраннаго совѣщанія изъ заслуживающихъ общаго уваженія лицъ—по совѣсти разрѣшало бы вопросъ о дозволеніи изданія, оцѣнивая всесторонне личность ходатай-ствующаго. Этотъ *высшій*, какъ здѣсь было сказано, *судъ присяжныхъ* ничего, однако, общаго съ идеею о судѣ присяжныхъ

не имѣлъ бы, такъ какъ послѣдній судитъ не нравственную личность того или другого человѣка вообще, а его поступокъ, въ которомъ выразилась его злая воля и нарушеніе имъ общественнаго строя. Отвѣчая на вопросъ: *виновенъ ли?* присяжные вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаютъ и на вопросъ *совершилъ ли?* т. е. доказано ли перекрестнымъ допросомъ, рѣчами сторонъ и разборомъ уликъ и доказательствъ то, что взведено на подсудимаго совершенно точнымъ и опредѣленнымъ обвиненіемъ. Что же общаго между этимъ сужденіемъ, покоющимся на прочно установленномъ фактѣ *прошедшаго*, и отсутствіемъ довѣрія, построеннымъ на предвзятомъ предположеніи о *будущемъ* поведеніи? Даже и средневѣковый судъ въ Англіи и Россіи, имѣя дѣло съ homines male creditos de maleficio aliquo и съ «лихими людьми, сказанными по обыску», прежде постановленія своего приговора изслѣдовалъ ихъ вину въ отношеніи опредѣленнаго преступнаго дѣянія. Отрицательныя рѣшенія такого совѣщанія въ отвѣтъ на ходатайство о разрѣшеніи изданія всегда будутъ возбуждать неудовольствія. Они будутъ или считаться неправильными и основанными на предубѣжденіи или же, если общество отнесется къ нимъ съ довѣріемъ, будутъ налагать пятно на просителя, возбуждающее въ окружающихъ неопредѣленныя подозрѣнія, которыми можетъ воспользоваться мстительное злорѣчіе. Не надо забывать, что просьбѣ о разрѣшеніи изданія неминуемо должно предшествовать собраніе необходимаго капитала и подборъ сотрудниковъ и что слѣдовательно отказъ никогда не можетъ остаться въ тайнѣ. Переходя затѣмъ къ возраженію противъ двадцатипятилѣтняго возраста просителя при явочномъ порядкѣ, который, будто бы, недостаточенъ и долженъ быть повышенъ до 30 лѣтъ, я настаиваю на своемъ сравненіи такихъ лицъ, по отношенію къ возрасту, съ судьями, находя, что нѣтъ никакого основанія быть болѣе строгимъ къ журналисту, чѣмъ къ судьѣ, ибо если молодости свойственны неопытность и увлеченіе, то старость очень часто связана съ рутиною и равнодушіемъ къ неправдѣ. При томъ, журналистъ дѣйствуетъ отъ своего имени и на собственный страхъ и государство не имѣетъ основанія предъявлять къ нему болѣе высокія требованія возраста, чѣмъ къ судьѣ, которому, несмотря

на его 25 лѣтъ, ввѣряется честь, свобода и имущество гражданъ и право творить судъ отъ имени Императорскаго Величества. Въ послѣднее время наше законодательство впрочемъ понизило требованія возраста для своеобразныхъ судей въ лицѣ земскихъ начальниковъ, позволивъ имъ отправлять судейскія обязанности съ 21 года, но это такъ же мало соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ правосудія, какъ и самое учрежденіе административныхъ чиновниковъ, имѣющихъ право отправлять судейскія обязанности. Остаюсь поэтому при высказанномъ уже мнѣніи о необходимости введенія явочнаго порядка.

Напрасно было бы искать въ сводѣ законовъ правила о цензурѣ среди узаконеній, говорящихъ о предметахъ дѣятельности вѣдомства просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, внутреннихъ дѣлъ. Эти правила помѣщаются въ XIV томѣ свода законовъ, между Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и Уставомъ о ссыльныхъ. Это сосѣдство отразилось и на Уставѣ о цензурѣ и печати, который не только рядомъ мѣръ предупреждаетъ и пресѣкаетъ печатное слово, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляетъ усмотрѣнію одного лица лишать его права на существованіе въ самомъ его зародышѣ. Такою является статья 140 Устава цензурнаго *въ ея практическомъ объемѣ и примѣненіи* вплоть до послѣдняго времени. Въ этомъ примѣненіи, на ряду съ вполнѣ понятными случаями удержанія періодической печати отъ оглашенія обстоятельствъ, по самому существу своему для пользы родины подлежащихъ временной тайнѣ, покуда онѣ не отойдутъ въ область исторіи,—сплошь и рядомъ налагалась печать молчанія на сообщенія, въ которыхъ самый придирчивый взглядъ не усмотрѣлъ бы ничего «quid detrimenti rei publicae capiat». При этомъ забывалось, что, рядомъ съ печатнымъ словомъ, связаннымъ съ нравственною и юридическою отвѣтственностью и возможностью незамедлительнаго опроверженія, существуетъ *молва*, питающаяся клеветою и вымысломъ, то летучая, то ползучая, подъ прикрытіемъ темноты и безопасно

сти. Благодаря статьѣ 140 бывали періоды, когда газеты наполнялись передовыми статьями, вынужденными тщательно обходить «злобу дня», и цѣлыми столбцами извѣстій о юбилеяхъ экзекуторовъ и архиваріусовъ,—некрологами людей, вся заслуга которыхъ оказывалась состоящею въ томъ, что пребываніе ихъ подъ судомъ повелѣно не считать препятствіемъ къ полученію ордена Святого Владиміра,—безконечными выписками изъ Кронштадтскаго Вѣстника о начатіи и окончаніи судами мирной кампаніи,—свѣдѣніями о пожертвованіяхъ 100 р. въ пользу того или другого благотворительнаго общества и объ экзаменахъ въ школахъ кройки и шитья. Такимъ путемъ статья 140 сливалась незамѣтно со статьею 97 цензурнаго устава. Если послѣдняя разрѣшаетъ касаться «несовершенства существующихъ постановленій лишь въ спеціальныхъ ученыхъ разсужденіяхъ, написанныхъ тономъ, приличнымъ предмету, и при томъ лишь въ случаѣ, если недостатки постановленій обнаружились уже на опытѣ»,—то статья 140 могла широко примѣняться къ тѣмъ житейскимъ явленіямъ, въ которыхъ сказывались эти несовершенства. Отсюда являлся извѣстнаго рода роковой кругъ, въ силу котораго, запретивъ говорить о какомъ-либо печальномъ или безобразномъ явленіи, взывающемъ къ пересмотру законодательства, можно было обезпечить незыблемость этого законодательства, о недостаткахъ котораго, не дознанныхъ опытомъ, нигдѣ ничего не печаталось бы, какъ о запрещенномъ по статьѣ 140 устава цензурнаго. Возможность чрезмѣрно широкаго примѣненія послѣдней статьи обратила на себя своевременно, въ 1873 году, вниманіе Государственнаго Совѣта. Въ проектѣ установленія содержащагося въ этой статьѣ правила, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ говорилъ о воспрещеніи касаться *какого-либо дѣла или вопроса*. Но Государственный Совѣтъ дозволилъ прилагать «печать молчанія» исключительно къ вопросамъ *государственной важности*—и твердо установилъ: *источникъ* запрещенія—соображенія высшаго правительства, *случаи* запрещенія—исключительные и рѣдкіе и, наконецъ, *практическую цѣль* запрещенія—устраненіе опасныхъ и сопряженныхъ съ вредомъ для государства послѣдствій нескромности. Но на практикѣ, при безконтроль-

ныхъ и безапелляціонныхъ распоряженіяхъ, всѣ эти условія исказились и потеряли свои прежнія опредѣленныя черты. *Источникъ* обратился изъ соображеній высшаго правительства не только въ усмотрѣніе министра и при томъ не однихъ Внутреннихъ Дѣлъ, а каждаго министра, но зачастую въ просьбы и домогательства отдѣльныхъ частныхъ лицъ;—*рѣдкіе и исключительные случаи* обратились въ частые и обыденные,—*послѣдствія*, опасныя и вредныя для государства, стали въ одинъ рядъ съ послѣдствіями, несомнѣнно *полезными* для государства, такъ какъ ими освѣщалось истинное положеніе дѣлъ или вредъ, наносимый тѣмъ или другимъ явленіемъ нравственнымъ интересамъ общества, служить которымъ призвано государство. Мы всѣ бывали свидѣтелями, когда вдругъ проскальзывало въ печать свѣдѣніе, подымавшее завѣсу надъ рядомъ темныхъ дѣлъ или неблаговидныхъ продѣлокъ,—и какъ затѣмъ, точно по мановенію волшебной палочки, вся печать смолкала, дѣлаясь не только глухонѣмою, но и слѣпою. Не всякій могъ пристально слѣдить за нею и, выражаясь словами митрополита Филарета, «слушать ея молчаніе»; большинству оставалось снова искать отвѣтовъ на разные вопросы въ противорѣчивыхъ толкахъ и непровѣренныхъ слухахъ или же обращаться къ тенденціознымъ и часто совершенно невѣжественнымъ, въ смыслѣ знанія Россіи, вѣстямъ иностранныхъ газетъ. Стоитъ припомнить запрещеніе писать о *допингѣ*, какъ о возбудительномъ средствѣ, даваемомъ скаковымъ лошадямъ при состязаніяхъ, для приданія имъ этимъ мошенническимъ способомъ большей быстроты въ бѣгѣ. Несомнѣнно, что употребленіе допинга на ряду съ такимъ учрежденіемъ, какъ тотализаторъ, подлежитъ безусловному изобличенію и осужденію; существованіе ихъ никакіе интересы конноводства оправдать не могутъ, ибо эти интересы не должны итти въ разрѣзъ съ народною нравственностью, которую колеблетъ всякая общественная азартная игра. Я, по моему судейскому опыту, знаю и могу удостовѣрить, что во многихъ корыстныхъ преступленіяхъ такая игра бывала одною изъ движущихъ причинъ, толкнувшихъ слабаго и увлекающагося человѣка на пагубный путь. Какъ же не говорить о злоупотребленіяхъ, допускае-

мыхъ при терпимомъ и оберегаемомъ злѣ, объ этомъ своего рода злѣ въ квадратѣ? И что общаго имѣетъ доппингъ съ вопросами государственной важности, о которыхъ говорится въ статьѣ 140? Какою, напримѣръ, опасностью грозили Россійской державѣ статьи Директора Института Путей Сообщенія профессора Герсеванова по техническому образованію, воспрещенныя къ печатанію въ половинѣ девяностыхъ годовъ? Или репортерскіе отчеты объ имѣющемъ быть концертѣ въ пользу общества вспомоществованія благороднымъ дѣвицамъ? Или извѣстія о прибытіи и пребываніи въ С.-Петербургѣ бывшаго Харьковскаго губернатора князя И. М. Оболенскаго? На ряду съ такими, вызывающими недоумѣніе, случаями распространительнаго толкованія статьи 140 можно отмѣтить и случаи, вызывающіе скорбное чувство за тѣ немногіе предметы непререкаемой народной славы и гордости, о которыхъ, однако, воспрещалось говорить. Достаточно указать на запрещеніе не только обсуждать опредѣленіе Святѣйшаго Синода о духовной карѣ, постигшей графа Л. Н. Толстого, въ то время, какъ на него сыпалась печатная брань и прямыя проклятія, но даже говорить о пятидесятилѣтнемъ литературномъ юбилеѣ «великаго писателя земли русской», въ связи съ обязательствомъ соблюдать особую осторожность въ случаѣ его смерти, при чемъ, однако, было великодушно *не встрѣчено препятствій* къ статьямъ о его литературныхъ произведеніяхъ...

Къ такому распространительному толкованію статьи 140 присоединяются и случаи явнаго нарушенія закона, обезпечивающаго *публичность* судебныхъ засѣданій и тѣсно связанную съ нею *гласность* ихъ. Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1864 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и та и другая закрѣплены по всѣмъ дѣламъ, по которымъ, согласно Судебнымъ Уставамъ, двери засѣданія не подлежатъ закрытію. Обсуждая весьма рѣдкіе, но необходимые случаи закрытія дверей, Государственный Совѣтъ нашелъ, что соединенныя съ публичностью возможность широкаго оглашенія всѣхъ подробностей дѣла изустно и въ печати побуждаетъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ воздерживаться отъ лжи и не скрывать истины, а судей живѣе

чувствовать святость своего призванія, быть внимательными и строго соблюдать предписанныя закономъ правила; на публичность и связанную съ нею гласность всякій невинно привлеченный можетъ разсчитывать, какъ на средства оправданія и смытія пятна незаслуженнаго обвиненія; она же составляетъ главное оружіе въ рукахъ справедливаго обвинителя. Въ 1886 г. случаи и поводы закрытія дверей были очень расширены; мѣра эта, принимаемая по постановленіямъ судовъ и по распоряженіямъ Министра Юстиціи, въ сущности, перестала носить характеръ чрезвычайной—и въ такомъ объемѣ перешла въ законодательную работу, нынѣ внесенную въ Государственный Совѣтъ и предлагающую вмѣсто желательнаго ремонта Судебныхъ Уставовъ ихъ нежелательную и ничѣмъ не вызываемую коренную перестройку. Благодаря такому расширенію случаевъ непубличности, суды получили право закрывать двери засѣданія, т. е. устранять публичность и гласность въ дѣлахъ, гдѣ есть обстоятельства, касающіяся такихъ распоряженій или дѣйствій высшихъ мѣстъ и лицъ въ государствѣ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ быть несогласно съ достоинствомъ государственной власти. Въ виду крайней растяжимости послѣдняго понятія, стали, къ прискорбію, возможны случаи поспѣшной готовности къ устраненію публичности. Въ 1898 г. Сенатъ долженъ былъ даже разъяснить одному изъ судовъ, что ссылки на всеподданнѣйшій докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше утвержденный, своевременно опубликованный и помѣщенный въ полномъ собраніи законовъ, отнюдь не могутъ считаться нарушающими достоинство государственной власти и влекущими за собою закрытіе дверей засѣданія. Такимъ образомъ, гласность судебныхъ засѣданій введена въ весьма тѣсныя рамки и затѣмъ все, что въ эти рамки не втиснуто, должно бы дѣлаться, согласно закону, достояніемъ печати, а чрезъ нее и всего общества. Но, въ дѣйствительности, при широкомъ и не основанномъ на ея точномъ смыслѣ толкованіи и примѣненіи статьи 140 и эта ограниченная гласность подвергается постояннымъ и совершенно произвольнымъ урѣзкамъ. Цензурное вѣдомство накладываетъ печать молчанія на отчеты по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, очевидно руко-

водясь соображеніями мѣстнаго и личнаго, а не общегосударственнаго свойства. Такъ, напримѣръ, запрещено было печатать отчетъ по процессу княгини Щербатовой съ ея управляющимъ Ольховскимъ и по дѣлу Липецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Кожина и Тамбовскаго металлургическаго общества съ крестьянами; запрещены въ послѣдніе годы отчеты и свѣдѣнія о дѣлахъ Рогачевскаго въ Харьковѣ, Сосны и Эрна въ С.-Петербургѣ, о процессѣ Тальмы, несмотря даже на то, что онъ, послѣ оставленія безъ уваженія его ходатайства о возобновленіи дѣла, былъ все-таки помилованъ и др. Яркимъ примѣромъ такого злоупотребленія статьею 140 по отношенію къ дѣламъ, разбирающимся въ высшемъ судѣ Имперіи, служитъ дѣло Казанскаго полицеймейстера Панфилова, обвиняемаго въ превышеніи власти, имѣвшемъ важныя послѣдствія и выразившемся въ принужденіи трехъ дѣвушекъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, угрозою выдать имъ «желтый билетъ», подчиниться гинекологическому освидѣтельствованію, при чемъ несчастныя должны были, въ обществѣ проститутокъ, подвергнуться оскорбительному осмотру, и всѣ три оказались цѣломудренными. Когда, послѣ большихъ пререканій и затрудненій, дѣло дошло до Сената, гдѣ оно должно было слушаться при открытыхъ дверяхъ, послѣдовало распоряженіе, на основаніи статьи 140, *о запрещеніи печатать отчетъ* объ этомъ процессѣ, и такимъ образомъ спасительный урокъ необходимости осторожнаго обращенія полицейской власти съ честью женщины данъ былъ лишь той крайне немногочисленной публикѣ, которую вмѣщаетъ небольшая зала апелляціонныхъ засѣданій Сената, а общество ничего не узнало по столь близко касающемуся его вопросу. Статья 1038[1] уложенія о наказаніяхъ и п. 2 статьи 305 новаго Уголовнаго Уложенія говорятъ о наказуемомъ нарушеніи правилъ о печатаніи судебныхъ отчетовъ. Но это нарушеніе можетъ выразиться двояко: или въ напечатаніи того, что согласно Судебнымъ Уставамъ, печатать нельзя или же въ лишенномъ законнаго основанія преграждении гласнаго обсужденія публично разсмотрѣннаго дѣла. Втораго рода нарушеніе и совершается подъ флагомъ статьи 140. Запрещая печатаніе отчетовъ и лишая тѣмъ невиннаго возможности быть *оправ-*

данным *всенародно*, а не келейно, эта статья, въ ея современномъ примѣненіи, даетъ лишь пищу злословію и злорадным догадкамъ и напоминаетъ стихъ Горація: «vexat censura columbas—dat venia corvis». Поэтому статья 140 въ томъ видѣ, какъ она примѣнялась донынѣ, *не можетъ и не должна существовать*, если условіемъ ея приложенія, и при томъ строжайшимъ образомъ соблюдаемымъ, не будетъ поставлено точное соблюденіе сдѣланных при изданіи ея указаній на вопросы государственной важности, признаваемой въ чрезвычайныхъ случаяхъ не однимъ министромъ, а высшимъ правительствомъ, при чемъ каждый разъ должно быть установлено, что оглашеніе вопроса угрожаетъ вредомъ или опасностью для государства. Представителемъ такого высшаго правительства въ Германской Имперіи является Имперскій Канцлеръ, который, по § 15 закона 7 мая 1874 г., во время опасности войны и въ военное время, можетъ, объявивъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе, воспретить обнародованіе извѣстій о передвиженіяхъ войскъ и о средствахъ обороны. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, Имперскаго Канцлера, и его могло бы замѣнить лишь высшее государственное коллегіальное учрежденіе, т. е. при настоящемъ государственномъ устройствѣ—Комитетъ Министровъ. Область вопросовъ, подводимыхъ подъ статью закона, который замѣнилъ бы собою статью 140, должна быть ограничена самыми точными указаніями, не допускающими распространительнаго толкованія. По мнѣнію 78 литераторовъ,—авторовъ записки 1895 г. о нуждахъ печати,—къ обстоятельствамъ, не подлежащимъ, въ теченіе извѣстнаго времени, оглашенію, должны относиться планъ мобилизаціи, оборонительныя предположенія и тайные дипломатическіе переговоры. Сюда же, повидимому, надо отнести: предполагаемое заключеніе внутренняго или внѣшняго займа, переговоры съ банкирскими синдикатами, принятіе финансовыхъ мѣръ, преждевременное оглашеніе которыхъ можетъ вызвать въ обществѣ панику и т. п. Внѣ этихъ вопросовъ—*военно-морского*, *дипломатическаго и финансоваго свойства*—и при томъ въ условіяхъ общегосударственной важности, чрезвычайности и опасности, *рѣшительно никакіе другіе* не должны подлежать запрещенію оглашенія, которое при томъ всегда

должно быть *временнымъ* и, по возможности, на краткіе сроки. Объ этомъ тоже должно быть сказано въ законѣ, который могъ бы замѣнить собою статью 140. Нѣтъ сомнѣнія, что обусловленные такимъ образомъ вопросы будутъ возникать крайне рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нескромность чиновъ того или другого вѣдомства, могущихъ забыть о чувствѣ долга по отношенію къ отечеству и о нравственной отвѣтственности своей предъ нимъ, можетъ угрожать дѣйствительнымъ вредомъ, давъ матеріалъ для печатнаго разглашенія. Грозить строгими уголовными наказаніями за то или другое разглашеніе—было бы нецѣлесообразнымъ и, при практическомъ осуществленіи угрозы, даже жестокимъ, такъ какъ оглашеніемъ вредъ уже былъ бы нанесенъ, а въ дѣйствіяхъ виновнаго трудно было бы найти элементъ намѣренія причинить вредъ, необходимый, однако, для примѣненія взысканій за государственную измѣну и т. п. Здѣсь нужно избѣжать опасности оглашенія, а не мстить за то, что она наступила. При начертаніи такой статьи, конечно, необходимо оговорить, что отъ оглашенія опасныхъ для государства свѣдѣній, могущихъ служить полезнымъ матеріаломъ врагамъ или биржевымъ спекулянтамъ, слѣдуетъ строго отличать указанія недостатковъ или неуспѣшности тѣхъ или другихъ предпріятій или мѣръ по военному и морскому дѣлу. Въ послѣднее время такой взглядъ очевидно усвоило себѣ и цензурное вѣдомство, такъ какъ статья 140 не помѣшала важнымъ разоблаченіямъ о состояніи нашего многострадальнаго флота со стороны г.г. Кладо и Борея. Между тѣмъ эта же статья широко примѣнялась къ полемикѣ покойнаго М. Н. Баранова противъ постройки «поповокъ», стяжавшихъ себѣ печальную извѣстность, какъ выразился когда-то «Голосъ», «разрушительною силою противъ самихъ себя» и нынѣ мирно догнивающихъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Такимъ образомъ, законъ, дополненный и еще строже очерченный, чѣмъ нынѣшняя статья 140, ограждая интересы государственной безопасности, не являлся бы вреднымъ стѣсненіемъ для печатнаго слова. При соблюденіи приведенныхъ выше условій, онъ лишь послужилъ бы указаніемъ для редакцій повременныхъ изданій на тѣ рѣдкіе, временные и исключительные во-

просы изъ области войны, а также внѣшней и финансовой политики, изъятіе которыхъ устранить грозящую государству опасность.

Освобожденіе книгъ и брошюръ отъ предварительной цензуры представляется прямымъ логическимъ послѣдствіемъ упраздненія такой цензуры по отношенію къ повременнымъ изданіямъ. Между книгою и послѣдними существуетъ тѣсная связь и взаимная замѣна: книгѣ можетъ предшествовать рядъ статей и рецензій, находящихъ себѣ мѣсто въ газетѣ; въ свою очередь, совокупность газетныхъ статей, объединенныхъ однимъ заглавіемъ или названіемъ можетъ составить самостоятельную книгу. Если не бояться дурного вліянія на читателя,—при отсутствіи цензурной преграды,—того или другого литературнаго произведенія на страницахъ газеты, то нѣтъ основанія бояться его же и со страницъ книги или брошюры. Можно даже сказать, что повременнное изданіе въ этомъ отношеніи опаснѣе, такъ какъ брошюра прочитывается и легко затеривается или «зачитывается», оставляя въ памяти все болѣе и болѣе изглаживающійся слѣдъ, тогда какъ газета твердитъ, подъ разными формами, одно и то же постоянно и настойчиво, какъ капля долбитъ камень. Если для повременныхъ изданій была признана достаточною гарантіею правильности дѣйствій область карательныхъ постановленій, то та же самая гарантія существуетъ и для книгъ и брошюръ, облагая суровыми карами производство смуты и возстанія, возбужденіе одной части населенія или сословія противъ другихъ, подстрекательство рабочихъ противъ хозяевъ и возбужденіе племенной или религіозной вражды. Уголовное Уложеніе по отношенію ко всѣмъ этимъ поступкамъ указываетъ на возможность совершенія ихъ путемъ печатнаго слова или публикаціи, грозя при томъ, согласно статьямъ 36 и 309, уничтоженіемъ самаго произведенія преступнаго содержанія. Точно такъ же богато Уложеніе и статьями, карающими совершеніе путемъ печати проступковъ противъ нравственности, религіи и общественнаго порядка. Вѣроятно, при необходимомъ пересмотрѣ Уголовнаго

Уложенія нужно будетъ дополнить эти статьи болѣе дробными постановленіями, расширяющими область подсудности низшимъ судамъ. Тогда центръ тяжести огражденія общества отъ вредныхъ книгъ и брошюръ перейдетъ въ область карательныхъ законовъ и даже окажется излишнимъ установленіе внѣвѣдомственной инстанціи для уничтоженія вредныхъ книгъ, о которой говоритъ журналъ Комитета Министровъ. Надо замѣтить, что высказанное въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ требованіе безусловной безвредности книгъ и брошюръ представляется и непріемлимымъ, и неосуществимымъ. Можно понять требованіе воспрещенія книгъ *безусловно вредныхъ*, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ опредѣленный признакъ, равно примѣнимый ко всѣмъ случаямъ и состоящій въ томъ, что сочиненіе должно быть вредно всегда и при всѣхъ условіяхъ, если только не имѣть въ виду читателей, лишенныхъ разсудка отъ рожденія или по болѣзни. Но что называть *безусловно безвреднымъ*? Здѣсь приходится войти въ сферу совершенно случайныхъ признаковъ, на которыхъ будутъ основаны произволъ, усмотрѣніе и—говоря языкомъ Основныхъ Законахъ—«обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій», направленные къ тому, что въ публичной рѣчи одного изъ нашихъ Министровъ было названо «усмиреніемъ буйства ума». И дѣйствительно, одно и то же произведеніе можетъ совершенно различно вліять на читателей разныхъ темпераментовъ, различныхъ душевныхъ состояній, развитія, воспріимчивости, довѣрчивости, способности понимать шутку и т. п. Можно ли ставить объективную оцѣнку книги въ зависимость отъ здоровья, настроенія или нервнаго возбужденія не только читателя, но пожалуй и цензора? Очевидно такой масштабъ совершенно непригоденъ. При томъ, проявленіе не только грубыхъ насилій, но и нелѣпыхъ взглядовъ подъ вліяніемъ невѣжества, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть связано съ вліяніемъ книги на народъ, до сихъ поръ предпочитающій всему сочиненія о *божественномъ* и сказочныя небылицы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительныя данныя содержитъ въ себѣ книга «Что читать народу», изданная въ Харьковѣ въ 1888 г. Слухи, вызвавшіе убійство Архіепископа Амвросія во

время чумнаго бунта въ Москвѣ въ 1771 г., холерные и картофельные безпорядки, женскій бунтъ въ Севастополѣ, убійство доктора Молчанова въ Хвалынскѣ и т. п. не носятъ на себѣ никакого слѣда вліянія книги, а политическіе процессы семидесятыхъ годовъ о хожденіи въ народъ показали, что всѣ поддѣлки подъ Эркманъ-Шатріана, «Сказка о копѣйкѣ» и «Хитрая механика» никакого вліянія на народъ не имѣли. Наконецъ, если требовать безусловной безвредности, то пожалуй придется признать Библію и святѣйшую изъ книгъ—Евангеліе—тоже вредными и подлежащими предварительной цензурѣ въ родѣ сочиненій ad usum delphini. Именно въ Евангеліи содержатся тексты, на которые опирается изувѣрство нѣкоторыхъ противообщественныхъ сектъ. Скопцы ссылаются на «соблазняющее око» и на два вида скопцовъ, о которыхъ говоритъ Христосъ; сопѣлковскіе бѣгуны опираются въ своемъ бродяжествѣ на то, что Сынъ Человѣческій не имѣлъ, гдѣ главу преклонить; хлысты тамъ же ищутъ оправданіе своему отрицанію брака. Такимъ образомъ, въ виду этихъ ложныхъ толкованій, слова, несущія собою миръ и величайшее утѣшеніе человѣку, могли бы не пройти черезъ цензуру. Намъ говорятъ, что цензура можетъ быть смягчена тогда, когда распространеніе широкаго просвѣщенія оградитъ читателей отъ возможности вреднаго вліянія книги, но такая иллюзія опровергается тѣмъ, что именно указанныя намъ, какъ вредныя, книги являются результатомъ большого умственнаго развитія и лишь на него разсчитаны. Указанія на проповѣдь *сепаратизма* тоже мало убѣдительны. Если подъ призывомъ къ сепаратизму разумѣть отторженіе отъ государства его отдѣльныхъ составныхъ частей, то призывъ къ нему предусмотрѣнъ Уложеніемъ о наказаніяхъ и средствами противъ него служатъ—соблюденіе срока выпуска книги и судебное преслѣдованіе. Но если подъ сепаратизмомъ разумѣть, какъ это у насъ иногда дѣлается, простую проповѣдь сохраненія и изученія племенныхъ и бытовыхъ особенностей въ языкѣ и обычаяхъ, то борьба противъ такого сепаратизма не только не входятъ въ задачи государства, но и прямо имъ противоположна, замѣняя живое единеніе во имя общихъ цѣлей мертвящею механическою связью. Нашъ Цензурный Уставъ относится съ двойною

строгостью къ *переводамъ*, считая ихъ почему-то болѣе вредными, чѣмъ оригинальныя произведенія, и впадая, въ статьѣ 6, въ странное съ собою противорѣчіе, а именно разрѣшая выходъ безъ предварительной цензуры переводовъ съ древнихъ классическихъ языковъ, тогда какъ въ послѣднихъ «добрые нравы и благопристройность», ограждаемые статьею 4 устава цензурнаго, иногда оскорбляются очевидно и полномѣрно. Достаточно указать на сочиненія Лукіана, на 6 сатиру Ювенала, на Светонія, на Марціала, на Аристофана въ его «Лягушкахъ», на средневѣковыхъ писателей Петра Аретина и Антонія Панормита или, наконецъ, на нѣкоторыя страницы, изложенныя по-латыни въ извѣстномъ сочиненіи знаменитаго французскаго врача Tardieu «Sur les attentats aux moeurs». Вотъ почему надлежитъ и переводы сравнять въ ихъ цензурной судьбѣ съ оригинальными произведеніями. Остаются книги *для дѣтей* и сочиненія *педагогическія*. Но и для тѣхъ и для другихъ, при отмѣнѣ предварительной цензуры, останется тотъ же срокъ пребыванія до выпуска въ свѣтъ въ цензурномъ установленіи и возможность судебнаго преслѣдованія.

Высказанное здѣсь особое опасеніе безцензурности книгъ *педагогическихъ* представляется не совсѣмъ понятнымъ. Если подъ педагогическими книгами разумѣются книги для употребленія въ школахъ, то цензуру ихъ, конечно, замѣняютъ указанія и распоряженія учащаго персонала. Если же это книги, предназначаемыя для послѣдняго, то спрашивается, о какомъ вредѣ ихъ можетъ быть рѣчь? Нелѣпыя педагогическія теоріи и идущія въ разрѣзъ съ выводами науки положенія должны встрѣчать себѣ преграду не въ цензурѣ, а въ опытѣ и научной подготовкѣ педагоговъ.

Сводя все мною сказанное, нахожу, что по отношенію ко всѣмъ книгамъ и брошюрамъ, за исключеніямъ, быть можетъ, подлежащихъ духовной и медицинской цензурѣ, предварительная цензура должна быть замѣнена карательною въ судебномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ точно установленнаго срока для полученія разрѣшенія на выпускъ изданія изъ типографіи.

Я не могу согласиться ни съ предложеніемъ *ограничить*

срокъ разсмотрѣнія книгъ 24 часами, ни съ предложеніемъ освободить ихъ вовсе отъ такого разсмотрѣнія, предоставивъ цензурнымъ органамъ и прокуратурѣ усматривать преступленіе въ уже выпущенной въ свѣтъ книгѣ. Отмѣняя стѣсненія предварительной цензуры, установляя явочный порядокъ, упраздняя залогъ и сводя статью 140 къ минимальнымъ размѣрамъ, слѣдуетъ снабдить карательную цензуру по суду *дѣйствительными* средствами для осуществленія своего назначенія. Свобода печати не должна состоять въ устраненіи всякихъ условій, необходимыхъ для осуществленія уголовной репрессіи, иначе печатное слово сдѣлается орудіемъ посягательствъ, нетерпимыхъ въ культурномъ обществѣ и разлагающихъ его возбужденіемъ дурныхъ страстей и низменныхъ инстинктовъ. Поэтому, надо дать органамъ государства возможность своевременно предотвратить появленіе книгъ или брошюръ, сѣющихъ смуту, оскорбляющихъ нравственность или призывающихъ къ преступленію и его прославляющихъ. Нельзя думать, что такая недопустимая книга не будетъ имѣть никакого вліянія потому, что компетентныя власти, узнавъ о ней, успѣютъ ее задержать и начать уголовное преслѣдованіе въ то время, когда разойдется лишь нѣсколько экземпляровъ. Не надо забывать, что книга или брошюра можетъ быть предназначена къ раздачѣ и при томъ въ большихъ количествахъ, что она въ день выхода въ свѣтъ полетитъ во всѣ концы Россіи по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и что ей могутъ предшествовать рекламы и возбуждающія особое любопытство извлеченія. Поэтому, задержаніе ея послѣ выпуска въ свѣтъ можетъ представиться не только безплоднымъ, но и неосуществимымъ, не говоря уже о томъ, что извѣстіе о задержаніи ея въ одномъ мѣстѣ возбудитъ удвоенный къ ней интересъ вездѣ, гдѣ она еще не задержана. Поэтому опредѣленный срокъ для нахожденія книги въ разсмотрѣніи цензурныхъ органовъ безусловно необходимъ и опредѣлять его въ 24 часа совершенно невозможно. Просмотръ книги, съ цѣлью провѣрки ея содержанія съ точки зрѣнія Уголовнаго Уложенія, потребуетъ гораздо больше работы и вниманія, чѣмъ, какъ здѣсь выразились, «чирканье краснымъ карандашомъ», въ большей части случаевъ не подлежащее никакой провѣркѣ.

Тутъ дѣло не вкуса или личныхъ взглядовъ цензора, не его направленія или настроенія, а серьезной вдумчивости въ подчасъ сложное и обширное сочиненіе. Нужно не разъ вчитаться въ остановившія на себѣ вниманіе мѣста, сопоставить ихъ между собою, вглядѣться въ статьи Уложенія, вникнуть въ кассаціонныя рѣшенія и познакомиться съ выводами судебной практики. Гдѣ же сдѣлать все это въ теченіе однѣхъ сутокъ, когда книгъ и брошюръ будетъ много и когда задержаніе книги будетъ по закону *непремѣнно сопряжено съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія?* Для того, чтобы разумно дѣйствовать въ этомъ отношеніи и сообщать прокурорскому надзору не поспѣшные выводы, а провѣренный и серьезный взглядъ, недостаточно, какъ здѣсь рекомендовалось, перелистать книгу. Ее надо прочесть и, быть можетъ, не одинъ разъ. Только при такомъ условіи издатель книги будетъ гарантированъ отъ задержанія ея безъ достаточныхъ основаній, лишь потому, что цензоръ будетъ опасаться подвергнуться упреку за то, что выпустилъ книгу, которая *впослѣдствіи* вызвала противъ себя преслѣдованіе. Для такого tempus deliberandi установленный семидневный срокъ представляется наиболѣе подходящимъ. Въ крайнемъ случаѣ, по отношенію къ брошюрамъ, онъ могъ бы быть доведенъ до 4 или 5 дней. Предложеніе представлять книги прямо прокурору тоже непріемлемо. Нельзя механически переносить въ наши законы правила иностранныхъ кодексовъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ печать достигла давно гражданской зрѣлости и свободы, тогда какъ у насъ она лишь выходитъ изъ-подъ строгой опеки. Прокуроръ не можетъ быть отождествляемъ съ цензоромъ и обременяемъ просмотромъ всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ, при чемъ обвинитель и возбудитель преслѣдованія будутъ сливаться въ немъ воедино, не говоря уже о томъ, что по статьѣ 545 устава уголовнаго судопроизводства ему же будетъ принадлежать и право преданія суду. На основаніи пункта 2 статьи 297 того же устава, уголовное преслѣдованіе возбуждается сообщеніями и донесеніями административныхъ мѣстъ и лицъ. Ими и будутъ цензурные органы, а ихъ сообщенія будутъ провѣряться прокуроромъ, и послѣднимъ будетъ даваться или не да-

ваться ходъ въ судебномъ порядкѣ. Этимъ путемъ создадутся, согласно съ духомъ Судебныхъ Уставовъ, двѣ власти, независимыя другъ отъ друга и самостоятельно установляющія свой взглядъ на возбуждающую сомнѣніе книгу, издатель которой, при разногласіи такихъ мнѣній, только можетъ выиграть, а при единогласіи подвергнется суду по болѣе прочнымъ основаніямъ. Не представляется нужнымъ также установлять и особую имущественную отвѣтственность цензора за задержаніе книги, признанной прокуроромъ неподлежащей преслѣдованію, такъ какъ, во-первыхъ, задержаніе книги должно послѣдовать одновременно съ сообщеніемъ прокурору, отъ котораго уже будетъ зависѣть разсмотрѣть сообщеніе цензора внѣ очереди и, во-вторыхъ, потому, что для имущественной отвѣтственности должностныхъ лицъ за неправильныя, противныя закону или корыстныя дѣйствія установлена общегражданская отвѣтственность въ особомъ порядкѣ, по уставу гражданскаго судопроизводства. Нельзя согласиться и съ замѣчаніемъ, что семидневный срокъ дастъ цензору возможность чрезмѣрно вчитываться въ книгу и усиленно искать въ ней признаковъ преступленія, такъ какъ это всего скорѣе можетъ случиться при краткомъ срокѣ, когда цензоръ, будетъ стѣсненъ временемъ для провѣрки своихъ впечатлѣній и для взвѣшиванія своихъ взглядовъ на вѣсахъ Уложенія о наказаніяхъ, а, опасаясь пропустить что-либо преступное, будетъ писать свои сообщенія наскоро и безъ достаточной обдуманности, задержавъ вмѣстѣ съ тѣмъ книгу. Трудно себѣ представить, въ чемъ состоитъ великій вредъ отъ представленія книги на недѣльный или четырехдневный просмотръ и какія могутъ существовать неотложныя нужды или міровыя истины, которыя бы пострадали отъ того, что будутъ оглашены нѣсколькими днями позже и при томъ не въ газетѣ, а въ книгѣ?

Я не могу раздѣлить мнѣніе о томъ, что общее начало *освобожденія отъ предварительной цензуры* книгъ и газетъ должно безусловно распространяться *на всякаго рода рисунки*, издаваемые отдѣльно и въ текстѣ.

Несомнѣнно, что тутъ есть разница, особливо если рисунокъ помѣщается не въ текстѣ книги, а издается отдѣльно и выставляется для продажи. Книгу надо купить, надо прочесть, надо себѣ усвоить ея содержаніе, а рисунокъ, доступный и неграмотному, сильнѣе и гораздо опредѣленнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, и отпечатывается въ памяти яснымъ образомъ. Два рода изображеній останавливаютъ на себѣ, въ этомъ отношеніи, вниманіе: лубочныя картины и открытыя письма. Первыя давно уже утратили наивную прелесть и здоровый юморъ прежнихъ лубочныхъ картинъ. Произведеній подлиннаго народнаго творчества уже и не встрѣчается въ продажѣ, а приходится искать ихъ въ изданіяхъ Д. А. Ровинскаго. Теперь онѣ сдѣлались не отраженіемъ народнаго взгляда на тѣ или другія событія, а предметомъ предпріимчивости, очень часто разсчитанной на возбужденіе въ народѣ недобрыхъ чувствъ, на разжиганіе страстей, на воздѣйствіе на душу путемъ развитія въ ней хвастовства и высокомѣрія. Еще недавно въ книжныхъ магазинахъ пестрѣли, привлекая толпу прохожихъ, картины, относящіяся къ настоящей японской войнѣ, очень мало говорившія зрителямъ объ исторической доблести русскаго народа, о его герояхъ, о созидателяхъ русскаго государства, но за то изображавшія, съ преждевременною поспѣшностью, разбитые въ кровь носы сжатыхъ въ мощный кулакъ непріятелей, верховный вождь которыхъ легкимъ движеніемъ плеча сталкивается въ пропасть. Едва ли патріотизмъ русскаго народа нуждается въ такихъ возбудителяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лубочныя картины, въ цѣляхъ своего наибольшаго распространенія, могутъ представить и изображенія явно безстыдныя, дѣйствующія на чувственность и вносящія соблазнъ туда, куда соблазнъ книги достигнуть еще не можетъ. Въ послѣднемъ отношеніи являются особо вредными распространившіяся въ послѣднее время открытыя письма, большая часть которыхъ именно направлена на возбужденіе похоти. Больно видѣть мальчиковъ и дѣвочекъ, въ которыхъ только еще начинаетъ пробуждаться физическая природа, стоящими предъ многочисленными витринами съ карточками, изображающими весьма недвусмысленно разные моменты интим-

ныхъ отношеній и дѣйствующими разжигающимъ образомъ на молодое и воспріимчивое воображеніе. Дѣло идетъ не о наготѣ статуй, не объ изображеніи анатомической и художественной гармоніи линій и очертаній человѣческаго тѣла, а о томъ, про что совершенно правильно сказалъ извѣстный французскій сенаторъ Беранже «ce qui nuit, ce n'est pas le nu, c'est le retroussé». Въ такихъ изображеніяхъ художникъ или, очень часто, фотографъ тщательно избѣгаетъ ставить точку надъ і, и тѣмъ можетъ избѣгать *явнаго безстыдства* своихъ порнографическихъ трудовъ, влекущаго судебное преслѣдованіе, но оставлять такую дѣятельность, растлѣвающую мысль, чувство и здоровье молодежи, безъ контроля, едва ли возможно. Слѣдуетъ называть вещи ихъ дѣйствительными именами и не смѣшивать свободу мысли съ неприкосновенностью спекуляціи на животныя чувства посредствомъ порнографическихъ картинокъ. Однако, вопросъ объ устраненіи вліянія вредныхъ рисунковъ находится въ тѣсной связи съ трудами нашей субъ-комиссіи по пересмотру статей уголовнаго законодательства. Если удастся создать статью, обнимающую понятіе этого вліянія,—то, разумѣется, издатели этихъ народныхъ рисунковъ и открытыхъ писемъ будутъ отвѣчать по суду; въ противномъ случаѣ, придется, вѣроятно, сохранить для этихъ изданій предварительную цензуру.

Въ общемъ, я присоединяюсь къ соображеніямъ объ удержаніи, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, правила, содержащагося въ статьѣ 40 Устава Цензурнаго относительно цензуры *медицинскихъ книгъ, представляющихъ собою предназначенные для народнаго употребленія лѣчебники и врачебныя руководства, а также имѣющихъ предметомъ явленія половой жизни.*

Народные лѣчебники, общедоступные по цѣнѣ и по изложенію, могутъ содержать въ себѣ не только свѣдѣнія и совѣты безполезные по своей ненаучности и поспѣшной непровѣренности, но и прямо вредные, могущіе отразиться роковымъ образомъ на здоровьѣ населенія. Читателями ихъ будутъ не болѣе или менѣе образованные подписчики медицинскихъ газетъ и журналовъ,

а довѣрчивые люди, совершенно чуждые началамъ врачеванія и элементарнымъ понятіямъ изъ анатоміи и физіологіи, склонные вѣрить печатному слову и въ то же время бояться врачей. Самонадѣянное невѣжество можетъ вооружить ихъ такими лѣчебниками для домашняго употребленія, при соблазнѣ обойтись безъ призыва врача, въ которыхъ на борьбу съ недугами будутъ призваны средства и способы, приводящіе къ недугамъ еще горшимъ. Примѣры самозваннаго лѣченія и его пагубныхъ послѣдствій столь многочисленны, что ихъ не стоитъ приводить. Достаточно вспомнить хотя бы о лѣченіи Гачковскимъ градоначальника Грессера, или о томъ, что такое лѣченіе можетъ быть предметомъ систематическаго изложенія въ усиленно рекламируемой авторомъ книгѣ. Здѣсь именно нуженъ медицинскій контроль, широкій и чуждый односторонности, безъ предвзятаго предпочтенія той или другой системы лѣченія, но зоркій относительно явной вредоносности его, которая можетъ совершенно ускользнуть отъ вниманія и даже пониманія неспеціалиста.

Не менѣе, если не болѣе, опасности представляютъ книги о явленіяхъ половой жизни. Предъ молодыми и неопытными взорами, для которыхъ еще не наступили, по выраженію Пушкина, «охлажденны лѣта», научное значеніе такихъ книгъ отступаетъ на задній планъ, да едва ли и можетъ быть вѣрно понято, но пылкому воображенію юныхъ читателей дается самая нездоровая и распаляющая пища. Преждевременное возбужденіе полового инстинкта, ненужное загрязненіе ума представленіями изъ области извращенія природы и противоестественныхъ отношеній, развитіе болѣзненнаго любопытства—являются результатомъ знакомства съ такими книгами. Ихъ воздѣйствіе направлено не на развитіе мысли, не на расширеніе знанія въ молодежи, даже не на возбужденіе смѣлой предпріимчивости (каковы, напримѣръ, сочиненія Купера и Жюля Верна), а непосредственно на низменные чувственные инстинкты. Могутъ сказать, что вѣдь то же самое возможно и въ беллетристикѣ, гдѣ существуютъ порнографическія произведенія. Но это не такъ. Явная порнографія, какъ таковая, прямо нарушаетъ «добрые нравы и нравственность» и подлежитъ судебному преслѣдованію; порнографія же прикры-

тая, которая, давая многое понять, не доводитъ своего злоупотребленія словомъ до конца, никогда все-таки не рѣшится, именно изъ опасенія суда, называть все своими именами и описывать съ методическою подробностью и точностью. Беллетристическія произведенія, избирающія себѣ щекотливые сюжеты, все-таки всегда стараются оправдать себя нѣкоторою поучительностью, указаніемъ на господствующую въ обществѣ порочность, на неправильность отношеній между различными слоями его, создающую поле для безнравственныхъ привычекъ и поведенія. При томъ, въ названіяхъ такихъ романовъ обыкновенно нѣтъ прямого указанія на ихъ возбуждающее больное любопытство содержаніе, они рѣдко бросаются въ глаза своими обложками, виньетками, не сторожатъ молодежь, вмѣстѣ съ двусмысленными фотографіями, въ соблазнительныхъ витринахъ спеціальныхъ издательскихъ фирмъ. Содержаніе научныхъ и quasi-научныхъ медицинскихъ книгъ о половой жизни иное,—въ нихъ очень часто отводится главное и обширное мѣсто не этіологіи, не продромамъ, не терапіи болѣзненныхъ половыхъ состояній, а симптоматологіи и казуистикѣ, благодаря которымъ, жадно впивая ихъ, впечатлительный умъ, еще не знакомый съ дѣйствительными страстями, уже знакомится съ извращающими ихъ пороками. Достаточно, въ этомъ отношеніи, напримѣръ, указать на сочиненіе Таксиля «La corruption fin de siècle», гдѣ, между прочимъ, съ санитарно-полицейской и судебно-медицинской точекъ зрѣнія разсматриваются условія половой жизни населенія въ большихъ городскихъ центрахъ и съ точностью сторонняго наблюдателя излагаются всѣ практикуемые въ этой жизни, доходящіе до совершенной чудовищности и садизма, способы удовлетворенія полового инстинкта. Въ такихъ сочиненіяхъ напрасно искать какого-либо *поученія*, какъ въ полупорнографическихъ произведеніяхъ беллетристики, но *ученіе* дается въ полной мѣрѣ и со всѣми подробностями, очень часто даже съ рисунками и снимками съ фотографій. Такое ученіе можетъ коснуться и другой области. Подъ видомъ гинекологическихъ изслѣдованій и свѣдѣній, преподаются указанія, какъ и какими способами, наиболѣе цѣлесообразно и удобно производить

изгнаніе плода или препятствовать зачатію. Яркимъ образчикомъ въ этомъ отношеніи является не пропущенная нашею цензурою, но переведенная по-русски за границею книга неизвѣстнаго доктора медицины «Физическая , естественная и половая религія», въ которой, отправляясь отъ закона Мальтуса и считая, что единственною причиною нищеты служитъ перепроизводство населенія, авторъ, съ величайшими подробностями и съ внѣшними научными медицинскими и политико-экономическими литературными пріемами, рекомендуетъ рядъ средствъ къ ограниченію и пресѣченію этого перепроизводства, доходя даже до указанія дозировки этихъ средствъ. И у насъ стремились проникнуть въ публику, задержанные Медицинскимъ Совѣтомъ, брошюры и трактаты о супружескихъ отношеніяхъ, о медицинскихъ совѣтахъ новобрачнымъ, «о любовныхъ страстяхъ и нравственныхъ недугахъ» и т. п., торопливая и нечистоплотная стряпня которыхъ, всегда прикрытая именемъ какого-либо неизвѣстнаго врача, имѣла цѣлью научить, какъ избавляться отъ непріятныхъ послѣдствій половыхъ сношеній. У насъ такого рода литература стала развиваться съ появленіемъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, яко бы научной книги доктора Дебэ «Физіологія и гигіена брака», наполненной загрязняющими воображеніе разсказами и описаніями. Потомъ, по этой части, стали отличаться нѣсколько издателей, выпустившихъ въ свѣтъ съ рисунками и широковѣщательными объявленіями такія книги, какъ напримѣръ, «Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи» доктора Плосса, въ обработкѣ доктора Бартельса и подъ редакціею доктора Фейнберга, «Женское тѣло» доктора Штраца, въ переводѣ доктора Шехтера, въ которыхъ, несмотря на множество цитатъ, чертежей, цифръ и ссылокъ на медицинскія сочиненія, истинная наука, выражаясь словами Тургенева «и не ночевала». Нельзя не понять и того запрещенія, которому подвергъ Медицинскій Совѣтъ переработку дѣйствительно научнаго, обширнаго труда профессора Краффтъ-Эбинга, изданнаго «для врачей, студентовъ и юристовъ» фирмою Аскарханова подъ названіемъ «Половая психопатія», весь центръ тяжести которой перенесенъ на описаніе утонченнѣйшихъ половыхъ извращеній, оставляющихъ тягостнѣйшее впечатлѣніе даже въ

человѣкѣ, близко знакомомъ со всѣми отдѣлами судебной медицины. Надо при этомъ напомнить, что книги подобнаго рода продаются учащейся молодежи по цѣнѣ гораздо ниже показанной и, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ особый соблазнъ легкой доступности. Мнѣ приходилось, при занятіяхъ по судебной медицинѣ и по званію члена Медицинскаго Совѣта, быть вынужденнымъ знакомиться съ многими книгами этой категоріи. Большая часть изъ нихъ представляла грязную спекуляцію на чувственность, лишенную всякаго серьезнаго научнаго значенія. Такіе дѣйствительно ученые труды, какъ «Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества» Пеликана или «Судебная гинекологія» доктора Мержеевскаго, составляютъ рѣдкіе островки въ этомъ морѣ ненужной грязи и вредной гнили. Наконецъ, невозможно умолчать и о томъ, что подъ видомъ лѣчебныхъ книгъ, касающихся половой области, нерѣдко появляются произведенія, въ которыхъ, подъ флагомъ человѣколюбиваго участія къ юношеству, ему подносятся вредныя картины осуществленія похоти или рисуются преувеличенные ужасы и разрушительное дѣйствіе порочныхъ привычекъ. И здѣсь можно указать, для примѣра, на книги доктора Пулье и доктора Гарнье, наполненныя грязнѣйшими подробностями, изложенными «съ чувствомъ, толкомъ, съ разстановкой». Въ 1901 г. та же фирма Аскарханова подарила читателей, и въ томъ числѣ любознательное юношество, книгою доктора Роледера въ переводѣ того же доктора Шехтера, гдѣ подробно описываются всѣ виды рукоблудія. Иногда такія книги опасны, какъ ввергающія въ бездну отчаянія. Всѣми изслѣдователями самоубійствъ въ Германіи указывается, какую роковую роль играетъ среди молодыхъ самоубійцъ очень распространенная книга «Der persönliche Schutz», въ которой въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображены физическія и патологическія послѣдствія рукоблудія, что несчастные юноши, одержимые этою порочною привычкою, считаютъ себя навѣки погибшими и нерѣдко спѣшатъ покончить съ собою... Въ моей судебной практикѣ былъ случай самоубійства прекраснаго юноши, отецъ котораго, вмѣсто успокоительныхъ совѣтовъ и вразмуленій, предпочелъ дать сыну одну изъ подобнаго рода «лѣчебныхъ книгъ»,

чтеніе которой поселило въ душѣ мальчика ужасъ, отъ котораго онъ рѣшилъ избавиться смертью.

Поэтому находя, что къ книгамъ медицинскаго содержанія о половой жизни далеко не всегда можетъ быть примѣнено ихъ задержаніе и возбужденіе противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія, ибо подъ опредѣленія Уголовнаго Уложенія такія сочиненія не подходятъ и, съ точки зрѣнія карательнаго закона, содержаніе ихъ, въ качествѣ научныхъ, неуязвимо, несмотря на возможность принесенія ими несомнѣннаго вреда,—я считалъ бы желательнымъ, по отношенію къ нимъ, оставить въ силѣ постановленіе статьи 40, видоизмѣнивъ его, однако, въ видахъ меньшаго обремененія издателей. Съ этой точки зрѣнія надлежало бы постановить, что такія сочиненія, а равно и народные лѣчебники и врачебныя книги и брошюры, представляются во врачебное отдѣленіе Губернскаго Правленія, которое обязано ихъ разсмотрѣть въ семидневный срокъ, при чемъ, въ случаѣ воспрещенія или сокращенія представленной книги, издатель имѣетъ право жалобы въ Медицинскій Совѣтъ, рѣшеніе котораго является уже окончательнымъ. При такомъ порядкѣ и въ виду научной компетентности Медицинскаго Совѣта ни законные интересы издателей, ни интересы дѣйствительнаго знанія не могутъ пострадать, и общество, въ лицѣ своихъ младшихъ членовъ, будетъ ограждено и нравственно, и физически. Тогда можно будетъ избѣжать прискорбнаго явленія, состоящаго въ томъ, что одна quasi-научная книга распаляетъ воображеніе юноши и толкаетъ его на порочную привычку или на преждевременную половую жизнь, а другая quasi-научная книга, вопія о послѣдствіяхъ этого, толкаетъ его на самоубійство. Здѣсь дѣло идетъ не о вредномъ направленіи книги, а о прямомъ вредномъ ея вліяніи на физически неокрѣпшій еще организмъ. Не даромъ въ Писаніи сказано «пельзя соблазну не притти въ міръ, но горе тому, чрезъ кого онъ приходитъ».

II.

Памяти И. И. Шамшина.

Съ каждымъ годомъ сходятъ въ могилу *сотрудники* Александра II въ его обновлявшихъ Россію реформахъ. Только-что угасла лампада жизни одного изъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ—графа Милютина—въ далекомъ уединеніи мерцавшая тихимъ свѣтомъ далекихъ и возвышенныхъ воспоминаній. Рѣдѣютъ и ряды ближайшихъ *осуществителей* этихъ реформъ,—тѣхъ, кто пережилъ незабвенные дни ихъ провозглашенія и участвовалъ въ ихъ житейской реализаціи, при чемъ, по выраженію поэта, «каждый гвоздикъ вбивался съ любовью». Уходятъ, одинъ за другимъ, представители призванія и носители преданій—и уступаютъ мѣсто представителямъ профессіи и служебной «злобы дня».

Въ залѣ засѣданій общаго собранія Государственнаго Совѣта предъ глазами присутствующихъ находится вдѣланная въ стѣну знаменитая картина Рѣпина, представляющая старый Государственный Совѣтъ въ день его столѣтія. Мастерскою кистью художника, какъ живые, изображены члены этого отошедшаго въ область исторіи законосовѣщательнаго учрежденія. И сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ! Осталась едва ли четвертая часть, такъ что картина эта—своего рода «memento mori!» для ны-

нѣшняго состава «обновленнаго» Совѣта. На ней помѣщены, между прочимъ, сидящіе рядомъ два члена, имена которыхъ тѣсно связаны съ первыми и свѣтлыми годами судебной реформы. На нихъ когда-то указывало общественное мнѣніе свѣдущихъ круговъ, какъ на достойныхъ быть проводниками въ жизнь тѣхъ возвышенныхъ началъ истиннаго правосудія,—обусловленнаго независимостью и человѣчностью,—которыми были проникнуты Судебные Уставы. Они оправдали возлагавшіяся на нихъ упованія и оставили въ исторіи новаго русскаго суда глубокій и яркій слѣдъ.

Ихъ звали—Андрей Александровичъ Сабуровъ и Иванъ Ивановичъ Шамшинъ. Товарищи по лицейскому выпуску 1857 года, они вступили въ дѣловую дѣятельность въ тѣ годы, когда надъ привыкшей къ мертвящему безмолвію и безсудію родиной пронесся благовѣстъ великихъ реформъ Царя-Освободителя, и каждый изъ нихъ внесъ въ осуществленіе новыхъ пріемовъ правосудія всю свою энергію, знанія и замѣчательную трудоспособность.

И вотъ одного изъ нихъ уже нѣтъ... 4-го января окончилъ свою трудовую жизнь И. И. Шамшинъ. Онъ прошелъ разнообразное служебное поприще и былъ до постигшаго его тяжелаго недуга виднымъ дѣятелемъ Государственной Канцеляріи въ качествѣ статсъ-секретаря Опекунскаго совѣта, Сената и межевой части, но особенно блестящую стадію его служебнаго пути составляло, безъ сомнѣнія, пребываніе его въ дѣйствующей арміи судебнаго вѣдомства въ качествѣ товарища предсѣдателя и предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда. Здѣсь проявилъ онъ замѣчательный организаторскій талантъ, умѣнье сплотить воедино людей разнообразныхъ способностей и темпераментовъ и направить всѣ дѣйствія сложнаго и чувствительнаго въ своихъ функціяхъ организма столичнаго Окружного Суда къ одной цѣли.

Безспорно, что, въ виду условій мѣста и времени, онъ былъ самымъ выдающимся изъ предсѣдателей этого суда, какъ по трудности своей задачи, такъ и по блестящему ея выполненію. Ему пришлось многое организовать вновь и при томъ въ такое время, когда первоначальный восторгъ предъ судебной реформой посте-

НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.

I. Дѣло Овсянникова.
II. Изъ казанскихъ воспоминаній.
III. Изъ харьковскихъ воспоминаній.
IV. Игуменья Митрофанія.
V. Дѣло о поддѣлкѣ серій.
VI. Игорный домъ Колемина.
VII. Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.
VIII. Изъ прокурорской практики.
IX. Темное дѣло.
X. Пріемы и задачи обвиненія.
XI. Изъ прошлаго петербургской прокуратуры.
XII. Прокуратура и администрація.
XIII. Судебные слѣдователи.
XIV. Дѣло Гулакъ Артемовской.
XV. Ландсбергъ.
XVI. Маргарита Жюжанъ.
XVII. Обвиняемые и свидѣтели.
XVIII. Свѣдующіе люди и экспертиза.
XIX. Душевнобольные.
XX. Мировые судьи.
XXI. Александръ Ивановичъ Урусовъ.
XXII. А. Л. Боровиковскій и Н. Н. Мясоѣдовъ.

XXIII. Уніатскія дѣла.
XXIV. Штундисты.
XXV. Пасторскія дѣла.

Житейскія встрѣчи.

I. Синьоръ Бѣляевъ.
II. Остенде (1869—1873 г.г.).
III. Въ дорогѣ.—Гимназическія воспоминанія.
IV. Домочадцы.